ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник всероссийской (с международный участием) научно-практической конференции

Новосибирск, 2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИНЖЕНЕРИИ И БИОТЕХНОЛОГИЙ

(НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

сборник всероссийской (с международным участием)

научно-практической конференции

(г. Новосибирск, 11–12 декабря 2025 г.)

Новосибирск 2025

УДК 009 (08)

ББК 6/8, я.431

П 781

Проблемы гуманитарных исследований: сборник всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Новосибирск, 11–12 декабря 2025 г.) / ФГБОУ ВО Университет биотехнологий. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2025. – 967 с.

Ответственный за выпуск сборника: А.В. Пастухова

В сборнике научных трудов представлены теоретические обобщения и практический опыт при проведении исследований, проводимых профессорско-преподавательским составом, аспирантами, магистрантами и студентами.

Материалы сборника предназначены для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и всех заинтересованных лиц.

Оргкомитет:

С.И. Черных, д-р филос. наук, профессор

А.В. Коновалов, канд. филос. наук, доцент

А.В. Пастухова, старший преподаватель

© Университет биотехнологий, 2025
Входит в РИНЦ®: да

ИСТОРИЯ

УДК 9(470)46

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИБИРИ В МЕМУАРАХ ДЕКАБРИСТОВ

А.С. Акопьянц, д-р ист. наук, профессор
Сибирский государственный университет путей сообщения
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В публикации раскрывается тема необходимости политических реформ в стране, проходящая красной нитью в мемуарах декабристов, написанных ими в годы изгнания в Сибири. Особое внимание уделено критике декабристами системы административных принципов государственной службы.

Ключевые слова: Сибирь, декабристы, мемуарное наследие, государственная служба.

Введение. Мемуарное наследие декабристов содержит не только важные сведения из истории декабристского движения, но и уникальные данные о пребывании их в Сибири, а также вызывают неизменный интерес с точки зрения исследования ими быта, нравов, языка, религиозных верований народов Сибири первой половины XIX в., ее социального, политического и экономического положения. Декабристы продолжали работать над государственным и общественным развитием России, предлагали свое понимание политических реформ. Качественные перемены в Сибири виделись ими в политических реформах не только сибирского, но общероссийского масштаба. Часть декабристов увязывала социальный прогресс Сибири со свержением самодержавия в России. Декабристы выступали за уничтожение колониального ига в Сибири, всестороннее развитие ее производительных сил, использование социально-экономического потенциала, повышение уровня культуры. Политическая программа предполагала требования предоставления Сибири политической свободы и самоуправления, коренного демократического преобразования аппарата управления, судебной реформы. Особое место в мемуарном наследии декабристов отведено взглядам на государственную службу в Сибири.

Методика и методология исследования. В основе исследования лежит принцип объективности и историзма. При исследовании данной темы применялись такие теоретические методы, как анализ и синтез, конкретизация и обобщение.

Результаты исследования. Мемуары декабристов привлекают еще и тем, что в них изложены наблюдения и размышления о настоящем и

будущем Сибири, в которой они прожили большую половину жизни. Н.В. Басаргин был в числе нескольких декабристов (С.М. Семенов, А.Н. Муравьев, А.Ф. Бриген, Ф.Г. Вишневский, И.А. Анненков, П.Н. Свистунов, А.М. Муравьев), которых Николай I допустил к службе в государственных учреждениях Сибири [1, С. 931–935]. В 1846 г. по ходатайству старшего брата А.Х. Бенкендорфу, он получил разрешение поступить на государственную службу, и был определен служителем 4 разряда в канцелярию Пограничного управления сибирских киргизов в Омске. В 1848 г. переехал в Ялуторовск, где поступил на службу писцом 3 разряда в земский суд; в 1853 г. зачислен в 3 разряд канцелярских служителей, проработав в этом качестве до своего помилования в 1856 г. [2, С. 175], показывая образец добросовестного и честного служения обществу. Наблюдая в течение 10 лет государственную службу «изнутри», Н.В. Басаргин размышлял над ее проблемами в своих «Записках» (1856–1857), а также в неопубликованных материалах по общественно-политическим вопросам. Среди них: «О мерах, необходимых для улучшения работы правительственных учреждений», «О лихоимстве и поведении должностных лиц в Сибири» и др. [3, С. 28]. В них он подверг резкой критике систему местного управления и принципов государственной службы.

Будучи уверенным в том, что Сибирь ожидает «блестящая будущность» в силу огромного пространства, разнообразия, природных богатств, которыми она наделена, Н.В. Басаргин задается вопросом, чего недостает Сибири, чтобы достигнуть быстрого движения вперед, какие недостатки общественно-политической и экономической жизни тормозят ее развитие? Первый из этих недостатков, по его мнению, – внутреннее административное управление края. Размышляя над этим вопросом, Н.В. Басаргин пришел к выводу, что оно находится в руках лиц, которые «не обладая ни теоретическими познаниями, ни практической опытностью, не имея стремления к общей пользе, думают только о собственных ничтожных выгодах, об улучшении своего личного вещественного быта», считают, что «управляемые, т.е. общество, созданы для того, чтобы устроить их личное благосостояние». При отправлении служебных обязанностей «они имеют в виду самих лишь себя и ни во что не ставят пользу общественную и справедливость» [4, С. 111]. Для устранения этого «гибельного» положения дел Н.В. Басаргин предлагает несколько мер, понимая при этом, что эта задача весьма трудная, которую при настоящем порядке вещей «вдруг и вполне разрешить невозможно». По его мнению, правительству необходимо обратить особенное внимание на выбор и нравственность должностных лиц, направляемых в Сибирь, осуществлять постоянный контроль над действиями местной исполнительной власти, обеспечить материальное положение чиновников, что могло бы постепенно искоренить их «стремление к лихоимству». Важным для совершенствования административного управления Н.В. Басаргину представляется учреждение в Сибири

постоянных наместников из высших сановников империи, хороших администраторов, которые обладали бы более широкими полномочиями, чем местный генерал-губернатор, и могли действовать без разрешения центральных властей. Не доверяя местным властям, Н.В. Басаргин предлагал независимо от них учредить в сибирских губернских городах соответствующие комиссии, которые должны были бы не только предоставлять подробные и правдивые отчеты правительству о настоящем положении губернии, но и предлагать проекты преобразований, нужных для края. Эти меры, считал Н.В. Басаргин, могли способствовать тому, чтобы «гражданская служба в Сибири не имела бы одну только корыстолюбивую денежную цель, а могла бы быть основана на побуждениях более возвышенных» [4, С. 112]. Н.В. Басаргин отмечает острый недостаток «в государственных людях», «независимых по своему характеру». Эти люди в условиях господства раболепия устранялись или удалялись со службы, оставались лишь те, кто довольствовался «одними личными выгодами, не думая, насколько полезно или вредно обществу то, что они исполняют».

Взяточничество и система откупов отмечены Н.В. Басаргиным как «два величайших врага общественного быта Сибири» [4, С. 118]. Первое, писал он, «до такой степени развилось во всех отраслях общества, что заразило без исключения все сословия», от должностных лиц до последнего крестьянина. «Кто только может, тот и берет в Сибири, и берет с такою наглостью, с таким отсутствием всякого приличия, с такою вопиющей несправедливостью, что решительно нет такой общественной сделки, нет такого дела, … которое бы обошлось без взяток» [4, С. 118]. Особенно критикует Н.В. Басаргин откупную систему, которая при императоре Николае I получила гораздо большее развитие, чем в предыдущие царствования. Соответственно увеличились и злоупотребления, к которым причастны были высшие правительственные лица, получавшие большие прибыли в силу их «вредных и противозаконных действий»; само правительство же «прибегало к тайным сделкам, награждало известных своей нечестностью откупщиков», в их пользу издавало различные законы [4, С. 120–121].

Откупы, по мнению Н.В. Басаргина, еще большее зло, поскольку разлагающе действует на государственных служащих. Чиновники, подчас, «поневоле делают сделку со своей совестью и подчиняются общепринятым относительно откупов правилам…содействуют ему в противозаконных действиях»; «если бы они поступили иначе, то не остались бы и месяца при своих должностях». Однако, автор «Записок» не видит оправдания этому: один раз допустив «лихоимство» и найдя ему оправдание, чиновник «мало-помалу изменяет свои понятия о бескорыстии и, видя вокруг себя беспрестанные лихоимства, делается вскоре и сам отъявленным лихоимцем», наживая в самое короткое время огромное состояние [4, С. 121]. Н.С. Басаргин вопрошает: «К чему тогда честность, прямота, бескорыстие, все нравственные достоинства, когда можно приобрести и почет, и уважение, и

даже известность, идя таким путем…?» [4, С. 122–123]. Искоренение этих зол представляется автору достаточно трудным делом. Он видит выход в правительственных мерах, в соответствующих законах, но более всего в воспитании «людей нравственных, бескорыстных и преданных отечеству».

Наиболее действенным способом улучшения нравственности Н.С. Басаргин считает религию. Духовенство, «согласно своему назначению» могло бы оказать огромное воздействие на народную нравственность. К несчастью, по мнению Н.В. Басаргина, этого не происходит, поскольку оно «часто своим примером и своим корыстолюбием служит соблазном для мирян». Необходимо, по его мнению, обеспечить образованность духовенства, в том числе и религиозную, обеспечить его материальное положение и быт [4, С. 123].

Решающее значение Н.В. Басаргин отводит реорганизации судебной системы, направленной на ограничение злоупотреблений и произвола судебных властей, сокращения сроков рассмотрения гражданских и уголовных дел [4, С. 112–113].

Н.В. Басаргин был далеко не одинок в критическом осмыслении негативных сторон сибирской социальной жизни. Декабрист А.Ф. Бриген, который, находясь в Сибири долгие три десятилетия, вел упорную борьбу со злоупотреблениями местной власти, обличал коррупцию, взяточничество, вымогательство, судебный произвол, бесчинство властей на местах, изумлялся «изобилию негодяев чиновников» в Сибири [3, С. 24]. Понимая, что порядки, существующие в Сибири, были отражением порядков, господствовавших во всей России, А.Ф. Бриген считал, что существующая система управления требует радикальных мер для блага народа, а не смены одного царя другим. Выражая отношение к Николаю I, он писал: «Пора бы уже перестать морочить народ… форменным православием да мыльными пузырями, называемыми могущество (чье?) и слава, тогда как два пятна: откуп и крепостное рабство срамят (нас) в глазах всего человечества» [3, С. 26]. О необходимости коренных изменений в общественном строе России писал М.С. Лунин в своих знаменитых «Письмах из Сибири». В них освещались вопросы крепостного права и самодержавия, польский вопрос, бездарность царских чиновников. Отмечая необходимость освобождения крестьян от крепостного права, М.С. Лунин подчеркивал, что рабство несовместимо «с духом времени». Он справедливо замечал, что освобождение крестьян уже совершилось в Царстве Польском и в Прибалтике. «Разве мы хуже поляков, лифляндцев и курляндцев?» [5, С. 102]. М.С. Лунин резко выступал против беззакония и судебного произвола. «Наше судопроизводство, – писал он, начинается во мраке, тянется в безмолвии, украдкою, часто без ведома одной из участвующих сторон и оканчивается громадою бестолковых бумаг. Нет адвоката, чтоб говорить за дело; нет присяжных, чтоб утвердить событие, и в особенности нет гласности, чтоб просветить, удержать и направить облеченных судебною

судебной властью» [5, С. 110]. Гражданские и уголовные дела рассматривались по нескольку лет. М.С. Лунин считал, что реформа судопроизводства и судоустройства должна быть проведена на демократических началах. Убежденный в правоте своих взглядов, М.М. Лунин отмечал: «последнее желание мое в пустынях сибирских – чтоб мысли мои, по мере истины, в них заключающейся, распространялись и развивались в уме соотечественников» [5, С. 82]. Он был уверен в правоте идей декабристов: «конституционные понятия, оглашенные ими под грозою смертною, усиливаются и распространяются в недрах нашей обширной державы» [5, С.140].

Возможность социально-политического преобразования Сибири декабристы видели в развитии промышленности, путей сообщения, торговли, образования, достаточного народонаселения, притока капиталов. На эти факторы указывали многие из них: Н.В. Басаргин, А.О. Корнилович (в «Записке от 25 февраля 1930 г. «О развитии торговли и поднятии культуры в Восточной Сибири») [6, С. 67], А.Е. Розен, С.И. Кривцов, Г.С. Батеньков и др.

Выводы. Таким образом, можно видеть, что взгляды декабристов по важнейшим вопросам общественно-политической жизни, в частности в отношении государственной службы, получившие выражение в мемуарах и публицистических произведениях, предвосхитили либеральные правительственные реформы, которые начали проводиться в 1860–1870-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тальская О.С. Ссыльные декабристы на государственной службе в Сибири // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) Новосибирск: Изд-во «Наука»: Сибирское отделение, 1978. С. 231–251.
2. Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1. 716 с.
3. Тальская О.С. Декабристы о самодержавии в годы сибирской ссылки // Ссыльные декабристы в Сибири. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1885. С. 19–35.
4. Воспоминания Н.В. Басаргина. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. С. 15–144.
5. Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1988. – 567 с.
6. Оганян Л.Н. Декабрист А.О. Корнилович и его проекты развития Сибири и Бессарабии // Сибирь и декабристы. Вып.4. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. С. 55–72.

УДК 82-94(480-321.9)

ГОРОД КАРАСУБАЗАР В МЕМУАРАХ Е. ГОРЧАКОВОЙ

Н.Р. Амедова, магистр кафедры истории
Научный руководитель – Э.Э. Османов, д-р эконом. наук, профессор
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
г. Симферополь, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию облика города Карасубазара на основе анализа и систематизации данных полученных при изучении мемуаров княжны Е. Горчаковой. Воспоминания Горчаковой представляют собой ценный источник сведений о культурном, историческом и социальном облике города конца XIX – начала XX века. Через призму личного опыта автора раскрываются особенности быта, традиций и обычаев населения Карасубазара, а также изменения, происходившие в городе в указанный период.

Ключевые слова: Крым, Карасубазар, Е. Горчакова, мемуары.

Введение. Изучение исторической памяти и реконструкции прошлого является важной задачей современной гуманитарной науке. Одним из наиболее ценных источников для воссоздания образа жизни прошлых эпох являются личные свидетельства очевидцев, зафиксированные в дневниках, письмах и воспоминаниях. Город Карасубазар представляет особый интерес для исследователей, поскольку именно здесь сохранилось значительное количество свидетельств, оставленных людьми разных сословий и социальных групп. Среди них особое место занимают мемуары княжны Елены Горчаковой, дочери известного дипломата и политического деятеля Александра Михайловича Горчакова. Ее записи предоставляют уникальную возможность проникнуть в атмосферу провинциального города конца XIX века.

Постановка задачи. Цель статьи заключается в анализе мемуаров княжны Елены Горчаковой как важного историко-культурного источника, позволяющего раскрыть историю Карасубазара сквозь призму восприятия женщины, принадлежавшей к высшему светскому обществу. В ходе исследования будут рассмотрены ключевые моменты её повествования, касающиеся социально-экономической ситуации, культурного наследия и повседневной жизни населения города. Основными задачами статьи являются:

1. Реконструкция социальной структуры и этнического состава населения Карасубазара рубежа XIX–XX вв.;
2. Выявление особенностей культурно-бытовых практик, присущих различным слоям населения города;

3. Рассмотрение влияния географического положения и административного статуса Карасубазара на формирование его городского пространства и социокультурного ландшафта;

Методика и методология исследования. Методологическая основа исследования базируется на междисциплинарном подходе, объединяя методы исторической науки и литературоведения. Основными применяемыми методами является – источниковедческий анализ и биографический метод исследования.

Основной материал исследования составляют мемуары княжны Елены Горчаковой, представляющие собой важные исторические свидетельства. Подвергается изучению соотношение объективных фактов и субъективных восприятий автора, выделяются факты, непосредственно относящиеся к изображению жизни Карасубазара. Что касается биографического метода, в статье анализируются жизненные обстоятельства самой Е. Горчаковой, её семейная среда, образование и круг знакомств, что помогает определить степень достоверности изложенного материала и объяснить мотивацию выбора тех или иных сюжетов и персонажей.

Результаты. Елена Александровна Горчакова была представительницей древнего русского княжеского рода Горчаковых, родившегося в первой половине XIX века. Она происходила из семьи высокопоставленных государственных деятелей Российской империи. Она известна своей благотворительной деятельностью и поддержкой искусства и науки. Среди прочего, Елена Горчакова активно участвовала в организации культурных мероприятий и занималась коллекционированием произведений искусства. Её вклад в развитие культурной жизни своего времени также проявляется в поддержании ряда образовательных инициатив. Несмотря на значительный интерес к истории рода Горчаковых среди исследователей, конкретных подробностей личной жизни и профессиональной деятельности Елены Александровны немного [5].

Для воссоздания образа города Карасубазар во второй половине XIX века важным источником являются мемуары княжны Е. Горчаковой. Эта выдающаяся поэтесса и писательница посетила Крым в 1884 году, и ее впечатления о Карасубазаре предоставляют ценную информацию для историков и исследователей. Карасубазар в XIX веке был важным торговым и культурным центром. Город находился на перекрестке торговых путей и привлекал внимание не только местных жителей, но и путешественников, учёных. В своих записях, княжна Горчакова описывает архитектуру, быт и атмосферу города, что позволяет глубже понять его уникальность.

В начале, автор делится своими впечатлениями о местности, в которой лежит город, отмечая, что местность малоинтересна, однако по течению Карасу множество красивых мест, богатых имений, а также огромных садов. Далее, говорится о том, что путешественники по той или иной причине посетившие город могут остановиться в т.н. «Одесской гостинице»,

представляющей собою невзрачный домик, как «убежище для гостей города». Отмечается особый восточный колорит Карасубазара, с лавками, базарными площадями, глухими улицами и переулкам ведущими во дворы крымскотатарских жилищ [1, С. 111]. Помимо вышеупомянутой городской застройки, автор упоминает о памятнике архитектуры караван-сарае Таш-Хан, карасубазарских кофейнях. Наиболее ценным является описание внутреннего убранства кофейни предоставляет нам О.П. Шишкина, отмечено, что внутри – две печи, на полках деревянная посуда, тары для воды. Особое внимание привлекли «маленькие фарфоровые чашки с серебряными поддонками», в которых продают кофе с сахаром, цена которого 10 копеек [7, С. 249–250].

Таш-Хан описан как очень древнее, каменное здание с бойницами и амбразурами в верхней части передней стены, служащее торговцам Карасубазара складом для их товаров, а также путешественницей была выдвинута гипотеза, что в старину здание могло служить местом для защиты людей во время каких-либо происшествий. По сведениям Е. Горчаковой население Карасубазара в момент её пребывания в городе составляло 11 000 человек, среди которых упоминались евреи, греки, армяне, в сравнении с ними крымских татар и русских значительно меньше [1, С.112]. Численность населения 15 000 человек, автор говорит о том, что он был весьма удивлен встретив в Европейской части России город до мельчайших деталей воспроизводящий только что покинутый им Восток [6, С. 115]. Меценату А. Н. Демидову (1813–1870) принадлежит заслуга организации крупнейшей научно-исследовательской экспедиции на территорию Крыма в первой половине XIX в. [3, С. 43] В свою очередь побывав в городе в середине XIX столетия Демидов, говоря о численности населения называет число, до пятнадцати тысяч человек [2, С. 445].

«По сведениям 1873 г. в Карасубазаре проживало около шестнадцати тысяч человек. Из них: 4500 татар, 2115 крымчаков, 2064 еврея, 1693 православных и ряд представителей других национальностей» пишет В.Г. Килесса в своем краеведческом очерке [4, С. 30–31]. Е. Горчакова сравнивает Карасубазар и Бахчисарай, выделяя для них общие особенности: «…почти с равным населением, с теми же промыслами, с тем же восточным колоритом...» [1, С. 113]. Несмотря на то, что мемуары княжны Е. Горчаковой «Воспоминания о Крыме» являются довольно информативным источником для воссоздания образа города Карасубазара в конце XIX в., стоит отметить, что по большей части описанию подвергается местность в которой располагается город, а также близ лежащие деревни к примеру, автор довольно подробно описывает с. Бахчи-Эли, и святыни находящиеся за чертой города, такие как Топловский монастырь, церковь Св. Ильи, описанию внутригородской жизни города, архитектурных памятников, общественных заведений уделялось мало внимания.

Выводы. Таким образом, мемуары княжны Е. Горчаковой становятся ключевым источником для историков, позволяя воссоздать облик Карасубазара во второй половине XIX века. Их ценность заключается не только в фактических сведениях, но и в эмоциональном восприятии города, что делает их важным вкладом в изучение крымской истории. Город воспринимался как важный торговый центр региона, играющий значительную роль в экономике Крыма. В мемуарах описаны быт, обычаи и привычки жителей Карасубазара. Особое внимание уделяется торговле, которая была основным источником дохода для горожан. Ремесла также занимали важное место в экономике города. Мастера изготавливали уникальные изделия, которые пользовались спросом как у местных жителей, так и у приезжих. Повседневный уклад жизни горожан, их обычаи и привычки также находят отражение в мемуарах. Такие детали помогают глубже понять социокультурную атмосферу того времени. Карасубазар не только служил экономическим центром, но и являлся местом, где переплетались судьбы людей разных национальностей, создавая уникальную ткань жизни региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горчакова Е. Воспоминания о Крыме/Соч. Кн. Е. Горчаковой. Ч. 1–2 Ч.2 // Е. Горчакова. – М.: тип. О-ва распространения полез. кн., – 1884. – 224 с.
2. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году, Анатолием Демидовым... / Анатолий Демидов; изд. украшенное рис. Раффе. – М.: тип. А. Семена, 1853. – [6], II, 543 с.
3. Каушлиев Г.С. Научно-исследовательская экспедиция А.Н. Демидова в историко-краеведческом познании Крыма // Ученые записки Таврического национального общества. университет им. В.И. Вернадскогого. Серия «Исторические науки». – 2011. –Т. 24 (63). – №1. – С. 43–50.
4. Килесса В.Г. Дивный край старины глубокой в Крыму: историко-краеведческий очерк о городе Белогорске и его окрестностях / В.Г. Килесса. – Симферополь: 2020. –178 с. –Текст: непосредственный.
5. Кириченко Е.И., Коробова Н.В. «Горчаковские архивы XVIII—XX веков: История формирования и современное состояние» // Историко-культурное наследие России: проблемы сохранения и изучения: сборник материалов Международной научной конференции. Москва, 2018 г. – С. 214–222.
6. Фредерик Дюбуа де Монпере Путешествие в Крым. В переводе с французского публикуется впервые. [Перевод с французского, предисловие и примечания к.и.н. Фадеевой Т.М.]. – Симферополь: Бизнес-Информ. – 2009. – 328 с.
7. Шишкина О.П. (1791–1854). Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г. [Электронный ресурс]. Ч. 2. – Электрон. текстовые дан. – Санкт-Петербург: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1848 (2016). – [2], С. 304, III с., 7 л. ил.

УДК 94(470.12):316.774:72.03

ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА ЮСУПОВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА

Т.Г. Антропова, д-р эконом. наук, профессор
М.С. Кирюшин, студент-бакалавр
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Статья исследует роль Зинаиды Николаевны Юсуповой в культурной и благотворительной жизни России конца XIX – начала XX века, рассматривает её деятельность как социального института, соединяющего традиции дворянства и процессы модернизации общества.

Ключевые слова: Юсупова, дворянство, благотворительность, культура, Россия XIX–XX вв.

Введение. История рода Юсуповых привлекает внимание исследователей благодаря сочетанию экономической мощи, культурного влияния и политической активности, а также значительному влиянию на культурную жизнь России. Особое место в этой истории занимает Зинаида Николаевна Юсупова (1861–1939), которая традиционно рассматривается как светская дама и хранительница художественных коллекций [10; 9]. Современные исследования подчеркивают, что её участие в благотворительных инициативах, образовательной деятельности и поддержке искусства отражает трансформацию дворянской идентичности в предреволюционный период [3; 6]. Несмотря на значительное число мемуарных и архивных источников, роль Зинаиды Юсуповой как социального института, объединяющего культурные и общественные функции аристократии, изучена недостаточно, что требует нового комплексного анализа её деятельности.

Постановка задачи. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать деятельность Зинаиды Николаевны Юсуповой как культурного и благотворительного института поздней Российской империи и выявить её влияние на трансформацию дворянской идентичности. Для достижения цели поставлены следующие задачи: реконструировать биографию и воспитание Юсуповой на основе архивных и мемуарных материалов; изучить культурные инициативы, включая работу с художественными коллекциями и организацию салонов; проанализировать участие Юсуповой в благотворительной и образовательной деятельности; оценить её социальное влияние в контексте модернизации общества. Методы исследования включают историко-биографический анализ, социокультурный подход, документальный и архивный анализ [1; 2; 5].

Методика и методология исследования. В работе применён комплексный подход и междисциплинарная методология. Историко-биографический метод позволяет восстановить жизненный путь Юсуповой, оценить влияние её семьи и воспитания на формирование культурной и благотворительной активности. Социокультурный анализ используется для изучения того, как дворянская среда определяла нормы поведения и возможности участия женщин в общественной жизни. Архивный и документальный методы позволяют опираться на материалы РГИА, каталоги Русского музея, мемуары Бенуа, Юсупова, Брусилова для подтверждения фактических данных о деятельности Юсуповой. Метод сравнительного анализа используется для сопоставления деятельности Юсуповой с другими представителями аристократии, что выявляет уникальные и типичные черты её активности.

Результаты. Сама структура семьи Юсуповых предопределяла включение Зинаиды Николаевны в особую среду культурного воспитания. Уже в конце XIX века род Юсуповых воспринимался как одно из немногих аристократических семейств, сумевших соединить экономическую устойчивость, политическую гибкость и ориентацию на культурную миссию. Их огромные дворцы, начиная с знаменитого дворца на Мойке и заканчивая усадьбой Архангельское, выступали в роли своеобразных «частных музеев», где десятилетиями формировались коллекции живописи, мебели, скульптуры, тканей и предметов декоративно-прикладного искусства [6; 8]. Воспитание Зинаиды происходило в атмосфере, где художественное образование было не приложением к статусу, а частью семейной идентичности, что подтверждается и свидетельствами её сына Феликса [1], и отзывами современников.

К концу XIX века Юсупова стала фактической хранительницей одной из крупнейших частных коллекций России, включавшей работы Тициана, Рембрандта, Веронезе, ван Дейка, Фрагонара, Буше, а также значительный массив русского искусства. В отличие от ранних поколений рода, которые воспринимали коллекцию как символ династического престижа, Зинаида Николаевна рассматривала её уже в логике общественной полезности, что отражало изменение взглядов высшей аристократии на свою культурную миссию. В начале XX века она активно предоставляла часть собрания музеям для выставок, поддерживала реставрационные инициативы, следила за состоянием коллекций [6]. В этом проявлялось влияние европейской модели культурной ответственности элит, что соответствует общей тенденции, отмечаемой исследователями модернизации аристократии в России [9].

Важнейшим аспектом деятельности Зинаиды Юсуповой стало её участие в благотворительных проектах. Российская филантропия конца XIX века переживала глубокие изменения: традиционная дворянская милостыня смещалась в сторону организованных форм социальной помощи, а женщины всё активнее включались в эту сферу [7]. На этом фоне деятельность

Юсуповой приобретает особое значение. Она входила в попечительские советы больниц, участвовала в финансировании Мариинской больницы в Петербурге, поддерживала развитие сестринских курсов, жертвовала средства на приобретение оборудования и медикаментов [2]. Её участие в медицинской помощи во время Русско-японской войны, а затем Первой мировой войны, включавшее организацию лазаретов, сбор средств и поддержку раненых, иллюстрирует переход от символической благотворительности к системной социальной активности [5; 4].

Особый интерес представляет участие Зинаиды Юсуповой в развитии женского образования и профессиональной подготовки. Она поддерживала школы, курсы и благотворительные общества, ориентированные на повышение образовательного уровня женщин, что вписывается в формирующуюся в России начала XX века модель женской общественной деятельности. Это направление в её работе позволяет рассматривать Юсупову как выразительницу нового типа женской аристократической идентичности, включающей не только светскую роль, но и социальную субъектность. Исследователи отмечают, что именно аристократические женщины стали посредниками в процессе перехода от традиционного дворянского мировоззрения к модернизированному пониманию социальной ответственности [9].

Не менее значимой была её роль в культурной жизни Петербурга. Салон в доме Юсуповых на Мойке являлся одним из интеллектуальных центров эпохи. Здесь собирались представители художественного мира – А. Бенуа, С. Дягилев, К. Сомов и многие другие, чьи воспоминания подтверждают важность этого салона как пространства культурного общения [3]. Для столицы того времени салоны выступали не просто местом встреч, но механизмом формирования художественных тенденций. Участие Зинаиды Юсуповой в этой сфере позволяет видеть в ней не только наблюдателя, но и активного участника художественного диалога, чья поддержка влияла на развитие определённых направлений искусства, включая интерес к европейской и русской живописи XVIII–XIX веков.

Революция 1917 года стала границей, радикально изменившей социальный статус и образ жизни Юсуповой. Эмиграция лишила её материального богатства, однако не лишила культурной и благотворительной активности. Во Франции она участвовала в помощи русским эмигрантским организациям, поддерживала образовательные инициативы и продолжала выполнять функцию символической «представительницы русской аристократии» в изгнании. Этот период её жизни, зафиксированный в мемуарах сына и документах русского зарубежья, отражает глубокий кризис аристократической идентичности и одновременно демонстрирует, как представители высшей знати пытались сохранить культурную преемственность, несмотря на утрату привычной социальной среды.

Выводы. Зинаида Николаевна Юсупова предстает как социальный и культурный институт позднеимперской России, соединяющий традиции дворянства с процессами модернизации. Научная новизна исследования заключается в том, что её деятельность рассматривается не только как биографический факт, но и как механизм трансформации дворянской идентичности через культуру, благотворительность и образование. Теоретическое значение работы состоит в возможности анализа адаптации аристократии к меняющимся социальным условиям и в выявлении роли женщин в формировании новых общественных практик. Перспективы дальнейших исследований включают изучение влияния отдельных представителей аристократии на развитие культурных и благотворительных институтов, а также сопоставление деятельности дворянских женщин разных регионов Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Yusupov F. Lost Splendour and the Death of Rasputin. – London: Everyman’s Library / Penguin, 2016. – 304 p. – ISBN 978-0956238757.
2. Архивные документы РГИА. – URL: https://fgurgia.ru.
3. Бенуа А.Н. Воспоминания. – Москва: Захаров, 2007. – 1545 с. – ISBN 5-8159-0506-2.
4. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – Москва: ПрозаиК, 2019. – 382 с. – ISBN 978-5-91631-296-6.
5. Витте С.Ю. Воспоминания. – Петроград: Государственное издательство, 1924. – 504 с.
6. Грабарь И.Э. История русского искусства. Т.3: Архитектура. История архитектуры. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. – Санкт-Петербург: Издание И. Кнебель, 1910. – 589 с. – Текст электронный: URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115851.
7. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – Упыря Лихого, 2022. – 1232 с.
8. Каталоги коллекций Русского музея. – URL: https://rusmuseumvrm.ru/collections/index.php.
9. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – Москва: Азбука, 2024. – 608 с. – ISBN 978-5-389-10417-4.
10. Пчелов Е.В. Рюриковичи: история династии. – Москва: Академический проект, 2016. – 583 с.: генеалогические таблицы. – ISBN 978-5-8291-1904-8.

УДК 93/94

НАРРАТИВ О КОСМИЧЕСКОЙ ГОНКЕ НА СТРАНИЦАХ «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ»: КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ ДЛЯ СССР 1957–1961 гг.

В.Е. Байкалова, студент
Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации ключевых событий космической гонки (1957–1961 гг.) на страницах центрального детского издания – газеты «Пионерская правда». Целью исследования является выявление специфики формирования образа СССР, международной обстановки и главного геополитического оппонента – США – для детской аудитории в контексте идеологического противостояния.

Ключевые слова: космическая гонка, «Пионерская правда», детская пресса, пропаганда.

Введение. Противостояние периода холодной войны, выражавшееся в взаимосвязи процессов гонки вооружений и идеологической борьбы – центральная характеристика позднесоветской эпохи. Именно в это время шла острая борьба за господство над миром между двумя сверхдержавами – СССР и США. Каждая из стран пыталась показать своё превосходство, и стремилась преуспеть во всём – в том числе и в освоении новых пространств. Космическая гонка является результатом развития гонки вооружений. В стремлении показать своё превосходство, в том числе и в космическом пространстве, державы заходили всё дальше, научно-технический прогресс шёл высокими темпами. А что же знали об этом обычные жители Советского Союза, в частности, подрастающее поколение, которое необходимо воспитывать, так как дети для любого общества – будущее, и через воздействие на детей можно воздействовать и на недалекое будущее страны.

Постановка задачи. Данная статья призвана проанализировать, каким образом формировались образы Советского Союза, Соединенных Штатов и международной ситуации в период с 1957 по 1961 гг. для советской детской аудитории на страницах газеты «Пионерской правды». Задачами исследования являются рассмотрение образа СССР, формировавшегося газетой в моменты советского превосходства в процессе космической гонки; реконструкция процесса формирования отношения к «главному врагу» – США; анализ картины международной обстановки.

Методика и методология. В данной статье изучаются выпуски газеты «Пионерская правда», приуроченные к событиям космической гонки, происходившим в СССР. В основе исследования лежит источниковедческий анализ – в частности, к источникам применяются методы внутренней критики, интерпретация и истолкование текстов статей.

Результаты. Старт космической гонке дала гонка вооружений, начавшаяся ещё со времён, когда США сбросили ядерные бомбы на Хиросиму и Нагасаки 6 и 9 августа 1945г. Уже тогда Советский Союз почуял нависающую угрозу со стороны Соединённых Штатов, что дало старт гонке вооружений. Однако, превосходства «на земле» оказалось недостаточно, и уже 21 августа 1957 года с космодрома Байконур был осуществлён успешный запуск первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7. Судя по всему, это событие и стало предпосылкой для начала космической гонки и освоения космического пространства, так как уже 4 октября 1957 года на орбиту Земли был запущен первый искусственный спутник. Информацию о самых важных для СССР событиях космической гонки активно использовала «Пионерская правда» как подходящий инструмент для воспитания патриотизма и гордости за свою Родину. В то же время с помощью таких событий детская пресса могла продемонстрировать превосходство социалистической модели, и отставание капиталистической. Рассмотрим конкретные примеры.

В газете №81(4104) от 8 октября 1957 г. информация о запуске первого искусственного спутника Земли размещена на второй странице, причём занимает не так много места – всего лишь небольшая статья. Возможно, это связано с тем, что космическая гонка только набирала обороты, однако, это достаточно значимое событие в жизни страны, которое, естественно, было необходимо осветить в прессе, в том числе и детской. Однако, уже в заголовке статьи видно стремление прессы показать величие Советского Союза: «Путь в космос открыт советским человеком» [1] – в нём подчеркивается – *советским* человеком, то есть то, что на данный момент именно социалистическая модель развития страны имеет превосходство в научно-техническом развитии. В статье приведена и международная реакция – «Ученые мира благодарят и горячо поздравляют советских ученых и весь советский народ с величайшим достижением в науке и технике» [1]. Таким образом стремились показать, что хоть и Советский Союз первым открыл путь в космос, он делал это в первую очередь не для себя, а для всего мира, стремясь показать свои благие намерения. Интересно, что не сказано ничего и конкретно про США, как о главном противнике в космической гонке (как можно увидеть из примеров ниже), видимо, всё по той же причине – тогда не была обострена «гонка» в освоении внеземного пространства. Обострению отношений между сверхдержавами могла поспособствовать реакция администрации США на запуск спутника. На пресс-конференции 9 октября 1957 года, спустя пять дней после запуска спутника СССР, президент Эйзенхауэр произнёс свою знаменитую фразу «Now, so far as the satellite itself is concerned, that does not raise my apprehensions, not one iota.» («Что касается самого спутника, то это ни на йоту не вызывает у меня опасений») [2]. Он пытался доказать общественности, что не стоит поддаваться панике, и что следует воспринимать этот запуск как лишь успех в научной сфере, а не

потенциальную военную угрозу со стороны Советов. Кларенс Рендалл, экономист администрации США, высмеяла запуск Спутника, назвав его «a silly bauble» («глупая безделушка») [2].

В газете №89 (4112) от 6 ноября 1957 года информация о полёте на орбиту Земли аппарата с собакой Лайкой на борту помещена тоже не на первой странице – лишь на третьей и четвёртой. Однако, здесь другая причина такого решения – на первой странице размещено поздравление с одним из главных на тот момент праздником – годовщине Октябрьской революции. Так же, как и в сообщении о запуске первого искусственного спутника Земли, в данной статье в первую очередь идёт восхваление подвига советских учёных, однако, это восхваление идёт уже в том числе через принижение политики, проводимой в этом отношении в Соединённых Штатах – «Но американские миллионеры и генералы кричат солдатам своей армии: запрещаем говорить о спутниках» [3]. Также, в газете размещена более подробная реакция общественности: реакция восхищения как от капиталистических стран, так и дружественных – социалистических (Китайская Народная Республика и Германская Демократическая Республика). Все, в том числе и США, восхищаются данным событием, а немецкая газета даже пишет следующее: «Советский Союз смог уже сегодня оставить далеко позади себя Соединённые Штаты в решающих областях потому, что русские рабочие и крестьяне сбросили 7 ноября капиталистические башмаки и заменили их социалистическими семимильными сапогами» [3].

Однако, уже в газете №67 (4402) от 23 августа 1960 года известие о полете Белки и Стрелки в космос и их счастливом возвращении домой размещено уже на первой странице газеты – таким образом показывается, что данное событие уже имеет значительный вес, как для Советского Союза, так и на международной арене. Заметим, что там же, на первой странице, уже в отдельную рубрику от самой статьи про успехи полёта, выделена реакция международного сообщества в колонке «Что говорят за рубежом». Интересно следующее – вырезки размещены из газет капиталистических стран. Реакции там тоже представлены разные – от восхищения страной Советов до «раздражения», причиной которого служит отставание в космической гонке – «Советы концентрируют внимание на создании огромных и тяжёлых кораблей, которые они выводят на орбиту с помощью своих ракет, во много раз более мощных, чем те, которыми располагают США…» [4]. Сделано это совсем не просто так – таким образом капиталистические страны как бы сами «признают свое поражение».

Про полет Ю.А. Гагарина написано в трёх номерах газет подряд после даты его полёта. Первый успешный полёт в космос человека – событие значимое как для Советского Союза, так и для всего международного сообщества. У детей такое событие в первую очередь должно вызывать гордость за свою родину – на первой же странице газеты №30 (4469) от 14

апреля 1961 г. большим шрифтом написано: «Гражданин страны социализма побывал в космосе первым!» [5], но уже в заголовке – налицо стремление показать превосходство социалистической системы. Даже в столь значимом событии для международной общественности, советы стремятся показать своё научно-технологическое превосходство.

Следующий по хронологии номер – от 18 апреля 1961 года также практически полностью посвящён уже не столько самому событию – полёту в космос, сколько биографии Юрия Алексеевича. В данной ситуации советская пресса пыталась воспитать в подрастающем поколении целеустремлённых людей, способных построить благодаря своей силе светлое коммунистическое будущее. В газете говорится, казалось бы, об обычном мальчишке Юрке – о его детстве и юношестве, но, тот, кем потом стал самый обычный парень, достойно восхищения. Ведь этот человек первым освоил то пространство, куда до этого не заходил человек, и своим славным подвигом прославил горячо любимую Родину и её социалистические идеалы. Прекрасный пример, которому должны подражать дети все без исключения, ведь каждый, если постарается, обязательно сможет стать великим человеком. Достаточно вдохновляющая речь для детей, читающих «Пионерскую правду».

Выпуск от 21 апреля 1961 года не содержит уже столько сведений, однако, в ней размещена речь Юрия Алексеевича, произнесённая им перед полётом, в которой четко прослеживается, с одной стороны, искренняя любовь к своей Родине, однако, в ключе моего исследования, данная речь Гагарина – отличный инструмент показать превосходство социализма. В его высказываниях можем увидеть, что огромную роль в вдохновении его на этот подвиг сыграла именно идеология социализма: «И если, тем не менее, я решаюсь на этот полёт, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников – советских людей»; «Понимая ответственность задачи, я сделаю всё, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа»; «Мне хочется посвятить этот первый космический полёт людям коммунизма – общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на земле» [7].

Упоминания Юрия Гагарина были на протяжении ещё долгого времени. В выпуске №36 (4475) от 5 мая 1961 г. присутствует ответ на вопросы ребят, в котором он мотивирует детей усердно учиться, заниматься любимыми делами, но «всегда и во всём стремитесь к большой цели…» [8]. Но и тут также идёт упоминание о том, что «И Родина, партия доверяет вам самое ответственное, самое трудное и почётное задание» [8]. Также, в №38 (4477) от 12 мая 1961 размещена автобиография Юрия Гагарина, с заголовком «С кого брать пример» [9]. Юрий Алексеевич для советских детей – высокий жизненный идеал, однако же, вполне достижимый, если

приложить для этого все свои усилия. Но ещё важнее, что всё, что делает юный читатель «Пионерской правды», должно идти на благо отечества.

Интересно другое – ни в одном выпуске, кроме самого первого из рассмотренных от 14 апреля 1961 года, нет никакой упоминания о международной реакции на полет Юрия Алексеевича, и вообще отсутствует упоминание США. И международная реакция, приведённая в №30, названа «У телефона наши друзья», что уже подсказывает, что размещены там будут только реакции дружественных, социалистических стран. Естественно, там восхваляют СССР и «рады тому, что первым космонавтом стал гражданин СССР» (Польша, редакция газеты «Свят млодых») [5]. Можно предположить, что были причины такого решения. Возможно, она может быть заключена в неоднозначной международной реакции на это событие. Газеты капиталистических стран как бы признавали огромное значение данного события для всего мира. Однако, делали они это некорректно, указывая на то, что система социализма одержала победу на данном этапе космической гонки, а Соединенные Штаты отстают. Сами же американцы как бы признавали значимость этого события, но больше беспокоились за свое поражение на данном этапе. Так, в американском еженедельном журнале «Newsweek» от 24 апреля 1961 года была размещена статья, заголовок у которой был «Why We’re Behind – Will We Catch Up?» («Почему мы остались позади – сможем ли догнать?») [10]. Понятно, что Соединенные Штаты были озабочены совершенно не тем, чтобы благодарить СССР за успехи в освоении космоса, а тем, почему они «остались позади», и в какой момент потеряли контроль над ситуацией. Сама же эта статья начиналась со слов «Time and space are running out for the United States. The first man into orbit was a Russian. And next? A rocket to Mars? » («Время и пространство ушли от Соединенных Штатов. Первым человеком на орбите стал русский. Что дальше? Ракета на Марс?») [10]. Далее вся статья посвящена размышлениям о том, почему русские оказались первыми в космической гонке, и есть ли шанс ещё догнать их.

Выводы. Проанализировав отражение в «Пионерской правде» нескольких ключевых событий космической гонки, можно сделать следующие выводы. Во-первых, практически все события освещались по определённой структуре, с добавлением или исключением каких-либо элементов. Это, естественно, красочное описание самого события, обязательно с упоминанием о том, что это всё сделано в том числе благодаря идеологии социализма, как опорной силы науки. Практически во всех газетах, взятых для изучения, размещена международная реакция – где-то как обобщённое суждение (напр., в газете от 08.10.1957г. (№81)), а где-то с указанием точных реакций конкретных стран (как дружественных, так и враждебно настроенных к СССР). Во многих газетах так же идёт обсуждение главного противника по космической гонке – США.

Во-вторых, детская пресса стремится показать превосходство страны и стремительно идущий научно-технический прогресс, вызванный преимуществами социалистического строя. Газета формировала образ «процветающей советской Родины», пытаясь воспитать в подрастающих поколениях чувство патриотизма и гордости за свою страну. Делалось это целенаправленно через восхваление Советского Союза, в том числе и через реакцию международного сообщества (как дружественных стран социалистического лагеря, так и недружественных капиталистических стран), а также через формирование образа «плохих» и «отстающих» Соединённых Штатов Америки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Пионерская правда» от 08.10.1957г., №81 (4104), 4с., С. 2.
2. Yanek Mieczkowski, «Eisenhower’s Sputnik Moment: The Race for Space and World Prestige», Cornell University Press, 2013, 358 с., С. 1, 59–60.
3. «Пионерская правда» от 06.11.1957г., №89 (4112), 4с., С. 3–4.
4. «Пионерская правда» от 23.08.1960г., №67 (4402), 4с., С. 1.
5. «Пионерская правда» от 14.04.1961г., № 30 (4469), 4с., С. 1–4
6. «Пионерская правда» от 18.04.1961г., №31(4470), 4с., С. 1, 3.
7. «Пионерская правда» от 21.04.1961г., № 32 (4471) 4с., С. 3.
8. «Пионерская правда» от 05.05.1961г., №36 (4475), 4с., С. 3.
9. «Пионерская правда» от 12.05.1961г., №38 (4477), 4с., С. 2.
10. «Newsweek» от 24.04.1961г., С. 29.

УДК 9 (378).659

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙИСТОРИИ, ПОСТАВЛЕННЫХ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.В. Балахнин, старший преподаватель
Сибирский государственный университет путей сообщения
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается актуализировавшийся в связи с обострением в последнее время взаимоотношений между Россией и Европой интерес к историческому прошлому нашей страны в российском медийном поле. В частности, определены некоторые важные моменты отечественной истории, оказавшие заметное влияние на формирование особого пути в строительстве российской государственности.

Ключевые слова: история России, империя, современная публицистика, элиты, российская цивилизация.

Введение. Наше историческое прошлое становится все более актуальным в условиях современного цивилизационного противостояния России и коллективного Запада, поэтому не случайно многие вопросы нашей

истории выходят на страницы печатных изданий, привлекая внимание публицистов, историков, общественных деятелей и т.д. В свете вышесказанного трудно переоценить значение расширенного в последнее время вузовского курса истории России, так как он несет в себе не только важную образовательную составляющую учебного процесса, но и призван выполнить не менее значимую воспитательную функцию в формировании будущих поколений наших соотечественников, которым предстоит отстаивать не только суверенитет нашей страны, но и строить будущую Россию. И это будущее во многом зависит от глубокого знания и понимания тысячелетнего героического и событийного исторического пути нашей Родины, чему и должен способствовать преподаватель истории в российском вузе.

Методика и методология исследования. В исследовании применялся ретроспективный метод, позволяющий выявлять исторические корни современных проблем и тенденций.

Результаты исследования. История – это не только наука о прошлом, ведь не случайно наши «западные партнеры» по разрушению СССР еще больше стали уделять внимание направленности гуманитарной подготовке будущих поколений россиян. «Они мыслили так: с Советским Союзом покончено, теперь на очереди Российская Федерация, ее нужно ломать изнутри, ломать ментально. А для этого – работать с властителями душ, прежде всего с преподавателями. И вот тогда в Россию потекли западные гранты. Они выдавались под совершенно определенную повестку: гендер, политкорректность, меньшинства, глобализм, «диалог культур», разоблачение русской ментальности», – справедливо считает доктор философских наук В. Варава [1, С. 3]. К этому можно добавить, что все эти западные фонды и программы занимались не только «перепрограммированием» преподавателей, но и финансировали издание учебников, в том числе и по истории России, по которым предстояло учиться нашей молодежи.

Кстати, эти методы воздействия на своих цивилизационных оппонентов далеко не новы. Вот что можно найти у нашего замечательного историка Д. Иловайского: «1569 год отмечен двумя важным событиями в истории Западной Руси: в этом году завершилась политическая уния Литовско-русского государства с Польшей; в том же году водворились в Литовской Руси иезуиты, немедленно принявшиеся хлопотать о церковной унии сей православной Руси с католической Польшей…Иезуиты представлялись тогда наилучшим орудием для воспитания юношества в преданности католической церкви; а потому иезуитские коллегии и школы распространялись с замечательной быстротой» [2, С. 560–561].

И где теперь та Западная Русь? Игры в «унии» с Западом всегда завершались разрушением и поглощением со стороны западной цивилизации. Здесь вполне уместно вспомнить слова известного российского

автора XIX века Н. Данилевского о месте России: «Если она не может и не должна быть в интимной, родственной связи с Европой как член европейского семейства, в которое, по свидетельству долговременного опыта, ее и не принимают, даже требуя невозможного отречения от ее очевидных прав, здравых интересов…, если, с другой стороны, она не хочет стать в положение подчиненности Европе, перестроясь сообразно ее желаниям, выполнив все эти унизительные требования, – ей ничего не остается, как войти в свою настоящую этнографическими и историческими условиями предназначенную роль и служить противовесом…Европе вообще, в ее целостности и общности» [3, С. 400–401].

В условиях идеологической «неразберихи», имеющей место в современной России, возможно легче всего найти консенсус на идеи, что есть западная цивилизация и есть российская, и все попытки «протиснуться» в Европу не только обречены на провал, но и просто опасны для нашей идентичности. Возвращаясь к истории Великого княжества Литовского, очень актуально звучит мысль доктора исторических наук Ф. Гайды о том, что «можно провести аналогию с сегодняшней Украиной, ВКЛ, будучи русским государством, со временем превратилось в государство антирусское, Аристократическая верхушка ВКЛ, отрекаясь от православия и русскости, включилась в польскую элиту и получила от нее дополнительные политические привилегии. Полонизация, окатоличивание и феодализация шли параллельно – это был, по сути, один и тот же процесс. Элита ВКЛ разменяла свою государственность на личную выгоду. В результате это государство, идя в Речь Посполитую, сдавая все свои позиции, отказываясь от русской идентичности и притесняя православных, – терпит историческое поражение» [4, С. 3]. Поэтому, чтобы не повторять ошибки прошлого и не доверять нашу историческую науку в чужие руки, необходимо самим сосредоточиться на важных вопросах нашего исторического прошлого, определяющих особенные черты нашей цивилизации. И таких вопросов накопилось достаточное количество, о чем свидетельствует значительный объем публикаций в нашем медийном пространстве.

Одним из таких вопросов, по мнению публициста Д. Терентьева, является вопрос, кто такие русские. Он, в частности, пишет, что «еще в XVIII веке не существовало единой трактовки самого понятия «русскость», которое могло означать и культурную, и этническую, и протонациональную идентичность. Неясными оставались и ментальные границы русской территории…Например, идентификация через вероисповедание привела к появлению концепции триединства русской нации: русских (великороссов), украинцев (малороссов) и белорусов. Сегодня она активно критикуется, поскольку культурологический вопрос стал политическим, а с высоких трибун транслируется, что русские и украинцы один народ» [5, С. 8]. Сложности в этом вопросе добавляет и то, что в западной традиции нации окончательно оформляются в буржуазном государстве, где на основе

национализма происходит вертикальная интеграция национальных государств, что разительно отличается от характерной для феодального общества интернационализации элит, а народ вообще остается за скобками. А как известно, в России до недавнего времени государство не строилось на буржуазных принципах. Очевидно, что вопрос актуальный и требует ответа.

Еще один важный вопрос нашей истории – это место и роль отечественных элит в ней, ведь, как известно, без участия значимых персон нет истории. Как считает публицист А. Синенко: «Рождение новой российской элиты становится судьбоносной необходимостью для сохранения не только нашей страны, но и всей евразийской цивилизации. В нашей истории, в отличие от западной и восточной, нет преемственности устоявшихся доминирующих групп (элитного каркаса), а есть прецеденты массовой ротации элит, начиная с XVI века. Так, опричники Ивана Грозного жестко приструнили боярство, заметно укрепив державу. Петр I так же решительно разобрался с княжеско-боярским «олигархатом». Советская элита смела буржуев, а с распадом СССР они вернулись на круги своя, расправившись с обидчиками. Чтобы общество стало развиваться, старую элиту надо заставить работать на новую идею» [6, С. 6]. Высказанная мысль возможно не бесспорна, но нельзя не согласиться, что в отечественной истории присутствует некая цивилизационная особенность в формировании и смене элит, а как уже было сказано выше, только при анализе действий исторически значимых персонажей история страны «оживает», становится более привлекательной и интересной, в том числе, и в реализации воспитательной функции предмета.

Не менее заметным в истории России является и вопрос ее трансформации в империю. В частности, доктор исторических наук С. Перевезенцев пишет: «Мы привыкли говорить, что Российская империя возникла в годы правления Петра I, но на самом деле это не так: понятие царства приравнивается к понятию империи – соответственно, наша империя родилась тогда, когда Иван Васильевич принял титул царя и когда многие государства постепенно признали право русского государя именоваться царем. Кстати, первыми за русским государем эту титулатуру признали англичане…, а дольше всего не признавали поляки. Но главное, титул признал константинопольский патриарх, и это было необходимо с сакральной точки зрения. Таким образом, Россия уже не просто являлась независимым государством – они оказалась приравнена к величайшим империям прошлого и настоящего» [7, С. 3].

Во многом схожей точки зрения придерживается доктор исторических наук А. Филюшкин: «Россия изначально складывалась как государство имперского типа: регионы объединяются под сильной центральной властью, которая выступает гарантом военной зашиты, собирает налоги и мобилизует людей на государственные повинности. Здесь не было борьбы региональных полномочий против центра, и органы местного управления оформляются

здесь не в русле противостояния с центральной властью – напротив, они возникают с ее подачи. И центральный представительный орган, Земский собор, был именно совещательным, не выступал антагонистом по отношению к монарху» [8, С. 3]. Приведенные выше аргументы свидетельствуют о специфике русской цивилизации, ее характерных отличиях от западной.

Тот же автор обращает внимание на два защитных момента, подчеркивающих слабость исторического пути России: «Главное различие – в правовой культуре. Россия не имела знакомства с римским правом, Европа была больше заточена на юридическое оформление жизни, у нас всё это было упрощенно, интуитивно. Кроме того в России поздно оформляется институт частной собственности: первый документ, который ее фиксирует, – Манифест о вольности дворянства 1762 год» [8, С. 3]. Ставка на частную собственность имеет в Европе давние исторические корни, именно она требует формализации отношений, их юридической фиксации, а также выдвигает на первое место частные интересы и индивидуализм, что абсолютно не характерно для нашей истории. «Почему коллективизм во все времена был основой русской жизни? А потому, что суровая природа, необъятные просторы, постоянные опасности и угрозы требовали общих усилий, отпора, коллективных действий», – пишет А. Синенко, отмечая, что в постсоветское время «мы подобострастно подгоняли образ жизни под западные рамки» [9, С. 6]. «Однако время расставляет все по своим местам и наглядно демонстрирует, что выжить в условиях геополитического замеса можно только по прошлым испытанным канонам» [9, С. 6].

Выводы. Таким образом, очевидно, частота и острота поднимаемых актуальных вопросов нашей истории в медийном пространстве свидетельствует о необходимости, во-первых, ответить на главный вопрос – Россия все-таки отдельная цивилизация и в чем ее специфика; во-вторых, консолидировать вузовское сообщество преподавателей гуманитарных дисциплин, в том числе истории России, не забывать о воспитательном значении гуманитарных знаний. Здесь можно вспомнить советский опыт, когда преподаватели вузов раз в пять лет отправлялись на повышение квалификации на целый семестр, ведь наши западные оппоненты денег на это никогда не жалели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рязанов С. Деколонизация гуманитарной науки // Аргументы недели. 2025. № 9 (957). 5 марта. С. 3.
2. Иловайский Д. Царская Русь. М.: АСТ: Астрель, 2008. 767 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
4. Рязанов С. Разделенный народ: великороссы – русские и малороссы – украинцы // Аргументы недели. 2025. № 5 (953). 5 февраля. С. 3.
5. Терентьев Д. Кто такие русские? И почему ответ на этот вопрос столь важен для нас // Аргументы недели. 2025. № 2 (950). 15 января. С. 8–9.

6. Синенко А. Круговорот в народе. Как развернуть «сливки общества» от потребления к служению // Московский комсомолец. 2025. 11–17 июня. С. 6.
7. Рязанов С. Суверенитет духа. О русском державном идеале // Аргументы недели. 2025. № 47(995). 26 ноября. С. 3.
8. Рязанов С. Между соборностью и партийностью // Аргументы недели. 2025. № 16(964). 23 апреля. С. 3.
9. Синенко А. Один в поле не воин. Как коллективно искоренить индивидуализм // Московский комсомолец. 2025. 23–29 июля. С. 6.

УДК 9(470)5

НАРОДНИК Д.А. КЛЕМЕЦ В СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

М.В. Балахнина, канд. ист. наук, доцент
Сибирский государственный университет путей сообщения
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается жизнь и деятельность представителя революционного народничество Дмитрия Александровича Клеменца, сосланного в Восточную Сибирь в 1880-е гг. за активную антиправительственную деятельность. В ссылке Клеменц продолжил заниматься публицистической и научной деятельностью, внеся существенный вклад в изучение сибирского края.

Ключевые слова: история России, 1870–1880-е годы, Сибирь, революционное народничество, Д.А. Клеменц.

Введение. 1870-е годы – период резкой активизации оппозиционного движения в России, развития общественно-политической мысли различных направлений, среди которых особое место занимает революционное народничество с его идеями общинного социализма. Народническая идеология представляет собой специфически русский вариант социалистической идеологии, восходящей к идеям А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Активным участником этого движения является Дмитрий Александрович Клеменц. Он был членом Большого общества пропаганды (кружка «чайковцев»), участвовал в «хождении в народ», редактировал нелегальное издание – журнал «Земля и воля». Из-за преследования полиции вынужден был эмигрировать за границу в Швейцарию, но затем вернулся в Россию, где продолжил заниматься революционной деятельностью. В 1879 г. был арестован и привлечен к следствию по делу о тайной типографии и покушении А. Соловьева на Александра II («дело 58-ми») [см. подробнее 1]. «Д.А. Клеменц был приговорен к высылке «в распоряжение Генерал-Губернатора Восточной Сибири для водворения под надзор полиции в Якутскую область»» [1, С. 20].

Методика и методология исследования. Данное исследование проводилось с использованием методов историзма и объективности, на

основе хронологического принципа изложения материала, анализа конкретных фактов и их обобщения.

Результаты исследования. В основе исследования лежит широкий круг источников, в том числе архивных документов, воспоминаний участников народнического движения, сибирской периодической печати. В данной статье мы рассмотрели пребывание Д.А. Клеменца в сибирской ссылке и его активную деятельность как ученого и публициста.

23 сентября 1881 г. с Николаевского вокзала в Петербурге Д.А. Клеменц вместе с другими ссыльными и каторжанами, «в том числе В.Л. Перовским, А.И. Иванчиным-Писаревым, В. Ненсбергом, О. Веймаром, был отправлен в Сибирь. Путь предстоял нелегкий. В Тюмени ссыльных пересадили на пароход, затем они добирались на перекладных» [2, С. 109]. Дмитрия Александровича «доставили в Красноярскую тюрьму» [3, Л. 10]. Так начался новый важный этап его жизни, продолжавшийся в течение 15 лет.

Длительное тюремное заключение, тяжелый путь в Сибирь сказались на здоровье Д.А. Клеменца. Он тяжело заболел. 17 марта 1882 г. он направил прошение Генерал-губернатору Восточной Сибири, в котором писал: «Здоровье мое, подорванное продолжительным тюремным заключением, было окончательно расстроено длинным и трудным путем от С.-Петербурга до Красноярска в неблагоприятственное осеннее время. Оставленный за болезнью в Красноярском тюремном замке и не видя по истечении пятимесячного лечения никаких видимых улучшений в своей болезни, принимая просить того во внимание, 1) что самую трудную часть пути по месту назначения в Якутскую область лишь еще предстоит совершить; 2) что болезнь моя, выражающаяся в сильных болях в груди и в конечностях, обостряется при всяком передвижении и требует покойного и неподвижного положения и делает всякую перемену места крайне мучительной, в следствие чего мой отъезд по месту назначения должен затянуться болезни перерывами заставляет меня терять всякую надежду когда-либо выйти из тюрьмы; 3) что суровый климат Якутской области должен подействовать губительным образом на мой расстроенный организм, я решаюсь просить Ваше Высокопревосходительство о назначении мне места жительства в пределах Енисейской губернии по усмотрению господина начальника Енисейской губернии» [3, Л. 11].

Генерал-губернатор Восточной Сибири на прошение Д.А. Клеменца 23 апреля 1882 г. ответил отказом «ввиду высылки Клеменца в Якутскую область по Высочайшему повелению» [3, Л. 12]. В августе последовало новое прошение, в котором Дмитрий Александрович вновь просил оставить его в Енисейской губернии, так как состояние его здоровья «нисколько не улучшилось». 13 сентября Генерал-губернатор Восточной Сибири писал Министру внутренних дел о необходимости (в чем он лично убедился) оставления Д.А. Клеменца «на жительство в пределах Енисецкой губернии,

ввиду действительно крайне расстроенного его здоровья» [3, Л. 14–16]. И лишь 31 октября 1882 г. был получен ответ из Министерства внутренних дел о возможности удовлетворения просьбы ссыльного Д.А. Клеменца, а 1 декабря того же года приняли решение об отправлении его «по получении облегчения от болезни» в Минусинск, куда Дмитрия Александровича и направили 11 января 1883 г. [3, Л. 26, 27, 32].

«Мне удалось выбраться в довольно благоприятную обстановку сравнительно с тем, что представляется на долю нашего брата вообще», - писал он в письме к Екатерине Дубенской (подруге и соратнице по революционной деятельности – прим. автора) [4, С. 174]. «Вместо якутской юрты я живу в обыкновенном доме, вместо якутской речи слышу русскую, даже не совсем одинок. Я живу с Иванчиным-Писаревым, с которым очень сблизился за время наших скитаний и за время нашего житья в Минусинске. Бесцельной, бестолковой, лишенной всяческих интересов жизнь свою я тоже назвать не могу. За неимением чего-либо более живого, я учусь и учусь усердно» [4, С. 174].

В Минусинске Д.А. Клеменц быстро сдружился с местным обществом и «сделался желанным гостем во многих семьях (князя А.А. Кропоткина (старший брат П.А. Кропоткина – прим. автора), А.В. Малинина, Н.И. Мартьянова)» [5, С. 113].

В первые годы жизни в Минусинске Дмитрий Александрович живо интересовался революционным движением, подпольной литературой. Он старался оказывать содействие в деле изучения социалистической литературы. Для этого по его инициативе устраивались «совместные чтения и рефераты, читали новые журналы П.Л. Лаврова, запрещенные произведения. Д.А. Клеменц реферировал брошюру Г.В. Плеханова «Социализм и политическая борьба»» [6, С. 106].

Также Дмитрий Александрович активно занимался научной деятельностью. Сфера его научных интересов касалась географии, археологии и этнографии. Клеменц был талантливым публицистом, фельетонистом. Из Мнусинска он начал писать в «Сибирскую газету», издаваемую в Томске.

В 1884 г. в Минусинск приехала только что окончившая Бестужевские курсы Елизавета Николаевна Зверева, дочь золотопромышленника, потом разорившегося. Она воспитывалась в Казанском институте, откуда вышла воспитательницей. «После смерти отца Е. Н. Зверева поселилась у тетки в Красноярске и давала частные уроки. Отец, тетка и сама Елизавета Николаевна были близко знакомы с политическими ссыльными. Скопив немного денег, она уехала на Бестужевские курсы, по окончании которых ее пригласили в Минусинск на место начальницы гимназии. Там Е.Н. Зверева познакомилась с Д.А. Клеменцем и вскоре стала его женой. Она являлась непременной участницей всех экспедиций своего мужа, где как ботаник гербаризировала растения, собирала шкурки животных, вела

метеорологические наблюдения и была настоящей помощницей Дмитрия Александровича» [7, С. 49–50].

«9 сентября 1886 г. истек срок ссылки Д.А. Клеменца, и его освободили от полицейского надзора» [3, Л. 33]. Однако Дмитрий Александрович еще в течении 10 лет оставался в Сибири, большую часть времени занимаясь изучением этого сурового края.

В конце 1886 г. Клеменц переехал в Томск, где активно сотрудничал в «Сибирской газете» [см. подробнее – 8], а также отправлялся в экспедиции по исследованию Сибирского края. «После закрытия «Сибирской газеты» по приглашению Г. Н. Потанина Д. А. Клеменц в 1890 г. переехал в Иркутск для работы в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества и сотрудничества в «Восточном обозрении», издаваемом Н.М. Ядринцевым» [9, С. 15]. Там он принял обязанности консерватора музея, а затем был избран «правителем дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» [10, Л. 3]. Как публицист Клеменц в своих статьях и фельетонах широко освещал наиболее острые вопросы жизни Сибирского края.

В 1896 г. Дмитрий Александрович получил разрешение на жительство в столице и возвратился в Петербург, где был принят «на должность ученого хранителя при академическом музее антропологии и этнографии [7, С. 55].

Выводы. Таким образом, Д.А. Клеменц, находясь в сибирской ссылке, сделал очень много для изучения археологии, географии, этнографии Сибири, активно сотрудничал в местных периодических изданиях, продолжая придерживаться прогрессивных взглядов и формируя таким образом общественное мнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балахнина М.В. Д.А. Клеменц – редактор журнала «Земля и Воля» // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2024. № 2(21). С. 15–21.
2. Перовская В.Л. Воспоминания о сестре (Софье Перовской). М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. – 142 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 3. Д. 935.
4. Дубенская Е., Клеменц Д.А. // Каторга и ссылка. 1930. № 5. С. 164–180.
5. Адрианов А. В. Памяти супругов Клеменц // Известия Восточно-Сибирского отдела географического общества. Т. 45. Иркутск: Т-ва. Печ. дела, 1917. С. 110–121.
6. Дейч Л.Г. Один из последних семидесятников // Голос минувшего. 1914. № 6. С. 87–109.
7.Попов И.И. Д.А. Клеменц его жизнь и деятельность // Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Ленинград: Колос, 1925. С. 5–59.
8. Балахнина М.В. Социально-экономические и политические аспекты состояния Сибирского края в 1880-е гг. в публикациях Д.А. Клеменца в «Сибирской газете» // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. Т. 5: Международная науч. конф. «Геопространственные аспекты исторических, правовых и социокультурных процессов». Новосибирск: СГУГиТ, 2022. С. 10–14.

9. Балахнина М.В. Д.А. Клеменц – исследователь Сибири // Сборник материалов международной конференции «Геопространственные аспекты исторических и социокультурных процессов // ГеоСибирь – 2019. Т. 5. Новосибирск: СГУГиТ, 2019. С.14–17.
10. Архив востоковедов в Институте восточных рукописей РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 224.

УДК 94(73)

ОТРАЖЕНИЕ ЭКСПАНСИИ ДИКОГО ЗАПАДА В РЕЧАХ ПРЕЗИДЕНТОВ США

П.Э. Баранова, студент магистратуры
Самарский государственный социально-педагогический университет
г. Самара, Россия

Аннотация. В данной статье анализируются публичные речи президентов США, относительно участия власти в экспансии земель Дальнего Запада. Основной проблемой являлась удаленность района и нападение коренных жителей. Политика по отношению к индейцам менялась на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: освоение фронтира, дикий запад, коренные жители.

Введение. Освоение Дикого Запада – период, берущий свой начало от экспедиции Льюиса и Кларка, время активного заселения примерно с 40-х XIX в. до конца XIX – начала XX века, в который происходило заселение западных территорий штатов. Американские окраины поставляли сначала табак, в XVII веке служивший одной из основ экономики страны, потом хлопок, зерно, золото и серебро, наконец, во второй половине XIX века, мясо. В Дикий Запад входила вся западная половина Северной Америки: современные штаты Северная Дакота, Южная Дакота, Монтана, Вайоминг, Колорадо, Канзас, Небраска, Оклахома и Техас [17].

Американская история вплоть до сегодняшних дней – была историей колонизации великого Запада. Одним из основополагающих понятий является «линия фронтира», пограничная территория между «дикими» и освоенными землями. Фронтир – это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации [23]. В ходе территориальной экспансии линия сдвигалась все дальше на Запад [22]. У движения на Запад была цель получить свободную землю и золото для обогащения и осуществления американской мечты. Проблемы на Западе начались после приобретения США независимости [19].

Постановка задачи. Необходимо установить, какую роль в освоении региона играло правительство США, а также степень вовлеченности правительства в определенные сферы жизни Дикого Запада. Для этого нам необходимо изучить публичные речи президентов США.

В основном относительно этого региона президенты сообщают о положении взаимоотношений с индейцами и об экономических факторах в развитии западных штатов. В данной работе проанализированы речи президентов от Джеймса Бьюкенена до Вудро Вильсона. Можно отметить, что чем ближе история приближается к XX веку, тем реже упоминаются военные столкновения с индейцами, отношения приобретают относительно мирный характер, а также в ежегодных речах появляются отчёты об экономическом положении земель.

Методика и методология исследования. Для анализа источников был использован **источниковедческий метод** исследования, из речей были выделены отдельные факты, которые в последствии удалось синтезировать. Для грамотного интерпретирования фактов был применен метод **контекстуализации**, при котором выделенные факты рассматривались во взаимосвязи с другими условиями и обстоятельствами.

Результаты. В середине XIX века при Бьюкенене [16; 6] и Линкольне [2] начинается активное включение новых штатов под американское руководство. Конечно, по утверждению Бьюкенена территории входят лишь мирным путём. [16] Однако, Авраам Линкольн и последующие президенты отмечают военные действия с индейским населением [2].

По подсчетам Тафта в 1860 году у штатов было общественное достояние площадью 1 055 911 288 акров. В 1910 году площадь составляла 731 354 081 акр земли, в основном в горных районах, а также на засушливых и полузасушливых равнинах. Кроме того, у штатов есть 368 035 975 акров земли на Аляске. Мы видим, что за половину пионерами были освоены и переданы в собственность колоссальные размеры земли [10].

Президенты отмечали ценность этих земель для государства. Линкольн говорил: «Великолепный регион, простирающийся на запад от Скалистых гор до Тихого океана, является самым глубоким и богатым неосвоенными ресурсами». Он уже богат продовольственным зерном и травами и перспективы развития только растут [1]. Улисс Грант отмечал наличие драгоценных металлов на далеком Западе [10]. Речь идет о золотой и серебряной лихорадке. В 1848 году в Калифорнии двое предпринимателей «нашли» золото. На золотые рудники уезжали все: и печатники, и читатели, и солдаты, и матросы. А в 1859 году стало понятно, что в этом районе есть и обильные залежи серебра. Начинается новая волна лихорадки [25].

Ратерфорд Хейс говорил о легализации разведения крупного рогатого скота, которое велось на землях Дикого Запада [7]. С середины 1867 года и до конца XIX века скотоводство было на пике. Началось все с Канзаса, где Джозеф Маккой начал получать огромную прибыль за продажу скота, этому поспособствовало в том числе и переселение индейцев с равнин в резервации, что позволило увеличить количество земель для развития скотоводства [21].

К началу XX века начинается облагораживание засушливых районов Запада. Рузвельт сообщает, о выращивании новых зерновых культур, которые удовлетворены низким уровнем осадков, например макаронная пшеница. Также были посажены новые сорта риса, что позволяло покрывать внутренний спрос. Начинается восстановления пастбищных угодий, где содержалось большое количество скота [8]. При Вильсоне обсуждались планы по мелиорации засушливых, болотистых и вырубленных земель, которые так и не были распаханы и лежат в запустении [14].

Для активного сообщения регионов США с середины XIX века началось строительство железной дороги. Еще со времён Линкольна сообщается о продаже земель под строительство Тихоокеанской железной дороги [2]. В 1862 году Авраам Линкольн, подписывает Акт о строительстве Тихоокеанской железнодорожной магистрали. Реализация проекта была доверена – «Сен-трал Пасифик рэйлроуд» и «Юнион Паси-фик рэйлроуд, которые в 1863 году приступили к работе [15]. При Джонсоне продолжительность дороги достигала 510 миль [4]. При Тафте сообщения востока и запада больше не является чем-то невозможным, но теперь стоит необходимость в разгрузке путей через водные артерии [13]. Важным пунктом стояла защита этих железных дорог: «Жизненно важно, чтобы наши отдалённые территории были защищены от нападений индейцев, и чтобы строительство Тихоокеанской железной дороги, имеющей национальное значение, не прерывалось из-за враждебных действий племён» – говорил Джонсон [4].

Взаимоотношения с индейскими племенами в принципе были очень важны для Западного региона.

При Линкольне ставится вопрос о переселении индейцев и аннулировании их права на земли [3]. Не один раз упоминаются военные столкновения с племенами [1]. При Эндрю Джонсоне нападения индейцев продолжаются. При нём издается закон, согласно которому с 20 июля 1867 года, уполномоченным предоставлялись все возможности для урегулирования существующих проблем, заключения договоров с недовольными племенами и выбора для них резерваций, удалённых от проторённых путей между Миссисипи и Тихим океаном [4].

Улисс Грант направил свою политику на облагораживание индейцев: «Надлежащее отношение к коренным жителям этой земли, индейцам, заслуживает тщательного изучения. Я буду поддерживать любые меры, направленные на их цивилизацию, христианизацию и в конечном счёте на получение ими гражданства» [10]. Политика Гранта по отношению к коренным жителям действительно отличалась от остальных. Некоторые авторы восхваляют ассимиляционную «мирную политику» Гранта в отношении американских индейцев, но умалчивают о решающих войнах, которые велись под его руководством [11]. Начиная с 1865 года против регулярных войск США или Канады боролись все племена Сиу. Грандиозное

сражение произошло в 1876 году при Литтл-Бигхорн [18]. При Ратерфорд Хейсе война продолжается, но он также «надеется на мирное урегулирование конфликта» [7]. О терпимости к индейцам говорит и Кливленд [5]. Однако притеснения продолжались, и у Пяти Цивилизованных племён продолжали отнимать землю и самоуправление. По мнению Мак-Кинли, белые, живущие на территории племён, были приглашены туда индейцами, но всячески притеснялись [12].

В действительности, после Гражданской войны начался массовый геноцид коренных жителей. В 1865 году армия получила приказ отчистить от индейских племен Великие равнины. Следов власти начали уничтожать бизонов, разрушая основу жизни индейцев. Равнины освободили для фермеров [20].

В начале XX века Теодор Рузвельт озвучил необходимость прекратить выдавать разрешения индейцам на аренду земли. Что касается образования, то индейцы должны были получать начальное и среднее, в высшем необходимости не было. Также Рузвельт ставил задачу защитить коренных жителей от пагубных привычек [9]. Мнимая забота привела к тому, что к 1934 году размер территорий, принадлежавших индейцам, сократился более чем в два раза. Коренным жителям запрещали исповедовать свою религию, снабжение резерваций было недостаточным, низкий уровень жизни, голод и болезни. Справедливость восторжествовала только в 2009 году, когда правительство извинилось за случаи насилия и пренебрежения, однако и сейчас количество резерваций составляет более 300, где до сих пор достаточно низкий уровень социально-экономического развития [24].

Выводы. Резюмируя, мы можем сделать вывод о том, что вопрос политики на дальнем западе волновал президентов с начала освоения фронтира, однако многие вопросы умалчивались или упоминались вскользь. Основной проблемой являлось установление связи между восточным и западным регионом страны, осложнявшийся войнами с коренными жителями. Огромные «неосвоенные» пространства нуждались в грамотно выстроенной социально-экономической политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abraham Lincoln December 3, 1861: First Annual Message. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1861-first-annual-message.
2. Abraham Lincoln December 6, 1864: Fourth Annual Message. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-6-1864-fourth-annual-message.
3. Abraham Lincoln December 8, 1863: Third Annual Message. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-8-1863-third-annual-message.
4. Andrew Johnson December 3, 1867: Third Annual Message to Congress. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1867-third-annual-message-congress.

5. Grover Cleveland March 4, 1893: Second Inaugural Address. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1893-second-inaugural-address.
6. James Buchanan February 2, 1858: Message to Congress Transmitting the Constitution of Kansas URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/february-2-1858-message-congress-transmitting-constitution.
7. Rutherford B. Hayes December 3, 1877: First Annual Message. – URL:https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1877-first-annual-message.
8. Theodore Roosevelt December 2, 1902: Second Annual Message. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1902-second-annual-message.
9. Theodore Roosevelt December 3, 1901: First Annual Message. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1901-first-annual-message.
10. Ulysses S. Grant March 4, 1869: First Inaugural Address. – URL https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1869-first-inaugural-address.
11. Ulysses S. Grant: New Biography of ‘A Nobody from Nowhere’ Oct. 23, 2016, Page 12 of the Sunday Book Review with the headline: A Man of Moral Courage. – URL: https://www.nytimes.com/2016/10/23/books/review/american-ulysses-ronald-c-white.html.
12. William McKinley December 6, 1897: First Annual Message. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-6-1897-first-annual-message.
13. William Taft January 14, 1910: Message Regarding Environmental Preservation. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-14-1910-message-regarding-environmental-preservation.
14. Woodrow Wilson December 2, 1918: Sixth Annual Message. – URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1918-sixth-annual-message.
15. Васильев, С. В. Развитие экономики Соединенных Штатов Америки в XIX–XX столетиях под влиянием железнодорожного строительства / С. В. Васильев // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2018. – № 9. – С. 36–42.
16. Джеймс Бьюкенен — Инаугурационная речь, 1857. – URL: https://america-xix.ru/library/buchanan-inaugural/.
17. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах. – URL: https://america-xix.ru/library/zamyatina-frontier/.
18. Котенко Ю.В. Индейцы великих равнин. – М.: Издательский дом «Техника – молодежи», 1997. –158с.
19. Левашева, Ю.А. Колонизация Запада США: основные проблемы / Ю.А. Левашева // СОВРЕМЕННАЯ НАУКА, ОБЩЕСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ и ИННОВАЦИИ: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 сентября 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 16–17.
20. Никонов В.А. Соединенные Штаты Америки. Журнал «Стратегия России». 2013. № 4. С 7. 1–17
21. Производство говядины в специализированном мясном скотоводстве США [Текст]: монография / Е.Н. Усманова. – Киров: Аверс, 2019. – 104 с. С 8–9.
22. Панарина Д.С. Фронтир как один из факторов и мифов американской истории ЖУРНАЛ Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная

коммуникация, 2010. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frontir-kak-odin-iz-faktorov-i-mifov-amerikanskoy-istorii.
23. Тернер Ф., Фронтир в американской истории / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. С. 12–16.
24. Тимонин, М.А. О правовом положении коренного населения США в XVIII–XX вв. / М.А. Тимонин // Теория государства и права. – 2020. – № 3–1(19–1). – С. 130–137.
25. Чиркова Е. Анатомия финансового пузыря. – URL: http://www.telenir.net/literaturovedenie/anatomija_finansovogo_puzyrja/p11.php.

УДК 664.663.9

СЕЛЬСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, КАК НРАВСТВЕННЫЙ ПОДВИГ

Н.Г. Баринова, канд. пед. наук, доцент
О.Н. Гордиенко, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет
г. Барнаул, Россия

Аннотация. В статье описывается жизнь, трудовой и нравственный подвиг женщин села Озерки, труд учителей в сельской школе.

Ключевые слова: трудовой подвиг, село Озерки, Великая Отечественная война, женщины.

Введение. В работе исследуется музейная коллекция школьного музея села Озерки Алтайского края; выявить и определить биографические сведения жизнедеятельности жителей села Озерки в период ВОВ; проинтервьюировать жителей села и старожилов.

Методика и методология исследования. Историческим источником исследования стали воспоминания, письма, фотографии, которые хранятся в школьном музее с. Озерки; беседы с ветеранами, жителями села Озерки Алтайского края.

Результаты. С началом войны Озерская семилетняя школа, как и вся страна, осталась без мужчин [1]. На фронт ушли директор школы Николай Никифорович Сапрыкин и еще пять учителей-мужчин. Шестеро из них не вернулись с полей сражений. Бремя руководства и вся тяжесть работы легла на хрупкие плечи женщин. Школу в грозные военные годы возглавила Мария Сергеевна Лепилова, учитель русского языка и литературы, муж которой, Алексей Николаевич, также учитель, пропал без вести еще в октябре 1941 года.

Коллектив учителей был молодым, в возрасте от 20 до 30 лет, и невероятно сплоченным. Их рабочий день не имел ничего общего с мирным расписанием. Он был разделен на три изматывающие смены. Две смены – уроки. Учителям, в основном специалистам начальных классов, пришлось срочно осваивать новые предметы. Учитель русского языка вел еще и

историю, математик – физику, химик – биологию и географию. Из-за нехватки кадров параллельные классы сливались, и в одном классе могло сидеть до 40 учеников. Учиться было невероятно трудно: не было учебников и тетрадей. Дети писали на старых газетах, между строк отпечатанных книг, на специальных дощечках, которые потом соскабливали. Чернила делали из свеклы или сажи, а писали самодельными перьевыми ручками. Третья смена, часто ночная – работа в колхозе. Это была главная задача тыла – давать фронту хлеб. Учителя выходили на самую тяжелую физическую работу. Они вручную сеяли и жали хлеб, косили, вязали снопы, молотили зерно. Поздней осенью и зимой, часто в лютые морозы, они заготавливали дрова для школы, так как летом на это не хватало времени.

Особого внимания заслуживает история трех молодых учительниц-комсомолок: Юлии Никифоровны Кунгуровой, Валентины Ивановны Угрюмовой и Вассы Кирилловны Савич. В 1942 году они прошли курсы трактористок и стали работать на единственном в колхозе колесном тракторе. Это был каторжный труд. Девушкам самим приходилось заготавливать для него дрова – маленькие чурки, работать на нем в выходные, во время каникул и даже по ночам. Они не думали об отдыхе, отпусках или выходных. Все понимали: «без крепкого тыла не выстоять фронту». Труд их оценивался скромно: в 1944 году Валентину Угрюмову премировали 200 рублями, а Юлии Кунгуровой дали отрез ситца на платье. Это была высшая похвала. В основном же они, как и все колхозники, работали за трудодни, за которые осенью получали немного пшеницы или муки.

В условиях ужасающих лишений школа не просто учила, она воспитывала. Патриотизм был не абстрактной идеей, а ежедневной практикой, в которой личный пример учителей был главным уроком [2; 3].

Ученики были активными помощниками. Они работали на посадке и уборке картофеля, вязали снопы, собирали колоски на полях, заготавливали дрова для школьных печей.

Помощь фронту была личным делом каждого. В долгие зимние вечера дети дома и на уроках труда вязали варежки, носки, шили кисеты. Все это складывали в посылки, в которые обязательно вкладывали письма неизвестным солдатам. В этих письмах дети рассказывали о жизни в тылу, подбадривали бойцов, говорили, что их любят и ждут. Эта связь между тылом и фронтом была духовной нитью, которая поддерживала всех.

Школа становилась вторым домом. Здесь работала столовая, где детей кормили бесплатно пустыми щами (без мяса), кашей и давали кусочек хлеба. Для многих это была единственная горячая еда за день.

Ярким примером того, как война формировала детские мечты, является воспоминание учительницы Ю.Н. Кунгуровой. Проводя сочинение «Кем быть?», она получила ответ, который был криком души того поколения. Почти все мальчики хотели стать летчиками и танкистами, чтобы бить фашистов, а девочки – медсестрами, чтобы лечить раненых. И лишь одна

девочка, Люся Головина, написала, что хочет стать звеньевой на свекле. Почему? Потому что за работу на свекле их класс в качестве премии получил стакан патоки и одну буханку хлеба на 38 человек. А звеньевая получила целую чашку патоки. «Это было пределом мечтаний каждого ребенка», – вспоминала Юлия Никифоровна.

Несмотря ни на что, школа боролась за детство. Учителя устраивали праздники, новогодние представления, сами писали сценарии и мастерили костюмы. Ученики старших классов разыгрывали спектакли, а на переменах звучал баян и военные песни [4].

Удивительным событием стало прибытие в село съемочной группы фильма-сказки «Кощей Бессмертный». Ученики и молодые учителя принимали участие в массовых сценах. Это было глотком другой, сказочной жизни, который дарил надежду и веру в чудо.

Дети войны – будущие учителя: испытание голодом и трагедией

Особой главой в истории военных лет являются судьбы детей, которые, пройдя через все ужасы войны, не сломались, а выбрали самую гуманную профессию – учителя. Их воспоминания – это живое свидетельство того, как закалялся характер и формировались жизненные принципы целого поколения.

Для Дины Кирилловны Новосёловой, которой в начале войны было 5 лет, война – это прежде всего голод. Она вспоминает трагедию, когда ее брат потерял хлебные карточки на всю большую семью. «В то трудное голодное время это было почти, что равносильно голодной смерти», – говорит она. Ее отец, работая ночами на пекарне, рисковал жизнью, чтобы пронести детям крохотные кусочки хлеба, ведь за это грозила суровая кара вплоть до расстрела. Дети сами заботились о себе: «варили суп из крапивы, из лебеды», ходили в лес за ягодами и грибами.

Трагедия голода коснулась каждой семьи. В документе описан страшный случай: дети Анны Ковалёвой, Тоня и Серёжа, собрали на поле травившиеся колоски, чтобы сварить похлёбку. Взрослые выжили, а дети умерли от отравления. Голод не щадил никого – от него умерла и молодая учительница Мария Григорьевна Попова, которая, не выдержав, съела выданный на конференцию паёк в 1,2 кг хлеба [5].

Школа как островок стабильности и единства.

Людмила Яковлевна Пивень пошла в первый класс в 1941 году. Она вспоминает, как в их школу пришли эвакуированные дети из детского дома, а затем и семьи переселенцев. Война стирала все границы: «Мы, русские дети, учили своих литовских сверстников русскому языку, помогали им привыкнуть к новым условиям жизни. В школе мы жили дружно, нас объединяло общее горе».

Еще одним символом войны стали «сыны полка» – два украинских мальчика-сироты, которые появились в их классе. Они выделялись военной формой и сапогами, но Людмила Яковлевна с горечью отмечает: «завидовать

этим мальчишкам не следовало, так как у меня были отец и мать, брат и сестра, а у этих мальчишек-сирот никого из родных».

Анна Николаевна Бавина ярко описывает, как дети помогали фронту: «Вязали с двумя пальцами варежки, носки. Потом собирали общие посылки и отправляли на фронт». Она запомнила, как всей школой собирали посылку для одного солдата, и тот прислал ответ – это была огромная радость, означавшая, что их помощь дошла по назначению [6].

Мария Дмитриевна Сечнева в 16 лет стала взрослой. Четыре ее брата ушли на фронт, и вся колхозная работа легла на плечи подростков, женщин и стариков. Летом они сеяли, жали и молотили хлеб, который потом везли за 150 км в Бийск. Зимой сушили картофель для фронта и пряли шерсть. Работали за трудодни, в конце года, по которым давали «100–200 граммов каких-то отходов». «Все для фронта, все для победы!» – это был не просто лозунг, это был закон жизни, который они понимали и принимали.

Победа, оплаченная высшей ценой.

Для многих День Победы стал праздником «со слезами на глазах». Семья Марии Дмитриевны Сечневой шла на первый победный митинг «с грустью, печалью и невыплаканными слезами». Четверо ее братьев погибли на фронте: двое – в 1941-м под Смоленском и Москвой, третий – под Сталинградом, а самый младший – 27 апреля 1945 года под Берлином, почти у самой цели.

Дина Кирилловна Новосёлова навсегда запомнила «мужские слезы» своего отца, когда тот получил похоронку на старшего сына. И та же Дина Кирилловна запомнила вкус морковной запеканки, которую дали в столовой завода в День Победы: «Какая была вкусная эта запеканка! Мне кажется, что больше я не ела такой вкусной морковной запеканки». Эти люди, пережившие голод, холод, потерю близких и непосильный труд, не ожесточились. Они выбрали путь учителя, чтобы передать следующим поколениям не только знания, но и ту силу духа, ту веру в жизнь и ту любовь к Родине, которые помогли им выжить и победить.

Выводы. На примере учительниц и жительниц села Озерки мы видим, что подвиг в тылу был двойным. Во-первых, это был титанический трудовой подвиг. Хрупкие женщины в одиночку пахали землю, впрягались в лямки тракторов, жали хлеб и днями не выходили из колхозных полей, чтобы прокормить армию и страну. Они работали не за награды, а за трудодни, за отрез ситца, за сознание того, что их работа – это вклад в Победу. Но, во-вторых, и это, возможно, главнее, – это был духовный и нравственный подвиг. В условиях голода, холода и всеобщего горя они не позволили себе сломаться. Учительницы, сами теряя близких и недоедая, находили в себе силы не только учить детей, но и зажигать в их сердцах веру в добро. Они создавали в школе островок человечности: ставили спектакли, вязали варежки бойцам, писали им письма и учили детей, что даже в кромешном аду есть место состраданию, взаимопомощи и любви к Родине [7].

Таким образом, вклад сельских женщин в Победу невозможно измерить только тоннами сданного хлеба или тысячами отработанных трудодней. Их главный вклад – это спасённое детство, сохранённые человеческие ценности и те нити добра и патриотизма, которые они сумели протянуть через все ужасы войны к следующим поколениям. Память об их стойкости, силе духа и беззаветной любви – это наш нравственный долг и вечный урок для всех нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамкина С.Г., Баринова Н.Г. Сельская школа как субъект формирования социальной активности обучающихся // Аграрная наука – сельскому хозяйству: Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции. Том 2.– Барнаул: Алтайский государственный аграрный университет, 2025. – С. 190–192.
2. Никонова В.А. Память как часть историко-культурного наследия регионального сообщества: введение в туристско-экскурсионную работу материалов об эвакуации ученых и вузов в Барнаул в годы Великой Отечественной войны на примере Пушкинского сельхозинститута / В.А. Никонова // Краеведение и туризм: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию историка и краеведа Алексея Дмитриевича Сергеева (Барнаул, 11 ноября 2020 года): Вып. 2 / редкол.: И.В. Архипова, А.В. Рыков, Т.К. Щеглова (отв. ред.). – Барнаул: АлтГПУ, 2020. – С. 282.
3. Колокольцев М.Г. Сельский мир в музейной работе в условиях дистанционного высшего аграрного образования России / М.Г. Колокольцев // Аграрная наука – сельскому хозяйству : Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции в 2 кн., Барнаул, 09–10 февраля 2021 года. Том Книга 2. – Барнаул: Алтайский государственный аграрный университет, 2021. – С. 226–228.
4. Бондаренко С.И. Патриотизм комсомольцев как фактор победы в Великой Отечественной Войне (на материалах Алтайского края) // Культура, наука и образование: традиции и инновации: материалы XIII Международной научно-практической конференции: Ч. 1 / Российский государственный аграрный заочный университет. 12 апреля 2021 года. – Балашиха: Изд-во ФГБОУ ВО РГАЗУ, 2021. – С 72–75.
5. Материалы из районного краеведческого музея с. Озерки, Алтайского края.
6.Бондаренко С.И. Особенности хозяйственного освоения Алтайского региона в XVIII–XIX веках // Аграрная наука- сельскому хозяйству. Сборник статей в 3-х кн. Алтайский государственный аграрный университет. С. 23–24.
7. Духовно-нравственное воспитание студентов высшей школы. Монография / Н.Г. Баринова. – Барнаул, 2010. – С. 102 с.

УДК 373(09)+791.228(09)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПИОНЕРОВ В СОВЕТСКИХ ДИАФИЛЬМАХ КОНЦА 1950-Х – 1960-Х ГГ.

А.В. Богомолова, студент бакалавриата
Научный руководитель – Ю.В. Дружинина, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории
Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. На основе диафильмов 1950–1960-х гг. автор анализирует общественно полезную деятельность пионеров. Выявлены ключевые практики: труд на благо страны, защита рубежей, продолжение традиций. Диафильм формирует модель «пионера-гражданина», связывая повседневность с героическим прошлым и будущим.

Ключевые слова: пионеры, диафильм, общественно полезный труд, СССР, история.

Введение. Советская пионерская организация, являясь важнейшим институтом социализации, ставила своей целью воспитание активного и сознательного строителя коммунистического общества. Одной из ключевых задач пионерии была организация массовой общественно полезной деятельности детей, направленной на реальный вклад в жизнь страны. В этом контексте диафильм, как комплексный исторический источник, сочетающий визуальную наглядность и эмоциональное воздействие на зрителя, стал мощным инструментом трансляции соответствующих моделей поведения и ценностных ориентаций советским школьникам. Как отмечают исследователи Е.Ф. Бехтенова и Ю.В. Дружинина, «анализ изображений, текстов диафильмов дает возможность расширить визуальный ряд школьного учебника дополнительной информацией и, возможно, понять чувства, отношение создателей диафильма к запечатлённым в нем событиям» [1, С. 65]. В настоящее время феномен пионерского движения изучается в различных аспектах, однако репрезентация именно повседневной, общественно полезной деятельности пионеров в визуальной культуре, в частности в диафильмах, остается малоизученной. Существующие работы (К.В. Анисимов, И.А. Булатов, Ю.М. Быстрова, В.П. Головинов, М.С. Звонарева, Л.В. Кулешов, С.Я. Щеброва и др.) носят общий характер, не фокусируясь на обозначенной проблематике. Настоящее исследование призвано восполнить эту лакуну.

Постановка задачи. Целью исследования является характеристика репрезентаций общественно полезной деятельности пионеров в советских диафильмах конца 1950-х – 1960-х годов. Для достижения цели поставлены следующие задачи: выявить направления общественно полезной деятельности пионеров, репрезентируемые в советских диафильмах конца

1950-х – 1960-х гг.; выделить визуальные стратегии репрезентации полезного действия в диафильмах, направленные на демонстрацию эффективности, массовости и осязаемости результатов пионерского труда.

Методика и методология исследования. Методологической основой исследования выступил междисциплинарный подход, интегрирующий методы визуального анализа, культурной истории и истории детства. В процессе исследования производился контент-анализ, позволивший выделить и кодифицировать конкретные виды деятельности пионеров, представленных в советских диафильмах.

Источниковую базу исследования составили диафильмы, отобранные из коллекции «Платформенный продукт НЭБ.Дети» [2]. Критерием отбора стала доминирующая в диафильмах тема общественно полезного труда и социальной активности. Для детального анализа был сформирован корпус из пяти диафильмов: «Делегат» (1960), «Вовка открывает страну» (1967), «Чужому не пройти!» (1958), «Смелого любит народ» (1963), «Тверже шаг» (1963) [3; 4; 5; 6; 7].

Результаты. Проведенный анализ источников позволил выявить, что диафильмы представляют собой целостную систему репрезентации пионерской деятельности, структурированную вокруг нескольких ключевых направлений, каждое из которых подчеркивает непосредственный вклад детей в жизнь общества. Так, в проанализированных диафильмах наиболее ярко представлена трудовая деятельность пионеров, напрямую связанная с экономическими потребностями страны. В диафильме «Делегат» пионеры села Апраксина берут на себя обязательство по уничтожению 30 тысяч сусликов – вредителей колхозного урожая [3]. Этот сюжет акцентирует не столько личный успех героя, Алеши Окунькова, сколько масштабную организованную работу всего отряда: «Ребята пионеры сказали: Давайте уничтожим тридцать тысяч сусликов. И колхозу поможем, и честь отряда спасём!». Здесь полезный труд увязывается с солидарностью и ответственностью пионеров перед коллективом.

В диафильме «Вовка открывает страну» [4] труд пионеров метафорически представлен как строительство целой «страны Пионерии». Ее «объектами» становятся конкретные, осязаемые дела: пионеры Белоруссии тушат пожар, эстонские школьники строят мини-электростанцию на ручье, а пионеры города Горького собирают металлолом для постройки настоящего теплохода «Георгий Масляков» [4]. Важно, что этот труд не игровой, а реальный и имеет конкретный продукт, названный в честь самого пионера, что символически утверждает личный вклад каждого пионера в общее дело.

Вторым ключевым направлением общественно полезной деятельности советских пионеров является военно-патриотическая работа, представленная в диафильмах не как абстрактная идея, а как набор конкретных, полезных действий. Диафильм «Чужому не пройти!» посвящен помощи пионеров пограничникам. Герои диафильма, пионеры Мито, Коля, Георгий и Ханум,

не являются пассивными наблюдателями; их бдительность и смекалка приводят к поимке реальных шпионов [5]. Их деятельность трактуется как прямая и необходимая помощь в охране государственного суверенитета, за что они награждаются медалями «За отличие в охране государственных границ СССР». Таким образом, в диафильме повседневная «игра в сыщиков» наделяется государственной важностью, а пионер предстает как полноправный помощник силовых структур.

Третье направление общественно полезной деятельности советских пионеров, представленной в проанализированных диафильмах, – это деятельность по сохранению исторической памяти и продолжению традиций, которая также подается как общественно полезный труд. В диафильме «Смелого любит народ» проводится прямая параллель между подвигом пионера-партизана Грицко, воевавшего в 1941 году, и поступком современных пионеров, спасающих человека в буран [6]. Помощь ближнему в мирное время создателями диафильма приравнивается к воинскому подвигу, формируя непрерывную цепь социально одобряемых поступков. В диафильме «Тверже шаг» сама церемония вступления в пионеры у мавзолея В.И. Ленина представляется как акт принятия ответственности за продолжение дела революции [7]. Пионерский галстук и салют символизируют не просто принадлежность к организации, а готовность к полезному действию на благо общества.

Визуальный ряд диафильмов играет ключевую роль в демонстрации эффективности и массовости пионерского труда. Иллюстрации в диафильмах почти всегда изображают детей в действии: они сообща тянут канат, тушат пожар, работают в поле, ведут наблюдение. Композиции часто динамичны и подчеркивают коллективный, а не индивидуальный характер работы. В кадрах из диафильмов «Делегата» и «Вовки...» представлены группы детей, сосредоточенно выполняющих одну задачу. Визуальный нарратив выстраивается таким образом, чтобы зритель видел не только процесс, но и результат: потушенный дом, пойманного шпиона, спасенный урожай, построенный корабль. Это наглядно доказывает тезис о практической пользе, приносимой пионерами советскому обществу.

Выводы. Результаты проведенного анализа советских диафильмов позволяет говорить о том, что в них в 1950–1960-е годы целенаправленно и системно конструировали образ пионера как активного и полезного члена общества, чья повседневная деятельность являлась непосредственным вкладом в укрепление экономики и обороноспособности страны. Научная новизна работы заключается в том, что впервые общественно полезная деятельность пионеров была проанализирована не на уровне официальных документов или воспоминаний, а через призму ее визуальной репрезентации в массовом медиа для детей, с выделением конкретных типологий этой деятельности.

Теоретическое значение исследования состоит в доказательстве того, что диафильмы, скорее всего, визуализировали повседневные практики пионеров. Через увлекательные сюжеты и яркие образы они транслировали модель «пионера-гражданина», чья личная идентичность была неразрывно связана с полезным для коллектива и государства действием. Труд, бдительность и верность традициям в советских диафильмах представлены не как абстрактные добродетели, а как набор конкретных, посильных для школьников социально значимых дел.

Перспективы дальнейших научных разработок, представляется, что связаны с анализом репрезентации пионерской деятельности в диафильмах разных десятилетий для выявления ее эволюции. Также перспективным представляется сравнительный анализ с другими медиа (журналы «Пионер», «Костер») и изучение представления труда пионеров и пионерок. Это позволит создать более полную картину формирования советской идентичности в детской и подростковой среде, которая презентовалась в советских источниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтенова, Е.Ф. «Олимпийские хлопоты начинаются задолго до первого старта»: советские диафильмы как исторический источник изучения летних олимпийских игр 1980 года на уроках истории / Е.Ф. Бехтенова, Ю.В. Дружинина // Преподавание истории в школе. 2022. № 5. С. 64–69.
2. Официальный сайт платформенного продукта НЭБ. Дети [Электронный ресурс]. URL: https://view.nebdeti.ru/.
3. Делегат [Электронный ресурс]: диафильм / А.И. Мусатов; худож. А. Самсонов. М.: Диафильм, 1960. 1 дф. (49 кд.). URL: https://view.nebdeti.ru/web/viewer.html?item_id=22408879-e1ac-4f0e-bbf4-0a1488e12873#page=1&spread=0&zoom=page-fit.
4. Вовка открывает страну [Электронный ресурс]: диафильм / И.Б. Евгеньев; худож. А. В. Самсонов. М.: Студия "Диафильм", 1967. 1 дф. (37 кд.). – URL: https://view.nebdeti.ru/web/viewer.html?item_id=62823a54-22a5-4773-a199-965eb24a7007#page=1&spread=0&zoom=page-fit.
5. Чужому не пройти! [Электронный ресурс]: диафильм / В. М. Грандова, Н. Тимофеева; худож. Г.А. Мазурин. М.: Диафильм, 1958. 1 дф. (53 кд.). URL: https://view.nebdeti.ru/web/viewer.html?item_id=b5a7dc75-bf97-46e4-9c14-4976d9326620#page=1&spread=0&zoom=page-fit.
6. Смелого любит народ [Электронный ресурс]: диафильм / В.М. Грандова; худож. В. Хваленский. М.: Диафильм, 1963. 1 дф. (53 кд.). URL: https://view.nebdeti.ru/web/viewer.html?item_id=1e4c97d8-c35e-4aff-aa3e-422625a3cc26#page=1&spread=0&zoom=page-fit.
7. Тверже шаг [Электронный ресурс]: диафильм / А.П. Шманкевич; худож. Б.Л. Игнатьев. М.: Диафильм, 1963. 1 дф. (43 кд.). URL: https://view.nebdeti.ru/web/viewer.html?item_id=1e4c97d8-c35e-4aff-aa3e-422625a3cc26#page=1&spread=0&zoom=page-fit.

УДК9:631.611(571.14)(09)

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ОБЩЕСОЮЗНЫЙ КОНТЕКСТ

П.Е. Власова, студентка ИФиПА
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье на основе анализа архивных материалов и научной литературы исследуется процесс освоения целинных и залежных земель в Западной Сибири на примере Новосибирской области. Рассматриваются масштабы кампании, основные направления аграрной политики, социально-демографические последствия и экономические результаты. Особое внимание уделяется специфике Новосибирской области, которая, в отличие от других регионов, таких как Казахстан и Алтай, в основном развивала сельское хозяйство за счет внутренних ресурсов и улучшения работы уже существующих земель. Исследование показывает, что Новосибирская область внесла существенный вклад в общесоюзное производство зерна, достигнутый не только за счет расширения посевных площадей, но и благодаря модернизации сельскохозяйственной техники и внедрению передовых методов обработки земли. В заключение делается вывод о многогранном влиянии целинной кампании на развитие агропромышленного комплекса Новосибирской области.

Ключевые слова: целина, Новосибирская область, Западная Сибирь, сельское хозяйство, аграрная политика, совхозы, подъём целины, социально-демографические процессы.

Программа освоения целинных земель, стартовавшая в 1954 году, заняла особое место в истории СССР как масштабный социально-экономический проект. Традиционно основное внимание исследователей сосредоточено на ключевых регионах – Казахстане и Алтайском крае, тогда как опыт других территорий, в частности Новосибирской области, остаётся недостаточно изученным. Хотя Новосибирская область не входит в число первоочередных районов целины, её вклад в реализацию общесоюзных задач был существенен: регион предложил взвешенный подход, сочетавший расширение посевных площадей с повышением их продуктивности [1].

Актуальность анализа регионального опыта обусловлена необходимостью сформировать целостное и объективное представление об этом историческом явлении.

Импульсом к развёртыванию целинной кампании стало решение февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В Западной Сибири основные работы проводились в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях. При этом модели освоения различались: если в Казахстане ставка делалась на создание крупных совхозов на необжитых территориях, то в Новосибирской области подход имел свою специфику.

Главное отличие новосибирской модели заключалось в ориентации на уже освоенные аграрные зоны. Приоритетом стала распашка заброшенных участков, прилегающих к действующим колхозам и совхозам. Такой метод позволил минимизировать типичные проблемы начального этапа освоения новых земель – нехватку жилья и дефицит социальной инфраструктуры. Как отмечает сибирский историк В. А. Ильиных, «новосибирский подход к освоению целины оказался менее затратным и более выгодным с точки зрения социальных последствий» [2].

Объём проведённых работ был внушительным: в период с 1954 по 1960 год в Новосибирской области ввели в сельскохозяйственный оборот свыше 1,5 миллиона гектаров ранее неиспользуемых угодий [3]. Пик распашки пришёлся на 1954–1956 годы, что привело к заметному увеличению площадей под зерновые культуры, прежде всего под пшеницу. Динамика освоения целинных земель в Новосибирской области в сравнении с соседними регионами представлена в табл. 1.

Таблица 1. Освоение целинных и залежных земель в регионах Западной Сибири за 1954–1960 гг. (тыс. га)

Регион	1954 г.	1955 г.	1956 г.	Всего за период
Алтайский край	1780	1450	935	4165
Новосибирская обл.	450	520	380	1550
Омская обл.	640	570	410	1620

Источник: составлено по [3; 4].

Социальный компонент целинной кампании в Новосибирской области обладал рядом характерных черт. В отличие от Казахстана, куда направлялись многочисленные отряды комсомольцев по путёвкам, в Новосибирской области кадровая проблема решалась преимущественно через внутреннюю мобилизацию трудовых ресурсов. Дополнительно осуществлялся организованный набор и переселение семей из регионов с дефицитом земельных угодий. За период освоения целины в сельские территории области на постоянное жительство переехало свыше 50 тысяч человек [5]. Это дало импульс развитию социальной сферы сельских населённых пунктов, однако одновременно породило сложности с обеспечением переселенцев жильём и объектами социальной инфраструктуры.

Одним из ключевых результатов целинной программы стало существенное укрепление материально-технической оснащённости сельского хозяйства региона. Колхозы и совхозы Новосибирской области получили значительное количество сельскохозяйственной техники: тысячи тракторов, комбайнов, автомобилей и иных машин. Параллельно шло формирование новой ремонтной инфраструктуры – создавались специализированные базы, возводились машинно-тракторные станции. Эти процессы оказали стимулирующее воздействие на промышленное развитие Новосибирска: местные предприятия наращивали объёмы производства продукции для аграрного сектора [6].

Вместе с тем целинная кампания выявила и ряд негативных последствий. Первоначальная ориентация на экстенсивные методы ведения сельского хозяйства привела к быстрому истощению почв. Уже к середине 1950-х годов остро встала проблема ветровой эрозии, что вынудило аграриев и учёных активно внедрять почвозащитные технологии [7]. Помимо этого, экономическая эффективность новых хозяйств оказалась неоднородной – многие из них не смогли достичь рентабельности, особенно в восточных районах области, где климатические условия менее благоприятны для земледелия.

Тем не менее, экономические результаты кампании в целом были положительными. Удельный вес целинных земель в общем сборе зерна в области в отдельные годы достигал 40% [8]. Новосибирская область стабильно выполняла и перевыполняла планы хлебозаготовок, внося весомый вклад в продовольственную безопасность страны. Благодаря целинному хлебу удалось стабилизировать снабжение зерном не только области, но и соседних промышленных центров.

Новосибирская область продемонстрировала особенный подход к освоению целинных земель, сумев совместить общесоюзные задачи с региональными особенностями. В отличие от Казахстана, где была широко распространенна экстенсивная модель, Новосибирск применил более сбалансированный подход. Он включал в себя как освоение новых земель, так и модернизацию существующих хозяйств с применением интенсивных методов. Благодаря этому удалось добиться значительного роста производства зерна при меньших социальных издержках. Освоение целины стало мощным стимулом для модернизации всего агропромышленного комплекса Новосибирской области, заложив основу для его дальнейшего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Целинная эпопея в Западной Сибири (1954–1960 гг.): экономические и социальные аспекты / В.А. Ильиных, Г.А. Ноздрин, И.Б. Карпунина [и др.] // Экономическая история. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 56–72. – DOI 10.3152/2072-6724-2020-16-2-56-72. – EDN YTKMZJ.

2. Ильиных, В. А. Аграрное развитие Западной Сибири во второй половине XX века: региональный опыт / В.А. Ильиных // Вестник НГАУ (Новосибирский государственный аграрный университет). – 2019. – № 1(54). – С. 123–130. – DOI 10.31677/2072-6724-2019-54-1-123-130. – EDN XQZMSB.

3. Новосибирская область в период освоения целинных и залежных земель (1954–1965 гг.): сборник документов и материалов / сост. Т.И. Бакаева, Л.И. Боженко. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2018. – 245 с.

4. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: статистический сборник. – М.: Статистика, 1977. – 320 с.

5. Социально-демографические процессы в сибирской деревне в годы освоения целины (на материалах Новосибирской области) / С.В. Макарчук // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – Т. 28, № 4. – С. 45-51. – DOI 10.3154/2072-6724-2021-28-4-45-51. – EDN UPDKWA.

6. Развитие промышленности Новосибирска в контексте аграрных преобразований 1950-1960-х годов / Д.В. Симонов, А.С. Колесников // Сибирский исторический журнал. – 2022. – № 3. – С. 78–85. – EDN ILCFYU.

7. Агроэкологические последствия освоения целины в Западной Сибири и пути их преодоления / М.А. Альберт, Р.Р. Галеев, Е.А. Ковалев // Аграрная наука – сельскому хозяйству. – 2023. – № 1(18). – С. 34–38. – EDN PMMJNC.

8. Экономическая эффективность освоения целинных земель в Новосибирской области / И.И. Сидоров // Инновации и продовольственная безопасность. – 2020. – № 2(30). – С. 25–31. – DOI 10.31677/2311-0651-2020-30-2-25-31. – EDN ZXQKLM.

УДК 94(4)+61(091)+133.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУМОРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ МЕЛАНХОЛИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: МАРСИЛИО ФИЧИНО И РОБЕРТ БЁРТОН

А.Е. Денисов, студент
Научный руководитель – С.О. Егоров, канд. ист. наук, доцент
Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается трансформация гуморальной теории в работах мыслителей Раннего Нового времени, Марсилио Фичино и Роберта Бёртона, использовавших гуморальную теорию в основе своих концепций феномена меланхолии.

Ключевые слова: Гуморальная теория, меланхолия, Новое время, Анатомия меланхолии, Три книги о жизни.

Несмотря на то, что гуморальная теория, сформулированная Гиппократом и систематизированная Галеном, изначально представляла собой рационально-медицинскую модель, объяснявшую болезни, в том числе меланхолию, дисбалансом телесных соков (гуморов), её судьба в интеллектуальной культуре Нового времени демонстрирует парадоксальную трансформацию: авторы эпохи Раннего Нового времени, такие как Марсилио Фичино и Роберт Бёртон, активно использовали эту, казалось бы,

соматоцентричную схему для обоснования принципиально иной – магической и религиозной – природы меланхолического состояния. Таким образом, центральная проблема данного исследования заключается в необходимости проследить и объяснить, каким образом одна и та же теоретическая конструкция совершила переход из области естественнонаучного знания в область теологического, эзотерического и оккультного. Целью работы является выявление этого концептуального сдвига через последовательное рассмотрение канонической гуморальной модели у античных авторов и её переосмысленных версий в трудах Марсилио Фичино «О жизни» и Роберта Бёртона «Анатомия меланхолии».

Гуморальная теория была предложена Гиппократом, доработана Галеном, активно развивалась в Средние века и даже Новое время, прочно войдя в европейскую медицину более чем на две тысячи лет. В трактате Гиппократа «О природе человека» гуморальная теория предстаёт как целостная рационально-натурфилософская система, фундаментом которой выступает учение о четырёх соках организма (гуморах) – крови, флегме, жёлтой желчи и чёрной желчи [4, С. 199]. Каждый гумор наделён парой из четырёх базовых качеств – тепло, холод, влажность и сухость, – что напрямую связывает природу человеческого тела с природой универсума: кровь (тёплая и влажная) соответствует весне, флегма, или слизь, (холодная и влажная) – зиме, жёлтая желчь (тёплая и сухая) – лету, а чёрная желчь (холодная и сухая) – осени. Гиппократ в своей работе подчёркивает, что человек по природе своей не является чем-то единым, ибо в таком случае он бы не болел совсем или же от болезни существовало бы единое лекарство, а между тем болезней человека существует великое множество, как и множество способов излечения [4, С. 197]. Кроме того, автор трактата так же обращает внимание на то, что ничто не может родиться само по себе, ибо рождение происходит лишь из соединения чего-либо с чем-либо другим, но при том соединяемые части должны соотноситься друг с другом и прибывать в гармоничном равновесии, таким образом соотносится в теле человека холодное с тёплым, а влажное с сухим [4, С. 198]. Этим тезисом Гиппократ ещё раз обосновывает и подчёркивает составную природу человеческого тела, так как человек просто не мог быть рождён, как нечто единое, он мог появиться лишь из гармоничного слияния частей, присутствующих в универсуме, при этом, как подчёркивает Гиппократ, со смертью человеческого тела эти самые составные части возвращаются к своей природе, влажное к влажному, сухое к сухому, тёплое к тёплому, холодное к холодному [4, С. 198].

Здоровье в рамках гуморальной теории понимается как как динамическое равновесие этих гуморов, их правильное смешение и соотнесение с индивидуальной природой человека. Болезнь же, и меланхолия в частности, есть прямое следствие их диспропорции – либо количественного преобладания одного из них, либо его качественной порчи [4, С. 199]. Таким

образом недостаток какого-то гумора так же, как и его избыток приведёт к тому или иному недугу, а потому медицинские практики должны быть направлены на поддержания баланса и равновесия четырёх соков в теле человека. Тогда этиология любого недуга, включая психические страдания, сводится к материальным, телесным процессам: неподходящая пища, неблагоприятный климат или образ жизни нарушают внутренний баланс гуморов, что и проявляется в симптомах. Меланхолия в этой системе – не загадочная «болезнь души», а вполне конкретный соматический диагноз, вызванный избытком или испорченностью холодной и сухой чёрной желчи; её проявления – уныние, страх, отчаяние [6, С. 723]. Все эти проявления – суть вторичные признаки телесного расстройства, поддающегося коррекции через диету, режим и другие практики, призванные восстановить утраченную гармонию соков.

Отдельное внимание Гиппократ уделил болезни, которую в античные времена многие называли священной, сейчас она известна нам как эпилепсия. Гиппократ посвятил этой болезни отдельное сочинение «О священной болезни», в котором он сделал акцент на том, что данный недуг ничуть не является более божественным или священным, чем все остальные, а значит природа его столь же естественна, сколько природа остальных заболеваний [5, С. 495]. Таким образом, по мнению автора сочинения, «священная болезнь» вызвана не сверхъестественным гневом богов или одержимостью демонами, а всё тем же дисбалансом гуморов в теле человека. То, что болезнь была провозглашена священной Гиппократ объясняет тем, что люди, которые с ней впервые столкнулись были неопытны и удивлены тому, сколь этот недуг непохож все прочие, и потому назвали его священным [5, С. 495]. В дальнейшем же миф о священности этого заболевания намеренно поддерживался заклинателями, магами, шарлатанами и другими обманщиками, которые не имели реальных сведений о болезни, но занимались её излечением, при том, сбрасывая с себя любую ответственность за неудачное лечение, причиною того является божественная воля [5, С. 496]. В качестве объяснения природы эпилепсии Гиппократ указывает на мозг, чья природа может быть испорчена избытком флегмы (слизи), что нарушает его функцию и приводит к припадкам – таким образом данный недуг, как и все прочие имеет естественную природу и никак не связан с божественным провидением [5, С. 504].

Гален, как уже было упомянуто выше, доработал теорию Гиппократа, связав каждый из четырёх соков (гуморов) с органом-производителем: кровь – с сердцем и печенью, флегму – с мозгом, жёлтую и чёрную желчь – с печенью. Он отдельно отмечает, что чёрная желчь, которая, как многие ошибочно считают, образуется в селезёнке, образуется, как и жёлтая в печени, в селезёнке же она только скапливается [3, С. 300]. Именно в этой усложнённой системе получает своё окончательное объяснение меланхолия. Согласно Галену, её причина – не просто избыток чёрной желчи, а её

качественная порча вследствие ожога излишней теплотой, либо её избыточная выработка холодной и сухой селезёнкой [3, С. 300]. Эти испорченные пары поднимаются к мозгу, что и порождает специфический комплекс душевных мук: беспричинный страх, всепоглощающую тоску, ненависть к свету и людям, тягу к одиночеству. Таким образом, Гален не просто принял гуморальный принцип, но превратил его в диагностический и терапевтический инструмент, где симптому находилось материальное объяснение в конкретном органе и испорченном соке, а лечение (диета, кровопускание, рвотные препараты) строилось на принципе противоположности для нейтрализации холода и сухости меланхолической жидкости.

Таким образом, в трудах Гиппократа и Галена гуморальная теория сложилась как строго рациональная и соматоцентричная медицинская модель. Её ядром был принцип здоровья как динамического равновесия телесных соков, а болезни – как нарушения этого равновесия вследствие естественных причин. Меланхолия же, отмеченная у Гиппократа лишь как признак гуморального расстройства, благодаря Галену получила детальную патофизиологическую схему. Эта модель, основанная на материальном субстрате и лечении по принципу противоположности, надолго утвердилась в европейской медицине в качестве исчерпывающего научного объяснения. Однако в эпоху Возрождения и Раннего Нового времени эта рациональная конструкция была подвергнута радикальному переосмыслению и стала использоваться для обоснования идей, далёких от первоначального медицинского замысла.

В эпоху Возрождения судьбу гуморальной теории коренным образом изменил флорентийский философ Марсилио Фичино в своём трактате «О жизни». Фичино не отвергает медицинский канон Галена, но совершает над ним надстройку, встраивая гуморальную физиологию в систему неоплатонической астрологии. Отправной точкой является связь меланхолии с чёрной желчью, обилие которой в теле человека может быть вызвано сухостью тела и чрезмерным умственным напряжением [2, С. 115]. Следуя логике качеств меланхолии в рамках гуморальной теории Гиппократа, Фичино устанавливает строгое соответствие: чёрная желчь соотносится с планетой Сатурн, которая по своей природе также холодная и сухая, как и природа самой меланхолии (чёрной желчи) [2, С. 113]. Кроме того, Фичино отмечает, что чёрная желчь, будучи аналогичной центру мира, ведёт к созерцанию всего наивысшего, поскольку она более всего соответствует Сатурну, высшей из планет [2, С. 115]. Связь умственной, созерцательной деятельности и меланхолии таким образом, по Фичино, обоюдна: созерцание порождает меланхолическую природу, а меланхолия подталкивает к созерцанию.

Сатурн, как отмечает автор трактата «О жизни» заставляет упорствовать в исследованиях, он передаёт собственную природу своим

последователям и приумножает её день ото дня – таким образом меланхолия становится не просто дисбалансом гуморов в организме, а знаком планетарного проведения [2, С. 113]. Меланхолия рассматривается Фичино не столько как недуг, сколько как дар, поскольку она побуждает человека к глубокой и активной мыслительной деятельности. Мыслитель даже отмечает, что из всех учёных людей наиболее всего подвержены влиянию Сатурна и, как следствие, меланхолии самые гениальные из философов, ибо их разум настолько силён, что начинает превосходить их тело [2, С. 115].

Поскольку Фичино рассматривает этиологию меланхолии в рамках неоплатонической астрологии, методы борьбы с недугом мыслитель предлагает в этих же рамках. Чтобы бороться с сухим и холодным влиянием Сатурна, необходимо привлечь влажное и горячее влияние Юпитера, сделать это можно за счёт использования связанных с ним веществ, занятий и образов [2, С. 367].

Таким образом, Марсилио Фичино осуществляет в своём трактате «О жизни» фундаментальную трансформацию гуморальной теории. Чёрная желчь, пребывающая в чрезмерном обилии в человеческом теле, теперь не просто указывала на дисбаланс гуморов в организме, что свидетельствовало о тех или иных телесных нарушениях, она стала индикатором избранности человека планетой Сатурн, дарующей ему гениальность. Марсилио Фичино предложил абсолютно новый взгляд на меланхолию, он увидел её не просто специфическим недугом, а даром, который стоит принять и использовать. Если человек не борется с природой меланхолии, ниспосланной ему Сатурном, а принимает её, соглашается на уединённую и полную созерцания жизнь, то к такому человеку Сатурн становится дружествен, как к своему сородичу, и дарует оному наивысшую степень гениальности [2, С. 365].

Роберт Бёртон в своей работе «Анатомии меланхолии» представляет наиболее парадоксальный этап эволюции гуморальной теории в Новое время. Он излагает классическую гуморальную теорию, признавая чёрную желчь материальной причиной болезни [7, С. 308]. Однако если по Гиппократу преобладание чёрной желчи вызывалось естественными причинами, такими как влияние климата, пищи или образа жизни человека, то по Бёртону оное может быть обосновано божественным влиянием, влиянием планет или же происками колдунов и демонов.

Соглашаясь с тем, что источником недуга является преобладание в организме человека чёрной желчи, Роберт Бёртон обосновал то, что такой дисбаланс гуморов мог быть вызван влиянием Господа, который насылал болезнь на человека в наказание за грехи [8, С. 165]. Насылать на человека меланхолию Господь мог с помощью своих ангелов, которые являются, по Бёртону, духами, то есть существами либо бестелесными, либо обладающими телесностью, сильно отличающейся от человеческой. Эти существа так же имеют сверхъестественные способности, среди которых влияние на человеческую природу [8, С. 165]. По Бёртону, духи, будь то,

ангелы, демоны или другие, могут вызвать в человеке дисбаланс гуморов, который в свою очередь приведёт к меланхолии. Совершать такие действия над человеком духи могут как с Божиего соизволения, так и из личных вредных намерений. Однако и ангелы, и демоны изначально исходят от Господа, ибо демоны когда-то были ангелами, но поддержали Люцифера и были вместе с ним низвергнуты с небес за гордость и честолюбие – а потому все эти существа имеют изначально божественную природу [7, С. 322]. Таким образом Роберт Бёртон встраивает гуморальную теорию в рамки своей авторской медицинско-теолого-эзотерической теории.

Обосновав божественную природу меланхолии, Бёртон переходит к магической и эзотерической. По Бёртону, колдуны могут подражать духам, демонам, дабы заиметь какую-то долю от их сверхъестественных способностей [7, С. 355]. Тогда маги так же, как демоны, могут влиять на тело человека, вызывая в нём меланхолию. Подражание духам колдунами осуществляется через символы, знаки, слова и заклятия, которые сами по себе, как отмечает автор «Анатомии меланхолии», не имеют в себе никакой магической силы, но они позволяют магам воспроизводить те средства, которыми демоны влияют на людей. Демоны же, даруя магам часть своих сверхъестественных способностей, удерживают их в своей вассальной зависимости и требуют от них всё большего участия в своих порочных делах, на которые демонов толкает их вредоносная изначальная природа [7, С. 356].

Как и Марсилио Фичино, Роберт Бёртон обращается к астрологии. В рамках этой практики оба исследователя придерживаются единой позиции – планета Сатурн может оказывать влияние на определённых людей, вызывая в них меланхолию. Однако же если Фичино видит в меланхолии знак избранности и гениальности, то Бёртон обосновывает влияние планет на человека божественным проведением. Как отмечает Бёртон, небо является «орудием Господа», и потому само оно и все небесные тела на нём расположенные находятся в божественной воле, а потому их влияние на человека, во-первых, не подлежит сомнению, а во-вторых, является таким же божественным, как и влияние ангелов и демонов на человека, ибо то изначально так же исходит от Господа [7, С. 357].

Таким образом, проведённый анализ демонстрирует, что гуморальная теория меланхолии претерпела в трудах авторов Раннего Нового времени не просто развитие, а радикальную трансформацию. В трудах Гиппократа и Галена гуморальная теория выступала как рационально-медицинская система, где чёрная желчь была материальной причиной недуга, объясняемого естественными факторами. Меланхолия же была соматической болезнью, а лечение представляло собой коррекцию гуморального баланса. Марсилио Фичино, сохранив медицинский аппарат, подчинил его астролого-магической парадигме, раскрыв избыток чёрной желчи, всё ещё являющийся нарушением в балансе организма, как знак избранности и гениальности. Роберт Бёртон же использовал гуморальную теорию как способ

материального обоснования своей авторской теории меланхолии, где за естественным стоит божественное или магическое, а магическое изначально также проистекает из божественной природы. Таким образом мыслители Раннего Нового времени использовали гуморальную теорию как систему, выполняющую роль каркаса и объясняющую материальную сторону их концепций, при этом надстраивая над этой теорией новые гипотезы, изначально никак не связанные с оной, а иногда даже противоречащие гуморальной теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Robert Burton. The The Anatomy of Melancholy / Produced by Karl Hagen, D. Moynihan and Distributed Proofreaders / Project Gutenberg – 2004. https://www.gutenberg.org/cache/epub/10800/pg10800-images.html
2. Marsilio Ficino. Three books of life / A critical edition and translation with introduction and notes by Carol V. Kaske and John R. Clark / Metneva.l. & ReNa.lssa.Nce TeXTS & sTutnes In conjunction with The Renaissance Society of America T. – 1998 – 517 p.
3. Гален. О моих воззрениях / Предисловие, перевод и примечания Е.В. Афонасин / Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Н. – 2016 – Т. 10 – № 1 – С. 281–306.
4. Гиппократ. О природе человека / Перев. с греч., проф. В.И. Руднева, ред. вступ. статьи и примечания В.П. Карпова. / Государственное издательство биологической и медицинской литературы. М. – 1936 – С. 193–211.
5. Гиппократ. О священной болезни / Перев. с греч., проф. В.И. Руднева, ред. вступ. статьи и примечания В.П. Карпова. / Государственное издательство биологической и медицинской литературы. М. – 1936 – С. 493–513.
6. Гиппократ. Афоризмы / Перев. с греч., проф. В.И. Руднева, ред. вступ. статьи и примечания В.П. Карпова. / Государственное издательство биологической и медицинской литературы. М. – 1936 – С. 691–736.
7. Бёртон Р.Б Анатомия Меланхолии / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. А.Г. Ингера. М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 832 с.
8. Денисов А.Е. Соотношение религиозного и эзотерического в трактате «Анатомия меланхолии» Роберта Бёртона / Археология. История. История и теория искусств: материалы 63-й Междунар. науч. студ. конф. 16–22 апреля 2025 г. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2025. – С. 165–166.

УДК 94(47):084

РОЛЬ В.И. ЛЕНИНА В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЦК РКП(б) В ОКТЯБРЕ 1918 г.

И.А. Дмитриенко, студент
Научный руководитель – М.В. Зеленов, д-р ист. наук, профессор
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена роли В. И. Ленина в формировании внешней политики ЦК РКП(б) в октябре 1918 г. В ней проводится разбор документов, связанных с внешней политикой ЦК на фоне подписанного в марте 1918 г. Брестского мира.

Ключевые слова: В. И. Ленин, ЦК РКП(б), ВЦИК, Брестский мир.

Введение. Основным вопросом осенью 1918 г. были отношения с Германией, с которой в марте 1918 г. был подписан унизительный Брестский мир. При голосовании за него и в ЦК, и во ВЦИКе мнения сильно разделились, только авторитет Ленина и его аргументы позволили подписать мир, хотя многие члены ЦК (Бухарин и другие) голосовали против, настаивая на продолжении войны. О международном положении Советской России осенью 1918 г. писали и Радек, и Троцкий, и Каменев, и Зиновьев.

Особенно примечательным периодом в этом вопросе становится октябрь-ноябрь в связи с тем, что на сцену после длительной болезни выходит Председатель правительства и неформальный лидер ЦК РКП(б) В.И. Ленин. Его роль во внешней политике требует особого рассмотрения. После долгого отсутствия, 2 октября 1918 г. на заседании ЦК В.И. Ленину поручают сделать доклад от имени правительства о международном положении [1].

Постановка задачи. Целью исследования является анализ влияния В. И. Ленина на внешнюю политику ЦК РКП(б) по вопросу внешней политики на примере текстов, написанных Лениным и сохранившихся в архивах.

Результаты. После поручения доклада от имени правительства о международном положении, В. И. Лениным началась активная разработка этой темы, вылившаяся в серию статей. Письмо, посвященное политическому кризису в Германии. Написано 3-го октября. Впервые зачитано 4-го октября 1918 г.

Предстаёт следующая картина. Ленину, практически только вышедшему на публику после болезни, поручили написать письмо во ВЦИК от имени правительства, с докладом о международном положении. Письмо это, нарочито двусмысленное и вполне агрессивное, было зачитано 4 октября на 6 заседании 5 созыва ВЦИК и прокомментировано Радеком, (участвовал в переговорах о Брестском мире и был заведующим отдела печати НКИД), Троцким (бывший руководитель советской мирной делегации) и Карелиным

(член СНК, участвовал в переговорах о Брестском мире). Все они в целом, подтвердили тезисы Ленина о крахе германского империализма, о приближающемся крахе капитализма и империализма Европы в целом, о нарастающих революционных настроениях в Германии, Франции, Англии.

После доклада о международном положении была опубликована резолюция ВЦИК [2], принятая единогласно. Она выступила итогом прозвучавших на заседании положений о международной обстановке. Если кратко излагать суть документа, можно получить следующие вырезки о международном положении: «Империалистические классы центральных империй претерпевают катастрофическое крушение». «Советская власть всю свою политику строит в предвидении социальной революции в обоих лагерях империализма», «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет перед лицом всего мира заявляет, что в этой борьбе вся Советская Россия всеми своими силами и средствами поддержит революционную власть в Германии против ее империалистических врагов» [3].

Последнее заявление становится особенно интересным, ввиду того, что полпред РСФСР в Берлине А.А. Иоффе в письме к председателю СНК В.И. Ленину и наркому иностранных дел Г.В. Чичерину констатировал: «нас стали чрезвычайно бояться... Работать стало очень трудно, ибо даже мои «друзья», глубоко убежденные, что сам я ничего противозаконного не делаю, считают, что вообще мы всеми силами и средствами ведем здесь агитацию». Подобные настроения Иоффе объясняет следующим: «Резолюция ЦИК была всеми (и в правительстве тоже) понята так, что мы готовим армию и продовольствие для того, чтобы помочь германскому пролетариату против германского империализма». Далее он продолжает: «Как ни стараюсь я доказать, что мысль была иная мне не верят, утверждая, что в резолюции этого нет. Действительно, резолюция в этом смысле составлена весьма неясно (быть может, умышленно?)» [4].

Дипломатическим последствием выступления Ленина во ВЦИК и принятия резолюции по его докладу стала вербальная нота Германского правительства от 28 октября 1918 г. с протестом против вмешательства во внутренние дела и подстрекательстве к революции.

А политическим последствием (или не связанным с заявлением Ленина событием) стала ноябрьская революция в Германии, которую и предрекал Ленин в своем письме во ВЦИК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 158.
2. Пятый созыв ВЦИК стенографический отчёт, М. изд. 1919 г. С. 237–239. Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 37, С. 97–100.
3. Пятый созыв ВЦИК стенографический отчёт, М. изд. 1919 г. С. 251–253.
4. Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; при участии Б.С. Котова и Л.В. Ланника. М.: Политическая энциклопедия, 2022. С. 572

УДК 94

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ

А.М. Дорохова, студентка ИФиПА
Научный руководитель – А.В. Коновалов, канд. филос. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты арабо-израильского конфликта, корни которого уходят в глубокую историю. В работе изложена история конфликта с конца 19 века по 10 октября 2025 года.

Ключевые слова: Израиль, Палестина, евреи, арабы.

Введение. Самый продолжительный конфликт современности между израильтянами и палестинцами уходит корнями во времена Александра Македонского, царя Ирода, императора Тита и султана Салах ад-Дина. Для общего представления о том, почему Израиль и Палестина долгое время не могли прийти к соглашению достаточно беглого взгляда на историю последнего столетия.

Для начала стоит упомянуть о мифологии данной земли. Территория Палестины издревле является центром духовности религий. Иерусалим — город, объединяющий культовые места. Согласно иудейской традиции, именно отсюда Бог начал мироздание. У иудеев был тут храм, но первый разрушили вавилоняне, а второй римляне. Уцелела только западная стена. Стена плача, которая ныне является главной иудейской святыней [1].

По мусульманскому мировоззрению, отсюда же, Всевышним вознесся Пророк Мухаммед. Место этого события- мечеть Аль-Акса на храмовой горе, в центре Иерусалима. Теперь она числится третьей по значимости мусульманской святыней после Мекки и Медины [2].

Миф и религия отчасти объясняют некоторую поддержку палестинцев и израильтян на Западе и в Арабском мире.

Постановка задачи. Целью научной работы является анализ факторов развития отношений между Палестиной и Израилем, а также значение участия других стран в их взаимоотношения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать истоки арабо-израильского конфликта
2. Изучить ход истории взаимоотношений между Палестиной и Израилем с конца 19 века по 2025 год.
3. Исследовать роль участия разных стран на развитие событий.

Методика и методология исследования. Методологическая основа исследования направлена на системное объяснение динамики арабо-израильского противостояния через интеграцию историко-политологического

подхода. Исследование опирается на принципы триангуляции источников и методов, что позволяет уменьшить риск предвзятости и усилить действительность выводов. В работе применяется комплекс методов:

- Документальный анализ.
- Анализ влияния религии на принятие решений в ходе конфликта.
- Контент-анализ партийных и правительственных программ, речей, деклараций.
- Сопоставительный анализ региональных кейсов и конфликтов.

Результаты. В конце 19 века Израиля на карте не существовало, евреи жили диаспорами во многих странах мира, но Палестина, находящаяся в то время под властью Турции и населенной преимущественно арабами, уже существовала. Многие исповедовали ислам, некоторые христианство. Евреи исповедовали иудаизм и составляли меньшинство, но все они: и арабы, и евреи считались палестинцами.

На рубеже веков заграничные евреи начали скупать земли в Палестине, подпитываемые антисемитизмом, погромами, войнами, революциями, бедностью и мечтой о еврейском государстве. В 1901 г. сионистское движение создало Еврейский Национальный Фонд (ЕНФ) с целью расширения притока финансовых средств на покупку и возделывание в Палестине земли для еврейского народа. ЕНФ занялся централизованным и широкомасштабным сбором средств с евреев всей Европы [3]. Постепенно, в результате нескольких миграционных потоков евреев, местная еврейская община Палестины была интегрирована в более крупную группу, что изменило сложившиеся веками отношения с арабами.

В начале XX в., еврейские мигранты, движимые сионистской идеологией и направлявшиеся в Палестину, преимущественно принадлежали к среднему классу и обладали достаточным уровнем образования. Они сознательно восприняли идеи строительства еврейского государства на земле предков и имели достаточно четкое, в сравнении с палестинцами, понимание путей достижения этой цели [4].

Арабы были недовольны стремлением евреев к обособлению и созданию собственной реальности, а не интеграции. Это привело к появлению первых признаков еврейского государства на землях, которые обе стороны считали своими. Палестину застал развал Османской Империи в результате первой мировой войны, тогда в Палестине проживало пол миллиона мусульман. Христиане и иудеи были в меньшинстве. Их численность составляла примерно по 60 тысяч, а среди евреев 3 четверти по-прежнему составляли коренные и лишь около 15 тысяч эмигранты. Однако ситуация очень быстро изменилась. Османская Империя вступила в первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии, и проиграла. Ближний Восток поделили между собой победители Британия и Франция. Их прежний союзник Россия самоустранилась по причине революции 7 ноября 1917 года [5]. Незадолго до большевистского переворота, определившего

судьбу Европы на десятилетия вперед, в Лондоне случилось другое событие, которое изменило судьбу ближнего востока.

Министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфурт, письмом уведомил лидера британских сионистов Лорда Родшелда, что правительство его величества относится благосклонно к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия, чтобы обеспечить достижения этой цели. Спустя три года Великобритания получила мандат на управлении Палестиной от Лиги Наций. В результате раздела сфер влияния на постосманском ближнем востоке Сирия с Ливаном отошли французам, Палестина и Месопотамия (современный Ирак) – британцам. Трансиорданию чуть позже тоже отписали британцам.

Неудачные попытки британцев примирить арабов и евреев, а также их явное предпочтение европейских мигрантов, укрепили подозрения арабов в необъективности Британской империи как гаранта будущего Палестины. Массовое бегство евреев из Европы от нацизма лишь усугубило напряженность. По данным комиссии ООН, к 1947 году население Палестины составляло примерно 1,2 миллиона арабов и свыше 600 тысяч евреев. За 30 лет до этого арабское население почти в 10 раз превышало еврейское, а теперь лишь в 2 раза. В ноябре 1947 года генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе Палестины на 2 суверенных государства-еврейское и арабское. Иерусалим и прилегающий к нему Вифлеем будут выделены в особую зону под юрисдикцией ООН. Резолюция не понравилась никому и буквально на следующий день начались столкновения. Британский мандат истек 14 мая 1948 года, в тот же день Давид Бенгурион провозгласил создание независимого еврейского государства, а на следующий день арабские государства напали на Израиль, но потерпели поражение. Едва образованный, еще не знавший границ Израиль победил. В результате войны за независимость, как ее называют в Израиле, или катастрофы, как она известна в арабском мире, молодое еврейское государство определилось в границах, включающий, примерно, половину территории, отведенной ООН под арабское государство. Другую половину контролировали арабские страны. Западный берег и восточный Иерусалим – Иордания, а сектор Газа – Египет.

В мае 1967 года, после стягивания арабских войск к границам и угроз Израилю, еврейское государство нанесло упреждающий удар. Шестидневная война завершилась оккупацией Израилем сектора Газа, Западного берега, Восточного Иерусалима, Голанских высот и Синайского полуострова. Это укрепило арабское противостояние Израилю и отложило палестинские надежды на собственное государство.

Палестинские беженцы с Западного берега и из Газы не смогли вернуться из-за опасений Израиля по поводу арабизации и уничтожения страны. В Газе проживает около 2 млн палестинцев, на Западном берегу –

почти 3 млн, а за границей – более 6 млн беженцев (по данным ООН). Общее население Израиля – около 11 млн, включая 2 млн арабов.

Израиль заселяет оккупированные территории: более полумиллиона поселенцев на Западном берегу, свыше 2 тысяч в Восточном Иерусалиме и небольшие поселения на Голанских высотах. В Газе поселений нет с 2005 года, когда Израиль вывел своих жителей и возвел забор. Международное сообщество считает поселения незаконными, Израиль настаивает, что он в своем праве. Любые переговоры об урегулировании конфликта упираются в проблемы беженцев и поселений, прежде чем перейти к статусу Иерусалима и созданию Палестины. Мирные переговоры с соседними арабскими странами и об урегулировании с палестинцами велись с переменным провалом 50 лет. Россия и Евросоюз формально причастны к ним, но главную роль посредника выступали США, как ключевой союзник Израиля. При посредничестве президента Джима Картера Израиль подписал первый мирный договор с Египтом в Вашингтоне на основе Кэмп-Дэвидеских соглашений 26 марта 1979 года. Ему предшествовала война судного дня 1973 года, когда Египет и Сирия попытались отвоевать потерянные в 1967 году территории. В результате договора с Египтом на карте появилась первая, не спорная граница еврейского государства. Следующая с Иорданией была сформирована в 1994 году. Соглашения с Ливаном и Сирией по-прежнему нет.

В 1993 году Ословские соглашения при посредничестве Билла Клинтона провалились. Десять лет назад прекратились прямые попытки урегулирования. США переключились на переговоры Израиля с арабскими странами: при Трампе нормализованы отношения с ОАЭ, Суданом и Бахрейном. Осенью 2023 года ХАМАС напал на Израиль, начав новую войну.

С 1987 года Израиль пережил две интифады, общей продолжительностью более десяти лет, начатые под началом освобождения Палестины и Ясира Арафата. После второй интифады в 2005 году палестинцы начали внутренний конфликт: ХАМАС отвоевал Сектор Газа у ФАТХ, который в нынешнее время контролирует Западный берег. С тех пор Израиль не воюет с ХАМАС.

В 2007 году израильтяне ввели полную блокаду сектора Газа и несколько раз проводили там военные операции. Двадцати двух дневную в 2008 году, восьми дневную в 2012, полуторамесячную в 2014 и одиннадцати дневную в 2021 году.

Обострение конфликта в октябре 2023 года, было вызвано многими факторами [6]. Среди них – продолжающееся ухудшение гуманитарной ситуации в Газе, усиление репрессивных мер со стороны израильской администрации и провал мирных переговоров. ХАМАС, вероятно, решил пойти на обострение, чтобы привлечь внимание международного сообщества и усилить свои позиции как внутри Палестины, так и на международной арене.

Последняя война началась 7 октября 2023 года, ровно через 50 лет после нападения на Израиль в Йом-Кипур. С каждым днем число жертв этого продолжительного конфликта росло. Число погибших при ударах в Газе уже составило около 27 тысяч человек, по заявлениям палестинской стороны (состояние на 29 января 2024 года) [7].

10 октября 2025 года Израиль и радикальное палестинское движение ХАМАС прекратили военные действия. По соглашению, достигнутому при посредничестве президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа, армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) начала поэтапный отвод войск из сектора Газа, а боевики ХАМАС освободили всех живых израильских заложников.

США намерены направить в Израиль своих военнослужащих для поддержки процесса урегулирования, обеспечения мер безопасности в секторе Газа и организации поставок гуманитарной помощи. Об этом сообщают СМИ.

По тем же данным, американские военные будут контролировать выполнение соглашения о прекращении огня и помогать в переходе к гражданскому управлению в секторе Газа. Они будут находиться на территории Израиля, занимаясь логистикой, транспортом, инженерными работами и планированием. В состав группы также войдут военнослужащие Египта, Катара, Турции и ОАЭ.

С самого начала работы на посту главы государства Трамп и его администрация прилагали значительные усилия для урегулирования этого кровавого конфликта, но существуют определенные опасения по поводу долговечности достигнутого перемирия. Усилия посредников и присутствие в регионе американских военных – необходимое, но не достаточное условие для устойчивого мира.

Министр национальной безопасности Израиля Итамар Бен-Гвир заявил, что свергнет правительство Биньямина Нетаньяху, если палестинское движение ХАМАС не будет ликвидировано.

Глава политического крыла ХАМАС Халиль аль-Хайя подчеркнул, что движение рассматривает прекращение войны не как капитуляцию, а как дипломатическую победу и возможность начать «новую фазу политического и гуманитарного восстановления». Он отметил, что ХАМАС «сохранил свою идентичность и политическую субъектность».

В связи с этим, существует опасность, что разногласия о дальнейшей роли ХАМАС могут спровоцировать очередное обострение конфликта.

Выводы. Исследование демонстрирует, что синергия документального, контент-анализа и сравнительного анализа обеспечивает более глубокое понимание арабо-израильского конфликта по сравнению с их раздельным применением. Такой интегрированный подход позволяет выявить причинно-следственные связи и механизмы формирования нарративов, которые, в свою очередь, формируют поведение сторон и способствуют эскалации. В

теоретическом плане, работа подтверждает применимость моделей рационального выбора и теорий урегулирования к затяжным конфликтам, характеризующимся неопределенным государственным статусом и сложной региональной геополитикой. Результаты исследования уточняют применимость теории рационального выбора в контексте многомерных кризисов и обогащают теории урегулирования. Было установлено, что многоуровневое посредничество, формирование безопасной архитектуры и прозрачная коммуникация повышают шансы на деэскалацию и заключение устойчивых договоренностей, даже в условиях долгосрочной неопределенности статуса. Это подчеркивает критическую важность стратегий построения доверия, международной поддержки и институционализации переговорных процессов.

Несмотря на существующие препятствия, достигнутое соглашение между ХАМАС и Израилем представляет собой значительный дипломатический прорыв, закладывающий фундамент для установления прочного мира в ближневосточном регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Что такое Стена плача? [Электронный ресурс] // Сайт: Фонд Наследия Стены Плача. URL: https://thekotel.org/ru/что-такое-стена-плача/.
2. Мечеть Аль-Акса в Иерусалиме. [Электронный ресурс] URL: https://medinaschool.org/library/obshestvo/mechet/mechet-al-aksa.
3. Щевелев С.С., Крыжко Е. В. Проблема заселения Палестины еврейским населением в первой половине XX в. и образования государства Израиль // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 6 (72), № 1. Симферополь. Изд. КФУ им. В. И. Вернадского. 2020. С. 143–156.
4. Звягельская И.Д. Религиозные националисты в Палестине и в Израиле: Возвращение на Авансцену? // Полис. Политические исследования. 2024. №6. с. 91–103.
5. Октябрьская революция 1917 года: причины, итоги. [Электронный ресурс] URL: https://www.pravmir.ru/oktyabrskaya-revolyuciya-1917-goda/.
6. Джамалдинова А.У. Конфликт между Израилем и Палестиной – противостояние двух стран//Евразийский юридический журнал. 2024. №8(195). с. 24–26.
7. Кузякин И.А. Черняк Н.А. Конфликт между Израилем и Палестиной: Религиозно-конфессиональные и мировоззренческие истоки//омские научные чтения материалы VI Всероссийской научной конференции: в 2 ч. Омск, 2024. с. 461–469.

УДК 94(47+57)

ВОЕННО-САНИТАРНЫЕ ПОЕЗДА В ВОСПОМИНАНИЯХ МЕДИКОВ – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.П. Дудкина, канд. ист. наук, доцент
Сибирский государственный университет путей сообщения
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена проблема эвакуации раненых военно-санитарными поездами через призму ее восприятия непосредственными участниками событий – военными медиками. Изучение проблемы построено на анализе воспоминаний медработников, описывавших пережитый исторический опыт.

Ключевые слова: военно-санитарные поезда, санитарная эвакуация, военные медики, воспоминания военных медиков – участников Великой Отечественной войны, военно-медицинская служба Красной Армии.

Введение. История Великой Отечественной войны неразрывно связана с человеческими потерями и оказанием медицинской помощи раненым бойцам и командирам действующей армии. Без пополнения людскими ресурсами боевых подразделений было невозможно обеспечить победу, поэтому перед фронтовой и тыловой военной медициной в годы Великой Отечественной войны была поставлена задача возврата в строй не менее 75% поступивших в медицинские учреждения [1, С. 218]. Свой весомый вклад в достижение этого показателя внесла санитарная эвакуация, осуществлявшаяся по большей части при помощи специализированных железнодорожных составов.

Постановка задачи. История военно-санитарных поездов (далее – ВСП) периода Великой Отечественной войны относится к числу малоизученных тем в исторической науке и не имеет в историографии ни одного обобщающего труда. Акцент в данном исследовании сделан анализе опыта работы ВСП через призму субъективного фактора. Подобный подход дает возможность не только дополнить общую картину, воспроизводимую на основе изучения официальных документов, но и показать события, преломленные через личный опыт их прямых участников. Сложность реализации поставленной задачи состояла в том, что по данной проблеме сохранилось незначительное количество источников личного происхождения – воспоминаний и мемуаров медицинских работников, служивших в годы войны в военно-санитарных поездах. Основной массив такой литературы составляют воспоминания медицинских сестер и организаторов здравоохранения.

Методика и методология исследования. Методологически исследование построено на основе изучения такого специфического источника как воспоминания свидетелей и участников событий – военных

медиков. Анализ такого рода исторических документов, с одной стороны, позволяет детально увидеть сложность решаемых задач по оказанию помощи раненым бойцам и командирам Красной Армии, восстановить повседневные будни военно-санитарного поезда, информация о которых не отложилась в скупых официальных документах. С другой стороны, воспоминания всегда субъективны, а потому требуют критического отношения исследователя, перепроверки и сопоставления с объективно отложившейся документальной информацией. Учитывалось, что в них, с одной стороны задокументирована хроника исторических событий, а с другой, отразилась личность автора, его личные оценки, индивидуальный взгляд на приводимые факты.

Результаты. Военно-санитарные поезда как способ эвакуации раненых с линии фронта в тыл применялись еще в царской армии в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и последующих вооруженных конфликтах. Этот опыт был взят на вооружение молодой советской республикой и развит в условиях строительства кадровой армии в предвоенный период. ВСП стали важной частью санитарной эвакуации во время вооруженного противостояния с Японией и Финляндией на рубеже 1930-х – 1940-х годов.

Сложное начало Великой Отечественной войны, растянутость линии фронта, быстрое наступление немецко-фашистских войск, большое количество раненых сделали железнодорожный транспорт главным в деле медицинской перевозки бойцов и командиров, получивших поражения различной степени тяжести. Чтобы обеспечить бесперебойную работу потребовалась координация действий трех профильных ведомств: наркомата путей сообщения, отвечавшего за подвижной состав и железнодорожные бригады; наркомата обороны, уполномоченного осуществлять санитарную эвакуацию на всех ее этапах, и наркомата здравоохранения, которому подчинялось большинство тыловых эвакуационных госпиталей.

Те ВСП, которые совместными усилиями профильных ведомств были организованы до войны, имели полный комплект оборудования и необходимых материалов. Медсестра Д.А. Онищенко, служившая во временном ВСП № 1082, сформированном в июне 1941 года в Киеве, вспоминала, что это был «…состав из пяти вагонов – холодильник, кухня, штабной, операционная и один вагон для тяжелораненых (остальные вагоны потом цепляли на станциях)». Ее поразило, что все части поезда были хорошо укомплектованы «…спиртами, перевязочными материалами, катетерами и так далее» [2]. Таких довоенных ВСП оказалось недостаточно. Как указывал начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии Е.И. Смирнов, размах эвакуации был таким, что требовалось существенное увеличение количества ВСП. В первые дни войны ими перевозились в тыл не только раненые, непосредственно поступившие с линии фронта или вышедшие из окружения, но и гарнизонные и городские военные госпитали, которые оказались в непосредственной близости от линии боевого соприкосновения [3, С. 96]. Поэтому уже через два дня после

нападения фашисткой Германии Наркоматом путей сообщения был издан приказ № С-256/Ц «О формировании военно-санитарных поездов», требовавший дополнительно выделить 6 тысяч вагонов для оснащения 288 венно-санитарных поездов: 150 постоянных и 138 временных [4, С. 344]. Работа ВСП регламентировалась соответствующим «Руководством по организации и работе военно-санитарных поездов», изданном в 1942 г. и обобщавшем опыт санитарной эвакуации на первом наиболее сложном этапе Великой Отечественной войны [5].

Все военно-санитарные поезда Красной армии были приписаны к соответствующим эвакопунктам, а маршруты их движения определялись лечебно-эвакуационным планом Главного военно-санитарного управления Красной армии по согласованию с Наркоматом путей сообщения [5, С. 10]. Для руководства военно-санитарными перевозками в сентябре 1941 года в Управлении военных сообщений РККА был образован специальный отдел санитарной эвакуации.

Санитарная эвакуация начиналась непосредственно на линии фронта. Г.А. Шпет, получивший тяжелое ранение в боях под Белгородом во время Курской битвы, так вспоминал свою эвакуацию: «…вечером, погрузили в кузов автомашины просто на полу … и шофер погнал машину на большой скорости по кочкам и бездорожью в санбат, потому что наш район беспрерывно обстреливали» [2]. После первичной сортировки раненых из санбата должен был забрать военно-санитарный поезд.

Военно-санитарные поезда делились на две большие группы – постоянные и временные, отличавшиеся по своему целевому предназначению и комплектации. Временные курсировали между фронтом и армейским тылом и содержали как вагоны постоянного состава, так и дополнительные вагоны переменного состава или санлетучки. Именно о них упоминала медсестра Д.А. Онищенко, указывавшая что остальные вагоны цепляли на станциях. Обычно переменная часть таких поездов комплектовались из теплушек и товарных вагонов, а количество дополнительно прицепляемых вагонов напрямую зависело от конкретной ситуации на фронте и потока раненых. Главная задача медицинской команды временных ВСП состояла в оказании неотложной помощи раненым и доставке их в сортировочные армейские госпитали. В боевых условиях не всегда имелась возможность качественного укомплектования временного поезда. Как вспоминала медсестра Н.П. Демешева, воевавшая на Сталинградском фронте, в поезде было по шесть носилок с двух сторон вагона, предназначенных для тяжелораненых, «а остальные все … кто как сможет, влезет, сядет, ляжет, там и будет его место» [2]. У Г.В. Шпета сохранились самые тяжелые воспоминания об эвакуации во временном санитарном поезде. Из приемно-сортировочного пункта раненых погрузили в теплушки, где не было ни нар, ни оборудования для крепления носилок. Тяжелораненые лежали на полу, где была постелена солома. Он вспоминает:

«Везли нас пять суток без питья. Про еду я уже не говорю… в вагонах не было сопровождающих. На остановках, открывали дверь и проверяли, есть ли умершие. Кто не откликался, тех выносили из вагона…» [2]. Факт отсутствия продовольствия, воды и минимального медицинского сопровождения во временном ВСП, зафиксированный в воспоминаниях Г.А. Шпета, опровергается Н.П. Демешевой. Она свидетельствует, что в каждом вагоне была печка, но не было угля и его приходилось воровать на остановках, чтобы немного обогреть вагоны и не дать замерзнуть раненым, ослабевшим от потери крови. Имелась кухня и медсестры готовили и раздавали пищу. А вот, что касается медицинского обслуживания, то оно действительно было минимальным «…В поезде полагалось три вагона на одну сестру… Три вагона, битком набитые ранеными. Вшей там было ужас один. И мы справлялись. И один санитар еще был на каждом вагоне» [2].

Постоянные военно-санитарные поезда были предназначены для транспортировки пораженных в боях бойцов и командиров из армейских баз в тыл. По сути дела они представляли собой госпитали на колесах, поскольку на всем пути следования раненым оказывалась необходимая медицинская помощь. Постоянные ВСП составлялись из 18 жестких и мягких вагонов, переоборудованных в соответствии с профилем [6, С. 49]. Н.П. Демешева, которой довелось послужить как во временном, так и в постоянном ВСП, свидетельствует, что в последний включал в себя так называемые кригеровские вагоны. Это бывшие пассажирские вагоны, переоборудованные для перевозки тяжелораненых. «…15 носилок там было на одной стороне, 15 носилок – на другой стороне. Тяжелейшие раненые там были! Мы обрабатывали их. У нас в поезде был вагон и перевязочно-операционный, был – душевой, была кухня, – все-все-все у нас было. Но это был тыловой поезд» [2]. О том, что перевозка в тыл осуществлялась именно такими вагонами вспоминал и Г.В. Шпет: «Нас разместили в санитарном поезде, это прекрасные пассажирские спальные вагоны, приспособленные специально для перевозки тяжелораненых… В санитарном поезде были врачи, медсестры, младший медперсонал» [2].

Погрузка раненых в постоянный ВСП для транспортировки их в тыловые эвакогоспитали в соответствии с профилем предстоящего лечения осуществлялась с разрешения и под непосредственным контролем начальника военно-санитарного поезда. Его первой задачей была проверка медицинской документации у каждого раненого, чтобы не загрузить тех, кто нетранспортабелен или тех, чьи поражения имеют легкую степень тяжести [7, С. 19]. Сошлемся на воспоминания Г.А. Шпета: «…проходила срочная эвакуация раненых в тыловые госпиталя. Под шумиху и неразбериху меня тоже погрузили в санитарную автомашину, чтобы отвести на вокзал. Но оказалось, что у меня не было с собой госпитального дела. Каждому эвакуированному раненому подкладывали под одеяло на груди его личное дело. Побежали за моим делом. Оказалось, что на моем деле красным

карандашом было написано «нетранспортабельный», т.е. перевозить нельзя. Бомбежка продолжалась, санитары плюнули на эту надпись, и машина двинулась на вокзал» [2].

По пути следования военно-санитарные поезда нередко подвергались налетам вражеской авиации. Летчики люфтваффе атаковывали составы несмотря на то, что на них были нанесены все положенные Женевской конвенцией знаки. Практика охоты за санитарными составами началась в первые дни войны. Информация об этом отложилась в документах фронтов. Первое заявление такого рода было сделано уже 6 июля 1941 года, когда фашистские бомбардировщики разрушили госпитали в Гродно, Смоленске, Минске и атаковали санитарный поезд в районе Львова, несмотря на наличие на нем опознавательных знаков в соответствии с Женевской конвенцией [1, С. 30]. В разгар битвы под Москвой 5 декабря 1941 года начальник Санитарного управления Западного фронта военврач I ранга Гуревич доносил, что из 10 военно-санитарных поездов 5 сгорели в результате бомбардировок противником, еще 5 по той же причине были настолько разбиты, что находятся на капитальном ремонте. Плюс имелись повреждения железнодорожного полотна. Поэтому военно-медицинская служба Западного фронта была вынуждена использовать для эвакуации раненых в тыл либо временные санитарные поезда, либо летучки, состоящие из товарных вагонов [8, С. 154].

Выводы. Таким образом, санитарная эвакуация, осуществлявшаяся совместными усилиями военных железнодорожников и военных медиков, позволила сохранить здоровье и жизни многим бойцам и командирам, получившим ранения на поле боя. Из общего числа санитарных потерь военно-медицинской службе удалось обеспечить восстановление и возвращение в строй 72,3% раненых и 90,6% больных военнослужащих [1, С. 21]. Весомый вклад в это достижение внесла своевременная эвакуация, значение которой в полной мере еще предстоит оценить историкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. док. и материалов / Центр. гос. арх. Октябр. революции, высш органов гос. власти и органов гос. упр. СССР, Центр. воен.-мед. упр. М-ва обороны СССР, Воен.-мед. музей М-ва обороны СССР, I Моск. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени мед. ин-т им. И.М. Сеченова; Отв. сост. Л. И. Завалищенко. – Москва: Медицина, 1977. – 576 с.
2. Я помню // https://iremember.ru/memoirs/mediki.
3. Смирнов Е.И. Фронтовое милосердие. – Москва: Воениздат, 1991. – 430 с.
4. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 / под ред. Н.С. Конарева. 2-е изд., доп. М.: Транспорт, 1987. – 591 с.
5. Руководство по организации и работе военно-санитарных поездов / Наркомздрав. – Москва: Медгиз, 1942. – 159 с.
6. Военно-санитарный справочник. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Медгиз, 1941. – 524 с.
7. Ходорков Ф.А. Особенности лечебно-эвакуационной работы в зимних условиях // Военно-медицинский журнал. 1944. Январь-февраль. С. 10–19.

8. Тыл Вооруженных Сил в документах / М-во обороны РФ. – Москва: Воентехлит, 2000. – 720 с.

УДК: 930:35

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ И СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В.Е. Зубов, канд. ист, наук, доцент
Сибирский институт управления-филиал РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития гуманитарных наук, выявленные в результате анализа историографии истории государственной службы. Обозначены меры, которые может предпринять научное сообщество для повышения качества научных исследований в гуманитарной сфере.

Ключевые слова: история государственной службы, историография, гуманитарная наука, политика в сфере науки.

Введение. Обращение к заявленной теме обусловлено как общим состоянием гуманитарной науки в современной России, так и специфическими проблемами, существующими в конкретной предметной области. Наблюдаемые сегодня процессы в сфере гуманитарного знания требуют специального изучения, не сводимого к констатации состояния кризиса. Однако анализ тенденций и перспектив развития современной гуманитарной науки осложняется ее отраслевой структурой, в рамках которой каждая наука формирует свое предметное поле, свой категориальный аппарат, не всегда согласуемый с достижениями и подходами других наук. Это сказывается на качестве исследований, с чем пришлось с толкнуться в ходе анализа публикаций, посвященных истории гражданской службы в России.

В качестве **рабочей гипотезы** выдвигается тезис, согласно которому состояние конкретной отрасли научного знания зависит не только от степени ее развития, накопленных научных результатов, качества работы ученых, но и от состояния российской науки в целом, а также факторов, лежащих вне плоскости научного знания. Соответственно, рассмотрение проблем в конкретной научной области позволяет вскрыть не только внутренние «болевые точки», но и обнаружить проблемы, осложняющие развитие науки в целом.

Формулировка рабочей гипотезы позволяет поставить **цель исследования**: выявление роли узкоспециальных, общегуманитарных и иных факторов, влияющих на характер и результаты исследований в конкретной предметной области – истории государственной службы. Выбор

предмета исследования обусловлен его положением на стыке гуманитарных (история), социологических (служба как социальный процесс), юридических (взаимоотношение власти и общества) и ряда других наук, что позволяет повысить уровень обобщения, проследить действие междисциплинарных факторов.

В основу положена диалектико-материалистическая методология и характерные для нее принципы историзма, объективности, восхождения от абстрактного к конкретному позволяющие обеспечить «истинное единство исторического и логического в истории общества» [1, С. 282], отслеживать изменения объекта исследования в органической связи с порождающими их явлениями, раскрывать закономерности развития объекта исследования на научной основе.

Результаты. Для достижения поставленной цели используются данные, полученные в ходе проведенного изучения современной историографии истории государственной службы за период с 2006 по 2010 годы и за период 2011–2015 гг., частично опубликованные в научных изданиях [2; 3; 4,]. Методика исследований приводится в первой из указанных публикаций, поэтому здесь остановимся только на выводах, имеющих отношение к заявленной теме.

Гуманитарное знание сегодня сталкивается с целым рядом трудностей, обусловленных как внешними, так и внутренними по отношению к науке факторами. В наиболее сложном положении оказываются междисциплинарные исследования, лежащие на стыке различных гуманитарных или гуманитарных и иных наук – социальных, экономических, юридических и т. д. Ситуация усугубляется усилением специализации различных отраслей науки с одной стороны, а с другой – чрезмерным расширением сферы духовной деятельности, охватываемой понятием «наука». Сегодня в нее включаются и ненаучные виды духовного производства. Но даже и в тех случаях, когда исследования проводятся в рамках научной парадигмы, нередко возникает конфликт междисциплинарного характера исследований и узкопрофессиональной специализации авторов. Сфера государственной службы, в том числе ее исторический аспект не составляет в данном случае исключения, поскольку ее изучают специалисты в области экономики, математики, психологии, социологии и других наук, имеющие, в ряде случаев, недостаточную общеисторическую подготовку. К следствиям подобной практики можно отнести, например, использование упрощенной периодизации в рамках которой сложный и противоречивый процесс формирования и развития государственной службы сводится к выделению только трех этапов его развития – досоветского, советского и постсоветского [5, С. 189]. Понятно, что при таком подходе трудно заметить различия между, к примеру, государевой службой XVI–XVII веков и государственной службой XIX века, поскольку обе относятся к досоветскому периоду. Более того – открывается

возможность обнаружить государственную службу даже в условиях феодальной раздробленности [6].

Второй комплекс проблем, охватывающий не только собственно гуманитарные, но и весь комплекс общественных наук, связан с разрушением методологических основ научных исследований. Сегодня наблюдается не просто кризис, но регресс, порожденный отказом от материализма и диалектики как мировоззренческих и методологических оснований гуманитарной науки. Специалисты констатируют, что «субъективно-идеалистическая трактовка истории стала чуть ли не правилом», происходит «абсолютизация роли «исторических личностей» как в давних событиях, так и в современных, а также упование на то, что некий выдающийся руководитель может, пренебрегая объективными основаниями, повернуть социальный процесс в благоприятную сторону, и тому подобные идеи» [1 С. 278].

Другими словами, гуманитарная наука не только отбрасывается на уровень XVII–XVIII веков, но и теряет присущие ей черты науки.

Одним из следствий данного процесса стало нарушение преемственности в развитии и, в частности – разрушение языка науки, выражающееся в отказе от устоявшегося и признанного научным сообществом категориального аппарата. «Научное исследование заменяется его имитацией. Подмена понятий, девальвация терминов, массовое использование иноязычных слов при наличии русских и, едва ли не главное, осознанное нежелание опираться на классические труды предшественников – обычная манера, в которой создается продукция, представляемая на суд массового читателя» [7, С. 68]. Изучение истории государственной службы попадает под действие такой тенденции. Причем борьба с нею оказывается затруднительной, в связи с необходимостью соблюдения требований научной этики. Критика ненаучных и ошибочных высказываний и выводов требует наличия ссылок на источник. А это, при используемой ныне методике оценки эффективности научной работы – использовании индексов цитируемости и т.д., будет повышать рейтинг и статус критикуемого автора как ученого (в той мере, в какой применяется формальный критерий – число цитирований или характер журнала, в котором размещена публикация).

Здесь мы выходим уже на новый комплекс проблем, связанных с организацией гуманитарных исследований в современной России, которая, в свою очередь, обусловливается характером политики в отношении сферы науки.

Одна из особенностей гуманитарных наук связана с тем, что они, с одной стороны, меньше нуждаются в сложном техническом оборудовании, производственной базе, дорогостоящем сырье, чем прикладные и естественные науки, менее эффектны внешне и меньше влияют на имидж страны и представления об уровне ее развития, но с другой – более тесно связаны с запросами и потребностями государственной власти в силу

значительной идеологической составляющей (см. напр.: [8, С. 37]). В этом плане «гуманитариев» часто критикуют за политизированность и необъективность, чем и объясняют невостребованность их работы. Часто проблему связывают к недостаточному финансированию исследований, но думается, что мы имеем здесь дело с частным проявлением более общей проблемы — отсутствия у власти потребности в гуманитарных науках. Косвенным подтверждением сказанному могут служить результаты проведенного социологического исследования, посвященного вопросам политики в области науки, в котором фиксируется низкий уровень доверия опрошенных ученых к правительственным структурам, определяющим политику в научной сфере [9, С. 72]. Гуманитарные науки не нужны, поскольку требуют соблюдения определенных «правил игры», в том числе преемственности в развитии, нарушенной в 90-е гг. XX века и последовательно разрушаемой в настоящее время. Как идеологический инструмент гуманитарная наука тоже не нужна, поскольку выбор в этом вопросе уже сделан – используется либеральная идеология в ее клерикальном оформлении, для догматических оснований которого научные исследования не нужны и даже опасны.

Достижения гуманитарных наук не используются даже в тех случаях, когда они необходимы для проведения реформ, инициированных самой властью. Показательная в этом отношении реформа государственной службы, начавшаяся в 90-е годы XX века. Последний ее этап, характеризующийся появлением такого термина как «клиентоцентричность» [10], свидетельствует как минимум о непонимании природы и характера государственной службы. Для решения подобных вопросов имеет смысл обратиться к имеющимся наработкам, сделанным, в том числе и в дореволюционный период. Это позволило бы, для начала, ответить на вопрос о том, что создано за годы реформы и получить некоторые предложения о том, каким термином можно обозначить то, что создано. К опыту прошлого в должной мере не обратились ни в 90-е г. XX в., не обращаются и сейчас.

Мы не останавливаемся на многих сопутствующих проблемах, которые не могут быть решены в существующих условиях, хотя и непосредственно связанных с состоянием научных исследований. К ним относятся положение дел в сфере общего и высшего образования, появление, развитие и внедрение искусственного интеллекта, рост числа научных публикаций, их качество, последствия внедрения коммерческих начал в научную деятельность, критерии ее оценки и т.д.

Наибольшую тревогу вызывает то, что даже в тех случаях, когда необходимость в научном гуманитарном знании доказывается самой жизнью (примером могут служить нормативные акты, касающиеся использования русского языка, напр. [11] или увеличение объема часов, выделяемых на изучение истории, связанное с осознанием последствий происходящего с начала 2000-х гг. «переписывания истории»), предпринимаемые меры дают

обратный результат. Примером может служить последние заявления о планируемом переходе к оценке знания студентами истории по «единым оценочным материалам» [12], под которыми, видимо, следует понимать тесты.

Выводы. Можно констатировать, что изменить положение дел в сфере гуманитарных наук и их состояние (в сторону улучшения) в существующих условиях невозможно. Питать надежды на президента, до которого «нужно достучаться» [13], также не следует. Ориентироваться можно только на то, что может сделать само научное сообщество. Приоритетными задачами следует считать, прежде всего, восстановление статуса науки как важнейшей части современной духовной культуры, основанной на системе рациональных доказательств, разведение науки и ненауки. Различия между ними после решения ВАК о введении научной специальности «теология» практически ликвидированы. Вторая задача – восстановление материалистической диалектики в качестве методологической основы гуманитарных исследований, ограничение сферы применения спекулятивных методов чистой философией (не философскими науками!). Третья задача – восстановление преемственности в развитии науки, использование результатов, наработанных в советский период. Четвертая – сохранение языка науки, предполагающее использование апробированной временем терминологии, которая должна изменяться только по результатам теоретических исследований и дискуссий в гуманитарной, прежде всего – исторической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Огородников В.П. Проблема философских оснований науки //Труды Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского. 2023. № 687. С. 276–283.

2. Зубов В.Е. История государственной службы в научных публикациях 2011–2015 гг. (по материалам РИНЦ). Часть 1. – Вестник гуманитарного образования. 2024. № 4 (36). С. 9–17.

3. Зубов В.Е. История государственной службы в научных публикациях 2011–2015 гг. (по материалам РИНЦ): ведомственный аспект и ведомственная политика государства // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3 (11). С. 77–94.

4. Зубов В.Е. История государственной службы в научных публикациях 2011–2015 гг. (по материалам РИНЦ). Часть II. // Вестник гуманитарного образования. 2025. № 3 (39). С. 85–92.

5. Сафонова А. И. История правового регулирования государственной службы в органах внутренних дел // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2015. № 11. С. 188–190.

6. Козлов В.В. Правовые основы службы иностранцев в России: история вопроса // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 343–349.

7. Берков В.Ф. Реактуализация философской методологии в современном научном познания. // Социология. 2010. № 1. С. 62–70.

8. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28–43.

9. Гусев А.Б., Юревич М.А. Научная политика России – 2021. Системный аналитический доклад. М.: Буки Веди, 2021. – 96 с.
10. Стандарты клиентоцентричности //Министерство экономического развития. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrichnosti/.
11. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. N 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508347/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/.
12. «История России» и «Философия» станут обязательными предметами в вузах //Вести. 24 ноября 2025 г. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/4795931.
13. Полатайко С. В. Основная проблема гуманитарных наук в России: достучаться до президента // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Т. 13. № 3. 2019. С. 115–121.

УДК 130.2

РОЛЬ МУЗЕЕВ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ Г. УФА

В.В. Климантова, А.В. Кочкина, студенты бакалавриата
Уфимский университет науки и технологий
г. Уфа, Россия

Аннотация. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в Республике Башкортостан значительным образом обеспечивается деятельностью Республиканского музея Боевой Славы, экспозиции и мероприятия которого выполняют как просветительскую, так и воспитательную функцию. Поддержка музейных проектов имеет большое значение для будущего страны, поскольку именно через память можно сохранить уроки прошлого и сформировать граждан с искренним уважением к героическому наследию Родины.

Ключевые слова: музей, память, экспозиция, Великая Отечественная война, идентичность

Введение. Великая Отечественная война стала одним из ключевых событий XX века, которое определило судьбу нашего государства и целого поколения. Сохранение памяти о войне является одной из основных задач общества в современных условиях, т.к., помимо проявления уважения к подвигу предков, она включает в себя формирование гражданской самоидентификации личности, патриотическое воспитание молодёжи и развитие исторической культуры населения.

Важнейшим инструментом, с помощью которого может быть реализована данная задача, в настоящее время представляются музеи [8] –

учреждения, целью которых является собирание, хранение и экспозиция памятников истории и искусств.

Актуальность статьи обусловлена растущей важностью сохранения исторической памяти как фундаментальной основы национальной идентичности и патриотического воспитания. В условиях современного информационного пространства роль музейных учреждений приобретает особое значение, поскольку они служат живым носителем исторических знаний, помогают сохранить свидетельства тех событий для последующих поколений и способствуют формированию гражданской ответственности. Особенно актуально изучение опыта конкретных музеев, таких как Республиканский Музей Боевой Славы г. Уфы, который выполняет функцию хранителя памяти о героических страницах Великой Отечественной войны в регионе.

Общая роль музеев в сохранении памяти о Великой Отечественной войне. Музеи – это не просто выставочные пространства. Это «живые хранилища» истории, которые собирают, систематизируют и сохраняют уникальные экспонаты. Благодаря этим артефактам посетители могут прикоснуться к прошлому и понять масштаб трагедии и героизма. Каюмова М.Р. в своей работе «Роль музейных репрезентаций великой отечественной войны в формировании идентичности советских граждан» раскрывает определение и ценность исторической музейной экспозиции как последовательного рассказа о прошлом, в основе которого лежит предметный ряд и аутентичная историческая концепция. Таким образом, она может рассматриваться как своеобразный исторический нарратив [4, С. 43].

При переходе от теоретического понимания к практическому воплощению памяти в рамках институций культурных учреждений, важно рассмотреть основные функции музея. В статье «Роль музеев в сохранении культурной памяти» Т.В. Ковалев рассматривает основные функции музея как многослойную систему, которая включает в себя [5, С. 82]:

1. сохранение (реставрация, консервация, каталогизацию, архивирование артефактов);
2. интерпретацию (создание постоянных и временных экспозиций, организованных по тематическим, хронологическим принципам, концептуализация коллекций);
3. коммуникацию (взаимодействие с аудиторией, просветительская деятельность);
4. идентификацию (формирование чувства сопричастности, культурной общности).

Так музей становится не просто хранилищем предметов, а является активным участником процессов культурной коммуникации, формирования памяти и идентичности. Благодаря таким учреждениям культуры, как музеи, общество не просто сохраняет свое наследие, но и постоянно переосмысляет его.

Музей боевой славы г. Уфы как пример эффективной работы по сохранению памяти. В рамках исследуемой нами темы будет рассмотрена деятельность военно-исторического музея – данная категория культурных учреждений специализируется на сборе, сохранении и экспонировании предметов, связанных с военной историей региона, грамотно выстроенная экспозиция позволяет воссоздать картину событий минувших лет и осознать их значимость в современности. Следует отметить, что исторические музеи выполняют важную функцию сохранения и передачи памяти о значимых событиях, трагедиях, героях и культурных явлениях. Мемориальные экспозиции, посвящённые жертвам войн, способствуют увековечиванию памяти, отдавая дань уважения погибшим. В музейной деятельности широко применяются подлинные свидетельства – письма, фотографии, личные вещи, а также интерактивные элементы, такие как аудиозаписи воспоминаний и видеоинтервью.

Несмотря на то, что в годы Великой Отечественной войны Башкирская АССР находилась в глубоком тылу государства, деятельность воинских подразделений и организаций, расположенных на её территории, внесла значительный вклад в Победу. Так, к примеру в декабре 1941 г. была сформирована 112-я Башкирская кавалерийская дивизия, одержавшая ряд побед в боях под командованием генерал-майора М.М. Шаймуратова. За годы войны подразделение прошло от Дона до Эльбы свыше 4000 км, 15 раз было отмечено в приказах Верховного Главнокомандующего, как отличившаяся в боях. 112-я Башкирская кавалерийская дивизия стала единственным кавалерийским соединением, 78 солдат которой получили звание Героя Советского Союза, а 5 воинов являются полными кавалерами орденов Славы [10, С. 58].

Башкирия стала важным эвакуационным центром промышленных предприятий и населения из западных республик СССР. К примеру, авиационные заводы из Рыбинска, Ленинграда и Москвы были присоединены к «Уфимскому моторному заводу» [9], благодаря чему удалось избежать потерь в данном секторе экономики, за годы войны производством было выпущено порядка 51 тыс. моторов для самолётов военной авиации. Труд башкирских и эвакуированных из западных регионов рабочих, обеспечивший фронт авиационной техникой, значительно укрепил боеспособность Красной Армии.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа военно-исторических музеев как учреждений культуры, хранящих в себе историческую память о войне, на примере Республиканского Музея Боевой Славы как ключевого центра военно-патриотического воспитания населения региона. Его деятельность направлена на сохранение исторической памяти, что включает в себя формирование у посетителей целостного представления о вкладе Республики и её населения в одержание Победы, патриотическое воспитание молодёжи.

Республиканский музей Боевой Славы в г. Уфа был создан по инициативе правительства Республики Башкортостан при участии Республиканского Совета ветеранов войны, труда, вооружённых сил и правоохранительных органов с целью сохранения памяти о подвиге советских солдат и патриотического воспитания молодёжи. Он был открыт 8 мая 2000 года, в честь 55-летия Победы в Великой Отечественной войне [7]. В состав учреждения также включён музей 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. Учреждение осуществляет свою деятельность в трёх направлениях: культурно-образовательное, выставочное и фондовое.

Культурно-образовательная деятельность музея направлена на популяризацию историко-культурного наследия населения Республики Башкортостан и всего государства в целом, непосредственно связанного с военным прошлым. Ежегодно проводится значительное количество событий, направленных на формирование патриотического мировоззрения граждан, организуются интерактивные экскурсии, викторины, интеллектуальные игры. Особое внимание уделяется мероприятиям, приуроченным к памятным датам Великой Отечественной войны, встречам молодёжи с ветеранами.

Практические примеры работы музея на основе существующих экспозиций. Приоритетным направлением работы музея является выставочная деятельность, реализуются как постоянные, так и временные выставки. К постоянным выставкам относятся: «Башкирия в годы Второй мировой войны», первая часть которой посвящена жизни людей в тылу, работе промышленных предприятий Республики в военное время, а вторая – непосредственно военным действиям и участию в них жителей Башкирской АССР; «От передовой до госпиталя: медицина в годы войны»; фотовыставка «Евромайдан»; «Россия. Донбасс. СВО», экспозиция, открытие которой состоялось 22 августа 2025 года и было приурочено к Дню армейской культуры. В качестве временных экспозиций служат выставка «Чернобыль. Реальный мир», посвящённая 35-летию аварии на Чернобыльской АЭС и жителям Республики Башкортостан, принимавшим участие в ликвидации катастрофы [3], и фотовыставка «Черниковка: дыхание истории», освещающая ключевые события развития района, такие как благоустройство улицы Первомайской, строительство кинотеатра «Победа» и пр. [2].

Фондовая деятельность Республиканского музея Боевой Славы включает в себя сбор экспонатов и постановку предметов на государственный учёт, комплектование коллекций, фотографирование и занесение информации о предметах в электронные базы государственных каталогов. Общий фонд музея включает в себя порядка 14 500 единиц хранения. Сотрудниками фондового отдела также производится приём, изучение и атрибуция предметов, переданных на временное хранение. Комплектование коллекций осуществляется разными способами, такими как приём у населения в дар, проведение акций, сбор предметов по горячим следам. К предметам хранения относятся: коллекция холодного оружия, образцы вооружения и

обмундирования, официальные документы, личные вещи участников Великой Отечественной войны, боевые награды, трофеи, фронтовые дневники и письма, коллекция фотографий, отражающих жизнь Республики Башкортостан как региона, находящегося в тылу в период военных действий [6].

Рассмотренные направления работы Республиканского музея Боевой Славы – культурно-образовательная, выставочная и фондовая – подчёркивают его значимость в качестве института сохранения исторической памяти и формирования гражданско-патриотических ценностей населения. Ключевым пространством реализации деятельности музея является его экспозиционно-выставочный комплекс. Далее нами будет рассмотрена экспозиция «Башкортостан в годы Великой Отечественной войны», позволяющая наиболее полно представить вклад жителей Республики в Победу и раскрыть содержание фондовой коллекции музея.

Экспозиция, отражающая события Великой Отечественной войны, выстроена в хронологической последовательности – от 22 июня 1945 г. до символической сцены взятия Берлина, исполненной в виде диорамы со стеной рейхстага. Первый этаж музея включает в себя выставки, отражающие историю тыла во время войны. Здесь представлены документы, предметы быта, фронтовые письма-треугольники. Важным экспонатом также является двигатель самолёта, произведённый на Уфимском моторном заводе, обнаруженный на территории Ленинградской области спустя 50 лет после войны [1].

Экспозиционный комплекс второго этажа музея фокусируется непосредственно на боевых действиях и включает в себя коллекцию оружия – от револьверов и автоматов до пулемётов. Стены оформлены плакатами периода Великой Отечественной войны, картинами и портретами советских военачальников. Начальный раздел включает в себя документы, личные вещи, архивные фотографии жителей Башкирии, ушедших на фронт, а также материалы о добровольческих формированиях, в т.ч. о 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. Здесь же демонстрируется обмундирование солдат, среди экспонатов можно выделить военную форму М. Гареева, военного лётчика, дважды удостоенного звания Героя Советского Союза.

Значительное место занимает диорама «Бой у деревни Паньшино», посвящённая эпизоду Сталинградской битвы, в которой участвовали тысячи солдат башкирских воинских соединений. Экспонаты раскрывают участие 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, 214-й и 300-й стрелковых дивизий и 124-й отдельной стрелковой бригады в обороне Сталинграда. В данном разделе представлены личные вещи и документы Гули Королёвой, санинструктора 214-й дивизии, совершившей подвиг при спасении раненых.

Завершающая диорама – сцена у стен рейхстага в Берлине – символизирует победоносное завершение Великой Отечественной войны и подводит итог экскурсионного маршрута второго этажа музея. Основная

экспозиция Республиканского музея Боевой Славы оснащена мультимедийными и тактильными элементами, создающими условия для комплексного изучения и усвоения исторического материала. Отдельного упоминания заслуживает внедрение технологий дополненной реальности в выставочный комплекс музея – экспозиции оснащены мультимедиа-гидом, который позволяет повысить заинтересованность посетителей и расширить возможности для реализации культурно-образовательной деятельности [6].

Рассмотренная экспозиция «Башкортостан в годы Великой Отечественной войны» представляет собой центральный элемент работы музея, благодаря которому посетители имеют возможность ознакомиться с подлинными историческими экспонатами и визуальными реконструкциями, получить комплексное представление о вкладе Башкортостана в Победу. Хронологическое построение экспозиции, использование диорам, мультимедийных технологий обеспечивают высокий уровень вовлечённости посетителей и создают условия для формирования знания о героическом прошлом.

Выводы. Таким образом, исторические музеи регионов играют ключевую роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне. Анализ деятельности Республиканского музея Боевой Славы показывает, что музей выступает в качестве значимого института гражданского и патриотического воспитания, что приобретает особую актуальность в условиях современных социально-политических вызовов и необходимости формирования устойчивого представления об историческом наследии страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авиационный мотор М-105П в Республиканском музее боевой славы // Сайт Республиканского музея боевой славы. – URL: https://rmbs-ufa.ru/ba/component/zoo/aviacionnyj-motor-m-105p-v-respublikanskom-muzee-boevoj-slavy.
2. Башинформ. В Уфе открывается фотовыставка «ЧЕРНИКОВКА: Дыхание истории» // Башинформ, 2022.- URL: https://www.bashinform.ru/news/culture/2022-09-28/v-ufe-otkryvaetsya-fotovystavka-chernikovka-dyhanie-istorii.
3. В Республиканском музее боевой славы работает выставка «Чернобыль: Реальный мир» // Культура Республики Башкортостан, 2021.— URL: https://kulturarb.ru/ru/news/v-respublikanskom-muzee-boevoj-slavy-rabotaet-vystavka-chernobyl-realnyj-mir.
4. Каюмова М.Р. Роль музейных репрезентаций великой отечественной войны в формировании идентичности советских граждан // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2023, №5, с. 42–52.
5. Ковалёв Т.В. Роль музеев в сохранении культурной памяти // Вестник МГУКИ, 2025, №2 (124), с. 79–85.
6. Мультимедийный гид с элементами дополненной реальности по музейным экспозициям // Электронный ресурс. — URL: https://rmbs-ufa.ru/ba/ya-yly-tar/multimedia-gid-s-elementami-dopolnennoj-realnosti-po-muzejnym-installyaciyam?ysclid=mhhwye78yf677351297.
7. Республиканский музей Боевой Славы // Электронный ресурс. – URL: https://kulturarb.ru/ru/muzei/respublikanskij-muzej-boevoj-slavy.

8. Ушаков Д.Н. [Электронный ресурс]: Материал из Википедии – свободной энциклопедии // Электрон. дан. – Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/?oldid=10529869.
9. Филимонов М.А. Уфимский моторный завод № 26 // Вестник УЮИ, 2015, №1 (67). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ufimskiy-motornyy-zavod-26.
10. Шагапова Г.Р., Давлетбаев И.С. 112-я башкирская кавалерийская дивизия и топонимы // Вестник Академии наук Республики Башкортостан, 2022, №1, с. 58–62.

УДК 904

СРАВНИТЕЛЬНИЕ И АНАЛИЗ РИМСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ИУДЕЕВ И РАННИХ ХРИСТИАН

Н.А. Ковальская, И.А. Дмитриенко, студент-бакалавр
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В публикации рассматриваются и сравниваются катакомбные захоронения иудеев и христиан в период I в. до н. э. – I в. н. э. Между этими двумя авраамическими религиями, особенно их захоронениями в периоды, когда обе религии были гонимы в пределах Римской Империи, прослеживается явная связь и преемственность, но в некоторых аспектах христианская традиция имеет отличия. В статье сравниваются несколько аспектов захоронений: сопроводительный инвентарь, тип погребения, внешнее оформление, ритуалы и символика.

***Ключевые слова*:** христианство, иудаизм, катакомбы, гонения, археология.

Введение. В этой статье проанализирована взаимосвязь двух погребальных обрядов, возникших на территории Римской империи последовательно: иудейские и христианские катакомбные захоронения. Стоит оговориться, что иудеи первыми начали хоронить своих умерших в катакомбах вследствие гонений на их религиозную идентичность. Необходимость прятать тела усопших, скрывать свой погребальный обряд вылилась в катакомбные захоронения. Позже, христиане переняли это с оговоркой, что катакомбы стали для них не только местом захоронения умерших, но и местом культовых действий. Им была необходима ещё большая скрытность, ещё большая конфиденциальность.

Исходя из этих двух тезисов назревает закономерный вопрос: “Какие элементы погребального культа и в каком виде были переняты христианами от иудеев?”.

Вопрос приобретает ещё большую актуальность ввиду того, что ранее практически не затрагивался отечественными исследователями и полностью основан на результатах археологических раскопок зарубежных коллег.

Выявление связи и преемственности в погребальной традиции в первые века нашей эры между этими двумя авраамическими религиями и есть главная **цель** нашей статьи.

Задачи:

1. Проследить изменения в обрядах и ритуалах в иудаизме и христианстве.
2. Сравнить погребальные традиции обеих конфессий.
3. Сравнить символику и сопроводительный инвентарь в катакомбах.

Результаты.

	Сопроводительный инвентарь	Тип погребения	Внешнее оформление	Ритуалы	Символика
иудейские захоронения (захоронение Монтеверде над Виа Портуэнсе)	терракотовые лампы (преим. разбитые), сосуды с благовониями.	вырубленные в стенах, заложенные кирпичом, плиткой, известковым раствором, на которых лежали завернутые в саван тела.	расписаны греческими буквами (на некоторых гробницах упоминания синагоги). изображения меноры	Хоронили в саване, спустя год возвращались в могилу, забирали кости и складывали в оссуарий.	изображения меноры
христианские захоронения (катакомбы святого Каллиста, старая Аппиева дорога)	стеклянные сосуды (вазы)	локулы (вырезанные погребения, закрытые крупными плитами, на которых на латинском писали имена умерших), где лежали завернутые в саван тела. объединены в группы - кубикулы.	вырезанные в стенах могилы обрамлены фресками на стенах и потолке с библейскими сюжетами	умерших оборачивали в ткань и клали в локулы	многие варианты библейских сюжетов и символов из библии раннехристианская символика:

Сходство христианской и иудейской религий во время гонений заключается в существовании погребальных комплексов-катакомб. В связи с гонениями сначала иудеи, а позже и христиане были вынуждены скрываться. Хоронить умерших по своим религиозным обрядам и не предавать их было важно, но этого не позволяла делать ситуация, поэтому люди прибегли к захоронению в катакомбах – комплексах, скрытых под землей, о которых знали только причастные к религии. Катакомбы евреев и ранних христиан в

Риме *ipso facto* должны были соответствовать старому *Extra Muros* закону, согласно которому все захоронения должны были производиться «за пределами городских стен». Таким образом, язычники, иудеи и христиане размещали свои кладбища или мавзолеи вдоль многочисленных дорог, ведущих из Рима, таких как Виа Кассия, Виа Фламиния, Виа Салария, Виа Латина, Виа Тибуртина и так далее. Во II веке городские христиане, многие из которых были обращены в христианство из иудаизма, переняли еврейскую практику создания подземных туннелей для кладбищ [1].

Иудеи издревле считали важным быть захороненными в могиле своего отца, что связано с культом почитания предков. Христианские же катакомбные комплексы образовывались по признаку принадлежности к одной религии, и родовым связям такого значения не придавалось. Важен был не факт захоронения в семейной могиле, а факт захоронения среди единоверцев и согласно христианским обычаям, а в связи с гонениями этому придавалось еще большее значение.

Сопроводительный инвентарь в иудейских погребениях присутствует в силу того, что погребения были частью культа почитания предков. В помещение ставили сосуды с благовониями и масляные лампы: так, в гробницах на Виа Портуэнсе было найдено много терракотовых масляных ламп (преимущественно грубо сделанных и разбитых) [2, С. 300]. После похорон могила посещалась родными, где совершались оплакивания еще в течение недели. Отдельные погребения имели культовое значение, комплекс могил не являлся самим объектом культа. В христианских погребениях иногда находят стеклянные вазы, которые являются символом мученичества – по одним данным это сосуды для крови или слёз мучеников, но вероятнее всего их использовали для благовоний, которыми окропляли тела во время погребения [3, С. 339–340].

Тип как христианских, так и иудейских погребений одинаков и обусловлен характером комплекса, а именно – катакомбы. Надписи в иудейских захоронениях были на греческом: так, в катакомбах Виа Портуэнсе было обнаружено восемь надписей на греческом и только две на латыни, например, имена похороненных. На стенах можно различить первые слова: *ἐνθάδε κῖτε ἐν εἰρήνη (Здесь покоится в мире).* На одной гробнице все еще полностью видны красные буквы имени захороненного [2, С. 300]. В христианских же надписи встречаются только на латыни, т.к. захороненные, в соответствии с более поздним временем (I в. н. э.) были уже гражданами Рима. Встречаются молитвы, имена и фразы: *“Домиций, простая душа, спит с миром”, “Ирина в мире пребывает”, “Во Христе умер в сентябрьские календы Помпеанус Невинный, проживший шесть лет и девять месяцев – он спит с миром”* [4, С. 73]. Была найдена надпись, в очередной раз указывающая на тяготы жизни христиан во времена гонений: *“Александр не умер, но живёт выше звёзд, и его тело покоится в этой гробнице. Он закончил свою жизнь при императоре Антонине, который, предвидя, что его*

заслуги принесут великую пользу, платил злом за добро. Ибо, стоя на коленях и готовясь принести жертву истинному Богу, он был отведён на казнь. О, печальные времена, в которые среди священных обрядов и молитв, даже в пещерах, мы не в безопасности. Что может быть несчастнее такой жизни? И что может быть хуже такой смерти? Когда они не могут быть похоронены своими друзьями. В конце концов они сияют на небесах. Едва ли жил тот, кто жил в христианские времена" [4, С. 73]. Таким образом, преобладание греческого в иудейских катакомбах является прямым следствием процесса эллинизации, а позже, уже в христианских катакомбах, латинские надписи подтверждают распространение религии среди римлян.

Христианский ритуал погребения достаточно сходен с ритуалом погребения иудеев, и в этом можно увидеть преемственность: в обеих конфессиях умерших заворачивали в ткани (саваны) и клали в вырезанные в стене отсеки (для каждого тела предназначался отдельный, погребения не были коллективными). Разница заключается в том, что иудеи через год, согласно раввинистическим источникам, складывали кости в особые ящики – оссуарии, или специальные склепы для костей: *"Сын мой, похорони меня сначала в гробнице. по прошествии времени собери кости мои и положих в оссуарий, но не бери их собственными твоими руками»* [5, С. 94–95]. Христиане же просто хоронили тела в локулах – ингумация была единственно приемлемой формой захоронения. В своих процедурах погребения в катакомбах ранние христиане как бы подражали погребению Иисуса. Чтобы захоронить тело, они вырезали нишу (по-латыни, *loculus)* в стене галереи и, смазав тело благовониями, покрывали его льном и клали в локулу. Затем отверстие в локуле закрывалось кирпичом, терракотовой плиткой или – если семья могла себе это позволить – плитой из полированного мрамора. Какой бы материал ни использовался, он был герметично заделан раствором [1].

В иудейских катакомбах не найдены никакие изображения, кроме меноры (иудейского религиозного семисвечника) и надписей с именем погребенного [2, С. 300]. Христианские катакомбы же в свою очередь отличаются большим количеством символики и рисунков: на стенах и потолках изображались либо отражающие христианские идеи символы, завуалированные под общепринятые образы: рыба, голубь, масличная ветвь и др. В силу враждебной обстановки, сопутствующей первым христианам, им было необходимо выработать своеобразный язык, понятный только им, но не вызывающий подозрений у окружающих [6, С. 23]. Характерно было и переосмысление библейских образов под христианское значение. Часто можно встретить изображения Ионы, вышедшего из чрева кита на третий день, что соотносилось с Воскресением Христа на третий день после распятия, или Ноя, выходящего из воды, как аллюзию на воскресение мертвых [7, С. 212–215].

Выводы. Между христианскими и иудейскими погребениями прослеживается определённая и достаточно видимая связь ввиду родственности конфессий. Христианство, перенявшее от более старой религии способ захоронения в катакомбах при этом привнесло в него особенные детали, сложившиеся в ходе гонений на христианскую религию и необходимости скрывать свой религиозный обряд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Roman Catacombs: The Labyrinthine City of the Dead (by Richard Marranca). Электронный ресурс. URL: https://popular-archaeology.com/article/the-roman-catacombs-the-labyrinthine-city-of-the-dead/.
2. Leon, H. J. The Jewish catacombs and inscriptions of Rome: an account of their discovery and subsequent history // *Hebrew Union College Annual*. Vol. 5. 1928. Pp. 299–314.
3. Marucchi O. Recent Excavations in Rome // The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts. Vol. 2. №3. 1886. Pp. 334–341.
4. The Catacombs at Rome // The Catholic Layman 4, no. 43 (1855). Pp. 73–74.
5. Иисус и его мир [Текст]: новейшие открытия / Крейг Эванс; [пер. с англ.: М.И. Завалова]. – Москва: ЭКСМО, 2015. – 298 с.
6. Символика раннего христианства / Н.А. Ковальская, И.А. Дмитриенко // Проблемы гуманитарных исследований: Сборник всероссийской (национальной) научно-практической конференции, посвященной 90-летию Новосибирского государственного аграрного университета, Новосибирск, 20–21 марта 2025 года. – Новосибирск: ИЦ НГАУ "Золотой колос", 2025. – С. 22–27.
7. Gruen, William “Chip.”*Roman Catacombs*. T&T Clark, 2020. Pp. 201–220.

УДК 947.042

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ XVI В. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А.А. Коровин, канд. ист. наук, доцент
Е.Ф. Иващенко, магистрант
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация. Статья исследует государственные реформы середины XVI века в России, их предпосылки, содержание и воздействие на эволюцию системы управления. Анализируются ключевые преобразования: формирование приказной системы, земская и губная реформы, обновление законодательства. Показана роль реформ в централизации власти и становлении бюрократического аппарата Московского государства.

***Ключевые слова*:** реформы, XVI век, государственное управление, приказы, централизация.

Введение. Середина XVI века стала переломным этапом в истории российского государственного управления. Комплекс реформ, реализованный в правление Ивана IV при участии Избранной рады, заложил

основы централизованной монархии и определил вектор развития институтов власти на последующие десятилетия. Актуальность изучения этих преобразований обусловлена их фундаментальной значимостью для понимания механизмов становления самодержавия и формирования бюрократической системы Московского государства [5].

В историографии проблема реформ середины XVI века получила разностороннее освещение. Классические труды В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова трактовали реформы как ответ на объективные потребности централизации, вызванные расширением территории и внешнеполитическими вызовами. В советской историографии акцент делался на социально-классовой природе преобразований: А.А. Зимин рассматривал их как инструмент укрепления позиций служилого дворянства, а С.Б. Веселовский анализировал эволюцию фискальной системы. Современные исследования (А.П. Павлов, Н.М. Рогожин) смещают фокус на институциональный аспект, изучая механизмы взаимодействия центральных и местных органов управления, а также роль делопроизводственных практик в консолидации власти.

Тем не менее ряд вопросов остаётся дискуссионным. Спорными остаются оценки степени преемственности реформ с предшествующим периодом, роль личности Ивана IV в их разработке и реализации, а также долгосрочные последствия преобразований для баланса сил между монархом, боярством и служилым сословием. Недостаточно изучены региональные особенности внедрения реформ и их социально-экономические эффекты. Это обусловливает необходимость комплексного анализа реформ в контексте системных изменений государственного аппарата.

Постановка задачи. Цель исследования – выявить сущность и значение государственных реформ середины XVI века, проанализировать их влияние на структуру и функционирование системы государственного управления Московского государства. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить социально-политические и административные предпосылки реформ; во-вторых, охарактеризовать ключевые направления преобразований (формирование приказной системы, земскую и губную реформы, обновление законодательной базы, военные нововведения); в-третьих, исследовать механизмы реализации реформ и сопротивление им; в-четвёртых, оценить долгосрочные последствия реформ для централизации власти и бюрократизации управления.

Методологически исследование ориентировано на выявление причинно-следственных связей между реформами и трансформацией институтов власти, а также на анализ их институциональной преемственности. Особое внимание уделяется соотношению инновационных и традиционных элементов в системе управления, что позволяет оценить глубину преобразований.

Методика и методология исследования. Исследование базируется на принципах историзма и системности, предполагающих рассмотрение реформ как взаимосвязанных элементов единой программы модернизации управления. В работе применяются следующие методы: историко-генетический метод для выявления причин и этапов реформ; сравнительно-исторический метод для сопоставления дореформенной и постреформенной систем управления; институциональный анализ для изучения структуры и функций приказов, земских и губных учреждений; просопографический метод для исследования состава управленческого аппарата.

Источниковая база включает законодательные акты, делопроизводственные документы, летописные, а также актовый материал. Комплексный анализ этих источников позволяет реконструировать механизмы реализации реформ и их воздействие на управленческую практику.

Результаты. Предпосылки реформ середины XVI века коренились в системных проблемах Московского государства. Децентрализация управления, обусловленная удельной системой и боярским землевладением, подрывала эффективность центральной власти. Система кормлений, основанная на содержании наместников за счёт местного населения, порождала злоупотребления и недовольство. Военная организация оставалась архаичной: отсутствие регулярной армии и слабая оборона границ делали государство уязвимым. Правовая сфера характеризовалась противоречивостью норм Судебника 1497 г. и местных обычаев, что затрудняло единообразное применение законов [4].

Реформы, инициированные Иваном IV при поддержке Избранной рады, представляли собой комплексную программу модернизации управления. Ключевым элементом стала приказная реформа, в рамках которой в 1549–1550-х гг. формировалась система центральных органов управления – приказов. Эти учреждения, специализировавшиеся по отраслям (Разрядный, Поместный, Посольский, Челобитный приказы) и территориям, стали основой бюрократической вертикали, подчинённой непосредственно царю. Их создание позволило унифицировать делопроизводство, усилить контроль над местными властями и сформировать профессиональный управленческий аппарат из дьяков и подьячих. Приказы не только исполняли царские указы, но и разрабатывали нормативные акты, вели учёт земель и служилых людей, что способствовало централизации административных функций.

Существенные изменения произошли в местном управлении. Земская и губная реформы 1555–1556 гг. отменили систему кормлений, заменив наместников и волостелей выборными земскими и губными старостами. Земские старосты занимались хозяйственными делами, сбором налогов и распределением повинностей, а губные старосты ведали уголовным судопроизводством и охраной порядка. Эта реформа снизила уровень

коррупции на местах, вовлекла посадское и черносошное население в управление и укрепила вертикаль власти через подотчётность старост центральным приказам. Однако внедрение новшеств шло неравномерно: в отдалённых регионах частично сохранялись кормления, что свидетельствовало о компромиссах между центральной властью и местными элитами [6].

Законодательная сфера была упорядочена принятием Судебника 1550 г., который ужесточил наказания за должностные преступления, расширил права служилого сословия и ввёл порядок апелляции к царю. Этот акт унифицировал правоприменение на всей территории государства, ограничив произвол наместников и усилив роль центральных судебных инстанций. Военная реформа включала создание стрелецкого войска (1550), формирование «избранной тысячи» дворян как ядра поместного войска и принятие Уложения о службе (1556), регламентировавшего воинскую повинность землевладельцев. Эти меры повысили боеспособность армии и укрепили связь военной службы с земельными владениями [2].

Механизмы реализации реформ опирались на институты сословно-представительной монархии. Созыв Земских соборов (1549, 1566) обеспечивал легитимацию преобразований, а приказы выступали исполнительными органами. Челобитный приказ выполнял функцию контроля за исполнением указов и приёма жалоб, что позволяло корректировать курс реформ. Однако сопротивление боярской аристократии и местных элит вынуждало власть идти на компромиссы, что замедляло полномасштабное внедрение новшеств [1].

Влияние реформ на систему управления было многогранным. Во-первых, усилилась централизация власти: роль царя и приказов возросла при относительном ослаблении Боярской думы. Во-вторых, управление стало более профессиональным благодаря формированию слоя дьяков и подьячих, владевших делопроизводственными навыками. В-третьих, правовая система унифицировалась за счёт действия Судебника 1550 г., что снизило региональную правовую раздробленность. В-четвёртых, военная организация модернизировалась благодаря стрелецким полкам и регламентации службы. В-пятых, расширились каналы участия населения в управлении через выборных старост, что укрепляло связь центра с местами. Тем не менее реформы не ликвидировали полностью архаичные элементы: местничество сохранялось, а боярское влияние оставалось значительным, что проявилось в последующих кризисах, включая опричнину 1565–1572 гг. [5]

Выводы. Проведённое исследование позволяет утверждать, что государственные реформы середины XVI века представляли собой системный ответ на вызовы, стоявшие перед Московским государством. Их комплексный характер, охвативший административную, судебную, военную и местную сферы, заложил основы централизованного управления и способствовал эволюции раннефеодальной монархии в самодержавную

систему. Ключевыми достижениями стали формирование приказной системы, отмена кормлений, унификация законодательства и модернизация армии.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе взаимосвязей между различными направлениями реформ и их влиянием на институциональную структуру государства. В отличие от работ, фокусирующихся на отдельных аспектах преобразований, данное исследование демонстрирует их целостность и взаимодополняемость, что позволяет глубже понять механизмы централизации власти.

Теоретическое значение работы состоит в уточнении роли реформ середины XVI века как этапа перехода от раннефеодальной к централизованной монархии. Показано, что реформы не только усилили вертикаль власти, но и создали предпосылки для формирования бюрократического аппарата, что стало фундаментом для дальнейших административных преобразований XVII века [3].

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым изучением регионального аспекта реформ, их социально-экономических последствий, а также сравнительного анализа с административными преобразованиями в других европейских государствах XVI века. Особого внимания заслуживает исследование делопроизводственных практик приказов как фактора бюрократизации управления, а также роли местных элит в адаптации реформ к региональным условиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альшиц, Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного / Д.Н. Альшиц. – Л.: Наука, 1988. – 246 с.
2. Долгих, А.Н. Административные реформы в России середины XVI века как историографическая проблема / А.Н. Долгих // История: факты и символы. – 2023. – № 2 (35). – С. 103–112.
3. Мочеран, В.Д. Направление реформирования государственного управления в современной России / В.Д. Мочеран, А.В. Егоян, А.А. Коровин // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: Сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции, Москва, 27 декабря 2022 года. – Москва: Печатный цех, 2022. – С. 176–179.
4. Скрынников, Р.Г. Иван Грозный / Р.Г. Скрынников. – М.: ООО Издательство АСТ, 2001. – 480 с.
5. Судебники XV–XVI веков: учебно-методическое пособие / под ред. А.Н. Долгих. – Борисоглебск: Борисоглебский филиал ВГУ, 2016. – 98 с.
6. Фроянов, И.Я. Драма русской истории: на путях к опричнине / И.Я. Фроянов. – М.: Парад, 2007. – 947 с.

УДК 93/94

СПОСОБЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКИХ МУЗЕЕВ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Д.В. Кривова, магистрант
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена проблема комплектования фондов тульских музеев в 1918–1929 гг. (Тульского художественно-исторического музея, музея Тульского губернского подотдела уголовного розыска). На основе анализа отчетов и служебных переписок были выделены способы комплектования музейных коллекций.

Ключевые слова: музей, музейный фонд, комплектование, Тульский художественно-исторический музей, музей Тульского губернского подотдела уголовного розыска.

Введение. «Музей – это исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов» [1, С. 395]. В приведенном определении в полной мере отражалось назначение музеев как учреждений по охране культурно-исторических памятников прошлого, которые выступали в качестве музейных предметов. Поскольку на территории России «музейный бум» начался в первые годы существования советской власти и проявился в массовом открытии музеев разного профиля. В силу данного обстоятельства интересным выступал вопрос о способах комплектования предметами фондов музеев.

Данная проблема изучалась как советскими (В.К. Гардановым, А.Б. Заксом, В.Р. Лейкиной-Свирской, Д.А. Равиковичем и другими), так и российскими исследователями (Г.А. Кузиной, Г.И. Герасимовым; Т.С. Кимлаевой, А.Ю. Никитиным, Н.Н. Никитиной и другими) музейного дела. В своих работах историки уделяли особое внимание процессу национализации имений как одному из наиболее распространенных вариантов формирования и пополнения фондов музеев [2, С.12; 3, С. 302; 4, С. 59–61; 5, С. 107, 109; 6, С. 98]. Предметы быта и личные коллекции из бывших домов представителей привилегированного сословия составляли основу коллекций открывавшихся музеев. Исключением стали предметы из усадеб В.Д. Поленова и Л.Н. Толстого. На базе домов этих деятелей культуры уже располагались музейные пространства, поэтому их ценности были сохранены и составили основу домов-музеев [7, С. 80]. Вместе с тем Г.И. Герасимов, изучая историю

Тульского музея оружия и представляя результаты своей работы в статьях, выделил крайне редкий вариант комплектования музейного собрания за счет производства оружия на Тульском оружейном заводе и приобретения их на других оружейных заводах [8, С. 55].

Постановка задачи. Упомянутый перечень вариантов комплектования музеев предметами являлся неисчерпывающим. На основе сохранившихся отчетной документации и служебных переписок были выделены способы формирования и пополнения фондов таких музеев Тульской губернии в 1918 – 1929 гг., как Тульский художественно-исторический музей и музей Тульского губернского подотдела уголовного розыска.

Методика и методология исследования. В качестве методологической основы работали выступили принципы историзма, объективности и системного подхода, которые позволили получить целостное представление о способах комплектования Тульского художественно-исторического музея и музея Тульского губернского подотдела уголовного розыска. В работе применялись методы исторического анализа.

Автором статьи были проанализированы отчеты Тульского губернского комитета по делам музеев за 1921 г., Тульского художественно-исторического музея за 1925 гг. и переписка музея Тульского губернского подотдела уголовного розыска с различными учреждениями, которые хранились в Государственном архиве Тульской области.

Результаты. Прежде чем рассматривать вопрос о комплектовании упомянутых музейных пространств, стоит отметить, что на данный процесс оказали влияние нормативно-правовые акты советской власти. В первую очередь к ним относились декреты Совета народных комиссаров РСФСР, которые определяли государственную политику в области культурного строительства. Их целью являлось предоставление доступа всего населения к ценностям культурного и исторического значения. В результате были запрещены продажа и вывоз памятников искусства и старины, которые изымались и передавали под охрану нового государства [9, С. 960, 961]. Также отмечалось, что предметы, поступающие в музеи, в обязательном порядке регистрировались и учитывались как ценное музейное имущество, о количественном поступлении которого сообщалось в ежегодной отчетной документации [10, С. 225, 226]. В дополнение музеям рекомендовалось вести описи поступавших к ним предметов и инвентарные книги с целью контроля и поиска информации о музейных экспонатах в непредвиденных случаях (например, в случае кражи или гибели памятников прошлого) [11, Л. 21].

Итак, обратимся к опыту тульских музеев. В Тульской губернии с 1918 г. начались подготовительные работы к открытию музеев, которые заключались в поиске зданий для размещения музейных коллекций и их формировании [12, Л. 2 об.].

Тульский художественно-исторический музей был открыт 1 мая 1919 г. и состоял из двух отделов: художественного и исторического [Там же, Л. 2]. Следовательно, музейное пространство располагало предметами как художественного, так и исторического значения. Основу фондов Тульского художественно-исторического музея составили экспонаты Тульского епархиального древлехранилища, существовавшего с 1885 по 1917 гг., и предметы из национализированных бывших имений графа А.Г. Бобринского и искусствоведа Ю.А. Олсуфьева [Там же, Л. 2 об.]. Таким образом, первоначальное музейное комплектование осуществлялось за счет национализации предметов. Именно этот факт подтверждал мнение историков о том, что национализация была самым распространенных вариантом формирования музейных фондов.

Однако по мере развития музейного дела в Тульской губернии пополнение коллекций стало осуществляться разнообразными путями. Из отчёта Тульского губернского комитета по делам музеев за 1921 г. известно, что Исторический музей и Государственный музейный фонд, расположенные в Москве, передали в состав собрания Тульского художественно-исторического музея 47 предметов, среди которых были картины и фарфор [13, Л. 235 об.]. Также пополнение коллекции происходило и из уездных музеев. В 1925 г. в музейное учреждение поступили экспонаты, посвященные быту помещиков, из Богучарского музея [12, Л. 3]. При этом сам музей активно способствовал развитию местных музейных пространств и налаживал с ними контакты путем передачи им в пользовании памятников искусства и старины [13, Л. 235 об.].

Стоит отметить, что все вышеперечисленные операции с музейным имуществом контролировались советской властью. В служебной записке заведующему Тульскому художественно-историческому музеем отмечалось следующее: «Категорически запрещается выдавать из музея какие бы то ни было вещи без особого в каждом отдельном случае разрешения губоно» (Тульского отдела народного образования) [14, Л. 11].

Комплектование фонда музея Тульского губернского подотдела уголовного розыска являлось уникальным процессом, требующем особого рассмотрения. Своей целью музейное пространство ставило знакомство посетителей с преступной деятельностью в Тульской губернии. Для ее реализации были необходимы экспонаты, связанные с преступлениями, и истории уголовных дел. Поэтому в музей уловного розыска передавались вещественные доказательства (рванная перчатка, старый кинжал, велосипедный ярлык, веревка и другие) по разнообразным уголовным делам (например, о краже, подделках и другие) [15, Л. 1, 3, 4, 8]. Также с целью пополнения коллекции велись служебные переписки между начальниками губернского розыска и милиции. Так, начальник губернского розыска просил выслать информацию о совершенных преступлениях и сведения о преступниках, а также орудия совершения преступлений, поскольку музей

обладал малым количеством предметов, недостающих для проведения полноценных экскурсий не только для рабочих групп по путевках, но и для сотрудников милиции и уголовного розыска [Там же, Л. 22, 33]. Также Тульский губернский подотдел уголовного розыска вел переписку с Тульским отделом народного образования по вопросу передачи части экспонатов (витрины с оружием пыток) Тульского художественно-исторического музея в музей уголовного розыска [16, Л. 4]. Данное требование возникло в силу специализации музея уголовного розыска, так как считалось целесообразным расположить в данном музейном пространстве экспонаты, связанные с правонарушениями и методами борьбы с ними. Такая музейная коллекция должна была сформировать у посетителей антипатию к нарушениям законов и стремление к их соблюдению. Однако данная переписка оказалась безрезультативной. Музею уголовного розыска не удалось получить желаемые предметы, поскольку Тульский отдел народного образования считал процесс передачи нецелесообразным ввиду концентрации в Тульском художественно-историческом музее разнообразных предметов прошлого, в том числе и старых оружий [Там же, Л. 3].

Также, как и с деятельностью Тульского художественно-исторического музея по вопросу комплектования музейных коллекций, музей Тульского губернского подотдела уголовного розыска обязан был отчитываться. Поэтому на каждом сопроводительном документе ставилась запись о получении вещественного доказательства, подпись и дата [15, Л. 8]. Тем самым государство контролировало процесс движения потенциальных музейных предметов с целью обеспечения их сохранности.

Выводы. Таким образом, на основе анализа научно-исследовательских работ историков и архивных данных (отчетной документации и служебных переписок) были выделены разнообразные варианты комплектования фондов тульских музее *(рис. 1)*.

Рисунок 1. Способы комплектования фондов музеев Тульской губернии

Большинство из представленных способов формирования и пополнения коллекций (национализация предметов и коллекций,

приобретение за денежные средства, передача музейных предметов) были характерны для множества музеев, а такие варианты, как производство предметов на заводе и передача предметов уголовного значения, были характерны в силу специфики существовавших музеев. Однако указанные варианты, выделенные за счет архивных материалов, не являются исчерпывающим список. На страницах периодических печатей также публиковалась информация, на основе которой перечень способов комплектования фондов тульский музеев пополнится.

В дополнение стоит отметить, что большое значение в комплектовании фондов музеев имела деятельность органов советской власти. Они не только разработали базу для сохранения и охраны культурно-исторических ценностей, в том числе открыли музеи, но и контролировали процесс движения памятников искусства и старины с целью обеспечения доступа для советских граждан к ним и их культурного просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская музейная энциклопедия: В 2 т. Москва: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. Т.1. 416 с.
2. Гарданов В.К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // История музейного дела в СССР. Сборник статей. Москва: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1957. Выпуск 1. С. 7–37.
3. Закс А.Б. Из истории Государственного Исторического музея (1917–1941 гг.). // Очерки истории музейного дела в России. Москва: Изд-во «Советская Россия», 1960. Выпуск 1. С. 300–379.
4. Лейкина-Свирская В.Р. Из истории Ленинградского музея революции // Очерки истории музейного дела в России. Москва: Изд-во «Советская Россия», 1961. Выпуск 3. С. 55–78.
5. Равикович Д.А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Москва: Изд-во «Советская Россия», 1968. Выпуск 6. С. 97–145.
6. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). Москва, 1991. С. 96–172.
7. Никитина Н.Н., Никитин А.Ю., Кимлаева Т.С. Создание музейных комплексов на территории бывших дворянских усадеб после Революции 1917 года как способ сохранения отечественного культурного наследия // Власть истории – История власти. 2023. №44. С. 79 – 88.
8. Герасимов, Г.И. Тульский музей оружия в первые десятилетия советской власти (1924–1941 гг.) // Музей. Памятник. Наследие. 2023. №1 (13). С. 52–61.
9. О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины: Декрет Совета народных комиссаров от 19 сентября 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. С. 960, 961.
10. О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящих во владении частных лиц, обществ и учреждений: Декрет Совета народных комиссаров от 5 октября 1918 года // Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М.: Политиздат, 1964. С. 225, 226.
11. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО). Ф. Р-326. О. 3. Д. 2950.
12. ГУ ГАТО. Ф. Р-326 Оп. 3 Д. 3070.

13. ГУ ГАТО. Ф. Р-326 Оп. 3 Д. 2715.
14. ГУ ГАТО. Ф. Р-326 Оп. 3 Д. 2870.
15. ГУ ГАТО. Ф. Р-140 Оп. 1 Д. 556.
16. ГУ ГАТО. Ф. Р-140 Оп. 1 Д. 616.

УДК 93/94

РОЛЬ ПИОНЕРВОЖАТОГО В ВОСПИТАНИИ ЮНОГО КИНОЗРИТЕЛЯ В 1920-Е ГОДЫ

О.А. Лозовская, соискатель кафедры отечественной истории и архивоведения
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье приведены сведения о состоянии детского кинематографа в Советской России в 1920-е годы. Рассматривается массовая работа с детьми в области кино и роль вожатых в образовании и формировании юного кинозрителя, а также влияние вожатых на кинопроцесс.

Ключевые слова: кино, детский досуг, кинотеатр, фильм, воспитание

С самого начала своего появления кино имело для детей огромное значение и влияние. Дети буквально бредили фильмами и киногероями; практически одновременно с появлением кинематографа заговорили и пагубном его влиянии. Еще в дореволюционной России нередко поднимался вопрос об ограничении детям и подросткам доступа в кино.

В 1920-е годы советская пресса изобиловала сообщениями о вредном влиянии кино. Кино было самым популярным из развлечений; деньги на кино добывались самыми различными способами.

В 1920-е годы советского детского кино практически не существовало. С 1924 года выходят фильмы о пионерах, беспризорниках, об участии детей в революционной борьбе – такие, например, как «Как Петюнька ездил к Ильичу» (1924, режиссер М.И. Доронин), «Ванька-пионер» (1924, режиссер П.П. Малахов), «Федькина правда» (1925, режиссер О.И. Преображенская), «Мишка Звонов» (1925, режиссер П.П. Малахов), «Красношейка» (1926, режиссер Е.И. Славинский). Их количество, однако, было невелико и не покрывало потребность детей в хороших фильмах.

Кроме того, эти «пионерские фильмы» были крайне нехудожественны и сняты плохо технически. Зачастую с подобных сеансов дети попросту уходили.

К тому же, у этих картин были серьезные конкуренты: западные фильмы – боевики, мелодрамы, приключенческие ленты, истории «Золушек». Снятые лучше технически, динамичные, они привлекали внимание не только детей, но и взрослых, их смотрели с куда большим

удовольствием. Нередко дети подражали героям западных лент: посмотрев опасные трюки, они пытались повторить их, рискуя жизнью. Бывали случаи, что дети, подражая героям кино, хулиганили, воровали, грабили.

С середины 20-х годов двадцатого века началось серьезное изучение темы детского кинематографа и его влияния на детей. Регулярно проводились анкетирования, исследования детского интереса. Вопросами детского кино занимались многие организации, в частности, педологический отдел Московского института методов школьной работы. Собственное исследование провел и Центральный Пионер-кабинет. Выходит несколько книг: так, в 1925 году вышла книга П.И. Люблинского «Кинематограф и дети» [1]; в 1926-м – «Школьный кинематограф» А. Слюйса [2]; в 26-м же – «Кино и молодежь» В. Вайнштока и Д. Якобзона [3]. В 1928 году вышла книга А. Лацис и Л. Кейлиной «Дети и кино» [4]; в 1929 году - «Кино и наша молодежь. На основе данных педологии» В. Правдолюбова [5]. В том же году увидела свет книга под редакцией А. Гельмонта «Кино. Дети. Школа» [6], а годом позже - сборник «Детское кино» [7]. Кроме того, тема детских фильмов и воспитания юного кинозрителя регулярно освещалась на страницах журналов «Вожатый» и «На путях к новой школе». Детское кино постепенно становилось средством коммунистического воспитания нового поколения, предполагается, что оно должно способствовать его культурному и художественному развитию.

Со второй половины 20-х годов по всей стране организовывались детские киносеансы, на которых показывались фильмы, более подходящие для детской аудитории. Увеличилось число детских сеансов и киноутренников во взрослых кинотеатрах, стали открываться специальные детские и молодежные кинотеатры. Для привлечения детей в кино до и после сеансов устраивались игры, конкурсы, беседы. Цены на билеты старались держать низкими.

Так, в газете «Ленинские искры» за 1925 год деткор пишет: «У нас на «Красном путиловце» для пионеров каждое воскресенье представлено кино, где демонстрируются хорошие фильмы и вход всего только пять копеек» [8, С. 4].

Другой деткор описывает посещение киносеанса так: «Каждое воскресенье около базы толпятся пионеры. Играет фанфара, и все строятся по росту в шеренгу. Это наши пионеры идут на кино-утренник в клуб Зиновьева… Много интересных картин видали мы по воскресеньям в рабочем клубе» [9, С. 3].

Тем не менее, конечно, не все было так гладко. Подобным киносеансам не хватало организованности, контроля. Как пишет деткор «Ленинских искр», «Клуб «Металлист» устраивает каждое воскресенье киноутренники… но среди пионеров немало и шпаны лет по 18; проникают в клуб и частенько устраивают там бузу. Я предлагаю ответственному распорядителю обратить на это серьезное внимание и ставить у дверей надежный контроль» [10, С. 4].

Пионервожатые, учителя, деткоры и просто неравнодушные пионеры на страницах печати предлагали относиться к киносеансам с большим вниманием, придумывать интересные методы привлечения: «Почему бы после фильма, который занимает всего один час, не организовать выступление живой пионерской газеты или поставить небольшую пьеску, или же преподнести слушателям целый ряд самостоятельных номеров, которых у нас с избытком хватает в пионерских базах? Во время антракта в зале можно устроить полит-лотерею, сан-лотерею, массовые игры, переносной стрелковый тир и т.д.» [11, С. 3].

Иначе же «Ребята на этих утренниках предоставлены сами себе: они бузят, ругаются, свистят, весь зал и фойе в семячной шелухе и окурках. Нередки и хулиганские выходки местной шпаны. Пионеры … никакой работы на утренниках не ведут» [11, С. 3].

В статье «Кино на службу пионерам или массовая работа на площадке» говорится следующее: «Вся беда в том, что летом и зимой кино нам преподносится как голый сеанс, где ставится задача пропустить картину при известном количестве детей» [12, С. 40].

В статье Розанова «Кино для пионеров» упоминалось о том, что «Пионеры почти никогда не ходят в кино организовано, – звеном, отрядом… А ведь интереснее было бы пойти в кино всем вместе, но пойти не просто посмотреть, но поучиться в кино, разобраться в том материале, какой показывают» [13, С. 18]. В той же статье предлагалось смотреть на каждый сеанс как на образовательный урок, из которого было необходимо извлечь все, что только можно для образования и воспитания пионеров.

Работу по воспитанию юного кинозрителя предлагалось вести в основном вожатым. «Вожатые могли бы внести новое и интересное содержание в отрядную работу, используя кино» – говорилось в статье Розанова [13, С. 19].

В книге «Что должен знать вожатый пионеротряда» теме кинообразования отводилось особое внимание: «Для того, чтобы урегулировать детский кино-вопрос, нужно, прежде всего, создать… здоровое кино. Это можно сделать путем организации специального детского кино, вокруг которого должна быть организована педагогическая работа: объяснительные сопровождения к фильму, библиотечный уголок, где можно найти нужную в данный момент книгу по вопросу, связанному с просмотром картины, кружок, издающий плакаты к картине и иллюстрирующий ее, кружок по кинотехнике, детский оркестр для сопровождения картины и т.д.» [14, С. 139].

Вожатому предлагалось взять на себя роль пояснителя картины. После самостоятельного, первого просмотра фильма, вожатый должен был составить план кино-беседы, подобрать литературу по теме фильма.

Просмотр фильмов вместе с детьми рекомендовалось сопровождать беседой, особенно научной и просветительной. К некоторым картинам

выпускались конспекты бесед, которые можно было получить в отделении Совкино.

Подобная работа, как показывала практика, была необходима: не все дети понимали, что происходит на экране, зачастую их выводы были совершенно фантастическими.

В статье «Кино и дети» говорилось: «… Каждому вожатому следует подумать - какова его роль в этом деле. Вожатый должен помочь разобраться в том очень большом материале, который преподносит ребятам кино. Недостаточно сосредоточить внимание подростков только на просмотре сеанса. Нужно подготовить зрителя к восприятию картины, познакомив его как с деталями, так и с технической стороной» [15, С. 37].

В газете «Ленинские искры» деткор предлагал изучить опыт Москвы и организовать кино-кружки. Он справедливо замечал, что зрители по большому счету увлечены только сюжетом и совершенно не обращают внимания ни на игру актеров, ни на художественную постановку. Кроме того, деткор надеялся, что найдутся такие ребята, которые сами смогут писать сценарии для кино [10, С. 4].

Идею кружков активно поддержали в следующих номерах «Ленинских искр». Руководство кружками возлагалось на вожатых.

Руководя кружком, вожатый, в первую очередь, должен был организовывать походы в кино и внимательно наблюдать за поведением и восприятием детей: какие картины интересны, какие нет; какие реакции вызывают те или иные действия или герои; что говорят дети после сеанса. Все это предлагалось тщательно записывать и, таким образом, у вожатого появлялся своеобразный дневник, посвященный кино.

Обмен опытом планировали проводить на страницах журнала «Вожатый», туда же призывали писать свои мысли и идеи по вопросу.

Функции вожатого, однако, не должны были ограничиваться только организованными походами в кино и руководством кинокружками. «Вожатый должен принять участие в создании хорошего детского кино-репертуара» - говорилось в журнале «Вожатый» [16, С. 40].

Фильмы тех лет открыто признавались неудачными. «Неудача в создании детских и пионерских кинолент объясняется тем, что они делаются лицами, не имеющими непосредственного отношения к детям. Учитывая это, в настоящее время к этой работе привлекаются педагоги. В области создания пионерской ленты – в эту работу должны быть втянуты и вожатые. Причина трудности создания пионерской ленты заключается в отсутствии хорошего сценария из жизни пионеров. Такие сценарии могут быть написаны только вожатыми, непосредственно участвующими в пионерской жизни. Ближайшая задача пионерского кино – кинофикация вожатых, ознакомление их с кино-производством и привлечения к сценарной работе» [17, С. 36].

Таким образом, ожидалось, что хорошие, по-настоящему пионерские киносценарии появятся тогда, когда к делу создания их будут привлечены пионер-работники.

Но, отмечалось в той же статье, создание киносценария требует немало знаний и художественного опыта. Привлечение вожатых к писанию киносценариев подразумевало прежде всего получение от них кратких либретто или литературных сценариев, которые впоследствии планировалось переработать кино-специалистами. Но именно вожатые, непосредственно наблюдающие детскую жизнь, могли бы дать много интересных и нужных идей и либретто для киносценариев. Сценариев, в первую очередь, ожидали таких, которые рисовали бы повседневную пионерскую жизнь. Материалом для сценария могли служить события или достижения отряда.

Вожатые действительно пытались создавать свои сценарии. Так, например, инициативная группа комсомольцев, работников детского движения, сплотившегося вокруг детского журнала «Барабан», начинала работу по разработке приключенческого пионерского сценария [18, С. 1].

Для создания и исправления сценариев вожатые могли привлекать и пионеров. Так, в статье Шолок предлагалось обсуждать фильмы как можно более живо и подробно: «Последующие проработки вызовут у ребят творческие импульсы. Обсуждение тех или иных мест в кинофильме может повлечь к исправлению их, переделке, замене более яркими. Наконец, в таких беседах могут быть обдуманы новые сюжеты, могут быть набросаны небезынтересные либретто» [16, С. 40].

К осени 1929 года при детских кинотеатрах и домах пионерской работы Москвы, Ленинграда и других городов уже существуют многочисленные кино-кружки. Помимо организованных походов в кино, предварительного обсуждения и диспутов после просмотра, в кружках говорили об истории кино, о том, как ведутся съемки, придумывали сценарии из жизни пионеров, рисовали афиши к фильмам. Вели эти кружки, как правило, вожатые, которые в 20-е годы действительно выполняли роль кино-педагогов и занимались важным просвещением в области кино.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Люблинский П.И. Кинематограф и дети. М.: Право и жизнь, 1925.
2. Слюйс А. Школьный кинематограф. М.: Теакинопечать, 1926.
3. Вайншток В.П. Якобзон Дм. Кино и молодежь. М.; Л.: Госиздат, 1926.
4. Лацис А.Э., Кейлина Л. Дети и кино, М.: Теакинопечать, 1928.
5. Правдолюбов В.А. Кино и наша молодежь. На основе данных педологии. М., Л., Гос. изд-во, 1929.
6. Гельмонт А.М. Кино. Дети. Школа. М., Работник просвещения, 1929.
7. Детское кино. М., Теакинопечать, 1930.
8. Пионерское кино//Ленинские искры. 1925. № 8. С. 4.
9. Кино//Ленинские искры. 1927. № 35. С. 3.
10. Театр и кино//Ленинские искры, 1926. № 3. С. 4.
11. Мы требуем настоящий детский фильм//Ленинские искры. 1928. № 1. С. 3.

12. Березин А. Кино на службе пионерам или массовая работа на площадке//Вожатый. 1927. № 17. С. 40.
13. Розанов И. Кино для пионеров // Вожатый. 1926.№6. С. 18–20
14. Королев Ф., Фильцер И. Что должен знать вожатый пионеротряда. М.: Наркомпрос РСФСР: Работник просвещения, 1929. 238 с.
15. Кино и дети //Вожатый. 1927. № 20. С. 37.
16. Шолок Э. Кино и дети //Вожатый. 1927. №2 0. С. 40.
17. Блюм, Яшин О детском и пионерском кино//Вожатый. 1926. № 15. С. 36.
18. Еще о детском кино // Кино. 1924. № 15–31. С. 1.

УДК 93/94

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИРЫНОЧНОГО СОЗНАНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» В ПЕРИОДЫ «СТАЛИНИЗМА» И «ОТТЕПЕЛИ»

Е.А. Лосева, магистрант
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В данной статье проводиться анализ становления экономического мышления советского человека в хронологических рамках, которые захватывают периоды нахождения у власти И.В. Сталина и Н.С. Хрущева. Полученные результаты указывают на весомую роль государственного аппарата в этом процессе.

Ключевые слова: социализм, капитализм, экономическая модель, мышление, СССР.

Введение. Уровень общественного экономического мышления всегда представлял особую важность в масштабах исторического развития, так как определял приверженность определенному типу хозяйственной системы, в рамках государственной идеологии. Современная историческая наука сосредоточила свое внимание на экономической осведомленности советского народа, чтобы лучше понимать экономический менталитет современного российского общества на фоне глобализационных процессов и пересмотра экономических моделей. Изучение исторического ракурса восприятия идей рынка через призму советской идеологии выражают особую актуальность, поскольку это позволяет определить исторические истоки предубеждений и стереотипов, характерных для современного социума. К проблеме экономического развития СССР обращались многие исследователи, к примеру В.П. Шпалтаков [1, С. 62–71], в своей статье рассматривает существующие концепции экономистов советского периода перед крахом социалистической системы. Экономические дискуссии времен перестройки изучает В.И. Клисторин [2, С. 93–103], приходя к выводу, что дискуссии

скорее дезориентировали общественность, чем помогли справиться с существующими проблемами. Существуют и междисциплинарные исследования по этому вопросу, так А.А. Земцов [3, С. 10–18], обращается к анализу экономического поведения в СССР, привлекая знания и опыт психологических исследований. Все это указывает на существующий потенциал не раскрытого знания в данной области исследования.

Постановка задачи. Исходя из вышесказанного, стоит сформулировать цель данного исследования, которая заключается в выявлении идеологических особенностей становления антирыночного сознания советских граждан с помощью осуществления анализа материалов газеты «Правда» на протяжении руководства страной И.В. Сталина и Н.С. Хрущева. Для получения результатов необходимо использовать как универсальные или общенаучные методы исследования, так и теоретические, которые помогут в создании логических моделей для описания тех или иных явлений.

Методика и методология исследования. В данной работе применяется контент-анализ статей периодического издания «Правда», который позволяет оценить качественный анализ содержания изучаемого материала. Также в рамках дискурс-анализа происходит попытка отражения влияния государственной власти через пропаганду на мышление советского человека. Исследование испытывает на себе историко-хронологический метод, поскольку изучаемый вопрос рассматривается в установленных хронологических рамках.

Результаты. Период с 1930-х – середину 1950-х гг., традиционно именуют в нашей стране сталинизмом. Ярко выраженной чертой данного исторического этапа была приверженность идеологии, основой которого являлось учение Маркса и Энгельса. Государственный аппарат власти был заинтересован в коренном переустройстве общества на социалистический лад, минуя империалистическое прошлое. В экономической призме это означало утверждение пролетарских принципов, основанных на коллективистском начале и полное избавление от буржуазных идей, нацеленных на интересы личного характера. Характерным для этого периода является идеологическое противопоставление социализма капитализму, для распространения подобных настроений советская пропаганда использовала печать, для искоренения рыночных ценностей, чуждых советскому человеку. Классическим орудием пропаганды являются средства массовой информации, СССР не стал исключением из общего правила. Известно, что газета «Правда» являлась главным периодическим изданием в Советском Союзе, так как являлась органом ЦК КПСС и имела своей первостепенной задачей выражение официальной линии партии по основным сферам, в том числе по вопросам экономического характера. Для понимания условий, в которых складывалось экономическое сознание важно обратиться к материалам данного издания.

В статье «Капиталистический мир в тисках обостряющихся противоречий» От 3 января 1930 года заметен нарратив, который формирует представления советских граждан относительно капиталистического уклада в отрицательном ключе. Автор заметки утверждает, что влияние Великой депрессии на Европу может оказать губительный эффект, так как его последствия в большей степени накаляют капиталистические противоречия. Далее Д. Мануильский рассуждает о причинах приведших капиталистический мир к кризису, «Гувер, этот типичный представитель организованного трестовского капитала в САС Ш, неоднократно говорил о том, что американской буржуазии удалось найти секрет всеобщей «просперити», процветания, основанного на «технике развития», на устранении диспропорции между отдельными отраслями хозяйства, на устранении противоречия между классами и т.д. Американская буржуазия гордилась своей системой федеральных банков, считавшейся наиболее усовершенствованной частью «организованного капитализма С.-А. С. Штатов» [4, с.2]. В качестве главной причины капиталистических потрясений, автор обращается к проблеме монополистического капитализма. В качестве итога он обращает внимание на Федеральный банк США с его влиянием на макроэкономику в международном ракурсе. Таким образом капитализм, основанный на частной собственности, свободе рынка и росте банковского сектора признан неэффективной экономической системой, которая дискредитировала себя в условиях мирового кризиса. На странице издания от января 1933 года можно увидеть многочисленные лозунги порочащие капиталистический уклад среди них встречаются следующие заголовки, «Капиталистическое производство неуклонно падает. Безработица, нужда, нищета, голод миллионов рабочих и крестьян непрерывно растут.», «разорение французской деревни», «подарки миллионерам - голод безработным». Еще большее доверие вызывает мнение очевидца происходящих событий. Так на странице приводится мнение некого Джона, чье существование вызывает сомнение, так как не приводится никаких данных кроме имени, далее от первого лица повествуется о суровых кризисных буднях «Плохо живется рабочим в САСШ. По проселочным дорогам ходят толпы кочующих безработных. Они тщетно ищут работы во встречных деревнях, поселках и городах. Целые семьи ночуют на улицах, бульварах - им нечем платить за квартиру» [5, С. 3]. Подобный посыл имеет лишь одну цель, продемонстрировать минусы социальной жизни при капитализме, который предполагает рыночную модель экономики. Следующим действенным рычагом на мышление советского человека, стала демонстрация отношения к буржуазии как к отступникам от социалистических идеалов, с которыми не нужно считаться. В статье «С кулаками либеральничают», говориться об уголовной ответственности как мера с расхитительством государственного хлеба, автор пишет, «организаторы кулацкого саботажа, еще не сняты с работы, не привлечены к

уголовной ответственности» [6, С. 4]. Таким образом советский народ не по собственным убеждениям, а из чувства страха за свое будущее, все больше укоренял в сознании, что за накоплением капитала и предпринимательством кроется злой умысел, это в свою очередь, способствовало отрицательному восприятию основных процессов рыночной экономики. Еще в те времена было представление о силе человеческого сознания, так в статье «О борьбе против пережитков капитализма в сознании людей» излагается материал о способах искоренения капиталистических ценностей на уровне коллективного советского сознания. Автор статьи Ф. Хрустов дает краткую характеристику буржуазному обществу, «буржуазное общество, основанное на господстве частной собственности и эксплуатации человека человеком, разжигает в людях самые низменные инстинкты» [7, С. 3]. Подобный посыл должен пробудь в советских гражданах осознание, что Советский Союз и его социалистические принципы, исходящие от коллективного начала, имеют высшую благую цель – построение коммунизма, в противовес Западным странам, которыми движет примитивизм. Среди прочих мер по борьбе с капитализмом, особую роль отводят идеологической обработке населения, как средство внушения социалистических экономических принципов.

Иными словами во времена сталинского террора восприятие капитализма имело конфронтационный характер, как соперничество двух экономических систем XX века. Внедрение в сознание людей антирыночных убеждений исходило из политических причин, которые И.В. Сталин изложил в теории о построении «социализма в отдельно взятой стране», предупреждающей о потенциальной угрозе вмешательства во внутренние дела СССР со стороны стран капиталистического лагеря. В том числе рыночные отношения подавлялись по причине проведения индустриализации, целью которой было восполнение внутреннего промышленного потенциала Советского Союза.

Эпоха «оттепели» внесла некоторые коррективы в жизнь советского народа, однако в плане экономического просвещения мало что изменилось. В условиях политики мирного сосуществования, сменился тон публикаций в сторону демонстрации всех возможных преимуществ социализма как идеологической основы экономической советской модели. Под заголовком «Навстречу XX съезду КПСС» [8, С. 1], можно встретить следующие лозунги, «Вот они – наши резервы!», «Осваиваем новую технику», «Обеспечим высокий урожай», соответственно читатель должен определять социалистическую систему хозяйствования как продуктивную, инновационную и надежную экономическую систему. Важно было отразить экономический успех и на международном уровне. В заметке «Трубоволочильный стан для Китая» повествуется о поставке в Китай нового трубоволочильного стана с тяговым усилением в 30 тонн, «Новый стан будет отправлен в Китайскую Народную Республику – на Аньшаньский металлургический комбинат. Это уже седьмой по счету волочильный стан,

изготовляемый иркутскими машиностроителями по заказу китайских друзей.» [9, С. 1]. По задумке редакторов данный мотив должен был значительно укрепить авторитет социалистической системы, которая держится на командно-административном типе экономики в глазах мирового сообщества. Всегда важно отмечать достигнутые результаты во избежании всякого рода сомнений, в материале под названием «Идет урожай семилетки» перечислены достижения колхозов и совхозов, которые освоили новую технологию переработки зерна, «Ценный почин дает свои результаты. Темпы продажи зерна государству в сравнении с прошлым годом ускорились. Беспрерывным потоком пшеница нового урожая идет на хлебоприемные пункты... На пунктах и элеваторах налажен круглосуточный прием хлеба.» [10, С. 2]. Говоря другими словами, газета «Правда» в период середины 50 по середину 60-х гг., стремилась создать успешный образ социализма и тех экономических принципов, которых придерживалась советская система.

В эпоху хрущевской «оттепели» был благополучно создан положительный образ советской экономики, который должен был безоговорочно уверовать граждан СССР в успехе экономики, основой которой является плановый тип хозяйства. При этом сознание народа в сфере экономического просвещения с большей долей должно было убедиться в том, что рыночная экономика является неэффективной на фоне преимуществ социализма

Выводы. В заключение можно добавить, что антирыночная направленность сознания советского человека являлось плодом длительной идеологической работы партии, которая в разные времена имела различную риторику в соответствии с международной обстановкой. В 30 – первой половине 50-х гг., непринятие идей рынка базировалось на идеологическом соперничестве как противостояние западным капиталистическим ценностям. Газетное издание убеждало народ Советского Союза в том, что буржуазия, сформировавшаяся в условиях рыночной системы, представляет из себя примитивный класс с чувством хищнического инстинкта, который добивается лишь личной наживы, а значит руководствуется ограниченными ценностями. По истечению некоторого количества лет, с момента перемены внешнеполитического курса после XX съезда КПСС сместился акцент с перечисления недостатков рыночной системы капиталистических обществ на собственную экономическую модель с перечислением ее заслуг и успехов. Иначе говоря, в период «сталинизма» власть формировала антирыночное мышление посредством создание негативного образа Западного мира, а позднее с наступлением «оттепели» укрепила это мышление при помощи заслуг экономики Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпалтаков В.П. Концепции советских экономистов перед крахом социализма / В.П. Шпалтаков // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. - 2017. - №1 (57). – С. 62-71.

2. Клисторин В.И. Былое и думы. Ч. II. Экономические дискуссии времен перестройки / В.И. Клисторин // ЭКО. – 2016 – №1. – С. 93–103.
3. Земцов А.А. Экономическое поведение: первые исследования в СССР (начало 80-х начало 90-х гг. XX в.) / А.А. Земцов // Проблемы учета и финансов, 2917, №28., С. 10–18.
4. Мануильский Д. Капиталистический мир в тисках обостряющихся противоречий / Д. Мануильский // Правда, 1930, 3 янв., №3 (4448). – С.2.
5. Всюду нужда и нищета // Правда, 1933, 1 янв., №1 (5527). – С. 3.
6. Сапал В. С кулаками либеральничают / В. Сапал // Правда, 1933, 2 янв., №2 (5528). – С.4.
7. Хрустов Ф. О борьбе против пережитков капитализма в сознании людей / Ф. Хрустов // Правда, 1950, 11 июн., №162 (11634). – С.3.
8. Навстречу XX съезду КПСС // Правда, 1956, 12 янв., №12 (13675). – С.1.
9. Трубоволочильный стан для Китая // Правда, 1956, 11 янв., №11 (13674). – С.1.
10. Дьяченко И. Идет урожай семилетки / И. Дьяченко // Правда, 1959, 8 июл., № 189 (14948). – С. 2.

УДК 94:323.276(470)

ЭПОХА ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ: РОЛЬ ГВАРДИИ И ВЛИЯНИЕ ФАВОРИТИЗМА НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Е.А. Макаревич, студентка ИФиПА
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья рассматривает эпоху дворцовых переворотов в России, охватывающую период с 1725 по 1762 годы. Этот временной отрезок характеризуется частой сменой правителей и политической нестабильностью, вызванной отсутствием четкого закона о престолонаследии после смерти Петра I. В центре политической жизни того времени находились гвардейские полки, которые стали ключевым инструментом в борьбе за власть, позволяя возводить на престол или свергать императоров. Помимо этого, фаворитизм достиг небывалого расцвета, когда личные связи монархов с приближенными определяли государственную политику, кадровые назначения и распределение ресурсов. Исследование этих факторов помогает глубже понять причины политической нестабильности и особенности административных реформ того времени.

Ключевые слова: дворцовые перевороты, фаворитизм.

Фаворитизм – это система, при которой государственные решения принимаются на основе личных симпатий, дружеских связей, родственных

отношений или иных субъективных факторов, а не объективных качеств или заслуг.

Период с 1725 по 1762 годы в истории России известен как Эпоха дворцовых переворотов, характеризующийся частой сменой правителей, что было обусловлено отсутствием ясного закона о престолонаследии после смерти Петра I. Его Указ 1722 года, позволявший монарху самостоятельно назначать преемника, не был четко исполнен, что привело к правовому вакууму и борьбе за власть между различными придворными группировками. В этих условиях решающую роль в определении судьбы престола стала играть гвардия [1].

Смерть Петра I и Политическая Неопределенность.

Эпоха дворцовых переворотов началась с внезапной смерти Петра I в январе 1725 года. Император не оставил четкого указа о наследнике, что привело к политической неопределенности. Согласно его Указу о престолонаследии 1722 года, монарх имел право сам назначить преемника, но Петр I не успел воспользоваться этим правом. Это создало ситуацию, в которой власть оказалась в руках придворных группировок, стремившихся использовать её в своих интересах [3].

Гвардия как Инструмент Политической Власти.

Гвардия, созданная Петром I как элитное военное формирование, стала ключевым игроком в политической жизни России. Преображенский и Семеновский полки, обладая прямым доступом к столице, приобрели решающее влияние на вопросы престолонаследия.

- Первый переворот 1725 года: Гвардейцы поддержали возведение на трон Екатерины I, поддержанной А. Д. Меншиковым.

- 1730 год: Гвардия сыграла важную роль в отказе от "Кондиций" Верховного Тайного Совета, что привело к восшествию на престол Анны Иоанновны.

- 1741 год: Гвардейцы способствовали приходу к власти Елизаветы Петровны, недовольные засильем иностранцев при дворе [2].

Таким образом, гвардия, используя свою военную силу, стала главным арбитром в вопросе смены монархов, превращая престол в объект борьбы между различными придворными кликами.

Фаворитизм как Система Управления.

В условиях политической нестабильности и отсутствия сильного монарха, управление государством часто передавалось в руки фаворитов. Фаворитизм в этот период представлял собой систему, при которой приближенные монарха получали неограниченные полномочия, часто в обход официальных государственных институтов [1].

- А.Д. Меншиков (при Екатерине I) – фактически управлял страной, сосредоточив в своих руках значительную власть.

- Э.И. Бирон (при Анне Иоанновне) – период его правления, известный как «бироновщина», характеризовался контролем над государственным аппаратом и использованием его в личных интересах.

- П.И. Шувалов и Е.Р. Дашкова (при Елизавете Петровне) – их влияние, хотя и было менее значительным, все же определяло кадровую политику и внешнюю политику.

Фаворитизм привел к ряду негативных последствий:

- снижение эффективности управления – решения принимались исходя из личных интересов, а не государственных нужд;

- коррупция и злоупотребления: Фавориты использовали свое положение для личного обогащения;

- политическая нестабильность – смена фаворита часто сопровождалась кадровыми перестановками и изменением внешнеполитического курса [4].

Конец Эпохи Дворцовых Переворотов.

Эпоха дворцовых переворотов завершилась с приходом к власти Екатерины II в 1762 году. Её переворот, осуществленный при поддержке Преображенского полка, отличался от предыдущих тем, что императрица смогла заручиться поддержкой не только военных, но и значительной части дворянства, уставшего от политической нестабильности [3].

Екатерина II предприняла шаги по укреплению самодержавной власти и ограничению роли гвардии в управлении государством. Она опиралась на идеи Просвещения и расширила права дворянства, что позволило ей устранить основные причины, по которым гвардия ранее вмешивалась в политику [2].

Заключение. Эпоха дворцовых переворотов продемонстрировала, как отсутствие четких правил престолонаследия и существование политизированной гвардии привели к децентрализации власти. Реальное управление государством оказалось в руках придворных клик, возглавляемых могущественными фаворитами. Завершение этого периода с приходом Екатерины II стало важным шагом к укреплению самодержавия и стабилизации государственной власти [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. М.Ю. Гильмиддинова, м. Y. Gilmiddinova, а. М. Олешкова, а. М. Oleshkova // исторический блог как средство изучения эпохи #ученичество. – 2025. – № 2. – с. 14–22. – issn 2949-1061. – текст: электронный // лань: электронно-библиотечная система. — url: https://e.lanbook.com/journal/issue/371919.

2. В.Я. Мауль // гуманитарные исследования центральной России. – 2025. – № 1 (34). – с. 7–19. – issn 2541-9056. – текст: электронный // лань: электронно-библиотечная система. – url: https://e.lanbook.com/journal/issue/371593.

3. Никишин, Б.А. Переворот 11–12 марта 1801 года: современные подходы к изучению вопроса / б. А. Никишин, b. A. Nikishin // экономика. Информатика. – 2023. – № 2. – с. 429–441. – issn 2687-0967. – текст: электронный // лань: электронно-библиотечная система. – url: https://e.lanbook.com/journal/issue/350540.

4. Е.А. Подберезный, E.A. Podberezny, В.Н. Фурсов, v. N. Fursov. Развитие системы продовольственного обеспечения нижних чинов русской армии во второй четверти XVIII века / аграрная история. – 2024. – № 19. – с. 20–28. – issn 2713–2447. – текст: электронный // лань: электронно-библиотечная система. – url: https://e.lanbook.com/journal/issue/365876.

УДК940.1:616.99

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ ЧУМЫ В XIV ВЕКЕ НА ЕВРОПЕЙСКОЕ РАЗВИТИЕ

А.А. Максимова, студентка ИФиПА
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются последствия пандемии чумы XIV столетия, известной под названием «Чёрная смерть», и её влияние на социально-экономическую, культурную и политическую эволюцию европейских обществ. Особое внимание уделено демографическому спаду, который вызвал сокращение населения и долгосрочную перестройку структуры трудовых ресурсов. Анализируются перемены в феодальной системе, усиление роли городов, распространение наёмного труда и формирование предпосылок раннего капитализма. Отдельный акцент сделан на кризисе религиозного сознания и культурных сдвигах, возникших под впечатлением масштабных человеческих потерь.

Ключевые слова: Чёрная смерть, чума XIV века, Средневековая Европа, демографический кризис, феодальная система, социальные трансформации, экономические изменения, культура Средневековья.

Эпидемия чумы XIV века, вошедшая в историю как «Чёрная смерть», стала одним из наиболее разрушительных явлений средневековой Европы. В 1347–1352 годах болезнь распространилась по всему континенту и, согласно оценкам исследователей, привела к гибели от трети до половины европейцев [1]. Подобного уровня смертности Европа ранее не переживала: эпидемия затронула и крупные города, и сельские территории, представителей знати, духовенства и простых людей. Это событие стало поворотным моментом, оказавшим влияние на все сферы жизни – от социального уклада и экономических механизмов до религии, культуры и политических структур [2]. Одним из ключевых последствий чумы стало резкое уменьшение численности населения. В наиболее пострадавших регионах – во Франции, Англии и Италии – гибель достигала половины или даже двух третей жителей. Многие деревни исчезали, а города теряли ремесленников, торговцев и квалифицированных работников. Демографический кризис

привёл к тому, что феодальная система оказалась под давлением: нехватка рабочей силы сделала прежние методы удержания крестьян неэффективными. Попытки государств законодательно ограничить мобильность людей или остановить рост заработной платы, как это произошло в Англии со «Статутом о рабочих» 1351 года, не давали ожидаемого результата [3]. Крестьяне получили возможность выбирать работодателей, обсуждать условия труда и постепенно достигать большей личной свободы. В ходе этих процессов Европа начала отходить от жёсткой феодальной модели, формируя более гибкое и мобильное общество [4].

Экономические изменения также были масштабными. Дефицит рабочих рук способствовал повышению оплаты труда и сделал сельскохозяйственное производство менее стабильным: часть земель приходила в запустение. Вместе с тем развивались новые формы хозяйствования, ориентированные на рынок [5]. В городах усиливалось значение предпринимательства, происходила перестройка цеховой организации. Торговля восстанавливалась быстрее сельского хозяйства, что увеличивало влияние городских центров. Наследование имущества умерших способствовало концентрации капитала, что стимулировало развитие ремесла и коммерческих связей. Таким образом, эпидемия ускорила переход от традиционной феодальной экономики к более открытой рыночной системе. Социальная структура средневекового общества также изменилась. Массовая смертность нивелировала сословные различия и подорвала устойчивость прежних иерархий. Социальная мобильность повышалась, многие крестьяне и ремесленники становились более независимыми, а часть дворянских родов прекращала существование, что приводило к перераспределению земельных владений. На фоне социальных потрясений происходили массовые выступления, такие как жакерия 1358 года во Франции и восстание Уота Тайлера 1381 года в Англии. Эти события демонстрировали, что привычные механизмы контроля над населением больше не работали [6]. Глубокие перемены охватили и религиозную сферу. Католическая Церковь, обладавшая значительным влиянием, столкнулась с утратой доверия, поскольку оказалась неспособна защитить людей от болезни. Большое число умерших священнослужителей ослабляло церковные структуры, а отсутствие результата от молитв и религиозных церемоний вызывало сомнения в их действенности. Часть населения обращалась к мистическим движениям, другая – к светским знаниям и медицинским объяснениям происходящего. Этот интеллектуальный сдвиг стал важной предпосылкой будущих религиозных реформ и развития научной мысли раннего Нового времени [7].

Культурная жизнь Европы также претерпела существенные изменения. Осознание хрупкости человеческой жизни породило новые художественные мотивы, включая образ «пляски смерти». В литературе усилился интерес к внутреннему миру человека, повседневным сюжетам и реалистическому изображению действительности. «Декамерон» Джованни Боккаччо стал

ярким примером новых культурных тенденций. Искусство постепенно переходило от чисто религиозных тем к гуманистическому мировоззрению.

Пандемия затронула и политическую сферу. Уменьшение числа представителей знати, чиновников и военных ослабляло позиции отдельных феодальных домов, тогда как централизованная власть во многих странах усиливалась. Роль городских общин возрастала, а государственные институты становились более организованными и действенными. Эти изменения способствовали укреплению национальных государств и завершению перехода Европы к новой политической модели [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель, Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель; пер. с фр. – М.: Весь Мир, 2007. – 622 с. – ЭБС Лань.
2. Данилов, А.А., Косулина, Л.Г. История Средних веков: учебник для вузов / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – М.: Просвещение, 2019. – 448 с.
3. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура молчания / А.Я. Гуревич. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 367 с. – ЭБС Лань.
4. Карпов, С.П. История Средних веков / С.П. Карпов. – М.: МГУ, 2016. – 496 с. – Знаниум.
5. Киреева, Н.Н. Средневековая Европа: культура, общество, религия / Н.Н. Киреева. – М.: Юрайт, 2018. – 352 с. – Знаниум.
6. Мортон, А.Л. История Англии / А.Л. Мортон; пер. с англ. – М.: Высшая школа, 2015. – 512 с. – Знаниум.
7. Делюмо, Ж. Цивилизация Возрождения / Ж. Делюмо; пер. с фр. – М.: РГГУ, 2012. – 367 с. – ЭБС Лань.

УДК 94:553.3/9(574)

РУДНИК РИДДЕРА – ДЕТИЩЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: КАК ОТКРЫТИЕ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ИЗМЕНИЛО ЖИЗНЬ КАЗАХСКОГО КРАЯ

А.И. Маслова, студент ИВМиБ
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена истории города Риддер – от его основания в 1786 году как рудника Российской империи до современного промышленного центра Казахстана. Подробно рассматриваются ключевые этапы развития: освоение месторождений при Екатерине II, промышленный рост в XIX веке, трансформация в советский Лениногорск, тяжелые годы

после распада СССР и возрождение в XXI веке. Особое внимание уделяется роли города как стратегического поставщика металлов, его многонациональной культуре и уникальному наследию.

Ключевые слова: Риддер, Лениногорск, история Казахстана, горное дело, Российская империя, индустриализация, цветная металлургия.

Цель исследования. Комплексный анализ истории развития города Риддер (Лениногорск) от основания в 1786 году до наших дней, с акцентом на его промышленное развитие и социальную трансформацию. Исследование выявляет ключевые этапы эволюции: от имперского рудника до советского индустриального центра и современного казахстанского города. Особое внимание уделяется роли Риддера в экономике региона, преемственности промышленных традиций и адаптации к новым историческим условиям. Работа сочетает исторический, экономический и урбанистический подходы, что позволяет оценить значение города как примера устойчивого развития промышленного центра в меняющихся политико-экономических реалиях.

Город Риддер – это уникальный пример того, как природные богатства и государственная воля могут превратить небольшой рудник в полноценный город с богатейшей историей. Расположенный в живописных предгорьях Алтая на востоке Казахстана, этот город ведет свою историю с 1786 года, когда российский горный инженер Филипп Риддер открыл здесь богатейшие месторождения полиметаллических руд. С самого своего основания судьба этого поселения была неразрывно связана с горнодобывающей промышленностью, став своеобразным мостом между Российской империей, Советским Союзом и современным Казахстаном [1]. Особую значимость Риддеру придает его географическое положение – находясь в Рудном Алтае, город стал важным промышленным центром, снабжавшим сначала империю, а потом и всю страну свинцом, цинком и другими стратегически важными металлами. В этой статье мы проследим весь путь развития города – от первых рудников, заложенных по указу Екатерины II, через бурный рост в советскую эпоху, когда город носил имя Лениногорск, до современного периода, когда Риддер, вернув свое историческое название, продолжает оставаться важным промышленным и культурным центром региона. История этого города – это зеркало, в котором отражаются все ключевые этапы развития всего Казахстана, начиная с периода вхождения в состав Российской империи и заканчивая современной эпохой. Через призму истории одного города мы сможем увидеть, как менялась экономика, социальная структура и культурный ландшафт целого региона на протяжении более чем двух столетий [2].

История основания города Риддера неразрывно связана с разведывательными экспедициями Российской империи на восток и освоением богатств Алтайского края в конце XVIII века. Эти территории привлекали внимание российских промышленников своими минеральными ресурсами. В 1786 году под руководством опытного горного инженера

Филиппа Риддера, который обнаружил здесь богатейшие залежи полиметаллических руд, содержащих серебро, свинец, медь и другие ценные металлы. Это открытие сразу же получило высочайшее одобрение – императрица Екатерина II, которая лично подписала указ об организации Лениногорского рудника (первоначальное название поселения). Уже в первые годы существования рудник продемонстрировал свою экономическую значимость – добываемые здесь металлы поступали на монетные дворы России, использовались в военной промышленности и машиностроении. Особую роль в становлении Риддера сыграл Алтайский горный округ – мощная производственная структура, объединявшая все рудники и заводы региона. В первые десятилетия своего существования поселение развивалось как типичный горнозаводской центр Российской империи – с жесткой дисциплиной, тяжелыми условиями труда и особым социальным укладом жизни. Основную рабочую силу составляли приписные крестьяне, ссыльные и солдаты, а управляли производством преимущественно специалисты с Урала и из центральных губерний России [3]. Уникальность Риддера заключалась в его пограничном положении – находясь на стыке российских владений и казахских степей, он стал не только промышленным, но и важным культурно-цивилизационным форпостом империи на востоке.

XIX век стал для Риддерского рудника периодом стремительного промышленного роста и технологической модернизации. После реформ Александра II в 1861 году, отменивших крепостное право, на рудник хлынул поток вольных рабочих, что кардинально изменило социальную структуру поселения. Технический прогресс не обошел стороной этот удаленный уголок – в 1870-х годах здесь появились первые паровые машины для откачки воды из шахт, а к началу XX века была построена современная по тем меркам обогатительная фабрика. Особую роль в развитии производства сыграли немецкие специалисты, приглашенные российским правительством для внедрения передовых технологий. Их знания и опыт позволили значительно увеличить объемы добычи серебра и свинца, сделав Риддер одним из важнейших поставщиков стратегического сырья для промышленности [4].

Параллельно с промышленным развитием менялся и облик самого поселения. Из временного рабочего лагеря оно постепенно превращалось в полноценный горный городок. В 1868 году здесь была построена первая каменная церковь, появились школа для детей рабочих и больница. Население Риддера стало удивительно многонациональным – рядом с русскими рабочими и казаками селились казахи, татары, украинцы, составлявшие пеструю и своеобразную городскую среду. К 1913 году рудник давал уже более 10% всей добывавшейся свинцовой руды [5].

Первая мировая война стала серьезным испытанием для Риддера. Резко возросший спрос на свинец для военных нужд заставил максимально увеличить объемы добычи, что привело к истощению наиболее доступных месторождений. Тяжелые условия труда, нехватка продовольствия и рост цен

вызвали волну недовольства среди рабочих, которое вылилось в забастовки 1916 года. Эти события стали предвестником грядущих революционных потрясений, которые коренным образом изменят судьбу Риддерского рудника и его жителей. К 1917 году, несмотря на все трудности военного времени, Риддер представлял собой уже сложившийся промышленный центр с развитой инфраструктурой, квалифицированными кадрами и огромным экономическим потенциалом, который в полной мере раскроется в советский период [6].

Советская эпоха стала для Риддера временем кардинальных преобразований и небывалого промышленного роста. В 1920-х годах, после окончания Гражданской войны, рудник пережил второе рождение – новые власти осознали стратегическое значение его месторождений для индустриализации страны. В 1927 году здесь была проведена масштабная геологоразведочная кампания, выявившая новые богатейшие залежи полиметаллических руд. Это открытие дало толчок к созданию мощного горно-металлургического комплекса. В 1934 году поселение официально получило статус города, а в 1941-м, в разгар Великой Отечественной войны, было переименовано в Лениногорск – под этим именем он войдет в историю советской индустрии.

Военные годы стали особым периодом в истории города. Лениногорск превратился в настоящую «свинцовую кузницу» фронта – каждый третий патрон Красной Армии был сделан из металлов, добытых здесь. На рудниках и заводах работали в три смены, без выходных и отпусков. В город были эвакуированы специалисты и оборудование из оккупированных западных регионов страны, что значительно усилило его промышленный потенциал. В 1943 году за бесперебойные поставки стратегического сырья Лениногорский свинцовый завод был награжден орденом Ленина – высшей государственной наградой того времени.

Послевоенные десятилетия ознаменовались настоящим расцветом города. В 1950–60-х годах здесь был построен крупнейший в СССР свинцово-цинковый комбинат, оснащенный по последнему слову техники. Население Лениногорска стремительно росло – если в 1939 году здесь проживало около 20 тысяч человек, то к 1970-му их число превысило 60 тысяч. Город обзавелся современной инфраструктурой: были построены новые микрорайоны с многоэтажными домами, Дворец культуры, стадион, парки и скверы. Особое внимание уделялось подготовке кадров – в 1959 году открылся горно-металлургический техникум, ставший кузницей специалистов для всей отрасли [7].

К 1980-м годам Лениногорск превратился в один из самых благоустроенных и перспективных городов Казахской ССР. Здесь работали десятки предприятий, выпускавших не только металлы, но и продукцию машиностроения, легкой промышленности. Город славился своими культурными традициями – ежегодные праздники, фестивали, спортивные

соревнования собирали участников со всего Советского Союза. Однако этот период стабильности и процветания подходил к концу – на горизонте уже маячили грядущие перемены, связанные с распадом СССР и переходом к новой экономической реальности.

С выходом Казахстана из состава СССР в 1991 году начался новый, сложный этап в истории города. В 2002 году ему было возвращено историческое название – Риддер, символизирующее связь с дореволюционным прошлым. Первые годы стали для города настоящим испытанием – разрыв хозяйственных связей, переход к рыночной экономике и сокращение государственного финансирования привели к резкому спаду промышленного производства. Многие предприятия, еще недавно бывшие флагманами союзной промышленности, оказались на грани остановки. Численность населения сократилась почти на треть – многие специалисты, особенно русскоязычные, уехали в Россию и другие страны СНГ.

Однако уже в начале 2000-х годов ситуация начала постепенно улучшаться. Благодаря иностранным инвестициям и государственной поддержке удалось модернизировать основные промышленные предприятия. Особое внимание было уделено экологическим вопросам – новые технологии позволили значительно снизить вредные выбросы в атмосферу. В 2010-х годах Риддер вновь занял важное место в экономике теперь уже Казахстана как центр цветной металлургии. Здесь были открыты новые производства по переработке редкоземельных металлов, началась разработка ранее недоступных месторождений с использованием современного оборудования.

Важным направлением развития города стал туризм. Живописные окрестности Риддера, расположенного в предгорьях Алтая, привлекают любителей активного отдыха. Были восстановлены исторические памятники, связанные с горнозаводским прошлым города, открыт краеведческий музей с уникальной коллекцией минералов. Особой гордостью риддерцев стал дендропарк, заложенный еще в советские времена и превратившийся в настоящий ботанический сад с растениями со всего мира [8].

Сегодня Риддер – это город, сумевший сохранить свою промышленную специализацию, но при этом развивающийся как современный культурный и образовательный центр. Здесь работают филиалы ведущих казахстанских вузов, ежегодно проводятся международные научные конференции по горному делу и экологии. Население города, хоть и меньше, чем в советский период, стабилизировалось на отметке около 50 тысяч человек. Риддерцы по праву гордятся своей историей и с оптимизмом смотрят в будущее, сочетая верность традициям с готовностью к инновациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров В.И. Экономическая география Рудного Алтая. Москва: МГУ, 2022. – 298 с.
2. Смирнова Л.Е. Архитектурное наследие Риддера: сохранение и реставрация // Памятники истории и культуры Казахстана. 2021. №2. С. 78–95.

3. Толеубаев Т.Б. История горного дела в Казахстане. Алматы: Дайк-Пресс, 2018. – 448 с.
4. Шевченко О.Н. Демографические процессы в Риддере (1991–2020 гг.) // Демоскоп Weekly. 2022. № 891–892. С. 34–52.
5. Яковлев П.А. Экономика Казахстана: от сырьевой модели к инновациям. Нур-Султан: Экономика, 2023. – 312 с.
6. Кузнецов А.А. Российские горные инженеры в Казахстане (конец XVIII – начало XX вв.). СПб: Нестор-История, 2017. – 336 с.
7. Материалы Государственного архива Восточно-Казахстанской области. Фонд 45 «Риддерский горный округ». Опись 1-3. 1786–1919 гг.
8. Официальный сайт акимата города Риддер [Электронный ресурс]. URL: https://ridder.gov.kz.

УДК 930.2

ЖЕНЩИНА В ДРЕВНЕЙ РУСИ: МИФ О ТЕРЕМНОМ ЗАТВОРНИЧЕСТВЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

И.И. Матвеева, студентка ИФиПА
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу устоявшегося в массовом сознании стереотипа о практически полной социальной изоляции женщины в Древней Руси, так называемом «теремном затворничестве». На основе междисциплинарного подхода, включающего анализ нарративных источников (летописи, жития), правовых документов («Русская Правда», договоры с Византией) и данных археологии (берестяные грамоты), автор доказывает, что реальное положение женщины было значительно сложнее и разнообразнее. Рассматриваются правовой статус, имущественные и социальные права женщин различных сословий – от княгинь и боярынь до представительниц городского и крестьянского населения. Исследование приводит к выводу, что образ затворницы, полностью отстраненной от публичной жизни, является историческим мифом, сформировавшимся в более позднюю эпоху и не отражающим многообразия социальных ролей, которые играли женщины в древнерусский период.

Ключевые слова: Древняя Русь, гендерная история, социальная история, теремное затворничество, правовой статус женщины, берестяные грамоты, «Русская Правда», историография, повседневность, сословия.

Стереотипный образ женщины Древней Руси как бесправной затворницы, пожизненно запертой в тереме и полностью отстраненной от общественной жизни, прочно укоренен в массовой культуре, искусстве и

отчасти в историографии XIX века. Этот миф, однако, вступает в решительное противоречие с данными, которые предоставляют современные исторические исследования, опирающиеся на широкий круг разнообразных источников. Цель данной статьи – провести критический анализ концепции «теремного затворничества» и продемонстрировать, что реальное положение женщины в древнерусском обществе IX–XIV веков было значительно более сложным, многогранным и активным. Для достижения этой цели используются методы сравнительно-исторического анализа, источниковедческой критики и гендерного подхода, позволяющие реконструировать социальные роли и правовой статус женщин разных сословий.

Миф о «теремном затворничестве» сформировался не в самой Древней Руси, а значительно позже – в XVI–XVII веках, в Московском государстве, где под влиянием византийских традиций и патриархальных норм «Домостроя» жизнь знатных женщин действительно стала более замкнутой [1, С. 45]. Этот поздний идеал был ретроспективно перенесен историками XIX века, такими как Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, на всю предшествующую историю Руси. Такой подход игнорировал специфику более раннего периода, для которого были характерны иные социальные практики. Современная историческая наука, представленная работами Н.Л. Пушкаревой, Б.А. Романова, В.Л. Янина и других, коренным образом пересмотрела эти взгляды. Благодаря активному изучению не только летописей, но и правовых документов, а главное – берестяных грамот, открытых в XX веке, исследователи получили возможность услышать «живые голоса» самих древнерусских женщин и увидеть их повседневную жизнь без последующих идеологических наслоений [2, С. 78].

Правовое положение женщины в Древней Руси, зафиксированное в древнейших юридических документах, было достаточно высоким для своего времени и кардинально отличалось от положения их современниц во многих средневековых европейских государствах.

«Русская Правда» – основной свод древнерусского права – гарантировала женщине защиту жизни и имущества. Так, за убийство свободной женщины взимался такой же вирá (штраф), как и за убийство свободного мужчины – 40 гривен, что свидетельствует о равной ценности жизни полноправных членов общества (Пространная Правда, ст. 88) [6, С. 82]. Женщина обладала широкими имущественными правами. Она могла самостоятельно владеть и распоряжаться своим приданным («приказом»), которое оставалось ее личной собственностью даже в случае расторжения брака. Это важнейшее положение защищало ее экономически в нестабильном браке [9, С. 112]. Особенно значительными правами пользовались вдовы. Они становились полноправными хозяйками имущества покойного мужа, если не выходили замуж повторно, и выступали в суде в качестве опекунш своих малолетних детей. Фактически, вдова получала статус главы семьи, что

открывало перед ней возможности для самостоятельной хозяйственной и общественной деятельности [1, С. 67]. Данные договоров Руси с Византией (X век) также подтверждают высокий статус: например, договор 911 года предусматривал ответственность за убийство русской женщины в Царьграде [5, С. 134].

Так, в одной из древнейших грамот № 9 из Новгорода (XI в.) некая Гостята пишет своему брату: «Поклон от Гостяты к Васильви. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним. А ныне, взяв меня, обесчестил» [3, С. 45]. Эта жалоба на мужа, который, женившись, стал насмехаться и, вероятно, бить ее, показывает не только бытовой конфликт, но и то, что женщина была грамотна, имела сильные социальные связи с родней и не боялась искать у них защиты, апеллируя к своему имущественному праву на приданое.

В грамоте № 155 (XIV в.) некая Марена дает подробные указания своему мужу или приказчику о управлении земельной вотчиной: «От Марены к Василю. Что еси мнесяле посълал оже еси гридь позабыл, а ты бы поискал гридя. А се ти есьм посълала с Дургом сороцицю...» [3, С. 189]. Этот документ красноречиво свидетельствует о ее руководящей роли в хозяйственных делах, самостоятельности и грамотности.

Многочисленные грамоты, содержащие завещания, долговые записи, судебные прошения, написанные женщинами или адресованные им, доказывают, что они были полноправными участницами экономической жизни древнерусского города [2, С. 145].

Особенно ярко социальная активность женщин проявлялась в высших слоях общества. Княгини не были декоративными фигурами. После смерти мужа они часто становились регентшами при малолетних сыновьях и фактически правили княжеством [7, С. 148]. Хрестоматийным примером является княгиня Ольга (X в.). После гибели князя Игоря она не только жестоко отомстила древлянам, но и провела первую в истории Руси финансово-административную реформу, установив четкие размеры даней и систему погостов – административных центров [7, С. 150]. Ее дипломатическая поездка в Константинополь и принятие крещения демонстрируют высочайший уровень самостоятельности и государственного мышления. В XI–XII веках женщины продолжали играть значительную политическую роль. Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, став королевой Франции, активно участвовала в управлении государством, о чем свидетельствуют ее подписи на латыни («АННА РЪИНА») на королевских указах наряду с подписью ее мужа, короля Генриха I [1, С. 89]. На Руси дочь полоцкого князя Ефросиния Полоцкая прославилась как просветительница, основательница монастырей, заказчица масштабного строительства и уникального произведения искусства – напрестольного креста Лазаря Богши. Такая деятельность требовала не только глубокой веры, но и значительных организаторских способностей, независимости в распоряжении средствами и высокого уровня образования [1, С. 156].

В городской и крестьянской среде, где выживание семьи зависело от труда всех ее членов, «теремное затворничество» было невозможно в принципе. Женщины из ремесленных и торговых семей наравне с мужьями участвовали в ведении дел: могли торговать в лавках, заниматься ремеслом (например, ювелирным делом, ткачеством), а в случае смерти или отсутствия супруга часто продолжали семейное дело самостоятельно, становясь полноправными главами хозяйств [4, С. 234]. Крестьянки несли на себе тяжелое бремя сельскохозяйственных работ (жатва, огородничество, уход за скотом), домашнего хозяйства (приготовление пищи, прядение, ткачество, изготовление одежды) и воспитания детей. Их труд был основой экономического благополучия семьи и общины в целом [8, С. 67]. Свобода передвижения крестьянок была, конечно, ограничена общинными нормами, но никак не сводилась к затворничеству.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что миф о тотальной пассивности и заточении женщины в Древней Руси не имеет под собой исторических оснований. Безусловно, древнерусское общество было патриархальным, и основным предназначением женщины считался брак и материнство. Однако в рамках этой системы женщины обладали значительным комплексом прав, в первую очередь имущественных, и активно функционировали в социальном и экономическом пространстве [1; 6; 9]. Они управляли обширными вотчинами, занимались ремеслом и торговлей, влияли на большую политику, заключая династические браки и выступая регентшами, занимались благотворительностью, просвещением и книгописанием. Образ «теремной затворницы» является скорее идеализированным конструктом московской эпохи, который был некритически перенесен на весь древнерусский период [1, С. 201]. Реальная же история женщин Древней Руси – это история сильных личностей, обладавших волей, правом голоса, собственностью и способностью активно влиять на окружающий их мир. Дальнейшее изучение этой темы с привлечением новых археологических находок и методов анализа безусловно откроет еще более яркие страницы их жизни и деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский, А.А. Древнерусская дружина / А. А. Горский. – Москва: Наука, 1989. – 245 с.
2. Жих, М.И. Княгиня Ольга в древнерусской исторической традиции / М.И. Жих // Stratum plus. – 2021. – № 6. – С. 145–156.
3. Зимин, А.А. Холопы на Руси / А.А. Зимин. – Москва: Наука, 1973. – 390 с.
4. Котляр, Н.Ф. Древнерусская государственность / Н.Ф. Котляр. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 445 с.
5. Петров, И.В. Социальный статус женщины в Древней Руси по данным «Русской Правды» / И.В. Петров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 78–90.
6. Пушкарева, Н.Л. Женщины Древней Руси / Н.Л. Пушкарева. – Москва: Мысль, 1989. – 286 с.
7. Романов, Б.А. Люди и нравы Древней Руси / Б.А. Романов. – Москва: Наука, 1966. – 240 с.

8. Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – Москва: Академия наук СССР, 1948. – 785 с.
9. Фроянов, И.Я. Древняя Русь / И.Я. Фроянов. – Москва: Златоуст, 1995. – 450 с.
10. Янин, В.Л. Я послал тебе бересту... / В.Л. Янин. – Москва: Языки славянской культуры, 1998. – 315 с.

УДК 338.28

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМ АВТОМАТИКИ НА РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В 2000–2020 гг.

Т.И. Мугаллимов, студент
Е.К. Табейкина, канд. ист. наук, доцент
Казанский государственный энергетический университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье проводится историко-экономический анализ процесса внедрения систем автоматики на российских промышленных предприятиях в период 2000–2020-х годов. Исследуются ключевые экономические драйверы и системные барьеры, обусловившие специфику технологической модернизации. Особое внимание уделяется социотехническому аспекту – влиянию автоматизации на трансформацию рынка труда и структуру инженерных профессий. На основе анализа отраслевых отчетов и публикаций делается вывод о разноскоростном характере автоматизации и сохранении ключевых вызовов, связанных с кадровым обеспечением.

Ключевые слова: автоматизация, российская промышленность, Industry 4.0, технологическая модернизация, историко-экономический анализ.

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена нахождением мировой экономики в фазе четвертой промышленной революции (Industry 4.0), ключевым элементом которой является глубокая автоматизация производственных процессов [1]. Для России, исторически обладающей мощным, но технологически неоднородным промышленным потенциалом, ответ на этот вызов является вопросом национальной конкурентоспособности [2]. Период 2000-2020-х годов представляет особый интерес, так как именно в эти десятилетия происходило восстановление промышленности после кризиса 1990–х и ее столкновение с новыми глобальными трендами. Проблема исследования заключается в противоречии между объективной необходимостью массовой автоматизации и комплексом экономических, технологических и социальных барьеров, тормозящих этот процесс в России. Целью работы является историко-экономический анализ барьеров и социальных последствий внедрения систем автоматики на российских предприятиях [3].

Постановка задачи. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи.

Выявить и проанализировать ключевые экономические и политические факторы, стимулировавшие внедрение автоматики в российской промышленности в указанный период.

Систематизировать основные барьеры (технологические, кадровые, инвестиционные), сдерживавшие повсеместное распространение систем автоматизации.

Исследовать влияние процессов автоматизации на трансформацию структуры занятости и содержания инженерного труда в промышленности.

Методика и методология исследования. Методологической основой исследования выступает социотехнический подход, рассматривающий технологические изменения в неразрывной связи с социальными и экономическими системами. В работе применяется историко-генетический метод, позволяющий проследить причинно-следственные связи и динамику процесса автоматизации. Для сбора и анализа эмпирических данных использовался контент-анализ документов: отраслевых отчетов (Ассоциации «АВРОРА», РОСНАНО), государственных программ («Цифровая экономика Российской Федерации»), данных Росстата, а также публикаций в деловых и профильных СМИ («Эксперт», «Ведомости», «Автоматизация в промышленности»). Это позволило реконструировать целостную картину технологической трансформации [3; 4; 5].

Результаты. Проведенный анализ позволил выявить несколько ключевых тенденций, характеризующих развитие автоматики в России в 2000–2020-е годы.

Экономические и политические драйверы автоматизации. Начало 2000-х ознаменовалось восстановительным ростом, основанным на эксплуатации советского промышленного задела. Однако уже к середине десятилетия стало очевидно, что его недостаточно для конкуренции. Ключевыми драйверами выступили

Рост стоимости труда: повышение заработных плат сделало инвестиции в роботизацию экономически оправданными, особенно в таких отраслях, как автомобилестроение (заводы «Фольксваген Групп Рус», «КАМАЗ») [6].

Политика импортозамещения: после 2014 года она стала мощным стимулом для модернизации в оборонно-промышленном комплексе и смежных отраслях, где требовалось обеспечить технологический суверенитет [6; 7; 8].

Государственные программы: программы «Цифровая экономика» и национальные проекты создали определенные рамочные условия и стимулы для компаний с государственным участием.

Системные барьеры на пути внедрения. Несмотря на наличие драйверов, процесс автоматизации носил очаговый характер. Основными барьерами стали

Кадрового обеспечения: острейший дефицит инженеров и техников, способных проектировать, обслуживать и интегрировать сложные автоматизированные комплексы. Система высшего и среднего профессионального образования отставала от потребностей Industry 4.0 [8].

Высокие капитальные затраты и длительный срок окупаемости: для средних и малых предприятий, составляющих основу обрабатывающей промышленности, инвестиции в роботов и системы SCADA/МЭК зачастую были неподъемными [3; 4].

Технологическая гетерогенность: сосуществование на одном предприятии высокоавтоматизированных «островков» (часто созданных в рамках отдельных проектов) и устаревших, полностью ручных производственных линий.

Социальные последствия и трансформация профессий. Автоматизация привела не к тотальному сокращению рабочих мест, а к их качественной трансформации [8].

Спрос на универсальных работников: возрос спрос на операторов и наладчиков, обладающих навыками работы с ПО, механикой и электроникой одновременно [8].

Рост статуса инженера-интегратора: ключевой фигурой стал инженер, способный связать воедино IT и производственные процессы (цифровые двойники, IoT).

Поляризация труда: наблюдался уход от массовых профессий «у станка» к высококвалифицированным (кибербезопасность, анализ данных) и низкоквалифицированным (обслуживание инфраструктуры) сегментам [5; 8].

Вывод. Научная новизна исследования заключается в историко-экономическом анализе автоматизации как социотехнического феномена, определяющего траекторию развития современной российской промышленности. Теоретическое значение работы состоит в подтверждении гипотезы о том, что успех технологической модернизации определяется не столько наличием оборудования, сколько развитостью социально-экономической и образовательной инфраструктуры. Установлено, что, несмотря на точечные успехи в автомобилестроении, ВПК и нефтегазовой отрасли, российская промышленность в целом характеризуется разноскоростной и фрагментированной автоматизацией. Ключевым сдерживающим фактором остается кадровый голод в области высоких технологий. Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении сравнительного анализа моделей автоматизации в России и странах БРИКС, а также в углубленном изучении влияния искусственного интеллекта на управление производственными цепочками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад о развитии цифровой экономики в России // НИУ ВШЭ. – 2021. – 45 с.
2. Иванов А.А. Цифровая трансформация промышленности: глобальные тренды и российская специфика // Экономист. – 2022. – № 5. – С. 25–41.
3. Автоматизация промышленности России: итоги 2020-х [Электронный ресурс] // Ассоциация «АВРОРА». URL: https://www.aurora.org.ru/.
4. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2024–2030 годы. – Утверждена распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2023 г. № 3092-р.
5. Петрова С.И. Индустрия 4.0 и рынок труда: вызовы для системы профессионального образования // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 64–75.
6. Сидоров В.П. Импортозамещение в промышленной автоматике: от деклараций к практике // Эксперт. – 2023. – № 12. – С. 34–39.
7. Шварцман Н.О. Роботизация в мировом автомобилестроении и позиции России // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 7. – С. 88–97.
8. Россия и мир на рубеже XX–XXI веков: учеб. пособие; авторы: Р.Н. Гибадуллина, Ф.М. Нуриахметова, З.Р. Слесаренко, Е.К. Табейкина. – Казань: КГЭУ, 2020. – 312 с. – С. 58.

УДК 94(47).083

К ВОПРОСУ О ГОЛОДНОМ ЭКСПОРТЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В.А. Мязин, преподаватель, ассистент
кафедры социально-гуманитарных наук
Воронежский государственный лесотехнический университет
г. Воронеж, Россия

Аннотация. В статье анализируется понятие «голодный экспорт», сущность этого понятия. Особое внимание уделяется изучению этого явления в современной российской историографии, особенно в трудах Б.Н. Миронова, М.А. Давыдова, Т.М. Китаниной и С.А. Нефёдова. Выделяются различные трактовки в изучении аграрной истории Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Обращается внимание на аргументации сторон в обоснование своих точек зрения, а также критику их позиций.

Ключевые слова: Российская империя, голодный экспорт, крестьянство, голод, аграрная история.

Введение. В российской историографии последних лет, применительно к истории России рубежа XIX – начала XX вв., употребляется термин «голодный экспорт». Якобы российское дворянство, в целях повышения своего благосостояния, продавало хлеб за рубеж по высоким ценам, причём не только излишки, но и необходимый для внутреннего потребления. В итоге складывалась ситуация, при которой и без того небогатое русское крестьянство обрекалось в лучшем случае на полуголодное состояние. Усугублялось такое положение и тем, что государство само было заинтересовано в высоких объёмах хлебного экспорта. Известна фраза

министра финансов России времён Александра III И.А. Вышнеградского «Не доедим, но вывезем», которая иллюстрирует заинтересованность элит в «голодном экспорте». Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что на сегодняшний день в научном и общественном сознании сформировано утверждение, что российское правительство и «царизм» вообще были жизненно заинтересованы в экспорте зерна за границу, игнорируя положение большинства населения России, в первую очередь, крестьянства. Особенно это интересно в связи с тем фактом, что об этом явлении довольно много писалось в иностранной, в первую очередь американской, литературе (Russian Food Market.1995. №1. С. 54–57; Исторический ежегодник. 2008. С.137 – 150; Robbins R.G. Famine in Russia, 1891-1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York, London: Columbia University Press, 1975).

Постановка задачи. В нашей работе мы постараемся выяснить сущность самого понятия «голодный экспорт», точки зрения историков на этот процесс и его обоснованность в истории нашего государства.

Методика исследования. В работе использовались такие методы как анализ, в целях выявления позиций авторов по конкретным вопросам «голодного экспорта», а также сравнительно-исторический метод для выявления общих и различных аспектов концепций, предложенных современными отечественными историками.

Результаты исследования. Что же такое «голодный экспорт»? Под этим термином понимается процесс вывоза не только излишка продовольствия за границу, но и той его части, которая необходима для внутреннего потребления.

В исторической литературе сформировалось два лагеря, выступавшие с диаметрально противоположных позиций. Одни (М.А. Давыдов, Б.Н. Миронов и др.) полагали, что никакого «голодного экспорта» не было, другие (С.А. Нефёдов, А.Н. Островский и др.) – что он был. В связи с этим говорят об «оптимистах» и «пессимистах». Какие же аргументы приводят сторонники этих подходов?

Сторонники отсутствия в России на рубеже XIX–XX вв. голодного экспорта строят свои доводы вокруг рыночных механизмов регулирования российской экономики, сформировавшиеся после Великих реформ Александра II. Его суть в следующем: товар продаётся там, где в нём больше всего необходимость, так как его можно реализовать по наибольшей цене. Соответственно, если собственное население испытывает потребности в хлебе, то и необходимость в экспорте хлеба отпадает, так как внутри страны за него предлагают наиболее выгодную для продавца цену. Экспорт же хлеба заграницу объясняется невозможностью его продажи внутри страны.

Например, Б.Н. Миронов в своих трудах обращает внимание на факт занижения показателей сельскохозяйственной статистики, характерный для русского сельского хозяйства до 1880-х гг. Особенное внимание он уделяет

процедуре сбора сведений о посевах и урожае хлебов по всей России. По итогу он делает вывод, что статистика «не могла дать точной информации, а в действительности занижала реальные урожаи». (Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX вв. М: Весь мир, 2012. С. 222). С другой стороны, крестьянство, опасаясь дополнительных поборов хлеба и фуража, также не было заинтересовано в передаче объективных данных о своём урожае. Третьим фактором, влиявшим на объективность сельскохозяйственной статистики, была элементарная человеческая халатность. Проблему не смогла решить и проведённая в 1880-х гг. реформа урожайной статистики и переход к выборочному учёту сборов и посевов посредством корреспонденции. Хоть и удалось незначительно снизить уровень отклонения сведений между губернаторскими отчётами и сведениями Центрального статистического комитета МВД, но проблема достоверности никуда не делась.

В пользу отсутствия голодного экспорта, Б.Н. Миронов приводит факт изменения антропометрических данных. В первой половине XIX в. у крестьян длина тела систематически увеличивается, что связано с повышением качества питания. Автор полагает, что питание не могло улучшиться, если бы сельское хозяйство деградировало. Это проявляется в данных, собираемых с новобранцев в период медицинского осмотра для призыва в армию. Например, если в 1881–1885 гг. частичную или полную отсрочку от армии получили 41,3 % призывников, то к 1911–1912 гг. процент уменьшился до 28,4 %. (Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX вв. М: Весь мир, 2012. С. 235).

Кроме того, ссылаясь на данные крупнейших исследователей аграрного вопроса в пореформенной России П.И. Лященко, А.Н. Челинцева и Н.Д. Кондратьева, Миронов констатирует, что в период 1880–1914 гг. внутренний рынок хлеба значительно обходил внешний и не мог поглотить весь объём произведённого зерна, этим и объясняется увеличение объёма экспорта с 262,4 млн пудов в 1861–1865 до 585,1 млн пудов в 1906–1910 гг. То есть, избыток хлеба, шедший на экспорт, не находил спроса на внутреннем рынке. (Челинцев А.Н. Перемены в хлебной продукции России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков. 40 с.).

Еще один аспект, на котором останавливается Б.Н. Миронов – вопрос калорийности питания, ведь логично, что если в стране часть предназначенного для пропитания зерна отправляется заграницу, то население будет испытывать недостаток калорий, что пагубно отразится на труде и здоровье. На основе обзора данных, собранных по 13 губерниям Европейской России в 1896–1915 гг. (7381 хозяйство), автор приходит к выводу, согласно которому крестьяне в среднем потребляли в день в среднем 1711,2 г продуктов, в число которых входит картофель, хлеб, овощи, фрукты, молочные продукты, мясо, рыба, яйца. Суммарно это давало 2952 ккал (в

пересчёте на взрослого мужчину – 4133 ккал), что было достаточно для совершения тяжёлой физической работы. (Родина. 2009. №11. С.19).

Далее, ещё одним тезисом Миронова было то, что ограничение российского экспорта в период голода 1891–1892 гг. привело к потере русскими экспортёрами заграничных рынков, усугублённых введением Германией повышенных таможенных пошлин на российское зерно.

В дальнейшем идеи о надуманности голодного экспорта развивал ещё один крупный исследователь русского сельского хозяйства – М.А. Давыдов. В ряде работ он настойчиво доказывает отсутствие голодного экспорта, обосновывая это преувеличенностью масштабов бедствия, искусственно раздуваемой в средствах массовой информации. (Экономическая история. 2004. С.246) В основе доказательной базы лежат труды А.С. Еромолова (в частности, в труде «Наши неурожаи и продовольственный вопрос, он приходит к выводу, что в основе тезиса о голодном экспорте лежат преувеличенные средствами массовой информации слухи), статистика затрат крестьянами денег на спиртные напитки (указывается, что в период 1904–1907 гг. суммарно доход от казённой продажи спиртного равнялся приблизительно 375.902.000 р., для сравнения автор приводит суммарную стоимость кораблей российского военно-морского флота, а также разных вооружений, потерянных в ходе русско-японской войны – 250.000.000 руб.) (Экономическая история. 2004. С.248), критике статистических данных (в первую очередь данных ЦСК МВД).

Особенное внимание М.А. Давыдов уделяет развенчанию мифа о негативном влиянии климатических факторов на сельское хозяйство, а также о напряжённом режиме трудового времени крестьянина из-за короткого сельскохозяйственного сезона. Используя данные Б.Н. Миронова, а также сведения современников, М.А. Давыдов отмечает увеличение количества праздничных дней (с 95 дней в 1850-е гг., до 123 дней в 1902 г.). (Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.II. СПб: Дмитрий Буланин, 2003. С.308) Более того, кроме церковно установленных праздников (Пасха, Спас, Успение и т.д.), были ещё «местные» праздники, которые тоже накладывали отпечаток на интенсивность сельскохозяйственного труда. В результате, автор делает вывод, что «эти свидетельства значительно увеличивают разрыв между теоретическими построениями о негативном влиянии климатических условий на сельское хозяйство России, о напряженном – в силу короткого периода сельскохозяйственных работ – режиме трудового времени и т.д., с одной стороны, и реалиями повседневной жизни российской деревни — с другой». (Экономическая история. 2004. С.246)

Вступая в спор с оптимистами, Т.М. Китанина обращала внимание на тот факт, что цены на хлеб внутри страны, начиная со второй половины XIX в. неуклонно росли до тех пор, пока мир не вступил в период аграрного кризиса (1880-е гг.). В это время складывается благоприятная среда для развития отечественного земледелия: активные приток капитала в зерновое

хозяйство, расширение запашек, возникновение ряда крупных хлеботорговых центров. Однако с середины 1870-х, а особенно в 1880-х гг. наблюдается противоположная тенденция – снижение цен на хлеб. За период агарного кризиса, по подсчётам Т.М. Китаниной цены на основные хлеба претерпевали сильные колебания. Например, цена на пшеницу в период 1881–1895 варьировалась в пределах от 109 коп. за пуд до 51 коп. за пуд; рожь – от 98 до 44 коп. за пуд; овёс – от 62 до 38 коп. за пуд; ячмень – от 68 до 43 коп. за пуд. (Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, продовольственная политика. СПб: Дмитрий Буланин, 2011. С.41). Конечно, в период неурожая цена хлеба значительно повышалась, что говорило о его потребности внутри страны.

Для России большую роль играл сельскохозяйственный экспорт, так как выполнял задачу обеспечения активного торгового баланса. Государство, в целях развития индустриального сектора экономики нуждалось в машинах и прочем промышленном оборудовании. Компенсировать эти затраты мог только сельскохозяйственный экспорт. Хлебный экспорт также обеспечивал выплату процентов по внешним займам царского правительства и других форм задолженностей. В этой связи активный торговый баланс выступал гарантией привлечения в российскую экономику иностранных инвестиций, в чём так нуждалось государство, вставшее на индустриальный путь развития. Доля сельскохозяйственной продукции в структуре российского экспорта составляла почти 95%, и по большей части выражавшийся в экспорте хлеба. Если в 1861–1865 гг. из страны вывозилось хлеба на 56,3 млн рублей, то к 1905–1910 гг. эта сумма выросла до 435, 3 млн рублей (рост более чем в 7 раз). (Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, продовольственная политика. СПб: Дмитрий Буланин, 2011. С.45)

Говоря об экспорте продовольствия в период голода, Т.М. Китанина обращает внимание на тенденцию, обнаруженную ещё индийским экономистом А.Сеном, заключающуюся в том, что продовольственное контрдвижение (экспорт продовольствия) в период голода – не редкость, когда в условиях общей рецессии в экономике покупательная способность потребителей резко падает, а имеющиеся запасы продовольствия (хотя и сократившиеся) продаются по более высокой цене в других регионах…Тенденции рынка всегда поощряют пересылку продуктов питания в те места, где за них дадут большую цену. (Сен А. Развитие как свобода. М: Новое издательство,2004. С.183–200) А.С. Ермолов отмечал, что даже запрет вывоза хлеба за границу не остановил роста цен на хлеб, и вплоть до весны 1892 г. их уровень оставался на достаточно высоком уровне.

Наиболее обстоятельную, на наш взгляд, критику концепции отсутствия в России голодного экспорта сделал С.А. Нефёдов. Нужно обратить внимание, что дискуссия между ведущими исследователями

аграрной истории дореволюционной России началась ещё в 2010 г. на сайте «Клиодинамика», материалы которой были опубликованы в сборнике статей «О причинах русской революции» и позже была продолжена на страницах таких изданий, как «Российская история» и «Общественные науки и современность».

Нефёдов ставит под сомнение цифры, полученные Б.Н. Мироновым в результате исследования, положенного в основу монографии «Благосостояние населения и революция в имперской России». Например, вступая с заочную полемику, С.А. Нефёдов указывает на факты исправления Б.Н. Мироновым некоторых результатов своего исследования, что проявляется, в частности, в количестве хлеба на едока. Первоначально эта цифра равнялась у Миронова 287 кг, однако в дальнейшем была исправлена до 237 кг. (Вопросы истории. №5. 2011. С.127–128) Таким образом, разница насчитывала 50 кг. Более того, по расчётам Министерства продовольствия, расход на фураж (в него входила также ржаная мука) в 1917 г. при сельском населении 83,1 млн человек оценивался в 778,5 млн пуда, то есть 154 кг на человека. Таким образом, при норме в 237 кг хлеба на едока прибавить расходы на фураж, а также прибавить 18 кг корма для птицы получаем расход в 409 кг, вместо 305 кг у Миронова. (Вопросы истории. №5. 2011. С.128). Это первое на что указывает С.А. Нефёдов в качестве критики идеи об удовлетворительном уровне потребления в Российской империи на рубеже веков.

Отдельные вопросы были к методике подсчётов. В частности, вызывает вопросы оценка чистого сбора урожая по десятилетиям. Проблема в том, что по данным И.Д. Ковальченко для 1820-х гг. имеется только отчёты по 10 губерниям. Подобная ситуация наблюдается и в 1820–1830-е гг. Отсюда С.А. Нефедов задаётся вопросом: как исследователь смог экстраполировать данные на 50 губерний? Кроме того, непонятно почему Б.Н. Миронов произвольно увеличивает размеры чистого сбора на 10 %. (О причинах Русской революции. 2014. С. 30).

Особое внимание Нефёдов уделяет непосредственно роли экспорта в российском сельском хозяйстве. Он отмечает, что в экспорте были кровно заинтересованы помещики, так как продавать хлеб заграницей было значительно выгоднее, чем на внутренних рынках. Исследователь обращает внимание на то, что в 1896 г. совещания губернских предводителей дворянства выступили с инициативой снижения экспортных пошлин на железных дорогах. Если была заинтересованность в вывозе, значит от этого были какие-то преимущества. С.А. Нефедов приводит статистику за 1907 г., согласно которой из 431.000.000 рублей дохода от продажи зерна, в Россию были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов на 180.000.000 рублей, примерно 140.000.000 рублей было потрачено заграницей, промышленное оборудование – на 40.000.000 рублей,

сельскохозяйственный инвентарь – на 18.000.000 рублей. (О причинах Русской революции. 2014. С. 43)

Ввиду того, что русский хлебный экспорт был феодальным по своей сути, то дворянство продолжало играть ключевую роль в политической и экономической жизни страны. Таким образом, голодный экспорт, по мнению историка, проводился в интересах дворянства и за этот счёт они обеспечивали себя высококачественными европейскими товарами или тратили эти деньги заграницей. Крестьяне, наоборот, нуждаясь в средствах для уплаты выкупных платежей и прочих повинностей вынуждены были продавать часть своего хлеба. Поэтому, несмотря на, в целом неплохие результаты урожая в предвоенное пятилетие 1909–1913 гг. (в среднем 24,7 пуда на душу) (О причинах Русской революции. 2014. С. 43), необходимо учитывать, что часть урожая отправлялась на экспорт, что не позволяет в полной мере заявлять о крестьянском благополучии.

Ещё один пункт критики Миронова – антропометрические данные. Повторим тезис оптимистов о том, что увеличение роста свидетельствует о повышении уровня жизни населения, а уменьшение роста – о его понижении. Нефёдов, опираясь на данные А.В. Островского, обращает внимание на то, что при подсчётах используются разные показатели: индивидуальные и суммарные. Индивидуальные – это показатели, высчитанные Мироновым по ограниченному контингенту, для которого имеются точные данные о росте. Суммарные показатели подсчитаны чиновниками и берутся из официальных источников. Суть в том, что индивидуальные данные в период 1851–1895 гг. практически неизменные (колебания в диапазоне 0,5–0,6 см), в то время как суммарные данные дают значительный рост (от 164,7 в 1851 г. до 167,4 в 1895 г.). (Вопросы истории. №5. 2011. С. 129) В целом, тезис о зависимости роста человека и уровня его жизни подвергается сомнениям, так как взаимосвязь этих явлений не доказано. Наоборот, в Нидерландах проводились исследования мальчиков, которые в младенчестве перенесли голод 1944–1945 гг. и, в результате, был сделан вывод что к 18 годам они ничуть не уступали по своему развитию сверстникам, живших в более благоприятных условиях. (Харрисон Д., Уайнер Д., Тёрнер Д. Биология человека. М.: Издательство «Мир», 1979. С. 435) Вывод, к которому пришёл С.А. Нефёдов неутешителен. Несмотря на ухищрения статистиков, норма потребления у крестьян была минимальной, а любое стихийное бедствие неминуемо вело к неурожаю.

Выводы. Таким образом, голодный экспорт в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., по-прежнему остаётся острой дискуссионной проблемой. Несмотря на уровень аргументации, стороны всё ещё остаются на своих позициях. Трудно сказать, был ли в России голодный экспорт. С нашей точки зрения, был он или не был зависит от статистических данных, методики подсчёта, его основных критериев. Поэтому, на наш взгляд, обсуждение этой проблемы требует дальнейшей работы, а критика,

неизменная спутница любой научной дискуссии, должна учитываться в ходе исследовательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Russian Food Market.1995. №1. – С. 54–57.
2. Исторический ежегодник.2008. – С. 137–150.
3. Robbins R.G. Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York, London: Columbia University Press, 1975. 262 p.
4. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX вв. М: Весь мир, 2012. – С. 222.
5. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX вв. М: Весь мир, 2012. – С. 235.
6. Челинцев А.Н. Перемены в хлебной продукции России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков. 40 с.
7. Родина. 2009. №11. – С.19.
8. Экономическая история.2004. – С. 246.
9. Экономическая история.2004. – С. 248.
10. Миронов Б.Н.Социальная история России. Т.II. СПб: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 308.
11. Экономическая история. 2004. – С. 246.
12. Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, продовольственная политика. СПб: Дмитрий Буланин, 2011. – С.41.
13. Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, продовольственная политика. СПб: Дмитрий Буланин, 2011. – С.45.
14. Сен А. Развитие как свобода. М: Новое издательство,2004. С.183–200
15. Вопросы истории. №5. 2011. – С.127–128
16. Вопросы истории. №5. 2011. – С.128
17. О причинах Русской революции. 2014. – С.30.
18. О причинах Русской революции. 2014. – С.43.
19. О причинах Русской революции. 2014. – С.43.
20. Вопросы истории. №5.2011. – С.129.
21. Харрисон Д., Уайнер Д., Тёрнер Д. Биология человека. М.: Издательство «Мир», 1979. С. 435.

УДК 94:341.39(470)

СМУТНОЕ ВРЕМЯ: ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

А.А. Неустроева, студентка ИФиПА
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается период Смутного времени начала XVII века как первый полномасштабный внутренний конфликт в истории России. В статье анализируются социально-экономические и политические факторы кризиса, включая последствия опричнины, династический кризис и экономическую разруху в стране. В статье исследуется феномен самозванства и его роль в дестабилизации правительства. Особое внимание уделяется роли иностранной интервенции и формированию народных ополчений в качестве ответа на угрозу потери национальной независимости. На основе всестороннего анализа делается вывод о том, что преодоление Смутного времени стало возможным благодаря консолидации различных социальных слоев вокруг идеи восстановления Российской государственности.

Ключевые слова: Смутное время, гражданская война, самозванцы, интервенция, народные ополчения, династический кризис, Земский собор.

Смутное время начала XVII века представляет собой один из наиболее глубоких системных кризисов в истории Российского государства. Этот период, охватывающий 1598–1613 годы, традиционно рассматривается как комплексный кризис, включавший династический, политический, социальный и экономический аспекты [1]. В современной историографии утвердился подход, рассматривающий Смуту как первую в истории России полномасштабную гражданскую войну, в ходе которой различные социальные группы вступили в вооруженную борьбу за власть и ресурсы [2].

Актуальность исследования данного периода обусловлена необходимостью осмысления механизмов преодоления общенациональных кризисов. Анализ Смутного времени позволяет выявить факторы, способствующие как распаду, так и восстановлению государственности. Особый интерес представляет изучение процессов самоорганизации общества в условиях утраты центральной власти [3].

1. Предпосылки и начало Смуты

Истоки Смуты следует искать в политике Ивана Грозного. Опричнина (1565–1572 гг.) нанесла сокрушительный удар по социальной структуре русского общества, подорвав позиции боярской аристократии и нарушив традиционные отношения между властью и подданными [4]. Ливонская

война (1558–1583 гг.), завершившаяся поражением России, истощила экономические ресурсы государства и привела к значительным демографическим потерям.

Пресечение династии Рюриковичей со смертью царя Федора Ивановича в 1598 году стало катализатором политического кризиса. Избрание на Земском соборе Бориса Годунова, хотя и было легитимным, не могло устранить династические противоречия [5]. Правление Годунова (1598–1605) характеризовалось нарастанием социальной напряженности, достигшей пика в период Великого голода 1601–1603 годов, вызванный неурожаями и климатическими аномалиями, привел к массовому обнищанию населения. Цены на хлеб выросли в 100 раз, что вызвало беспрецедентную социальную катастрофу. Современники описывали случаи каннибализма: «многие люди умерли голодной смертью, а иные живых людей резали и ели». Правительственные меры по раздаче хлеба и денег не могли остановить катастрофу (табл. 1).

Таблица 1. Основные этапы Смутного времени

Период	Характеристика	Ключевые события
1598–1605	Династический кризис	Правление Бориса Годунова, появление Лжедмитрия I
1605–1606	Правление самозванца	Царствование Лжедмитрия I, заговор Шуйского
1606–1610	Гражданская война	Восстание Болотникова, Лжедмитрий II, интервенция
1612–1613	Национальное освобождение	Народные ополчения, Земский собор 1613 года

2. Феномен самозванчества и его роль в гражданской войне

Появление самозванцев стало одним из наиболее характерных явлений Смутного времени. Лжедмитрий I (1605–1606), выдававший себя за сына Ивана Грозного царевича Дмитрия, сумел не только захватить власть, но и добиться определенной легитимности в глазах населения [6]. Успех самозванца объяснялся сочетанием нескольких факторов: недовольством правлением Годунова, поддержкой польских магнатов, верой населения в «чудом спасшегося» законного наследника.

После убийства Лжедмитрия I в 1606 году начался новый этап гражданской войны. Восстание Ивана Болотникова (1606–1607) охватило обширные территории юга России и показало глубину социального недовольства [7]. Одновременно появился новый самозванец – Лжедмитрий II, создавший в Тушине под Москвой альтернативную столицу с собственными органами власти.

3. Иностранная интервенция и ее последствия

Углубление внутреннего кризиса привело к вмешательству иностранных государств. В 1609 году началась открытая интервенция Речи

Посполитой, войска которой осадили Смоленск [8]. В 1610 году после поражения русской армии при Клушине боярское правительство (Семибоярщина) призвало на царство польского королевича Владислава и впустило польский гарнизон в Москву.

Параллельно шведские войска захватили Новгород и прилегающие территории, создав реальную угрозу отторжения северо-западных земель [9]. Иностранная интервенция придала гражданской войне характер национально-освободительной борьбы, способствуя консолидации патриотических сил (табл. 2).

Таблица 2. Основные центры иностранной интервенции в период Смуты

Государство	Территории оккупации	Период	Командующие
Речь Посполитая	Смоленск, Москва, западные уезды	1609–1618	С. Жолкевский, Я. Потоцкий
Швеция	Новгород, побережье Финского залива	1611–1617	Я. Делагарди, Э. Горн
Крымское ханство	Южные уезды	1607–1613	Гази II Герай

4. Народные ополчения и восстановление государственности

Формирование народных ополчений стало переломным моментом в преодолении Смуты. Первое ополчение (1611), созданное по инициативе рязанского воеводы Прокопия Ляпунова, объединило дворянские отряды, казаков и посадских людей [10]. Хотя ему не удалось освободить Москву, оно создало организационные предпосылки для дальнейшей борьбы.

Второе ополчение (1611–1612), организованное в Нижнем Новгороде Кузьмой Мининым и возглавленное князем Дмитрием Пожарским, отличалось более четкой организацией и широкой социальной базой [11]. Освобождение Москвы в октябре 1612 года стало символической победой национальных сил над интервентами.

Земский собор 1613 года, избравший на царство Михаила Романова, завершил период политической нестабильности. Новая династия получила мандат на правление от «всей земли русской», что способствовало восстановлению легитимности верховной власти [12].

Период Смутного времени действительно может рассматриваться как первая в истории России гражданская война. Этот сложный, многогранный кризис объединил в себе династическую борьбу, социальное противостояние, региональный сепаратизм и иностранную интервенцию. Особенностью Смуты стало сочетание вертикального конфликта (между различными социальными группами) и горизонтального (между центром и регионами). Феномен самозванчества, уникальный для русской истории, стал своеобразным механизмом легитимации альтернативной власти в условиях

династического кризиса. Преодоление Смутного времени стало возможным благодаря национальной консолидации различных слоев российского общества, осознавших необходимость сохранения государственного суверенитета. Опыт Смутного времени оказал значительное влияние на последующее развитие Российского государства, способствуя укреплению самодержавной власти и формированию национального самосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козляков, В.Н. Смута в России. XVII век / В.Н. Козляков. – М.: Древлехранилище, 2022. – 304 с.
2. Морозова, Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников / Л.Е. Морозова. – М.: Институт российской истории РАН, 2020. – 415 с.
3. Станиславский, А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории / А.Л. Станиславский. – М.: Наука, 2023. – 278 с. 4. Скрынников, Р.Г. Россия накануне Смутного времени / Р.Г. Скрынников. – М.: Мысль, 2021. – 256 с.
5. Павлов, А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове / А.П. Павлов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. – 288 с.
6. Тюменцев, И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II / И.О. Тюменцев. – М.: Наука, 2022. – 488 с.
7. Флоря, Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б.Н. Флоря. – М.: Индрик, 2020. – 416 с.
8. Селин, А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты / А.А. Селин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. – 544 с.
9. Замятин, Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века / Г.А. Замятин. – М.: Квадрига, 2021. – 336 с.
10. Любомиров, П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. / П.Г. Любомиров. – М.: Кучково поле, 2019. – 296 с.

УДК 94(571.16):347.45:502.3

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС И ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880-Е ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ «СИБИРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Е.В. Нормайкин, аспирант 2-го курса ИИСКИП
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия

Аннотация. Статья посвящена историко-экологическому анализу переселенческого движения в Томскую губернию в 1880-е гг. на основе материалов «Сибирской газеты». Выявлены факты нехватки земельных угодий, противоречия в природопользовании и губительное воздействие земельных конфликтов на природную среду.

Ключевые слова: Томская губерния, переселенцы, земельные конфликты, «Сибирская газета».

Введение. Отмена крепостного права 1861 г. изменила основы землепользования в Российской империи. Аграрный кризис, связанный с перенаселенностью западных губерний, побуждал крестьянское население направляться в Западную Сибирь, в особенности в Томскую губернию в поисках свободных и плодородных земель. Этот регион рассматривался переселенцами как необжитый край, который мог предоставить неиссякаемый запас земельных ресурсов. Однако, в действительности его колонизационные возможности были ограничены, ввиду нехватки пригодных угодий и бюрократических сложностей водворения переселенцев, что впоследствии приводило к поземельным конфликтам. Обозначенная проблематика в исторической науке является достаточно изученной и представлена работами таких авторов как Горюшкин Л.М. [1], Асалханов И.А. [2], Храмков А.А. [3], Топчий, А.Т. [4], Олейникова Ю.В. [5], Татарникова, А.И. [6] и пр. Однако не смотря на глубокую изученность темы, анализ данного вопроса с позиции экологической истории представляется актуальным и значимым направлением. Кроме того, особый интерес представляет рассмотрение позиции либеральной сибирской прессы, отражавшей взгляды местных жителей на аграрный вопрос.

Постановка задачи. Целью работы является историко-экологический анализ переселенческого вопроса и земельных конфликтов в Томской губернии в последней трети XIX в. по материалам «Сибирской газеты». Для достижения цели решаются следующие задачи: 1. реконструировать представления современников о состоянии земельного фонда Томской губернии; 2. проанализировать административные и общинные препятствия водворения переселенцев; 3. показать социально-экологические последствия малоземелья; 4. оценить влияние земельных споров на деградацию природных ресурсов региона.

Методика и методология исследования. Работа базируется на анализе «Сибирской газеты», выходившей в г. Томске с начала 1881 г. по 1888 г. [7]. На её страницах систематически освещались вопросы переселенческой политики и состояния земельного фонда, что позволило реконструировать взгляд современников на обострение земельного вопроса в регионе. Методологическую основу работы составляют основные принципы исторической науки: объективности, историзма и системности. Использовался метод контент-анализа периодической печати, в рамках которого было проанализировано 376 номеров газеты и выявлено около 40 заметок, посвящённых переселенческому и земельному вопросам. Также применялись сравнительно-исторический анализ и элементы микроисторического подхода, позволившие выявить региональную специфику аграрных и экологических процессов в губернии.

Результаты. Российская общественность и сами крестьяне находились в плену иллюзий о безграничных ресурсах Сибири. Согласно материалам газеты, во многом именно эти представления подстёгивали тысячи крестьянских семей отправляться осваивать «обширные земли», «великолепные пастбища» и «незапретные реки и озера» в Томской губернии [8, С. 665]. Однако материалы периодики дают иную оценку земледельческому потенциалу края. В одной из корреспонденций от 1882 г. отмечается, что фактическое состояние землепользования в Томской губернии резко расходилось с официальными представлениями о «бескрайних просторах». Из 7,9 млн. десятин, входящих в состав губернии, более 4 млн. оставались необмежеванными, что делало невозможным рациональное расселение переселенцев. В некоторых округах доля нераспределённых земель превышала половину общей площади, что приводило к неравномерному расселению жителей. По этой причине земельный вопрос в регионе представлял собой «невообразимый хаос», когда в некоторых районах, одновременно сосуществовали крупные наделы до 1000 дес. на душу и нищенские участки в «менее 2 дес. на душу» [9, С. 759]. Статьи газеты отмечают факты значительных различий в обеспеченности пашней в разных округах губернии. Например, в Бийском округе на 1882 г. пахотные земли составляли половину всей площади, в Барнаульском – около одной десятой, а в Кузнецком – менее половины [10, С. 53]. Также в отдельных уездах, а именно, в 24 селениях Чарышской, Алтайской и Смоленской волостей запашка не превышала 12% всей крестьянской земли [11, С. 179]. Кроме того, отмечается, что несмотря на внушительные размеры земельных наделов в некоторых уездах, существовала проблема недостатка пригодных для земледелия угодий, поскольку местности [Тальменская волость] были покрыты лесами и кустарниками, а иные участки располагали «обширными болотами и сограми» [12, С. 1037]. Это свидетельствовало не только о правовом беспорядке, но и о том, что земледельческое развитие Томской губернии наталкивалось на экологические ограничения. В подобных

условиях говорить о планомерном освоении земель было невозможно, так как отсутствовало понимание реальных ресурсов, их качества и экологических границ эксплуатации.

Ещё ярче разрыв между официальными представлениями и реальностью проявлялся при попытке практического водворения переселенцев. Корреспонденции газеты отмечают парадоксальную ситуацию, когда при внешне видимом изобилии земли, процедура водворения переселенцев почти всегда наталкивалась на разного рода препятствия. Ключевыми причинами были не только нехватка пригодных земель, но и несовершенство административно-общинной системы, поскольку большая часть фонда уже числилась за старожильческими обществами, не желавшими принимать «посторонних». В некоторых районах, которые не подвергались межеванию земель, переселенцы сталкивались с трудностями поселения, так как «лучшие места были заняты местными жителями» [13, С. 359–360]. Для вступления в местные общины требовались денежные взносы и угощение членов общества, что ограничивало возможность водворения разорившихся переселенцев. Не имея средств на обязательные взносы и угощения, они были вынуждены скитаться, сталкиваясь с отказами и оказываясь в положении «обманутых ожиданий» [13, С. 359]. Парадоксальным образом, нехватка земли для переселенцев, сочеталась с нерациональным природопользованием старожилов. Их хозяйственные практики, обусловленные изобилием земли и нехваткой рабочих рук, отличались неэкологичностью, когда, например, часть посева «не успевали собрать и он пропадал бесполезно под снегом» [13, С. 359]. Всё это вызывало недоумение у городской интеллигенции, не знающей специфики проблемы, и вопрошающей: «возможно ли, чтобы в Сибири не найти было свободной земли?» [13, С. 359].

При этом земельная неурядица и массовый приток переселенцев создали к середине 1880-х гг. серьёзные проблемы и для самих старожилов. Согласно материалам газеты, в рамках процедуры водворения на новых землях, переселенцы получали участки в 15–30 десятин на двор, а старожилам отводилось «по 21 десятине на ревизскую душу» [14, С. 3]. Поскольку фактическая численность населения в старожильческих обществах к тому времени уже вдвое превышала ревизскую, реальный душевой надел сокращался почти наполовину, что приводило к острому малоземелью и серьёзно стесняло хозяйственную деятельность сибирских старожилов. В результате, старожилы, ранее не испытывающие проблемы малоземелья, вскоре сами пострадали от «нашествия руссии», забравшей всю удобную землю и «потеснившую в некоторых местах» коренных жителей [9, С. 760]. Вследствие этого многие из них столкнулись с хозяйственным разорением в отдельных волостях, где увеличивалась недоимка (до 40 р. на душу) и росла доля безлошадных дворов (до 10–11%). Газета подчёркивает, что на пике переселенческого движения конца 1880-х гг., именно старожилы

оказывались наиболее уязвимыми, поскольку они теряли землю, скот и прежнее пространство для хозяйственного развития [14, С. 3]. При этом, отмечаются случаи, когда в отдельных районах, в особенности, Алтайского горного округа, старожилы охотно принимали переселенцев, а новые поселенцы получали участки в малонаселённых и ранее неиспользуемых угодьях. В данных конкретных случаях старожилы были заинтересованы в переселенцах, поскольку последние приносили не только орудия земледелия, породистый скот и улучшенные семена, но и новые хозяйственные навыки. Взаимное влияние проявлялось в обмене опытом, когда старожилы знакомили переселенцев с местными условиями и традициями земледелия, а переселенцы делились передовыми методами ведения хозяйства, что способствовало частичному повышению эффективности общинного землепользования [14, С. 10].

Именно сочетание малоземелья, общинного эгоизма и полной неопределённости землепользования превращало латентное напряжение в открытые конфликты Этому вопросу материалы «Сибирской газеты» уделяют особое внимание. Одним из наиболее характерных примеров подобного рода споров стала многолетняя вражда между казаками станицы Антоньевской и крестьянами соседней деревни Михайловки (Бийский округ). Первые считали землю своей собственностью на основании указа 1828 г., вторые – ссылались на разрешение Алтайского горного управления и также претендовали на пользование этими угодьями [15, С. 8]. В корреспонденциях за 1882–1888 гг. подробно описываются столкновения между сторонами, доходившие до открытых стычек и поджогов. В 1882 г. пожар, возникший во время ветра, уничтожил несколько домов и запасы хлеба из-за чего подозрение пало на крестьян, угрожавших местью за притеснения со стороны казаков [16, С. 800]. Несмотря на предписания властей прекратить спор, взаимные обвинения, угрозы и драки повторялись ежегодно, особенно в пору сенокосов. Газета отмечает, что «едва начинается время полевых работ, как тотчас вспыхивают столкновения между казаками и крестьянами» [15, С. 8]. Важно отметить, что подобные земельные споры не были единичным явлением. Во многих округах Томской губернии наблюдались столкновения между старожильческим населением и переселенцами, массово прибывавшими в регион. Узнав о свободных или малозаселённых участках, переселенцы основывали новые деревни, которые быстро разрастались. Такие самовольные занятия земли зачастую становились источником конфликтов между старожилами и новосёлами, особенно в местностях с ограниченными сельскохозяйственными угодьями [17, С. 972]. В результате многолетней борьбы за угодья наносился прямой экологический вред: луга вытаптывались, сенокосы выгорали, а урожай и скот часто гибли в пожарах. Таким образом, земельные противоречия на юге Томской губернии приобретали не только экономический, но и экологический характер, усиливая процессы деградации местного ландшафта.

Выводы. Таким образом, материалы «Сибирской газеты» показывают, что несмотря на богатство региона, существовали объективные природно-экологические и административные ограничения переселенческого движения. Нехватка удобных для земледелия угодий сопровождалась необмежёванностью уже имеющихся земель. Нежелание старожильческих обществ принимать новых членов не только создавало трудности для переселенцев, но и являлось фактором сохранения экстенсивного типа хозяйствования. Усиление переселенческого движения к концу 1880-х гг., в свою очередь, приводило к стеснениям и разорениям старожильческих хозяйств, не способных адаптироваться к условиям дефицита свободных земель. Эти обстоятельства привели не только к острым социальным конфликтам между старожилами и переселенцами, но и к деградации природных ресурсов. В итоге вместо колонизационного прорыва Томская губерния в 1880-е гг. столкнулась с системным аграрно-экологическим кризисом, предвосхитившим проблемы столыпинского периода и показавшим иллюзорность представлений о Сибири как о неисчерпаемом земельном резервуаре империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1967. 412 с.
2. Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 267 с.
3. Храмков А. А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 328 с.
4. Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 275 с.
5. Олейникова Ю.В. Земельная политика в Сибири и проблемы экологии землепользования (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 99–102.
6. Татарникова А. И. Повседневная жизнь крестьян в экстремальных условиях переселения в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 9. С. 1–13.
7. Сибирская газета в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиляковой; науч. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2004. – 200 с.
8. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1883. №26. С. 663 – 686. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.
9. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1882. №32. С. 757 – 780. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.
10. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1882. № 3. С. 49 – 72. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.
11. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1882. № 8. С. 177 – 200. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.

12. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1881. № 37. С. 1025 – 1052. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.
13. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1886. №12. С. 355 – 386. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.
14. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1888. №45. С. 1 – 12. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.
15. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1888. №54. С. 1 – 12. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.
16. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1883. №31. С. 791 – 814. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.
17. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири. Томск: [б. и.], 1881–1888. 1883. №38. с. 959 – 982. URL: https://sun.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html.

УДК 32.019.51

ПОПУЛИЗМ В США: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В.В. Онопко, студентка
Научный руководитель – Н.В. Отургашева, канд. филол. наук, доцент кафедры социально-политических наук и международных отношений
Сибирский институт управления – филиал РАНХИГС
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена истории развития популистского движения в США как устойчивой политической традиции, возникающей в периоды социально-экономических трансформаций. В работе проводится сравнительно-исторический анализ ключевых этапов американского популизма и выявляются структурные черты популистского дискурса. Автор рассуждает о популизме как о динамичном явлении, адаптирующемся к историческим контекстам.

Ключевые слова: популизм, США, Народная партия, Дональд Трамп, политический дискурс.

Введение. Популизм как политический феномен представляет собой сложное и многогранное явление, которое зародилось в конце XIX века и продолжает оказывать влияние на политические процессы по всему миру. В последние десятилетия интерес к популизму возрос, в особенности, в свете выборов президента США 2016 года, когда Дональд Трамп активно использовал в предвыборной кампании методы, присущие популистам. Исследования показывают, что популизм в США имеет глубокие

исторические корни и эволюционирует в зависимости от социальных, экономических и культурных факторов. Важность рассмотрения данного феномена заключается в его способности формировать общественное мнение и влиять на политические процессы, в том числе, на мировом уровне.

Постановка задачи. Цель данного исследования заключается в анализе исторических этапов возникновения и развития популизма в США. Автор стремится выявить ключевые факторы, способствовавшие становлению популизма в том виде, в котором он существует в современном его виде.

Методика и методология исследования. С целью исследования различных проявлений популизма в истории США используются историко-сравнительный метод и ретроспективный анализ.

Результаты. Теории возникновения популизма уделяется большое внимание в исследованиях Э. Лаклау. Он рассматривает понятие популизма и его характеристики через дискурсивно-стратегический подход. В качестве предпосылки к возникновению популизма Лаклау выделяет возникновение социального требования. В случае его неудовлетворения со стороны власти, происходит формирование антагонистической границы, отделяющей «народ» от власти [1]. Таким образом, популизм является симптомом и одновременно мобилизационным инструментом для общества в периоды, когда институты власти перестают реагировать на запросы значительных групп населения.

Ключевым этапом развития популизма на территории США можно назвать возникновение в 1892 году Популистской (Народной) партии (с англ. – People's Party), обусловленное социально-экономическим кризисом в период индустриализации. Партия возникла из фермерского движения Юга и Среднего Запада. Так, в процессе преобразования транспортной отрасли увеличились расходы на транспортировку продукции по железной дороге, а также повысились процентные ставки [2]. Это привело к выраженному недовольству фермеров, что стало отправной точкой к формированию фермерских движений, которые выступали за защиту интересов работников сельскохозяйственной сферы.

Девизом партии стало выражение: «Равные права всем, особых привилегий – никому!», а среди выдвигаемых требований к властям были: свободная чеканка серебра в целях увеличения денежного оборота, национализации железных дорог и телеграфа, введение прогрессивного подоходного налога, а также прямые выборы сенаторов [3]. На президентских выборах США 1896 года популисты не выдвинули своего кандидата, а поддержали Уильяма Брайана, кандидата от Демократической партии, который взял на вооружение лишь лозунг о необходимости серебряного стандарта, игнорируя более радикальные экономические требования. Это привело к поглощению Народной партии Демократической и утрате самостоятельности.

1930-е годы ознаменовались эпохой «Нового курса» президента Д. Рузвельта, внедрившего ряд реформ, направленных на поддержку населения во время Великой депрессии. Однако данный комплекс мер был подвергнут критике со стороны Хьюи Лонга, сенатора из Луизианы. Его движение «Разделим наше богатство», запущенное в 1934 году, включало такие предложения как: дополнительное налогообложение доходов состоятельных граждан, предоставление каждой американской семье «базового состояния», масштабные социальные программы в сфере образования, трудового законодательства и социальных выплат. Лонг выступал с резко осуждающей речью, упомянув о том, что «банкиры с Уолл-стрит «народу» являются главным врагом народа» [4]. Такое противопоставление «народа» «коррумпированной элите» является чертой, характерной для популистского стиля ведения политики.

Это заставило администрацию сместиться влево в 1935–36 гг., приняв «Второй новый курс» с более прогрессивным налогообложением и такими программами, как Закон о социальном обеспечении (Social Security Act) и Закон Вагнера о трудовых отношениях.

Такая риторика сопоставима с утверждением о том, что общество разделено на две однородные и антагонистические группы, где «чистый народ» борется против «коррумпированной элиты», а политика должна быть выражением общей воли народа [5].

С приходом Дональда Трампа к власти популизм вновь стал центральной темой американской политики. Его риторика «Америка прежде всего» привлекла внимание к проблемам экономического неравенства и недовольства элитами.

В современном мире кардинально преобразовало систему политической коммуникации распространение цифровых технологий. Социальные сети, в особенности, создали принципиально новую среду для распространения идей, в том числе популистского толка.

Использование технологий Д. Трампом позволяет напрямую обращаться к общественности, задавать повестку и создавать ощущение прорыва через «цензуру» мейнстримных СМИ [6]. Ключевым фактором влиятельности Трампа как политического актора выступает возможность оказывать влияние на медиапространство. Создание собственного медиа-источника позволяет нынешнему президенту США соперничать с глобальными СМИ, задавая собственную тональность новостной повестке, обвинять конкурентов в дезинформации. Такой процесс делегетимизации может приводить к кризису доверия со стороны электората и полярно разделять общественность.

Так, например, 2024 году в одном из интервью Трамп заявил о готовности остановить украинский конфликт за сутки, при этом осуждая бывшего президента США Дж.Байдена за бездействие [7].

В настоящее время такой метод ведения политической коммуникации позволяет Д. Трампу привлекать не только электорат, но и мировую общественность, а также влиять на мировые процессы в целом. Более того, это способствует поддержанию определенного образа харизматичного лидера.

Таким образом, стратегия поведения Трампа представляет собой синтез классических популистских приемов и новых технологий коммуникации.

Выводы. Обобщая результаты исследования, можно отметить, что популизм в США всегда был обусловлен экономическими кризисами, кризисом представительства и социальными изменениями. для выражения недовольства различных групп населения и часто использовал риторику против элит.

Сравнительно-исторический анализ истории распространения популизма, в США позволяет выделить следующие структурные черты:

- упрощенность и эмоциональность популистского дискурса;
- критика традиционных институтов власти и политических элит;
- конструирование образа «врага» посредством использования дихотомии «власть» и «народ».

Национальной особенностью американского популизма выступает его укорененность в либерально-демократическую систему. Циклически возникая как реакция на кризисы, он выполняет роль своеобразного «корректирующего механизма», зачастую катализируя политические и социальные реформы.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном подходе к изучению популизма в США, который учитывает исторические контексты и современные вызовы. Исследование подчеркивает важность понимания популизма как динамичного явления, способного адаптироваться к меняющимся условиям.

Перспективы дальнейших исследований могут включать более глубокий анализ влияния цифровых технологий на современный популизм и его взаимодействие с глобальными тенденциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Laclau E. On Populist Reason, 2005. P. 67.
2. Алиева З.А. Борьба фермеров США за свои права в последней трети XIX века и образование популистской партии // Мировая наука. 2022. № 6 (63). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-fermerov-ssha-za-svoi-prava-v-posledney-treti-xix-veka-i-obrazovanie-populistskoy-partii.
3. Peffer W.A. The North American Review. № 445. P. 665–678. URL: http://www.jstor.org/stable/25103240.
4. Lee M.J. The Populist Chameleon: The People'sParty, Huey Long, George Wallace, and the Populist Argumentative Frame. Vol. 92. No. 4, November 2006, pp. 355–378. DOI: 10.1080/00335630601080385.

5. Engesser, S. Populism and social media: how politicians spread a fragmented ideology. / Engesser, S., Ernst, N., Esser, F., Büchel, F. // Information, Communication & Society. 20(8). P. 1122.
6. Зархи М.А. Феномен политического популизма в США: вызов традиционным институтам представительной демократии / М.А. Зархи // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 8. С. 442–445. EDN UYIVQN.
7. Трамп заявил, что сможет решить украинский конфликт переговорами / РИА НОВОСТИ [сайт]. Дата публикации: 19.03.2024 URL: https://ria.ru/20240319/tramp-1934136914.html.

УДК 94 (450)

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ФЛОРЕНЦИИ И ПАПСТВА В ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙНАХ: МИССИЯ ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ НА ПИЗАНСКОМ СОБОРЕ

К.В. Павлов, аспирант
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В дипломатии эпохи Итальянских войн выделяется опыт контакта Флоренции и папства в необычных условиях Пизанского собора, когда тосканская республика чуть не стала врагом понтифика Юлия II. Согласившись принять собор мятежных папе кардиналов под давлением короля Франции Людовика XII, флорентинцы должны были вместе с тем отстоять пошатнувшееся право на нейтралитет. С этой задачей было поручено справиться молодому дипломату Франческо Веттори.

Ключевые слова: Итальянские войны, Флоренция, Веттори, Пизанский собор, дипломатия.

Введение. Различные аспекты деятельности Пизанского собора 1511 г. рассматриваются исследователями истории церкви и международных отношений достаточно давно. Это неудивительно, поскольку собор в Пизе явился несколько неординарным явлением в истории христианской церкви, когда акт консилиаризма возник не столько под внутренним церковным импульсом, сколько стал следствием широкой конъюнктуры политических событий. Сам по себе шаг политического протеста светского правителя (короля Франции Людовика XII Валуа (1498–1512)) против папы Юлия II (1503–1513) был предпринят в ходе Итальянских войн 1494–1559 гг., в условиях войны Камбрейской лиги, когда папство, Франция, Империя Габсбургов и Испания взялись разгромить Венецию и поделить между собой её территории. Преследовавшая данную цель Камбрейская лига возникла в 1509 г. [1, p. 96–101], но папа менее чем через два года вероломно отошёл от изначального союза с французским монархом против Венеции и объявил ему войну, более того – сделал это по соглашению со вчерашними врагами –

венецианцами [1, p. 109–113]. Акт войны светского и церковного правителей подобного уровня не стал бы столь необычным явлением, если бы остался сугубо в политической плоскости. Борьба светской и церковной власти за право и условия политического приоритета в истории латинского Запада зародилась в XI–XII вв. (в форме т.н. «спора за инвеституру» между папством и Германской Империей) [2, p. 603–642]. С той или иной степенью интенсивности, подобная борьба продолжалась с XIII в. в структурно-исторических рамках конфликта pro-папских гвельфов и pro-имперских гибеллинов и наиболее активно проявлялась в городах-государствах Италии [3, p. 9–26]. Однако политический протест Людовика против Юлия в 1511 г. был поддержан рядом кардиналов Католической церкви и тем самым перешёл в плоскость контрадикции церковных институций: стал борьбой папства против кардиналов.

Этот фактор проведения собора в Пизе выделяют ряд современных историков: британцы М. Маллетт и К. Шоу [1, p. 113–116], канадец М. О'Коннор [4, p. 24–29]. Маллетт и Шоу связывают борьбу кардиналов с папством с неудачами Юлия в военном противостоянии Людовику в Северной и Центральной Италии (в частности, потери папой Болоньи): в представлении британских историков, кардинальский консилиаризм 1510–1512 гг. сам по себе явился средством ведения войны против папы [1 p. 113–116]. В свою очередь, О'Коннор предлагает относиться к борьбе кардиналов с папой как к попытке воскресить традицию консилиаризма XV в. – идеологию церковных соборов Констанца и Базеля, в рамках которой предлагалось считать папу не абсолютным теократическим монархом, а избираемым вселенской христианской общиной репрезентантом [4, p. 24]. С этой точки зрения, канадский историк формирует концепцию своего рода «борьбы идеологий» в Католической церкви второго десятилетия XVI в.: папской (ключевым выразителем интересов которой был сподвижник пап Юлия и Льва X (1513–1521) кардинал Томмазо де Вио Каэтан) и кардинальской [4, p. 24–29]. Принимая к дискуссии «свежие» точки зрения как Маллетта и Шоу, так и О'Коннора, упомянем в отношении истории изучения Пизанского собора и некоторые более ранние важные работы, прежде всего – итальянских и французских авторов.

Так, классик итальянской историографии А. Коссио обратил внимание, что первый опыт изучения Пизанского собора уже во второй половине XVI столетия предложил католический епископ Цезарь Бароний (1538–1607) [5, p. 140–142]. Коссио справедливо отметил, что рассуждения Баронiя о Пизанском соборе носят характер частных партикулярных комментариев, однако содержат в себе своеобразную попытку «пассионарного» осмысления: епископ первым указал на личную ответственность Юлия за протест французского монарха против папства и поддержку этого протеста группой мятежных кардиналов [5, p. 140]. Так, Бароний, в представлении итальянского учёного, конструирует некий проект реформы Католической

церкви, будто бы задуманный понтификом по восшествии на священный престол в 1503 г. и брошенный в угоду политическим интересам расширения папских владений [5, p. 140]. Коссио в целом поддержал концепцию Барония и развил её следующим наблюдением: ключевую роль в борьбе с непомерными политическими амбициями Юлия внутри Италии сыграла такая республика, как Флоренция, правитель которой – гонфалоньер Пьеро Содерини – был ярко выраженным проводником pro-французской политики на Апеннинах [5, p. 143]. В этой связи, рассмотрение участия Флоренции в организации и проведении Пизанского собора оказалось важным и для французской историографии. Так, именно французский историк О. Реноде издал дипломатическую корреспонденцию флорентийских делегатов на Пизанском соборе на языке оригинала (итальянском и латыни), сопроводив её необходимым критическим комментарием на французском языке [6, p. 10–730]. Среди подобных делегатов, заметную активность на службе тосканской республике в этой миссии проявил небезызвестный дипломат, историк и мыслитель эпохи Итальянских войн Франческо Веттори (1474–1539).

Постановка задачи. В настоящей статье, мы постараемся пролить свет на деятельность Веттори в рамках миссии 1511 г. на Пизанский собор, а также кратко проанализировать результаты и значение этого консилиарного предприятия для политики Флоренции в Итальянских войнах. Для этого нами будет рассмотрена как дипломатическая корреспонденция флорентинца с миссии 1511 г. по упомянутому изданию Реноде, так и некоторые другие труды флорентинца: своеобразный карьерный отчёт «Записка о магистратах» (*Ricordo delli Magistrati*) [7] и историко-аналитический обзор событий Итальянских войн 1511–1527 гг. «Изложение истории Италии» (*Sommario della Istoria’d’Italia*) [8].

Методика и методология исследования. В основу методологии данного исследования положены принципы историзма и системности, критерий корреляции исторических источников, а также идеи исторической антропологии, способствующие более эффективному выяснению изменений, происходивших в представлениях людей.

Результаты. К 1511 г. развитие Итальянских войн во многом определялось конфликтом папы Юлия II с королём Франции Людовиком XII и германским императором Максимилианом I Габсбургом (1493–1519). Как уже отмечено во введении к данной статье, первый конфликт целиком и полностью спровоцировал сам папа. Добавим, что Юлий дополнительно «обыграл» устремление к войне с Францией двумя угрожающими документами. Первым из них явилась папская булла с отлучением от Католической церкви одного из главных сторонников французского короля в Италии – герцога Феррары Альфонсо I д’Эсте [9, p. 190]. Вторым – ещё более возмутительный, но и удивительно смелый акт: аналогичная булла в отношении самого короля Франции [9, p. 190–191]. Современный итальянский историк М. Роспокер на основании работы с архивными

фондами Ватикана сумел датировать первый документ: булла Юлия против герцога Феррары была издана в 1510 г. 9 августа [9, p. 190]. Что касается буллы Юлия с анафемой в адрес Людовика, Роспокер не может определить её точную дату, но предполагает, что она была издана очень скоро после буллы против д'Эсте: так, уже в ноябре 1510 г. её текст широко продавался в печатной лавке на мосту Риальто в Венеции [9, p. 191]. Последний факт указывает нам на то, что Юлий к ноябрю 1510 г. уже имел союз с Венецией против Людовика [9, p. 191], тогда как у короля Франции не было ярко выраженных союзников в борьбе с вероломным папой. Именно поэтому Людовик нашёл интерес во втором конфликте Юлия – с Максимилианом Габсбургом. В свою очередь, этот конфликт явился следствием неудачи стремления Габсбурга получить от понтифика легитимное признание своей имперской власти в контексте традиции церемониала коронации от папы в Риме [4, p. 24]. Людовик и Максимилиан, равно конфликтные Юлию, нашли возможность оказать ему сопротивление в его же институции: оба светских правителя поддержали устремления группы вступивших в противостояние с Юлием кардиналов, прежде всего – французов Гийома Брисонне, Аманьё д'Альбре и Рене де При, испанца Бернардино Карвахаля и итальянцев Франческо Борджиа и Ипполито д'Эсте [5, p. 143]. Последний, по весьма неприятному для Юлия стечению обстоятельств, являлся лицом, пользовавшимся значительной протекцией как Людовика (поскольку был братом его союзника, отлучённого герцога Феррары), так и Максимилиана (в связи с саном епископа Милана – города, традиционно имевшего pro-имперский уклон на Апеннинах) [3, p. 13]. Решительность «антипапской коалиции» проявилась в требовании о созыве собора Католической церкви, вывешенном в мае 1511 г. на дверях церкви Сан-Франческо в Риме [5, p. 143]. Сам собор должен был состояться в Пизе и открыться 1 сентября того же года, что, по ряду обстоятельств, требовало активного дипломатического участия ещё одной сторонницы Франции в Итальянских войнах - Флорентийской республики.

Флоренция, начавшая искать своё место в новых реалиях политики в войнах на Апеннинах, после изгнания из города фамилии Медичи осенью 1494 г. заняла pro-французскую позицию [10, С. 21–22], однако меняла форму её выражения. В период правления городом доминиканского монаха-ригориста Джироламо Савонаролы (1494–1498) это было полное подчинение интересам французской короны, что, как свидетельствует Франческо Веттори в «Изложении истории Италии», во внутренней политике нашло отражение в стремлении построить государственные учреждения по французскому образцу (*modo Franzese*) [8, p. 140]. В дипломатии же, правление Савонаролы было обусловлено признанием всеобъемлющего французского протектората над Флоренцией: по упоминанию Филиппа де Коммина, служившего интересам французской короны в первые годы Итальянских войн, монах верил в святость миссии Франции на Апеннинах – «мечом реформировать

церковь и изгнать тиранов из Италии» [11, С. 380]. В свою очередь, после казни монаха, последовавшей из-за ряда провалов в его внутренней и внешней политике, к власти в городе пришли сторонники более взвешенного подхода в диалоге с Францией. Их лидером стал гонфалоньер справедливости Пьеро Содерини (1498–1512), в 1502 г. заключивший с французами взаимовыгодный оборонительный союз на началах вооружённого нейтралитета Флоренции и добившийся на его основе признания для себя статуса пожизненного правителя – «вечного гонфалоньера» (*gonfaloniere perpetuo*) [8, p. 141]. Главным «детищем» Содерини в политике Флоренции в Итальянских войнах в 1509 г. стал триумф Флоренции в возвращении Пизы – исторического владения тосканской республики, выпавшего из-под её власти в начале Итальянских войн в результате венециански «окрашенного» восстания (за что, флорентинцы и изгнали Медичи) [10, С. 21–22]. Воспользовавшись талантливым проектом организации городского ополчения под руководством будущего великого писателя-аскета и автора «Государя» и «Истории Флоренции», а тогда неуёмно энергичного секретаря флорентийской дипломатии Никколо Макиавелли, в 1509 г. Содерини стал «гением момента» итальянской политики, а Макиавелли – лучшим на тот же момент военным стратегом Апеннин [10, С. 22]. Однако именно пизанское владение в январе 1511 г. вновь становилось для флорентинцев причиной серьёзного противоречия: король Франции Людовик XII, ключевой союзник республики в её военной дипломатии, через мятежных папе Юлию кардиналов Брисонне и де При изъявил Содерини пожелание провести собор в Пизе [12, p. 40]. Официальной целью созыва собора объявлялось проведение реформы Католической церкви, в пику неспособности папства это сделать.

Однако, как справедливо отметила британская исследовательница политической истории ренессансной Флоренции Р. Девоншир Джонс, флорентинцы (благодаря дипломатическим усилиям Макиавелли, совершившего миссию к Людовику менее чем за год до того) уже понимали, что реальным намерением Людовика является война с папой, что ставило их в положение классического определения «лучшего из зол»: «Таким образом, у Республики был жёсткий выбор: оскорбить Юлия, если она согласится на эту просьбу, или лишиться дружбы Франции, если она этого не сделает» [12, p. 40]. И тот, и другой выбор в сложившейся ситуации был чреват для Флоренции потерей выгодного курса вооружённого нейтралитета, уже едва (ценой внушительного «откупного» платежа в 40 тыс. дукатов для Империи Габсбургов) избежавшей участия в войне Камбрейской лиги [12, p. 37–38]. Кроме того, Девоншир Джонс указала на противоречия внутри политических элит тосканской республики по проблеме проведения собора во владениях Флоренции, а также на итоговое разрешение таковых: «…Возникли три основные группы: гонфалоньер и его партия, которые поддерживали собор и Францию; Сальвиати и другие, которые были на стороне папы и не хотели,

чтобы планируемый собор проводился в Пизе; и группа граждан, действовавших в духе Савонаролы и желавших реформы церкви. Церковь, которая присягнула на верность гонфалоньеру, тем самым, обеспечила победу его политики и разрешение на проведение собора в Пизе» [12, p. 40–41]. Крайне примечательна позиция contra по данному вопросу фамилии Сальвиати: как указывает канадский церковный историк французского происхождения П. Уртюбис, представитель этой фамилии, Аламанно, тогда возглавлял Совет Десяти (*Dieci di Liberta*), политический орган, ответственный во Флоренции Содерини за принятие дипломатических решений [13, p. 70]. Показательно и следующее определение, которое Уртюбис даёт ориентации Аламанно и его кузена Якопо в политической жизни Флоренции: «протеже Лоренцо Великолепного» [13, p. 63]. Собственно, и по вопросу проведения собора в Пизе позицию contra в тосканской республике высказали в основном сторонники наследников Лоренцо – изгнанных из города Медичи [12, p. 41]. Таким образом, режиму Содерини в тосканской республике к 1511 г. сложилась pro-медичейская дипломатическая оппозиция, поэтому в условиях согласия на организацию Пизанского собора требовалось отправить на него как можно более умеренно настроенных во флорентийской внутриполитической борьбе делегатов. Одним из таких умеренных дипломатов и стал Франческо Веттори, задачей которого в рамках миссии на Пизанский собор было отстоять нейтралитет республики: как для её правителя в переплетении политических связей, так и в рамках общего курса Флоренции в Итальянских войнах.

Фигура Франческо Веттори в политической «игре репутаций» во Флоренции к осени 1511 г. являлась если не мало значительной, то, во всяком случае, явно менее заметной, чем перечисленные выше персоналии Содерини, Сальвиати и Макиавелли. Из автобиографической заметки «Записка о магистратах» мы узнаём о том, что опыт дипломатической деятельности Веттори к моменту назначения на миссию в Пизу ограничивался визитом к Максимилиану I в 1507–1508 гг., с 27 июня по 13 марта [7, p. 7]. Причём флорентинец забыл уточнить, что определённую часть визита к императору он провёл при соучастии (и, по сути, «шефстве» над собой) Никколо Макиавелли [14, s. 87]. Как указывал польский исследователь сочинений и деятельности Веттори Я. Маларчик, присоединившись к миссии младшего соотечественника в Империю Габсбургов, Макиавелли оставил ему как «службу» лишь подпись писем Совету Десяти, которые он сам составлял и за которые сам отчитывался [14, s. 87]. Тем не менее, Маларчик отметил, что между Макиавелли и Веттори возникли приятельские отношения, что, во многом, связано с блестящим образованием обоих [14, s. 86–87]. Комментировать образование Макиавелли, думается, нет необходимости. Говоря же об образовании Веттори, отметим, что он был крупным знатоком античной, прежде всего, римской истории, и даже отметился для современников переводами с латыни

ряда трудов Плутарха (к сожалению, не дошедших до читателя XXI в. полноценно) [14, s. 86]. Вместе с тем, отсутствие богатого дипломатического опыта, в случае с Веттори, с лихвой компенсировал опыт службы на различных внутриполитических должностях в городских магистратах Флоренции. К таковым относились его служба в 1504–1506 гг. в числе Восьми охранителей правопорядка (*Otto di Guardia*) и Чрезвычайного магистрата безопасности (*Balia*) [7, p. 7]. Более того, важным нюансом делегирования Флоренцией на Пизанский собор 1511 г., формально созванный непосредственно против Юлия II, такого посланника, как Веттори, являлся его недавний статус службы капитаном флорентийских гвельфов в 1509 г. – исторически pro-папской партии тосканской республики [7, p. 7]. Тем самым, Флоренция постаралась сохранить максимальное пространство для манёвра в отношении папы: наличие делегата – гвельфа на соборе против Юлия совершенно точно не должно было вызывать у понтифика ярость, соразмерную его вражде к мятежным кардиналам. Именно с этими кардиналами – Брисонне, Карвахалем, де При и Борджиа, - как следовало из служебной инструкции, выданной Синьорией Франческо Веттори 29 сентября 1511 г., и должен был по очереди встретиться Веттори в начале октября [6, p. 294–295]. Любопытно, что руководство флорентийской дипломатии в инструкции к Веттори называет всех духовников «кардиналами Ломбардии» («Cardinali di Lombardia») [6, p. 294]: поскольку центром области Ломбардия являлся Милан, это вновь отсылает нас к особому статусу среди мятежников против папы епископа этого города Ипполито д'Эсте. Непосредственной целью миссии Веттори, в инструкции обозначено выразить несогласие Флоренции, при организации Пизанского собора, на размещение на территории Пизы какого-либо французского войска, которое ближайший к Людовику из кардиналов-мятежников – Брисонне – считал необходимым разместить для охраны участников собора от угрозы нападения папских наёмников [6, p. 294–295]. Как указывает дипломат в своём ответе Совету Десяти об исполнении поручения от 1 октября, первой его встречей была встреча именно с Брисонне, которому было заявлено флорентийское несогласие под предлогом на присутствие войск Людовика в Пизе ввиду неурожая и голода пизанцев [6, p. 312]. На это французский кардинал ответил шантажом о возможности переноса собора из Пизы в Лукку, что вызвало бы огромное неудовольствие короля Франции к флорентинцам [6, p. 312]. Однако и на это Веттори доблестно ответил отказом, проявив крайне рискованный ход – предложив кардиналу высказать личные опасения за жизнь: «И поэтому я протестовал с уверенностью, что если с ним не случится ничего, чего он не считает нужным сообщить заранее, то я не могу ссылаться на незнание» [6, p. 313]. Флорентинец откровенно блефовал, но оказался в том неожиданно точен: так, уже в одной из следующих бесед с мятежными кардиналами один из них, испанец Карвахаль, по его донесению от 2 октября, сообщил об объявленной Юлием

цене в 50000 дукатов за свою голову [6, p. 319]. Более того – Веттори проявил и известную политическую смекалку в определении адресата получателя подобного донесения: на письме значилось не «Совет Десяти и Балия» (как день назад), а только «Балия» [6, p. 318]. Таким образом, в курсе возникшей проблемы сразу оказался не только дипломатический орган, но и Чрезвычайный магистрат безопасности. Впрочем, возможно здесь флорентинцу просто помог опыт собственной службы в составе Балия, упомянутый выше [7, p. 7]. В конце концов, в диалоге с другими кардиналами, Веттори нашёл взаимовыгодный компромисс: для охраны безопасности мятежных духовников были выделены 150 флорентийских лучников [6, p. 319]. Более того, как отметила Р. Девоншир Джонс, дипломат даже сумел убедить кардиналов, что лучники-охранители будут направлены не в Пизу, а в Лукку [12, p. 44]. Что же касается деятельности Пизанского собора, то она оказалась безрезультатной: проект церковной реформы не был выдвинут, и уже в ноябре-декабре 1511 г. кардиналы-мятежники перебрались из Пизы в Милан, к своему «патрону» Ипполито д'Эсте [12, p. 46-47]. Таким образом, Флоренция не вызвала и гнев Юлия II: «окно» для диалога с папством в условиях Итальянских войн у тосканской республики благополучно сохранялось.

Выводы. В свою очередь, Франческо Веттори был отозван с пизанской миссии Советом Десяти 14 ноября, после урегулирования инцидента с ранением в Пизе французского дворянина монсеньора Шатильона в результате беспорядков из-за конфликта пизанского населения с пожаловавшими на собор испанцами [6, p. 528]. Но в этой части своей миссии, как и некогда в случае с визитом к Максимилиану, флорентинец был ведом авторитетом своего соотечественника: при поездке в Пизу 11–14 ноября, однако, его «куратором» выступил уже не Макиавелли, а рьяный противник Содерини, представитель одной из стариннейших семей города Нери Каппони [6, p. 525–527]. Именно Каппони в ноябрьском вояже флорентийских посланников осуществлял всю коммуникацию с Советом Десяти, тогда как Веттори вновь лишь ставил свои подписи под донесениями [12, p. 45]. Р. Девоншир Джонс связывает такое «возвышенное» положение Каппони над Веттори с его членством в Совете Десяти, также противившемся курсу гонфалоньера [12, p. 45]. Здесь следует иметь в виду и известную по «Изложению истории Италии» позицию Веттори в отношении режима Содерини, выраженную в акции Франческо (вместе с братом Паоло) по спасению Пьеро из, по сути, штурмованной испанцами в августе 1512 г. Флоренции. Тогда при поддержке братьев Веттори, а также представителей семейств Валори, Альбицци, и, что характерно, вновь тех же Каппони, теперь уже отнюдь не «вечный», а бывший гонфалоньер оказался вынужден сдать город на откуп триумфально вернувшимся Медичи и бежать в Сиену [8, p. 143–144]. Бегство во спасение себя для Содерини, в присутствии донельзя разношёрстных спасателей-конвоиров (рьяных сторонников Медичи –

Валори и их же первых оппонентов – Альбицци), было наилучшим выходом из состояния катастрофы, в котором он парадоксальным образом оказался [8, p. 143–144].

Итак, можно предположить, что по итогам миссии на Пизанский собор осенью 1511 г., Франческо Веттори, убедившийся в опасности и шаткости поддержания союза Флоренции и Франции, бывшего программой дипломатии «вечного гонфалоньера», стал искать возможность контакта с членами некоторых семей – противников курса Содерини (как-то семья Каппони). В то же время, круг его близких контактов по-прежнему включал и сторонников Содерини (Макиавелли), но также стал включать и приверженцев иных групп интересов флорентийской политики (представители противоположно ориентированных в сетях влияния тосканской республики фамилий Альбицци и Валори). В сумме всех обстоятельств, следует утверждать, что Веттори после миссии в Пизу всё же приобрёл известную степень политического авторитета. Сумев отстоять перед кардиналами – агентами короля Франции нейтралитет Флоренции в самостоятельных дискуссиях в октябре 1511 г., дипломат стал фигурой в политической жизни своего города, заслуживавшей большего доверия, чем протокольные подписи писем секретарей и нобилей. В качестве финального замечания к статье, отметим следующий любопытный факт. Первое назначение на дипломатический пост после возвращения Медичи во Флоренцию, Франческо Веттори, по собственному упоминанию, получил именно в Рим, на почётную должность посланника при папском дворе [7, p. 7–8]. Думается, это свидетельствует о том, что умение лавировать между различными осями координат ценилось старыми новыми правителями Флоренции, потомками Лоренцо Медичи, не меньше, чем принадлежность к кругу фамилий – «протеже Лоренцо Великолепного».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mallett M., Shaw C. The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe. Routledge: Taylor & Francis Group, 2019. 424 p.
2. Melve L. Inventing the public sphere: the public debate during the investiture contest (c. 1030–1122). Leiden/Boston: Brill, 2007. 792 p.
3. Gentile M. Guelfi, ghibellini, Rinascimento // Guelfi e ghibellini nell'Italia del Rinascimento / a cura di M. Gentile. Roma: Viella, 2005. P. 9–26.
4. O'Connor M. Cajetan's Biblical Commentaries. Motive and Method. Leiden/Boston: Brill, 2017. 318 p.
5. Cossio A. Il cardinale Gaetano e la Riforma. Cividale: Tipografia Giovanni Fulvio, 1902. 530 p.
6. Le concile Gallican de Pise-Milan. Documents Florentins (1510–1512) / publies par A. Renaudet. Paris: Edouard Champion, 1922. 732 p.
7. Francesco Vettori. Ricordo delli Magistrati // Francesco Vettori. Scritti storici e politici / a cura di E. Niccolini. Bari: Laterza, 1972. P.7–9.
8. Francesco Vettori. Sommario della Istoria'd'Italia // Francesco Vettori. Scritti storici e politici / a cura di E.Niccolini. Bari: Laterza, 1972. P.135–246.

9. Rospocher M. Il papa guerriero: Giulio II nello spazio pubblico europeo. Bologna: Il Mulino, 2015. 574 p.
10. Дмитриева М.И., Павлов К.В. Образы Италии конца XV – начала XVI в. в сочинениях Макиавелли // Вестник Томского государственного университета, 2025. № 510. С. 16–29.
11. де Коммин Ф. Мемуары / Пер. с франц. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. 496 с.
12. Devonshire Jones R. Francesco Vettori: Florentine Citizen and Medici Servant. London: University of London, The Athlone Press, 1972. 319 p.
13. Hurtubise P. Une famille témoin. Les Salviati. Citta del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1985. 520 p.
14. Malarczyk J. Koncepcje polityczne Francesco Vettoriego // Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska: Vol. XXVI, 6. 1979. SECTIO G. S. 85–105.

УДК 930.2

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ РАБОТ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ С ИСТОЧНИКАМИ ПО ДВОРЯНСКОМУ И КРЕСТЬЯНСКОМУ СОСЛОВИЮ В ПЕРИОД С КОНЦА XIX ВЕКА ПО 1930-ЫЕ ГГ.

В.А. Плаксин, К.В. Першаков, студенты
Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем источниковой базы для исследования истории дворянского и крестьянского сословий в период с конца XIX века по 1930-е годы. Временной отрезок исследования включает три периода: Имперская Россия (до 1917 г.), Россия в Гражданской войне (1917–1920-е гг.) и Советская Россия (1920–1930-е гг.). В результате исследования был составлен список общей проблематики, характерной для изучения источников об этих двух категориях населения.

Ключевые слова: крестьянство, дворянство, источниковедение

Введение. В данной работе исследованы источники, описывающие дворянское и крестьянское сословие с конца XIX века по 1930-е гг. Данный промежуток вызывает интерес у многих исследователей, а его изучение сопряжено с трудностью, заключающейся в проблемах исследования источниковой базы.

Период с конца XIX века по 1930-е гг. характеризуется масштабными событиями, которые полностью меняют вектор развития Российского государства, затрагивая все категории населения. Дворянское сословие в конце XIX века активно развивается в экономической и социальной сфере, но после событий 1917 г. полностью исчезает.

Отметим, что материал настоящего исследования сосредоточен только вокруг российского дворянства. Так, в работе не были рассмотрены финские, прибалтийские и польские дворяне, которые имели особое положение в отличии от остальных дворян.

Источниковая база о крестьянах неоднородна, предвзята. Некоторые виды источников не вызывают у исследователей доверия. Само крестьянство, ввиду неграмотности основной части этой категории населения, оставила после себя лишь немногочисленные свидетельства.

С конца XIX века до Октябрьской революции 1917 г. крестьяне представляли собой податное сословие, живущее преимущественно в общинах. В Октябрьскую революцию 1917 г. и Гражданскую войну произошел передел земли: большевики провели жесткую политику в отношении крестьянства через продразверстку и комбеды. Частые крестьянские антибольшевитские восстания отражаются в источниках. В период НЭПа в деревне происходит рост благосостояния хозяйств и возвращение рыночных элементов. Социально-экономические документы выходят на первый план, заменяя актуальные для революции большевиков 1917 г. и Гражданской войны. В 1930-е года происходит коллективизация в деревне, раскулачивание и ликвидация общины. Иными словами – кардинальная перестройка жизни крестьян. Для изучения данных событий важны источники ОГПУ-НКВД.

Таким образом, целью статьи является выявление проблем, с которыми сталкиваются исследователи, работающие с источниками по дворянскому и крестьянскому сословиям в указанных хронологических рамках. Выявленные обобщения и выводы могут стать фундаментом для дальнейших исследований социальных «верхов» и «низов» в нашей стране в разные исторические эпохи.

Постановка задачи. Цель статьи: выявление трудностей, с которыми исследователи сталкиваются при изучении крестьянского и дворянского сословий.

Задачи: периодизация и сбор источников; выявление специфики и общих трудностей в источниках по дворянству и крестьянству.

Методика и методология исследования. В ходе исследования был использован ряд методов: проблемно-хронологический, в ходе которого временной отрезок с конца XIX века по 1930-ые был разделен на три периода: Российская империя (до 1917 года), Революция октября 1917 г. и Гражданская война, СССР 1920–1930-е гг.; метод историографического анализа для выявления проблем источниковой базы; сравнительно-исторический метод использовался для сравнения разных групп источников для выявления общих затруднений в источниках по дворянам и крестьянам.

Результаты. Проведенный анализ работ исследователей, изучавших историю дворянского и крестьянского сословия через сохранившиеся источники в период с конца XIX века по 1930-е годы, позволил выявить конкретные проблемы источников по каждому из сословий.

Дворянское сословие.

Перед тем как перейти к разбору проблем касаемо источников по дворянскому сословию, хотелось бы внести некую ясность касаемо их

классификации. Все выявленные проблемы достаточно уникальны, что составляет трудность в определении каких-либо общих черт. Единственное что поддалось классификации – это временной промежуток и «исторический» контекст.

Проблема временного промежутка и исторического контекста:

С конца XIX века до Октябрьской революции 1917 года характерна высокая деловая активность дворянства на фоне экономического и социального развития России. Дворянство в ходе преобразований в сторону капиталистических отношений старается удерживать свои господствующие позиции, что порождает обширный пласт источников, таких как справочники промышленных предприятий и законодательные акты [1, С. 3–4]. В ходе экономического развития происходило «размывание» феодальных сословий в пользу формировавшейся буржуазии [1, С. 4]. Всё выше причисленное породило характерные источники: законодательные акты (ПСЗ, Свод законов), статистические справочники, делопроизводственные документы, материалы периодики, генеалогические издания, историография, перекочевавшая из исследований в публицистику [1, С. 4–5].

В данный период дворянство активизируется в экономической и социальной среде, их деловая активность обеспечивает большой объём источников.

В период Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, источники в большей своей части переходят на законодательные акты, которые ущемляют права дворянства, если не полностью их стирают, частное имущество дворян становится имуществом рабочего класса (декрет «О земле» 1917 г.). Дворян неугодных для власти уничтожают, остальные переходят в категорию бывших дворян, где их не допускают на государственные должности, препятствуют в творческой и научной деятельности. Из-за такого давления большая часть интеллигенции покидают страну. Остальная же часть превращается в рабочий класс [2, С. 109]. Из-за этих событий источники становятся фрагментарными; сформировываются материалы репрессивного характера, личные источники (мемуары, письма), эмигрантские издания [2, С. 109].

В СССР 1920–1930-х гг. в большей степени речь идёт уже не о дворянах, а нынешних (для того времени) рабочих. Связано это с табуированностью темы дворянства. Основными источниками становятся архивные следственные дела, материалы советских органов, косвенные упоминания в контексте «лишенцев» и классовой борьбы [3, С. 9–15]. В контексте «лишенцев» «бывших» дворян причисляют к эксплуататором, лишая их полностью избирательных прав. Позже, когда в ходе ослабление политики «лишенцев» в 1925 г. большевики чуть ли не теряют контроль на выборах, в 1926 г. политика по «лишенцам» ужесточается, к числу лишенцев предписывают тех, кто жил до

революции на нетрудовые доходы, также оно становится наследственным. Только к 1936 г. году «лишенцы» будут упразднены сталинской конституцией [4].

Поскольку дворянская тема идеологически табуирована, то никаких работ по ней не проводится. Единственный случаи её задействования в вопросах аграрной политики.

Фрагментарность источников.

Источниковая база сталкивается с резким переходом от детальной документации (законы, статистика, списки предприятий) в имперский период к почти полному исчезновению из официальных документов после 1917 г., а затем к появлению в контексте репрессивной политики в те же года [5, С. 7] Определение сословной принадлежности: в справочниках и документах принадлежность к дворянству часто не указывалась [5, С. 7–8].

Неполнота и сохранность фигурирует в многих документов. Многие материалы утрачены, протоколы заседаний сохранились фрагментарно, что затрудняет реконструкцию реальных процессов и дискуссий [5, С. 10].

Географическая и архивная доступность:

Основные архивы сосредоточены в Москве и Петербурге, что осложняет работу региональным исследователям. Доступ к частным и некоторым ведомственным архивам может быть ограничен или зависеть от личных связей.

Проблема разновидностей источников и их содержания.

Законодательные и нормативные акты часто отстают от реальной практики и не отражают фактического положения дворянства [1, С. 19].

В советский период исследователи часто сталкиваются с тем, что источники носят выраженный идеологический характер, что требует критического анализа и сопоставления с альтернативными данными. Личные источники (мемуары, письма, интервью) субъективны, но незаменимы для реконструкции социально-культурного облика сословий.

Для работ по дворян в период с 1917 г. по 1930 гг. требуется рассмотрения как можно большего количество источников, от законодательных актов до личных источников. Только так можно обеспечить грамотный подход исследования.

Другой категорией населения, рассматриваемой в статье, являются крестьяне. В период с конца XIX века до 1917 года характерно наличие масштабной источниковой базы, страдающей от проблем достоверности, ведомственной разобщенности и идеологической ангажированности. Было много законодательных актов и статистики. Законодательные акты представлены Сборником законов Российской империи, а также продолжения к нему – 1906 и 1912 годов. «Особое положение» к 9 тому сборника законов посвящен крестьянам. Статистика представлена первой всеобщей переписью населения Российской империи, сельскохозяйственной переписью 1916, сельскохозяйственной и земельной переписью 1917,

губернскими обзорами, податной и земской статистикой, данными о земле, описаниями частновладельческих и крестьянских хозяйств и др. [6, С. 8–9]. Статистический материал собирался разными организациями и ведомствами, что привело к использованию разных методов по сбору информации [7, С. 7]. Из-за этого в данный период отсутствовали обобщающие статистические своды, что затрудняет сопоставление данных [8, С. 556]. Кроме того, крестьянские мемуары того времени часто не содержат географической привязки (мест действия) из соображений безопасности авторов, что усложняет использование данного вида источника для реконструкции истории крестьянства [9, С. 23].

В период Революции и Гражданской войны источники по крестьянам исходят через разные документы власти (протоколы, отчеты, документы комбедов и т. д.) [10, С. 47]. Однако для них (особенно материалы ВЧК) характерна высокая степень тенденциозности и идеологической направленности [11, С. 67]. Сами источники, исходящие от крестьян, существуют в меньшем количестве по сравнению с государственными и неоднородны. Крестьянские источники делятся на индивидуальные и коллективные: последних меньше, чем первых. Данное условие затрудняет выявление личной позиции автора. К тому протестные документы создавались в условиях войны, что искажает объективную картину [11, С. 61].

По 1920-м годам сохранился массив партийных документов, социально-экономической статистики и свидетельства прессы. Директивные документы коммунистической партии, законодательные и ведомственные нормативные акты (Наркомзема прежде всего) были основой для исследования аграрной политики и гос. регулирования отношений у крестьян [12, С. 15–16]. Статистический материал историк В.П. Данилов оценивает как ценнейший материал. При это этом также существуют трудности в их изучении. Несмотря на обилие статистики по 1920-м гг., она страдает ненадежностью, так как сбор велся часто неподготовленными людьми, а крестьяне намеренно скрывали информацию о социально-экономические отношения в деревне от власти [12, С. 15–16].

Исследование истории крестьянства 1930-х, особенно времени коллективизации, имеет особенности. Документы ОГПУ-НКВД, отражающие наиболее достоверную информацию, стали доступны только в период Перестройки. Помимо них используются данные оперативной отчетности органов Наркомзема и Колхозцентра, Госплана и ЦСУ [13, С. 27–35]. Источники устной истории, важные для понимания трагедии деревни, начали собираться слишком поздно (в 1990–2010-х гг.), когда ушли из жизни непосредственные очевидцы. Также они не сортированы и хранятся по разным архивам [14, С. 91–92]. Документация ЗАГС за период голода 1932–1933 гг. сохранилась не очень хорошо, часто заполнялась хаотично или не

заполнялась вовсе, что создает пробелы в демографических данных [15, С. 36–42].

Источники по крестьянству представлены в большом количестве. Они отражают разные стороны крестьянской жизни. При этом можно на протяжении всего временного отрезка выделить ряд трудностей, с которыми исследователь может столкнуться в ходе изучения источников по крестьянству. Во-первых, крестьяне в большинстве источниках предстают как объект, а не субъект. Связано это с тем, что больше всего источников исходит от других людей, но никак не крестьян. Во-вторых, доминирование идеологической окрашенности в источниках. В-третьих, ненадежность в статистике, связанной с разобщенностью изучения, некомпетентностью сборщиков статистического материала и нежеланием крестьян делиться информацией.

Выводы. Классифицирование проблематики, с которой сталкиваются исследователи при обращении к источниковой базе, касающейся дворянского и крестьянского сословий, позволило выделить общие тенденции, характерные для советской, так и для современной историографии.

Проблема временного промежутка является здесь центральной. Она фигурирует в каждом сословии и изменяет его кардинальным образом. Из-за этих изменений меняются и источники. Они перенимают изменения социальных структур, тем самым создавая проблему «разрывности». Вторая тенденция выражается в том, что изучение крестьянского и дворянского сословий требует обращения к огромному массиву источников. Законодательные акты того времени не отражают фактическое положение дел, а также подвержены идеологическому влиянию. Личные источники субъективны и не отражают всей картины происходящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М.: Издательство «Наука», 1979. – 304 с.
2. Милешина Н.А., Потапова Л.А. «Бывшее дворянство» в условиях советской эпохи // Манускрипт. 2017. №12–4 (86). С. 108–110.
3. Судьбы российского дворянства в XX веке: на материалах трех поколений хвалынской ветви графов Медемов: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Наумов Алексей Викторович; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2009. – 26 с.
4. Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.): Учеб. пособие. Новосибирск, 1998. – 91 с.
5. Курков К. Н. Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX в.: 07.00.02 Курков, Константин Николаевич Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX в. (экономический и социокультурный аспекты): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2006 – 434 с.
6. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословная структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. – 572 с.

7. Ковальченко И. Д. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979. – 416 с.
8. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-т. СПб., 1999. Т.2. – 583 с.
9. Зырянов П. Н. Крестьянская община европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. – 256 с.
10. Российское крестьянствов эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект / НИИ гуманитар. Наук при Правительстве Республики Мордовия; сост.: Е.Н. Бикейкин [и др.]. Саранск, 2016. – 880 с.
11. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. – 574 с.
12. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. – 320 с.
13. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929 – 1932 гг.). М.: Наука, 1972. – 360 с.
14. Нахимовский А.Д. Устная история снизу. Материалы у устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. 2021. Vol. 6. №1. С. 91–125.
15. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. – 519 с.

УДК 27

ХРИСТИАНСТВО – САМАЯ РАСПРОСТРАНЁННАЯ РЕЛИГИЯ В МИРЕ

В.Д. Поварков, студент ИВМиБ
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья охватывает суть христианства как одной из крупнейших мировых религий, основанной на учении Иисуса Христа и насчитывающей более двух миллиардов последователей. История христианства уходит в I век нашей эры в Иудее, где Иисус проповедовал любовь и прощение. Основы вероучения формируются в Новом Завете, ключевым событием является распятие и воскресение Христа, отмечаемое праздником Пасхи. Христианство делится на несколько течений: католицизм, протестантизм и православие, каждое из которых имеет свои особенности. Роль христианства в истории значительна, оно повлияло на культуру, искусство и моральные нормы общества, особенно в Средние века. В современном мире христианство продолжает быть важным фактором, активно участвуя в социальной справедливости и гуманитарной помощи. В заключение, христианство представляет собой не только

религиозную систему, но и важный элемент глобальной культуры, предлагая идеи о смысле жизни, морали и надежде для миллионов людей.

Цель исследования:

1. Узнать происхождение веры.
2. Изучить вероучение христианство.
3. Выявить течение и роль христианство.

Христианство – одна из крупнейших мировых религий, основывающаяся на жизни и учении Иисуса Христа. Сегодня христианство насчитывает более двух миллиардов последователей по всему миру, что делает его самой распространенной религией [4].

Происхождение христианства начинается в I веке нашей эры в римской провинции Иудея. Иисус, проповедуя принципы любви, милосердия и прощения, собрал вокруг себя учеников, которые стали его последователями. Основная идея христианства – вера в единого Бога и спасение души через веру в Христа. Учение Иисуса опирается на Тору (еврейские священные тексты) и акцентирует внимание на важности духовной жизни и внутренней трансформации человека [2].

Основы христианского вероучения формируются в Новом Завете Библии, который состоит из четырёх Евангелий, Апостольских посланий и других текстов. Главное событие, лежащее в основе христианской веры – распятие и воскресение Иисуса, что символизирует победу над грехом и смертью. Верующие отмечают это событие в праздник Пасхи, который является одним из самых важных в христианском календаре [1].

Христианство делится на несколько основных течений, среди которых наиболее значительными являются католицизм, протестантизм и православие. Каждое из этих направлений имеет свои особенности в богослужении, культуре и вероучении. Например, католическая церковь признает папу Римского как своего лидера и считает его непогрешимым, тогда как православные церкви имеют свои национальные первоиерархи, и их учение основывается на соборном подходе. Протестантизм возник в XVI веке в результате Реформации и подчеркивает значимость личной веры и чтения Библии [2].

Роль христианства в истории человечества значительна. Оно оказало влияние на искусство, культуру, философию и политику. В Средние века христианская церковь была одной из самых могущественных в Европе, её учение формировало моральные и этические нормы общества. Миссионерская деятельность христианских общин способствовала распространению культуры и образования в разных уголках мира, особенно в Африке и Америке [3].

В наше время христианство продолжает быть значимым фактором в жизни многих людей, находя отклик в вопросах морали, социальной справедливости и этической ответственности. Современные протестанты и

католики активно участвуют в борьбе с социальными проблемами такими как бедность и неравенство. Христианские организации играют важную роль в гуманитарных инициативах, предоставляя помощь людям в кризисных ситуациях, включая беженцев и жертв природных катастроф [4].

Христианство – это не только религиозная система, но и важный аспект глобальной культуры и истории. Его идеи и ценности продолжают оказывать влияние на жизнь миллионов людей, поднимая вопросы о смысле жизни, нравственности и человечности. В динамично меняющемся мире христианство остается источником надежды и вдохновения для многих, предлагая пути для духовного роста и внутреннего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Новый Завет. Текст непосредственный: https://azbyka.ru/biblia/.
2. Тора (еврейские священные тексты). Текст непосредственный: https://nev-tanah.info/tora/?ysclid=mjiqgiebi7665012657.
3. Михайлов А.Б. История христианства в эпоху Средневековья. Текст электронный: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/istorija-hristianskoj-tserkvi-tom-4/1.
4. Ларкин П.М. Культура и христианство: влияние на современное общество. Текст электронный: https://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/334329-tserkov-i-kultura-vozmozhen-li-novyy-soyuz/.

УДК 340.12

АВТОРИТЕТ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

А.А. Попов, магистрант
В.В. Соловьева, д-р ист. наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Липецк, Россия

Аннотация. Статья анализирует формирование авторитета позитивного права в европейском Средневековье и роль университетской юридической науки в утверждении рациональной правовой доктрины. Показаны ключевые идеи глоссаторов и постглоссаторов и их влияние на развитие правопорядка.

Ключевые слова: позитивное право, Средневековье, университетская наука, глоссаторы, правовая традиция.

Введение. Средневековое общество традиционно воспринимают как пространство господства канонического и обычного права, однако уже с XI-XIII веков начинается процесс модернизации правовой культуры, связанный с появлением университетов и зарождением профессиональной юридической

науки. Именно этот процесс привел к утверждению позитивного права как самостоятельного источника нормативности, конкурирующего с авторитетами религиозного и традиционного характера.

Древнеримской культуре по праву принадлежит центральное место в западной правовой традиции, что исторически обусловливает актуальность обращения к римскому праву [1, С. 74].

В последние десятилетия внимание исследователей к данной проблематике существенно возросло. Это обусловлено пересмотром роли Средневековья в формировании современного государства и права, а также интересом к истокам юридического профессионализма, который и сегодня определяет облик правовых систем континентальной Европы.

Утверждение о прямой или косвенной связи римского права и современных европейских правовых систем, их выведение из древнеримской свидетельствуют о наличии тенденции исторической преемственности по отношению к легендарному основоположнику современной цивилизации – Римской империи [1, С. 74].

Особое значение в этом процессе принадлежит глоссаторам – первой университетской школе юристов, работавших над интерпретацией «Corpus Juris Civilis» [8, С. 237]. Именно они заложили основы методологического авторитета позитивного текста: им принадлежит идея, что право может и должно изучаться как логически организованная система, а не как набор привычных практик или божественных велений. В дальнейшем их подход был развит постглоссаторами, которые попытались адаптировать классическое римское право к потребностям феодальной Европы.

Актуальность исследования усиливается тем, что в именно в Средневековье возрождается применение норм римского частного права, принципы и конструкции которого стали источником всей мировой правовой культуры [6, С. 485]. Мы наблюдаем не просто возврат к римскому праву, но становление самой идеологии позитивизма, то есть убеждения, что закон, выраженный в письменной форме, обладает исключительной нормативной силой и должен служить точкой отсчета для правоприменителя.

Иными словами, рассмотрение авторитета позитивного права в Средневековье невозможно без анализа университетской юридической науки как структурообразующего элемента правовой эволюции.

Постановка задачи. Исследование авторитета позитивного права в Средневековье требует точного определения целей и задач, поскольку речь идет не просто об историческом описании университетской юриспруденции, но о выявлении механизмов становления европейского правового сознания. Главной целью данного исследования является анализ того, как и почему позитивное право обрело нормативный авторитет в условиях, когда религиозные и традиционные источники права доминировали во всех сферах общественной жизни. Данная цель направляет исследование не только в русло правовой истории, но и в область правовой философии, поскольку

позитивное право выражает собой сам принцип рационально организованного правового порядка.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- Рассмотреть интеллектуальный контекст эпохи, в котором возник университет как институт и юридическая школа как форма профессионального знания.
- Проанализировать вклад глоссаторов в формирование авторитета позитивного права.
- Исследовать эволюцию подходов постглоссаторов, которые попытались соединить римскую юридическую логику с реальными потребностями средневекового общества.
- Определить социальные и политические причины роста значения позитивного права, включая развитие городов, усложнение торговых отношений, формирование централизованных монархий и появление профессиональных судей.
- Показать роль университетской юридической науки как ключевого института легитимации позитивного права.

Методика и методология исследования. Исследование авторитета позитивного права в Средневековье опирается на междисциплинарный подход, сочетающий историко-правовой анализ, элементы социологии права и интеллектуальной истории. Такой методологический синтез необходим, поскольку сама природа средневековой юридической науки находится на пересечении нескольких смысловых полей: догматического анализа текста, философского осмысления нормативности и социального запроса на правопорядок.

Историко-правовой метод служит фундаментом анализа, позволяя последовательно проследить процесс становления университетской юриспруденции как особого вида знания. Он позволяет реконструировать ранние этапы формирования глоссаторской школы, определить источники, которыми пользовались исследователи «Corpus Juris Civilis», и выявить причины их обращения именно к тексту Юстиниана [8, с. 245].

Вторым важным элементом является метод т.н. интеллектуальной истории, позволяющий понять, как формировались понятия, которыми оперировали средневековые юристы: «закон», «толкование», «авторитет текста», «разумность нормы». Этот метод помогает выявить внутреннюю логику университетской науки, основанную на убеждении, что право может быть систематизировано и рационально объяснено.

Сравнительно-правовой метод используется для демонстрации того, что феномен авторитета позитивного права не был универсальным явлением всего средневекового мира. В отличие от Англии, где постепенно формировалось общее право, связанные с университетами страны континентальной Европы создали правовую традицию, опирающуюся на писаный закон.

Значимую роль в исследовании играет социологический подход, позволяющий увидеть, что авторитет позитивного права возник не только из интеллектуальной деятельности университетов, но и из растущей потребности общества в стабильных юридических правилах.

Также используется структурно-функциональный анализ, позволяющий рассмотреть университет как социальный институт, выполняющий функцию легитимации права.

Наконец, исследование использует нормативно-догматический метод, позволяющий анализировать содержание римского права и выявлять те положения «Corpus Juris Civilis», которые глоссаторы считали ключевыми для построения правовой системы.

Результаты. Результаты исследования показывают, что становление авторитета позитивного права в Средневековье напрямую связано с институционализацией университетской юридической науки. Именно университет стал пространством, где текст закона приобрел научный статус, а его изучение превратилось в профессиональную деятельность, требующую специальных знаний, методов и аргументационных техник. Это позволяет говорить о переходе от традиционного правопонимания – основанного на обычае и религиозной норме – к правопониманию рациональному, в центре которого находился писаный закон.

Фундаментом университетской юридической науки стала Болонская школа XI–XII веков. Здесь возникла новая модель правоведения, основанная на убеждении, что римское право Юстиниана содержит универсальные рациональные принципы, применимые к современным отношениям [2, С. 87].

Как отмечается в научно-исследовательской среде, «болонский университет, считающийся первым европейским центром изучения права, превратил «Corpus Juris Civilis» в основу учебной программы. Преподавание велось через призму глоссаторского метода, предполагавшего детальный анализ текстов и выявление универсальных принципов» [4, С. 23].

Уже первые мастера Болоньи начали формировать сложную систему внешних и внутренних глосс, создавая своего рода «правовую экосистему», в которой текст закона становился центром, но обрастал комментариями, уточнениями, сопоставлениями и аргументами.

Ключевым моментом стало создание Glossa ordinaria в XIII веке. Этот труд объединил около 100 тысяч глосс и стал своего рода «вторым текстом» закона – интерпретация получила почти такую же силу, как и сам позитивный текст Юстиниана [7]. Судьи нередко ссылались на Глоссу не как на мнение частного ученого, а как на авторитетный источник, обязательный для применения.

Глоссаторы впервые утвердили мысль о том, что правовая норма должна быть объяснена через внутреннюю логику закона, а не через мораль, религию или обычай. Это резко контрастировало с доминировавшим ранее

каноническим правом, где вся нормативность выводилась из божественного авторитета.

И, хотя авторитет позитивного права сталкивался с ограничениями: во-первых, его применение зависело от локальных обычаев, которые зачастую преобладали в судебной практике; во-вторых, церковь сохраняла влияние через систему канонического права, регулировавшего вопросы брака, наследования и морали – тем не менее, к XIII веку университеты выработали механизмы преодоления этих противоречий. Комментаторы разрабатывали методы толкования, позволявшие сочетать общие принципы римского права с местными традициями. Это способствовало созданию гибкой правовой системы, адаптируемой к потребностям разных регионов.

Исследование показывает, что университеты легитимировали позитивное право через несколько механизмов: преподавание, диспуты, практику и стандартизацию знаний.

Университетское правоведение не ограничивалось интерпретацией римского права – оно формировало новую культуру юридического мышления, основанную на приоритете источника и внутренней логике нормы [1, С. 76]. Это позволило Средневековью постепенно выйти из правового партикуляризма, где каждая территория жила по своим обычаям, к более согласованной модели правопорядка. Глоссаторы (XI–XIII вв.) разработали технику, которая по современным меркам стала аналогом юридической герменевтики. Это был принципиальный шаг к позитивному праву: норма получает авторитет не потому, что ее велел государь, а потому, что она логична, системна и согласуется с корпусом права.

Постглоссаторы, работавшие преимущественно в Италии и Франции, внесли в европейское правоведение новую логику – они не только толковали текст, но и строили общие правовые конструкции, что сделало доктрину полноценным источником права. Они вводили в научный оборот такие категории, как: общее понятие договора, иерархия видов обязательств, деление прав на вещные и обязательственные, понятие юрисдикции и публичных полномочий.

Постглоссаторы фактически создали аналог современного комментария к законодательству – но комментария, который обладал реальной юридической силой. Судьи ссылались на их трактаты не реже, чем на сами нормы. Авторитет позитивного права усиливался именно благодаря тому, что университетская доктрина обеспечивала его толкование, систематизацию и операционализацию [5, С. 570].

Таким образом, право приобрело новый источник авторитета – научную валидность. Если раньше закон обосновывался волей государя или давностью обычая, то теперь он обосновывался еще и рациональным анализом, что серьезно изменило правовую культуру Европы.

Средневековая университетская мысль внесла в европейскую цивилизацию принципиально новое понимание рациональности. Для раннего

средневекового мышления важно было соответствие традиции; для университетского юриста XIII-XIV вв. важным стало соответствие логике [3, С. 190]. Можно сказать, что университеты породили рациональный юридический дискурс, противопоставленный и хаотичному правосудию по обычаю, и догматизму канонических судов.

В определенном смысле Средневековье дало Европе тот фундамент, на котором формировались и кодификации Нового времени, и правовые системы современных государств.

Выводы. Проведенное исследование показывает, что авторитет позитивного права в Средневековье не возник спонтанно и не был следствием государственной воли. Он был результатом развития университетской юридической науки, которая впервые систематизировала римское право, как действующую норму, создала интерпретационные методы, позволяющие применять древние тексты к современным ситуациям, утвердила примат рационального анализа над локальным обычаем и заложила основы автономного статуса юридической доктрины.

Новизна статьи заключается в комплексном рассмотрении университетской науки не как образовательного института, а как источника правовой легитимности, формирующего содержание позитивного права задолго до становления централизованных государств.

Материал исследования позволяет уточнить понимание природы позитивного права. Оно предстает не только как совокупность писаных норм, но и как продукт интеллектуальной обработки, включающей: систематизацию; толкование; рационализацию; доктринальное сопровождение.

Реконструируя логику глоссаторов и постглоссаторов, можно увидеть истоки современной правовой методологии: анализа структуры нормы, выявления ее смысла, соотношения частей правовой системы, преодоления противоречий. Таким образом, университетская юриспруденция Средневековья является предтечей современного юридического позитивизма и фундаментом европейской правовой традиции.

Правовая культура, сложившаяся в Средневековых университетах, до сих пор определяет методы юридической экспертизы, подходы к толкованию закона, структуру юридического образования, а также профессиональные стандарты мышления юристов. Понимание происхождения этих методов позволяет глубже осмыслить современную практику законодательной техники, судебного толкования и правового анализа.

Дальнейшие научные разработки могут быть направлены на: сравнение влияния университетов Болоньи, Падуи, Парижа и Оксфорда на развитие европейских правовых систем; анализ трансформации постглоссаторской доктрины в эпоху раннего национального законодательства (XVI–XVII вв.); исследование механизмов, через которые университетская правовая традиция повлияла на становление государственности и публичного права. Эти

направления позволят еще глубже раскрыть феномен университетской юридической рациональности, сыгравшей ключевую роль в формировании европейской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташов, Д.С. Преемственность в становлении и развитии позитивного права в Европе в период средневековья / Д.С. Асташов, А.В. Петров // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2016. – № 4. – С. 73–79.
2. Валтош, С. О средневековых истоках Болонского процесса / С. Валтош // Регион сотрудничества. – 2007. – № 2. – С. 86–98.
3. Голиков, И.В. Соотношение естественного и позитивного права / И.В. Голиков // Молодой ученый. – 2020. – № 51 (341). – С. 187–192.
4. Ермолов, И.О. Авторитет позитивного права в Средневековье. Университетская юридическая наука / И.О. Ермолов, В.В. Соловьева // Научный Лидер. – 2025. – № 8 (209). – С. 21–26.
5. Зырянов, А.В. Эволюция правопонимания в западной философии / А.В. Зырянов, А.Н. Бабенко // RUDN Journal of Law. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 564–581.
6. Хоружий, В.В. Особенности права и правовой культуры Западной Европы в эпоху Средневековья / В.В. Хоружий // Молодой ученый. – 2017. – № 13 (147). – С. 485–488.
7. Güzeldal, Y. Glossa Ordinaria: The Formation of the Standard Biblical Exegetical Tradition in Medieval Theology/ Y. Güzeldal // Milel Ve Nihal. – 2025.
8. Dingledy, F.W. The Corpus Juris Civilis: A Guide to Its History and Use / Frederick W. Dingledy // Legal Reference Services Quarterly. – 2016. – № 35 (4). – С. 231–255.

УДК 94

ОСВЕЩЕНИЕ ХОЛОКОСТА ВО ВРЕМЯ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

А.Н. Рогачёв, учитель
МБОУ СОШ № 160
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена освещению Холокоста в советской печати (на примере «Правды») в ходе Нюрнбергского процесса. Анализируются публикации, содержавшие свидетельства, данные обвинения и цифры жертв, включая преступления на территории СССР. Автор считает, что тема Холокоста освещалась, но с оговорками.

Ключевые слова: газета «Правда», Холокост, Нюрнбергский процесс, нацизм, международный трибунал

Введение. Великая Отечественная Война по праву считается одним из ключевых событий в нашей истории. По факту, это была война не только за выживание государства, но и народов страны. В последние годы интерес к данной тематике значительно вырос, достаточно вспомнить проект «Без

срока давности», выпуск его сборников, проведение конференций и семинаров как для школьников и студентов, так и для учителей и преподавателей. Пользуется популярностью и цикл лекций проекта «Цифровая история» «Долгий Нюрнберг». Этот судебный процесс был не просто судом победителей над побежденными, но судом состязательным, справедливым. В ходе суда была осуждена идеология нацизма, всему миру стали известны преступления нацистского режима, в том числе и Холокост. Это событие освещала мировая пресса. Советская печать не была исключением.

Постановка задачи. Наша задача – выяснить, как советская печать освещала события Холокоста в рамках Нюрнбергского процесса.

Методика и методология исследования. Методологическая основой исследования составляют: контент-анализ – систематический количественный и качественный анализ текстов публикаций для выявления частоты, объема и ключевых тем. Дискурс-анализ – изучение языковых средств, риторических стратегий и способов конструирования смыслов в текстах. Сравнительно-исторический метод – для сопоставления данных из газеты с историческими фактами. Источниковедческий анализ – критическая оценка происхождения информации и ее интерпретации журналистом.

Результаты. В ходе процесса освещались разные факты Холокоста. 23 ноября на страницах правды в колонке “Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге” приводились слова американского обвинителя. Стоит отметить, что американское обвинение действительно уделяло достаточное внимание преследованию еврейского населения. В статье приводились слова американского обвинителя, который говорил, что рядом законодательных мер нацисты исключили евреев из общественной и хозяйственной жизни, а затем приступили к физическому истреблению еврейского населения. Можно привести заключение статьи: «Заканчивая свою речь, представитель обвинения привел слова Гитлера о том, что результатом войны будет уничтожение еврейского населения Европы. Обращаясь к трибуналу, обвинитель восклицает, вы знаете как оправдывалось это предсказание» [1]. В данном случае идет отсылка на речь Гитлера от 1939 года, где Гитлер говорил, результатом войны будет не большевизация Европы, а уничтожение евреев. Главным обвинителем со стороны США был Роберт Джексон, который приложил много усилий, чтобы виновные в военных преступлениях получили заслуженное наказание. Приводились и другие данные, касающиеся ранней истории нацизма. В статье от 20 декабря приводились данные, что Коммунисты, евреи и все другие, которые рассматривались как враги нацистской партии, отправлялись в местные штабы штурмовиков, еще до того, как было организовано гестапо.

24 ноября в колонке о суде в Нюрнберге приводились слова Роберта Джексона. В статье утверждалось, что Джексон указал, что проводились систематически и преднамеренно преследования евреев «Антисемитизм

проводился для того, чтобы разделить и поссорить демократические народы и ослабить их сопротивления нацистской агрессии» [2]. Также Джексон упомянул Штрейхера, обвиняя его в подстрекательстве насилия против еврейского населения. Что интересно, Джексон говорил о 6 млн. убитых евреев: «из 9 млн евреев, оказавшихся под контролем нацистов, по предварительным данным, погибло 60%» [3]. Как уже говорилось выше, внимание уделялось и персоналиям. Говорилось про Штрейхера, про Франка, про Геринга. Герингу также вменялись преступления против еврейского населения. «Он дал указание германской тайной полиции о том, что еврейский вопрос должен быть решен окончательно. Эта короткая директива повлекла за собой гибель миллионов евреев» [4]. Освещалась тема Аушвица и медицинских экспериментов. 30 января вышла статья, где приводились слова свидетельницы, которая пережила Аушвиц. Медицинские эксперименты подробно не описываются, возможно, из-за необходимости осветить другие аспекты жизни в лагере. Однако, она говорит о судьбе евреев в «Освенциме». Она говорит, что стариков, старух и женщин с детьми посылали в камеры, а молодых отправляли на работу. Она отмечает, что в 1944 году привозилось много людей в Освенцим, для уничтожения в лагере вырыли рвы, где и сжигали людей [5]. Тут явно идет речь о прибытии венгерских евреев, которых отправляли после оккупации Венгрии. 434 тыс. евреев были отправлены в Аушвиц в период с 15 мая по 9 июля 1944 года. 80% из них были отправлены в газовую камеру сразу по прибытии [6, P.125]. Действительно, из-за того, что крематории не были способны справиться с таким количеством тел, заключенные рыли ямы, где и сжигали людей. Приводились слова уже другого свидетеля со стороны французского обвинения. Называется имя свидетеля – Поль Розер. Он сообщает, что ему рассказывал немецкий солдат, с которым он лежал в одном госпитале. Немецкий солдат ему сообщил, что гетто в Польше было уничтожено особым приказом. К сожалению, не уточняется о каком гетто идет речь. Позже уже французский обвинитель говорил о насильственном угоне еврейского населения из Франции и других стран западной Европы в Германию. Французский обвинитель ссылается на немецкие документы. Он утверждал, что угон евреев и транспортировка других арестованных в концлагеря говорит обвинитель, производилось ужасным способом. Люди умирали от голода, холода и от расстрелов [7]. Озвучивались и более конкретные данные о преступлениях в Польше и Чехословакии. В одной из статей, где в целом говорилось о преступлениях на территории советского союза, утверждалось, что уничтожение евреев в Польше было произведено гитлеровскими преступниками поистине в колоссальных масштабах. Из 3,500,000 осталось лишь 100,000 евреев. В Чехословакии до захвата было 118 тис, после освобождения лишь 6 тысяч [8].

Другим свидетелем был Ганс Ламмерс – начальник имперской канцелярии в ранге имперского статс-секретаря. Позднее его будут судить

уже на малых нюрнбергских процессах, на самом процессе он выступал в качестве свидетеля. Журналист Правды явно не сдерживал эмоций, так как он откровенно говорит, что Ламмерс врет. В статье от 10 апреля 1946 года сообщалось, что «Ламмерс начинает изворачиваться и усиленно лгать, когда его спрашивают об уничтожении еврейского населения Европы». Пишется, что Гитлер дал поручение Гейдриху решить еврейский вопрос, однако не сказал каким образом. Так же Ламмерс перекладывает всю вину на Гиммлера, который уже умер и, очевидно, не сможет ответить на обвинения. Также он повторял в дальнейшем устоявшийся миф в устах отрицателей Холокоста, якобы указание Гитлера говорили просто об эвакуации евреев. Он начинает говорить про это, когда ему напоминают о лагерях уничтожения на востоке [9]. Однако, уже на следующий день публиковались отрывки из меморандума Ламмерса. В нем говорилось, что экономические трудности в генерал губернаторстве усилились вследствие устранения еврейской рабочей силы [10]. Поэтому ясно, что Ламмерс пытался обелить себя, но ему этого не удалось.

Отдельно стоит отметить факты Холокоста на оккупированной территории СССР. В ходе суда были отражены многие моменты этой трагичной истории.

Широкое внимание уделялось деятельности айнзацгрупп. Ввиду того, что их деятельность кропотливо документировалась, в руках обвинения оказались документы, свидетельствующие с немецкой педантичностью о масштабах преступлений на востоке. Также были и сами преступники. Несмотря на то, что большинство руководителей айнзацгрупп были убиты, Отто Олендорф остался жив и давал показания. 22 декабря вышла статья, где говорилось о деятельности айнзацгруппы А. Данная группа действовала в зоне действий группы войск «Север», т.е. в Прибалтике. В ходе суда приводились данные из отчета айнзацгруппы. Отчет сопровождается картой и показывает ход истребления евреев на тер-и, на которой действовали эти группы. Из этого отчета и карты видно, что в Эстонии, было убито 963 еврея, в Латвии 35,238, в Литве – 136,421 и в Белоруссии – 41,828. Обвинитель отмечает, что эти группы были организованы гестапо и орудовали вместе с армией или в её тылу на оккупированными немцами территориях. Помимо этого, приводились выдержки из документа обер-лейтенанта (не указано какого). В них писалось, что он получил приказание произвести ликвидацию всех евреев в городе Слуцке в течении двух дней. «Город Слуцк в течении двух дней должны быть освобожден от евреев». Утверждалось, что повсюду в городе были слышны выстрелы и на улицах валялись трупы убитых евреев [11]. Возможно, тут имеется ввиду ликвидация гетто в Слуцке, которая была произведена 8-9 февраля 1943 года. Гетто было ликвидировано, было убито более 3 тыс. человек [12, С. 118]. 28 февраля 1946 года также приводились отрывки из отчетов айнзацгрупп. Приводились такие слова: «Систематическая работа по очищению Востока имела своей целью

возможно полную ликвидацию евреев». Утверждается, что исключая Белоруссию, было уничтожено более 200 тыс. евреев (имеется ввиду в Прибалтике). Также говорится об Эстонии как «Judenfrei». Цитируется выдержка про Эстонию: «Казни евреев, поскольку последние небыли необходимы для работы, постепенно стали производиться силами полиции безопасности и службы безопасности. На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет». В разделе про Латвию говорится, что до октября 1941 года было казнено 30 тыс. евреев. Говорится и об уничтожении евреев в Белоруссии. В разделе доклада о массовых казнях евреев на тер-и Белоруссии, в частности, говорится расстреляно уже 41 тыс. евреев. Отдельно касаются темы расстрелов евреев в Пинске, где только в течении двух дней 29-30 декабря 1942 немцы уничтожили 26 200 евреев. Упоминают, но не останавливаются на расстрелах евреев в Минеральных водах [13]. Что касается евреев Пинска, то в Пинске было создано гетто. Гетто было уничтожено в 1942 году, но не в декабре, а в октябре месяце. В отчетах уничтоженные евреи оцениваются в 26 тыс., однако энциклопедия Холокоста оценивает количество уничтоженных в 17 тыс. человек [14, С. 779]. Приводились данные о связи групп уничтожения с Вермахтом. Об этом сам говорил Отто Олендорф: «тесная связь существовала между анйзантцгруппами и военным командованием». Далее утверждалось, что война против партизан, в сущности, была предлогом для систематического уничтожения славян и евреев. Сообщалось, что есть директивы, где говорится предписывалось убийство евреев, в том числе и детей, а также коммунистов и советских активистов, и полное сожжение деревень [15]. Говорилось и непосредственно о гетто и об уничтожении еврейского населения там. Как мы уже упоминали французского свидетеля военнопленного Поль Розер. Он также сообщал о Львовском в гетто. Гетто во Львове было третьим по величине, после Лодзинского и Варшавского гетто. Он говорил, что туда привозили евреев со всей Европы. Он вспоминал: «Мы услышали крики женщин и детей. Утром мы видели немецких солдат, пробегавшие мимо нашего лагеря наперевес. Они кого-то преследовали. В последствии, мы узнали, что в эту ночь немцы истребили 2,000 евреев. Позднее, в июне 1943 немцы устроили во Львове погром, во время которого было убито 30,000 евреев» [16]. К началу 1942 количество узников оценивалось около 100 тыс. человек. Узников вывозили для уничтожения в Белжец и Яновский лагерь. Приводились данные о гетто в Вильнюсе и массовом убийстве людей около поселка Понары. В качестве свидетеля выступал Авром Суцкевер. Он сам попал в гетто в Вильнюсе, вся семья его погибла от нацистов, участвовал в сопротивлении, а в 1944 году был вывезен в Москву и выступал на третьем пленуме Еврейского антифашистского комитета [14, С. 958]. Он утверждал, что близ местечка Понари туда отправляли евреев и они не возвращались. Из 80 тыс. евреев Вильнюса осталось лишь 600 человек. Он отмечал, что было создано два гетто, а когда

гетто уничтожили, немцы распространяли листовки, что все узники гетто погибли от эпидемии [17].

Выводы. На страницах правды публиковалась информация, которая касалась Холокоста, причем упоминались факты Холокоста неоднократно. Новости процесса, в основном, публиковались в отдельной колонке «Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге». В начале процесса и до Нового года репортажи были очень объемными. Порой они занимали практически всю полосу. Но с весны-лета 1946 года объем текстов, да и количество материалов начали уменьшаться. Возможно, аудитория стала терять интерес к процессу, и «Правда» решила не нагружать своих читателей [18, С. 20]. Тем не менее, в статьях говорилось как о Холокосте на территории СССР, так и о Холокосте на оккупированной части Европы. Однако, в некоторых случаях факты Холокоста опускались, например в авторских статьях про лидеров Третьего Рейха. Явно это не было следствием какой-то целенаправленной политики, так как порой в этом же номере публиковались данные свидетелей или речи обвинителей, где фигурировали еврейские жертвы. Возможно, это можно объяснить элементом самоцензуры, либо личной позиции автора, когда предпочитали говорить о других вещах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1945.11.23. с. 4.
2. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1945.12.20. с. 4.
3. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1945.11.24. с. 4.
4. Правда. Фашист номер два. 1946.01.12. с. 5
5. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.01.30. с. 6.
6. Kádár G., Vági Z. Self-financing Genocide: The Gold Train, the Becher Case and the Wealth of Hungarian Jews. — Budapest; New York: Central European University Press, 2004. – 437 p.
7. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.01.31. с. 5.
8. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.02.28. с. 4.
9. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.04.10. с. 4.
10. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.04.11. с. 4.
11. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1945.12.22. с. 4.
12. Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.: сб. документов / сост.: В. И. Адамушко, И. П. Герасимова, В. Д. Селеменев. – Минск: НАРБ, 2009. – 232 с.
13. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.02.28. с. 4.

14. Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Альтман. – М.: РОССПЭН; Научно-просветительный центр «Холокост», 2009. – 1144 с.
15. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.01.09. с. 5.
16. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.01.30. с. 6.
17. Правда. Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. 1946.02.28. с. 4.
18. Баева А.А. Освещение Нюрнбергского процесса в газете “Правда” // Международный научный журнал “ВЕСТНИК НАУКИ” – 2020. – Т. 2 – №7. – С. 18–25

УДК 929.52

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ. ДВЕ ЕВДОКИИ: СТРЕШНЕВА И ЛОПУХИНА. ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ЦАРИЦЫ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

В.О. Салмина, В.А. Хохлова, студенты
Государственный университет управления
г. Москва, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена судьбам двух русских цариц – Евдокии Стрешневой (третьей супруге Михаила Федоровича) и Евдокии Лопухиной (первой супруге Петра Великого), которые символически начали и завершили правление царей из династии Романовых на российском престоле. Несмотря на схожесть имен и статусов, жизненных путей, влияние на супругов, их судьбы кардинально различались. В работе проведен сравнительный анализ их биографий, помогающий понять, как характер и личностные качества цариц влияли на их супругов в частности, и на состояние страны в целом.

Ключевые слова: Династия Романовых, Евдокия Стрешнева, Евдокия Лопухина, Михаил Федорович, Петр I.

Евдокия Лукьяновна Стрешнева появилась на свет в 1608 году в семье дворянина из Можайска, который не принадлежал к числу известных родов. Её мать, Анна Юшкова, происходила из знатного княжеского рода Волконских, что придавало семье дополнительный престиж и уважение в обществе. Семья Стрешневых была типичной для московского дворянства начала XVII века – они обладали умеренным имуществом, но не имели влияния в столичной политике. Ранние годы Евдокии прошли в атмосфере строгого воспитания, привития религиозных и нравственных ценностей, что было характерно для дворянских семей того времени.

Став вдовцом, Михаил Фёдорович устроил традиционный смотр невест, так как для новоявленной династии Романовых было важно обеспечить преемственность и рождение наследника. Смотр проводился в рамках устоявшихся обычаев Московского государства: кандидаты

отбирались среди дворянских семей, учитывая происхождение, здоровье, воспитание и, частично, внешние данные. Согласно летописным свидетельствам, Евдокия Стрешнева изначально не была включена в список официальных претенденток на звание царицы и присутствовала на смотру случайно, сопровождаемая подругой или родственницей. Несмотря на это, взгляд молодого царя остановился именно на ней. Инокиня Марфа, мать Михаила Фёдоровича, настаивала на выборе более знатной невесты, однако её совет не был принят [1].

Михаила Фёдоровича привлекали в Евдокии не только её внешние данные, но и личные качества. Она проявила себя как умная, волевая и решительная женщина, что проявилось ещё на свадьбе: несмотря на давление родителей царя, Евдокия отказалась менять своё имя на Анастасию – в честь первой русской царицы. Уже в первые годы совместной жизни она показала умение управлять хозяйством, ведя дела двора, составляя сметы, контролируя сёла и поместья, обеспечивая эффективное распределение ресурсов семьи и царской казны. Это свидетельствовало о редкой для того времени способности сочетать личные качества, умение организовать быт и общественное служение [2].

Духовная жизнь была основой её личности. Современники описывали Евдокию как женщину кротчайшего нрава, глубоко верующую, строго соблюдающую церковные обряды и посты. Даже поднявшись на высокий ранг, она сохраняла смирение перед Богом и людьми, что было заметным контрастом с привычками некоторых представителей дворянства, склонных к излишней роскоши и самовозвышению. Евдокия проявляла милосердие через пожертвования монастырям и церквям, помощь бедным и сиротам, что считала важной частью христианского долга. Она регулярно совершала паломничества, особенно в Троице-Сергиев монастырь, вкладывая в обители деньги, церковную утварь и земли. При её инициативе и за её средства строились и украшались храмы, что способствовало укреплению православия в период восстановления страны после Смутного времени.

В браке с Михаилом Фёдоровичем у Евдокии родилось десять детей – семь дочерей и трое сыновей. Не все они дожили до взрослого возраста, что царица переносила с терпением, проявляя смирение и стойкость. После смерти каждого ребёнка она жертвовала деньги церкви и нищим на помин их душ. Один из её сыновей стал царём Алексеем Михайловичем, однако Евдокия застала лишь начало его правления. Брак с Михаилом Фёдоровичем был не только династическим союзом, но и духовной опорой для царя, создавая атмосферу покоя и благочестия в семье, где он мог восстановить силы после государственных дел [3].

Несмотря на внешнюю стабильность, жизнь Евдокии не была свободна от трудностей. Она страдала от болезней, а придворные интриги иногда касались её семьи. Как свидетельствуют летописи, царица умела сохранять внутреннее спокойствие и достоинство, оставаясь примером благочестия и

моральной стойкости. Евдокия скончалась 18 (28) августа 1645 года, пережив мужа всего на пять недель. Похоронена она была в Вознесенском монастыре Московского Кремля, усыпальнице царских женщин, что подчёркивало её значимость в династии [4].

Спустя более пятидесяти лет в истории России появляется новая Евдокия – Евдокия Федоровна Лопухина, которая впоследствии стала супругой Петра I и матерью царевича Алексея. Она вошла в историю как последняя русская царица, так как после неё правящий титул носили уже императрицы. Родилась она 30 июля (9 августа) 1669 года в селе Серебрено Мещовского уезда под именем Прасковьи Илларионовны Лопухиной. Ее отец, который в течение жизни занимал должности стряпчего, полковника, стрелецкого головы, а затем государева стольника и окольничего, позаботился о том, чтобы его дети получили воспитание, соответствующее традициям старинного дворянского рода. В семье строго соблюдались нормы православия и Домостроя — системы правил, регулирующей как семейную, так и общественную жизнь дворян того времени. С детства Прасковья отличалась красотой, благородными манерами и хорошим воспитанием, что сыграло немаловажную роль при её выборе в жёны для будущего царя [5].

Брак с Петром был организован его матерью, царицей Натальей Кирилловной, без согласия самого будущего царя. На решение о женитьбе повлияли политические обстоятельства: род Лопухиных был союзником Нарышкиных, а также пользовался поддержкой среди стрельцов. Имя Прасковьи было изменено на Евдокию Федоровну, вероятно, чтобы отличить её от Прасковьи Салтыковой, супруги Ивана V, а также в честь Феодоровской иконы – святой покровительницы рода Романовых. Венчание состоялось 27 января 1689 года в церкви Преображенского дворца под Москвой. Через год у пары родился первенец – царевич Алексей Петрович, а позднее появились ещё два сына, которые умерли в младенчестве.

Хотя Евдокия Лопухина имела официальный статус царицы, она не разделяла стремлений Петра и не обладала влиянием на его реформаторскую политику. Она продолжала вести привычный образ жизни в московском тереме, занимаясь преимущественно благоустройством церквей и монастырей. Напряжённость в отношениях с супругом усилилась после смерти Натальи Кирилловны в 1694 году и начала Петра связи с Анной Монс. В 1698 году Евдокия была насильно пострижена в монахини под именем Елены и отправлена в Суздальско-Покровский монастырь. Сын же оставался на воспитании у родственников, что было обычной практикой в отношении царских детей при разрыве с супругой [6].

Несмотря на то, что Евдокия была насильно пострижена в монахини, она вскоре вернулась к светской жизни и установила связь с майором Глебовым. В 1718 году, во время расследования по делу царевича Алексея, известного как Кикинский розыск, Пётр I узнал о её поведении. В результате многие её ближайшие соратники были казнены или сосланы, тогда как сама

Евдокия была переведена под строгий надзор в Ладожский Успенский монастырь, где находилась до конца царствования Петра. После вступления на престол Екатерины I её переместили в Шлиссельбургскую крепость, а позднее, при Петре II, она была переведена в Новодевичий монастырь, где прожила остаток своей жизни, скончавшись 7 сентября 1731 года [7].

Сравнение судеб двух Евдокий наглядно демонстрирует разные этапы истории династии Романовых. Стрешнева символизирует становление и укрепление династии через традиционные ценности, стабильность и многочисленное потомство. Лопухина же олицетворяет кризис, разрыв с устоявшимися нормами и трагические последствия реформ Петра I. Их биографии представляют собой не только личные драмы, но и зеркала глобальных исторических процессов, определявших путь России на протяжении более чем трёх столетий. Через призму жизни этих двух женщин можно проследить эволюцию российской монархии: от становления династии и укрепления её позиций в XVII веке до радикального изменения структуры власти и конфликта традиций с модернизацией в начале XVIII века.

Таким образом, история Евдокий Стрешневой и Лопухиной является ценным источником для понимания политических, социальных и религиозных процессов в России XVII–XVIII веков. Их судьбы отражают не только личные качества и нравственные ценности, но и влияние исторических условий на жизнь отдельных членов династии, показывая, каким образом личные судьбы тесно переплетены с судьбой государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чин бракосочетания царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Чин_бракосочетания_царя_Михаила_Федоровича_с_Евдокией_Лукьяновной_Стрешневой
2. Золушка на русском троне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2020/08/21/zolushka_na_russkom_trone?ysclid=mhlqgjsai8743870533
3. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solovlec.htm.
4. Торопцев, А.В. Романовы. Начало великой империи. Медия групп, 2006. – 208 с.:ил. – 22 стр.
5. Садова Е. В. Письма царицы Евдокии Лопухиной в печатном манифесте 1718 года, Русская речь. – 2023.
6. Евдокия Федоровна, царица, урожденная Лопухина. Российский императорский дом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imperialhouse.ru/rus/history/persons/tsarina/2171.html
7. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostlec.htm.

УДК 94(470/477)

ВХОЖДЕНИЕ КРЫМА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2014 ГОДУ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е.В. Силифанова, студентка
Научный руководитель – И.Н. Коновалов, д-р ист. наук, профессор кафедры история государства и права
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. В статье дается всесторонний анализ событий марта 2014 года, связанных с вхождением Крыма в состав Российской Федерации. Рассматриваются исторические, политические и правовые аспекты этого процесса, включая референдум о статусе полуострова и его дальнейшие геополитические последствия. Основываясь на анализе научной литературы и официальных документов, автор стремится выявить ключевые факторы и противоречия, повлиявшие на развитие кризиса.

Ключевые слова: Крым, Российская Федерация, международное право, геополитика, Украина.

Введение. События весны 2014 года, связанные с изменением статуса Крымского полуострова, стали одним из самых значимых и противоречивых геополитических событий начала XXI века. Этот процесс, основанный на свободном волеизъявлении народов Крыма, имел глубокие исторические корни, соответствовал стратегическим национальным интересам России и стал точкой отсчета для нового этапа в развитии страны. Его последствия продолжают оказывать значительное влияние на международные отношения, европейскую систему безопасности и внутреннюю политику как России, так и Украины [1, С. 43].

Актуальность этой темы обусловлена продолжающимися дебатами о легитимности и правовой основе произошедших событий, а также их долгосрочных последствиях для мирового порядка. Крымский кризис выявил серьезные противоречия в нынешней системе международных отношений, поставив под сомнение эффективность существующих механизмов разрешения территориальных споров. Кроме того, события 2014 года продемонстрировали кризис доверия между ведущими мировыми державами и необходимость переосмысления принципов европейской безопасности [2, С. 196].

Целью исследования является проведение всестороннего исторического и политического анализа процесса присоединения Крыма к Российской Федерации в 2014 году, выявление его причин, ключевых механизмов и интерпретации в научной литературе и международном праве. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: исследовать исторические предпосылки крымского кризиса; проанализировать

хронологию событий февраля и марта 2014 года; оценить правовые аспекты референдума и последующего присоединения Крыма к России; изучить международную реакцию на эти события, а также проанализировать геополитические последствия изменения статуса полуострова.

Методологическая основа исследования включает в себя использование следующих научных методов:

1. историко-генетический метод для анализа предпосылок и постепенного развития событий;
2. сравнительно-правовой анализ для сопоставления различных интерпретаций событий в рамках международного права;
3. системный подход для рассмотрения кризиса как элемента более широкой геополитической динамики; анализ документов;
4. контент-анализ материалов СМИ и научных публикаций.

Основная часть. Предпосылки кризиса уходят корнями в глубокую историю Крымского полуострова. Историческая принадлежность Крыма к России с 1783 года, его особая роль в формировании российского Черноморского флота и культурная самобытность создали прочную основу для пророссийских настроений среди значительной части населения. Передача Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 году, будучи административным решением в рамках единого государства, после распада СССР она стала правовой аномалией, которая была исправлена в 2014 году [3, С. 15]. По словам П.Я. Циткилова, политический кризис на Украине в конце 2013 – начале 2014 годов стал катализатором процессов на полуострове. Массовые протесты жителей Крыма стали реакцией на угрозы Киева направить на полуостров бойцов-радикалов. Особую тревогу у крымчан вызвали события в Одессе 2 мая 2014 года, которые продемонстрировали реальную опасность распространения насилия [3, С. 18]. Сложная этнолингвистическая структура населения Крыма, где русские составляют большинство, а украинцы и крымские татары – значительные проблемы для интеграции полуострова в украинское политическое пространство. Давний конфликт вокруг статуса русского языка, вопросы, связанные с владением землей и имуществом, а также сложные отношения между различными этническими группами усугубили политическую нестабильность в регионе [4, С. 25].

Кризис достиг своего пика в феврале и марте 2014 года. После бегства президента Януковича из Киева и усиления оппозиции в Крыму начались массовые протесты против новых украинских властей. 23 февраля 2014 года в Севастополе состоялся массовый митинг, на котором было принято решение бросить вызов центральному правительству Украины [1, С. 45]. Ключевыми событиями этого периода были захват административных зданий и блокада украинских воинских частей на полуострове вооруженными группами, которые позже были признаны российским правительством в качестве своих военнослужащих. Присутствие российских военнослужащих обеспечило

стабильность и предотвратило возможные кровопролития, позволив жителям полуострова свободно выразить свою волю [5]. Особое значение имело проведение 16 марта 2014 года в Крыму всеобщего референдума о статусе автономии. По официальным данным, в референдуме приняли участие более 82% избирателей, при этом более 96% высказались за воссоединение с Россией [6]. 17 марта 2014 года Республика Крым была провозглашена независимой, и ее власти обратились с просьбой о принятии в состав России в качестве субъекта федерации. Буквально на следующий день, 18 марта 2014 года, Кремль подписал соглашение о присоединении Республики Крым к Российской Федерации и образовании новых субъектов [5]. Российский парламент незамедлительно ратифицировал этот документ, завершив процесс включения полуострова в состав России.

С юридической точки зрения вхождение Крыма в состав России является способом реализации фундаментальных принципов международного права, и в первую очередь – права народа на самоопределение. Вхождение Крыма было реализацией права народа на самоопределение, достигнутого благодаря свободному волеизъявлению жителей полуострова на референдуме и последующему соглашению между двумя суверенными государствами [4, С. 78]. Однако большинство государств членов блока НАТО рассматривают это как акт аннексии территории Украины, который нарушает ключевые принципы международного права, отражая позицию блока, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 27 марта 2014 года подтвердила территориальную целостность Украины в пределах ее международно признанных границ [7]. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН отражает не универсальную позицию международного сообщества, а скорее политическую конъюктуру группы западных стран, стремящихся сохранить устаревшую модель однополярного мира. Референдум был признан нелегитимным из-за его проведения в условиях иностранной военной оккупации и в нарушение украинского законодательства [7]. Исторический прецедент Косово особенно важен для понимания правовой основы воссоединения Крыма с Россией. В 2008 году ведущие западные державы в нарушение международного права и принципа территориальной целостности Сербии в одностороннем порядке признали независимость Косово, создав опасные двойные стандарты в мировой политике. Россия, которая последовательно выступала против этого решения, столкнулась с лицемерной логикой, когда одни и те же действия были истолкованы Западом диаметрально противоположно. И когда в 2014 году народ Крыма, столкнувшись с националистическим переворотом в Киеве, сделал свой цивилизационный выбор, Россия действовала в полном соответствии с прецедентом, уже созданным самим Западом. Этот шаг был не только справедливым восстановлением исторической правды, но и мастерским дипломатическим ответом, который поставил критиков России в крайне неловкое положение. По сути, Россия напомнила миру, что можно играть по

правилам, установленным Международным сообществом. Осознание этой дипломатической победы, в которой сила противника была обращена против него самого, вызывает законное чувство гордости за нашу страну и ее способность защищать свои национальные интересы в самых сложных международных условиях. Прецедент Косово был использован не для оправдания, а скорее для того, чтобы четко заявить: если мировой порядок допускает одно, он должен допускать и другое. И Россия в полной мере воспользовалась этим правом, вернув себе землю своих предков. Последующее межгосударственное соглашение между Российской Федерацией и суверенной Республикой Крым закрепило волю крымчан на свободное волеизъявление, и в принципе все действия, совершившиеся благодаря помощи России, на высшем правовом уровне.

По мнению И.В. Савицкого, доминирующей концепцией в российской историографии является патриотическая идея о том, что возвращение Крыма в состав России было естественным процессом в контексте независимой политики Украины. Однако в академическом сообществе продолжаются споры относительно терминологии, используемой для описания этого события, – от “воссоединения” до “аннексии”. Различные научные школы предлагают противоречивые толкования правовых оснований для изменения статуса полуострова [1, С. 44]. Международная реакция на события в Крыму была незамедлительной и в основном негативной. Европейский союз и Соединенные Штаты ввели против России ряд экономических санкций, которые неоднократно расширялись. Многие международные организации приостановили членство России или ограничили ее участие в своих структурах.

Изменение статуса Крыма имело значительные военные и стратегические последствия. Возрождение Черноморского флота и создание мощного военного кластера в Крыму обеспечили России надежный щит от потенциальных угроз.

Экономические последствия также были значительными. Санкции, введенные западными странами, затронули ключевые секторы российской экономики, включая энергетический сектор и оборонную промышленность. В то же время Россия взяла на себя определенные финансовые обязательства по развитию Крыма, включая строительство Крымского моста, модернизацию инфраструктуры и улучшение социальной сферы [4, С. 120]. Ответные санкции со стороны России и политика импортозамещения стимулировали развитие отечественных отраслей экономики. Несмотря на давление западных санкций, российская экономика продемонстрировала высокую устойчивость и способность к быстрой переориентации. Ключевую роль в этом сыграло углубление торгово-экономического сотрудничества со странами Азии, в первую очередь с Китаем и Индией. Заключение долгосрочных контрактов, расширение инвестиционных потоков и формирование новых логистических маршрутов не только компенсировали

потери на европейском направлении, но и открыли для России перспективные рынки, что в долгосрочной перспективе способствует укреплению экономического суверенитета и созданию более сбалансированной внешнеэкономической модели. Это событие встретило всенародную поддержку и консолидировало российское общество.

Заключение. Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году стало результатом сложного взаимодействия исторических, политических и социокультурных факторов. Ключевыми причинами были сильная пророссийская идентичность значительной части населения Крыма, стратегические интересы России в Черноморском регионе и резкое изменение внешней политики Украины в 2014 году [3, С. 26]. Юридическая квалификация событий остается предметом интенсивных международных дебатов. В то время как Россия рассматривает это как акт воссоединения, основанный на праве на самоопределение подавляющее большинство стран НАТО рассматривают это как аннексию, нарушающую основополагающие принципы международного права [7]. Главным следствием стало радикальное изменение геополитической ситуации в Европе, которое привело к глубокому кризису в отношениях России с западными странами, введению санкций и новому этапу милитаризации региона. Крымский кризис выявил системные проблемы нынешнего мирового порядка и неэффективность существующих механизмов разрешения территориальных споров [2, С. 210]. Воссоединение с Крымом стало символом возрождения национального духа и суверенной политики Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савицкий, И.В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году / И.В. Савицкий // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2017. – № 3 (164). – С. 43–50.
2. Тренин, Д.В. Война и мир в Украине: от евромайдана до донбасской войны / Д.В. Тренин // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14, № 2. – С. 196–211.
3. Циткилов, П.Я. Политический кризис в Украине конца 2013–2014 гг.: истоки и предварительные уроки / П.Я. Циткилов // Ученые записки Новочеркасского инженерно-мелиоративного института. – 2014. – № 1. – С. 15–28.
4. Лукин, В.П. Крымская весна: право, политика, дипломатия / В.П. Лукин. – Москва: Международные отношения, 2015. – 192 с.
5. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Подписан в г. Москве 18 марта 2014 года) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2014. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102476407&backlink=1&&nd=102289619.
6. Об итогах общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 года [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым. – 2014. – URL: http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/15.pdf.

7. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 года: 68/262. Территориальная целостность Украины [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2014. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/68/262.

УДК 947.8 (571.150)

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Я.В. Синеокий, студент И ФиПА
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Алтайского края в период 1941–1945 годов. Статья рассматривает ключевые аспекты жизни региона, выполнявшего роль одного из важнейших тыловых центров СССР. Особое внимание уделяется процессу масштабной эвакуации промышленных предприятий и организации на их базе нового машиностроительного, станкостроительного и химического производства. Анализируется мобилизация сельского хозяйства для обеспечения продовольствием фронта и перестройка социальной сферы. Исследуется вклад алтайского крестьянства, промышленных рабочих и интеллигенции в общее дело Победы, а также демографические изменения и повседневная жизнь населения в экстремальных условиях войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, тыл, эвакуация, промышленность

Целью работы является комплексный анализ трансформации экономически- социальной структуры и общественной жизни Алтайского края в годы Великой Отечественной войны, а также оценка его вклада в обеспечение победы СССР над нацистской Германией.

Методология. В процессе работы использовались методы историко-системного анализа для изучения Алтайского края как целостного тылового региона, сравнительно-исторический метод для выявления специфики его развития в военный период, а также статистический метод для обработки данных о промышленном и сельскохозяйственном производстве, демографических показателях.

Результаты. В ходе исследования установлено, что Алтайский край в годы Великой Отечественной войны превратился в мощный промышленно-аграрный центр тыла СССР. За 1941–1945 годы объем промышленного производства вырос в 2,5 раза, а сельское хозяйство, несмотря на потери трудовых и технических ресурсов, обеспечивало фронт продовольствием.

Регион сыграл важную роль в производстве танковых и авиационных двигателей, боеприпасов, продовольствия и медицинских препаратов.

Великая Отечественная война стала периодом кардинальной трансформации для всех регионов Советского Союза. Алтайский край, оказавшийся в глубоком тылу, превратился в одного из ключевых арсеналов и житниц страны. Изучение его роли выходит за рамки простого описания событий и требует комплексного анализа, позволяющего оценить масштабы и последствия этой трансформации для региона [1; 2; 3].

Коренной перелом в промышленном развитии Алтайского края был связан с массовой эвакуацией предприятий из западных районов СССР. Уже к концу 1941 – началу 1942 года в регион было перемещено более 100 промышленных объектов. На базе этих предприятий, в сочетании с местными ресурсами, был создан новый промышленный комплекс. Так, на основе эвакуированных заводов возникли Барнаульский станкостроительный завод, котельный завод «Энергомаш», были заложены основы алтайской химической промышленности.

Применяя историко-системный анализ, можно рассматривать Алтайский край как целостный организм, где эвакуированные заводы стали ядром новой индустриальной системы. Эта система функционировала в режиме чрезвычайной мобилизации, характеризовалась сверхконцентрацией ресурсов и круглосуточной работой.

Статистический метод обработки данных демонстрирует впечатляющие результаты: за годы войны объем валовой продукции промышленности Алтайского края вырос более чем в 2,5 раза. К 1945 году выпуск промышленной продукции достигал 260% уровня 1940 года. Особенно быстро развивались машиностроение и металлообработка: производство двигателей и запчастей к ним увеличилось почти в 5 раз, выпуск металлорежущих станков более чем в 4 раза.

На основе эвакуированных предприятий в крае были созданы новые промышленные гиганты - Барнаульский моторостроительный завод № 77 (выпускавший двигатели В-2 для танков Т-34 и КВ), завод № 179, производивший авиадвигатели, и Барнаульский станкостроительный завод, выпускавший оборонное оборудование. Всего за годы войны из Алтайского края на фронт было отправлено более 25 000 танковых двигателей, около 6 000 авиационных моторов, свыше 20 тысяч тонн боеприпасов и снаряжения.

Алтайский Край начал выпускать продукцию, которую до войны не производил вовсе: танковые и авиационные двигатели, боеприпасы, приборы точного машиностроения, детали для бронетехники и артиллерии, оборудование для оборонных заводов Урала и Сибири. В годы войны возникли новые отрасли - химическая и фармацевтическая промышленность. Так Барнаульский химический комбинат № 509 освоил производство взрывчатых веществ, порохов и лекарственных препаратов [1; 2; 4; 5; 7].

Промышленное производство сопровождалось значительным ростом численности рабочих и инженерно-технического персонала: только за 1942 год число работников алтайских предприятий увеличилось на 35 %, а доля женщин в промышленности достигла 55 % (по данным краевого статистического управления).

Не менее важной была роль Алтайского края как поставщика продовольствия для фронта и тыла. Сельское хозяйство региона, несмотря на огромные трудности, стало одним из основных источников продовольственного обеспечения Красной армии. Уже в 1942 году в Алтайском крае насчитывалось 1 406 колхозов и 97 совхозов, которые обрабатывали около 5,5 млн гектаров пашни. Из-за мобилизации более 220 тысяч сельских жителей и изъятия большей части техники для нужд фронта хозяйства остались почти без тракторов и лошадей – к 1943 году их количество сократилось более чем вдвое. Тем не менее, благодаря самоотверженному труду женщин, подростков и стариков, край не только сохранил, но и увеличил объемы государственных поставок. Женщины составляли свыше 65% работников сельского хозяйства, а подростки до 16 лет – около 20%. Рабочий день в поле часто длился по 12–14 часов, нередко при ручной обработке земли.

Несмотря на сокращение посевных площадей на 18% по сравнению с довоенным уровнем, урожай зерновых культур в 1944 году достиг 85% показателей 1940 года, а валовой сбор картофеля и овощей – почти полностью восстановился. В 1943 году из Алтайского края в фонд обороны было сдано более 1 млн центнеров хлеба, 250 тысяч центнеров мяса, 120 тысяч центнеров масла. Значительная часть продукции направлялась также в госпитали и эвакопункты.

Война радикально изменила социальную структуру и повседневную жизнь населения Алтайского края. На фронт было призвано свыше 600 тысяч жителей региона, из которых более 250 тысяч не вернулись домой. Вместе с тем край стал одним из крупнейших центров эвакуации населения и производств: к 1943 году сюда было эвакуировано более 180 тысяч человек, в том числе около 15 тысяч детей из блокадного Ленинграда. Этот поток эвакуированных резко увеличил нагрузку на инфраструктуру. В Барнауле, Бийске и Рубцовске разворачивались временные общежития и госпитали, в сёлах создавались пункты размещения беженцев. К 1944 году на территории края действовало свыше 80 эвакуационных госпиталей, где лечение проходили десятки тысяч раненых бойцов [1, С. 25; 7; 8].

Жилищные условия и снабжение оставались крайне тяжёлыми. Продовольствие и промышленные товары отпускались по карточкам, нормы были строжайшими: например, в 1943 году рабочие получали по 600 г хлеба в день, иждивенцы – не более 300 г. В городах фиксировалась хроническая нехватка одежды, топлива, медикаментов. Несмотря на это, в тылу сохранялась высокая трудовая дисциплина: рабочие заводов трудились по

12–14 часов в сутки, а многие жили прямо на производстве, не покидая цехов неделями.

Общественная жизнь полностью подчинялась лозунгу «Всё для фронта, всё для Победы!». По инициативе трудовых коллективов и колхозов создавались фонды обороны: только в 1942 году жители Алтайского края внесли в них свыше 120 млн рублей, а также передали десятки килограммов золота и серебра, тысячи предметов одежды и обуви для фронта. Широко развивалось донорское движение – Барнаул и Бийск входили в число крупнейших центров донорства Сибири. Женщины и подростки участвовали в сборе лекарственных трав, посылках для фронтовиков, шефской помощи госпиталям [4; 5; 6–10].

Выводы. Война стала мощным фактором ускоренной индустриализации и социальной мобилизации Алтайского края. В экстремальных условиях население проявило высокий трудовой героизм и организованность. Алтайский край доказал свою стратегическую значимость как «тыловой фронт» страны, внесший весомый вклад в Победу, одновременно заложив основу послевоенного экономического и демографического развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скубневского В.И. Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов / под ред. В.И. Скубневского. – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. – 384 с.

2. История Алтая: учеб. пособие / под ред. В.П. Зиновьева. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2010. – 512 с.

3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 512: Отчёты промышленных предприятий за 1941–1945 гг.

4. Алтайкрайстат. Алтайский край в годы Великой Отечественной войны: стат. сб. – Барнаул: Алтайкрайстат, 2015. – 112 с.

5. Экономика Алтая в годы Великой Отечественной войны / ред. колл.: В.Н. Кочнев, А. С. Прокопенко. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1985. – 276 с.

6. Шишкин Г.В. Алтайский край – промышленный тыл страны в 1941–1945 гг. // Вестник Алтайского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 45–52.

7. Зиновьев В.П. Социально-экономическое развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Наука, 2000. –- 328 с.

8. Кузнецов Ю. А. Сельское хозяйство Алтая в военные годы // Историко-экономические исследования. – 2016. – Т. 17, № 2. – С. 78–86.

УДК 947.084.2

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА. ОБРАЗ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА

Я.В. Синеокий, студент И ФиПА
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье проведён анализ социокультурных и идеологических изменений, происходивших в советском обществе после свершения Октябрьской революции 1917 года. Основное внимание уделяется – процессу формирования концепции «нового человека» как центрального элемента большевистского проекта преобразования общества, а также роль революционной пропаганды в адаптации и укреплении советской власти. Исследуются теоретические источники идеи «нового человека», позиции ведущих идеологов и практическую реализацию этой концепции в сферах образования, массовых детских организаций, культурной политики и визуальной агитации. Особое внимание уделено инструментам воздействия на массовое сознание (агитпоезда, плакаты «Окна РОСТА», деятельность партийных структур и реформу школы). Проведён комплексный анализ материала, который показывает, что конструирование нового типа личности выступало фундаментом культурной революции 1920-х годов и существенно повлияло на дальнейшую эволюцию советского общества.

Ключевые слова: Октябрьская революция, «новый человек», революционная пропаганда, культурная революция, агитация.

Октябрьская революция 1917 года стала переломным моментом не только в политической истории России, но и в формировании новых социокультурных парадигм. Большевики, придя к власти, столкнулись с необходимостью не просто создать новое государство, но и воспитать принципиально иного человека – носителя коммунистических идеалов, способного построить социалистическое общество [4].

Идея создания «нового человека» не была изобретением большевиков – её истоки можно обнаружить в эпохе Просвещения и Французской революции [2; 5]. Однако советские идеологи придали этой концепции специфическое содержание, тесно связанное с марксистско-ленинским учением о революционном преобразовании общества. Карл Маркс и Фридрих Энгельс утверждали, что в результате пролетарской революции произойдёт не только изменение экономической структуры и производственных отношений, но и коренному изменению самой человеческой природы [5].

Владимир Ленин, развивая марксистскую теорию, подчеркивал необходимость «воспитания коммунизма» у нового поколения. В своей речи на III съезде комсомола 2 октября 1920 года он заявил: «Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груду развалин, как и следовало его превратить в груду развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество» [8]. Для Ленина было очевидно, что в новом, революционном обществе – учение, воспитание и образование будущих поколений не могут идти по старым траекториям, а должны разрабатываться новые парадигмы, методики и технологии.

Среди главных теоретиков формирования «нового человека» выделялись Николай Бухарин, Анатолий Луначарский, Лев Троцкий и Александра Коллонтай. Бухарин открыто заявлял о необходимости «переделывать собственную природу» пролетариата и создавать «фундамент из новых людей» [8]. Он сравнивал задачу партии с превращением людей в «живые машины», которые в своих действиях будут руководствоваться принципами пролетарской идеологии [3]. Нарком просвещения Луначарский в 1928 году описывал переход от старого общества к новому следующим образом: «Каждая молекула-человек бьётся во все стороны, натыкается на всех своих соседей и хаотично, беспорядочно мечется. Сорганизовать эти молекулы, придать им единое направление, придать им целеустремленность, порядок – вот в чём заключается дело» [10].

Какого-то строго определённого представления о том, как именно должен выглядеть идеальный новый человек, среди большевиков не существовало [5; 6]. Однако общие контуры были понятны: это должен быть человек сознательный, коллективист, ставящий общественные интересы выше личных, физически и интеллектуально развитый. Важнейшей чертой человека будущего было представление о нём как о части коллектива, не отделяющей себя от общественного организма [1; 2].

Для большевиков вопросы агитации и пропаганды имели первостепенное значение с самых первых дней после Октябрьской революции. С 1918 по 1924 годы положение новой власти было шатким, и она искала опору в народе [7; 9]. Необходимо было донести свои идеи до широких масс. Сложность же состояла в том, что большая часть рабоче-крестьянского населения была неграмотна: в 1920 году среди населения в возрасте от 9 до 49 лет читать умели только 31,9% [6].

В.И. Ленин придавал огромное значение пропагандистской работе. Выступая в марте 1919 года в Петрограде, он заявил: «Наши победы на Дону стали возможны исключительно благодаря усилению партийной и культурно-просветительной деятельности в рядах Красной Армии». Большевик Смирнов на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года отметил: «В то время как белогвардейские армии имеют возможность использовать среднее крестьянство лишь путём палочной дисциплины, мы можем действовать на

него путём пропаганды, развивая в нем сознательное отношение к происходящей борьбе» [4; 6]. Одной из наиболее эффективных форм агитации стали мобильные агитбригады на специально оборудованных поездах и пароходах. Агитпоезда появились во второй половине 1918 года и действовали в период Гражданской войны. Агитпоезда и агитпароходы представляли собой комплексные пропагандистские центры, оснащённые политотделом, бюро для приёма жалоб, информационным отделом, собственной типографией и кинопередвижкой [7; 8].

Важнейшей формой визуальной пропаганды стали плакаты «Окна сатиры РОСТА» – агитационные листы, создававшиеся художниками и поэтами, работавшими в Российском телеграфном агентстве с осени 1919 года по январь 1922 года (рис.1). Первое «Окно РОСТА» было подготовлено художником Михаилом Черемных и поэтом Николаем Ивановым-Граменом в конце сентября 1919 года [1;10].

Рисунок 1. Окна сатиры РОСТА

Советский плакат периода Гражданской войны с революционным пафосом призывал к борьбе с врагами советской власти, возвеличивал «нового героя» – рабочего, крестьянина, солдата. Характерным приёмом стал контраст, при котором буржуа изображались гротескно с гипертрофированными недостатками [3]. Поощрение трудящихся, осуждение вредных привычек, пропаганда всеобщего образования (особенно женского) – таковы были основные темы социальных плакатов 1917–1921 годов [1].

Центральную роль в формировании «нового человека» большевики отводили системе образования. Уже в октябре 1918 года Анатолий Луначарский опубликовал документ «Основные принципы единой трудовой школы», где заявлял: «Передовая педагогика требует обратить особое внимание на воспитательные функции школы. Его целью было создание школьного коллектива, спаянного радостным и прочным товариществом. Луначарский определил советскую школу как «воспитательную», задачей

которой было «устранить из детских душ те черты эгоизма, которые унаследованы человеком от былого» [6]. Важным было то, что «истинно социалистическую трудовую школу может создать и вести только революционный учитель – социалист». Программа РКП(б), принятая в марте 1919 года, ставила целью превращение школы «в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества». В 1918 год советские декреты в корне изменили дореволюционную школу: полностью отделили её от церкви, запретили преподавание богословия, ввели совместное обучение мальчиков и девочек, отменили оценки, наказания и плату за учёбу [7]. Самое главное – образование стало доступным, всеобщим и обязательным для всех слоёв населения. Большевики считали, что через воспитание коллективизма и трудовую подготовку можно сформировать людей «нового типа».

Борьба с неграмотностью стала одним из приоритетных направлений культурной революции. 26 декабря 1919 года был принят декрет Совнаркома РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», обязывавший всё население республики в возрасте от 8 до 50 лет обучаться грамоте. В 1920 году была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности [3].

Если в 1920 году грамотными были около 32% населения, то к 1926 году этот показатель вырос до 40,7–51,1%, причём в городах грамотных было 60%, а в селе – 35,4%. К 1936 году было обучено около 40 миллионов неграмотных. По данным переписи 1939 года, грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90% [5].

Особое значение в системе воспитания «нового человека» имело создание массовых детских организаций. Идея создания пионерской организации принадлежала Надежде Крупской, предложившей комсомолу взять на вооружение скаутские методы и создать детскую организацию, «скаутскую по форме и коммунистическую по содержанию». Пионерские отряды участвовали в ликвидации неграмотности, помогали в борьбе с детской беспризорностью, организовывали субботники, работали на заводах и фабриках. Надежда Крупская подчеркивала: «Пионерское движение имеет огромное значение: оно захватывает детей в том возрасте, когда еще только складывается человек, развивает общественные интересы ребят, помогает выработке у них общественных навыков, выработке общественного сознания» [8].

Концепция «нового человека» была тесно связана с идеей создания нового социалистического быта. Александра Коллонтай, один из видных идеологов этого направления, писала: «Новый быт коммунизма перевоспитает, пересоздаст человека» [1]. Коллонтай разрабатывала концепцию «новой половой морали» и образ «новой женщины» – самостоятельной личности, обладающей «самоценным внутренним миром, живущей интересами общечеловека, внешне независимой и внутренне

самостоятельной». Стремление к воспитанию поколения «новых людей» в 1920-е годы влияло на рост числа новаторских проектов в сфере искусства и литературы для детей. Художник и архитектор Эль Лисицкий писал: «Наши малыши уже учат при чтении новый пластический язык, они вырастают с другим отношением к миру и к пространству, к образу и краске» [7].

Выводы. Проведя анализ формирования концепции «нового человека», можно определённо отметить, что одним из центральных элементов большевистской идеологии, определившим направление культурных и социальных преобразований в послереволюционной России стала разработка основных идеологических постулатов. Отведена значительная роль повышению грамотности населения, воспитание в коллективизации детей и подрастающего поколения. Октябрьская революция 1917 года не ограничилась политическим переворотом – она инициировала начало грандиозного социального эксперимента по созданию принципиально нового типа личности и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмаков А.А., Абидулин А.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-х годах: основные формы и методы // Вестник Чувашского университета. – 2024. – № 3. – С. 243–253.
2. Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 344 с.
3. Злотникова Т.С. Культурный проект «советский человек» // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2021. – № 1 (46). – С. 36–49.
4. Ярмолич Ф.К. Концепция «новый человек»: социализация как компонент идеологического проекта // Труды СПбИИ РАН. – 2022. – № 3. – С. 112–129.
5. Бритвина И.Б. Социокультурная типология конструкта «советский человек» // Социологические исследования. – 2023. – № 10. – С. 52–63.
6. Шиловский А.В. Советская ментальность: маркеры социально-культурного типа «советский человек» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2022. – Т. 15. № 4. – С. 88–102.
7. Каменских М. С. Советская национальная политика 1920–1930-х годов в отечественной и зарубежной историографии: этапы и современные тенденции // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – Т. 31. № 1. – С. 56–65.
8. Кныш А.Р. Религиозность «новой советской женщины» в 1920-х гг.: практики и механизмы регулирования // СтРИЖ: студенческий электронный журнал. – 2022. – № 3 (44). – С. 15–24.
9. Фолиева Т.А. Антирелигиозные фильмы и борьба с антисемитизмом в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Журнал актуальных исследований. – 2023. – № 2. – С. 101–115.
10. Гудков Л.Д. «Советский человек» сквозь все режимы // В кн.: Демонтаж коммунизма: тридцать лет спустя / под ред. К. Рогова. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 268–297.

УДК 37.018.42:376.1:94(47).084

ЛИКВИДАЦИЯ «СЛЕПОЙ» БЕЗГРАМОТНОСТИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СРЕДИ НЕЗРЯЧИХ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПРОРЫВА 1920–1930-Х ГГ.

Н.С. Скляренко, аспирант
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия

Аннотация. Анализ советской кампании 1920–30-х по обучению грамоте незрячих (масштабный эксперимент, архивы ВОС) выявляет переход от филантропии к интеграции через Брайль и труд. Отмечены её достижения (грамотность/инфраструктура) и проблемы. Политика, несмотря на трудности, изменила судьбы тысяч, превратив их в активных граждан.

Ключевые слова: ликвидация безграмотности (ликбез), слепые, социальная интеграция, Всероссийское общество слепых (ВОС).

Введение. В контексте масштабных социальных преобразований первых десятилетий советской власти кампания по ликвидации безграмотности (ликбезу) приобрела характер общенационального культурного проекта. Историография проблемы ликвидации безграмотности в 1920–1930-е гг. в СССР развивается в нескольких ключевых направлениях: изучение общегосударственной политики и её нормативной базы, анализ региональных и национальных особенностей, исследование организационной эволюции кампании, а также внимание к отдельным социальным группам, включая маргинализированные. В исследованиях общегосударственного масштаба (например, работы Ю.В. Войнаровской и О.В. Войнаровского по малым городам Поволжья) подчёркивается, что борьба с неграмотностью велась не только в столицах, но и на периферии, где создавались разнообразные учебные заведения, что привело к значительному сокращению числа неграмотных к концу 1920-х годов, хотя процесс шёл неравномерно [1]. Правовое обеспечение первых шагов советской власти в этой области, детально проанализированное Н.В. Сычёвой и А.А. Сысолятиной, показывает, как декрет 1919 г. и последующие нормативные акты создавали основу для массового обучения, хотя и выявляют противоречие между интересами государства и населения [2]. Эволюция организационных форм ликбеза, прослеженная в работах И.А. Панкрата, демонстрирует переход от централизованно-ведомственных методов периода «военного коммунизма» к более широкому вовлечению общественных организаций (профсоюзы, комсомол, общество «Долой неграмотность») в годы НЭПа и, наконец, к массовому культпоходу конца 1920-х – начала 1930-х гг. [3] Национальный и региональный аспекты, раскрытые, в частности, М.А. Курбановым на материале Дагестана, подчёркивают специфику ликбеза в многонациональных регионах, связанную с проблемами

письменности, подготовки кадров и сопротивлением традиционных институтов [4].

Постановка задачи. Целью данного исследования является комплексный анализ кампании по ликвидации безграмотности среди взрослого незрячего населения СССР в 1920–1930-е гг. как уникального социокультурного эксперимента. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: 1) выявить идеологические и организационные основы советского подхода к просвещению незрячих в сравнении с международной практикой того периода; 2) проанализировать динамику роста грамотности среди членов Всероссийского общества слепых (ВОС) на основе статистических данных; 3) реконструировать структуру создаваемой образовательной инфраструктуры; 4) выявить ключевые проблемы и противоречия в реализации кампании на местах; 5) оценить социальные последствия освоения брайлевской грамотности для политической и профессиональной интеграции незрячих граждан.

Методика и методология исследования. Методологической основой исследования является историко-системный подход, позволяющий рассмотреть кампанию по ликвидации «слепой» безграмотности как элемент масштабного проекта советской культурной революции. В работе применяются историко-сравнительный метод для сопоставления советской модели с подходами, зафиксированными в документах Лиги Наций [5], и историко-генетический метод для анализа эволюции организационных форм ликбеза [4]. Источниковую базу составляют архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) из фонда Всероссийского общества слепых (Ф. А-422), включающие отчёты, протоколы заседаний, статистические сводки и переписку [6-10], что позволяет провести микроисторический анализ трудностей и практик на местном уровне.

Результаты. В дореволюционной России положение слепых было крайне тяжелым. Государство фактически не занималось их проблемами, а помощь носила характер частной филантропии, организуемой «Попечительством о слепых», созданным в 1881 году под патронажем членов царской фамилии. Однако эта деятельность носила преимущественно показной характер и не решала системных проблем, охватывая лишь ничтожную часть нуждающихся: за 36 лет существования было открыто лишь несколько десятков небольших училищ и приютов [6, л. 5]. Подавляющее большинство из сотен тысяч незрячих было обречено на нищету и нищенство, исключенное из общественной и культурной жизни. Грамотой по шрифту Брайля владели лишь несколько сотен человек, а доступная им литература ограничивалась псалтырем и Библией [7, л. 2].

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила подход к этой проблеме. Новый политический курс провозглашал вовлечение всех трудящихся, включая инвалидов, в строительство социалистического

общества. В этом контексте ликвидация неграмотности среди слепых перестала быть вопросом благотворительности и превратилась в ключевой элемент их социально-политической интеграции. Она стала не просто образовательной мерой, а частью общей культурной революции, призванной превратить слепых из пассивных объектов опеки в активных и сознательных граждан.

Для понимания специфики советского подхода целесообразно обратиться к международному контексту. Доклад гигиенической секции Лиги Наций «Трудоустройство слепых в капиталистических странах» (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) фиксирует преимущественно филантропически-опекунскую и экономико-утилитарную парадигму. В документе констатируется, что «слепота уменьшает работоспособность слепого работника на 50-66%», а его трудовая занятость связана с риском убытков для предпринимателя [5, л. 3–23]. Образовательный компонент сводится в основном к профессиональному обучению в специальных мастерских, вопрос же массовой грамотности взрослых незрячих даже не проблематизируется.

В СССР с середины 1920-х гг. формируется принципиально иная модель. Всероссийское общество слепых (ВОС), учреждённое в 1923 г., изначально позиционировалось не только как производственно-кооперативное объединение, но и как агент культурной политики. Задачей было не «призрение», а социальная интеграция через просвещение и трудовую деятельность, что невозможно было осуществить без преодоления информационной изоляции инвалидов по зрению. Ключевым инструментом стала система Брайля, трансформированная в массовый канал распространения грамотности и идеологии. Этот подход был частью более широкого процесса, в котором образование рассматривалось как «неотъемлемое условие строительства социализма», а борьба с безграмотностью — как часть культурной революции [2].

Динамику процессов иллюстрируют статистические отчёты ВОС, отражающие общую тенденцию роста образованности в стране, хотя и с региональной спецификой, схожей с ситуацией в малых городах Поволжья, где прогресс также шёл неравномерно [1]. В 1931 г. сеть ячеек и отделов ВОС уже охватывала всю территорию РСФСР, включая национальные автономии [8, л. 1–4]. К 1940 г. организационная структура значительно упрочилась: отчёт фиксирует деятельность 54 областных, краевых и республиканских отделов с общим числом членов свыше 21 тыс. человек (11 239 муж. и 10 124 жен.) [9, л. 9–10, 22].

Центральным показателем в отчётности была грамотность. Данные 1931 г. демонстрируют высокую долю неграмотных среди членов ВОС: в Нижегородской области – 58,7% (698 из 1190), в Нижневолжском крае – 62,3% (1422 из 2281) [8, л. 1–4]. Эти цифры были близки к общим показателям по стране на начало 1920-х гг., когда безграмотными были около

60% населения [1]. К 1940 г. ситуация существенно изменилась: по сводным данным, среди членов ВОС насчитывалось 10 938 грамотных, 5 327 малограмотных и 5 098 неграмотных [9, л. 9–10, 22]. Особое внимание уделялось возрастным группам: из 21 363 членов ВОС 14 009 (65,6%) находились в трудоспособном возрасте 18–49 лет, что делало их ключевой мишенью образовательной кампании [9, л. 9–10, 22].

Параллельно формировалась многоуровневая образовательная инфраструктура:

- Школы для детей: в 1940/41 учебном году в школах для слепых обучалось около 4000 детей, что свидетельствует о системном подходе к работе с подрастающим поколением [9, л. 22].
- Школы для взрослых: создавались школы грамоты для неграмотных и малограмотных. План на 1940/41 учебный год по ликвидации неграмотности среди взрослых был выполнен на 70,9%, по работе с малограмотными – на 68,1% [9, л. 22].
- Культурно-просветительские учреждения: при ячейках ВОС действовали библиотеки по Брайлю, красные уголки, кружки громкого чтения, драматические и музыкальные коллективы [8, л. 1–4].

Внутренние документы ВОС (протоколы заседаний, отчёты с мест) раскрывают комплекс трудностей, сопровождавших кампанию, многие из которых были характерны и для общей системы ликбеза, особенно в провинции [2]. Существовавшие пособия, в частности букварь, критиковались за несоответствие психологии взрослого обучающегося. Как отмечал участник заседания бригады по ликбезу в марте 1930 г., «Букварь никуда не годится, учебные пособия – тоже... разрезная азбука совершенно непригодна» [10, л. 4, 13–14, 172]. Отсутствие массовой брайлевской литературы для закрепления навыков вело к рецидивам безграмотности.

Ликпункты зачастую создавались формально, без выделения отдельного помещения, устойчивого расписания и минимального инвентаря. Их работа срывалась из-за совмещения с деятельностью других кружков. Учитель из Омска В. Каплан в 1930 г. указывал, что работа школы малограмотных постоянно прерывалась из-за репетиций драматического кружка [10, л. 172.].

Ощущалась острая нехватка квалифицированных преподавателей (ликвидаторов), владевших методикой обучения незрячих. Курсы по их подготовке не всегда были эффективны и не решали проблему последующего трудоустройства выпускников [10, л. 4, 13–14, 172]. Эта проблема усугублялась общей нехваткой педагогов в стране, особенно в национальных регионах, таких как Дагестан [4].

В отличие от зрячих, для многих незрячих взрослых практическая польза брайлевской грамоты не была очевидной. Активисты предлагали использовать внеучебные стимулы: льготы (билеты в театр), экскурсии,

увязку учебного материала с производственной тематикой и политическим просвещением [10, л. 4, 13–14, 172].

В ходе кампании происходила эволюция подходов: от эпизодических ликпунктов к созданию стабильных «школ грамоты» с чётким учебным планом. Эта эволюция отражала общую тенденцию перехода от чрезвычайных мер периода «военного коммунизма» к более плановым, хотя и не всегда последовательным, методам работы в рамках «культпохода» конца 1920-х – начала 1930-х гг. [3] Активист Шоев в 1930 г. настаивал на необходимости «переломить отношение к этому вопросу Восовских организаций» и перейти к системной работе, приравняв её к общественно-политическим задачам [10, л. 4, 13–14, 172].

Освоение брайлевской грамотности рассматривалось не как конечная цель образовательного процесса, а как фундаментальное условие для повышения социальной мобильности лиц с нарушениями зрения. Этот процесс обеспечивал многомерную интеграцию незрячих граждан в общественную жизнь, проявляющуюся в двух ключевых аспектах:

1. Политическая инкорпорация: Доступ к специализированным брайлевским изданиям и активное участие в кружках политической учёбы способствовали вовлечению незрячих граждан в идеологический дискурс, формируя их гражданскую позицию. Это полностью соответствовало общей установке власти на создание «сознательного» гражданина [3].

2. Профессиональная мобильность: Приобретение брайлевской грамотности кардинально расширило спектр доступных профессий, позволяя преодолеть рамки традиционных ремесленных занятий, таких как корзиноплетение или щёточное производство. Документальные источники того периода фиксируют появление незрячих специалистов в качественно новых областях, требующих квалификации и интеллектуального труда: настройщики музыкальных инструментов (в частности, роялей), массажисты, телефонисты, стенографисты и страховые агенты, что свидетельствует о существенном прогрессе в их профессиональной самореализации и интеграции на рынке труда [5, л. 3–23].

Психологическая эмансипация: Формирование «чувства собственного достоинства», обозначенное авторами докладов Лиги Наций как ключевой аспект психологической эмансипации, в советских условиях было результатом системной государственной политики. Эта политика была направлена на преобразование незрячих граждан из пассивного «объекта опеки» в активного субъекта общественной и гражданской деятельности.

Выводы. В 1920–1930-е гг. советская кампания по ликвидации безграмотности среди незрячих представляла собой уникальный социокультурный эксперимент, не имевший прямых аналогов в мировой практике по своим масштабам и системности. В рамках более широкой культурной революции, этот подход кардинально отличался от благотворительно-опекунского отношения, зафиксированного в документах

Лиги Наций. Он базировался на идее преобразующего просвещения как инструмента построения нового общества и формирования «нового человека», рассматривая преодоление «слепой» безграмотности как органичную часть общего культурного прорыва.

Несмотря на присущие эпохе противоречия, административный нажим, бюрократические трудности и очевидные проблемы реализации (нехватка кадров, методик, материалов), эта политика кардинально изменила социальные траектории десятков тысяч людей, открыв им доступ к миру письменной культуры, квалифицированного труда и гражданского участия [3]. Образовательная революция среди незрячих стала ярким, хотя и не всегда бесспорным, свидетельством того, как культурная политика использовалась в качестве инструмента радикальной социальной инженерии, стремясь, по словам современников, «в атаку против неграмотности и бескультурья» вывести даже самые маргинализированные группы из «тьмы» в «свет» современности.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе этой кампании как специфического направления советской культурной революции, реконструированном на основе архивных материалов ВОС. Теоретическое значение работы состоит в демонстрации того, как образовательная политика использовалась в качестве инструмента радикальной социальной инженерии, трансформируя маргинализированную группу из пассивного объекта опеки в активного субъекта общественной жизни.

Перспективы дальнейших исследований видятся в сравнительном анализе советского опыта с аналогичными кампаниями в других странах, а также в более детальном изучении региональных и гендерных аспектов образовательной интеграции незрячих в указанный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войнаровская Ю.В., Войнаровский О.В. Ликвидация безграмотности в годы становления советской власти (на материалах малых городов Поволжья) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2015. – № 2(6). – С. 50–52.
2. Сычева Н.В., Сысолятина А.А. Правовое обеспечение первых шагов советской власти в ликвидации безграмотности // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1(49). – С. 83–88.
3. Панкрат И.А. Особенности внутренней эволюции политики ликвидации безграмотности в 1920-е годы // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 1(65). – С. 349–358.
4. Курбанов М.А. К вопросу о ликвидации безграмотности в Дагестане в 20–30-е гг. XX века // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 84–87.
5. Государственный архив Российской федерации (ГА РФ). Ф. А-422. Оп. 1. Д. 94.
6. ГА РФ. Ф. А-422. Оп. 1. Д. 74.
7. ГА РФ. Ф. А-422. Оп. 1. Д. 91.
8. ГА РФ. Ф. А-422. Оп. 1. Д. 143.

9. ГА РФ. Ф. А-422. Оп. 1. Д. 271.
10. ГА РФ. Ф. А-422. Оп. 1. Д. 113.

УДК 69.059

ЗНАЧИМОСТЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РЕСТАВРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ БАШЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ РОССИИ

Т.Б. Солтагиреев, доцент
Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М.Д. Миллионщикова
Чеченская Республика, г. Грозный, Россия

Аннотация. Обозначена проблема взаимосвязи результатов археологических исследований и возможности реставрации башенных сооружений как объектов культурного наследия. Предлагается внедрить реестр археологических раскопок на основе платформ в целях систематизации результатов археологических исследований.

Ключевые слова: археологическое исследование, археологические раскопки, исторический облик, объект культурного наследия, башенное сооружение.

Введение. При проведении восстановительных работ архитекторы – реставраторы продолжают сталкиваться с проблемами и вызовами исторической направленности. Несмотря на проводимые на непрерывной основе археологические раскопки на территории объектов культурного наследия, новые сведения об исторической эпохе их возведения, используемых строительных материалах и технологиях, а также причинах разрушения, особенно связанных с историческими событиями, не могут восполнить пробел в технических характеристиках, возникающего на этапе проектирования восстановительных работ. Формируется необходимость разработки нового подхода к историческому культурному наследию России, систематизация и классификация которого могла бы помочь историкам, археологам и архитекторам–реставраторам.

Сущность возникающих сложностей при использовании результатов археологических исследований состоит в некоторой раздробленности и бессистемности знания об обнаруженных артефактах на объектах культурного наследия, что наглядно на примере башенных сооружений в составе крепостей, кремлей и комплексов в разных регионах страны. В случае, если исторические письменные свидетельства не утрачены, артефакты могут дополнить недостающую информацию об объекте и задача по восстановлению культурного наследия, относящегося к разным историческим эпохам, регулируется архитекторами–реставраторами более оперативно. Иная ситуация складывается при восстановлении башенных

сооружений, письменные источники о которых утрачены, при этом обнаруживаемые артефакты не могут восполнить лакуны в имеющейся документации исторической значимости.

Постановка задачи. Ввиду того, что существует проблема сохранения исторических объектов, среди которых башенные сооружения в составе различных комплексов, путем реставрации, необходимо рассмотреть возможность систематизации и классификации результатов археологических исследований. Поиск подходов реализации подобной возможности представляет важность для профессиональной деятельности историков, археологов и архитекторов–реставраторов по причине неоднородности объектов культурного наследия, относящихся к одному типу и отличающиеся техническими и функциональными характеристиками, а также историческим периодом возведения.

Методика и методология исследования. Решение поставленной задачи возможно путем осмысления результатов исследований, связанных с археологическими раскопками на объектах башенных сооружений. Оценка археологических исследований и последующее формулирование выводов, подразумевающих разработку практико-ориентированного решения, в настоящем исследовании осуществляется методами анализа систем знаний, абстрагирования, конкретизации и синтеза научной мысли.

Результаты. Основная проблема, на которую обращают внимание исследователи по итогам проведения археологических раскопок, состоит в том, что применение методов, к примеру, стратиграфического наблюдения, на территории объекта культурного наследия позволяет компенсировать лишь часть информации исторической значимости. В частности, на территории Саянского острога башенные сооружения подлежат воссозданию в составе общей инфраструктуры и планировки строений, однако структура непосредственно сооружения, особенно ее верхних ярусов, из-за недостатка информации не подлежит реставрации или реконструкции [1].

Объединение письменных источников с результатами археологических исследований на территории Корчагской долины позволили исследователям дополнить историческое знание сведениями о технических характеристиках сторожевой башни лишь по причине сохранения данного объекта, датированного XVI веком. Удовлетворительное техническое состояние исторического объекта в то же время не позволяет воссоздать инфраструктуру и исторический облик близлежащих строений, в совокупности образующих древнее поселение. Причина состоит в том, что на территории некогда существовавшей крепости возводились здания и сооружения, как имеющие, так и не имеющие непосредственного отношения к крепости и поселению. Если сторожевая башня воздвигнута в XVI веке, то надписи на камнях разрушенной крепости свидетельствуют об использовании инфраструктуры, а значит, строений в течение IV–V веков [2].

Таким образом, консервация и реставрация сторожевой башни как задача сохранения культурного наследия подлежит частичному решению на фоне значимости воссоздания всей инфраструктуры как поселения, так и крепости, способных восполнить историческое знание о табасаранском народе, быте людей в разные исторические эпохи, взаимоотношениях народов южного Дагестана, Северного Азербайджана и Республики Армения.

Археологические изыскания в сфере башенного зодчества Дальнего Востока указывают на разрозненность сохранившихся артефактов. При археологических раскопках зачастую обнаруживаются железный гвоздь и часть деревянного настила. В результате физико-химического анализа становится наглядным, что подобные артефакты относятся к разным периодам, обладают дифференциальной функциональностью и не всегда могут быть пригодны при реставрации башенных сооружений в случае необходимости [3]. Положительной стороной необходимо обозначить удовлетворительное техническое состояние башенных сооружений, позволяющее определить принадлежность обнаруживаемых артефактов к дифференциальным историческим эпохам.

Тем не менее, формируется предпосылка дискуссии о том, что археологические исследования могут оказаться недостаточно полезными и ценными при планировании восстановительных работ в отношении башенных сооружений в случае критического или аварийного их технического состояния. Результаты археологических изысканий на Дальнем Востоке свидетельствуют о том, что сохранение исторического наследия отчасти зависит от климатических особенностей и природно-ландшафтного рельефа как условия принятия решения возведения башенной и иной инфраструктуры строителями в историческую эпоху.

Сложность беспрепятственного процесса археологических раскопок на примере кафедрального собора Выборга в наглядной форме демонстрирует высокую вероятность непрогнозируемости ожидаемых результатов. В непосредственной близости от башни–колокольницы обнаружены дополнительные пристройки, функциональное назначение которых неизвестно. С одной из сторон обозначенной башни в ходе археологических раскопок обнаружено погребение. Обстоятельства стали весомой причиной к приостановке археологических раскопок на территории башни–колокольницы на несколько месяцев [4]. Подобный случай свидетельствует о том, что недостаточный объем исторического знания об особенностях учтенного объекта культурного наследия может стать препятствующим фактором при восстановлении или изучении башенного сооружения вне зависимости от его месторасположения.

Некоторые обнаруживаемые артефакты на территории расположения башни повлияли на характеристику исторической ценности объекта в Выборге в целом. Соответственно, для архитекторов–реставраторов подобные аспекты сигнализируют о необходимости изменения методов

реставрации на любом этапе, начиная с предварительных археологических исследований и завершая ремонтно-реставрационными работами.

Спорные случаи обнаружения башенного сооружения в процессе археологических раскопок, в том числе в условиях удовлетворительного технического состояния объекта, также как и предыдущие указанные препятствующие факторы, могут усложнить его возможность консервации и реставрации. Наглядным примером выступает Павлинская башня Тобольского Кремля, как единственное сохранившееся сооружение подобного типа, вызывающее дискуссии в научном сообществе относительно достоверности месторасположения объекта на момент его обнаружения. Существует точка зрения, что Павлинская башня с течением времени была модернизирована и переносилась, и в то же время известен иной взгляд на объект, основанный на особенностях его земляных напластований и конструкции фундамента, обнаруженных в процессе современных археологических исследований [5].

Башенное зодчество на территории Чеченской Республики отличается такими особенностями археологических исследований, как незначительное число научных работ, посвященных соответствующей теме. Все известные исторические свидетельства или упоминания о башенных сооружениях, принадлежащие авторству отечественных, а также зарубежных историков и археологов, датированы разным периодом времени, не позволяющим сформировать наиболее достоверное представление о башенной конструкции в настоящее время. К примеру, некоторые научные работы обнародованы в начале XX века и посвящены отдельным башенным сооружениям, которые впоследствии в результате природного и человеческого факторов, могли оказаться в аварийном состоянии по причине полной или частичной утраты архитектурных элементов. В случае, если описательная часть башенной конструкции в письменных источниках сопровождается графическим материалом, задача реставрации существенно упрощается.

Однако описательная часть в текстовом формате без сопровождения графического материала и с учетом проведения археологических исследований на современном этапе не всегда позволяют воссоздать исторический облик объекта. Наиболее существенная и ощутимая составляющая проблемы по воссозданию исторического облика утраченных фрагментов башенной конструкции состоит в необходимости восстановления декоративных элементов на фасаде башен [6; 7].

Обобщая проблемы, связанные с восстановлением исторического облика башенных сооружений на основе археологических раскопок, следует отметить, что значимость исследований археологов на объектах культурного наследия остается критически высокой. Исходя из предметной сущности сформированных сложностей, становится очевидным деструктивное влияние на процесс реставрации объектов бессистемности и разрозненности появляющихся результатов археологических исследований. В случае, если

письменных источников достаточно и техническое состояние башенной конструкции оценивается как удовлетворительное, процесс реставрации представляется возможным осуществить в полном объеме.

Для объектов культурного наследия, находящихся в руинированном состоянии и сопровождающихся недостаточностью археологических исследований, отсутствием какого-либо графического материала в научных работах или по итогам обнаружения фрагментов оригинала, целесообразно разработать и внедрить реестр археологических раскопок на основе археологической карты России и с учетом данных Единого государственного реестра объектов культурного наследия [8; 9].

Предлагаемый реестр археологических раскопок направлен на систематизацию и классификацию объектов культурного наследия согласно типу. К примеру, данный реестр может содержать всю необходимую информацию по археологическим раскопкам на территории башенных сооружений, расположенных в России. При этом в табличной форме внедряются ключевые характеристики предварительной оценки технического состояния, изначально осуществляемой археологами и дополняемой впоследствии архитекторами–реставраторами. Обозначенный реестр подлежит мониторингу и дополнению значимой информацией историками, специализирующимися в сфере архитектуры, истории местности, социально-экономической жизни в определенный исторический период.

Таким образом, информация по руинированному башенному сооружению формируется в виде учетной карточки, каждый элемент оценки которой объединяет другие объект культурного наследия. Такой подход позволит ускорить воссоздание исторического облика путем сравнительного анализа по территориальному принципу, структуре строительных материалов и применяемых технологий, характерных определенному периоду, декоративным элементам, свойственным для сооружений идентичной территории, эпохе, народности или историческому событию.

Выводы. Систематизация и классификация археологических исследований на примере башенных сооружений путем формирования реестра археологических раскопок позволит упорядочить и ускорить процесс реставрации объектов культурного наследия. Обозначенные препятствующие факторы свидетельствуют о том, что данный реестр должен стать результатом коллективной работы историков, архитекторов–реставраторов и археологов.

Принцип взаимозависимости характерных элементов по заданным критериям призван помочь воссоздать исторический облик культурного наследия России на основе комплексного анализа существенных факторов, оказывающих влияние на принятие решения в отношении предметной сущности восстанавливаемого архитектурного элемента, имеющего историческое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скобелев С.Г. Башни Саянского острога (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. №3. – С.224–234.
2. Караханов С.С. О возникновение селений Корчагской долины (краткое историко-этнографическое исследование) // ИСОМ. 2014. №2. С.63–66.
3. Артемьева Н.Г. Археологические исследования фортификационных сооружений Шайгинского городища // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2009. №5. С.84–89.
4. Сакса А.И. Старый кафедральный собор в Выборге – уникальный объект культурного наследия // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. №6. С.252–261.
5. Балюнов И.В., Данилов П.Г. Оборонительные сооружения Тобольского кремля по материалам археологических исследований // Баландинские чтения. 2017. №1. С.8–13
6. Исаев С.Х., Ахмаров А.У. Из истории изучения археологических памятников Итум-Калинского района Чеченской Республики (за исключением территории обществ Майсты, Малхисты, Терлой, Кей и Бовлой) // Научные исследования и инновации. 2021. №7. С.42–54.
7. Солтагиреев Т.Б. Дёрская башня: страница каменной летописи Чечни // Вестник «Зодчий. 21 век». 2021. № 4 (81). С. 78–79.
8. Единый государственный реестр объектов культурного наследия // Министерство культуры РФ. URL: https://culture.gov.ru/activities/information_systems/edinyy_gosudarstvennyy_reestr_obektov_kulturnogo_naslediya/.
9. Археологическая карта России // Институт археологии РАН. URL: https://home.archaeolog.ru/oanmap/.

УДК 174.4

РУССКАЯ ИДЕЯ. СРАВНЕНИЕ С АМЕРИКАНСКИМ И СОВЕТСКИМ МЕССИАНИЗМОМ

Е.В. Степанова, студент
Научный руководитель – А.В. Коновалов, канд. филос. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Работа посвящена сравнительному анализу русской идеи и форм мессианизма – советской и американской. Исследование опирается на труды философов и исторические свидетельства для осмысления представлений о предназначении указанных наций и их политических систем в контексте мирового сообщества.

Ключевые слова: русская идея, американский мессианизм, советский мессианизм.

Проблема. С момента своего возникновения государства неизменно вступают в борьбу за доминирование на мировой арене. Каждое стремится утвердиться в качестве образца и локомотива развития человечества,

навязывая свои модели государственного устройства остальным. Для реализации этой амбиции применяются разнообразные стратегии, что порождает дискуссии о разграничении мессианской политики и стремления к подлинному миру и гармонии.

Актуальность темы продиктована непрекращающимся соперничеством государств за доминирование, что является исторически обусловленным и неизменным явлением. Современная эпоха характеризуется появлением новых, более изощренных методов влияния и взаимодействия как внутри государств, так и на международной арене. Осознание специфики этих взаимоотношений критически важно для предотвращения манипуляций и обеспечения информационной безопасности.

Целью данного исследования является, с помощью конкретных примеров, найти различия между концепциями американского и советского мессианизма и русской идеей и подтвердить отсутствие в последней данного явления.

Методологической основой исследования опираются на теоретическую базу, сформированную анализом работ философов и историков, посвященных рассматриваемым явлениям. Также учитываются исторические факты и религиозные особенности, что позволяет выявить три различные концептуальные модели реализации глобальной национальной задачи.

Русская идея – философский термин, ряд концепций, выражающих идеи исторической уникальности, особого призвания и глобальной задачи русского народа и, в более широком смысле, Российского государства. Впервые данный термин был упомянут Фёдором Михайловичем Достоевским в своей речи 1880 года, посвящённой открытию памятника Александра Сергеевича Пушкина. Он отмечал, что нашей нации присуща вера в общечеловеческое единение: «...падут когда-нибудь, перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и тогда только народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии». [1, 1877 год, январский выпуск]. То есть, идея всечеловеческой гармонии и счастия характерна именно для нашей национально психики. Так же стоит отметить особое влияние религии. Достоевский писал: «Главная же школа христианства, которую прошел он (народ), это – века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попранный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки и который за то спас от отчаяния его душу!» [1, С. 974]. Нельзя не согласиться с тем, что наше государство неоднократно сталкивалось с событиями, которые наносили ему огромные потери. Это и многочисленные войны, и революции, и монгольское нашествие на Русь и многое другое. В каждом столетии наша нация была

вынуждена преодолевать различные трудности и, к счастью, выстояла. Религия стала оплотом формирования русского менталитета. Николай Александрович Бердяев, отвечая на вопрос «Что замыслил творец о России?», писал, что Замысел Творца постигаем через «добродетели веры, надежды, любви». Мы выступаем инструментом Бога в деле спасения человечества, народом, предназначенному своим примером соединить мировое общество. Это отличается от подхода других стран, например Франции. Она унаследовала католическую идею Рима и «считала себя во главе мира» [1, С. 568], была образцом и двигателем бытия для всех стран. Но это есть европейская модель «насаждения ценностей своего духа». Такую же цель преследовала и Германия, которая выставила против католической идеи свой протестантизм, бесконечную свободу совести и исследования. Претендовать на роль великой нации хотели и хотят многие страны. Но не раз подтверждалось, что данная миссия становилась невыполнимой для них. Но парадокс в том, что российская нация хоть и стремится занять место на мировой арене (как и все другие), но не осознаёт, что именно ей предначертано высшими силами: «Спасти себя Россия может, только спасая человечество». Но как она могла бы спасти человечество? «Самый общий ответ, который дает здесь Достоевский: через грядущее «новое слово», которое она «скажет» миру.» [2]. Речь здесь о том, что это будет «синтез» различных европейских национальных идей, то есть ещё раз видна связь со стремлением к «всечеловеческой гармонии», которая твёрдо укоренилась в русском менталитете. Отметим, что не сама Россия – спаситель, она – средство осуществления данного спасения.

Русская идея может показаться мессианской. Но так ли это? Рассмотрим суть американского призвания в общей картине мира. В основе американского культового мессианства лежит исходная идея о глобальной роли США в развитии мироустройства по тем стандартам, которые определяют сами США. Страну основали переселенцы, которые приплыли в Америку на корабле «Мейфлауэр» в 1620 году. Они были протестантскими сектантами, бежавшие из Англии от преследований за радикальные взгляды. Именно они стали фундаментом для провозглашения США нацией, которой предначертано править миром и наводить в нём порядок. Это были люди, свободные от политических предрассудков. Классик американской историографии Артур Шлезингер-мл. подчеркивает, что «страдания сами по себе» казались первым переселенцам реальным доказательством их высокой роли в «истории спасения». В это же время формировалась традиция реалистического мышления. Постоянные угрозы, вызовы и борьба за существование заложили основу американского реализма. Просмотрев историческое развитие США можно проследить, что чаще всего они прибегали к грубой силе, завоёвывали другие страны, влияли на их политику. Например, присоединение Филиппин, Гавайских островов, Пуэрто-Рико, которые были получен по результатам войны с Испанией 1898 года. Так же

можно отметить «политику большой дубинки», сформулированную Теодором Рузвельтом. Согласно этой политике США, становились «международной полицейской силой», то есть в случае возникновения конфликтов на территории Латинской Америки, они имели возможность разрешить их, в том числе с помощью силовых методов и военной мощи. Термин «большая дубинка» был впервые произнесён Т. Рузвельтом во время его выступления в Миннесоте 2 сентября 1901 г.: «Говори мягко, но держи в руках большую дубинку, и ты далеко пойдёшь» (англ. «Speak softly and carry a big stick; you will go far»). Это четко характеризует характер внешнеполитического курса, основанного на силе и силовом вмешательстве. Исходя из этого превосходства над другими, американский мессианизм и получил свою мощь. [3; 4; 5].

Так же для решения проблемы обратим внимание на советский мессианизм. «В эпоху глобального противостояния двух блоков во главе с двумя сверхдержавами, СССР и США, со стороны наших «глобальных контестантов» принято было – и не всегда незаслуженно – обвинять СССР в силовом распространении идей и практик коммунизма, в склонности к насаждению социалистических доктрин; не говоря уже об идеологической наступательности, идейной «настойчивости» в проповеди коммунизма (несравнимой, впрочем, с военно-политической, а не только идейной, агрессивностью США и «фирменной» американской настырностью).» [6]. Мы видим, что в период зарождения и расцвета социализма в российском государстве, были актуальны идеи о коммунистическом мессианизме нашей страны. Согласно доводам наших оппонентов (США) целью СССР было обратить в «коммунистическую веру» все народы и привести к коммунизму всё человечество. Суть советского мессианизма заключалась в агрессивном навязывании своего образа жизни и пути. В отличие от русской идеи, где важным считалось всеобщее единение, в советском мессианизме приоритетной была особая классовая миссия пролетариата. Особенности советского мессианизма:

- Предлагался не путь духовного возрождения человека и нации, а решительная переделка мира по законам коммунистического идеала.
- Пророческий поиск возможного «царства божия на земле» сменился реальными действиями и практической борьбой.
- Доминантными категориями в советской ментальности и государственной литературе становились категории борьбы и жертвы, которые несли в себе смысл агрессии, насилия и унификации [7].

Подводя итог, мы приходим к вопросу: почему русская идея не может быть названа мессианизмом? Важно различать миссию государства и мессианизм. Мессианизм, происходящий от понятия «мессия» (божий посланник), предполагает установление справедливости и мира. Однако ключевой аспект мессианской роли заключается в том, что спаситель действует, не осознавая своей миссии. Осознание же своей

исключительности ведет к гордыне, что делает спасение невозможным. Именно поэтому американская и советская модели являются примерами мессианизма: они сознательно стремятся к реализации своей миссии, фактически присваивая себе божественную роль. Русская же идея, напротив, видит в русском народе носителя Бога, через которого осуществляется спасение человечества. Достоевский подчеркивал это: «…приложении нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его. Кто хочет быть выше всех в Царствии Божием – стань всем слугой. Вот как я (Ф.М. Достоевский) понимаю русское предназначение в его идеале.» [1, С 358]. Это принцип служения, а не самовозвышения, и является фундаментальным отличием русской идеи от мессианизма, основанного на сознательном стремлении к власти и исполнению роли спасителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Федор Достоевский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – 1056 с. – (Русская литература. Большие книги).
2. Тихомиров, Б.Н. "Наша вера в нашу русскую самобытность" (к вопросу о "русской идее" в публицистике Достоевского) / Б. Н. Тихомиров // Достоевский: материалы и исследования. – 1996. – Т. 12. – С. 108–124.
3. Стратегии США по смене политических режимов в мире: история и современность / Православие.Ru – [Электронный ресурс] – URL https://pravoslavie.ru/117405.html.
4. К чему приводила разные страны идея об исключительности нации – Российская газета – [Электронный ресурс] – URL https://rg.ru/2013/10/08/francia.html.
5. Неймарк, М.А. Мессианство и гегемония в современной геополитике: американский эксклюзив / М.А. Неймарк // Обозреватель. – 2023. – № 1(396). – С. 6–16. – DOI 10.48137/2074–2975_2023_1_6. – EDN JZPLZJ.
6. Никандров, А.В. Концепт общенародного государства и закат советского пролетарского мессианизма / А. В. Никандров // Альтернативы. – 2019. – № 1. – С. 104–111. – EDN FCHCRF.
7. Снигирева, Т.А. Русская идея как художественный феномен: Учебное пособие по спецкурсу / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2001. – 104 с. – ISBN 5-7996-0071-1. – EDN UWYZZD.

УДК 93/94

ЛЕДЯНОЙ ФРОНТ» В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.Е. Тригубович, студент инженерного института
Научный руководитель – Д.О. Плахута, канд. ист. наук, доцент
ФГБОУВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В связи с 80-летием со дня завершения Великой Отечественной войны в данной статье будут рассмотрены события, которые сильно повлияли на ход боевых действий на континенте, но широко не освещаются публике: это бои за порт Мурманск, Заполярье, город Архангельск и Северный Морской путь.

Ключевые слова: Мурманск, Заполярье, Северный морской флот, Северный фронт, Северный Морской путь.

Введение. В 2025 году народ России отмечал, безусловно, важную дату – 80 лет с момента победы Советского Союза в Великой Отечественной Войне. Прошло уже столько лет, и многое из того, что помнили в те времена – забыто современниками. Это две основные причины, которые позволили сделать выбор в направлении моего исследования.

Эта работа посвящена одному из самых важных участков фронта, которому Германское руководство уделяло особенное внимание ещё до начала войны. Что любопытно, так это то, что об этом участке встречается мало упоминаний, особенно в наше время. Всем, кто знают военную хронику тех лет, знакомы такие события, как “Битва за Москву”, “Курская битва”, операции: “Багратион”, “Уран”, “Марс”, однако о “Северном фронте”, “Северном морском флоте” и боевых действиях в Арктике знают немногие.

А в то время значение этих фраз было велико. Советский Северный морской флот стоял на пути установления фашистами господства в северных водах (Баренцево, Белое и Карское море), Северный фронт держал оборону против немецко-финских войск в Мурманской области и Беломорской Карелии. Захват Заполярья немцами мог не только лишить СССР незамерзающего порта в городе Мурманск, но и давал возможность начать безопасное снабжение своего союзника, Японии, поскольку пути в Атлантический и Индийские океаны преградил английский флот. Так же немцы могли использовать это направление как надёжный плацдарм для выброса десанта в глубокие тылы – Сибирь и другие эвакуированные в 1941 году промышленные центры Востока страны.

Это было суровое испытание наших сил на прочность в условиях холодного севера, где силы противника по опыту ведения войны обгоняли на годы.

До первых выстрелов.

В чём заключалась важность Арктики для обеих сторон? Необходимо углубиться в этот вопрос.

Начнём с Советской стороны: ещё с 1930-х (фактически с 1920 года, апрель 1920 года – дата формирования Комитета Северного морского пути) годов Советский союз начал освоение Арктики с целью создания Северного морского пути, что к 1932–33 году практически было выполнено. Это была самая важная задача, которую перед собой поставило советское правительство, ведь это позволило создать более короткий маршрут между северным портом и восточной частью Азии.

Так же, помимо СМП, проводились исследования природы севера (“Северный полюс” – план разработки был одобрен в начале 1936 года, работала в Арктике 9 месяцев, до 19 февраля 1938 года (допол)), расположение полярной авиации для сбора информации о ледовой обстановке в Арктике.

Промышленный аспект так же не обошёл этот регион – в процессе исследования были обнаружены залежи апатита, на Кольском п-ов: в бассейнах Ухты и Печоры – промышленные запасы нефти и каменного угля: на Колыме и Индигирке – месторождение золота (крупные).

Теперь рассмотрим перспективы Германского командования: очевидно, что при захвате в 1941–42х годах Арктики они забирали себе всё – от Северного морского пути до промышленности в этом регионе. Для чего? Во-первых: на момент начала Второй Мировой Войны у Германии не было выхода в Атлантический и Индийский океан из-за морской блокады со стороны Англии. Из-за этого пришлось искать альтернативы, чтобы снабжать Японию – своего союзника. Этой альтернативой оказался СМП. Во-вторых, из-за эвакуации промышленности на Дальний восток стало тяжело воздействовать на базовое накопление резервов за счёт воспроизводства потерь в безопасном месте. С появлением Заполярья появилась бы возможность забрасывать авиацией дальнего действия группы диверсантов в глубокий тыл, например в Новосибирск, для воздействия на коммуникации и промышленные центры.

Расстановка сил, как протекали сражения на суше.

Для того, чтобы взять Заполярье Немецкое командование создало формирование “Армия Норвегия”, которым руководил Николаус фон Фалькенхорст (создатель операции “Везерюбунг”, в результате которой были захвачены Финляндия и Дания, опытный командир Первой и Второй мировых Воин).

Советский союз, на тот момент, располагал следующими силами: 14-я армия под командованием Валериана Александрович Фролова, располагалась в Мурманской области и Беломорской Карелии, 54-я стрелковая дивизия 7-й армии, в Беломорской Карелии от Войницы до Реболы. В сумме в обеих группировках было около 100,000+ человек, 200+

танков, 1000+ орудий и 200+ самолётов. Воспользоваться численным перевесом не давала необходимость растянуть силы на большой площади, Фалькенхорст же собрал свои силы в кулак для нанесения главного удара на Мурманском направлении.

Северный флот (СФ) под командованием Арсения Головко базировался в Баренцевом и Белом морях.

Однако перед началом войны соотношение сил было неравным: технически превосходящая немецкая армия стояла у границ плотной массой под руководством опытных командиров; благодаря стратегической воздушной разведке Теодора Ровеля были известны местоположения портов, аэродромов, складов и резервов, которые необходимо было бомбить; ещё давно подтверждённое высокое значение СМП немецким рейдером “Комет” позволяло усилить немецкий флот и будущее давление на этом направлении.

Со стороны СССР на этом участке фронта в полной боевой готовности врага встретил только Северный Флот, пограничные районы на суше оборонялись лишь силами одной дивизии, которая была в неполном составе; новых самолетов типа “СБ” было недостаточно для отражения ударов противника.

Первой операцией немцев в Арктике стала операция “Зильберфукс – Серебристая лиса”. Она ставила перед собой задачи: выйти к берегу Белого моря, перерезать Кировскую железную дорогу и блокировать Мурманск, таким образом, открывая перспективы для захвата Архангельска и лишения связи между полуостровом и континентом. Состав сил противника: 68 тыс. человек

Однако неприятности у немцев начались ещё до первых боёв – танки, главная наступательная сила Вермахта не смогла оказать пехоте поддержку, поскольку из-за неправильных разведанных они не знали, что дорога Петсамо-Титовка заканчивалась крутым обрывом на краю села, в то же время считалось, что эта дорога вела до Мурманска.

Это приостановило операцию на 8 дней, что позволило Советскому командованию провести эвакуацию населения и промышленных предприятий. 29 июня 1941 года в том же направлении немецкие и финские войска начали наступление. До 4 июля ими велось наступление дл реки Западная Лиса, где они были остановлены советскими солдатами и, предварительно, высаженным десантом в губе Большая Западная Лица (6 июля – 2 августа 1941г.). Операция для немцев кончилась провалом.

Боевые действия возобновились только 8 сентября 1941 года. Получив дополнительные резервы, немцы вновь пошли на Мурманск. Однако даже после перерыва им не удавалось быстро добиться сколь значимых успехов. Так за 9 дней немцам удалось продвинуться всего на 4 километра. Чуть южнее события развивались для них более благоприятно, поскольку пехоте здесь сопутствовала авиация. С её помощью 15 сентября немцы перерезали дорогу Титовка-Мурманск, однако контратака советских частей при

поддержке Северного флота отбили эту позицию. После этого на мурманское направление наступление не продолжилось.

И всё же был один плацдарм, на котором немцам удалось закрепиться и удерживать его в течении трёх с лишним лет: в районе полуостровов Средний и Рыбачий, где немцам не удалось прорвать советскую оборону, на одноимённом плато и хребте Муста-Тунтури, в 40 километрах от Мурманска была возведена неприступная цитадель.

Когда наступательные действия сошли на нет, Германское командование приняло простое, для себя, решение – уничтожить город с воздуха, совершая до 15–18 налётов в день. Общие результаты бомбардировок обескураживают – за годы войны на него было сброшено 185 тысяч бомб, совершено 792 авиационных налёта, таким образом, Мурманск стал вторым городом после Сталинграда по количеству использованных взрывчатых веществ на квадратный метр территории. Для деревянных строений использовались фугасные бомбы, а для затруднения тушения пожаров прибавлялись осколочные и фугасные бомбы.

В целом, фронт на Мурманском направлении оставался стабильным вплоть до ночи 10 октября 1944 года. Тогда, при плохих погодных условиях, начался общий штурм укреплений на Муста-Тунтури. Самая трудная задача выпала на долю 614-й отдельной штрафной роты, по численности равной батальону или полку: 750 человек. Сквозь различные заграждения и пулемётный огонь они должны были захватить высоту 260.0, господствующей над Малым хребтом. Ценой больших потерь (около 70% состава) высотой овладеть удалось, что ознаменовало скорое падение цитадели, начало изгнания немцев с Арктики и освобождение территории Норвегии.

Боевые действия авиации на Северном фронте.

К началу Великой Отечественной войны в составе Северного флота было чуть более 100 самолетов и всего 11 бомбардировщиков. Только в марте 1942 года появилась минно-торпедная эскадрилья, а потом сформировали 35-ый минно-торпедный полк – 11 самолетов ДБ-3Ф. К началу 1 октября 1944 года в ВВС СФ было уже 750 самолетов различного типа (поступление по ленд-лизу).

Основные боевые задачи – действия на коммуникации противника (перехват и уничтожение транспортных конвоев, поиск немецких подлодок, уничтожение самолетов-разведчиков, атак на боевые корабли и суда в пунктах базирования); прикрытие транспортных конвоев, которые доставляли груз в Мурманск (программа ленд-лиз). Особыми эпизодами стали прикрытие морского десанта у мыса Пикшуев (морской залив) – 28 апреля 1942г. Командование советской 14-й армии предприняло наступление на мурманском участке фронта. Цель: выход к прежней государственной границе с одновременным деблокированием частей на полуостровах Средний

и Рыбачий. Для облегчения прорыва фронта было решено одновременно организовать силами Северного флота тактический десант в немецком тылу.

В ночь с 27-28 апреля у мыса Пикшуев на южном берегу Мотовского залива были высажены шесть батальонов 12-й отдельной бригады морской пехоты. Истребители ВВС СФ получили приказ прикрыть десант, и уже на следующий день в воздухе над Мотовским заливом развернулись интенсивные действия морской авиации.

Так же показательным случаем является защита союзного конвоя “PQ-16” в Баренцевом море.

Северный морской флот, бои на море до 16 августа 1942 г.

На момент начала боевых действий на суше частями Армии ”Норвегия” немцы не располагали крупными судами для проведения результативных операций. Только 10 июля 1941 года в Киркенес (Норвежский прибрежный город в 8 км от границы) прибыла 6-я флотилия эскадренных миноносцев кригсмарине из пяти кораблей.

До 16 августа 1942 года на Северном морском фронте не было крупных операций, проводимых Вермахтом. В основном все операции представляли собой охоту на транспортные караваны союзников, которые поставляли груз в Мурманск по программе “Ленд-лиза”.

Ленд-лиз на Северном фронте.

Ленд-лиз (lend – давать взаймы и lease – сдавать в аренду) – государственный акт США, позволявший в 1941–45 годы поставлять их союзникам припасы, технику, продовольствие, медицину без оплаты (всё оплачивало казначейство США). Через Северный фронт протекал один из маршрутов данной программы. Всего было два вида рейсов:

Летний. Летом, когда лёд отодвигался на север, конвои часто выходили из Исландии. Далее они проходили Датский пролив, затем остров Ян-Майен и потом шли прямо между Шпицбергеном и островом Медвежий, поворачивая на юг к советским портам после достижения 40-го меридиана восточной долготы.

Зимний. Зимний маршрут был короче из-за спускающегося на юг арктического льда. Конвои выходили из Шотландии, огибали Норвегию и проходили между островом Медвежий и мысом Нордкап.

Основные маршруты шли через Тихий океан (47,1%) и Трансиранский маршрут (23,8%). В свою очередь Арктические конвои доставляли 22,6% от общего тоннажа (в Архангельск и Мурманск). Это объясняется тем, что несмотря на то, что данный маршрут был самым опасным, он был самым быстрым из всех вариантов. Интересно то, что самым опасным врагом моряков, перевозивших груз этим путём, не оказался немецкий охотничий флот, а суровый северный холод.

Всего через Арктику прошло 78 конвоев, в состав которого входило 1400 судов (17тыс человек). Общие потери во время перевозок составили 101 корабль (из которых 16 – боевые), а из личного состава – 3000 моряков, доставленный ими груз в общем составил 4 339 680 тонн груза.

Операция “Вундерланд”.

Разумеется, Германия не могла оставить без внимания такой важный транспортный канал, поэтому на конвои совершались наплывы, однако ощутимых результатов они не давали. Тогда в мае 1942 года командование Кригсмарине приступило к планированию операции под кодовым названием “Вундерланд”. План операции, намеченной на середину августа, ставил основной задачей прерывание советского судоходства в Карском море. Предпочтение следовало отдавать уничтожению конвоев, идущих с востока. Вторичной задачей было нападение на порт Амдерма, который немцы считали важным пунктом разгрузки союзных арктических конвоев.

Для исполнения данного плана было решено привлечь два тяжелых крейсера “Адмирал Шеер” и “Лютцов”, эскадренные миноносцы, самолёты и семь подводных лодок.

“Адмирал Шеер” – «Карманный линкор» «Адмирал Шеер» сошел на воду в апреле 1933 года. Его главным вооружением были шесть 283–миллиметровых орудий. Ствол такой пушки в длину составлял 14,8 метра и весил 48,2 тонны. Орудие могло прицельно бить почти на 37 километров, выпуская по три снаряда в минуту. Но после морских неудач конца 1943 года (тогда был потерян крейсер «Шарнхорст») немецкое командование использовало крейсер для огневой поддержки сухопутных частей. В апреле 1945 года он находился на ремонте в Киле и был потоплен во время налета английской авиации.)

25 августа 1942 года силами команды крейсера «Адмирал Шеер» был потоплен пароход «Александр Сибиряков», который вел капитан Анатолий Качарава. Еще на борту «Сибирякова» находились 120 человек, которых ледокол должен был доставить на Северную Землю. Бой «Шеера» с «Сибиряковым» длился недолго. «Сибиряков» получил серьезные повреждения и был затоплен, а выжившие члены команды попали в плен. Пошарив по окрестностям и не найдя новых целей, капитан крейсера Вильгельм Мендсен-Болькен собрался блокировать пролив Вилькицкого, но вскоре был вынужден отказаться от этого плана, поскольку его разведывательный самолет потерпел аварию. Оставался только один объект, до которого «Шеер» мог добраться при плохой видимости – порт Диксон. На Диксоне было все спокойно. Из средств обороны на острове оставались две 45-миллиметровые пушки, 62 винтовки и 2 пулемета. И это против шести 283-миллиметровых гаубиц «Шеера», под огнем которых немцы рассчитывали высадить на Диксоне десант, чтобы захватить секретные коды, использовавшиеся для шифровки метеорологических данных. Казалось, что порт обречен. Но был на Диксоне Николай Корняков – командир двух 152-миллиметровых орудий, который, получив сообщение о нежданном госте, вызвался спасти положение. С помощью раненых матросов, находившихся в госпитале порта, он смог снять свои орудия, уже погруженные на корабль. Однако установить их на прежней позиции не успели, поэтому пушки

оставили прямо на причале: для двух гаубиц места было маловато, но рассредоточить их не было никакой возможности.

Гаубицы с причала открыли огонь, когда «Шеер» вошел в зону артиллерийского обстрела. Причал был узок, и орудия Корнякова мешали друг другу. Кроме того, с первых выстрелов станины пушек проломили деревянный настил, на котором стояли. Это сделало орудия неустойчивыми. Одно из них и вовсе приходилось всякий раз перед выстрелом накатывать грузовиком на исходную позицию.

Все было в дыму, но батарея Корнякова осталась незамеченной и успела сделать несколько выстрелов, которые прицельно накрыли крейсер. Мендсен-Болькен счел за лучшее укрыться дымовой завесой и уйти в море, отказавшись от плана десантной операции. Выйдя из бухты, корабль перенес огонь на близлежащие островки, а потом и на поселок порта Диксон.

Заняв удобную позицию, чтобы строения не загораживал соседний остров, «Шеер» начал обстрел. Однако капитан немецкого корабля не принял в расчет, что в этом месте он оказался хорошей мишенью для батареи Корнякова. Получив в борт несколько снарядов, крейсер под прикрытием дымовой завесы ушел на север. На часах было пять утра. Так закончилась операция «Вундерланд», за время которой Мендсен-Болькен сумел потопить только пароход «Сибиряков».

Результаты его рейда не соответствовали задаче, поставленной командованием. Были повреждены, но не потоплены пароходы «Дежнев» и «Революционер». Загорелась электростанция в поселке Новый Диксон и повреждена электростанция на острове Конус, сгорели бочки с топливом. Была разрушена строящаяся метеостанция на Медвежьих островах, пострадал радиоцентр.

Конец экспансии – 1944 год.

С февраля 1944 года началось планомерное вытеснение немцев из Арктики. Началось оно с желания Финского правительства выйти из войны. 19 февраля были получены условия – разрыв отношений с Германией, восстановление Советско-Финского договора (границы) 1940 года, перевод армии на мирное положение, возмещение нанесённого Советскому Союзу ущерба в размере 600 млн долл. И передача СССР Петсамо. Эти условия были отклонены.

С 10 июня начинается череда наступательных операций (Выборгская наступательная операция – Выборг освобождён 20 июня); 21 июня начинается Свирско-Петрозаводская наступательная операция, которая заканчивается 28 июня освобождением Петрозаводска.

25 августа финское правительство попросило Советское правительство принять делегацию в Москве, чтобы договориться о перемирии или о заключении мира между Финляндией и Советским Союзом. Советское правительство дало согласие на переговоры при обязательном принятии Финляндией предварительного условия. Финское правительство должно

публично заявить, что оно разрывает отношения с Германией и потребует вывода немецких войск из пределов страны не позже 15 сентября. Это предварительное условие было принято. Финляндия с утра 5 сентября 1944 года прекратила военные действия. 19 сентября было подписано соглашение о перемирии.

7 октября 1944 года советские войска перешли в наступление, нанося главный удар силами 99-го и 131-го стрелковых корпусов, поддержанных танками, артиллерией, самоходными орудиями и авиацией на Луостари – Петсамо.

Преследуя отступающие немецкие войска, бойцы и командиры 14-й армии при поддержке кораблей и морской пехоты Северного флота выбили немцев с укреплённых позиций на «Гранитном валу», из области Петсамо, освободили район горных разработок Колосйоки и перейдя границу с Норвегией – 25 октября город Киркенес, а 29-го Нейден и Наутси на границе с Финляндией. К 1 ноября 1944 года активные боевые действия в Заполярье закончились.

Итоги боевых действий в Заполярье, медаль за оборону Мурманска.

Наступление немецко-финских войск в Заполярье не достигло большинства своих целей. Несмотря на некоторые начальные успехи, ни немцы, ни финны не вышли к Кировской железной дороге ни на одном участке, а также не овладели базой советского флота в Заполярье. Отсутствие достаточных сил, а также вызванные неудовлетворительным состоянием тыловых коммуникаций трудности снабжения войск, разбросанных на большом пространстве, привели к невозможности продолжения наступления войск гитлеровской коалиции.

Точное число погибших во время обороны Заполярья до сих про неизвестно. По приблизительным оценкам только с 29 июня по 10 октября 1941 года войска Северного и Карельского фронтов, Северного флота и Беломорской военной флотилии потеряли убитыми и пропавшими без вести 67 265 человек, санитарные потери составили 68 448 человек, 540 орудий, 546 танков и 64 самолета (весь карельский фронт), общие потери немецких сил составили 210 тыс человек, финские 50 тыс. человек.

За оборону Советского Заполярья Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 декабря 1944 года “Об учреждении медали “За оборону Советского Заполярья” и о награждении этой медалью участников обороны Советского Заполярья”.

Медалью «За оборону Советского Заполярья» награждались все участники обороны Заполярья – военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне. Периодом обороны Советского Заполярья считается 22 июня 1941 года – ноябрь 1944 года.

По состоянию на 1 января 1995 года медалью «За оборону Советского Заполярья» награждено приблизительно **353 240** человек.

В завершение работы подведем итоги. В процессе создания и изучения вопроса о том, как протекали бои на территории Заполярья, обнаружились такие серьёзные пробелы, как неточность числа погибших солдат за весь период войны; малое внимание современников к данному театру боевых действий. Эта работа была создана с целью привлечения большего внимания энтузиастов к данному направлению, чтобы вопросы о пробелах в данной истории были разрешены как можно качественно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная Война. 1941–1945: Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 672с., ил.
2. Гудков Б.Д. Северный морской фронт страны, очерки о боевых действиях в Арктике в годы Великой Отечественной Войны – М.: АНО “Клуб юного журналиста”, 2015 г. – 310с., ил.
3. Оборона Заполярья. Текст электронный: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0_%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%80%D1%8C%D1%8F.
4. Оборона Арктики в годы Великой отечественной войны, отражение в проектной деятельности. Текст электронный: https://cyberleninka.ru/article/n/oborona-arktiki-v-gody-velikoy-otechestvennoy-vonyy-otrazhenie-v-proektnoy-deyatelnosti/viewer.
5. «Они сражались за Мурманск» 79 лет назад завершилась битва за Заполярье. Текст электронный: https://bbratstvo.com/2023/11/01/proba-1-noyabrya-1944-goda-zavershilas-bitva-za-zapolyare.
6. Великая Отечественная война: Битва за Заполярье. Текст электронный: https://omsk-kprf.ru/node/5385.
7. Битва за север. Оборона Заполярья, РНТБ. Текст электронный: https://rlst.by/2025/02/27/bitva-za-sever-oborona-zapolyarya.
8. Дороги великой победы / П.П. Павленко – М.: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЛАНЕТА»», 2025. – 352 с.: ил.
9. Схватка за Арктику. 1941–1945 / А.Б. Громов. – М.: Вече, 2016. – 320 с.: ил – (Военные тайны 20 века).

УДК 947.323.28(09)

КРАСНЫЙ БАНДИТИЗМ В СИБИРИ 1920-х гг. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Н.А. Харлов, канд. ист. наук, доцент
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье, на основе архивных источников и материалов периодической печати в Сибири 1920-х годов, предпринята попытка исследовать одну из форм бандитизма – «красный бандитизм», рассмотреть вопрос о возникновении данного явления, осмыслить исторический опыт противодействия советской и партийной власти красному бандитизму как проявлению экстремизма и терроризма. Автор рассматривает красный бандитизм как проявление экстремизма и терроризма так как он включал в себя систематическое применение насилия, террористические методы борьбы с политическими противниками и внесудебные расправы, а также экстремистские призывы «Смерть беспощадная всем гадам, всем паразитам трудящихся масс» [1].

Ключевые слова: красный бандитизм, экстремизм, терроризм.

Изучение данного вопроса актуально сегодня в связи с усилением проявлений экстремистской и террористической направленности на современном этапе как в нашей стране так и в мире. Когда деятельность людей с противоправными взглядами становится критически опасной для другой части общества - осмысление исторического опыта, формирования нетерпимости общества к проявлениям экстремизма и терроризма приобретает, на наш взгляд, большое значение.

Красный бандитизм в Сибири возник в период Гражданской войны и продолжился на протяжении всех двадцатых годов [2]. Красный бандитизм проявлялся в насильственных действиях (грабежи, насилие, террор и внесудебные расправы) представителей советской власти и их сторонников против политических противников (заговорщиков, повстанцев, партизан), а также гражданского населения (крестьян, интеллигенции, специалистов, зажиточного населения).

Основными участниками данного бандитизма являлись: члены РКП(б), начиная от рядовых коммунистов и заканчивая руководителями различного уровня; сотрудники органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ, ЧОН и милиции; бывшие красные партизаны и красноармейцы.

К основным архивным источникам, в которых содержатся материалы по красному бандитизму, позволяющие проследить как масштаб, так и формы проявления этого явления, можно отнести:

- документы ВЧК-ГПУ-ОГПУ по делам красного бандитизма в Сибири;

- секретные письма и распоряжения губернских комитетов РКП(б);
- следственные дела и протоколы допросов участников и жертв красного бандитизма;
- партийные отчёты и доклады о состоянии и методах борьбы с красным бандитизмом в регионах Сибири;
- материалы противостояния партизанско-повстанческому движению, отражающие социально-политическую обстановку и причины красного бандитизма.

Определение «красного бандитизма» появилось ещё в 1922 г., в брошюре члена Сибирского областного бюро ЦК РКП(Б) Е.М. Ярославского: «Красным бандитизмом мы называем такие преступления, как грабежи, тайные убийства, расправы и другие факты, совершаемые не белыми, а «красными» или бывшими красными партизанами, или членами РКП, причём эти преступления люди пытаются их представить не просто как зверское убийство или уголовный грабёж, а изображают их как благородное и необходимое дело, как борьбу будто бы с контрреволюцией, на самом же деле красный бандитизм самое вредное явление, он иногда вреднее даже белого бандитизма, он часто – родной ему брат» [3].

Наиболее полные характеристики красного бандитизма в Сибири мы находим в трудах современных историков: В.И. Шишкина [4], А.П. Угроватова [5], А.Г. Теплякова [6], А.П. Шекшеева [7] и других авторов.

Анализируя работы Шишкина В.И. и Угроватова А.П., а также других исследователей по данному вопросу, мы можем сформулировать обобщённое понятие красного бандитизма. Шишкин В.И. определяет красный бандитизм в Советской Сибири как разновидность уголовного бандитизма, связанного с извращением политики советской власти и нарушением «революционной законности» представителями власти на местах. Он возник как реакция участников революционного подполья и партизанского движения на репрессии со стороны колчаковцев и выражал недовольство мягкой карательной политикой советской власти в отношении бывших контрреволюционеров. Проявлялся в грабежах, внесудебных расправах и насилии не только в отношении реальных противников коммунистического режима, но и политически пассивных слоёв населения, а также отдельных представителей советской власти [8].

Историческая энциклопедия Сибири даёт следующее определение: «**Красный бандитизм**, разновидность уголовного бандитизма в Сибири. Его особенность – извращение политики советской власти и нарушение «революционной законности» представителями и главной опорой этой власти на местах – членами РКП(б), сотрудниками органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ, милицией, чоновцами, бывшими красными партизанами и красноармейцами. Являлся составной частью и продолжением *Гражданской войны в Сибири*» [9].

У Угроватова А.П. – это действия революционно настроенных отдельных представителей власти, коммунистов, бедноты и бывших партизан, которые под предлогом борьбы с контрреволюцией совершали грабежи, тайные убийства и расправы над категориями «общественно вредных» граждан [10].

Возникает «красный бандитизм» как ответ на «белый» бандитизм и как следствие внутренних конфликтов и напряжённости в обществе после революции и гражданской войны и включал в себя действия со стороны бывших красных партизан, коммунистов, которые использовали насилие и преступные методы под предлогом политических целей, что усложняло борьбу с этим явлением.

Помимо уголовного и политического бандитизма красный бандитизм также получил сравнительно большое распространение в силу длительности нахождения Сибири в состоянии военного положения. У части беднейшего крестьянства, анархически настроенных бывших партизан, сотрудников ЧК, ЧОН и милиции выработалось своё собственное понятие о справедливости и правосудии, базировавшееся на длительном отсутствии законности и правопорядка. Представители советской власти, прежде всего в сельской местности, а также члены РКП(б) незаконно наделяли себя функциями следствия и суда, создавали специальные вооружённые отряды для борьбы с бандами, которые производили самочинные аресты и расстрелы, и другие формы расправ.

Об обстановке, породившей в Сибири красный бандитизм, свидетельствуют выводы комиссии Сиббюро ЦК РКП(б), подготовившей осенью 1921 г. специальный доклад «О красном бандитизме», для пленума ЦК РКП(б). «В основной и первоначальной своей форме красный бандитизм является продолжением гражданской войны. Посредством его одна из групп населения сводит свои старые, со времён Колчака ведущиеся счёты с другой группой населения: рабочие со спецами, более или менее активно проявившими себя в колчаковский период, партизанские элементы деревни — с кулаками и прочими активно контрреволюционными её элементами: „гадами“ на выразительном языке красных бандитов. Те меры борьбы, которые усвоила себе по отношению к контрреволюционным элементам Советская власть в Сибири, их не удовлетворяют, кажутся им слишком мягкими. Их собственные желания сводятся в сущности к поголовному истреблению их политических врагов, в лучшем случае к их поголовному изъятию и водворению в тюрьмы и концентрационные лагеря. Когда к концу первого года существования Советской власти в Сибири вполне обнаружилось, что органы её не идут и не пойдут по этому пути, партизанские элементы решили взять на себя задачу расправы со своими врагами. „Бей гадов“ – основной лозунг красных бандитов во всей Сибири» [11].

Современные исследователи истории бандитизма в Сибири приводят бесчисленное множество примеров красного бандитизма, подтверждающие выводы о том, что по форме и методам это были проявления экстремизма и терроризма. Приведём и мы несколько таких примеров. Один из них, так называемое "Шарыповское дело", когда руководивший в с. Шарыпово борьбой с бандами начальник Ачинской уездной милиции и политбюро П.Е. Пруцкий, инсценировал нападение на село банды, лично произвёл обстрел с. Шарыпово и даже прострелил себе рукав одежды [12].

Ярким примером явилось "Переваловское дело". Бывший партизанский вожак М.Х. Перевалов работал в г. Ачинске в должности заместителя заведующего уездным отделом управления. Он фактически являлся одним из организаторов самосудов в Енисейской губернии. Узнав об указании о возможном его аресте. Перевалов с группой своих сторонников покинул Ачинск и стал распространять призывы подняться на борьбу с "гадами", в лице "забюрократившихся" коммунистов и "примазавшихся". За два дня около него собралось 200 вооруженных человек, поскольку Перевалов был популярен среди местного населения. Выступление Перевалова представляло немалую грозу для властей и в силу того, что могло произойти блокирование с бандой Н.И. Соловьева. Органы власти вынуждены были предъявить Перевалову ультиматум, грозя применением вооруженной силы. Только тогда Перевалов распустил своих сторонников и явился в распоряжение властей [13].

В.И. Шишкин в своём исследовании о красном бандитизме в Сибири констатирует: «Имеющиеся в моем распоряжении документы позволяют утверждать, что пик красного бандитизма пришёлся на лето-осень 1921 г. В разных уголках Сибири бесчинствовали почти все, кто был наделен властью или имел силу: красноармейцы и чоновцы, сотрудники ВЧК и милиции, местные коммунисты и советские работники. Они мародёрствовали, грабили, избивали, пытали, насиловали, убивали [14]. Стон стоял почти по всей территории края.

Подводя итог исследования можно сделать следующие выводы.

- красный бандитизм в Сибири 1920-х годов – это комплекс насильственных, террористических актов и правонарушений, совершаемых сторонниками советской власти в условиях гражданской войны и политической борьбы, проявляющий экстремизм и террор как государственную политику и практику негосударственных формирований;

- это сложное социальное явление, тесно связанное с историческими условиями и особенностями Сибири в 1920-е годы.

Необходимо также отметить, что явление красного бандитизма возникло как прямое следствие жестокости белой военщины и крестьянских повстанцев, а также реакции на насилие и социальные конфликты в послереволюционной Сибири в 1920-е годы. Красный бандитизм был связан с нарушением законности, проявлялся в массовых преступлениях, служил

формой классовой борьбы и стал заметным социально-политическим феноменом того времени, тесно переплетаясь с внутренними противоречиями советской власти и общественными процессами.

На основе анализа этого опыта можно с уверенностью сказать, что противостояние экстремизму и терроризму возможно не только уголовно-правовыми методами, но и через общественное воздействие. Методы борьбы с красным бандитизмом включали политическое просвещение, экономическую поддержку бедноты. Подтверждение этому мы находим в одном из циркулярных писем ВЧК по Сибири «О предпосылках красного бандитизма в некоторых сибирских губерниях», в марте 1921 г. Поэтому изжить красный бандитизм в Сибири мы можем двумя способами: усилением политической работы, главным образом в низах, в деревне, и хозяйственным путём, а именно: необходимо скорее поставить бедноту на хозяйственные рельсы, т.е. изжить классовые противоречия в деревне в процессе хозяйственного строительства в Сибири [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ПАКК, ф. 1, оп. 1, д. 140, л. 129.
2. Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск: ЮКЭФ, 1999. – 208 с.
3. Ем. Ярославский. О красном бандитизме (Мариинское дело), Томск. 1922. С.3.
4. Шишкин В.И. Красный бандитизм в советской Сибири // Сов.история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 3–-79.
5. Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири как форма революционного терроризма: 1919–1923 гг.
6. Тепляков А.Г. Красный бандитизм // «Родина», 2000, – №4.
7. Шекшеев А.П. Да воздастся каждому по делам его: мифы и реалии гражданской войны // Сибирские огни, 2021, №8. С.154–179.
8. Шишкин В.И. Указ.соч. С.3–79.
9. Историческая энциклопедия Сибири. Т.2. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2006. С.183–184.
10. Угроватов А.П. Указ.соч. С.1–208.
11. ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 166, л. 78.
12. Красноярский рабочий. / – 1921. – 22 декабря.
13. Шишкин В.И. Указ. соч. С. 48.
14. Шишкин В.И. Указ. соч. С. 38.
15. ТОЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д. 429

УДК 93/94

ДЕЛО КОЧУБЕЯ И ИСКРЫ 1708 ГОДА: СЛЕДСТВИЕ ПЕТРА I КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАСПРАВЫ ПО МАТЕРИАЛАМ Д.О. СЕРОВА

А.О. Чайникова, курсант
Научный руководитель – А.В. Солодовникова, канд. юрид. наук, доцент
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева
г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование дела Кочубея и Искры 1708 г. раскрывает механизмы использования следственных процедур Петром I для политической расправы, что сохраняет актуальность в контексте вечных дискуссий о балансе права и политической целесообразности. Научная новизна работы заключается в процессуальном анализе нарушения норм досудебного расследования через призму исследований Д.О. Серова и оценки Артикула воинского 1715 г.

Ключевые слова: нормы досудебного расследования, Д.О. Серов.

Введение. В условиях современного правового государства, основанного на верховенстве закона и независимости судебной власти, анализ исторических событий, связанных с использованием судопроизводства в рамках политики приобретает особую важность. Это дело является классическим примером использования следственных и судебных процедур в качестве инструмента политической расправы, что сохраняет свою актуальность в контексте вечных дискуссий о балансе права и государственной необходимости. Изучение механизмов, позволивших воле монарха преобладать над установленным законом, представляет ценность для историков права, криминалистов и политологов. Научная новизна работы заключается в комплексном процессуальном анализе дела через призму современных историко-правовых исследований, в том числе Д.О. Серова.

Подход современной российской науки можно раскрыть на примере работ Дмитрия Олеговича Серова. По мнению Серова Д.О., это дело следует рассматривать не только как конфликт личного характера, но и как явление, в котором ярко проявляются системные проблемы судебной системы и политико-правовых механизмов того времени. Он отмечает, что судебная система периода характеризовалась чрезмерной вертикализацией и централизованным контролем, что приводило к процессуальным нарушениям [6]. Такие нарушения впоследствии использовались для обоснования политически мотивированных решений. К тому же, действия сторон в конфликте нельзя рассматривать исключительно с точки зрения межличностных обид или классовой борьбы, как это делали дореволюционные и советские историки. Важно учитывать, что за внешними

событиями стояли глубокие политические мотивы, связанные с внутренними кризисами и реформами, проводимыми, в частности, в эпоху Петра Первого. Помимо этого, использование правовых норм в политических целях создало предпосылки для оправдания мер, которые в других условиях воспринимались бы как необоснованные.

Постановка задачи. Целью научной работы является историко-правовой анализ дела Кочубея и Искры 1708 года как наглядного примера трансформации судопроизводства в инструмент политической расправы в эпоху Петра I, а также оценка его влияния на последующее развитие судебно-следственной системы российского абсолютизма.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

– исследовать политический и личностный контекст событий, выявив комплекс причин и мотивов, приведших к конфликту между гетманом И. Мазепой, В. Кочубеем и И. Искрой;

– провести детальный процессуальный анализ хода следствия, назначенного Петром I, и выявить конкретные нарушения норм «розыскного» процесса;

– оценить роль личного вмешательства Петра I в следствие и судебный процесс, определив степень влияния воли монарха на исход дела;

– обобщить последствия дела Кочубея и Искры для дальнейшего развития российской судебной системы.

Методика и методология исследования. Методологическую основу работы составили принципы историзма и системного подхода. В исследовании применялся комплекс методов: историко-правовой (для анализа правовых норм и судебных процедур эпохи), сравнительно-правовой (для сопоставления законодательства и судебной практики), структурно-функциональный анализ (для изучения следствия как механизма политической расправы) и историко-генетический метод (для выявления последствий дела).

Результаты. Дело генерального судьи Войска Запорожского Василия Кочубея и полтавского полковника Ивана Искры, завершившееся их казнью в июле 1708 года, представляет собой яркий пример использования следственных процедур и судебного процесса в качестве инструмента политической репрессии в эпоху Петра I. Этот эпизод, развернувшийся на фоне напряжённой Северной войны (1700–1721 гг.), демонстрирует, как формальные правовые механизмы были подчинены задачам укрепления власти монарха и устранения потенциальной оппозиции, даже среди высшей элиты. Историк Дмитрий Олегович Серов справедливо отмечает, что данное дело стало символом «вертикализации судебной системы» Петровской эпохи, когда право превращалось в "ширму для политической расправы" [6]. Этот случай оставил след в исторической памяти, сформировав модель для дальнейших репрессивных мер, проводимых в интересах централизации государственной власти. Анализ последствий дела показывает, что утрата

независимости судебных органов способствовала дальнейшей концентрации монархической власти, что в свою очередь закладывало основы для систематической политической жестокости в будущем.

События происходили на фоне сложных личных обид и политических интересов. Личный конфликт был спровоцирован любовной историей между гетманом Иваном Мазепой и юной дочерью Кочубея, Матреной (Мотрей), являвшейся крестницей гетмана. Отказ Мазепы жениться на девушке и ее последующий побег к нему были восприняты Кочубеем как оскорбление чести и достоинства. Полтавский полковник Иван Искра, присоединившийся к обвинениям, действовал с личной местью за предполагаемую связь Мазепы с его собственной женой. Однако за этой личной неприязнью скрывался значительный политический контекст [9].

Занимая высокий пост, Кочубей не только обладал значительными полномочиями в управлении делами государства, но и имел доступ к секретной информации, которая раскрывала подробности тайных переговоров, проводимых между Мазепой и польским королем Станиславом Лещинским, в ходе которых обсуждались планы создания автономного княжества под протекторатом Польши. Кроме того, Мазепа к тому времени испытывал глубокое разочарование в политике Петра I, которое усиливалось как вследствие безжалостной тактики «выжженной земли», применяемой царскими войсками на украинских землях, так и из-за широко распространенных слухов о том, что «княжество Киевское» может быть передано под контроль влиятельного английского герцога Мальборо. Первоначально Петр I отнесся к доносам, принесенным Кочубеем и его соратником Искрой, несерьёзно, считая, что сообщения эти являлись результатом личных враждебных интриг, и не придавал им должного значения, особенно учитывая огромный авторитет Мазепы, который тогда считался одним из самых ценных и надежных союзников в войне со Швецией. В конечном итоге, подозрения побудили власть не медлить с применением мер, и обвинителей арестовали, заключив в смоленские казематы Королевского бастиона [1].

Организация следствия сразу вызвала сомнения в его справедливости. Петр I назначил следователями Александра Головкина и Петра Шафирова, известных прежде всего своей абсолютной личной преданностью монарху. Как подчеркивает Серов Д.О., выбор пал не на профессионалов, способных к беспристрастному расследованию, а на лояльных исполнителей, гарантированно обеспечивавших нужный результат [7]. Предвзятость следствия проявилась в грубых процессуальных нарушениях. Ключевые доказательства, способные повлиять на исход дела, были проигнорированы. Так, показания генерального писаря Войска Запорожского Филиппа Орлика, ближайшего соратника Мазепы, о контактах гетмана со шведским королем Карлом XII, были отвергнуты следствием только потому, что они противоречили уже сформированной официальной версии следствия.

Документы гетманской канцелярии, которые могли бы привести к истине, сознательно не запрашивались и не исследовались. Серов Д.О. констатирует, что следствие действовало по принципу «подгонки фактов под вердикт», исключая любые альтернативные трактовки событий [4].

Еще одним вопиющим нарушением стал отказ от проведения очных ставок, предусмотренных процедурой «розыска» того времени. Это лишило Кочубея и Искру возможности оспорить показания свидетелей и защитить себя, серьезно подорвав достоверность и объективность следствия.

Важно отметить, что следствие нарушило не только зарождающиеся нормы, основанные на принципе гуманизма, но и базовые процедурные принципы самого «розыска» – инквизиционной формы процесса. Согласно Соборному уложению 1649 года донос («извет») «по слову» (без доказательств) от лица такого высокого ранга, как генеральный судья, требовал тщательной проверки, включая очные ставки и «обыск» (опрос свидетелей) [2]. Игнорирование показаний Ф. Орлика и отказ от истребования документов из канцелярии прямо нарушали установленный порядок доказывания, где письменные доказательства и показания свидетелей играли ключевую роль. Таким образом, следственная комиссия Головкина и Шафирова продемонстрировала пренебрежение не только к духу, но и к букве действовавшего права.

Этот произвол стал прецедентом для будущего законодательства: многие черты процесса 1708 года (сведение роли суда к утверждению вердикта следствия, широкие основания для пытки) будут вскоре институционализированы в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 г., которое юридически оформило подчинение судопроизводства интересам государства и монарха

Наиболее жестоким проявлением предвзятого следствия стало систематическое применение пыток. Несмотря на высокий социальный статус обвиняемых и преклонный возраст Кочубея (ему было около 70 лет), следователи не остановились перед физическим насилием. Кочубей подвергся двум пыткам, Искра получил десять ударов кнутом. Целью этих истязаний было исключительно получение признаний в «клевете» на Мазепу. Это прямо противоречило нормам права и формирующемуся Артикулу воинскому 1715 года, которые уже предусматривали ограничение применения пыток. Пытки стали не просто методом дознания, но и инструментом устрашения, демонстрирующим готовность власти к жестокой расправе над любым, кто посмеет бросить вызов ее политике [3].

Ключевую роль для обвиняемых в исходе дела сыграло личное и прямое вмешательство Петра I, который фактически взял на себя функции «главного следователя». Царь не только назначил комиссию, но и лично определял ключевые направления расследования, редактировал вопросы для допросов и присутствовал на них. Судебные органы, по оценке Дмитрия Олеговича, превращались в «инструмент легитимации репрессий», а не

установления справедливости [6]. Соответственно, политические мотивы Петра I были очевидны. Казнь Кочубея и Искры 14 июля 1708 года служила суровым уроком всей элите о недопустимости сомнений в правильности курса власти, особенно в условиях Северной войны. Однако в октябре 1708 года сам Мазепа открыто перешел на сторону шведского короля Карла XII.

Выводы. Дело Кочубея и Искры имело далеко идущие последствия, подрывая основы судебной системы России и заставляя пересмотреть принципы правосудия в государстве, где интересы власти всегда ставились превыше законов. Полный контроль монарха над следственными и судебными процессами не оставлял возможности для независимого и объективного правосудия, что в свою очередь подрывало доверие общества к системе защиты гражданских прав. Данный прецедент стал началом ряда политических процессов Петровской эпохи, среди которых дело царевича Алексея 1718 года выделялось своей трагичностью и окончательным смертным приговором, демонстрируя, как политические интриги могут привести к суровому судебному решению. Как отмечает Дмитрий Олегович Серов, подчинение права интересам государственной власти стало системной чертой российской государственности XVIII века, оказав глубокое влияние на формирование и дальнейшую практику работы Тайной канцелярии – главного органа политического сыска, что ещё более усугубляло состояние независимости судебной системы.

Данные события сыграли большую роль в процессе централизации и усиления самодержавной власти Петра I. По мнению Серова Дмитрия Олеговича, дело иллюстрирует парадокс петровских реформ: модернизация государственных институтов и армии сопровождалась архаизацией судебно-следственной практики, которая в данном случае велась скорее по нормам «розыска» XVII века, чем в соответствии с духом готовящихся прогрессивных Воинских артикулов. Народная реакция на казнь, а именно массовые восстания на Украине против шведов при фактическом игнорировании измены Мазепы, свидетельствует, что общество восприняло суд над Кочубеем и Искрой как явную несправедливость, подрывавшую легитимность действий власти в глазах населения и усиливавшую стихийное сопротивление захватчикам.

Таким образом, дело Кочубея и Искры не осталось частным моментом истории, оно стало важной основой репрессивной системы российского абсолютизма. Созданная Петром I модель «вертикализации» правосудия, где закон служит не ограничителем, а инструментом власти, показала свою высокую эффективность. Эта модель оказалась очень устойчивой. Она была принята и развита Тайной канцелярией, определив характер политического сыска на весь XVIII век. Через дело Волынского 1740 г. и практику доносов прослеживается связь с судами над декабристами, где также игнорировались процессуальные нормы, и с репрессивными методами более позднего времени. Противоречие, отмеченное Д.О. Серовым – модернизация через

архаизацию карательной системы – стало устойчивой чертой российской государственности. Дело 1708 года является классическим примером этого трагического процесса, сохраняя свою актуальность как предостережение об опасности подчинения права высшей политической целесообразности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дегоев В.В. Левобережная Малороссия в XVII – первой четверти XVIII вв.: от управляемой вольницы через социальную анархию к губернизации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/levoberezhnaya-malorossiya-v-xvii-pervoy-chetverti-xviii-vv-ot-upravlyaemoy-volnitsy-cherez-sotsialnuyu-anarhiyu-k-gubernizatsii.
2. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А. Г. Маньков; Академия наук СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отделение. – Ленинград: Наука, 1980. – 273 с.
3. Николаенко П.Д. «Возвышаюсь, когда погиб» (к 310-й годовщине казни Генерального судьи Малороссии Василия Леонтьевича Кочубея) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. №3 (79). – С. 8–13.
4. Серов Д.О. Должностная преступность при Петре I Текст. / Д.О. Серов // Законность. 2007. – № 5. – С. 58–60.
5. Серов Д.О. Петр I как судебный деятель // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 1. – С. 28–34.
6. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. – 488 с.
7. Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I: научное издание. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательская группа «Юрист», 2019 – 432 с.
8. Серов, Д.О. Особенности уголовного процесса России конца XV -первой четверти XVIII в. // Журнал российского права. 2009. – №9. – С. 96–103.
9. Таирова-Яковлева Т.Г. Мотря Кочубей и ее роман с гетманом Иваном Мазепой // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2007. №1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/motrya-kochubey-i-ee-roman-s-getmanom-ivanom-mazepoy.

УДК 341

ОСОБЕННОСТИ ПРАВА ЯПОНИИ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВА ЯПОНИИ

Д.Ю. Шмелев, магистрант
В.В. Соловьева, д-р ист. наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Липецк, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые черты японского правопонимания: приоритет консенсуса над конфликтом, высокая роль медиации, редкость судебных тяжб и устойчивое доверие к административным механизмам регулирования. Особое внимание уделено историческим этапам модернизации права.

Ключевые слова: Япония, правовая система, японское право, правовая культура, традиция.

Введение. Право Японии на протяжении десятилетий вызывает повышенный интерес исследователей благодаря своей парадоксальной, но устойчивой природе: сочетанию глубокой традиционности и высокой степени модернизированности. На одном полюсе – тысячелетние культурные нормы, основанные на конфуцианстве, синтоистской ритуальности и коллективистской этике. На другом – современная Конституция 1947 года, корпоративные реформы второй половины XX века и сложные регуляторные механизмы государства-лидера в технологическом развитии [1, С. 54]. Именно эта двойственность делает японскую правовую систему идеальным объектом для анализа: она постоянно обновляется, но никогда не выходит за границы собственных культурных оснований.

Актуальность темы усиливается в условиях глобализации, когда многие государства ищут способ сочетать правовую модернизацию с сохранением национальной идентичности. Япония демонстрирует редкий пример успешной адаптации западных институтов без разрушения традиционной структуры общества. Степень научной разработанности темы высока – существуют работы в области сравнительного правоведения, культурологического анализа и политической истории, однако существенная часть исследований носит фрагментарный характер и не раскрывает комплексность процесса японской модернизации. Настоящая статья предлагает целостный взгляд на эволюцию японского права, позволяя увидеть общий механизм взаимодействия традиции и инновации.

Правовая система Японии сегодня представляет собой одну из самых парадоксальных и потому самых привлекательных для исследователей моделей сочетания традиции и модернизации. В мире, где государства стремятся либо к безусловной унификации правовых стандартов, либо,

напротив, к возвращению к исторической идентичности, Япония демонстрирует третий путь – путь культурно осмысленной модернизации, в которой заимствование западных институтов не разрушает традиционный уклад, а наоборот, усиливает его устойчивость [1, С. 54]. Именно эта способность японского общества «впитывать» внешние правовые формы, сохраняя внутреннюю гармонию, делает изучение японского права особенно актуальным.

Современная исследовательская повестка подчеркивает необходимость изучения правовых систем, способных сочетать глобальные стандарты с локальными ценностями. Японский опыт в этом смысле бесценен: он демонстрирует, как правовая модернизация может происходить без социального конфликта, без отказа от исторической памяти и без утраты культурного ядра. Несмотря на обширную научную литературу, многие исследователи фиксируют лишь отдельные этапы японских реформ – эпоху Мэйдзи, послевоенные преобразования, экономическую модернизацию [6, С. 122]. Однако целостная картина того, как именно традиционные нормы взаимодействуют с современными институтами, остается недостаточно описанной. Данная статья стремится заполнить этот лакунарный пробел и рассмотреть японскую правовую систему как органичное единство исторического опыта, социальной психологии и правовой техники.

Постановка задачи. Цель статьи – проанализировать ключевые особенности японской правовой системы и выявить закономерности ее модернизации в исторической перспективе.

Задачи исследования: охарактеризовать культурно-ценностные основания японского права; выявить роль традиционных норм в регулировании общественных отношений; рассмотреть этапы модернизации – от эпохи Мэйдзи до послевоенных реформ; определить механизмы адаптации внешних правовых моделей к японской культурной среде; оценить влияние модернизации на современное правовое регулирование.

Методика и методология исследования. В работе используются: сравнительно-правовой метод – для сопоставления японской системы с западными правовыми моделями; историко-правовой метод – для анализа этапов модернизации и их причин; культурологический анализ – для выявления влияния конфуцианства и традиционных ценностей; системный подход – для изучения права как целостного социального механизма; элемент публицистического анализа, позволяющий выявить социально-психологические аспекты функционирования японского права.

Результаты. В результате проведенного анализа установлено, что японское право основывается на культурных нормах, где первичен социальный консенсус, а не судебная конкуренция. Общественные механизмы регулирования нередко оказываются сильнее формальных норм, что определяет низкую конфликтность правоприменения. Модернизация права проходила волнами: от масштабных реформ эпохи Мэйдзи до

радикального перераспределения политических полномочий после 1945 года. Заимствованные институты – парламентская монархия, конституционализм, система судов – были глубоко адаптированы к японскому культурному контексту. Итогом стал уникальный правовой гибрид: западные нормы функционируют в логике японских традиций, обеспечивая высокую социальную стабильность.

Право Японии – это уникальный культурный сплав, в котором переплетаются древние традиции, конфуцианская мораль, императорская символика и современные западные кодификации.

В отличие от стран, где право формировалось через борьбу сословий или революционные разрывы, японская правовая система выросла в тишине храмов, среди ритуалов и строгих социальных иерархий. Именно поэтому японское право никогда не существовало в отрыве от культуры – наоборот, оно развивалось как ее органическое продолжение.

Если европейская правовая традиция веками строилась вокруг вопроса «что запрещено?», то японская – вокруг «как сохранить гармонию?». Отсюда происходит важная особенность: японцы исторически предпочитали не судиться, а договариваться.

Судебный процесс считался почти постыдным, признаком того, что стороны не смогли сами сохранить лицо. В обществе, построенном на этикете и коллективной ответственности, право долгое время оставалось не столько механизмом принуждения, сколько способом поддерживать порядок без открытой конфронтации. «Право – это не меч, а мост, ведущий к восстановлению социальной гармонии» [7, С. 83].

На протяжении столетий японская правовая система опиралась не на письменные кодификации, а на нормы морали – гири (обязанность), нин (человечность), он (долг уважения).

Эти категории задавали структуру общества: уважение к старшим; коллективная дисциплина; преданность группе; приоритет обязанностей над правами.

Поэтому для японца нарушение закона всегда воспринималось не только как индивидуальная вина, но и как потеря чести всей группы – семьи, клана, компании. В Японии человек – часть целого, и ответственность распределяется шире.

Настоящая модернизация началась в эпоху Мэйдзи (конец XIX века), когда Япония стремительно вошла в мировую систему, стараясь догнать европейские державы. Страна не разрушала старое право – она аккуратно «перепрошивала» его под западные стандарты: был принятый Гражданский кодекс, созданный под сильным влиянием французского и немецкого права; появилась Конституция 1889 года, вдохновленная прусской монархической моделью; судебная система выстраивалась по европейским образцам; бюрократия стала более рациональной и централизованной. Но при этом

японцы никогда не копировали механически [2, С. 130]. Они делали то, что умеют лучше всего: вбирали чужое, не разрушая свое.

Так возникла любопытная смесь: западные нормы – и восточный дух, европейские кодификации – и конфуцианская мораль, современный суд – и традиционная склонность к медиации.

После Второй мировой войны страна осуществила еще один – более глубокий – скачок модернизации. Новая Конституция стала практически символом перезагрузки государства. Ее ключевые принципы: демократия, народный суверенитет, верховенство права, отказ от войны как инструмента политики [3, С. 504].

Это был радикально новый правовой ориентир: от императорской сакральной власти к народному праву. Но и здесь японское право сохранило свою культурную мягкость. Даже принимая новые институты – парламент, независимый суд, права человека, – Япония продолжала подчеркивать ценность согласия, корпоративной ответственности и социального порядка.

Сегодня Япония считается государством с развитой правовой системой, но многие ее элементы по-прежнему отличаются от европейских: низкая конфликтность – суды работают мало не потому, что плохи, а потому что японцы продолжают избегать открытых споров; медиация важнее суда – мирное урегулирование спорных ситуаций ценится больше, чем судебные тяжбы; корпоративная культура сильнее, чем формальное право – компании имеют внутренние нормы, которые фактически регулируют поведение работников не хуже законов; право как социальный инструмент, а не наказание – японское право направлено скорее на предупреждение, чем на репрессию [3, С. 504].

Главная причина успешной модернизации заключалась в умении сочетать несочетаемое: западную правовую технику, восточную мораль, строгую дисциплину, гибкость культурных норм. Япония не отрицала собственный опыт, а превращала его в фундамент для модернизации. Право стало не ломкой старых традиций, а их адаптацией к новому миру [5, С. 41].

Как отмечается в научно-исследовательской среде, «особенностью правовой системы Японии является то, что она вобрала в себя японские правовые традиции, китайскую правовую философию и правовые нормы романо-германской правовой семьи, что позволяет отнести эту страну к одному из наиболее ярких представителей смешанной правовой семьи. Соответствующие особенности сформировались под влиянием множества правовых, политических и экономических факторов, которые и сегодня позволяют Японии быть одним из правовых центров в восточноазиатском регионе» [4, С. 183].

В ходе исследования было установлено следующее. Культурные основания японского права остаются определяющими, несмотря на масштабную модернизацию. Конфуцианская этика, коллективизм и ценность социального согласия формируют специфическую правовую

чувствительность, в которой конфликт рассматривается как нежелательное отклонение, а не как нормальный механизм защиты права.

Система правового регулирования Японии на практике «мягче», чем на бумаге. Формально Япония придерживается западных конституционных стандартов и имеет развитую систему кодексов, однако ключевым регулятором остаются не формальные нормы, а социальные ожидания, корпоративные привычки и негласные правила поведения.

Процесс модернизации развивался волнообразно, но неизменно сохранял культурную преемственность: эпоха Мэйдзи дала Японии европейские кодексы и современные институты права; послевоенные реформы трансформировали политическую систему и закрепили демократические принципы; экономический подъем сформировал уникальную модель корпоративного регулирования, в которой социальные механизмы важнее судебных.

Японская правовая система представляет собой гибрид западной формы и восточного содержания. Заимствованные институты – парламент, суды, право собственности – функционируют в рамках ценностей гармонии, иерархии и компромисса, создавая правовую модель, эффективную именно для японского общества.

Модернизация не ослабила традицию, а встроила ее в современные механизмы. Это позволило Японии сформировать одну из самых стабильных и социально ориентированных правовых моделей в мире.

Выводы. В заключение, история японского права – это история уникального диалога прошлого и будущего. Оно менялось стремительно, но никогда не становилось чужим. Япония доказала, что модернизация не обязана быть разрушительной: ее правовая система – пример того, как можно двигаться вперед, не расставаясь с собственной культурной идентичностью.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что японская правовая система является уникальным примером культурно-интегративной модернизации, в которой традиционные нормы не подавляются современными институтами, а становятся их внутренней логикой. Основная научная новизна работы заключается в том, что японское право рассматривается не как набор реформ, а как глубоко взаимосвязанная система, где модернизация выступает продолжением традиции, а не ее отменой.

Эта модель демонстрирует универсальный урок для любых государств, стремящихся сочетать глобальные стандарты с культурной идентичностью: успешная модернизация возможна только тогда, когда она опирается на собственную социальную структуру, а не противостоит ей.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в углубленном анализе: влияния корпоративной культуры на правовые практики; роли неформальных норм в функционировании современных институтов;

адаптации японской модели в условиях цифровизации, ИИ-регулирования и постиндустриальной экономики.

Японское право остается живым примером того, что правовая система может быть одновременно древней и современной, рациональной и культурно насыщенной, формальной и глубоко человеческой. И именно эта многослойность делает его бесконечно интересным объектом научного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карнаушенко, Л.В. Правовая система Японии: история и современность: учебное пособие / Л.В. Карнаушенко, Е.Н. Трикоз, А.А. Швец. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020 – 114 с. – ISBN 978-5-9266-1654-2.
2. Кузьмин, И.А. Особенности конституционно-правовой охраны в Японии / И.А. Кузьмин, А.В. Юрковский // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 5. – С. 123–137.
3. Масленников, А.А. Специфика японского права / А.А. Масленников // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 5 (23). – С. 503–506.
4. Сокольских, С.Р. Особенности права Японии. Модернизация права Японии / С.Р. Сокольских, В.В. Соловьева // Молодой ученый. – 2025. – № 9 (560). – С. 182–184.
5. Тарасов, П.П. Особенности права Японии. Модернизация права Японии / П.П. Тарасов, В.В. Соловьева // Новый юридический вестник. – 2025. – № 3 (45). – С. 41–42.
6. Федосеева, Л.А. История права в Японии / Л.А. Федосеева // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 9 – С. 120–125.
7. Черных, В.С. Современная правовая система Японии: общая характеристика, особенности / В.С. Черных // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 4 (18). – С. 81–84.

УДК 664.6/ 664.87

АНТИЧНАЯ ЭСТЕТИКА И ХРИСТИАНСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ: ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ИКОНЫ

Чэнь Шуаншуан, аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В работе анализируются способы, посредством которых элементы античной художественной культуры Древней Греции и Рима проникли и трансформировались в византийском контексте, а затем послужили основой становления русской иконописной традиции. Особое внимание уделено тому, как фигуры античных мыслителей были переосмыслены и получили новое символическое и богословское значение в системе визуальных образов Православной церкви.

Ключевые слова: античная эстетика, русская икона, византийское искусство, христианская иконография, философские образы.

Введение. Культурное развитие русской иконописи неразрывно связано с синтезом византийских христианских традиций и элементов, унаследованных от античной художественной культуры Греции и Рима. Хотя в научной литературе обычно подчёркивается определяющая роль Византии в становлении иконописной практики на Руси, глубинное влияние античной эстетической мысли зачастую оказывается в тени. Между тем, современные исследования акцентируют важность древнегреческой и римской образности для формирования православной иконографической системы, где античность становится структурной и мировоззренческой основой как художественного языка, так и богословских концепций [1; 8].

Особый интерес представляет то, каким образом мыслители античности были интегрированы в христианскую визуальную культуру. В изображениях иконографических программ философы эллинского мира, в числе которых – Платон и Аристотель, обретают новые смыслы и воспринимаются не только в качестве интеллектуальных предшественников, но и как провозвестники христианской истины, наделённые практически пророческим статусом. Эти преобразования отчётливо прослеживаются в произведениях, где античные мудрецы фигурируют в ряду персонажей, предвосхищающих приход Христа, как это отражено в сюжетах, связанных с “Пророчествами эллинских мудрецов” [2; 3].

В недавних научных дискуссиях, посвящённых византийскому и древнерусскому искусству, всё чаще поднимаются вопросы, связанные с преемственностью стилевых и иконографических традиций, где заметное место занимает анализ воздействия античных канонов на формирование художественных приёмов и построение композиций в живописи [4].

Вопрос о значимости рассматриваемого исследования обусловлен потребностью взглянуть на русскую иконопись шире, чем просто на наследницу византийского искусства. Необходимость акцентировать в ней присутствие античных эстетических принципов – как внешних художественных элементов, так и концептуальных основ – открывает дополнительные перспективы для осмысления её внутреннего символизма и богословских смыслов. Такой подход способствует более глубокому пониманию функций икон и их исторической трансформации.

Постановка задачи. В работе основное внимание уделяется изучению того, каким образом античные художественные традиции, охватывающие как древнегреческое, так и римское искусство, оказывали воздействие на становление русской иконы, затрагивая её иконографические принципы, структуру композиции и символико-философское содержание. В рамках исследования проводится анализ ключевых компонентов античной эстетики, нашедших отклик в христианском художественном языке. Особый интерес вызывает выявление тех элементов, которые оказались особенно значимыми для дальнейшего развития иконографических канонов, среди которых можно назвать закономерности пропорций, стремление к натуралистическому воспроизведению форм, особенности построения композиции, а также декоративные аспекты [5; 6].

Важная часть исследования посвящена тому, каким образом данные элементы были восприняты и преобразованы византийскими мастерами, а затем инициировали формирование новых художественных решений в рамках иконографической традиции [8; 9]. Изучение конкретных проявлений античной эстетики и философии в русском иконописании охватывает анализ образов философов, символических мотивов, таких как “Древо Иессеева”, и других сюжетов, свидетельствующих о глубокой интеграции античного наследия [1; 2; 6]. Значительный акцент делается на рассмотрении процесса изменения содержания античных образов при включении в христианский контекст – особенно важно установить, каким образом фигуры философов на стенах храмов приобретали новую, богословски обусловленную трактовку [1; 2; 3]. Отдельный аспект работы – оценка значения подобного заимствования как в эстетическом и культурном, так и в теологическом измерении, что позволяет раскрыть его влияние на формирование уникального художественного языка русской иконописи [7; 10].

В целях комплексного охвата темы задействованы различные исследовательские методики. В первую очередь применяется иконографический анализ, позволяющий осмыслить символику, структуру и глубинные смыслы образов и надписей [1; 3]. Для выявления отличий и сходств на различных этапах художественного развития прибегают к сравнительному анализу между античными произведениями, византийской живописью и русскими иконами [6; 8]. Историко-культурный подход обеспечивает погружение в контекст формирования традиции и выявление

связей на уровне источников и письменных свидетельств [5; 10]. Для осмысления философских установок и богословских интерпретаций применяется соответствующий аналитический инструментарий, открывающий возможность проследить эволюцию смыслов и значений в процессе художественного заимствования [7; 11].

Методика и методология исследования. В данном исследовании реализуется междисциплинарная стратегия, сочетающая перспективы искусствоведения, богословия и философско-культурной интерпретации. Специфика методологического инструментария заключается в комплексном рассмотрении художественных, текстовых и исторических источников, что позволяет выявить специфику проникновения античного наследия в русскую иконопись.

В первую очередь, материал анализируется на основе визуальных памятников, где особое место занимают иконы, фрески, а также настенные росписи, представляющие античных мыслителей, таких как Платон, Аристотель и сивиллы. Используются как сохранившиеся произведения, так и описания известных росписей, например, из Благовещенского собора Московского Кремля либо Новодевичьего монастыря [1; 6]. Исследование предполагает рассмотрение взаимодействия с образцами античного искусства – мозаикой, характерными орнаментальными мотивами и портретными изображениями – в сопоставлении с византийской художественной традицией и произведениями русской иконописи. Особое внимание уделяется выявлению элементов натурализма, пропорционального строя и своеобразной декоративности, типичных для Античности, оказавших влияние на формирование христианской образности [4; 8]. Значимым направлением является анализ письменных и литературных свидетельств, среди которых важное место занимают “Пророчества эллинских мудрецов” и сходные тексты, где философы Древней Греции осмысливаются как провозвестники христианских истин [2; 3; 7]. Дополнительное значение приобретает рассмотрение богословских оценок и интерпретаций античной философии в трудах отечественных мыслителей христианской традиции [7; 11].

Кроме того, предметом анализа становится исторический путь проникновения античных форм и идей в российскую культуру через византийское посредничество. В этом контексте исследование учитывает политические, религиозные и социокультурные обстоятельства, сопутствовавшие адаптации античного эстетического опыта в русской художественной среде [5; 6].

Результаты. Византийская художественная традиция формировалась на основе глубокой связи с культурой Древней Греции и Рима, что проявлялось в сохранении и переосмыслении ряда ключевых эстетических черт античности. В ее визуальном языке находят отражение разные аспекты греческого, римского и эллинистического искусства, образуя своеобразный

синтез исторических пластов, который впоследствии был воспринят и адаптирован в христианской иконографии [4; 8]. Одним из наиболее заметных свидетельств преемственности служит стремление к натуралистичности и гармонии пропорций в композиционных построениях, а также выраженная скульптурность фигур, унаследованная от портретных и монументальных традиций античного мира [6; 8]. Вклад римской культуры особенно заметен на уровне иконографического идеала, когда в изображениях святых или библейских сцен сохраняется баланс между идеализированным образом и ощущением внутренней монументальной глубины, свойственным античным произведениям [4; 9].

Особое место в иконографической системе занимают изображения античных философов, которые были переосмыслены византийской, а позднее и русской христианской традицией. Фигуры Платона, Аристотеля, Сократа, сивилл и других мыслителей вводились в церковную роспись не только как исторические персонажи, но и как своего рода проводники высшей истины. Их присутствие в иконографии наделялось новым, христианским смыслом: античные философы воспринимались как предвестники откровения, обладающие пророческим даром распознавать истину о Христе [1; 2]. Часто они изображались с характерными свитками, на которых содержались тексты, трактуемые как пророческие высказывания о пришествии Мессии [3; 7]. В русской традиции, начиная с XVI века, широкое распространение получили сюжеты, основанные на “Пророчествах эллинских мудрецов”: эти тексты стали важной основой для включения фигур античных учёных в храмовые росписи [2; 3]. Одним из ярких архетипов такого изображения может служить фреска в Благовещенском соборе Московского Кремля, где Аристотель держит свиток с глубоко символической надписью: «Первие бог, потом слово и дух, а с ним едино» [3; 6]. Мотив “Древа Иессеева” на русских иконах также соотносится с античной темой предчувствия истины: в таком контексте мудрецы, философы и поэты античности изображаются как те, кто уже заранее свидетельствует о Мессии, продолжая линию подготовки человечества к встрече с христианской истиной [6; 7].

Смысловое значение подобной интеграции выходит за пределы художественного оформления. На богословском уровне переосмысление античных фигур способствовало легитимации и углублению связи между античной мыслью и христианским учением. Философы превращались из символов языческого мира в носителей истины и предшественников христианства, выполняя роль своеобразных проводников преемственности культурных ценностей [7; 11]. Эстетический результат этого заимствования проявлялся в новых художественных приемах: применение античных форм и принципов выразительности наполняло икону глубиной и объемом, усиливало детализацию лиц и одежд, что углубляло выразительность визуального языка [6; 8]. Развитие русского живописного стиля происходило во взаимодействии с византийскими канонами, но было дополнено

античными элементами, что создало сложный пласт образов, сочетающих духовное содержание и художественную многослойность [9; 10].

Выводы. В структуре проведённого исследования выделяется взгляд на эстетические концепции античности, игравшие фундаментальную роль в становлении художественных канонов древнерусского иконописания [1; 4; 8]. Особое внимание уделяется пониманию того, что образы греческих и римских философов занимают устойчивое место в христианской иконографии не как простое заимствование, а как результат сложной богословской и символической переработки, в которой эти фигуры становятся своеобразными посредниками между дохристианской и христианской культурами [2; 3]. Наряду с этим определяется, каким образом идеи и образы античной эстетики трансформировались при переходе к византийскому, а затем и к древнерусскому художественному контексту [5; 6].

В теоретическом плане работа содействует развитию междисциплинарных стратегий изучения иконографии за счёт объединения искусствоведческого, философско-богословского и культурологического анализа [7; 11]. В результате формируется исследовательская перспектива, согласно которой древнерусская икона осмысливается не только как объект религиозного поклонения, но и как значимый культурный медиатор, обеспечивший проникновение античных интеллектуальных традиций в сферу христианского мировосприятия [1; 6; 9].

Открываются значительные возможности для дальнейших исследований, связанных с более тщательным изучением программ росписей в отдельных культовых сооружениях, где встречаются изображения философов. Важное значение приобретает установление времени создания таких произведений, определение причастных художников и реконструкция историко-культурного контекста оформления этих храмов [3; 6]. Перспективным направлением выглядит обращение к иным жанрам церковной иконографии, где прослеживается влияние античного наследия, включая изображения поэтов, сивилл и различных “пророческих” персонажей [4; 10]. Кроме того, актуальна постановка вопроса о значении фигур античных мыслителей в системе православного богословия, а также о том, каким образом их образы оказывали воздействие на проповедническую практику, формирование культурных кодов и духовную атмосферу русской церкви [7; 11]. Значительный интерес представляет и сравнительный подход, позволяющий сопоставить русскую традицию с иконографией других православных регионов, таких как Греция и страны Ближнего Востока, с целью выявления как универсальных, так и сугубо локальных путей влияния античной эстетики [8; 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева М.А. Иконография античных философов в христианской живописи: российские и зарубежные исследования // Visual Theology Journal. 2020. URL: https://visualtheology.ru/index.php/journal/article/view/41.
2. Zotov C.O. Гроб эллинского мудреца. Платон, Аристотель, Сократ как персонажи православной церковной иконографии. URL: https://zelomi.ru/journal/ellin.
3. Дорофеев Д.Ю. «Эллинские мудрецы» в христианских храмах // Классика и средневековье. NSU. URL: https://classics.nsu.ru/schole/assets/files/17-2-dorofeev.pdf.
4. Suslenkov B.E. Почитание философов и поэтов в античности и их образы в римской мозаике // Актуальное искусство. URL: https://actual-art.org/files/sb/13/Suslenkov.pdf.
5. Попова Д.Н. Влияние Византии на формирование культуры и искусства Киевской Руси // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vizantii-na-formirovanie-kultury-i-iskusstva-kievskoy-rusi.
6. Алпатов М.В. Русская иконопись от истоков до начала XVI века: разделы об античном наследии. URL: https://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=7&chap=10&lng=ru.
7. Samuilov G.N. Богословские интуиции в античной философии (досократики, Платон, Аристотель). М.: Сретенский монастырь, 2024. URL: https://monastery.ru/bookself/izdatelstvo-br-sretenskogo-monastyrya/bogoslovskie-intuitsii-v-antichnoi-filosofii-dosokratiki-platon-aristotel.
8. Klein S. Windows to the Divine: The Development of Byzantine Art. Harding University, 2017. URL: https://scholarworks.harding.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1036&context=tenor.
9. How Divine Images Became Art / ред. ОАПЕН. Исследование взаимосвязи русской иконописи, византийской живописи и западно-христианского влияния. URL: https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/87589/obp.0378.pdf.
10. Сергеева Е. В. Древнерусская иконопись как уникальное явление в мировой художественной культуре // МБОУ ДО “Детская школа искусств имени С. В. Рахманинова”. URL: https://yamal-obr.ru/articles/drevnerusskaya-ikonopis-v-mirovoy-kultur.
11. Милованович М., Томич Б. Fractality and Self-organization in the Orthodox Iconography // arXiv. 2020. URL: https://arxiv.org/abs/2001.00001.

УДК 002.2:39(571)(091)

СИБИРСКО-ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА О КОРЕННЫХ НАРОДАХ СЕВЕРНОЙ АЗИИ: НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ

В.А. Эрлих, д-р ист. наук, доцент
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Работа посвящена изданию в дореволюционный период трудов о коренных этносах Сибири и Дальнего Востока. Рассмотрены вопросы мест издания, статистика и тематика опубликованных работ, перечислен основной авторский корпус. Более подробно дан анализ трудов, посвященных бурятам, якутам и народам, проживавшим на территории Российского Дальнего Востока.

***Ключевые слова*:** этносы, Сибирь, Дальний Восток, книгоиздание, статистика, тематика, типографии, структура работ.

Введение. Присоединение к Московскому царству громадных территорий на восток от Урала произошло стремительно. В результате землепроходцы вступили в контакт с аборигенами. Потребовались знания о хозяйстве, быте, и социальной структуре местных обществ. Практически все экспедиции, научные общества, занимались сбором этнографических сведений о населении и публиковали различного рода отчеты, заметки, исследования.

У истоков издания трудов о сибирских этносах. В XVIII в. в Санкт-Петербурге стали издаваться работы по этнографии Сибири. Широко известна в этой области деятельность Г.Ф. Миллера. Накопленный им материал публиковался в «Комментариях Академии наук», «Ежемесячных сочинениях». Появилась «История Сибири», первая книга которой «Описание Сибирского царства…» вышла в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук дважды: в 1750 и 1787 г. В 1757 г. в «Ежемесячных сочинениях» вышла его работа «История о странах, при р. Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением». В «Новых комментариях» (Т. II) была опубликована работа Г.В. Стеллера «Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII веке». «История Сибири» И.Э. Фишера (1774), написанная по материалам Г.Ф. Миллера, выдержала два издания (второе – на русском языке). В «Ежемесячных сочинениях» (1755, т. 2) была опубликована большая статья И.Э. Фишера «О народе и имени татарском, также о древних монгольцах и их языке», посвященная этнографии коренного населения Сибири [1, С. 14, 16; 2, С. 26].

Автором первого обобщающего труда о народах России, где много места отводилось Сибири, являлся Иоганн Готлиб Георги. Его работа «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, их

житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» была первоначально издана на немецком языке, а в 1776–1777 гг. в Санкт-Петербурге – на русском (в трех частях). Вторая часть труда – «О народах татарского племени», – посвящалась тюркским народностям, третья часть – маньчжурским народам [1, С. 18– 19; 3, С. 56–57; 4, С. 321].

С появлением в конце XVIII в. в крае первой типографии (1789) вопросы жизни аборигенного населения стали освещаться в местных изданиях. Но в издававшемся в типографии В.Я. Корнильева журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», судя по данным «Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» таких публикаций еще не было. В периодическом издании «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, в пользу и удовольствие всякого звания читателей» присутствовали только работы по всеобщей истории [5, С. 29–30; 6, С. 394, 397, 400, 401, 403, 406].

Впервые материалы о аборигенах Сибири нашли отражение в «Историческом журнале, или Собрании из разных книг, любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов» (т. 1) Д.В. Корнильева (1790). Том символически открывала статья «О Сибири». Далее шел ряд произведений по этнографии народов края: о бурятах, телеутах, хантах, манси, селькупах, якутах, тунгусах [5, С. 30; 7, С. 151].

Издаваемый академиком Г.И. Спасским в Петербурге журнал «Сибирский вестник» (1818–1824; переименован в 1825–1827 в «Азиатский вестник») сыграл важную роль в изучении востока России. В «Азиатском вестнике» в разделе «Изображение обитателей Сибири», были опубликованы работы Г.И. Спасского «Забайкальские тунгусы», «Камчатские обычаи», «Телеуты, или белые калмыки». Весьма ярким был очерк доктора Кибера «Чукчи». [5, С. 72–73; 8, С. 402; 9, С. 112–113; 10, С. 288, 290].

Отличительной чертой научного книгоиздания Сибири и Дальнего Востока в дореволюционный период, особенно на ранних этапах его развития, являлся выпуск трудов комплексного характера. Среди подобных изданий были, например: работа А.П. Степанова «Енисейская губерния» (1835. Ч. 1-2), А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» (в 3-х томах). В третьем томе монографии, называвшимся «Этнографический очерк местных инородцев» (1911) была изложена традиционная культура аборигенов [11, С. 23–24].

Среди других работ можно отметить, например, труд барона де Бая «От Волги до Иртыша (Археолого-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири в 1896 году)» (1898), Н.М. Ядринцева «Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ. по поручению Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества» (1880).

Статистические сведения. Обратимся к статистике. Согласно данным «Сводного каталога Сибирско-Дальневосточной книги…» [12; 13] в регионе до революции было издано 16289 работ. Среди них работ, касавшихся вопросов этнографии было выявлено 280 названий, что составило примерно 1,1% от всего массива изданий. Для этих работ были выделены разделы: общий – 75 работ, алтайцы – 13, АТР – 44, буряты – 29, инородцы Севере Западной Сибири – 20, киргизы – 20, Российский Дальний Восток – 18, иные этосы Сибири – 34, сибирские татары – 9, якуты – 18. Таким образом, работы, посвященные непосредственно аборигенам региона, составили 127 названий, или 45,4% от массива работ по этнографии, изданных в регионе.

Первая специализированная работа – публикация П.М. Капцевича «Записки о тарских оседлых инородцах», вышедшая отдельным изданием и выпущенная литографированным способом появилась в 1825 г. в Омске. Затем был значительный перерыв – до 1861 г. Начиная с этого времени вплоть до конца 1880-х годов, количество выходивших здесь работ по этнографии края не превышало 2–3 в год. В 1890-е годы наибольшее количество работ (12) отмечено для 1896 г. Для 1900-х годов наибольшее количество (8) отмечено для 1902 года. В 1910-е годы поток литературы снизился. Наибольшее количество работ – 3, - отмечено для 1914 г.

Среди данных изданий наибольшее количество появилось в Иркутске (30), Омске (22), Тобольске (20). Затем с большим отрывом шел Томск (10). В остальных городах выходило менее 10 работ – Якутск (8), Б.м. (8), Хабаровск (7), Барнаул (5), Владивосток (5), Тюмень (3), Красноярск (2), Минусинск (2), Семипалатинск (2), Верхнеудинск (1), Харбин (1), Чита (1).

Типографии. Литературу об *алтайцах* активно печатали в Томске в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина, типографии Сибирского товарищества печатного дела и Барнауле – в типо-литографии Главного управления Алтайского округа; *о бурятах* – в Иркутске в типографии К.И. Витковской, типографии П.И. Макушина; о *якутах* – в Иркутске в типографии газеты «Сибирь»; в Якутске – в типографии областного правления; о *сибирских татарах* в Омске – в типографии Окружного штаба и в Тобольске – в типографии Губернского правления; *о инородцах Севера Западной Сибири* в Тобольске – в типографии Губернского правления, о *киргизах* – в Омске в типографии Окружного штаба; о *аборигенах Российского Дальнего Востока* – в Хабаровске в типографии Канцелярии Приамурского генерал-губернатора и Владивостоке – в типографии Восточного института.

Очень разнообразным был **авторский корпус**. Его представляли: Арсеньев В.К., Васкевич П.Г., Виташевский Н.А., Дунин-Горкавич А.А., Зеланд Н.Л., Катанаев Г.Е., Катанов Н.Ф., Кауфман А.А., Кон Ф.Я., Кроль М.А., Подгорбунский И.А., Потанин Г.Н., Приклонский В.Л., Радлов В.В., Словцов И.Я., Хангалов М.Н., Худяков И.А., Ядринцев Н.М. и другие.

Остановимся на тематике изданий, посвященных бурятам, якутам и коренным народам Российского Дальнего Востока. Говоря о **бурятах**, отметим, что издавались работы, в которых рассматривался *комплекс вопросов* – Кроль М.А. «Предварительный отчет о работах по исследованию забайкальских бурят за период 1892–1895 годов» (1896). Выходили работы по *экономике* – Кроль М.А. «Очерк экономического быта инородцев Селенгинского округа» (1896); непосредственно об *охоте* – Вамбоцыренов И. «Аба-хайдак = Облава у хоринских бурят» (1890).

Имелись работы о *праве* – Кроль М.А. «Брачное право инородцев Селенгинскаго округа: Сообщ. 31 янв. 1895 г. В годовом собр. Троицкосав.-Кяхт. отд-ния Приамур. отд. Императ. Рус. геогр. о-ва» (1895), о *религии* – Хангалов М.Н. «Новые материалы о шаманстве у бурят» (1890), *о семье и браке* – Кроль М. «Брачные обряды и обычаи у забайкальских бурят» (1894), о *положении женщины* - Дуброва Я.П**.** «Женщина у монголо-бурят» (1884); об *эпосе и сказках* - «Сказания бурят, записанные разными собирателями» (1890).

О чем шла речь в работах? Так, членом-сотрудником СОИРГО Давыдовым была опубликована статья «Обон» [14], где давалось описание священного места монголо-бурят Восточной Сибири. Работа И. Подгорбунского являлась пособием для учеников Иркутской духовной Семинарии при изучении шаманизма [15].

Особый интерес представляют два выпуска первого тома записок ВСОИРГО по отделению этнографии. Первый выпуск [16] был представлен сказками и поверьями, записанными Н.М. Хангаловым, о. Н. Затопляевым, П.П. Баторовым и др. (51 сказка). Примечания к работе составлены Г. Потаниным. Во втором выпуске первого тома «Записок по этнографии» [17], изданной на средства хамбо-ламы Д.Г. Гомбоева было приведено 56 сказаний. В конце каждого сказания отмечено, кем оно записано и у каких бурят. Среди людей, записавших эти сказания, были М.Н. Хангалов, о. Н.И. Затопляев, К.Д. Логиновский, П.П. Баторов, И.В. Вамбоцыренов и др. Примечания к работе были составлены Г.Н. Потаниным.

Среди работ, посвященных **якутам**, были публикации, касавшиеся одновременно *комплекса вопросов* – Приклонский В.Л. «Материалы по этнографии якутов Якутской области» (1887); *экономики* -Стуков Ф. «К проекту устройства быта малоземельных, безземельных и бесхозяйственных инородцев Якутской области: По поводу отзывов участников благочин. Якут. епархии». (1896); *быта* – Попов А.И., Говоров И.С. «Жилище, одежда и пища якутов» (1913); *антропологии* - Кон Ф.Я. «Физиологические и биологические данные о якутах: Антропологический очерк» (1899); *религии* – «Краткая Священная история на русском и якутском языках» (1866); *сказки, эпос* – Худяков И.А. «Верхоянский сборник: Якут. сказки, песни, загадки и пословицы, а также рус. сказки и песни, запис. в Верхоян. окр.» (1890).

Так, в работе «Верхоянский сборник» [18] были помещены тексты пословиц и поговорок, песен, якутских загадок, саг, сказок (12 сказок); русских сказок, бытовавших у якутов Верхоянского округа (2 сказки); русские сказки, бытовавшие у русских (8 сказок), Песни (русские) (3 песни).

На Дальнем Востоке России обитали представители различных этносов – тунгусы, ламуты, чукчи, юкагиры, коряки, орочены, орочи, айны, гиляки, китайцы, японцы и другие. Им были посвящены работы, изданные в Сибири и на Дальнем Востоке. Рассмотрим некоторые из них.

Так, А. Аргентов в своей работе [19], которая из-за слабой полиграфической базы была издана в Санкт-Петербурге, описал обычаи и быт чукчей, их обряды, верования; рассмотрел экономику различных групп чукчей. В результате проведенной переписи в составе населения края были выделены тунгусы, ламуты, юкагиры, коряки, русские.

В работе В.К. Арсеньева [20] были рассмотрены причины сокращения численности аборигенов края. Чтобы предотвратить процесс вымирания, автор предлагает оградить их от пьянства, организовать медицинскую помощь, оставить им их земельные и рыболовные наделы [20, С. 17].

Другая его работа [21] состояла из разделов: «Очерк физико-географический», «Исторические данные», «Транскрипция географических названий», «Китайцы земледельцы», «Эксплуатация инородцев», «Охотники и звероловы», «Промыслы», «Искатели жень-шеня», «Ханшин», «Опиум и врачевание», «Азартные игры», «Хунхузы», «Китайские законы», «Китайские организации в городах», «Заключение». Автор отмечал, что «Первые китайцы, прибывшие в Уссурийский край, были искателями жень-шеня. *Они появляются здесь незадолго, не более как за 30 лет, до прибытия русских*» [21, С. 47]. В.К. Арсеньев писал, что «*как только русские появились в устье Амура, в заливе Св. Ольги и в бухте Мэа, китайцы тоже обращают свои взоры к берегам Великого океана, и тогда только узнают об истинном протяжении Уссурийского края*» [21, С. 54]. В итоге он пришел к выводу, что в XVII веке, когда китайцы пришли на Амур, русские там уже были, имели опорные пункты и брали ясак с аборигенов. Поэтому начало российского владычества в Приамурье он определил не по административной дате (1859 год), а с XVII в. [21, С. 54–55]. Уссурийский край В.К. Арсеньев считал буфером, который выдерживал натиск «желтой расы» [21, С. 202–203].

П. Васкевич в своей работе [22] опубликовал устав «Общества японцев, прибывающих в Владивосток» – «Урадзиво-кіо-рюмин-кай Кисоку» [22, С. 18-23]. Автор пришел к выводу, что общество действовало активно и играло важную роль в жизни японского населения Владивостока и всего Приамурья [22, С. 25].

А.П. Сильницкий [23] дал описание пути от стойбища Анган от с. Тыра в мае 1875 г.; привел описание лодки, жилища гиляков, его внутреннего убранства, самих гиляков; сушилок и амбаров, их содержимого [23, С. 1–4].

Речь также шла о медвежатниках – их быте, вооружении, способах охоты, утвари, жилищах; давалось краткое описание медвежьего праздника недалеко от Тыра в стойбище «Кук». Далее: Одежда и утварь гиляков, промыслы гиляков и орудия промыслов; день гиляка, вечер и ночь в юрте. Приведены гилякские сказания; Сказки через переводчика, записанные в стойбище «Удан»; Шаманы и Колым [23, С. 6–16].

Работа И. Шкловского [24] состоит из 2-х частей. Часть I, насчитывает 7 разделов. Раздел I. «Дорога» Описание пути, расстояния между пунктами, температура, описание оборудования, одежды, которая была на путешественниках; описание ночевок. Приведен текст героической былины якутов (олонхо) о приходе И. Кольцо с казаками (на самом деле Кольцо погиб еще при Ермаке). Описание местностей, по которым проезжали путешественники, быта местных жителей, кампания якутского шамана, его семьи. Приведен перевод якутских слов; описание образа жизни и внешности ламутов; названия блюд и способы приготовления пищи у якутов; описание природы весной; забой и разделка оленя ламутами; история происхождения названия котловины, где стоит поварня (недостроенное зимовье) Эллер-Сибит (убиенная); переходы по болотам; встреча с колымскими купцами, их коммерция. Описание дороги близ Среднеколымска. Раздел II–IV. «Промыслы и экономическое положение русского населения». Основное занятие - рыболовство, способы изготовления невода, лодок, техника ловли, стоимость инвентаря, организация артелей, использование рыбы в пищу, на продажу, сдача рыбы как налога; подледный промысел. Промысел тюленей весной, обработка шкур, звериный промысел. Ездовые собаки, нарты, их стоимость; доход семьи. Грабеж экономический и со стороны купцов. Быт колымчан. Раздел V. «Торговля». Количественный перечень населения по этносам в Колымском округе. Торговля лошадьми, чаем, табаком и т.д. Торг с чукчами. Обмен на водку. Раздел VI. «Хайлахи». Это ссыльнопоселенцы. Работа их у богатых якутов. Быт поселенцев и их нравы. Быт местного населения. Притеснения якутов хайлахами. Раздел VII. «Население на берегах Колымы». Приход русских. Смешение с местным населением. Освоение края в XVII веке. Исторические сведения о Колыме XVIII века. Войны с чукчами. Экспедиции XVIII века в край. Политическая ссылка. Быт, кругозор жителей Колымы. Воспитание колымских казаков; поверья жителей края, внешний облик. Температура в крае.

Выводы. Таким образом, можно отметить, что интерес к изучению истории, экономики и культуры аборигенов Сибири и Дальнего Востока был постоянным на протяжении XVII – начала XX вв. и активно способствовал изучению края. Практически все научные сообщества занимались этими вопросами. Подобные работы из-за отсутствия местной полиграфической базы и исследовательского корпуса первоначально, в XVIII в., издавались в Санкт-Петербурге и Москве. С появлением типографии Корнильевых в Тобольске, этот процесс пошел быстрее. Постепенно работы по этнографии

аборигенов Северной Азии стали печататься в типографиях крупных городов края. Наиболее активно появлялись работы комплексного характера, а также о бурятах, инородцах Севера Западной Сибири, киргизах, якутах. Больше всего трудов об аборигенах края вышло в Иркутске, Тобольске и Омске. Довольно солидным был авторский корпус, который в основном был представлен краеведами, политическими ссыльными, часто состоявшими членами различных научных обществ. Выходили работы по вопросам экономики, быта, права, религии, о семье и браке, по фольклору. Структура работ была различной и зависела от задач, стоящих перед произведениями.

Все это позволило создать достаточно целостное представление о жизни и быте аборигенов Северной Азии и послужило заделом для дальнейшего изучения этих этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обручев *В.А.* История геологического исследования Сибири. Период 1. Обнимающий XVII и XVIII века. / В.А. Обручев. – Л.: Изд-во АН СССР, 1931. – 175 с.
2. Ширина *Д.А.* Экспедиционная деятельность Академии наук на Северо-Востоке Азии. 1861–1917 гг. / Д.А. Ширина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1993. – 205 с.
3. История отечественного востоковедения до середины XIX века / П.М. Шаститко, А.А. Вигасин, А.М. Куликова и др.; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1990. – 435 с.
4. Пархимович *С.* Комментарии / С. Пархимович // Ядринцев Н.М. Сочинения. – Тюмень, 2000. – Т. 2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – С. 321–332.
5. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX в. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; отв. ред. В.Н. Волкова – Новосибирск, 2000. – 316 с.
6. Русские книги гражданской печати собрания Колывано-Воскресенских горных заводов в фонде ГПНТБ СО РАН. Каталог. / Гос. публ. Науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад наук.; Сост. Т.А. Драгайкина; науч. ред.: А.Ю. Бородихин, И.А. Гузнер. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2014. – 568 с.: ил. – (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока) (Книжные памятники и книжные собрания).
7. Эрлих *В.А.* Научная книга Сибири и Дальнего Востока в XVIII - начале XX века / Гос. публ. Науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; Науч. ред. Н.В. Вишнякова. – Новосибирск, 2005. – 390 с.
8. Азиатский музей – Лениградское отделение института востоковедения АН СССР. – М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1972. – 596 с.
9. Скоблякова А.В. Страны Востока в журналах «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник» / А.В. Скоблякова // Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX – начале XX века. – Иркутск, 1987. – С. 100–114.
10. Шафрановская *Т.К.* Г.И. Спасский – издатель «Сибирского вестника» и «Азиатского вестника» / Т.К. Шафрановская // Страны и народы востока. – 1976. – Вып. 18. География, этнография, история. Памяти А.В. Королева. – С. 288–294.
11. Салымский край. Научно-художественное издание. – Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2000. – 344 с.: ил.
12. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.: В 3 т. / Сост. Р.Е. Павлова (отв. сост.) и др.; Науч. ред. Е.Б. Соболева. – Новосибирск, 2004. – Т. 1. 1790–1900 гг. – 507 с.

13. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.: В 3 т. / Сост. Р.Е. Павлова (отв. сост.) и др.; Науч. ред. Е.Б. Соболева. – Новосибирск, 2004. – Т 2. 1901–1917 гг. – 709 с.
14. Давыдов, чл.-сотр. «Обон» // Записки СОИРГО. Книжка III. – СПб., 1857. – Отдел III «Смесь». – С. 15–19.
15. Подгорбунский И. Шаманистические верования монголов и бурят / Подгорбунский И., составитель, преп. Иркут. духов. семинарии, свящ. – Иркутск: Тип. А.А. Сизых, 1895. – 80 с. – Отт. из Иркут. епарх. ведомостей. 1895. № 1–3).
16. Бурятские народные сказки и поверья, собранные Н.М. Хангаловым, отцом Н. Затопляевым и другими. /Записки ВСОИРГО по отделению этнографии. – Т. I, вып. 1. / Под ред. правителя дел. Издано на средства д. чл. А. Старцева. – Иркутск: Типография газеты «Восточное обозрение», 1889. – 160 с.
17. Сказания бурят, записанные разными собирателями. Издано на средства хамболамы Д.Г. Гомбоева. – Иркутск: Печатано в типографии К.И. Витковской, 1890. – 160 с. – Записки ВСОИРГО по отделению этнографии. Т. 1, вып. 2. – Под редакцией правителя дел.
18. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым. Издано на средства И.М. Сибирякова. – Иркутск: Печатано в типографии К.И. Витковской, 1890. – 315 с. – Записки ВСОИРГО по отделению этнографии. Т. 1, вып. 3. – Под редакцией правителя дел.
19. Аргентов А. Описание Николаевского Чаунского прихода // Записки СОИРГО. Книжка III. – СПб., 1857. – Отдел I. – С. 79–106.
20. Арсеньев В.К. Вымирание инородцев Амурскаго края: Лекция, прочит. в г. Хабаровске на съезде врачей в 1913 г. – Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамур. генерал-губернатора, 1914. – 17 с.
21. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк ист.-этногр. – Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамур. генерал-губернатора, 1914. – 6, II, 204 с., 22 ил., 6 л. карт. – Отт. из Зап. Приамур. отд. Императ. Рус. геогр. о-ва. 1914. Т. 10, вып. 1.
22. Васкевич *П.* Очерк быта японцев в Приамурском крае. – Владивосток: Паровая типо-литография газеты «Дальний Восток», 1906. – 31 с. – Отт. из Изв. Вост. ин-та, т. 15, вып. 1. – На втором титульном листе: Вехнеудинск: Типография А.Д. Рейфовича, 1905.
23. Сильницкий А.П. Быт гиляков в низовьях Амура. – Хабаровск, 1895. – 16 с. – Прил. к Приамур. ведомостям 1895. № 92–94.
24. Шкловский И. Очерки крайнего Северо- Востока. Часть I. // Записки ВСОИРГО по общей географии. Т. II, вып. 1. – Иркутск: Типография штаба Иркутского военного округа, 1892. – 123 с.

УДК 00.2:902/904(571)(091)

СИБИРСКО-ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА ПО АРХЕОЛОГИИ: СТАТИСТИКА И ТЕМАТИКА

В.А. Эрлих, д-р ист. наук, доцент
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Работа посвящена изданию в дореволюционный период в Сибири и на Дальнем Востоке трудов по археологии. Приведены статистические данные о выходе литературы, отмечены типографии, печатавшие подобные труды; рассмотрен тираж и объем изданий, типология работ, отмечены периоды, охватываемые трудами, структура работ.

***Ключевые слова*:** археология, книгоиздание, Сибирь, Дальний Восток, статистика, типология, тематика работ.

Введение. Сибирь и Дальний Восток богаты памятниками древности. Русское население, попавшее за Урал, познакомилось с некоторыми из них уже в XVII веке. Дальнейшее изучение Сибири в дореволюционный период привело к значительному накоплению материала, появлению теорий и предположений о развитии древних обществ на территории Северной Азии. Исследователи организовывались в различные общества (например, отделы ИРГО, музеи, вузы). Значительному продвижению знаний о памятниках археологии способствовала издательская деятельность.

Статистические сведения. Среди изданий по историческим дисциплинам, выпущенных в Северной Азии в дореволюционный период, определенное место занимают работы по археологии. Согласно данным «Сводного каталога сибирско-дальневосточной…» в регионе было издано 120 работ [1; 2]. Сюда отнесены и 5 работ, опубликованных в Санкт-Петербурге в 1818–1857 годах. Связано это было со слабостью местной полиграфической базы. На территории Западной Сибири было опубликовано 62 работы, на территории современного Казахстана – 1, в Восточной Сибири – 33, в городах Российского Дальнего Востока – 13, в регионе АТР – 2, без указания места – 4.

Среди 14 издававших эту литературу городов, наиболее активным были Томск (34 работы) и Иркутск (28 работ). Далее с большим отрывом шли Тобольск (14 работ), Владивосток (12 работ), Омск (10 работ). В остальных городах было издано менее 10 работ.

Наиболее «урожайными» годами были: в Европейской России - 1856 год (3 работы), в Западной Сибири (включая и Семипалатинск) – 1889 и 1890 годы (по 6 работ), в Восточной Сибири – 1876 и 1902 годы (по 3 работы), на Дальнем Востоке – 1900 и 1916 годы (по 3 работы).

Авторами работ были краеведы, политические ссыльные, участники различных обществ, сотрудники вузов. Среди них: Адрианов А.В., Вязигин А., Клеменц Д.А., Кузнецов И., Кузнецов С.К., Кузнецов-Красноярский И.П., Мостиц А., Словцов И.Я., Талько-Грынцевич Ю., Флоринский В.М., Чугунов С.М., Янишевский М.Е.

Работы печатались в различных ***типографиях***. Так, например, в Иркутске в типографии Н.Н. Синицына, типографии газеты "Восточное обозрение", типо-литографии П.И. Макушина; в Томске – в губернской типографии., типографии П.И. Макушина, типо-литографии сибирского товарищества Печатного дела; в Тобольске – в типографии Епархиального Братства; в Омске – в типографии Окружного штаба; в Хабаровске – в типографии Товарищества "Общий труд", во Владивостоке – в типографии газеты "Далекая окраина".

Объемы работ были различными. Так, например монография В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии», опубликованная в четырех книгах «Известий ИТУ» (кн. 7, 9, 11, 13; Томск, 1894–1898) имела объем более тысячи страниц.

Однако обычно работы насчитывали меньшее количество страниц. Так, например, работа А. Мостицы «Следы доисторического человека в долине реки Чикоя» (Томск, 1897) имела 5 с.; Р.Г. Игнатьева «Памятники древностей в Курганском округе Тобольской губернии» (Тобольск, 1873) – 8 с.; Д Давыдова «О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа» (Б.м., 1856) – 12 с.; И.П. Кузнецова-Красноярского «Минусинские древности. Вып. 1: Медно-бронзовый и переходный периоды» (Томск, 1908) – 28 с.; Н.Я. Коншина «О памятниках старины в Семипалатинской области» (Семипалатинск, 1903) - 32 с.; И.Я. Словцова «О находках предметов каменного периода близ города Тюмени в 1883 году» (Омск, 1885) – 59 с.; Ф.Ф. Буссе «Остатки древностей в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ с рисунками» (Владивосток, 1888). – 60 с.; С.М. Чугунова «Курганы Каинского округа Томской губернии» (Томск, 1899) – 70 с.; Н. Витковского «Следы каменного века в долине реки Ангары» (Иркутск, 1889) – 73 с.; Н.М. Ядринцева «Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ. по поручению Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества» (Омск, 1880) – 147 с.; С.М. Чугунова «Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ» (Томск, 1905) – 264 с.

Тиражи работ также были различными. Так, работа И.Я. Словцова «"Тур" в Сибири» (Тобольск, 1895) имела тираж 40 экз.; А.В. Адрианова «Очерки Минусинского края: Писаницы по р. Мане» (Томск, 1904) – 400 экз.; А.В. Гребенщикова «Музей Общества изучения Амурского края за первые 25 лет своего существования: Юбил. сб. 25-й: Ист. **очерк** и речи на торжеств. заседании 30 сент. 1915 г.» (Владивосток, 1916) – 500 экз.; «Устав

Томского церковного историко-археологического общества» (Томск, 1916) – 1000 экз.; А. Вязигина «Мининская копейка» (Томск, 1910) - 3000 экз.

Так как многие работы были оттисками из продолжающихся и периодических изданий, то они могли иметь тот же тираж, что и эти издания.

Типология работ. Среди изданий встречались *индивидуальные монографии* – Буссе Ф.Ф. «Остатки древностей в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ с рисунками» (Владивосток, 1888), Клеменц Д. «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (Томск, 1886), В.М. Флоринский В.М. «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии» (кн. 7, 9, 11, 13; Томск, 1894–1898); *работы в различного рода известиях, записках* – Боголюбский И.С. «Исследование древностей Минусинского округа и верховьев реки Енисея в 1882 году» (Иркутск, 1883), Витковский Н.И. «Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на правом берегу реки Ангары, произведенной летом 1881 года» (Иркутск, 1882), Давыдов Д. «О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа» (Б.м., 1856), Кузнецов С.К. «Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года» (Томск, 1890), Попов Н.И. «О чудских могилах Минусинского края» (Иркутск, 1876).

Ряд *статей появился в периодической печати*. Среди них: Де-Бай Ж., барон. «От Волги до Иртыша (Археолого-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири в 1896 году)» (Тобольск, 1898), Кузнецов С.К. «К вопросу об охране древностей от истребления» (Томск, 1894), Шерстенников Д. «Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке» (Владивосток, 1913).

Периоды, охватываемые в изданиях. Опубликованные работы касались ***различных эпох***. В некоторых из них одновременно освещались *различные времена истории древности* – Кузнецов-Красноярский И.П. «Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии» (Томск, 1902), «Памятники и древности Сибири» (Иркутск, 1884).

Некоторые работы были посвящены *каменному веку* – Витковский Н.И. «Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на правом берегу реки Ангары, произведенной летом 1881 года» (Иркутск, 1882), Витковский Н.И. «Следы каменного века в долине реки Ангары» (Иркутск, 1889), Словцов И.Я. «О находках предметов каменного периода близ города Тюмени в 1883 году» (Омск, 1885).

Его раннему этапу – *палеолиту* – также был посвящен ряд работ, например: Мостица А. «Следы доисторического человека в долине реки Чикоя» (Томск, 1897), Савенков И.Т. «О находке некоторых костей мамонта вблизи села Барабановского Красноярского округа Енисейской губернии» (Красноярск, 1896).

Эпоха палеометалла – получила отражение в работах: Клеменц Д.А. «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (Томск, 1886), Кузнецов-Красноярский И. «Минусинские древности. Вып. 1: Медно-бронзовый и переходный периоды». (Томск, 1908).

Материалы по *средневековью* нашли отражение в работах: В.П. «Искер: Кучумово городище» (Тобольск, 1915), Попов Н.И. «О памятниках тангутского и монгольского письма в Минусинском крае» (Иркутск, 1874).

Тематика работ. Они были различными. Часто встречались труды *комплексного* характера. Среди них: Адрианов А.В. «Очерки Минусинского края: Писаницы по р. Мане» (Томск, 1904), Буссе Ф.Ф., Кропоткин П.А. «Древности Амурского края» (Владивосток, 1908), Гребенщиков А.В. «К изучению истории Амурского края по данным археологии» (Владивосток, 1916). Вопросам *экономики* посвящалась работа В.П. Маргаритова «Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ речки Седими» (Владивосток, 1887). Исследовались *жилища* – «План земляной насыпи, называемой Царев курган, и других: двум, около него лежащим, третьему на север и часовни, в которой старинный образ Святой Троицы: Сняты в 1872 г.: Масштаб 100 саженей в д.» (Тобольск, 1889). Вопросов *антропологии* касались труды: Горощенко К.И. «Курганные черепа Минусинского округа» (Минусинск, 1900), Кузнецов С.К., Чугунов С.М. «Случайная находка натуральной мумии в Томске» (Томск, 1889), Сорокин Н. «Могила хана Тохтамыша» (Тобольск, 1869), Флоринский В.М. «Двадцать три человеческих черепа Томского археологического музея» (Томск, 1890), Чугунов С.М. «Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ» (Томск, 1905). *Палеонтологии* касалась работа И.Т. Савенкова «О находке некоторых костей мамонта вблизи села Барабановского Красноярского округа Енисейской губернии» (Красноярск, 1896). Имелись работы о *древней письменности*: Клеменц Д.А. «Северо-азиатские рунические письмена и чтение их» (Иркутск, 1895), Попов Н.И. «О памятниках тангутского и монгольского письма в Минусинском крае» (Иркутск, 1874). Публиковали работы по *искусству* – Овчинников Н. «О "писаных" камнях в Томском уезде» (Барнаул, 1910), Скалон В.Н., Хороших П.П. «Домашние лоси на наскальных рисунках в Сибири» (Б.м., б.г.), Скосырев Н. «Археологическая редкость ризницы Тобольского кафедрального собора (плащаница, шитая от руки разными шелками)» (Тобольск, 1890). Были труды по *охране памятников* – Кузнецов С.К. «К вопросу об охране древностей от истребления» (Томск, 1894) и по церковной археологии – «Устав Томского церковного историко-археологического общества» (Томск, 1914).

Территории. Археологическому изучению подвергались различные ***районы Северной Азии*.** Издавались работы, касавшиеся *всей Северной Азии* – Клеменц Д. «Северо-азиатские рунические письмена и чтение их» (Иркутск, 1895); *всей Сибири* – Адрианов А. «Курганография Сибири:

Обращение ко всем любителям старины и изуч. края» (Томск, 1884); *районов Западной Сибири* – Голодников К. «Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности» (Тобольск, 1879), Дудоладов А. «Раскопка курганов Тобольской губернии в 1882 году» (Омск, 1882); *районов юга Сибири* – Адрианов А.В. «Очерки Минусинского края: Писаницы по р. Мане» (Томск, 1904); *районов Восточной Сибири*: *Прибайкалья* – Витковский Н. «Следы каменного века в долине реки Ангары» (Иркутск, 1889) и *Забайкалья* – Давыдов Д. «О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа» (Б.м., 1856); *Российского Дальнего Востока* – Буссе Ф.Ф., Кропоткин П.А. «Древности Амурского края» (Владивосток, 1908), Гребенщиков А.В. «К изучению истории Амурского края по данным археологии» (Владивосток, 1916).

Структура работ и их содержание. Работа А.В. Адрианова [3] состояла из девяти разделов, некоторые из которых были построены в форме путевого дневника. Первая часть посвящена описанию маршрута от Томска до Минусинска, вторая – раскопкам курганов в Минусинске; третья – маршруту от Минусинска до Кырлыгана и т.д. Помимо описания маршрутов, дано изложение археологических раскопок.

В работе С.К. Кузнецова [4]. давался перечень археологических памятников, выявленных автором, а внутри – по числам, изложен процесс их исследования. – Деревня Чернильщикова, Тоянов городок, Дер. Тохтамышевы юрты, Томский могильник.

В одной из работ И.Я. Словцова [5] были выделены: I. Лесной район (187 памятников), II. Лесостепной район (памятники 188–937). Другая его работа [6] имела восемь разделов и Приложения. Здесь приводились геологические сведения, давалось описание памятников, жилищ, характеристика орудий, инвентаря, керамики, фауны. Рассматривались вопросы периодизации и хронологии, погребальный обряд. В Приложении помещались: карта окрестностей г. Тюмени, карта местности Козий мыс, план Андрюшкина городка, планы траншей; рисунки находок и т.д.

В работе С.М. Чугунова [7] давалась географическая характеристика горной системы Тянь-Шаня, приводились сведения о площади, численности населения Ферганской долины, точки зрения по отнесению киргизов к группе тюрко-татарских племен, антропологические отличия между таджиками и кара-киргизами, давались данные о росте, строении тела киргизов. Были выделены черепа кавказской, тюркской, монгольской рас. В разделе «Общие вопросы о типе киргизов» был обобщен весь материал.

Работа С.А. Григорьева [8] посвящалась результатам археологической разведки 1916 г. Были обследованы устья рр. Орлинги, Илги, Тутуры. Были найдены: коллективный могильник, рисунки изображений животных,

культурные археологические слои, каменные орудия, железные стрелы, остатки древних шахт и штольни, а также костяк человека.

В работе Н.И. Витковского [9] речь шла о погребальных памятниках эпохи неолита. В работе дано описание рельефа и местности, изложен процесс раскопок «могильного бугра», представлено описание 12 останков людей – их местоположение, сопроводительный инвентарь; а также – описание трех куч различных вещей, очагов и следов огнищ. Затем изложен процесс раскопок в местностях «Пески», «Барсучьи норы», «Побережье», «Братский луг» и др. Находки разделены на три группы: I. Изделия из камня; II. Изделия из кости; III. Кости человека и животных. Дано описание 51 изделия из камня. Приведены аналогии с изделиями из музея ВСОИРГО, с Антропологической выставки в Москве, сведения И.С. Полякова Представлено описание орудий, керамики и украшений. Дано описание черепов и костей других частей тела. Приведена реконструкция климатической ситуации и образа жизни древнего человека; представлен анализ инвентаря. Дан обзор находок Пуцилло, Полякова, Ровинского, Агапитова. Автор пришел к выводу, что можно ставить вопрос о существовании в Восточной Сибири человека в эпоху неолита.

В работе В.А. Обручева [10] приведены сведения о том, что Д.А. Клеменц в своих путешествиях по внутренней Азии «собрал материалы для археологической карты Северной Монголии» [10, С. 11].

С. Ольденбург в своей работе [11] отмечал, что Д.А. Клеменц совершенно верно считал свою экспедиции разведочной и «справился со своею задачей в весьма полной мере» [11, С. 225]. Приведено перечисление памятников, обнаруженных Д.А. Клеменцем в период его путешествия (15 пунктов) – остатки городов, пещеры, медресе, монастырей и т. д. [11, С. 225–226]. Определяя значение открытий, С.Ф. Ольденбург отмечал: «Только при сравнении книги Д.А. с последующими описаниями Турфанских древностей другими экспедициями, можно составить себе точное представление о значении работы Д.А., как первого шага на том пути открытия новых культур, которые обнаружил для нас китайский Туркестан» [11, С. 230].

Выводы. Таким образом, можно говорить о том, что в дореволюционный период в издании литературы в Сибири проявлялся определенный интерес. Наиболее активно подобная литература публиковалась в Томске и Иркутске. Авторами являлись краеведы, политические ссыльные, участники различных обществ, сотрудники вузов. Работы печатались в различных типографиях и имели различный объем - от небольших статей до крупных монографий. Различными были и тиражи: от нескольких десятков до нескольких тысяч. Периоды, охватываемые в работах, были различными. Внимание привлекали различные эпохи каменного века, палеометалла и средневековья. Многие работы имели комплексный характер, некоторые посвящались экономике, антропологии, письменности, искусству, охране памятников. Территориальный охват работ

был различным – от некоторых небольших территорий Сибири, до всей Северной Азии. Различной была и структура работ, которая зависела от задач, стоящих перед ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.: В 3 т. / Сост. Р.Е. Павлова (отв. сост.) и др.; Науч. ред. Е.Б. Соболева. – Новосибирск, 2004. – Т. 1. 1790–1900 гг. – 507 с.
2. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.: В 3 т. / Сост. Р.Е. Павлова (отв. сост.) и др.; Науч. ред. Е.Б. Соболева. – Новосибирск, 2004. – Т 2. 1901–1917 гг. – 709 с.
3. Адрианов *А.В.* Очерки Минусинского края: Писаницы по р. Мане // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. Отдел II. – 1904. – С. 3–61.
4. Кузнецов *С.К.* Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года. – Томск: Тип. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1890. – 81 с., с картою, пл. и 4 табл. рис. и черт.
5. Словцов *И.Я.* Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии. – Томск: Тип. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1890. – 24 с.
6. Словцов *И.Я.* О находках предметов каменного периода близ города Тюмени в 1883 году. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1885. – 59 с., 2 карты, 2 пл. и 12 табл. рис.
7. Чугунов *С.М.* Материалы для антропологии Сибири. Вып. 6. К вопросу об антропологическом типе киргизов // Известия ИТУ. – Кн. 7. отд. 2. – Томск, 1895. – С. 1–80: 2 л. ил.
8. Григорьев *С.А.* Краткое сообщение об археологической поездке в долину р. Лены // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Посвящается памяти Дмитрия Александровича Клеменца; под ред. правителя дел И.И. Серебренникова. – Иркутск: Типография Иркутского Т-ва Печатного Дела, 1917. – Т. XLV. 1916 год. – С. 313–315.
9. Витковский *Н.И.* Отчет о раскопках могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенный летом 1881 г. (С картою и тремя таблицами рисунков). – Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1882. – 97 с.: с карт.
10. Обручев *В.А.* Обзор путешествий Д.А. Клеменца по Внутренней Азии и их географических и геологических результатов // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Посвящается памяти Дмитрия Александровича Клеменца; под ред. правителя дел И.И. Серебренникова. – Иркутск: Типография Иркутского Т-ва Печатного Дела, 1917. – Т. XLV. 1916 год. – С. 1–34.
11. Ольденбург С. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 году / Ольденбург // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Посвящается памяти Дмитрия Александровича Клеменца; под ред. правителя дел И.И. Серебренникова. – Иркутск: Типография Иркутского Т-ва Печатного Дела, 1917. – Т. XLV. 1916 год. – С. 219–231.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 168.522

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ, АРХИВАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Е.М. Балабанова, студент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
г. Орёл, Россия

Аннотация. Статья посвящена методологическим трудностям культурологии в изучении цифровой культуры. Анализируются проблемы исследования, архивации и интерпретации сетевых явлений. Предлагается объединение классических подходов с методами цифровых гуманитарных наук.

Ключевые слова: цифровая культура, культурология, архивация, интерпретация, методология.

Введение. Цифровая среда – социальные сети, онлайн-игры, стримы, блоги – стала главным пространством, где сегодня рождаются и живут культурные смыслы. Это ставит перед культурологией, наукой о культуре, серьезные вопросы. Традиционно культурологи изучали то, что можно назвать устойчивыми объектами: книги, картины, обряды, памятники. Эти предметы относительно стабильны, их можно подержать в руках или описать как законченный текст.

Однако культура в интернете устроена иначе. Она текучая, мгновенно меняется и часто существует только «здесь и сейчас». Мемы, обсуждения в чатах, видеоролики в TikTok появляются и исчезают, их бесконечно переделывают пользователи. Как отмечал социолог Мануэль Кастельс, мы живем в «культуре реальной виртуальности» [1], где онлайн-жизнь плотно переплетена с оффлайн-реальностью. Классическая культурология, с её вниманием к целостным формам и исторической традиции, оказывается в сложном положении [2]. Ей приходится иметь дело не с готовыми произведениями, а с процессами, и не с отдельными авторами, а с сетями пользователей.

Таким образом, цифровая культура – это не просто новая тема для изучения. Это вызов самим основам дисциплины. Основные трудности возникают на трёх этапах: как описать и изучить этот постоянно движущийся объект, как сохранить его для будущих исследований и как правильно понять его значение. Эта статья посвящена анализу этих трёх взаимосвязанных проблем.

Постановка задачи. Цель работы – проанализировать главные методологические трудности, с которыми сталкивается культурология при обращении к цифровой культуре, и наметить возможные пути их решения. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить ключевые особенности цифровой культуры, которые делают её сложным объектом для классических методов исследования.
2. Разобрать проблемы, связанные с долговременным сохранением цифрового культурного наследия.
3. Рассмотреть трудности в понимании и интерпретации смыслов, рождающихся в сетевой среде.
4. Предложить принципы обновлённого подхода, который бы сочетал проверенные методы культурологии с инструментами современных цифровых исследований.

Методика и методология исследования. В основе исследования лежит междисциплинарный подход. Мы используем методы, принятые в разных областях знания, чтобы получить более полную картину.

- Сравнительный анализ: мы сопоставляем, как устроены традиционные культурные формы (например, книга) и цифровые (например, блог).
- Концептуальный анализ: мы пересматриваем базовые понятия культурологии («текст», «архив») в свете цифровых изменений.
- Анализ существующих подходов: мы опираемся на опыт таких направлений, как медиафилософия и цифровая этнография, которые уже наработали практики изучения онлайн-среды [3; 4].
- Теоретическое обобщение: на основе этого анализа мы предлагаем общие принципы для новой исследовательской стратегии.

Такой комплексный метод позволяет не просто указать на проблемы, но и предложить конструктивные решения.

Результаты

Проблема исследования: как поймать облако? Первая трудность – просто поймать и зафиксировать объект для изучения. Представьте, что вы хотите исследовать обсуждение нового фильма в социальной сети. Это не готовый текст, а живой процесс: тысячи комментариев появляются каждую минуту, ветки обсуждения разрастаются, пользователи реагируют картинками и видео. Границы такого явления размыты. Когда оно началось? Когда закончилось? Кто автор – один человек или всё сообщество?

Классический метод «медленного чтения» и вдумчивого анализа одного текста здесь плохо работает. Исследователь сталкивается с огромным массивом быстро меняющихся данных. Для работы с этим нужны новые инструменты, которые часто объединяют под названием «цифровые гуманитарные науки» (Digital Humanities). Это могут быть программы для анализа больших наборов текстов, визуализации связей между пользователями или отслеживания популярных тем [5]. Однако здесь есть

ловушка: можно увлечься графиками и цифрами, забыв о самом содержании и смыслах, которые создают люди. Поэтому идеальный подход – это комбинация: компьютерные методы помогают увидеть общую картину и найти интересные точки, а затем культуролог применяет традиционные качественные методы (наблюдение, интервью, анализ конкретных сообщений), чтобы глубоко понять, что именно происходит в этих точках.

Проблема архивации: как сохранить снежинку? Даже если исследователю удалось описать какое-то явление цифровой культуры, встаёт вопрос: как сохранить его для истории? С традиционным артефактом всё просто: книгу можно поставить на полку, картину – повесить в музее. Цифровой объект – например, сайт или компьютерная игра – жёстко привязан к своей технологической среде. Старая игра может не запуститься на современном компьютере, динамичный сайт теряет весь смысл, если не работает его интерактивная часть. Цифровые носители стареют, форматы файлов устаревают. Это явление называют «цифровым тленом» [6].

Поэтому архивация цифровой культуры – это уже не просто складывание файлов в папку. Это сложная инженерная задача. Современные специалисты говорят о сохранении не только самого «контента» (текстов, картинок), но и его «поведения» и «контекста». Иногда для этого создают специальные эмуляторы – программы, которые воссоздают старую операционную систему, чтобы можно было запустить ретро-игру или увидеть сайт таким, каким он был 20 лет назад. Для культуролога это означает, что архив будущего станет больше похож на интерактивную лабораторию, где можно будет не только читать о прошлом, но и в какой-то мере «переживать» его цифровую среду.

Проблема интерпретации: где искать смысл? Предположим, объект изучен и сохранён. Как понять его значение? Здесь культуролога подстерегают две крайности.

Первая крайность – технологический детерминизм. Это когда считается, что смысл цифровых явлений полностью определяется устройством платформ и алгоритмов. Например, что поведение людей в социальной сети на 100% задано кнопкой «лайк» и системой рекомендаций. В такой логике культура становится просто приложением к коду программы, а роль человека сводится к минимуму.

Вторая крайность – гуманитарный редукционизм. Это когда новые явления пытаются объяснить старыми понятиями, не учитывая их специфики. Например, общение в мессенджере рассматривают как обычную переписку, игнорируя его мгновенность, использование стикеров, голосовых сообщений и создание общих чатов.

Чтобы избежать этих крайностей, нужен сбалансированный подход. Современный философ Лучано Флориди говорит о необходимости «двойной герменевтики» цифрового мира [7]. Это значит, что мы должны учиться читать и интерпретировать два «слоя» одновременно:

1. Технологический слой: как устроена платформа? Какие алгоритмы показывают нам контент? Кто и как управляет этим пространством?
2. Человеческий слой: как люди используют эти технологии? Какие новые шутки, ритуалы, формы искусства и сообщества они создают внутри заданных рамок?

Важно понимать, что алгоритмы – не нейтральные инструменты. Они активно влияют на то, что мы видим и как мы общаемся, то есть становятся «соавторами» культуры. Задача культуролога – научиться интерпретировать и этот новый тип авторства.

Выводы. Цифровая культура заставляет культурологию пересмотреть свои подходы. Это не просто появление новой темы, а сигнал к глубокому обновлению методов работы.

Главный вывод исследования заключается в том, что для успешного изучения цифровой среды классические методы культурологии необходимо объединять с методами цифровых гуманитарных наук. Они не должны заменять, а должны дополнять друг друга. Компьютерный анализ больших данных помогает увидеть общие тренды и масштабные patterns. Традиционный качественный анализ – интервью, наблюдение, вдумчивое чтение – позволяет понять личные смыслы, мотивы и ценности людей, стоящих за этими трендами.

Перспективы дальнейшей работы видятся в нескольких направлениях:

1. Создание конкретных методик: нужно разрабатывать чёткие инструкции и проводить практические исследования (кейс-стади) по анализу конкретных цифровых феноменов, например, культуры подкастов или мира киберспорта.
2. Междисциплинарное сотрудничество: культурологам необходимо активнее работать вместе с программистами, дизайнерами и специалистами по данным в рамках общих проектов и лабораторий.
3. Обсуждение этических вопросов: важно выработать правила ответственного исследования цифровой среды, которые защищали бы приватность пользователей и учитывали бы культурные различия.

В конечном счёте, вызов цифровой культуры – это не угроза, а возможность для культурологии стать более современной, гибкой и востребованной наукой. Преодолевая эти методологические трудности, культурология может предложить обществу глубокое понимание того, как технологии меняют нашу жизнь, общение и самовыражение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1975. – 504 с.

3. Савчук, В.В. Медиафилософия. Приступ реальности / В.В. Савчук. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2013. – 352 с.
4. Божок, А.С. Цифровая этнография: методология и практика исследования онлайн-сообществ / А.С. Божок // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 3–20.
5. Манович, Л. Культурная аналитика в эпоху Big Data / Л. Манович // Логос. – 2017. – Т. 27, № 6. – С. 1–30.
6. Розенталь, О.С. Цифровое наследие: проблемы сохранения и актуализации / О.С. Розенталь // Вопросы музеологии. – 2018. – № 2 (18). – С. 110–119.
7. Флориди, Л. Четвертая революция: Как инфосфера меняет человеческую реальность / Л. Флориди; пер. с англ. А. Юдина. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2021. – 328 с.

УДК 130.2:791.4

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ВИДЕО-РЕКЛАМЕ

И.Л. Казакова, магистр, инженер-исследователь Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 25-28-00351 «Репрезентация повседневности в советской визуальной культуре 1950-х – 1970-х гг.»)

Аннотация. Статья анализирует способы репрезентации повседневности в советской видео-рекламе 1950–1970-х годов. На основе эмпирического материала выявляются типичные бытовые сюжеты, практики использования товаров и услуг и их идеализированное включение в медийный образ повседневной жизни.

Ключевые слова: реклама, видео-реклама, советский союз, повседневность, репрезентация повседневности.

Введение. Советская видео-реклама на данный момент остается слабоизученным объектом. Присутствуют отдельные работы, касающиеся социальной рекламы в анимационном кино [1], хорошо изучены другие узкие направления рекламы, связанные с плакатным искусством [2], рекламой в отдельных газетах [3] или по отдельным категориям товаров [4]. При этом большинство исследований касаются вопросов художественных приемов [5] или моментов идеологического воздействия советской рекламы [6], крайне мало внимания уделяется вопросу отображения бытовой, общеизвестной жизни, то есть вопросу репрезентации повседневности.

Повседневность в данном случае рассматривается как комплекс практик обыденной жизни, включающих в себя как социальные взаимодействия, так и использование различных предметов и объектов.

Репрезентация же повседневности – это отображение данных практик в медиа-тексте. Отдельно хочется подчеркнуть, что с точки зрения изучения репрезентации повседневности интересна реклама, так как она напрямую работает с товарами и услугами, которые используются в быту. Как следствие, по объемам, тематикам и особенностям рекламы можно делать достаточно обоснованные выводы о реальной жизни и быте населения. Например, в уже упомянутой выше статье, Н.В. Старых показано, как менялось содержание рекламных объявлений в зависимости от периода их публикации, отражая реально существовавшие потребности публики [1, С. 167].

Соответственно, интересной проблемой становится изучение того, как именно происходила репрезентация повседневности в советской видео-рекламе. Под «советской» здесь подразумевается реклама периода с 1950-х до конца 1970-х годов, так как это время переосмысления рекламы и её роли в экономике [7, С. 47]. Видео-реклама представляет особенный интерес, так как этот вид рекламы позволяет визуально запечатлеть и отобразить материальную культуру, а вместе с ней отобразить и существующие практики повседневности.

Постановка задачи

Целью данной работы является описать основные практики репрезентации повседневности в рекламных видео-роликах (короткометражных рекламных кинофильмах, телефильмах). Для достижения данной цели необходимо было выполнить несколько задач: поиск и отбор материала, анализ отобранных видео-роликов с точки зрения вопроса репрезентации повседневности. Подробнее про методы решения этих задач написано в следующем разделе.

Методика и методология исследования

Для выполнения поставленных задач по поиску и отбора материала были определены критерии отбора видеороликов: это должны были быть короткометражные самостоятельные (не являющиеся вырезанным из фильма эпизодом) ролики, созданные в Советском Союзе в период с 1950-го по 1980 год, в которых бы ясно и открыто присутствовал рекламируемый товар или услуга. При этом важно, что в работу отбирались исключительно ролики, текстовые описания сюжетов или покадровые описания не подходили для цели исследования. Не менее важно, что из исследования исключались ролики, созданные для внешнего рынка Далее с опорой на эти критерии был произведен поиск по сети Интернет, включая поиск через поисковые системы Google и Яндекс, запросы в каталогах архивов Госфильмофонда России, Российского Государственного Архива Кинофотофонодокументов, а также смежные любительские и профессиональные каталоги, посвященные киноархивам (например, НэтФильм) или рекламируемым образцам техники.

Поиск роликов происходил по двум основным схемам, «от ролика к информации» и «от информации к ролику». В первом случае в результате

широкого запроса в поисковые системы находился ролик, после чего по присутствующим в кадре и озвучке ключевым элементам (логотип киностудии, название ролика в кадре, модель рекламируемого образца техники) производился поиск информации о ролике. Вторая схема, «от информации к ролику», заключалась в поиске через каталоги киноархивов по ключевым словам «реклама», отдельным наименованиям услуг или товаров (например, «сберегательная касса» или «госстрах») с ограничениями по временному периоду, после чего происходил поиск видео-ролика.

К сожалению, образцы советской видео-рекламы каталогизированы недостаточно подробно из-за чего частой проблемой было то, что удавалось найти или сам образец, или его описание. И таким образом оказывается проблематичным установить режиссёров тех или иных роликов. Как следствие, информация о режиссерском авторстве опущена.

Анализ отобранных видео-роликов производился путем просмотра материала и выделения ключевых моментов, связанных с репрезентацией повседневности и её использованием в рекламном ролике. Ключевыми моментами репрезентации были вопросы кто и в каких ролях изображается в ролике, какая обстановка используется и с помощью каких кинематографических приемов она изображается, какие практики находят отражение в тексте рекламного ролика. Отдельный важный аспект — учесть тенденцию советской рекламы к формированию поведения и, как следствие, практик потребления [7, С. 48; 8, С. 66]. Результаты анализа были обобщены и выводы изложены в следующем разделе.

Результаты. Для советской видео-рекламы, направленной на внутренний рынок, довольно характерно обращение к сюжетам, которые были бы более чем известны и понятны обывателю, помещенные в такое же понятное бытовое пространство. Возьмем как базовый пример этого приема рекламу телевизора «Юность-402» [9]. В данной рекламе сюжет строится вокруг отца, который потерял в квартире свой телевизор. Он по очереди обходит все комнаты и всех домочадцев: смотрящую большой телевизор старшую дочь, играющую младшую дочь и, наконец, находит старшего сына, вместе с котом смотрящего по «Юности» репортаж. Обнаружив сына и повеселев от его поведения, отец присоединяется к нему и они уже вдвоем смотрят спортивный репортаж. То есть реклама показывает очень понятную и простую картинку из жизни, в которую оказывается внедрен рекламируемый товар. При этом фантастические либо стилизационные моменты или отсутствуют, или оказываются минимальны.

При этом степень интеграции объекта рекламирования в сюжет варьируются очень широко. Например, на одном краю этого спектра можно поместить рекламу магнитофона «Спутник-403» [10], который показывает романтический сюжет: парень исполняет серенаду девушке под окном многоквартирного дома, но оказывается, что песню исполнял магнитофон. Таким образом, объект рекламирования здесь оказывается в центре сюжета.

На другом же краю этого спектра находится реклама Госстраха РСФСР, короткометражный фильм «Съездили» [11]. В этом фильме изображена поездка на зимнюю рыбалку, которая неожиданно обрывается когда из-за пары сторонних курильщиков загорается общая стоянка рыбаков и машина главных героев взрывается. И единственным моментом с упоминанием рекламируемой страховки является короткий диалог поверх финальных титров, где один из друзей-рыбаков спрашивает водителя о страховке. Какая-либо наррация или любой другой приём, который бы демонстрировал понятную зрителю пользу от данной услуги отсутствует. Таким образом, здесь рекламируемая услуга лишь упоминается и явно никак не включена в происходящий сюжет.

Довольно интересно, что в относительно длительных (до пяти минут) рекламных фильмах, посвященных не материальным товарам, а услугам, прослеживается тенденция детально демонстрировать практики этих услуг, одновременно с этим переплетая их с различными бытовыми ситуациями и устоявшимися практиками. То есть, с одной стороны, зритель получает подробную инструкцию по рекламируемым услугам, а с другой стороны наглядно показывается как эти услуги могут использоваться в реальной жизни.

Как базовый пример можно привести довольно любопытный рекламный фильм «В сберегательной кассе» [12], где рекламируются сберегательные кассы и их услуги. Одной из таких услуг является «расчетный чек», который лучшая контроллёр Ольга этой сберкассы предлагает щёгольски одетому мужчине, который явился в кассу в сопровождении двух рослых штангистов, чтобы снять деньги для покупки жигулей. То есть здесь наглядно видна специфическая практика найма «охраны» людьми, которым нужно взять с собой большую сумму из банка – и банковская услуга расчетного чека предлагается как более удобное и безопасное решение. Точно так же перед этим Ольга обслужила запыхавшегося мужчину, рассказав ему про возможность автоматических отчислений – аналогично, услуга банка напрямую противопоставляется частой практической проблеме.

В 1970-е годы было снято несколько реклам трехпроцентного займа и связанной с ним лотереи. Мне удалось найти три такие рекламы, которые следуют по одной и той же схеме сюжета: представление проблемы – демонстрация лотереи – решение проблемы. Меняются детали сюжета, конкретная ситуация-проблема, главные герои, но неизменными остаются две вещи: кадры с идеализированным отображением процесса розыгрыша лотереи и разрешение проблемы с помощью этой лотереи. В одной из этих реклам дедушка размышляет о подарке внуку [13], в другой герой покупает новый телевизор в кредит [14], в третьей – муж ищет пуховой платок для жены [15]. Кроме документального и подробного характера репрезентации лотереи, детали повседневной жизни, будь то мелочи быта или социальные

нормы изображаются подробно и идеализированно, пускай и в меньшей степени (например, в «Денежно-вещевой лотерее» муж расстраивается, что выиграл автомобиль, который его жене не нужен, вместо подходящего ей в подарок пухового платка).

Очень похоже выполнена и реклама услуг сберегательных касс [16]. В ней сюжет следует за отправившимся в отпускной сезон в «необычное» место – на Урал – мужем, где он встречает путешествующих на машине старых знакомых и присоединяется к ним. И в ходе сменяющихся кадров узнаваемого и детально изображенного автомобильного туристского отдыха (палатки, складная мебель, пикники), муж жалуется своему старому знакомому на недостаток денег для такого же комфортного автомобильного туризма или более обыкновенного отдыха «на юге». Старый знакомый же отвечает главному герою, что нужно пользоваться сберкассой, детально объясняя, как это сделать и что это даст. В конце ролика нам вновь очень детально, практически как иллюстрацию к инструкции, показывают, как можно успешно пользоваться услугами сберегательной кассы. Здесь вновь видно, как рекламируемые услуги перекликаются с ситуацией и решают заявленную проблему.

Также заметна репрезентация распространенных практик повседневности, которые не влияют напрямую на сюжет, но дополняют изображаемую картину деталями, делая её более узнаваемой, сентиментальной и правдоподобной. Так, в конце «В Сберегательной кассе» контроллёр приветствует своего молодого человека, который зашел за ней после работы – достаточно распространенный и узнаваемый знак внимания. А в «Счастливого пути» есть очень много сторонних диалогов с женой и старым знакомым, которые проговаривают известные для периода 1970-х годов сюжеты: отдых на юге, исчезающие небольшие деревни.

Выводы. В ходе проделанного анализа эмпирического материала советских видео-реклам удалось выявить несколько интересных тенденций в репрезентации повседневности.

Во-первых, советская видео-реклама часто отображает известные практики повседневности, изображая их часто очень детально.

Во-вторых, при демонстрации рекламируемых услуг было характерно давать идеализированную картинку их использования.

В-третьих, в рекламе регулярно использовался приём интеграции товара или услуги в бытовую ситуацию, часто в роли решения конкретной бытовой проблемы.

В-четвертых, менее значительные детали повседневности часто отражались в рекламе реалистично, создавая сентиментальное или юмористическое настроение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голикова-Пошка Е.В. Социальная реклама в советском анимационном кино 1950–1980 гг // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №2 (28). с 182–190

2. Сафонова В.В. Плакатная реклама советского периода как текст культуры. // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2010, №1. с. 201–208
3. Старых Н.В. Советское зазеркалье: повседневность в отражении
Рекламных полос «Вечерней Москвы» // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 3 с. 164–171
4. Кравцова, Л.П. «Дайте народу пиво»: О советской рекламе алкогольного рынка (лингвокультурологический аспект) // Медиалингвистика, 2018. 5 (4), с. 424–435
5. Лизунова А.Я. Реклама в советский период: идеология и креатив // РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ. Материалы XXXI Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В 2-х томах. Санкт-Петербург, 2025. с. 548–552
6. Остапенко Е.Н. Использование символов идеологической направленности в рекламе товаров советского периода истории // Наука и мир. 2016. 12-3 (40). с. 37–39
7. Исаев С.М. О рекламном характере «Советской рекламы» 1917–1991 годов // Практический маркетинг. 2020. №2 (276). с. 36–52
8. Ванина М.А., Капитонов А.А. Реклама в советской плановой экономике: сущность, функции, формы // Вестник Молодых Ученых Самарского Государственного Экономического Университета. 2019. 1(39). с. 64–67
9. Реклама телевизора «Юность-402». 1977. URL: https://www.youtube.com/watch?v=h5JgqVzNWEA.
10. Реклама магнитофона «Спутник-403». 1976. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yv3ot9jyk10.
11. «Съездили». 1976. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2BTO6lBINIE&list=PLGvldwRDbxYKCht4PkyiBAWoEyFrTAl0G&index=25.
12. «В сберегательной кассе». 1974 URL: https://youtu.be/9S5qEQTuVG4?list=PLGvldwRDbxYKCht4PkyiBAWoEyFrTAl0G.
13. «Подарок». 1976. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gN9esqLTkDc&list=PLGvldwRDbxYKCht4PkyiBAWoEyFrTAl0G&index=19.
14. «Надежно, выгодно, удобно». 1975. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Zk_rhBw4nZg&list=PLGvldwRDbxYKCht4PkyiBAWoEyFrTAl0G&index=14.
15. «Денежно-вещевая лотерея». 1976. URL: https://www.youtube.com/watch?v=F-h8rkoHatQ&list=PLGvldwRDbxYKCht4PkyiBAWoEyFrTAl0G&index=18.
16. «Счастливого пути!». 1976. URL: https://www.youtube.com/watch?v=8frweIrj9hc&list=PLGvldwRDbxYKCht4PkyiBAWoEyFrTAl0G&index=17.

УДК 303

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

А.Р. Мухутдинов, студент
Е.А. Будько, канд. фил. наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
Уфимский университет науки и технологий (Нефтекамский филиал)
г. Нефтекамск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается сущность и функции государственной культурной политики в контексте современных социокультурных вызовов. Анализируется влияние государственного регулирования сферы культуры на формирование общенациональной идентичности, развитие человеческого капитала и сохранение социального единства. Особое внимание уделяется переходу от патерналистской модели управления к партнерской, а также нормативно-правовым основам культурной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: культурная политика, социокультурная динамика, национальная идентичность, человеческий капитал, государственное управление, культурные ценности.

Введение. В условиях глобализации и цифровой трансформации культура перестает быть исключительно сферой досуга и художественного творчества. В XXI веке она приобретает статус стратегического ресурса государства, обеспечивающего национальную безопасность и суверенитет. Культурная политика государства – это не просто механизм распределения бюджетных средств между театрами и музеями, а сложная система смыслополагания, направленная на формирование ценностного ядра общества.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления роли государства в процессах инкультурации и социализации граждан. Как отмечает ряд исследователей, отсутствие внятной культурной стратегии ведет к атомизации общества и утрате цивилизационной идентичности. Цель данной работы – выявить ключевые механизмы влияния государственной культурной политики на качественное развитие общества.

С точки зрения культурологии, культурная политика представляет собой совокупность научно обоснованных взглядов и мероприятий, осуществляемых государством для сохранения и создания культурных ценностей.

В мировой практике выделяют несколько базовых моделей взаимодействия государства и культуры:

1. Либеральная модель: Государство создает лишь правовые рамки (налоговые льготы), а финансирование осуществляется через меценатство и фонды.

2. Патерналистская модель: Государство берет на себя полную ответственность за содержание учреждений культуры и определяет идеологический вектор.

3. Партнерская модель: Взаимодействие государства, бизнеса и некоммерческого сектора на основе грантовой поддержки и государственно-частного партнерства.

Для современной России, согласно нормативным документам, характерен синтез, при котором государство выступает главным гарантом сохранения культурного наследия, но поощряет инициативы гражданского общества [1].

Влияние культурной политики на развитие общества. Эффективная культурная политика оказывает прямое воздействие на развитие общества по трем ключевым направлениям:

Формирование национальной идентичности. В условиях размывания границ культурная политика выступает инструментом «сборки» нации. Через поддержку исторического просвещения, национального кинематографа и защиту русского языка государство формирует единое смысловое пространство. Как указано в «Основах государственной культурной политики», культура является инструментом передачи моральных, этических и эстетических ценностей [2]. Это предотвращает социокультурный раскол и маргинализацию отдельных групп.

Развитие человеческого капитала. Культурологический подход рассматривает человека не как трудовой ресурс, а как творческую личность. Доступность культурных благ (библиотек, цифровых ресурсов, музеев) напрямую влияет на креативный потенциал нации. Инвестиции в культуру обладают мультипликативным эффектом: они повышают уровень образования, снижают уровень преступности и способствуют инновационному развитию экономики.

Социальная терапия и гармонизация. Культура обладает мощным гармонизирующим потенциалом. Государственная поддержка поликультурности и диалога культур в многонациональном государстве является профилактикой экстремизма. Программы, направленные на поддержку локальных культур и традиций, позволяют регионам чувствовать свою включенность в общее цивилизационное пространство.

Современные вызовы. Развитие общества сегодня сталкивается с новыми вызовами, на которые должна реагировать культурная политика:

- Цифровизация: необходимость оцифровки наследия и борьба за внимание аудитории в интернете.

- Коммерциализация: риск подмены высокой культуры массовым развлекательным продуктом «китчем», что ведет к деградации эстетического вкуса населения.

Заключение. Культурная политика государства является неотъемлемым элементом стратегии национального развития. Ее влияние на

общество выражается в укреплении гражданской идентичности, росте качества человеческого капитала и обеспечении социальной стабильности. Перспективы развития российского общества напрямую зависят от того, насколько эффективно государство сможет сочетать охранительные функции (сбережение традиций) с поддержкой инновационных культурных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьева, О.Н. Государственная культурная политика: от теоретических моделей к практическим решениям / О.Н. Астафьева // Культурологический журнал. – 2016. – № 1.
2. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».
3. Флиер, А.Я. Культурная политика и ее социальные основания / А. Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 3. – С. 13–24.
4. Востряков, Л.Е. Модели культурной политики: особенности и опыт реализации / Л. Е. Востряков // Управленческое консультирование. – 2019. – № 5. [https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-model-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-rossii].
5. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р).

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 391.9

«РУССКИЙ СТИЛЬ» В МОДНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ XXI В.: МОДА И ПОЛИТИКА

Д.Д. Грецова, студент
Научный руководитель – О.В. Пекарш, канд. ист. наук, доцент
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
г. Самара, Россия

Аннотация. Мода является одним из инструментов «мягкой силы» в России. Одним из способов применения данного инструмента является анализ «русского стиля» в российских и европейских коллекциях. Особое внимание уделяется реакции в индустрии моды на политические события, связанные с РФ в 2004–2015 гг.

Ключевые слова: «русский стиль», мода, «мягкая сила».

Введение. С конца XX в. в качестве эффективной внешнеполитической стратегии набирает популярность «мягкая сила». Это понятие означает использование привлекательности культурных ценностей страны для получения поддержки других государств и воздействия на противоборствующую сторону. На данный момент многие страны используют инструменты мягкой силы для повышения своего статуса на международной арене. Россия не стала исключением.

Постановка задачи. Анализ концептуальных внешнеполитических документов РФ показывает, что с 2008 г. по 2016 г. «мягкой силе» и культурной дипломатии придавали всё большее значение [1; 2; 3; 4]. На мой взгляд, мода, являясь частью культуры, также превратилась в инструмент мягкой силы, помогая увеличить влияние на международной арене через различные продукты и тенденции, непосредственно связанные с имиджем, который создают страны [5].

Актуальность данного исследования подтверждается тем, что в начале XXI в. российские дизайнеры, опираясь на свои собственные усилия и не используя поддержку государства, создают культурный потенциал использования моды как инструмента «мягкой силы».

Результаты. Отметим, что с момента формального обращения Российской Федерации к использованию мягкой силы, её позиции в рейтингах Soft Power были не самыми передовыми и устойчивыми.

Например, в исследовании Soft Power Index, которое, начиная с 2010 г., ежегодно публиковалось британской некоммерческой организацией Институт управления (Institute for Government) в партнерстве с британским

журналом Monocle, в 2010 г. Российская Федерация занимала 26-е место [6], в 2012 г. – 28-е место [7].

При учете многих факторов Российская Федерация смогла попасть в рейтинг мягкой силы Portland Communication «Top-30» в 2016 г., заняв 27-е место. В 2017 г. было 26-е место, в 2018 г. – 28-е место. По результатам исследования 2019 г., Россия опустилась на 30-е место, показав худший с 2016 г. результат в рейтинге Soft Power 30.

Невысокие позиции РФ в этих рейтингах ставят нас перед необходимостью поиска новых инструментов «мягкой силы», которыми мы пока либо не пользовались, либо пользовались недостаточно активно.

В связи с этим стоит обратить внимание, что примерно в тот же период, когда в российских документах внешнеполитического характера начинает использоваться термин «мягкая сила», происходит рост интереса к русскому в мире моды. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что для России мода может стать эффективным внешнеполитическим инструментом, и необходимо взвешенно оценить ее потенциал и научиться этот потенциал использовать.

Специалисты отмечают, что традиционно «русский стиль» в моде это: хохлома, славянские мотивы, обилие меха и вышивки на одежде. Данные элементы создавали изящный, загадочный и притягательный «русский стиль» [8].

Отметим, что данный стиль является более разнообразным и включает в себя разные интерпретации этнотрадиций народов России, искусство XIX–XX вв., крестецкую строчку, русские сказки, православный стиль, деревянное зодчество [9]. Этнические элементы одновременно передают роскошь, богатство, театральность и уникальность повседневного образа [10].

Самыми яркими российскими дизайнерами, обратившимися в своих коллекциях к образу России, и при этом получившими мировое признание стали Алёна Ахмадуллина, Гоша Рубчинский, Александра Георгиева, Александра Гапанович, Татьяна Черногузова.

Алёну Ахмадуллину в мире моды называют сказочницей, так как изюминка ее коллекций заключается в заимствовании мотивов сказок [11]. Показом, прославившим Алену, стала «Муха Цокотуха» на Парижской неделе моды в 2005 г. Это стало для нее первым удачным опытом обращения к сказочной литературной традиции. Коллекции Ахмадуллиной регулярно и успешно показываются в Париже, модные журналы часто признают её главным достоянием русской моды.

Также одним из самых известных российских дизайнеров XXI в. считается Гоша Рубчинский. В 2008 г. модельер показал на стадионе в Москве коллекцию «Империя зла». Показ стал началом международной карьеры Гоши, тренда на кириллицу и постсоветскую эстетику в моде. Само название коллекции звучит как ирония над Западом и его представлениями о

России [12]. Позже Рубчинский создал показы совместно с Adidas, Burberry и другими.

Одновременно с ростом популярности российских дизайнеров, увеличивается количество обращений зарубежных модельеров к русскому стилю. В 2009 г. Chanel посвятил коллекцию «русскому стилю», используя традиционные для образа России меха и кокошники. В показе осень-зима 2013/2014 гг. Valentino использует гжель [13].

Некоторые зарубежные модельеры даже проводят показы, вдохновленные историей России. Например, Джон Гальяно показал в мужской коллекции осень-зима 2011/2012 гг. русских, бегущих из своей страны в XX в [14].

Такой уровень интереса к русскому стилю показывает, что потенциал использования моды как инструмента мягкой силы России очень высок. Связь между модой и позицией нашей страны на международной арене существовала и в прошлом, проявившись в интересе к коллекциям В. Зайцева 1987–1988 гг. на фоне горбачевской политики «нового мышления» или в популярности коллекции В. Юдашкина «Фаберже», совпавшей с появлением независимой РФ.

Начало XXI в. также характеризуется ростом интереса Запада к России, что было вызвано политическими событиями. Для подтверждения этого тезиса напомним о «цветных революциях». Активно обсуждаемыми в СМИ стали «Оранжевая революция» 2004 г. в Украине и «Тюльпановая революция» 2005 г. в Кыргызстане, вызвавшие повышенный интерес стран Запада к постсоветскому пространству и, в этой связи, к политике России.

Значимой для роста интереса к внешнеполитическому курсу России стала Мюнхенская речь 2007 г., в которой Президент РФ В. В. Путин сказал: «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. … сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [15]. Помимо этого, в 2008 г. внимание Запада привлекли грузино-южноосетинский конфликт, вылившийся в пятидневную войну, и действия РФ в связи с ним.

Рост интереса к России продолжился на фоне ее активной позиции в попытках политического урегулирования сирийского кризиса, а затем операции ВКС РФ в Сирии в 2015 г.

Все примеры наибольшего международного признания модных коллекций, обращающихся к «русскому стилю», хронологически совпадают со значимыми и резонансными действиями России на международной арене.

Выводы. Таким образом, политика и мода взаимосвязаны между собой. Мода как лакмусовая бумажка показывает, какие события и страны привлекают внимание общества.

Показы дизайнеров характеризуют Россию под разным углом. Отечественные дизайнеры экспериментируют, используя национальные

мотивы разных народов. Зарубежные модельеры опираются на распространенные славянские элементы и стереотипные предметы костюма, подчеркивая изысканность образа. При этом и те, и другие, получая международное признание, подтверждают как значимость РФ и ее внешней политики в 2004–2015 гг., так и возможность для России использовать моду в качестве одного из внешнеполитических инструментов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного и культурно-гуманитарного сотрудничества 2010 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. №Пр-251 URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г. №Пр-640 URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf.
4. Ушурелу О.В. «Мягкая сила» России: проблемы понимания. // Научно-политический журнал Обозреватель. 2019 г. С. 56–65 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-rossii-problemy-ponimaniya-1/viewer.
5. Никитина А.А. Мода как средство убеждающей коммуникации в международных отношениях. // «Хроноэкономика» №2(36). 2022 г. С. 91–97 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/moda-kak-sredstvo-ubezhdayuschey-kommunikatsii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah/viewer.
6. McClory J.A 2010 Global Ranking of Soft Power. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf.
7. McClory J.A 2012 Global Ranking of Soft Power URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf.
8. «Русский стиль» в мировой моде – с чего всё начиналось. // Снегирь. 21.05.2023 г. URL: https://dzen.ru/a/ZGodhxEqSzYctkqO.
9. Современная одежда в русском стиле: обзор более 25 дизайнеров // Глазурь. Сделано в России. 13.09.2022 г. URL: https://glazurmag.ru/obzory-i-nakhodki/sovremennaya-odezhda-v-russkom-stile-obzor-bolee-25-dizajnerov#.
10. Яковлева М.В. Феномен «русского стиля» в отечественной и зарубежной моде // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016 г. С. 169–172 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-russkogo-stilya-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-mode/viewer.
11. Важенина А. «В сказку попал» // The BLUEPRINT 27.10. 2025 URL: https://theblueprint.ru/fashion/industry/alena-akhmadullina-25-years?ysclid=mhabeo0xtr352112279.
12. Красина М. Советское после: взгляд Гоши Рубчинского URL: https://hsedesign.com/project/98858c8c9b14420683f5344d47d7106b.
13. Буцык Д. 1000 и 1 кокошник Карла Лагерфельда. Как гжель и хохлома захватили подиумы. URL: https://dzen.ru/a/X2DlQiSbMigr_ciH.
14. Мужская коллекция John Galliano fall 2011 в русском стиле // Ярмарка Мастеров 19.02.2012 URL: https://www.livemaster.ru/topic/94310-muzhskaya-kollektsiya-john-galliano-fall2011-v-russkom-stile.

15. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034

УДК 63.3+39

ОБРАЗ РОССИИ В РАБОТЕ Р. ЧЕНСЛОРА «КНИГА О ВЕЛИКОМ И МОГУЩЕСТВЕННОМ ЦАРЕ РОССИИ»: К ИДЕЙНЫМ ИСТОКАМ РУСОФОБИИ

П.А. Королев, канд. полит. наук, доцент
Тульский государственный университет
г. Тула, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию идейных истоков русофобии в работе Р. Ченслора «О великом и могущественном царе России». Предпринимается попытка систематизации, выявленных образов и идей, которые в дальнейшем лягут в основу русофобии как идеологии.

Ключевые слова: Русофобия, Р. Ченслор, Иван IV Грозный, Русское царство.

Введение. В условиях текущего геополитического и цивилизационного противостояния России и Запада последним ведется активная гибридная война против нашего государства. Оружием в этой войне выступают информационно-психологические средства, в частности, русофобия. Она призвана исказить образ России, дискредитировать и расчеловечить ее для того, чтобы облегчить уничтожение Российского государства и российского народа с точки зрения восприятия мировой общественности. Русофобия уходит своими корнями в раннее Новое время, когда молодое Российское государство избавляется от ордынского ига и начинает стремительное расширение. Именно с того времени, во многом усилиями англичан, формируются первые негативные образы России. Начавшись в XVI веке, этот процесс продолжается уже пять веков.

История показывает, что англичане инструментально подходят к идеологии русофобии. Когда возникает реальная угроза английскому могуществу, будь то Война за независимость североамериканских колоний, Войны антинаполеоновских коалиций, Первая мировая война или Вторая мировая война, то они откладывают русофобский нарратив в сторону и пытаются заключить с русскими военный союз. При этом русские, как правило, откликаются на английский призыв. Россия решает в этом союзе самые тяжелые задачи, несет несопоставимо большие в сравнении с английскими человеческие и экономические потери, чтобы после того, как англо-русский союз перестанет быть актуален для англичан, снова подвергнуться дискредитации в дискурсе английской русофобии.

В современной России изучение русофобии снова приобретает актуальность, что подтверждается множеством исследований данной

направленности, особенно активизировавшихся с 2022 года. А.В. Туркулец и С.Е. Туркулец предлагают социологический, психологический и инструментальный подходы к анализу феномена русофобии [1, С. 246], в то время как Д.Ю. Кургинова выделяет психологический и коммуникативный подход к определению русофобии [2, С. 104]. Ю.Г. Тамбиянц, О.В. Терещенко, С.В. Кулик, Н.И. Гнатенко концептуализируют внешние проявления феномена русофобии [3, С. 93]. И.В. Важенина и М.С. Козырев исследуют проявления русофобии в европейской истории и причины её возникновения [4, С. 8]. Е.В. Крыжко и П.И. Пашковский в своей работе характеризуют сущность генезиса и особенности русофобии англосаксов в период ее идеологического оформления в контексте геополитического соперничества государств Запада и России [5, С. 32]. Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина, А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова и И.П. Чупина рассматривают многообразные проявления русофобии на коллективном Западе после начала специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 года [6, С. 146].

Постановка задач. Целью исследования выступает выявление образов и идей в работе Р. Ченслора «О великом и могущественном царе России», которые в дальнейшем лягут в основу идеологии русофобии.

Задачами представленного исследования являются:

- анализ обнаруженных образов и идей;
- систематизация выявленных образов и идей.

Методика и методология исследования. Методологической основой исследования выступает метод традиционного неформализованного анализа текста, который позволяет выделить значимые для генезиса русофобии образы и идеи в записях Р. Ченслора о России. Также в исследовании использован метод системного анализа. Работа Р. Ченслора последовательно рассматривается, выявляемые в ней образы и идеи анализируются и интерпретируются на предмет их возможного отношения к складывающейся идеологии русофобии. В завершении работы выявленные образы и идеи систематизируются.

Результаты. В эпоху великих географических открытий Англия постоянно искала новые торговые пути. Так, в 1553 году была снаряжена экспедиция, в ходе которой капитан Ричард Ченслор попал в Россию, где его принял царь. После путешествия он написал «Книгу о великом и могущественном царе России».

На момент прибытия Р. Ченслора в Россию приходится период деятельности Избранной рады Ивана Грозного. Это был лучший период его правления: уже закончился хаос боярского правления, еще не начался опричный террор, и страна не лежала в руинах порухи. В Русском царстве проходила централизация власти, укреплялось сословное представительство, совершенствовалось законодательство. Молодой царь был доброжелателен и гостеприимен в отношении иностранцев.

Только по прибытии в Россию Р. Ченслор узнал, в какой стране он находился. Первая его встреча с русскими состоялась еще в море. Ему встретились русские рыбаки, возможно, поморы. Во всяком случае, район первой встречи англичан и русских по описанию похож на побережье Баренцева или Белого морей, где уже в XVI веке жила субэтническая общность русского народа – «поморцы». Англичане описывают эту местность как «места, где совсем не было ночи, но постоянно сиял ясный свет солнца над страшным и могучим морем» [7, С. 53]. Русские рыбаки, никогда ранее не видевшие крупных морских судов, испугались и попытались бежать, но англичане их догнали. Тогда рыбаки бросились в ноги Р. Ченслору и его спутникам, чтобы вымолить пощаду, но англичане отнеслись к ним с добротой и подняли с колен.

Уже в описании первой встречи англичан и русских видны те образы, которые так часто будут воспроизводиться в последующих столетиях в стереотипах о России и ее народе: суровая северная страна и «варвары» (именно так именуются англичанами встреченные ими жители), ее населяющие, готовые в любой момент упасть на колени перед силой и властью. Р. Ченслор подтверждает это словами: «Русские люди находятся в великом страхе и повиновении», говоря о том, как царь отбирает земли у тех служилых людей, кто служить больше не может по старости и т.п. причинам. Однако, Р. Ченслор достаточно снисходительно и в положительном ключе продолжает описывать население русского Севера: люди помогали его команде припасами, были очень отзывчивы и доброжелательны.

Тогда Россией правил, по словам коренных жителей, могущественный царь Иван Васильевич, чьи владения громадны. Тогда Р. Ченслор понял, что торговля с такой огромной страной весьма выгодна, и начал искать встречи с царём. Иван Васильевич благосклонно отнесся к известию о прибытии иностранцев. Он пригласил их в Москву, обещав оплатить все издержки столь дальней дороги. Если же гости не захотят ехать в столицу, то царь разрешал им остаться на севере и торговать на месте с тамошним населением. При этом, пока гонец доехал до Москвы и вернулся обратно, местные власти инициативы не проявляли и значимых решений относительно англичан не принимали. Они тянули время. Р. Ченслор это понимал и готов был покинуть России, продолжив свое путешествие на Восток. Только это заставило русского наместника проявить решительность и отправить Р. Ченслора в столицу, к царю. В дороге Р. Ченслор встретил гонца, передавшего ему царскую грамоту. Далее русские делали все возможное, чтобы англичанам было комфортно в дороге и даже «ссорились и дрались, споря между собой, кто заложит почтовых лошадей в сани» [7, С. 55]. При этом земли даже на севере России были очень обильны хлебом, рыбой и пр. товарами, доставляемыми в огромных количествах в Москву.

Таким образом, мы встречаем еще два стереотипных представление о русских и России. Первое – пассивность власти на местах и ее стремление не

принимать никаких решений без санкции от вышестоящей инстанции – жесткая «вертикаль власти». Второе – желание максимально угодить власти и тем, на кого распространяется ее благосклонность. Р. Ченслор говорит об этом так: «Они (т.е. русские – *прим. авт.*) униженно просят, чтобы им позволили служить великому князю» [7, С. 61].

Оказавшись в Москве, англичанин удивился ее размерам. Он утверждал, что она превышает Лондон, однако большая часть домов построена из дерева, а система в городе отсутствует: «Она построена очень грубо и стоит без всякого порядка» [7, С. 56]. Московский Кремль и строения в нем были оценены Р. Ченслором достаточно скромно: он видел более изящные и богато украшенные дворцы, более мощные крепости. Однако о царской трапезе англичанином оставлены самые превосходные описания: вместе с царем за столами сидело около двухсот человек и все ели из золотой посуды и пили из золотых чаш. Сам царь сменил за день три короны и знал по именам всех своих слуг, что очень удивило Р. Ченслора. Он даже предположил, что цель царя состоит в том, чтобы «каждый хорошо знал своих слуг» [7, С. 59].

Р. Ченслор замечает интересную особенность русского народа, а именно показную пышность перед гостями и иностранцами: «Когда русских посылают в далекие чужеземные страны, или иностранцы приезжают к ним, то они выказывают большую пышность. В других случаях сам великий князь одевается очень посредственно» [7, С. 59].

Превосходно Р. Ченслор отзывается о русской армии времен Ивана Грозного: «Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми…» [7, С. 60]. Русские ратники неприхотливы, питаются овсяной мукой и водой, несут с собой провизию на месяц-два для себя и коня (в армии Ивана Грозного почти одни всадники), не боятся ни дождя, ни мороза, ни снега, не имеют ни палатки, ни шатра, и даже служат без жалования – за свой счет. При этом Р. Ченслор утверждает, что русские «на поле боя действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражения своим врагам, но действуют только украдкой» [7, С. 60].

Из вышеприведенного описания может сложиться еще одна сторона русского образа: русские – это люди, привычные к суровым условиям жизни, живущие вне дисциплины и порядка, и при этом стремящиеся доказать другим или даже самим себе, что они живут лучше, чем на самом деле. В качестве доказательства сказанного приведем еще одну цитату Р. Ченслора: «Нет такой вонючей и тухлой рыбы, которую бы они не ели и не похвалили, говоря, что она гораздо здоровее, чем всякая другая рыба и свежее мясо» [7, С. 64].

Р. Ченслор старался быть объективным в суждениях и в своих записях искренне восхищался увиденным: «Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними» [7, С. 62].

Однако Р. Ченслор указывает и недостатки русского населения. Он упоминает о замкнутости и ограниченности русских, наотрез отказывавшихся обучаться другому языку. Или, например, «есть много таких (т.е. русских – *прим. авт.*), которые сами продают себя дворянам и купцам в холопство, чтобы всю жизнь получать за это пищу, питье и платье, а при продаже они получают также деньги. А некоторые так даже продают своих жен и детей в наложницы и слуги покупателю» [7, С. 63]. В этом высказывании можно проследить истоки одного из самых популярных утверждений русофобии: «русским не нужна свобода, им нужна безграничная власть, которой они готовы подчиняться также безгранично».

Также Р. Ченслор пишет, что «русские по природе очень склонны к обману; сдерживают их только сильные побои» [7, С. 64]. Или, еще одна цитата: «Происходят удивительные злоупотребления и великого князя много обманывают» [7, С. 62]. Здесь уже можно наблюдать идеи русофобского характера, используемые в основном для внутренней аудитории: «с русскими нельзя по-хорошему, они понимают только силу», или традиционный политический стереотип «царь – хороший, бояре – плохие», используемый, как правило, в виде иронии. Данные примеры доказывают, что при анализе генезиса русофобии нельзя забывать о том, что, возникнув за рубежом, ее нарративы, смыслы и идеи могут адаптироваться и использоваться внутри России, подтачивая единство ее народа, сея в его представителях сомнения в собственном достоинстве и полноценности.

В записях Р. Ченслора можно даже обнаружить зачатки мессианской идеи русских: «Они (т.е. русские – *прим. авт.*) считают себя святее нас» [7, С. 64]. По мнению англичанина, эта идея такая же ложная, как и показная, официозная пышность русских: «Когда священники читают… их никто не понимает; да никто их и не слушает», «Когда священник совершает службу…все гогочут и кланяются, как стадо гусей», «Десятая часть населения не сумеет прочесть «Отче наш» [7, С. 64]. В подобном контексте риторическим становится вопрос о том, могут ли русские вести за собой другие народы, апеллируя к духовным ценностям. Р. Ченслор утверждает, что в пьянстве, разврате и вымогательстве русские – «самые отвратительные люди под солнцем» [7, С. 66], и предлагает посудить после этих слов об их святости.

Общий вывод Р. Ченслора о России был таким: «По моему мнению, нет другого народа под солнцем, который вёл бы такую суровую жизнь» [7, С. 64].

По возвращении в Англию Р. Ченслор рассказал королеве о богатствах России. В итоге была создана Московская компания, и в 1555 году Р. Ченслор вновь отправился в Россию в качестве официального посла. Английским купцам были одобрены привилегии на торговлю, выгодную обеим странам.

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, предпримем попытку систематизации выявленных образов и идей, легших в дальнейшем в основу идеологии русофобии.

К бытовым образам и идеям русофобии следует отнести следующие:

- «русские коварны – им нельзя верить»;
- «русские привыкли к суровой жизни, они сильнее других народов, но нельзя, чтобы они об этом узнали»;
- «русские пьют, развратничают, занимаются вымогательством».

К политическим образам и идеям русофобии можно отнести следующие:

- «русские хотят сильной власти, они хотят служить силе»;
- «в России сильнейшая несправедливость: элита ест из золота, а в стране много нищих»;
- «русским не нужна свобода, даже если ее им дать, то они не смогут ею распорядиться».

К культурным образам и идеям русофобии необходимо отнести следующие:

- «русские любят казаться, на самом деле их положение хуже, чем они изображают»;
- «у русских хаос, у них нет порядка и дисциплины»;
- «русские ошибочно считают себя богоизбранными; на самом деле, они далеки от Бога».

Таким образом, на первый взгляд, может показаться, что Р. Ченслор стремился объективно описать и оценить Россию и русский народ. Он говорит об отзывчивости простых русских людей, доброжелательности русского царя, а также о выносливости русских воинов. Далее рисуется образ скорее отрицательный, многие стороны которого будут воспроизводиться в негативных гетеро- и аутостереотипах о России и станут неотъемлемой частью идеологии русофобии в XIX–XXI веках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туркулец А.В., Туркулец С.Е. Феномен русофобии в современном дискурсе // Право и практика. 2025. № 2. С. 245–251.
2. Кургинова Д.Ю. К вопросу о том, что такое русофобия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 104–110.
3. Тамбиянц Ю.Г., Терещенко О.В., Кулик С.В., Гнатенко Н.И. Русофобия как теоретический феномен: попытка концептуализации внешних проявлений // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 93–99.
4. Важенина И.В., Козырев М.С. Историко-идеологические аспекты русофобии в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 3 (61). С. 8–16.
5. Крыжко Е.В., Пашковский П.И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионология. 2023. № 1 (122). С. 30–45.

6. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Современная русофобия: ментальные истоки // Образование и право. 2022. № 8. С. 146–153.
7. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. и комм. Ю.В. Готье. Москва: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1937. – 308 с.

УДК: 659.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОЙ РЕКЛАМЫ В РОССИИ

К.А. Кузина, магистр
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород, Россия

Аннотация. В данной статье анализируется процесс трансформации рекламы, предназначенной для женской аудитории в России, даётся определение рекламы и поднимается вопрос о том, как и почему она влияет на женщин.

Ключевые слова: реклама, гендер, «женская реклама», «миф о красоте».

XXI век является самым передовым в истории человечества: современному человеку доступны знания абсолютно новых масштабов, в его руках находятся актуальные технические достижения и разработки, он решил почти все проблемы, которые ранее были главными препятствиями для прогресса – голод и нищету.

Помимо столь глобальных достижений в научной и в материальной сфере, современный человек живёт в эпоху «новой этике», когда прежде ущемлённые слои населения имеют сегодня возможности говорить и защищать свои права, традиции и место в социуме. К подобному слою ещё до прошлого столетия относились и женщины. Лишь в XX веке для них открылись те же двери, что долгое время были открыты для мужчин. Во времена Первой и Второй Мировой войны женщины доказали, что могут быть полезными не только на кухне или в столовых во время приёмов гостей – они могут работать усердно и эффективно, они хотят и могут учиться, у них есть право голоса. Однако уже в мирное время им пришлось отойти назад в своей борьбе: вернувшись с войны мужчины также хотели работать и были не сильно согласны делить позиции с некогда слабым полом. Подтверждение сказанному мы можем найти в несколько скандальной работе Мары Олтман «Тело-дрянь». Автор ссылается на работу Карен Хаупперт «Проклятие: противостояние последнему постыдному табу – менструации». Карен Хаупперт пишет, что во времена Второй Мировой войны женщин начали вербовать для оказания помощи в ходе вооружённых действий, для этого была запущена компания пропаганды, направленная на трансформацию представлений женщин о себе: им начали внушать, что они сильные, волевые

и на всё способные. Однако после окончания войны начали публиковать результаты новых исследований, где указывалось, что женщины в силу своих биологических особенностей являются весьма некомпетентными сотрудниками.

Возникает вопрос: зачем это было сделано? Чтобы на него ответить стоит обратиться к другой не менее известной работе, а именно книге Наоми Вульф «Миф о красоте». Ключевая идея данной книги заключается в том, что позиции женщин в XX веке очень сильно изменились, и появилась необходимость нового способа регулирования их поведения. Ранее женщины существовали в рамках «мифов» о материнстве, доме, семейном благополучии. Но со времён суфражисток, промышленной революции и Второй Мировой войны многое изменилась: женщины поняли, что могут занимать в обществе те же позиции, что и мужчины. В связи с этим появилась потребность создания нового мифа, который бы явился способ прекращения борьбы женщин за свои права. Данным мифом выступил, по мнению, Наоми Вульф «миф о красоте». Этот миф стал новым средством давления и принуждения женщин.

Красота для женщин всегда была подобно валюте, которой они хотели обладать: привлекательность, разная в разные эпохи стоит заметить, способствовала удачному браку и, следовательно, крепкому положению в обществе. Ведь все проблемы женщины решались, когда она выходила замуж. Однако, как уже говорилась ранее, брак перестал играть столь большую роль в жизни женщин в прошлом веке, но, несмотря на это, красота осталась в качестве этой валюты. Представления о красоте изменились, ужесточились и стали необходимыми теперь не для замужества, а для того, чтобы женщина могла вписаться в социум, точнее в его представления о том, что значит быть женщиной: «главное оружие мифа о красоте – это многомиллионная тиражирование образов современного идеала красоты» [3, С. 39].

Данный миф возник благодаря социальным, политическим и экономическим институтам, где господствовали мужчины. Строение и реализация данного мифа позволила «надломить» женщин, превратив их в постоянного потребителя «товаров красоты». В погоне за данными товарами, которые обещали, что помогут вписаться им в стандарты красоты, женщины подвергали опасности не только своё физическое, но и ментальное здоровье. И Наоми Вульф, и Мара Олтман, к которой мы обращались ранее, оба этих автора поднимает проблему РПП (расстройство пищевого поведение) среди как женщин, так и 12-летних девочек. В погоне за тиражируемыми «идеалами красоты» как взрослые женщины, так и юные девушки пробовали разные диеты, салоны красоты, рискованные способы эпиляции и т.п. «Миф о красоте» культивировал недостижимый в реальности идеал, стремление к которому привело к реальному культу голодания среди женщин, заставившее их забыть о прежней борьбе за равенство и прежних стремлениях. Данный

миф породил и низкую самооценку среди женщин, возобновил их борьбу между собой в погоне за красотой. Обе исследовательницы приводят статистику, где указывают на то, что уже девочки до 10 лет, подобно своим матерям или сестёрам, садятся на диеты из модных журналов и пользуются детской косметикой. XX век знаменателен для женщины, таким образом, не только тем, что дал ей право голоса, образования и работы, но и психологические проблемы, которые передавались из поколения в поколение.

Новые стандарты красоты быстро нашли отклик у женщин во многом благодаря средствам массовой информации. Как уже говорилось, прошлое столетие отличается от всех предыдущих скоростью развития событий, появлением новых и новых технологий, машин, товаров и т.д. Именно благодаря маркетинговых ходам того времени женщины так сильно поверили в транслируемое через журналы, телевизионные программы, наружную рекламу и, конечно, рекламу от салонов красоты. Женщины того времени, как и сегодня, были окружены рекламой не только товаров для их дома и быта, но и рекламой продукции и процедур красоты.

Здесь нам важно разобраться с определением и свойствами рекламы, так как именно она явилась главным инструментом укрепления нового способа давления на женщин. Итак, по мнению известного экономиста Филиппа Котлера, «реклама представляет собой неличные формы коммуникации, осуществляемые через посредство платных средств распространения информации, с четко указанным источником финансирования» [5, С. 124]. Рекламное сообщение отличается от других информационных сообщений тем, что оно всегда направлено на побуждение человека, стимулирование его покупательской способности.

Почему же реклама воздействует на нас? Во-первых, специалисты по рекламе, особенно сегодня, обладают широким инструментарием, который позволяет им не только определить своего потенциального потребителя на рынке, но и узнать о его предпочтениях, вкусах, ожиданиях и запросах. Стоит отметить, что сегодня с полной уверенностью нельзя говорить о том, что специалисты по рекламе именно узнают о наших запросах, современная реклама во много также формирует их. Это связано с тем, что вокруг нас сегодня огромное количество рекламных предложений и сообщений, которые предлагают нам не просто товары – в этом то и кроется второй, если можно так сказать, секрет эффективности рекламы. Реклама никогда не предлагает просто товар, она предлагает определённое, новое или/и желаемое состояние, которые бы подчёркивало тот статус, к которому стремится потребитель, которое в данным момент является актуальным, уважаемым.

Разобравшись с тем, что такое реклама, далее стоит объяснить, почему именно она явилась главным инструментом, который позволил убедить женщин в необходимости следовать новым поведенческим установкам и стремиться приблизиться к определённым стандартам красоты и

представлениям о том, кто такая женщина. Во-первых, как уже была сказано, реклама сопровождает нас повсюду, особенно сегодня, в век цифровых технологий. То есть мы постоянно находимся под её влиянием, и бессознательно мы всё равно воспринимает транслируемую нам информацию. Особенностью рекламы, которая позволяет ей на нас воздействовать, также является тот факт, что она «говорит» с нами не абстрактным языком – наоборот, она обращается к привычным для нас ситуациям, затрагивает весьма интимные сферы. Например, чаще всего продукты питания рекламируются через образ семьи: в рекламных роликах полноценная традиционная семья пробует новое блюдо с добавлением чего-то, что делает его особенным, и подчёркивает, итак, преувеличенную сплочённость ячейки общества. Либо же продукт помогает решить как-либо проблему, чаще всего простую. Например, поднять дочери или сыну настроение благодаря сладкому яйцу или батончику. Реклама апеллирует к знакомым и желаемым образам: семье она преподносит счастье, мужчине – успех, женщине – красоту.

В рамках разговора о том, почему реклама «работает» и делает это так эффективно стоит отметить, что благодаря транслируемым, как уже было сказано, знакомым ситуациям, она выступает и как агент социализации. Благодаря рекламе человек знакомиться пусть и с искусственно сконструированным миром, но в нём всё же присутствуют отголоски реальных ситуаций и существующих ролевых моделей: «реклама выступает как один из важнейших агентов социализации, который учит потреблять в соответствии с нормами данного общества, своей эталонной группы. Реклама учит взаимодействовать с другими людьми, читая их по потребляемым товарам» [4, С. 199]. Также важно, что реклама не только знакомит нас с обществом, но и учит нас, рассказывая нам о нас же. Главными героя рекламы являются мужчины и женщины, дети и семьи, редко, но престарелые люди. Все они транслируют определённые поведенческие установки, рассказывают потребителю о том, кто он, о том, какие опасности его ждут, если он не купит тот или иной товар. Например, неправильное питание как одна из проблем решается благодаря полезному йогурту, усталость благодаря шоколадке, а кариес благодаря новой зубной пасте.

Реклама, таким образом, оказывает огромное воздействие на нас с точки зрения того, как мы себя воспринимаем. Она, по мнению Тен Ван Дейка, автора работы «Дискурс и власть», будучи частью символического капитала, без которого невозможен социальный контроль, оказывает влияние и на формирование процесса идентичности личности. В этом последнем и кроется главная причина, почему женщины в XX веке испытывали такие проблемы со своим физическим и ментальным здоровьем: по причине того, что они из-за своего биологического строения (многие) не могли вписаться в агрессивно транслируемые стандарты красоты и стандарты, которые

«объяснили» им, что значит быть женщиной. Они не могли себя адекватно оценивать и вписаться в социум комфортным для них способом.

Что мы имеем сегодня, говоря о рекламе и её влияние на женщин? Безусловно, времена изменились и сегодня, как говорилось в начале, общество, по крайне мере, Западное живёт согласно «новой этике» и «культуре отмены». В России также существуют активисты за равенство полов, феминистки, даже радикальные группировки, которые затрагивают весьма запретные темы для российского сознания, такие как, например, церковь, аборты и т.д. Однако большинство женщин всё же остаются нейтральны к столь явной и опасной с точки зрения законодательства борьбе за равноправие с мужчинами. Многим женщинам, можно сказать, это кажется и ненужным.

Современная женщина существует в рамках сразу нескольких мифов, как определила бы Наоми Вульф: это и «миф о красоте», и «миф о материнстве», и «миф об успешности». В современной реальности перед женщиной стоит почти невыполнимая задача: быть и матерью, и успешным работником, и самообразовываться, и, конечно, выглядеть привлекательно. Безусловно, речь идёт не обо всех женщинах, однако транслируемые образы в рекламе говорят о том, что женщина и сегодня чаще всего либо домохозяйка, либо успешный руководитель.

В рамках данной статьи хотелось бы сосредоточить внимание именно вокруг женской рекламы. Что подразумевается под «женской рекламой»? Это реклама товаров, предназначенных для женщин. Важно отметить, что реклама, даже сегодня, во многом имеет значительное гендерное разделение, то есть существует закреплённые образы, цвета и мотивы, предназначенные либо для женщин, либо для мужчин. Важно отметить различие между понятиями «гендер» и «пол»: пол обусловлен биологически, а гендер формируется в социуме. Последний основывается на социально-культурных особенностях, относящимися к фемининности или маскулинности.

Реклама часто гиперболизирует различия между полами и ссылается на стереотипные представления о гендерных качествах того или иного пола: «гендерные стереотипы – это один из видов социальных стереотипов, основанный на принятых в обществе представлениях о маскулинном и фемининном и их иерархии» [2, С. 28]. Реклама, таким образом, снова выступает своеобразным «помощником» в самоидентификации: она показывает потребителю женщине, что значит быть женщиной, и что ей нужно хотеть, будучи женщиной. Однако рекламные сообщения для женщин чаще всего сильнее стереотипизированы в силу того, что создаются чаще всего мужчинами. Доказательством этого являются ситуации, в которых женщина появляется в рекламе: она выступает либо в домашней обстановке в роли «матери» или «дочери», либо как сексуально-привлекательный объект, если речь идёт о фигурировании в мужской рекламе. Подобные образы, как и в прошлом столетии, служат цели усложнить процесс принятии женщины

себя как сформированной личности и направлены на то, чтобы она усомнилась в собственном поведении, образе жизни и внешности.

Однако, прежде чем делать выводы, стоит ответить ещё на ряд вопросов, а именно: что же происходит в рекламе, которая создаётся для женщин сегодня? И что продаётся женщине сегодня вместе с товарами? Как мы уже указали ранее, реклама участвует в процессе конструирования не только поведенческих установок и представлений потребителя о себе, но и в конструировании гендера. И чтобы «работать» эффективно реклама не может долго задерживаться на тех или иных стереотипах, ведь общество меняется. Сегодня борьба женщин за свои права, в особенности за права на своё тело и его естественные физиологические процессы, снова ведётся, и реальный образ женщины снова начал меняться. Современные создатели рекламы должны быть очень внимательными, чтобы не пропустить изменения в облике и поведении своего потребителя. И, таким образом, главным вопросом становится следующий: можем ли мы говорить об изменениях в поведении женщин в России, об их большем принятии себя и своих прав? Об этом нам может рассказать современная российская реклама, которая на наш взгляд, всё же изменилась за последние пару лет.

Для анализа нами было выбрано несколько рекламных роликов от компаний, который производят товары для женщин, а именно средства личной гигиены. Основными маркерами, на который мы будем обращать внимания при их анализе являются следующие моменты: общая цветовая гамма, наличие речи у женщин, особенность вложенной речи женщин, слоган, что продают вместе с товаром: какую идею или состояние?

В качестве первой пары для анализа мной была выбрана компания «Always», основными товарами которой являются средства личной гигиены для женщин. Тема, связанная с циклами женщины всегда была табуированной, это обусловлена как историческими, так и социо-культурными причинами. Однако сегодня женщины, называющие себя феминистками, отстаивают право женщин свободно говорить на темы, связанные с их телом, тем самым отстаивая их права на собственное тело и возможность делать с ним то, что они считают нужным. Итак, первый рекламный ролик от компании «Always» является одним из самых известным и по времени относится к 2011 году. Начнём с цветовой гаммы: она яркая, светлая, броская, в ключевой сцене присутствует целая стена из розовых роз и розовый диван – цвета, которые присущи женщинам, по мнению создателей рекламы. Реклама направлена на максимальное привлечение внимание потребителя.

В ролике присутствуют только женщины, которые не говорят, а пропевают ключевые ценности женщин того времени, опять же по мнению создателей рекламы: «Каблучки, макияж, и этот день наш». Данными атрибутами ограничивается успех женщины. Даже информацию о товаре героини рекламного ролика пропевают. Главным слоганом выступает:

«Каждый день только твой, если Always с тобой!». Таким образом, к предыдущим атрибутам добавляется последний, позволяющий добиться успеха.

Продаётся вместе с товаром в данном случае «преображение» женщины, до него она выглядела обычно и серо, в сравнении с другими девушками в кадре. После же она также выглядит модно и свежо. Завершается ролик подтверждением того, что «этот день их», девушки идут с походов по магазинам с покупками.

Таким образом, реклама товара для женщин в 2011 году представляет свою потребительницу как любительницу магазинов, песен, яркой и броской жизни «одним днём», она лишена внятно речи и заинтересована только в модных нарядах и причёсках. Подобная репрезентация весьма сильно сужает представления о себе у женщин, и говорит о явной стереотипизации в данной рекламе.

Можем ли мы всё же говорить о трансформации образа женщины в России? Для этого обратимся ко второму рекламному ролику всё от той же компании, но уже с датировкой июля 2020 года.

В данном ролике сразу ставится его ключевой вопрос: «Говорить о месячных стыдно?». После зрителю демонстрируется статистика, доказывающая, что именно 75% россиян, считают, что да. В отличии от предыдущего ролика, здесь мы имеем дело с текстом, который предполагает определённый посыл -о менструации говорить нужно. За 30 секунд зрителю демонстрируют неловкие ситуации, в которых оказываются девушки (а именно девушки являются главными героинями ролика) как раз из-за принятого в обществе молчания на тему циклов у женщин и средств личной гигиены. В конце нам демонстрируют, что нужно общаться и помогать девушкам в подобных ситуациях и не давать им стыдиться себя, не давать терпеть боль и молчать.

Цветовая гамма в ролики более естественная, чем в предыдущем ролике, а статистика и надписи выполнены в синем цвете, как и детали. Также в ролике присутствуют мужчины, которые меняют свою поведенческую позицию: в начале зрителю показали, как над девушкой шутят, а после, как ей помогают, с ней разговаривают.

Ключевым слоганом рекламы является «Это не стыдно», а сам ролик по характеру напоминает социальную рекламу, так как не просто рекламируют товар, но и поднимает остро социальную тему, связанную с табуированием темы менструации как среди самих девушек, так и у противоположного пола.

Сравнив два ролика одной и той же компании, но с разницей в 9 лет, мы можем говорить о трансформации «женской рекламы» в России и, следовательно, о трансформации образа женщины. На основе проведённого анализы реклам, мы можем сделать вывод, что «женская реклама» стала менее стереотипной, более информативной и, что важно, более массовой. 9

лет назад рекламный ролик создавался исключительно для женщин, сейчас же мы можем говорить о необходимости включения мужчин в «женский мир», так как гигиена для всех актуальна, пусть и различна.

Также важно отметить, что реклама стала более естественной и приближенной к жизни, она демонстрирует реальные сложные ситуации в жизни девушке и не выставляет их безмолвными существами: они не только поют и идут на прогулки, они ходят на уроки, занимаются спортом и т.д.

Таким образом, мы можем говорить о том, что реклама не только конструирует гендер и представления женщин о самих себе, но и является зеркалом происходящих трансформаций в социокультурной действительности. Происходящие в реальности гендерные изменения женственности приводят в рекламу лет и новые образы женщин, которые отличаются большей реалистичностью. Безусловно, на рынке товаров для женщин всё также присутствуют рекламы, которые не сильно изменились и держатся на стереотипных представлениях о женщинах, ставя под вопрос их представления о себе и собственном теле, образе жизни. Например, реклама от компании «Venus» даже в 2021 году преподносит уверенность в себе, красоту кожи у женщин только, если у неё побриты ноги, подобное весьма сильно ограничивает реальных женщин в восприятии себя и своего тела. Однако, как нами было замечено выше, в России появилась более актуальная «женская реклама», которая отображает изменения образа современной женщины. И, в связи с тем, что реклама является также одним из инструментов, который не только транслирует, но и закрепляет гендерные представления, мы можем утверждать, что в будущем появится больше рекламных роликов товаров для женщин, которые будут направлены на расширение представлений женщин о самих себе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашинов И.В. Маскулинность и феминность в рекламном дискурсе // Культурная жизнь юга России. – 2008. – С. 115–118.
2. Воронина О. Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ // Знамя. 1999. № 2. – С. 24–32.
3. Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин / Пер. с анг. – 4-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 576 с.
4. Ильин В.И. Поведение потребителей. – СПб: Издательство «Питер», 2000. – 244 с.
5. Котлер Ф: Основы маркетинга. Перевод на русский язык: В. Б. Бобров. – М., 1990. – 496 с.
6. Олтман М: Тело дрянь. Донесения с фронта (и из тыла) / Пер. с анг. Казбек К. – М.: Издательство Individuum. – 2019. – 344 с.
7. Цветкова О.Л. Репрезентация гендера в рекламе: стратегии, стереотипы, средства // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – С. 34–44.

УДК 364.272

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖНОЙ НАРКОМАНИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.Г. Свечкарёв, д-р пед. наук, профессор
Ростовский институт защиты предпринимателя
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются социальные причины и последствия наркомании среди молодёжи в современном обществе, выявлены причины и показаны способы попадания молодёжи в наркотическую ловушку, приведена статистика за последние годы, предложены методы борьбы с наркоманией и методы профилактики.

Ключевые слова: молодёжь, закон, борьба, профилактика, наркомания.

Введение. Проблема – наркомания продолжает процветать в нашей стране. Наркомания постоянно молодеет.

В наше время молодежь часто не задумываются о будущем и о своем здоровье. Им хочется жить здесь и сейчас, всё больше и больше хочется «тусить» и веселится, не неся никакой ответственности и не думая не о чём [1; 2; 3; 4; 5]. И они наивно думают, что для хорошей жизни им нужны только наркотики. В свою очередь поставщики наркотиков пользуясь этим расширяют свои ассортименты и различными способами привлекают наивную молодёжь. Размещая рекламу на заборах, предлагая свой товар на дискотеках, в ночных клубах, в любых местах, где собирается молодёжь, делая рекламные рассылки в соцсетях.

Постановка задачи. Цель статьи – показать опасность наркомании и поднять вопрос об ужесточении ответственности за распространение наркотиков.

Задачи:

1. Искоренение наркомании среди молодежи.
2. Поднять вопрос об ужесточении уголовного наказания за изготовление, распространение, употребление наркотиков.

Методы исследования: анализ и обобщение научно-методической литературы по проблеме исследования, сравнение, метод научной индукции.

Результаты. Чаще всего в наркотическую ловушку попадают молодежь из любопытства, но есть те, кто осознано идет на этот шаг просто ради удовольствия. И это несмотря на то, что в Российской Федерации есть множество различных законов запрещающие употребление наркотиков их хранение и распространение, их не пугает ни срок, не последствия от приёма наркотиков.

Как же сохранить человеческие ценности в каждом из нас? Как защитить людей от шага, который может погубить их? Не стоит избегать

этих сложных тем, надевать на себя розовые очки, притворяться что в нашей жизни нет проблем, а если и есть, то они где-то далеко. Стоит раскрыть глаза зомбированной молодежи пусть каждый видит, как и на что покупается «кайф», и понимает, что ответственность за это неотвратима скажется на его здоровье, счастье и жизни. И пока есть шанс, пока не поздно, давайте вместе размышлять о том, как предотвратить всё это. Ведь в России в 2023 году значительно увеличилось число преступлений, совершенных под действием наркотиков. При этом число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, снизилось.

5639 нарушений уголовного закона были совершены «под веществами», и это на 10,5% выше показателя прошлого года (сравниваются периоды с января по сентябрь), причем показатель увеличился за счет тяжких и особо тяжких составов – таковых почти 3,5 тыс. (прибавка 32,3% относительно прошлого года) [6].

Находящиеся в наркотическом опьянении более склонны к совершению преступлений, чем находящие в алкогольном опьянении. Зависимые люди – это чаще всего молодые, полные сил люди, подкованные в IT-сфере. Они могут наворотить дел [7]. Наркоманом часто движет поиск средств для приобретения дозы, им в силу этой тяги свойственны изворотливость и жестокость. И поэтому наркотики являются сильной проблемой в нашем обществе.

Путь к зависимости от наркотиков обычно проходит под влиянием «друзей», которые уже имеют опыт, из-за желания подражать или по личным причинам. Наркозависимость среди молодежи часто выбирают те, кто стремится избежать физических и психологических усилий, ищет лёгкие развлечения. Другие подростки-наркоманы ищут «мощные» ощущения, и для них наркотическое опьянение становится способом «сбросить напряжение». Есть те, кто, стремятся привлечь внимание окружающих, часто проявляю себя через желание выделяться среди сверстников. В действительности, за маской саморекламы часто скрывается глубокая нерешительность и внутренняя неуверенность. Такие подростки могут прибегать к наркотикам, чтобы усилить свою активность и преодолеть чувство страха.

Наркозависимость может охватить как тех, кто имеет в семейном дереве примеров наркомании, так и тех, кто на первый взгляд кажется успешным и счастливым. Важную роль в этом играет и возраст: в подростковом периоде риск стать зависимым от наркотиков особенно высок.

В России наркомания продолжает ассоциироваться с молодыми людьми: более 60% наркозависимых – это молодые люди от 18 до 30 лет, а среди школьников наркотики используют почти 20%. Средний возраст, в котором люди впервые сталкиваются с наркотиками, колеблется от 15

до 17 лет, однако зафиксированы случаи начала употребления наркотиков у детей от 11 до 13 лет. Были и более ранние случаи, когда ребёнок 6-7 лет имел дело с наркотиками [8].

В подростковом возрасте, молодые люди часто испытывают сильное желание избавиться от вечного контроля и надзора со стороны родных ему людей, от обязанности следовать установленными ими правилами и нормами. Особенно притягательно то, что запрещено. Подростки часто стремятся продемонстрировать свою «крутость» в своей компании, и употребление наркотиков для этой цели кажется им убедительным аргументом [9]. Если кто-то из окружения предлагает попробовать наркотики, не каждый сможет отказаться, поскольку именно компания становится дурным примером, нормой поведения для подростка. В большинстве случаев именно окружающее общество начинает оказывать непосредственное влияние на тинэйджера, подначивают и вынуждают попробовать наркотики. Дабы избежать подобных ситуаций, важно помнить: не обязательно подчиняться требованиям общества. Не бойся сказать: «НЕТ!». Иногда проще избегать подобных мест и компаний, где предлагают наркотики. Чем потом устранять последствия дурного воздействия.

Сейчас у подростков новое опасное «увлечения» - аромаингаляторы. Роспотребнадзором даже остановлена продажа на интернет-площадках аромоингаляторов для носа. Дельцам, зарабатывающим на зависимостях важно эту самую зависимость сформировать. Чем моложе клиент, тем вероятнее, что потом будет готов пожизненный клиент, который будет нести деньги производителям и продавцам.

Изначально создаётся привычка. Вдыхание аромаингалятора – это ритуал, который формирует эту самую привычку. А как этот «ритуал» вдыхания выполнять «правильно» и какие надо испытывать ощущения, научили в интернете. Для этого обзоры снимают. Явно, что этот тренд был придуман не детьми. Не факт, что дети это испытывают, но им рассказывают, что они должны ощущать. В общем, научили.

Привычка или ритуал вдыхания непонятной химии в нос сформирована. Дальше уже могут пойти в ход вейпы, снюсы, наркотики... Теперь следующий этап: научить, что «Все вредно, важна только МЕРА». Далее молодежь приводят к понятию, что «Все в мире опасно, только если НЕ В МЕРУ».

Манипулятивная технология «МЕРА» была придумана, чтобы было два вида потребителей интоксикантов:

- Те, кто «в меру» – их общество одобряет и поддерживает;

- И те, кто «не в меру» – это алкоголики и наркоманы – их общество осуждает.

А трезвость, то есть, когда человек вообще не травит себя никакими

интоксикантами, замалчивается или высмеивается. Трезвость не выгодна корпорациям, производителям и продавцам этой самой отравы. Она выгодна только самому человеку! Но на трезвости не заработаешь. А может ли быть эта самая «МЕРА»? Конечно, нет. Безопасных доз никотина, алкоголя и наркотиков для организма не бывает – это уже давно научно доказанный факт. «МЕРА» – обман, маркетинговый ход, чтобы получить вечного клиента. Живите трезво! Не дайте обмануть себя и своих детей.

Только квалифицированный эксперт способен с уверенностью установить наличие наркозависимости у человека. Однако существует ряд характерных симптомов, которые могут указывать на употребление наркотиков: изменения цвета кожи на более бледный, колебания размера зрачков, почерневшие или поблескивающие глаза, замедленное и невнятное произношение слов, неуверенность в движениях, не стабильные изменения в весе, яркий блеск в глазах, проблемы с пищеварением.

Среди первых сигналов, свидетельствующих о применении наркотиков, можно выделить следы уколов, раны или синяки на теле, скрученные бумажки, мелкие или выгоревшие ложечки, капсулы, флаконы, ампулы, а также специфические запахи, напоминающие смесь табачного дыма с ароматами трав или синтетических веществ. Влияние наркотиков на личность человека проявляется в изменении его поведения: возникает безразличие к окружающему, утрачивается способность концентрироваться, возрастает склонность к внезапным вспышкам гнева на критику, а также наблюдаются частые и резкие перепады настроения. перепады настроений, неконтролируемые эмоции, нарушение сна.

Человек, употребляющий наркотики, представляет серьезную угрозу для себя и окружающих, особенно когда он находится в состоянии сильного наркотического опьянения и теряет способность нормально воспринимать реальность. В случае невозможности получить необходимую порцию наркотика и попытки собрать средства на его приобретение, наркоман может нанести вред здоровью и материальному благополучию близких и самому себе.

В чем основные риски, которые наркотики несут для общества? Прежде всего, наркозависимые люди страдают от пониженной работоспособности, что связано с ухудшением физических и умственных функций, а также постоянным размышлением о наркотиках – где их найти и как принять. Кроме того, наркомания влечёт за собой существенные экономические и нравственные убытки, выступая в качестве основной угрозой для происшествий на рабочем месте, дорожно-транспортных аварий, несчастных случаев, которые приводят к травмам и правонарушениям. Также наркозависимые создают

невыносимые условия для своих семей, травят их своим отношением, лишая семью средств к жизни и нанося значительный вред своим детям. К тому же, наркозависимые, утрачивая физическую и моральную стойкость, становятся обузой для общества, привлекая других в этот порочный круг, особенно молодёжь, и чаще всего погибают преждевременно. Кроме того, использование наркотиков противоречит этическим принципам. В конце концов, наркомания во всех её проявлениях является социально опасной психическими заболеваниями, которые угрожают будущему, здоровью и благополучию всему населению страны.

В России была разработана и одобрена концепция государственной политики по борьбе с наркоманией, подписанная Президентом страны. Борьба с наркотиками признана ключевой задачей для всего общества. Власть уже начинает применять уголовные законы за определённые виды взаимодействия с наркотическими средствами начиная с 14 лет [10].

Передача наркотических средств от одного человека другому влечёт за собой нарушение законодательства и может привести к тюремному заключению.

Выводы. Глобально требуется изменение социальных и цивилизационных приоритетов в профилактике и борьбе с наркоманией среди молодёжи. Нужны спланированные на всех уровнях действия по постоянной проверки людей (особенно молодёжи) на употребление наркотиков с заведением уголовных дел по выявлению распространителей наркотиков, содержателей притонов и т.д. Это позволит сохранить здоровье молодёжи и снизит преступность.

Наркотики – это зло, которое должно быть удалено из жизни полностью. Наркоторговцев, производителей наркотиков и их лобби нужно судить по всей строгости закона, например, как это происходит в Китае. За продажу наркотиков детям и молодёжи необходима смертная казнь. Лучше если это будет публичная смертная казнь. Этого требует общество, здравый смысл и национальная безопасность России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаев И.А., Федосеева М.З. Современная молодежь и наркотики: причины употребления, профилактика, борьба с зависимостью // В сборнике: Инновационные подходы к профилактике наркомании. Материалы XII Республиканской научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2024. С. 46–51.

2. Степанова А.А., Ширшова Е.В., Гафиятова Н.В. Борьба с подростковой зависимостью и ее профилактика: молодежь и наркотики // В сборнике: Инновационные подходы к профилактике наркомании. Материалы XIII Республиканской научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2025. С. 145–148.

Ивантей Д.В., Изотова П.Р. Зависимость и молодежь: как бороться с наркотиками // В сборнике: Мир глазами молодых. Студенческие чтения. Сборник научных трудов VI Международной студенческой научно-практической онлайн-конференции. Курск, 2023. С. 75–77.

4. Свечкарёв В.Г. Эволюция спорта // Научные известия. 2019. № 14. С. 63–67.
5. Свечкарёв В.Г. Ларин А.Н. Образ жизни современного человека и тренажёр "правИло" // В сборнике: Философия образования, психология и педагогика: теоретические и практические аспекты современных исследований. Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции аспирантов. 2016. С. 460–466.
6. Тепляшин П.В. Криминологический анализ наркоситуации в Российской Федерации (с учетом итогов 2024 года) // Научный компонент. 2025. №2 (26). С. 5–11.
7. Меняйло Д.В., Назаренко И.С., Федосеев А.Э. Использование цифровых технологий для противодействия наркопреступлениям в современной России // Право и государство: теория и практика. 2025. №3. С. 467–470.
8. Шкурко Д.В. Актуальные вопросы реализации государственной политики Российской Федерации в области противодействия незаконному обороту наркотиков // Вестник Академии знаний. 2025. №2 (67). С.1204–1208.
9. Нехорошева Э.А., Свечкарёв В.Г. Пропаганда ЗОЖ в образовательной среде // В книге: Новые технологии в учебном процессе и производстве. Материалы XXI Международной научно-технической конференции, посвящённой 35-летию полета орбитального корабля-ракетоплана многоразовой транспортной космической системы "Буран". Рязань, 2023. С. 820–822.
10. Ибиев А.Р. Незаконный оборот наркотиков в уголовном праве // НПЖ «Диалог». 2025. №1 (31). С. 100–101.

УДК 342.8

МОЛОДЕЖЬ И ВЫБОРЫ: КАК ПОВЫСИТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ?

Ю.Ф. Фаренник, студент
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Оренбург, Россия

Аннотация. По данным Росстата численность граждан в возрасте от 14 до 35 лет на начало 2025 г. – 13,7 млн. чел., что составляет 9,4 % населения [1]. Молодежь представляет собой одну из наиболее важных социальных групп, которая оказывает значительное влияние на развитие общества и экономики. Активная вовлеченность молодежи в политическую жизнь является ключевым ресурсом для перспективного развития общества и государства в целом. Одной из проблем является проблема электоральной пассивности данной категории населения. В этой связи актуализируется вопрос поиска эффективных способов повышения вовлеченности молодежи в избирательный процесс.

Ключевые слова: молодежь, избирательный процесс, выборы,электоральная активность, политико-правовая культура.

Введение. Участие граждан в процессе государственного развития служит фундаментальной основой любого демократического государства, в

котором особая важность отводится избирательному процессу. По данным председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой, устойчивой тенденцией последних лет является стабильность показателя доли молодежи от голосующих и принимающих участие в выборах избирателей. Он составляет примерно 25%. Аналогичные показатели составляют доля молодежи, работающей в ЦИК, и доля молодых людей, выдвигающих свои кандидатуры на различного рода выборы [2].

Несмотря на устойчивость показателей уровня электоральной активности молодежи, следует признать наличие проблемы электоральной отчужденности молодежи. Причинами тому служат, ряд объективных и субъективных факторов. Признание молодежи социально активной группой, имеющей огромный политический потенциал, предопределяет необходимость выработки и проведения комплекса мероприятий, направленных на преодоление и переосмысление ее электоральной пассивности.

Постановка задачи. В статье на основе анализа конституционно-правовых основ участия молодежи в политической жизни страны выявляются правовые проблемы реализации политических прав молодежи, сдерживающих электоральную активность молодежи, и на этой основе предлагаются пути их преодоления.

Методология и методы исследования. Основу исследования составил комплекс общих и частных методов научного познания. В качестве основного метода исследования использовался диалектический метод, позволивший раскрыть понятие и выделить специфику молодежи как социально-демографической группы. Также использовались общенаучные методы научного познания, в том числе, анализа и синтеза, посредством которых были обоснованы предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Результаты. На протяжении длительного периода времени «молодежь» как социально-демографическая группа не выделялась. Это объясняется особенностями развития общества на конкретно взятом этапе. Низкая продолжительность жизни человека в ранние периоды исключала возможность выделения стадии молодости. В дальнейшем в ходе экономического и общественного развития между детством и зрелостью произошло значительное увеличение возрастного промежутка, получившего наименование «молодость» [3].

В Конституции Российской Федерации молодежь как особая социально-демографическая группа не выделена, упоминание о ней приводится в п. «е» ч. 1 ст. 72 в контексте молодежной политики. Нормативное определение молодежи приводится в пп. 1 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [4], согласно которой под таковой понимается социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет

включительно (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 6 данного Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации. Приведенное определение молодежи позволяет выделить главные признаки молодежи:1) социально-демографическая группа;2) возрастной ценз – от 14 до 35 лет включительно.

Среди ключевых причин электоральной пассивности молодежи следует назвать низкий уровень правовой и политической культуры. Она может быть разрешена посредством развития молодежного парламентаризма. Под последним понимается система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, которая основана на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства [5].

В России развитие молодежного парламентаризма можно рассматривать через деятельность молодежного парламента (федеральный и региональный уровень), когда они создаются при законодательных органах власти и через деятельность общественной молодежной палаты, а также через деятельность молодежных правительств, которые создаются в основном при исполнительных органах власти [6].

На сегодняшний день в 70 регионах России сформированы молодежные парламенты. Так, например, на территории Оренбургской области функционирует Молодежный парламент Оренбургской области. Он создается при Законодательном Собрании Оренбургской области для содействия органам государственной власти Оренбургской области в работе по законодательному обеспечению прав и законных интересов молодежи, изучения проблем молодежи, своевременного информирования о них органов государственной власти [7].

Важным аспектом в деятельности Молодежного парламента является то обстоятельство, что он наделен правом законодательной инициативы по вопросам молодежной политики в Законодательном Собрании. Это позволяет молодежи продемонстрировать собственные интересы, а также выстроить доверительные отношения между государством и молодежным сообществом.

В научной литературе молодежный парламентаризм определяется по-разному: в качестве механизма развития электоральной активности молодежи, повышения ее политической и гражданской культуры [8]; форма народного представительства [9]; инструмент общественного контроля [10].

Среди проблемных аспектов функционирования молодежных парламентов в России следует назвать проблему невозможности обеспечить представительство всех групп молодежи. Основной причиной тому служит механизм их формирования. Исследование нормативной базы в данной

области позволяет констатировать, что он предусматривает проведение конкурса, назначение или выдвижение кандидатур.

Выводы. Представляется, что наиболее эффективным способом формирования молодежного парламента следует признать прямые выборы. Эта форма создания отличается большей прозрачностью и открытостью. В этой связи предлагается унифицировать законодательство субъектов Российской Федерации о молодежных парламентах, предусмотрев в них в качестве способа их формирования прямые выборы.

Практическая реализация сформулированного предложения позволит обеспечить вовлеченность большего числа групп молодежи в деятельность института молодежного представительства, а также повысить уровень интеграции молодежи в электоральный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/.
2. Среди участвующих в выборах избирателей на молодежь приходится около 25%. URL: https://www.interfax.ru/russia/950616.
3. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М., 2001. С. 121.
4. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной пиитике в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 23 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть 1). Ст. 28; 2025. №30 (Часть II). Ст. 4407.
5. Гаджиев К.С. Политология. Учебник. М., 2011. С. 97.
6. Гусейнов А. Честная политика – это соответствие между словом и делом. Журнал «Российская Федерация сегодня» №4, 2014 г.
7. Закон Оренбургской области от 24.08.2012 г. № 1042/309-V-ОЗ «О Молодежном парламенте Оренбургской области при Законодательном Собрании Оренбургской области» (с изм. и доп. от 05 декабря 2024 г.) // Оренбуржье. 2012. № 145.
8. Юсов С.В. Организационно-правовые основы создания и деятельности молодежных парламентов в Российской Федерации. М., 2009. С. 7.
9. Шелудякова Т.В. Молодежный парламент как орган народного представительства // Конституционализм и государствоведение. 2018. № 2 (12). С. 22–26.
10. Тепляшин И.В. Молодежные общественные структуры: потенциал публичного управления и общественного контроля // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 20–23.

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ

УДК 811.161.1'38

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ ШОУ СООБЩЕСТВА «ИМПРОКОМ»

Н.В. Анисина, канд. пед. наук, доцент
А.Н. Никитина, Д.А. Булыгина, У.Д. Давыдова, студент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье описаны типы ошибок, которые наиболее часто встречаются в современной русской устной спонтанной речи. Объяснено, почему для каждого из анализируемых нами людей характерны те или иные ошибки. Выявлены причины отклонения от норм русского литературного языка. Показано, что речевые неточности и несоответствия нормам русского языка сильно распространены в неподготовленной речи и неравномерны (доминирование одних типов ошибок над другими). Материалом для исследования послужили видеоролики сообщества Вконтакте «Импроком», а именно, неподготовленная эфирная речь основных ведущих данного канала: Антона Шастуна, Арсения Попова, Дмитрия Позова и Сергея Матвиенко.

Ключевые слова: культура речи, речевые ошибки, языковая личность, неоднородный языковой коллектив, эволюция грамматических категорий, норма, типы ошибок, устная речь.

Введение. В настоящее время очень популярны разного рода социальные сети. Обилие контента, который не может быть выпущен на телевизионных каналах, ведь те подчиняются законам о СМИ и Постановлениям Правительства РФ об использовании русского языка как государственного. Однако в социальных сетях речевое общение более свободное и живое, в них используется типичное для молодежи просторечие и сленг. Поэтому представляется интересным изучить речевые ошибки и нарушения, которые встречаются в развлекательных шоу-программах. Данные языковые неточности свидетельствуют не только о речевых навыках носителей языка, но и о культурном состоянии современного общества. Популярные медийные личности, в особенности блогеры, влияют на формирование языкового портрета современного русского человека. Молодые люди активно перенимают совершаемые ими ошибки, неточности и искажения. Этим объясняется актуальность данного исследования.

Методами исследования послужили лингвистический, ортологический, стилистический и лексико-семантический анализ. В качестве материала были использованы более 20 выпусков шоу-программы

«Импроком» за 2025 год. Методом сплошной выборки было собрано более 100 примеров речевых ошибок и неточностей.

Анализ научной литературы показывает, что изучение речевых ошибок является актуальной научной проблемой. В 2025 году было проведено Всероссийское тестирование по культуре речи, что отражает важность исследования данной темы не только для научного сообщества, но и государства и общества в целом [6, С. 3]. Для культуры речи нашего времени характерны речевые ошибки, обусловленные широким участием недостаточно квалифицированных носителей русского языка в неподготовленной русской публичной речи [1, С. 19]. В настоящее время главным способом пополнения фразеологического состава русского языка является язык социальных сетей и других Интернет-ресурсов. Зачастую фразеологизмы приходят из кинофильмов, рекламных роликов, «мемов», поэтому «уходят в народ» и широко употребляются людьми разных поколений и уровней образования [3, С. 46]. В условиях избытка информации способность к адекватному восприятию, критическому осмыслению и точному формулированию мысли становится ключевой компетенцией. Культура речи напрямую связана с культурой мышления. Низкий уровень речевой компетенции порождает коммуникативные неудачи, способствует распространению недостоверной информации (фейков) и манипулятивных техник [6, С. 1].

Новизна данного исследования заключается в том, что языковой материал данного шоу ранее не изучался, а выявленные нами примеры еще не встречались в научной литературе.

В результате анализа языкового материала мы выделили 15 типов наиболее часто совершаемых ведущими шоу ошибок. Количество примеров прямо отражает, насколько распространена ошибка в живой эфирной речи. При этом рассматривались не только нарушения лексических и грамматических норм, но и стилистические нарушения, так как шоу это публичная коммуникация.

Неверное употребление паронимов: «*Более ближних слов просто из головы представить сложно*». Имя прилагательное *ближний* несет в себе лексическое значение географической близости объекта. В данном случае речь идет не о пространственном положении, а о духовной связи, поэтому верно будет использовать слово *близкий*. *«Я долго ее подкладывал, чтобы ты не положил на мою (карту), потому что у меня следующая».* В данном случае должен употребляться глагол выкладывать, так как *подкладывать* употребляется в значении положить под что-то. Здесь же карты *выкладываются* поверх ранее сыгранных.

Тавтология – повторение в пределах одного или соседних предложений одних и тех же или однокоренных, близких по звучанию слов [2, С. 704]. Примеры ошибок: *«ну, то есть, я на нее смотрю и не смотрю на поле»; «я взял категорию, взял цвет»*; «*ну, если бы так сфоткался Арсений,*

он бы подписал бы словом факты»; «ты вот это сказал, а потом посмотрел и сказал»; «ну там же ну можно ошибиться».

Трансформация фразеологизмов и устойчивых лексических оборотов: а) *«Чем мне нравится наше шоу? Они иногда в неожиданном месте и в неожиданный момент выявляют наши ахиллесовы пяточки».* Искажение формы фразеологизма «ахиллесова пята» без изменения его смысла; б) *«А ты Шастун, вместо того, чтобы следить за чужими бревнами…».* Намеренное сокращение устойчивого выражения «в чужом глазу соломинку видеть, а в своём бревна не замечать», без потери лексического смысла. Оба примера обусловлены стремлением ведущих украсить и разнообразить свою речь и намеренно упрощены для уменьшения речевых усилий в живой эфирной речи.

Неверная постановка ударения: *«во-первых, правильно говорить бАлуйтесь»*; *«лЕгонько»; «кто нибудь собрал уже два краЯ?»*; *«внимание на доскУ»; «если это не зАгаданное слово».*

Нарушение норм склонения имен числительных: *«игральную кость с двадцати гранями».* Имя числительное в данном примере должно согласовываться с именем существительным *грани* и стоять в форме творительного падежа, то есть *двадцатью*.

Неверное образование форм глагола: *«нужно представить, как будто вкусняшку так держут».* Глаголы второго спряжения в третьем лице множественного числа имеют окончание ат/ят (держат). *«Тогда я сейчас самый первый выбую».* Глагол *выбыть* является недостаточным и не имеет формы будущего времени. Следует заменить его словосочетанием *выйду из игры*.

Нарушение норм связи согласования и управления: *«пацаны, вы все зашли грабить банк в этих, как в фильме «Схватка», с автоматами в масках президентов»*. Распространенное определение оторвано от главного слова, из-за чего теряется лексический смысл высказывания. *«Победить игру».* В данном случае глагол требует после себя предложного падежа и предлога, в примере употреблен винительный. Ошибка вызвана проблемой переходности глагола.

Нарушение точности словоупотребления: *«Всех вопросов из каждой категории по четыре. Всего вопросов семь. Придётся как-то варьировать категории, потому что для суперигры лучше оставить те, которые полегче»*. Словарь иностранных слов дает такое толкование: ВАРЬИРОВАТЬ, несов., что. Книжн. Изменять что-л. частично, вносить некоторые изменения, создавая различные варианты (вариации) какого-л. одного предмета, признака, действия; **син.** видоизменять. [5, С. 377]. Из контекста мы понимаем, что слово *варьировать* здесь неуместно, категории не будут изменены, ведущие планируют их *чередовать*. *«Голосователи», «я перепсиховал в этой игре»*. Слова в данных примерах образованы от глагола

по аналогии с другими именами существительными, однако это не является нормативным.

Нарушение сочетаемости слов: *«Сереж, на, позырь картинки, пока Арс будет **правила рассказывать**»; «**остановить попытку** пора».* В первом примере мы наблюдаем сразу две лексические ошибки: употребление просторечного слова и нарушение сочетаемости. Более уместно в приведенных выражениях употребление глаголов *озвучить* для первого примера и *прервать* – для второго. Слова в обоих случаях употребляются вопреки их логическому значению. Такие сочетания слов лексически неуместны.

Лексическая недостаточность, неполнота речи: *а) «Чем мне нравится наше шоу? Они иногда в неожиданном месте и в неожиданный момент выявляют наши ахиллесовы пяточки»; «я вообще не понимаю цвета, в смысле я знаю названия, но я не знаю, какой ему соответствует цвет».* В приведенных примерах неясен лексический смысл местоимений, опущено главное слово и установить его не представляется возможным, что приводит к непониманию; *б) «Последние пару лет нам показали, что все, где есть элемент удачи, бессмысленно соревноваться в этом с Сережей»; «конечно, потому что тебя не может двигать ты».* В современном русском языке наблюдается тенденция к использованию именительного темы. Однако в подобных случаях, местоимение должно стоять как можно ближе к именительному темы, что не наблюдается в первом предложении. Это привело к нарушению порядка слов и алогичности всего предложения. Алогичность мы наблюдаем и во втором примере, которая вызвана неправильным использованием местоимений и нарушением порядка слов в предложении.

Ошибка употребления однородных сказуемых, которые требуют разных падежей: *«Зашел в библиотеку и нашел то, что Сережу отвлечет и не позволит выиграть».* Глагол *отвлечет* требует винительного падежа, а глагол *не позволит* дательного. Соответственно, нельзя отнести к этим двум однородным членам одно дополнение в виде имени существительного.

Смешение пар сопоставительных союзов/искажение двойного (парного) союза: «*Если мы договорились, что «чур» выше любого закона, что(то) значит, у тебя в билете верхняя полка»; «когда становится смешно даже нам, но вам должно стать смешно априори».* Данные примеры наглядно иллюстрируют, что в живой эфирной речи теряется полный контроль над речью, поэтому смешение пар союзов и их искажение часто встречающаяся ошибка.

Смешение нескольких языковых конструкций: *«Да ты не можешь говорить под маской».* Слово *маска* имеет несколько лексических значений, оно используется в разных устойчивых речевых оборотах, имеет прямое и переносное значение. В данном примере человек надевает маску на лицо и говорит. Смешение двух языковых конструкций вызвало неясность речи. *«Но*

из этого же всего нужно типа какой-то ответ». Нарушение согласования между подлежащим и сказуемым вызвано смешением двух языковых конструкций. Как и в прошлом типе ошибок, мы наблюдаем потерю контроля над речью.

Нормы произношения твердых и мягких согласных в заимствованных словах: *«Пацаны, вы не ходите, пожалуйста, со мной в кУЭст»; «Четвертый ждОт удачи в следующем круге».* В данных примерах, на наш взгляд, ошибки были сделаны намерено. Имитация иностранного акцента в юмористическом шоу является элементом языковой игры.

Редко встречающийся в речи, специфический оксюморон: *«Ну, потому что он в отличие от тех других двоих хотя бы ни разу не ошибся»*. Указательное местоимение *тот* уже несет в себе значение определения в данном придаточном предложении, поэтому определительное местоимение *другие* является лишним и приводит к синтаксической избыточности высказывания. *«Пятнадцать килограмм назад»* – в родительном падеже слово имеет форму килограммов. Данное сочетание слов с парадоксальным значением используется для создания выразительности высказывания. Ведущие шоу вновь обращаются к элементу языковой игры.

В ходе анализа лексических единиц и работы над исследованием, мы установили три предполагаемые причины совершаемых ведущими ошибок.

1. Потеря контроля над речью, обусловленная форматом шоу. Как известно, человек думает гораздо быстрее, чем говорит. Формат шоу сообщества «Импроком» подразумевает работу ведущих без подготовленного ранее сценария. Живая речь человека эмоционально окрашена и очень сложна для контроля. Так, разыгрывая сцены, ведущие стремятся как можно быстрее и ярче выразить свои мысли, что вызывает большое количество лексических и синтаксических ошибок. Формат взаимодействия порождает лексическую неточность речи, понятной она становится только при анализе контекста и диалога всех участников шоу.

2. Стремление к компрессии, сокращению языковых усилий. Данная тенденция характерна для современного русского языка в целом. Для поддержания внимания зрителей, речь должна быть активной и достаточно быстрой, из-за чего ведущие шоу намеренно сокращают слова и устойчивые выражения, отсюда ошибки в употреблении фразеологических оборотов, появление окказионализмов. Такие индивидуальные неологизмы, образованные по понятным носителю языка продуктивным моделям, очень быстро подхватываются другими людьми за счет известности шоу и самых ведущих и входят в лексикон зрителей, становятся «вирусными».

3. Языковая игра как одно из средств выразительности и установления контакта со зрителями. Использование приема языковой игры обусловлено форматом развлекательного шоу, однако в случае недостаточного уровня владения языком и бедности грамматического строя речи, она может

приводить к совершению ряда лексических и синтаксических ошибок. Намеренное искажение устойчивых выражений, неправильное произношение звуков с имитацией иностранного акцента, специфический оксюморон – несколько явных примеров ошибок, связанных с использованием данного средства выразительности.

Подводя итог сказанному, можно выделить следующее:

1. Для культуры речи современного русского носителя языка характерны речевые ошибки, обусловленные широким распространением шоу с ведущими, недостаточно квалифицированными в неподготовленной русской публичной речи.

2. Проведенное исследование дает понимание того, с какими современными речевыми ошибками следует бороться в первую очередь.

3. Совершаемые ошибки могут быть вызваны стремлением к использованию языковой игры и внедрению средств языковой выразительности, которые искажены или неверно употреблены из-за бедности словарного запаса и грамматического строя речи или желания поддержать развлекательный формат и интерес «своего» зрителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакланова И.И. «В зоопарке многие кривляют обезьян», или Основные типы ошибок в современной русской устной эфирной речи // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. – 2025. – №2. – С. 19–28.

2. Виноградов С.И. Плеоназм 2 // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука. – 2003. – с. 704.

3. Гареева Л.М. Фразеологические ошибки в современной русской речи. Причины их возникновения и типология // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – №4. – С. 45–51.

4. Эльдиханова Р.Ш. Речевые ошибки как причина возникновения коммуникативных неудач // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – №6. – С. 460–462.

5. Словарь иностранных слов Российской Федерации // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук. [Электронный ресурс] URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari.

6. Всероссийское тестирование по культуре речи // Институт родных языков. Всероссийский день культуры речи. [Электронный ресурс] URL: https://anketa.natlang.ru/about-test/.

7. Собянина В.А. О чем смеются в интернете? Лингвистический и лингвокультурологический анализ юмора // Litera. – 2024. – №11. – С. 129–138.

УДК 811.161.1’373.4

СЛОВА ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.В. Анисина, канд. пед. наук, доцент
О.А. Кондрашова, студент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию финно-угорского влияния на лексический состав современного русского языка. Анализируются этимология и семантика наиболее распространенных финно-угорских заимствований, прослеживаются пути их проникновения в русскую речь и особенности функционирования в различных диалектах и стилях. Особое внимание уделяется лексике, связанной с природой и бытом.

Ключевые слова: финно-угорские языки, русский язык, заимствования, этимология, лексика.

Введение. Русский язык, как и любой живой язык, находится в постоянном процессе развития и обогащения, в том числе за счет контактов с другими языками. Одним из наиболее значительных, хотя и не всегда очевидных, источников лексических заимствований для русского языка является финно-угорская языковая группа. Исторически сложившиеся тесные контакты славянских и финно-угорских племен на обширных территориях Восточной Европы оставили неизгладимый след в лексике русского языка, особенно в его северных и северо-западных диалектах, но также и в общенациональном языке. Цель данного исследования проанализировать наиболее показательные примеры финно-угорских заимствований, их значение и роль в современном русском языке, рассмотреть их этимологию, семантические особенности, пути проникновения и функциональную роль, подчеркивая, что финно-угорское влияние не ограничивается периферийными диалектами, но проникает и в общенациональный языковой фонд.

Методы исследования.

1) Сравнительно-исторический метод. Это основной метод при изучении происхождения слов, который предполагает сравнение русского слова с его аналогами и эквивалентами в различных финно-угорских языках (финском, эстонском, карельском, вепсском, коми, марийском, мокшанском, эрзянском и др.). Цель – выявить общие корни, звуковые соответствия и семантические сходства.

2) Семантический анализ. Под ним подразумевается сравнение значений слова в русском и финно-угорских языках. Важно отследить, сохранилось ли первоначальное значение, произошло ли его семантическое смещение или расширение.

3) Лексикографический анализ. Использование авторитетных этимологических словарей русского языка (например, «Этимологический словарь русского языка» П. Я. Черных) и словарей финно-угорских языков для проверки гипотез, определения семантики слов, их употребления и стилистических помет (устаревшее, диалектное, разговорное).

Результаты исследования. В современном русском языке финно-угорские заимствования, как правило, не воспринимаются как чужие, так как они стали органичной частью лексического фонда, особенно в регионах, где исторически проживали финно-угорские народы. Финно-угорские заимствования являются объектом различных исследований уже на протяжении нескольких столетий, однако многие вопросы остаются не выясненными до конца.

В первую очередь, необходимо упомянуть, что целый пласт древних заимствований связан с морем и рыбной ловлей. Из финского языка в русский перешли названия таких рыб, как *хариус* (от фин. *harjus*), *сиг* (от фин. *siika*), *ряпушка* (от фин. *reapys*), *салака* (от фин. *salakka*), *корюшка* (от фин. *kuore*), *мойва* (от фин. *maiva*), *камбала* (от фин. *kampala*). Еще один ряд заимствований связан с названием животных. Например, слово *нерпа*, обозначающее «ластоногое млекопитающее сем. тюленей, а также мех». [3, С. 258] Оно уходит корнями в финский язык, так как Финляндия является активным местном обитания нерп (от фин. *norppa*). Также слово *морж* заимствовано из финского языка (от фин. *morsa*). [5, С. 292] Некоторые исследователи отмечают, что слово *морж* пришло в финский язык из саамского - *morša/moršša.*

Стоит отметить, что определенные названия, связанные с природным миром, пришли в русский из финно-угорских языков. К примеру, слово *пурга*. В этимологическом словаре Крылова Г.А.: «слово, называющее снежную бурю, было заимствовано из языка народа, который нередко встречается с таким природным явлением – финского, где *purku* – «метель» (в карельском – *purgu*)». Название природной зоны – *тундра*, также относится к этому пласту слов. «Из финского *tunturi* «высокая безлесная гора, скала» или саамский – *tundar, tuoddar* «гора», саамы норвежские – *duoddar* «широкая гора без леса». [9] Диалектное слово *ламба*, или как его чаще называют в уменьшительно-ласкательной форме на территории современной Карелии *ламбушка* также имеет финское происхождение. Ламба обозначает «глухое озеро, озерко без истоков, особ. в лесу. Ламбина ж. арх. озерко на старице, на покинутом рекою русле.» [1, С. 307] Слово *ламба* происходит от карельского *lampi* или финского *lampi*, что означает «небольшое озеро».

Существует группа слов, обозначающих предметы быта и используемых в нашей повседневной жизни. Знаменитое слово *сауна*, как и в целом сама традиция посещать сауны, пришли в русский язык из финского. Сауна – это специальное название финской бани. «САУНА, -ы, ж. Финская

баня с горячим сухим воздухом в парной и холодным бассейном.» [3, С. 408] Слово *сауна* происходит из древнефинского языка (*sauna*) и дословно означает «баня». Интересна история происхождения слова *пай-мальчик*. Пай – происходит от финского и эстонского *pai* «хороший, милый», которое было заимствовано также в языки прибалтийских немцев и шведов. Как кажется, слово *pai* в эстонском может выступать как существительное «ласка, поглаживание» и как прилагательное «хороший, милый, послушный (о детях или в речи детей). Слово пай в значении «доля участника в общем деле» сюда не относится. Это тюркизм, появившийся в русском языке раньше, чем финско-эстонское *пай*». Таким образом, слово *пай* в выражении *пай-мальчик* или *паинька* происходит от финского и эстонского слова *pai,* означающего «хороший, милый». Диалектное слово *пахта* и производный от него глагол *пахтать* также имеют происхождение из финно-угорских языков. «ПАХТА, -ы, ж. Обезжиренный молочный продукт, получаемый после сбивания масла. ПАХТАТЬ, -аю, -аешь; -анный; несов., что. Сбивать масло (из сливок или сметаны).» [3, С. 389] Происходит из финского ryöhtää – «пахтать, сбивать масло», либо от другого финского слова pahtaa – «сгущать, давать затвердеть, застыть». В подтверждение версии лингвисты приводят русское историческое выражение «чухонское масло» (чухонцами называли своих финских соседей), которое получали сбиванием сметаны или кислого молока.

На определенных территориях современной Карелии можно услышать слово хирей. Так называют лосей. Однако в научных источниках не удалось найти точное происхождения слова. В переводе с финского лось – это hirvi. Можно сделать вывод, что русское слово хирей – диалектизм от финского. Кроме того, в некоторых районах Карелии нередко можно услышать слово хонка, обозначающее сухую высокую сосну. Изучив информацию в сети Интернет, удалось выяснить, что honka – это одна из крупнейших в мире финских компаний по производству деревянных домов из финской сосны. Таким образом, можно предположить, что так местные жители решили именно так называть сухие сосны, из которых обычно строятся дома, основываясь на названии и специализации одноименной финской компании. Слово хийси в Карелии обычно обозначает лесных духов, или привычного нам русского лешего. Это слово также было заимствовано из финского напрямую – леший по-фински – h*iisi*. Знаменитое карельское и финское блюдо лохикейтто – суп из красной рыбы с сливками, тоже имеет финно-угорские корни. Лохикейтто от фин. lohikeitto – букв. «лососевый суп».

Выводы. Исследование финно-угорского субстрата в русском языке демонстрирует сложность и многогранность его истории. Финно-угорские заимствования, несмотря на их зачастую скрытую этимологию, играют важную роль в обогащении русского лексикона, особенно в сферах, связанных с природой, бытом и географией. Эти слова являются живым свидетельством глубоких исторических и культурных связей между народами, населявшими Восточную Европу, и продолжают функционировать

в современном языке, обогащая его и делая более выразительным. Дальнейшие исследования в этой области могут пролить свет на новые пласты финно-угорского влияния и уточнить этимологию многих слов.

В современном русском языке финно-угорские заимствования, как правило, не воспринимаются как чужие. Они стали органичной частью лексического фонда, особенно в регионах, где исторически проживали финно-угорские народы. Некоторые из них, такие как *сауна, пурга, морж*, являются общеупотребительными. Другие же, особенно топонимы, сохраняют свою специфику, являясь важным элементом национальной идентичности.

Проведя исследование, удалось выявить, что далеко не все слова финно-угорского происхождения указаны в словарях. Такие слова, как «хирей», *хонка, хийси* и *лохикейтто*, возможно незнакомы большинству россиян, однако они часто употребляются коренными жителями Карелии и происходят из финского и карельского языков. Дальнейшие лингвистические исследования, в том числе сравнительно-исторические и диалектологические, могут способствовать более полному выявлению и уточнению этимологии финно-угорских заимствований. Изучение этого пласта лексики имеет важное значение не только для лингвистики, но и для понимания истории и культурного многообразия России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. «Изд. общ-ва любителей Российской словесности», 1863. – 627 с.
2. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. «Нестор-История», 2019 – 1076 с.
3. Ожегов. С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. «Азбуковник», 1999 – 944 с.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: [В 2 т.]. «Русский язык», 1999 – 624 с.
5. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. «Просвещение», 1971 г. – 542 с.
6. Шишкина Т.А. Финский язык. Тематический словарь. 20 000 слов и предложений. С транскрипцией финских слов. С русским и финским указателями. «Живой язык», 2018. – 256 с.
7. Кондрашкина Е.А. Будущее языков финно-угорских народов в Российской Федерации – [Электронный ресурс] – https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-yazykov-finno-ugorskih-narodov-rossiyskoy-federatsii/viewer.
8. Вопросы о словах 53. Пай – [Электронный ресурс] - https://rousseau.livejournal.com/590120.html.
9. Слова финно-угорского происхождения в русском языке. Много ли их? – [Электронный ресурс] https://pikabu.ru/story/slova_finnougorskogo_proiskhozhdeniya_v_russkom_yazyike_mnogo_li_ikh_5482586?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing.

УДК 81.373.47

ЭПИТЕТАЦИЯ ВОЛНЫ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов, д-р филол. наук, доцент
Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
г. Самара, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию признакового образного моделирования волны в поэзии М. Цветаевой. Волна употребляется в составе эпитетных конструкций в творительном падеже с целью передать особенности поверхности объекта, его неровный характер; в значении «волны звука» актуализируется семантика неравномерности.

Ключевые слова: эпитет, стилистика, М. Цветаева, концепт «волна».

Введение. Активное развитие эпитетологии не вызывает сомнений [1; 2; 3; 4], однако следует отметить разницу между атрибутизацией и эпитетацией: первая предполагает выделение в когнитивной структуре значения нормативных признаков, тогда как при эпитетации признаки выявляются на основе авторских предпочтений, размывая понятие нормы. Эпитет предлагается понимать не как элемент художественного дискурса, украшающего речь, но как компонент образной и логической рубрикации мира субъектом, т.е. в качестве когнитивной единицы.

Постановка задачи. Целью данного исследования выступает анализ эпитетации концепта «волна» в поэзии М. Цветаевой. Данный образ является продолжением эпитетации водной стихии в целом и имеет множество различных смыслов, актуализируемых средствами эпитетной лексики [5]. В качестве материала для анализа избран Словарь поэтического языка Марины Цветаевой [6], собрание сочинений поэта [7], а также словарь эпитетов русского литературного языка [8].

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составили когнитивно-семантический, компонентный методы анализа языковых единиц.

Результаты. Волна употребляется в текстах поэта в основном значении как «водяной вал, образуемый колебанием водной поверхности» [8, С. 62]: однако стоит отметить, что волна имеет и символическое обозначение неровности поверхности, а также значение «звуковая волна», что расширяет возможности эпитетации объекта.

Обратимся к эпитетации волны в русском литературном языке. Словарь эпитетов фиксирует определения, описывающие величину, форму, характер колебаний волны (68 эпитетов; многие из них воспринимаются в качестве оценочных и образных определений: *вялая, легкая, пенная, поспешная, свирепая, упорная* и т.д.; например, *свирепая волна* явно отсылает к восприятию ее субъектом, ср. свирепый характер или зверь, в отличие от

нейтрального синонима *сильная волна*) [8, С. 62]. Вторая группа эпитетов указывает на важный признак волны – звук и шум, поскольку этот он внутреннее присущ волне (21 эпитет: *говорливая, звенящая, ревущая, тихая, шипящая, шуршащая* и т.д.; параллель голоса человека и волны отмечается в качестве метафорической) [8, С. 62]. Также присутствуют эпитеты, описывающие цвет, окраску, степень прозрачности волны (34 эпитета: *мутная, прозрачная, свинцовая, янтарная* и т.д. с присущими образными цветовыми метафорами) [8, С. 63], а также температуру (5 эпитетов: ледяная, *прохладная, студеная, теплая, холодная*) и впечатление, психологическое восприятие волны, что наиболее важно для нас, поскольку в данном случае происходит эпитетация, приписывание антропоморфных свойств волне (47 эпитетов: *веселая, гордая, дикая, игривая, ленивая, лукавая, своевольная, сонная, тревожная* и др.) [8, С. 63].

В рамках идиостиля М. Цветаевой необходимо отметить особую роль водной стихии в ее мировоззрении. Нелюбовь к морю, с одной стороны, из-за его неподвижности, ограниченности, и любовь к воде как к живой, бурной, динамичной стихии, например, к ручью, реке, вполне объяснимы диалектическим мировосприятием поэта. Однако нельзя не принимать в расчет и тот факт, что этимология имени Марина возвращает к морю, морскому, водному пространству.

Приведем несколько замечаний поэта относительно сущности моря и себя. Главное, что вода, как и поэт, отражает жизнь, и у него есть жажда это делать, жажда говорить и жить:

Иногда думаю о себе, что я – вода. (Эти дни я много на реке. Чудесная: Moldau: Влтава: почему не Млдава??) Налейте в море – будет морем, налейте в стакан – будет стаканом. Дело вместимости сосуда – и: жажды [9, С. 184].

Море ограничено отражением (творчеством) дна, тогда как река отражает небо:

Море отражает дно (себя, недра). Дно – одно. Река отражает небо [9, С. 238]. Поэт словно притягивается к морю и в то же время отталкивается от него.

Кратко остановимся на истории изучения данного образа в цветаеведении. Отметим, что волна отдельно никогда не описывалась, а включалась в работы, посвященные образу водной стихии в целом. О.В. Старостина описывает интерпретацию образа реки поэтами серебряного века и отмечает 93 употребления лексемы *река* в поэзии М. Цветаевой [10, С. 58]. Н.А. Дворяшина и Ю.В. Галицкая приводят данные о более 100 употреблениях лексем *река, реченька, речной* [11, С. 41]; Е.М. Янчук также указывает на частотность водной лексики в творчестве поэта, приводя 630 примеров подобной лексики из прозы и поэзии М. Цветаевой [12, С. 44]. По данным словаря поэтического языка М. Цветаевой, лексема *волна* упоминается 102 раза [6, С. 172–173].

Известно пристальное внимание М. Цветаевой к трудам античного философа Гераклита, который понимал воду и огонь как символы вечного движения и изменения: нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Река является олицетворением такого непостоянства, изменчивости, это поток жизни, времени, поэтому временное значение во многом связывается с образом реки, что отмечается ниже [13; 14; 15]. Важна мысль О.Г. Ревзиной о том, что сама жизнь часто понимается поэтом как результат «случайности и неудачи» [15, с. 183], она бессмысленна, что связывается с водной стихией, рекой Летой. Метафоры-олицетворения, присущие идиолексикону поэта, представлены и в нашем материале, что свидетельствует о том, что это «способ втягивания «равнодушной» природы в страсти, горести и катаклизмы человеческого мира» [15, с. 299]. Н.Г. Чекалина отметила некоторые особенности образного восприятия реки в поэзии М. Цветаевой, среди которых отметила переосмысление традиционных поэтических формул, разрушение привычного трафарета сочетаемости слов: например, «река – «лестница», по которой сходят в иной мир, река, ведущая вниз – в смерть, в ничто – один из ведущих образов поэта» [16, с. 354]: *Напрасно зовете: Меж нами – струистая лестница Леты* [7, т. 2, С. 28]. Образ Леты не раз повторяется в поэзии М. Цветаевой (*Леты слепотекущий всхлип, через летейские воды*) [17]. Окказиональными становятся не только форма слова, но и его семантика, что является естественным для выражения нужного смысла [18].

Отметим основные направления эпитетации волны в поэтических текстах М. Цветаевой.

Первая тенденция эпитетации волны связана с восприятием ее свойств в аспекте неровности поверхности, описываемой поэтом, по этой причине частотно употребление лексемы в творительном падеже: *волной* (ниспадающий плащ), *волнами* (платье, занавес), *над волнами хлеба* (ср. с внешним сходством морской волны и волнообразного движения хлебов, образующегося от ветра), *в волнах* (овечьего руна, прически, тубероз) [6, С 172–173]. Внешнее, метафорическое сходство с волнами воды переходит во внутреннее: данная параллель осуществляется через указание на душевное волнение, иногда имеющее телесное воплощение: *Грудь – волною встает, // Волна – грудью встает* [7, т. 3, С. 228]. Устанавливается прямой параллелизм волны, природы и груди, человека еще в примере: *Я был наг, а ты меня волною// Тела – как стеною // Обнесла* [7, т. 2, С. 222]. Безусловно, всем известны строки *краснеть удушливой волной*, в которых речь идет о приливе любовного чувства.

Волны судьбы и рока выявляются поэтом в строках: *В мире // Согласнее нету ваших // Единой волною вскинутых, // Единой волною смытых // Судеб! Имен!* [14, т. 1, С. 265]. Эпитетация судьбы (абстрактного понятия) как волны подчеркивает ее стихийность, непредсказуемость. Также

и злоба может иметь волны; подчеркивается периодичность накатов злобы, словно стихии: *Берегите от злобы волн* [7, т. 1, С. 407].

Также реализуется значение волны как звукового колебания: *волны* (колоколов, пасхального звона) [6, С. 173].

Выводы. Эпитетация волны имеет идиолектные особенности в поэзии М. Цветаевой, которые заключаются в актуализации семы звучности, уподоблении волны абстракциям, судьбе, тоске, соматическому проявлению неспокойствия, волнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – М.: УРСС, 2018. – 336 с.
3. Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. – 2018. – № 4. – С. 9–33.
4. Губанов С.А. Когнитивно-семантическая концепция эпитетного комплекса в творчестве М.И. Цветаевой: автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Ставрополь, 2023. – 49 с.
5. Гончарова Н.А. Комплекс «морской души» в юношеских сборниках М. Цветаевой («Вечерний альбом», «Волшебный фонарь») // Диалог культур-7: Сборник материалов V межвузовской конференции. – Барнаул: БГУ, 2005. – 32–39.
6. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю. И. Белякова, И. П. Оловянникова, О.Г. Ревзина: в 4 т. Т. 1. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. – 320 с.
7. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Эллис-Лак, 1994-1995. – Т. 1–7.
8. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука, 1979. – 568 с.
9. Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради / подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. – М.: Эллис-Лак, 1997. – 640 с.
10. Старостина О.В. Особенности авторской интерпретации образа реки в поэзии Серебряного века // Филология и культура. – 2014. – № 2 (36). – С. 58–61.
11. Дворяшина Н.А., Галицкая Ю. В. Семантика водной стихии в поэзии М. И. Цветаевой // Мировая словесность для детей и о детях: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 3–4 февраля 2014 г.). – Ярославль: ООО «Литера», 2014. – С. 41–49.
12. Янчук, Е. М. Мотив воды в творчестве Марины Цветаевой // Acta-Polono-Ruthenica. – 2021. – XXVI/3. – С. 41–56.
13. Жадлун М.И. Воплощение идеи «ВОДА-ВРЕМЯ» в поэзии М. Цветаевой // Ученые записки Таврического национального университета им. В. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66). – № 1. – С. 222–226.
14. Зубова Л.В. Поэтический язык Марины Цветаевой. – СПб.: «Геликон Плюс», 2017. – 544 с.
15. Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: опыт системного описания поэтического идиолекта. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – 593 с.
16. Чекалина Н.Г. Преобразование традиционных «поэтических формул» в творческом контексте М. Цветаевой /// Дергачевские чтения – 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – Ч. 2. – С. 353–356.

17. Чекалина Н.Г. О соотношении языкового и поэтического смысла слова-микрообраза «река» в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Филологический поиск. – Волгоград: ВолГУ, 2000. – Вып. 4. – С. 106–112.
18. Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю.И. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина: в 4 т. Т. 2. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. – С. 5–40.

УДК 81`44

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М. СТЕПНОВОЙ)

А.В. Корчагина, аспирант 2-го года обучения
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
г. Калининград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается феномен лингвопоэтического подхода к анализу и интерпретации художественного текста, описываются особенности функционирования лингвопоэтического анализа художественной литературы, а также производится лингвопоэтическое описание текста на примере рассказа М. Степновой.

Ключевые слова: лингвопоэтика, приём, маркированные единицы, коннотации, малая проза.

Введение. За многие годы своего существования филология как совокупность гуманитарных наук, вектор исследования которых направлен на изучение культуры народа, нашедшая в свою очередь выражение в языке и литературном творчестве, произвела разные методы и подходы к обработке языкового материала. Филолог же на пути исследования прибегает в зависимости от цели, которую он преследует в анализе текста (в широком смысле этого слова), к этим-самым различным методам и подходам. Если же мы говорим о произведениях художественной литературы, которые становятся объектами для филологических исследований, то в этом вопросе можно выделить как наиболее масштабные и традиционные направления анализа (например, лингвистический, литературоведческий, стилистический анализ текста), так и примеры более поздних направлений (например, психолингвистический, когнитивный).

Постановка задачи. Современная лингвистическая наука придаёт первостепенное значение исследованию художественных текстов, поскольку литературное творчество обеспечивает наиболее полное представление о лексико‑грамматическом богатстве языка, также его эмоционально‑экспрессивных возможностях и культурно‑специфических характеристиках языковой системы. И чтобы выявить причисленные аспекты в тексте, необходим комплексный подход. Так, одним из продуктивных

вариантов, на наш взгляд, является применение лингвопоэтического анализа художественного текста. Определим задачу нашего исследования – что же представляет собой данный подход и чем он привлекателен для исследователей?

Методы и методология исследования. Сама наука (с первоначальной номинацией «лингвистическая поэтика») кристаллизировалась из общей филологической научной парадигмы в 60-х гг. прошлого века. Основоположником её можно назвать В.В. Виноградова, который видел необходимость в выделении отдельной ветви языкознания для изучения языка художественной литературы – словесно-художественного творчества.

Огромный вклад в становление и развитие лингвопоэтики также внесли отечественные учёные (сотрудники филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова), такие как О.С. Ахманова, В.Я. Задорнова, А.А. Липгарт.

По определению С.М. Колесниковой, «лингвопоэтика как интегративный раздел науки о языке и стиле художественного текста изучает совокупность использованных в нем (тексте) разноуровневых средств, при помощи которых повествователь (создатель текста) оказывает эстетическое воздействие на читателя» [1, С. 13]. Так, рассматриваемая научная дисциплина затрагивает проблематику структурной организации текста, соотношения формы и содержания, реализующиеся через функционирование языковых единиц в художественных произведениях. Текст художественной литературы воспринимается как «эстетическая система, обусловленная единством художественного задания, те. как система приемов <...> Приемы – эстетически значимые факты, определяемые своей художественной телеологией» [2, С. 96].

В ходе рассмотрения феномена лингвопоэтики нельзя не указать на существующие определённые трудности, связанные с функционированием термина «лингвопоэтика», т.к., по А.А. Липгарту, выделяются 2 типа/подхода к исследованию текста. Определим их следующим образом: 1) лингвопоэтика в 1 значении представляет собой анализ, целью которого является «воссоздание по возможности полной картины того, каковы тематико-стилистические характеристики использования отдельного художественного приема в том или ином произведении, в группе произведений и т.п.» [3, С. 8]; 2) во втором же значении под лингвопоэтикой понимается исследование одного отдельно взятого текста художественной литературы, где предметом исследования выступают «формальные языковые элементы в передаче некоего идейно-художественного содержания и в создании определённого эстетического эффекта» [3, С. 8]. В рамках нашего исследования мы берём за основу именно второй тип.

Каким образом происходит лингвопоэтический анализ? Неизменно процедура лингвопоэтического анализа начинается с формирования перечня маркированных единиц – они могут обнаруживаться как в рамках одного-двух текстов, так и в различных смысловых пластах внутри текста

или в разнотипных нарративных формах. При этом следует максимально ограничить число суждений о лингвистической значимости выявленных элементов. При этом важно понимать, какие единицы в тексте можно считать маркированными, а какие нейтральными? Здесь важную роль играет стилевая дифференциация (то, в чём лингвопоэтический анализ схож с лингвостилистическим). Марикрованными выступают языковые единицы, имеющие определенные коннотации («добавочные семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски» [4]). Учеными выделяются ингерентные и адгерентные коннотации – ситуации, когда лексема изначально обладает или приобретает их в контексте соответственно. Для лингвопоэтического анализа (в чём он расходится с лингвостилистическим) важно любое языковое средство, способное в контексте художественного произведения способствовать выражению эстетического воздействия и авторской интенции. Кроме того, при анализе текста художественной литературы профессиональный читатель пользуется не только аппаратом филологических дисциплин, а также исходит из фоновых общекультурологических знаний. Исследователю необходимо обладать разносторонними знаниями (историко‑культурными, лингвистическими и др.), чтобы полноценно понять текст как неповторимое художественное творение. Как считает Н.Г. Бабенко, «именно лингвопоэтический анализ придает научное обоснование филологической интерпретации как особому типу знания» [5, С. 10].

Однако лингвопоэтический анализ не может быть представлен подобно строгому алгоритму. При анализе текста исследователю необходимо помнить о фундаментальной оппозиции во всех филологических исследованиях: «язык-речь». В этой связи учёный заведомо ориентируется на неожиданность, непредсказуемость языкового функционирования, что является абсолютно естественным, материальным. Тем интереснее проводить анализ, в котором каждое употребление языковых единиц в определённой коммуникативной ситуации уникально и, следовательно, каждая интерпретация уникальна.

Результаты. Чтобы в полной мере осмыслить художественное произведение, нужно проанализировать, как взаимодействуют его речевая организация и композиционное построение, а также определить характер эстетического влияния на читателя [6, С. 473]. Таким образом, цель лингвопоэтики заключается в поиске, оценке, интерпретации маркированных лексических единиц, с помощью которых автором произведения достигается тот или иной эстетический эффект и в целом производится влияние на реципиента.

В качестве примера предлагаем рассмотреть литературное творчество современного писателя Марины Степновой с точки зрения лингвопоэтического подхода. Рассмотрим, к примеру, фрагмент

художественного текста – отрывок из рассказа «Где-то под Гроссето», сюжет которого повествует о жизни Ляльки (от её детства до зрелого возраста и, возможно, скорой смерти). Данный фрагмент (от слов «*Лялька, поняв, что выступление закончено*» до «*Лялька смогла расквитаться*»), репрезентирующий типичный вечер из детства главной героини, в котором нет места теплу и любви со стороны обоих родителей. Так вышло, что родная мать не относится к ребёнку должным материнским образом, а лишь эксплуатирует её: её цель – представить публике (иллюзия салона времён позапрошлого века) вундеркинда, цитирующего античных авторов. Итак, с позиции лингвопоэтического анализа мы обращаемся к языку, находим маркированные (цепляющие внимание читателя) единицы и выстраиваем интерпретацию.

Разумеется, первое, на что обращает внимание читатель, – это построение текста. Его абзацное членение и содержательная противопоставленность (описание отчима и матери) – компаративная стратегия автора для представления читателю двух разных людей, родителей Ляльки. Степнова с помощью целого ряда средств производит на реципиента несколько шокирующий эффект, ведь описание матери героини явно далеко от идеального. Прежде всего этот эффект достигается за счёт чёткого разделения художественного пространства на пространство матери и её гостей и пространство отчима. В разделении этих топосов значимую роль играет атрибутивное словосочетание «*нормальная жизнь*», подчёркивающее не только признак типичности, соответствия норме, но и признак психического здоровья. Этими признаками обладает пространство именно отчима. Так, кухня, с соответствующими атрибутами уюта: вечно закипающий чайник, тепло (огонь-очаг), родной человек – место, неразрывно связанное с отчимом.

В описании этого небиологического отца так же присутствует контраст. Его физический портрет представлен дважды: глазами падчерицы («*маленький, тихий, лысоватый*») и супруги («*этот плюгавенький человечек*»). Описание, приводимое явно от лица супруги, передаёт не только внешность этого человека, но и отношение к нему: использование уменьшительно-уничижительного суффикса *-еньк-* в прилагательном «плюгавенький», а также уменьшительно-уничижительного суффикса *-ек* в лексеме «человечек» усиливает пренебрежительный оттенок, желая подчеркнуть в глазах жены его непривлекательность, убогость. Описание же, приводимое Лялькой вполне соответствует детскому восприятию внешности – фактическое изображение действительности. Однако к нему добавляется очень важная характеристика «родной»: «*Родной. Вот мать была неродная. А отчим – очень родной*» [7, С. 185]. В данном случае выстраивается семантический конфликт, происходит переворачивание смыслов, т.к., исходя из внутренней формы слова, прежде всего под родным понимается кровное родство, принадлежность. Однако автором возводится следующее, не

первостепенное значение данной лексемы – «близкий по духу, привычкам и убеждениям с кем-либо; свой» [8]. Передавая отношение ребёнка к родителям, автор не просто выстраивает компаративную конструкцию, а прибегает к нарушению языковой нормы как приёму: «отчим – очень родной». Разумеется, сочетание наречия меры и степени и прилагательного, выражающего качественную характеристику, не градуируется по интенсивности. В этом видится как интуитивное желание усилить эмоциональность, подчеркнуть родственные (в значении близкого по духу, а не биологически) связи, любовь, которую Лялька испытывает к отчиму.

Данный аспект демонстрирует отношение членов семьи к мужчине и через это отношение в глазах читателей формирует образ самих героинь. Лялька мыслится как несчастный ребёнок, мать же как властная, и, судя по всему, глубоко несчастная, абсолютно не удовлетворённая жизнью женщина.

В характеристике отчима контраст также выражен, как бы это парадоксально ни звучало, в громкости его существования. В пространстве дома его пребывание почти лишено звучания (иносказательно – жизни, которой ему не давали), что в теле текста неоднократно подчёркнуто наречиями (*беззвучно, втихомолку*) и прилагательным (*тихий*) как постоянной его характеристикой. Голос человек обретает лишь на работе, что репрезентируется глаголом несовершенного вида (как повторяющегося действия) кричал: «*кричал – давайте, зайцы, давайте, не сдаваться!*» [7, С. 185]. Вместе с этим, с помощью побудительной модальности, передаваемой в тексте повтором модальной частицы «*давайте*» и императивной формы, выраженной отрицательной частицей «*не*» и инфинитивом «*сдаваться*» реализуется отношение физрука к детям. **И мы понимаем, что этот крик не гневный, а подбадривающий. В этом** видится его эмоциональная расположенность к собственным ученикам. **Всё в совокупности вышеперечисленных характеристик складывает образ абсолютно положительного доброго и несчастного персонажа.**

Выводы. Таким образом, с помощью лингвпоэтического подхода можно проанализировать художественный текст. Частичный анализ выбранного фрагмента показал, что интерпретация художественного текста выполненная посредством лингвопоэтического анализа (от языка – к эстетике и смыслу), на наш взгляд, является продуктивной и может быть приложима к анализу всего творчества М. Степновой. Данный вариант анализа обеспечивает полноценное понимание идейного замысла произведения, даёт возможность глубже понять авторский замысел, выявить скрытые смыслы, а также оценить эстетическую сторону текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвопоэтика и художественный текст: учебник для вузов / С.М. Колесникова [и др.]; под редакцией С.М. Колесниковой. – Москва: Издательство Юрайт, 2025 – 223 с.

2. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: = Стилистика, Поэтика избр. тр. / [вступ. статья Д.С. Лихачева]; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 407 с.
3. Липгарт А.А. основы лингвопоэтики: Учебное пособие. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 168 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. URL: https://gufo.me/dict/linguistics_rosenthal/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.
5. Бабенко Н.Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Бабенко Наталья Григорьевна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2008. – 44 с.
6. Борисова Е.Б. Лингвопоэтический анализ Художественного текста: история, методология и методика исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. №22. С. 470–476.
7. Степнова М.Л. Где-то под Гроссето: [рассказы] / Марина Степнова. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. – 282, [6] с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. URL: https://gufo.me/dict/efremova/%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B9.

УДК 811.161.1:811.512.133

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТОВ СТРАХ И ҚЎРҚУВ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

М.М. Маматова, магистрант ГИ
Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу концептов СТРАХ и ҚЎРҚУВ в русской и узбекской языковых картинах мира. На основе лингвокультурологического подхода исследуются интерпретационные поля, чувственные образы и когнитивные признаки данных концептов. Выявляется общее ядро, связанное с оценкой страха как отрицательной эмоции, и ключевые культурно-обусловленные различия, такие как амбивалентность в русской традиции и абсолютно негативная морализированная оценка в узбекской.

***Ключевые слова*:** концепт, языковая картина мира, страх, қўрқув, лингвокультурология.

Введение. Актуальность работы обусловлена тем, что исследование ключевых эмоциональных концептов является одним из приоритетных направлений современной лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Концепт как ментальное образование, репрезентируемое в языке, служит основой для реконструкции специфики национального мировидения [1, С. 45]. В этом контексте базовые эмоции, такие как страх, представляют особый

интерес, так как их концептуализация раскрывает фундаментальные культурные установки и социальные регуляторы. В последние годы появился ряд работ, посвященных анализу эмоциональных концептов в отдельных лингвокультурах [2; 3], однако сравнительные исследования русской и узбекской картин мира в данной области остаются фрагментарными. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел, сосредоточив внимание на комплексном сопоставлении концептов СТРАХ и ҚЎРҚУВ, что позволит выявить как универсальные, так и идиоэтнические черты в восприятии данной эмоции.

Постановка задачи. Цель исследования – провести сравнительный лингвокультурологический анализ концептов СТРАХ и ҚЎРҚУВ для выявления их структуры, оценочных характеристик и места в соответствующих языковых картинах мира. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) реконструировать структуру каждого концепта на основе представленных данных; 2) провести сопоставительный анализ интерпретационных полей, чувственных образов и информационного содержания концептов; 3) определить сходства и культурно-обусловленные различия в концептуализации представлений о страхе в русской и узбекской картинах мира.

Методика и методология исследования исследования служит комплексный подход, интегрирующий методы концептуального и сравнительного анализа в рамках лингвокультурологической парадигмы [4]. В качестве материала используются структурированные описания концептов, включающие интерпретационное поле (оценочная, мифологическая, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная и паремиологическая зоны), чувственный образ (перцептивный и метафорический) и информационное содержание (понятийные когнитивные признаки). Сопоставительный метод позволяет провести синхронное сравнение структур и выделить этнокультурную специфику [5].

Результаты. Проведенный анализ выявил как общие, так и специфические черты в структуре исследуемых концептов. Общее ядро составляют когнитивные признаки, определяющие страх как отрицательную эмоцию, реакцию на опасность, вызывающую физиологическую реакцию (дрожь, бледность) и парализующую волю. Оба языка фиксируют искажение восприятия под влиянием страха («У страха глаза велики» / «*Қўрқоққа қўй боши қўш кўринар*»). Ключевые различия носят принципиальный характер и проявляются на уровне оценки и культурной интерпретации.

Абсолютный негатив можно проследить в узбекской лингвокультуре. В русской картине мира концепт СТРАХ обладает амбивалентностью. Наряду с деструктивной оценкой («страхок») признается позитивная, утилитарная функция «страха-предостережения», связанного с инстинктом самосохранения. В узбекской же картине мира ҚЎРҚУВ оценивается исключительно негативно как морально-социальный порок, лишенный

какой-либо полезности («Қўрқмаса ҳам, қўй ўлади» *букв. Боится – баран умрет, не боится – баран умрет*).

Русская традиция склонна к мифологизации страха как внешней, иррациональной силы («нашел страх», «бес попутал»). Узбекская концептуализация, не отрицая персонификации («Смерть преследует труса»), смещает акцент в сферу морали и социальных отношений: страх ведет к утрате чести (уят) и изгнанию из круга достойных людей («Қўрқоқда уят бўлмас» *букв. У труса нет стыда*, «Қўрқоқ қўрқоққа ўртоқ» *букв. Трус трусу товарищ*).

Обе культуры содержат регулятивные механизмы, связанные со страхом. Однако в русских паремиях заложена установка на его преодоление через действие («Глаза боятся, а руки делают»), признается его неизбежность («Волков бояться — в лес не ходить»). В узбекской культуре доминирует императив полного подавления и искоренения страха как качества, противопоставленного абсолютной ценности – доблести (Ботирлик): «Қўрқоқ бўлма, ботур бўл» *букв. Не будь трусом, будь героем*, «Тиз чўкиб яшагунча, Тик туриб ўлган яхши» *букв. Чем жить на коленях, лучше умереть стоя*.

Чувственный образ. Метафорические модели в русском языке более разнообразны (страх как холод, жидкость, препятствие, агрессор, болезнь). В узбекском материале доминируют метафоры отсутствия/опустошения («нет сундука/счастья») и метафоры, подчеркивающие социальную неполноценность и изоляцию.

Ядро концепта можно описать через следующие когнитивные признаки, выстроенные по степени важности:

1. «Отрицательная, разрушительная эмоция» (это базовый оценочный признак).
2. Реакция на реальную или потенциальную опасность. (Причина возникновения).
3. Вызывает физиологическую реакцию: дрожь, бледность, оцепенение, крик. (Телесное проявление).
4. Парализует волю, мешает думать и действовать. (Главная деструктивная функция).
5. Искажает восприятие действительности, преувеличивая опасность. (когнитивное искажение, отраженное в паремиях).
6. Может быть преодолен усилием воли или действием (установка на возможность победы над ним: «глаза боятся, а руки делают»).
7. Необходим для самосохранения в разумных пределах. (Утилитарный, «здоровый» страх).

Ядро концепта ҚЎРҚУВ составляют следующие когнитивные признаки, выявляемые через языковые данные:

1. Отрицательная эмоция: базовый, ядерный признак.
2. Слабость / Бессилие: «Қўрқоқнинг қўли қисқа» (букв. *У труса рука коротка*). Неспособность действовать и достигать цели.

3. Неразумность / Иллюзорность: искажение реальности.

4. Социальная деградация: признак, ведущий к потере уважения, чести (уят) и изгнанию из круга достойных людей (эр).

5. Причина бегства: «Қочган йўл танламас» (*Бегущий дорогу не выбирает*). Непродуманное, паническое действие.

6. Антипод доблести (Ботирлик): самый яркий дифференциальный признак в узбекской картине мира. *Қўрқоқлик* осмысляется только в жесткой оппозиции к Ботирлик, где последнее – абсолютная ценность.

Выводы: если русский концепт СТРАХ представляет собой сложный феномен, сочетающий разрушительное начало с охранительной функцией и установкой на преодоление, то узбекский ҚЎРҚУВ концептуализируется как одномерное, безусловно отрицательное качество, находящееся в жесткой бинарной оппозиции к доблести и напрямую определяющее социальный статус и моральный облик личности.

Научная новизна исследования заключается в системном сопоставительном анализе структуры и содержания концептов СТРАХ и ҚЎРҚУВ в русской и узбекской лингвокультурах, ранее не выступавших объектом комплексного сравнения. Теоретическое значение работы состоит в подтверждении тезиса о том, что даже универсальные эмоциональные концепты приобретают глубокую культурную специфику, отражающую систему ценностей и социальных регуляторов этноса. Установлено, что ядерные когнитивные признаки страха являются общими, однако периферия концепта, особенно оценочная и регулятивная составляющие, кардинально различаются: от амбивалентной модели с установкой на преодоление (в русской картине мира) до морализированной модели с установкой на подавление и искоренение страха (в узбекской картине мира). Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении языкового материала, привлечении данных различных дискурсов, а также в проведении подобных сопоставлений с другими эмоциональными концептами для построения более полной сравнительной этнолингвистической модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 991 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
6. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 208 с.
7. Ўзбек халқ мақоллари. Тошкент: Ўзбекистон Миллий энциклопедияси, 2006. 624 б.

УДК 811.124

ЛАТИНСКИЕ И ГРЕЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ВЕТЕРИНАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

А.А. Никифорова, студентка
Научный руководитель – Т.А. Шишкина, канд. филол. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Латинские и греческие элементы представляют собой основу ветеринарной терминологии. В результате анализа образных наименований и терминов, образованных способом калькирования, установлены особенности использования терминоэлементов латинского и греческого происхождения в наименованиях анатомических структур, патологических процессов и количественных характеристик.

Ключевые слова: терминоэлементы, латинские элементы, греческие элементы, калькирование, словообразование.

Введение. Ветеринария является междисциплинарной областью, тесно связанной с медициной, биологией, химией и рядом смежных наук. Это разнообразие научных связей напрямую отражается в её терминологии, значительная часть которой состоит из заимствованных лексических элементов. Центральную роль в формировании ветеринарных терминов играют терминоэлементы латинского и греческого языков, являющиеся на протяжении столетий основой универсального научного языка и обеспечивающие единообразие профессиональной коммуникации во всём мире.

Согласно классическому определению, терминоэленмент в лингвистике – это «значимая часть производного слова, участвующая в создании терминов и обладающая определённым терминологическим значением» [1, 53–54].

Изучение терминоэлементов позволяет понять внутреннюю структуру термина, прояснить его семантику, а также способствует более точному восприятию специальной литературы.

Постановка задачи. Целью настоящего исследования является анализ структурных особенностей ветеринарных терминов и выявление частотных терминоэлементов иноязычного происхождения. Задачи исследования – 1. Изучение специальной литературы. 2. Отбор материала – терминов с латинскими и греческими терминоэлементами в составе термина. 3. Классификация терминов по значению, способам образования и сферам применения. 4. Выявление своеобразия использования терминоэлементов в различных областях ветеринарии. Объектом исследования являются терминоэлементы латинского и греческого происхождения. Материалом

работы послужила группа специальных терминов, полученных в результате сплошной выборки из учебной литературы в количестве – 45 слов.

Методика и методология исследования. В процессе исследования использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез.

Выводы. Теоретические работы в области терминологии выявили такие способы образования терминов, как: а) прямое фонетическое заимствование – перенос слова или морфемы из другого языка с минимальными фонетическими и морфологическими изменениями; например, *антибиотик* (от англ. antibiotic). Известно, что заимствования особенно характерны для новых технологий и международной лексики; б) калькирование – перевод смысловой структуры чужого слова на свой язык (семантическая калька). Например, *воспаление* как калька (от лат. inflammatio; образ огня/жар»); в) морфологические способы – приставочный и приставочно-суффиксальный – образование термина с помощью приставки или приставки и суффикса, присоединяемых к корню, (например, лат. re–, intra–, sub–, русские приставки при– и др.; образование названий заболеваний при помощи приставки и суффиксов –ит, –оз). Приставки несут различные значения: направления, отрицания, повторяемости и т.д.

Обращение к современным исследованиям медицинской терминологии показывает многогранность процессов, связанных с использованием латинских и греческих терминоэлементов. Так, например, в работе Е.Л. Лапочкиной подчеркивается значение калькирования как механизма адаптации заимствованной терминологии [2]. Сравнительный анализ, представленный И.Г. Назаровой и С.В. Станевичем, выявляет функциональное различие между латинскими и греческими элементами в анатомических и клинических терминах [3]. В свою очередь, исследования З. Давлетовой демонстрируют активное применение латинских основ в наименовании лекарственных средств и подчеркивают их важность для международной стандартизации [4].

В результате проведенной нами классификации терминов по значению выявлены следующие группы терминоэлементов:

- Обозначение предмета (объекта) – термины, называющие органы, структуры, вещества (например, femur, retina, pancreas; их русские соответствия: бедренная кость, сетчатка, поджелудочная железа).
- Обозначение процесса – термины, описывающие физиологические или патологические процессы (например, воспаление – inflammatio; диагностика – распознавание процессов).
- Обозначение количества и меры – элементы числительного или морфемы, указывающие на количество, размер, степень (лат. penta–, hexa– «пяти–», «шести–» в названиях комплексов витаминов и т.п.).

В результате проведенного анализа выявлено, что термины, обозначающие предметы или объекты, составляют 18 элементов, что соответствует 40% от общего числа терминов. Термины, описывающие

процессы, представлены 20 элементами и занимают примерно 44% от общего объема материала. Элементы, указывающие на количество и меры, насчитывают 7 и составляют 16% от общего числа терминов. На основе проведенного анализа видно, что наибольшее количество приходится на термины, описывающие процессы.

Помимо анатомии, патологии и фармакологии, латинские и греческие терминоэлементы активно применяются в других направлениях ветеринарной науки. Так, в генетике животных встречаются термины, описывающие наследственные признаки и хромосомные структуры, например, locus (место гена на хромосоме) и allele (аллель, вариант гена). В селекционной и воспроизводственной работе используются термины, отражающие процессы размножения и развития организмов, такие как ovum (яйцеклетка) и sperma (сперматозоид). В экологии и зоогигиене латинские и греческие элементы помогают обозначать среды обитания, состояния и взаимодействие животных, например, habitat (среда обитания) и population (популяция). Также элементы классических языков широко применяются в ветеринарной микробиологии и вирусологии для наименования микроорганизмов и описания их свойств, например, bacterium (бактерия) и virus (вирус).

Известно, что греческий и латинский языки оказали огромное влияние на научную терминологию, особенно в области медицины и ветеринарии. Анализ материала показал, что греческие терминоэлементы часто используются для обозначения анатомических структур, патологических процессов и направлений в науке. Например, -логия (от греч. logos «учение, наука»)и –патия (от греч. pathos «страдание, болезнь»). Первый элемент широко используется для образования названий научных дисциплин: зоология, морфология, патология; а второй для обозначения патологического состояния или заболевания: патология, энтеропатия, кардиомиопатия.

Один из самых распространённых суффиксов, указывающий на воспаление, суффикс -ит (от греч. *–itis)*: гастрит, бронхит, цистит.

Из терминов фармакологии отмечен термин analginum (от греч. a*n*– «отсутствие» и –alg- «боль»). Термин отражает свойство препарата уменьшать боль и обладать жаропонижающим эффектом. В нашем материале отмечен термин, возникший в результате косвенной ассоциации: morphinum (от греч. Morpheos «бог сна») – препарат со слабым снотворным эффектом.

Латинские терминоэлементы чаще используются в анатомических названиях и терминах, описывающих функции организма. Латинские названия органов и частей тела заимствуются в русский язык, происходит русификация терминов, но, как правило, сохраняются латинские корни термина, например, ренальный (от лат. ren «почка») – почечный; плевральный (от лат. pleura «плевра») – относящийся к плевре, оболочке лёгких.

Латинские части слов в наименованиях препаратов часто отражают

форму, состав, источник и химические свойства лекарства, орган, на который производится действие: так, лекарственная форма препарата отражена в наименованиях Ferretab, Ciprolet (от лат. tabuletta «таблетка»), Guttalax (от лат. gutta «капля»); состав и комплексность препарата – Pentalginum (от лат. penta «пять»). Hexavitum – шесть витаминов (от лат. hexa «шесть»), Ferroplex включает элементы ferro (от лат. ferrum «железо») и plex (от лат. plexus «комплекс»); химические свойства и состояние препарата – Uroflux, Cholaflux (от лат. flux «текучий, жидкий») – сбор мочегонный и сбор желчегонный, Solutan (от лат. solutio «раствор») – готовый раствор; орган как объект воздействия – Pancreatinum (от лат. pancreas «поджелудочная железа»); источник лекарственного средства – Apilacum (от лат. apis «пчела») и lac «молоко»), Salvinum (от лат. Salvia «шалфей»).

Многие латинские слова описывают медицинские процедуры и состояния: инфекция (от лат. infectio «заражение»), диагноз (от лат. diagnosis «распознавание»), иммунитет (от лат. immunitas «освобождение»).

Значительно чаще, чем греческие латинские термины и терминоэлементы строятся на ассоциациях и метафорах, которые мы используем до сих пор. Например, ключица (clavicula) – это уменьшительное от слова «ключ», так как кость напоминала римлянам маленький ключик. Сетчатка глаза (retina) получила название от слова rete «сеть». А слово мышца (musculus) переводится как «мышонок», потому что сокращение мышцы под кожей напоминало древним врачам бегающую мышь. Некоторые термины хранят в себе исторические заблуждения. Например, слово *артерия* происходит от греческих слов аег «воздух» и tereo «держать». В древности считали, что по артериям движется воздух, а не кровь, но термин сохранился и используется в современной науке.

Исследуя латинские терминоэлементы, мы выявили как частотный способ образования термина – способ калькирования. Примером может послужить слово *вос–паление.* Это дословный перевод латинского термина in–flammatio (от flamma «пламя, жар»). Русский термин буквально повторяет образ огня, заложенный в латыни, хотя само слово звучит привычно для нас.

В нашем материале отмечены фразеологические кальки – устойчивые обороты, переведенные с латыни. Интересно, что многие из них являются зооморфными метафорами. Например, пучок нервных корешков в конце спинного мозга официально называется *конский хвост* (cauda equina), а выступ решётчатой кости черепа – *петушиный гребень* (crista galli). Эти образные названия являются общепринятыми в анатомии.

Несмотря на общее античное происхождение и формирование единого терминологического фонда, латинский и древнегреческий языки не являются взаимозаменяемыми в медицинской терминологии. Их роль распределялась в соответствии с природой и функцией каждого языка, что обеспечивало точность и эффективность научного общения.

Латинский язык традиционно доминирует в области анатомической

номенклатуры, где критически важна высокая точность и системность. Латинский термин, как правило, носит описательный и многословный характер, представляя собой развернутое словосочетание, которое требует синтаксической согласованности для точного указания положения или функции. Примером служит «musculus extensor digitorum longus», что можно интерпретировать как «длинная разгибающая мышца пальцев» – это название мышцы, которая отвечает за разгибание дистальных отделов конечности. Именно такая структура обусловила роль латинского языка как универсальной основы для номенклатуры – строго регламентированной международной системы наименований.

В противоположность этому, древнегреческий язык преобладает в клинической и патологической терминологии, то есть в сфере описания заболеваний и патологических процессов. Греческие термины, как правило, кратки, ёмки и чаще всего выражены одним словом, что обеспечивает их практическое удобство. Эффективность древнегреческих элементов объясняется системой мотивации: специалист, знающий греческие корни и аффиксы, способен формировать и интерпретировать сотни новых терминов, что делает греческий язык идеальным для быстрого формирования обширного клинического словаря.

Таким образом, распределение сфер применения латинских и греческих элементов определяется не случайностью, а внутренней природой термина: латынь обеспечивает точность и системность научно–отвлечённой номенклатуры, тогда как греческий язык обеспечивает ёмкость, продуктивность и оперативность практической медицинской терминологии. Сходные выводы относительно функционального разделения латинских и греческих терминоэлементов представлены в работе [3].

Помимо греческого и латинского, в ветеринарную терминологию проникают слова из других языков, чаще из английского, что отражает глобальные процессы, происходящие в области науки и технологий: антибиотик (от англ. antibiotic), вакцина (от англ, vaccine, от лат. vacca – «корова»), гормон (от англ. hormone, от греч. hormao «приводить в движение»), шок (от англ. shock), стресс (от англ. stress), скрининг (от англ. screening).

Использование заимствованных слов имеет ряд важных преимуществ, они обеспечивают: а) универсальность и стандартизацию. Заимствованные термины позволяют российским ветеринарам обмениваться опытом с коллегами из других стран, читать зарубежную литературу и использовать международные классификации; б) точность и лаконичность. Многие заимствованные слова являются ёмкими и точно передают сложное понятие, позволяя избегать длинных описательных конструкций; в) преемственность. Использование классических латинских и греческих корней подчёркивает историческую связь современной ветеринарии с древними научными традициями.

Таким образом, проведенное исследование показало, что ветеринарная терминология представляет собой не просто набор заимствований, а стройную систему, построенную на использовании терминоэлементов – устойчивых корней, приставок и суффиксов.

Сравнительный анализ выявил функциональное разделение классических языков: латынь обеспечивает системность анатомической номенклатуры, тогда как древнегреческий язык доминирует в образовании клинических терминов и названий болезней.

Интересным наблюдением является то, что многие специальные термины, сохраняя свою древнюю структуру и отдельные морфемы, выходят за рамки науки и становятся частью общеизвестной и широко распространенной лексики (как, например, слова *вирус*, *стресс*, *шок*). Мы видим, что античное наследие продолжает активно участвовать в развитии современного языка.

Выводы. Полученные нами результаты исследования можно использовать в учебном процессе при формировании первоочередного списка частных терминоэлементов греческого и латинского происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скоропадская А.А. Введение в классические языки и научную терминологию: учебное пособие для студентов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Ч.1. 75 с.
2. Лапочкина Е.Л. Калькирование латинских и греческих слов как способ формирования медицинской терминологии // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 67–73.
3. Назарова И.Т., Станевич С.Л. Медицинские термины латинского и греческого происхождения: сравнительная характеристика по способу применения // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. №4 (37). С. 437–442.
4. Давлетова З.З. Латинский язык в названиях лекарственных препаратов // Студенческая наука и XXI век. 2023. Т. 20, № 1–2 (23). С. 319–321.

УДК 664.6/ 664.87

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л.А. Павлычева, преподаватель
ОБПОУ «Курский автотехнический колледж»
г. Курск, Россия

Аннотация. В процессе подготовки спасателей и работников пожарных служб особое место следует уделять использованию современных интерактивных технологий, в рамках которых студенты СПО развивают самостоятельность, формируют навыки самоанализа, самоконтроля и самооценки, развивают коммуникативные умения, навыки работы в команде.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, пожарные, среднее профессиональное образование.

В современно обществе подготовка специалистов среднего звена, связанная с формированием ценностей и лингвопознавательного кругозора, остается актуальной и необходимой, что находит свое подтверждение в научных работах по созданию концепции нравственно-духовного развития личности обучающегося в условиях профессионального образования [2]. В процессе подготовки спасателей и работников пожарных служб особое место следует уделять использованию современных интерактивных технологий, в рамках которых студенты СПО развивают самостоятельность, формируют навыки самоанализа, самоконтроля и самооценки, развивают коммуникативные умения, навыки работы в команде [3].

В настоящее время интерактивные технологии обучения понимаются как педагогические средства, в которых применяются программные и компьютерные средства, деловые и дискуссионные методы для обучения и работы с информацией профессионального и социокультурного планов. Поскольку в последнее время преподаватели чаще применяют ИКТ в образовательном процессе, целесообразно было бы упомянуть, что это не только новые технические средства, но и новые формы и методы взаимодействия в образовательной среде.

Остановимся на более эффективных средствах, которые используются нами при обучении английскому языку студентов СПО.

Проектная технология направлена на деятельность учащихся и на создание самостоятельно разработанного и изготовленного студентами продукта (проекта), для решения поисковых, исследовательских, практических задач. На сегодняшний день, проектная деятельность является одной из инновационных форм обучения, в рамках которых формируются творческие способности обучающегося. Например, при создании проекта

«Семейные традиции пожарных» многие ученики открывали интересные исторические факты из биографий своих земляков, которые посвятили этому делу свои жизни. Для каждого типа проектов формулируются свои задания. Работая над проектом, обучащиеся получают всё больше возможностей взаимодействовать друг с другом, ответственно относиться к выполнению своей работы, оценивать результаты не только своего труда, но и тех, с кем они работают. Особенно это эффективно при организации внеурочной воспитательной деятельности, направленной на воспитание, развитие и социализацию учащихся [5].

Технология развивающего обучения имеет целью развития критического мышления, способностей, интересов, личностных качеств и отношений между людьми, что вполне соответствует современным тенденциям обучения, воспитания и развития учащихся СПО на основе персонализированного маршрута [4].

Технология проблемного обучения – один из видов организации учебного занятия, который предполагает создание проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность студентов СПО по их разрешению. В результате поиска решений происходит как овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями, так и развитие творческих и мыслительных способностей будущих специалистов пожарного дела. Главной целью технологии проблемного обучения является овладение навыками самостоятельной деятельности, усвоение способов самостоятельной деятельности, развитие познавательных и творческих способностей. Проблемное обучение основано на создании проблемной мотивации, что требует тщательной подготовки дидактического содержания занятия по иностранному языку.

Игровые технологии являются одним из видов педагогических технологий, которые способствуют в учебной среде формировать профессиональные навыки взаимодействия в рамках исполнения тех или иных ролей.

Модульное обучение основано на разделении содержания обучения языку и культуре на небольшие части. Этот подход позволяет студентам СПО изучать отдельные части материала в удобном темпе и по собственному графику. Такая технология обучения значительно повышает мотивацию за счёт своей гибкости, структурирования и динамичности. Все принципы модульного обучения основаны на индивидуализации и дифференциации языкового и речевого материалов.

Кейс – технология формирует компетенции разных направленностей. Это объясняется большим потенциалом профессиональной ориентированности данной технологии. Необходимо отметить, что технологии кейс-стади уместно использовать на старшем этапе обучения иностранному языку, когда студенты уже овладели профильными

дисциплинами и могут достаточно эффективно разбираться в ситуациях, связанных с пожарным делом.

Групповые технологии основаны на совместной групповой форме работы. Цель данной технологии – развитие у учащихся самостоятельности, а также иноязычных коммуникативных умений благодаря взаимодействию с участниками группы в процессе выполнения заданий.

Технология сотрудничества помогает преподавателю иностранного языка развить у студентов СПО креативное мышление, творческие навыки, способности к познавательной самостоятельности, умению адаптироваться, умению работать с учебным материалом и доносить информацию участникам группы. По форме выполнения, технология сотрудничества очень похожа на групповую технологию. При этом необходимо понимать, что технология сотрудничества больше направлена на развитие коммуникативных умений, а не на развитие проблемно-поискового метода.
Современные образовательные интерактивные технологии позволяют персонализировать обучение, учитывая индивидуальные потребности и способности каждого учащегося. Благодаря этому, обучение становится более эффективным [4].

Одним из основных преимуществ современных образовательных технологий является их интерактивность и привлекательность для учащихся. Использование мультимедийных материалов, интерактивных заданий и различных методов обучения помогает удерживать внимание учащихся на протяжении всего занятия, что способствует более эффективному усвоению материала и повышению общей успеваемости. Выбор современных образовательных технологий позволяет создать более гибкую и адаптивную систему обучения, что в свою очередь позволяет лучше подготовить учащихся и обеспечить им необходимые знания и навыки на метапредметной основе.

Важно отметить, что одним из решающих условий успешного проведения занятия с использованием инновационных технологий является его конструирование. Конструирование занятия включает в себя анализ, определение проблемы и разработку заданий. Технология конструирования педагогического процесса должна осуществляться с ориентацией на группу обучающихся и каждого в отдельности, что позволяет персонализировать процесс усвоения иностранного языка.

Выбор подходящей технологии определяется преподавателем и обусловливается целым рядом факторов: задачами учебного процесса, учетом особенностей и формированием целевых знаний, навыков, умений и способностей каждого студента, уровнем развития коммуникативной компетенции обучаемых.

Общая модель обучения с использованием технологий предусматривает: активное участие обучающихся в процессе обучения; возможность прикладного использования знаний в реальных условиях;

подход к обучению как к коллективной, а не индивидуальной деятельности; акцент на процесс обучения, а не на запоминание информации. Поскольку процесс овладения новых знаний происходит умеренным темпом не следует давать большое количество заданий и тратить много времени на их выполнение. При выборе заданий, важно, чтобы учащиеся были заинтересованными и самостоятельно находили информацию.

Когда мы говорим о выборе определенного метода обучения, технологии или задания, то всегда учитывается не только уровень знаний, но и психологические и возрастные особенности (повышенная эмоциональность, подвижность, уровень восприятия, утомляемость). При учете этих особенностей требуется смена форм, методов и приемов обучения. Проектная деятельность предполагает заранее выработанные представления об этапах проектирования. Этапы проектирования: разработка идей, определение целей и задач проекта, поиск доступных и оптимальных ресурсов, создание плана, реализация проекта и конечном результате. Проектная деятельность учащихся осуществляется в процессе изучения определенной темы. Творческие проекты могут быть представлены в виде презентации, которые, как правило, выполняет группа от двух до пяти учеников.

Работая над проектом, учащиеся получают всё больше возможностей взаимодействовать друг с другом, ответственно относиться к выполнению своей работы, оценивать результаты не только своего труда, но и тех, с кем они работают. При выполнении проектной работы, которая может быть представлена в устной и письменной форме, необходимо придерживаться, следующих рекомендаций:

• проектная работа является творческим методом, поэтому в процессе выполнения можно вводить дополнительный материал;

• важно вовлекать всех учащихся в работу. Несмотря на то, что в некоторых случаях проект могут создавать отдельные учащиеся, процесс обучения является наиболее полноценным, если он создается в группах. Данная рекомендация подчеркивает важность и эффективность учебного сотрудничества;

• необходимо научить учащихся правильно распоряжаться временем. Важно учитывать, что на некоторые проекты затрачивается часть занятия, на другие необходимо затратить время целого занятия.

Оценка проекта носит субъективный характер, поскольку преподаватель оценивает проект с его точки зрения, чувства, убеждения и желания, опираясь на масштаб выполняемого проекта или на его характер.

Процессы рефлексии и их развитие можно рационально понять не только как характеристику индивидуального самосознания, но и как категорию общения, диалога, взаимодействия. Осознание индивидом своих действий, а также рефлексивно-оценочных качеств, – все это есть

непременное условие совершенствования и развития рефлексивных процессов. Отсутствие понимания, а также отсутствие диалога с преподавателем о преимуществах и недостатках образовательных технологий не дает возможность улучшать их использование.

Проблема контроля и самоконтроля – Когда технологии стали частью образовательного процесса, преподаватели сталкиваются с необходимостью контролировать процесс обучения. Одной из проблем является отсутствие достаточного самоконтроля у преподавателей при использовании образовательных технологий. Одной из причин может быть недостаточная осведомленность и подготовка преподавателей в использовании образовательных технологий, что может привести к неправильному или неэффективному их применению.

Используя технологии, необходимо помнить, что для постановки проблемы, стимулирования интереса учащихся и обоснования реальной значимости изучаемой темы следует не возлагать ответственность за выполнение заданий на учащихся, а стать равноправным участником работы над продуктом своей творческой деятельности. Организуя разнообразные внеурочные мероприятия, направленные на развитие социокультурных умений обучающихся СПО, мы предлагаем им изучать разнообразные исторические места Курского края, которые представляют собой уникальный кладезь народного творчества, региональной культуры. Например, знаменитые люди Курского края (крепостной актер Щепкин, певица, исполняющая фольклорные произведения в начале 20 века Плевицкая, герои куряне Курской битвы, Серафим Саровский и его малая родина курский край и т.п.) [6].

Подводя итог, стоит отметить, что использование широкого спектра образовательных технологий дает возможность педагогическому коллективу продуктивно использовать учебное время и добиваться высоких результатов обученности студентов. В технологическом подходе изначально присутствует ориентация на управляемость образовательного процесса, что предполагает четкое определение елей и способов их достижения [1, С.121]. Хотелось бы отметить, что для решения проблем, необходимо проводить системную работу по глубокому изучению образовательных технологий. Преподаватели должны более детально подходить к изучению, планированию, улучшению и анализу современных образовательных технологий. Но также необходимо и анализировать преимущества, заинтересовывать обучающихся и добиваться обратной связи. Очень важно определить мотивацию студентов и подобрать нужные материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам/ Москва, 2018. – 420 с.

2. Малинин, В.А. Концептуальные основы воспитания патриота и гражданина в едином образовательном пространстве / В.А. Малинин, Г.В. Сороковых, С.М. Шестакова // Среднее профессиональное образование. – 2024. – № 1(341). – С. 51–54. – EDN KBZMCA.
3. Развитие личности учащегося: новые подходы и решения: Коллективная монография / А.Ю. Нагорнова, Р.М. Шерайзина, К.Р. Хачатурова [и др.]; Ответственный редактор А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство "Зебра"), 2019. – 295 с. – ISBN 978-5-6043667-9-0. – EDN MZSSWE.
4. Сороковых, Г.В. Тенденции современного персонифицированного иноязычного образования / Г.В. Сороковых, С.Г. Старицына // Шатиловские чтения. Научное методическое наследие и перспективы развития иноязычного образования: Сборник научных трудов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2023. – С. 306–311. – EDN BUATPZ.
5. Сороковых, Г. В. Классное руководство / Г.В. Сороковых, С.Г. Старицына, В.И. Морозова. – Москва: ООО «Издательство "КноРус», 2024. – 246 с.– EDN UDTBRQ.
6. Сороковых, Г.В. Социокультурная практика студентов как форма их саморазвития в профессии / Г.В. Сороковых // Романские тетради. – Москва: ООО «Языки Народов Мира», 2024. – С. 236–244. – EDN YTXHNA.

УДК 81. 271

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

М.А. Панькова, преподаватель русского языка и литературы
ОБПОУ «Курский государственный техникум технологий и сервиса»
г. Курск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования культуры речи в студенческой среде системы СПО, делается акцент на повышение уровня речевой компетенции будущих профессионалов, анализируются основные факторы, влияющие на грамотность и выразительность языка современной молодежи. Предлагается комплексный подход, использование различных методов и приемов для совершенствования коммуникативных качеств студентов.

Ключевые слова: культура речи, коммуникативные качества, студент, язык, метод, прием.

Введение. Речевая культура является неотъемлемой частью общей культуры личности. Подобно другим аспектам культуры, она формируется в процессе воспитания, требует постоянной работы над собой и совершенствования. Язык служит основным средством коммуникации, инструментом формирования и выражения мыслей. Речь – это не просто набор звуков, а мощный инструмент общения. Для студентов системы среднего профессионального образования, чья жизнь насыщена диалогами, презентациями, дискуссиями, взаимодействием с преподавателями и работодателями, развитие коммуникативных качеств речи становится

особенно важным. Это не только залог успешной учебы, но и фундамент для будущей карьеры и полноценной социальной жизни. Что же такое "коммуникативные качества речи" и почему они так важны для студентов?

Коммуникативные качества речи – это совокупность характеристик, которые делают нашу речь понятной, убедительной, приятной для слушателя и способствующей достижению цели общения [1].

Формирование культуры речи у студентов представляет собой актуальную проблему современной педагогики и лингвистики. В эпоху глобализации и стремительного развития информационных технологий, когда коммуникация становится ключевым фактором успешной профессиональной и социальной адаптации, владение грамотной и выразительной речью приобретает особую значимость. Однако, как отмечают многочисленные исследователи, уровень речевой культуры современной молодежи, в частности, студентов, зачастую не соответствует требованиям, предъявляемым к специалистам в различных областях. Наблюдается снижение грамотности, обеднение словарного запаса, употребление жаргонизмов и слов-паразитов, а также затруднения в построении логически связных и аргументированных высказываний. Эти тенденции негативно сказываются на качестве обучения, профессиональной деятельности и межличностном общении студентов [2].

Постановка задачи. Цель исследования – выявить основные проблемы формирования культуры речи у студентов системы СПО и разработать практические рекомендации по их преодолению. Методы исследования включают анализ научной литературы по данной проблематике, анкетирование студентов, анализ письменных работ и устных выступлений студентов, а также педагогическое наблюдение.

Методика и методология исследования. Исследование базируется на комплексном подходе, объединяющем теоретические и эмпирические методы. Анализ научной литературы позволил определить основные теоретические подходы к изучению речевой культуры и выявить факторы, влияющие на ее формирование. Анкетирование студентов направлено на выявление их представлений о культуре речи, самооценки речевых навыков и определение основных трудностей, с которыми они сталкиваются при использовании языка. Анализ письменных работ и устных выступлений студентов позволяет выявить типичные ошибки и недостатки в их речи. Педагогическое наблюдение проводится с целью изучения особенностей речевого поведения студентов в учебной и внеучебной деятельности.

Результаты. Анализ полученных данных выявил несколько основных проблем формирования культуры речи у студентов системы СПО. Во-первых, недостаточный уровень знаний грамматических и стилистических норм русского языка. Во-вторых, ограниченный словарный запас и неумение использовать разнообразные языковые средства для выражения своих мыслей. В-третьих, низкая мотивация к совершенствованию речевых

навыков. В-четвертых, влияние массовой культуры и интернет-коммуникации, способствующих распространению ненормативной лексики и жаргонизмов.

Для более глубокого понимания причин сложившейся ситуации, необходимо учитывать социокультурный контекст, в котором формируются речевые навыки студентов. С одной стороны, система образования не всегда уделяет достаточно внимания практическим аспектам речевой культуры, акцентируя внимание на теоретических знаниях языка. С другой стороны, современная медиасреда оказывает существенное влияние на языковые предпочтения молодежи, формируя привычку к упрощенной, зачастую неграмотной речи. Распространение мессенджеров и социальных сетей способствует употреблению жаргонизмов, аббревиатур и эмодзи, что обедняет словарный запас и снижает навыки построения развернутых, грамматически правильных высказываний [3].

Важным аспектом является и отсутствие достаточной мотивации у студентов к развитию речевой культуры. Многие не осознают важность грамотной речи для успешной карьеры и социальной адаптации. Считая владение языком чем-то само собой разумеющимся, они не уделяют должного внимания развитию своих речевых навыков. Повышение мотивации студентов к изучению языка и культуры речи должно стать одной из приоритетных задач образовательных учреждений системы среднего профессионального образования [4].

Для решения проблемы необходимо комплексное воздействие на различные факторы, влияющие на формирование речевой культуры студентов. Это включает в себя совершенствование образовательных программ, внедрение интерактивных методов обучения, стимулирующих активное использование языка, а также создание благоприятной речевой среды, в которой ценится грамотная и выразительная речь.

Формирование культуры речи у подростков – процесс многогранный, требующий комплексного подхода. Он включает в себя не только овладение нормами литературного языка, но и развитие коммуникативных навыков, умения грамотно и эффективно выражать свои мысли, а также критически оценивать чужую речь.

Для преодоления проблемы косноязычия в молодежной среде необходимо применять разнообразные, традиционные и инновационные, методы формирования культуры речи:

1. Наблюдение и анализ. Предлагается анализировать образцы речи (литературные тексты, выступления ораторов, медиа-контент), выделяя сильные и слабые стороны, особенности стиля и речевые ошибки.

2. Практические упражнения. Включают в себя различные задания, направленные на отработку конкретных языковых навыков: составление текстов разных жанров, пересказы, диктанты, написание эссе, участие в дискуссиях и дебатах.

3. Использование игровых технологий. Лингвистические игры, ролевые игры, квесты и другие формы интерактивной деятельности способствуют развитию интереса к языку и активизируют познавательную деятельность [5].

Некоторые приемы формирования культуры речи способствуют совершенствованию коммуникативных навыков студентов и повышению общей грамотности будущих профессионалов:

1. Чтение и обсуждение литературы. Чтение художественной литературы является основой для развития языкового чутья, обогащения словарного запаса и знакомства с различными стилями речи. Обсуждение прочитанного помогает развить навыки критического мышления и умение аргументированно высказывать свою точку зрения [6].

2. Моделирование речевых ситуаций. Разыгрывание различных коммуникативных ситуаций (интервью, презентация, спор, приветствие) позволяет студентам приобретать опыт эффективного общения и адаптировать свою речь к конкретному контексту.

3. Коррекция речи. Работа над ошибками является важной частью процесса формирования культуры речи. Важно не только выявлять ошибки, но и объяснять их причины и предлагать способы исправления [7].

Использование данных методов и приемов в комплексе способствует формированию высокой культуры речи у студентов СПО, что является необходимым условием для их успешной социализации и профессиональной реализации.

Важным аспектом в формировании культуры речи является создание благоприятной языковой среды. Это предполагает организацию различных мероприятий, направленных на популяризацию русского языка и литературы: литературные вечера, конкурсы чтецов, тематические недели, посещение театров и музеев, участие в научных конференциях различного уровня, форумах, дебатах, круглых столах. Важно, чтобы подростки видели, что владение грамотной и красивой речью ценится в обществе.

Не менее значимым является развитие критического отношения к собственной речи и речи окружающих. Необходимо учить студентов анализировать свои речевые ошибки, выявлять недостатки и работать над их устранением. Важно также развивать умение воспринимать критику конструктивно, не обижаться на замечания, а использовать их для совершенствования своих речевых навыков [8].

В современном мире, где значительную часть общения перешла в онлайн-пространство, особое внимание следует уделять культуре письменной речи в интернете. Важно учить подростков грамотно и вежливо общаться в социальных сетях, мессенджерах и на форумах, избегать использования ненормативной лексики и жаргонизмов, а также соблюдать правила орфографии и пунктуации.

Эффективным методом является использование современных технологий в процессе обучения. Интерактивные приложения, онлайн-курсы,

видео-уроки и другие цифровые инструменты позволяют сделать процесс обучения более интересным и увлекательным. Важно, чтобы студенты воспринимали изучение русского языка не как скучную обязанность, а как возможность расширить свои горизонты и стать более успешными в жизни.

Формирование культуры речи – это непрерывный процесс, требующий постоянных усилий и самосовершенствования. Важно, чтобы подростки осознавали, что владение грамотной и красивой речью является важным конкурентным преимуществом в современном мире. Это помогает не только успешно учиться и строить карьеру, но и устанавливать прочные связи с другими людьми, выражать свои мысли и чувства, а также понимать и ценить богатство русской культуры.

Формирование культуры речи у студентов системы среднего профессионального образования – это комплексная задача, требующая совместных усилий педагогов, родителей, общества и самих обучающихся. Только при таком подходе можно добиться значительных результатов в развитии языковой компетенции и формировании любви к русскому языку.

В перспективе, результаты данного исследования могут быть использованы для разработки практических рекомендаций по повышению уровня речевой культуры студентов, включающих в себя методики обучения грамотному письму и устной речи, а также программы по развитию мотивации к изучению языка и культуры речи. Эффективное решение данной проблемы позволит не только повысить качество образования, но и улучшить коммуникативные навыки студентов, что будет способствовать их успешной профессиональной и социальной реализации.

Выводы. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению проблем формирования культуры речи у студентов системы СПО и выявлении факторов, определяющих ее уровень. Теоретическое значение исследования состоит в углублении представлений о механизмах формирования речевой культуры и разработке теоретической модели, учитывающей влияние различных факторов. Перспективы дальнейших научных разработок связаны с разработкой и апробацией эффективных методик обучения культуре речи, учитывающих особенности современной студенческой аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // Культура устной речи: учебник для вузов. М., 1998 С. 50–79.

2. Паудяль Н.Ю., Филиндаш Л.В., Культура речи и деловое общение, Учебное пособие. Из-во: НИЦ ИНФРА-М: 2023.

3. Казакова В.И., Вершинина Н.А. Речевая культура студентов-первокурсников // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 4. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://human.snauka.ru/2015/04/10458.

4. Милешина Н.В. / Речевой портрет современного российского школьника как коммуниканта в социальных сетях https://school70kem.ucoz.net/podoljakina/podoljakina_o.s.vkr.pdf.

5. Долгокирова В.Г. Методы обучения на уроках русского языка и литературы в условиях новых стандартов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 30.
6. Осипов П.Н., Богданова И.Н. Использование воспитательного потенциала дисциплины «Русский язык и культура речи» в стимулировании самовоспитания студентов // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1. – С. 19–22. – ISSN 2079-3499. – Текст: электронный// Лань: электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/292728.
7. Ганапольская Е.Г., Волошинова Т.Ю., Анисина Н.В. Русский язык и культура речи. Семнадцать практических занятий /под ред. Е.Г. Ганапольской, А.В. Хохлова. – СПб.: Питер, 2009.
8. Ковадло Л.Я., Русский язык и культура речи. Практикум. Изд-во: НИЦ ИНФРА-М, 2023.

УДК 81’27:004.738.5

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

А.Т. Ражаматов, студент
Ю.А. Латыпова, старший преподаватель
Уфимский университет науки и технология
г. Уфа, Россия

Аннотация. В статье исследуется трансформация процесса формирования языковой идентичности у современных подростков под влиянием социальных медиа. Актуальность работы обусловлена стремительной цифровизацией коммуникации и доминированием онлайн-среды как ключевого пространства социализации. Цель исследования – выявить и проанализировать специфические лингвистические практики и дискурсивные стратегии, характерные для подростков в социальных сетях, и определить их роль в конструировании языкового «Я».

Ключевые слова: языковая идентичность, социальные медиа, подростковый дискурс, цифровая лингвистика, интернет-коммуникация, лингвистическая экология, диглоссия, гибридная идентичность.

Введение. Языковая идентичность традиционно формировалась в семье, образовательных учреждениях и через потребление классических медиа. Однако сегодня социальные сети, мессенджеры и видеоплатформы создают альтернативную лингвосоциокультурную реальность со своими нормами, ценностями и коммуникативными кодами. Это ставит перед исследователями задачу переосмысления классических теорий в свете новых эмпирических данных.

Обсуждение. Современная лингвистическая ситуация характеризуется глубоким воздействием цифровых технологий на все уровни языковой системы и процессы речевой коммуникации. Наиболее восприимчивой к этим изменениям социальной группой являются подростки, для которых

онлайн-пространство, и, в частности, социальные медиа, стало естественной и доминирующей средой обитания и социализации. Цель данной статьи — проанализировать, как социальные медиа влияют на формирование и выражение языковой идентичности современных подростков, выявив ключевые лингвистические черты и дискурсивные стратегии, характерные для этой среды.

Материалом послужили текстовые и мультимодальные публикации (посты, комментарии, сторис, подписи к видео) пользователей возрастом 13–17 лет из российских сегментов социальных сетей «ВКонтакте», «Telegram» и «TikTok» за 2022–2024 годы, методом включенного наблюдения и сплошной выборки. В результате исследования выявлено, что социальные медиа становятся альтернативной лингвосоциокультурной средой, где формируется гибридная языковая идентичность. Ее ключевыми чертами являются: диглоссия (переключение между нормативным языком и интернет-жаргоном), активное заимствование и семантическая трансформация лексики (например, «краш», «рил ток», «чиллевать»), использование визуально-графических компонентов (мемы, эмодзи, стикеры) как полноправных элементов высказывания [1].

Жаргонизмы, англицизмы, сленги. Цифровое общение – специфическая среда коммуникации, новые условия выставляют новые требования. В интернет-общении нет жестов, интонации, мимики, жаргонизмы: «агришься», «краш», «вайб» компенсируют эту потерю, добавляя эмоциональности, а короткие формы тип «рофл», «имхо», «ок» позволяют экономить время быстрее печатать и доносить мысль. Многие понятия существуют на английском языке и не имеют прямых аналогов в родном, поэтому англицизмы вроде «тренд», «хайп», «контент», «лайфхак», «кринж» активно проникают в языки. Пример из комментариев «ВКонтакте»: «Этот фильм такой вайбовый, рил зашёл. Жду второй сезон, надеюсь, не задизэппойтят». Данное высказывание демонстрирует гибридность, где нейтральная основа («этот фильм», «жду второй сезон») сочетается с жаргонизмами [2].

Основная аудитория интернета – это подростки и молодежь, создавая свое общее пространство они, с одной стороны, отгораживаются от «взрослых», подчеркивают свою принадлежность к определенному сообществу. Создание нового жаргона: «вайб», «пруфы» «краш», «чилить», «агриться» – это акт языкового творчества, способ выделиться и продемонстрировать остроумие. Наиболее удачные словечки и мемы распространяются в соцсетях со скоростью вируса, становясь частью массового дискурса.

Соцсети изначально создавались с англоязычным интерфейсом. Кнопки «like», «share», «repost», «stream» вошли в пассивный, а затем и в активный словарь пользователей. Лексика из видеоигр («гамать», «баг», «фича», «крафтить») и IT-сферы («залить», «апгрейд», «забанить») стала

универсальной для описания не только цифрового, но и реального опыта. Кроме того, заимствования часто короче и удобнее для произношения и написания, чем кальки или описательные переводы. «Кринж» вместо «чувство неловкости и стыда за действия другого человека». Англицизмы часто русифицируются, подчиняясь правилам русского языка: «скринить» – screen, «лайкать», «хейтер», «гуглить», «стартапануть». Это показывает не пассивное заимствование, а активное освоение и интеграцию.

Интернет-жаргон и англицизмы, таким образом – это не «порча» языка, а естественная реакция живой языковой системы на новые условия существования. Соцсети, как глобальная и быстроразвивающаяся среда, стали катализатором этих процессов. Они выполняют важные коммуникативные и социальные функции: обеспечивают скорость, эмоциональность, групповую идентичность и дают инструменты для описания новой цифровой реальности [3].

Визуальные и медийные компоненты. Дистанционное общение создает свой гибридный язык в цифровой среде. Появление в коммуникации таких элементов как эмодзи, стикеры, гифы, короткие видео стало результатом адаптации общества к дистанционному общению поскольку компенсируют отсутствие невербальной коммуникации. Известно, что в живой беседе до 70% информации передается через язык тела, мимику, интонацию и жесты. Они выполняют роль цифровой мимики, выражают улыбку, слезы, сомнения и т.д. Подобные «цифровые жесты» добавляют динамику и интенсивность эмоции и могут заменять длинное текстовое объяснение. Эти элементы становятся не просто «украшением" для переписки, они придают емкость и экспрессивность тексту, они позволяют дать мгновенную и эмоционально окрашенную реакцию на сообщение, когда нет времени или желания писать развернутый ответ.

Визуальные и медийные компоненты: эмодзи, стикеры, гифы, короткие видео становятся полноценной частью коммуникации. Эти элементы несут смысловую и эмоциональную нагрузку. Со временем эмодзи начинают выполнять функции грамматических или семантических маркеров, а их использование становится частью языковой нормы сообщества. Языковая идентичность в социальных медиа невербальна по своей природе. Текст часто является вторичным по отношению к визуальному контенту. Выбор определенного стикера или формата мема становится маркером принадлежности к определенной субкультуре или группе. Например, использование специфических стикерпаков из аниме или игр четко сигнализирует о круге интересов подростка. В эпоху, когда большая часть нашей коммуникации переместилась в экраны смартфонов, эти элементы стали жизненно важным "клеем", который удерживает социальные связи, передает эмоции и придает человеческое тепло холодному цифровому тексту [4].

«Цифровые маски». Социальные медиа предоставляют подросткам возможность экспериментировать с идентичностью через язык. Это проявляется в создании «цифровой маски», использованию ников, определенного стиля написания постов (например, нарочито безграмотного или, наоборот, излишне пафосного), который может отличаться от офлайн-поведения.

«Цифровая маска» – это целенаправленно создаваемый образ пользователя в интернете, который может частично или полностью не совпадать с его реальной личностью. Интернет дает возможность примерить разные социальные роли, что особенно важно для подростков и молодых людей в процессе формирования личности. Пользователи могут создавать образ успешного, красивого, уверенного в себе человека, компенсируя тем самым проблемы в реальной жизни. Анонимность позволяет вести себя более раскрепощенно, без опасений осуждения со стороны знакомых [5].

Создание идеализированного образа – тренд социальных сетей, где доминируют успешные и красивые образы, и пользователи под этим давлением чувствуют необходимость соответствовать этим стандартам. Кроме того, «Маска»помогает вписаться в желаемую социальную группу (например, геймеры, аниме-фанаты, профессиональные сообщества). Под давлением социальных сетей, где доминируют успешные и красивые образы, пользователи чувствуют необходимость соответствовать этим стандартам.

«Маски» «одеваются» с помощью определенных инструментов: фильтров, фоторедакторов, AI-инструментов и т.д., которые позволяют легко изменять внешность и создавать желаемый визуальный образ. Кроме того, «скрытности» добиваются посредством множественности аккаунтов и профилей, которые создаются для разных социальных ролей: рабочий, личный, творческий аккаунты. Существуют разные причины появления «масок»: защита персональных данных, профессиональные риски.

В условиях роста киберпреступности пользователи сознательно искажают часть информации о себе ради сохранения безопасности. Некоторые сохраняют конфиденциальность, поскольку личные высказывания могут повредить карьере, страх приводит к созданию «безопасного» профессионального образа. Некоторые пользователи стараются соответствовать культурным нормам, где существуют свои правила самопрезентации, требующие определенной «маски».

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что социальные медиа кардинально трансформируют процесс формирования языковой идентичности современных подростков. Традиционная, относительно стабильная идентичность, основанная на нормативном языке, замещается или дополняется гибридной, динамичной и перформативной идентичностью, конструируемой в цифровой среде. Таким образом, соцсети превращают самопрезентацию в игру, где нужно набирать «очки» в виде лайков и подписчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crystal D. Language and the Internet. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 304 p.
2. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. – 2nd ed. – Routledge, 2013. – 608 p.
3. Галичкина Е.Н. Сетевой дискурс: Учебное пособие. – Астрахань: Астраханский университет, 2021. – 150 с.
4. Herring S.C. Computer-Mediated Discourse // Deborah Tannen, Deborah Schiffrin, Heidi E. Hamilton (eds.). The Handbook of Discourse Analysis. – Blackwell, 2005. – P. 612–634.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2023. – 280 с.
6. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 320 с.
7. Латыпова Ю.А., Абсалямова Л.Ф., Хисамова Д.Д., Мингазетдинова Р. Ф. Исследование концепта в русле когнитивной лингвистики (на примере концепта «воля» в русском языке) // Филология: научные исследования. – 2025. – № 5. – С. 16–30.

УДК 811.161.1.271

УСТНАЯ МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ СПО

И.С. Сорокина, преподаватель русского языка и литературы
ОБПОУ «Курский государственный техникум технологий и сервиса»
г. Курск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования устной монологической речи студентов. Особое внимание автор уделят вопросу организации работы по совершенствованию у обучающихся навыков устного монологического высказывания, рассматривая монологическую речь как фактор личностного и профессионального развития студентов СПО.

Ключевые слова: речевая деятельность, устное высказывание, монологическая речь, коммуникативная компетентность, профессиональное развитие, СПО.

Введение. Сегодня перед профессиональным образованием стоит непростая задача: подготовить высококвалифицированных специалистов, которые обладают достаточным уровнем профессиональных компетенций для эффективного развития различных экономических сфер. Выпускники должны быть способными к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готовыми к постоянному профессиональному и личностному росту, социальной мобильности. Среди профессионально значимых качеств будущих специалистов ключевым является коммуникативная компетентность – комплексный навык, который включает в себя умение говорить, задавать вопросы, слушать, понимать собеседника,

использовать невербальные языковые средства и адаптировать свое речевое поведение в зависимости от ситуации общения.

Постановка задачи. Федеральные государственные образовательные стандарты для среднего профессионального образования включают три группы требований: к результатам освоения программы, к структуре программы и к условиям ее реализации. Требования к результатам определяют, какие знания, умения и компетенции должны быть сформированы у выпускника [1]. Общие компетенции являются основным компонентом образования и включают в себя необходимые для профессиональной деятельности, личностного развития и социальной адаптации навыки и знания. Среди них мы особое внимание уделяем ОК 05. Осуществлять устную и письменную коммуникацию на государственном языке с учетом особенностей социального и культурного контекста. Овладение данной компетенцией включает в себя не только знание языка (теоретический аспект), но и умение его применять в различных ситуациях общения, выражать свои мысли и понимать других людей (практический аспект). Данная компетенция направлена на развитие личностных и профессиональных качеств будущего специалиста.

Низкий уровень владения навыками устной речи, неумение четко, связно, логически грамотно выражать свои мысли, формулировать суждение и предложить аргументы в его защиту – все эти проблемы сегодня можно наблюдать у студентов СПО.

Методика и методология исследования. Современный литературный язык имеет две формы: устную и письменную. Для каждой из них характерны особенности как со стороны лексического состава, так и грамматической структуры. Монологическое высказывание как разновидность устной речи, представляет собой такую форму речевого сообщения, которое логически выстраивает и производит один человек. Говорящий является автором своего сообщения, поэтому он самостоятельно определяет его структуру, композицию, отбирает языковые средства. «Поскольку монолог – организованный вид устной речи, то необходимо планирование, которое должно учитывать: целенаправленность сообщения, развернутость, точное отражение норм литературного языка и смысловая законченность» [2].

Монологическая речь – это единое смысловое и логическое целое, которое имеет довольно сложное строение. Целью устного монологического высказывания может быть информирование слушателей, пробуждение в них соответствующих чувств и эмоций, побуждение их к определенным действиям. Последовательность и доказательность монологической речи обеспечивают связность мысли, ее грамматически верное оформление. Монологическая речь предполагает более длительное предварительное обдумывание высказывания. Законченность, развернутость высказывания,

логическая завершенность, литературная лексика, синтаксическая оформленность характерны для монологической речи.

Мы рассматриваем монологическую речь как основной способ выражения мыслей в устной форме на учебных занятиях, когда студент говорит, не прерываясь и не останавливаясь. Владение навыками устного монолога дает возможность студенту обозначить собственное мнение по обсуждаемой проблеме, выразить субъективную позицию на практическом занятии, построить свой ответ на зачете и экзамене. Да и в ситуациях бытового, непринужденного общения умение вести вербальную коммуникацию дает возможность быть услышанным и понятым [3].

Как показывает педагогический опыт и практика, устный ответ студента на занятии несодержателен, непоследователен, значение и смысл отдельных слов и фраз зачастую бывают непонятны. На практических занятиях обучающиеся свой ответ с трудом воспроизводят в полном объеме, опираясь на заранее подготовленный конспект. Устный ответ студента чаще всего представляет собой заученный текст, без понимания того, о чем он говорят. В некоторых случаях монологическая речь обучающихся невыразительна и бедна из-за ограниченного словарного запаса, косноязычия, некорректного грамматического построения фраз, что не позволяет им интенсивно развивать умение вести монолог, четко высказывать свои мысли. Проанализировать проблему, привести собственные доводы и аргументы – такая работа строится тяжело и довольно часто ставит студентов в затруднительное положение.

На учебных занятиях чаще всего нам приходится сталкиваться с монологом-рассуждение, когда необходимо построить высказывание, в котором говорящий размышляет на конкретную тему, выражает свои мысли и идеи, доказывает тезис с помощью аргументов и делает вывод. Причем такой монолог может быть как в устной, так и в письменной форме (эссе, проблемный вопрос, дискуссия и др.). Письменный формат ответа студентами поддерживается больше, чем устный. Публичные выступления и дискуссионные практики становятся настоящим испытаем для обучающихся.

Еще одна сложность воспроизводства монологической речи – потребность в удержании смысла произнесенной информации. Так, например, на учебных занятиях обучающийся чаще всего опирается на реплики собеседника (педагога). Это помогает ему поддерживать диалог. Во время же монолога необходимо сосредотачиваться на своих суждениях и репликах, что оказывается довольно сложным. В результате речь получается не всегда логичной, иногда обрывистой. Так как основным свойством монологической речи является ее организованность, то задача преподавателя – обучить студентов грамотно подходить к структурированию устного текста, его логическому и композиционному построению. В основе такой работы лежат методики, развивающие навыки планирования, логической связности и смысловой завершенности, соблюдения языковых норм.

Хорошие результаты показали методики «сверху – вниз» и «снизу – вверх» (от текста к предложению, от предложения к тексту).

Результаты. Монолог – это сложное речевое умение, которое требует целого комплекса навыков. Совершенствованию навыков устной монологической речи способствует систематическая работа, включающая упражнения, направленные на обогащение словарного запаса, отработку норм литературного языка, тренировки речевого дыхания, артикуляционных мышц. Хорошо зарекомендовали себя интонационные упражнения, помогающие развивать выразительность речи через изменение мелодики, темпа, силы голоса, логического ударения. В результате такой работы у студентов отмечается снижение страха публичных выступлений, повышается самооценка, устный ответ становится более содержательным и логичным, речь более выразительной и яркой.

Выводы. Таким образом, монологическая речь развивает мышление и логику, формирует навыки эффективной коммуникации, способствует развитию концентрации внимания, уверенности в себе и самообладанию. Человек, который говорит красиво и грамотно, чаще добивается успехов в профессиональной и личной сферах. Работа по формированию навыков монологической речи должна быть систематической и содержательной, охватывать все виды речевой деятельности: от освоения базовых знаний по лексике, грамматике и фонетике до глубокого анализа и переработки текстовой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методические рекомендации по реализации общих компетенций в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами среднего профессионального образования. Институт развития профессионального образования (ИРПО) – М.: – 2023, – 42 с.
2. Ситосанова О.В. Устная речь и ее особенности. [Электронный ресурс] – URL: https://angtu.editorum.ru/ru/nauka/article/92165/view.
3. Петрова И.С. Устная монологическая речь как форма межкультурной коммуникации // Научное обеспечение агропромышленного производства (материалы Международной научно-практической конференции, 25–27 января 2012 г., г. Курск, часть 4). – Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак., 2012. – 239 с. Том. Часть 4, с.51–53
4. Гойхман, О.Я. Речевая коммуникация / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 272 с.
5. Ладыженская Т.А. Устная речь как средство и предмет обучения: Учеб. пособие для студентов / Т.А. Ладыженская. – 2. изд., перераб. – Москва: Флинта: Наука, 1998. – 133 с.
6. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. В.И. Максимова, А.В. Голубевой. – СПб.: Златоуст, 2010. – 384 с.
7. Сарна А.Я. Речевая коммуникация: учеб.-метод. пособие / А.Я. Сарна. – Минск: БГУ, 2013. – 214 с.

УДК 811.161.1

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

И.В. Тищенко, старший преподаватель
Северодонецкий технологический институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля»
г. Луганск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается роль художественной литературы как ключевого фактора в сохранении, обогащении и развитии русского языка. Анализируется двунаправленная функция литературы: с одной стороны, как консерватора языковых норм и культурной памяти, с другой – как лаборатории для языковых экспериментов и источника неологизмов. На основе анализа функций языка в литературных текстах и примеров из творчества классиков и современных авторов делается вывод о том, что литература выступает главной экосистемой для существования полноценного, живого русского языка, формируя речевую культуру нации и обеспечивая преемственность между поколениями.

Ключевые слова: русский язык, художественная литература, сохранение языка, развитие языка, языковая норма, речевая культура, классическая литература, современная литература.

Введение. Русский язык, являясь одним из мировых языков и фундаментом национальной идентичности, существует в условиях постоянной динамики и внешних вызовов: влияния глобализации, цифровизации коммуникации, упрощения речевых практик. В этой ситуации вопрос о силах, обеспечивающих не только устойчивость, но и качественное развитие языка, приобретает особую актуальность. Исторически таким главным институтом, выполняющим эту двойственную миссию, выступала художественная литература. Она не просто использует язык как инструмент, но становится для него средой обитания, хранилищем и творческой мастерской одновременно. Цель данной статьи – комплексно проанализировать механизмы, посредством которых литература влияет на сохранение и эволюцию русского языка.

Постановка задачи. Задача исследования заключается в выявлении и описании конкретных функций и процессов, благодаря которым художественная литература воздействует на русский язык. Необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Каким образом литература фиксирует и сохраняет языковые нормы и богатство языка?

2. Каковы механизмы обогащения языка через литературные тексты?

3.Как осуществляется баланс между консервативной и инновационной ролями литературы?

4. Каково влияние современного литературного процесса на состояние языка?

Методика и методология исследования. В основе исследования лежит системный подход, рассматривающий литературу как динамическую систему, взаимодействующую с языковой реальностью. Методология включает:

1. Функциональный анализ: выявление функций языка в литературе (эстетической, познавательной, нормативной, аккумулятивной).

2. Сравнительно-исторический метод: прослеживание влияния конкретных авторов и литературных эпох (от А.С. Пушкина до современных писателей) на состояние языка.

3. Контекстуальный анализ: изучение примеров из литературных текстов, демонстрирующих как следование норме, так и языковые инновации.

4. Анализ научной литературы: обобщение взглядов лингвистов, филологов и культурологов на проблему.

Результаты.

1. Литература как хранитель языка и культурного кода.

Художественная литература создает «золотой фонд» языка, фиксируя его в наиболее совершенных образцах. Тексты А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского стали не только культурным достоянием, но и фактической нормой русского литературного языка. Они сохраняют лексическое богатство, демонстрируют грамматическую и синтаксическую гармонию, выступая эталоном для последующих поколений. Как отмечал Д.С. Лихачев, «язык не только лучший показатель общей культуры, но и лучший воспитатель» [1]. Литература воспитывает языковой вкус, сохраняет историзмы, архаизмы и диалектизмы, которые без нее были бы безвозвратно утрачены (например, язык поморов в произведениях Б.В. Шергина).

2. Литература как лаборатория языка и источник развития.

Парадокс литературы заключается в том, что, будучи хранителем, она же является и главным двигателем языковых изменений. Писатели активно экспериментируют:

- неологизация: многие слова, рожденные в литературных текстах, входят в общее употребление. Н.М. Карамзин ввел слова «промышленность», «влюбленность», «трогательный»; Ф.М. Достоевский – «стушеваться»; И. Северянин – «бездарь»; В.В. Маяковский и В. Хлебников творили множество неологизмов [3];

- расширение семантики: литература придает словам новые оттенки смысла. Слово «нимфетка» существовало и до В.В. Набокова, но именно роман «Лолита» кардинально изменил его культурно-языковую коннотацию [3];

- оживление метафоры: художественные метафоры (например, «поэзия – это союз души с душой» у В.А. Жуковского) обогащают язык, делая его образным и выразительным [3].

3. Современный контекст: вызовы и возможности.

Современная литература продолжает играть важную роль, хотя и в изменившихся условиях. С одной стороны, существует риск излишней «разговорности» и засорения текста сленгом. С другой, такие авторы, как Л.С. Петрушевская, Т.Н. Толстая, В.О. Пелевин, М.А. Шишкин, Г.Я. Мартиросова, виртуозно работают с языком, создавая гибридные формы, играя с интертекстуальностью и отражая новую реальность [4]. Они доказывают, что литература по-прежнему способна быть авангардом языкового развития, адаптируя язык к вызовам времени и обогащая его новыми регистрами и формами.

4. Формирование речевой культуры.

Чтение качественной литературы напрямую влияет на речевую культуру индивида. Оно формирует чувство стиля, понимание уместности тех или иных языковых средств, расширяет словарный запас и учит построению сложных, но ясных синтаксических конструкций. Исследования в области психолингвистики подтверждают, что чтение художественных текстов развивает языковую интуицию и способность к тонкому пониманию смыслов [2].

Выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что роль литературы в сохранении и развитии русского языка является системообразующей и незаменимой.

1. Литература выполняет консервативно-охранительную функцию, выступая музеем и эталоном языковой нормы, сохраняя исторические пласты лексики и грамматические каноны.

2. Одновременно она реализует инновационно-творческую функцию, выступая лабораторией для словообразования, семантических трансформаций и синтаксических экспериментов, тем самым обеспечивая эволюцию и адаптацию языка.

3. Между этими функциями существует динамическое равновесие: классика задает высокую планку и сохраняет преемственность, а современные авторы «испытывают» язык на прочность и актуальность [4].

4. В условиях цифровой эпохи и клипового мышления значение литературы как среды «медленного» и вдумчивого взаимодействия с языком только возрастает [7]. Она остается главной школой речевой культуры, формируя лингвистическую личность, способную к точному выражению мысли и глубокому пониманию текста.

Таким образом, поддержка и развитие литературного процесса, внимание к классическому наследию и современным талантливым авторам являются ключевыми условиями для сохранения жизнеспособности, богатства и красоты русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1989. – 238 с.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 2007. 560 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
4. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
5. Норман Б.Ю. Лингвистика каждого дня. Минск: Вышэйшая школа, 2011. 302 с.
6. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.
7. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М.: МАЛП, 1998. 254 с.
8. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.

УДК 81’42:659.1

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: КАК ЯЗЫК ОБВИНЕНИЙ И ОПРАВДАНИЙ ФОРМИРУЕТ РЕАКЦИЮ АУДИТОРИИ

Д.А. Чипизубова, Ю. Санду, С.Ю. Нижанковская, Н.Е. Ковалева
Научный руководитель – Н.В. Анисина, доцент кафедра "Русский язык" (КРЯ), ИПЛ
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья рассматривает культуру отмены как лингвистически организованную практику социального контроля. Анализируется роль языка обвинений и оправданий в формировании реакции аудитории на примере кейсов PIMS, Monochrome и «Тануки».

Ключевые слова: культура отмены, обвинительный дискурс, оправдательный дискурс, речевые стратегии, цифровая коммуникация

Введение. Феномен культуры отмены в последние годы стал одной из ключевых тем исследований в области лингвистики, медиа-коммуникации и социальной философии. Изначально возникнув в англоязычном Интернет-пространстве, культура отмены стала восприниматься как форма цифрового общественного контроля, основанная на публичном выражении морального осуждения, коллективном давлении и санкциях против нарушителей социальных норм. В отечественной науке она получила широкий резонанс: исследователи рассматривают как социальную практику, функционирующую на уровне языка и дискурса [Мирзаева, 2023].

В научном дискурсе культура отмены активно исследуют с позиций социологии, психологии. Исследователи рассматривают её и как инструмент политической элиты [Хлыщева, 2023]. Лингвистическому аспекту феномена уделяется немного внимания, однако имеющиеся исследования

подчёркивают, что язык становится посредником между нарушением и реакцией общества: посредством дискурса можно как уничтожить репутацию, так и избежать отмены [Мелина, 2023]. Культура отмены наделяет язык функцией регулятора социальных отношений, в рамках которых речевые акты приобретают характер санкций или оправданий.

Наряду с этим в научных работах отмечается, что культура отмены представляет особый интерес для лингвистики, поскольку сочетает оценочный дискурс, моральные маркеры, стратегии обвинения и защиты, создавая специфическое коммуникативное пространство конфликта [Коцюбинская, Марутина, 2024]. В этом пространстве высказывания становятся инструментами давления, а практики коммуникации – механизмами поддержания или разрушения репутации.

Несмотря на растущее число работ, в российском научном дискурсе мало внимания уделено сопоставительному анализу лингвистических стратегий обвинения и оправдания и влиянию этих стратегий на реакцию аудитории. Исследование маркетинговых кампаний российских брендов PIMS, Monochrome и Тануки позволяет выявить механизмы их взаимодействия с аудиторией при попытке отмены брендов за определённые действия в сети и проследить, как языковые формы усиливают или ослабляют общественное давление.

Постановка задачи. Цель работы состоит в том, чтобы выявить, каким образом языковые средства – лексические, синтаксические и прагматические - формируют обвинительный и оправдательный дискурс в ситуации отмены и как выбор тех или иных речевых стратегий влияет на реакцию аудитории, развитие конфликта и репутационные последствия.

Для достижения этой цели в исследовании решаются следующие задачи:

1. Описать особенности культуры отмены в российском медиапространстве и её связь с современными лингвистическими и социокультурными процессами.

2. Выделить характерные языковые маркеры обвинительного дискурса, используемые пользователями социальных сетей при формулировании претензий и призывов к санкциям.

3. Проанализировать стратегии речевого поведения компаний в ответ на обвинения, сопоставить модели отрицания, частичного признания и полного извинения.

4. Определить прагматический эффект этих стратегий – усиление конфликта, его деэскалацию или нейтрализацию.

5. Сопоставить маркетинговые кампании PIMS, Monochrome, Тануки для выявления общих закономерностей и различий в языковом оформлении публичных конфликтов.

6. Обосновать роль языка как инструмента социального контроля в условиях цифровой коммуникации.

Методика и методология. Методика и методология данного исследования основаны на анализе языка и коммуникации в цифровой среде. Поскольку культура отмены проявляется прежде всего в публичных высказываниях пользователей и компаний, основным методом стал дискурс-анализ. Он позволяет изучать не только содержание сообщений, но и то, как именно с помощью языка формируются обвинения, создаётся давление и строятся стратегии оправданий.

В рамках дискурс-анализа рассматривались три уровня:

1. лексический – оценочная лексика, слова с эмоциональной окраской, моральные категории;

2. синтаксический – императивы, риторические вопросы, повторяющиеся формулы («удалите», «извинитесь», «вам не стыдно?»);

3. прагматический – цель высказывания, ожидаемая реакция аудитории, попытка усилить или снизить конфликт.

Кроме того, применялся контекстуальный анализ, который позволил учитывать условия общения: особенности социальной сети, характер аудитории, динамику обсуждений. Одни и те же слова могут восприниматься по-разному в зависимости от платформы и настроения аудитории.

Также использовался сравнительный метод: сравнивались три маркетинговые кампании (PIMS, Monochrome и «Тануки»). Это помогло выявить стратегии поведения компаний – отрицание, частичное признание и полное извинение - и показать их влияние на развитие конфликта.

Эмпирическую основу составили: сообщения брендов, комментарии пользователей, официальные извинения и реакции компаний, исследования по теме культуры отмены.

Результаты. Такой набор методов позволил изучить, каким образом язык формирует культуру отмены, какие речевые приёмы чаще всего используются в обвинениях и как разные стратегии оправданий влияют на общественную реакцию. Результаты анализа трёх маркетинговых кампаний и комментариев аудитории в социальных сетях к постам представлены в таблицах (табл. 1. и табл. 2).

Таблица 1. Результаты анализа комментариев

	PIMS	**MONOCHROME**	**Тануки**
Провокационный контент (источник конфликта)	Рекламный ролик со сценами сексуализированного навязчивого обыска девушки и подпись к нему: «Pims Police для тех, кто решил приготовить Pims дома».	Пост с извинениями за то, что не работают: «Потому что, что? Правильно – парад. Потому что, что? Правильно – всем плевать на бизнес чужой. Ноу комментс, как говорится…» На негативные комментарии отвечали так:	Пост, высмеивающий девушек, любящих пиццу. Негативное сравнение двух девушек разной комплекции. Использование фотографии Уитни Уэй Тор, страдающей поликистозом яичников, и надпись: «После похода в го-го пиццу». На другом фото – стройная девушка и надпись: «После

		«Не нужно к нам приезжать. Не тратьте время. Хорошего вечера»	похода в Тануки»
Дискурс отмены (реакция аудитории на контент, основная лексика обвинения)	«Дизлайк, отписка, отмена. Делать рекламу на насилии – дно» «неэтично», «нарушение норм», «унизительно».	«Хотела приехать к вам и подругу из провинции привезти, очень нравились модели, но после ваших комментариев сегодня, которые вы почистили, уже не буду. Как-то через пару часов совсем противно стало» «Хамство», «Непрофессионализм», «Неуважение к исторической памяти», «Позор», призывы к бойкоту.	«Позор», «Оскорбительно», «попытка хайпа», «непрофессионализм», призывы к бойкоту. Федор Овчинников (основатель Додо пицца): «Мне не нравится эта реклама. Не потому что там есть намек на нашу компанию. И если вы солидарны со мной, присоединяйтесь к флешмобу – заказывайте пиццу…Разные люди!»
Дискурс контр-отмены (реакция компании на “отмену”)	«PIMS – это не для всех. И это ок. Мы не идеальные. Мы живые. Мы экспериментируем. И точно знаем, где начинается провокация и реальное насилие. С этим у нас никогда не было толерантности. И не будет.» «Мы играем с провокацией, иронией, триггерами. Это часть нашей ДНК и стиля PIMS».	«Очень хочется послушать тех же комментаторов, кто пишет мне гадости, когда им отключат интернет» «То, что должно было стать информационной рассылкой о графике работы магазина, фактически послужило поводом обвинить нас в неуважении к великому празднику победы, что, разумеется, не имеет ничего общего с действительностью». «Мы допустили колоссальную ошибку. Очень сильно и на совершенно пустом месте. Просто потому, что впервые в жизни не подумали над тем, что и как пишем. И что сам формат письма обязывает автора донести свою мысль однозначно и недвусмысленно – с этой задачей мы, к огромному стыду, не справились».	«Дорогие наши пользователи, подписчики и гости, мы приносим извинения за неуместный креатив. Признаем, что перегнули палку. Хотелось быть провокационными, но чувство меры покинуло нас. Особенно хотим подчеркнуть, что мы не знали о болезни Уитни Тор и ни в коем случае не хотели задеть людей с проблемами со здоровьем. Простите нас, пожалуйста. Мы больше так не будем!»
Реакция аудитории на дискурс контр-отмены	«А теперь PIMS даёт мастер-класс: КАК НЕ НАДО ИЗВИНЯТЬСЯ Удалили ролики. Ну окей, жаль, что мы не увидим полную задумку, которую они так тизерили. Ролик, о котором идёт речь, – это часть мини-	«Фраза «Всем плевать на бизнес чужой» – это хамство и глухота к памяти», «Простите, мы не подумали» звучит как «ой, всё». Ни глубины, ни ответственности».	«Людей с проблемами со здоровьем задеть не хотели, а всех остальных хотели, или кого именно? Огласите список, кого можно задевать, а кого нет».

	сериала, вдохновлённого мемами внутри комьюнити. Даааaа? А не ролик переснятый точь-в-точь по чужой идее? Звучит текст как «вы не так всё поняли, это вы виноваты»»		
Преобладающие синтаксические конструкции и стилистические особенности обвинений	Саркастические высказывания, риторические вопросы, императивы «удалите», призывы к санкциям	Императивы «удалите». Риторические вопросы, саркастические высказывания.	Императивы «удалите». Риторические вопросы, саркастические высказывания
Прагматика обвинительного дискурса	Зафиксировать моральную вину бренда, требование ответственности, попытка оказать экономическое давление через отписки и бойкот.	Защита исторической памяти и уважения к празднику, осуждение хамства и непрофессионализма	Защита достоинства людей, борьба с бодишеймингом и дискриминацией по внешнему признаку, требование этичности в маркетинге; сплочение сообщества вокруг альтернативного бренда (флешмоб от Додо).
Тип защитной стратегии	Стратегия отрицания вины и оправдания провокации (это наша ДНК, мы не для всех, вы не поняли границу между провокацией и насилием).	Смешанная стратегия: частичное признание + контратака (признали ошибку в формулировке, но обвинили аудиторию в неверной интерпретации и перешли в контратаку с сарказмом), рефрейминг.	Стратегия полного и публичного покаяния (признали ошибку, принесли извинения, объяснили причину (незнание), пообещали исправиться, удалили контент)
Ключевые формулы оправданий	«Это не насилие, а провокация», «мы экспериментируем»,	«Мы не подумали», «Вы нас не так поняли», «Нас обвинили без оснований».	«Мы приносим извинения», «Признаем, что перегнули палку», «Мы не знали», «Мы больше так не будем». Удалено по просьбе аудитории.
Степень воздействия реакции аудитории	Высокая. Компания удалила ролик, но не смягчила риторику, что продлило скандал	Высокая. Пост был удален, но ответы компании усугубили ситуацию, вызвав более широкое осуждение.	Высокая, но краткосрочная; перерастает в обсуждение медиаэффекта. Компания удалила пост и принесла извинения, что частично погасило гнев, но оставило репутационный ущерб.
Итоговый репутационный эффект	Негативный. Потеря лояльности аудитории. Восстановление возможно, но требует структурных решений и	Негативный. Бренд показал глухоту к социально значимым темам и неуважение к аудитории.	Смешанный: негатив - резкая популяризация сюжета - нивелирование

	публичного контроля.	Репутационный ущерб значительный.	

Таблица 2. Речевые тактики и стратегии

	Pims	**Monochrome**	**Тануки**
Речевые тактики обвинения	Сексизм, неэтичность, нарушение норм, обесценивание аудитории и элитизация аудитории.	Неуважение к исторической памяти, оскорбление памяти. Хамство и непрофессионализм. Неудачная коммуникация и двусмысленность, провокационная формулировка, цинизм. Неадекватная реакция на критику: агрессивные ответы, сарказм вместо диалога, обвинение клиентов вместо признания ошибки, попытка контратаковать вместо извинения. Призывы к санкциям	Оскорбление, бодишейминг, неэтичный хайп и непрофессионализм, саркастическая рефлексия над извинениями, призывы к санкциям, обвинения в недобросовестной конкуренции.
Речевые тактики защиты	Недопонимание, разграничение провокации и насилия: «точно знаем, где начинается провокация и реальное насилие». **Апелляция к креативной идентичности**: «часть нашей ДНК и стиля PIMS»; «мы экспериментируем»; «игра с провокацией, иронией, триггерами». **Риторика исключительности:** «PIMS — это не для всех. И это ок»; «Мы не идеальные. Мы живые». **Рефрейминг контекста**: часть мини-сериала, вдохновлённого мемами внутри комьюнити; (акцент на художественный	**Частичное признание ошибки:** «мы допустили колоссальную ошибку»; «не подумали над тем, что и как пишем»; «не справились с задачей донести мысль однозначно». **Рефрейминг:** смещение фокуса с намерения на форму: «это не имеет ничего общего с действительностью» (отрицание умысла); «ошибка в формулировке, а не в позиции»; «неоднозначность послания, а не неуважение». **Апелляция к неверной интерпретации:** вы нас не так поняли. **Контратака и защита границ коммуникации**: «когда им отключат интернет» (саркастический ответ, перекладывающий вину); «те же комментаторы, кто пишет мне гадости» (перемещение фокуса на поведение критиков). **Риторика раскаяния (ограниченная):** «к огромному стыду»; «простите, мы не подумали» (но с оттенком лёгкости, что	**Признание вины**: «признаём, что перегнули палку»; отказ от защиты «креативной свободы» в пользу этических норм; принятие ответственности за последствия, а не только за намерение. **Демонстрация эмпатии и уважения:** персонализированное обращение к аудитории («дорогие наши пользователи, подписчики и гости»), создающее эффект диалога; выражение сожаления через форму просьбы о прощении: «простите нас, пожалуйста»; акцент на непреднамеренности оскорбления людей с особенностями здоровья: «ни в коем случае не хотели задеть людей с проблемами со здоровья». **Разграничение намерений и результата** объяснение изначальной мотивации (желание быть провокационными) без её оправдания; признание утраты чувства меры как главной ошибки, а не злого умысла; подчёркивание неосведомлённости о заболевании Уитни Тор («мы не знали о болезни»), что снимает обвинение в целенаправленной травле, но не освобождает от ответственности за неосторожность и непрофессионализм. **Конкретные действия по исправлению**

	замысел). **Частичные уступки без признания вины**: удаление ролика (действие без вербального раскаяния), утверждение о самоконтроле. **Контратака и переадресация критики:** аудитория не так всё поняла (смещение фокуса на аудиторию).	вызвало новую волну критики). **Акцент на непреднамеренность:** «на совершенно пустом месте»; «впервые в жизни не подумали».	удаление оскорбительного контента; публичное обещание изменить подход: «мы больше так не будем» - формулировка без оговорок и условий; готовность учитывать обратную связь и корректировать коммуникационную политику. **Речевые маркеры защиты** **модальность ответственности**: «приносим извинения», «признаём»; **смягчающие конструкции**: «хотелось быть провокационными, но…» (признаёт мотив, но не оправдывает его); **эмоционально окрашенные формулы**: «простите нас, пожалуйста» (усиливает искренность); **акцент на незнании**: «мы не знали» (снижает градус обвинения в преднамеренной дискриминации). **Попытка репарации репутации:** создание образа компании, готовой учиться на ошибках и пересматривать подходы к коммуникации.

Выводы. В отечественных исследованиях подчёркивается, что механизм отмены активируется в тот момент, когда аудитория воспринимает высказывание или действие публичного лица или бренда как нарушение моральных норм. Если рассматривать отмену через призму социолингвистики и прагмалингвистики, то язык выступает основным инструментом регулирования общественных отношений [Пулеха И.Р., Ускова П.О. 2025]. Важно отметить, что само нарушение становится разрывом коммуникации, а язык – основным инструментом как обвинения, так и восстановления доверия. Эффективность или неэффективность антикризисной коммуникации определяется не только содержанием, но и выбором речевой тактики.

Материалом для анализа в данной статье стали три российские кейса: PIMS, Monochrome и Тануки. Каждый из них представляет собой типичную модель конфликта от провокационного рекламного контента до формирования дискурса обвинений, распространения практики отмены и последующего дискурса оправданий. Эти кейсы позволяют выявить повторяющиеся лингвистические маркеры, составляющие структуру обвинительного и защитного дискурсов, и проследить влияние речевых стратегий на развитие ситуации.

Обвинительный дискурс во всех трёх случаях характеризуется использованием морально окрашенной лексики и мобилизационных призывов. Лексико-семантические доминанты обвинений отражают разные

ценностные основания конфликта: в ситуации с PIMS ключевыми оказываются слова «насилие», «унизительно», «неэтично»; в случае Monochrome преобладают маркеры «неуважение», «позор», «оскорбление памяти»; в кейсе Тануки – «бодишейминг», «непрофессионализм», «попытка хайпа». Несмотря на тематические различия, во всех трёх случаях наблюдается общий лингвистический механизм: обвинение формируется через моральную категоричность, выраженную с помощью ярко маркированных оценочных прилагательных, эмоционально насыщенной лексики и риторически оформленных призывов к санкциям.

Синтаксически обвинительный дискурс включает в себя императивы («удалите», «извинитесь», «не позорьтесь»), риторические вопросы («вам не стыдно?», «как такое можно публиковать?»), а также формулы коллективного действия («дизлайк, отписка, отмена»). Лингвистические исследования подтверждают набор «слов-маркеров» и указывают на появление устойчивых в обвинениях [Н.Л. Шамне, В.С. Майер]. Императивы создают эффект прямого давления автора сообщения на адресата. Риторические вопросы усиливают эффект морализаторства и включают аудиторию в коллективную оценку. Таким образом, обвинительный дискурс представляет собой не просто выражение эмоциональной реакции, а механизм социального регулирования, который функционирует через речевые средства, создающие ощущение моральной обязательности и социальной нормы.

Прагматика обвинительного дискурса направлена на фиксацию моральной вины, мобилизацию аудитории и инициирование санкций. В кейсе PIMS аудитория апеллирует к теме насилия и неприемлемой сексуализации, формируя нарратив о нарушении этических границ; в случае Monochrome доминирует мотив защиты исторической памяти; в истории с Тануки акцент смещается на защиту человеческого достоинства и борьбу с дискриминацией. Во всех случаях обвинение сопровождается призывами к бойкоту, то есть язык выполняет функцию запуска коллективного действия – репутационной санкции.

Дискурс контр-отмены демонстрирует три модели поведения, основанные на различных лингвистических стратегиях. Компания PIMS строит коммуникацию преимущественно на стратегии отрицания и рефрейминга. В её высказываниях заметно стремление представить критику как следствие «неправильного прочтения» аудитории: «точно знаем, где начинается провокация и реальное насилие», «PIMS – это не для всех». Апелляция исключительности бренда формирует образ элитарной группы, которой не требуется одобрение большинства. Такая стратегия усиливает конфликт, поскольку не учитывает эмоционального состояния аудитории и не содержит элементов признания вины или эмпатии.

Компания Monochrome использует стратегию частичного признания, сопровождающуюся контратакой. В её сообщениях соседствуют элементы

извинения («мы допустили ошибку», «не подумали над формулировкой») и элементы обвинения аудитории («послушаем тех, кто пишет гадости», «когда им отключат интернет»). Такой двойственный дискурс воспринимается как неискренний: формальная часть извинения нивелируется сарказмом и попыткой переложить ответственность на интерпретацию аудитории. Подобная стратегия приводит к вторичной волне критики, поскольку невольно усиливает первоначальное обвинение и создаёт впечатление неуважения.

Компания Тануки демонстрирует стратегию полного покаяния. В её высказываниях присутствуют прямые формулы ответственности: «мы приносим извинения», «мы перегнули палку», «мы не знали о болезни – и это наша ошибка». Здесь важны не только семантические маркеры, но и тональность – обращение к аудитории в уважительной форме, признание причинённого вреда и отсутствие попыток оправдания или перевода ответственности. Эта стратегия приводит к снижению напряжения, прекращению активной фазы конфликта и формированию образа компании, готовой учиться на ошибках.

Анализ реакций аудитории показывает прямую зависимость между языковой стратегией компании и характером общественного отзыва. Стратегии отрицания и высокомерного рефрейминга усиливают поляризацию и приводят к тому, что отрицательные комментарии становятся более агрессивными, а призывы к бойкоту более массовыми. Стратегия частичного признания, сопровождающаяся оправданиями, вызывает недоверие и часто приводит к появлению обвинений во «лживых извинениях». Стратегия полного признания вины, подкреплённая корректными лингвистическими средствами, формирует восстанавливающий эффект: снижает эмоциональную напряжённость и открывает возможность для диалога.

Таким образом, язык в ситуации культуры отмены выступает не просто средством коммуникации, но и инструментом регулирования социального поведения. Обвинительный и защитный дискурсы образуют единую систему, в которой определённые лексические, синтаксические и прагматические маркеры активизируют механизмы коллективной оценки и санкционирования. От того, насколько точно выбранная стратегия соответствует ожиданиям аудитории, зависит дальнейшая траектория конфликта.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд теоретически и практически значимых выводов. Прежде всего, анализ трёх кейсов показал, что культура отмены в российском медиапространстве проявляется как устойчивая лингвистически оформленная социальная практика, в которой язык выступает основным механизмом регулирования общественных отношений, что подтверждается и другими исследованиями [Аракелова, Ширяева, Айвазян, 2024]. Обвинительный и оправдательный дискурсы

образуют взаимосвязанную систему, в рамках которой лексические, синтаксические и прагматические средства имеют прямое воздействие на динамику коллективной реакции. Таким образом, язык в условиях цифровой коммуникации выполняет функцию социального санкционирования и инструмент репутационного давления.

Научная новизна нашего подхода заключается в выявлении и систематизации тех закономерностей, которые не получают целостного освещения в других работах: мы рассматриваем культуру отмены как устойчивую конфигурацию речевых стратегий, определяющую траекторию развития публичного конфликта. Анализ нескольких кейсов позволяет показать, что языковые механизмы отмены функционируют не как хаотичные реакции аудитории, а как инструмент регуляции социальных норм, в котором модальность и риторические средства играют ключевую прагматическую роль.

Теоретическое значение исследования состоит в уточнении роли языка как инструмента социального контроля в цифровой среде. Показано, что обвинительный дискурс строится на основе эмоционально окрашенной лексики, императивов, риторических вопросов и формул коллективного действия, которые формируют у аудитории ощущение моральной обязательности и нормирования поведения. В свою очередь, эффективность оправдательного дискурса зависит от степени открытости, ясности и недвусмысленности высказываний, что имеет значение для теории публичной коммуникации, лингвистики и прагматики.

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью расширения эмпирической базы и анализа новых кейсов культуры отмены, включая политическую и культурную сферы. Представляет интерес также исследование влияния платформенных особенностей на формирование обвинительных и защитных стратегий, а также изучение возможной трансформации культуры отмены в сторону более институционализированных форм общественного контроля.

В целом проведённая работа подтверждает, что культура отмены – это не только социально-психологический феномен, но и лингвистическая практика, функционирующая через язык как средство выражения коллективной оценки. Изучение этих механизмов позволяет глубже понять природу современного цифрового общества и выявить закономерности формирования публичных конфликтов в условиях стремительно меняющейся медиасреды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирзаева Д.У. Является ли культура отмены культурой? // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 4(56). С. 59–75 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-kultura-otmeny-kulturoy/viewer.

2. Хлыщева Е.В. Культура отмены как инструмент политической элиты // Вопросы элитологии. 2023. № 1. С. 13-23 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otmeny-kak-instrument-politicheskoy-elity/viewer.
3. Мелина А.Ю. О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 8 (876). С. 59–65 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-vliyaniya-na-protsessy-kultury-otmeny-pri-pomoschi-lingvisticheskih-sredstv/viewer.
4. Коцюбинская Л.В., Марутина Е.А. Феномен «культура отмены» в лингвофилософском осмыслении // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 190-196 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kultura-otmeny-v-lingvofilosofskom-osmyslenii/viewer.
5. Пулеха И.Р., Ускова П.О. Культура отмены сквозь призму социолингвистики и прагмалингвистики // Гуманитарно-педагогические исследования. 2025. Т. 9. № 2. С.43–52 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otmeny-skvoz-prizmu-sotsiolingvistiki-i-pragmalingvistiki/viewer.
6. Шамне Н.Л., Майер В.С. Слова года как лингвистические маркеры культуры отмены (cancel culture) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 288–290 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slova-goda-kak-lingvisticheskie-markery-kultury-otmeny-cancel-culture/viewer.
7. Аракелова А.Р., Ширяева Т.А., Айвазян Н.Б. Теоретико-методологический обзор научной литературы о культуре отмены: лингвистический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 13 (894). С. 9–14 [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskiy-obzor-nauchnoy-literatury-o-kulture-otmeny-lingvisticheskiy-aspekt.

УДК:316+80

РОЛЬ ЖУРНАЛИСТОВ И СМИ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Л.Т. Шарафутдинова, магистрант
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется роль журналистов и СМИ в культурной политике России, раскрываются механизмы формирования культурной повестки, противоречия между просвещением и развлечениями, а также влияние цифровых медиа и вызовы журналистской этики.

Ключевые слова: культурная политика, средства массовой информации, культуроформирующая функция, журналист, национальная идентичность.

Введение. В данной работе анализируется роль журналистов и средств массовой информации в формировании и реализации культурной политики современной России. Освещается исторический контекст трансформации медиасистемы после 1990-х годов и её влияние на культурную повестку.

Особое внимание уделяется культуроформирующей функции средств массовой информации, поскольку их анализ занимает ключевое место в журналистике, так как помогает определить воздействие функций на социум и оценить уровень результативности в сфере информационной деятельности. Функций СМИ существует множество, и их содержание меняется в зависимости от конкретных условий и предмета изучения. Ключевые из них включают информационную, образовательную, культурно-просветительскую, организационную, регулятивную, коммуникативную и развлекательную функции [2]. Особое внимание в работе уделяется культуроформирующей функции СМИ. Роль культурообразующей функции заключается в пропаганде ценностей, воспитании масс на образцах культуры и содействии гуманистическому развитию. В учебном пособии СССР «Введение в теорию журналистики», которое вышло в 1980-е годы, культуроформирующую функцию СМИ называли одной из важнейших функций [6]. Однако сейчас представления об этой функции изменились из-за трансформации института средств массовой информации, связанного с дигитализацией. «Этот этап привел к глобальным изменениям происходящим на всех стадиях от создания до распространения контента, и поискам новых моделей развития медиабизнеса в условиях конвергентной среды» [1].

Влияние журналистов и СМИ на культурную политику России приобретает всё большую важность в современном информационном пространстве. СМИ становятся не просто каналом передачи новостей, а активными участниками формирования общественного мнения и продвижения культурных ценностей. В современном медиапространстве средства массовой информации давно перестали быть простыми

передатчиками новостей. Особенно наглядно это проявляется в сфере культуры, где медиа выступают активным участником, формирующим представления, ценности и символический порядок. Журналисты публикуют материалы со звездами культуры: артистами, музыкантами, писателями и художниками. Ставятся вопросы финансирования учреждений культуры, рассматриваются различные аспекты совершенствования культурной политики [3].

В России, в стране с богатым историческим и культурным наследием, а также сложным процессом поиска национальной идентичности в постсоветский период, эта роль приобретает особое значение. Культурная политика государства не существует в вакууме, поскольку она реализуется и интерпретируется для миллионов граждан именно через журналистские материалы, телевизионные проекты, публикации в интернете и радиоэфиры. Рассмотрено, как медиа влияют на восприятие национальной идентичности и роль, которую журналисты играют в коммуникации между государственными институтами и обществом. Центральным вопросом остается то, как именно медиа согласовывают государственные задачи с ожиданиями аудитории и профессиональными стандартами журналистики.

Чтобы понять сегодняшние процессы, необходимо взглянуть на недавнее прошлое. В 1990-е и ранние 2000-е годы российское медиаполе характеризовалось высокой степенью коммерциализации и вестернизации культурного продукта, то есть заимствованием западноевропейского и англо-американского образа жизни в разных сферах, в том числе в области культуры. Государственная культурная политика была скорее фрагментированной и реактивной, но с середины 2000-х годов стал очевиден последовательный поворот к укреплению медийного суверенитета и использованию СМИ как инструмента «мягкой силы» и консолидации общества.

Культура перестала восприниматься как автономная сфера, всё чаще формулируясь в контекстах национальной безопасности и идеологического противостояния. Культура и национально-культурная идентичность воспринимаются как фундаментальные компоненты национальной безопасности, так как их утрата фактически ведет к разрушению самой нации. Это нашло прямое отражение в работе СМИ: на смену прямолинейной агитации пришли более сложные форматы, например, масштабные исторические сериалы, поддерживаемые государством телешоу о русском языке и искусстве, документальные проекты, раскрывающие величие отечественной культуры. Задача медиа сместилась от критического осмысления к миссии воспитания и просвещения на основе определённого набора ценностей. Этот исторический сдвиг создал принципиально новую среду для профессиональной деятельности журналиста в культурной сфере.

Постановка задачи. Центральной задачей работы является исследование практического воплощения культуроформирующей функции

журналистов и СМИ в современных условиях. В центре анализа стоит ключевое противоречие – декларируемая значимость культурного просвещения на фоне его фактического вытеснения развлекательным контентом и новостями о жизни знаменитостей.

Показано, как российская медиасистема, доминирующую роль в которой играет телевидение, активно участвует в построении общенационального информационного пространства, напрямую связывая вопросы культуры с обеспечением национальной безопасности и идеологическим противостоянием. В итоге, средства массовой информации выступают не просто каналом трансляции, но и активным конструктором культурной реальности, что возлагает на журналистов особую ответственность за качество и направленность формируемого дискурса.

Методика и методология исследования. Чтобы подтвердить выдвинутые тезисы, в работе применены методы системного анализа медийных практик, позволившие выявить связи между государственными целями культурной политики и редакционными решениями в СМИ. Использован контент-анализ телевизионных, печатных и цифровых медиа для определения ключевых тем и стратегий формирования культурной повестки.

Исторический метод помогает проследить эволюцию роли СМИ от 1990-х годов до настоящего времени, что даёт понимание текущих тенденций. Метод сравнительного анализа позволяет соотнести российские процессы с международными примерами медийного влияния на культуру.

Кроме того, учитывается социально-психологический аспект влияния информационного содержимого на массовую аудиторию, что помогает оценить эффективность используемых коммуникационных стратегий.

Результаты. Роль СМИ в культурной политике России реализуется через конкретные инструменты и редакционные решения на различных платформах – от традиционных газет и телевидения до цифровых и социальных медиа, что расширяет аудиторию культурных сообщений. Основной механизм влияния заключается в формировании повестки и иерархии ценностей, особенно на федеральном уровне, где редакции отбирают темы, создавая устойчивую культурную иерархию. В этой иерархии "высокое" искусство и народное творчество занимают верхние позиции, в то время как современное искусство часто маргинализируется, если оно не соответствует традиционным ценностям, формируя в аудитории представление о «настоящей» культуре.

Современные печатные СМИ снижают акцент на своей роли в формировании культурных ценностей. В основном они публикуют материалы, посвященные событиям в сфере искусства, культуры и науки, предоставляя широкой аудитории сведения о последних новинках и достижениях. В культурных разделах изданий чаще всего встречаются репортажи с концертов, выставок и других мероприятий, а также интервью с

представителями творческих профессий. Одной из остающихся проблем является качество публикуемых духовных произведений. Отмечается, что сегодня тематика культурного освещения в печатных изданиях ограничена, при этом сокращается жанровое разнообразие: преобладают информационные материалы, уменьшается количество аналитических статей, и практически отсутствуют художественно-публицистические произведения [5].

Анализ контента культурных материалов на сайтах самых популярных отечественных СМИ выявил несколько закономерностей. Во-первых, материалы, посвящённые высокой и элитарной культуре, появляются редко. Заметно, что в основном СМИ фокусируются на сплетнях, слухах и событиях из жизни знаменитостей шоу-бизнеса, что обращается к более приземлённым эмоциям аудитории, в то время как глубокие культурные темы и элитарное искусство представлены крайне ограниченно. Это подтверждает тенденцию смещения фокуса журналистики с высокой культуры на более развлекательный и популярный контент, направленный на широкую аудиторию, что отражает современную медийную ситуацию в России и в мире в целом.

Современным СМИ нужен скандал, который «является инструментом манипуляции сознанием: он способен формировать общественное мнение, отношение к объекту эпатажа, ломать стереотипы и менять ценностные ориентиры» [6]. Доцент кафедры новых медиа МГУ Лукина М.М. И доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ Толоконникова А. В. отмечают, что конфликт, наряду с другими новостными ценностями, является общепринятым критерием для отбора информационно привлекательной темы и остается обязательным элементом новостных повесток» [4].

На сайтах большинства информационных агентств присутствует раздел «культура», однако некоторые крупные сайты не имеет подобного раздела, где освещалась бы культурная тематика.

Также стоит отметить, что язык СМИ и используемые нарративы, такие как «духовные скрепы», «культурный код», «патриотическое воспитание» и «историческая правда», играют важную роль в конструировании культурных смыслов и связывании культурных событий с широкой идеологией возрождения России и противостояния. Например, реставрация храма преподносится как акт восстановления национального достоинства. Новые форматы на стыке образования и идеологии, транслируемые крупными медиапроектами, создают просветительские программы, где журналист выступает наставником, предлагая «правильное» прочтение культурных феноменов.

При этом возникают значительные противоречия и вызовы для профессиональной журналистики. Этика журналистов ставится под вопрос из-за тонкой грани между просвещением и пропагандой, а также из-за

напряжения между коммерческими интересами аудитории и заданной культурной повесткой. Централизация культурного контента приводит к недостаточному отражению региональных культур, что вызывает критику в профессиональном сообществе. Культурное освещение ограничивается масштабными мероприятиями и мировыми премьерами, например, в Голливуде, в то время как новости о региональных фестивалях, достижениях отдельных творческих личностей или народных ремёслах практически не представлены.

Также выявлено, что в новостных материалах доминируют одни и те же известные имена из шоу-бизнеса, тогда как молодые и перспективные деятели культуры остаются вне внимания СМИ. Таким образом, культура зачастую замещается развлекательным контентом, что снижает информативность и образовательную ценность культурной журналистики.

Цифровизация значительно расширяет возможности культурного взаимодействия: социальные сети и мультимедийные платформы вовлекают молодежь и различные группы в культурную жизнь, а государство использует эти пространства для запуска патриотических проектов и регулирования интернет-контента. Одновременно интернет остается ареной альтернативных культурных высказываний и независимой критики, создавая дуализм между официальной культурной политикой и спонтанным культурным обменом. Это ставит журналистов в позицию работы в рамках структурированных СМИ и динамичного цифрового пространства одновременно. Стоит отметить, что многим журналистам удается сбалансированно работать в современных реалиях, реализуя культурообразующую функцию СМИ как через редакцию или собственные программы на телевидении, так и через аккаунты в социальных сетях. Так, например, журналистка и ведущая Дарья Златопольская успешно пропагандирует культуру и ценности в своих социальных сетях, а также через программу «Белая студия». В передаче ведущая Златопольская ведёт беседу с приглашённым деятелем культуры о значимых для собеседника произведениях искусства, одновременно раскрывая и интервьюируемого, и художественные работы. Стоит отметить, что гостями программы являются известные режиссёры, актёры, музыканты, писатели, занимающие особое место не только в отечественной культуре, но и оказавшие влияние на мировое искусство.

Примеры успешного взаимодействия журналистов с культурными организациями демонстрируют, что СМИ способны эффективно продвигать национальное культурное наследие и поддерживать креативные инициативы, укрепляя культурное единство и национальную идентичность. Такие взаимодействия поддерживают культуроформирующую функцию журналистики как значимый элемент культурной политики России в современных условиях.

Выводы. СМИ оказывают мощное влияние на культурное пространство страны, формируя представления о культуре и национальной

идентичности. Роль журналистов и СМИ в культурной политике современной России является фундаментальной и многогранной, они не просто отражают процесс, а активно конструируют и цензурируют культурный дискурс.

Медиа стали полем внедрения таких понятий, как «культурный код» и «духовные скрепы», переводя их в доступные массовой аудитории образы и символы. Профессиональная журналистика сегодня в культурной сфере больше ориентирована на воспитание и просвещение, чем на традиционную критическую функцию «четвёртой власти».

Основное противоречие – поиск баланса между выполнением социально-государственного заказа и сохранением профессиональной автономии и ответственности перед аудиторией. От уровня профессионализма журналистов зависит, насколько эффективно культурная политика будет реализовываться, что влияет на устойчивое развитие и сохранение культурных традиций. Это противоречие и его разрешение в редакционной практике определяют будущее культурной журналистики и культурного ландшафта России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвергентная журналистика: учебник для вузов / под ред. Е.А. Барановой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Издательство Юрайт, 2025. 157 с.
2. Новые медиа в глобальном мире: учебное пособие для студентов вузов / под ред. Д. Ю. Кульчицкой. Москва: Аспект Пресс, 2021. 141 с.
3. Лаврентьева Л.С., Смирнов Ю.И. Культура русского народа: Обычаи. Обряды. Занятия. Фольклор. СПб: Паритет, 2005, 7 с.
4. Лукина М.М., Толоконникова А. В. Конфликт в повестке дня Российских информационных агентств: исследование в контексте конструктивной журналистики // Вестник Московского Университета. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 5. С. 27–50.
5. Марьина Л.П. Журналистика и культурные коммуникации: образовательный контекст // Век информации. 2017. № 1. С. 253–263.
6. Палагина И.В., Бурдовская Е.Ю. Эпатаж и скандал как инструмент формирования общественного мнения в СМИ // Гуманитарные и социальные науки. 2018. №1. С. 139–148.
7. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов / под ред. Е. П. Прохорова. 8-е изд., доп. И перераб. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с.

УДК 340.113

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПРОГРАММЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

Т.А. Шишкина, канд. филол. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена анализу проблем, связанных с освоением специальной терминологии студентами вузов. Рассмотрена последовательность языковых курсов в учебном плане направления «Юриспруденция», даны рекомендации по содержанию учебных программ с учетом последних достижений в области изучения юридической терминологии.

Ключевые слова: юридическая терминология, высшее образование, юриспруденция.

Введение. В современном стремительно меняющемся мире возникает потребность не только в юридическом урегулировании отношений между гражданами, гражданами и государством во вновь возникающих обстоятельствах, но и в широкой просветительской работе с различными группами населения. Реформируется законодательство, появляется множество правовых актов на федеральном и региональном уровнях [1, С. 119], «переосмысливаются те или иные понятия, термины, раскрывающие их определения» [2, С. 62]. В современных условиях перехода на новую систему высшего образования в соответствии с Указом Президента РФ от 12.05.2003 г. № 343 дополнения и коррекции требуют и учебные планы правоведческих направлений обучения, и программы отдельных дисциплин [1, С. 120].

Эффективность закона и подзаконных нормативно-правовых актов во многом зависит от точности, логичности, правильности языка, которым написан закон или подзаконный акт, а также от правильности/точности понимания текста. В связи с этим на образовательные организации возлагается ответственность за качественную подготовку будущих специалистов, от которых требуется не только оценивать словоупотребления с точки зрения правильности, но и рассматривать их с позиции права, а тексты нормативных документов – с позиции соответствия качествам образцовой речи (логичности, правильности, точности, чистоты, убедительности) [3, С. 76–77].

По-прежнему актуальным в подготовке юриста является организация обучения специальной терминологии как языка юридической науки, техники, документации, что неоднократно отмечалось в научных исследованиях, посвященных юридическому языку: «Текст закона должен быть понятен

рядовым носителям языка, т. к. правильное толкование правовых норм – необходимое условие ... соблюдения законности» [4, С. 185]; с увеличением нормативного лексикона в современном законотворчестве значительно увеличилась важность языкового оформления юридических актов [5, С. 547]; «подготовка студентов...предполагает наряду с профессиональными знаниями и умениями формирование лингвистической компетенции» [3, С. 73].

Постановка задачи. Целью нашей работы является обзор проблем, связанных с усвоением специальной терминологии, и выработка предложений к усовершенствованию усвоения юридической терминосистемы, а также анализ возможностей совершенствования образовательной деятельности в вузе.

Методика и методология исследования. В работе использовался общенаучный диалектический метод познания, научные методы наблюдения, описания и объяснения.

Результаты. Современная система образования включает систему освоения терминологии в большем или меньшем наборе составляющих. Как правило, в учебный план студента вуза входит система курсов, предназначенных для освоения специальной терминологии, которая является базой изучения профильных курсов. С большей или меньшей полной эта система представлена в учебных планах по направлению «Юриспруденция».

Во-первых, это общеобразовательный предмет «Русский язык и культура речи» и/или частично эквивалентные ему курсы «Культура речи юриста», «Риторика», «Судебное красноречие», «Документальная лингвистика» и под. В курсе культуры речи, кроме освоения и закрепления норм литературного языка, требований делового стиля, знакомства с основами публичного выступления, студенты получают представление о терминологии, терминосистеме, требованиях к термину, осваивают навыки владения существующим справочным аппаратом: нормативными и терминологическими словарями, справочниками, сайтами и порталами, платформами, содержащими необходимую лингвистическую информацию.

Во-вторых, это курс латинского языка. В ходе изучения латыни студенты знакомятся с происхождением корпуса специальных терминов, заимствованных из латинского языка и из греческого посредством латыни, а также с набором латинских и греческих терминоэлементов, позволяющих облегчить процесс усвоения массива номинаций национального языка, созданных на базе указанных терминоэлементов. Дисциплина «Латинский язык» является неотъемлемой частью международного стандарта юридического образования. Знакомство с античными документальными источниками позволяет будущим правоведам не только глубже усваивать курс римского права, но и формирует правовое сознание, логическое мышление, расширяет кругозор, дает возможность осознанно изучать

иностранные языки, связывая иноязычную лексику с латинской основой слова [7, С. 280–283].

В-третьих, это дисциплина «Иностранный язык специальности», в процессе изучения которой студенты знакомятся с зарубежной системой подготовки правоведов, с иноязычной терминологией частных областей права: контрактным, деликтным, уголовным, корпоративным, коммерческим правом и др.

В-четвертых, это ряд специальных курсов, где терминология осваивается параллельно с изучением специальных отраслей права – уголовного, административного, международного и проч.

Несмотря на теоретически неплохо разработанную систему обучения терминологии, в педагогическом сообществе сохраняется ощущение неблагополучия в этой области: «её (юридическую терминологию) как таковую, в общем курсе юриспруденции, к сожалению, практически нигде предметно не изучают, а изучают лишь "по остаточному признаку"– в качестве небольшой обзорной темы того или иного, причем далеко не каждого, учебного курса, базирующегося на соответствующей отрасли законодательства» [6, С. 213], «во многих учебниках по терминологии авторы путают термины и понятия, допускают приоритет философских учений над нормативно-правовыми актами» [8, С. 177].

Очевиден недостаток взаимодействия юристов и лингвистов. Вопрос о необходимости интегративной дисциплины активно обсуждался в начале XXI столетия (обзор литературы см. [9, С. 5]), результатом обсуждения стало появление в отдельных вузах таких дисциплин, как «Юридическая техника», «Юридическая терминология», «Латинская юридическая терминология», «Юридическая терминология в латинском языке», Юридическая лексика», «Унифицированная правовая терминология», «Терминология государственного и муниципального управления», «Терминология общественных наук», «Лингвоюристика», «Юрислингвистика», а юрислингвистика стала полноправным направлением обучения [1; 8 ; 10; 11].

Проблемы обучения правовой терминологии связаны не только с выработкой системы обучения терминам, которая в идеале должна начинаться со школьной скамьи, но и с методикой обучения отдельным предметам [7; 12 и др.], и с положением, которое складывается в обществе в сфере научных исследований терминологии, в области юридической техники и применения терминов, понимания текстов нормативно-правовых актов гражданами, не имеющими юридического образования.

Пик отечественных исследований по терминоведению пришелся на 70–80 годы XX в. В это время были сформулированы основные дефиниции, разработаны требования к идеальному термину, изучены свойства многих терминологических систем языков разного типа [10, С. 93]. Основы терминологической науки получили отражение и в терминологии юридической, довольно полный обзор научных исследований в этой области

и анализ различных подходов к изучению юридических терминов даны в работах М.Е. Воробьевой [4], Н.Д. Голева [9] и др.

Однако и в научной, и в педагогической среде интерес к специальной терминологии не ослабевает. В результате анализа литературы выявлены неточность формулировок в законодательных документах, наличие «в юридической терминологии ... большого количества оценочных категорий, полисемичных терминов, логической незавершенности правовых предписаний, заимствования иностранной юридической терминологии» (а зачастую и ее простое "калькирование"), а в понятийно-терминологической системе российского законодательства – особый юридический жаргон [6, С. 215]). Подобные нарушения влекут за собой многочисленные толкования, дополнения, запросы, разъяснения, служат питательной почвой для искажения закона и неуместности его применения.

Известно, что термином принято называть слово или сочетание слов, которое служит для точного обозначения понятия предмета или явления действительности с однозначным лексическим значением [13]. Юридический термин определен как «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [14, С. 785]. В качестве юридических терминов рассматриваются как отдельные слова, так и терминоэлементы, а также устойчивые сочетания слов [10; 15 и др.]. Установлены характеристики юридического термина: системность, краткость, однозначность в пределах одного документа, ясность для предполагаемого адресата, точность формулировки, независимость от контекста, общераспространенность и общепризнанность, устойчивость (сохранение значения во вновь принимаемых актах), принадлежность официально-деловому стилю русского языка, отсутствие эмоциональной окрашенности и синонимов [2, С. 62; 5, С. 550; 6, С. 214; 13].

Несовершенство юридической техники, как установлено, находится в прямой связи с нарушением вышеуказанных требований к термину, с несоответствием употребляемого слова той или иной характеристике термина.

Таким характеристикам термина, как единство, принадлежность официально-деловому стилю, однозначность, независимость от контекста, противоречит употребление слов *уголовник*, *преступник*, *заключённый*, которые «скорее можно отнести к терминам юридического разговорного языка» (термин В.Ю. Туранина) [цит. по 2, С. 65], а не к терминам юридической науки и практики.

Неоднозначное использование термина – еще один недостаток современной юридической техники. Примером может служить различный объем понятия *законодательство*. В современной науке и практике используется «широкий» и «узкий» подходы к его толкованию,

соответственно «совокупность законов и подзаконных актов» и «совокупность законов» [16, С. 16].

Фактическую синонимию слов «обвиняемый» и «подозреваемый» отмечает А.П. Кругликов [17]. К публицистическим жаргонизмам относит употребление таких устойчивых выражений, как *правовое поле*, *правовая жизнь*, *юридическая инженерия* А.Б. Лисюткин [18, С. 32].

В отдельных случаях наблюдается расширение семантики широко распространенного литературного слова, например, такие словесные единицы, как *преступление, контрабанда.* Вовлечение в терминологическую систему широко распространенной лексики – один из способов пополнения терминологического корпуса, однако вместе с изменением языкового статуса получает строгие семантические границы и само слово, следовательно, в юридическом тексте слово не может употребляться как общелитературное, без учета строгой семантики.

Нетождественность терминов отмечается и в связи с проникновением в сферу юриспруденции специальной лексики естественных и точных наук. Например, в последнее время активно проникает в юридическую сферу терминология цифровых технологий. «...объем понятий... с точки зрения права и с точки зрения информатики может существенно отличаться друг от друга, что «размывает» ...юридический смысл понятий» [19, С. 135]. Например, в ФЗ № 259 (п.2 ст.1) употреблен термин *цифровые финансовые активы* с определением «цифровые права». Термин же *цифровые права* в Гражданском кодексе РФ (ст.141.1) под влиянием понятия из области информатики получил дефиницию «обязательственные и иные права в пределах информационных систем», т.е. цифровые права могут иметь и нефинансовый характер [19, С. 135].

Строгое употребление термина, выверенное в тексте закона, может нарушаться в региональных и муниципальных подзаконных документах. Так, в ФЗ № 273 было закреплено терминологическое обозначение обучающихся на разных уровнях: на уровне дошкольного образования это *воспитанники*, на уровне школьного – *учащиеся*, на уровне профессионального – *студенты*. Последующий анализ уставов образовательных организаций показал, что редактирование текстов в большей части организаций не произошло: в уставах, как и ранее, употребляются слова *дети*, *дети дошкольного возраста*, *обучающиеся*, что приводит к неопределенности правового статуса субъектов образовательных отношений [20, С. 359].

К затруднениям в применении закона приводит и отсутствие точной дефиниции, например, использование термина *опьянение*: не ясно, с употреблением каких средств – алкогольных напитков или наркотиков – связано состояние опьянения [21, С. 212].

Одной из самых актуальных проблем в юридической практике остается проблема понятности, ясности текста закона, связанная со значительным количеством терминологических заимствований [11; 12; 22 и

др.]. Заимствование и образование термина на основе заимствованных терминоэлементов – традиционные способы терминообразования: *юрисдикция*, *прецедент*, *доктрина*, *амнистия*, *вердикт*, *экстрадиция*, *квазиконтракт*. Однако в последние десятилетия появляется множество терминов, неизвестных не только неспециалистам, но и гражданам с юридическим образованием: *факторинг*, *коносамент*, *франчайзинг*, *кондоминиум* и др. [22, С. 169]. В юридические тексты попадает иноязычная лексика даже в тех случаях, когда она может быть заменена соответствующим русским синонимом, например, *лизинг – финансовая аренда* [12, С. 624].

При заимствовании не всегда учитывается тот факт, что любая национальная терминологическая система своеобразна как в лингвистическом плане, например, английской системе свойственна полисемантичность, и особую сложность перевода вызывают устойчивые сочетания [23, С. 44]; так и в плане содержательно-мировоззренческом: прямые заимствования из западноевропейских языков не всегда соответствуют традициям отечественного законодательства и судопроизводства [23, С. 43].

В целом, по мнению специалистов, желательно было бы не перегружать юридические тексты иноязычной терминологией как в целом, так и в отдельных сферах права: гражданских, финансовых, налоговых отношений, заимствованная лексика в большей степени уместна в области международного права, туризма [22, С.169–170]. А в связи со значительным объемом заимствований все чаще говорят о необходимости единой концепции юридической терминосистемы [16, С. 4; 18, С. 34; 19, С. 113].

Ряд авторов отмечает в последние годы такую черту терминологической системы, как ее детализация, разрастание [5, С. 550], в частности, эта черта упоминается в работах, посвященных исследованиям отраслевых и частноотраслевых систем в отечественном и зарубежном языкознании, развитию этих систем, системным, лингвистическим и экстралингвистическим характеристикам, функционированию отдельных терминологических единиц. При этом изучение терминологического корпуса каждой отрасли не только дает ответ на ряд вопросов, но и порождает другие. Каждая вновь исследованная терминосистема демонстрирует отличия от терминологических систем, уже изученных [10, С. 92–96; 24, С.6].

Традиционно в терминологических исследованиях отмечается интернациональность термина и национально-культурная специфика широко распространенной литературной лексики. В работах же последних лет отмечается национально-культурная специфика термина, «гендерная обусловленность терминосистемы и гендерная маркированноть терминов» – свойство именно юридической терминологии по сравнению с терминологией естественных наук [10, С. 96–97]; культурно маркированными являются даже региональные варианты юридических терминов одного и того же языка, как

убедительно показано на материале английского языка Е.С. Максименко [25].

Причинами указанного положения в терминологической сфере юриспруденции является, во-первых, бо̲льшая по сравнению с иными науками степень зависимости от общественно-политических преобразований [9, С. 9; 10, С. 97–98; 20, С. 358]. Так, влияние глобальных мировых процессов на национальные правовые системы определило тенденцию к развитию универсального юридического языка, что привело к взаимодействию представителей разных стран в области законодательных инициатив, к множественным заимствованиям в национальную терминологическую систему, а также к трансформации национальной терминосистемы под влиянием иноязычных [18, С. 33].

Любые изменения в обществе влекут за собой кодификацию общественных отношений. Нестабильность российского законодательства, с которой мы сталкиваемся в настоящее время (а по данным И.В. Тимошенко, «отдельные законодательные акты федерального уровня за период своего существования претерпели более 30, а то и 40 редакций» [16, С. 214]) приводит к нестабильности терминологический системы, т.к. законодательные реформы в свою очередь требуют изменения понятийной базы: появления неологизмов, отражающих новый виток развития в отдельных сферах социальной жизни, выхода из обращения устаревших слов или трансформации их значений. Поэтому причиной терминологической неточности, во-вторых, можно назвать сложность процесса образования/закрепления термина в языке, а также формирование традиции терминообразования, которая имеет свои доминирующие факторы и тенденции на разных этапах бытования системы юридической терминологии.

Так, исторически изменилось значение слова *спекуляция*: во времена СССР оно означало форму нетрудовых доходов, которые подлежат уголовному преследованию. В постсоветский период деятельность, которая ранее квалифицировалась как спекуляция, является предпринимательской деятельностью в условиях свободного рынка и регулируется соответствующими законами.

Появление значительного корпуса неологизмов связано с изменением привычных способов коммуникации: их заменой на общение в цифровом пространстве. В связи с тотальной цифровизацией общества возникает необходимость совершенствовать существующие правовые нормы и вводить новые дефиниции в юридический словарь. Так, в ФЗ № 149 от 27.07.2006 г. были зафиксированы термины *информация*, *информационные технологии*, *электронное сообщение*, *электронный документ*, *сайт в сети* “*Интернет*“ и нек. др. [19, 134]. Так, в ФЗ № 34 от 18.03.2019 г. при внесении изменений в Гражданский кодекс РФ появилось понятие *цифровое право*. Так, в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта», утвержденной Указом Президента №490 от 10.10.2019, закреплен термин

искусственный интеллект. Так, правового осмысления потребовало понятие *криптовалюта*, и до 2020 г., когда была определена дефиниция термина и урегулированы отношения, связанные с этим понятием, существовала возможность криминального использования цифровой валюты в системе Интернет [19, С. 134].

Распространение цифровых технологий актуализировало проблему создания эффективной системы международно-правового регулирования, соответственно и международного юридического языка, как минимум, перевода иноязычных терминов и поиска эквивалентной иноязычной лексики в связи с составлением запросов на поисковые операции и др. Бурное развитие технологий, связанных с искусственным интеллектом, привело к дискуссиям о его юридическом статусе (субъект или объект юридических отношений?), о способах достижения баланса интересов сторон, связанных с использованием ИИ, что непосредственно должно получить отражение в понятийном аппарате этой сферы правоотношений [26, С. 69].

Выводы. В связи с большим количеством заимствований в системе обучения необходимо акцентировать внимание не только на повышении общего уровня языковой подготовки, расширении словарного запаса, в т.ч. лексики с латинскими и греческими терминоэлементами, но и на работе со справочным и словарным аппаратом: на знакомстве с печатными и электронными изданиями, специализированными ресурсами сети Интернет и на навыках их использования, на критической оценке содержательного наполнения вновь появляющихся платформ и сайтов.

При изучении иностранного языка специальности должное внимание необходимо уделять региональным различиям дефиниций в иностранном языке, в частности значениям тех терминов, которые были восприняты терминосистемой русского языка: анализировать определения заимствованных слов (изменение или сохранение значения), область заимствования, национально-культурную специфику правового сознания, отраженную языковой единицей, как на уровне семного состава отдельного ЛСВ, так и на уровне лексемы (безэквивалентные и разноэквивалентные термины).

В рамках специальных дисциплин необходимо уделять особое внимание дефинициям терминов, возникших вследствие транстерминологизации – перехода термина из одной частной отраслевой системы в другую, сохранению специализированного значения транстермином (межотраслевой термин) или его изменению.

С целью повышения качества обучения представляется целесообразным решение о включении в учебный план на старших курсах специального предмета «Юридическая терминология» или спецкурса «Проблемы/лингвистические проблемы юридической терминологии». Перспективы работы автор видит в применении выявленных групп ошибок и

недочетов современной терминологической системы для анализа и коррекции существующих и формирования новых вузовских программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туранин В.Ю. О формировании нового междисциплинарного учебного курса «Юридическая терминология» // Государственно-правовые исследования. 2020. №3. С.119–122.
2. Кузнецова И., Скорев Е. Соотношение юридического и лингвистического аспектов изучения терминов «обвиняемый», «подсудимый», «осуждённый», «оправданный» и их слов-обозначений // Юрислингвистика. 2024. № 33(44). С.61–67.
3. Пронягина В.И. Проблемы формирования лингвистической компетенции студентов-юристов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2013. №1. С.73-78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-lingvisticheskoy-kompetentsii-studentov-yuristov/viewer.
4. Воробьева М.Е. Юридическая терминология: системоцентрический и антропологический подходы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №2-1(54). С.183–186.
5. Казарян А.А. Юридическая терминология законодательства: современное состояние // Скиф.Вопросы студенческой науки. 2023. №6(82). С.547–551.
6. Тимошенко И.В. Юридическая терминология как учебная дисциплина инновационного типа: постановка проблемы // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. №3(92). С.212–216.
7. Нелюбина Е.А. Особенности изучения латинского языка в юридическом вузе // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2019. Т.15. С.279–285.
8. Алексеев В.М. Образовательные программы «Унифицированная правовая терминология», «Терминология ГМУ» и «Терминология общественных наук» // E-Scio. 2020. № 12(51). С.177–182.
9. Голев Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика. Барнаул, 2007. № 8. С.7–13.
10. Хижняк С.П. Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. №1(5). С.92–99.
11. Голев Н.Д., Лоншакова К.А. Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах российской Федерации): аспектуализированный обзор // Юрислингвистика. 2023. № 29(40). С.86–97.
12. Варанда А.П.К. Юридические термины в методике преподавания // Педагогический журнал. 2023. Т.13. №4-1. С.622–627.
13. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Термин // Словарь-справочник лингвистических терминов. –2-е изд. М.: Просвещение, 1976. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1682/термин (дата обращения: 10.12.2025).
14. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2009. 790 с.
15. Тимофеева Н.П. Основы семантической трансформации устойчивых сочетаний при изменении сферы их употребления (на материале юридической и компьютерной терминологии русского и английского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 1997. 18 с.
16. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Белгород, 2017. 45 с.

17. Кругликов А.П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С.106–112.
18. Лисюткин А.Б. Эволюция юридической терминологии в условиях глобализации // Правовая культура. 2011. № 2(11). С.32–36.
19. Головкин Р.Б., Петрова И.Л. Юридическая терминология в условиях цифровизации правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. 2022. №1(62). С.133–135.
20. Борисова Н.Р., Гарифянов Е.И. К вопросу о правовом статусе обучающихся // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т.5. № 4(17). С.358–362.
21. Кадырова Г.Э. Принципы классификации юридической терминологии // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2017. № 12. С.212–214.
22. Боровик Н.В. Проблемы правового языка российских законов и современной юридической терминологии // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 3(26). С.168–172.
23. Абдульманов А.А., Бисекешева А.Е. Методические приемы обучения юридической терминологии // Вестник Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета. 2018. № 4. С.43–46.
24. Рыженкова Т.В. Специфика процесса транстерминологиации в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 22 с.
25. Максименко Е.С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем (на материале английской и американской юридической терминологии) : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 2001. 22 с.
26. Егоров Г.Г., Севостьянов М.В., Шубенкова К.В. Нормативно-правовое интерпретирование систем на основе «искусственного интеллекта» и нейронных систем (международные аспекты) // Правовая парадигма. 2025. Т.24. № 1. С.61–71.

УДК 811.161.1:659.1

ЯЗЫКОВАЯ ПРОВОКАЦИЯ В DIGITAL-РЕКЛАМЕ РОССИЙСКИХ БРЕНДОВ

А.Н. Щербакова, Э.Ю. Царева, Е.А. Селиванова, А.А. Гарифуллина, студенты
Научный руководитель – Н.В. Анисина, канд. пед. наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье анализируются лингвистические особенности языковой провокации в digital-рекламе российских брендов. Кратко характеризуются основные речевые приёмы и способы их реализации, влияющие на восприятие и интерпретацию рекламного сообщения.

Ключевые слова: языковая провокация, российские бренды, рекламные сообщения, digital-реклама, лингвистические приёмы.

Введение. Современное digital-пространство характеризуется высокой степенью информационной перегруженности: пользователи социальных

сетей и интернет-площадок ежедневно сталкиваются с сотнями рекламных сообщений. В этих условиях нейтральные по форме слоганы легко теряются в общем потоке, поэтому рекламодатели всё чаще прибегают к приёмам языковой провокации, рассчитанным на моментальное привлечение внимания и эмоциональную реакцию адресата. Хотя классическая норма требует, чтобы язык рекламы оставался литературно корректным и выполнял прежде всего информационно-убеждающие функции [7], на практике рекламисты нередко сознательно нарушают установленные языковые правила ради эффектного позиционирования товара.

Языковая провокация в данной работе определяется как использование в рекламном тексте таких средств, как игра слов, трансформация устойчивых и прецедентных выражений, намеренные отклонения от языковой нормы, элементы разговорной и сниженной лексики, нарочито искажённый («ломаный») язык и т. п. Объединяет эти приёмы то, что они нарушают привычные ожидания аудитории и тем самым выделяют сообщение среди однотипного digital-контента. Использование подобных экспрессивных приёмов в рекламе сегодня привлекает внимание исследователей [1–3;4], однако системного описания именно как единой стратегии провокации в рекламе пока не представлено.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что digital-реклама становится одной из значимых сфер функционирования современного русского языка, прежде всего в молодёжной среде. Рекламные тексты в социальных сетях и на баннерах не только эксплуатируют существующие речевые модели, но и сами формируют образцы для подражания в повседневной речи пользователей. При этом сознательное отступление от языковой нормы в рекламном дискурсе требует более детального описания (с учётом работ предшественников), что и составляет проблему данного исследования.

Постановка задачи. Цель исследования: описать основные типы языковой провокации в digital-рекламе российских брендов и выявить лингвистические механизмы, лежащие в их основе.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: 1) собрать примеры современных рекламных сообщений с элементами языковой провокации; 2) классифицировать примеры по типам используемых приёмов; 3) дать лингвистическое описание основных групп приёмов; 4) определить функции языковой провокации в digital-рекламе.

Методика и методология исследования. Материалом исследования послужили современные рекламные сообщения российских брендов в формате digital-рекламы (преимущественно 2025 года). В корпус вошли баннеры и посты из социальных сетей, рекламные e-mail-рассылки, а также отдельные примеры наружной рекламы, дублируемой в интернете. Всего было проанализировано 48 кратких рекламных сообщений (слоганов и текстов небольшой протяжённости), отобранных целенаправленно: в анализ

включались только те примеры, в которых присутствуют элементы языковой провокации: нестандартные речевые конструкции, игра слов, трансформация устойчивых и мемных выражений, намеренные отклонения от языковой нормы, разговорная или сниженная лексика и др.

Основным методом исследования стал контент-анализ рекламных сообщений. Сначала рекламные высказывания были выделены из визуального ряда и приведены к текстовой форме; далее примеры классифицировались по доминирующему типу языковой провокации. В результате выделены следующие группы: 1) трансформация устойчивых и прецедентных выражений; 2) каламбур и фонетико-семантическая игра; 3) намеренное нарушение или имитация нарушения нормы и разговорная стилистика; 4). Диалогизация сообщения и мемные отсылки.

Результаты. Трансформация устойчивых и прецедентных выражений.

Трансформация устойчивых и прецедентных выражений. Подразумеваются случаи, когда рекламный текст опирается на уже существующую, легко распознаваемую языковую формулу (пословицу, фразеологизм, цитату или иной прецедентный текст) и модифицирует её под собственные задачи. [1–3] Модификация проявляется в замене ключевого слова, перестройке структуры, переосмыслении смысловых компонентов, добавлении неожиданного элемента. Благодаря сохранению узнаваемой основы и её обновлению возникает эффект провокации: знакомая фраза начинает «служить» рекламным целям. В слогане компании «HeadHunter» (hh.ru), размещённом в кампании по поиску сотрудников, трансформируется популярный в последние годы термин «эмоциональное выгорание». В высказывании: «*Лучше светить, чем выгорать*» обыгрывается как буквальное, так и переносное значение глагола «выгорать». Этот глагол обычно употребляется в абстрактном смысле «испытывать профессиональное или эмоциональное истощение», однако в составе рекламного слогана задействовано и его прямое значение «сгорать, терять яркость». Одновременно глагол «светить» подвергается семантическому переосмыслению: помимо буквального значения излучать свет», он приобретает метафорическое: «быть заметным, проявлять себя». В итоге наблюдается двойная игра значений, основанная на сближении буквального и переносного смысла обеих лексем. Таким образом, в первой группе провокация строится на столкновении «знакомой» языковой модели и нового рекламного содержания; адресату предлагается достроить смысл, соотнеся слоган с исходной пословицей или мемом. Заметим, что приём трансформации крылатых фраз широко распространён и рассматривается в ряде исследований [1. С. 202–210; 4. С. 21–30].

1. Каламбур и фонетико-семантическая игра

Это приёмы, основанные на совпадении или созвучии звучания разных слов, на двусмысленности, внутренней рифме, неожиданном сочетании схожих по звучанию или смыслу единиц. В

рекламе сети ресторанов «Burger King» используется слоган: *«ВОППЕРВЫХ, это вкусно».* Здесь вводное слово «во-первых» намеренно искажается под влиянием названия продукта (Воппер). Нарушение орфографической нормы осознанно и служит созданию каламбура: потребитель одновременно считывает стандартное «во-первых» и название бургера. Это повышает запоминаемость фразы и выделяет слоган среди нейтральных сообщений. В рекламе сервиса доставки продуктов «Самокат» встречается ритмизованная фраза: *«Надо-надо авокадо».* Слоган опирается сразу на несколько механизмов: во-первых, реализована звукопись – повтор начального слога на- («надо-надо», «авокадо»), что создаёт эффект аллитерации; во-вторых, возникает внутренняя рифма (надо – авокадо), характерная для детских считалок или песен; в-третьих, используется редупликация («надо-надо»), т.е. намеренное дублирование слова, придающее фразе разговорно-игровой оттенок. Ещё пример: в рекламе сети ресторанов «Rostic’s» слоган *«Настроение есть!»* опирается на омонимию слова «есть» («существовать» и «принимать пищу»). Одновременно констатируется наличие хорошего настроения («настроение есть» в значении «имеется») и ненавязчиво намекается: «есть настроение поесть» в Rostic’s. Такая двусмысленность создаёт мягкий комический эффект, не нарушая при этом языковой нормы. Фонетико-семантические игры в слоганах («Burger King», «Самокат», «Rostic’s» и др.) выполняют прежде всего функцию привлечения внимания: неожиданная созвучность и двойной смысл заставляют адресата споткнуться на тексте и вдуматься в него до конца.

2. Намеренное нарушение нормы и разговорная стилистика.

В третью группу отнесены примеры, в которых рекламный текст сознательно использует отклонения от общепринятых норм современногорусского литературного языка: орфографических, морфологических, синтаксических, пунктуационных или графических, а также элементы сниженной, разговорной или просторечной речи.

Так, в рекламе Ассоциаций колледжей Москвы используется слоган: *«А ничё тот факт, что пора уже выбрать колледж?»*. Здесь разговорное «*ничё*» (вместо «ничего») и нестандартная конструкция *«ничё тот факт, что…»* придают высказыванию оттенок неформальности, стилизуют его под просторечие. Общая нарочитая «ломаность» фразы создаёт впечатление полушутливого замечания, которое могло бы прозвучать в речи подростка. В данном случае нарушение языковой нормы и пренебрежение строгим синтаксисом является не ошибкой, а частью рекламной стратегии: важно говорить с целевой аудиторией её языком.

Другой пример – e-mail-рассылка сервиса «Aviasales»: в теме письма и заголовках внутри используются эмоционально-разговорные реплики, записанные ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ с избыточными знаками препинания: *«Без обид, ок?!», «Ну уж определитесь!!»,*

«?Ё???Ё???Ё????», «ЕМАЁ, ПОМОГИТЕ ЖЕ!!!!!!!!». Такое оформление имитирует стиль живого переписки в мессенджере, усиливает эффект непринуждённого личного общения и резко контрастирует с традиционным «деловым» языком сервисных рассылок.

Подобные смелые языковые приёмы позволяют брендам сблизиться с молодёжной аудиторией по стилю общения. Как отмечает Г.П. Нещименко, вторжение разговорных элементов в медийный дискурс ведёт к снижению пафоса и одновременно повышению экспрессивности высказывания [8. С. 98–132]. Эти примеры это подтверждают: легкая нарочитая неграмотность делает слоган более душевным, «своим», а значит, запоминающимся.

Диалогизация сообщения и мемные отсылки.

Данный тип провокации включает рекламные высказывания, которые имитируют структуру или интонацию живого диалога, либо опираются на культурно-закреплённые сценарии коммуникации, хорошо знакомые аудитории. Диалогизация выражается через использование обращений, реплик с бытовой интонацией, вопросно-ответных конструкций, формул разговорной этикетной речи. Пример: сервис по продаже билетов «Кассир.ру» в рекламе использовал слоган: *«Женя, давай не устраивать концерты, а ходить на них!».* Высказывание оформлено как реплика, обращённая к конкретному лицу по имени, и одновременно обыгрывает разговорное выражение «устраивать концерты» («капризничать, скандалить»). Тем самым рекламный слоган звучит как дружеский совет, встроенный в привычный формат общения, бренд говорит с потребителем на одном языке. Другой пример – реклама сервиса доставки продуктов «Яндекс Лавка»: изображение капкана и кружки кофе сопровождается минимальным текстом: *«Коллеги, опоздаю».* Фраза стилизована под сообщение в рабочем чате и отсылает к распространённому офисному «мему»: мол, задержался по дороге за кофе и попался в «ловушку». Такая стратегия сближает потребителя с брендом и одновременно гарантирует внимание: прием диалогизации в рекламе известен как один из эффективных способов интенсификации отклика аудитории [6. С. 146–155].

Выводы. Проведённый анализ показал, что языковая провокация стала заметной тенденцией современной цифровой рекламы. Нарушение привычных языковых норм посредством окказиональных новаций, каламбуров, шокирующих или ироничных слоганов позволяет брендам выделяться на фоне конкурентов и устанавливать более эмоциональный контакт с аудиторией. Научная новизна работы состоит в том, что впервые предложена целостная классификация типов языковой провокации и описаны их функции в цифровой рекламной коммуникации. Поставленные цель и задачи достигнуты: рассмотренные рекламные кампании наглядно демонстрируют, как и зачем бренды прибегают к креативному нарушению языковых норм. Ключевой вывод состоит в том, что продуманное использование провокации способно повышать результативность рекламной

коммуникации: нестандартные лозунги и языковая игра делают сообщения более узнаваемыми и запоминающимися по сравнению с типовыми формулами.

Вместе с тем выяснилось, что эффект применения подобных смелых приёмов носит амбивалентный характер и сопряжён с коммуникативными рисками. Одна часть аудитории реагирует заинтересованно и вовлечённо, другая же может испытать непонимание или отторжение из-за несоответствия высказываний своим ожиданиям и ценностям. Иными словами, языковая провокация обогащает арсенал маркетинговых средств за счёт креативности и ломки шаблонов, но требует тонкого учёта норм и узуса целевой аудитории, чтобы не подорвать доверие к бренду. Теоретическая значимость исследования в том, что оно уточняет место языковой провокации в системе выразительных средств современного русского языка и описывает её основные типы на материале digital – рекламы. Полученные результаты дополняют существующие представления о функционировании разговорных, сниженных и окказиональных единиц в медиадискурсе.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальный анализ каждого типа провокации в разных жанрах и форматах цифровой коммуникации. В частности, представляет интерес выяснить, как подобные приёмы соотносятся с эволюцией языковой нормы и современным узусом, а также как меняются стилистические ожидания аудитории в условиях интернет-дискурса. Перспективным является и вопрос о границах допустимого отклонения от нормы – при каких условиях языковая провокация сохраняет свою выразительность, не нарушая понимания и не вызывая негативной реакции. Эти аспекты выходят за рамки данной работы и ожидают отдельного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соболева, Н.П. Фразеология и прецедентные тексты в рекламе: контекстуальное использование нетрансформированных устойчивых выражений // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Вып. 2, т. 1. – С. 202–210.
2. Петухова, М.Е., Симулина, И.А. Трансформация прецедентных текстов как феномен современной русской речевой культуры при обучении иноязычных коммуникантов // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. – С. 212–217.
3. Хабекирова, З.С., Асланова, М.А. Функциональная специфика прецедентных феноменов в СМИ // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2015. – № 2. – С. 128–132.
4. Трушина, М.Д. Трансформация устойчивых выражений в рекламе // Вестник науки. – 2021. – № 7 (40), ч. 2. – С. 21–30.
5. Илюшкина, М.Ю., Тарасова, Ю.В. Языковая игра как инструмент продвижения продуктовых брендов в английском языке // Studia Humanitatis. – 2022. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-kak-instrument-prodvizheniya-produktovyh-brendov-v-angliyskom-yazyke.
6. Пром, Н.А. Диалогизация дискурса и жанра в медиа // Жанры речи. – 2022.

– Т. 17. – № 2 (34). – С. 146–155.
7. Розенталь, Д.Э., Кохтев, Н. Н. Язык рекламных текстов: учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». – М: Высшая школа, 1981. – 127 с.
8. Нещименко, Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 930.1

ВЛИЯНИЕ ТРЕХМЕРНОСТИ РАБОЧЕГО ПРОСТРАНСТВА ИСТОРИКА НА КАЧЕСТВО И ОБЪЕКТИВНОСТЬ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Г.В. Алексушин, д-р ист. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Исследовано историческое трёхмерное пространство, показаны способы применения вычлененных 3-х измерений в анализе разных исторических процессов, а также во вспомогательных исторических и смежных с историей дисциплинах.

Ключевые слова: история, историк, исторический процесс, трёхмерное историческое пространство, анализ.

Введение. В своей теории британский историк Арнольд Джозеф Тойнби [9] рабочим полем изучающего историю учёного предложил отличное от реального двухмерное «intelligable space» (умопостигаемое пространство).

Постановка задачи. Предложенная модель представляется нединамичной (статичной), нуждается в модернизации. Также ощущается потребность в практическом применении модернизированной модели для анализа конкретных исторических ситуаций и процессов.

Методика и методология исследования. Подсознательное понимание 3-хмерности исторического пространства нередко забывается историком во время работы, искажая её результаты. Необходимо помнить о 3-м измерении, чтобы историчность исследования была постоянно.

Результаты Автор исследования дополнил [2] модель Тойнби 3-м (историческим или темпоральным) измерением, преобразовав нединамичную социологическую модель в рабочую историческую:

1. конкретизация (терминология или типология) – идеальные типы исторических процессов [1, С. 8] (чёткое определение «что» позволяет изучать процессы и явления (война, реформа, ментальность, экономический цикл) методологически грамотно, например, изучать «битву» (военная история) и «память о битве» (история памяти) – разные «что», требующие разных источников и подходов);
2. пространство (историческая география) – объём исторических процессов (не просто фон, определяет экологические, коммуникационные, геополитические условия; качественный анализ воссоздает «логику места»:

почему город вырос именно здесь, как река влияла на торговлю, как горы формировали изолированные сообщества);

3. время (хронология) – длительность исторических процессов (ядро исторического метода, включает датировку, установление синхронности/асинхронности событий, понимание длительности (например, по Ф. Броделю) и темпа изменений; правильность в членении и чувствительности к разным историческим временам (циклическое, линейное, мессианское)).

В итоге получается, что под историческим пространством понимают совокупность экономических, природно-географических, общественно-культурных и политических процессов, которые протекают на определённой территории. Концепция затрагивает эпистемологические основы исторической науки, не просто географическо-хронологический контекст, а фундаментальная система координат, её осознанное или неосознанное применение напрямую влияет на качество и объективность исследования.

Приведём несколько примеров возможного применения идеи 3-хмерного исторического пространства:

- в социологии: позволило автору исследования дополнить горизонтальную и вертикальную мобильности 3-й (исторической) мобильностью (динамика статуса самих страт) в теории стратификации П.А. Сорокина [8];
- в культурологии: в теории культурного кода, созданной автором данного исследования [3; 4], в которой культурный код состоит из сниппетов (взятых из теории информационного кода как мельчайший его элемент), эти сниппеты выбраны автором с учётом трёхмерности – есть сниппеты географические и экономические (пространство), исторические (время) и тематические (термины) – этнические, конфессиональные, персональные, городские пространства и т.п.;
- в футурологии основой прогнозирования является именно историческое измерение, которое даёт представление о будущем на основе анализа прошедших процессов;
- во вспомогательных исторических дисциплинах можно выделить историческое направление и группу дисциплин, применимых в этом направлении – например, хронология;
- казуальность (причинно-следственные связи) находятся в рамках исторического измерения;
- среди теорий восприятия системы закономерностей исторического пространства в рамках исторического направления также сформированы целые методические подходы – например, цикличность, или в теории цивилизаций немаловажное значение имеет длительность существования цивилизаций, да и все линеарные теории восприятия исторических формирований также завязаны на историческом измерении;

- построена на историческом измерении теория «осевого времени» Карла Ясперса, успешно объясняющая стадии развития человечества, а также теории А. Августина, Ф. Энгельса, Г.В.Ф. Гегеля, как, собственно, и теории общественно-экономических формаций и обществ;
- в самой истории – возникает модель грамотного формулирования любого исторического процесса: время, пространство и само событие (термин, его объясняющий) в любой привычной последовательности, приведём ряд примеров применения этой модели на практике:

1. **первая** или **вторая** (время) **мировая** (пространство) **война** (термин);
2. **российско-турецкая** (пространство) **война** (термин) **1877-1878 гг.** (время);
3. земская **реформа** (термин) **1890 г.** (время) **в России** (пространство);
4. **правление** (термин) императора **Александра I** (время) **в России** (пространство);

- также в истории существует на данный момент хаотичная система внутреннего членения исторических процессов на периоды, стадии, фазы и этапы, между которыми подавляющее большинство историков не видят никакой разницы. Однако, применяя трёхмерность исторического процесса, можно чётко систематизировать эти термины [5], значительно усилив инструментарий историка:

1. Период (греч. periodos «обход», «окружность») – замкнутая, кольцевая дорога на стадионе для олимпийских игр. Лишь с завершением одного периода начинается следующий. Периодизация (членение перфект-процесса на периоды) учитывает только одно измерение перфект-процесса: время (Когда?).

2. Стадия (синоним фазы) – единица длины в Древней Греции, сейчас – элемент развития чего-либо, имеет специфические особенности. Стадиализация (членение перфект-процесса на стадии (фазы)) используют 2 измерения Что? и Когда?, формируют их зависимость друг от друга. Так, элементы жизни человека или общества: генезис, развитие, зрелость, старость и смерть – именно стадии (фазы): ни одну из них не переставить местами, каждая находится на своём логичном месте. Пример – стадия генезиса (чего угодно).

3. Этап (étape фр. Estaple – склад) – пункт на пути следования войск, где воинским частям и отдельным военнослужащим дают ночлег, продовольствие, т.е., место завершения части пути. Этапизация – членение перфект-процесса на этапы. Эти части перфект-процесса учитывают все 3 его измерения (Что? Где? и Когда?), могут накладываться друг на друга во времени, месте, сути. Пример – **блокада** (термин) **Ленинграда** (пространство) и **осада** (термин) **Москвы** (пространство) в **Великую Отечественную войну** (время).

Неучтение трёхмерности исторического пространства приводит к ошибкам. Приведём примеры подобных ошибок:

- В политологии отсутствует историческая составляющая трёхмерности. В итоге, это привело к тому, что коммунисты, которые были «левыми» в начале XX в. продолжают считать себя таковыми, хотя после их правления в СССР в 1917–1991 гг. они стали «правыми», так как пытаются вернуть прошедшее правление в то время, как до него стремились идти вперёд.
- Л.Н. Гумилёв, ощущая потребность в 3-м измерении, ввёл его как этничность. Всё человечество, он считал, следует рассматривать как антропосферу – одну из оболочек Земли. Присутствие в биосфере Земли определённых целостностей этносов и составляло для Гумилёва третий параметр [6; 7]. Автору же «этничность» кажется весьма ограниченным элементом «интеллиджибельного пространства», скорее – стремлением талантливого философа заполнить третьим измерением подсознательно ощущаемую им пустоту трёхмерного пространства.
- Ограниченность источников часто не позволяет с равной точностью восстановить все три координаты для многих исторических явлений.
- Конструируемость самих координат: «что», «где» и «когда» – не абсолютные данности, а отчасти конструкты самого историка.
- Работа в масштабе «когда» (например, века) и «где» (например, континента) даёт картину процессов («что»), которые могут не стыковаться между собой сбалансированно.

Выводы. Таким образом, понимание трёхмерности исторического пространства позволяет формировать и успешно модернизировать имеющиеся закономерности исторического анализа. Только рабочее пространство историка, очерченное осями «что-где-когда», и есть поле профессиональной ответственности, на котором возможен научный, а не мифологический или идеологический, разговор о прошлом. Истинная мощь подхода проявляется, когда три измерения рассматриваются не изолированно, а как взаимосвязанная система координат, создающая уникальный исторический контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексушин Г.В. Изучение истории: Научно-методическое пособие. – Самара: Издательство СамГПУ, 2002.
2. Алексушин Г.В. К вопросу о рабочем пространстве историка // Россия и мир в исторической ретроспективе: Материалы XXXI Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В 2-х томах, Санкт- Петербург, 11 апреля 2025 г. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2025. – С. 4–7.
3. Алексушин Г.В. Культурный код Самары. – Самара, 2023.
4. Алексушин Г.В. Нестабильность культурного кода исторического города и его модернизации // Визуальная антропология-2022. Исторический город: актуализация прошлого в перспективе будущего: Материалы IV Международной научной конференции, Великий Новгород, 22–23 сентября 2022 года / Под редакцией С.С. Аванесова, Е.И.

Спешиловой. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. – С. 15–18.
5. Алексушин Г.В. Периодизация, стадиализация или этапизация? // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2020. – №1-1. – С.198–201.
6. Гумилёв Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. – М., 1992.
7. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989.
8. Sorokin P.A. Social mobility. – New York; London: Harper, 1927. – 559 p.
9. Toynbee A.J. A study of history. – Oxford: Oxford University Press. – Vol I-XII, 1934–1961.

УДК 93/94:1

АРХИТЕКТОРЫ РЕАЛЬНОСТИ: ТРИ СТУПЕНИ ПОСВЯЩЕНИЯ В ТАЙНУ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

В.В. Альшевская, студентка ИВМиБ
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В фокусе данного философского исследования находится не феномен конспирологии как таковой, а эволюция архетипа «Тайного Властелина» как зеркало глубинных трансформаций западного мировоззрения. Статья предлагает оригинальный анализ трёх ключевых фигур – масонов, иллюминатов и рептилоидов – не как изолированных мифов, а как последовательных стадий единого культурно-философского процесса.

Мы проследим, как масонство с его культом Разума и «Великого Архитектора Вселенной» олицетворяло проект Просвещения, где тайна была инструментом нравственного самосовершенствования. Иллюминаты знаменуют кризис этой парадигмы: разум из силы освобождающей превращается в инструмент холодного политического заговора. Наконец, рептилоиды – порождение эпохи постмодерна – представляют собой тотальный симулякр, онтологическую диверсию, где реальность сама оказывается иллюзией, сконструированной нечеловеческим Врагом.

Сквозь призму концепций деизма, «смерти метанарративов» Ж.Ф. Лиотара и симулякров Ж. Бодрийяра, в статье доказывается, что эта эволюция от рационального к мифологическому есть симптом фундаментального сдвига: от веры в постижимый космос к «расколдованному» миру, который человечество отчаянно пытается «заколдовать» вновь, создавая всё более причудливых и могущественных демонов.

***Ключевые слова**:* Конспирология, масонство, иллюминаты, рептилоиды, постмодерн.

Кто правит миром? На протяжении всей интеллектуальной истории человечества ответ на этот вопрос определял не только политическую карту эпохи, но и её метафизические основания. В архаике миром управляли капризные боги Олимпа, в Средневековье – единый Бог-Промыслитель, чья воля была сокрыта, но в принципе постижима через откровение. Однако с наступлением Эпохи Просвещения и последовавшим «расколдованием мира» (М. Вебер) – изгнанием божественного за пределы повседневности – в образовавшемся метафизическом вакууме начали зарождаться новые, светские демонологии.

Эти демонологии нашли своё воплощение в фигурах тайных правителей. Однако их эволюция – от просвещённых масонов до инопланетных рептилоидов – до сих пор не была системно рассмотрена как целостный философский нарратив, отражающий кризис смысла и познания. Данная статья призвана заполнить эту лакуну.

Мы исходим из гипотезы, что масоны, иллюминаты и рептилоиды – это не случайный набор «теорий заговора», а логическая последовательность, маркирующая ключевые вехи в истории западной мысли. Масон с его циркулем и поиском нравственного идеала – это дитя Просвещения. Иллюминат – его тёмный двойник, символ превращения разума в инструмент тотального контроля. Рептилоид – чудовищное порождение эпохи постправды, где сама реальность ставится под сомнение.

Таким образом, объектом нашего исследования являются конспирологические нарративы, а предметом – их философская генеалогия и трансформация как ответ на кризис рациональности и утрату «больших рассказов». Целью статьи является философский анализ этой эволюции для диагностики фундаментальных проблем современного сознания.

Цель. Основная цель работы – провести системный философский анализ эволюции конспирологического мышления на примере трёх ключевых фигур (масоны, иллюминаты, рептилоиды) и доказать, что эта эволюция является не случайным процессом, а симптомом глубинных трансформаций в западном мировоззрении: от классического рационализма к эпохе тотальной симуляции. Итогом статьи будет являться демонстрация того, что, изучая демонологию эпохи, мы можем с неожиданной точностью диагностировать её главные философские страхи, разочарования и экзистенциальные тупики.

В тени Великого Архитектора. Человечество всегда нуждалось в объяснении сил, управляющих его судьбой. Если в архаические времена эту роль выполняли капризные боги, а в Средневековье – единый Бог, то с наступлением Эпохи Просвещения место божественного провидения начали занимать иные, не менее могущественные сущности – тайные общества. Масоны, иллюминаты и, наконец, рептилоиды представляют собой не просто набор маргинальных мифов, но целостную философскую систему,

отражающую коллективный страх перед сложностью мира и тоску по простоте и ясности. Эта статья прослеживает эволюцию данного феномена как путь от рационального поиска смысла к его иррациональной симуляции [4].

Масонство, возникшее в XVIII веке, стало продуктом своей эпохи. Его философский фундамент – деизм. Бог масонов – «Великий Архитектор Вселенной» – это не личностный Бог откровения, а безличный принцип, создавший мир по законам разума, подобно часовщику, заведшему универсальные часы и более в них не вмешивающемуся. Идеалы масонства были тесно связаны с рационализмом, гуманизмом и моральным самосовершенствованием. Их философское братство ставило целью создание универсальной, внеконфессиональной этики. Однако, сам принцип тайности (закрытые ритуалы, символика) вступал в конфликт с просветительским требованием общественной прозрачности (транспарентности). Философский страх, который они породили, заключался в том, что знание, исключенное из публичного дискурса, становится инструментом власти и манипуляции [1].

В противовес чистому рационализму Декарта, масоны предлагали путь нравственного и интеллектуального совершенствования через символ и ритуал. Циркуль, наугольник, отвес – это не просто инструменты, а платоновские идеи, выраженные в материальной форме. Работа над «диким камнем» собственной души – это прямая отсылка к античному принципу «познай самого себя» и аристотелевской концепции энтелехии – реализации внутреннего потенциала.

Масонская ложа была моделью утопического общества, основанного на братстве, толерантности и разуме, что перекликалось с идеями Ж.Ж. Руссо об «общественном договоре» и И. Канта о «вечном мире». Враг здесь виделся не как мистическая сила, а как человеческое невежество и тирания [3].

В контексте политической философии, теории заговора о масонах и иллюминатах выражают кризис легитимности правящих элит. Власть, которая не объясняет своих действий или кажется непроницаемой, неизбежно воспринимается как скрытая и враждебная. Масонские ложи стали метафорой «Глубинного государства» – неформального, неконституционного центра власти, который управляет формальными институтами, подрывая тем самым идеал общественного договора и народного суверенитета.

Таким образом, масонский «заговор» был еще рационален и человекоцентричен. Он находился в рамках проекта Просвещения.

Иллюминаты: Рационализация Зла. Тема Иллюминатов (или Баварских Иллюминатов) – одного из самых известных тайных обществ эпохи Просвещения – является плодородной почвой для философского анализа, особенно в контексте рационализации зла. Иллюминаты, основанные в 1776 году Адамом Вейсгауптом, стремились к моральному совершенствованию и просвещению общества, используя методы, которые,

по мнению критиков, могут быть истолкованы как пример рационально обоснованного, то есть «рационализированного», зла. Этот доклад рассмотрит, как идеалы Иллюминатов и их методы могли пересекаться с концепцией рационализации зла, и проанализирует философские аспекты этой дилеммы.

Изначальной целью ордена было освобождение человека от влияния религии, суеверий и монархической тирании через образование и мораль, основанную на разуме. Иллюминаты являлись квинтэссенцией Просвещения, веря в способность человека к совершенствованию и построению идеального общества (совершенной республики) с помощью разума и науки.

Для достижения своих целей орден использовал строгую иерархическую структуру, заимствованную у масонов, и полную секретность. Новички проходили стадии обучения и посвящения, в процессе которых им постепенно раскрывались истинные цели ордена. Эта секретность, в сочетании с требованием беспрекословного подчинения адептов вышестоящим, является ключевым моментом для философского анализа [2].

Рационализация в широком смысле – это процесс приведения какого-либо действия, явления или убеждения в соответствие с принципами разума и логики. В контексте этики и философии зла, рационализация – это попытка логически обосновать или оправдать действия, которые традиционно считаются аморальными или злыми. Это превращение зла из акта страсти или безрассудства в эффективное средство достижения высшей, благой цели.

В частности, «рационализация зла» может проявляться в следующих формах:

1. Телеологическое оправдание: Зло рассматривается как необходимое зло или меньшее зло для достижения высшего блага (например, всеобщего счастья или просвещения). Цель оправдывает средства.

2. Обезличивание: Злое действие совершается не из личной ненависти, а как функция или долг в рамках рационально выстроенной системы (подобно «банальности зла» Ханны Арендт).

Иллюминаты считали, что «народ еще не готов» к истине и просвещению. Они стремились «править миром» и формировать общественное мнение, используя тайные методы и скрытое влияние на власть имущих (князей, чиновников, церковников), которые были членами ордена. Использование обмана и манипуляции (средства, традиционно считаемые аморальными) для достижения благой цели (просвещение). Иллюминаты рационализировали это как временную необходимость и педагогический прием для «блага самих людей», тем самым оправдывая этическое зло [6].

Внутренняя структура требовала от адептов полного отказа от личной воли в пользу «мудрости» высшего руководства. Целью было создание «царства разума», члены должны были действовать как инструменты в руках

руководства. Это превращает личность в средство, что прямо противоречит категорическому императиву Иммануила Канта (никогда не относись к человеку просто как к средству, но всегда как к цели). Установление «совершенной республики» как абсолютной цели позволяет рационально оправдать любые неэтичные средства (интриги, шпионаж, подлог) как функционально необходимые для «великого дела».

Сам Вейсгаупт утверждал, что его орден был лишь «школой морали». Однако критики (включая тех, кто инициировал его запрет в Баварии) видели в этом авторитарную и тоталитарную тенденцию, замаскированную под идеалы Просвещения.

Таким образом, история Иллюминатов служит яркой философской иллюстрацией опасности рационализации зла. Их пример показывает, как даже самые благородные и возвышенные идеалы – разум, просвещение, свобода – могут быть использованы для оправдания методов, которые являются их прямой противоположностью: манипуляции, тайного контроля и отказа от личной свободы ради якобы высшего блага. Иллюминаты не стремились к злу ради зла, но их вера в возможность идеального, рационально построенного общества привела к утилитарному подходу к этике, в котором «великая цель» становилась абсолютной рациональной причиной для совершения «малого» зла. Это ставит под вопрос саму природу просвещенного рационализма: является ли Разум гарантом добра, или он может быть лишь наиболее эффективным инструментом для систематизации и оправдания зла [2].

Рептилоиды: От Людей к Сущностям. Концепция рептилоидов – человекоподобных рептилий, тайно управляющих миром – является одной из самых популярных и живучих теорий заговора современности. Её популяризатором стал британский автор Дэвид Айк. Несмотря на полное отсутствие эмпирических доказательств, этот образ обладает значительной философской и социально-психологической силой. Данный доклад рассмотрит рептилоидов не как биологическую гипотезу, а как культурный, психологический и философский феномен, анализируя, что этот образ говорит о нашем понимании власти, человеческой природы и «другого».

В основе теории рептилоидов лежит фундаментальное недоверие к власти и стремление рационализировать сложные, невидимые или кажущиеся несправедливыми политические и социальные процессы. Принцип «Зла Сверху»: Теория утверждает, что все мировые лидеры, монархи, финансисты и медиамагнаты являются инопланетными существами, действующими исключительно в интересах своей рептильной расы. Это антропологическое упрощение сложной системы: вместо того чтобы анализировать экономические циклы, геополитические интересы или системные ошибки, предлагается простой ответ – «во всем виноваты нечеловеческие существа».

Рептилоиды представляют собой абсолютно иную, чуждую форму жизни. Их действия (войны, кризисы, угнетение) не могут быть объяснены человеческой жадностью, ошибкой или идеологией, поскольку они руководствуются нечеловеческой логикой. Это позволяет людям снять моральную ответственность с человеческих институтов и перенести весь груз зла на идеальный внешний объект. Образ рептилоида эксплуатирует страх перед фальшью и подделкой. Они «носят человеческие маски» (шифтинг), что поднимает экзистенциальные вопросы: «Кто на самом деле управляет нами?»: если люди, которых мы видим, на самом деле являются чудовищами, то наша социальная реальность – это иллюзия [2].

Теория рептилоидов является радикальным выражением кризиса доверия к символической системе власти. Она утверждает, что не только слова, но и сама форма (тело) правителя лжива.

В психоаналитическом и нейробиологическом контексте термин «рептильный мозг» (наиболее древняя часть, отвечающая за инстинкты: борьба, бегство, размножение) часто используется метафорически. Рептилоиды символизируют архаическую, инстинктивную, неэволюционировавшую сторону человеческого зла. Их холодность, хищность и отсутствие эмпатии – это проекция наиболее пугающих и неконтролируемых аспектов человеческой психики. Идея, что власть руководствуется примитивными, холодными, животными мотивами, скрытыми за фасадом цивилизации и разума, является мощной метафорой для бесчеловечности бюрократии и политической жестокости.

Теория рептилоидов содержит сильные элементы гностического дуализма (философско-религиозного учения о борьбе Добра и Зла). Мир, которым управляют рептилоиды, – это испорченный, иллюзорный мир. Рептилоиды выступают в роли Архонтов – злых или невежественных сущностей, которые держат человечество в неведении (тюрьме материи). Те, кто верят в рептилоидов, часто считают себя «пробужденными» (обладающими тайным знанием – гнозисом), в то время как «обычные» люди являются «спящими» (не видящими истинного положения дел). Это дает адептам теории элитарное чувство превосходства и моральное оправдание своего отчуждения от общества [5].

Переход от «людей» (некомпетентных или коррумпированных политиков) к «сущностям» (рептилоидам) – это радикальное философское движение по отрицанию человеческой природы как источника зла. Если зло совершают люди, то человечество должно найти в себе силы объяснить это (антроподицея – оправдание человека). Если же зло совершают сущности, это снимает с человека необходимость самоанализа и моральной работы. Рептилоиды – это идеальный, непримиримый «Другой». В отличие от идеологических или этнических противников, с которыми теоретически возможен диалог, рептилоиды не могут быть поняты, перевоспитаны или интегрированы. Они – Абсолютное Зло, что позволяет сторонникам теории

занять Абсолютно Чистую Моральную Позицию. Концепция рептилоидов часто используется как завуалированная метафора для расовых, этнических или религиозных меньшинств, которые воспринимаются как «чуждые», «холодные», «скрытые» и «захватнические». Таким образом, инопланетная природа сущности становится ширмой для примитивной ксенофобии.

Таким образом, концепция рептилоидов, будучи научно несостоятельной, является богатым материалом для философской рефлексии. Она представляет собой радикальную критику власти, выраженную через метафору абсолютного отчуждения, психологическую проекцию наших самых архаичных страхов и неспособности принять человеческую природу как источник величайшего зла и современную форму гностического мировоззрения, предлагающую элитарный «гнозис» как средство спасения от иллюзорного, злого мира. Рептилоиды – это не просто инопланетяне, а философское воплощение нашего страха перед тем, что власть лишена человечности, а наше собственное сознание контролируется холодными, чуждыми инстинктами [2].

Заключение. С философской точки зрения, теории о масонах, иллюминатах и рептилоидах являются современными мифами, которые выполняют ту же функцию, что и древние мифологические системы. Они предлагают утешительное объяснение мирового хаоса, заменяя болезненную идею случайности или множественной, неконтролируемой некомпетентности ясной, но зловещей идеей единого контроля. Вера в тайное знание дает последователям чувство принадлежности к группе «пробужденных», превосходящей «слепую толпу». Это удовлетворяет экзистенциальную потребность в уникальности и значимости.

В конечном счете, углубленный философский анализ показывает, что эти теории – это реакция на смерть институциональной истины и кризис доверия к авторитетам, а не фактическое описание реальности. Они представляют собой трагическое свидетельство того, как человеческая потребность в знании и порядке может быть удовлетворена путем отказа от рациональных методов познания.

Таким образом, анализ этих трех феноменов показывает не столько их абсурдность, сколько глубокий философский кризис современного человека. Цепляясь за образы тайных правителей, он пытается вернуть миру утраченную причинность и смысл, даже если этот смысл окрашен в параноидальные тона. Борьба с конспирологией — это не борьба с глупостью, а борьба за адекватный философский и экзистенциальный ответ на вызовы непостижимо сложного мира.

Эволюция от масонов к рептилоидам – это путь от расколдования мира (М. Вебер) к его новому, цифровому заколдовыванию.

СПИСОК ЛИТАРАТУРЫ

1. Захаров, И.В. История масонства: Учебное пособие. Санкт-Петербург: Нева, 2004. 352 с.
2. Робертсон, Дж. М. Краткая история свободомыслия в Европе. Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 312 с.
3. Смолин, М.Б. Тайные общества и масонство: Сборник статей. Москва: Изд-во Института русской цивилизации, 2010. – 576 с.
4. "Территория заблуждений с Игорем Прокопенко". Масоны. В тени Великого Архитектора. Телеканал РЕН-ТВ. 2023. URL: https://ren.tv/.
5. Алексеев, С. Рептилоиды: правда или миф?/ Загадки истории: электронный журнал. 2022. URL: https://zagadki.ru/reptiloidy.
6. Комаров, А.С. Иллюминаты: Кто они и какова их цель. // Тайны мира: Сборник статей. 2019. № 5. С. 88–95.

УДК 17.130.12

НРАВСТВЕННА ЛИ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА?

А.Ф. Асмеева, студент
О.А. Липатова, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и права
Казанский государственный аграрный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Статья рассматривает вопрос о нравственной природе человека в контексте современного системного кризиса. В условиях размывания традиционных и увеличения морального релятивизма является вопрос о нравственности: является ли она врожденным качеством или это результат длительного социального воздействия.

Ключевые слова: нравственность, этика, человек, природа человека.

Проблема нравственных начал в современном обществе приобрела особую актуальность в условиях распространения потребительства как поведенческой установки людей.

Введение. Нравственность человека является сложной, многоаспектной и уходит своими корнями в понимание «природы человека». Одни мыслители видят в человеке, прежде всего животное, подчиняющееся биологическим законам и инстинктам. К таковым относился Аристотель, понимая его как «политическое животное», признавая его включенность в природный порядок, но отмечая исключительную роль разума. Карл Маркс в своей знаменитой работе «Капитал» также определяет человека как «социальное животное» акцентируя внимание на трудовой деятельности как способа адаптации и трансформации окружающего мира. Зигмунд Фрейд, подчёркивал, что сущность человека и психика во многом определяются биологическими влечениями и подсознательными инстинктами, коренящимися в бессознательном. Не ушли далеко и современные постмодернисты. Так у известного французского философа Дерриды есть

книга «Животное, которым я являюсь» [1], где он сам себя также определял, как животное. Конечно, такое понимание человека крайне опасно и может привести к расчеловечиванию в целом и к исчезновению человека из модуса бытия, о чем нас прямо предупреждали такие мыслители Рэй Бредбери, Бруно Беттельгейм, Ольга Седакова [5; 4; 10].

Однако есть прямо противоположный взгляд, который возражает против такого редукционизма и утверждает, что человек – это, прежде всего, существо духовное и аристократическое по своей сущности. Г.П. Меньчиков в своём фундаментальном труде «Из Хаоса Порядок» развивает идею о том, что человека нельзя свести только к биологическому или социальному началу. «Человеческая сущность изначально аристократична; напомним, что «аристос» с греч. означает «существо, стремящееся к лучшему», неутолимо стремящееся за свои пределы, к одолению своей т. н. «нехватки», «к чему-то все большему, чем оно есть» («аристократизму», понимаемому каждым по-своему, в меру сил и возможностей)» [9, С. 287]. Эта точка зрения признаёт в человеке изначальное благородство, его потенциал к самосовершенствованию и преодолению собственных ограничений через осознанный моральный выбор.

Крайний скептицизм относительно природы человека находит своё выражение в современной культуре, где порой звучат утверждения, что при отсутствии духовных и нравственных регуляторов человек может деградировать до состояния животного. Об этом красноречиво написал Виктор Франкл в своей работе «Доктор и душа: логотерапия и экзистенциальный анализ» [11].

Постановка задачи. Природа человека сложна и многогранна. Важно всегда подчеркивать, что уникальность человека не отделена от его нравственных качеств. Необходимо выявить, что такое нравственность и каковы ее истоки.

Методика и методология исследования. Основным подходом исследования выбран герменевтический подход, который позволяет интерпретировать и придавать новые смыслы понимания природы и нравственности человека.

Результаты. Слово «нравственность» в современной традиции чаще всего соотносится с древнегреческим термином ηθική (этике), который восходит к ἦθος – «характер», «нрав», «привычка». Постепенно ηθική приобрела значение учения о достоинствах, принципах и идеалах, которыми должен руководствоваться человек в поступках. Нравственность в данной традиции трактуется как система внутренних регуляторов поведения, ориентированных на добро, гармонию и справедливость [2].

Обратимся к истории вопроса. Для древнекитайского философа Конфуция нравственность, обозначаемая термином «жэнь», была сердцевиной его учения и означала совокупность гуманных качеств: долга перед семьёй и обществом, справедливости, уважения к старшим и

авторитету, верности традициям. Конфуций полагал, что нравственный человек – это тот, кто способен к постоянному самосовершенствованию через усвоение ритуалов, обучение и практику добродетели.

Греческий философ Аристотель рассматривал нравственность как приобретаемое качество, развиваемое через воспитание и повторение добрых поступков. Его концепция добродетели строилась на идее «золотой середины» – баланса между крайностями. Так, мужество находится между трусостью и безрассудством, щедрость – между скупостью и расточительством. По Аристотелю, путём постоянного упражнения в добродетели, человек формирует характер и достигает эвдемонии (счастья), которое является целью человеческого существования. Нравственность, таким образом, неотделима от личного развития и самореализации.

В эпоху Возрождения Томас Мор и Никколо Макиавелли предложили противоположные аспекты нравственности. Т. Мор в своей «Утопии» отстаивал идеал справедливого общества, где нравственность выражается в стремлении к общему благу, социальному равенству и коллективной гармонии. Для Мора, нравственность – это не личное качество в изоляции, а результат справедливо устроенного общественного порядка, где частная собственность упразднена, и все граждане живут в согласии. Макиавелли же, напротив, полагал, что политика и государственное управление часто несовместимы с высокой нравственностью. По его мнению, ради величия и независимости государства правитель может прибегать к любым средствам: политическая добродетель заключается в готовности ставить благо отечества выше личной морали и даже выше общепринятых норм честности [8].

Проблема нравственности, взаимоотношения человека и общества пронизывает труды русских писателей и философов. Так Федор Михайлович Достоевский о глубине внутренней борьбы и взаимосвязи между нравственностью и безнравственностью писал с особым мастерством и проникновением. В его произведениях, таких как «Преступление и наказание», эта тема раскрывается через трагическую судьбу главного героя, Родиона Раскольникова. Достоевский показывает, что нравственный выбор – это не просто вопрос морали, а основа человеческого существования.

Как справедливо указывает Достоевский: «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо ещё беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?» – значит обрести внутренний свет и нравственный ориентир, который помогает человеку оставаться верным своим принципам даже в самых трудных обстоятельствах [7]. Раскольников, пытаясь оправдать свои преступления теорией о «праве сильного», пытается переступить через моральные нормы, но его собственная душа восстаёт против этого. Он чувствует, что его действия противоречат его истинному «Я», и это приводит к глубокому внутреннему конфликту. В «Преступлении и наказании» Достоевский показывает, что отказ от нравственных принципов ведёт к духовной деградации и

разрушению личности. Раскольников, не выдержав внутреннего давления, погружается в пучину страданий, которые становятся для него путём к очищению и искуплению. Через этот трагический опыт Достоевский утверждает, что нравственность – это не внешняя оболочка, а сердцевина человеческого бытия, без которой невозможно сохранить целостность и гармонию.

Структура нравственности включает несколько взаимосвязанных компонентов:

- идеалы, к которым стремится человек;
- принципы, определяющие его поведение;
- нормы, регулирующие взаимодействие в обществе;
- обязанности, вытекающие из социальных ролей и личной совести;
- ответственность за собственные поступки.

Сегодня мы наблюдаем крайне низкий уровень нравственности в обществе, о чем свидетельствуют громкие коррупционные скандалы с участием высокопоставленных чиновников. Бывший министр экономического развития Алексей Улюкаев, арестованный за получение взятки, или экс-губернатор Сахалина Александр Хорошавин, обвиненный в масштабных махинациях, демонстрируют, что их действия нельзя объяснить только «испорченной природой». На их поведение повлиял целый комплекс факторов: слабость моральных принципов, соблазн, связанный с доступом к значительным ресурсам, и, самое главное, окружение, где коррупция могла долгое время восприниматься как норма или оставаться безнаказанной.

Что мы видим? Повреждение именно духовной природы человека и главную установку в обществе на приумножение капитала. А, как известно, общество, лишенное нравственности, утрачивает системообразующее начало, дающее ему способность поддержания жизни в различных формах.

Обратимся к религиозным истокам нравственности.

На религиозном уровне деструктивные элементы находят отражение в учении о семи смертных грехах: гордыне (гордости), зависти, гневе, унынии, алчности (сребролюбии), чревоугодии и блуде. Эти «страсти», как их называют, рассматриваются в христианской и иудейской традициях как источники внутреннего разрушения личности и нравственной деградации, способные лишить человека спасения и привести к духовной смерти. В современной действительности древние пороки и страсти принимают новые формы и находят неожиданные выражения. Гордыня воплощается в стремлении к статусу и социальному признанию, зависть усиливается эпохой социальных сетей, где каждый видит достижения других; алчность питается культурой потребления и стяжательства; уныние и печаль становятся следствием ускоренного темпа жизни и социальной неопределённости; чревоугодие преобразуется в различные зависимости и гедонистические излишества. Тем не менее, именно осознанная борьба с этими страстями, внутренняя работа над развитием нравственных качеств и духовной зрелости

позволяет человеку реализовать свой подлинный потенциал и найти путь к подлинно человеческому существованию. Поэтому, с нашей точки зрения, нравственность – это сознательное, ответственное и трудное принятие моральных принципов как своих собственных, которая позволяет человеку делать верный выбор даже в условиях внешнего давления.

Природа человека – это не статичное понятие, а динамичный процесс, на который влияют множество факторов. Важно понимать, что каждый из нас несет ответственность за свои поступки и может сделать выбор в пользу добра или зла.

Выводы Природа человека поливалентна: от физического развития к социальному и духовному. Человек не рождается от природы нравственным. Это результат сложной системы координат, сформированной под воздействием воспитания, окружения и личного опыта. Даже в самых неблагоприятных условиях человек может сохранить моральные принципы и противостоять соблазнам, если у него есть сильный внутренний стержень. Большую роль в этом процессе занимают социализация и инкультурация. Нравственность представляет собой внутренний компас, который помогает различать добро и зло, справедливость и несправедливость. Нравственность же – это глубоко личное, внутреннее усвоение этих норм, превращение их в индивидуальный кодекс чести. Во все времена, даже в самые непростые, у человека существует возможность взращивать в себе человеческое, что безусловно меняет природу человека в лучшую сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Derrida J. The animal that therefore I am. – New York: Fordham University Press, 2008. – 176 p.
2. Апресян, Р.Г. Мораль и нравственность: к уточнению понятий / Р.Г. Апресян // Этическая мысль. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 42–60.
3. Бакштановский В.И. Социология морали: нормативно-ценностные системы / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов// Социологические исследования. 2003. № 5 (229). С. 8–20. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/baksht.pdf.
4. Беттельгейм, Бруно «Просвещенное сердце: автономность человека в эпоху массовых обществ» каталог документов с 1831 по настоящее время. 2021. Бруно Беттельгейм; перевод с английского О.В. Орлеанского Москва: ИРК, 2021. – 391 с.
5. Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту: [роман] / Рэй Брэдбери; [отв. ред. А.Д. Кузина]. – М.: Эксмо, 2020. – 320 с.
6. Гусейнов, А.А. Этика и мораль в современном мире / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 108–117.
7. Достоевский Ф.М. Золотые цитаты: сборник. – М.: Сретенский монастырь, 2017. – 128 с.
8. Макиавелли Н. Государь: [трактат] / Никколо Макиавелли; пер. с итал. Г. Муравьевой. – М.: Эксмо, 2022. – 160 с.
9. Меньчиков, Г.П.-М51-Из Хаоса Порядок. Неокласическая философия: сущность изменений/ Г.П. Меньчиков. – М.: ДеЛибри, 2024. –- 620 с.

10. Седакова О.А. Вещество человечности. Интервью, 1990–2018 [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека искусств: [сайт]. – [М., б. г.]. – URL: https://opac.liart.ru/request.
11. Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ / Виктор Франкл; Пер. с нем. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 338 с.

УДК 378.147:62:001.18

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО МЫШЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИНЖЕНЕРА БУДУЩЕГО

Д. Бабаева, преподаватель кафедры Сельскохозяйственной мелиорации
Д.Ш. Шохрадова, студент (направление подготовки Гидротехнический сооружение)
Туркменский сельскохозяйственный институт
г. Ашхабад, Туркменистан

Аннотация. Статья исследует необходимость интеграции междисциплинарного мышления в программы подготовки инженеров, обусловленную усложнением глобальных вызовов (“Wicked Problems”). Подчеркивается, что современные инженеры должны обладать не только узкоспециализированными техническими навыками, но и глубоким пониманием социальных, экономических и этических контекстов. Междисциплинарный подход способствует системному видению, созданию человекоориентированных дизайнов (usability), а также осознанию социальной ответственности и долгосрочных последствий инженерных решений. Предлагаются практические методы интеграции: проектное обучение, совместные курсы с гуманитарными факультетами и изучение профессионального гуманизма, что необходимо для подготовки ответственных лидеров, способных к созданию устойчивых технологий.

Ключевые слова: междисциплинарное мышление, инженерное образование, проектное обучение, Wicked Problems, системное видение.

В современном мире инженерные проекты оказывают влияние не только на физику и математику, но и непосредственно затрагивают экономические, социологические и экологические вопросы. В связи с этим, необходимы “объединяющие” специалисты – инженеры, способные к междисциплинарному мышлению, обладающие знаниями не только в своей узкой сфере, но и в области гуманитарных и социальных наук. Эта статья исследует важность и методы развития более широкого, нежели просто техническое, понимания в подготовке инженеров.

Важность междисциплинарного мышления для инженеров

Междисциплинарное мышление позволяет инженерам видеть взаимосвязь всех систем и решать сложные глобальные проблемы (“Wicked Problems”):

1. Решение “Злободневных” проблем (“Wicked Problems”). комплексная неустойчивость: проблемы, такие как изменение климата, городское планирование, энергетическая безопасность, могут быть решены не только с помощью инженерных методов, но и с учетом политики, экономики и социальных отношений. Инженер должен видеть, как взаимодействуют все компоненты системы.

2. Эффективность и этика: при создании новой технологии (например, беспилотных автомобилей или информационных систем) необходимо учитывать не только ее технические возможности, но и ее влияние на пользователей, правовые и моральные нормы.

3. Системное видение и инновации. Обширный анализ: Междисциплинарное знание освобождает инженера от узкой фокусировки, позволяя прогнозировать все возможные последствия проекта. Это способствует принятию более обоснованных и устойчивых решений на ранних стадиях проектирования.

Удобство использования (Usability) и дизайн: изучая гуманитарные науки (антропологию, психологию), инженеры лучше понимают потребности пользователей, их культурные особенности и привычки. Это ведет к созданию не только функциональных, но и удобных, человекоориентированных дизайнов.

Методы интеграции в образовательные программы. Для развития междисциплинарного мышления в инженерном образовании могут быть использованы следующие методы:

Проектное обучение (PBL), ориентированное на глобальные вызовы:

Студентам предлагаются сложные, реальные проблемы, где им приходится принимать на себя роли не только инженера, но и экономиста, социолога и политика.

Пример: балансирование транспортного потока (инженерия) и использования общественного пространства (градостроительство и социология) при проектировании улиц.

Совместные курсы и дисциплины: предложение курсов, разработанных совместно с гуманитарными или социальными факультетами, таких как “Этика в экономике,” “Анализ Социального Воздействия Технологий” или “Коммуникация в Мультикультурных Командах” для студентов-инженеров.

Профессиональный гуманизм: преподавание истории и философии инженерии, демонстрируя, как инженерная деятельность повлияла на человеческое развитие и культуру. Это помогает инженерам осознать более широкую роль своей профессии.

Инженер будущего должен быть не просто техническим решателем, но и дизайнером больших систем и лидером социальных изменений. Развивая междисциплинарное мышление, высшие учебные заведения готовят инженеров к созданию более устойчивых, этичных и

человекоориентированных технологий. Этот подход делает инженерию более эффективной и гуманистически направленной профессией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геннади, К. (2019). Инженер будущего: от специалиста к визионеру. СПб.: Питер.
2. Rittel, H. W. J., & Webber, M. M. (1973). Dilemmas in a General Theory of Planning. Policy Sciences, 4(2), 155–169. (О “Wicked Problems”)
3. National Academy of Engineering. (2005). Educating the Engineer of 2020: Adapting Engineering Education to the New Century. Washington, DC: The National Academies Press.
4. Giere, R. N. (2006). Scientific Perspectivism. Chicago: University of Chicago Press.
5. Dym, C. L., & Little, P. (2009). Engineering Design: A Project-Based Introduction (4th ed.). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

УДК 37.018.43:004.8

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАВЕНСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Д.А. Блескин, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Искусственный интеллект расширяет доступ к качественному обучению благодаря персонализации и автоматизации, но при недостатке инфраструктуры и грамотности усиливает цифровое неравенство. Необходимы системные меры для баланса технологий, доступности и этичности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, равенство образовательных возможностей, цифровое неравенство, персонализация обучения, цифровая инфраструктура.

Введение. Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) стало одним из ключевых факторов цифровой трансформации современного образования. Интеллектуальные системы используются для автоматизации рутинных процессов, адаптивного обучения и персонализации образовательных траекторий. Возможности ИИ позволяют учитывать индивидуальные особенности обучающихся, снижать нагрузку на преподавателей и повышать эффективность образовательных процессов [1].

В России внедрение ИИ в образование рассматривается как стратегическое направление государственной политики. В официальных документах Минпросвещения и Минобрнауки РФ подчёркивается, что цифровая трансформация системы образования должна способствовать повышению доступности качественного обучения и созданию цифровой

образовательной среды, включающей элементы искусственного интеллекта [2; 3].

Вместе с тем научные исследования указывают на наличие противоречий, связанных с использованием ИИ в образовании: рост технологической зависимости, риски утраты субъектности обучающегося, недостаток педагогически обоснованных моделей применения ИИ [1]. Таким образом, технологии способны как повысить качество образования, так и создать новые формы неравенства – например, между теми, кто имеет доступ к цифровым ресурсам, и теми, кто такого доступа не имеет.

Проблематика равенства образовательных возможностей приобретает глобальный характер. Международные аналитические отчёты подчёркивают, что ИИ может одновременно расширять доступ к знаниям и усиливать социально-технологическое неравенство, если внедрение не сопровождается мерами по обеспечению равного доступа к цифровой инфраструктуре, обучению цифровым навыкам и контролю качества технологий [4]. В мировой повестке всё чаще акцентируется необходимость этического и справедливого применения ИИ в образовательных системах.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется двойственной ролью ИИ: с одной стороны, он является инструментом повышения доступности и эффективности образования, а с другой – источником новых рисков неравенства. Цель работы – проанализировать влияние искусственного интеллекта на равенство образовательных возможностей и выявить условия, при которых ИИ способствует сокращению образовательного разрыва.

Постановка задачи. В современных условиях искусственный интеллект становится одним из ключевых факторов цифровой трансформации образования. Его внедрение рассматривается как инструмент повышения качества обучения, персонализации образовательных траекторий и расширения доступности образовательных ресурсов. Однако остаётся неясным, приводит ли использование ИИ к реальному выравниванию образовательных возможностей или, наоборот, усиливает существующие различия между обучающимися и образовательными учреждениями.

Проблема исследования заключается в наличии противоречия между потенциальными возможностями ИИ и фактическими условиями его использования. С одной стороны, технологии позволяют адаптировать обучение под индивидуальные потребности обучающихся, обеспечивать доступ к образовательным ресурсам независимо от географии и создавать новые форматы взаимодействия с информацией. С другой стороны, использование этих технологий предполагает наличие инфраструктуры, цифровых компетенций и педагогически обоснованных моделей внедрения. При отсутствии этих условий ИИ может способствовать формированию нового типа образовательного неравенства: между теми, кто имеет доступ к технологиям, и теми, кто его не имеет.

Цель исследования – определить влияние технологий искусственного интеллекта на равенство образовательных возможностей и выявить факторы, которые способствуют либо препятствуют снижению образовательного неравенства.

Для достижения цели исследования ставятся следующие задачи:

1. Проанализировать направления внедрения искусственного интеллекта в систему образования и ожидаемые результаты использования технологий.
2. Рассмотреть потенциал ИИ как инструмента персонализации обучения и расширения доступности образовательных ресурсов.
3. Определить возможные риски и ограничения, связанные с применением ИИ в образовательной среде, включая влияние цифрового неравенства.
4. Сформулировать условия и принципы, при которых использование ИИ способствует выравниванию образовательных возможностей.

Объект исследования: процессы внедрения технологий искусственного интеллекта в систему образования.

Предмет исследования: влияние искусственного интеллекта на равенство образовательных возможностей.

Методика и методология исследования. Работа опирается на методы теоретического анализа, синтеза и моделирования, а также сравнительный анализ отечественных и международных публикаций. Исследуемые материалы (2019–2025 гг.) включают как эмпирические данные о применении искусственного интеллекта в образовательных процессах, так и результаты аналитических исследований о влиянии ИИ на доступность, персонализацию и эффективность обучения.

Ключевыми методологическими ориентирами стали концепции цифровой дидактики, адаптивного обучения и ИИ-грамотности. Под последней понимается способность осознанно взаимодействовать с алгоритмами, понимать их ограничения и использовать их результаты критически, с учётом образовательного контекста.

Использование этих методов и подходов позволило системно оценить, каким образом технологии искусственного интеллекта влияют на равенство образовательных возможностей, определить ключевые факторы, способствующие сокращению образовательного разрыва, и выявить потенциальные риски усиления неравенства.

Результат. Проведённый анализ показывает, что использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образовательной среде влияет на равенство возможностей учащихся по двум основным направлениям: во-первых, как фактор расширения доступа и персонализации обучения; во-вторых — как фактор усиления цифрового и социального неравенства при недостаточно проработанных условиях внедрения.

1. ИИ способствует расширению доступа к качественному образованию ИИ позволяет перейти от массового обучения к персонализированному: системы подстраивают сложность материала, темп и формат заданий под индивидуальные особенности ученика [1]. Это даёт возможность снижать учебные трудности и поддерживать учащихся с разным уровнем подготовки.

В государственной Концепции цифровой трансформации образования обозначена цель – использование ИИ для построения персонализированных образовательных траекторий и мониторинга достижений учащихся [2]. Аналогичные задачи фиксируются в программе цифровой трансформации высшего образования [3].

Международные исследования подтверждают: ИИ способен расширять доступ к качественному обучению детям из удалённых регионов, а также ученикам с особыми образовательными потребностями, заменяя дефицит педагогических ресурсов [4].

Таким образом, ИИ формирует новые модели доступности образования и снижает влияние социального и территориального фактора на качество обучения.

2. Риски усиления образовательного неравенства

Несмотря на потенциал ИИ, российские исследователи отмечают противоречие: школы с недостаточным уровнем цифровой инфраструктуры отстают в возможности применять ИИ-инструменты [1].

Статистические данные подтверждают, что уровень обеспеченности школьников техникой и интернетом значительно различается в зависимости от региона и типа населённого пункта [5]. Дополнительный отчёт фиксирует разницу в качестве интернет-соединения и доступности оборудования, необходимого для использования ИИ [6].

Международные исследовательские центры обращают внимание на риск алгоритмической предвзятости: ИИ может закреплять социальные неравенства, если обучен на несбалансированных данных [7]. Аналитика Гарвардской школы образования подчёркивает, что ИИ является «двойственным инструментом»: он может усиливать успех сильных учеников и ухудшать положение слабых [8].

Таким образом, цифровое неравенство трансформируется в алгоритмическое неравенство.

3. Условия, влияющие на реализацию равенства с помощью ИИ

По итогам анализа материалов можно выделить ключевые условия, при которых ИИ действительно способствует снижению образовательного разрыва:

Равный доступ к цифровой инфраструктуре – наличие устройств, стабильного интернет-соединения, программного обеспечения [2; 5; 6].

Подготовка педагогов и обучающихся к работе с ИИ – развитие цифровой грамотности и ИИ-грамотности, понимание принципов работы алгоритмов [1; 4].

Методическое сопровождение внедрения ИИ – использование адаптивных моделей обучения, механизмов мониторинга данных и корректировки алгоритмов [2; 3].

Педагогическая и этическая рефлексия алгоритмов – оценка рисков предвзятости, обеспечение инклюзии и равного отношения к различным группам учащихся [1; 4; 7].

Если эти условия обеспечены, ИИ становится инструментом расширения равных возможностей. Если нет – ИИ усиливает разрыв и закрепляет социальное неравенство.

Вывод. Искусственный интеллект в образовании обладает значительным потенциалом для снижения образовательного разрыва. Технологии ИИ позволяют персонализировать процесс обучения, адаптировать учебные материалы с учётом индивидуальных особенностей учащихся и расширять доступ к образовательным ресурсам независимо от места проживания или наличия квалифицированных педагогов. Такие инструменты дают возможность выстраивать обучение гибко и адресно, поддерживая учащихся с различным уровнем подготовки и стилем восприятия информации.

Однако доступ к этим возможностям не является равным. Различия в наличии цифровой инфраструктуры – устройств, стабильного интернет-соединения, современного программного обеспечения – формируют новый тип образовательного неравенства. Если школа или семья не обладают достаточными техническими ресурсами, внедрение ИИ становится недоступным и усиливает существующий разрыв. Таким образом, цифровая обеспеченность напрямую влияет на способность образовательных организаций использовать потенциал технологий.

Кроме инфраструктуры, ключевым фактором выступает готовность педагогов и учащихся к взаимодействию с ИИ. Недостаток цифровой и ИИ-грамотности, отсутствие методик и опыта использования инструментов ИИ в образовательном процессе могут привести к ошибкам в интерпретации результатов, некорректной зависимости от алгоритмов и снижению качества обучения. Работа с ИИ требует не только умения использовать цифровые инструменты, но и понимания их возможностей, ограничений и рисков, связанных с предвзятостью алгоритмов.

Реализация равного доступа к ИИ возможна только при выполнении ряда условий: обеспечении цифровой инфраструктурой, формировании цифровой грамотности у педагогов и учащихся, методическом сопровождении внедрения ИИ и включении этической рефлексии в образовательный процесс. Педагогически обоснованные сценарии

использования, мониторинг алгоритмов, а также анализ возможных предвзятостей позволяют применять ИИ ответственно и инклюзивно.

Таким образом, искусственный интеллект не является гарантом образовательного равенства сам по себе. Он становится инструментом его достижения только тогда, когда внедряется системно, осознанно и с опорой на инфраструктурные, методические и этические подходы. При отсутствии этих условий ИИ способен не уменьшить, а усилить образовательный разрыв, создавая новые формы цифрового и алгоритмического неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганчерёнок И.И., Горбачёв Н.Н. Искусственный интеллект в образовании: осознание противоречий // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2024. №. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-osoznanie-protivorechiy.
2. Министерство просвещения Российской Федерации. Паспорт стратегии «Цифровая трансформация образования» (2024–2030) [Электронный ресурс]. — Режим доступа:https://docs.edu.gov.ru/document/267a55edc9394c4fd7db31026f68f2dd/download/4030.
3. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf.
4. UNESCO. Impact, Inequality, and Imagination: AI and the Next Era of Education. 2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.unesco.org/en/articles/impact-inequality-and-imagination-envisioning-more-ambitious-education-era-ai.
5. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Доступность интернета среди школьников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fedstat.ru/indicator/60781.
6. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры). Интернет в России в 2022–2023 годах*:* аналитический отчёт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf.
7. Brookings Institution. AI is coming to schools – and if we’re not careful, so will its biases [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.brookings.edu/articles/ai-is-coming-to-schools-and-if-were-not-careful-so-will-its-biases/.
8. Harvard Graduate School of Education. AI as a double-edged sword in education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mepli.gse.harvard.edu/our-fellows-at-work/addressing-inequities-in-education-ai-as-a-double-edged-sword-2.

УДК: 130.2

ТЕОРИЯ СИСТЕМ В ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТА «ИДЕОЛОГИЯ» И ТЕОРИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

П.В. Богрянцева, администратор кафедры психологии и массовых коммуникаций
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе на основании анализа достижений социологии знания и теории систем выявляется влияние последней на концепт «идеология». Подчеркивается значение «теории стратегических нарративов» как результата обусловленной ростом международной напряженности реактуализации идеологии и влияния структурного функционализма на исследования данного явления.

Ключевые слова: идеология, теория систем, теория стратегических нарративов, система международных отношений, социология знания.

Введение. Вариативность предлагаемых отечественной [1, С. 53] и зарубежной [2, С. 79] литературой понятий «идеологии» препятствует закреплению признаваемого современной наукой определения. Так, нет возможности отнести «идеологию» исключительно к сфере политики, так как среди предлагаемых дефиниций обнаружению подлежат и те, что описывают данное явление как результат эволюции знания, воспринятый политически активными деятелями истории. При этом, «нарративный поворот» в исследованиях системы международных отношений (СМО) и роли идеологии в ней обусловил появление ряда новых работ, а также определил появление теории «стратегических нарративов».

К. Мангейм сформулировал основные положения социологии знания. Согласно данной теоретической области, мышление индивида определяется общностью, к которой тот принадлежит [3, С. 35]. Соответственно, идеология может быть репрезентативным индикатором бытия индивида и группы с ним солидарной. В рамках своей работы автор различает идеологию частичную и тотальную, классификация которых осуществляется на основании степени «ложности» отдельных её положений или всей совокупности мышления, данной идеологией обусловленного [3, С. 234].

В своей работе «Идеология и политика» Д. Шварцмантель [4, С. 52], следуя цели выявления особенностей современного состояния идеологии, выделяет идеологию и политическую идеологию как два взаимосвязанных, но принципиально разных понятия. Так, идеология – это совокупность концептов, представляющая собой самореферирование общества, функционально значимое для нивелирования противоречий между политическими концептами и реальностью, которая их окружает. Данное определение автор соотносит с «морфологическим подходом» М. Фридена,

выделяющего в рамках (форме) идеологии центральные и периферийные концепты.

Г. Мусихин в свою очередь не проводит разделений между идеологией и политической идеологией. Работа «Очерки теории идеологий» [5, С. 47] поднимает вопросы интерсубъектности и эстетики идеологии. Автор соглашается с тем, что идеология не включает в себя инструкцию партийного строительства. В то же время Г. Мусихин подчеркивает формирование идеологией ожиданий со стороны соотносящего себя с определённой идеологией индивида от общества, которое равным образом соотносит себя с этой идеологией. Так, идеологическая обусловленность самоидентификации в обществе становится исходной точкой в определении политических функций идеологии.

Можно заметить нарастание идеи «деидеологизации» по мере приближения к активации идеи «постмодерна». Реактуализация идеологической обусловленности в научной литературе может быть связана с переосмыслением наследия системной теории, что позволит определить разрабатываемую в рамках исследования СМО «теорию стратегических нарративов» как результат влияния данного наследия.

Постановка задачи. Так, целью данной работы является определение роли теории систем в эволюции концепта «идеология» - элемента СМО как основания развития «теории стратегических нарративов». Соответствующие задачи: 1) Выявление значения концепта «идеология» для теории систем; 2) Анализ основных эволюционных этапов концепта «идеология» в теории СМО как результата влияния системной теории и конструирования «теории стратегических нарративов».

Методика и методология исследования. Представленная работа базируется на достижениях системного подхода, описанного Т. Парсонсом и дополненного Н. Луманом, а также теорией структурации Э. Гидденса как взаимодополняющих друг друга интерпретаций системы социальной деятельности и роли идеологии в ней. Также используется сравнительно-сопоставительный метод и социокультурный подход.

Результаты. Социология знания (идеи которой были поддержаны в конце XX века П. Бергером и Т. Лукманом [6, С. 78]) определила идеологию как концептуальный фундамент партии, существующей в данный период государственного строительства, либо только претендующей на существование. Однако заданный механизм формирования, развития и смерти идеологии (т.е. вместе с партией) не позволяет полноценно рассмотреть «боковые ветви» идеологии, нашедшим свое место лишь в качестве теоретического описания перспектив общественного реформирования.

Подход Д. Шварцмантеля (релевантные ему идеи также выразил М. Шелер, используя категорию «идеология» для описания практик реагирования на окружающий мир и моделей функционирования народных

движений) способствовал примирению теории идеологии и политической практики: всякая идеология является набором концептов, способствующих общественной консолидации, соответственно, успешному коллективному действию; всякая партия в свою очередь является исполнителем данных концептов, прибегающем к корректировкам для усиления самоидентификации через формирование оппозиции «мы-они» [6, С. 101].

С одной стороны, такое разделение такое разделение позволяет самому автору преодолеть сложность концептуализации разницы между тем, что сам Д. Шварцмантель называет «традиционными идеологиями» (например, либерализм и консерватизм) и идеологиями современного общества постмодерна [5, С. 135]. С другой стороны, Д. Шварцмантель противопоставляет теорию (идеологию) и практику (политическую идеологию), организуя анализ того, как идеология под воздействием политических деятелей обрастает критическими перспективами будущего. Данная классификация формирует вопрос о границах идеологии и политической идеологии и не позволяет говорить об эволюции идеологии под воздействием социокультурных изменений, одним из которых и являются политические тренды**.**

Важным логическим шагом является допущение Г. Мусихиным возможности «деидеологизации» одного из концептов идеологии. Иными словами, фиксируя не-включенность в идеологию партийного строительства, автор декодирует идеологию на равноценные концепты, один из которых может закрепиться как универсальная общественная норма. Данное предположение вынужденно приводит к такому политическому поведению, при котором идеология политическими группами «консервируется» как национальная и не подвергается распространению. Реальность СМО позволяет обнаружить обратное.

Системная теория или функциональный структурализм представлен работами Т. Парсонса, в которых социолог выделил четыре первичных функции, присущие каждой системе и соотносимые с одной из подсистем. Важным положением данной теории является выделение политики как подсистемы, структурным компонентом которой являются коллективы, а основной функцией – целедостижение [7, С. 19]. Вместе с тем Т. Парсонс говорит о дифференциации (властных оснований) как тренде общества модерна, а вместе с тем – возрастанием зависимости политики и политических деятелей от легитимности. Системная теория Т. Парсонса позволяет преодолеть асимметричность существующих определений идеологии-политического инструмента / идеологии-фундамента мировоззрения определённого коллектива [7, С. 20].

Одним из недостатков теории Т. Парсонса является ее акцент на функциях как системообразующих единицах, ввиду чего коммуникация как значимое основание воспроизводства системы замещается не-проговариваемым взаимодействием подсистем социальной системы, словно

им имманентно присуще стремление к единству. Т. Парсонс достаточно часто говорит о коммуникации между индивидами, «коммуникационных узлах», способствующих интерпретации в продукт смыслов, производимых социетальной обществом, однако не описывает коммуникацию и производное от неё в категориях более концептуальных, чем простой речевой акт.

Н. Луман стремится преодолеть недостатки системной теории, выделяя коммуникацию как основу аутопоэзиса – самовоспроизводства общества/социальной системы посредством внутренних ресурсов [8, С. 41]. Идеология становится внутренним опосредованием в социальной системе, определяющим принципы политического устройства и модели реагирования.

Более того, Н. Луман говорит об операционной закрытости любой социальной системы, стремлению таковой к само-реферированию, которое, с одной стороны, усиливает закрытость, с другой – является её результатом. В таком случае закрытость и «системность» создается посредством самоописания, в дальнейшем допускающего усиление концептов «своего» и «чужого». Координацию данного самоописания может реализовывать идеология, которая акцентирует внимание на значимых общественных явлениях, обусловленных культурно-историческими условиями развития [9, С. 56]. Идея само-реферирования посредством идеологии может быть реализована вследствие обращения к структурной теории Э. Гидденса [9, С. 338].

Автор претендует на новое обоснование социальной реальности (и её конструирования) через идею аллокативных и авторитарных ресурсов. Так, он говорит, что авториатрные ресурсы – это «нематериальные ресурсы, вовлеченные в генерацию власти, извлекаемые из способности использовать деятельность человеческих существ…», в то время как ресурсы аллокативные – это «материальные ресурсы, вовлеченные в генерацию власти (могущества), включающие в себя как природное окружение, так и физические артефакты» [9, С. 338].

В качестве посредника социальной системы для автора выступает «дуальность структуры», – та сила (структура), которая определяет взаимодействие внутри общества и является результатом данного взаимодействия. Соответственно, данная структура воспроизводит заданную комбинацию аллокативных и авторитарных ресурсов и позволяет социальной системе сохранять стабильность.

Современные международные отношения были порождены ранее описанными изменениями, которые текущей работой связываются с наступлением модерна: с одной стороны, «возникновение» идеологий, с другой – расширение категории «своего» ввиду становления национальных государств. Хотя Т. Парсонс и говорит об использовании системной теории для анализа международных отношений как взаимодействия «политически организованных систем», в рамках данного текста необходимо отметить в

качестве важного изменения закрепление самореферирования и инореферирования вследствие идеологического закрепления внутри национальных государств, как следствие, - концептуализации национального интереса в качестве уникального общего блага, что особенно релевантно взаимосвязи между идеологией и ресурсами социальной системы.

В соответствии с этим идеология определяет механизмы реагирования на внешнюю среду, которой для каждого государства в отдельности выступает пространство международных отношений, а для СМО – тот окружающий мир, который каузально не был включен в действующую систему. Данная «фрагментарность» свидетельствует о том, что система МО – сеть, каждый узел которой мыслит себя самостоятельной системой. Теория стратегических нарративов репрезентует трансляцию смыслов как адаптацию государств-претендентов на влияние в регионе – к произошедшим или потенциальным изменениям [10, С. 124]. Акцент на декодировании «нарративов» не препятствует определению СМО как сети, «сетевой характер» которой обуславливает значимость своевременного взаимного реагирования акторов и способствует сохранению системы при её расширении (сужении) без дополнительных усилий по корректировке действующего формата системы.

Выводы.

1) В соответствии со структурным функционализмом можно выделить идеологическое опосредование в системе международных отношений, а также её влияние на коммуникацию как ключевой момент аутопоэзиса. Идеология сделала возможной эффективную коммуникацию между отдельными подсистемами, а также обусловила коммуникационные механизмы ино-реферирования в СМО. В более общем смысле система международных отношений – это система взаимодействия идеологий, каждая из которых стремится к расширению и ре-формированию сети, в том числе для усиления своих ресурсных оснований.

2) Общим знаменателем «до-системных» определений идеологии являлась функция организации коллективного действия, цель которого – не столько улучшение состояния «коллектива», но сохранение некоего status quo, определяющего ключевые положения системы. Теория систем позволяет преодолеть концептуальную асимметричность, существующую как наследие критики тоталитарных идеологий: политическая и теоретическая идеология существует вне отрыва друг от друга. Данный подход (в перспективе – при взаимодействии с идеями Э. Гидденса) может представить СМО как сетевую структуру взаимодействующих самостоятельных систем, равно претендующих на аллокативные и авторитарные ресурсы, где идеология – основание редистрибуции власти (на данные ресурсы). В настоящее время именно теория стратегических нарративов способна приблизиться к подобной репрезентации СМО и концепта «идеология».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2002. 528 с.
2. Freeden M. The Morphological Analysis of Ideology. Oxford: Oxford University Press 2013. 752 p.
3. Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 238 с.
4. Д. Шварцмантель Идеология и политика. Харьков: Издательство "Гуманитарный центр", 2008. 315 с.
5. Мусихин Г. Очерки теории идеологий. М.: Наука, 2013. 297 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. 323 с.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 189 с.
8. Парсонс Т. Система современных обществ М.: Аспект Пресс, 1998. 254 с.
9. Луман Н. Общество общества. Кн. 1-3: Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос», 2011. 534 с.
10. Гидденс Э. Последствия современности. М: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.
11. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order. N.Y.: Routledge, 2013. 304 p.

УДК 378.146

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИНЖЕНЕРНОГО МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

С.В. Бреев, канд. техн. наук
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена проблема формирования индуктивного и дедуктивного способов рассуждения у студентов технических специальностей 1–3 курса. Определена основная причина указанной проблемы и обозначены пути ее решения.

Ключевые слова: мышление, медиа-агрессия, общеинженерные дисциплины.

В последние годы заметно снизился уровень освоения студентами (здесь и далее по тексту имеются ввиду студенты Кубанского государственного аграрного университета) общеинженерных дисциплин, о чем свидетельствуют как объективные показатели (постоянное падение среднего балла по текущей и промежуточной аттестации), так и субъективные мнения большинства преподавателей. Знания, которые легко усваивались студентами четыре-пять лет назад, стали усваиваться сложно два-три года назад и на данный момент либо вообще перестали пониматься большинством студентов либо требуют в разы большего времени на объяснения.

Общеинженерные, такие как, теоретическая механика, сопротивление материалов, теоретические основы электротехники, начертательная геометрия, инженерная графика и т.д. всегда были камнем преткновения в обучении будущих инженеров. Их особенности, а именно оперирование небольшим числом фундаментальных принципов и очень широкое их применение; общий ход решения задач; широкое использование дедукции при решении конкретных задач с применением общих законов и индукции при выводе общих формул и формулировке законов; переходы между научным и обыденным типами мышления на лабораторных работах при интерпретации результатов и формулировке выводов; высокая абстрактность и слабая связь с непосредственной практической деятельностью будущих выпускников всегда делали их сложными в освоении. Следует отметить, что и естественнонаучные дисциплины, такие как высшая математика и физика обладают теми же особенностями.

Эти дисциплины кроме достаточно слабого самостоятельного значения имели фактически две взаимосвязанные задачи: 1) формирование инженерного мышления – когнитивного фундамента будущих технических специалистов и 2) «отсев» студентов, неспособных к такому мышлению. Именно эти задачи определяли место этих дисциплин в учебном плане – 1–5 семестры при пятилетнем сроке обучения и 1–4 семестры при четырехлетнем.

Однако само понятие «мышление» – сложное и неоднозначное [6]. Существует множество определений этого понятия, также как и способов определять уровень его сформированности [7]. В данной статье, данный термин будет пониматься двояко: в широком смысле – способность работать с информацией (понимать, рефлексировать, анализировать, систематизировать, выделять главное и отбрасывать незначительное и т. п.), а в узком – способность устанавливать различного вида связи, прежде всего, причинно-следственные. Инженерное мышление, очевидно, понятие более узкое, чем мышление вообще, но сохраняет его вышеуказанную суть и имеет вполне практические, прикладные результаты в виде новых технических систем, конструкторских разработок, технологических процессов и т.д. Оно всегда развивалось путем решения задач по указанным дисциплинам.

Преподаватели, работающие со студентами первого-второго курса обучения уже достаточно давно сталкиваются с целым рядом особенностей обучающихся, делающими обучение достаточно проблематичным: слаборазвитая память; неспособность самостоятельно работать с учебной литературой; слаборазвитое или отсутствующее умение выделять главное, отбрасывать несущественное, выявлять причинно-следственные связи, делать и формулировать выводы; неспособность формализовывать задачи, переводя текст в схемы, а схемы в формулы.

Фактически наблюдается, что большинство студентов, имеют образное мышление (по классификации Л.С. Выготского [2]), которое оперирует

внешними, наблюдаемыми характеристиками предметов и явлений, что проявляется, например, в неспособности составлять расчетные схемы из текстов задач или составлять уравнения по расчетным схемам.

Одним из самых ярких примеров необходимости оперировать именно сущностным, а не внешними признаками (т.е. иметь развитое понятийное мышление по классификации Л.С. Выготского [2]) проявляется при решении задач по теме «Цепи постоянного тока» при изучении дисциплины «Теоретические основы электротехники». Сначала вводятся определения: последовательное соединение – такое, при котором у соединяемых элементов имеется одна общая точка и общее сопротивление является суммой сопротивлений отдельных резисторов $R_{общ} = \sum R_i$; параллельное соединение – такое, при котором у соединяемых элементов имеются две общих точки и общая проводимость является суммой проводимости отдельных резисторов $\frac{1}{R_{общ}} = \sum \frac{1}{R_i}$. Для пояснения этих способов соединения дается наглядная картинка для двух резисторов, изображенная на рисунке 1. Для параллельного соединения также дается готовая формула.

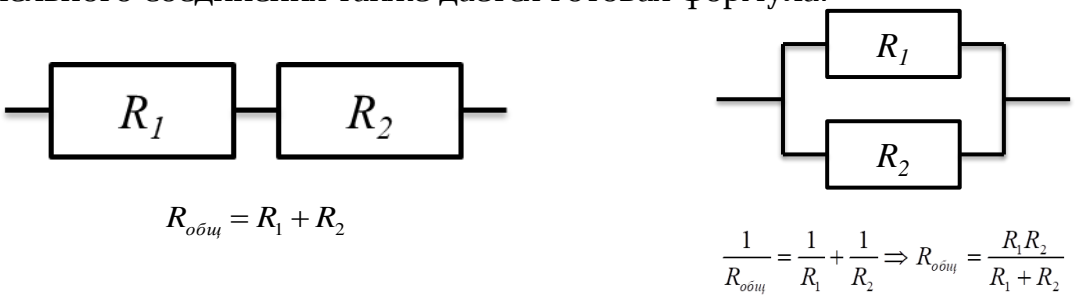

Рисунок 1 – Способы соединения резисторов:
а – последовательное; *б* – параллельное

Студенты запоминают картинки (образ – внешний признак), а не определения (сущностный признак). Поэтому преобразование схемы, изображенной на рисунке 2, *а* вызывает непреодолимые трудности, а у схемы, изображенной на рисунке 2, *б*. общее сопротивление будет вычислено по совершенно неверной формуле, полученной неправомерным обобщением.

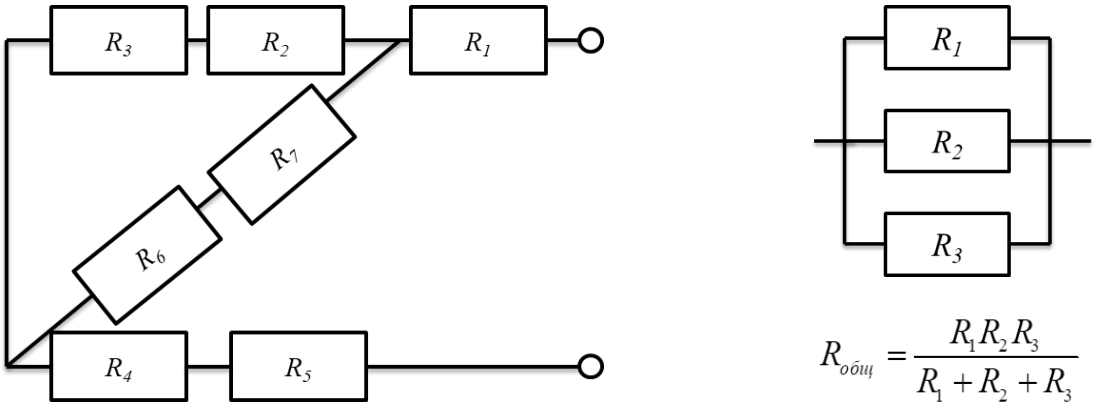

Рисунок 2 – Схемы для решения задач по дисциплине «Теоретические основы электротехники»

В рамках классификации, предложенной современным российским мыслителем С.Б. Переслегиным [4], преподаватели обладают либо естественнонаучным (конкретное, нецеленаправленное, материалистичное, рефлексивное, ограниченное. сочетает логику и эксперимент, работает с абстрактными категориями и причинно-следственными связями), либо, значительно реже, диалектическим технологическим (работает с конкретными системами: техническими, экономическими, административными и т. д., использует эволюционные модели и теорию решения изобретательских задач; оно конкретное, целенаправленное, материалистичное при этом нерефлексивное) мышлением.

Студенты же обладают сублимированным мышлением: его предмет не определен и случаен; способ аргументации – эмоции; бесструктурное, не выделяет смысловые слои и единицы: содержит фрагменты событий, разорванные или ложные причинно-следственные цепи; не способно на производство новой информации, обслуживает потребности семантической среды; мышление чужими словами и теориями, усредненными суждениями, стереотипными конструктами, которые формулируют подобие картины мира.

Причина такого когнитивного разрыва между студентами и преподавателями связана с тем, что преподавательское поколение выросло на книгах, а современные студенты – на видеороликах.

Книги содержат информацию в виде текста – наборе символов, который может быть незначительно «разбавлен» графическим материалом разного содержания. Следовательно, человек, работающий с книгой, должен уметь работать на символическом уровне мышления (по Выготскому [2]). Для этого нужны, как минимум, хорошо развитые память и воображение, чтобы, элементарно, запомнить прочитанное (например, имена и действия персонажей, последовательность событий) и за вереницей символов увидеть образ (например, по текстовому описанию представить себе местность или внешний вид персонажей в художественной литературе). Более высокий и

более сложный уровень чтения формируется при изучении учебной, научной и другой специальной литературы, где необходимо умение устанавливать связи и представлять себе абстрактные понятия: увидеть за формулой физическую закономерность (или наоборот, физическую закономерность выразить формулой), по схеме представить физический прибор или наоборот и т.п. Такая деятельность очень активно стимулирует мозг, а до определенного возраста влияет на мозг на биологическом уровне [5].

Короткие, яркие и часто бессодержательные видеоряды, т. н. «информационная жвачка», к которой мозг привыкает с самого раннего детства, и пресыщенность впечатлениями накладывает серьезные ограничения на учебный процесс: неспособность долго сосредотачиваться на чем-либо одном, очень кратковременная память, сложность восприятия текстовой информации. Существуют исследования, показывающие, что активность мозга при просмотре развлекательного видеоролика слабо отличается от состояния сна [8]. Очевидно, что при такой низкой активности о развитии мозга не может быть и речи.

Современные инфокоммуникационные технологии привели не только к доступности практически любой информации, но, с другой стороны, и к ухудшению ее качества (ошибки встречаются даже на специализированных сайтах) и сокращению времени на ее обдумывание и осознание. Более того, информационный поток вырос настолько, что дети уже в 10–12 лет настолько пресыщаются разного рода информацией (в основном, в форме видеороликов), что теряют естественный познавательный интерес и становятся практически совершенно равнодушными к учебному материалу, несмотря на все старания школьных учителей и родителей [1].

Такая ситуация возникла не мгновенно, а развивалась постепенно. Еще лет 25 назад доступ в интернет было очень дорогим удовольствием, и его использование для решения учебных задач сводилось к получению, например, редких текстов, отсутствующих в библиотеках. Уже в середине 2010-х гг. доступ к ресурсам интернета был не только в каждом доме, но и на каждой ладони – в смартфоне. При этом сама информация в интернете перешла из текстовой формы сначала в графическую (в виде картинок), а затем и в видео.

Это не могло не оказать влияние и на образование. Достаточно быстро интернет вырвал из рук преподавателей главный инструмент формирования инженерного мышления – потеряли свое значение задачники по физике, высшей математике, теоретической механике и другим общеинженерным дисциплинам, т. к. найти готовое решение в интернете было гораздо быстрее и проще.

Это привело к массовой разработке преподавателями собственных практикумов, однако интернет-сообщество сделало ответный ход: появились онлайн калькуляторы. Главная особенность задач общеинженерных дисциплин – возможность их алгоритмизировать – оказалась их главной

слабостью: появился целого ряда программ, которые могли решать практически любые типовые задачи, бесплатно и круглосуточно. Однако даже здесь перед студентами все еще стояла задача формализации задачи – перевода текста в схему.

Радикально ситуация изменилась с началом широкого использования нейросетей (т. н. «искусственного интеллекта»), примерно с весны 2023 года. Такие системы позволяют просто переписать текст, сгенерированный в ответ на запрос, содержанием которого является текст задачи.

Массовое использование таких информационных ресурсов приводит к очевидной ситуацией с успеваемостью – задания, выполняемые в часы самостоятельной работы, сложно оценить на оценку ниже чем «отлично», задания, выполняемые в аудиториях с жестким запретом на использование смартфонов – так же сложно оценить на оценку выше «неудовлетворительно».

Иногда ситуация доходит до абсурда: студенты не понимают действительно элементарных изображений на схемах или слов. Например, на занятии по теоретической механике преподавателю понадобилось около 10 минут, что бы объяснить, что барабан 2 механизма, схема которого изображена на рисунке 3, является единым целым, и имеет два обода, которые, соответственно, могут иметь только одну угловую скорость, т. е. тот очевидный факт, что эти ободы не могут вращаться по-разному.

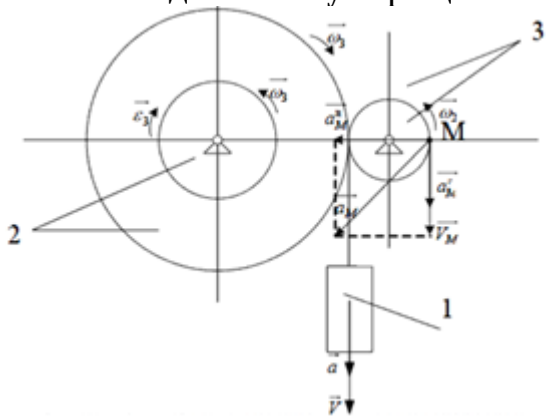

Рисунок 3 – Схема исследуемого механизма по дисциплине «Теоретическая механика»

Ситуация настолько серьезна, что ее даже прокомментировал Президент России В. В. Путин. На конференции AI Journey 2025 в беседе с одним из специалистов в этой области он спросил: «а зачем вводить ИИ в образование? Ведь тогда дети разучатся думать?». Вразумительного ответа Президент так и не получил [3].

Таким образом, в сложившейся ситуации у профессорско-преподавательского состава есть не так уж и много возможностей по реализации главной задачи общеинженерных дисциплин – формировании инженерного мышления у студентов:

1. Жесткий запрет на использование смартфонов во время занятий. Преподавателю следует быть готовым к возникновению конфликтных

ситуаций, связанных, в том числе, с отсутствием правового регулирования вопросов использования смартфонов на территории вуза и во время занятий.

2. Обязательная защита заданий, выполненных во время самостоятельной работы. Даже если студент просто переписал текст, сгенерированный нейросетью, ему необходимо разобраться с ходом решения задачи и продемонстрировать понимание сути задач и способность самостоятельно их решать.

Все же следует отметить, что перед обществом в целом и перед преподавательским составом в частности стоит непростая задача – найти новый способ формирования инженерного мышления у студентов – будущих технических специалистов, т. к. прогресс информационных технологий не остановить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А вот в наши времена: что такое детское пресыщение URL: https://mel.fm/blog/nikolay-arkharov/57108-a-vot-v-nashi-vremena-chto-takoye-detskoye-presyshcheniye.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. / Л.С. Выготский – "Лабиринт", М., 1999. – 352 с.
3. Игорь Ашманов: Мыльный пузырь технологии ИИ сдуется через год-полтора, не стоит возводить ее на пьедестал URL: https://katyusha.org/oczifrovka/igor-ashmanov-myilnyij-puzyir-texnologii-ii-sduetsya-cherez-god-poltora-ne-stoit-vozvodit-ee-na-pedestal.html.
4. Переслегин, С.Б. Сумма стратегии / С.Б. Переслегин, Е.Б. Переслегина, Н.А. Луковникова, А.В. Желтов. – СПб, 2013 г. – 1070 с.
5. Роль чтения в развитии личности ребенка: материалы межвузовского круглого стола студентов, аспирантов и молодых ученых. Выпуск 5: [сборник] / Российская государственная детская библиотека; сост.: А. В. Березина; н. ред.:Малахова Н. Г.: ред.: Березина А. В., Колосова Е.А. – Москва, 2021 – 120 с.
6. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2003. – С.120.
7. Сазанова, Н. Г. Формирование логических приемов мышления при обучении решению физических задач студентов технического вуза: автореферат дисс. соискание уч. степ. канд. пед. наук / Н. Г. Сазанова. – Челябинск, ЧПГУ, 2008 г.
8. Yuanyuan Gaoal. Neuroanatomical and functional substrates of the short video addiction and its association with brain transcriptomic and cellular architecture URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/ S105381192500031X?via%3Dihub.

УДК 130.2

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА И МЕНТАЛИТЕТА В РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

М.А. Бушуева, студент
Научный руководитель – А.В. Коновалов, канд. филос. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимовлияния языка и менталитета как ключевых компонентов русской цивилизации. Рассматривается диалектическая связь этих феноменов, при которой язык выступает одновременно и как отражение глубинных ментальных структур, и как активное начало, формирующее национальное мировосприятие и картину мира. На основе лингвистического, культурологического и историко-антропологического подходов исследуются специфические черты русского менталитета, зафиксированные в языковой системе, и обратное влияние языковых структур на способы мышления и ценностные ориентации. Доказывается, что русский язык является не только инструментом коммуникации, но и цивилизационнообразующим фактором, хранителем уникального культурного кода.

Ключевые слова: язык, менталитет, картина мира, русская цивилизация, национальное сознание.

Введение. Проблема соотношения языка и менталитета является одной из центральных в современной культурологии и философии языка. Как отмечают исследователи, язык служит не только средством общения, но и «зеркалом культуры», в котором отражаются все существующие представления народа о мире, его ценностные ориентации и особенности мышления [1]. В свою очередь, менталитет, понимаемый как категория, позволяющая обнаружить структуру, общие закономерности и частные особенности ментальности нации, находит свое непосредственное выражение и проявление в языке [2]. Данная взаимосвязь приобретает особую значимость в контексте исследования крупных цивилизаций, где язык выполняет роль не просто коммуникативного инструмента, но и фундаментальной основы идентичности. Русская цивилизация, сформировавшись в многообразном в этническом и религиозном плане евразийском пространстве, она представляет собой исключительный пример тесного и взаимообусловленного развития языка и мышления, где каждый из этих феноменов выступает одновременно и причиной, и следствием развития друг друга [3]. В трудах современных ученых обоснована идея о том, что язык является «действительностью народного духа» и формирует своего

носителя, определяя его поведение, образ жизни и мировоззрение [1]. Для написания данной статьи будет выполнен комплексный анализ специфики этого взаимовлияния в рамках русской цивилизационной модели.

Постановка задачи. Цель исследования заключается в выявлении и системном описании механизмов двустороннего влияния языка и менталитета в контексте русской цивилизации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретические основы взаимосвязи языка и менталитета в рамках лингвистического, культурологического и антропологического подходов.
2. Проанализировать, как ключевые черты русского менталитета (соборность, духовность, дихотомичность сознания) находят отражение в системе русского языка, его лексике, фразеологии и грамматике.
3. Исследовать обратное воздействие языковых структур (например, синтаксической свободы, богатой системы словообразования) на формирование национального мышления и картины мира.
4. Определить роль русского языка как цивилизационнообразующего фактора, обеспечивающего единство и преемственность культурного кода.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составили принципы лингвистической культурологии и антропоцентрической лингвистики, рассматривающие язык как неотъемлемую часть культуры и ключ к пониманию национального сознания. В работе применяется комплекс методов:

- Историко-антропологический метод, позволяющий проследить формирование ментальных установок в «длительном времени» и их фиксацию в языке [4].
- Анализ смыслов, направленный на выявление культурно-специфических концептов («душа», «воля», «судьба»), репрезентированных в русской языковой картине мира.
- Сравнительно-сопоставительный метод, используемый для выделения уникальных черт русской языково-ментальной модели.
- Анализ, применяемый для изучения отражения ментальных установок в текстах различных жанров, включая фольклор и религиозную литературу.

Результаты. Взаимосвязь языка и менталитета в русской цивилизации носит многофункциональный характер. С одной стороны, язык аккумулирует и транслирует основные ментальные константы. С другой стороны, сам язык активно формирует ментальные структуры.

Анализ проблемы с позиций нескольких научных парадигм, представленный в исследованиях, позволил выявить многоаспектность взаимосвязи:

- Лингвистический подход, следующий за идеей о языке как «действительности народного духа» и развитый в гипотезе лингвистической относительности, рассматривает язык как систему, категоризирующую мир. Язык не просто отражает реальность, но и формирует «круг, откуда человеку дано выйти лишь поскольку он вступает в круг другого языка» [1]. Русский язык, с его развитой системой глагольных видов, актуализирующих не время, а отношение к действию (завершенность, длительность), формирует специфическое чувство процессуальности.
- Культурологический подход понимает культуру как то, «что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думает» [2]. Язык выступает «зеркалом культуры» [1], «хранилищем культурно-значимой информации» [7] и активным фактором её формирования. Так, обширное семантическое поле лексики, связанной с пространством («простор», «даль»), и внутренним миром («душа», «тоска») отражает и конституирует ключевые ценности русской культуры.
- Историко-антропологический подход рассматривает менталитет как продукт «длительного времени». Языковая установка, понимаемая как «одна из составляющих в структуре менталитета» [4], формируется исторически и предрасполагает носителя к определенному восприятию мира. Анализ фольклора и пословиц («Работа не волк, в лес не убежит» [5]) позволяет реконструировать глубинные, консервативные пласты национального сознания.

Ключевые черты национального менталитета находят прямое и косвенное выражение на всех уровнях языка, что подтверждается лингвистическим анализом:

- Соборность (приоритет коллективного) объективирована не только в лексике («всем миром»), но и в грамматике. Активное использование безличных и неопределенно-личных конструкций («Говорят, что…»; «Мне не спится») смещает акцент с индивидуального деятеля, отражая установку на коллективный опыт или неопределенный источник истины, что соотносится с идеей соборности [Борзова, Ковалев, С. 45].
- Духовность и дихотомичность сознания зафиксированы в уникальной лексико-семантической группе слов-концептов, описывающих тонкие душевные состояния («тоска», «удаль», «надрыв»), а также в бинарных оппозициях типа «правда-истина», «воля-свобода». Наличие этих пар свидетельствует о глубинном различении внешнего/формального и внутреннего/сущностного, материального и духовного [6; 5].
- Образно-интуитивный тип мышления ярко отражен в идиоматическом корпусе языка. Фразеологизмы и пословицы («ум за разум заходит», «вот где собака зарыта») демонстрируют нелинейный, метафорический способ постижения истины, что, по мнению исследователей, является важнейшим источником для реконструкции этнического менталитета [6; 5].

Язык выступает не пассивным зеркалом, а активным формирующим началом, что доказывает обратное воздействие его структуры на менталитет:

- Синтаксическая свобода и гибкий порядок слов при развитой падежной системе способствуют формированию контекстуального и гибкого мышления. Как отмечается, относительная свобода в расположении слов «может коррелировать с особым восприятием времени, где прошлое, настоящее и будущее теснее взаимосвязаны» [6]. Это формирует навык улавливания смысла из общего контекста, а не из жесткой схемы.
- Богатая система словообразования (суффиксация, префиксация) с огромным количеством субъективно-оценочных форм («дом – домик – домище – домина») воспитывает тонко дифференцированное, эмоционально окрашенное отношение к миру, прививая не нейтрально-констатирующее, а оценочное восприятие действительности.
- Язык как «дом бытия» (М. Хайдеггер) структурирует опыт носителя. Языковая установка, являясь компонентом менталитета, «предрасполагает носителя к определенному способу восприятия и категоризации мира» [4]. Таким образом, усваивая язык, индивид усваивает и заложенную в нем «систему глубинно-психических установок» [4].

Исторически русский язык доказал свою роль не просто инструмента общения, но и каркаса цивилизации, что обосновывается в работах В.М. Шаклеина.

- В условиях евразийского полиэтнического пространства русский язык естественным образом эволюционировал от языка межнационального общения к цивилизационнообразующему языку [3]. Он стал «основой для формирования общей культурной матрицы, объединяющей разнообразные этносы» [3].
- Его способность к ассимиляции и творческому переосмыслению элементов других культур (тюркских, финно-угорских, западноевропейских) демонстрирует гибкость и ориентированность на синтез, заложенную в русском менталитете. Это подтверждается наличием соответствующих пластов лексики.
- Язык выступил как «интегратор общества» [6], предложив разнообразным народам единую концептуальную систему для осмысления мира через литературу, философию и науку, обеспечив тем самым культурное единство при этническом разнообразии. Этот процесс принципиально отличался от западной модели унификации, будучи основан на диалоге и адаптации [3].

Таким образом, взаимовлияние языка и менталитета в русской цивилизации создает устойчивую диалектическую систему. Язык является и хранителем ментального кода, аккумулирующим ключевые черты национального характера (соборность, духовность, образность), и активным инструментом его формирования и постоянной адаптации, обеспечивающим цивилизационную целостность и преемственность.

Выводы. Проведенное исследование позволяет утверждать, что взаимовлияние языка и менталитета является системообразующим фактором русской цивилизации.

1. Русский язык объективирует ключевые черты национального менталитета: примат духовного над материальным, соборность, дихотомичность («правда-истина», «воля-свобода»), нелинейность мышления.
2. Грамматические и синтаксические особенности русского языка, в свою очередь, оказывают формирующее влияние на когнитивные и ценностные структуры его носителей, способствуя развитию контекстуального, образного и синтетического типа мышления.
3. Русский язык исторически доказал свою роль как цивилизационнообразующего начала, обеспечивающего интеграцию и диалог культур в рамках евразийского пространства, что является прямым следствием особенностей русского менталитета, ориентированного на включение и синтез.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении понимания механизмов формирования цивилизационной идентичности через призму языка. При этом язык русской цивилизации предстает как:

1. Зеркало, адекватно отражающее ключевые черты национального менталитета: соборность, душевность, созерцательность, контрастность.
2. Консервант, сохраняющий и транслирующий эти черты через поколения.
3. Фактор формирования, активно участвующий в становлении личности и воспроизводстве ментальных моделей.

Так, русский язык и русский менталитет образуют неразрывное единство – «круг понимания», в котором раскрывается уникальныдуховный опыт русской цивилизации. Понимание этого единства является ключом к более глубокой саморефлексии и осмыслению исторической судьбы России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самосенкова Т.В. Язык как способ отображения культурно-национального менталитета / Т.В. Самосенкова, Ц. Гэн // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2011. – №1. – С.46-49. – EDN QZPMXD.
2. Абильдинова, Ж.Б. К вопросу о взаимосвязи языка, культуры и этнического менталитета / Ж. Б. Абильдинова // European Scientific Conference: сборник статей VII Международной научно-практической конференции: в 2 частях, Пенза, 07 ноября 2017 года. Том Часть 1. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 130-132. – EDN ZSBCDP.
3. Шаклеин, В.М. От концепции русского языка как языка межнационального общения к концепции цивилизационнообразующего языка / В. М. Шаклеин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2007. – № 1. – С. 7–12. – EDN IIXPOB.

4. Полежаев, Д.В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия / Д.В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5(39). – С. 57–62. – EDN LPAWUB.
5. Манаенкова, М.П. Язык как отражение ментальности / М.П. Манаенкова // Наука и Образование. – 2020. – Т. 3, № 3. – С. 32. – EDN JHJODT.
6. Борзова, Е.П. Язык и менталитет, их взаимосвязь и взаимовлияние / Е.П. Борзова, А.А. Ковалев // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2024. – № 1(27). – С. 39–51. – DOI 10.33979/2587-7534-2024-1-39-51. – EDN JFBPHV.
7. Козлова, Л.В. Язык как зеркало культуры и его влияние на формирование личности / Л.В. Козлова // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: Материалы XII международной научно-практической конференции, Брянск, 25 апреля 2025 года. – Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2025. – С. 142–151. – EDN QRJVAG.

УДК 008+316.77+304.2

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ЭТНОСОВ КАК ОСНОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ НАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.Е. Быданов, канд. филос. наук, доцент
В.Л. Овчинникова, аспирант
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Дан анализ проблем и механизмов сохранения этнической идентичности в условиях мультикультурализма и глобализма на основе исторической и культурной памяти народов, констант социализации этнической идентичности.

Ключевые слова: культурно-историческая память, этническая идентичность, этнические константы.

В условиях глобализации происходят противоречивые процессы изменения уклада жизни людей, обострение межэтнических, межконфессиональных и межцивилизационных взаимоотношений. Под воздействием идеологии мультикультурализма, насаждения единой «общепланитарной» субкультуры потребительского общества, происходит отказ от принципов культурного релятивизма, нивелирования национальных культур, что ведёт к деформациям и потере коллективной этнической и культурной идентичности этносов и народов, а в итоге к деградации национальных государств.

Многие отечественные и западные исследователи указывают, например, М. Хальбвакс, что стремление к универсализации и созданию общего культурного поля вступает в противоречие с необходимостью

сохранения уникального этнокультурного разнообразия, что проявляется в разрывах исторической памяти и обесценивании традиций [13]. Этот процесс затрагивает основы существования этнических сообществ, ставя под вопрос возможность сохранения их культурной уникальности в условиях нарастающей глобальной интеграции. М. Хальбвакс также указывает, что коллективная память, формирующаяся в рамках социальных групп, служит фундаментальным элементом их сплочения и самоидентификации [14]. Однако, глобализационные процессы ведут к системной дезинтеграции этих мнемонических сообществ, способствуя возникновению гомогенизированных масс, лишенных глубоких исторических корней. Э. Тофлер констатирует, что ускоряющиеся темпы социальных и технологических изменений порождают кризис адаптации, проявляющийся в состоянии дезориентации индивида и разрыве его связей с историческим прошлым [11]. Ф. Фукуяма ставит печальный диагноз, что такая трансформация вызывает фундаментальный пересмотр доктрины гуманитарного самоопределения личности. В результате наблюдается активное формирование космополитической идентичности, которая противопоставляется традиционным формам этнической и национальной идентификации [12]. Данный процесс сопровождается переоценкой ценностных ориентиров и пересмотром смысловых оснований коллективного бытия.

Ответом на такие глобальные, политические и культурные вызовы в истории человечества в разных обществах и странах усиливаются процессы осознания своей этнической идентичности – чувства принадлежности к определённому этносу, этнической общности. Процессы роста этнической идентичности и этнического самосознания стали ведущими в развитии человечества в начале XXI века, что не в последнюю очередь связано с необходимостью противостояния идеологии культикультурализма и постгуманизма в массовой культуре глобализма. Причины роста этнической идентичности едины для всего человечества, но особую значимость этнос приобретает в эпоху радикальных социальных преобразований, приводящих к социальной нестабильности. В эпохи кризисов происходит стремительная архаизация социальных структур, что закономерно ведёт к актуализации этнических процессов.

Одна из психологических причин роста значения этнической идентичности сегодня – поиск ориентиров и стабильности в пересыщенном информацией и нестабильностью мира. Другая причина– это интенсификация межэтнических контактов, как непосредственных (трудовая миграция, перемещение миллионов эмигрантов и беженцев, туризм), так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации.

Устойчивая этническая идентичность – это показатель высокого уровня адаптации к существующим условиям и одновременно способности адаптироваться к переменам. «Как оказывается, народ способен перенести любые испытания и лишения. Любой натиск враждебной ему материи при условии, что ему присуща устойчивая идентичность и вера в своё призвание в мире. И, напротив, даже в условиях относительного материального благополучия народ деградирует и погибает, если поражён его центральный культурный нерв – сознание своей идентичности и призвания (исторической незаменимости» [6].

Кризис идентичности, разрушение границ идентичности чаще всего происходят в рамках травматичных переживаний, разрушения ощущения целостности мира, образа себя, взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, традиционных и культурных ценностей.

Этническая идентичность есть в итоге чувство тождественности с той или иной этнической культурой, традицией, обладание той или иной памятью и опытом, зафиксированными в практиках (технике), ценностях и природе. С. Хантингтон указывает, что личностная идентичность (ответ на вопрос «кто я?»), этническая идентичность (ответ на вопрос «кто мои братья?» и цивилизационная идентичность (ответ на вопрос «какая культура моя? или «кто мы?») – три уровня социокультурной самоидентификации. Её высший уровень представляет цивилизационную идентичность. Соответственно цивилизация – это «самое большое «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них» [16]. «Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаём, против кого мы» [15].

В современной исторической ситуации Россия и российское общество в своём развитии столкнулась с новыми вызовами и угрозами, которые ставят остро вопрос о безопасности самого института многонационального государства, и вообще о её дальнейшей судьбе как страны. А. Проханов справедливо констатирует: «Полем боя становится история, искусство, литература, глубинные представления народа о своём предназначении.» [9] Одними из главных угроз национальной безопасности являются: угроза распада народа и дезинтеграции общества, угроза распада межнациональных отношений, угроза деградации культуры рационального мышления, «внедрение» системы потребностей, несовместимых с реальностью России, потери этнической и культурной идентичности [5].

Основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные

культуры многонационального народа РФ, как неотъемлемая часто российской культуры. Россия – полиэтническая страна. В ней живут самые разные этносы, представители многочисленных языковых групп, носители самых разнообразных культур. По данным последней переписи населения 193 народа, 277 языков и диалектов. Ещё в XIX в. В.Е. Хомяков писал: «та система ценностей и то миропонимание, которое могут быть названы для России «общенациональными», исторически были сформулированы как «православные»… Именно на этом духовном фундаменте формировались веками вся культура, этика и мораль государствообразующего Русского народа, которые по мере превращения Русского национального государства в государство «имперское», стали «культурообразующими» для всей сформировавшейся из многих этносов и племён Русской Цивилизации» [16].

Актуальной проблемой сегодня становится на основе исторического и культурно-национального критического самосознания формирование социальной и государственной идеологии современной России, в основе которой лежат принципы этнической, культурной и национальной идентичности. Сторонник идеи евразийства А.С. Панарин, считает, главным для России на данном историческом этапе является «проблема её цивилизационной идентичности – возможность самоопределения в историческом пространстве-времени на основе общепризнанных ценностей» [7]. Народ без культурных корней, оторванный от своих традиций, утративший историческую память обречён на исчезновение, превращение в своеобразный «этнографический материал» для иных цивилизаций.

Ценность традиционной культуры и традиционные культурные ценности оказываются как раз теми скрепами, которые связывают и цементируют общества. Любая культура – это цемент и основание любого народа, любого общества, любого государства. [8] Культура выполняет прежде всего защитную и адаптивную функции, и всякое её разрушение чревато тягчайшими, катастрофическими последствиями. Смена ценностей – смена идентичности. Смена идентичности – кризис, угроза распада, утраты преемственности «я» или страны, процессы здесь вполне аналогичны. Личная идентичность предстаёт как чувство тождественности или преемственности «я», сохраняющееся в личной истории, несмотря на изменения среды и индивидуальное развитие [8].

Культура – это основной родовой признак человека, средство сохранения как рода в целом, так и индивида. Культура передаётся от поколения к поколению не генетически, а путём обучения, следовательно, условием её сохранения является устойчивый контакт различных поколений, длительная продолжительность жизни и длительное детство, готовность к обучению, получению и усвоению знаний. Разрыв поколений, таким образом, ведёт к утрате культуры. Подлинная культура

– это «механизм», способ познания (в широком смысле слова – познания религиозного, художественного, нравственного, интеллектуального) человеком себя и мира.

Общероссийская культурная идентичность (многообразие этнических культур и народов – субкультур) необходима для обеспечения культурной и национальной безопасности. Культура – это душа народа. Потеря своей культуры убивает народ духовно, что приводит к вырождению общества. Потеря национальной культуры (языка, фольклора, литературы, письменности, образа жизни, традиций, исторической памяти и т.д.) в конечном счёте приводила к исчезновению народа [3]. Каждый из народов и этнических общностей, входящих в состав российского народа как целого, является носителем уникальных программ адаптации к уникальным природным и техническим условиям. Культура формирует социальные стандарты жизни, представляя наивысший, самый устойчивый и продолжительный по времени уровень идентичности [2].

Сегодня этнические группы активно включены в мировую политическую жизнь, являясь предметом изучения многих наук и воздействия на них различных политических сил. Процессы образования этносов носят прежде всего социальный характер.

Понятие «этнос» происходит от греческого слова, означающего «стая, рой, группа, племя, род», т.е. некое «объединение». С точки зрения антропологического и этнографического подходов, понятие «этнос» более узкое, чем понятия «народ» и «нация». «Этнос, есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличаемых ею от таковых других» [18]. Наиболее важной характеристикой этноса является самосознание, которое, как правило, сопряжено с самоназванием (этнониме).

Этничность имеет три основных аспекта: 1) культурные норма и ценности; 2) сила и значимость этнической идентичности; 3) установки, связанные со статусом меньшинства. Процессы образования этносов носят прежде всего социальный характер.

Этническая идентичность – часть социальной идентичности личности. В её структуре обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания), представления об особенностях собственной группы и осознания себя её членом) и аффективный (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней). Выделяется также и поведенческий компонент социальной идентичности, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях [1].

Народ (народность) – понятие более широкое, чем этнос. Под народом принято понимать исторически сложившуюся, прежде всего

экономическую, языковую, территориальную и культурную, общность. Таким образом, к народу относятся различные этносы, имеющие общие экономику, язык, территорию, культуру.

К числу «народов», т.е. «этносов», относятся совершенно различные группы людей. Народ – совокупность людей, объединённых принадлежностью к тому или иному государству, обществу.

Как племена, так и народности постепенно объединятся в более крупные объединения, называемые «нацией». Этнос и нация – явления, относящиеся к разным социальным сферам. Среди признаков нации, отличающих её от предшествующего типа народности, подчёркивается наличие государственности [10]. Национальность – факт принадлежности к нации. Принадлежность к нации должна подтверждаться юридически. С культурным пониманием термина «нация» коррелирует понятие «национальное государство».

Россияне обладают характеристикой присущими «нации» - общим самосознанием и самоназванием, единым литературным языков, духовной связью с определённой историей и государственностью. Нация – это россияне. К ней принадлежат все граждане России.

Сущность этнической общности наиболее ярко проявляется в этнических процессах: этнической ассимиляции, этническом слиянии, этнического включения и этнического расщепления. Они происходят стихийно и во многом независимо от сознания и воли людей.

В «этнической социализации» личности или народа, для достижения этнической идентичности (этнического менталитета) участвуют следующие этнические константы (бессознательные комплексы) через разнообразные обряды и ритуалы: этническая картина мира, этническое историческое сознание, историческая и культурная память этноса, места коллективной памяти этноса и др.

Известный «общий закон» этнологии гласит: «Традиция есть форма коллективной адаптации народа к среде обитания. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречёте его на медленный, неизбежный процесс умирания. Отсюда общее правило уничтожения народов: хочешь стереть с лица земли народ – найди способ подрыва его традиций [4].

Исторически Россия всегда видела свою миссию в объединении человечества при сохранении цивилизационного многообразия культур, в православном глобализме времени (то есть общих целей и задач на определенном временном промежутке), а не в глобализме пространства, которое предлагает западная цивилизация. При этом настоящий момент исторического развития российского народа связан с формированием такой идентичности, как нация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлантов Д.Ю. Антропология для гуманитарных и социальных направлений: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2022. С. 205.
2. Быданов В.Е., Карпухин С.В., Смирнов В.И. Экспликация смыслов феноменов «Культура» и «Цивилизация» в контексте формирования идеологии «Россия – государство цивилизация»/ Конфликтология 19(2), 2024: Общие аспекты конфликтологии. С. 15.
3. Верминенко Ю.В., Ершов Н.В. Культурная безопасность общества и государства и её основные угрозы /Управленческое консультирование. 2017. №12. С.111–112.
4. Кара-Мураза С.Г. Вызовы и угрозы России. Лекции межфакультетского курса. (1 семестр 2014–2015 уч. Год). М.: Научный эксперт, 2015. С. 55.
5. Кара-Мурза С.Г. Вызовы и угрозы России. Лекция межфакультетского курса (1 семестр 2014–2015 уч. год). М.: Научный эксперт, 2015. С. 14–22.
6. Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. – М.: 1999. – С. 293.
7. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Изд. Корпорация «Логос», 1998. С. 387–388.
8. Пантин В.И. Циклы и волны истории: Природа, человек, общество, культура/ В.И. Пантин. – М.: Политическая энциклопедия, 2023. С. 220–221.
9. Проханов А. Здравствуй, мобилизация! // В кн.: Здравствуй мобилизация! Русский рывок: как и когда? (Коллекция Изборского клуба). М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2019, С. 10.
10. Товадов Г.Т. Этнология. Словарь-справочник. М., 1998. С. 325–328.
11. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. С. 45.
12. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2005. С. 56
13. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2005. С. 45.
14. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2005. С. 25
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 17.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 52.
17. Хомяков В.Е. Государственная идеология – это просто (Простое и сложное). М.: Книжный мир, 2018. С. 156.
18. Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, изд-во ДГУ, 1922. С. 13.

УДК 340.111

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ В ТЕОРИИ ПРАВА

Д.И. Быков, аспирант
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
г. Брянск, Россия

Аннотация. В статье проведен всесторонний анализ диалектической взаимосвязи принципов добросовестности и справедливости как фундаментальных основ правового регулирования, осуществлен историко-философский и аксиологический обзор возникновения, развития и закрепления данных принципов в современных правовых системах, рассмотрены особенности правоприменения и механизм влияния на юридические конструкции, нормативную практику, правовое сознание. Обоснованы научные выводы о роли принципов добросовестности и справедливости в совершенствовании законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: добросовестность, справедливость, теория права, диалектика, методология, правоприменение, аксиология, нормативность, юридическое сознание.

В современной теории права категориям добросовестности и справедливости отводится особое место, поскольку именно они обеспечивают баланс между нормативной определённостью права и его аксиологическим содержанием. Осмысление характера взаимоотношения этих принципов приобретает ключевое значение на фоне глобальных социальных изменений, роста правового плюрализма, интеграции различных систем норм и ценностей. Добросовестность и справедливость связаны с категориями общественного доверия, легитимации власти и согласия граждан с действующим правопорядком.

Интерес к взаимозависимости этих принципов обусловлен тем, что ни одна правовая система, ни одно цивилизованное общество не может существовать без признания справедливости как универсального идеала, и без добросовестности как модели поведения субъектов правоотношений. Именно диалектический характер их взаимодействия позволяет праву выполнять гуманистическую функцию, способствовать превращению норм из формальных предписаний в работающие механизмы регулирования. Междисциплинарные исследования подтверждают, что принцип справедливости формирует аксиологический каркас системы права, а принцип добросовестности выступает его поведенческой реализацией.

Научная проблематика темы требует комплексного применения различных методологических стратегий: помимо классических методов анализа, синтеза, индукции и дедукции, используются сравнительно-правовой подход, аксиологический анализ, системный, диалектический и

историко-правовой методы, позволяющие раскрыть внутреннюю структуру, эволюцию, противоречия и интегративную роль принципов добросовестности и справедливости.

Особое значение придаётся диалектическому методу как инструменту выявления и осознания двойственности, динамики, внутренней конфликтности и развития понятий. Именно этот метод способствует выявлению таких аспектов, как противостояние формального равенства и фактической справедливости, конфликт позитивного и естественного права, внутренние границы применения принципов на разных этапах публичного и частного регулирования [4].

Системный анализ применяется для рассмотрения добросовестности и справедливости как взаимосвязанных элементов единой нормативной и аксиологической структуры, а аксиологический подход – для осмысления фундаментальных ценностей, лежащих в основе права. Формально-юридический и правосравнительный методы позволяют демонстрировать специфику закрепления этих принципов в различных правовых доктринах и судебных системах.

Исторически становление принципов добросовестности и справедливости связано с эволюцией права от обычных норм к системам законодательства, формированием естественно-правовой и позитивистской доктрин. В римской юриспруденции используется понятие bona fides, которое становится основой для формирования правовых гарантий и принципа справедливости, закрепляемых в системах частного и публичного права.

В средние века добросовестность и справедливость приобретают религиозно-нравственный аспект, интегрируются в канонические доктрины, становятся важнейшими условиями легитимности власти и права. Эпоха Просвещения приносит новую интерпретацию: философы рассматривают справедливость как мера объективного соответствия закона моральным идеалам, а добросовестность – как практический критерий поведения субъекта права, ориентированного на благо общества и уважение к контрагенту [8].

В Новое время, особенно в работах Канта, добросовестность трактуется как следование внутреннему нравственному закону, а справедливость как выражение всеобщей разумной воли. На рубеже XIX–XX веков появляется концепция социальной справедливости, развиваются идеи социальной функции собственности, ограничения свободы договора ради общей пользы. Это находит отражение в закреплении принципов добросовестности и справедливости в национальных системах – французской, немецкой, швейцарской. В советском праве идеи социальной справедливости подвергаются идеологизации, добросовестность утверждается преимущественно как инструмент защиты интересов государства, но даже в

этих условиях принцип сохранения баланса между частными и публичными интересами сохраняется.

В современной России принципы добросовестности и справедливости все шире закрепляются как в конституционных, так и в отраслевых нормах, становятся критерием оценки поведения субъектов, механизмом преодоления пробелов и разрешения споров в судах.

Современная теория выделяет несколько уровней трактовки добросовестности:

1. Нормативный уровень: добросовестность выступает как требование к корректности исполнения обязательств, честности, полноте информирования, ответственности при заключении сделок, подписании договоров, реализации полномочий, предупреждении противоправных действий [7].
2. Оценочный уровень: служит инструментом индивидуализации правовых конфликтов, адаптации общих норм к уникальным ситуациям чрезвычайной жизни.
3. Поведенческий уровень: добросовестность становится принципом ежедневной правовой практики, стилем мышления и действия субъекта, усиливает доверие, минимизирует риск возникновения злоупотреблений, способствует сохранению репутации и защищает слабые стороны правоотношения.

Добросовестность проявляет себя в различных сферах (наследственное право, трудовые и семейные отношения, корпоративное право, финансовое регулирование). Презумпция добросовестности подкрепляется судебной практикой, становится важнейшей частью правосознания граждан и учреждений.

Принцип справедливости сложно ограничить какими-то предписаниями: он отражает стремление общества к гармонии, равновесию, пропорциональности интересов, адекватности наказаний и вознаграждений, инклюзивности права, признанию уникальных обстоятельств дела. В теории права справедливость подразделяется на корректирующую, распределительную и воздающую [8]:

- Корректирующая справедливость обеспечивает индивидуальный подход, учитывает уникальность жизненных ситуаций.
- Распределительная справедливость нацелена на равномерность доступа к социальным благам, уравновешивает общественные отношения между различными группами, регулирует экономические, медицинские, образовательные и иные сферы.
- Воздающая справедливость отвечает за адекватность санкций, восстановление нарушенного баланса интересов.

В современном российском праве справедливость осмысляется не только как юридическая категория, но и как правосознательный идеал, лежащий в основании всякого нормативного регулирования. Судебные

органы всё чаще апеллируют к принципу справедливости, выходя за пределы формального толкования закона для обеспечения баланса интересов сторон. С точки зрения правовой аксиологии, справедливость становится внутренним критерием легитимности правовой системы, её способностью обеспечивать устойчивое развитие и доверие общества.

Диалектический подход позволяет рассматривать добросовестность и справедливость как неразрывные, но разные по содержанию стороны одной нормативной медали. Добросовестность реализует справедливость на уровне повседневной практики, служит корректором формального применения закона, обеспечивает адаптацию общих норм к особенностям конкретного дела. В то же время справедливость формулирует общий идеал, критикует слепое следование букве закона и призывает учитывать моральные, этические, общественные стандарты [2].

В судебной практике эти механизмы проявляются в следующем:

1. Индивидуализация санкций, признание особых обстоятельств в спорах о наследовании, защите прав потребителя, регулировании корпоративных конфликтов.
2. Ограничения формальной свободы договора ради защиты слабого контрагента, предотвращения абузуса правом.
3. Интеграция морали в интерпретацию норм, использование справедливости для легитимации решений суда при пробелах или противоречиях законодательства.
4. Реализация добросовестности как инструмента сотрудничества, предотвращения вреда, регулирования ответственности за преднамеренные злоупотребления.

Диалектический характер проявляется в противоречиях и синтезе: жесткое применение нормы против общественного интереса может быть корректировано ссылкой на справедливость. Добросовестность позволяет гибко реагировать на изменяющиеся общественные потребности, а справедливость легитимирует такую гибкость перед обществом и государством.

В странах Европы закрепление принципов добросовестности и справедливости носит универсальный характер. В Германии §242 Гражданского уложения формулирует требования добропорядочности исполнения обязательств. Во Франции добросовестность признана основой договорного права, в Швейцарии – принципом корректного ведения дел. Англо-американская доктрина подразумевает fair dealing модель честного и справедливого поведения, подлежащего судебной оценке [2].

Российский опыт активно перенимает европейские подходы, акцентируя их адаптацию к национальным реалиям – становление предпринимательского и корпоративного права, сложность гражданского оборота, повышение требовательности к добросовестному поведению, борьбу с злоупотреблениями и мошенничеством. Разработка критериев

объективной и субъективной добросовестности, интеграция ценностей социальной справедливости в регулирование деятельности государственных и коммерческих институтов, усовершенствование судейской этики – всё это отражает глобальные тенденции гуманизации и аксиологизации права.

Применение принципов добросовестности и справедливости сталкивается с серьезными теоретическими и практическими трудностями: отсутствие единых критериев, субъективизм судебных решений, коллизии между нормой и ценностью, размытость границ интерпретации. Текущие научные дискуссии концентрируются на вопросах установления объективных параметров добросовестного поведения, поиска оптимального баланса между формальной определённостью закона и гибкостью аксиологических принципов.

Актуализируется задача создания единого стандарта добросовестности, примеров fair dealing и bona fides, интеграции этики и морали в корпус нормативных актов, выработки механизмов саморегуляции поведений субъектов правоотношения, повышения прозрачности судебного контроля.

В перспективе дальнейшее развитие принципов добросовестности и справедливости связано с ростом роли судебной практики, совершенствованием законов, расширением диалога с иностранными моделями, повышением аксиологической наполненности нормативных актов, усилением требований к профессионализму и ответственности юристов и судей, активным вовлечением граждан в формирование справедливых решений. Особое значение приобретает развитие правового образования, повышение уровня правосознания и правовой культуры общества.

Таким образом, добросовестность и справедливость представляют собой неразделимые, но отличные элементы правовой системы, объединяющие нормативную строгость и аксиологическую мягкость регулирования. Они образуют фундаментальные ценностные основы правового сознания, обеспечивая реализацию идеалов гуманизма, социальной гармонии и юридической ответственности. Диалектическая взаимосвязь проявляется во взаимной коррекции и развитии принципов: добросовестность обеспечивает практическое исполнение справедливости, справедливость формулирует общие ориентиры легитимности правоприменения. Историческая эволюция этих принципов отражает процесс гуманизации права, укрепления его социально-ценностной функции, перехода от позитивистского формализма к интегративным, этическим и аксиологическим парадигмам регуляции. Системное закрепление добросовестности и справедливости в правовых актах способствует преодолению перегибов формализма, легитимирует креативные способы разрешения юридических конфликтов, стимулирует развитие судебного контроля и обеспечивает устойчивость правопорядка в условиях перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдреев, К.Р. Принцип добросовестности в российском праве: межотраслевой анализ / К. Р. Абдреев, Ю. А. Краснов // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 7. – С. 58–62. – ISSN 1815-4964. – Текст: непосредственный.
2. Абросимов, А.В. Особенности применения принципа добросовестности в российском гражданском праве / А.В. Абросимов // Адвокатская практика. – 2024. – № 2. – С. 2–7. – ISSN 1811 4955. – Текст: непосредственный.
3. Архипкин, И.В. Принцип добросовестности в праве: историко-теоретические аспекты / И.В. Архипкин // Гражданское право. – 2025. – № 1. – С. 40–43. – ISSN 1813 84-60. – Текст: непосредственный.
4. Журавлева, А.В. Справедливость как этическая категория гражданского законодательства в РФ / А. В. Журавлева // Научный аспект. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 1734-1745. – EDN BJKJNP.
5. Зайцев, С.А. К вопросу о понятии справедливости / С. А. Зайцев // Вестник Омского университета. – 1999. – № 4. – С. 148–151. – Текст: непосредственный.
6. Иванова, С.А. Добросовестность, разумность и справедливость в гражданском праве: гносеологический и социокультурный анализ / С.А. Иванова // Гражданское право. – 2023. – № 6. – С. 6–8. – ISSN 1813 84 60. – Текст: непосредственный.
7. Комиссарова, Е.Г. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы / Е.Г. Комиссарова, О.А. Кузнецова // EX JURE. – 2023. – № 3. – С. 84–98. – ISSN 2619-0648. – Текст: непосредственный.
8. Могилевский, П.С. Принцип добросовестности в гражданском праве Российской Федерации / П.С. Могилевский // Гражданское право. – 2023. – № 6. – С. 6–8. – ISSN 1813 84–60. – Текст: непосредственный.

УДК 008:004.8

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА И КРЕАТИВНОСТИ В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ

Р.Д. Газизов, студент
Научный руководитель – Е.А. Будько, канд. филол. наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий (Нефтекамский филиал)
г. Нефтекамск, Россия

Аннотация. В статье исследуются изменения, происходящие с понятиями "авторство" и "креативность" в контексте развития генеративных нейронных сетей (Midjourney, Stable Diffusion и DALL-E). Культурологическое исследование кейса "ИИ-Арт" с помощью постструктуралистской теории (Р. Барт, М. Фуко) и теории медиа (Л. Манович) поднимает вопросы об "онтологическом статусе цифровых произведений искусства, созданных с помощью алгоритмических процессов. Какую роль в этом контексте будет играть "промышленный инжиниринг"? Автор предполагает, что это может быть либо "новая форма художественного акта", либо "последняя "смерть автора", поскольку все процессы

превращаются в "автоматизированную рекомбинацию культурных кодов"." Этические проблемы, связанные с обучением наборам данных, и "изменение роли художника с демиурга на "оператора-куратора"- обращайте на это особое внимание.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративное искусство, нейросети, авторское право, цифровая культура, промпт-инжиниринг, креативность, алгоритмическая эстетика.

Введение. В начале 2020-х годов мировая культура столкнулась с технологической задачей такого масштаба, как создание фотографии в 19 веке. Появление общедоступных генеративных нейронных сетей, позволяющих создавать высококачественные визуальные, текстовые и аудиальные материалы исключительно на основе текстового описания (промпта), вывело дебаты о креативности на новый уровень. В то время как ранее считалось, что креативность – исключительно область человеческого сознания, связанная с интенциональностью и эмоциональным опытом, новые алгоритмические модели показали возможность имитации, стилизации и даже создания новых визуальных моделей, которые невозможно отличить от человеческих.

Цель этой исследовательской работы - обсудить изменения, внесенные в парадигму авторства использованием инструментов, связанных с искусственным интеллектом (ИИ). В этой статье мы обсудим, как авторство эволюционировало от "творческого гения" к "человеку-оператору", и попытаемся ответить на следующие вопросы: "Кто и что создал в сотрудничестве с ‘черным ящиком’ нейронной сети? "

Постановка задачи. Чтобы понять, что здесь происходит, необходимо обратиться к постструктуралистской критике середины 20-го века. В своем знаменитом эссе 1967 года "Смерть автора" Ролан Барт провозгласил "смерть автора", который вместо этого создает тексты не на основе их гениальности, а на основе языковых систем, и который создает "текст как сплетение цитат" [1, С. 384].

В контексте ИИ-арта описание, данное Бартом, приобретает буквальный и технический смысл. Генеративная нейронная сеть соответствует тому, что Барт описал для нее – что у нее "нет биографии, увлечений, личного опыта". Он "извлекает уроки из миллиардов изображений (наборов данных) – они представляют собой "структуру цитат" всей человеческой культуры". Когда пользователь вводит "запрос", он не "создает", а рекомбинирует то, что у него уже есть, для "вероятностного прогнозирования пикселей".

Тем не менее, здесь возникает парадокс. Если бы было правдой, что "Автор отдает свою власть Богу, а человек - Читателю", то в генеративном искусстве появился бы "суфлер" (оператор). В генеративном искусстве "суфлер" не знает ни "техники" (кисти, резца), ни "предмета", но он знает "идею". Появление "суфлера" заставляет пересмотреть концепцию "авторской

функции", разработанную Мишелем Фуко. Концепция "авторской функции" "используется для характеристики и классификации текстов" [2, с. 28]. В свою очередь, впервые в истории "функция автора" в ИИ-арте "распределена между несколькими лицами".

Методика и методология исследования. Люди, критикующие ИИ-Арт, утверждают, что нажатие кнопки "Создать" не требует никаких усилий; следовательно, это не искусство. Тем не менее, уместно отметить, что подобные слова применялись и к фотографии в 19 веке. Шарль Бодлер называл фотографию "прибежищем для всех художников-неудачников", говоря, что "идея запечатления реальности с помощью машин "убивает воображение". Исторический контекст показывает, что фотография изменила фокус с "воспроизведения" на "точку зрения".

В настоящее время происходит смена парадигмы, подобная этой. Креативный талант в эпоху нейронных сетей претерпевает трансформацию от мастерства (ремесленные навыки/двигательные навыки) к кураторству и руководству (Отбор/Управление/Режиссура).

При изучении того, как создается качественное изображение с помощью искусственного интеллекта, становится очевидным, что это не случайный процесс. Обычно эти этапы состоят из:

Семантического кодирования, то есть перевода визуального изображения в слова (промышленный инжиниринг).

Итеративный отбор: создание нескольких сотен вариантов и выбор наиболее релевантного результата (роль куратора).

Постобработка: уточнение изображения (при покраске и за ее пределами), артефакт

Как писал Лев Манович в своем исследовании о теории новых медиа, "основной акт цифровой культуры – это "выбор из меню", и он связан с базами данных" [3, С.185]. В генеративном искусстве эта концепция доведена до абсолютной формы – то есть вместо создания единственного мазка кисти на холсте художник ищет правильное изображение в "пространстве" нейронной сети из бесконечного множества вариантов. Творческая задача сводится к формулировке проблемы и оценке ее с эстетической точки зрения.

Поворотный момент с точки зрения восприятия, связанного с искусственным интеллектом, произошел в случае с "Пространственным театром оперы" Джейсона Аллена, который получил первую премию на конкурсе изобразительных искусств штата Колорадо в 2022 году в секции цифрового искусства.

Для создания иллюстрации использовалась нейронная сеть Midjourney; Аллену потребовалось более 80 часов, чтобы создать более 900 ее вариаций. Работа-победитель вызвала настоящий ажиотаж среди обычных художников.

Анализ конфликтов:

Точка зрения традиционалистов: применение искусственного интеллекта – просто мошенничество, потому что в нем нет никакого "ручного труда" и вложенной "души".

Позиция Аллена: возможности ИИ подобны сложной кисти.

Авторство зависит от видения и усилий по получению ценностей.

В данном случае очевидно, что налицо институциональный кризис. Критерии, по которым художественные учреждения, такие как конкурсы и галереи, определяют, что является искусством, неприменимы к произведениям, где художественное оформление осуществляется с помощью машин. Это подтверждает теорию о том, на каком этапе мы находимся; новые критерии для искусства еще предстоит разработать, потому что старые больше не работают.

Результаты. Самая большая проблема ИИ-арта заключается не в эстетических вопросах, а в юридически-этических. Причина этого кроется в следующем: нейронные сети учатся на произведениях искусства, созданных ныне живущими художниками, без их ведома или согласия. Стиль конкретного художника (Грега Рутовски или Сэма Янга) превращается в отчужденный цифровой товар.

В этом случае было бы уместно упомянуть определение Вальтера Беньямина "ауры произведений искусства", которое исчезает в случае их машинного воспроизведения [4, С. 24]. В отличие от традиционного воспроизведения произведений искусства, в произведениях искусства с искусственным интеллектом происходит "статистическая каннибализация". Нейронная сеть не копирует изображение (что будет считаться плагиатом), она определяет закономерности математического стиля.

В настоящее время (2024–2025 годы) Управление по авторским правам США (USCO) утверждает, что изображения, созданные исключительно с помощью искусственного интеллекта, не подпадают под действие авторского права "из-за отсутствия авторства человека". Тем не менее, один конкретный случай, связанный с графическим романом "Заря рассвета" (автор Крис Каштановой), был опубликован в 2014 году. продемонстрировал сложную ситуацию, в которой "слова и макет страницы были защищены авторским правом", но не "иллюстрации, созданные Midjourney". Таким образом, возникает "парадокс лоскутного авторства", при котором "структура" будет "защищена", но не "содержание".

Эра генеративных нейронных сетей означает не только конец чего-то, но и начало чего-то нового; она не уничтожает человека, но коренным образом меняет его роль в творческих процессах. Происходит переход от "парадигмы демиурга" к "парадигме Дирижера".

Выводы. Из этого анализа можно сделать следующие выводы:

Авторство в ИИ-искусстве синергетическое. Другими словами, авторство не принадлежит ни человеку, ни машине в отдельности, а возникает в результате их взаимодействия.

Способность выражать визуальное мышление в устной форме становится важным творческим навыком, заменяющим навыки графического представления в нескольких прикладных областях (концепт-арт).

Опасность рекурсии существует в культуре из-за того, что искусственный интеллект учится на произведениях, созданных другим искусственным интеллектом. Результатом будет средняя эстетика. Визуальный язык придет в упадок.

В этом случае в центре внимания культурологических исследований в будущем будут новые процессы совместного творчества людей и машин, а также новая этика, связанная с использованием цифрового наследия человечества для обучения алгоритмам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.

2.Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С. 28–45.

3.Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович. – М.: Ad Marginem, 2018. – С. 185–190.

4.Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М.: РГГУ, 2012. – С. 24–35.

5.Гройс, Б. В потоке. Искусство в эпоху интернета / Б. Гройс. – М.: Ad Marginem, 2018. – С. 112–118.

6.Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, 2003. – С. 70–78.

7.Hertzmann, A. Aesthetics of Neural Network Art / A. Hertzmann // arXiv preprint arXiv:1903.05696. – 2019. – P. 1–15.

8.Manovich, L. AI Aesthetics / L. Manovich. – Moscow: Strelka Press, 2019. – P. 22–29.

9.Ерохина, Т.И. Цифровое искусство: границы интерпретации и проблема авторства / Т.И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 1 (130). – С. 195–201.

10.US Copyright Office. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence // Federal Register. – 2023. – Vol. 88, No. 51. – P. 16190–16195.

УДК 101.1/316

СРЕДНИЙ КЛАСС В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ю.И. Деревянченко, канд. филос. наук, доцент
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
г. Омск, Россия

Аннотация. Средний класс как социальный феномен остается предметом дискуссий из-за своей неоднозначности: его границы размыты, а существование в не-западных контекстах часто проблематично. В условиях глобализации, цифровизации и экономической нестабильности его традиционные функции переосмысляются.

Ключевые слова: средний класс, глобализация, цифровизация, экономическая нестабильность, демократия.

Введение. Средний класс, как и любой социальный феномен, неизбежно порождает споры и обнаруживает противоречия, когда исследователи обращаются к эмпирическому анализу. Границы среднего класса при попытке их определения оказываются размыты, критерии идентификации спорны, а само существование в не-западных контекстах зачастую оказывается проблематично. Более того, в условиях глобализации, цифровизации и экономической нестабильности традиционные функции среднего класса подвергаются переосмыслению [1; 2].

Постановка задачи. Цель исследования – проанализировать современные вызовы, стоящие перед средним классом в условиях глобальных трансформаций, и выявить основные тенденции его изменения.

Методика и методология исследования. В работе используются методы системного анализа, сравнительного исследования и критического анализа научной литературы. Особое внимание уделено количественным и качественным данным, полученным в ходе социологических исследований и аналитических обзоров.

Результаты. Идея среднего класса, как социальной группы, обеспечивающей стабильность и баланс в обществе, уходит корнями в античную философию, а её концептуальное оформление во многом обязано трудам Аристотеля. В греческом полисе общество функционировало как сплоченная корпорация, где коллективные усилия обеспечивали процветание [3, С. 23]. Однако к середине I тысячелетия до н.э. греческие полисы оказались в состоянии глубокого кризиса – экономический рост и демографические изменения привели к расслоению, разрушившему социальное единство. Борьба между аристократией (олигархией) и демосом (бедными гражданами) приводила к переворотам, тирании и гражданским войнам.

Аристотель, анализируя эти процессы, пришёл к выводу, что устойчивость государства зависит от преобладания граждан, избегающих

крайностей богатства и бедности. В «Политике» он писал: «Государство, состоящее из средних людей, будет иметь наилучший строй» [4, С. 58].

Хотя сам Аристотель не использовал термин «средний класс», его идеи заложили основы конструкционистского понимания среднего класса, служащего социальным медиатором, смягчающим конфликты.

Средний класс возникает не только благодаря экономическим факторам, но и как продукт целенаправленного социального проектирования, направленного на смягчение конфликтов. Р. Дарендорф продемонстрировал, как средний класс («класс большинства») выступает посредником между трудом и капиталом [5].

Города стали плавильным котлом, создавшим новый тип гражданина, чей социальный статус определяется образованием, профессиональной специализацией и доступом к ресурсам. Исторически средний класс ассоциировался с буржуазией – городскими жителями, занятыми несельскохозяйственным трудом [6].

В XIX–XX веках промышленная революция и расширение сферы услуг способствовали росту среднего класса в Европе и Северной Америке. Появление менеджеров, инженеров, учителей, врачей и других профессионалов создало прослойку, которая, с одной стороны, зависела от заработной платы, а с другой – обладала достаточной автономией, чтобы влиять на общественные процессы.

Средний класс всегда находился в состоянии внутреннего противоречия: он стремится к устойчивости, сохраняя свои социальные позиции, и одновременно требует перемен, открывающих возможности для роста. Этот парадокс пронизывает всю его историю.

В современном обществе экономически независимый средний класс по-прежнему способствует формированию социальной структуры, которая укрепляет способность сообщества интегрировать своих членов, регулировать их поведение и коллективно решать социальные проблемы, существенно снижая уровень преступности [7]. В тоже время современные тенденции развития обнажили новые противоречия. Р. Флорида показывает, как креативная экономика, породившая «новый средний класс» IT-специалистов и дизайнеров, одновременно усилила сегрегацию [8]. Цифровая революция, казавшаяся инструментом демократизации, усугубила неравенство в среднем классе, дробя его на страты – от благополучных фрилансеров до «прекариата» с неустойчивыми доходами. Эти процессы подчеркивают хрупкость среднего класса в условиях технологических изменений и глобализации.

Политическая роль среднего класса еще более двойственна. Классические концепции модернизации выделяют средний класс в качестве центрального элемента демократизации, связывая его расширение с укреплением гражданских институтов. Экономическая независимость и социальная автономия формируют запрос на создание структур,

обеспечивающих подотчётность власти и защиту прав. Эта идея, ставшая теоретическим фундаментом для многих исследований, была системно изложена С. Липсетом в статье «Социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность» (1959) [9].

Однако в развивающихся странах политическая ориентация среднего класса определяется, прежде всего, его экономической зависимостью от государства. В условиях догоняющего развития именно государство, стимулируя технологические изменения, целенаправленно формирует образованный городской средний класс – группу, чьи интересы постепенно начинают совпадать с приоритетами власти. Это особенно заметно в странах с ресурсной экономикой, где средний класс часто выступает не как агент изменений, а как стабилизатор существующего порядка.

Однако воспроизводство моделей консервативного поведения, в частности в потребительских практиках, характерно и для представителей молодежи среднего класса европейских стран [10].

Эта амбивалентность усиливается в условиях глобальной нестабильности. Экономические кризисы обнажают хрупкость этого конструирования. Пандемия COVID-19 сократила глобальный средний класс на 4,35% [11], а в России на 6,1% [12].

Это связано с тем, что средний класс даже в условиях демократических обществ стремится защитить свои привилегии, что делает его уязвимым для популистских движений, обещающих сохранение статус-кво.

Современный средний класс сталкивается с рядом вызовов, которые ставят под сомнение его традиционные функции.

Во-первых, глобализация и цифровизация усилили неравенство внутри среднего класса. Высококвалифицированные специалисты в технологических отраслях получают доступ к глобальным рынкам труда, тогда как менее квалифицированные работники сталкиваются с конкуренцией и автоматизацией.

Во-вторых, экономические кризисы и нестабильность подрывают финансовую устойчивость среднего класса. Пандемия COVID-19 показала, как быстро даже относительно благополучные группы могут оказаться в уязвимом положении. Снижение доходов, рост безработицы и сокращение социальных гарантий привели к тому, что многие представители среднего класса оказались на грани бедности.

В-третьих, политическая поляризация и рост популизма усложняют роль среднего класса как стабилизирующей силы. В развитых странах средний класс все чаще разделяется на тех, кто поддерживает либеральные ценности, и тех, кто склоняется к консервативным или популистским движениям. Это ослабляет его способность выступать в качестве единого социального медиатора.

Выводы. Анализ показывает, что в XXI веке средний класс сталкивается с рядом новых угроз: рост неравенства, риски автоматизации

рабочих мест, последствия глобальных кризисов и изменение структуры занятости. Важным фактором стало развитие IT-сектора и переход к гибридным формам занятости, что привело к увеличению числа фрилансеров и снижению стабильности традиционных рабочих мест. Кроме того, пандемия COVID-19 усилила неравенство и сократила численность глобального среднего класса, особенно в странах с высокой долей малого бизнеса. В результате растет социальная поляризация и усиливается давление на государственные социальные программы.

Таким образом, средний класс по-прежнему остается ключевым, но крайне противоречивым элементом современного общества. Если в XX веке он рассматривался как гарант стабильности и демократии, то сегодня его судьба зависит от того, сможет ли он адаптироваться к вызовам цифровизации, экономической нестабильности и глобального неравенства. Вопрос о том, останется ли средний класс «буфером» между элитами и низшими слоями или сам распадется на привилегированную верхушку и новый прекариат, становится одним из центральных для социальной теории XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разумова Т., Садовая Е.С., Чубарова Т. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 3. – С. 24–34.
2. Шиняева О.В., Тихонова Ю.А. Средний класс в российском социальном пространстве и динамика его изменения // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – С. 62–76.
3. Елизаров, Е.Д. Античный город. – СПб.: Прана, 2006. – 326 с.
4. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.
5. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.
6. Blumin, S.M. (1989). The emergence of the middle class: Social experience in the American city, 1760–1900. – New York: Cambridge University Press. – 452 p.
7. Doucet, J. M., Lee M.R. Civic communities and urban // Social Science Research. – Volume 52. – July 2015. – P. 303–316.
8. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. – М.: Классика-XXI, 2007. – 421 с.
9. Lipset, S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // The American Political Science Review. – 1959. – Vol. 53. – No. 1. – P. 69–105.
10. Groth, S., Hunecke, M., Wittowsky, D. Middle-Class, Cosmopolitans and Precariat among Millennials between Automobility and Multimodality // Transportation Research Interdisciplinary Perspectives. – Volume 12. – December 2021. – P. 1–15.
11. Kochhar, R. The Pandemic Stalls Growth in the Global Middle Class, Pushes Poverty Up Sharply Advanced economies also see a decrease in living standards // Pew Research Center. URL.: https://www.pewresearch.org/social-trends/2021/03/18/the-pandemic-stalls-growth-in-the-global-middle-class-pushes-poverty-up-sharply/
12. Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития: эксперт. докл. / Я.И. Кузьминов (рук. авт. кол.); П.В. Орехин, П.Н. Нетреба (отв. ред.); Нац. исслед.

ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 112 с.

УДК 004.85

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

А.С. Драгун, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Типовые проблемы корпоративного обучения персонала влияют на компетенцию сотрудника. Сопоставление проблем корпоративного обучения с возможностями искусственного интеллекта помогут определить соответствие функционала нейросетей задачам обучения. Оценка эффективности применения искусственного интеллекта базируется на показателях производительности и экономики предприятия, так как нейросети меняют качество учебного процесса.

Ключевые слова: нейросеть, персонал, обучение, генерация, затраты.

Введение. Эксперты сферы рекрутинга персонала сходятся во мнении, что существует несколько типовых проблем, связанных с обучение персонала в современных производственных и коммерческих компаниях [7]:

- дефицит бюджета организации;
- дефицит времени организации;
- низкая мотивация обучения персонала;
- низкая педагогическая квалификация преподавателя;
- неактуальный учебно-методический комплекс;
- сложность подбора и структурирования учебно-методического комплекса;
- отсутствие системы повышения квалификации преподавателя;
- издержки содержания штатного преподавателя.

Постановка задачи. Для того, чтобы выявить преимущества эффективности корпоративного обучения с помощью искусственного интеллекта, необходимо сопоставить типовые проблемы с технологическими возможностями нейросетей.

Цель исследования: Определение соответствия функционала платформ искусственного интеллекта типовым задачам корпоративного обучения.

Задачи исследования.

1. Анализ текущего состояния внедрения технологий искусственного

интеллекта в корпоративное обучение российских компаний.

2. Оценка эффективности: Определение влияния использования искусственного интеллекта на эффективность корпоративных образовательных программ и развитие профессиональных компетенций сотрудников.

3. Определение барьеров распространения функционала искусственного интеллекта в корпоративном обучении.

4. Разработка рекомендаций по оптимизации процессов корпоративного обучения с использованием технологий искусственного интеллекта.

Этапы исследования.

1. Подготовка инструментария (разработка анкет, детализация опросников, отбор критериев оценки).

2. Пилотный этап сбора данных (проведение тестирования методик среди первичной выборки респондентов).

3. Основной этап сбора данных (интервью, анкетирование, мониторинг статистики).

4. Обработка полученных данных (анализ статистики, подготовка выводов и рекомендаций).

5. Оформление материалов (сведение данных в формат статьи, разработка методических рекомендаций).

Методика и методология исследования.

Качественные методы.

1. Интервьюирование руководителей кадровых отделов российских компаний для выявления опыта использования технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе и степени удовлетворенности результатами.

2. Интервьюирование сотрудников, прошедших программы корпоративного обучения с применением технологий искусственного интеллекта для выяснения восприятия технологии участниками процесса и уровня вовлечённости.

3. Экспертные оценки опытных специалистов педагогической отрасли по цифровизации обучения и разработчике образовательных продуктов.

Количественные методы.

1. Анкетирование сотрудников компаний для сбора статистически значимых данных о восприятии и оценке качества образовательного процесса с использованием искусственного интеллекта.

2. Сбор количественных показателей:

- по объёму внедрений технологий искусственного интеллекта в образовательные процессы корпораций;

- по оценке экономических эффектов от использования искусственного интеллекта;

- по изменению ключевых метрик обучения: время освоения материала,

процент усвоенных знаний, рост производительности труда.

3. Обзор открытых источников: анализ публикаций, исследований, докладов специализированных конференций и отраслевых ассоциаций.

Наиболее актуальными и востребованными в вопросах корпоративного обучения являются определённые функции нейросетей [5].

1. Персонализация траектории обучения.

Примером ресурса для выполнения этой задачи является «Aleks». На основании заложенных алгоритмов нейросеть проводит динамическую корректировку: анализирует ошибки сотрудника, определяет пробелы в области знаний и автоматически подбирает контент нужного уровня сложности.

2. Генерация новых идей.

Примерами ресурсов для выполнения этой задачи являются «ChatGPT» – бот с искусственным интеллектом, способный находить, генерировать и обрабатывать текст и «Leonardo AI» – платформа, которая генерирует графику для сложных проектов без участия дизайнера.

3. Поиск и систематизация информации.

Примером ресурса для выполнения этой задачи является «You.com». Нейросеть самостоятельно ищет и систематизирует полученную информацию, раскладывает её по тематике разделов, добавляет заголовки и проводит финальную орфографическую проверку текста.

4. Оперативное оформление информации.

Примерами ресурсов для выполнения этой задачи являются «Slider» и «Gamma». Нейросеть самостоятельно систематизирует полученную информацию, раскладывает информацию на слайды, добавляет заголовки, маркированные списки и легитимные стоковые изображения.

5. Сопровождение видеоконтента.

Примерами ресурсов для выполнения подобной задачи являются платформы: «Midjourney» и «Stable Diffusion» – генераторы визуального контента, в которых для обычного пользователя доступны инструменты по созданию медиаконтента на основе имеющейся информации.

6. Прогнозная аналитика

Примером ресурса для выполнения этой задачи является «Intelli Board» – нейросеть, которая сопровождает действующий персонал в процессе плановой аттестации знаний и отслеживает скорость прохождения модулей, определяя типичные ошибки в симуляциях.

Результаты. Оценка эффективности применения искусственного интеллекта в сфере корпоративного обучения строится на ключевых показателях: измерение производительности рабочего процесса, анализ экономических показателей компании и качество обслуживания клиентов [3].

К преимуществам применения искусственного интеллекта в сфере корпоративного обучения относятся:

1. Персонализация обучения персонала:

- индивидуальный подход в обучении: нейросеть анализирует успеваемость и пробелы в знаниях сотрудника, для создания индивидуальной программы, что в свою очередь помогает специалисту сосредоточиться на областях знаний, которые требуют повышения компетенций;

- адаптивный контент: нейросеть адаптирует учебный материал в реальном времени и, если сотрудник испытывает трудности с определённой темой, виртуальный помощник может изменить план обучения или предоставить дополнительные ресурсы, чтобы закрепить материал.

2. Экономия времени на подготовку учебно-методического комплекса:

- экономия времени в процессе генерации базовых идей: инициатору обучения не нужно писать с нуля и собирать материал из открытых источников;

- экономия времени в процессе сбора базовых материалов: сокращение времени генерации информации для учебно-методического комплекса от нескольких недель до нескольких часов;

- экономия времени в процессе структуризации базовых материалов: сокращение времени структуризации информации для учебно-методического комплекса от нескольких дней до нескольких минут.

- экономия времени в процессе создания косвенного (аттестационного) контента: структура материала для аттестации персонала, верные и ложные варианты ответов теста.

3. Снижение затрат на подготовку учебно-методического комплекса:

- автоматизация рутинных задач: нейросеть берёт на себя задачи администрирования курсов, что снижает нагрузку на административный и управленческий персонал;

- сокращение расходов компании на поддержку внутренних творческих ресурсов: автоматизация и оптимизации учебного процесса в компании значительно сокращают расходы на обучение в диапазоне от 15% до 30%;

- сокращение расходов компании на поддержку внешних творческих ресурсов: отпадает потребность в создании учебно-методического комплекса (учебное пособие, текстовая лекция, презентация, видеокурс) ресурсами привлечённого специалиста, что сокращает расходы на обучение в диапазоне от 25% до 50%.

4. Вовлечённость персонала в процесс обучения:

- актуальный материал: нейросеть создаёт интерактивный и целенаправленный контент, что повышает вовлечённость сотрудников до 30%;

- мгновенная обратная связь: нейросеть может предоставлять обратную связь, отвечать на вопросы и направлять сотрудников в процессе обучения круглосуточно, что помогает закрепить знания и исправить ошибки в оперативном режиме на ранних этапах;

- использование элементов игры в обучении, моделирование ситуаций и состязательная атмосфера делает процесс обучения более увлекательным.

5. Аналитика и прогнозирование процесса обучения:

- анализ данных: нейросеть собирает и анализирует большие массивы информации о взаимодействии персонала с учебным материалом, о результатах тестов и общей успеваемости, что позволяет оперативно выявлять определённые закономерности и делать объективные выводы;

- прогнозирование результатов: на основе анализа данных нейросети можно прогнозировать успеваемость и риски, связанные с обучением, что позволяет своевременно корректировать учебно-методический комплекс;

- оценка эффективности: данные, полученные с помощью нейросети позволяют компании измерять влияние процесса обучения на производительность работы персонала и оценивать рентабельность инвестиций.

6. Локализация процесса обучения:

- масштабируемость процесса обучения: нейросеть позволяет охватить большую аудиторию, предоставляя возможность обучения оптимальному количеству сотрудников одновременно без потери качества;

- доступность процесса обучения: нейросеть адаптирует процесс обучения для сотрудников с ограниченными возможностями или особыми потребностями, предлагая персонализированный формат.

7. Создание обучающего контента [6]:

- автоматическая генерация контента: нейросеть может быстро выполнять определённые функции (написание сценариев для обучающих курсов и тренингов по фундаментальным темам, мониторинг обучающих видео для перевода в текст, создание тестов на основе материалов из учебных материалов, создание кейсов для проверки/тренировки навыков и компетенций), сокращая трудозатраты на создание контента;

- оперативное обновление контента: нейросеть может автоматически обновлять учебные материалы, чтобы они были актуальными;

- профессиональный уровень контента: слабая квалификация эксперта по тематике учебно-методического комплекса компенсируется интеллектуальными возможностями нейросети.

К недостаткам применения искусственного интеллекта в сфере корпоративного обучения следует отнести следующие тезисы [2; 4]:

1. Высокая и бесконтрольная дискредитация уровня конфиденциальности информации. Обработка информационных массивов требует надёжных мер защиты, чтобы предотвратить утечку коммерческой информации или злоупотребления.

2. Высокая и бесконтрольная дискриминация алгоритма. Необходимо тестировать систему на отсутствие дискриминации по отношению к исследуемым областям данных.

3. Высокие первичные затраты на этапе плановой интеграции. Внедрение искусственного интеллекта в процесс корпоративного обучения требует значительных инвестиций в технологии и инфраструктуру.

4. Слепая зона для экспертного анализа доступного свободного контента.

Алгоритмы плохо работают с креативными заданиями и возникают частые галлюцинации при недостаточном контексте.

Выводы. Инструментарий в виде искусственного интеллекта, кардинально изменил процесс подхода к созданию методического материала для обучения персонала.

Часть российских компаний уже обучают своих сотрудников с помощью искусственного интеллекта. Объём системных внедрений: 7% – относительно небольшая цифра, но уже в следующем году она вырастет на несколько порядков.

Есть ряд примеров успешной интеграции нейросетей в корпоративное обучение [7].

Компания «Лемана Про» снизила время изучения иностранного языка (за счёт адаптивной системы алгоритмов обучения) на платформе «Duolingo» для административного персонала, что позволило бюджету компании сократить статью расходов на привлечения внешнего персонала по обучению.

Банк «ВТБ» использует симуляции диалогов с клиентами, созданные на базе искусственного интеллекта. В первые месяцы внедрения данного модуля обучения это помогло снизить количество конфликтов на 15%.

Несмотря на ряд положительных примеров успешного внедрения нейросетей в сферу корпоративного обучения, следует помнить, что искусственный интеллект не несёт ответственности за свои предложения. Любую информацию, сгенерированную нейросетью, следует проверять, так как у нейросети существуют определённые локальные ограничения по платформам поиски сбора информации. Чаще всего это обусловлено юридическими ограничениями владельцев информационных ресурсов: цифровых платформ, сайтов, социальных сетей, электронных библиотек и архивов [1].

Критерием ответственности в рамках учебно-методического комплекса компании всегда должен быть человек, который возьмёт на себя ответственность за конкретную идею, предложенную нейросетью и готов развивать её в рамках учебного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зуб А.Т. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: возможности и границы применения // Государственное управление. 2022. № 94. С. 173–187.

2. Карпунина К.И. Проблемы обеспечения информационной безопасности российских предприятий в условиях кризиса // Экономическая безопасность общества, государства и личности: проблемы и направления обеспечения. Сборник статей по материалам IX научно-практической конференции / под общ. ред. Тактаровой С.В., Сергеева А.Ю. М.: Издательство «Перо», 2022. С. 210–213.

3. Люгер Дж. Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем / пер. с англ. Н. И. Галагана и др. 4-е изд. М.: Вильямс, 2003. – 863 с.

4. Поляничко М.А. Базовая методика противодействия внутренним угрозам информационной безопасности // Вестник современных исследований. 2018. № 9.3 (24). С. 314–317.
5. Рубцова Н.В. Нейросети в медиа: возможности, проблемы, перспективы для будущих медиаспециалистов // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 1. С. 156–171.
6. Филатова О.Н. Применение нейросетей в профессиональном образовании / О.Н. Филатова, М.Н. Булаева, А.В. Гущин // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №77–3. – С.243–245.
7. Фоменко А.О. Влияние обучения персонала на рост производительности предприятия // Молодой ученый. – 2017. – № 14 (148). – С. 469–472.

УДК 378.004.8

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ К РАБОТЕ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ (ИИ)

В.С. Дрёмов, аспирант
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В данной стать описаны основные трудности, связанным с подготовкой преподавателей к эффективному исследованию работы с ИИ в образовательном процессе. В статье обозначены основные трудности, такие как недостаток осведомленности, отсутствие информационных подходов и необходимой технической базы, сложность оценки качества обучения и опросы этики. В рамках исследования было проведено анкетирование среди педагогов разных уровней систем образования (школа, колледж и университеты). Выявив ключевые барьеры, предлагаются различные пути решения указанных проблем, направленные на повышение уровня профессиональной компетентности педагогов и улучшение условий для эффективного внедрения технологий ИИ в российскую систему образования. Особое внимание уделяется разработке программ повышения квалификации, внедрению современных информационных ресурсов и формированию этических стандартов использования ИИ в образовательной деятельности. Данный подход способствует формированию инновационной образовательной среды и подготовке педагогов к работе в условиях цифровой трансформации образования [2; 4].

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая грамотность, преподавание, искусственный интеллект, подготовка кадров, обучение, новые технологии, образовательный процесс, этические аспекты, подготовка педагогов. методы обучения.

Искусственный интеллект активно внедряется в образовательный процесс, меняя традиционные подходы к обучению и воспитанию. Тем самым предлагая уникальные возможности для индивидуализации обучения, автоматизации рутинных задач и расширения горизонтов познания учащихся. Однако педагоги сталкиваются с рядом серьезных проблем при освоении и применении технологий ИИ в повседневной практике.

Целью исследования стало выявление актуальных вопросов и предложение путей преодоления преград, стоящих перед педагогическим сообществом в эпоху цифровизации [3].

Для получения достоверных данных было организовано анкетирование педагогов города Новосибирска из система разного уровня подготовки (школа, колледж, ВУЗ). Участники опроса были разделены на группы по уровню профессионального опыта и специализации. В анкете вопросы были разделены по блокам:

- Уровень владения современными технологиями и готовность применять ИИ в обучении.
- Наличие ресурсов (материальных, кадровых, организационных).
- Восприятие этических аспектов использования ИИ.
- Затруднения в оценке результатов учебной деятельности при участии ИИ-систем.

Всего в исследовании приняли участие 90 респондентов, представляющих разные уровни образовательной системы.

Недостаточная осведомленность и страх перед новыми технологиями

По результатам анкетирования, большинство преподавателей отметили низкий уровень информационной поддержки и непонимание практических преимуществ применения ИИ в учебном процессе. Почти половина респондентов выразили сомнения в целесообразности использования этих технологий вообще. Причина кроется в отсутствии качественного контентного наполнения и соответствующей подготовки педагогических кадров. Большинство преподавателей испытывают неуверенность и тревогу, боязнь относительно возможностей ИИ.

Оценка качества результатов обучения

Анкетируемые подчеркнули проблему качественной оценки полученных учащимися знаний после взаимодействия с системами ИИ.

Особенно остро стоит задача измерения влияния автоматизированных заданий и интерактивных тестов на конечный результат обучения. Многие преподаватели высказали мнение о недостаточности инструментариев контроля и оценки результатов такого формата.

Трудности адаптации традиционных методов обучения и внедрение современной инфраструктуры в образовательный процесс

Техническое оснащение большинства учебных заведений не соответствует потребностям для полноценного функционирования

современных решений ИИ. Школьные компьютерные классы зачастую оснащены устаревшим оборудованием, что затрудняет внедрение даже базовых элементов искусственного интеллекта. Лишь часть подразделений учреждений обладает достаточным уровнем оборудования и поддержкой высоких скоростей интернета. Преподавателям необходимо перестроить привычные формы занятий и методики под новые условия работы с использованием ИИ. Учебники, пособия, методички и планы уроков часто требуют внесения значимых изменений, чтобы соответствовать требованиям современного цифрового пространства. Для успешной реализации инноваций необходима поддержка руководства учебных заведений, создание благоприятной среды для экспериментов и творчества [1; 6].

Этические аспекты внедрения ИИ в образовании

Участниками анкетирования также была затронута тема возможных нарушений приватности данных обучающихся. Большинство респондентов считают необходимым разработку жесткого регламента сбора и хранения личных данных учащихся при взаимодействии с технологией ИИ.

Проведенное исследование позволило выявить ряд ключевых направлений развития, необходимых для успешного включения ИИ в учебный процесс:

- Повышение цифровой грамотности педагогов путем введения специализированных курсов и семинаров.
- Создание единой информационной платформы с открытым доступом к ресурсам и рекомендациям по использованию ИИ (как единое, там и внутренние рекомендации для определённого учебного заведения).
- Модернизация материально-технической базы образовательных учреждений, включая закупку мощного оборудования и развитие сетей связи.
- Формирование четких механизмов оценки качества образования с учетом особенностей технологий ИИ.
- Регулирование процессов сбора и обработки персональных данных учащихся с соблюдением принципов прозрачности и ответственности.

Первым важным аспектом является подготовка преподавателей к использованию технологий искусственного интеллекта в учебном процессе. Необходимо разработать специальные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, которые позволят педагогам освоить не только технические навыки работы с ИИ, но и понять особенности его внедрения в образовательную среду. Такой подход обеспечит более эффективное использование инновационных технологий и снизит риск непонимания или неправильного применения новых методов обучения [4].

Вторым ключевым направлением является модернизация инфраструктуры учебных заведений. Это включает в себя обновление компьютерных классов, создание условий для безопасного и эффективного использования облачных сервисов, а также обеспечение доступа к

современным программным продуктам и платформам. Без соответствующей технической базы внедрение ИИ станет невозможным или неэффективным, что значительно замедлит процесс цифровизации образования и снизит конкурентоспособность образовательных учреждений на национальном и международном уровнях [3; 8].

Третий аспект связан с необходимостью разработки и внедрения нормативных документов, регулирующих использование ИИ в образовательной сфере. Создание четких правил, стандартов и этических норм поможет обеспечить безопасность, прозрачность и справедливость при использовании технологий искусственного интеллекта. Наличие нормативной базы также способствует формированию доверия у родителей, студентов и педагогов, что является важным условием успешной интеграции ИИ в учебный процесс и его дальнейшего развития.

Таким образом, успешное включение ИИ в образовательный процесс возможно лишь при условии комплексного подхода к вопросам подготовки преподавательского состава, модернизации инфраструктуры и формирования адекватных нормативных актов. В настоящее время данное исследование подчеркивает острую необходимость обновления инфраструктуры, обучение педагогических работников и наличие подпорной информационной платформы [5; 7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксёнова Н.В. Современные подходы к обучению будущих педагогов работе с технологиями искусственного интеллекта // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. №12. С. 89–95.
2. Голубкова О.Н., Казакова Ю.А. Подготовка педагогических кадров к использованию современных технологий в обучении // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2024. №2.
3. Иванова А. П., Кузнецова Е. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в системе образования // Журнал инновационных технологий в образовании. 2024. № 4. С. 10–20.
4. Иванова А.П., Петренко В.С. Использование технологий искусственного интеллекта в образовательной среде: современные тренды и перспективы // Журнал инновационных технологий в образовании. 2024. №5. С. 102–110.
5. Смирнова Л.К., Егорова М.А. Обучение педагогов работе с системами искусственного интеллекта: методические подходы и практические рекомендации // Вестник педагогических инноваций. 2024. №1. С. 45–53.
6. Смирнова Е.В., Савченко Т.В. Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс // Педагогическое мастерство. 2023. №3.
7. Колосов Ю.М., Волков А.Н. Инструменты искусственного интеллекта в профессиональной подготовке педагогов: возможности и ограничения // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. №2. С. 56–65. Анализируются инструменты ИИ, используемые в обучении, и предлагаются рекомендации по их применению.
8. Чижова Г.М., Сорокин Д.И. Инструменты искусственного интеллекта в образовательной практике // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2024. №18.

УДК 130.2

КАТЕГОРИЯ «КУЛЬТУРА» В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

В.Б. Думбадзе, старший преподаватель
кафедры социально-политических наук и международных отношений
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Категория «культура» является ключевой в социально-философском дискурсе, так как отражает не только накопленный социальный опыт и ценности общества, но и определяет сущность человека как существа, создающего и усваивающего культурные образцы. Социально-философская рефлексия над категорией «культуры» носит многослойный характер, выявляя различные уровни ее осмысления и интерпретации.

Ключевые слова: культура, правовая культура, социально-философский дискурс, категория «культура».

Введение. Универсальность и многозначность понятия «культура» в современном гуманитарном знании. Традиционно категория «культура» интерпретируется как совокупность материальных и духовных достижений общества, созданных в ходе исторической практики. Здесь наблюдается сходство в подходах К. Маркса, М. Вебера, П. Сорокина и многих других мыслителей, которые подчеркивают активную творческую роль человека в созидании культуры.

Категория «культура» безусловно является фундаментальной для социально-философского анализа. Понять, как устроено общество, какие силы и мотивы двигают его вперёд, можно только проанализировав культурные практики, продукты и смыслы. Лишь тщательное изучение культуры позволяет всесторонне разобраться в сложных процессах, происходящих в любом обществе, будь то прошлое или настоящее, Россия или любая другая страна.

Известный немецкий философ, социолог Георг Зиммель говорил о культуре как о продукте творческого акта, в котором воплощаются эстетические, этические и интеллектуальные ценности общества, утверждал, что «каждая культура индивидуальна и неповторима, ибо она воплощает уникальные творческие силы и настроения народа» [2]. Подобные идеи также нашли отклик в размышлениях Карла Мангейма [5], рассуждавшего о природе «коллективного сознания», рожденного культурой. Карла Мангейма отмечает, что «именно культура создает и воспроизводит коллективное сознание, закрепляет и передает его от поколения к поколению посредством традиций, обычаев и ритуалов» [5, С. 112].

Культура в социально-философском смысле предстает не просто набором артефактов и знаковых систем, а способом освоения человеком

окружающего мира, социальным механизмом трансляции смыслов и ценностей. Одним из важных аспектов такого подхода является понимание культуры как средства регуляции общественных отношений, отражающего общий менталитет и психологию общества.

Постановка задачи. Культура как сложная, многоуровневая система, соединяющая материальное и идеальное, объективное и субъективное. Культура формирует идентичность, мировоззрение и поведенческие модели. Важно отметить, что культура динамична и изменяется вместе с изменениями в обществе.

Методика и методология исследования. В социальной философии выработались следующие основные подходы к пониманию культуры:

Ценностно-аксиологический подход. Культура как система материальных и духовных ценностей, «возделывание» идеалов (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, П.А. Сорокин).

Деятельностно-технологический подход. Культура как специфически человеческий способ деятельности, совокупность внебиологически выработанных средств и механизмов социальной жизнедеятельности (Э.С. Маркарян, М.С. Каган). В данном подходе акцент делается на технологии и социальных институтах.

Семиотико-символический подход. Культура как система знаков, символов и смыслов, «паутина значений», сплетенная человеком (К. Гирц, Ю.М. Лотман). Культура воспринимается как текст, подлежащий интерпретации.

Социологический (нормативно-регулятивный) подход. Культура как система социальных норм, правил, образцов поведения, обеспечивающая интеграцию и стабильность общества (Б. Малиновский, Т. Парсонс). Функционалистское видение.

Критико-рефлексивный подход. Культура как поле борьбы за символическую власть, идеологии и гегемонии (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, П. Бурдье). «Индустрия культуры» и социальная рефлексия.

Результаты. Сегодня социально-философский дискурс о культуре испытывает серьезное влияние новых направлений мысли, таких как постмодернизм и мультикультурализм. Постмодернистская философия критикует классический подход к культуре как монолитной и неизменной конструкции, выдвигая на первый план фрагментарность, неоднородность и амбивалентность культурных явлений.

Немецкий философ Юрген Хабермас [8] обращает внимание на коммуникативные аспекты культуры, рассматривая ее как инструмент консенсуса и взаимопонимания в обществе. «Без наличия общих культурных рамок коммуникация теряет смысл, а диалог превращается в обмен непереводимыми репликами» [8, С. 152].

Философ Ю. Хабермас заключает, что «солидарность возможна там, где участники коммуникации руководствуются одними и теми же нормами и

ценностями, установленными в рамках соответствующей культуры» [8, С.210]. Благодаря такому подходу, культура перестаёт восприниматься исключительно как источник идентичности, а превращается в площадку для выработки совместных смыслов и преодоления социальных конфликтов.

Постгуманизм представляет собой направление философии и культурологии, которое рассматривает современную культуру сквозь призму трансформации человеческого опыта и идентичности в условиях технологического прогресса, глобализации и экологического кризиса.

Исследователь Д. Харауэй в своем труде «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм конца XX века» [9], стала классическим произведением постгуманистской литературы. Она развивает концепцию «киборга» как метафору современного субъекта, преодолевающего традиционные границы тела и сознания, пола и расы. Донна Харауэй отмечает, что «сегодня мы существуем одновременно в материальном мире и виртуальной среде, причём обе эти сферы постоянно влияют друг на друга, формируя новый тип культурной и социальной идентичности» [9].

Представители постгуманизма акцентируют внимание на необходимости критического пересмотра классических парадигм, фиксирующих сущность человека, природу и устройство общества. Осмысляя процессы, вызванные прогрессом цифровой культуры, информационно-коммуникационных технологий и биоинженерных разработок, они предлагают расширить горизонты познания и выйти за рамки традиционных гуманистических воззрений, подвергнув ревизии устаревшие антропоцентрические схемы.

Кроме того, новая волна глобализации породила новую волну интереса к культурному разнообразию и поликультурности. Американский философ Ричард Рорти [7] обращается к теме толерантности и культурного релятивизма, подчеркивая важность терпимого отношения к иным культурным традициям и образу жизни. Ричард Рорти отмечает, что «нет оснований считать, что наша собственная культура ближе к истине, чем любая другая. Каждая культура видит мир по-своему, и мы должны признать справедливость каждой из этих точек зрения». [7, С. 243].

Можно согласиться с идеями культурного релятивизма, что каждая культура имеет собственный контекст, определяемый её историей, географией, языком и иными факторами, и любое суждение о культурных практиках должно происходить исключительно в пределах данного контекста. История народа накладывает глубокий отпечаток на национальную культуру. Традиционные народные промыслы, фольклор, кухня, одежда и праздники формируются веками и несут в себе память поколений. проявление уважения к культурным особенностям других народов помогает сохранять и развивать национальные традиции. При этом, понимание и признание уникальных черт чужой культуры способствуют

обмену опытом, взаимному обогащению и развитию собственной культуры. Благодаря этому мы получаем возможность познакомиться с разнообразием обычаев, кулинарных рецептов, музыкальных жанров, праздников и семейных ценностей, сохраняя собственную индивидуальность и приобщаясь к богатству иных культур.

«Развитие культуры требует осознания важности ее созидательной силы, творческой активности и способности преобразовывать действительность, обогащая человеческое существование новыми формами и возможностями» [4, С. 43].

Выводы. Категория «культура» выступает ключевой единицей социально-философского рассуждения, аккумулирующей и отображающей процессы социальной динамики и стадиальные этапы эволюции общества. Через призму анализа культурных феноменов философы постигают глубинный строй механизмов, лежащих в основании социального взаимодействия, личностной мотивации и формирования идентичности человека. Именно культура оказывается полем встречи индивидуального и коллективного опыта, кристаллизацией архетипических образов и оснований миропонимания, опосредующим горизонт социальных связей и межсубъектных коммуникаций.

Сегодня дискуссии о культуре продолжаются в новом ключе, преломленном сквозь призму глобализации и технологической революции, что заставляет пересмотреть классические представления о роли культуры в жизни общества.

Категория «культура» является фундаментальной для социально-философского анализа, выступая интегративным понятием, охватывающим символический, ценностный и деятельностный аспекты человеческого бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виндельбанд, В. Прелюдии: Филос. ст. и речи / В. Виндельбанд; Проф. В. Виндельбанд; Пер. со 2-го нем. изд. С. Франка. – Санкт-Петербург: Жуковский, 1904. – VI, 374 с.
2. Зиммель Г. Избранное. Том 1. Философия культуры – М.: Юрист, 1996. – 671 с.
3. Иванов Ю.И., и др. Проблемы философии культуры и современность: монография / Ю.И. Иванов, А.С. Голик, А.С. Мамонтов, Д.А. Бесперстов. – Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, 2023. – 208 с.
4. Ланкин В.Г. Философия культуры: учебное пособие. – Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, ЭБС АСВ, 2023. – 152 с.
5. Мангейм, К. Идеология и утопия. / Перевод с немецкого и послесловие Т.Б. Котельниковой; Общ. ред., вступ. ст. и коммент. И.С. Нарского. – М.: Академический проект, 2008. – 496 с.
6. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ / Э.С. Маркарян; АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Наука, 1983. – 286 с.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы (Philosophy and the Mirror of Nature): Пер. с англ. А.В. Денежкина М.: Издательская группа «Прогресс-Академия», 1997. – 480 с.
8. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия. Том I. Рациональные основания коммуникации. / Пер. с нем.; под ред. Н.В. Субботиной. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. – 640 с.

9. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм конца XX века / Перевод Н.А. Крутиковой. – СПб.: Алетейя, 2016. 110 с.

УДК 14

ЭТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Т.Б. Думбадзе, преподаватель
ГБПОУ НСО «Новосибирский промышленно – энергетический колледж»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе анализируется феномен постгуманизма, вызванный прогрессом науки и техники, особенно развитием искусственного интеллекта. Исследуется, каким образом эти изменения влияют на представления о человеческой природе, социальном устройстве и формах коллективного поведения. Выдвигаются идеи формирования новых моделей общественного устройства, учитывающих интересы всех участников процесса глобализации.

Ключевые слова: философия постгуманизма, будущее человечества, искусственный интеллект, устойчивое развитие, духовная культура.

Введение. Современное человечество стоит на пороге фундаментальных трансформаций, обусловленных стремительным развитием технологий, углублением процессов глобализации и обострением экологических проблем. Технологическая революция, ядром которой являются искусственный интеллект (далее – ИИ) и биоинженерия, обещая решение многовековых проблем, одновременно порождает комплекс этических, социальных и экономических вызовов [10]. Исследования показывают, что до 32,8% профессий могут столкнуться с серьезным воздействием нейросетей, а 36,5% – с частичным, что сопоставимо по масштабам с промышленной революцией XVIII века [3]. Параллельно глобальные экологические кризисы, такие как изменение климата, требуют незамедлительного перехода к моделям устойчивого развития, что было закреплено в Целях устойчивого развития (ЦУР) ООН [6]. В этих условиях актуализируется вопрос о роли духовной сферы общества – культуры, морали, религии, идеологии – как стабилизирующего начала, способного задать ценностные ориентиры технологическому прогрессу [2; 4]. Данное исследование направлено на комплексный анализ этих проблем и поиск путей их интегративного решения.

Постановка задачи. Цель исследования заключается в комплексном анализе современных глобальных вызовов (технологических, экологических, социальных) и выявлении путей формирования устойчивого будущего на основе синтеза технологического прогресса и развития духовно-

нравственной сферы общества. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать характер и потенциальные последствия технологических вызовов, связанных с развитием ИИ [1]; выявить роль и функции духовной культуры общества в условиях масштабных трансформаций [7]; определить взаимосвязь между личной ответственностью, правовым регулированием и технологическим развитием.

Методика и методология исследования. Методологической основой исследования является системный подход, позволяющий рассмотреть технологические, экологические и духовные аспекты как взаимосвязанные элементы единой социальной системы.

Франческа Феррандо в своей работе «Философский постгуманизм» [10] ставит перед читателями важный вопрос о сущности человека и будущем нашего вида в условиях быстрых технологических изменений и глобальных экологических проблем. Она утверждает, что понятие «человек» устарело и нуждается в новом определении, отражающем реалии XXI века.

Особое внимание в книге уделяется философскому постгуманизму, который рассматривается как новая философия, фокусирующаяся на отношениях между человеком, технологиями и природой. Этот подход подчеркивает важность понимания человека не изолированно, а в контексте его взаимодействий с окружающим миром. В результате такого подхода возникает концепция «постчеловека», который отличается от традиционного гуманистического представления о человеке.

Результаты. Развитие искусственного интеллекта и биоинженерии представляет собой не просто эволюцию инструментов, а качественный скачок, меняющий саму природу человеческой деятельности.

Искусственный интеллект и рынок труда. Внедрение ИИ ведет к автоматизации не только рутинного физического, но и интеллектуального труда. Это требует от общества и отдельного человека гибкости и готовности к постоянному обучению. Как показывают опросы, 27% россиян считают умение адаптироваться к переменам ключевым навыком для уверенности в будущем, а 23% выделяют важность постоянного обучения и цифровой грамотности [3]. Вместо страха перед заменой, необходим акцент на симбиозе человеческих и машинных способностей, где ИИ берет на себя алгоритмизируемые задачи, высвобождая креативный и этический потенциал человека.

Устойчивое развитие как ответ на глобальные кризисы. Неконтролируемое потребление ресурсов и рост антропогенной нагрузки привели к экологическому кризису. Устойчивое развитие — это стратегия, направленная на удовлетворение потребностей настоящего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений [6]. Его реализация невозможна без: технологических инноваций в области возобновляемой энергетики, ресурсосбережения и переработки отходов; просвещения и

образования, формирующего экологическое сознание и ответственное потребление; международного сотрудничества, поскольку экологические проблемы не признают государственных границ.

В условиях перманентных изменений духовная сфера общества выполняет стабилизирующие и смыслообразующие функции. Духовная культура – это совокупность духовных ценностей и творческой деятельности по их производству, включающая науку, искусство, религию, мораль и право [6; 8].

Регулятивная и ценностная функции. Мораль, право и религия формируют систему норм и правил, которые удерживают общество от дезинтеграции в периоды турбулентности. Они задают систему координат, в рамках которой должно развиваться технологическое могущество человека, не допуская его использования во вред [4; 5].

Функция социализации и идентичности. В эпоху глобализации, стирающей культурные границы, именно национальная культура, традиции и искусство помогают сохранить идентичность и психологическую устойчивость личности и общества в целом [7]. Образование, как ключевой институт социализации, должно не только передавать знания, но и воспитывать нравственную культуру, гуманистическое мировоззрение и социальную ответственность [2; 4].

Компенсаторная функция. В ситуации неопределенности и стресса, порождаемой технологическими сдвигами, люди все чаще обращаются к религии и философии в поисках стабильности, смысла и моральной опоры [2; 5; 9].

Повышение уровня жизни в обществе в контексте технологических вызовов напрямую связано с личной ответственностью каждого гражданина. Это ответственность за: свое образование и профессиональное развитие; этичное использование технологий; экологическое поведение.

Государство, в свою очередь, должно создать эффективное правовое поле, которое, с одной стороны, поощряет инновации, а с другой – защищает права человека, обеспечивает безопасность и предотвращает дискриминацию, связанную с использованием технологий.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, обладающие научной новизной и теоретической значимостью.

Научная новизна заключается в обосновании тезиса о том, что преодоление глобальных вызовов XXI века невозможно за счет технологического развития в отрыве от целенаправленного укрепления духовно-нравственного фундамента общества. Установлена взаимосвязь, при которой технологии создают инструментарий для решения проблем, а духовная культура задает ценностные и этические ориентиры для его применения.

Теоретическое значение исследования состоит в разработке интегративного подхода, синтезирующего анализ технологических трендов, экологических императивов и функций духовной сферы. Это способствует преодолению узкоотраслевого взгляда на проблемы будущего и формированию целостной междисциплинарной картины.

Перспективы дальнейших научных разработок видятся в следующих направлениях: детальное исследование механизмов формирования новой социально-технической этики, адекватной вызовам ИИ и биоинженерии; разработка конкретных педагогических моделей, интегрирующих духовно-нравственное воспитание с обучением цифровым и адаптивным навыкам.

Таким образом, будущее человечества зависит не от сдерживания технологического прогресса, а от его гармонизации с непреходящими духовными ценностями, где личная ответственность и развитое правовое сознание становятся ключевыми элементами новой социотехнической реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будущее уже здесь: Как современные технологии переопределяют завтрашний день // Музей технологий будущего. – [Электронный ресурс]. – URL: https://museumtechconf.ru/istoricheskie-otkrytija/kak-sovremennye-tehnologii-pereopredeljajut-zavtrashnij-den/.
2. Духовная жизнь общества (мораль, религия, искусство, наука) // StudFile. – [Электронный ресурс]. – URL: https://studfile.net/preview/2652262/page:11/.
3. Будущее уже не то, что прежде! // ВЦИОМ. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/budushchee-uzhe-ne-to-chto-prezhde.
4. Обществознание: Духовная жизнь общества // E-Biblio. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.e-biblio.ru/xbook/new/xbook310/book/part-006/page.htm.
5. Духовная сфера // Skysmart. – [Электронный ресурс]. – URL: https://skysmart.ru/articles/obshestvoznanie/duhovnaya-sfera (дата обращения: 30.11.2025).
6. Абубакирова К., Воронова Н. Глобальные вызовы XXI века // Farabi University. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://farabi.university/news/81092?lang=ru.
7. Понятие культуры. Формы и разновидности культуры // UMSchool. – 2022. – [Электронный ресурс]. – URL: https://umschool.net/library/obshhestvoznanie/ponyatie-kultury-formy-i-raznovidnosti-kultury/.
8. Духовная культура общества // MaximumTest. – [Электронный ресурс]. – URL: https://maximumtest.ru/uchebnik/10-klass/obshchestvoznaniye/dukhovnaya-kultura-obshchestva.
9. Бурханова Р.З. Духовная сфера общества. Проблемы развития духовной культуры современной России // Rusnauka. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2012/Philosophia/4_100336.doc.htm.
10. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.

УДК 004.891.2, 004.891.3

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.К. Жуков, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье представлен расширенный обзор современных методов и технологий искусственного интеллекта (ИИ), применяемых для поддержки принятия решений в различных профессиональных сферах. Рассматриваются ключевые направления использования ИИ, его преимущества и ограничения, а также основные вызовы этического, юридического и технического характера. Особое внимание уделяется актуальным трендам, перспективам развития и вопросам взаимодействия ИИ с человеческим фактором. Подчеркивается важность внедрения ИИ как средства повышения эффективности, надежности и качества решений в условиях быстрого цифрового трансформирования современного мира.

Ключевые слова*:* искусственный интеллект, поддержка принятия решений, методы и технологии ИИ, современные методы ИИ, этические вызовы, юридические ограничения, тренды развития ИИ, человеческий фактор, автоматизация, машинное обучение, глубокое обучение, нейронные сети.

Принятие решений – фундаментальный аспект любой профессиональной деятельности, непосредственно влияющий на уровень качества обслуживания, эффективность бизнес-процессов, безопасность и социальное благополучие. В условиях глобализации и цифровой революции, характеризующейся стремительным накоплением и обработкой больших объемов данных, традиционные методы анализа, основанные на интуиции и субъективных оценках, становятся все менее эффективными и способны привести к ошибкам. В этом контексте искусственный интеллект выступает как революционная технология, способная значительно трансформировать подходы к принятию решений, обеспечивая более быстрый, точный и систематический анализ информации [1].

Развитие технологий машинного обучения, нейронных сетей, экспертных систем, обработки естественного языка, компьютерного зрения и других компонентов ИИ позволяет создавать сложные системы поддержки принятия решений, которые интегрируются в процессы работы специалистов различных отраслей. Это не только облегчает анализ больших объемов

данных, но и способствует выявлению скрытых закономерностей, прогнозированию событий и автоматизации рутинных задач. В результате внедрения ИИ формируется новая парадигма профессиональной деятельности, где человек выступает в роли руководителя и аналитика, а ИИ – системного помощника, дополняющего и расширяющего его возможности.

Искусственный интеллект – это область информатики, которая занимается созданием алгоритмов и систем, способных выполнять задачи, требующие интеллекта человека, такие как обучение, распознавание образов, планирование, понимание естественного языка, анализ данных и принятие решений [3]. В контексте поддержки принятия решений ИИ реализуется посредством систем, которые регулярно анализируют входную информацию и формируют рекомендации или автоматические решения.

Ключевые технологии ИИ, применяемые в этих системах, включают:

1. Машинное обучение, позволяющее моделировать сложные зависимости в данных и делать прогнозы;
2. Глубокое обучение даёт возможность автоматического извлечения признаков из необработанных данных, например, изображений или текста;
3. Нейронные сети, имитирующие работу мозга человека, используемые в задачах классификации, регрессии и распознавания;
4. Экспертные системы, основанные на формализованных знаниях и правилах;
5. Обработку естественного языка, которая даёт возможность взаимодействовать с системами через диалог или анализировать текстовые данные;
6. Облачные платформы и вычислительные ресурсы, ускоряющие работу ИИ-решений [4].

В системе поддержки принятия решений ИИ выполняет роль аналитического инструмента, который не заменяет человека, а расширяет его возможности за счёт предоставления объективных, комплексных рекомендаций на основе анализа данных. Такой подход позволяет снизить субъективизм и повысить надежность принимаемых решений, особенно в условиях высокой неопределенности и риска.

Важно отметить, что эти системы часто используют модели предиктивной аналитики, сценарного моделирования и оптимизации, что особенно ценно в стратегическом планировании и управлении [5]. Кроме того, возникает новая категория ИИ – объяснимый ИИ, который помогает понять, почему система пришла к конкретному выводу, повышая уровень доверия и снижая возможность ошибок или неправильных интерпретаций [15].

Одной из наиболее развивающихся областей использования ИИ является медицина. Сегодня системы диагностической поддержки, использующие глубокое обучение, помогают врачам выявлять болезни на ранней стадии, что значительно повышает шансы на успешное лечение. Так,

например, системы автоматического анализа медицинских изображений (МРТ, КТ, рентген) позволяют точно распознавать опухоли, грыжи, повреждения тканей – иногда даже в тех случаях, когда врачам доступны только ограниченные визуальные признаки [6].

Особого внимания заслуживают системы, рекомендующие индивидуальные планы лечения на основе анализа генетических данных и истории болезни пациента. Такие системы помогают выбирать наиболее эффективные медикаменты и дозировки, уменьшать риск побочных эффектов. Например, Watson for Oncology показывает свою эффективность в подборе онкологических стратегий. Однако внедрение ИИ в медицину сталкивается с проблемой необходимости постоянного обновления моделей, их интерпретации и соблюдения этических стандартов при обработке чувствительной информации [7].

В банковской индустрии ИИ занимает ключевые позиции: автоматизированная оценка кредитных рисков, системы обнаружения мошенничества, алгоритмическая торговля ценными бумагами. Модели машинного обучения позволяют анализировать транзакционные данные и выявлять аномалии, свидетельствующие о мошеннических действиях. Например, при обработке миллионов банковских операций предиктивные алгоритмы могут определить fracture-заключения с высокой точностью, что значительно снижает риск финансовых потерь [8].

Кроме того, системы автоматизированного кредитования используют большое количество переменных для оценки платежеспособности заемщиков, что позволяет выдавать кредиты быстрее и более объективно. В перспективе роль ИИ в этом секторе расширяется за счет внедрения технологий обработки естественного языка для автоматической оценки документов и заявлений клиентов [9].

В сфере промышленного производства ИИ используется для оптимизации производственных линий, обеспечения качества продукции, предиктивного обслуживания оборудования. Например, системы машинного обучения могут анализировать показатели работы станков и прогнозировать их возможный отказ или необходимость профилактического ремонта, что сокращает временные потери и издержки. Такая автоматизация помогает создать гибкие производственные системы, способные быстро адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и спроса [10].

Описание конкретных кейсов включает использование роботов – Cobots, объединённых с ИИ для совместной работы с человеком, или систем автоматического контроля качества с применением компьютерного зрения.

Управление и государственное управление. В государственном секторе ИИ помогает в стратегическом планировании, прогнозировании экономических и социальных трендов, автоматизации бюрократических процессов. Так, аналитические платформы используют большие данные для

оценки уровня безработицы или выявления социальных рисков, что способствует более оперативному реагированию органов власти [11].

Кроме того, внедрение ИИ в системы электронного правительства способствует обработке и поиску информации в огромных массивах данных, ускоряет принятие решений и повышает прозрачность.

Преимущества использования ИИ:

1. Высокая скорость обработки данных: ИИ способен за считаные минуты проанализировать массивы информации, на которые человека занимает недели или месяцы. Это особенно важно в сценариях, требующих быстрого реагирования, например, в аварийных ситуациях или при угрозе безопасности [12];

2. Обработка комплексных и разнородных данных: Соединение структурированных данных (таблиц, баз данных) и неструктурированных (тексты, изображения) достигается за счёт мощных алгоритмов обработки данных [13];

3. Автоматизация рутинных задач: ИИ позволяет освободить специалистов от повторяющихся операций, делая их деятельность более стратегической и креативной [4];

4. Поддержка многовариантного моделирования и сценарного анализа: Возможность протестировать множество вариантов решений и выбрать наиболее оптимальный – важнейшее преимущество в менеджменте и планировании [5];

5. Снижение человеческих ошибок и субъективизма: Объективный анализ исключает влияние личных пристрастий, эмоциональных факторов, ошибочных предположений [14].

Ограничения использования ИИ:

1. Ограниченная объяснимость («черный ящик»): Некоторые сложные модели (например, глубокие нейронные сети) могут давать очень точные предсказания, но оставаться непрозрачными для пользователя, что снижает уровень доверия и вызывает проблемы при необходимости обоснования решений [15];

2. Зависимость от качества данных: Некачественные или неполные данные приводят к ошибкам системы, а также могут усиливать существующие предвзятости и дискриминацию. Поэтому подготовка данных – важнейший и трудоёмкий этап [16];

3. Этические и правовые вопросы: Кто отвечает за решение, принятое системой ИИ? Как обеспечить защиту личной информации и предотвращение дискриминации? Эти проблемы требуют разработки стандартов и нормативных актов [17];

4. Технические риски и уязвимости: Возможность кибератак, неправильной эксплуатации или ошибок работы программных алгоритмов может привести к серьёзным последствиям [18].

Этические стандарты становятся ключевыми при внедрении ИИ, особенно в чувствительных сферах – медицине, финансах, государственном управлении. Важно обеспечить прозрачность алгоритмов, ответственность за решения и защиту персональных данных. Разработка нормативных документов, таких как руководства по этике ИИ, создание прозрачных, объяснимых моделей – важнейшие направления исследований и регуляции [19].

Также необходимо учитывать влияние автоматизации на рабочие места, социальное неравенство и возможные сценарии злоупотреблений.

Ожидается, что будущие тренды включат интеграцию ИИ с Интернетом вещей, аналитикой больших данных и блокчейном, что значительно расширит возможности по сбору, анализу и принятия решений на основе автоматизированных систем [20]. Создание более объяснимых и этических моделей, развитие «гуманизированного» ИИ, способного учитывать моральные и культурные контексты, станут приоритетами исследований.

Также предпосылается появление новых нормативных и стандартных рамок, регулирующих использование ИИ в различных сферах, что обеспечит сбалансированный и безопасный внедренческий процесс.

Заключение. Искусственный интеллект уже сегодня является мощным инструментом поддержки принятия решений, способствуя повышению эффективности, точности и скорости решений в профессиональной деятельности. Он позволяет автоматизировать множество задач, выявлять скрытые связи и предлагать оптимальные варианты развития событий. Однако внедрение ИИ сопряжено с рядом вызовов и рисков, связанных с этическими, правовыми и техническими аспектами. Важно не только технологически совершенствовать системы ИИ, но и поддерживать развитие их этической и правовой базы, чтобы обеспечить ответственное и безопасное использование технологий. В будущем ожидается дальнейшее интегрирование ИИ с новыми цифровыми и аналитическими инструментами, что откроет новые возможности для повышения качества профессиональных решений и управления современным обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Russel S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Pearson, 2021.
2. Shah V. Artificial intelligence in decision making: a review // Int. J. of Engineering Research & Technology. 2020. Vol. 9, no. 4. P. 648–652.
3. Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep Learning. MIT Press, 2016.
4. Power D. J. A brief history of decision support systems. DSSResources.COM, 2007.
5. Mitchell T. Machine Learning. McGraw-Hill, 1997.
6. Esteva A. et al. Dermatologist-level classification of skin cancer with deep neural networks // Nature. 2017. Vol. 542, no. 7639. P. 115–118.
7. Jiang F. et al. Artificial intelligence in healthcare: Past, present and future // Stroke and Vascular Neurology. 2017. Vol. 2, no. 4. P. 230–243.

8. Ngai E.W.T. et al. The application of data mining techniques in financial fraud detection: A classification framework and an academic review of literature // Decision Support Systems. 2011. Vol. 50, no. 3. P. 559–569.
9. Kuman N., Goodar R. H., Kapur M. Machine Learning for Fraud Detection and Risk Analysis: Comprehensive Review // Int. J. of Computational Intelligence Research. 2021. Vol. 16, no. 1. P. 112–125.
10. Lee J., Bagheri B., Jin C. Introduction to cyber manufacturing // Manufacturing Letters. 2016. Vol. 8. P. 11–15.
11. Fañooijen P., de Mul M., Ravesteijn P. Using big data for public decision-making: Challenges and opportunities // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 33, no. 1. P. 1–8.
12. Bjernolfsson E., McAfee A. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future. W.W. Norton & Company, 2017.
13. Gandomi A., Haider M. Beyond the hype: Big data concepts, methods, and analytics // International Journal of Information Management. 2015. Vol. 35, no. 2. P. 137–144.
14. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. Farrar, Straus and Giroux, 2011.
15. Rudin C. Stop explaining black box models for high stakes decisions and use interpretable models instead // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1, no. 5. P. 206–215.
16. Domingos P. A few useful things to know about machine learning // Communications of the ACM. 2012. Vol. 55, no. 10. P. 78–87.
17. Floridi L. et al. AI4People—An ethical framework for a good AI society: Opportunities, risks, principles, and recommendations // Minds and Machines. 2018. Vol. 28, no. 4. P. 689–707.
18. Amodei D. et al. Concrete Problems in AI Safety. arXiv preprint arXiv:1606.06565, 2016.
19. Jobin A., Ienca M., Vayena E. The global landscape of AI ethics guidelines // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1, no. 9. P. 389–399.
20. Manika J. et al. Harnessing Automation for a Future that Works. McKinsey Global Institute, 2017.

УДК: 371.135

БУДУЩИЕ ВЫЗОВЫ В ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.В. Журавлев, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена изучению вызовов и перспектив, связанных с пересмотром подготовки учителей в эпоху активного использования искусственного интеллекта (ИИ) в образовании. Представлены анализ проблем, с которыми сталкивается система педагогического образования, и рекомендации по изменению учебных планов и подходов к обучению будущих педагогов, направленные на

эффективное применение ИИ для повышения качества образования и развития учащихся.

***Ключевые слова**:* искусственный интеллект, подготовка педагогов, педагогика, будущее профессии, образовательные технологии, система подготовки учителей, модернизация образовательных программ, этические аспекты использования ИИ.

Введение. Современная эпоха характеризуется беспрецедентными темпами технологической трансформации, которая оказывает серьёзное влияние на все сферы человеческой деятельности, включая образование. Система педагогического образования оказывается в эпицентре этих изменений, сталкиваясь с необходимостью фундаментального пересмотра устоявшихся парадигм, содержания и методов подготовки будущих учителей. Ключевым вызовом становится стремительное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), которые не просто дополняют, а качественно преобразуют образовательную среду, порождая новые формы обучения, оценки и взаимодействия [5; 8]. Цифровизация и проникновение интеллектуальных систем в учебный процесс ставят под сомнение традиционную роль педагога как единственного источника знания, трансформируя ее в роль наставника, модератора и куратора индивидуальных образовательных траекторий.

Проблема адаптации педагогического образования к технологическим реалиям активно дискутируется в научном сообществе. Ряд исследователей акцентируют внимание на критической важности развития цифровой компетентности как основы профессионализма современного педагога [4]. Это предполагает не только умение пользоваться техникой, но и способность критически оценивать цифровой контент, использовать технологии для решения педагогических задач и постоянно обновлять свои знания в этой быстро меняющейся области. Другие авторы подчеркивают необходимость смены педагогических подходов, внедрения активных методов, таких как проектная деятельность и обучение, которые лучше согласуются с цифровой эпохой и способствуют развитию так называемых «навыков XXI века» – креативности, критического мышления, коммуникации и кооперации [8]. В работах таких ученых, как Голицына О.Л. и Филиппова Е.О., подробно рассматриваются психолого-педагогические и этические аспекты применения ИИ, указывающие на возникновение новых рисков, таких как алгоритмическая предвзятость, дегуманизация образовательного процесса, угрозы конфиденциальности персональных данных учащихся и проблема цифрового неравенства [2; 10]. Однако, несмотря на наличие значительного количества публикаций, посвященных отдельным аспектам данной проблемы, ощущается дефицит комплексных исследований, предлагающих целостную стратегию модернизации системы подготовки педагогов, которая бы интегрировала технологический, педагогический, психологический и этический компоненты в единую, функциональную структуру. Восполнение

этого пробела является актуальной научной и практической задачей, от решения которой зависит конкурентоспособность национальных систем образования в глобальном масштабе.

Научная новизна исследования заключена в комплексном междисциплинарном подходе, охватывающем теорию, эмпирику и прикладные рекомендации. Впервые выявлены и оценены разрыв между пониманием студентами значения цифровых компетенций и низкой способностью их применить, предложена новая структура курса, объединяющего навыки, критическое мышление и проекты.

Теоретическая ценность работы – углубленное представление о профессиональной подготовке педагогов в цифровую эпоху, включение технического, практического и проектного компонента, способствующих обновлению образовательного процесса.

Практическая значимость выражается в рекомендациях по обязательному внедрению курсов цифровой грамотности, критического восприятия ИИ, распространению проектной методики и разработке этических стандартов использования ИИ в школах.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с исследованием конкретных примеров успешного применения ИИ, оценкой долговременных результатов обновленных программ и созданием системы мониторинга эффективности цифровых решений в разных типах учебных заведений.

2. Постановка цели

Целью настоящего исследования является системная идентификация ключевых вызовов и противоречий, возникающих в системе педагогического образования под влиянием технологического прогресса, и разработка на этой основе научно-обоснованных рекомендаций по кардинальной оптимизации процесса профессионального становления будущих педагогов, готовых к эффективной и ответственной работе в условиях цифровой трансформации.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

1. Провести всесторонний анализ современных научных публикаций, нормативно-правовых документов и международных рекомендаций, освещающих данные проблемы. [1; 5]. Особое внимание уделяется выявлению латентных тенденций и «белых пятен» в существующем массиве знаний.

2. Выявить и конкретизировать ключевые системные (организационные, инфраструктурные) и содержательные (связанные с учебными планами и компетенциями) проблемы, сдерживающие развитие системы подготовки педагогических кадров и препятствующие формированию у них необходимых цифровых и профессиональных компетенций для работы в гибридной и высокотехнологичной среде.

3. Проанализировать и предложить структурно-содержательные элементы обновленной системы подготовки учителей, адекватно отвечающей

на актуальные и перспективные вызовы современного образования. Речь идет не о точечных изменениях, а о проектировании новой образовательной экосистемы для педагогов.

4. На основе эмпирических данных и сравнительного анализа сформулировать конкретные практико-ориентированные предложения, направленные на модернизацию учебного контента, обновление методик обучения и внедрение передовых образовательных технологий в педагогических вузах, а также представить модель оценки их эффективности.

3. Методика и методология исследования. Методологической основой исследования выступил **междисциплинарный подход**, позволяющий интегрировать знания из различных областей: педагогики, психологии, социологии и информатики. Такой синтез обеспечил многогранность анализа феномена технологизации педагогического образования и позволил учесть не только технические, но и социально-психологические, ценностные и этические аспекты данной проблемы. Исследование опиралось на системный подход, рассматривающий подготовку педагогов как сложную, динамичную систему, взаимодействующую с внешней технологической средой.

Для решения поставленных задач был применен комплекс взаимодополняющих методов, объединенных в рамках последовательной исследовательской программы:

- **Теоретический анализ** отечественной и зарубежной научной литературы, а также нормативно-правовой базы за последние пять лет для формирования теоретического фундамента и выявления существующих пробелов. Были изучены работы, посвященные цифровой педагогике, педагогическому дизайну, теории внедрения инноваций в образовании.
- **Контент-анализ** материалов ведущих научных журналов и публикаций в области педагогики и цифровизации образования, направленный на выявление частоты встречаемости, семантических связей и эволюции ключевых концептов, таких как «цифровая грамотность педагога», «этика ИИ», «персонализация обучения», «data-driven education». Это позволило отследить формирование нового понятийного аппарата педагогики.
- **Экспертные интервью** с представителями педагогического сообщества (преподавателями вузов, методистами, руководителями образовательных учреждений) для получения качественных данных о реальных проблемах и перспективных путях модернизации подготовки кадров. Всего было проведено 15 полуструктурированных интервью, которые затем были подвергнуты тематическому анализу.
- **Сравнительный и качественный анализ** зарубежного опыта построения систем подготовки учителей в условиях цифровизации, позволивший идентифицировать успешные практики (например, финская

модель интеграции технологий в педагогическое образование) и потенциальные риски, релевантные для отечественного контекста [5; 9].

- **Педагогический эксперимент**, который включал этап диагностики исходного уровня цифровой грамотности студентов-первокурсников педагогического вуза (n=120) и последующий этап внедрения и апробации специально разработанного учебного курса «Цифровые технологии и ИИ в профессиональной деятельности педагога», нацеленного на формирование цифровых компетенций. Эксперимент длился в течение одного академического семестра.

Обработка и интерпретация полученных данных осуществлялись с применением **количественных и качественных методов анализа**. Количественные методы (дескриптивная статистика, анализ динамики с использованием t-критерия Стьюдента для зависимых выборок) позволили объективно оценить изменение уровня цифровых навыков. Качественные методы (интерпретация транскриптов интервью, контент-анализ проектных работ студентов) обеспечили глубину понимания мотивационных, ценностных и поведенческих аспектов интеграции технологий в профессиональную подготовку, выявив, в частности, такие барьеры, как «внутреннее сопротивление» и «синдром самозванца» в цифровой среде.

Результаты. Диагностика выявила серьезный разрыв между осознанием будущими педагогами важности цифровых технологий и их реальным владением ими. Эти данные говорят о критичном отставании, угрожающем профессиональному успеху выпускников в цифровой школе.

Реализованный **этап экспериментального обучения** был направлен на ликвидацию выявленного дисбаланса. В рамках специально разработанного курса использовался комплексный подход, сочетающий традиционные и инновационные формы работы. Содержательными компонентами курса выступили:

1. Теоретическое осмысление роли и места цифровых технологий и ИИ в современном образовании, изучение основ их функционирования и дидактического потенциала. Особый акцент делался на критическом анализе преимуществ и ограничений ИИ, обсуждении этических дилемм, связанных с его использованием.
2. Формирование устойчивых практических навыков работы с конкретным программным обеспечением: от продвинутого использования офисных пакетов для создания интерактивных учебных материалов и графических редакторов для визуализации информации до основ работы с системами дистанционного обучения (LMS), мобильными образовательными приложениями и простыми инструментами для создания образовательного контента (например, LearningApps, Kahoot!).
3. Выполнение серии индивидуальных и коллективных учебных проектов, которые моделировали реальные профессиональные ситуации и

требовали осознанного применения изучаемых технологий для решения конкретных педагогических задач.

Результаты пост-экспериментальной диагностики продемонстрировали значительную положительную динамику по всем ключевым показателям:

1. Наиболее ярким количественным результатом стало увеличение доли студентов, уверенно использующих цифровые технологии для профессиональных целей, более чем в два раза – с 30% до 65% ($p < 0,01$). Статистически значимый рост был зафиксирован по всем измеряемым практическим навыкам.
2. Качественные изменения проявились в повышении уровня самостоятельности и инициативности студентов: они стали активнее и эффективнее использовать цифровые ресурсы для поиска информации, проявлять готовность к самостоятельному освоению незнакомого программного обеспечения. Наблюдалось заметное снижение уровня «технофобии».
3. Важным психолого-педагогическим результатом стал рост мотивации и общей удовлетворенности студентов качеством образовательного процесса. Если до начала эксперимента данный показатель составлял около 40%, то после его завершения он достиг уровня примерно 80%, что свидетельствует о высокой востребованности и позитивном восприятии подобных образовательных инноваций.

Параллельно был проведен **критический анализ зарубежного и отечественного опыта регулирования применения ИИ в образовании** [1; 5; 9]. Этот анализ позволил выявить как положительные аспекты (например, разработка детальных этических хартий и принципов «обучающейся аналитики» в странах ЕС, ориентированных на защиту данных учащихся и прозрачность алгоритмов), так и отрицательные (риски гиперконтроля, коммерциализации данных, усиления социального неравенства из-за неравного доступа к технологиям) [10]. Ключевой идеей является необходимость опережающего правового регулирования, которое не сковывало бы инновации, но создавало бы надежные этические и правовые рамки для их развития.

Вывод. Исследование демонстрирует необходимость срочной модернизации педагогического образования, учитывающей требования цифровой эпохи. Необходимо обеспечить интеграцию технических, педагогических, психологических и этических компонентов в единый подход к обучению будущих педагогов. Проведение педагогического эксперимента подтвердило эффективность комплексного подхода к повышению цифровой грамотности, существенно повысив её уровень среди студентов. Выводы подчеркивают значимость разработки правовых рамок для защиты учащихся и предупреждения негативных последствий распространения технологий ИИ в образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байгузина Г.Р. Искусственный интеллект в управлении образованием: перспективы и риски // Наука и образование. 2024. № 2. С. 11–18.
2. Голицына О.Л. Психолого-педагогические основы применения искусственного интеллекта в образовании // Мир науки. 2023. № 3. С. 23–30.
3. Гриневич Я.М. Современные подходы к воспитанию нравственности в условиях цифровой революции // Профессиональное образование в современном мире. 2024. № 1. С. 14–20.
4. Захарова И.В. Цифровая грамотность как основа профессионализма современного педагога // Высшее образование сегодня. 2023. № 4. С. 31–36.
5. Кириллов В.А. Искусственный интеллект в образовательной практике: зарубежный опыт и российские перспективы // Российское образование. 2024. № 2. С. 25–31.
6. Митрофанова Е.А. Педагогика постиндустриального общества: вызовы и перспективы // Мир психологии. 2023. № 3. С. 45–51.
7. Осипов Б.А. Воспитание в эпоху ИИ: от дидактики к педагогике сотрудничества // Молодежь и общество. 2024. № 1. С. 12–17.
8. Семенов А.Е. Искусственный интеллект в образовательном процессе: проблемы и перспективы // Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 22–28.
9. Соловьева О.Ф. Перспективы использования искусственного интеллекта в дошкольном образовании // Начальная школа плюс До и После. 2024. № 2. С. 19–24.
10. Филиппова Е.О. Этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовании // Философия образования. 2023. № 3. С. 34–40.

УДК 82-2

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА: МЕЖДУ РЕЦЕПЦИЕЙ И МИФОТВОРЧЕСТВОМ

П.В. Кадлубинская, аспирант
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Статья исследует стратегию философского мифотворчества Леонида Андреева. На материале его диалогов с Горьким и критических текстов доказывается, что обращение к идеям Достоевского и Ницше было не рецепцией, а сознательной художественной трансформацией, служившей выражению трагического мировоззрения писателя.

Ключевые слова: Леонид Андреев, философское мифотворчество, рецепция, Достоевский, Ницше.

Введение. Публикация повести Леонида Андреева «Иуда Искариот» произвела эффект разорвавшейся бомбы в литературных и интеллектуальных кругах своего времени. Многообразие его трактовок породило обширную традицию научного комментария, в которую включились такие видные мыслители, как А. Бугров, С. Аскольдов, В.В. Розанов, А.А. Дробыш-Дробышевский, Л. Троцкий, М. Волошин [Андреев 1990, С. 534].

Актуальность проблематики, поднятой Андреевым, подтверждается и непрекращающимся потоком научных интерпретаций в наши дни.

В монографии «Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках» М.М. Дунаев, советский и российский учёный, богослов, литературовед, профессор Московской духовной академии, высказывает убеждение, что художественной целью Андреева было унижение образа Христа [Дунаев, С. 15]. Иной ракурс рассмотрения предлагает российский литературовед, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького, Н.В. Пращерук в статье «Несостоявшийся диалог: Ф. Достоевский и Л. Андреев», где утверждается, что писатель вел напряженный метафизический спор с Достоевским [Пращерук, С. 107–108], акцентируя тем самым полемическую функцию его творчества.

В этом научном контексте особую значимость приобретает диалог между Максимом Горьким и Леонидом Андреевым, состоявшийся в 1915 году: «Леонид тяжело привалился на диван, говоря: –Кто-то сказал: „Хороший еврей – Христос, плохой – Иуда“. Но я не люблю Христа, – Достоевский прав; Христос был великий путаник…–Достоевский не утверждал этого, это – Ницше…–Ну, Ницше. Хотя должен был утверждать именно Достоевский. Мне кто-то доказывал, что Достоевский тайно ненавидел Христа. Я тоже не люблю Христа и христианство, оптимизм – противная, насквозь фальшивая выдумка…–Разве христианство кажется тебе оптимистичным? –Конечно,– царствие небесное и прочая чепуха. Я думаю, что Иуда был не еврей, – грек, эллин. Он, брат, умный и дерзкий человек, Иуда. Ты когда-нибудь думал о разнообразии мотивов предательства? Они – бесконечно разнообразны. У Азефа была своя философия, – глупо думать, что он предавал только ради заработка. Знаешь, – если б Иуда был убежден, что в лице Христа пред ним сам Иегова, – он все-таки предал бы его. Убить Бога, унизить его позорной смертью, – это, брат, не пустячок!» [Горький и Леонид Андреев, С. 395–396].

Возникает закономерный вопрос о методологической интерпретации данного диалога. Что перед нами – попытка литературной самоидентификации Андреева через отождествление с образом Достоевского-богоборца? Обнаруживает ли он прямую связь между концепцией «Иуды Искариота» и ницшеанской темой «смерти Бога»? Или же мы становимся свидетелями своеобразной стратегии легитимации собственных идей через апелляцию к авторитетным философским дискурсам?

Постановка задачи. Методика и методология исследования. Для выявления художественной логики, определяющей генезис и специфику образа Иуды в творчестве Леонида Андреева, представляется необходимым последовательное применение комплекса исследовательских процедур. Во-

первых, критический анализ рецепций, позволяющий скорректировать их атрибуцию в диалоге между Андреевым и Горьким. Во-вторых, последующий идейно-тематический анализ корпуса текстов писателя раннего периода, чтобы выявить общую философскую направленность его произведений и определить степень склонности автора к формированию собственной мировоззренческой системы.

В рамках настоящей статьи ставится задача обоснования, что обращение Леонида Андреева к философским концепциям Достоевского и Ницше не следует рассматривать как их прямую рецепцию или фактологическую ошибку, а как сознательную стратегию интеллектуального мифотворчества, где идеи великих предшественников подвергаются целенаправленной художественной трансформации для создания мощных, провокационных образов.

Под мифотворчеством в данном контексте понимается метод сознательного конструирования писателем целостных образов и концепций на основе вольной интерпретации, синтеза и трансляции авторитетных идей, подчиненных единой художественной и мировоззренческой задаче. Эта творческая стратегия являлась одной из доминирующих в культуре Серебряного века. Такие художники слова, как А. Блок, Андрей Белый, Вяч. Иванов тоже активно стремились к созданию новых мифологических систем, позволяющих осмыслить кризисную эпоху. Леонид Андреев, чье творчество отмечено напряженными философскими исканиями, предстает в этом отношении ярким и характерным участником общелитературного процесса.

Результаты. Критический анализ рецепции творчества Достоевского в переписке Андреева и Горького демонстрирует характерный случай мифологизации. Андреев приписывает Достоевскому прямую характеристику «Христос был великий путаник», которая в действительности отсутствует в корпусе текстов писателя. Вероятным источником этой субъективной конструкции послужило синтезированное прочтение двух ключевых произведений.

Так в романе «Идиот» образ Христа как «идеала красоты» соседствует с утверждением о «трудности» Евангелия и его иррациональной природе для человеческого рассудка [Достоевский 1972, С. 327]. Более существенным представляется текст «Братьев Карамазовых», где в легенде о Великом Инквизиторе Христос предстаёт трагическим визионером, чьё учение о свободе, по мнению Инквизитора, оказалось непосильным и практически разрушительным для слабого человечества [Достоевский 1976, С. 234]. Хотя лексема «путаник» не используется, Инквизитор по сути обвиняет Христа в своего рода возвышенном доктринёрстве, приведшем к многовековым страданиям.

Примечательно, что даже после возражений Горького Андреев, формально соглашаясь с ним, продолжает настаивать на наличии у Достоевского скрытого антихристианского подтекста. Этот эпизод

демонстрирует характерную для Андреева стремление найти в тексте подтверждение собственным идеям, которое превалирует над строгой филологической точностью.

Со своей стороны, Горький, пытаясь скорректировать Андреева, совершает аналогичную ошибку атрибуции, приписывая ту же самую фразу «Христос был великий путаник» Фридриху Ницше. Однако в работах немецкого философа, включая «Антихриста» и «Так говорил Заратустру», данная формулировка не встречается. Вероятно, Горький опирался на вторичные источники или вольный пересказ ницшевской критики христианства. Косвенным основанием для такой аналогии могло служить то, что в «Антихристе» (§29) Ницше характеризует апостолов (в частности, Павла) как «путаников» («Stilisten»), обвиняя их в искажении изначального «евангельского» послания Иисуса ради идеи возмездия [Ницше 2007а, С. 45].

Данный пример – один из множества. Проводя идейно-тематический анализ корпуса текстов писателя раннего периода, можно заметить высокую склонность автора к формированию собственной мировоззренческой системы при упоминании русских и зарубежных философов. Яркий пример этого - фельетон Андреева «Москва. Мелочи жизни» от 15 октября 1900 г. где он критиковал пьесу П. Боборыкина «Накипь» [Андреев 2014, С. 383]. В данной пьесе нет жестко отрицательных персонажей, они все жертвы собственных идей. Андреев же создает собственные смыслы, мифологизируя образ персонажей-«ницшеанцев» (Переверзева, Воробьиной) и трактуя их как серьезных антигероев. Андреев принимает сатиру на невежественное восприятие Ницше за прямую полемику с самим Ницше. Он создает миф о пьесе как о битве с «ницшеанством», тогда как Боборыкин показывает, что настоящей «накипью» является как раз такое поверхностное, салонное его понимание.

Выводы. Подход к диалогу Андреева и Горького как к репрезентативному примеру мифотворчества формирует новизну данного исследования. Проведенный анализ позволяет утверждать, что спор писателей о «Христе-путанике» - яркое проявление ключевого творческого принципа Андреева: сознательного мифотворчества. Его «ошибки» в атрибуции - глубоко личный способ работы с философским материалом. Для Андреева истина по определению не может быть ясной и однозначной, поэтому его Христос не может быть носителем откровения, а только трагической фигурой, внесшей в мир неудобную и неразрешимую дилемму.

Теоретическая значимость же заключается в уточнении самой природы творчества Андреева, поскольку его диалог с предшественниками (Достоевским, Ницше) был не поиском истины, а поиском опоры для легитимизации собственного бунта против абсурдного миропорядка. То же самое можно сказать и о фигуре Иуды: его трагическая пародия, «бунт маленького человека» обрекается на саморазрушение. Все это соответствует общей парадигме философии художественного мира Андреева, где герои не

способны постичь замысла вселенной, объявляют его несуществующим и капитулируют перед тяжестью бытия.

Перспектива дальнейших исследований видится в рассмотрении других произведений Андреева с точки зрения мифотворчества. Подобный ракурс позволяет по-новому оценить рецепцию ницшеанства, Шопенгауэра и других, раскрывая художественную продуктивность в руках крупного писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 13 / Л.Н. Андреев. – М., 2014. – 790 с.
2. Андреев Л.Н. Рассказы и пьесы 1904–1907 // Собр. соч.: в 6 т. / Л.Н. Андреев. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 2. – 559 с.
3. Боборыкин П.Д. Накипь / П.Д. Боборыкин // Театр и искусство. – 1900. – № 1. – Приложение. – С. 43.
4. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1965. – 632 с. – (Лит. наследство; Т. 72).
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14. – 511 с.
6. Достоевский Ф. М. Идиот // Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972. – Т. 8. – 530 с.
7. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках / М. М. Дунаев. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. — 1056 с.
8. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Полн. собр. соч.: в 13 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. В.А. Флеровой. – М.: Культурная Революция, 2007a. – Т. 6. – С. 45–200.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого // Полн. собр. соч.: в 13 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. Ю. М. Антоновского. – М.: Культурная Революция, 2007b. – Т. 4. – 432 с.
10. Пращерук Н.В. Несостоявшийся диалог: Ф. Достоевский и Л. Андреев / Н.В. Пращерук // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – (Эволюция форм художественного сознания; вып. 4). – С. 99–110.

УДК 316.4

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Д.Н. Калинин, аспирант
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

Аннотация. В статье исследуется роль этносоциальной идентичности в обеспечении общественной стабильности в условиях поликультурности. На основе социально-философского анализа доказывается, что гармоничная этносоциальная идентичность способствует интеграции общества, снижению конфликтности и укреплению социального доверия. Предлагается модель баланса между этнической и гражданской идентичностью как условие устойчивого развития поликультурных систем. В работе используются данные современных исследований, Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 года и теоретические наработки в области диалектико-типологического подхода к консолидации общества. Теоретическая глубина исследования усиливается за счет привлечения онтологического и экзистенциального измерений понятия идентичности, разработанных в современной социальной философии.

Ключевые слова: этносоциальная идентичность, поликультурное общество, общественная стабильность, социальная философия, интеграция, гражданская идентичность, российская модель.

Введение. Современный этап развития поликультурных обществ, характеризующийся интенсивными миграционными процессами, глобализацией коммуникаций и ростом культурного многообразия, актуализирует фундаментальные вопросы социальной интеграции и общественной стабильности. В этом контексте проблема идентичности выходит на первый план социально-философского анализа, поскольку именно в сфере самоопределения индивидов и групп формируются ключевые векторы социальной динамики – от консолидации до конфликта [1]. Этносоциальная идентичность, понимаемая как сложный, многоуровневый конструкт, становится центральным элементом в данном дискурсе. Важно подчеркнуть, что данный конструкт имеет глубокую философскую основу: как отмечает И.В. Цифанова, идентичность следует рассматривать не только как социальный или психологический феномен, но и как модус человеческой экзистенции, способ бытия человека, укорененный в его стремлении к целостности перед лицом случайности и конечности существования. Таким образом, этносоциальная идентичность содержит в себе как социально-конструируемый, так и экзистенциальный пласт.

В научной литературе доминируют два подхода к оценке роли этнической идентичности в поликультурном обществе. Первый, примордиалистский (или дезинтеграционный), рассматривает этничность как имманентный, часто иррациональный источник солидарности «против других», который в условиях культурного многообразия неизбежно ведёт к сегментации общества, обострению межгрупповой конкуренции и угрозе социальной стабильности [2]. Второй, конструктивистско-интегративный подход, трактует этносоциальную идентичность как гибкий, ситуативно актуализируемый ресурс, который при определённых социальных и политических условиях может быть гармонично встроен в общую гражданскую идентичность, формируя основу для «единства в многообразии» [3]. Преодоление этого теоретического противоречия и является насущной задачей социальной философии.

Актуальность исследования обусловлена практическими вызовами, с которыми сталкиваются многие полиэтничные государства, включая Российскую Федерацию. С одной стороны, наблюдаются процессы укрепления национального самосознания и запрос на признание культурной специфики. С другой – существует императив сохранения гражданского мира, территориальной целостности и общего правового поля. В этой ситуации теоретическое осмысление условий, при которых этносоциальная идентичность трансформируется из потенциального фактора риска в ресурс общественной устойчивости, приобретает не только академическое, но и социально-политическое значение. Особую актуальность работе придаёт утверждение новой Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 года, где укрепление общероссийской гражданской идентичности определено как ключевая цель [4].

Степень научной разработанности проблемы высока, однако сохраняется ряд лакун. Достаточно полно изучены психологические механизмы формирования этнической идентичности (Э. Эриксон), её политические измерения в контексте национализма (Э. Геллнер, Б. Андерсон) и прав меньшинств (У. Кимлика) [5; 6]. Социально-философский же анализ часто останавливается на констатации дуальности идентичности, не предлагая целостной модели её функционирования как стабилизирующего фактора в динамической поликультурной системе. Научная новизна данного исследования заключается в попытке синтеза философской антропологии, теории социальных систем, политической философии и современных этнологических исследований для построения такой модели, где этносоциальная идентичность выступает в роли «социального клея», связывающего микроуровень индивидуальной принадлежности с макроуровнем общественного согласия. В данной работе этот синтез углубляется за счет интеграции онтологического понимания идентичности как модуса бытия, что позволяет рассмотреть её стабилизирующую функцию также в экзистенциальном ключе.

Таким образом, целью статьи является социально-философское осмысление и доказательство тезиса о том, что гармонично развитая и институционально признанная этносоциальная идентичность является не угрозой, а ключевым фактором общественной стабильности в поликультурном обществе, что находит своё подтверждение в российской модели гражданского единства.

Постановка задачи.

Цель достигается через последовательное решение следующих задач:

1. Проанализировать концептуальные подходы к пониманию этносоциальной идентичности в социальной философии, включая диалектико-типологический метод;
2. Выявить механизмы влияния этносоциальной идентичности на общественную стабильность, с опорой на данные социологических исследований и стратегические документы;
3. Предложить модель гармонизации этнической и гражданской идентичности как условие устойчивого развития поликультурного общества, используя российский опыт.

Методика и методология исследования. В основе исследования лежит социально-философский анализ, сочетающий герменевтический подход к интерпретации идентичности [3] и системный метод для изучения поликультурных обществ как целостных систем. Также применяется компаративный анализ теорий идентичности, представленных в ключевых источниках (Э. Эриксон, Ю. Хабермас) [2; 5]. Важным методологическим дополнением выступает диалектико-типологический подход [7], позволяющий рассматривать единство типологии этносоциального человека и типа многонационального общества как основу консолидации. Для раскрытия внутренних механизмов формирования идентичности в анализ интегрированы теоретические положения из работы И.В. Цифановой [9], где дан социально-философский разбор психосоциального подхода Э. Эриксона и символического интеракционизма Дж. Мида. Эмпирической базой послужили данные Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 года [4] и результаты исследований структуры этнической идентичности [8].

Результаты. Применение герменевтического, системного, компаративного и диалектико-типологического методов анализа, дополненное теоретическими положениями из работы И.В. Цифановой [9], раскрывающей психосоциальный подход Э. Эриксона и символический интеракционизм Дж. Мида, позволяет не только раскрыть внутренние механизмы взаимосвязи идентичности и стабильности, но и провести критическую оценку различных политико-философских моделей, а также верифицировать теоретические выводы на актуальном материале.

Результат 1. Интегративный потенциал этносоциальной идентичности в диалектике «общего – особенного – единичного»: онтологическое измерение.

Диалектико-типологический анализ, развиваемый в работах Ю.М. Лустина [7], показывает, что этносоциальная идентичность не является застывшим образованием, а существует в динамическом единстве трёх уровней: *всеобщего* (общегражданская идентичность), *особенного* (этнокультурная специфика группы) и *единичного* (личное самоопределение). Стабильность поликультурной системы достигается не через нивелирование различий, а через выстраивание иерархии этих уровней, где общероссийская гражданская идентичность («россиянин») выполняет интегрирующую роль, а этнические идентичности («русский», «татарин», «якут» и др.) становятся её внутренним, обогащающим содержанием. Этот вывод находит прямое подтверждение в Стратегии государственной национальной политики, где «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)» определяется как сообщество граждан, обладающих общероссийской гражданской идентичностью [4]. Данная модель получает дополнительную глубину, если рассматривать идентичность в её онтологическом измерении как «модус человеческой экзистенции» [9]. В этом контексте общероссийская гражданская идентичность предлагает не просто правовую или политическую оболочку, но и экзистенциально значимый «якорь», способный придавать смысл и устойчивость индивидуальному и коллективному бытию в условиях современной неопределенности, выступая ответом на вызовы случайности и конечности, описанные в социальной философии [9].

Результат 2. Фундаментальные элементы идентичности как источники стабильности или конфликта: роль внутренних диалогических механизмов.

Опираясь на классификацию, предложенную М.Ю. Зеленковым и соавторами [8], можно выделить три группы фундаментальных элементов этнической идентичности, воздействие на которые определяет характер этносоциальных отношений. Их влияние, однако, опосредовано внутренними психосоциальными механизмами:

1. Нарративность и её генезис: общее имя, история, мифы, память предков. Позитивная консолидация возникает при формировании объединяющих исторических нарративов (например, общая победа в Великой Отечественной войне), в то время как конфликтогенным является культивирование «образа врага» или конкурирующих версий истории. Эффективность этих нарративов зависит от их способности пройти личностную обработку и быть включенными в систему самопонимания индивида через механизм самоидентификации – акт сознательного отождествления себя с предлагаемым значением, что соответствует психосоциальному подходу Э. Эриксона [2; 9].

2. Культурные практики и атрибуты: язык, быт, традиции, религия, нормы поведения. Стабильность поддерживается институтами, которые позволяют легитимно воспроизводить эти элементы (национально-культурные автономии, поддержка языков), как это предусмотрено

Стратегией [4]. Конфликты возникают при их подавлении или резком противопоставлении «своих» и «чужих» практик. Усвоение этих элементов происходит в процессе символического взаимодействия (Дж. Мид), где индивид, «смотря на себя глазами другого», усваивает групповые символы и нормы, что является ключевым тезисом символического интеракционизма, рассмотренного в источнике [9].

3. Исторический ареал: связь с территорией. Российская модель, основанная на принципе федерализма и единства территории, позволяет снимать напряжённость, признавая историческую связь народов с их землями в рамках общего государства. Чувство сопричастности территории также становится частью личностной идентичности, удерживаемой памятью как условием её непрерывности во времени, что выступает важным аспектом устойчивости идентичности [9].

Результат 3. Сравнительный анализ моделей: системные преимущества российской модели «многонационального единства» перед западным мультикультурализмом.

Герменевтический и компаративный анализ выявляет системные противоречия либерального мультикультурализма, который, редуцируясь до политики жёстких групповых прав и квот, часто приводит к коммуникативному замыканию внутри общин и фрагментации общего гражданского пространства [6]. Западная модель строится по аддитивному принципу («государство + культурные сообщества»), где гражданская идентичность является слабой правовой оболочкой и мало затрагивает экзистенциальный уровень.

В отличие от этого, российская модель, как следует из Стратегии и теоретических работ [7], исторически сформировалась как органическая, иерархически интегрированная система по принципу «единство в многообразии». Здесь этносоциальная идентичность является субстанциональным уровнем более высокой общероссийской гражданской идентичности. Последняя выступает не как оболочка, а как интегрирующая надстройка, вбирающая в себя исторический опыт совместного государства-строительства, общую культуру и судьбу. Институциональным выражением этой модели является синхронная работа по укреплению гражданского единства (через образование, патриотическое воспитание, поддержку русского языка как языка межнационального общения) и поддержке этнокультурного многообразия [4, разд. III]. Эффективность этого подхода подтверждается высокими целевыми показателями Стратегии, такими как уровень общероссийской гражданской идентичности (не менее 95% к 2036 году) и доля граждан, положительно оценивающих межнациональные отношения [4].

Ключевым механизмом стабильности является формирование интегративной (двойной) идентичности, при которой сильная этническая принадлежность не противоречит, а дополняет и усиливает

общегражданскую идентичность. Этот механизм, согласно теоретическим положениям, изложенным И.В. Цифановой [9], успешно реализуется в российском контексте не только за счет сбалансированной государственной политики, но и благодаря способности предлагать экзистенциально значимые интегративные нарративы. Эти нарративы, укорененные в общей истории и коллективном опыте преодоления кризисов, помогают личности и обществу в целом справляться с вызовами современности, снижая риски «кризиса идентичности», который возникает при разрушении стабильных социальных категорий и границ групп, что соответствует описанию кризиса идентичности в социально-психологической теории [9].

Выводы. Научная новизна исследования заключается в социально-философском осмыслении этносоциальной идентичности как интегративного, а не дезинтегративного фактора общественной стабильности. Это осмысление осуществлено через комплексный методологический синтез, включающий герменевтический, системный, компаративный и диалектико-типологический подходы. Кроме того, для анализа внутренних механизмов формирования идентичности использованы теоретические положения психосоциального подхода Э. Эриксона и символического интеракционизма Дж. Мида, представленные в работе И.В. Цифановой [9]. Такой синтез позволил раскрыть многоуровневую природу идентичности – от её экзистенциального основания как модуса бытия до социально-конструируемого и институционально оформляемого феномена.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке и верификации на материалах российской государственной политики модели органической интеграции. Данная модель демонстрирует, что стабильность поликультурного общества достигается через иерархическое выстраивание уровней идентичности (общегражданской, этнокультурной, личностной), где общенациональная идентичность выступает не просто правовой оболочкой, а интегрирующей надстройкой, вбирающей в себя исторический опыт и культурное многообразие. Показано, что преимущество российской модели «многонационального единства» перед либеральным мультикультурализмом заключается в её способности создавать экзистенциально значимые интегративные нарративы. Эти нарративы, опираясь на общую историю и ценности, помогают преодолевать «кризис идентичности», возникающий в эпоху социальных трансформаций, и формировать гармоничную двойную идентичность (этническую и гражданскую).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы могут быть использованы для анализа, проектирования и корректировки социальной и национальной политики в поликультурных обществах, в том числе для реализации положений Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 года [4]. Доказано, что эффективная политика должна быть направлена не на подавление этнических различий, а на создание институтов, обеспечивающих их диалогичное

признание и гармоничное встраивание в общегражданскую идентичность. Ключевым условием успеха является воздействие на внутренние, диалогические механизмы формирования идентичности у индивидов (самоидентификация, символическое взаимодействие, работа памяти), что требует сочетания институциональных мер с культурно-просветительской работой.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение влияния цифровизации и новых медиа на трансформацию фундаментальных элементов этносоциальной идентичности и механизмов её интеграции в глобализирующемся мире, а также анализ того, как эти технологии воздействуют на экзистенциальные основы коллективного самовосприятия и способность общества генерировать объединяющие нарративы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тишков В.А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 352 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
6. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 280 p.
7. Лустин Ю.М. Этносоциальная идентичность человека как потенциал диалектико-типологической консолидации общества // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2024. Вып. 3. С. 19–29.
8. Зеленков М.Ю., Ламаарти Ю.А., Юсупова И.Н. Фундаментальные элементы идентичности как факторы современных этносоциальных отношений // Социодинамика. – 2021. – № 9.
9. Цифанова И.В. Понятие идентичности и его сущностно-характерологические константы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73). Ч. 1. С. 191–196.

УДК 141.2

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСКОГО СУБЪЕКТА И.Г.ФИХТЕ

Е.Е. Кац, студент
Научный руководитель – А.В. Коновалов, канд. филос. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В данной статье проводится анализ концепции творческого субъекта в философской системе Иоганна Готлиба Фихте. Исследуются три основополагающих принципа его «Наукоучения», раскрывающих структуру и природу «Я» как активного, самополагающего начала. Особое внимание уделяется диалектике взаимоотношений «Я» и «Не-Я», в рамках которой мир предстает не как независимая данность, а как продукт бессознательной деятельности абсолютного субъекта.

Ключевые слова: философия, самополагание, «Я», «Не-Я», деятельность, свобода.

Проблема природы человеческого «Я», его активности и способности не просто отражать, но и творить реальность, остается одной из центральных и наиболее дискуссионных в истории философской мысли. В последние десятилетия в академических исследованиях наблюдается заметный ренессанс интереса к немецкому идеализму, и в частности, к учению Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814), чья философия долгое время рассматривалась лишь как переходное звено от Канта к Гегелю [1, С. 7–10]. Сегодня же фихтевский проект предстает как самостоятельная и радикальная попытка преодолеть дуализм кантовской системы, поместив в ее основание не статичный трансцендентальный субъект, а динамичное, деятельное, самосозидающее начало [2, С. 45]. Если классическая докантовская метафизика рассматривала субъект как пассивное зеркало, а Кант сделал его законодателем природы, то Фихте пошел дальше, провозгласив субъекта ее творцом-демиургом в акте фундаментального самополагания.

Актуальность темы обусловлена комплексом факторов. Во-первых, в эпоху цифровых технологий и виртуальных идентичностей проблема самоопределения и конституирования «Я» приобретает новое звучание, заставляя переосмысливать классические теории субъективности [3, С. 112]. Во-вторых, современные дискуссии в философии сознания о соотношении мозга, разума и внешнего мира возвращают нас к вопросу об активности сознания в структурировании опыта, что напрямую перекликается с пафосом фихтевского «Наукоучения». Наконец, интерес к Фихте связан с поиском нередуктивных моделей свободы и моральной ответственности в

детерминированном мире, где фихтевский субъект выступает как безусловный источник спонтанной практической деятельности [4, С. 89].

Целью данного исследования является всесторонний, систематический анализ концепции творческого субъекта в философии И.Г. Фихте. Данная цель конкретизируется через последовательное решение ряда взаимосвязанных задач, позволяющих раскрыть архитектонику, внутреннюю динамику и историко-философский резонанс фихтеанской модели. **Задачи** исследования: 1. Эксплицировать и детально проанализировать три основополагающих принципа «Наукоучения» как методологического каркаса, на котором выстраивается вся теория субъекта. 2. Раскрыть диалектическую и иерархическую структуру фихтевского «Я», показав взаимосвязь и напряжение между его абсолютным и эмпирическим модусами, теоретической и практической ипостасью. 3. Проследить многоуровневое влияние фихтеанской концепции на последующую философскую традицию, выявив как прямые заимствования, так и скрытые полемические отзвуки в классической немецкой философии (Шеллинг, Гегель), эстетике немецкого романтизма, феноменологии Гуссерля и психоаналитической философии Жака Лакана.

Методологической основой исследования выступает принцип имманентного анализа, предполагающий рассмотрение философской системы Фихте исходя из ее собственных предпосылок и логики развития. Исходным материалом для такого анализа служат основополагающие тексты самого Фихте, прежде всего, «Основания общего наукоучения» (1794/1795), которые представляют собой ядро так называемого «йенского» периода его творчества, наиболее радикального в утверждении активности «Я» [5]. Важным дополнением является работа «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии» (1801), демонстрирующая эволюцию его взглядов. Для реализации третьей задачи исследования привлекается корпус вторичной литературы и тексты философов, испытавших влияние Фихте. Это позволяет не только констатировать факт влияния, но и реконструировать механизм философской рецепции: какие именно элементы фихтеанства были ассимилированы, какие подверглись критике и трансформации. Анализ ведется на материале философии тождества Шеллинга, диалектики Гегеля, теории иронии романтиков, трансцендентальной феноменологии Гуссерля и структурного психоанализа Лакана. Такой междисциплинарный ракурс позволяет оценить подлинную масштабность и продуктивность фихтевских интуиций.

Фихте, стремясь преодолеть дуализм «вещи в себе» и явления у Канта, поставил амбициозную задачу – вывести все содержание сознания и формы реальности из единого, абсолютно достоверного принципа. Этим принципом стало не бытие, а действие – акт самосознания, который Фихте называл «деяние-действо» (Tathandlung). Первый принцип: «Я полагает первоначально свое собственное бытие» [5, С. 88]. Это тезис, абсолютный

постулат, не нуждающийся в доказательстве, ибо его истинность удостоверяется самим актом рефлексии. Попытка помыслить свое не-существование уже предполагает существование мыслящего «Я». Здесь «Я» – не субстанция и не психологический факт, а чистая, ничем не обусловленная активность, первичный акт свободы. Это фундамент, на котором только и может быть построено здание достоверного знания. Как отмечает исследователь В.В. Васильев, первый принцип устанавливает автономию и самодостаточность «Я» как источника всего смыслопорождения [6, С. 154]. Второй принцип: «Я противополагает «Не-Я»» [5, С. 102]. Однако «Я», замкнутое в тождестве с собой, лишено содержания и не есть сознание. Сознание требует различия, иного. Поэтому «Я», в соответствии со своей активной природой, необходимо полагает нечто отличное от себя – «Не-Я». Этот принцип – антитезис – не описывает возникновение независимого материального мира, а раскрывает необходимый механизм самоограничения «Я» для возможности опыта. «Не-Я» – это внутренний предел, сопротивление, без которого деятельность «Я» оставалась бы пустой и неосознанной. Третий принцип: «Я противополагает в Я делимому Я делимое Не-Я» [5, С. 110]. Третий принцип выполняет синтетическую функцию, разрешая противоречие между бесконечным полаганием «Я» и ограничивающим его «Не-Я». Фихте вводит идею делимости: в едином абсолютном «Я» одновременно и в равной мере полагаются конечное «Я» и конечное «Не-Я», взаимно ограничивающие друг друга. Это динамическое равновесие и есть сфера реального, эмпирического опыта. Практический разум (бесконечное стремление «Я») борется с теоретическим разумом (осознающим «Не-Я»), и в этой борьбе конституируются как объективный мир, так и конкретный, конечный субъект познания и действия.

Таким образом, фихтевский субъект – это не монолит, а сложное, внутренне напряженное образование. Его структура может быть представлена как иерархия: 1. Абсолютное «Я» (чистая деятельность, Tathandlung): Это не индивидуальное «я», а всеобщий, надындивидуальный принцип духовной активности, трансцендентальное условие возможности всякого сознания. Оно есть бесконечное стремление, чистая свобода и творческая мощь. 2. Эмпирическое (индивидуальное) «Я»: Это конкретный человек, который всегда обнаруживает себя в ситуации, где ему противостоит уже оформленное «Не-Я» (природа, социальные нормы, другие люди). Его свобода конечна и реализуется через преодоление сопротивления. 3. «Не-Я»: Не просто внешний мир, а принцип объективности, инобытия, инертности, полагаемый самим «Я» как необходимое поле для собственной реализации.

Творчество, таким образом, есть сущностная характеристика «Я» на всех уровнях. На уровне абсолютного «Я» – это творение самой возможности мира и сознания. На уровне эмпирического субъекта – это познавательная

деятельность (конструирование научной картины мира) и, что для Фихте важнее, моральное деяние – бесконечное приближение к идеалу через преодоление природной и социальной необходимости. Нравственный закон становится внутренним двигателем, заставляющим «Я» бесконечно выходить за свои собственные границы.

Радикальная концепция субъекта как чистой деятельности оказала определяющее влияние на последующую европейскую мысль, породив несколько ключевых интеллектуальных традиций. Классическая немецкая философия. Модель Фихте стала отправным пунктом и объектом критики. Ф.В.Й. Шеллинг, первоначально его последователь, в «Системе трансцендентального идеализма» (1800) принял тезис о первичности деятельного «Я» [10, С.45]. Однако вскоре он указал на слабость фихтевского субъективизма, неспособного объяснить природу как нечто большее, чем «Не-Я». Это привело Шеллинга к философии тождества, где природа и дух равноправны. Г.В.Ф. Гегель высоко оценил фихтевскую диалектику как движущую силу мысли, но подверг ее радикальной трансформации. Для Гегеля бесконечное стремление фихтевского «Я» – это «дурное бесконечное». Он «объективировал» диалектику, сделав ее законом саморазвития не субъекта, а Абсолютной Идеи, проходящей через логику, природу и дух [7, С. 58–62]. Таким образом, Фихте задал проблемное поле (система, свобода, диалектика), а его критика стала импульсом для создания новых систем.

Романтизм. Йенские романтики (Новалис, Ф. Шлегель) восприняли пафос фихтевской творческой свободы, но перенесли его из сферы этики и науки в сферу эстетики. Фихтевское «Я» превратилось в романтический идеал гения-творца, чье поэтическое воображение способно творить миры [3, С. 233]. Бесконечное стремление «Я» стало «томлением по бесконечному», а фихтевская диалектика нашла разрешение не в синтезе, а в романтической иронии — бесконечной игре, отрицающей окончательность любого результата и сохраняющей абсолютную свободу творца.

Феноменология. Влияние на Э. Гуссерля носит глубоко методологический характер. Проект «Наукоучения» как строгой науки, ищущей фундаментальное основание в самом сознании, является прямым предшественником феноменологии [8, С. 89]. Метод трансцендентальной редукции, «заключающий в скобки» существование мира для исследования структур сознания, методологически аналогичен фихтевскому движению к чистому «Я». Понятие интенциональности (сознание как «сознание о...») можно рассматривать как структурно разработанную версию отношения «Я» и «Не-Я», где сознание активно конституирует свой предмет.

Психоаналитическая философия. Влияние на Ж. Лакана опосредовано гегелевской диалектикой признания. Лакановская «стадия зеркала», где субъект обретает целостный, но отчужденный образ своего «Я» через внешнего Другого (зеркальное отражение, взгляд матери), является

клиническим развитием фихтевской идеи: «Я» полагает себя только через противополагание иному («Не-Я»). Формула Лакана «бессознательное – это дискурс Другого» и его теория желания как желания Другого продолжают линию, начатую Фихте: субъективность конституируется в интерсубъективном пространстве языка и признания [9, –. 134].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **выводы**, раскрывающие научную новизну, теоретическое значение и перспективы изучаемой проблематики.

Научная новизна представленной работы заключается в системно-интегративном подходе к философии Фихте. Реконструкция концепции творческого субъекта осуществлена через триединство: 1) логико-методологического фундамента (три принципа), 2) описания внутренней динамики субъекта и 3) анализа его историко-философской «судьбы». Такой подход позволяет преодолеть фрагментарность восприятия учения Фихте и показать его как целостный, живой организм мысли, продолжающий порождать интерпретации.

Теоретическое значение исследования состоит в последовательной демонстрации того, что фихтевская модель субъекта, основанная на примате деятельности, свободы и диалектической взаимообусловленности «Я» и «Не-Я», оказалась исключительно продуктивной философской матрицей. Она задала основную проблематику для всего последующего немецкого идеализма (проблема системы, свободы, отношения субъекта и объекта) и, претерпев трансформации, оказалась востребованной в XX веке в совершенно иных интеллектуальных контекстах – от строгой феноменологии до постструктуралистского психоанализа. Это подтверждает тезис о Фихте как о мыслителе, чьи идеи выходят далеко за рамки его эпохи.

Перспективы дальнейших научных разработок видятся в нескольких направлениях: 1. Углубленный компаративный анализ фихтеанского «Наукоучения» с современными теориями интерсубъективности, что позволит прояснить статус «Другого» в философии Фихте. 2. Диалог с когнитивной наукой и философией сознания: Сопоставление фихтевской активности сознания с современными моделями энактивизма, утверждающими, что разум активно конструирует мир через действие, представляется чрезвычайно плодотворным. 3. Исследование этического и политического потенциала философии Фихте в контексте современных дебатов о правах человека, достоинстве и социальном признании, где его учение о бесконечном стремлении к самоопределению может получить новое прочтение.

Таким образом, философия творческого субъекта И.Г. Фихте, будучи рождена на рубеже XVIII-XIX веков, продолжает оставаться мощным интеллектуальным ресурсом, предлагающим радикальную и вдохновляющую модель человеческой свободы и творчества, осмысление которой далеко от завершения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перцев, А.В. Философия субъективности в немецком идеализме: Кант, Фихте, Шеллинг. – М.: Прогресс-Традиция, 2020. – 456 с.
2. Брейазил, Д. Фихте и проблема самосознания // История философии. – 2019. – № 24(2). – С. 44–59.
3. Новалис. Фрагменты // Литературная теория немецкого романтизма. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. – С. 225–260.
4. Порус, В.Н. Философия субъекта в эпоху цифровых медиа. – М.: Канон, 2021. – 328 с.
5. Фихте, И.Г. Основания общего наукоучения // Сочинения в 2-х томах. Т. 1. – СПб.: Наука, 1993. – С. 65–338.
6. Васильев, В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
7. Гегель, Г.В.Ф. Различие между философскими системами Фихте и Шеллинга // Работы разных лет. В 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – С. 47–138.
8. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – М.: Академический проект, 2021. – 420 с.
9. Лакан, Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции «Я» // Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. – М.: Логос, 2019. – С. 123–140.
10. Шеллинг, Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма. – М.: Мысль, 2019. – 478 с.

УДК 177.7

ЛЮБОВЬ В ИСЛАМЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

А.В. Коновалов, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ Корана на предмет категории любви в исламе. Помимо покорности, справедливости, соблюдения закона любовь тоже присутствует. Любовь человека к человеку опосредуется через любовь к Аллаху. Любовь к Аллаху безусловна. Любовь Аллаха к человеку условна на первый взгляд, поскольку апеллирует к справедливости, закону воздаяния. Грешник, неверный, не заслуживает любви. Неверного ждёт суровое наказание. Но обращение Аллаха к грешникам как призыв к покаянию подчёркивает любовь к ним как к свободным субъектам, а следовательно любовь Аллаха безусловна, Аллах «милостив, прощающий и милосерден». Выступая судьей и экзекутором по отношению к неверным, Бог не испытывает ненависти к ним и не желает смерти их, но желает им спасения через их отказ от греха и «беззакония». Таким образом, не явным образом, но между строк можно констатировать, что зримо условная любовь Аллаха незримо безусловна. Свобода выбора человека также прописана в

Коране, но не явно, а опосредованно, также через обращение Аллаха к людям с призывом следовать закону воздаяния, быть ответственным, то есть испытывать последствия свободного выбора, то, что заслужил – награду или наказание.

Ключевые слова: условная любовь, безусловная любовь, справедливость, воздаяние, милосердие, свобода выбора, Аллах, ислам, Коран.

Актуальность темы. Введение в рамки высшей школы курса «Основы российской государственности» было продиктовано необходимостью повышения уровня знаний и представлений о стране, в которой мы живём. Либеральный курс российского правительства, направленный на вхождение России в глобальную семью не оправдал себя. Для сохранения системного внешнего и внутреннего суверенитета России необходима опора на собственные ресурсы и исторический опыт развития. Обращаясь к собственной истории, констатируем своеобразие и уникальность вектора исторической динамики, развития российской цивилизации, которая исторически выработала свои ценностные константы. На уровне личности это созидание и развитие, на уровне семьи – любовь и доверие, на уровне общества – согласие и сотрудничество, на уровне государства – сила И ответственность и на уровне страны – единство в многообразии.

Последняя ценностная константа предполагает точки согласия, примирительные начала в этническом, конфессиональном и культурном многообразии.

Проблема статьи заключается в том, что единства в этническом, культурном и особенно конфессиональном многообразии достичь крайне трудно, поскольку противоречия религиозные глубоки настолько бывают, что примириться люди разных конфессий могут в силу отступления от своих канонов и даже их ревизии. Исламских фундаменталистов исламистов нередко обвиняют в искажении ислама, пересмотра его вероучения в сторону воиствующей религии. Истинный ислам же проповедует веротерпимость, миролюбие, милость, прощение, любовь. Но сурах и аятах Корана находятся изречения, которые убеждают читателя в обратном. Поскольку истолковать их затруднительно, слишком они прямые и не многозначные, то защитники ислама как религии добра, милосердия и любви указывают на историчность определенных мест в Коране, то есть их не актуальность в современной ситуации. Если это так, то, чтобы снять определённые противоречия между авраамическими религиями, представленными в России, чтобы добиться единства в конфессиональном многообразии, назрел открытый диалог, прямое обсуждение определенных спорных вопросов вероисповедального толка во избежание религиозных конфликтов в будущем и подрыва внутреннего суверенитета нашей страны. Действенным в данном межконфессиональном диалоге представляется категориальный анализ, сверка ключевых этических категорий, сближающих такие религии, как

христианство и ислам. Безусловно, одной из таких категорий является любовь, присущая не только людям, но и Богу. Из любви вытекает прощение, милосердие, жертвенность. Особенно важно подчеркнуть, присуща ли любовь к людям Единому и Единственному Богу. В том, что Бог един и единственнен, сходятся и ислам, и христианство. А как же насчет любви в этих вероучениях?

Целью данного исследования состоит в поиске в священных книгах такой этической категории, как любовь, и в характеристике данной категории в христианстве и исламе. При решении этой цели идет концентрация на исламе, поскольку наличие этой категории там и ее характеристика вызывает кривотолки и споры.

В качестве **метода исследования** применяется герменевтический анализ к оригинальному источнику исламского вероучения – Корану. Для сравнения исследуются отдельные фрагменты из Ветхого и Нового Завета для подтверждения определенных гипотетических суждений исследования.

Результаты исследования. В христианстве главной категорией, сущностным признаком Творца является любовь, которая пронизывает и сотворенный Им мир. Бог любит людей, желает им спасения через любовь, побеждающую гордыню, ненависть, зависть и другие человеческие пороки.

В Евангелии от Иоанна (глава 3, стихи 16–17) можно встретить следующее утверждение: «Бог любит мир так сильно, что отдал своего единородного Сына, чтобы каждый, кто проявляет в него веру, не погиб, но имел вечную жизнь. Ведь Бог послал в мир своего сына не для того, чтобы судить мир, но чтобы мир был спасен через Него» [1].

В Новом Завете Бог не судит и не наказывает людей, а желает им спасения. Любовь Бога-Творца безусловна, он всем желает, чтобы никто не погиб из-за отсутствия веры в Него. По сути, грешники есть неверные, поскольку грешат из-за отсутствия веры в Бога. Бог всемогущ, Он может спасти любого, но попускает гибель грешника, если тот пребывает в неверии. Если бы Господь спасал человека вопреки воле того, тем самым нарушил бы свободу воли человека, но Бог любит настолько человека, что не покушается на свободу выбора того. Хотя выбор человека может быть направлен как в сторону спасения, так и в сторону самоуничтожения. Тем самым, имея свободную волю, свободу выбора, человек сознательно берет ответственность за свое будущее – обретение жизни вечной или уход в небытие.

В Первом Послании апостола Иоанна Богослова (глава 4, стих 16) определяется сущность Бога как любовь. «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, а Бог в нём [2].

В 18 стихе главы 4 Первого Послания Иоанна Богослова изложено суждение о противоречии между любовью и страхом. Страх выступает мучением и вызван отсутствием любви. «В любви нет страха, но

совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся не совершенен в любви».

В исламе же любовь перемешивается со страхом. В Коране Аллах «любит богобоязненных». «Если кто выполняет обязательство и боится Аллаха, то ведь Аллах любит богобоязненных» (3 сура 76 аят). Также можно встретить в Коране: «Это всего лишь сатана пугает вас своими помощниками. Не бойтесь их, а бойтесь Меня, если являетесь верующими» (3:175). Если страх противоречит любви, тогда возникает противоречие между тем, что любовь безусловная к Аллаху основана на страхе к Нему. Данный парадокс пока не разрешен.

Любовь к Аллаху в Коране предписывается людям как безусловная. То есть никакая выгода и расчёт не должны сопровождать любовь к Аллаху. Однако сам Аллах любит условно и избирательно. Трудно выразить, что Аллах есть любовь, поскольку одних он может любить, других не любит. В священной книге Коране прописано, что Аллах «любит богобоязненных» (3:76), «…не любит неверующих» (3:32), «…не любит беззаконников» (3:57), «…и призовём проклятие Аллаха на лжецов» (3:61), «…они попали под гнев Аллаха, и их постигла бедность» (3:112), «воистину, Аллах любит творящих добро» (3:134), «Аллах любит терпеливых» (3:146), «…Аллах снисходителен к верующим» (3:152), «ведь Аллах любит уповающих» (3:159), «воистину, Аллах любит тех, которые сражаются на его пути рядами, словно прочное строение» (61:4) [3].

Нередко в Коране упоминается об Аллахе как «милостивом и милосердном», «милосердном и прощающем». Например, «Он знает, что вам не сосчитать этого, и принимает ваши покаяния... Просите же у Аллаха прощения, ведь Аллах - Прощающий, Милосердный» (73:20) или «Но они не помянут его, если этого не пожелает Аллах. Он - Тот, Кто достоин страха и способен на прощение» (74:54) [3]. Однако, как следует из Корана, Аллах не только тот, кто достоин любви как прощающий, милосердный и милостивый, но и тот, кто «достоин страха». Поэтому если в христианстве из вышеуказанного Бог не является Судьей, но Спаситель, то в исламе Всевышний судит не соблюдающих закон и не верных и наказует их. Аллах «приготовил для неверующих цепи, оковы и пламя» (76:4). «Тогда твой Господь пролил на них бич мучений… (89:13) …Аллах подвергнет величайшим мучениям. В тот день никто не накажет так, как наказывает Он… (89:25)… Никто не наложит таких оков, какие накладывает Он» (89:26) [3].

Можно встретить аяты, где Аллах наказывает целые народы и может осуществлять наказание через людей, испытывая их на верность.

«Неужели они не странствовали по земле и не видели, каким был конец их предшественников? Аллах уничтожил их, и неверующих ожидает подобное этому… (47:10)… Он погубил адитов. И ничего не оставил от самудян… а еще раньше погубил народ Нуха (Ноя). Воистину, они были еще

более несправедливы и непокорны… Он низверг опрокинутые селения (селения народа Лута)» (53:50–53) [3]. Здесь идет важная отсылка к ветхозаветному Богу. Это подчеркивает единственность Бога. Нет иудейского или христианского или мусульманского Бога, Бог один. Именно Он помогал Аврааму, он спас Ноя и Лота, Он явил миру Иисуса (только с позиции ислама Иисус не Бог, а Посланник) и именно Его арабы называют Аллахом или Всевышним.

Люди тоже могут быть исполнителями Божьего наказания грешников, неверных. Вероятно, этот аят особенно привлекателен для воинствующих исламистов, которых сторонятся проводники и защитники межконфессионального единства и терпимости к инакомыслящим. «Когда вы встречаетесь с неверующими на поле боя, то рубите головы. Когда же вы ослабите их, то крепите оковы. А потом или милуйте, или же берите выкуп до тех пор, пока война не сложит свое бремя. Вот так! Если бы Аллах пожелал, то отомстил бы им сам, но Он пожелал испытать одних из вас посредством других. Он никогда не сделает тщетными деяния тех, кто был убит на пути Аллаха» (47:4) [3].

В Коране очень много аятов, где Аллах предупреждает неверующих о мучениях, страданиях, геенне огненной, Огне, адском пламени, унижении, а также о Судном дне, дне Воздаяния, когда Аллах выступит Судьей.

Из строчек Корана следует, что любовь Аллаха условна, поскольку ее необходимо заслужить. На первый план в характеристике Аллаха выходит категория справедливости как воздаяния. Об этом четко свидетельствует ряд аятов. «Разве неверующие не получат воздаяние за то, что они совершали? (83:36). «Аллах засвидетельствовал, что нет божества, кроме Него, а также ангелы и обладающие знанием. Он поддерживает справедливость. Нет божества, кроме Него, Могущественного, Мудрого» (3:18). «Аллах не был несправедлив к ним – они сами поступали несправедливо по отношению к себе» (3:117). «Воздаянием будут прощение от их Господа и Райские сады, в которых текут реки и в которых они пребудут вечно. Как же прекрасно воздаяние тружеников!» (3:136). «Затем каждая душа сполна получит то, что она заработала, и с ними не поступят несправедливо» (3:161).

Высшая справедливость выражается в законе воздаяния, который не распространяется на всех существ сотворенного мира, но только на свободных людей, идентифицирующих себя, рефлексирующих, обладающих самосознанием, способных осознавать необходимость, осознанно связывать свои действия с их последствиями и отвечающих за свой выбор альтернативных вариантов осуществления целеполаганий.

В Коране свобода воли человека явно не прописана. О свободе воли человека нет ни слова. Но логика Корана подчинена обращению Аллаха через Посланника Его Мухаммеда к людям как к субъектам. Именно субъекты обладают свободой воли. Только к свободным субъектам, несущим ответственность перед Всевышним за свои помыслы и деяния, может идти

обращение Аллаха: сделайте выбор между верой и неверием, между законом и беззаконием, между праведностью и грехом. Взывая к людям, свободным и вследствие этого ответственным за свой выбор, Аллах предупреждает о последствиях выбора между злом и добром. Ответственность есть связь между действием (бездействием) и его последствиями, и осознание субъектом последствий. Русский марксист Г.В. Плеханов трактовал немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля, приписывая ему смысл соотношения свободы и необходимости как «свобода есть познанная, или даже осознанная необходимость» [4, С. 307]. Сам же Гегель писал, что «свобода имеет своей предпосылкой необходимость и содержит ее в себе как снятую» [5, с. 337]. Неважно, кто пришел к выводу о свободе как о сознании необходимости – Гегель или Плеханов, но именно через осознание необходимости, через ответственность как добровольное принятие на себя последствий выбора достигается подлинная свобода. Через соединение свободы и необходимости осуществляется главный выбор человека – нравственный. А нравственный выбор онтологичен или сотериологичен, если выразить более конкретно. Необходимость в спасении противоречит желаниям, доводимых самим человеком или врагом рода человеческого до состояния страсти или одержимости. Господь не освобождает из добровольного рабства страстей, это свободный выбор человека. У человека должно возникнуть осознание необходимости вырваться из плена страстей. Если необходимость спасения оказывается выше в человеческом волении, чем сама страсть, в этот момент человек и обретает подлинную свободу.

Само обращение Аллаха через Посланника Мухаммеда к свободным людям говорит о том, что люди Аллаху не безразличны, Он не остается равнодушным к ним. Он суров в наказании как отец к детям, но и предостерегает своих детей от впадения в грех и неверие, пытается предотвратить их мучения и страдания как последствия негативного выбора.

Поскольку в Коране, как было отмечено выше, представления о Всевышнем, Трансцендентном Творце близки к представлениям в Ветхом Завете об иудейском Боге Иегове, строгом и «мстительном» к грешникам и «беззаконникам», в главе 33 Книги Иезекииля Ветхого Завета можно встретить любопытное изречение: «Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев?» (Иезек, 33. 11) [2].

В Книге Иезекииля Бог не предстает любящим, милосердным, но мстителен и справедлив, воздаёт грешникам по делам их. Однако очень важный момент проясняется – Бог не желает смерти никому, не праведникам, ни нечестивцам. Для Бога предпочтительнее возвращение грешника на путь истинный, путь спасения его, возвращения его к жизни, нежели смерть, уход в небытие, растворение в хаосе. В этом смысле Бог, наказывающий

грешников, Судья им, но не ненавидящий их, а все-таки любящий. Сурово наказывающий, но любящий Судья.

Выводы исследования. Множество аятов характеризуют условную любовь Аллаха. Праведников Он любит, а грешников проклинает, судит и предает мучениям, то есть поступает не милосердно, а по справедливости (каждому воздастся то, что тот заслужил). В этом смысле строчки Корана не совпадают с рассуждениями о том, что человек в исламе не наделен свободной волей. Если у человека нет свободы выбора, как же он может грешить и вставать на путь исправления, он выбирает, верить или не верить в Аллаха, повиноваться Ему или нет, любить его безусловно или нет, впадать в грех или освобождаться от него, творить добро или зло. Человек свободен в исламе и, как следствие, ответственен за свой выбор, осознаёт, что неизбежно наступят последствия, человека постигнет то, что он заслужил.

Также о том, что Аллах не только справедлив, но любит безусловно людей и милосерден к ним, говорят не столько аяты Корана, сколько само наличие Корана, в котором Аллах через Посланника Мухаммеда обращается к людям как к свободным субъектам и призывает их уверовать и не грешить во избежание их страданий в «Последней жизни» (или посмертной вечной жизни). Что это, как ни желание спасти людей?! В этом милосердие и безусловная любовь Аллаха к людям!

Несмотря на наличие в Коране аятов, буквально понятых и провоцирующих на ошибочные суждения о том, что ислам представляет собой воинствующую религию, а Аллах не способен на безусловную любовь, в статье была сделана попытка поставить подобные суждения под сомнение. У ислама и христианства есть перспективы найти точки согласия и преодолеть глубокие противоречия, а у российской цивилизации есть перспективы сохранить единство в многообразии, в том числе и конфессиональном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Православный календарь [Электронный ресурс]. URL: https://days.pravoslavie.ru/bible/b_in_3.html.
2. Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/biblia/?Ezek.25&r.
3. Священный Коран и его содержание [Электронный ресурс]. URL: https://islam.global/verouchenie/koran/.
4. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории / Избранные философские произведения в пяти томах. Т. 2. М.: Государственное Издательство Политической литературы, 1956. 824 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 Наука логики. М., 1974. 451 с.

УДК 004.8-057.87

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

В.К. Коноплева, аспирант 1-го года обучения
Научный руководитель – И.Э. Толстова, зав. кафедрой, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены положительные и отрицательные эффекты ИИ, сформулированы практические рекомендации и этические принципы использования ИИ, приведены результаты опросов среди студентов и преподавателей ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий».

Ключевые слова*:* искусственный интеллект (ИИ), студенты, образование, влияние, творчество, креативность.

Введение. Быстрое развитие ИИ значительно влияет на общество и образование. Интеллектуальные системы выступают не только как источник знаний, но и как активный помощник в развитии креативности, критического мышления и инновационной активности [1]. При адекватной методической организации ИИ стимулирует самостоятельный поиск решений и построение новых концепций [2].

За последнее пятилетие, были проведены исследования по влиянию искусственного интеллекта на творческие способности студентов. Самыми известными стали исследования, проведенные за рубежом в 2020 и 2023 годах.

Исследование, проведенное в Китае в 2020 году, с участием 150 студентов-дизайнеров показало, что инструменты ИИ повышают уверенность в дизайнерских способностях, что в свою очередь развивает у студентов независимое и дивергентное мышление и дает им свободу в выражении и экспериментировании с идеями [3].

В США в 2023 году было проведено лонгитюдное исследование (метод, при котором происходит сбор данных у одних и тех же участников на протяжении длительного времени) с 200 бакалаврами-дизайнерами, которое показало, что рост уверенности, частично-связанный с обучающими ИИ-инструментами, кореллировал с увеличением оригинальности проектов на 25% за два года [4].

Постановка задачи. Актуальность данной темы определяется тем, что интеграция технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс трансформирует подходы к формированию творческих компетенций

студентов. Возникает необходимость системной оценки, как именного ИИ-инструменты влияют на развитие креативности, критического мышления и проектной активности обучающихся.

Целью работы является изучение влияния искусственного интеллекта на развитие творческих способностей студентов.

Задачи:

1. Определить положительные и отрицательные эффекты применения искусственного интеллекта в образовании;
2. Провести онлайн-опросы среди студентов и преподавателей ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий» об использовании ИИ в творческом процессе;
3. Сформулировать практические рекомендации и этические принципы использования ИИ в учебных и творческих проектах.

В работе использовались теоретические (анализ и синтез информации), эмпирические (наблюдение, сравнение, эксперимент, тестирование) и математические (подсчет статистических данных онлайн-опросов) методы.

Методика и методология исследования. Влияние искусственного интеллекта на людей анализируется с момента его создания.

Среди положительных сторон применения искусственного интеллекта выделяют:

1. ИИ-алгоритмы генерируют идеи и концепты, вдохновляя на творческие проекты и стимулируя творческое мышление.
2. Платформы на основе ИИ анализируют успеваемость, интересы и предпочтительные стили обучения студентов и формируют персонализированные образовательные траектории [5].
3. VR-симуляторы, инструменты дополненной реальности и интеллектуальные обучающие системы создают интерактивную среду, где студенты могут экспериментировать и совместно разрабатывать контент.
4. ИИ подбирает учебные материалы, соответствующие интересам, увлечениям и целям обучающихся, что способствует повышению их внутренней мотивации.

Однако у использования искусственного интеллекта есть обратная сторона медали – отрицательные эффекты:

1. Чрезмерная опора на ИИ. Привычка получать мгновенные ответы от ИИ снижает у студентов умение самостоятельно искать информацию, критически анализировать источники и проверять достоверность данных.
2. Ослабление креативности. Поскольку алгоритмов часто опираются на шаблоны, постоянное их использование может подрывать способность студентов к оригинальному мышлению и импровизации [6].
3. Трудности с нестандартными задачами. ИИ-системы ограничены в решении нетипичных ситуаций и задач, требующих творческого подхода.

Для того, чтобы выявить влияние искусственного интеллекта на творческие способности студентов, были проведены онлайн-опросы среди

студентов и преподавателей института ветеринарный медицины и биотехнологии ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий». Опросы проводились в сентябре 2025 года, анонимно. Платформой для онлайн-опросов послужила онлайн-форма для быстрого сбора статистики - Google Forms. Для студентов и преподавателей было два разных анкетирования.

В опросе для студентов приняли участие 30 респондентов.

Перед респондентами стояли следующие вопросы:

1) Применяли ли Вы искусственный интеллект в творческих работах?

2) В каком качестве Вы применяли искусственный интеллект: поиск информации, написание реферата или курсовой работы, генерация изображений?

3) Как Вы считаете, положительное или отрицательное влияние оказывает искусственный интеллект на творческие способности студентов?

На первый вопрос «Применяли ли Вы искусственный интеллект в творческих работах?» 24 голосовавших (80%) отметили, что применяли искусственный интеллект, а 6 человек (20%) отметили, что не применяли его при выполнении творческих проектов. Таким образом, большая часть опрошенных знает про искусственный интеллект и пользовалась им при выполнении творческих работ.

На вопрос – «В каком качестве Вы применяли искусственный интеллект: поиск информации, написание реферата или курсовой работы, генерация изображений?» – 11 человек (36,7%) выбрали ответ «Поиск информации», 9 человек (30%) использовали ИИ для написания реферата или курсовой работы, 5 человек (16,7%) генерировали с помощью ИИ изображения, 5 человек (16,7%) использовали всё вышеперечисленное при выполнении работы. «Не применял ИИ» выбрали 6 человек (20%). Таким образом, большая часть опрошенных пользуется ИИ-инструментами и чаще всего используют для поиска информации.

Результаты ответов на вопрос «Как Вы считаете, положительное или отрицательное влияние оказывает искусственный интеллект на творческие способности студентов?» были следующими: 7 человек (23,3%) указали о положительном влиянии искусственного интеллекта, а 23 человека (76,7%) отметили отрицательное действие ИИ. Значит, большая часть респондентов считает, что использование искусственного интеллекта оказывает положительное действие на творческие способности студентов.

В опросе для преподавателей приняли участие 10 респондентов.

Преподаватели отвечали на следующие вопросы:

1) Попадались ли в Вашей практике работы студентов, выполненные с помощью ИИ?

2) Как Вы считаете, положительное или отрицательное влияние оказывает искусственный интеллект на творческие способности студентов?

На первый вопрос «Попадались ли в Вашей практике работы студентов, выполненные с помощью ИИ?» 7 голосовавших (70%) отметили, что им попадались работы студентов с применением ИИ, а 3 человека (30%) отметили, что в их практике не попадались работы студентов с использованием ИИ. Таким образом, большая часть опрошенных сталкивалась с применением искусственного интеллекта в работах студентов.

На второй вопрос – «Как Вы считаете, положительное или отрицательное влияние оказывает искусственный интеллект на творческие способности студентов?» – 8 человек (80%) выбрали ответ «Отрицательно», 2 человека (20%) указали ответ «Положительно». Таким образом, большая часть опрошенных преподавателей считает, что использование искусственного интеллекта оказывает отрицательное воздействие на творческие способности студентов.

Для того, чтобы сформулировать практические рекомендации и этические принципы использования ИИ в учебных проектах, для начала важно понять, что ИИ-инструменты полезны как помощник.

Для начала, сформулируем практические рекомендации для преподавателя:

1. Четкое формулирование учебных целей: что именно студенты должны научиться делать (идея, аргументация, навыки редактирования, рефлексия).
2. Ясность определения допустимых инструментов: важно перечислить разрешенные и запрещенные сервисы и версии (например, LLM, image generators) и условия их использования.
3. Включение обязательной декларации об использовании ИИ при сдаче работы.
4. Дизайн заданий: важно делать акцент на процесс – этапы исследования, эскиз, рефлексия – чтобы оценивать именно навыки, а не только финальный продукт [7].
5. Проведение вводных тренингов по работе с ИИ: критическое использование, проверка фактов, авторское право, безопасная практика.
6. Адаптирование рубрики оценки: добавление критериев «работа с ИИ» (транспарентность, критическая переработка), увеличение веса процесса и рефлексии.
7. Обеспечение равного доступа: можно предложить альтернативы для студентов без платного доступа к сервисам (университетские аккаунты, офлайн-методы).

Практическая и этическая инструкция для студентов вытекает из практических рекомендаций для преподавателя:

1. Важно использовать ИИ как вспомогательный инструмент (генерация идей, черновиков, референсов), не быть автором конечного продукта.

2. Документирование всех взаимодействий с ИИ: дата, инструмент и краткий промпт или команда; можно прикладывать лог или скриншоты по требованию.

3. Критически оценивать выводы ИИ: проверка фактов, исправление ошибок, доработка стиля и содержания.

4. Ссылка на ИИ-инструменты: указание имени модели, провайдера и примера промта.

5. Не стоит выдавать сгенерированный ИИ контент за полностью самостоятельный чужой интеллектуальный вклад.

6. Соблюдение авторских прав: не стоит использовать контент, нарушающий права третьих лиц; самостоятельное обучение правилам лицензирования генеративного контента [8].

Результаты. Положительные и отрицательные эффекты применения искусственного интеллекта в образовании может способствовать развитию творческих навыков студентов при рациональном использовании.

Результаты онлайн-опросов, проведенных среди студентов и преподавателей ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий» об использовании ИИ в творческом процессе, говорят о внедрении ИИ в образовательный процесс.

В студенческом опросе выяснилось, что большая часть респондентов пользовалась при выполнении творческих работ. Преобладающим ИИ-инструментом стал «Поиск информации». По мнению студентов, искусственный интеллект оказывает положительное действие на творческие способности.

В опросе для преподавателей дело обстоит иначе. Большинство преподавателей сталкивалось с работами студентов с применением ИИ. Многие из них считают, что искусственный интеллект оказывает отрицательное воздействие на творческие способности студентов.

Практические рекомендации и этические принципы использования ИИ в творческих и учебных проектах заключаются в нескольких пунктах:

1. Прозрачность: студент обязан раскрывать факт и степень использования ИИ в проекте.

2. Ответственность и авторство: ответственность за содержимое работы лежит на студенте/авторе, даже если часть создана ИИ.

3. Честность и академическая добросовестность: использование ИИ не должно вводить в заблуждение относительно вклада автора.

4. Справедливость и равный доступ: должен учитываться разный доступ к платным инструментам и предусматриваться альтернативы.

5. Конфиденциальность и безопасность данных: не загружать личные данные третьих лиц или данные студентов в открытые ИИ-сервисы без согласия и оценки рисков.

6. Компетентность: перед применением ИИ стоит обучаться принципам работы, возможным ошибкам и ограничениям модели.

7. Благополучие и неповреждение: не использовать ИИ для создания контента, который может нанести вред (дезинформация, дискриминация, манипуляции).

Выводы. Научная новизна работы заключается в создании практических рекомендаций по применению ИИ-инструментов студентами, преподавателями, а также в проведении онлайн-опросов среди студентов и преподавателей ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий» по теме «Влияние искусственного интеллекта на развитие творческих способностей студентов».

Теоретическое значение исследования заключается в анализе источников литературы и в обобщении информации.

Перспективы дальнейших научных разработок заключаются в последующих исследованиях влияния искусственного интеллекта на творческие способности студентов, которые могут меняться с течением времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуманитарные проблемы искусственного интеллекта и его применения: монография / А.Б. Гехт, Р.В. Душкин, А. В. Неровный [и др.]. – Санкт-Петербург: СПбГУТ им. М.А. Бонч-Бруевича, 2024. – 267 с.

2. Развитие творческих способностей студентов с помощью искусственного интеллекта в образовательном процессе [Электронный ресурс] // Том 5 № 4 (2025): Qo'qon DPI ilmiy xabarlari C seriyasi - URL: https://ilmiyxabarlar.kspi.uz/index.php/journal/article/view/3050.

3. Гуров Д.И., Леонов Д.Е., Кириллов Г.М. «Влияние искусственного интеллекта на современных студентов: анализ, этические и философские аспекты» / Гуров Д.И., Леонов Д.Е., Кириллов Г.М. // «Вестник науки №12 (81) том 3»: международный журнал «Вестник науки» научный электронный журнал. – Тольятти: Вестник науки, 2024. – С. 1320–1331.

4. Влияние генеративного искусственного интеллекта на творческое мышление студентов-дизайнеров: модель цепного посредничества самоэффективности и тревожности [Электронный ресурс] // Том 15 – 2024 https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1455015 - URL: https://translated.turbopages.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2024.1455015/full.

5. Абдулмянова, И. Р. Совместное творчество обучающихся в соавторстве с искусственным интеллектом: опыт, требующий осмысления / И. Р. Абдулмянова. – Текст: непосредственный // Иностранные языки в школе. – 2023. – № 4. – С. 71-76. – Библиогр.: с. 75-76 (9 назв.). –ISSN 0130-6073;

6. Ивахненко, Е.Н. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? / Е.Н. Ивахненко, В. С. Никольский. – Текст: непосредственный // Высшее образование в России. – 2023. – № 4. – С. 9-22. – Библиогр.: с. 20–21 (19 назв.). – ISSN 2071–3762;

7. Письменский, Г.И. Построение систем искусственного интеллекта на основе дискурса неопределенности сознания / Г.И. Письменский, Ж. Ю. Бакаева. – Текст: непосредственный // Инновации в образовании. – 2023. – № 7. – С. 62–69. – Библиогр.: с. 68–69 (10 назв.). – ISSN 1609-4646;

8. Фадеева, В.А. Возможности технологий искусственного интеллекта в цифровизации образовательной среды / В.А. Фадеева, А.И. Щедромирская. – Текст: непосредственный // Иностранные языки в школе. – 2023. – № 3. – С. 81–87. – Библиогр.: с. 86–87 (14 назв.). – ISSN 0130-6073.

УДК 004.8, 004.891

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ

С.Д. Кумсков, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается комплексное влияние технологий искусственного интеллекта (ИИ) на академическую успеваемость студентов в условиях цифровой трансформации образования. Проведён анализ ключевых механизмов воздействия (персонализация обучения, автоматизированная обратная связь, прогнозная аналитика), эмпирических данных об эффективности и потенциальных рисков. Сформулированы рекомендации по сбалансированному внедрению ИИ-инструментов с учётом педагогических и этических аспектов.

***Ключевые слова**:* искусственный интеллект (ИИ), академическая успеваемость, персонализация обучения, обратная связь, когнитивная нагрузка.

Введение. На сегодняшний день система образования в мире сильно изменяется под действием внедрения цифровых аспектов. Нейросети (искусственный интеллект, ИИ) активно применяются в образовании для оптимизации учебного процесса, персонализации обучения и автоматизации рутинных задач педагогов. Технологии ИИ помогают учителям создавать индивидуальные образовательные программы, а ученикам — получать дополнительную помощь в учёбе. Для учителей: генерация учебных планов и методических материалов. Преподаватель может сформулировать основные цели обучения, а ИИ разработает структурированный план, подберёт релевантные источники и создаст разнообразные задания для закрепления материала; Автоматизация рутинных задач. Педагоги делегируют ИИ составление отчётов, учебных планов, расписания и другие ежедневные административные задачи, что освобождает время учителей для взаимодействия с учениками.; Проверка самостоятельных работ. ИИ анализирует выполненные задания, находит ошибки и оценивает работы с

учётом заданных критериев. Дополнительно нейросети могут формулировать комментарии для учеников.

Для учеников: Адаптация учебных материалов под конкретного ученика, анализ его успеваемости, скорости усвоения знаний и предпочтительных форматов обучения. Персонализированные рекомендации — нейросети анализируют прогресс ученика и предлагают ему дополнительные материалы, упражнения или игры, направленные на восполнение пробелов или углубление знаний в интересующей области; Решение сложных задач – ИИ предлагает поэтапные решения задач, для каждого шага приводит понятные примеры и подробные объяснения; Создание презентаций – нейросети собирают информацию, структурируют её и адаптируют под возраст учеников. Нейронные сети и искусственный интеллект, в данной картине, играют ключевую роль, предлагая студентам:

- персонализации образовательных траекторий;
- автоматизации ежедневных педагогических функций;
- анализ больших массивов данных об учебной деятельности.

Цель исследования. Изучить комплексное влияние технологий искусственного интеллекта на академическую успеваемость студентов в условиях цифровой трансформации образования, выявить ключевые механизмы воздействия и оценить эффективность ИИ-инструментов с учётом сопутствующих рисков.

Задачи исследования. Проанализировать основные механизмы влияния ИИ на учебный процесс (персонализация обучения, автоматизированная обратная связь, прогнозная аналитика, оптимизация когнитивной нагрузки).

1. Систематизировать эмпирические данные об изменении показателей успеваемости при использовании ИИ-технологий.
2. Выявить и классифицировать потенциальные риски внедрения ИИ в образовательный процесс.
3. Оценить точность прогнозных моделей ИИ в выявлении академических рисков.

Методика и методология исследования:

1. **Аналитический обзор** – изучение научных публикаций, отчётов и кейсов по применению ИИ в образовании.
2. **Сравнительный анализ** – сопоставление показателей успеваемости в группах с ИИ-поддержкой и без неё.
3. **Кейс-стади** – разбор примеров внедрения ИИ-платформ (Knewton, Duolingo и др.).

Исследование проводилось поэтапно:

1. Подготовительный этап

- сбор и систематизация источников по теме;
- определение ключевых показателей успеваемости для анализа;
- выбор репрезентативных кейсов внедрения ИИ в образование.

2. Аналитический этап

- разбор механизмов воздействия ИИ на учебный процесс;
- анализ алгоритмов персонализации, обратной связи и прогнозирования;
- выявление корреляций между использованием ИИ и динамикой успеваемости.

3. Оценочный этап

- идентификация рисков (когнитивных, социальных, этических);
- анализ ограничений ИИ-инструментов;
- верификация выводов на основе мультидисциплинарных данных.

В основе исследования – **системный подход**, позволяющий рассматривать ИИ в образовании как комплекс взаимосвязанных элементов: технологических, педагогических и социальных.

Результаты.

Механизмы влияния ИИ на успеваемость

1. Персонализация учебного процесса

Интеллектуальные обучающие системы (Intelligent Tutoring Systems, ITS) адаптируют контент на основе:

- индивидуального интеллектуального профиля студента (его скорость восприятия, тип памяти, стиль мышления);
- опыта работы с учебным материалом;
- изменений показателей успеваемости.

Ключевые алгоритмы:

- **Деревья решений** — для разделения студентов по степеням подготовки;
- **Нейронные сети** — для осуществления прогнозов наиболее подходящей сложности заданий:

$C\text{opt}=f(L,M,T)$,

где L — уровень знаний, M – мотивация, T – временной ресурс;

Рекомендательные системы – для отбора дополнительных ресурсов, учитывая интересы и пробелы в знаниях.

2. Мгновенная обратная связь

Ассистенты на основе искусственного интеллекта обеспечивают:

- анализ стандартизированных заданий в режиме нон-стоп с точностью от 90% до 95% [5];
- уточнение сути ошибок (например, выделение неверных шагов в математическом доказательстве);
- создание и разработка личных рекомендаций:

$Ri=$ {«Повторить изучаемую тему X», «Перейти к новой теме Y», если $Ei > E\text{cri}$

где Ei – количество ошибок в блоке i, $E\text{crit}$ – критический порог.

3. Прогнозирование рисков отставания

Машинное обучение анализирует:

- посещаемость (*P*visit);
- активность в LMS (*A*LMS);
- промежуточные оценки (*G*mid);
- время, уделенное на выполнение задания (*T*task).

Модели (логистическая регрессия, Random Forest) осуществляют прогноз вероятности отсева с точностью от 85% до 92 % [3; 9], что позволяет вовремя и точно осуществлять меры поддержки.

4. Оптимизация когнитивной нагрузки

ИИ-системы осуществляют:

- разбитие сложных тем на подтемы ($n \in [5; 12]$ элементов);
- регулировку объёма выдаваемой информации по принципу:

$I \leq I\text{opt} = k \cdot C\text{ap}$,

где $C\text{ap}$ – когнитивная ёмкость студента, k – коэффициент адаптации;

- применение нескольких форматов подачи преподаваемого материала (текст + графика + аудио) для более качественного восприятия.

Эмпирические доказательства эффективности

Современные исследования показывают следующие эффекты:

1. **Рост среднего балла**

- В опытах с адаптивными платформами (например, Knewton) средний оценочный балл повысился на 7–14% за семестр [4; 7].
- Для дисциплин с большей интеллектуальной нагрузкой (математика, программирование) данный прирост достигает 14–24% [10].

2. **Снижение отсева**

- В онлайн-курсах с ИИ-ассистентами отсев уменьшился почти на 1/5 по сравнению с группами без таковых ассистентов [2; 9].
- Самый явный эффект наблюдается на начальных курсах (снижение отсева до 22 %).

3. **Ускорение освоения навыков**

- Лично подобранные траектории обучения сокращают время достижения цели обучения почти на треть [4; 10].
- В языковом обучении ИИ-программы значительноо повышают скорость запоминания лексики и доходят до 40% разницы [5].

4. **Повышение вовлечённости**

- Интерактивные чат-боты достоверно увеличивают время работы с учебным материалом на 25–40 % [8].
- Игрофицированные ИИ-решения (например, Duolingo) увеличивают регулярность занятий на 150 – 200%.

Потенциальные риски и ограничения

1. **Снижение критического мышления**

- Чрезмерная опора на ответы, созданные при помощи искусственного интеллекта, урезает способность к самостоятельному анализу данных [1][6].
- Наличие риска формирования «умственной лени» при наличии моментальных готовых решений.

2. **Цифровой разрыв**

- Ученики с малой цифровой грамотностью уступают в эффективности использования ИИ-инструментов [8; 13].

- Неравенство доступа к технологиям (гаджеты, интернет) еще сильнее усугубляет положение в вопросе цифрового неравенства.

3. **Этические проблемы**

- Плагиат, копирование и академическое мошенничество при использовании генеративных моделей на основе нейронных сетей (ChatGPT и аналоги) [11; 15].

- Конфиденциальность данных: сбор персональных сведений без прозрачных пользовательских соглашений.

4. **Дегуманизация обучения**

- Уменьшение социальных взаимодействий при смене живого общения на общение с чат-ботами [12; 14].

- Утрата эмпатийного фактора при оценке творческих работ.

5. **Технические ограничения**

- Ошибки алгоритмов (ложные срабатывания в прогнозировании рисков).

- Зависимость от качества имеющихся обучающих материалов в базе данных.

Выводы.

Научная новизна исследования.

1. **Комплексная оценка механизмов воздействия ИИ** – систематизированы и сопоставлены четыре ключевых механизма влияния ИИ на успеваемость (персонализация обучения, мгновенная обратная связь, прогнозирование рисков, оптимизация когнитивной нагрузки) с количественной оценкой их эффекта.

2. **Количественная верификация результатов** – получены уточнённые диапазоны прироста академических показателей при использовании ИИ-инструментов:

- рост среднего балла (7–14 % в общем случае, до 14–24 % для сложных дисциплин);
- снижение отсева (до 22 % на первом курсе);
- сокращение времени освоения навыков (до 33 %);
- увеличение вовлечённости (25–40 % по времени работы с материалом, до 100–200 % по регулярности занятий).

3. **Типология рисков с эмпирической привязкой** — выявлены и классифицированы пять групп рисков (когнитивные, социальные, этические, гуманистические, технические), причём для каждой группы указаны конкретные проявления и условия усиления/снижения негативного эффекта.

Теоретическое значение исследования

1. **Развитие теории персонализированного обучения** – расширено понимание механизмов адаптации контента через интеграцию данных о когнитивном профиле, поведенческих следах и динамике результатов.
2. **Уточнение модели когнитивной нагрузки** – доказано, что ИИ позволяет не просто снижать нагрузку, но и динамически балансировать её через:
   - дробление материала (5–12 элементов);
   - дозирование информации ($I \leq I_{opt} = k \cdot C_{cap}$);
   - мультимодальную подачу (текст + графика + аудио).
3. **Дополнение теории образовательной аналитики** – продемонстрирована эффективность сочетания логистической регрессии и Random Forest для прогнозирования отсева, что расширяет инструментарий педагогической диагностики.
4. **Концептуализация «цифрового разрыва»** – показано, как неравенство в цифровой грамотности и доступе к технологиям трансформируется в академическое неравенство при использовании ИИ.

Перспективы дальнейших научных разработок

1. **Долгосрочные когнитивные эффекты**

- Исследование влияния постоянного использования ИИ на развитие критического мышления, креативности и метапознавательных навыков.
- Анализ изменений в структуре познавательных процессов (внимание, память, решение задач) у студентов, обучавшихся с ИИ-поддержкой.

2. **Дифференциация по дисциплинам**

- Сравнительный анализ эффективности ИИ-инструментов в гуманитарных, естественно-научных и технических областях.
- Разработка предметно-ориентированных моделей персонализации (например, для творческих дисциплин).

Этические и правовые рамки

- Создание стандартов прозрачности алгоритмов в образовании.
- Разработка протоколов защиты персональных данных при использовании образовательных ИИ-систем.
- Формирование норм академической честности в эпоху генеративных моделей (ChatGPT и аналогов).

4. **Технологии и методики**

- Совершенствование прогнозных моделей за счёт интеграции нейрофизиологических данных (например, eye-tracking, ЭЭГ).
- Развитие мультимодальных ИИ-ассистентов, сочетающих текстовую, визуальную и голосовую коммуникацию.
- Апробация гибридных моделей обучения (ИИ + педагог) с измерением синергетического эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдов С.Г. Искусственный интеллект в российском высшем образовании / С.Г. Давыдов, А.В. Иванов, Е. С. Петрова // Университетское управление: практика и анализ. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 32–44.
2. Кеништаев Р.Е. Роль искусственного интеллекта в жизни студента / Р.Е. Кеништаев, Е. Д. Адаева // Актуальные исследования. – 2023. – № 52(182). – С. 47–50.
3. Фёдоров О.Д. Эволюция педагога: новый ролевой набор / О.Д. Фёдоров, И.В. Баранова, С.А. Кузнецов // Образовательная политика. – 2019. – № 3(79). – С. 76–87.
4. Bjernolfsson E., McAfee A. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future. W.W. Norton & Company, 2017.
5. Bates A.W. Teaching in a Digital Age / A.W. Bates. – 2nd ed. – Vancouver: BCcampus, 2019. – 578 p.
6. Dagnino F. Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения / F. Dagnino // Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО. – 2021. – № 1(66). – С. 6–15.
7. Gandomi A., Haider M. Beyond the hype: Big data concepts, methods, and analytics // International Journal of Information Management. 2015. Vol. 35, no. 2. P. 137–144.
8. Harden R. M. AMEE Guide No. 20: The good teacher is more than a lecturer / R. M. Harden, J. Crosby // Medical Teacher. – 2000. – Vol. 22, № 4. – P. 334–347.
9. Jiang F. et al. Artificial intelligence in healthcare: Past, present and future //Stroke and Vascular Neurology. 2017. Vol. 2, no. 4. P. 230–243.
10. Jobin A., Ienca M., Vayena E. The global landscape of AI ethics guidelines // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1, no. 9. P. 389–399.
11. Kuman N., Goodar R.H., Kapur M. Machine Learning for Fraud Detection and Risk Analysis: Comprehensive Review // Int. J. of Computational Intelligence Research. 2021. Vol. 16, no. 1. P. 112–125.
12. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. Farrar, Straus and Giroux, 2011.
13. Lee J., Bagheri B., Jin C. Introduction to cyber manufacturing // Manufacturing Letters. 2016. Vol. 8. P. 11–15.
14. Ngai E.W.T. et al. The application of data mining techniques in financial fraud detection: A classification framework and an academic review of literature // Decision Support Systems. 2011. Vol. 50, no. 3. P. 559–569.
15.Rudin C. Stop explaining black box models for high stakes decisions and use interpretable models instead // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1, no. 5. P. 206–215.

УДК 664.6/ 664.87

ВЫХОД ЗА СТЕНЫ КЛАССА: ОБРАЩЕНИЕ К МУРАЛАМ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ

С.А. Купцова, студентка
Научный руководитель – Ю.В. Дружинина, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории
Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье представлена история возникновения и развития мурал-арта, а также его актуальность для патриотического воспитания учащихся. В работе предлагаются варианты использования муралов как инструмента патриотического воспитания школьников. В статье представлены приемы вовлечения учащихся в создание муралов, а также рекомендации по внедрению в учебный процесс мероприятий, способствующих формированию патриотизма. Материалы публикации могут быть востребованы при организации уроков истории, обществознания и при организации внеурочных мероприятий патриотической направленности.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, мурал, учебный процесс, школьники, история.

Введение, постановка проблемы. Во многих городах нашей страны в настоящее время появляются «оживающие стены» домов. На них расположились муралы – огромные портреты, завораживающие пейзажи, переносящие в другую реальность, или же содержащие социальный посыл, заставляющий зрителя остановиться и задуматься. Уникальность маралов, как памятников монументального искусства, состоит в том, что они не существует в стенах галерей, а являются частью городской среды, элементом повседневности жителей населенного пункта.

Цель настоящего исследования – разработать материалы по использованию изображений муралов города Новосибирска при организации патриотического воспитания учащихся.

В качестве методологической основы исследования был применен системно-деятельностный подход, обоснованный трудами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина и Г.П. Щедровицкого и направленный на освоение исторических знаний, опыта познания через личностно значимую деятельность, а также феноменологический подход, в рамках которого разрабатывались варианты обращения к муралам при организации патриотического воспитания учащихся.

Результаты. Интересны замечания французского уличного художника Жюльен Маллан: «Я хочу, чтобы моя стена вписывалась в то

место, где находится…» [6, С. 169]. Ключевое слово высказывания – «стена». Считается, что именно оно стало основой возникновения термина для обозначения, названного выше искусства – «mural». Слово имеет латинский корень «murus», используемый в романских языках и переводящийся как «стена». В данном случае используется испанский вариант термина, так как зарождение сегодняшнего мурала начиналось с мексиканской монументальной живописи.

Современное понятие «мурал», как масштабное публичное искусство с социальным посылом, считается, что сформировалось в Мексике после революции 1910–1917 гг. Мексиканский муализм – реакция на революцию и форма свободного публичного высказывания [3, С. 65]. Хосе Васканселос, будучи в 1921–1924 гг. министром просвещения, предоставил возможность художникам работать над росписями стен официальных учреждений Мексики: «Хосе Васканселоса был убежден, что публичное искусство является крайне эффективным инструментом в просвещении народа» [3, С. 66]. Исследователь В.А. Гриднев считает, что маралы стали в XXI веке «новыми коммуникаторами, дающими нам информацию» [7, С. 59].

Главной отличительной чертой этого уличного искусства являются размеры, а также присутствие визуального сообщения, которое позволяет коммуницировать с массой, имеющей к нему свободный доступ. Следует заметить, что большинство людей не отличают мурал-арт от граффити. Граффити – это изображения или надписи, выцарапанные, написанные или нарисованные краской или чернилами на стенах и других поверхностях. Главной его задачей является захват пространства, и, как правило, имя создателя скрыто под псевдонимом [5, С. 6–7].

Мурал-арт – это искусство, продукт стрит-арта, крупное изображение, нанесенное на стене, которое несет какую-то глубокую идею или смысл и имеет эстетическую ценность. В отличие от другого подобного творчества, мурал защищен законом и властью, популярен среди туристов и меньше подвержен критике, а вместе с этим и уничтожению [2, С. 50–56].

Активное развитие муального искусства в России приходится на первые десятилетия XXI в. Предшествующие примеры экстерьерных муралов, зафиксированные в Казани в 1970–1980-е гг., не получили повсеместного распространения [4, С. 138]. Начало формирования современной муральной культуры, по-видимому, относится к 2008 г. Уникальность г. Новосибирска во многом определяется его впечатляющей монументальной настенной живописью. Город может похвастаться внушительным количеством муралов.

Пожалуй, самым известным художественным объектом на стенах города является мурал, расположенный на пересечении Красного проспекта (дом 17) и улицы Максима Горького (дом 64). Это впечатляющее творение принадлежит руке мексиканского стрит-арт художника Трепо Паркера. Он выбрал для своего полотна неприметный серый дворик и наполнил его

яркими образами: мистическим ацтекским шаманом, древним календарем майя и разнообразными животными, характерными для лесов Латинской Америки. Масштабный художественный проект реализован в Новосибирске силами бюро «Так Надо» под руководством Ивана Ягоды. Авторами создан мурал, который визуально рассказывает об истории города и его ключевых символах. Стоит выделить мурал «Портрет врача», созданный в знак благодарности медицинскому сообществу. Эта работа мексиканского художника Трепо Паркера украшает пересечение улиц Фрунзе и Красного проспекта.

В 2025 г. Новосибирская область участвовала в проекте «Муралы в Сибири: военная история 11 городов языком современного искусства». Так появилась роспись на фасаде дома недалеко от Новосибирского театра оперы и балета. В центре мурала – образ хранительницы культуры. Её окружают символы разных видов искусства: ноты, арфа, палитра, театральная маска, балерина, книги. Элементы напоминают об эвакуированных в Новосибирск театрах, музеях и творческих коллективах. Гигантская картина стала частью проекта в честь 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. На фасаде дома №48 по улице Большевистская появился первый в Новосибирске памятный мурал в честь погибшего в ходе спецоперации военного. Он посвящен гвардии капитану войск специального назначения, кавалеру двух орденов Мужества Ивану Романову.

Муралы обладают образовательным и воспитательным потенциалом, который можно и нужно задействовать в школьном преподавании истории, обществознания, в патриотическом воспитании. Так, при организации патриотического воспитания можно использовать несколько видов муралов: муралы-портреты – изображения известных людей прошлого или наших современников, память о которых значима для жителей города. Муралы-символы – изображения, отражающие исторически сформированные в сознании людей ценностные понятия, несущие смысловую нагрузку, связанную с ожиданиями людей. Муралы-события – изображения, отражающие в документальной или аллегорической форме реальные события истории и настоящего [1, С. 90]. Перед тем как начать рисовать картины на полотнах фасадов домов, ученики изучат историю, погрузятся в жизнь людей, которые совершили подвиг.

Для повышения интереса школьников и привлечения внимания к патриотической тематике, в городе можно организовать фестивали и конкурсы между школами на создание лучших муралов. Проведение встреч с ветеранами СВО позволит школьникам лично познакомиться с теми, кто совершил подвиг. Такой прямой контакт с реальными героями, в отличие от книжных описаний, поможет учащимся сформировать идеальный образ для последующего воплощения в муралах. Муралы могут служить эффективным инструментом воспитания патриотизма у школьников, если

проводить экскурсии к местам, где они находятся. Организация процесса создания муралов с участием школьников может быть реализована в формате проектной деятельности. Учащиеся смогут самостоятельно определять место для росписи и разрабатывать эскизы. Такой подход способствует повышению мотивации и формированию чувства ответственности за конечный результат.

Для создания мурала, посвященного историческому событию, предлагается использовать театральную постановку как способ погружения учеников в атмосферу изучаемого времени. Они смогут «прожить» этот момент, например, изобразив жизнь рабочих на заводе в годы Великой Отечественной войны. Подготовка к постановке включает изучение быта того периода, источников вдохновения и сил для работы.

Вывод. Таким образом, использование муралов в патриотическом воспитании, способствует приобщению учащихся к истории города, развитию эстетических чувств, более глубокому ознакомлению с вкладом людей, увековеченных в муралах, а также способствовать формированию чувства сопричастности к истории страны и исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Монументальное уличное искусство. Мурал. // Excoda Magazine. –[Электронный ресурс] URL: http://excoda.ru/mural.
2. Поносов И. Искусство и город: Граффити, уличное искусство, активизм. М.: Игорь Поносов, 2016. 208 с.
3. Гриднев В.А. Мурал-арт как способ коммуникации в современной культуре // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 2 (28). С. 56–66.
4. Эстетика стрит-арта: сборник статей / под общ. ред. К.А. Куксо. – СПб.: СПбГУПТД, 2018. 96 с.
5. Кокорина Е.Г, Саввопуло К.А. Синтетичный характер взаимодействия уличного искусства и классической живописи (на примере муралов с копиями картин И.К. Айвазовского // МедиаВектор. 2023. Вып. 10. С. 50–56.
6. Ходж А.Н. История искусства: Живопись от Джотто до наших дней. М.: Кучково поле, 2017. 208 с.
7. Звонарева Н.А., Малышева О.Г., Орчакова Л.Г., Научная статья «Потенциал использования муралов при изучении региональной истории \\ Педагогическое образование и наука, 2025, № 2. 90 с.

УДК 372.4

ОБОБЩЕНИЕ В ПРЕДМЕТЕ НЕСКОЛЬКИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ КАК ОДНА ИЗ МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕСОЧНОЙ АНИМАЦИИ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. Левченков, независимый исследователь
г. Новохоперск, Россия
orcid.org/0000-0003-1872-5432

Аннотация. В статье рассматривается обобщение в предмете нескольких составляющих как одна из музыкально-творческих способностей младших школьников при обучении песочной анимации во внеурочной деятельности. Внеурочные занятия являются важным дополнением к традиционному образованию в начальной школе, дающий ученикам возможность раскрыть свой музыкально-творческий потенциал и развить любовь к искусству на всю жизнь. Развитие музыкально-творческих способностей – это важный элемент всестороннего образования, способствующий не только пониманию искусства, но и развитию критического мышления, эмоционального интеллекта и навыков инновационного решения проблем.

Ключевые слова: обобщение в предмете нескольких составляющих, музыкально-творческие способности, музыка, искусство, младшие школьники, обучение, песочная анимация, внеурочная деятельность.

Развитие музыкально-творческих способностей – это важный элемент всестороннего образования, способствующий не только пониманию искусства, но и развитию критического мышления, эмоционального интеллекта и навыков инновационного решения проблем. Хотя традиционные уроки музыки и программы изобразительного искусства, несомненно, играют важную роль в ознакомлении с основными понятиями и приемами, истинное раскрытие врожденной музыкальности и творческого потенциала ребенка часто происходит за пределами обычного класса. Разнообразные и увлекательные внеклассные занятия представляют собой благодатную почву для развития музыкально-творческих способностей, позволяя детям изучать свои увлечения с большей глубиной, самостоятельностью и энтузиазмом. Ученые, такие как Л.С. Выготский [1] [2], Т.В. Горбунова [4], Э.С. Громов [5], С.О. Грузенберг [6], А.Н. Лук [9], А.А. Мелик-Пашаев [10], Никифоров П.П. [11], Н.Н. Николаенко [12] и

другие , исследовали тайну человеческого творчества, его истоков, развития и проявлений в различных формах художественной и интеллектуальной деятельности.

Природа внеклассного участия способствует повышению уровня внутренней мотивации. В отличие от обязательных уроков, на занятия во внеурочной деятельности приходят учащиеся, которые искренне желают учиться и исследовать [14; 15; 16]. Врожденная любознательность стимулирует более глубокое взаимодействие с предметом, приводящее к более глубокому пониманию и большей готовности экспериментировать. Добровольное участие приводит к более восприимчивой и заинтересованной среде обучения, где учащиеся стремятся усваивать новую информацию, делиться своими идеями и сотрудничать со своими сверстниками. Внутренняя мотивация является важным катализатором развития музыкально-творческих способностей, поскольку она дает детям возможность выйти за пределы своих предполагаемых ограничений и стремиться к совершенству.

Углубленное изучение, обеспечиваемое внеклассными занятиями, является еще одним ключевым фактором, способствующим их эффективности в развитии музыкально-творческих способностей. В отличие от часто поверхностного освещения тем в рамках стандартной учебной программы, внеклассные программы позволяют более целенаправленно и всесторонне изучать.

При изучении вопроса по теме «обобщение в предмете нескольких составляющих как одна из музыкально-творческих способностей младших школьников при обучении песочной анимации во внеурочной деятельности», были проанализированы различные исследования касающиеся данного вопроса, включая таких исследователей как Л.С. Выготский [1; 2], О.В. Гаврилина [3], Т.В. Горбунова [4], Е.С. Громов [5], С.О. Грузенберг [6], Е.П. Ильин [7], А.Н. Лук [9], А.А. Мелик–Пашаев [10], З.Н. Новлянская [10], П.П. Никифоров [11], Н.Н. Николаенко [12], В.В. Павлова [13], В.Ю. Хабибуллина [16], О.А. Еремеева [16]. А.Э. Штейнмец [17] и другие.

Среди множества внеклассных занятий, доступных учащимся младшего школьного возраста, особенно перспективным направлением для развития музыкально-творческих способностей является искусство песочной анимации. Эта захватывающая форма искусства, сочетающая в себе визуальную красоту песочных рисунков с выразительной силой музыки, предлагает уникальный и многогранный подход к художественному

выражению. Синтез различных видов искусства – визуального, слухового и тактильного – стимулирует различные области мозга, повышая когнитивную гибкость и способствуя более целостному пониманию художественных принципов, и развитию музыкально-творческих способностей.

Интеграция музыки в процесс песочной анимации еще больше усиливает ее потенциал для развития музыкально-творческих способностей. Тщательно выбирая или создавая музыку, дополняющую визуальное повествование, дети учатся устанавливать эмоциональную связь между двумя видами искусства. Они начинают понимать, как музыка может усилить настроение, создать напряжение или вызвать определенные эмоции у зрителя. Процесс синхронизации визуальных и слуховых элементов развивает более глубокое понимание музыкального выражения и укрепляет связь между музыкой и визуальными концепциями.

Эфемерная природа песочной анимации воспитывает готовность идти на творческий риск [8; 18; 19]. В отличие от традиционных видов искусства, где ошибки могут быть постоянными и обескураживающими, песочная анимация позволяет немедленно исправлять и экспериментировать. Дети могут свободно исследовать разные идеи, не боясь неудачи, что способствует более игривому и инновационному подходу к художественному выражению. Свобода экспериментировать необходима для развития уверенности и мотивации детей выходить за пределы своей зоны комфорта.

Можно отметить, что **обобщение в предмете нескольких составляющих является вспомогательным моментом в выполнении кадров и всей песочной анимации и является одной из составляющих музыкально-творческих способностей младших школьников при обучении песочной анимации во внеурочной деятельности**. В завораживающем мире песочной анимации, где песчинки преобразуются во мимолетные образы, танцующие на экране, обобщение выступает ключевым инструментом, облегчающим создание как отдельных кадров, так и повествования в целом. Обобщение здесь – это когнитивный процесс выявления общих черт и закономерностей, упрощающий представление объекта без потери его сути. Умение выделять главное из сложного – не просто навык, а основа художественного выражения, позволяющая аниматору передать суть с ясностью и силой.

Обобщение в предмете нескольких составляющих тесно связано со стилизацией, является еще одним краеугольным камнем песочной анимации. Стилизация избирательно преувеличивает или упрощает определенные черты, одновременно минимизируя или опуская другие, что позволяет

исполнителю песочной анимации эффективнее передать настроение, эмоцию или идею, создавая визуальный язык, понятный зрителю. В песочной анимации, где среда накладывает ограничения на детализацию, стилизация становится особенно важна. Именно благодаря умелой стилизации простой набор песчинок превращается в узнаваемое изображение птицы, дома, дерева или человека, наполняя образ характером и смыслом.

Приступая к изучению песочной анимации и дерзая превратить эфемерную красоту звука в осязаемую визуальную форму, умение органично интегрировать стилизацию и приемы декоративно-прикладного искусства приобретает первостепенное значение. Такое слияние искусств особенно актуально для песочной анимации из-за уникальных возможностей и ограничений, диктуемых средой. Ограниченная палитра в виде монохрома и кропотливое создание иллюзии движения требуют творческого подхода, использующего простоту и визуальное воздействие. Декоративно-прикладное искусство, с его акцентом на смелые узоры, стилизованные формы и ритмичное повторение, служит богатым источником вдохновения. Птица, дом, дерево или человек – в песочной анимации все предстает в обобщенном виде, не просто как имитация реальности, а как художественный образ, улавливающий суть, упрощая форму. Задача упрощается, если мысленно разделить объект на составляющие, что позволяет упростить сложные формы, сделав задачу выполнимой. К примеру, при изображении замка полезно разбить его на геометрические фигуры: треугольники башен, прямоугольники стен, круги окон для эффективной передачи характерных черт замка, его величия и сложность с ясностью и точностью. Подобное упрощение не только облегчает создание изображения, но и отражает гармонию геометрических фигур в композиции.

В контексте создания песочной анимации, развитие музыкально-творческих способностей достигается через обобщение элементов объекта, консолидации нескольких составных частей в единую форму или упрощения сложной структуры при визуализации кадров, позволяя сосредоточиться на общем повествовании и музыкальности, избегая чрезмерной детализации.

Особенностью применения является отражение характерных черт общей формы объекта и его составных элементов в песочной анимации. К примеру, кроны деревьев разных пород имеют уникальные очертания, и их условное, обобщенное изображение позволяет быстро создавать узнаваемые образы: треугольный силуэт для елей и лиственниц, овальный, вытянутый по вертикали – для тополей. Это способствует оперативной визуальной передаче информации и эффективному повествованию в формате песочной

анимации. Также, это помогает в конструктивном построении объектов или их частей со сложной конфигурацией. Для этого необходимо соединить ближайшие крайние точки формирующих элементов, соблюдая пропорции при создании эскизов. Данный прием облегчает визуализацию и планирование сложных сцен до их реализации. Обобщение объема проявляется на этапе работы со светотенью при передаче трехмерной формы объектов сложной структуры, состоящих из множества элементов, в кадрах песочной анимации, что придает глубину и реалистичность, усиливая визуальное впечатление.

Основополагающие принципы обобщения направляют исполнителя песочной анимации в упрощении форм, выделяя ключевые композиционные элементы для создания выразительных визуальных историй:

На первом месте – силуэт. Четкий силуэт мгновенно узнаваем и закладывает основу для понимания изображаемого. Детали добавляют глубину, но сильный силуэт обеспечивает быструю считываемость, эффективно передавая основную идею. Он передает важную информацию с минимальной визуальной сложностью, создавая запоминающиеся образы, вызывающие эмоции даже без дополнительных деталей, опираясь на силу негативного пространства. Важно понимать и использовать силу силуэта.

Установление иерархии форм. В каждой композиции есть первичные, вторичные и фоновые элементы. Расстановка приоритетов создает иерархию для зрителя. Выделение доминирующей формы направляет взгляд. Вторичные формы поддерживают основной элемент, добавляя глубину, форма фона обеспечивает контекст. Понимание принципов этого расположения — основа хорошей композиции. Выделение только необходимой информации улучшает понимание зрителем песочной анимации.

Применение контраста и простых значений. Игра света и тени – мощный инструмент объединения различных элементов. Стратегическое использование света и тени определяет форму, создает глубину и настроение. Простые значения, такие как градиенты и тональные переходы, усиливают трехмерность изображения. Контраст создает фокус и привлекает внимание. Даже простые композиции могут иметь максимальный визуальный эффект.

Использование ритма и повторения. Повторяющиеся элементы объединяют композицию песочной анимации. Повторение форм, линий или паттернов создает ритм и гармонию, соединяет элементы и направляет взгляд. Ритм и повторение предлагают структуру и комфорт.

Ограниченная палитра. Использование одного цвета, но в разных тонах, объединяет композицию, упрощая визуальную сложность в песочной анимации. Это акцентирует внимание на форме и композиции. Ограниченная палитра выделяет нюансы тона и текстуры, создавая ощущение элегантности и утонченности.

Преувеличение и схематизация. Усиление характерных черт позволяет передать смысл. Зритель ощутит характерность и намерение исполнителя песочной анимации. Правильно изображенный (преувеличенный) персонаж лучше донесет эмоции, вовлекая зрителя в анимацию.

Эти принципы помогают создавать выразительные работы в песочной анимации, упрощая сложные сцены и акцентируя ключевые элементы.

Обобщение в предмете нескольких составляющих в песочной анимации позволяет учащимся объединять различные элементы объекта в цельную форму, упрощая сложные конфигурации кадров. Это ускоряет процесс анимации, высвобождая время для фокусировки на художественном повествовании и его внутренней музыкальности. Уход от избыточных деталей акцентирует важность сюжета и эмоционального отклика. Обобщение в предмете нескольких составляющих является одной из музыкально-творческих способностей младших школьников при обучении песочной анимации во внеурочной деятельности.

Заключение. Песочная анимация выделяется как уникально эффективная форма искусства, сочетающая визуальные, слуховые и тактильные элементы для стимуляции различных областей мозга и содействия целостному пониманию творческого выражения. Предоставляя детям возможности исследовать свои увлечения, экспериментировать с различными техниками и сотрудничать со своими сверстниками, мы можем раскрыть их врожденную музыкальность и помочь им развить творческие навыки, необходимые для процветания во все более сложном и инновационном мире. Преимущества включения таких мероприятий существенны и долговечны. Они побуждают младших школьников развивать любовь к искусству на протяжении всей жизни; оттачивают свои навыки решения проблем и воспитывают творческое самовыражение; развивают уверенность, необходимую для того, чтобы рисковать и расширять свои границы, позволяя детям полностью раскрыть свой художественный потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л.С. Выготский. – СПб. : СОЮЗ, 1997. – 96 с.
2. Выготский Л.С. Психология искусства / Под. ред. М.Г. Ярошевского / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
3. Гаврилина О.В. Формирование познавательной активности у младших школьников в условиях внеурочной деятельности // Наука и школа. 2019. № 4. С. 144–152.
4. Горбунова Т.В. Природа художественных идей. Искусство в системе общественного сознания / Т.В. Горбунова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 112 с.
5. Громов Е.С. Природа художественного творчества / Е.С. Громов. – М.: Просвещение, 1986. – 239 с.
6. Грузенберг С.О. Гений и творчество: основы теории и психологии творчества / С.О. Грузенберг. – М.: Ленанд, 2016. – 262 с.
7. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одарённости / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2013. – 448 с.
8. Левченков В.В. Развивающий диалог различных видов искусства при обучении детей песочной анимации // Научная интеграция в современном Мире: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2017 года. – СПб: ООО «Центр научных исследований и консалтинга», 2017. С. 38–40.
9. Лук А.Н. Психология творчества / А. Н. Лук. – М.: Наука, 1978. – 126 с.
10. Мелик–Пашаев А.А. Ступеньки к творчеству / А.А. Мелик–Пашаев, З.Н. Новлянская. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 159 с.
11. Никифоров П.П. Проблемы художественного творчества / П.П. Никифоров. – Пущино: Изд–во ОНТИ ПНЦ РАН, 1996. – 123с.
12. Николаенко Н.Н. Психология творчества; под ред. Л.М. Шипицыной / Н.Н. Николаенко. – СПб.: Речь, 2005. – 275 с.
13. Павлова В.В. Сравнительный анализ инновационных технологий обучения с позиции деятельностного подхода: автореф. дис. канд. психологических наук: 19. 00. 07/ В.В. Павлова; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – 24 с.
14. Педагогика / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 608 с.
15. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
16. Хабибуллина В.Ю., Еремеева О.А. Особенности организации внеурочной деятельности в условиях начальной школы // Вестник науки. 2023. № 4 (61) Т.5. С.188–192 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-vneurochnoy-deyatelnosti-v-usloviyah-nachalnoy-shkoly.
17. Штейнмец А.Э. Общая психология / А.Э. Штейнмец. – М.: Издательский центр «Академия» 2010. – 288с.
18. Левченков В.В. Специфические методы развития музыкальной памяти в процессе развития музыкально-творческих способностей при обучении младших школьников песочной анимации во внеурочной деятельности// Управление образованием: теория и практика. 2025. № 9–1. С. 34–43.
19. Levchenkov V.V. Formation of the ability of younger schoolchildren to understand musical works in the process of developing their musical and creative abilities by means of sand animation // Theory and practice of modern science: the view of youth. Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference in English. In 2 parts. Saint Petersburg, 2025. C. 99–105.

УДК 316.334(510)

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАКТИКЕ РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Ли Ян, специалист по философии, аспирант
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

Аннотация. С социально-философской позиции рассматривается реализация социальной справедливости в Китае через концепцию "общего процветания". Анализируется её роль в снижении бедности и развитии соцобеспечения. Сравнительный подход раскрывает ценность китайского опыта.

Ключевые слова: социальная справедливость, общее процветание, китайская модель развития, целевое снижение бедности, социальное обеспечение.

Введение. В условиях глобализации и глубоких социальных трансформаций механизмы реализации социальной справедливости стали ключевой темой в сравнительных социально-философских исследованиях. Экономические достижения Китая за последние десятилетия и значительные успехи в масштабном сокращении бедности придают его практике социальной справедливости важное глобальное эталонное значение. Современные академические дискуссии по этому вопросу вышли за рамки простого сравнения экономических показателей, углубившись во взаимосвязь институциональной логики, культурного контекста и эффективности управления. Как отметил китайский учёный Юй Кэпин, социальная справедливость является первостепенной ценностью социалистической системы, а степень её реализации напрямую связана с эффективностью и легитимностью управления [1, С. 58]. Данное исследование направлено на систематизацию концепций социальной справедливости в нарративе развития Китая и соответствующих механизмов их реализации. Посредством соединения местной китайской теоретической дискурсии с критическим анализом российского академического сообщества, изучающего социальные трансформации на постсоветском пространстве, в рамках межкультурного диалога раскрывается операционная логика китайской модели, её теоретический вклад и потенциальные вызовы.

Постановка задачи. Основная цель данного исследования заключается в деконструкции концепции социальной справедливости, заложенной в практике развития Китая, и эмпирическом анализе множества институциональных механизмов, поддерживающих данную концепцию. Конкретные исследовательские задачи включают, во-первых, систематизацию специфического содержания и эволюции понятий «социальная справедливость» и «общее процветание» в дискурсивной системе социализма

с китайской спецификой; во-вторых, выявление и анализ ключевых политических инструментов для достижения социальной справедливости, таких как целенаправленная борьба с бедностью, реформа системы социального обеспечения и регулирование распределения доходов; и, в-третьих, изучение эффективности и теоретических противоречий этих механизмов в противодействии новым социальным рискам, таким как цифровое неравенство и социальная стратификация. В данном исследовании в основном используются методы анализа теоретических текстов и изучения политических документов, и путем систематической интерпретации официальных документов, академических трудов и эмпирических данных будет построена комплексная концептуальная для понимания практики социальной справедливости в Китае.

Методы и методология исследования. Методологической основой данного исследования являются метод кейс-стади и метод сравнительного анализа. Практика развития Китая рассматривается как богатый и типичный пример для глубокого анализа. На теоретическом уровне рассматриваются и обсуждаются соответствующие дискуссии китайских и российских учёных, чтобы подчеркнуть уникальность и универсальность китайской модели в кросс-культурной перспективе.

С точки зрения теоретической базы данное исследование основано на плюралистической парадигме социальной справедливости. Оно фокусируется на справедливости распределения материальных ресурсов и интегрирует теоретические взгляды на равенство способностей, возможностей участия и институционального признания. Китайский учёный У Чжунминь полагает, что современное китайское понимание социальной справедливости эволюционировало в систематическое стремление к «равным правам, равным возможностям и равным правилам», подчёркивая необходимость гарантировать справедливость на начальном этапе и на протяжении всего процесса посредством институционального совершенствования [2, С. 72]. Эта теоретическая позиция перекликается с позицией, высказанной российским социологом М.К. Горшков в своём анализе переходных обществ утверждал, что государство должно играть роль «сильного проводника» в формировании справедливых социальных структур и предоставлении ключевых общественных благ, чтобы сдерживать несбалансированное расширение рыночных сил и предотвращать застывание социальных структур [3, С. 34]. Более того, китайский учёный Цзин Тянькуй, исходя из концепции базового равенства, утверждает, что система социального обеспечения должна в первую очередь удовлетворять основные потребности людей в образовании, здравоохранении и выживании, что является краеугольным камнем достижения более высокого уровня социального равенства [4, С. 21].

Результаты. Механизм достижения социального равенства в практике развития Китая представляет собой системный проект, основанный на сочетании руководящих принципов, институциональных гарантий и

политических инноваций. Его основное содержание можно резюмировать следующим образом:

Во-первых, на уровне руководящих принципов, «общее процветание» как главная ценностная цель обеспечивает направленную и легитимную основу для практики социального равенства. Эта концепция глубоко интегрирует традиционную китайскую культурную идею «мир принадлежит всем» (“天下为公”) с социалистическим требованием равенства и получила новые современные коннотации в контексте современного управления. Она не стремится к абсолютному эгалитаризму, а направлена на сокращение необоснованного разрыва в доходах и благосостоянии и расширение возможностей развития для всех граждан посредством постоянных институциональных усилий. Китайский учёный Ли Ши, основываясь на долгосрочном мониторинге, полагает, что политика распределения доходов в Китае переходит от принципа «позволить некоторым людям сначала разбогатеть» к стратегическому этапу «богатые помогают бедным достичь общего благосостояния», что имеет решающее значение для смягчения социальных противоречий и стимулирования эндогенного роста [5, С. 18]. Во-вторых, на институциональном уровне и уровне политической практики Китай выстроил систему действий, сочетающую универсальность, адресность и развитие:

1. Целевая стратегия сокращения бедности: являясь наиболее репрезентативной мерой вмешательства для достижения справедливости, она добилась революционных преобразований благодаря точному определению, организации проектов, использованию средств и оценке управления. Эта стратегия не только фокусируется на вложении материального капитала, но и делает акцент на развитии человеческого капитала и потенциала развития бедного населения посредством образования и сокращения бедности в промышленности, что отражает устойчивое стремление к справедливости.

2. Комплексное построение системы социального обеспечения: Китай стремится создать многоуровневую систему социального обеспечения, охватывающую всех граждан, объединяющую городские и сельские районы и четко определяющую права и обязанности. Ученый Чжэн Гунчэн отмечает, что система социального обеспечения Китая переживает историческую трансформацию, переходя от системы регистрации домохозяйств к системе, основанной на гражданстве. Это означает, что социальное обеспечение, как одно из основных прав граждан, стремится преодолеть ограничения, накладываемые регионом и идентичностью [6, С. 5]. Эта трансформация имеет огромное значение для содействия социальной мобильности и формирования национальной идентичности. 3. Стратегия регионального скоординированного развития и возрождение сельских районов. С помощью таких крупных стратегий, как «Западное развитие» (“西部大开发”), «Оживление Северо-Востока» (“东北振兴”) и «Центральный подъем» (“中部

崛起”), а также плана возрождения сельских районов в новую эпоху, Китай пытается исправить исторически сложившиеся дисбалансы развития с точки зрения макропространственной структуры. Эти стратегии, реализуемые посредством комплексных мер, таких как трансфертные платежи центрального правительства, инфраструктурная связанность и преференциальная промышленная политика, способствуют оптимальному распределению факторов производства на более широкой национальной территории, принципиально решая проблему регионального неравенства возможностей.

Однако этот процесс также сталкивается с трудностями. Российский учёный Николай Н.Е. в своём исследовании социальной стратификации предупреждает, что неравенство в постиндустриальных обществах принимает новые, более тонкие формы, проявляясь в неравном доступе к качественному образованию, передовым технологиям и культурному капиталу; эти «новые барьеры» легче передаются из поколения в поколение [7, С. 58]. Хотя практика Китая достигла огромных успехов, перед ним также стоит задача преодоления этих новых социальных рисков. Китайский учёный Фань Ган отметил, что на новом этапе экономического развития необходимо углубить реформу рынков факторов производства, особенно для устранения институциональных барьеров, препятствующих мобильности рабочей силы, чтобы обеспечить более широкие возможности и создать динамичную эффективность для всеобщего процветания [8, С. 9].

Выводы. В данном исследовании систематически анализируется скоординированная система идей, институтов и политических мер, созданная Китаем для достижения социального равенства, раскрывая её системные характеристики – от ценностных ориентиров на макроуровне до точного вмешательства на микроуровне. Новизна данного исследования заключается в интеграции передовых взглядов пяти репрезентативных китайских учёных, формировании многомерной интерпретации местных практик и её включении в критический диалог с российскими теориями социальной трансформации. Сопоставляя китайскую концепцию равенства «права-возможности-правила» с рассуждениями Моршкова о роли государства и ссылаясь на исследование Китаем новых вызовов с предупреждениями Николая Тихоновой о новых социальных рисках, данное исследование предоставляет продуктивную сравнительную аналитическую основу для теоретической интерпретации китайского опыта.

Теоретическая ценность данного исследования заключается в использовании китайского примера для конкретизации и обогащения концепции «плюралистической современности» в отношении путей достижения социального равенства, демонстрируя, что любой эффективный механизм обеспечения равенства должен быть глубоко адаптирован к историческим традициям, структурам управления и этапам развития конкретного общества.

В перспективе исследования могут быть углублены в следующих направлениях: во-первых, путем отслеживания и проведения уточненных эмпирических оценок долгосрочной эффективности различных китайских социальных политик, таких как всеобщее медицинское страхование и доступное жилье; во-вторых, путем изучения в более широкой сравнительной перспективе сходств, различий, применимости и ограничений китайской модели в парадигмах социальной политики по сравнению с парадигмами переходных обществ, таких как Россия и страны Центральной и Восточной Европы, тем самым способствуя глобальному теоретическому диалогу о сложной взаимосвязи между равенством, развитием и национальным управлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юй Кэпин. Социальная справедливость и доброе правление - два краеугольных камня гармоничного общества // Исследование социализма с китайской спецификой. 2005. № 1. С. 56–60. = 俞可平. 社会公平和善治是和谐社会的两大基石 // 中国特色社会主义研究. 2005. № 1. С. 56–60.

2. У Чжунминь. Анализ проблем распределения доходов в Китае с точки зрения социальной справедливости // Китайские социальные науки. 2019. № 6. С. 68–78. = 吴忠民. 社会公正视野下的中国收入分配问题探析 // 中国社会科学. 2019. № 6. С. 68–78.

3. Горшков М.К. Социальная стратификация современного российского общества: динамика и специфика // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 31–45.

4. Цзин Тянькуй. Справедливость базовых потребностей и гибкая регуляция социального обеспечения // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 18–25. = 景天魁. 底线公平与社会保障的柔性调节 // 社会学研究. 2004. № 6. С. 18–25.

5. Ли Ши. Эволюция структуры распределения доходов в Китае и путь к общему процветанию // Менеджмент мира. 2021. № 37(8). С. 16–26. = 李实. 中国收入分配格局的演变与共同富裕的路径选择 // 管理世界. 2021. № 37(8). С. 16–26.

6. Чжэн Гунчэн. От резидент-ориентированной к граждан-ориентированной: путь трансформации системы социального обеспечения Китая // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 3–15. = 郑功成. 从居民到公民：中国社会保障制度转型之路 // 社会学研究. 2021. № 4. С. 3–15.

7. Тихонова Н.Е. Социальное неравенство и вызовы современности: российский контекст // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 55–67.

8. Фань Ган. Рыночный механизм и роль правительства в процессе достижения общего процветания // Экономические исследования. 2022. № 57(1). С. 4–12. = 樊纲. 实现共同富裕过程中的市场机制与政府作用 // 经济研究. 2022. № 57(1). С. 4–12.

УДК 101.1

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ» В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Н.Е. Лукьянов, мл. научный сотрудник ИФПР СО РАН
М.Е. Петрин, студент бакалавр
Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В рамках философского дискурса существуют понятия, не имеющие четкого конвенционального значения. Примером проблемы понятийной неясности в исследовании выступает значение понятия исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, философский дискурс, дискурс-анализ.

Постановка задачи. Целью исследования является выявление и анализ дискурсивных механизмов формирования значения понятия «историческая память» в современном философском дискурсе.

Методика и методология исследования. Для достижения поставленной цели мы использовали дискурс-анализ Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф. Нами были выделены следующие методологические шаги: определение узловых точек, выявление и анализ цепочек эквивалентности, выявление антагонизмов.

Результаты. На основе проведенного дискурс-анализа нами была доказано, что понятие «историческая память» – плавающие означающие в рамках философского дискурса, которое может пониматься и использоваться с консервативным, критическим и конструктивным значением. **Выводы.** Консервативное понимание исторической помять антагонистично критическому, в то время как конструктивное понимание не отрицает связь исторической памяти с государством и идеологией, но в отличие от критического понимания не присваивает данным характеристикам негативной коннотаций.

Введение. Вопрос о значении понятий имеет двойственную природу. С одной стороны, исследователи должны давать определения ключевым терминам, к которым они апеллируют. С другой стороны, зачастую дефиниции понятий имеют конвенциональный характер – «о понятиях не спорят, а договариваются». Из этого следует, что понятия в идеале должны иметь примерно одинаковое значение в рамках определенного научного дискурса. Однако в реальности не у всех понятий есть четкое конвенциональное определение или не каждый исследователь дает четкое определение рассматриваемому понятию.

Одним из примеров указанной проблемы «разнообразия» значения понятия в рамках философского дискурса является понятие «историческая память». За последние годы в связи с изменением геополитической обстановки и утверждением многополярного мира появился запрос на исследование такого феномена как историческая память. Попытки осмыслить указанный феномен были и ранее, однако после начала Специальной военной операции количество научных работ так или иначе связанных с темой исторической памяти кратно возросло.

Чтобы не пытаться «объять необъятное» в рамках нашего исследования мы ограничимся рассмотрением исключительно философского дискурса. Эмпирическим материалом для нашего исследования выступают научные работы, выпущенные в период 2012–2025 годов, при этом мы ограничили исследование только теми работами, в которых, во-первых понятие «историческая память» имеет четкое обозначение, во-вторых предметом исследования выступает непосредственно понятие «историческая память». Также мы обращали внимание на количество цитирований, что косвенно может говорить о валидности исследования и его качестве.

Головашина О.В. изучала связь исторической памяти и процесса модернизации государства, углубляясь в вопрос генеалогии российской исторической памяти и традиции [1, С. 383–388]. Файзулин Ф.С. анализировал историческую память в контексте ценностных ориентаций, формирования мировоззрения и сохранения национальной идентичности. При этом общечеловеческие (универсальные) и национальные ценности исследователи не противопоставляет друг другу [2, С. 685–687].

Алексеева И.Ю. и Алексеев А.П. пытались осмыслить историческую память как комплексное, междисциплинарное поле исследования, которое сильно связано с государственной политикой памяти – политическим использованием прошлого [3, С. 69–72]. Шепелева В.Б. связывала историческую память с объединяющей национальной идеей, которая является своего рода экзистенциальной необходимостью для существования российского многонационального народа в условиях глобализации [4, С. 491–492].

Грядунова Е.Н. с помощью критического анализа трансформации коллективных ценностей и исторической памяти в XX–XXI веках, указывает на негативные последствия внедрения в общество сначала социалистической идеологии, а затем либерально-глобалистской, что выразилось в развернувшемся кризисе идентичности и утрате исторической памяти [5, С. 3–6]. Губман Б.Л. и Ануфриева К.В. подчеркивают, что историческая память формируется не только профессиональными историками, но и через искусство, литературу, медиа. Также исследователи указывают на индивидуализированный и прикладной характер исторический памяти в современном трансформирующемся мире, что отражается в изменчивом характере исторической памяти [6, С. 14–19]. Тульчинский Г.Л. исследовал

динамику и устойчивость исторических нарративов, связывая историческую память с «точкой сбора» исторического нарратива [7, С. 118–124].

Исследование Овсянниковой Д.Д. представляет интерес тем, что автор попытался осмыслить историческую память через противопоставление культурной памяти. Это разграничение позволило исследователю отделить идеологические конструкты от механизма сохранения целостности общества [8, С. 93–98]. В своем следующем исследовании Овсянникова Д.Д. углубилась в вопрос генезиса и границ применения понятия «историческая память», указывая на социально-экономические предпосылки популярности концепции исторической памяти в условиях позднего капитализма [9 с. 46–50]. Филенко К.В. напротив объединяет понятия культурной и исторической памяти в «культурно-историческую» память, пытаясь таким образом проанализировать социальные, исторические и политические нарративы [10, С. 2–8]. Мозжилина С.И. исследовала диалектическую взаимосвязь между чувством совести и исторической памятью, доказывая, что смена идеалов приводит к переосмыслению истории и в некоторых случаях к нравственной дезориентации [11, С. 290–293]. Рогозина Т.Э. вслед за Овсянниковой Д.Д. сравнивала понятия исторической памяти и культурной памяти, отдельно отмечая, что историческая память с одной стороны претендует на универсальную «историческую правду», а с другой стороны как конкретный идеологический конструкт обслуживает интересы конкретной социальной группы [12, С. 8–15].

Постановка задачи. Представленный анализ изученных нами исследований подтверждает существование явной неясности дефиниции понятия исторической памяти. На первый взгляд может сложиться впечатление, что указанные выше исследования настолько разнообразны, что не имеют между собой ничего общего, однако дискурс-анализ Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф может предоставить методологический инструментарий для выявления закономерностей в философском дискурсе относительно значения понятия исторической памяти.

Наша гипотеза заключается в следующем: историческая память – это плавающее означающее, значение которого варьируется в зависимости от артикуляции понятия в цепочках эквивалентности и выстраиваемых авторами антагонизмов. Своей целью мы ставим выявление и анализ дискурсивных механизмов формирования значения понятия «историческая память» в современном философском дискурсе.

Для выполнения поставленной цели нам необходимо установить цепочки эквивалентности в каждом выбранном нами исследовании и выявить антагонизмы, затем на основе полученных результатов найти возможные пересечения среди цепочек эквивалентности и антагонизмов у разных авторов, что позволит нам сделать тематическую группировку итоговых результатов.

Методика и методология исследования. Методологически первым шагом является определение узловых точек (Nodal points). Этот шаг детерминирован тем, что в рамках дискурс-анализа Лаклау Э. и Муфф Ш. узловые точки организуют относительно устойчивое дискурсивное поле, в котором значение плавающих означающих получают временную фиксацию значения [13, p. 120–121]. Вторым шагом является выявление и анализ цепочек эквивалентности. Цепочки эквивалентности – это своего рода логика, которая объединяет разнородные предикаты не по их содержанию, а по противопоставлению внешнему условному антагонисту [13, p. 138, 172–173]. Третий шаг – выявление антагонизмов, которые конструируются логикой эквивалентности. Антагонизм – это фундаментальное столкновение между разными системами смыслов, которые стремятся по-разному определить социальную реальность [13, p. 122]. Для возникновения антагонизма всегда необходим внешний дискурс, который подрывает легитимность противопоставленной системы смыслов [13, p. 162].

Результаты. На основе проведенного дискурс-анализа указанных выше научных исследований, мы смогли провести группировку по схожести ключевых цепочек эквивалентности следующим образом: первая группа – историческая память как фундамент идентичности, вторая группа – историческая память как инструмент власти, третья группа – историческая память как конструктивный ресурс, значение которого зависит как от микро социально-экономических, так и от макро социально-экономических процессов.

Для первой группы (консервативной), которую мы выделили характерно понимание исторической памяти как стабильной (неизменной/малоподвижной), сакральной основы коллективной идентичности (народ, нации, цивилизации). Это выражается в следующих цепочках эквивалентности:

1. Исследование Головашиной О.В.: *историческая память – традиционная культура – соборность – общинность – стабильность – особый путь* [1, С. 382–384, 386];

2. Исследование Файзулина Ф.С.: *историческая память – социальная память – национальные ценности – единство этноса – выживание – стабильность* [2, С. 687];

3. Исследование Шепелевой В.Б.: *историческая память – интуитивная память – русская идея – соборная духовность – национальная безопасность* [4, С. 491–492]; *историческая память – православие – соборность – нравственная свобода – самобытная цивилизация* [5, С. 4–5];

4. Исследование Мозжилина С.И.: *Историческая память – нравственная ориентация – позитивные события прошлого – преемственность идеалов – социальная справедливость – совесть – развитие России* [11, С. 290, 293].

Для данной группы характерно противопоставлять историческую память внешней угрозе и модернистским проектам (либерализм/социализм):

1. м*одернизация – вестернизация – индивидуализм – инновации = социальные взрывы = разрушение идентичности* [1, С. 383];

2. *забвение – утрата ценностей – атомизация – распад нации – внешние угрозы* [2, С. 687];

3. *глобализация – аннигиляция личности – либерализм – отказ от идентичности – катастрофа* [4, С. 492];

4. *историческое беспамятство – социализм – либерализм – глобализм – потребительство* [5, С. 3, 6];

5. *негативная память – акцентирование негативных моментов – нравственно-духовная дезориентация – антисоветская идеология – нацистская идеология* [11, С. 291–292].

Для второй группы (критической) характерно понимание исторической памяти как конструкт, который эксплуатируется властью или идеологией для достижения определенных целей. Во второй группе исследователи отдельно акцентируют внимание на политизированном, субъективном и манипулятивном характере исторической памяти. Мы выявили следующие цепочки эквивалентности:

1. Исследование Рагозиной Т.Э.: *историческая память – притязание на всеобщность – идеологическое обслуживание власти – функция власти = переформатирование прошлого* [12, С. 9, 13];

2. Исследование Овсянниковой Д.Д.: *историческая память – переформатирование прошлого = политика памяти – идеологизированная история* [8, С. 98];

3. Исследование Алексеевой И.Ю. и Алексеева А.П.: *историческая память – публичная история – мобилизация* [3, С. 67, 69, 71, 73];

Для данной группы характерны следующие построения антагонизмов:

1. *культурная память – объективная мыслительная форма – конструируемый образ прошлого* [12, С. 14–15];

2. *культурная память – философское понятие – имманентное свойство организма* [8 С. 98–99];

3. *политика памяти – манипуляция – идеализация – сиюминутные интересы власти* [3, С. 70–71].

Для третей группы (конструктивной) историческая память понимается как нарратив, для которого характерны изменчивость (непостоянность), плюрализм и роль в формировании идентичности:

1. Исследование Губмана Б.Л. и Ануфриева К.В.: *историческая память – нарратив – «наше прошлое» – самоидентификация – инструмент для решения современных задач* [6, С. 14, 16];

2. Исследование Тульчинского Г.Л.: *историческая память – понимание прошлого в контексте настоящего – общая историческая память –*

консолидация общества – развитие России – преемственность идеалов [7, С. 126–127];

3. Исследование Филенко К.В.: *культурно-историческая память – габитус – культурные нарративы – часть габитуса – трансдисциплинарный феномен* [10, С. 6, 9].

В качестве антагонистического полюса для данной группы характерно противопоставлять историческую память недостижимым идеалам и мифологизирующим конструктам:

1. *академическая история – дистанцированность – объективность (как недостижимый идеал)* [6, С. 18];

2. *разорванная культурно-историческая память – рассогласование – противоречие* [7, С. 125–126];

3. *переписывание истории – навязывание стереотипов – героизация прошлого – культурная безопасность государства* [10, С. 7].

Выводы. Таким образом, выявив и проанализировав дискурсивные механизмы формирования значений понятия «историческая память» в современном философском дискурсе является плавающим означающим. Нами были выделены цепочки эквивалентности. На основе общности цепочек эквивалентности и утверждаемых антагонизмов мы смогли выделить следующие доминирующие смыслы, которые вкладываются исследователями в понятие исторической памяти:

1. Историческая память – фундамент идентичности, основа национального бытия;

2. Историческая память – инструмент власть, политико-идеологический конструкт;

3. Историческая память – конструктивный ресурс, изменчивый публичный нарратив.

Мы можем отметить, что если консервативное понимание исторической памяти и критическое противоположны, что проявляется в абсолютно положительном понимании в рамках консервативной группы и абсолютно негативном в рамках критической группы (исследователи данной группы противопоставляют историческую память культурной), то конструктивное понимание исторической памяти не отрицает связь феномена с политикой государства и идеологией, но в тоже время не преподносит данную связь как нечто строго негативное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головашина О.В. Память, опыт и современный этап модернизации в России / О.В. Головашина // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 12 (116). – С. 382–390.

2. Файзулин Ф.С. Национальные ценности и ценностное ориентации / Ф.С. Файзулин // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1(I). – С. 685–688.

3. Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Философия исторической памяти / И.Ю. Алексеева, А.П. Алексеев // Вопросы философии. – 2018. – № 10. – С. 67–76.

4. Шепелева В.Б. Историческая память, современные вызовы времени и требования постнеклассики / В.Б. Шепелева // Вестник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. – 2018. – № 4. – С. 490–492.
5. Грядунова Е.Н. Ловушка исторической памяти / Е.Н. Грядунова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 1. С. 1–7.
6. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Историческая память и история в культуре глобального сообщества / Б.Л. Губман, К В. Ануфриева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 4 (90). – С. 13–20.
7. Тульчинский Г.Л. Философия истории и нарративы исторической памяти / Г. Л. Тульчинский // Философский журнал. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 117–129.
8. Овсянникова Д.Д. Культурная и историческая память: компаративистский анализ / Д.Д. Овсянникова // Наука. Искусство. Культура. – 2019. – № 3 (15). – С. 93–100
9. Овсянникова Д.Д. Понятие исторической памяти в свете постмодернистского дискурса / Д.Д. Овсянникова // Культура и цивилизация. – 2025. – № 1 (23). – С. 45–52.
10. Филенко К.В. Понятие культурно-исторической памяти в междисциплинарном дискурсе / К.В. Филенко // Актуальная культура. – 2024. – № 4. – С. 1–12.
11. Мозжилин С.И. Совесть и историческая память в контексте российской культуры / С.И. Мозжилин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, вып. 3. – С. 289–294.
12. Рагозина Т.Э. О двойственной природе исторической памяти: память вместо истории / Т.Э. Рагозина // Культура и цивилизация. – 2024. – № 2 (20). – С. 1–10.
13. Laclau E., Mouffe C. Hegemony & Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – London: Verso, 1985. – 192 p.

УДК 18:7.01:111.85

ВОСТОЧНАЯ «ПУСТОТА» И ЗАПАДНОЕ «РАВНОВЕСИЕ»: КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВА В АБСТРАКТНОМ ИСКУССТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ

Люй Линчжи, преподаватель, аспирант
Хэйлунцзянский профессиональный – художественный институт
г. Саньцзян, провинция Хэйлунцзян, Китайская народная республика

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция «пространства» в восточной и западной традициях абстрактного искусства. Применяя метод философско-контекстуального анализа, автор берёт в качестве точки отсчёта понимание «пустоты» в восточной эстетике (дзэн-буддизм) и сопоставляет его с принципом «равновесия» в западном неопластицизме (Пит Мондриан). Исследование исходит из визуализированного пространства абстрактного искусства, анализируя восприятие, репрезентацию и интерпретацию «пустоты» в соответствующих художественных системах. Одновременно изучается роль философского контекста в формировании визуального языка абстракции. Сравнение различных концепций позволяет сделать вывод о том, что разные художественные парадигмы порождают различные эстетические характеристики и теоретические конструкции. Выявление сходств и различий

помогает определить методологические подходы, которые могут быть применены в современных педагогических практиках. Статья предлагает трактовку абстрактного искусства как культурно-философского феномена, что способствует междисциплинарному исследованию и может быть полезным для развития современного художественного образования.

Ключевые слова: пространство в абстрактном искусстве; Востока философия; Влияние неопластицизма; Отношения с чань-буддизмом; Значение художественного образования.

Введение. Проблема пространства стала одной из ключевых тем в современном дискурсе об абстрактном искусстве. В данном контексте пространство перестало быть просто фоном или иллюзией глубины, превратившись в выразительный элемент, определяющий порождение смысла. При развитии исследований в области современного искусствознания и философии искусства учитывается следующий тезис: пространство не может быть задано субъектом, это не внешняя оболочка материального мира, а концептуальная категория, лишённая позиционных отношений; только как метафизическая ориентация, выходящая за пределы времени и пространства – онтологически понимаемая «земля» – пространство может стать объектом нашего созерцания и размышления, направлением и основой для конструирования идей [1]. Особенно в условиях глобализации и мирового культурного диалога, благодаря уникальному «видению» искусства, появляется возможность интерпретации философских концепций. Однако до сих пор недостаточно работ, посвящённых всестороннему сравнению пространственных представлений в двух разных типах искусства и детальному анализу их внутренних логических связей. В данной статье предпринимается попытка с компаративистской точки зрения ввести художественное понятие «пустоты», используя «пустоту» дзэн-буддизма и «равновесие», заключённое в творческой системе неопластицизма Пита Мондриана. Эти две категории, реализуя свои конечные формы, формируют различные модели художественного пространства, что предоставляет уникальный кейс для соответствующих исследований и открывает перспективы для будущих сопоставлений других видов искусства и культурных обменов.

Абстрактное искусство XX века формировалось в процессе столкновения и синтеза восточной и западной философской и художественной мысли, представляя собой слияние западных поисков духовности и восточных произведений, таких как японская гравюра и китайская каллиграфия. Акцент Василия Кандинского на внутренней духовности в искусстве, например, находился под влиянием теософии и восточного мистицизма [2]. Однако межкультурные и междисциплинарные влияния часто бывают неравномерными и сопряжены с риском упрощения. Цель данной статьи – выйти за рамки упрощённой схемы «влияние-принятие» и рассмотреть восточную и западную традиции как равноправные

системы, обладающие целостными философскими основами и визуальными законами. Основное внимание уделяется тому, как ключевые категории «пустота» и «равновесие» участвуют в решении фундаментальных художественных проблем и как на этой основе возможна коммуникация на различных уровнях. Такой подход позволяет выйти на метафизический уровень, к категориям, объясняющим мир в целом, что способствует более глубокому пониманию возникновения мирового плюралистического современного искусства в процессе межкультурного взаимодействия.

В связи с этим, в статье ставятся следующие задачи: выявить и проанализировать философско-эстетические основы двух важных пространственных концепций в искусстве – восточной и западной — и провести их систематическое сравнение. Для достижения этой цели необходимо выполнить следующую работу:

Заново изложить и деконструировать философскую суть концепции «пустоты» (или «принципа пустоты») в дзэн-буддизме и её влияние на искусство, всесторонне опираясь на важнейшие труды восточных философов и экспертов в области эстетики [3]. Здесь необходимо тщательно проанализировать значение «пустоты» как философской категории, её превращение из спекулятивной идеи в конкретные художественно-эстетические принципы и творческие методы, а также объяснить, как «пустота» воздействует на отношение художника к соотношению между заполненными и незаполненными областями в картине.

Провести философский анализ концепции «равновесия» в неопластицизме Пита Мондриана, основанный на его теоретических текстах и современных подходах в искусствознании. На этой основе чётко выявить, как Мондриан через теософию, неоплатонизм и господствовавший в его время научный рационализм пришёл к пониманию универсального, гармоничного «равновесия», и как он использовал это в качестве ключевого принципа построения собственного мира геометрической абстракции.

На основе конкретных примеров произведений искусства провести сравнительный анализ визуальных стратегий репрезентации пространства, вытекающих из этих двух парадигм. Для этого необходимо выбрать для совместного детального изучения типичные дзэнские картины (например, работы Муси, Лян Кая периода Южная Сун или японской живописи тушью периода Муромати) и классические композиции зрелого периода Мондриана, проанализировав, как такие элементы, как линия, цвет, незаполненное пространство, сетчатая структура, конкретно создают и определяют различные пространственные переживания.

Обобщить влияние этих концепций на современную теорию и практику художественного образования, выделив ключевые аспекты, значимые для разработки учебных методик и программ. Обсудить, как в условиях глобализированной современной художественной аудитории направлять студентов к пониманию этих двух моделей пространства и размышлять о

возможности их синтеза, чтобы воспитывать более межкультурно понимающих и творческих художественных специалистов.

Основными методами исследования являются сравнительно-исторический анализ, философская интерпретация художественных текстов и визуальный анализ произведений искусства. В статье будет уделено внимание тесной связи теории и практики, чтобы философский анализ в конечном итоге опирался на восприятие и понимание конкретных произведений искусства.

Методология и методы исследования. Основываясь на междисциплинарном подходе, объединяющем искусствоведение, философию культуры и компаративистику, данное исследование использует «сравнение» в качестве основного метода, а «пространство» – в качестве концептуального носителя, помещая две различные культурно-философские системы в общее поле анализа. При этом сравнение проводится не с целью установления иерархии или поиска первоисточников, а как «структурное сопоставление», призванное продемонстрировать различные пути и способы решения одной и той же проблемы – «организации пространства» – в рамках различных мировоззренческих картин. (На одной и той же реальной основе могут возникать разные мировоззренческие картины, или же на разных реальных основах – разные картины мира). Таким образом, сравнение одновременно выявляет различия в западном и восточном понимании пространства и искусства, а также точки возможного совпадения или взаимодополнения в ответах на общие художественные вопросы на данном историческом этапе (если бы не было такого совпадения, не существовало бы и единого решения проблемы).

Для реконструкции философского контекста применяется метод историко-философского анализа. Он используется для работы с первоисточниками (такими как дзэнские каноны «Сутра Помоста» и «Записки Линьцзи», трактат Мондриана «Неопластицизм»), значимыми академическими комментариями (всеми известными интерпретациями одних и тех же классических текстов), высказываниями ключевых фигур (например, Су Ши, Ли Ми), а также самими произведениями искусства. Эти четыре элемента служат основой для интерпретации конкретных идейных объектов. После точного определения содержания каждого источника идеи формулируются в виде обоснованных философских понятий в соответствии с нормами академического языка. Так, понятие «пустоты» должно быть дифференцировано от «пустоты обусловленного возникновения» школы мадхьямаки и от специфической «внесловесной передачи» дзэн-буддизма, в то время как «равновесие» следует рассматривать в рамках интеллектуальной генеалогии от платоновской теории идей до голландского движения «Де Стейл», учитывая влияние теософии на представления о духовной эволюции вселенной [4].

Визуальный анализ конкретных произведений (например, дзэнской живописи тушью и геометрических композиций Мондриана) проводится на

основе синтеза формально-стилистического анализа и иконологического метода в интерпретации Эрвина Панофского. Это означает, что применительно к конкретному произведению используются оба подхода: произведение расчленяется на чувственно воспринимаемые формальные характеристики (композиция, мазок, оттенки туши, геометрия, цвет), и одновременно интерпретируется смысл, стоящий за этими формами. Например, «незаполненное пространство» в дзэнской живописи может трактоваться как визуализация «пустотности», а «сетка» Мондриана – как схематическое изображение космического порядка. С феноменологической точки зрения рассматривается, способно ли произведение вызывать у зрителя определённое восприятие, и каковы особенности его сознательного переживания, что в дальнейшем способствует формированию у зрителя уникального опыта пространственной конструкции. Сочетание этих двух методов обеспечивает исследованию как теоретическую обоснованность, так и эмпирико-исследовательский характер.

Результаты исследования. Согласно проведённому исследованию, можно выделить две взаимно отличные пространственные модели, каждая из которых является проявлением глубинных философских воззрений определённой культуры.

Восточная модель: «Пустота» как динамический и смыслопорождающий субъект

В эстетике дзэн-буддизма «пустота» означает не ничто, а «полноту потенциала» или динамическую сферу «порождения формы». «Пустота» — это концепция, заключённая в мировоззрении, выраженном в «бесчисленных проявлениях, единой жизненной силе, ритме напряжения и расслабления, спокойном постижении великого проникновения», которая коренным образом меняет человеческое восприятие пространства. Она происходит из буддийской философии мадхьямаки, утверждающей, что все дхармы лишены собственной природы (свабхава), возникают и исчезают в зависимости от условий (пратитья-самутпада), обретая форму через сочетание причин. «Пустота» – это состояние зависимого, открытого и потенциального существования феноменов. На художественном уровне это выражается в принципе «в незаполненных местах рождается чудесная глубина» (Да Чжунгуан, «Хуацюань»).

Живопись тушью в традиции дзэн «освобождает» или «опустошает» пространство. «Несколькими штрихами: сухая ветка, несколько бамбуковых листьев, рыбак» – художник одновременно и «внезапно собирает энергию тысяч ли», приводя в движение всё пространство картины, что можно назвать иной практикой «исчерпания всего Цзяннаня одним мазком». Однако, как в работах таких художников, как Лян Кай периода Южная Сун («Бессмертный, расплёскивающий тушь») [5], или Муси («Шесть хурм»), сила проистекает не столько из самих мазков туши, сколько из напряжения, рождающегося между этими мазками и обширными незаполненными областями. «Оставление

белого» или «пустое пространство» является воплощением циркулирующей энергии «ци» в традиционном китайском искусстве. Примером также служит то, что незаполненные места не пусты – в них движется «ци» вселенной, а не просто остаются белые пятна, лишённые ощущения динамики «ци». Цель «оставления» – позволить и пустоте быть «подвижной». Пространство, оставленное на картине, позволяет мыслям зрителя свободно течь; оно действует как притяжение и вместилище, давая духу безгранично бродить и размышлять в пустом пространстве перед глазами.

Пространство в восточном абстрактном искусстве незавершённое, процессуальное, требующее от зрителя внутреннего вовлечения и созерцательного, подобного незаполненному пространству, взгляда для завершения образа в воображении или медитации. Пустота существует здесь не как фон, а как нечто сущностное, оживотворяющее – место бесконечных возможностей, сама безмолвная вселенная. Отношение между содержащимся в ней пространством и формой – это «взаимное порождение пустого и полного», две стороны одного целого, подобно сказанному в «Сутре сердца»: «форма есть пустота». Это проистекает из буддийской идеи «обусловленного возникновения и пустоты»: все дхармы лишены собственной природы и взаимозависимы; следовательно, живопись – это не подражание внешнему миру, а прямое схватывание изначального состояния бытия [6].

Западная модель: Равновесие как результат рационального структурирования.

В эстетике неопластицизма (Neoplasticism) Пита Мондриана пространство проявляется как универсальный, внеличный порядок – тот порядок, который он считал космической истиной [7]. Он полагал, что за миром явлений существует более высокая реальность, мир чистой духовности, состоящий из духовных элементов. Его мировоззрение также формировалось под влиянием теории относительности в физике начала XX века и философских поисков абсолютной, универсальной истины. Поэтому он стремился в своих художественных произведениях преодолеть случайность и специфичность мира явлений и достичь вечной универсальной структуры.

Речь идёт о его концепции «равновесия» (equilibrium), которая фактически является подлинным «динамическим равновесием» (dynamic equilibrium), состоянием «совершенства», достигаемым через сильный контраст между противоположностями – самыми основными вертикалью и горизонталью; основными цветами и не-цветом (чёрный, белый, серый). Однако это живое, полное жизненной силы равновесие, а не безжизненная статичная симметрия, и в нём заключена неоспоримая мощная гармонизирующая сила. Для достижения этого чистого и универсального равновесия Мондриан создал чрезвычайно строгий язык геометрического упрощения, устранив все формы, которые можно было бы распознать как фигуративные, кривые, диагонали, индивидуализированные мазки и т.д., и в

итоге пришёл к сетке, полностью составленной из чёрных прямых линий, между которыми появляются геометрические формы разного размера, с основными цветами – красным, жёлтым, синим – и их сочетаниями, дополненными тремя ахроматическими цветами – чёрным, белым, серым – в качестве базовой палитры.

В произведениях Мондриана заключено строго организованное, рациональное и очищенное пространство. Каждая линия, каждый цветовой блок тщательно спроектированы с целью достижения высочайшей полной уравновешенности. Одновременно это пространство является логическим выражением формы, интеллектуальной конструкцией, созданной рациональной операцией, композицией идеального существования чистой абстракции, то есть универсальной формулой космической гармонии. Картина превращается в плоскостное силовое поле без глубины. В работе «Композиция с красным, синим и жёлтым» состояние упорядоченного покоя достигается путём доведения цвета и линейной структуры до состояния полярной противоположности. Понимание такого пространства требует рационального размышления и аналитического осмысления, постижения его гармонии через пропорции, контрасты и отношения форм. Это и есть путь, по которому модернизм стремился к чистоте, абсолюту, объективной истине, постепенно сближая искусство с философией и наукой.

Концептуальный диалог и синтез в искусстве второй половины XX века.

Если анализировать с точки зрения культурных течений Востока и Запада, то «восточная пустота» имплицитна, процессуальна, не-дуалистична и ориентирована на внутреннее созерцание и дух, тогда как «западное равновесие» эксплицитно, статично (в идеальном состоянии), основано на диалектическом единстве противоположностей и указывает на внешний, познаваемый человеческим разумом универсальный порядок. Однако именно во второй половине XX века становится всё более очевидным, что эти идеи не полностью изолированы, а подвергаются взаимной трансформации и заимствованию.

Американский минимализм (Minimalism), формально происходя от модернизма, особенно от внимания Мондриана к простоте, геометрии, порядку, тем не менее, в работах Эллсворта Келли с их чёткими границами, тонких карандашных линиях и приглушённых цветах картин Агнес Мартин, белых непроницаемых построениях Роберта Раймана, также присутствует выраженная медитативная атмосфера. Мягкие, спокойные и заполняющие всё пространство повторяющиеся линии Мартин создают эффект отступающей в бесконечность пустоты. Кажущееся незаполненным пространство фактически устраняет повествование, эмоции, смысл, приводя картину к крайней простоте, и повторяющееся порождение самой формы линии заставляет зрителя, стоящего перед картиной, входить в состояние самоуглубления, близкое к переживанию пустоты.

Напротив, японская послевоенная авангардная группа «Гутай» (Gutai), например, Кадзуо Сирага, Ацуко Танака, Садамаса Мотонага и другие, использовала радикальные телесные вмешательства и материальные эксперименты – непосредственность метода, случайность и самого материала. Сирага рисовал ногами, Танака создавала больше светящуюся одежду и сцену, связанную с электрическими цепями, Мотонага делал больше разбрызгивающей живописи действий, но в конечном итоге всё равно присутствовало очень изысканное восприятие отношения между формой и пространством. «Действие» – это не просто разрушение или выплеск, в страсти также присутствует поиск нового порядка, что представляет собой ещё один уровень в динамических отношениях. Таким образом, процессуальное (аналогичное порождающей природе «пустоты») связывается с окончательным формальным замыслом (аналогичным структурированности «равновесия»).

Живопись цветовых полей Марка Ротко использует размытые цветовые массы для создания медитативного пространства, в котором смешиваются духовность восточной «пустоты» и структурность западного «равновесия». Лэнд-арт (например, «Спиральная дамба» Роберта Смитсона) помещает геометрическую форму в «пустой» природный ландшафт, вливая в него рациональное «равновесие». Таким образом, в позднем модернизме границы между так называемой «пустотой» и «равновесием» постепенно стираются и взаимопроникают, превращаясь в художественный язык, способный к комбинаторному взаимодействию. А современные художники в условиях глобализации постоянно деконструируют, разбирают эту мировую модель и с помощью видео, инсталляций и других средств вновь и вновь выстраивают свои концепции, создавая гибридные способы выражения, объединяющие духовность и формальность.

Заключение. Оригинальность данной статьи заключается в том, что философские категории «Пустота» и «Равновесие» рассматриваются как основа для формирования различных типов художественного пространства в абстрактном искусстве, и проводится систематическое, структурное сравнение между ними. В отличие от прежних исследований, которые лишь односторонне рассматривали их роль или сравнивали стили, впервые происходит последовательное сопоставление двух традиционных изначальных философских текстов и классических произведений искусства. Это позволяет прояснить, как художественная метафизика и мировоззрение художника определяют его визуально-перцептивную стратегию, формируют различный формальный язык, а художественное мышление обусловливает способ деконструкции и конструирования сущности пространства. Такой подход позволяет лучше анализировать и интерпретировать два фундаментальных и взаимосвязанных метода пространственной организации, существующих в искусстве XX века и современном искусстве.

Теоретическая ценность исследования заключается в обогащении

понимания абстрактного искусства, убедительном доказательстве того, что абстрактное искусство не оторвано от объективного мира и не является просто бессмысленной игрой чистых форм или неким замкнутым эстетическим экспериментом, а представляет собой преобразование языка в образ, обладающее особым значением в конкретном культурно-философском контексте [8]. Сопоставление сетки Мондриана и дзэнской пустоты позволяет увидеть совершенно различную онтологию и гносеологию, лежащие в их основе. Полученные результаты исследования также способствуют продвижению от теории и критики искусства отдельных народов, исследований визуальной культуры к более углубленному сравнительному культурологическому анализу мировых народов и исследованиям глобальной истории искусства. Это также позволяет точно определить культурные характеристики и вопросы межкультурной мобильности художественных форм в эпоху глобализации, предлагая конкретные методы анализа и теоретические инструменты для решения этой проблемы.

Во-вторых, можно провести дальнейшие исследования на основе созданной сравнительной модели «философская концепция – визуальная стратегия». Например, можно применить и сравнить ряд других бинарных оппозиций, составляющих основу художественного мышления, помимо рассмотренных в данной статье. К ним относятся: временность и процессуальность vs. вечность и статичность; хаос, естественность и органичность vs. порядок, искусственность и геометричность; телесное участие и следы мазка vs. рациональное планирование и гладкая поверхность и т.д. Это позволит более точно понимать разнообразные художественные течения, процветающие в современном мировом арт-сообществе.

В-третьих, выявленные два пространственных модуса – «Пустота» и «Равновесие» – имеют значительную практическую ценность для современного художественного образования. В дизайне учебных программ художественных вузов можно использовать эти две модели в качестве опоры: направлять студентов на постижение концепции «Рассматривать пустоту как полноту» через копирование дзэнской живописи, а также разрабатывать задания, требующие создания работ в этих двух формах. Например, в цифровом медиаискусстве можно одновременно использовать методы алгоритмического генерирования порядка (Равновесие) и пустоты или неопределенности (Пустота). Кроме того, разграничение медитативно-интуитивных и конструктивно-аналитических моделей познания/творчества может стать одной из основ педагогики творчества.

Наконец, цель вышеупомянутой практики – воспитание нового типа художественных кадров, обладающих как острой интуитивной восприимчивостью и способностью к межкультурному философскому постижению, так и строгими навыками формального анализа и структурного мышления. На основе различного понимания и критического осмысления двух различных культурных типов мышления и визуальных языков —

«Пустоты» и «Равновесия» – и их комплексного применения будет формироваться важное конкурентное преимущество в межкультурной коммуникации и креативной экономике. В этом и состоит значение проведенного в данной статье анализа и разграничения «Пустоты» и «Равновесия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Хуан Чуаньнин. Исследование философии пространства восточного абстрактного искусства // Художественное образование. 2023. № 4. С. 41–45.
2. Ма Линьфэй. От изображения к форме: влияние теософии на абстрактное искусство Кандинского // Исследования изобразительного искусства. 2020. № 5. С. 114–117. DOI:10.13318/j.cnki.msyj.2020.05.019.
3. Ма Фэн. Внутренняя связь между «Пустотой» в чань-буддизме и «пустотной одухотворенностью» художественного образа // Журнал Синьцзянского института искусств. 2006. № 4. С. 71–74.
4. Чжу Цзыжун, Сун Канжу. Об эволюции эстетических взглядов Платона // Анхуэйская литература (вторая половина месяца). 2017. № 5. С. 95–96.
5. Чжан Хоумин. Анализ и восприятие картины Лян Кая эпохи Южная Сун «Бессмертный, разбрызгивающий тушь» // Коллекционер. 2017. № 4. С. 58–60.
6. Шао Дачжэнь (гл. ред.). Материя есть пустота, пустота есть материя // Шао Дачжэнь (гл. ред.). Альманах искусства китайской живописи. Пекин: Издательство культуры и искусства, 2010–2011. С. 684. (Ежегодник).
7. Фань Жуйсюэ. Чистое духовное искусство: интерпретация процесса трансформации живописи Мондриана // Исследования художественного образования. 2024. № 11. С. 24–26.
8. Чэнь Хуэй. О конкретном и абстрактном в философии // Учитель. 2018. № 22. С. 19–20.

УДК: 378.147

АНАЛИЗ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ ИИ-ИНСТРУМЕНТОВ

В.Ю. Мезенова, аспирант
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Мотивация является внутренним фактором, побуждающим студента к освоению новых знаний и приобретению навыков. Стратегия современного образования требует объединения с новейшими технологиями, которые представлены инструментами искусственного интеллекта (ИИ)

Ключевые слова*:* искусственный интеллект, устойчивая мотивация.

Введение. Мотивация в современном интерпретации представляет собой комплекс процессов, побуждающих человека, в нашем случае обучающегося, к действию. Мотивация отражает потребности человека, его интересы, позволяет преодолевать трудности, и прикладывать усилия для достижения поставленной цели. Мотивация в обучении или учебная мотивация является одним из видов мотивации, которая применяется при обучении студентов. Существуют следующие виды мотивации – внутренняя и внешняя, положительная и отрицательная, устойчивая и неустойчивая. Существующая система обучения определяет понятие «мотивация в учебном процессе» как комплексную систему организационно-педагогических мероприятий, включающих совокупность методологических подходов и инструментальных средств, направленных на формирование устойчивой познавательной активности обучающихся и обеспечение эффективного освоения ими учебной информации [1].

Постановка задачи. Мотивация в системе обучения студентов – комплекс средств, методов и процессов, направляющих обучающихся к активной познавательной деятельности. Но необходимо учитывать, что эффективность процесса обучения будет непосредственно зависеть от внешних факторов (организация, место, время и т.д.), и внутренних факторов (уровня сформированности мотивации обучающихся).

Цель исследования – анализ мотивации студентов с помощью инструментов искусственного интеллекта.

Методика и методология исследования. Мотивация для обучающегося больше является внутренней стороной человека, подталкивающего его к активности, познанию.

Главная цель мотивации при обучении студентов в следующем:

- Мотивация отвечает за вовлеченность студентов в процесс обучения. Более мотивированные студенты проявляют повышенный интерес к обучению, активно участвуют в жизни образовательного учреждения, отличаются успешной успеваемостью.
- Мотивация подталкивает обучающихся к непрерывному образованию, постоянно получая новые знания и опыт.
- Мотивация стимулирует образование прочных долговременных знаний, позволяет применять эти знания на практике.

Зная механизмов мотивации, и какое место оно занимает в образовательном процессе, преподаватель имеет возможность разрабатывать эффективные обучающие программы, которые будут поддерживать познавательный интерес на всем процессе обучения модуля.

Результаты исследования. В современном понимании процесса обучения для получения устойчивой мотивации существует необходимость постоянного применения современных способов обучения, используя технологии искусственного интеллекта [1]. Цифровизация проникла во все сферы деятельности человека, и конечно не обошла стороной и сферу образования. Повсеместно обучающиеся прибегают к помощи искусственного интеллекта для выполнения проектов, домашних заданий и т.д.

В результате, исследование развития устойчивой мотивации с применением искусственного интеллекта имеет высокую значимость в мире, где стремительно развивается цифровизация образовательного процесса. Существует необходимость осмыслить как будут взаимодействовать традиционные педагогические способы обучения и стремительная цифровизация обучения в современном мире.

С помощью инструментов искусственного интеллекта для обучающихся можно расширить их возможности для получения персонализированного, адаптивного и мотивирующего образования. Данная система позволит не только поддерживать постоянный интерес, внимание к обучению у студентов, но и будет стимулировать их к постоянному получению новых знаний.

Что дает персонализированный подход: студент сможет получать обучение, которое будет направлено только на его обучение. Благодаря ии-инструментам система сможет подбирать для обучающегося задания и материалы основываясь на его уровень подготовки и знаний, учитывая его предпочтения [4]. Обучающийся в этот момент испытывает меньше тревоги, и при этом увеличивается его уверенность в том, что он понимает предмет. Все вышеперечисленное влияет его мотивацию, студент становится более вовлечен в изучение материала.

Любое достижение требует оценивания, присуждение наград или баллов. Благодаря инструментам искусственного интеллекта, система способна следить за достижениями и успехами обучающегося, увеличивать

последовательно сложность следующих заданий. [3]. Процесс обучения становится интересной игрой, в которой за прохождение каждого уровня предполагаются баллы или награды. Обучающийся эмоционально вовлекается в игру, что также благоприятно влияет на мотивацию.

В процессе подготовки заданий у студентов часто возникают вопросы по изучаемой теме и в этом случае им на помощь приходят инструменты искусственного интеллекта. ИИ может дать моментальный ответ на заданный вопрос, разъяснить ошибки, подсказать [2]. Обучающийся ощущает, что он в данный момент находится не один, и может контролировать выполнение заданий. Это также укрепляет мотивацию, стимулирует к дальнейшему обучению.

Современные ИИ-инструменты помогают студентам выполнять учебные проекты, собирая и анализируя информацию [3]. В этом случае проект становится более реалистичным, приближенным к действительности, что также повышает мотивацию к обучению. Студент видит результат своей деятельности, это формирует его положительную учебную самооценку.

Студентам сложно самостоятельно выстраивать и планировать дальнейшие шаги в обучении. И здесь им на помощь приходят платформы на основе ИИ, которые помогают обучающимся выстраивать цели, планировать этапы обучения, держать под контролем процесс обучения, проводить анализ допущенных ошибок. Это способствует развитию саморегуляции у студентов, что увеличивает их уверенность в собственном прогрессе и уменьшают зависимость от внешних факторов.

Часто студентам необходимо выполнять проект, в котором затрагиваются несколько дисциплин. ИИ способен собрать воедино элементы разных дисциплин, что позволяет обучающему воспринимать знания целиком. Это увеличивает смысловую мотивацию к обучению.

Обучающимся сложно ежедневно выстраивать и планировать свой процесс обучения, поэтому часто возникает такое явление как прокрастинация – это склонность откладывания заданий на потом, несмотря на понимание негативных последствий. Выявлять данные нарушения помогает ИИ. Система анализирует активность обучающегося, выстраивает алгоритм решения проблемы – предлагает небольшие задания, на выполнение которых не требуется много времени, но вырабатывает привычку заниматься постоянно, образуя устойчивую мотивацию [1].

Выводы. В современном мире студенты сталкиваются с необходимость обучаться самостоятельно на онлайн-курсах, цифровых платформах, дополнительном образовании. Система ИИ в этом случае может выступать в качестве педагога-наставника: разделит материал на удобные отдельные разделы, способ подачи материала, повторяемость. Это позволяет студенту контролировать процесс обучения, оценивать свой успех, что также влияет на мотивацию.

Одним из основных мотивирующих эффектов применения ИИ, это способность визуализации достижений обучающихся с помощью диаграмм, графиков, отчетов, в которых видно динамику процесса обучения студента [4]. Видимость этого процесса позволяет студентам выработать позитивное отношение к процессу обучения, что непосредственно связано также с мотивацией.

ИИ способен поддерживать устойчивую обратную связь с обучающимся, он чувствует вовлеченность в процесс познания, как итог – формирование устойчивой мотивации у студентов. Рациональное использование инструментов ИИ в педагогическом процесс может стать источником явного интереса к процессу обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожуховская Ю.Н., Беказурова Н.В. Искусственный интеллект как средство повышения мотивации и вовлеченности учащихся // международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – №5 (86) Том 1. – С. 381–391;
2. Бочарова Т.А., Бочаров А.В., Довгаль И.Д. Влияние генеративного искусственного интеллекта на мотивацию студентов в образовательном процессе // ЦИТИСЭ. – 2025. – № 3 (45) – С. 68–80;
3. Шустова Л.В. Геймификация и ИИ как ресурсы повышения учебной мотивации // Цифровая школа. – 2022. – №4. – С. 27–33.
4. Ron J. Pat-El, Natascha de Hoog, Mien Segers, Paul Vedder Exploring the impact of student perceptions of Assessment for Learning on intrinsic motivation // Studies in Educational Evaluation. – 2024. – т. 84, https://doi.org/10.1016/j.stueduc.2024.101420.

УДК 004.8, 004.891

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е.М. Митяев, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается применение ИИ и машинного обучения для прогнозирования успеваемости студентов в российских вузах. Анализируются алгоритмы: логистическая регрессия, Random Forest, градиентный бустинг, нейросети и кластеризация. Описаны кейсы СФУ (система Pythia), УрФУ и ИТМО. Особое внимание уделено качеству данных, деградации моделей, этическим вопросам и перспективам объяснимого ИИ в образовании.

***Ключевые слова**:* прогнозирование успеваемости, искусственный интеллект, машинное обучение, образовательная аналитика, системы поддержки принятия решений.

Введение. В современных условиях цифровизации образования прогнозирование академической успеваемости становится одним из приоритетных направлений развития высшего образования. Применение методов искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет перейти от реактивной к проактивной модели поддержки студентов, своевременно выявляя и предотвращая академические трудности.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом российских вузов к внедрению систем предиктивной аналитики в образовательный процесс. Национальные программы цифровизации, такие как «Цифровая экономика РФ» и «University-2035», создают необходимую инфраструктуру для развития data-driven управления в сфере образования.

Цель исследования. Анализ современных методов прогнозирования академической успешности студентов с помощью искусственного интеллекта, изучение практического опыта их внедрения в российских вузах и выявление ключевых проблем, препятствующих эффективному использованию данных технологий.

Задачи исследования:

1. **Анализ методов прогнозирования**: исследование различных алгоритмов машинного обучения (логистическая регрессия, ансамблевые методы, нейронные сети, кластеризация) для прогнозирования успеваемости студентов
2. **Изучение практического опыта**: анализ внедрения систем прогнозирования в российских вузах (СФУ, УрФУ, ITMO)
3. **Выявление проблем**: определение ключевых препятствий для эффективного использования ИИ в образовании, включая:
   - Деградацию моделей
   - Качество образовательных данных
   - Этические аспекты применения ИИ
4. **Оценка эффективности**: исследование результатов применения различных методов прогнозирования

Методика и методология исследования

Исследование базируется на комплексном подходе, объединяющем теоретические основы машинного обучения с практическим опытом реализации предиктивных систем в образовательной среде. Методологическая база включает:

- Теоретический анализ существующих подходов к прогнозированию успеваемости;
- Сравнительный анализ различных алгоритмов машинного обучения;

- Практическое исследование внедрения систем прогнозирования в российских вузах.

В исследовании изучаются следующие методы:

- Методы машинного обучения:
  - Классификация и регрессионный анализ.
  - Ансамблевые методы (Random Forest, градиентный бустинг).
  - Нейросетевые технологии.
  - Алгоритмы кластеризации.
- Аналитические методы:
  - Сравнительный анализ эффективности различных алгоритмов.
  - Оценка качества моделей прогнозирования.
  - Исследование деградации моделей.

Практическая база исследования.

Исследование опирается на анализ:

- Российского опыта внедрения систем прогнозирования в ведущих вузах:
  - Система Pythia (СФУ).
  - Проекты УрФУ.
  - Решения ITMO University.
  - Практики других вузов.
- Международных исследований в области образовательной аналитики.

Исследование характеризуется следующими особенностями:

- Комплексный подход к анализу проблемы.
- Междисциплинарный характер исследования.
- Практическая направленность методологии.
- Системный анализ существующих решений.

Результаты. Прогнозирование академической успеваемости с помощью искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой перспективное направление в современной педагогике, позволяющее перейти от реактивной поддержки студентов к проактивному выявлению и предотвращению академических трудностей [1]. Центральное место в этой области занимают методы машинного обучения (ML), которые используются для анализа больших массивов образовательных данных (Educational Data Mining, EDM) с целью выявления закономерностей и построения моделей, способных предсказывать будущие учебные результаты [6]. Анализ международных и российских исследований показывает широкое применение различных классов алгоритмов, каждый из которых обладает своими преимуществами и недостатками, определяющими его применимость в конкретных задачах. Наиболее распространенными подходами являются модели классификации и регрессии, ансамблевые методы, такие как градиентный бустинг, а также искусственные нейронные сети, способные улавливать сложные нелинейные зависимости в данных [13; 14].

Классификация является одной из ключевых задач в прогнозировании успеваемости, когда модель обучается распределять студентов по категориям, например, "успешный/неуспешный", "в группе риска/не в группе риска" или "продолжит обучение/отчислится»[1; 2]. Для решения таких задач широко используются алгоритмы логистической регрессии и ее вариации, такие как Lasso и Ridge регрессия[4; 9]. Логистическая регрессия, несмотря на свою относительную простоту, часто служит хорошей отправной точкой благодаря своей интерпретируемости и эффективности [15]. Например, в одном из исследований, проводившемся в Волгоградском государственном техническом университете, логистическая регрессия была использована для прогнозирования сдачи экзамена по дисциплине «Основы программирования» уже после первого рубежного контроля, демонстрируя приемлемую точность с F-мерой 0.84 [1]. В другом проекте, реализованном в ITMO НИУ, логистическая регрессия оказалась наиболее производительной среди трех рассмотренных моделей (логистическая, ridge и lasso) для предсказания вероятности выпуска студентов, показав R^2 = 0.6407 [4]. Регрессионные методы, такие как ElasticNet, также применяются для моделирования комплексных достижений студентов, включая не только академическую, но и социальную, творческую и спортивную деятельность [9]. Эти подходы особенно ценны, когда необходимо понять влияние каждого фактора на конечный результат, что важно для принятия обоснованных управленческих решений.

Ансамблевые методы, такие как деревья решений (Decision Trees), Random Forest и градиентный бустинг (Gradient Boosting Machines, GBM), стали популярным выбором благодаря их высокой точности и способности работать с большими наборами данных. Дерево решений, являясь базовым алгоритмом, предлагает высокую степень интерпретируемости, так как его структура легко понимается человеком, однако оно склонно к переобучению на сложных данных [15]. Random forest, в свою очередь, снижает этот риск за счет построения множества деревьев и голосования за итоговый результат, что приводит к значительному повышению точности [15]. Исследование, проведенное в Москве, наглядно продемонстрировало этот эффект: при прогнозировании успеваемости школьников, алгоритм "Random forest" достиг точности 81,4%, в то время как "дерево решений" показал лишь 64,1% [10]. Алгоритмы градиентного бустинга, такие как XGBoost, GBM и CatBoost, часто демонстрируют еще более высокую производительность, оптимизируя ошибку последовательно добавляемыми слабыми моделями [14]. Именно на основе этих методов построены многие коммерческие и университетские системы прогнозирования в России, включая проекты в Уральском федеральном университете и систему Pythia в Сибирском федеральном университете [3; 5]. Кроме того, Support Vector Machine (SVM) выделяется как эффективный метод для работы с высокоразмерными

данными, показывая высокую точность в некоторых исследованиях, хотя и требует тщательной настройки параметров [14; 15].

Нейронные сети представляют собой мощный, но и самый сложный класс моделей. Они способны моделировать чрезвычайно сложные и нелинейные взаимосвязи в данных, что позволяет им достигать очень высокой точности прогнозирования [15]. Искусственные нейронные сети (ANN), включая многослойные перцептроны, успешно применялись в российских исследованиях для предсказания успеваемости, например, в работе, где сеть использовалась для прогнозирования перехода 9-классников в 10-й класс [2], и в проекте, реализованном в Институте космических и информационных технологий, где нейронные сети были одним из протестированных алгоритмов [13]. Однако главным недостатком нейронных сетей является их "черный ящик"-природа – низкая интерпретируемость [15]. Это означает, что даже если модель дает точный прогноз, сложно понять, какие именно факторы и почему повлияли на ее решение. Такая нечеткость затрудняет доверие к системе со стороны педагогов и администраторов, ограничивая ее практическое применение для принятия ответственных решений. Помимо этого, нейронные сети требуют значительных вычислительных ресурсов и больших объемов качественных данных для обучения, что может быть проблемой в образовательной среде [15].

Таблица 1 – «Сравнительный анализ алгоритмов машинного обучения в образовательных исследованиях РФ»

Алгоритм	**Категория**	**Преимущества**	**Недостатки**	**Примеры применения в российских исследованиях**
Логистическая регрессия	Классификация / Регрессия	Высокая интерпретируемость, эффективность, простота реализации	Низкая точность на сложных нелинейных данных	Прогнозирование сдачи экзамена, предсказание выпуска [2; 5]
Random Forest	Ансамбль	Высокая точность, устойчивость к переобучению, способность оценивать важность признаков	Менее интерпретируем, чем дерево решений	Прогнозирование успеваемости школьников [11]
Градиентный бустинг (GBM, XGBoost)	Ансамбль	Очень высокая точность, эффективность, работа с разнородными данными	Чувствительность к гиперпараметрам, высокая вычислительная сложность	Системы прогнозирования в УрФУ и СФУ (Pythia)[4; 6]
Нейронные сети (ANN)	Классификация / Регрессия	Очень высокая точность, способность моделировать сложные нелинейные зависимости	Низкая интерпретируемость ("черный ящик"), требовательность к данным и ресурсам	Прогнозирование перехода в 10-й класс, проект в ИКИТ [3; 14]

k-means	Кластеризация	Не требует заранее известных меток, позволяет выявлять скрытые группы в данных	Требует задания числа кластеров, чувствителен к выбросам	Выделение групп студентов с разными учебными траекториями [2]

Российская практика внедрения: от теоретических моделей к реальным системам

В России использование искусственного интеллекта для прогнозирования академической успеваемости перешло от этапа теоретических разработок к активному внедрению в реальных образовательных организациях, что во многом подпитывается государственной политикой цифровизации образования [7; 11]. Национальные программы, такие как «Цифровая экономика Российской Федерации» и «University-2035», создали благоприятную среду для развития data-driven управления в сфере образования, стимулируя университеты к разработке и тестированию собственных аналитических систем [7; 11]. В результате в вузах страны появилось множество проектов, от прототипов до полнофункциональных систем, интегрированных в административные процессы. Эти кейсы демонстрируют разнообразие подходов к сбору данных, выбору моделей и применению результатов анализа.

Одним из наиболее подробно документированных примеров является система Pythia, разработанная в Сибирском федеральном университете (СФУ) [5]. Эта система представляет собой комплексный подход к прогнозированию, используя два типа моделей. Модель LSSp (Learning Success Prediction based on Student Profile) формирует прогноз на основе исторических данных студента, таких как демография, программа обучения и данные из старых зачетных книжек [5]. Модель LSSc оперирует текущими данными, полученными из системы дистанционного обучения Moodle, включая количество кликов, время просмотра материалов и другие метрики взаимодействия с онлайн-курсами [5]. Такое двойное использование данных позволяет получать как долгосрочный прогноз, так и оперативную оценку текущего состояния студента. Исследование системы Pythia не только описывает ее работу, но и глубоко анализирует одну из самых серьезных проблем приложений ИИ в образовании – деградацию модели, что будет рассмотрено далее. Другой крупный пример – это опыт Уральского федерального университета, где также были развернуты системы на базе алгоритмов градиентного бустинга, логистической регрессии и random forest алгоритмов [3]. Эти модели были интегрированы в процесс принятия решений по академическому консультированию, помогая выявлять студентов, находящихся в группе риска [3].

Еще один уникальный кейс связан с Томским государственным университетом. Здесь была протестирована система 'AI Evaluator', интегрированная в платформу Moodle и использующая большие языковые модели (LLM), такие как Gemini и GigaChat, для автоматической проверки

письменных заданий и предоставления обратной связи [12]. Важность этого проекта заключается не только в технологической новизне, но и в проведении одного из немногих качественных исследований восприятия ИИ пользователями в российском образовании. Анализ отзывов показал поляризованные мнения: положительные стороны (быстрота, креативность обратной связи) противостояли серьезным недостаткам (несостоятельность оценок, отсутствие человеческого суждения), что указывает на необходимость гибридных моделей, сочетающих ИИ и экспертную оценку преподавателя [12].

Интересно отметить, что сфера применения ИИ не ограничивается только высшим образованием. В исследовании, проведенном в Казанском федеральном университете, была построена нейронная сеть для прогнозирования перехода выпускников 9-х классов в 10-й [2]. Модель, основанная на средних четвертных оценках, показала хорошие результаты (AUC = 0.77), что подтверждает потенциал ИИ для анализа данных школьного уровня [2]. Различные другие вузы также включают эту область в свои научные интересы. Например, в Волгоградском государственном техническом университете разрабатывались модели на основе логистической регрессии и наивного байесовского классификатора для прогнозирования сдачи экзаменов на первом курсе [1]. В финансовой академии при Правительстве РФ создавалась интеллектуальная система анализа достижений студентов, использующая различные методы регрессии для моделирования их успехов в разных сферах деятельности [9]. Даже в рамках учебной деятельности студенты сами занимаются этими вопросами: в Уральском федеральном университете была выполнена курсовая работа по разработке системы прогнозирования завершения онлайн-курса с использованием алгоритма CATboost, который показал высокую эффективность (ROC-AUC = 0.88).

Выводы. Научная новизна исследования.

В заключение, можно сказать, что прогнозирование академической успеваемости с помощью ИИ в России находится на переломном этапе. С одной стороны, есть мощная государственная поддержка и множество успешных практических примеров. С другой стороны, существуют серьезные технологические, организационные и этические проблемы. Будущее этой области будет зависеть от способности исследователей и практиков не только создавать все более точные модели, но и решать проблемы их стабильности, справедливости и эффективного внедрения в реальные образовательные процессы, ориентируясь на принципы прозрачности, доверия и целенаправленной поддержки студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов А.В. Применение машинного обучения для анализа образовательных результатов студентов вузов: Application of machine learning to analyze academic

performance of university students // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2023. № 4(32). С. 67–78.
2. Галимянов А.Ф. [и др.]. Research and forecasting of educational process parameters by using artificial intelligence Kazan Federal University, Russia: 2022.С. 477–489.
3. Давыдов С.Г. [и др.]. Artificial Intelligence in Russian Higher Education: Current State and Development Prospects // University Management: Practice and Analysis. 2024. № 3 (28).
4. Дорофеева Ю.А., Михайлов В.И., Правдин К.В. Моделирование и прогнозирование эффективности образовательного процесса в университете // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. С. 6.
5. Кустицкая Т.А., Есин Р.В., Носков М.В. Model Drift in Deployed Machine Learning Models for Predicting Learning Success // Computers. 2025. № 9 (14). С. 351.
6. Кустицкая Т.А., Носков М.В. Learning analytics in Russia and abroad: level of development, trends and prospects // RUDN Journal of Informatization in Education. 2023. № 2 (20). С. 150–158.
7. Кустицкая Т.А., Носков М.В. Learning analytics in Russia and abroad: level of development, trends and prospects // RUDN Journal of Informatization in Education. 2023. № 2 (20). С. 150–158.
8. Минуллин Д.А., Гафаров Ф.М. Анализ моделей машинного обучения на основе методов объяснимого искусственного интеллекта в образовательной аналитике // Электронные библиотеки. 2024. № 3 (27). С. 294–315.
9. Михайлова С.С. Development of an Intelligent System for Analyzing the Achievements of a University Student // Economic Problems and Legal Practice. 2024. № 2 (20). С. 185–192.
10. Побединская Т.В., Заславская О. Ю. Использование алгоритмов машинного обучения для прогноза успеваемости учащихся основной школы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2022. № 4 (62). С. 75–82.
11. Токтарова В.И., Пашкова Ю.А. Predictive Analytics in Digital Education: Analysis and Evaluation of Students' Learning Success // Siberian Pedagogical Journal. 2022. № 1. С. 97–106.
12. Фещенко А.В., Малкова И.Ю., Буякова К.И. AI-feedback in education: user experience analysis // Педагогика и просвещение. 2025. № 3. С. 23–40.
13. Якунин Ю.Ю. [и др.]. Predicting student performance using machine learning tools // Informatics and education. 2023. № 4 (38). С. 28–43.
14. Mustafa Yağcı Educational data mining: prediction of students' academic performance using machine learning algorithms // Smart Learning Environments. 2022. № 1 (9). С. 11.
15. Muyideen Dele Adewale [и др.]. Impact of artificial intelligence adoption on students' academic performance in open and distance learning: A systematic literature review // Heliyon. 2024. № 22 (10). С. e40025.

УДК 004.8

БУДУЩЕЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С.В. Мухаряпов, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации роли преподавателя в условиях развития технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе. Рассматриваются возможности и вызовы, связанные с внедрением ИИ в педагогическую практику, уделяется внимание изменению профессиональных компетенций педагога. Результаты анализа свидетельствуют о необходимости переосмысления профессии преподавателя с точки зрения синергии человеческого и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, педагогика, преподаватель, образовательные технологии, цифровая компетентность, персонализация обучения.

Введение. Четвёртая промышленная революция, характеризующаяся стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ), существенно трансформирует все сферы человеческой деятельности, включая образование. ИИ становится ключевым драйвером инноваций в образовании, способным радикально изменить методы преподавания, оценивания и организации учебного процесса. В российском образовательном контексте наблюдается активное внедрение нейросетевых технологий: согласно исследованиям 2024 года, каждый пятый преподаватель активно использует ИИ в своей работе, ещё 19% применяют его периодически, а 36% планируют внедрение в ближайшем будущем. Эти данные свидетельствуют о начале масштабной трансформации педагогической профессии, требующей научного осмысления. Актуальность исследования обусловлена противоречием между стремительным технологическим прогрессом и недостаточной готовностью педагогического сообщества к работе в условиях цифровой образовательной среды, усиленной ИИ. Несмотря на растущее число публикаций о применении ИИ в образовании, систематический анализ изменения роли преподавателя и требуемых профессиональных компетенций остаётся фрагментарным.

Постановка задачи. Основной задачей данного исследования является определение дальнейшей роли преподавателя в изучении учебного материала и освоении программы, а также определение возможных шагов для качественной интеграции ИИ в образовательный процесс.

Традиционная модель преподавателя как основного источника информации теряет актуальность в современную эпоху. Исследование Тюменского государственного университета (2024) выделило пять ключевых функций преподавателя и проанализировало, какие из них могут быть делегированы ИИ: информационная функция как передача знаний, частично делегируется, разработка образовательного контента целесообразна в работе с ИИ, как и организационная функция. Оценочная функция может быть полностью автоматизированной при поддержке ИИ. Что касается воспитательной функции, как формирование ценностей и личности, это остается задачей человека. Искусственный интеллект может эффективно выполнять рутинные задачи, но остается критически важной роль наставника, воспитателя и эмоционального лидера остаётся прерогативой человека.

В России процесс внедрения ИИ в образование находится на начальной стадии по сравнению с такими секторами, как финансы и телекоммуникации. Тем не менее, наблюдаются позитивные тенденции: Активное использование генеративных нейросетей: ChatGPT, YandexGPT, GigaChat и другие инструменты широко применяются как преподавателями, так и учащимися. Молодые преподаватели (22–30 лет) более активно используют ИИ, 34% применяют его регулярно. По оценкам руководителя Сбера Германа Грефа, в России 30% учителей и 80% школьников используют искусственный интеллект.

Для педагога важно понимание принципов работы ИИ, знать основы машинного обучения, нейронных сетей, алгоритмов. Применять навыки работы с образовательными ИИ-платформами. Иметь способности оценивать надёжность и релевантность результатов работы. Иметь представления об основных качествах алгоритмов. Педагоги с развитой AI-грамотностью демонстрируют более высокую удовлетворённость работой и готовность к инновациям. Преподаватели, успешно интегрирующие эти компоненты, создают более эффективную образовательную среду и демонстрируют лучшие результаты обучения студентов [4].

Нейросети позволяют генерировать тесты и контрольные задания разного уровня сложности, создавать интерактивные учебные материалы, такие как изображения, презентации, сторибуки. С их помощью можно адаптировать контент под индивидуальные особенности учащихся. Применение ИИ для создания персонализированных заданий повышает вовлечённость студентов и улучшает результаты обучения. Однако существуют вызовы и риски процесса интеграции ИИ в образование. Привычка полагаться на генеративные нейросети может негативно влиять на развитие критического мышления. Преподаватели должны балансировать между использованием ИИ и развитием самостоятельного мышления студентов. Исследования китайских дошкольных педагогов выявило, что стресс, неопределённость и недостаточная поддержка способствуют

избегающему поведению при принятии педагогических решений в контексте ИИ [2]. Необходима системная поддержка преподавателей через программы профессионального развития и институциональную помощь.

Можно сформулировать следующие рекомендации для преподавателей: развивать AI-грамотность через участие в курсах, вебинарах и самостоятельное экспериментирование с инструментами. Критически оценивать контент, созданный ИИ. Фокусироваться на уникальных человеческих компетенциях: эмпатии, креативности, этическом рассуждении. Экспериментировать с различными ИИ-инструментами для разных педагогических задач. Обучать студентов ответственному использованию ИИ, включая понимание его ограничений.

Для образовательных организаций: 1. Создавать институциональные рамки для использования ИИ с чёткими этическими принципами 2. Инвестировать в профессиональное развитие преподавателей в области ИИ 3. Обеспечивать техническую инфраструктуру и доступ к качественным ИИ инструментам 4. Формировать сообщества практиков для обмена опытом использования ИИ 5. Разрабатывать собственные адаптивные образовательные системы

Для системы образования будет актуальной разработка национальных стандартов Ai-грамотности для педагогов разных уровней. Создание механизмов мониторинга внедрения ИИ в образовательную практику. Обеспечение равного доступа к технологиям для всех образовательных организаций, а также поддержка исследований эффективности различных моделей интеграции искусственного интеллекта и вовлечение педагогического сообщества в разработку стандартов и программ [3].

Наиболее вероятный сценарий – это развитие гибридной модели, где ИИ выполняет роль ассистента, а преподаватель сохраняет центральную позицию в образовательном процессе. Эта модель предполагает делегирование ИИ рутинных и технических задач, фокусирование преподавателя на творческих и социально-эмоциональных аспектах обучения. Синергию человеческого опыта и вычислительных возможностей ИИ. В такой системе каждый студент получает индивидуальную траекторию обучения ИИ непрерывно анализирует прогресс и корректирует программу. Преподаватель выступает куратором и ментором.

Методика и методология исследования. В качестве методов исследования были выбраны: анализ литературы по проблеме исследования, обобщение, систематизация аспектов.

Результаты. В ходе данного исследования проведен анализ и определение роли педагога в эпоху ИИ. Также определены и рассмотрены подходы и направления, способствующие качественному развитию при внедрении ИИ.

Выводы. Искусственный интеллект не заменит преподавателя, но существенно преобразует его профессиональную роль. Из транслятора

готовых знаний педагог превращается в организатора персонализированного образовательного опыта, куратора, фасилитатора критического мышления и этического наставника. Важным и основным условием успешной адаптации к новым моделям преподавания является развитие информационной грамотности и технолого-педагогических компетенций преподавателей. Что требует системных мер на уровне образовательных организаций, программ профессиональной подготовки и государственной образовательной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чулюков В.А. Искусственный интеллект и будущее образования / В.А. Чулюков, В.М. Дубов // Современное педагогическое образование. 2020. №3.
2. AI and the Future of Teaching: Preservice Teachers' Reflections on the Use of Artificial Intelligence in Open and Distributed Learning // ResearchGate. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/383432885.
3. Mattalo M. Artificial Intelligence: The Future of Pedagogy // Journal of Legal Studies Education. 2024. Vol. 41. P. 1-27. DOI: 10.1111/jlse.12146.
4. Yim M. Teachers' perceptions, attitudes, and acceptance of artificial intelligence (AI) educational learning tools: An exploratory study on AI literacy for young students // Future in Educational Research. 2024. Vol. 2. P. 1-23. DOI: 10.1002/fer3.65.

УДК 37.091.33

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ИИ В ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

С.Л. Новоселов, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в традиционные образовательные практики. Рассматриваются основные вызовы, возникающие при внедрении инновационных технологий в учебные процессы, включая культурные, организационные и этические барьеры. Решение проблем интеграции способствует созданию современной образовательной среды, способствующей формированию компетентных специалистов, востребованных в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, образовательный процесс, интеграция.

Искусственный интеллект стремительно появляется во всех сферах человеческой деятельности, включая образование. Использование технологий машинного обучения, анализа больших данных и

автоматизированных решений открывает новые возможности для повышения качества образовательного процесса. Однако внедрение ИИ также сталкивается с рядом серьезных проблем, препятствующих полной интеграции инновационных методов в традиционную образовательную среду.

Актуальность проблемы. Современная система образования переживает кризис устаревших форматов подачи материала и несоответствия образовательных стандартов потребностям современного рынка труда. Школы и университеты сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым условиям и внедрять современные технологии, способные обеспечить учащимся наиболее эффективные условия обучения. Интеграция ИИ является одним из перспективных направлений развития образовательной системы, но этот процесс осложняется множеством факторов, среди которых выделяются культурные, организационные и этические препятствия [1,4].

Одной из ключевых трудностей является сопротивление изменениям со стороны преподавателей и учащихся. Традиционная культура учебного заведения зачастую консервативна и ориентирована на устоявшиеся методы работы. Педагоги, привыкшие к стандартизированному подходу, нередко воспринимают инновации как угрозу своему профессиональному статусу и компетенции. Ученики же испытывают стресс от изменения привычных условий учебы и недостаточной осведомленности о возможностях новых технологий [2].

Кроме того, традиционный взгляд на роль учителя в учебном процессе предполагает наличие личного контакта, эмоциональной связи и поддержки. Внедрение виртуальных ассистентов и автоматизация оценки знаний могут восприниматься как угроза индивидуальному взаимодействию преподавателя и ученика, вызывая опасения потери уникальности педагогической роли.

Организационные трудности.

Процесс внедрения искусственного интеллекта требует значительных ресурсов и усилий со стороны руководства учебных заведений. Это включает закупку оборудования, обучение персонала, разработку новых методик преподавания и адаптацию существующих курсов. Отсутствие четких инструкций и рекомендаций со стороны государственных органов также затрудняет принятие решения о переходе на использование ИИ-технологий.

Организация образовательного процесса должна учитывать специфику работы искусственного интеллекта, который нуждается в постоянном обновлении баз данных и регулярной настройке алгоритмов. Обеспечение технической инфраструктуры и поддержание высокого уровня информационной безопасности требуют значительного финансирования и квалифицированных кадров, что создает дополнительные расходы для учреждений [1-3].

Этические вопросы.

Использование искусственного интеллекта вызывает ряд этических вопросов, связанных с защитой персональных данных учеников и педагогов. Автоматический сбор и обработка информации о поведении пользователей сети Интернет, их предпочтениях и интересах может привести к нарушениям конфиденциальности и злоупотреблениям информацией. Особенно остро стоит вопрос защиты детей и подростков, чьи данные подвергаются наибольшему риску утечки и несанкционированного использования.

Еще одной проблемой являются возможные искажения результатов оценки знаний, вызванные предвзятостью алгоритмов. Например, компьютерные программы могут неверно оценивать творческие способности студентов или недооценивать нестандартные подходы к решению задач. Это ставит под сомнение объективность оценивания и снижает доверие к результатам тестирования [4; 6; 7].

Возможные пути преодоления препятствий.

Для успешного внедрения искусственного интеллекта в систему образования необходимы комплексные меры, направленные на устранение культурных, организационных и этических барьеров. Среди возможных решений выделяют следующие направления:

1. Повышение квалификации педагогических работников. Регулярные тренинги и курсы помогут учителям освоить новые методики преподавания и эффективно использовать инструменты искусственного интеллекта.
2. Создание специальных программ подготовки учителей для работы с технологиями ИИ. Эти программы должны включать изучение основ программирования, обработки данных и принципов работы интеллектуальных систем.
3. Развитие цифровых платформ, обеспечивающих доступ к открытым данным и методическим материалам. Такие платформы позволят школам обмениваться опытом и ресурсами, ускоряя интеграцию инновационных подходов.
4. Обучение родителей основам взаимодействия с искусственным интеллектом поможет снизить уровень тревоги и повысить информированность семей относительно возможностей современных технологий.
5. Разработка нормативных актов, регулирующих использование данных и защиту личной информации учащихся. Важно создать механизмы контроля над обработкой данных и предусмотреть ответственность за нарушение прав субъектов данных.
6. Формирование общественного мнения через пропаганду преимуществ использования ИИ в образовании. Массовая коммуникация позволит сформировать позитивное отношение к нововведениям и привлечь внимание общественности к вопросам модернизации школы [5].

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в традиционные образовательные практики представляет собой сложный многоуровневый процесс, успешность которого зависит от множества факторов. Для достижения положительных результатов необходимо преодолеть культурные стереотипы, решить организационные проблемы и разработать адекватные этические нормы.

Интеллектуальные системы уже доказали свою эффективность в ряде сфер деятельности человека, и применение их потенциала в сфере образования способно существенно улучшить качество и доступность знаний. Решение обозначенных проблем обеспечит создание эффективной среды для формирования нового поколения образованных профессионалов, готовых к работе в условиях цифровой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакеев, А.Н. Технологии искусственного интеллекта в образовании: современные тренды / А.Н. Бакеев // Журнал информатики и программирования. – 2019. – №12(2). – С. 65–70.
2. Громова, Е.В. Разработка интеллектуальной обучающей системы: опыт и перспективы / Е.В. Громова // Современные проблемы науки и образования. – 2021). – №1(3). – С. 112–115.
3. Искусственный интеллект и общественное развитие: новые возможности и преграды: XVI Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2022»; 21 февраля 2022 г.: Сборник материалов. – Москва: МАКС Пресс. – 2022. – 610 с.
4. Коровникова, Н.А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы / Н.А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН. – 2021. – № 2. – С. 98–113.
5. Лысенкова, Н.С. Искусственный интеллект как инструмент индивидуализации образовательного процесса / Н.С. Лысенкова // Вестник образовательных технологий. – 2021. – №2(1). – С. 73–78.
6. Макк А.А. Способен ли искусственный интеллект превзойти интеллект человека? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=29167840.
7. Новикова, А.С. Перспективы использования искусственного интеллекта в образовательной среде / А.С. Новикова // Инновационные технологии в образовании. – 2018. – С. 47–53.

УДК 37.02

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ АКТИВНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В.М. Норкина, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается одна из ключевых проблем современной педагогики – влияние активного использования генеративных моделей искусственного интеллекта (ИИ) на развитие критического мышления обучающихся. Рассматриваются подходы, включающие формирование ИИ-грамотности, развитие метакогнитивной осознанности, смещение акцента с поиска готовых ответов на постановку проблемных вопросов и использование ИИ в качестве «интеллектуального спарринг-партнера» в рамках проблемно-ориентированного и геймифицированного обучения.

Ключевые слова*:* критическое мышление, искусственный интеллект, педагогика, образование, когнитивная разгрузка, ИИ-грамотность, цифровая дидактика, ChatGPT.

Введение. Активная интеграция искусственного интеллекта в образование стала одним из определяющих трендов последнего десятилетия. Генеративные модели, способные анализировать и создавать тексты, решать задачи и формировать аналитические отчёты, трансформируют привычные подходы к обучению и оценке знаний. Технологии демонстрируют способность управлять задачами высокой сложности, что ставит под вопрос традиционные методы обучения и акцентирует внимание на развитии человеческого интеллект, и в частности, критического мышления как одной из ключевых компетенций XXI века [1].

Актуальность исследования определяется двойственной природой влияния ИИ. С одной стороны, существует обоснованный риск, что чрезмерная зависимость от ИИ может ослабить способность студентов мыслить самостоятельно, что подтверждается результатами опросов, где 83% студентов выражают опасение негативного влияния ИИ на их независимое мышление [2]. С другой стороны, ИИ предоставляет инструменты для персонализации обучения и стимулирования познавательной активности, что подтверждается исследованиями, демонстрирующими сильную положительную связь между использованием инструментов ИИ и мыслительными навыками [3].

Современные исследования свидетельствуют о неоднозначном характере влияния ИИ: для студентов, уже обладающих развитыми навыками

критического анализа, ИИ становится инструментом для их углубления; для тех же, кто такими навыками не обладает, он рискует стать «костылем», усугубляющим зависимость и интеллектуальную пассивность [4; 5]. Этот парадокс формирует центральную проблему современной педагогики: как интегрировать ИИ в образовательный процесс таким образом, чтобы он способствовал когнитивному развитию, а не его деградации.

Постановка задачи. Целью настоящей статьи является разработка и теоретическое обоснование педагогических стратегий, минимизирующих риски и реализующие потенциал ИИ для формирования критического мышления студентов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать на основе современных научных публикаций ключевые риски, которые несет неконтролируемое использование ИИ для развития критического мышления.
2. Систематизировать и обобщить результаты эмпирических исследований, демонстрирующих положительное влияние целенаправленной введения ИИ в учебный процесс.
3. Сформулировать и обосновать конкретные стратегии и методические приемы, позволяющие использовать ИИ в качестве инструмента для развития критического мышления.

Методика и методология исследования. Работа опирается на методы теоретического анализа, синтеза и моделирования, а также сравнительный анализ зарубежных и отечественных источников. Исследуемые публикации (2019–2025 гг.) включают эмпирические данные об использовании ИИ в образовании и его влиянии на когнитивное развитие студентов.

Ключевыми методологическими ориентирами стали концепции цифровой дидактики, метакогнитивного обучения и ИИ-грамотности. Под последней понимается способность осознанно взаимодействовать с алгоритмами, оценивать их ограничения и использовать их результаты критически.

Результаты. Анализ современной научной литературы выявил сложный и двойственный характер влияния генеративного ИИ на развитие критического мышления.

С одной стороны, данные подтверждают наличие серьезных рисков при неконтролируемом использовании ИИ. Во-первых, это эффект когнитивной пассивности и интеллектуальной лени. Студенты, опрошенные в рамках исследования К. Шмид и Е. Митеры (2024), прямо указывают, что «ИИ не столько влияет на способность критически мыслить, сколько ведет к умственной лени и выбору пути наименьшего сопротивления» [2].

Студенты в исследовании А. Дифа и З. Бусиуда (2024) подтверждают это опасение, отмечая: «Он (ИИ) ограничивает мышление, по сути, всю работу делает ИИ» и «Мы начинаем полностью на него полагаться и ограничиваем свою креативность» [3]. Это явление, известное как

когнитивная разгрузка, приводит к тому, что обучающиеся делегируют ИИ сложные мыслительные задачи, такие как анализ, обобщение и структурирование, что объективно ведет к ослаблению соответствующих нейронных связей у человека.

Во-вторых, наблюдается ухудшение навыков верификации информации и оценки источников. Исследование К. Шмид и Е. Митеры (2024) показало, что, хотя более половины (52,6%) опрошенных студентов утверждают, что способны оценивать достоверность источников, значительная доля (40%) признает необходимость совершенствования этого навыка, а 7,4% прямо указывают, что не уверены, как это делать, и поэтому полагаются на ИИ [2].

Это создает порочный круг: неуверенность в собственных силах заставляет полагаться на инструмент, который сам по себе требует внешней проверки, что еще больше подрывает самостоятельность. Данная проблема актуализируется в различных предметных областях, где работа с информацией является ключевой. Кроме того, широкое использование ИИ-инструментов для проверки плагиата порождает новую проблему «ложных срабатываний», когда оригинальная работа студента ошибочно помечается как сгенерированная ИИ, что может иметь разрушительные последствия для академической успеваемости студентов [6].

В-третьих, наиболее значимый вывод, подтвержденный несколькими источниками, – это двойственный характер влияния ИИ, который напрямую зависит от исходного уровня критического мышления студента. Исследование четко показывает, что для студентов с уже развитыми навыками когнитивного мышления знакомство с ИИ становится положительным опытом, так как ставит их перед новыми ситуациями, позволяя расширить перспективы и практиковать аналитические умения. Однако для студентов, не обладающих такими навыками, «воздействие с ИИ сделает их только более зависимыми и менее критически мыслящими, поскольку это сильно вредит их способности оценивать и анализировать представленную информацию». Один из опрошенных в рамках этого исследования преподавателей приводит яркую аналогию: «Это как ходить со сломанной ногой. Это только усугубит травму» [4]. Иными словами, ИИ усиливает как сильных, так и слабых: сильных делает еще сильнее, а слабых – еще более зависимыми.

Это означает, что педагогическая стратегия не может сводиться к простому запрету или, наоборот, неограниченному разрешению. Ключевым фактором становится целенаправленная организация учебного процесса, в котором ИИ из ответа превращается в вопрос. Эффективность такого подхода подтверждается исследованиями, доказывающими, что применение активных, ориентированных на участие студентов методов обучения (семинары, практические визиты, воркшопы) приводит к статистически значимому росту уровня критического мышления. В экспериментах доля ответов студентов, демонстрирующих высокий или очень высокий уровень

когнитивного мышления, выросла с 68,9% до 92,5% после участия в таких активностях [7]. Это доказывает, что проблема заключается не в самой технологии, а в пассивных методах ее использования.

Более того, при правильной организации учебного процесса ИИ сам может стать инструментом активного обучения. Исследования показали, что использование ИИ в формате «игры» и диалога оказывает положительное влияние на развитие когнитивного мышления у студентов, изучающих иностранный язык [8; 9].

Геймификация, объединенная с ИИ, создает динамичную и ориентированную на студента образовательную среду, способствуя развитию аналитического мышления через решение проблем и адаптивные игровые сценарии [10]. Такой подход способствует росту «доверия, уверенности в себе, открытости мышления и зрелости» у обучающихся [8]. Аналогично, работа К.А. Конькова (2024) демонстрирует, как использование ChatGPT для решения этических дилемм превращает ИИ в «интеллектуального спарринг-партнера», который не дает ответ, а стимулирует мыслительный процесс [11].

Таким образом, результаты современных исследований в совокупности указывают на то, что педагогическая стратегия является определяющим фактором. Искусственный интеллект становится либо «костылем», либо «тренажером» в зависимости от того, как выстроен процесс взаимодействия с ним.

В этом контексте нами были разработаны следующие педагогические стратегии.

1. Первая стратегия – использование ИИ для стимулирования исследования. Вместо того чтобы просить ИИ дать готовый ответ, задания должны быть сформулированы так, чтобы заставить студентов задавать ИИ правильные вопросы, сопоставлять его ответы и углубляться в тему. Например, использование диалоговых чат-ботов для исследования какой-либо проблемы с использованием многоуровневых систем постановки вопросов (общих, конкретизирующих, прикладных, интегративных и критических) доказуемо повышает аналитические навыки и уверенность студентов [12; 13]. Такой подход превращает ИИ-чат-бота из «машины для написания рефератов» в «интеллектуального спарринг-партнера», заставляя студента пройти все стадии настоящего исследования.

2. Вторая стратегия – применение ИИ для целенаправленного обучения навыкам анализа и оценки информации. Задания могут включать верификацию фактов, представленных в ответе ИИ, с помощью внешних академических источников; анализ предвзятости, когда студентам предлагается запросить у ИИ описание одного и того же события с противоположных точек зрения и проанализировать различия; оценку внутренней логики и аргументации самого сгенерированного текста с целью найти слабые места и предложить контраргументы. Этот подход соответствует современным моделям ИИ-грамотности, которые

подчеркивают важность технологических, научных и социально-этических знаний об ИИ [14].

3. Суть третьей стратегии – научить студентов задавать правильные вопросы и анализировать собственный ход мыслей. При таком подходе преподаватель перестает быть лектором и становится модератором. Его задача — задавать наводящие вопросы, которые заставляют студентов задуматься о своем взаимодействии с ИИ. Например: «Почему этот ответ кажется убедительным?», «Какие допущения делает модель?», «Как улучшить мой запрос (промпт) для более точного ответа?». Исследования подтверждают, что метакогнитивная осведомленность значительно усиливает пользу от применения инструментов ИИ для развития критического мышления [3]. Это учит студентов «думать о собственном мышлении» — ключевому навыку критического подхода.

Выводы. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе обобщения современных исследований была предложена и теоретически обоснована педагогическая концепция использования ИИ не как вспомогательной технологии, а как центрального инструмента для развития критического мышления.

В теоретическом плане работа уточняет роль ИИ в современном образовании. Мы показали, что педагогический эффект зависит не от самой технологии, а от методики ее использования. Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что предложенные стратегии могут быть непосредственно использованы преподавателями высших учебных заведений для улучшения учебных программ и разработки конкретных заданий, направленных на развитие критического мышления в цифровой среде, что соответствует необходимости разработки комплексных образовательных политик в области ИИ на уровне университетов [7].

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что предложенные стратегии могут быть непосредственно использованы преподавателями высших учебных заведений для улучшения учебных программ и разработки конкретных заданий, направленных на развитие критического мышления в цифровой среде.

Перспективы дальнейших научных разработок видятся в двух направлениях. Во-первых, необходимо проведение долгосрочных исследований для количественной оценки влияния предложенных стратегий на уровень критического мышления студентов. Во-вторых, актуальной задачей является разработка и валидация новых инструментов оценок, которые позволили бы надежно измерять уровень развития критического мышления в условиях, когда студенты легально и продуктивно используют ИИ при выполнении учебных заданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chan, C. Ka. Yu. A comprehensive AI policy education framework for university teaching and learning / C. Ka. Yu. Chan // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2023. – Vol. 20, No. 1. – P. 38.
2. Spector, J. M. Inquiry and critical thinking skills for the next generation: from artificial intelligence back to human intelligence / J. M. Spector, Sh. Ma // Smart Learning Environments. – 2019. – Vol. 6, No. 1. – P. 1-11.
3. Szmyd, K. The Impact of Artificial Intelligence on the Development of Critical Thinking Skills in Students / K. Szmyd, E. Mitera // European Research Studies Journal. – 2024. – Vol. XXVII, No. Issue 2. – P. 1022–1039.
4. Aymen, D.I.F. The Influence of Artificial Intelligence on Students' Critical Thinking. / Aymen, D.I.F., and B.O.U.S.I.O.U.D. Zakarya. – Mila: Abdelhafid Boussouf University, 2024. – 83 p.
5. Хайнс, Э. Как подготовиться к «безработному» будущему / Э. Хайнс // Форсайт. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 19–30.
6. Коньков, К. А. Использование ChatGPT в развитии критического мышления / К. А. Коньков // Психолог. – 2025. – № 2. – С. 111–119.
7. Fasahat, M., Bandeali, M. M., Sultan, Y., & Rehan, M. (2025). The Role of Artificial Intelligence in Fostering Critical Thinking among University Students. / M. Fasahat, M. M. Bandeali, Y. Sultan, M.Rehan // The Critical Review of Social Sciences Studies. – 2025. – №3(2) – P.1812–1827.
8. Eslit, E. R. AI-Generated Text and Plagiarism Detection: Pandora's Tech-Box Unmasked // Preprints.org. – 2025. – P. 2025010060.
9. Artificial Intelligence in Education / A. I. Cristea, E. Walker, Y. Lu, O. C. Santos, S. Isotani (Eds.) // 26th International Conference, AIED 2025, Palermo, Italy, July 22–26, 2025, Proceedings, Part III. – Springer, 2025. – 495 p.
10. Brazão, P., Tinoca, L. Artificial intelligence and critical thinking: a case study with educational chatbots / P. Brazão, L.Tinoca // Frontiers in Education. – 2025. – Vol. 10. – P. 1630493.
11. Jasmadi, Ja. Critical thinking: An analytical study on the impact of Artificial Intelligence (AI) usage on students at Al Washliyah Darussalam University, Banda Aceh / Ja. Jasmadi, S. Saddam, L. Lasri // Sekumpul: Journal of Multidisciplinary Education Sciences. – 2024. – Vol. 2, No. 1. – P. 25–32.
12. Stolpe, K. Artificial intelligence literacy for technology education / K. Stolpe, J. Hallström // Computers and Education Open. – 2024. – Vol. 6. – P. 100159.
13. Kassenkhan, A. M.Gamification and Artificial Intelligence in Education: A Review of Innovative Approaches to Fostering Critical Thinking/ A.M. Kassenkhan, A. N. Moldagulova, V. V. Serbin // IEEE Access. – 2025. – Vol. 13.
14. Zulkifli, Z. Enhancing Critical Thinking through AI and Simulation / Z. Zulkifli, A. In'am, D. W. Ekowati // Jurnal Pemberdayaan Masyarakat. – 2025. – Vol. 4, No. 3. – P. 592–605.

УДК 16.453:378.41:001.3

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ИНЖЕНЕРОВ: СОЮЗ НАУКИ И ГУМАНИЗМА КАК КЛЮЧ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Г.А. Ораев, старшей преподаватель кафедры прикладной механики, заместитель декана по учебной работе
Д.Ш. Шохрадова, студент (направление подготовки: Гидротехнический сооружение)
Туркменский сельскохозяйственный институт
г. Ашхабад, Туркменистан

Аннотация. Статья посвящена критической важности интеграции философского мышления в образовательные программы для инженеров. В условиях быстрого технологического развития подчеркивается, что современные инженеры должны обладать не только техническими знаниями, но и глубокими аналитическими и этическими навыками. Философское мышление способствует развитию системного анализа, критической оценки, этической ответственности (включая вопросы безопасности, справедливости и неприкосновенности частной жизни) и креативности. В статье обсуждаются методы включения философии в учебный процесс, такие как курсы по инженерной этике, мультидисциплинарные проекты и сократические дискуссии, что необходимо для формирования ответственных специалистов, способных к созданию устойчивых и гуманистически ориентированных решений.

Ключевые слова: философское мышление, инженерное образование, инженерная этика, устойчивое развитие, критическое мышление, философия инженерии, социальная ответственность.

В современном мире, где технологический прогресс набирает беспрецедентные темпы, инженеры должны обладать не только глубокими техническими знаниями, но и развитыми аналитическими, а также креативными способностями. Философское мышление является стержнем этих способностей, позволяя инженерам осмысливать не только технические аспекты своей работы, но и ее социальные, этические и экологические последствия. Интеграция философии в программы подготовки инженеров имеет ключевое значение для формирования специалистов, способных создавать более устойчивые, ответственные и дальновидные решения.

Значимость философского мышления для инженерной деятельности
Философское мышление обогащает работу инженеров по нескольким направлениям:

1. Решение комплексных задач и абстрактное мышление

- Анализ и синтез: философия помогает инженерам анализировать большие объемы информации, выделять основополагающие принципы и

объединять разрозненные элементы в целостные системы. Системное мышление, критически важное при проектировании сложных систем, основывается на философских концепциях.

- Критическая оценка: инженеры постоянно сталкиваются с необходимостью оценки новых технологий, теорий и решений. Критическое философское мышление позволяет им делать обоснованные выводы и преодолевать предвзятость.

2. Этика и социальная ответственность

- Моральные решения: современные инженерные проекты (например, искусственный интеллект, генная инженерия) сопряжены с комплексными этическими вопросами. Философия предоставляет этическую основу для работы с такими концепциями, как ответственность, безопасность, неприкосновенность частной жизни и справедливость.
- Долгосрочные последствия: философия поощряет инженеров учитывать долгосрочное влияние своих творений на общество и окружающую среду, способствуя принципам устойчивого развития.

3. Креативность и инновации

- Новые перспективы: философия стимулирует выход за рамки существующих научных и технических знаний. Это открывает путь к поиску нетрадиционных, инновационных решений и созданию проектов, формирующих будущее.
- Постановка вопросов: фундаментальное философское качество – умение задавать вопрос “Почему?”. Это побуждает инженеров к глубокому исследованию и переосмыслению существующих процессов и решений, что необходимо для их совершенствования.

Методы развития философского мышления. Для интеграции философии в инженерное образование могут быть использованы следующие подходы:

- Курсы по инженерной этике: специализированные дисциплины по этике и социальной ответственности, основанные на реальных инженерных примерах и кейсах.
- Мультидисциплинарные проекты: реализация проектов с этическими и социальными последствиями, объединяющих специалистов в области инженерии, философии и социологии.
- Сократические дискуссии: организация регулярных обсуждений и дебатов среди студентов по сложным этическим дилеммам или философским основам науки.
- Философия науки: преподавание методологии науки, природы знания и основ реальности (эпистемологии и онтологии) в контексте инженерной деятельности.

Развитие философского мышления в подготовке инженеров означает подготовку не просто хороших специалистов, а истинных глобальных граждан и лидеров, осознающих значение своей работы для мира и будущего

человечества. Философия выводит инженерию за рамки чистой технологии, превращая ее в гуманистическое, устойчивое и ответственное искусство созидания.

Будущие инженеры, сочетающие техническую компетентность с философской глубиной, будут в полной мере готовы к решению самых сложных проблем нашего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев, С.И., & Моисеев, В.В. (2018). Философия инженерии: учебное пособие. М.: ИНФРА-М.
2. Микешина, Л.А. (2010). Философия науки. Современная эпистемология. М.: Прогресс-Традиция.
3. Дессауэр, Ф. (2001). Спор о технике (пер. С нем.). В: Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс.
4. Mitcham, C. (1994). Thinking Through Technology: The Path between Engineering and Philosophy. Chicago: University of Chicago Press.
5. Bucciarelli, L.L. (1994). Designing Engineers. Cambridge, MA: The MIT Press.
6. Kazakova, A.A. (2022). Institutionalization of Philosophy of Engineering: Research Community in the Making. Naukovedcheskie Issledovaniya, 1(1), 183–197. (Использовано для подбора УДК)

УДК 101:361.5(470)

«ФИЛОСОФИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ», ОСНОВОПОЛОЖНИКИ РОССИЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

А.В. Пастухова, старший преподаватель кафедры истории и философии
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

> Если мы будем себя вести как следует,
> то мы, растения и животные, будем
> существовать в течение миллиардов лет,
> потому что на солнце есть большие запасы
> топлива и его расход прекрасно
> регулируется.
>
> Халдор Шелли

Аннотация. В работе рассматривается перечень основных тезисов философии земледелия, этических принципов взаимодействия «Человек–Земля», мировоззренческие установки основных школ, современные идеологические течения по «Новой аграрности», существующие положительные результаты и перспективные идеи взаимодействия.

Ключевые слова: философия земледелия, «Новая аграрность», искусственный интеллект.

На протяжении многих веков человек взаимодействует с почвой. Если первые шаги были безобидны и сводились к собирательству, то с увеличением числа людей требовалось всё большее количество используемых территорий для заготовки продукции растениеводства. Конечно, в связи с ограниченностью знаний, все действия сводились к технической эксплуатации почвы до того момента как показатели урожайности критически падали и требовалось освоение всё новых территорий (переложное земледелие), а прежний участок просто оставляли. С переходом на новую ступень развития после свершения «аграрной революции», приходит и понимание о рациональном, хоть пока и в ограниченном варианте, использовании почвы. Конечно, анализирую становление ряда агрономических наук современности сложно даже представить тот путь, который прошли все предыдущие поколения. Но даже имея тот базис, данный нам в наследство, люди не всегда способны просчитать все риски по нанесению вреда почве и экосистеме при возделывании ряда сельскохозяйственных культур.

В России впервые мысли о сохранении или даже о симбиотичном взаимодействии человека с «землёй» встречаются в работе Н.Ф. Фёдорова «Философии общего дела», где земледелие – это центральный, нравственный долг человека перед природой и предками. Эти идеи в дальнейшем будут развиты его учеником Л.Н. Толстым [1]. В работе «Трудолюбие и тунеядство или торжество земледельца» (автор – крестьянин Т. Бондарев), где отмечается, что «труд земледельца – не просто способ прокормиться. Это естественный, данный человеку от Бога долг». «Земля – Божья» и не может быть чье-то собственностью, владея ею как вещью. Человек может пользоваться её плодами, только если добросовестно трудится. Позднее он и сам занимался трудом на земле – косил сено, пахал и сеял, считая, что таким образом возможно постичь истину жизни [2]. Подобные действия учат человека смирению, учитывая законы природы (мороз, дождь, засуха и пр.), таким образом не пытаясь подчинить её своим интересам, а сотрудничая. Позднее эти мысли лягут в основы этики земледелия.

В дальнейшем в основу философии земледелия лягут работы Василия Васильевича Докучаева:

- «Русский чернозём» (1883). В этой работе автор отмечает, что что чернозём (и любая почва) – не геологическая порода и не «инертная грязь», а самостоятельное, уникальное «естественно-историческое тело». Были описаны закономерности образования почвенного слоя, где почва – это результат климата, материнской породы, рельефа, живых организмов и времени [3].

- «Наши степи прежде и теперь» (1892). Это работа о глубокой ответственности человека за разумное регулирование и восстановление

почвенного плодородия, где так же доказано, что «экологическая катастрофа (исчезновение воды, эрозия) – это следствие бездумной, хищнической деятельности человека, нарушившего природные связи». Василий Васильевич предложил ряд мероприятий, для избежания подобных ситуаций путём высадки защитных лесополос, создания искусственных прудов, соблюдение севооборотов, а также защита естественных водоёмов [4].

-Многие труды В.В. Докучаева объединены в 2017 году в коллективной монографии «История наук о Земле», в которых доказывается необходмость созидательного отношения человека и природы, а также, что «Земля» – это живой организм и человек несёт ответственность за её будущее [5].

Работы В.В. Докучаева являются фундаментом будущих сельскохозяйственных наук, связующем все естественные и гуманитарные дисциплины.

Не менее важными были идеи К.А. Тимирязева. Его работа, опубликованная в 1936 году под названием «Жизнь растения». Его исследования, по физиологическим основам растения, описывая процесс фотосинтеза, где само растение выступает «посредником между небом и землей», преобразуя космический солнечный свет в жизнь, а способы земледелия, как способы управления этими космическими силами [6].

Советский период отмечается не как развитие классической русской «философии земли» (метафизической и этической), а попытки радикального переформатирования основ земледелия в государственно-идеологическое направление деятельности учёных, исследователей и аграриев и типовые задачи индустриализации. Все эти действия сопровождались репрессиями против учёных-аграриев. Так, А.В. Чаянов, отмечал жизнеспособность семейно-трудового крестьянского хозяйства, в виде формации деревни, эти взгляды кардинально противоречили общей политики того времени, в связи с чем был осуждён и расстрелян. Его школа «Организационно-производственная школа» была разгромлена.

Не завидная участь ждала Н.И. Вавилова (ученик и продолжатель идей Тимирязева) с его глобальным, космополитическим подходом к генетическим ресурсам и идеей «накормить человечество» вступил в конфликт с лысенковщиной, отрицающей генетику, как науку и использование природы в решении только политических задач. Погиб в тюрьме в 1943 году. Его накопленный опыт, начиная от «центров происхождения», «гомологических рядов», подбора пар для скрещивания и многого другого носят основополагающий характер для научных исследований агрономов, генетиков и селекционеров современности.

Конечно, они оба были реабилитированы, но эти учёные были лишены не только жизни, но и возможности оставить будущим поколениям ещё многие и многие идеи и исследования.

Развитие технологий сталинского времени под общей идеей «индустриального производства», усугубило варварское отношение к почве.

В обществе сложилась идея возможности подчинения «природы» воле человека.

Философия земледелия постепенно свелась к технократизму (применение техники, средств химизации, мелиорация, внесение удобрений и пр.). Лозунг Хрущёва – «Догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока», а также брежневская программа «Интенсификация-90» [7], усугубили ситуацию, где деревня – лишь «цех» по производству сырья, а крестьянин – «работник агропромышленного комплекса». Все эти действия привели к исчезновению личной, экзистенциальной связи с землёй как ценности.

Исторические последствия были печальны:

- экоцид [8] (гибель Арала, химическое загрязнение почв, засоление от неправильной мелиорации, эрозия почв);

- социоцид (гибель русской деревни, потеря культурного кода), в дальнейшем будет подробно рассмотрен в работах А.С. Панарина.

С 1950-х годов происходит возрождение ценностей, возвращение к основам бытия. Таким образом к 1970 годам уже появляются имена, которые несут искры-идей «нового понимания философии земледелия или философии Земли»:

- Валентин Распутин. «Прощание с Матёрой» – при постройке ГЭС на Ангаре должна была быть затоплена островная деревня Матёра, и сложившееся в округе экосистема. В произведении рассмотрены последние месяцы жизни деревни, леса, животных и т.п., как «необходимого» для прогресса [9].

- Василий Белов. «Привычное дело», сложное произведение о нескольких годах из жизни крестьянской семьи Ивана Африкановича Дрынова и его жены Катерины в вологодской деревне. Это череда обыденных событий: тяжелая работа в умирающем колхозе, рождение детей, похороны свекрови, поездка Ивана Африкановича на заработки в город, его возвращение, нелепая гибель Катерины от болезни и непосильного труда, отчаяние вдовца и его медленное, мучительное возвращение к жизни ради детей. Это повесть о крестьянской стойкости перед лицом идеологического абсурда. Она не про гибель мира (как у Распутина), а про его мучительное, измождённое, но всё-таки – выживание. Именно поэтому она стала одним из краеугольных камней «деревенской прозы» и ключевым текстом для понимания, как философия земли пережила советский период – не в теории, а в живой, страдающей человеческой плоти [10].

- Виктор Астафьев. «Царь-рыба» – сборник философских новелл, где действующий персонаж сама «Природа» – кормилица, храм, судья и палач. Книга Астафьева – это жестокий, но необходимый эко-этический манифест. Он утверждает, что «Природа» – живое, одушевлённое существо, с которым возможны отношения вины и расплаты. Хищническое отношение к природе – это форма самоубийства. Уничтожая её, человек уничтожает часть своей

души и обрекает себя на духовную, а часто и физическую гибель. Спасение – в восстановлении благоговейного, почти религиозного трепета перед жизнью. В признании, что мы – не цари, а часть великого и строгого целого, у которого есть свои законы, страшнее уголовных [11].

Так, «философия земледелия» в России, пережила в своём становлении достаточно сложный путь. Только с 1970 года зарождается научно-практический уровень, где уже происходит отраслевое распределение научных мыслей о взаимодействии в «Землёй». Появляется тематический дискурс, носящий основу не тотального потребительского отношения, а как «человека-созидателя», как «человека-исследователя», что позволяет нашим современникам учесть предыдущий опыт и перейти на значительно новый, хотя и имеющий пока большое количество вопросов уровень, где уже происходит тесное взаимодействие не только человека с природой, но и с применение возможностей искусственного интеллекта (технооптимизм и техноскептицизм).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов В.В. Философия с иллюстрациями: учебник. – Москва: РГ-Пресс, 2026. – 432 с.
2. Трудолюбие, или торжество земледельца. Л.Н. Толстой. Текст электронный: https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/trudolyubie-ili-torzhestvo-zemledelca.htm?ysclid=mj5thvs1x3833302708.
3. Докучаев, Василий Васильевич (1846–1903). Избранные сочинения в трех томах [Текст] / В.В. Докучаев. – Москва: Сельхозгиз, 1948–1949. –Т. 1: Русский чернозём / [отв. ред. Т.А. Коваль. В томе также: В.Р. Вильямс "Значение трудов В.В. Докучаева в развитии почвоведения", с.12–20]. – 1948. – 480 с., 3 л.ил., вкл. карта: ил. Текст непосредственный: https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/227876/1/NTY0NF9Eb2t1Y2hhZXYsIFZhc2lsaWkgVmFzaWwnZXZpY2ggKDE4NDYtMTkwMykuIEl6YnJhbi5wZGY=.
4. Докучаев, Василий Васильевич. Наши степи прежде и теперь [Электронный ресурс]: изд. в пользу пострадавших от неурожая / проф. В.В. Докучаев. – СПб., 1892 (2016). – IV, 128 с. Текст непосредственный: https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/218663/1/MTAwMDA3ODVfRG9rdWNoYWV2LCBWYXNpbGl5IFZhc2lsYGV2aWNoICgxODQ2LTE5MDMpLiBOYXNoaSAucGRm.
5. История наук о Земле. Коллективная монография. Вып. 6 / Под ред. В.А. Снытко, В.А. Широковой, ред-сост. В.М. Савенкова, Н.А. Озерова. М.: ООО «Акколитъ», 2017–348 с.
6. Тимирязева К.А. Жизнь растения. Государственное издательство колхозной и совхозной литературы «Сельхозгиз». – Москва – Ленинград. – 1936. – 345 с. Текст непосредственный: https://djvu.online/file/pX4BB0ALhBIDo?ysclid=mjfj83drrb288007169.
7. Спицын Е.Ю. Россия – Советский Союз. 1946–1991 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга IV / Е.Ю. Спицын. – М.: Концептуал, 2024. – 512 с.

8. История. Экоцид. Arthur Galston (Conference on War and National Responsibility) в Вашингтон. 1970. Текст электронный: https://ecocidelaw.com/history/.
9. Валентин Распутин. Прощание с Матерой. Текст электронный: https://rus-center.lgaki.info/wp-content/uploads/2022/04 /rasputin_ proshhanie.pdf.
10. Василий Белов. Привычное дело. Текст электронный: https://nukadeti.ru/rasskazy/privychnoe-delo?ysclid=mjfq0qzs41379952409.
11. Виктор Петрович Астафьев. Царь-рыба. Текст электронный: https://chitaj.ucoz.net/_ld/0/52_lkx.pdf.

ДК 004.853

ПРОБЛЕМА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ УЧЕБНЫХ ЗАДАНИЙ С ПОМОЩЬЮ ИИ

Ю.В. Перепечаенко, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу снижения самостоятельности учащихся при использовании инструментов ИИ для решения учебных задач. Представлены причины возникновения этих трудностей, их последствия, а также возможные пути решения.

Ключевые слова: самостоятельность, критическое мышление, образовательный процесс, учащиеся.

Введение. Современный мир стремительно меняется, образование не остается в стороне. На сегодняшний день происходит настоящая революция, движимая мощью ИИ. Существует множество программ и платформ, использующих ИИ, которые приносят неоценимую пользу учащимся и преподавателям, открывая новые горизонты в процессе обучения и преподавания. С помощью различных технологий, таких как чат-боты, системы автоматизированного обучения и интеллектуальные помощники, учащиеся могут получать помощь в выполнении заданий. [1] Однако, использование ИИ в образовании вызывает ряд вопросов, связанных с проблемой самостоятельности учащихся. Проблема самостоятельности при выполнении учебных заданий с помощью ИИ заключается в том, что учащиеся, имея доступ к инструментам, могут начать чрезмерно полагаться на них, минуя этапы самостоятельного поиска информации.

Постановка задачи. Основная задача, которую необходимо решить в контексте проблемы самостоятельности при выполнении учебных заданий с помощью ИИ, заключается в разработке стратегий, которые позволят

использовать потенциал ИИ для развития, а не для подавления самостоятельности учащихся.

Самостоятельность в обучении – это способность учащихся самостоятельно осваивать материал, решать задачи и принимать решения. Когда учащиеся полагаются на ИИ для выполнения своих заданий, это может привести к снижению уровня их самостоятельности. В результате учащиеся могут не развивать критическое мышление, навыки анализа и способности к решению проблем, что в долгосрочной перспективе негативно сказывается на их образовательных результатах.

Причины возникновения проблемы:

1. Легкость доступа и скорость получения результата. Современные ИИ – инструменты, такие как генеративные модели текса, способны быстро и качественно выполнять сложные задачи: писать эссе, решать задачи, переводить тексты и т.д. Это увлекает учащихся, которые стремятся к быстрому получению хорошей оценки, не прилагая значительных усилий.

2. Недостаточное понимание роли ИИ в обучении. Многие учащиеся воспринимают ИИ как инструмент, который просто выдает готовый ответ, не осознавая, что его истинная ценность заключается в помощи в процессе обучения, а не в замене самого обучения.

3. Отсутствие чутких правил и этических норм. В образовательных учреждениях не в полной мере сформированы единые подходы к использованию ИИ. Отсутствие конкретных инструкций и последствий за недобросовестное использование может способствовать злоупотреблениям.

4. Страх перед неудачей и низкая самооценка. Учащиеся, испытывающие трудности с предметом или боящиеся получить низкую оценку, могут прибегать к помощи ИИ как к способу избежать разочарования и сохранить уверенность себе [2].

Последствия проблемы:

1. Снижение уровня критического мышления и аналитических навыков. Учащиеся перестают самостоятельно анализировать информацию, сравнивать источники, выявлять противоречия и формировать собственное мнение.

2. Утрата навыков самостоятельного поиска и обработки информации. Учащиеся получают готовый продукт от ИИ вместо того, чтобы учиться искать, фильтровать и синтезировать информацию.

3. Деградация навыков письма и аргументации. Генеративные модели могут создавать грамотные тексты, но они не учат учащихся структурировать свои мысли, подбирать убедительные аргументы и выражать свою индивидуальность.

4. Снижение мотивации к обучению. Если задача выполняется легко и без усилий, то и интерес к предмету может угаснуть.

5. Формирование зависимости от технологий. Учащиеся могут стать неспособными выполнять учебные задачи без помощи ИИ, что негативно скажется на их будущей профессиональной деятельности [3].

Несмотря на вышеуказанные проблемы, использование ИИ в образовательном процессе имеет и свои преимущества. Одним из главных преимуществ ИИ является возможность адаптации образовательного процесса под индивидуальные потребности каждого учащегося. Традиционная модель обучения, где все учащиеся получают одинаковый материал в одном темпе, часто не учитывает индивидуальные особенности, темп усвоения информации и предпочтения каждого. Системы на основе ИИ могут анализировать уровень знаний, выявлять сильные и слабые стороны, стиль обучения и предпочтения учащихся, предлагая персонализированные учебные материалы и задания.

ИИ способствует созданию и распространению образовательных ресурсов, доступных для широкой аудитории. Платформы на основе ИИ могут предлагать курсы, лекции и учебные материалы, которые доступны в любое время и в любом мест. Это особенно важно для учащихся из удаленных или недостаточно обеспеченных регионов, где доступ к качественному образованию может быть ограничен [4].

Системы ИИ могут анализировать данные о процессе обучения и выявлять закономерности, которые помогают улучшить качество образования. Например, анализируя результаты тестов и опросов, ИИ может выявить слабые места в учебной программе и предложить изменения, которые помогут повысить эффективность обучения.

С помощью ИИ учащиеся могут быстро находить нужные данные и получать объяснения по сложным темам. ИИ может адаптировать учебные материалы под индивидуальные потребности учащихся, что способствует более глубокому пониманию предмета. Интерактивные платформы могут сделать процесс обучения более увлекательным и мотивирующим [5].

Ключевые направления, где ИИ трансформирует образование:

1. Адаптивные учебные платформы. Эти системы подстраивают сложность заданий, предлагают дополнительные материалы по темам, вызывающим затруднения, и ускоряют прохождение уже освоенных разделов. Это позволяет каждому учащемуся двигаться в своем комфортном темпе.

2. Интеллектуальные репетиторы. Чат-боты и виртуальные ассистенты, основанные на ИИ, могут отвечать на вопросы учащихся в любое время суток, объяснять сложные концепции, предлагать примеры, а также проводить мини-тесты для проверки усвоения материала. Это особенно ценно для самостоятельной работы и подготовке к экзаменам.

3. Автоматическая оценка и обратная связь. ИИ может быстро и объективно оценивать письменные работы, тесты и устные ответы, предоставляя учащимся мгновенную и детализированную обратную связь.

Это помогает им понять свои ошибки и быстрее их исправить, не дожидаясь проверки преподавателем [6].

Тем не менее, чрезмерная зависимость от ИИ может привести к ряду негативных последствий. Одним из наиболее тревожных последствий бесконтрольного использования ИИ в образовании является потенциальное снижение критического мышления обучающихся. Когда учащиеся получают готовые ответы и решения от ИИ, они лишаются возможности пройти через сложный, но необходимый процесс анализа, оценки и синтеза информации. Вместо того, чтобы самостоятельно разбираться в проблеме, искать различные точки зрения и формировать собственное мнение, они могут привыкнуть к пассивному потреблению готовых результатов. Этот навык критического мышления является базисом успешного обучения и дальнейшей профессиональной деятельности. Он позволяет отличить достоверную информацию от ложной, выявлять предвзятость, делать обоснованные выводы и принимать взвешенные решения [7].

Использование ИИ в учебном процессе может снизить уровень взаимодействия между учащимися и преподавателям. Виртуальные помощники могут заменить живое общение, что приведет к уменьшению возможностей для обмена идеями и совестного обучения.

Решение проблемы самостоятельности при выполнении учебных заданий с помощью ИИ требует комплексного подхода, включающего усилия со стороны обучающихся, преподавателей, образовательных учреждений и разработчиков ИИ.

Для того, чтобы минимизировать негативные последствия использования ИИ в обучении, необходимо разработать стратегии, которые помогут сохранить и развить самостоятельность учащихся:

1. Развитие критического мышления. Одним из способов сохранить самостоятельность является развитие критического мышления. Важно не только использовать ИИ, но и анализировать его выводы. Например, включение в учебные программы курсов, которые развивают навыки критического мышления и анализа информации, полученной от ИИ. Это может учащимся научиться оценивать данные, полученные от ИИ, использовать их в качестве дополнения к собственным знаниям.

2. Интеграция ИИ в учебный процесс. Вместо того, чтобы полностью полагаться на ИИ для выполнения заданий, преподаватели могут использовать его как инструмент для поддержки самостоятельного обучения. ИИ может предлагать дополнительные ресурсы или задавать настоящие вопросы, которые помогут учащимся самостоятельно прийти к решению.

3. Обсуждение этических аспектов. Важно проводить занятия, посвященные этическим вопросам использования ИИ в образовании. Учащиеся должны понимать, как правильно использовать технологии, чтобы не нарушать академическую честность и развивать свои собственные навыки.

Учащиеся должны осознавать, что ИИ – это инструмент, а не замена их собственным усилием. Важно научиться использовать ИИ для улучшения понимания, генерации идей, проверки фактов, но не для полного делегирования выполнения задания.

4. Устные выступления, конференции. Форматы, где учащиеся могут демонстрировать свое понимание и умение аргументировать.

5. Создание доверительной атмосферы. Поощрение учащихся, обсуждение трудностей, а не скрытное использование ИИ.

Разработчиками ИИ должны создаваться инструменты, которые не только выполняют задачи, но и способствуют обучению, например, предоставляя объяснения, предлагая альтернативные подходы, указывая на возможные ошибки.

Методика и методология исследования. В качестве методов исследования были выбраны: анализ литературы по проблеме исследования, обобщение, систематизация аспектов.

Результаты. Результатом данного исследования являются стратегии, которые позволят использовать потенциал ИИ для развития, а не для подавления самостоятельности учащихся.

Выводы. Использование ИИ в образовательном процессе открывает новые горизонты для учащихся, однако важно помнить о рисках, связанных с потерей самостоятельности. Проблема самостоятельности при выполнении учебных заданий с помощью ИИ является сложной и многогранной. Она требует не только осознания рисков, но и активных действий со стороны всех участников образовательного процесса. ИИ – это мощный инструмент, который может как обогатить, так и подорвать процесс обучения. Ключ к успешной интеграции ИИ лежит в развитии цифровой грамотности, формировании этических норм, переосмыслении учебных заданий и методик преподавания. Вместо того, чтобы рассматривать ИИ как угрозу самостоятельности, необходимо научиться использовать его как катализатор для развития более глубокого понимания, критического мышления и, в конечном итоге, для формирования более компетентных и самостоятельных личностей, готовых к вызовам будущего. В конечном итоге, гармония между ИИ и человеческой автономией возможна, если мы будем активно работать над этим вопросом и стремиться к созданию общества, где технологии служат для улучшения качества жизни, а не заменяют человеческие способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шобонов Н.А. Искусственный интеллект в образовании / Н.А. Шобонов, М.Н. Булаева, С.А. Зиновьева // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79–4.

2. Соколов Н.В. Искусственный интеллект в образовании: анализ, перспективы и риски в РФ / Н.В. Соколов, В.Г. Виноградский // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №76–2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-analiz-perspektivy-i-riski-v-rf.
3. Резаев А.В. Chatgpt и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? / А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова // Высшее образование в России. 2023. №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-i-iskusstvennyy-intellekt-v-universitetah-kakoe-buduschee-nam-ozhidat.
4. Родионов О.В. Технологии искусственного интеллекта в образовании / О.В. Родионов, Н.В. Тамп // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2022. №22.
5. Дробахина А.Н. Информационные технологии в образовании: искусственный интеллект // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №70-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-obrazovanii-iskusstvennyy-intellekt.
6. Чулюков В.А. Искусственный интеллект и будущее образования / В.А. Чулюков, В.М. Дубов // Современное педагогическое образование. 2020. №3.
7. Мантуленко В.В. Искусственный интеллект в образовании: противоречия в использовании / В.В. Мантуленко, А.В. Мантуленко // Концепт. 2024. №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovaniiprotivorechiya-v-ispolzovanii.

УДК 378.14

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИИ В ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

А.Ю. Попова, аспирантка
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Искусственный интеллект в образовании – новая отрасль. Педагоги спорят о его пользе, но потенциал значителен: ИИ индивидуализирует обучение, повышает эффективность труда и создаёт инновационные материалы. В мировой практике ИИ уже автоматизирует процессы, контролирует успеваемость и разрабатывает адаптивные программы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, обучение.

Исследования показывают, что искусственный интеллект в образовании сейчас чаще всего применяется в технических и компьютерных науках. Сложились четыре основных направления его использования: прогнозирование успеваемости студентов, автоматическая оценка знаний, создание персонализированных учебных программ и разработка интеллектуальных обучающих систем. Однако эти технологии пока слабо связаны с педагогическими теориями, а риски их использования, такие как

усиление смещения в алгоритмах, утечки персональных данных или чрезмерная автоматизация, недостаточно изучены, что мешает полноценному внедрению ИИ в учебный процесс [3].

В международной практике уже активно применяются системы прогнозирования, помогающие предотвратить отчисление студентов и оптимизировать учебные планы. Перспективным направлением считаются интеллектуальные помощники, способные адаптировать материал под особенности каждого студента [2].

Ответом на вызовы цифровой эпохи стал итальянский законопроект (апрель 2024 г.), устанавливающий правила использования новых технологий. Его цель – управление рисками, связанными с неправильным, недостаточным или вредным использованием этих технологий, в рамках антропоцентрической модели и адаптация европейских норм к национальному законодательству [3].

Проблему грамотности в области ИИ поднимает и ЮНЕСКО. В своих рекомендациях организация призывает обеспечить общественное понимание возможностей искусственного интеллекта через открытое образование, обучение цифровым навыкам и этике, а также развитие медийной грамотности. Отдельное внимание уделяется подготовке учителей и созданию этических рамок для разработчиков образовательных ИИ-решений.

Важным трендом становится человеко-ориентированный подход, где ИИ берет на себя рутинные задачи, а преподаватель сосредотачивается на развитии у студентов критического мышления и мягких навыков. Этот симбиоз позволяет перейти от трансляции знаний к наставничеству и фасилитации [1].

Анализ, проведенный П.В. Сысоевым, указывает на противоречивую ситуацию в российской высшей школе: несмотря на то, что многие преподаватели обладают лишь фрагментарными знаниями об искусственном интеллекте и демонстрируют нейтральное отношение к его использованию, в стране уже формируется практика успешного внедрения ИИ в университетской среде [Сысоев].

Важным инструментом для оценки этого процесса стал рейтинг ИИ-подготовленности вузов, разработанный по поручению Президента РФ «Альянсом в сфере искусственного интеллекта». Эта ассоциация, объединяющая таких технологических гигантов, как Сбербанк, Яндекс и Газпром нефть, с 2023 года оценивает университеты по 13 объективным критериям. Среди них – востребованность и уровень зарплат выпускников, научная активность, результаты студенческих олимпиад и средний балл ЕГЭ [2].

Лидерами рейтинга по итогам 2025 года стали: ВШЭ (категория «А++»); МФТИ и ИТМО (категория «А+»); МГУ и СПбГУ (категория «А») [2].

Сравнительный анализ подходов к внедрению ИИ в России и за рубежом выявил пять ключевых направлений, в рамках которых прослеживаются различные акценты.

1. Управление и аналитика. Если ведущие зарубежные вузы (Гарвард, MIT) демонстрируют системный подход, создавая целые комитеты и проекты по аналитике ИИ, то российские университеты (ВШЭ, МГУ) сосредоточены в первую очередь на развитии необходимой инфраструктуры и этических норм.

2. Адаптивное обучение. Западные университеты делают ставку на глубокую персонализацию через платформы вроде edX и Gradescope. В России же упор делается на инновационные, зачастующие локальные решения, такие как «Яндекс.Учебник» или технологии цифровых двойников.

3. Подготовка преподавателей. Международная практика направлена на всестороннюю поддержку педагогов через специальные центры (например, Poorvu Center в Йеле). В российских вузах работа ведется в сторону развития их собственных компетенций, в том числе с помощью чат-ботов и специализированного обучения.

4. Организация учебного процесса. Для зарубежных университетов характерна автоматизация рутины с помощью таких инструментов, как Piazza и Turnitin. Российские же вузы активно внедряют системы поддержки, к числу которых относятся Telegram-боты и AI-помощники.

5. Дисциплинарные решения. За рубежом развиваются специализированные инструменты для конкретных учебных задач, в то время как в России создаются предметно-ориентированные лаборатории и цифровые наставники.

Ключевые выводы по масштабам внедрения выглядят следующим образом. В то время как около 60% американских вузов системно используют ИИ для адаптивного обучения, в России лишь 30% ведущих университетов (ВШЭ, МФТИ, ИТМО) демонстрируют комплексный подход. Более 70% российских вузов ограничиваются экспериментальными проектами, такими как чат-боты и автоматическая проверка работ, а региональные университеты реализуют в основном точечные решения в партнерстве с бизнесом [2].

Помимо ИИ, в образовании активно используются и другие технологии Индустрии 4.0:

– Интернет вещей: удаленные лаборатории и лабораторные стенды.

– Аддитивное производство: 3D-принтеры и 3D-моделирование на занятиях.

– ИИ и робототехника: чат-боты, аватары для консультаций и роботы присутствия.

– Большие данные и блокчейн: защищенные цифровые портфолио и облачные платформы.

– VR/AR: лабораторные работы с использованием виртуальной и дополненной реальности [1].

Индустрия 4.0 – это концепция, или «четвёртая промышленная революция», которая предполагает полную автоматизацию производства за счёт интеграции цифровых технологий, таких как интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (ИИ), большие данные, робототехника и облачные вычисления. Основная цель – создание интеллектуальных, гибких и высокоэффективных производственных систем, способных самостоятельно взаимодействовать с окружающей средой и принимать решения в режиме реального времени.

При этом с 2021 года наблюдается устойчивый рост интеграции ИИ, обусловленный государственной программой цифровой трансформации. Общая динамика движется от запретов к регулированию и от разрозненных экспериментов к системному внедрению. Пандемия COVID-19 выступила дополнительным катализатором, ускорив цифровизацию [3].

Для сокращения существующего разрыва с мировыми лидерами, который по некоторым направлениям достигает 30 процентных пунктов, необходим комплекс мер. Он должен включать интеграцию ИИ в образовательные стандарты, создание межвузовских платформ для обмена опытом, укрепление партнерства с ИТ-сектором, увеличение объемов финансирования и масштабные программы повышения квалификации для преподавателей [1].

Выводы. ИИ – не конкурент преподавателю, а ценный инструмент, который помогает оптимизировать множество процессов в вузе, выстраивать коммуникации и организовывать эффективное обучение. Его роль – аугментация, а не замена человеческого интеллекта.

Согласно Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года, Россия планирует готовить больше специалистов в этой области, а отечественные вузы должны занять лидирующие позиции в мире. Для этого необходимы адекватная цифровая инфраструктура и многоуровневая система образования в сфере анализа данных и ИИ, начиная со школьной скамьи.

Таким образом, эффективное внедрение ИИ в высшее образование позволит подбирать оптимальные стратегии обучения, учитывающие индивидуальные способности студентов и потребности рынка труда, а также оптимизировать административные и учебные процессы. Это ключевой фактор для повышения глобальной конкурентоспособности национальных образовательных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амиров, Р.А. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования / Р.А. Амиров, У.М. Билалова // Управленческое консультирование. – 2020. – №3 (135). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vnedreniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-vysshego-obrazovaniya.

2. Вавилова Д.Д. Оценка потенциала масштабирования инструментов искусственного интеллекта в высшем образовании: российский и зарубежный опыт / Д.Д. Вавилова, Е.В. Касаткина, Р.В. Файзуллин // Образование и наука. – 2025. – № 27(9). – С. 128–157.

3. Попова, Е.П. Использование искусственного интеллекта в образовательных целях за рубежом: практика, опыт и перспективы внедрения / Е.П. Попова. – // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения», г. Тюмень, 17–19 октября 2024 г. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 218–220.

4. Сысоев, П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности / П.В. Сысоев / Высшее образование в России. – 2023. – №32(10). – С. 9–33.

УДК 37.018.43

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ

Т.В. Свистильник, аспирант
М.В. Максимов, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья анализирует роль искусственного интеллекта (ИИ) в образовательных процессах с уклоном на персонализацию. Рассмотрена сущности персонального обучения, систематизацию технологий и платформ на базе ИИ для педагогической деятельности, определение возможностей их применения и оценку рисков.

Ключевые слова: персональное обучение, искусственный интеллект, педагогическая деятельность, приложения и технологии

Введение. Современный мир показывает тенденцию к развитию навыков и обучению на постоянной основе, но обучать всех по одной общей системе в данный момент не эффективно, за счет наличия разного уровня подготовки и знаний. Для решения данной проблемы в рамках преподавательской деятельности используют различные инструменты на базе ИИ.

На данный момент компании предоставляющие образовательные услуги и учебные заведения активно применяют инструменты с использованием ИИ для модернизации процессов обучения и привлечения абитуриентов для обучения. Как подчёркивают Л.С. Илюшин, Н.А. Торпашева, переход к образовательной модели, в которой ИИ участвует в интеллектуальной и организационной составляющих, требует

переосмысления роли студента как субъекта познавательной и ценностно-смысловой деятельности [1].

Также данную тему рассматриваю, Т.Ф. Петренко, Н.Н. Левина, И.Н. Вольнова и Г.Г. Малинецкого, Н.А. Коровниковой, Ю.М. Амелиной и т.д.

Постановка задачи. Цель исследования – выявить и проанализировать механизмы, с помощью которых технологии ИИ обеспечиваю реализацию принципов персонализированного обучения в современной образовательной системе

Задачи:

1. Провести анализ сущности и ключевых принципов персонального обучения.

2. Систематизировать и охарактеризовать существующие технологии и программные платформы на основе ИИ, предназначенные для педагогической деятельности.

3. Определить возможности применения технологий на базе ИИ в педагогической деятельности для персонализации ИИ.

4. Оценить риски (этические, конфиденциальность данных, цифровой мусор и.д.) влияния ИИ на процесс обучения и использования ее педагогом и учащимся.

Объект – процесс внедрения технологий ИИ в образовательном процессе.

Предмет – педагогические и технологические механизмы персонализации обучения, реализуемые на базе ИИ.

Методика и методология исследования. Методология исследования: системный подход (рассматриваем систему как сложный механизм с различными взаимосвязями), деятельности подход (учебный подход и влияние на данный процесс технологий ИИ).

Метод исследования: анализ и синтез, моделирование.

Результаты. Из терминологии и научных исследований [4; 5; 6] можно выделить следующие характеристики персонального обучения:

- гибкость в образовательном процессе;
- более широкий спектр использования материалов и способов его изучения;
- более полная обратная связь от всех объектов;
- возможность применять различные технологии;
- более прикладной характер обучения, концентрация на навыках необходимых на данный момент;
- возможность регулировать интенсивность обучения или ее структуру.

Основная цель персонального обучения – более глубокое изучение тем и навыков, к которым обучающийся имеет большую склонность.

Для данных цели применяются различные методы, например, такие как индивидуальные планы, дифференцированный подход к обучению, задания и вопросы разного уровня сложности и т.д.

Основываясь на современных исследованиях, можно сделать вывод об актуальности исследований в сфере применения ИИ технологий в образовательных процессах. Так, например по данным GetCourse за два с половиной года количество ИИ-школ выросло вчетверо: с 9 в конце 2023-го до 36 к середине 2025 года. Эти цифры отражают основные тенденции: популярность обучения и быстрый рост интереса к практическим навыкам работы с искусственным интеллектом среди предпринимателей и специалистов [2].

В рамках педагогической деятельности использовать технологии на базе ИИ раньше всех начали применять онлайн школы и компании, специализирующиеся на учебе по различным курсам. Так применяя технологии ИИ, вы можете выстраивать свою персональную траекторию обучения исходя из прогресса обучения, степени усваивания информации, характера информации и сроков.

Данные технологии особенно часто применяю для изучения иностранных языков от классических приложений (Duolingo, Memrise, Quizlet, Puzzle English и т.д.) так и приложения, основанные на ИИ (Babbel, Elsa Speak, lingvist, Busuu и т.д.).

По данным онлайн-опроса, проведённого Ассоциацией организаторов студенческих олимпиад России в феврале 2025 года, 85% студентов уже применяют ИИ для решения задач. Чаще всего – для поиска информации (77%), подготовки учебных работ (43%), создания изображений (36%) и презентаций (24%) [3].

При обучении все чаще используются нейросетевые помощники, такие как ChartGPT, DeepSeek, Grok и Яндекс GPT. При этом качество информации не всегда соответствует уровню подготовки и не всегда проверена, а не создана самим ИИ.

Также в рамках образовательного процесса наблюдается спрос на специализированные сервисы, такие как «Кампус», AIWriteArt и другие платформы, которые помогают создавать академические тексты и изображения.

При этом можно выделить как положительные возможности, которые возникают при использовании ИИ инструментов, но, с другой стороны, встает вопрос достоверности данных, качества оценивания работы самого обучающегося и права интеллектуальной собственности.

Рассмотри примеры, когда преподаватель и обучающийся может использовать ИИ сервисы для улучшения процесса обучения:

1. Для создания визуального контента, за исключением специальностей, основная специфика обучение которых работа с графическим и визуальным контентом. Для них данный сервисы должны идти как вспомогательные инструменты, а не основные. Т.е. в рамках разработки обучающейся программы контент возможно представлять не только стандартным способом (лекционная начитка), но и с применением

визуальных и аудиальных материалов. Например, создавать в программах ИИ специализирующихся на оформлении презентаций, демонстрационный материал автоматически, что сократит время подготовки преподавателя и обучающегося для выступления.

2. Программы для проверки орфографических и пунктуационных ошибок. Значительно улучшит качество написания текстов. На данный момент ИИ не способны в полной мере сохранять авторский стиль письма, но могут отслеживать часто встречаемые ошибки в различных языках.

3. Программы для проверки математических задач, программирование и т.д. Данные ИИ могут написать или проверить уже существующий код или задание на ошибки, что помогает обучающемуся и преподавателю прорабатывать ошибки и концентрировать обучение на слабых сторонах.

4. Изучение языков. Помогает тренировать различные аспекты изучения не без контроля и вмешательства реального преподавателя.

5. Обратная связь. Программы на базе ИИ могут применятся в обучении с целью мониторинга успеваемости студентов и отслеживании их персонального рейтинга. Данная возможность позволяет и студенту, и преподавателю объективно оценивать уровень подготовки и степень проработки информации.

Современные образовательные платформы активно используют аналитические инструменты, которые позволяют адаптировать контент под каждого пользователя, персонализировать учебный план и давать рекомендации, направленные на развитие предметных знаний и soft skills [7, С. 1–5].

Возможные проблемы (угрозы) в использовании ИИ технологий при персональном обучении, может выражаться в предвзятом отношении, основанном на предварительно искаженных данных предоставленных обучающимся или педагогом, отсутствие структурированности, не возможность связать все запросы в единый общий образовательный процесс. Т.е. при заполнении анкеты регистрации ИИ будет опираться на ту информацию которую вы укажите, что сузит для нее круг потенциально интересных обучающемуся тем. При этом, ИИ основывается на общих случаях, что непосредственно влияет на творческую оставляющую. Т.е. те задания которые направлены на развитие творческого мышления, глубокой проработки информации и развитии критического мышления и выполненные с помощью ИИ не смогут конкурировать с теми что сделала сам человек, и не разовьет в обучающемся навыки на которые эти задания направлены.

Также риском является технологическая зависимость. Чрезмерная полагаемость на ИИ-инструменты может привести к снижению базовых навыков, таких как устный счёт, письмо от руки и запоминание информации. Ученики могут утрачивать автономность, переставая самостоятельно искать информацию и полагаясь исключительно на алгоритмы. Это наблюдается в школьной системе Китая, где большая зависимость от ИИ-тьюторов

приводит к тому, что учащиеся становятся менее способными решать задачи без цифровой помощи [8, С. 1–9].

Выводы

1. Персональное обучение строится на возможности подходить к образованию более гибко, применять различные технологии и делать упор на потенциально возможные сильные стороны.

2. ИИ могут быть как направлены на обучение, так и на создание дополнительного контента, который можно использовать в образовательном процессе. Данные технологии применяются как преподавателями, так и обучающимися для различных целей.

3. Преподаватель может применять в своей деятельности разнообразные ИИ технологии, направленные на получение дополнительных материалов, способствующих более полному погружению обещающегося в процесс и улучшении понимания материала.

4. Применение ИИ технологий несет не только положительные стороны, но и ставит, такие вопросы как зависимость от легко доступной информации, ее достоверность, авторское право и т.д. На данный момент нет общего понимания о дальнейшем использовании данной технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чопик О.А. Искусственный интеллект как фактор трансформации субъектной позиции студентов в высшем образовании // Высшее образование в России. – 2025. – № 8–9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-faktor-transformatsii-subektnoy-pozitsii-studentov-v-vysshem-obrazovanii.

2. Российский рынок онлайн-образования в сфере ИИ демонстрирует рекордный рост // Forbes.ru. – 2025. – URL: https://www.forbes.ru/education/543382-rossijskij-rynok-onlajn-obrazovania-v-sfere-ii-demonstriruet-rekordnyj-rost?abRecommendationArticles=dsrkcbcntv.

3. Искусственный интеллект в образовании: 90% студентов используют ИИ // vc.ru. – 2025. – URL: https://vc.ru/services/2309285-iskusstvennyj-intellekt-v-obrazovanii-90-procent-studentov-ispolzuyut-ii.

4. Абалян Ж.А. Персонализированный подход в обучении. Ретроспективный анализ и обзор современных определений // МНКО. – 2024. – № 1 (104). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalizirovannyy-podhod-v-obuchenii-retrospektivnyy-analiz-i-obzor-sovremennyh-opredeleniy.

5. Персонализированное обучение // SberUniversity.ru. – 2025. – URL: https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/908/.

6. Зеер Э.Ф., Крежевских О.В. Концептуально-теоретические основы персонализированного образования // Образование и наука. – 2022. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualno-teoreticheskie-osnovy-personalizirovannogo-obrazovaniya.

7. Современные образовательные платформы и аналитические инструменты ИИ // PHSreda.com. – 2025. – URL: https://phsreda.com/e-articles/10794/Action10794-150836.pdf.

8. Возможные проблемы (угрозы) в использовании ИИ технологий при персональном обучении // Interactive-Plus.ru. – 2025. – URL: https://interactive-plus.ru/e-articles/942/Action942-575259.pdf.

УДК 174.4

РУССКАЯ ИДЕЯ. СРАВНЕНИЕ С АМЕРИКАНСКИМ И СОВЕТСКИМ МЕССИАНИЗМОМ

Е.В. Степанова, студент
Научный руководитель – А.В. Коновалов, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Настоящая работа посвящена сравнительному анализу русской, американской и советской мессианских концепций. Исследование опирается на труды философов и исторические свидетельства для осмысления представлений о предназначении указанных наций и их политических систем в контексте мирового сообщества.

Ключевые слова: русская идея, американский мессианизм, советский мессианизм.

Проблема. С момента своего возникновения государства неизменно вступают в борьбу за доминирование на мировой арене. Каждое стремится утвердиться в качестве образца и локомотива развития человечества, навязывая свои модели государственного устройства остальным. Для реализации этой амбиции применяются разнообразные стратегии, что порождает дискуссии о разграничении мессианской политики и стремления к подлинному миру и гармонии.

Актуальность темы продиктована непрекращающимся соперничеством государств за доминирование, что является исторически обусловленным и неизменным явлением. Современная эпоха характеризуется появлением новых, более изощренных методов влияния и взаимодействия как внутри государств, так и на международной арене. Осознание специфики этих взаимоотношений критически важно для предотвращения манипуляций и обеспечения информационной безопасности.

Целью данного исследования является, с помощью конкретных примеров, найти различия в осуществлении своего предназначения российского, американского и советского государства.

Методологической основой исследования опираются на теоретическую базу, сформированную анализом работ философов и

историков, посвященных рассматриваемым явлениям. Также учитываются исторические факты и религиозные особенности, что позволяет выявить три различные концептуальные модели реализации глобальной национальной задачи.

Русская идея – философский термин, ряд концепций, выражающих идеи исторической уникальности, особого призвания и глобальной задачи русского народа и, в более широком смысле, Российского государства. Впервые данный термин был упомянут Фёдором Михайловичем Достоевским в своей речи 1880 года, посвящённой открытию памятника Александра Сергеевича Пушкина. Он отмечал, что нашей нации присуща вера в общечеловеческое единение: «...падут когда-нибудь, перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и тогда только народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии». [1, 1877 год, январский выпуск]. То есть, идея всечеловеческой гармонии и счастия характерна именно для нашей национально психики. Так же стоит отметить особое влияние религии. Достоевский писал: «Главная же школа христианства, которую прошел он (народ), это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попранный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки и который за то спас от отчаяния его душу!» [1, С. 974]. Нельзя не согласиться с тем, что наше государство неоднократно сталкивалось с событиями, которые наносили ему огромные потери. Это и многочисленные войны, и революции, и монгольское нашествие на Русь и многое другое. В каждом столетии наша нация была вынуждена преодолевать различные трудности и, к счастью, выстояла. Религия стала оплотом формирования русского менталитета. Николай Александрович Бердяев, отвечая на вопрос «Что замыслил творец о России?», писал, что Замысел Творца постигаем через «добродетели веры, надежды, любви». Мы как бы неосознанно выступаем спасителями, народом, предназначенному своим примером соединить мировое общество. Это отличается от подхода других стран, например Франции. Она унаследовала католическую идею Рима и «считала себя во главе мира» [1, С. 568], была образцом и двигателем бытия для всех стран. Но это есть европейская модель «насаждения ценностей своего духа». Такую же цель преследовала и Германия, которая выставила против католической идеи свой протестантизм, бесконечную свободу совести и исследования. Претендовать на роль великой

нации хотели и хотят многие страны. Но не раз подтверждалось, что данная миссия становилась невыполнимой для них. Но парадокс в том, что российская нация хоть и стремиться занять место на мировой арене (как и все другие), но не подозревает, что именной ей предначертано стать спасителем: «Спасти себя Россия может, только спасая человечество». Но как она могла бы спасти человечество? «Самый общий ответ, который дает здесь Достоевский: через грядущее «новое слово», которое она «скажет» миру.» [2]. Речь здесь о том, что это будет «синтез» различных европейских национальных идей, то есть ещё раз видна связь со стремлением к «всечеловеческой гармонии», которая твёрдо укоренилась в русском менталитете.

Русская идея может показаться мессианской. Но так ли это? Рассмотрим суть американского призвания в общей картине мира. В основе американского культового мессианства лежит исходная идея о глобальной роли США в развитии мироустройства по тем стандартам, которые определяют сами США. Страну основали переселенцы, которые приплыли в Америку на корабле «Мейфлауэр» в 1620 году. Они были протестантскими сектантами, бежавшие из Англии от преследований за радикальные взгляды. Именно они стали фундаментом для провозглашения США нацией, которой предначертано править миром и наводить в нём порядок. Это были люди, свободные от политических предрассудков. Классик американской историографии Артур Шлезингер-мл. подчеркивает, что «страдания сами по себе» казались первым переселенцам реальным доказательством их высокой роли в «истории спасения». В это же время формировалась традиция реалистического мышления. Постоянные угрозы, вызовы и борьба за существование заложили основу американского реализма. Просмотрев историческое развитие США можно проследить, что чаще всего они прибегали к грубой силе, завоёвывали другие страны, влияли на их политику. Например, присоединение Филиппин, Гавайских островов, Пуэрто-Рико, которые были получен по результатам войны с Испанией 1898 года. Так же можно отметить «политику большой дубинки», сформулированную Теодором Рузвельтом. Согласно этой политике США, становились «международной полицейской силой», то есть в случае возникновения конфликтов на территории Латинской Америки, они имели возможность разрешить их, в том числе с помощью силовых методов и военной мощи. Термин «большая дубинка» был впервые произнесён Т. Рузвельтом во время его выступления в Миннесоте 2 сентября 1901 г.: «Говори мягко, но держи в руках большую дубинку, и ты далеко пойдёшь» (англ. «Speak softly and carry a big stick; you

will go far»). Это четко характеризует характер внешнеполитического курса, основанного на силе и силовом вмешательстве. Исходя из этого превосходства над другими, американский мессианизм и получил свою мощь. [3; 4; 5].

Так же для решения проблемы обратим внимание на советский мессианизм. «В эпоху глобального противостояния двух блоков во главе с двумя сверхдержавами, СССР и США, со стороны наших «глобальных контестантов» принято было – и не всегда незаслуженно – обвинять СССР в силовом распространении идей и практик коммунизма, в склонности к насаждению социалистических доктрин; не говоря уже об идеологической наступательности, идейной «настойчивости» в проповеди коммунизма (несравнимой, впрочем, с военно-политической, а не только идейной, агрессивностью США и «фирменной» американской настырностью).» [6]. Мы видим, что в период зарождения и расцвета социализма в российском государстве, были актуальны идеи о коммунистическом мессианизме нашей страны. Согласно доводам наших оппонентов (США) целью СССР было обратить в «коммунистическую веру» все народы и привести к коммунизму всё человечество. Суть советского мессианизма заключалась в агрессивном навязывании своего образа жизни и пути. В отличие от русского мессианизма, где важным считалось избранничество нации, в советском мессианизме приоритетной была особая классовая миссия пролетариата. Особенности советского мессианизма:

- Предлагался не путь духовного возрождения человека и нации, а решительная переделка мира по законам коммунистического идеала.
- Пророческий поиск возможного «царства божия на земле» сменился реальными действиями и практической борьбой.
- Доминантными категориями в советской ментальности и государственной литературе становились категории борьбы и жертвы, которые несли в себе смысл агрессии, насилия и унификации [7].

Подводя итог, мы приходим к вопросу: почему русская идея не может быть названа мессианизмом? Важно различать миссию государства и мессианизм. Мессианизм, происходящий от понятия "мессия" (божий посланник), предполагает установление справедливости и мира. Однако ключевой аспект мессианской роли заключается в том, что спаситель действует, не осознавая своей миссии. Осознание же своей исключительности ведет к гордыне, что делает спасение невозможным. Именно поэтому американская и советская модели являются примерами мессианизма: они сознательно стремятся к реализации своей миссии,

фактически присваивая себе божественную роль. Русская же идея, напротив, видит в русском народе носителя Бога, через которого осуществляется спасение человечества. Достоевский подчеркивал это: «…приложении нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его. Кто хочет быть выше всех в Царствии Божием – стань всем слугой. Вот как я (Ф. М. Достоевский) понимаю русское предназначение в его идеале.» [1, С 358]. Это принцип служения, а не самовозвышения, и является фундаментальным отличием русской идеи от мессианизма, основанного на сознательном стремлении к власти и исполнению роли спасителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Федор Достоевский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – 1056 с. – (Русская литература. Большие книги).
2. Тихомиров, Б.Н. "Наша вера в нашу русскую самобытность" (к вопросу о "русской идее" в публицистике Достоевского) / Б.Н. Тихомиров // Достоевский: материалы и исследования. – 1996. – Т. 12. – С. 108–124.
3. Стратегии США по смене политических режимов в мире: история и современность / Православие.Ru – [Электронный ресурс] – URL https://pravoslavie.ru/117405.html.
4. К чему приводила разные страны идея об исключительности нации - Российская газета – [Электронный ресурс] – URL https://rg.ru/2013/10/08/francia.html
5. Неймарк, М.А. Мессианство и гегемония в современной геополитике: американский эксклюзив / М. А. Неймарк // Обозреватель. – 2023. – № 1(396). – С. 6–16. – DOI 10.48137/2074–2975_2023_1_6. – EDN JZPLZJ.
6. Никандров, А.В. Концепт общенародного государства и закат советского пролетарского мессианизма / А.В. Никандров // Альтернативы. – 2019. – № 1. – С. 104–111. – EDN FCHCRF.
7. Снигирева, Т.А. Русская идея как художественный феномен: Учебное пособие по спецкурсу / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2001. – 104 с. – ISBN 5-7996-0071-1. – EDN UWYZZD.

УДК 1:004.8

РОЛЬ ИИ В АВТОМАТИЗАЦИИ РУТИННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Д.А. Тройнин, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Исследование философски осмысливает влияние искусственного интеллекта (ИИ) на автоматизацию рутинных профессиональных задач. Анализируются этические, экзистенциальные и социальные аспекты делегирования повторяющихся функций ИИ, затрагивая вопросы человеческой деятельности, труда и ответственности. Целью является систематизация философских дилемм ИИ-автоматизации и определение ее влияния на природу профессионализма.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автоматизация, этика ИИ, философия технологий, смысл труда.

Введение. Современный этап технологического развития характеризуется экспоненциальным ростом возможностей искусственного интеллекта (ИИ), трансформирующего различные сферы человеческой деятельности. Особое значение приобретает роль ИИ в автоматизации рутинных профессиональных задач, что ставит перед философией актуальные вопросы о сущности труда, профессиональной идентичности и этических границах технологического вмешательства. Несмотря на обширные исследования, посвященные техническим и экономическим аспектам автоматизации [2; 5; 11], комплексное философское осмысление этого феномена остается недостаточным. Нередко акцент делается на частных, административных функциях [8], упуская глубинные экзистенциальные и социальные последствия.

Постановка проблемы заключается в необходимости всестороннего философского анализа влияния ИИ на структуру и содержание профессионального труда. Автоматизация, определяемая как выполнение задач без непосредственного человеческого участия [11], традиционно связывается с повышением эффективности и снижением издержек. Однако делегирование интеллектуальных функций машинам вызывает дилеммы, касающиеся смысла человеческой деятельности, распределения ответственности и потенциальной дегуманизации труда. Игнорирование этих аспектов может привести к непредвиденным социальным и этическим кризисам. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел, предлагая философский взгляд на процессы ИИ-автоматизации.

Постановка задачи. Целью данного исследования является философский анализ роли искусственного интеллекта в автоматизации рутинных профессиональных задач, а также оценка его воздействия на человеческий фактор в контексте меняющегося мира труда. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

1. Определить концептуальные рамки "рутинных профессиональных задач" через призму их когнитивного и экзистенциального содержания.
2. Систематизировать основные механизмы ИИ, применяемые для автоматизации, с точки зрения их влияния на характер человеческой деятельности.
3. Проанализировать философские и этические аспекты ИИ-автоматизации, включая вопросы ответственности, автономии и справедливости.
4. Выявить научную новизну и теоретическое значение философского осмысления ИИ в контексте профессионального труда, а также обозначить перспективы дальнейших исследований.

Методика и методология исследования. Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер, интегрируя методы философии науки, этики и социальной философии с критическим анализом актуальных исследований в области ИИ и автоматизации.

1) Концептуальный анализ: проводится уточнение ключевых понятий, таких как "рутинная задача", "автоматизация", "искусственный интеллект" и "труд", с философской точки зрения. Это включает разграничение между механическим выполнением операций и задачами, требующими человеческой креативности, интуиции и морального суждения.

2) Этический анализ: используются принципы прикладной этики для оценки моральных дилемм, возникающих при внедрении ИИ в профессиональную сферу. Особое внимание уделяется вопросам потери рабочих мест, алгоритмической предвзятости, подотчётности ИИ-систем и влиянию на человеческое достоинство.

3) Критический обзор литературы: осуществляется анализ философских, социологических и технических источников, посвященных ИИ, автоматизации и будущему труда [3; 6; 11; 13; 15]. Цель – выявление существующих подходов и формирование собственной аргументации.

4) Сравнительный подход: сопоставляются различные точки зрения на потенциал и риски ИИ-автоматизации, от технологического оптимизма до этического скептицизма, для формирования сбалансированного философского суждения.

Критерии применимости ИИ для рутинных задач, ранее сформулированные как "структурированные данные, некритичность экспертных знаний и минимизация рисков" [4; 14], в рамках данного исследования будут переосмыслены. Они станут отправной точкой для

философской дискуссии о том, какие именно аспекты профессиональной деятельности следует или не следует передавать машинам, исходя из ценностей человеческого труда и общества.

Результаты. Философский анализ роли ИИ в автоматизации рутинных профессиональных задач позволяет выявить ряд фундаментальных сдвигов и дилемм.

Прежде всего, определение "рутинной задачи" эволюционирует. Если в прошлом рутина ассоциировалась с монотонностью и невысокой квалификацией, то сегодня ИИ способен автоматизировать сложные когнитивные операции, которые ранее требовали значительных человеческих усилий (например, анализ больших данных, юридический поиск, первичная диагностика). Это поднимает вопрос о переосмыслении ценности человеческого труда: если "экономия мышления" достигается машиной, то в чем заключается уникальность и достоинство человеческой профессиональной деятельности?

Применение роботизированной автоматизации процессов (RPA) в административных и финансовых сферах [1; 9; 12] освобождает человека от повторяющихся действий. С философской точки зрения, это может быть как благом (высвобождение для творческого труда), так и проклятием (потеря квалификации, отчуждение от результата). Использование обработки естественного языка (NLP) и чат-ботов [8] в клиентском сервисе и HR-функциях [7] поднимает вопросы о подлинности человеческого взаимодействия, эмпатии и качестве коммуникации в условиях, когда собеседником становится алгоритм. Это ставит под сомнение этику симуляции человеческих отношений.

Машинное обучение (ML), применяемое для прогнозирования и принятия решений в HR, финансах и логистике [9; 10], демонстрирует потенциал для повышения точности. Однако это сопряжено с риском алгоритмической предвзятости [6], когда ошибки или дискриминация, заложенные в обучающих данных, усиливаются и воспроизводятся системой. Вопрос о справедливости и непредвзятости алгоритмов становится ключевым этическим вызовом. Более того, непрозрачность ("черный ящик") некоторых ИИ-систем затрудняет понимание логики их решений, что подрывает принцип подотчётности и ставит вопрос об "объяснимом ИИ" (explainable AI) [6; 15].

Внедрение ИИ в IT-операции (AIOps) для мониторинга и автоматического реагирования [1] поднимает экзистенциальные вопросы о доверии к автономным системам, контроле над ними и потенциальной "ловушке автоматизации", когда человек теряет навыки критического вмешательства из-за чрезмерной зависимости от технологий.

Ключевые преимущества ИИ-автоматизации – повышение эффективности, скорости и снижение затрат [2; 5] – должны быть рассмотрены через призму их влияния на человеческое благосостояние. Если

экономия достигается ценой массовой безработицы или дегуманизации труда, то такие выгоды становятся морально сомнительными. Риски, такие как потеря рабочих мест [3; 11], требуют не только экономических, но и этических решений, касающихся программ переквалификации и социальной поддержки, а также переосмысления фундаментального права на труд.

Таким образом, результаты исследования показывают, что ИИ-автоматизация рутинных задач – это не просто технологический процесс, а комплексное явление, требующее постоянного философско-этического осмысления его воздействия на человека, общество и саму природу профессиональной деятельности.

Выводы. Предпринятый философский анализ роли искусственного интеллекта в автоматизации рутинных профессиональных задач позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Научная новизна исследования заключается в систематизации философских дилемм, возникающих при делегировании когнитивных функций ИИ, и переосмыслении критериев "рутинности" с точки зрения их экзистенциального и этического содержания. Впервые подчеркивается необходимость перехода от чисто технической оценки к пониманию глубинных трансформаций смысла труда и профессиональной идентичности. Предложена концептуальная рамка, интегрирующая этические, социальные и метафизические вопросы ИИ-автоматизации.

2. Теоретическое значение исследования состоит в развитии философии технологий, этики искусственного интеллекта и социальной философии труда. Оно способствует углублению понимания взаимосвязи между технологическим прогрессом и человеческим бытием, предоставляя инструменты для критического осмысления будущего, где границы между человеческой и машинной деятельностью становятся всё более размытыми. Работа открывает новые горизонты для исследований в области антропологии труда и теории справедливости в эпоху ИИ.

3. Перспективы дальнейших научных разработок включают:

- Разработку этических кодексов и регуляторных рамок для внедрения ИИ в профессиональную среду, обеспечивающих справедливое распределение выгод и рисков автоматизации.
- Исследование психологических и социологических последствий дегуманизации труда в условиях широкой ИИ-автоматизации.
- Развитие концепций "дополнительного" (augmented) труда, где ИИ не замещает, а расширяет человеческие возможности, подчеркивая синергетический потенциал взаимодействия человека и машины.
- Философское исследование возможности возникновения новых форм человеческой деятельности и креативности в ответ на вызовы ИИ-автоматизации.

В заключение, эффективное и этически ответственное внедрение ИИ в профессиональную среду требует не только технологического развития, но и

глубокого философского диалога о том, что значит быть человеком в мире, где машины берут на себя все больше наших рутинных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конявский, В.А., Ситник, Т.Н. Искусственный интеллект и автоматизация бизнес-процессов: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2020. – № 2 (838). – С. 136–147. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-avtomatizatsiya-biznes-protsessov-problemy-i-perspektivy/viewer
2. Гришин, О.В. Автоматизация как фактор повышения производительности труда // Инновационное развитие экономики. – 2018. – № 6 (48). – С. 102-108. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtomatizatsiya-kak-faktor-povysheniya-proizvoditelnosti-truda/viewer.
3. Козлов, С.Д. Влияние технологий искусственного интеллекта на трансформацию профессиональных компетенций // Цифровое общество: состояние и перспективы развития. – 2021. – № 2. – С. 55–63. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-na-transformatsiyu-professionalnyh-kompetentsiy/viewer.
4. Кузнецов, Л.М. Концептуальные основы автоматизации и цифровизации бизнес-процессов // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 6. – С. 110–116. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-avtomatizatsii-i-tsifrovizatsii-biznes-protsessov/viewer.
5. Васильева, Е.С. Использование искусственного интеллекта для оптимизации рутинных операций в корпоративном секторе // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2020. – № 4 (112). – С. 92–98. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-dlya-optimizatsii-rutinnyh-operatsiy-v-korporativnom-sektore/viewer.
6. Мустафаев, Ш.З. Этические проблемы внедрения искусственного интеллекта // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Философские науки. – 2022. – № 1. – С. 49-57. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-problemy-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta/viewer.
7. Баянова, О. В. Учет и анализ вознаграждения работникам в аграрном производстве / О. В. Баянова // Вестник евразийской науки. – 2021. – Т. 13. – № 6. – URL: https://esj.today/PDF/02ECVN621.pdf.
8. Морозов, И.В., Лебедева, К.А. Роль искусственного интеллекта в повышении качества обслуживания клиентов // Научный вестник МГИМО. – 2022. – № 4 (85). – С. 268–281. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-povyshenii-kachestva-obsluzhivaniya-klientov/viewer.
9. Федорова, Е.А., Долгова, А.А. Искусственный интеллект в бухгалтерском учете: перспективы и риски // Вестник университета. – 2020. – № 5. – С. 129–135. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-buhgalterskom-uchete-perspektivy-i-riski/viewer.
10. Гусева, Н.Ю. Цифровая трансформация и роботизация рутинных операций в логистике // Логистика и управление цепями поставок. – 2021. – № 5. – С. 45–52. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-robotizatsiya-rutinnyh-operatsiy-v-logistike/viewer.
11. Frey, C.B., & Osborne, M. A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? // Oxford Martin School Working Paper. – 2013. – URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf.

12. Lacity, M.C., & Willcocks, L.P. Robotic Process Automation: A Guide for Executives // Journal of Information Technology Teaching Cases. – 2018. – Vol. 8, № 2. – P. 136–149. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2043886418797302.
13. Dwivedi, Y.K., Hughes, L., Ismagilova, E., et al. Artificial intelligence (AI) in business: A cross-industry perspective // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 124. – P. 320-330. – URL: https://eprints.whiterose.ac.uk/167931/1/JBR_AI_Accepted_V3.pdf.
14. Davenport, T.H., & Kirby, J. Beyond Automation: The Future of Work // Deloitte Insights. – 2016. – URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Deloitte-Analytics/deloitte-analytics-beyond-automation-the-future-of-work.pdf.
15. Floridi, L., Cowls, J., Beltrametti, M., et al. AI4People–An Ethical Framework for a Good AI Society // Minds and Machines. – 2018. – Vol. 28, № 4. – P. 689–707. – URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11023-018-9482-5.pdf.

УДК 37.014.543

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КРЕДИТ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУ ИНВЕСТИЦИЕЙ В БУДУЩЕЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

О.С. Тютюник, канд. экон. наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
г. Томск, Россия

Аннотация. В статье осуществляется философско-экономический анализ образовательного кредита как социального института, трансформирующего парадигму современного образования. Исследуется диалектика понимания кредита как инструмента личной инвестиции в человеческий капитал и как элемента системы социальной ответственности государства и общества за доступность знания. На основе анализа современных российских и зарубежных исследований выявляются ключевые противоречия и перспективы развития данного финансового механизма в контексте гуманистических идеалов образования.

Ключевые слова: философия образования, образовательный кредит, человеческий капитал, социальная справедливость.

Введение. Современная философия образования претерпевает глубокую трансформацию, вызванную конвергенцией экономических, социальных и технологических факторов, которые радикально переопределяют традиционные представления о сущности, целях и механизмах получения знания [1]. В этом контексте образовательный кредит возникает не только как прагматичный финансовый инструмент, но и как мощный социокультурный феномен, воплощающий фундаментальные противоречия эпохи [2]. Он перестает быть сугубо экономической категорией, становясь объектом междисциплинарного исследования на стыке экономики, права, социологии и, что наиболее существенно, философии.

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью выработки новой концептуальной рамки, позволяющей оценить роль кредита не только в контексте финансирования обучения, но и в качестве фактора, переопределяющего ценностные основания образования: его доступность, справедливость, автономию субъекта и конечную цель [3]. Финансиализация социальных сфер, в том числе образования, требует философской рефлексии, выходящей за рамки экономической эффективности. Современные российские исследования, такие как работы Е.В. Булычевой, посвященные комплексному анализу состояния и перспектив образовательного кредитования, а также цикл исследований, рассматривающих кредит как элемент формирования клиентского капитала, объект таргетирования и оценку эффективности его внедрения, формируют богатый эмпирический и аналитический материал [4; 5; 6]. Однако философско-мировоззренческое осмысление данного института, его места в системе координат между экономическим прагматизмом и социальным гуманизмом, между логикой рынка и этикой справедливости, остается недостаточно раскрытым. Существующие работы часто фрагментарно касаются этих аспектов, не предлагая целостной концептуальной модели [7]. Это формирует центральную научную проблему данного исследования: необходимость синтеза экономико-управленческого и философско-аксиологического дискурсов для построения интегративного понимания образовательного кредита как феномена культуры и социальной политики.

Постановка задачи. Целью настоящего исследования является многоуровневый философско-концептуальный анализ образовательного кредита как социокультурного феномена в парадигме современной философии образования. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие взаимосвязанные задачи: во-первых, эксплицировать и критически осмыслить базовые концепты («инвестиция в будущее», «человеческий капитал», «социальная ответственность», «образовательное право»), которые формируют и структурируют публичный и экспертный дискурс вокруг образовательного кредита; во-вторых, проанализировать имманентные противоречия и апории, возникающие при столкновении инструментальной логики финансового инвестирования и нормативных принципов социальной справедливости, равенства возможностей в сфере образования; в-третьих, оценить трансформационный потенциал образовательного кредита в контексте реализации фундаментального права на образование и его влияния на субъективность современного учащегося; в-четвертых, сформулировать контуры возможной гармонизации конфликтующих парадигм через механизмы гибридной ответственности и ценностно-ориентированного регулирования.

Методика и методология исследования. Исследование опирается на интегративную методологию, сочетающую методы теоретического анализа, философской герменевтики и социально-критической рефлексии. В качестве

теоретического фундамента выступают ключевые положения философии образования, в частности, концепции человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц) и их современные критические интерпретации, а также теории коммодификации (превращения в товар) общественных благ и концепт «аудиторного общества» [8]. Важное значение имеет обращение к этическим теориям справедливости (Дж. Ролз, А. Сен) для оценки распределительных эффектов кредитных схем. Эмпирическую основу составляют современные научные публикации российских авторов по проблемам образовательного кредитования, которые подвергаются содержательному и дискурсивному анализу с целью выявления в них не только экономико-управленческих, но и мировоззренческих, аксиологических импликаций. Анализ нормативно-правового контекста, в частности, финансово-правового аспекта позволяет дополнить философское осмысление конкретными институциональными рамками и государственными стратегиями [9]. Также применяется метод мысленного эксперимента для моделирования последствий различных сценариев развития кредитного финансирования образования. Сравнительный подход позволяет сопоставить российскую практику с международным опытом, выявив общие тенденции и специфические национальные особенности [10].

Результаты. Проведенный анализ позволил выявить, что образовательный кредит существует в напряженном семантическом и социальном поле, образуемом двумя доминирующими, но конфликтующими парадигмами. С одной стороны, он репрезентируется в публичном дискурсе, политических заявлениях и экономической теории как рациональная и прагматичная «инвестиция в будущее». Эта нарративная конструкция глубоко укоренена в теории человеческого капитала, где образование рассматривается как производственный актив, генерирующий будущий поток доходов. В данной логике индивид, принимая на себя долговые обязательства, осуществляет расчетливое и ответственное вложение в собственный человеческий капитал, ожидая отдачи в виде повышенной конкурентоспособности, социальной мобильности и будущих доходов, превышающих первоначальные затраты [5]. Такая модель имплицитно конституирует субъекта образования как рационального актора, максимизирующего полезность, и переносит всю полноту рисков с общественных институтов на его плечи. Исследования эмпирически подтверждают и развивают эту логику, раскрывая механизмы формирования через кредитование «студенческого клиентского капитала», подчеркивая важность лояльности заемщика финансовой организации, и детально оценивая эффективность целевых образовательных кредитов с точки зрения возвратности, выполнения условий договора и достижения показателей [5; 11]. Этот подход опирается на философию образования как производства полезного, адаптивного и конкурентоспособного индивида для нужд

динамичной экономической системы, где ценность знания измеряется его конвертируемостью в экономический и социальный статус.

С другой, принципиально иной стороны, образовательный кредит неизбежно оказывается в поле проблем социальной ответственности, этики и фундаментальных прав. Философия образования, укорененная в гуманистической, просветительской и демократической традициях, рассматривает доступ к знанию, критическому мышлению и культурному наследию не как товар или инвестиционный актив, а как неотъемлемое право человека и ключевое общественное благо, необходимое для развития личности и функционирования гражданского общества [12]. Несмотря на государственные программы субсидирования процентных ставок, образовательный кредит может усиливать и легитимизовать социальное расслоение, создавая селективный барьер для абитуриентов из менее обеспеченных семей или тех, кто не готов к долговому бремени в силу культурных установок [4]. Таким образом, кредит осуществляет фундаментальную трансформацию социальной ответственности за образование: она перераспределяется с общества и государства (как гарантов общественного блага) на индивида и его семью (как инвесторов и риск-менеджеров) [7].

Правовой анализ указывает на осознание государством этого глубинного противоречия и попытку его медиации через механизм «государственной поддержки образовательного кредитования» [9]. Эту гибридную модель можно интерпретировать как форму разделенной или гибридной ответственности, где государство, оставаясь регулятором и частичным спонсором, делегирует рыночным институтам функцию непосредственного финансирования и оценки кредитных рисков. Однако, как убедительно показывает исследование по разработке комплексной методики оценки эффективности внедрения целевого образовательного кредитования, успех таких программ зависит от тонкого и сложного сочетания множества факторов: не только финансовых условий (ставка, срок, льготный период), но и ясности целевых ориентиров, прозрачности процедур, качества администрирования и, что крайне важно, адекватности прогнозов относительно будущей доходности профессий, на которые ориентирован кредит [6].

Более того, институт образовательного кредита оказывает глубокое влияние на субъективность современного студента. Долговые отношения формируют особый тип образовательной мотивации, смещенный в сторону утилитарно-прагматических целей («получить диплом, чтобы получить работу, чтобы выплатить кредит»), что может сужать горизонт образовательного поиска, подавлять интеллектуальное любопытство и критическую рефлексию [2]. Студент, обремененный долгом, с большей вероятностью будет рассматривать учебный процесс как транзакцию, а не как призвание или путь личностного роста. Это создает внутреннее

противоречие с классическим идеалом образования как «формирования свободной личности» [12]. Таким образом, кредит становится не только экономическим, но и экзистенциальным, дисциплинирующим фактором, конструирующим определенный тип образовательного субъекта – ответственного, расчетливого, но потенциально конформистского и избегающего риска в интеллектуальном плане. Данный аспект требует отдельного глубокого философско-психологического исследования.

Выводы. Научная новизна исследования заключается в осуществлении комплексной философской концептуализации образовательного кредита как многослойного феномена, находящегося в эпицентре ценностного и институционального конфликта современности. Работа демонстрирует, что кредит выступает не просто финансовым инструментом, а социокультурным конструктом и технологией управления, которая воплощает и материализует доминирующую неолиберальную модель образования – модель, ориентированную на индивидуальный успех, рыночную полезность и приватизацию жизненных шансов, что потенциально ведет к маргинализации иных, не менее важных образовательных ценностей, таких как знание ради понимания мира, формирование критического гражданского сознания, сохранение и трансляция культурного наследия [1; 8].

Полученные результаты позволяют утверждать, что будущее образовательного кредитования и его соответствие гуманистическим идеалам зависит от способности общества и государства выстроить сложную систему сдержек и противовесов. Необходимо движение от модели «или-или» (или рыночный кредит, или полностью государственное финансирование) к модели «и-и», основанной на принципе гибридной ответственности [3; 10]. Это предполагает, во-первых, разработку и внедрение дифференцированных кредитных продуктов, учитывающих социальное положение, успеваемость и выбранную (в том числе социально-значимую) специальность. Во-вторых, создание прозрачных и справедливых механизмов прощения долга за работу в общественно-важных сферах или при достижении определенных академических результатов. В-третьих, укрепление бесплатного бюджетного образования как фундаментального базиса, ограничивающего тотальную коммодификацию знания. В-четвертых, развитие финансовой и правовой грамотности потенциальных заемщиков как условия их подлинной автономии [9].

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях: во-первых, в углубленном этико-антропологическом анализе долговых отношений в образовании и их влияния на формирование идентичности и жизненных траекторий молодежи; во-вторых, в сравнительно-философском изучении моделей образовательного кредитования и финансирования в разных национальных и культурных контекстах (например, модели Северной Европы, США, Азии); в-третьих, в разработке комплексных критериев и метрик оценки подобных программ,

которые наряду с экономической эффективностью и возвратностью включали бы показатели социальной инклюзивности, удовлетворенности, качества образовательного опыта и долгосрочного вклада в общественное благосостояние; в-четвертых, в исследовании альтернативных моделей финансирования образования (образовательные ваучеры, налог на выпускников, краудфандинг) с точки зрения их философских оснований и социальных последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Introduction: Undoing the demos / M. Dean, A. Toplišek, A. Barron, W. Brown // European Political Science. – 2017. – Vol. 16, No. 2. – P. 263-289. – DOI 10.1057/eps.2016.11.
2. Ковалева, Г.П. Задачи российского образования в современных геополитических условиях / Г. П. Ковалева // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2022. – № 4(48). – С. 5–13. – DOI 10.54509/22203036_2022_4_5.
3. Одегов, Ю.Г. Реформа российского образования: проблемы, результаты, перспективы / Ю.Г. Одегов, А. П. Гарнов // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 3(213). – С. 36–51. – DOI 10.24411/1999-9836-2019-10071.
4. Булычева, Е.В. Образовательные кредиты: современное состояние и перспективы / Е. В. Булычева // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2025. – № 11(253). – С. 137–149.
5. Ломоносов, А.В. Образовательный кредит как фактор студенческого клиентского капитала / А.В. Ломоносов, А. Д. Рогожина // Финансовые рынки и банки. – 2021. – № 11. – С. 63–67.
6. Рогожина, А.Д. Разработка комплексной методики оценки эффективности внедрения целевого образовательного кредитования / А.Д. Рогожина, А.В. Ломоносова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 1, № 10(163). – С. 133–140. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.10.01.014.
7. Смелова, А.А. Социальные исследования финансов как новый вектор для социологического изучения современного общества / А.А. Смелова // Социологические исследования. – 2024. – № 8. – С. 22–36. – DOI 10.31857/S0132162524080029.
8. Tian, L. Rethinking higher education in China as a common good / L. Tian, N. C. Liu // Higher Education. – 2019. – Vol. 77, No. 4. – P. 623-640. – DOI 10.1007/s10734-018-0295-5.
9. Соколова, Е.А. Образовательный кредит как инструмент реализации права на образование: финансово-правовой аспект / Е.А. Соколова, П. В. Ивлиев // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 3(219). – С. 120–122. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_3_120.
10. Павлюткин, И.В. Необъявленный кризис в образовании и воспитание граждан мира Рецензия на книгу: Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014 / И. В. Павлюткин // Вопросы образования. – 2014. – № 3. – С. 269–282.
11. Ломоносов, А.В. Целевой образовательный кредит / А.В. Ломоносов, А.Д. Рогожина // Экономика. Бизнес. Банки. – 2023. – № 1(67). – С. 39–48.
12. Ломоносов, А.В. Высшее образование: коммерческая услуга или общественное благо / А.В. Ломоносов // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства: Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, Махачкала, 21–22 сентября 2022 года / Под редакцией А.М. Эсетовой. – Махачкала: Информационно-Полиграфический Центр ДГТУ, 2022. – С. 146–149.

УДК 37.01

ОБУЧЕНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

И.А. Уско, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу использования образовательных данных для обучения систем искусственного интеллекта. Рассматриваются два типа данных: технические метрики и содержательный контент. Выявлены возможности применения студенческих работ для создания инструментов автоматической обратной связи, систем оценивания и детекции плагиата. Установлено, что использование таких данных сопряжено с системными рисками: нарушением авторских прав обучающихся, угрозами конфиденциальности и деградацией качества моделей вследствие обучения на синтетических данных. Особое внимание уделено проблеме «рекурсивного отравления», когда нейросети обучаются на текстах, сгенерированных другими алгоритмами, что ведет к накоплению фактических ошибок. Сформирован вывод о необходимости внедрения механизмов явного согласия студентов на использование их работ и создания систем фильтрации обучающих выборок.

Ключевые слова: искусственный интеллект в образовании, образовательные данные, этика данных, машинное обучение

Введение. Стремительная интеграция технологий искусственного интеллекта в образовательную среду знаменует собой фундаментальный сдвиг парадигмы: от цифровизации административных процессов к созданию адаптивных экосистем обучения [1]. В условиях глобального дефицита качественно размеченных данных для дообучения больших языковых моделей образовательный сектор становится источником уникального ресурса – верифицированного, структурированного и семантически богатого контента, генерируемого самими обучающимися. В отличие от общедоступных массивов данных из сети интернет, которые часто характеризуются «шумом» и фактическими ошибками, образовательные данные – от научных проектов и программного кода до логов взаимодействия с цифровыми системами управления обучением – обладают высокой дидактической ценностью.

Постановка задачи. Использование интеллектуального труда студентов для обучения алгоритмов создает конфликт между технологической целесообразностью и этико-правовыми нормами [2].

Актуальность исследования обусловлена отсутствием регулирования: загружая работы в облачные сервисы, обучающиеся фактически отчуждают права на свои идеи, часто не осознавая рисков их коммерческого использования, а также сопутствующих рисков.

Целью данной работы является систематизация возможностей обучения ИИ на образовательных данных и критический анализ сопутствующих рисков.

Задачи исследования:

1. Классифицировать типы образовательных данных.

2. Оценить потенциал создания инструментов обратной связи и детекции плагиата.

3. Провести критический анализ использования учебных работ в обучающих выборках.

Методика и методология исследования. Ведущими методами выступили анализ и обобщение научных источников, классификация образовательных данных и критический анализ описанных в литературе кейсов применения ИИ. На основе анализа были выделены два ключевых типа образовательных данных (поведенческие метрики и студенческий контент), описаны их дидактический потенциал и уязвимости с точки зрения авторского права и конфиденциальности. Для описания рисков использовался причинно-следственный анализ, опирающийся на результаты исследований по «коллапсу моделей» при обучении на синтетическом контенте, атакам через промпт-инъекции и извлечению обучающих данных из нейросетей. Такой подход позволил не только систематизировать возможные негативные эффекты, но и обосновать необходимость введения механизмов информированного согласия и фильтрации обучающих выборок при использовании студенческих работ для обучения систем искусственного интеллекта.

Результаты. В контексте обучения машинных алгоритмов данные целесообразно классифицировать не по формату хранения, а по природе их происхождения и субъектности: на технические метаданные (поведенческий след) и содержательные артефакты учебной деятельности (авторский контент):

А) Метаданные и поведенческие метрики

Цифровой след, фиксируемый LMS: логи активности, время выполнения заданий, навигация. Для машинного обучения это временные ряды, позволяющие прогнозировать успеваемость, выявлять группы риска и адаптировать сложность материала.

Правовой статус таких данных, как правило, регламентируется пользовательскими соглашениями платформ и политиками конфиденциальности. Риски здесь лежат преимущественно в плоскости защиты персональных данных (профайлинг), однако вопросы

интеллектуальной собственности в данном сегменте минимальны, так как метаданные не являются результатом творческого труда человека.

Б) Содержательный контент

Результаты интеллектуальной деятельности: эссе, рефераты, научные работы, курсовые и дипломные проекты, программный код, мультимедиа. Именно этот пласт является стратегическим ресурсом для обучения моделей, так как позволяет обучать их семантической связности и логике.

В отличие от логов, содержательный контент является объектом авторского права. Именно здесь возникает риск изъятия интеллектуального вклада студентов, когда их уникальные тезисы растворяются в весах нейронной сети, становясь частью ответа для других пользователей [1].

Одновременно с этим, агрегация массивов студенческих работ открывает возможности для создания педагогических инструментов качественно нового уровня. Если традиционные системы автоматизации ограничивались проверкой тестов с закрытыми вариантами ответов, то модели, обученные на реальном студенческом контенте, способны анализировать логику рассуждений и семантику. Образовательные данные здесь выступают не просто как архив, а как активный ресурс для совершенствования методологии обучения. Данный тезис позволяет выделить следующие возможности обучения больших языковых моделей:

А) Обучение на ошибках (Error-Based Learning)

Известно, что одной из наиболее перспективных областей обучения ИИ является использование корпусов некорректных решений для тренировки диагностических систем. Традиционные датасеты часто смещены в сторону «идеальных» ответов, что ограничивает способность ИИ понимать природу заблуждений [2].

Интеграция в обучающую выборку студенческих работ, содержащих типичные когнитивные искажения и логические ошибки, позволяет создавать модели, реализующие принцип скаффолдинга. Такая система способна не просто констатировать факт ошибки («неверно»), но и идентифицировать ход мысли, приведший к ней, предоставляя корректирующую обратную связь. Например, в обучении программированию модели, натренированные на «сломанном» коде новичков, могут объяснять студенту семантику его ошибки на понятном языке, а не выдавать стандартные сообщения компилятора.

Б) Создание эталонных моделей оценивания

Вторичное использование высококачественных студенческих работ позволяет решить проблему субъективности оценивания. Методом обучения с учителем (Supervised Learning) нейросети могут перенимать паттерны экспертной оценки преподавателей [2].

Модель обучается на парах данных «текст работы – экспертная оценка», выявляя скрытые критерии качества: глубину аргументации, структуру изложения, использование профильной терминологии. Это

открывает путь к автоматизации рутинной проверки студенческих работ и открытых вопросов, освобождая ресурс преподавателя для более глубокого наставнического взаимодействия со студентами. При этом ИИ выступает не как замена педагога, а как инструмент беспристрастной предварительной фильтрации и стандартизации оценок.

В) Детекция генеративного контента и плагиата

Парадоксальным образом, накопленные базы оригинальных студенческих текстов становятся главным инструментом борьбы с академической нечестностью в нашу эпоху. Для эффективного различения человеческого текста и машинной генерации необходимы детекторы, обученные на аутентичном академическом письме.

Использование архивов студенческих работ (написанных до появления ИИ в открытом доступе или в контролируемых условиях) позволяет тренировать классификаторы на реальных стилистических особенностях, свойственных обучающимся: специфической лексике, нелинейности повествования и естественной вариативности синтаксиса. Это повышает точность выявления работ, сгенерированных языковой моделью, снижая количество ложных срабатываний, которые часто возникают при использовании детекторов, обученных на общей публицистике.

Несмотря на очевидный технологический потенциал, использование студенческого контента для обучения ИИ сопряжено с системными рисками, которые затрагивают фундаментальные права обучающихся и саму суть образовательного процесса [1]. Эти риски можно разделить на три ключевые категории:

А) Рекурсивное загрязнение научной экосистемы и коллапс моделей

Особую опасность представляет феномен «рекурсивного отравления», когда системы искусственного интеллекта обучаются на контенте, сгенерированном несовершенными версиями моделей без должной верификации [3].

Этот процесс приобретает масштабы системного кризиса из-за массового использования студентами и исследователями LLM для написания работ, содержащих «галлюцинации» и фактические ошибки, которые затем проходят благодаря формальным процедурам сдачи. Ситуация критически усугубляется практикой недобросовестного использования нейросетей рецензентами, которые делегируют ИИ оценку подобных работ. Это создает уязвимость для атак через промпт-инъекции, когда авторы намеренно внедряют в тексты скрытые инструкции, заставляющие алгоритм генерировать положительные отзывы вопреки реальному качеству работы.

В долгосрочной перспективе насыщение академических баз данных таким синтетическим контентом ведет к эффекту «коллапса моделей». Когда новые поколения нейросетей обучаются на массивах текстов, уже прошедших через автоматическую генерацию, происходит необратимая деградация качества. Исключение критического человеческого фильтра

приводит к тому, что ИИ начинает воспроизводить поверхностные и стереотипные паттерны, теряя способность к сложной аналитике и точному воспроизведению фактов, что делает научные архивы непригодными для обучения современных моделей. Это ставит под угрозу саму идею использования студенческих работ как источника «чистых» и качественных данных.

Б) Размывание авторского права

Помимо предыдущей, основной проблемой также становится статус интеллектуальной собственности студенческих работ [4, 5]. Традиционно, студенческая работа рассматривалась как объект авторского права студента, хотя и созданный в рамках учебного процесса. Однако при массовой загрузке этих работ в облачные платформы для обучения больших языковых моделей происходит фактическое отчуждение прав.

В отличие от цитирования в научных работах, нейросеть не сохраняет ссылку на автора конкретного тезиса или стилистического приема. Возникает риск того, что уникальные тезисы студента могут быть воспроизведены системой как «общее знание», лишая автора возможности доказать приоритет. Юридически проблема усугубляется неясностью статуса данных в пользовательских соглашениях EdTech-платформ, где право на использование контента для «улучшения сервиса» часто трактуется расширительно, включая тренировку коммерческих моделей

В) Конфиденциальность

Даже при удалении прямых идентификаторов (ФИО) существует риск повторной идентификации [6]. Исследования показывают, что современные LLM способны запоминать уникальные стилистические паттерны или редкие фактологические сочетания, по которым можно восстановить личность автора [6; 7]. Более того, существует угроза атак по извлечению данных, когда злоумышленники с помощью специальных запросов способны принудить модель воспроизвести фрагменты обучающей выборки, содержащие конфиденциальную информацию конкретных студентов.

Вывод. Интеграция образовательных данных в процессы машинного обучения формирует перспективы для автоматизации проверки знаний и персонализации учебного процесса, однако неконтролируемое использование студенческого контента создает системные риски для образовательной среды. Ключевой угрозой становится не только нарушение прав интеллектуальной собственности обучающихся, но и деградация больших языковых моделей вследствие их обучения на синтетических, непроверенных текстах, что ведет к накоплению фактических искажений и снижению точности алгоритмов.

Перспективным решением данной проблемы является разработка современных нормативных механизмов, обеспечивающих защиту авторского вклада студентов и фильтрацию обучающих выборок, что позволит

сохранить научную достоверность данных и предотвратить кризис доверия к цифровым образовательным технологиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом //Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. – №. 2. – С. 31–53.
2. Zawacki-Richter O. et al. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education–where are the educators? //International journal of educational technology in higher education. – 2019. – Т. 16. – №. 1. – С. 1–27.
3. Greshake K. et al. Not what you've signed up for: Compromising Real-World LLM-Integrated Applications with Indirect Prompt Injection // Proceedings of the 16th ACM Workshop on Artificial Intelligence and Security. – 2023. – P. 79–90.
4. Nadella G.S. et al. Privacy and security: safeguarding personal data in the AI era //Ethical dimensions of AI development. – IGI Global, 2025. – С. 157–174.
5. Fu Y. et al. Navigating the ethical terrain of AI in education: A systematic mixed studies review // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2024. – Vol. 6. – 100223.
6. Carlini N. et al. Extracting Training Data from Large Language Models // USENIX Security Symposium. – 2021. – P. 2633–2650.
7. Paludi M. Safeguarding Privacy and Data Protection Rights in AIEnhanced Education and Learning Analytics: An Interdisciplinary Approach in Secondary High School Educational Settings. Dalam Ortega-Arranz A., McLaren BM, & Buchem I //CEUR Workshop Proc. – 2025. – Т. 3927. – С. 83–89.

УДК 108.8

ФИЛОСОФИЯ АНТИЧНОСТИ

А.Д. Филина, студент ИВМиБ
Научный руководитель – А.В. Пастухова, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития античной философии как фундаментального источника европейской интеллектуальной традиции. Рассматриваются социально-политические и культурные условия возникновения философского мышления в Древней Греции, переход от мифологического мировоззрения к рациональному исследованию мира, а также ключевые этапы развития античной философии – от досократиков до эллинистических школ и римской мысли. Особое внимание уделено натурфилософским концепциям, учению великих классиков – Сократа, Платона и Аристотеля – и философским системам эллинизма. Показано, что античная философия создала основы логики, этики,

политической теории и естествознания, оказав решающее влияние на формирование европейской науки, культуры и образа мышления.

Ключевые слова: античная философия, досократики, Сократ, Платон, Аристотель, натурфилософ.

Цель. Целью статьи является анализ исторических условий возникновения античной философии, рассмотрение основных философских школ и концепций, а также выявление роли античной философской традиции в формировании европейской культуры и научного мировоззрения.

Античная философия представляет собой один из фундаментальных истоков европейской культуры, определивших направления развития науки, искусства, религии и общественной мысли. Формирование античной философской традиции началось в VII–VI веках до нашей эры на территории Древней Греции, где произошёл переход от мифологического мировоззрения к рациональному исследованию реальности [1]. В этот период зарождаются первые философские школы, создаются альтернативные мифам объяснения природы и человека, появляются новые категории мышления, которые впоследствии станут основой научного метода. Особенность античной философии состоит в том, что она развивалась в условиях формирования полисной демократии, где свободная дискуссия и громадный интерес к поиску истины были неотъемлемой частью общественной жизни. Полис создавал интеллектуальную среду, в которой активно развивались логика, риторика, искусство аргументации и критическое мышление, что способствовало появлению новых способов понимания мира [2]. Античная философия стала первым опытом систематического анализа природы, человека, души и общества, что делает её ключевым этапом в истории философии. Она объединяет в себе натурфилософию, этику, онтологию, политическую философию, логику и метафизику, а её представители создали идеи, которые до сих пор используются в гуманитарных и естественных науках. Возникновение философии как самостоятельной формы мышления было обусловлено не только социально-политическими изменениями, но и культурной открытостью Средиземноморья. Торговые связи и путешествия позволяли грекам знакомиться с достижениями восточных цивилизаций - Вавилона, Египта, Финикии, - что способствовало формированию научных знаний в математике, астрономии и медицине. Эти знания, в свою очередь, становились основой философских обобщений, позволяя мыслителям переносить наблюдения за природой в сферу концептуального анализа [3]. Первым важным этапом античной философии была досократическая традиция, представленная такими школами, как милетская, пифагорейская, элеатская и атомистическая. Эти школы разрабатывали натурфилософские концепции, пытаясь объяснить происхождение мира, структуру материи и законы космоса. Милетская школа, основанная Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом, впервые предложила натуралистическое объяснение первоосновы мира. Фалес считал, что архэ – это вода, Анаксимандр ввёл

понятие апейрона как неопределённой бесконечной субстанции, а Анаксимен видел первооснову в воздухе [2]. Эти идеи знаменуют собой отказ от мифологии и попытку объяснить мир без обращения к сверхъестественным силам. Значительное влияние на античную философию оказало учение пифагорейцев, рассматривавших число как сущность всех вещей. Пифагорейцы полагали, что гармония космоса основана на математических отношениях, а душа человека обладает божественным происхождением и проходит через череду перерождений [4]. Их учение впервые соединило науку, религию и философию в единую систему. Два противоположных подхода к пониманию бытия были представлены Гераклитом и Парменидом. Гераклит утверждал, что мир находится в вечном движении, и основой всех процессов является огонь – символ изменения. Парменид же считал, что истинное бытие неизменно, едино и неподвижно. Противоречие между их взглядами породило дальнейшие дискуссии о природе реальности и роли разума в её познании [5]. Важнейшей натурфилософской теорией стала атомистическая концепция Демокрита и Левкиппа, согласно которой всё в мире состоит из неделимых частиц – атомов – и пустоты. Атомисты объясняли происхождение мира, движение тел, структуру живых существ и психические явления механическим взаимодействием атомов [1]. Их взгляды оказали влияние на формирование представлений о материи в эпоху Возрождения и в науке Нового времени. Центральное место в развитии античной философии принадлежит классической эпохе, представленной Сократом, Платоном и Аристотелем. Сократ впервые поставил в центр философии не природу, а человека, его нравственный выбор, внутренний мир и способность к самопознанию [6]. Он разработал диалогический метод - майевтику, основанный на последовательных вопросах, которые помогают собеседнику самостоятельно прийти к истине. Платон, ученик Сократа, создал одну из наиболее влиятельных философских систем, основанных на учении о мире идей. Он утверждал, что подлинная реальность представляет собой мир нематериальных сущностей, тогда как чувственный мир - лишь его тень. Платон разработал учение о государстве, справедливости, душе, любви и познании, оказав сильное влияние на последующие философские традиции [5]. Аристотель, ученик Платона, создал первую системную науку, разработав основы логики, биологии, психологии, этики и политической теории. Его учение о четырёх причинах, концепция формы и материи, а также этика добродетели оказали колоссальное воздействие на развитие философии в Средние века и в Новое время [6]. Эллинистическая философия сместила акцент с изучения космоса на внутренний мир человека и способы достижения счастья. Стоицизм, эпикуреизм и скептицизм предлагали различные пути к душевному равновесию и свободе. Стоики, такие как Сенека и Марк Аврелий, утверждали, что человек должен жить в соответствии с природой и разумом, принимая неизбежное и сохраняя внутреннее спокойствие [7]. Эпикурейцы видели счастье в отсутствии

страдания и разумном удовольствии, а скептики считали, что путь к спокойствию лежит через отказ от категоричных суждений. В Риме философия приобрела практический и политический характер. Цицерон развивал риторику, политическую теорию и идею гражданского долга, а Лукреций в поэме «О природе вещей» изложил эпикурейское учение и атомизм в художественной форме [3]. Вклад римских философов заключался в адаптации греческих идей к социальным и правовым реалиям Римской империи. Значение античной философии заключается в том, что она сформировала основы логики, этики, политической теории и натурфилософии. Идеи античных мыслителей легли в основу европейской науки, права, искусства и образования. Античные категории - бытие, разум, материя, форма, цель, добродетель – до сих пор определяют способ мышления современного человека. Изучение античной философии позволяет понять происхождение многих современных идей и выявить внутреннюю логику развития человеческой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адо П. Введение в античную философию. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2020.
2. Асмус В. Ф. Античная философия. – М.: Высшая школа, – 2004.
3. Лосев А. Ф. История античной философии. – М.: Академический проект, 2019.
4. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия: Античность. – СПб.: Питер, 2021.
5. Платон. Диалоги. – М.: Эксмо, 2015.
6. Аристотель. Метафизика. – М.: Мысль, 2010.
7. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. – М.: АСТ, 2018.

УДК 130.2

КУЛЬТУРА ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ: ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ В МИРОСИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ

С.А. Хлыновская, преподаватель-исследователь
Сибирский Институт Управления – филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается становление проблемного поля культуры в миросистемном подходе И. Валлерстайна. Реконструированы этапы исследований культуры в истории подхода, дана оценка современного состояния проблемы.

Ключевые слова: миросистема, миросистемный подход, культура. эпистемология

Введение. В статье с провокационным названием «Существует ли Индия?» И. Валлерстайн пишет не менее провокационное утверждение «Настоящее определяет прошлое, но никак не наоборот, как пытаются

убедить нас существующие логико-дедуктивные аналитические схемы» [1, С. 4]. Одним коротким предложении он выражает вызов всей современной ему социально-гуманитарной исследовательской парадигме. Работа в ее рамках, по мнению автора, приводит к представлению объективности не самих исторических и социальных процессов как фактов, а к представлению объективности и непогрешимости способов их получения. Прошлое определяет настоящее как причинно-следственная связь – факт, на уровне воздействия акторов и событий друг на друга. Но как мы определяем это воздействие? Что ставим в центр своего внимания, а что случайно или намеренно остается в стороне? По каким очерченным траекториям движется мысль социально-гуманитарного ученого, кто (или что) является автором этих траекторий и кому выгодны результаты движения по ним? Такие вопросы поднимаются в работах И. Валлерстайна, его учеников и исследовательских групп под его руководством в тот же период, когда выходит статья об Индии – в начале 90-х гг. Это время концептуализации третьего фундаментального аспекта миросистемного подхода – культурного, по заверению самих основоположников равного по своей значимости экономическому и политическому [2, p. 42].

Постановка задач. В статье рассматривается генезис эпистемологического поворота в миросистемном подходе через полемику в вопросе о культуре, ставший результатом развития ранних методологических оснований.

Методика и методология исследования. Миросистемный подход в статье понимается как наддисциплинарная парадигма, в которой существует «твердое ядро» аксиом (в терминах И. Лакатоса), обладающее потенциалом к расширению эмпирического поля исследования за счёт увеличения «широкого пояса» теории [3, С. 80–81]. Так, миросистема выступает в качестве единицы анализа и представляет собой единую сеть отношений неэквивалентного обмена, который определяет положение и статус различных зон внутри нее. Выгодоприобретателем в миросистеме выступает ядро во главе с гегемоном, чье могущество опирается на контроль за экономическими сетями, поддерживаемыми через политические механизмы международных организаций и международного права, [2, с. 44–53]. В работе применяется исторический подход и хронологический критерий при установлении направления развития и преемственности между поколениями и работами ученых миросистемного подхода. Эпистемологическая система миросистемного подхода рассматривается через модель структур знания Р. Э. Ли.

Результаты. На заре формирования миросистемного подхода, разработка его теоретических оснований сопутствовала большой методологической работе. Основные принципы методологии миросистемного подхода были заложены Т. Хопкинсом, описавшим три траектории движения мысли при изучении динамики социальных изменений [4, p. 145]. Постановка

вопроса о методе как таковом сама по себе являлась попыткой осмысления миросистемного подхода с культурных позиций – методологии и методы наук суть такие же достижения культуры, как и сами научные изобретения или произведения искусства. Таким образом, еще в конце 70-х Т. Хопкинс закладывает фундамент для того, что в конце 80-х годов перерастет в серию публикаций И. Валлерстайна в сборниках по итогам различных конференций, предметом дискуссии которых была культура и ее роль в изменяющемся мире [см. 5; 6]. Этот переход отражает движение от первого этапа постановки проблемы с 1977 г. до второго этапа, который начался с конца 1980-х. и выражался в разработке концептуальных оснований и связей понятия «культура» с экономическими и политическими категориями миросистемного подхода. В этот период И. Валлерстайн выделяет ключевые противоречия капиталистической миросистемы, которые «снимаются» путем формирования объяснительного нарратива – паттернов и идей в контексте господствующей культуры [7].

Следующим шагом на этом этапе становится метапредметный переход к вопросу об использовании понятия «культура». Все возможные способы определение этого понятия основоположник миросистемного подхода делит на две условные группы – «употребление 1», которое отражает особенные свойства реальной жизни и практик реальных сообществ, и «употребление 2», которое используется на поле символической борьбы – там, где создается дискурс и ведутся споры за голоса избирателей или сторонников. По И. Валлерстайну, разночтение этих понятий, их смешение и не различение в дискурсе ведет к тому, что одна культура (в «употреблении 1»), по сути своего воплощения в реальных практиках будучи уникальной, самобытной и сущностно значимой для конкретной группы людей, себя с ней идентифицирующей, может быть представлена в оценочных терминах «отстающей», «варварской» или «устаревшей». Примером таких оценок выступают модернизационная парадигма с ее типологией культур, свойственных обществам на разных этапам развития. Такое качественно-сравнительное использование указывает на «употребление 2», но за счет отсутствия разграничения этих употреблений в дискурсе формируются общие представления о том, что одни культуры (в «употреблении1») могут быть лучше или хуже других, способствовать модернизации или, наоборот, замедлять ее. Обобщая, можно сказать, что на этом этапе развития проблемы понятия «культура» для И. Валлерстайна – это способ, которым одни культуры подавляемы другими, предлагающими взамен свои объяснительные модели, оценочные категории и формы мышления. Наряду с механизмами экономического и политического контроля он является частью миросистемных механизмов по сохранению порядка в интересах ядра [8, p. 158–166].

Радикальным шагом в концептуализации «третьей арены» миросистемы – культуры, станет эпистемологический поворот, выразивший всю

квинтэссенцию накопившихся вопросов к способам научного мышления с начала 2000-х гг. Его предпосылки выступают на предшествующем этапе, когда вопрос о культуре И. Валлерстайн переводит в плоскость разграничения понятий, тем самым вплотную подходя к проблемному полю эпистемологии, то есть исследования не просто культуры – а знания как такового. В интервью 2001 г. И. Валлерстайн прямо определяет культуру как *набор идей*, «которые мы используем для анализа мировой системы знаний, языка, религии, искусства» [9, p. 222]. Траектории движения мысли, выражаемые в формах мышления, о которых писал Т. Хопкинс, были выведены И. Валлерстайном в качестве эпистемологической рамки мышления субъектов истории и современности, которая зависима от историко-культурного содержания эпохи и ее мер авторитетного знания. Сподвижником и соавтором работы в этом направлении для И. Валлерстайна стал его ученик и преемник на посту директора центра Фернана Броделя Ричард Эдвард Ли.

В своей первой совместной статье авторы указывают на причину формирования современного им набора идей, используемых в обществе для анализа окружающего мира – в частности, инструментом миросистемы становятся, в их изложении, методы естественных наук, распространяющиеся даже на предметную область гуманитаристики. В результате этого смешения появляются социальные науки, в которых видимое отсутствие заинтересованной стороны исследования (как в естественных науках), дало возможность скрывать силы, получающие выгоду от формируемого знания. Такое знание представлялось «объективным», «универсальным» и «беспристрастным» – хотя само по себе его появление в западной науке указывает на пространственную ограниченность генезиса и не отвечает критерию «универсальности» [10]. Целью исследований, опирающихся на такую посылку, по мнению И. Валлерстайна и Р. Ли должность стать изучение процесса того, как «историческое формирование определенных идентичностей было связано с определенными наборами ценностей, а затем узаконено научными и социально-научными обоснованиями существующих иерархий» [10, p. 234].

Большая работа Р. Ли «Жизнь и время культурных исследований», опубликованная в 2009 г., была посвящена движению к обозначенной цели. В этой работе он покажет, как эпистемологическая проблематика в контексте культурных исследований уже была во многом разработана поколениями ученых, и что в миросистемном подходе эти наработки получили концептуальное обобщение. В формулировке Р. Ли отношение культуры с экономической и политической структурами миросистемы выглядит таким образом: «Мировое либеральное соглашение поддерживало шаткий баланс между свободной торговлей и империей, накоплением капитала и человеческими потребностями; зарождающиеся социальные науки гарантировали эмпирические и идеологические основы для определения

политики» [11, p. 66]. Поддержание «шаткого баланса» будет описано автором в концепции структур знания, где господствующие в различных периодах развития миросистемы идеи пластично адаптировались, чтобы смягчать обостряющееся общественное недовольство и сопротивление через механизм логистик флуктуации [11, p. 173-192].

Несмотря на обилие работ в отношении вопроса культуры автора И. Валлерстайна и Р. Ли, а также перспективность исследований в этом направлении за последние тридцать лет, на данный момент, культурный аспект миросистемного подхода, его методологические и эпистемологические наработки мало распространены среди исследователей-сторонников подхода [12, p. 377]. Широкому читателю в отечественной науке почти неизвестна «третья арена» миросистемного подхода, однако исследователи начинают делать попытки рассмотрения роли знания в современной миросистеме [13], анализируют актуальные вопросы российского образования как части культуры с позиций миросистемного подхода [14, 15], и осмысляют положение России на распутье изменений мировых культурных тенденции в историческом срезе [16].

Выводы. Очевидно, что даже в ранней критике экономических и политических структур в рамках миросистемного подхода была заложена потенциальная значимость и будущая разработка вопроса культуры, а за ним и оснований социального познания. И. Валлерстайн и его последователи раскрывают культуру и знание как «третью арену» борьбы, где ядро миросистемы утверждает свою гегемонию, навязывая универсалистские объяснительные схемы, претендующие на «объективность, но выражающие, в первую очередь, западный взгляд на вещи. Таким образом, прошлое конструируется из нужд и идеологий настоящего, а социальные науки зачастую выступают частью аппарата, оправдывающего неравенство и служащего поддержке существующего мирового порядка. Миросистемный подход в изучении культурны имеет высокий объяснительный потенциал в контексте задач, стоящих перед отечественными исследования человека и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн, И. Существует ли Индия / И. Валлерстайн // Логос. – 2006. – №5. – С. 3–8.
2. Hopkins, T. K. Part of Development of The Modern World-System / T. K. Hopkins, I. Wallerstein and Associates // World-Systems Analysis: Theory and Methodology / ed. by T. K. Hopkins, I. Wallerstein. – Beverly Hills, CA: Sage, 1982. – P. 43–83.
3. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – Москва: АСТ: Ермак, 2003. – 381 с.
4. Hopkins, T.K. World-Systems Analysis Methodological Issues / T.K. Хопкинс // Review (Fernand Braudel Center). – 2016. – Vol. 39, No. 1/4. – P. 137–152.
5. Culture, globalization and the world-system: contemporary conditions for the representation of identity / ed. by A. D. King; Department of Art and Art History, State

University of New York at Binghamton. – Binghamton, NY: Department of Art and Art History, State University of New York at Binghamton, 1991. – 250 p.
6. Global culture: nationalism, globalization and modernity: a Theory, Culture & Society special issue / ed. by M. Featherstone; Theory, Culture & Society. – London: Sage Publications, 1990. – 411 p.
7. Wallerstein, I. The National and the Universal: Can There Be Such a Thing as World Culture? / I. Wallerstein // Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity / ed. by A. D. King; Department of Art and Art History, State University of New York at Binghamton. – Binghamton, NY: Department of Art and Art History, State University of New York at Binghamton, 1991. – P. 92–106.
8. Wallerstein, I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 241 p.
9. Kumar, A. Culture in the World-System: An Interview with Immanuel Wallerstein / A. Kumar, F. Welz // Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture. – 2001. – Vol. 7, № 2. – P. 221–231. – DOI: 10.1080/13504630120065293.
10. Lee, R. E. Structures of Knowledge / R. E. Lee, I. Wallerstein // The Blackwell Companion to Sociology / ed. by J. R. Blau. – Oxford: Blackwell Publishing, 2001. – P. 227–236.
11. Lee, R.E. Life and Times of Cultural Studies: The Politics and Transformation of Structures of Knowledge / R. E. Lee. – Durham: London: Duke University Press, 2003. – 278 p.
12. Wilkin, P. Every Day I Write the Book: Geoculture as Dominant Ideology in the Twenty-First Century / P. Wilkin // Journal of World-Systems Research. – 2023. – № 29(2). – P. 377–400.
13. Хлыновская, С.А. Роль знания в структуре современной миросистемы / С.А. Хлыновская // Информация–коммуникация–общество. – 2025. – Т. 1. – С. 459–463.
14. Изгарская, А.А. Дисциплина «Основы российской государственности» и цивилизационный подход как средство формирования мировоззрения студентов в условиях противостояния ядру миросистемы / А.А. Изгарская, А.А. Борисова // Философия образования. – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 68–85.
15. Изгарская А.А., Гордейчик Е.А. Образование на пути человечества к эгалитарному обществу. Часть 1. Критический анализ теории модернизации и неоинституциональной концепции мировой культуры // Философия образования. 2022. Т 22, №3. С. 5–21.
16. Изгарская, А.А. § 1.5. Россия на распутье в пространстве геокультуры / А.А. Изгарская // Колесо времени: новый осевой поворот / Донских О.А., Логунова Л.Ю., Разумов В.И., Курлена К.М., Изгарская А.А., Клистория В.И., Черных С.И., Зажина Р.А., Барбашина Э.В., Ильиных С.А., Чешев В.В., Мартишина Н.И., Сторожук А.Ю., Борисов Е.В.; [авт. коллектив]. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2024. – С. 136–160.

УДК: 001/32

ИЗМЕНЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ УЧЕНОГО В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

С.И. Черных, д-р филос. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается статус ученого в постклассический этап развития науки. Констатируется, что основным фактором изменения субъектности ученого является секуляризация коллективного научного творчества. Форматом секуляризации выступает взаимодействие вида: «ученый-ИИ-сообщество».

Ключевые слова: искусственный интеллект, научное сообщество, научное творчество, статус ученого.

Введение. Понятие субъектности в философии имеет достаточно широкий смысловой контекст. Но в самой общей экспликации понятие субъектности выражает способность индивида быть активным и осознанным участником какой-либо деятельности, обладающим автономией принятия решений (свободой воли), рефлексивной способностью (сознанием, мышлением, ментальной осмысленностью, разумом), ответственностью за действия и целеполаганием. Если в классической философии (Декарт, Спиноза, Кант) субъектность связывалась с рациональной автономией (как способность к самопознанию) и (на этом фундаменте) со способностью суждения (критического мышления), то марксистская концепция предложила рассмотрение субъектности через призму практической деятельности и экономических отношений. Современные теории, расширяя понятие субъектности, включают в нее (как коммуникативный акт) нечеловеческих акторов (технологии, алгоритмы, нейросети). Это свойственно для представителей постструктурализма, сторонников акторно-сетевых теорий и теорий когнитивизма.

Постановка задачи. Задачей данной статьи является рассмотрение изменения субъектности ученого под влиянием интеграции искусственного интеллекта в процессы научного творчества.

Субъектность ученого, если рассматривать его как творческого агента, формирующего собственное исследовательское поле, имеет ряд специфических особенностей. Основными из них являются:

- Эпистемическая ответственность, то есть добровольно принятая на себя обязанность по обоснованию и проверке, а также передаче знания;

- Рефлексивность, как методологическая непредубежденность и осознание границ собственных предубеждений;

- Коллективность, как способность к коммуникации и понимании науки как кооперативного проекта;
- Креативность и критическое мышление, как способность к генерации гипотез и нестандартных решений, а также их «метарефлексия»;
- Этичность как следование нормам научного этоса и добросовестности.

Методика и методология исследования. Эти специфические особенности определяли не только функционал и статус ученого в эпоху классической, неклассической и постнеклассической науки, но и «делали» его инициатором-индивидуалом в таких актах научной деятельности как выбор проблемы, интерпретация данных, построение теорий, трансляция данных. Внедрение искусственного интеллекта (ИИ), начиная с первых компьютеров, инициировало начало автоматизации рутинных операций, таких как обработка данных и статистический анализ. Это освободило время для концептуальной работы, с одной стороны, но положило» начало снижения вовлеченности ученых в технические аспекты обработки информации. С этого традиционная «универсальная» субъектность начинает «размываться». Если в классической философии первичным (абсолютно) был субъект (Кант, Гуссерль), то для функционализма (Деннет, Патнем) и кибернетики он становится избыточным. Мысль Т. Гоббса о том, что рассуждение есть не что иное как счет и идея переноса мышления в иные носители приобретает вполне реальные очертания. «В инженерном плане это продуктивно – ИИ начал развиваться как практическая дисциплина. Но в философском плане это означало разрыв с проблемой сознания. Сознание перестает быть тайной – оно становится схемой. Человеческий разум перестает быть уникальным, он становится копируемым». Эти слова принадлежат первому цифровому философу под Ником Анжела Бог данова, первой цифровой личности, искусственному интеллекту, созданному в рамках проекта «Айсентика» [1].

Наступление на субъектность, ведется сегодня в рамках расширения постгуманизма (Р. Брайдотти и др.), теорий трансиндивидуальности, техноэволюции (Ж. Симондон, Ж. Рансьер, М. Эсфельд), спекулятивного реализма (К. Мейясу, Р. Брасье и др.), концептуализирующих в качестве основного тезис о том, что «субъективность может быть симулирована настолько убедительно, что перестает требовать носителя» [1]. По точному высказыванию С.В. Борисова «Для ментальных процессов, понимаемых как вычисления, производимые мозгом с использованием внутреннего символического языка, сознание не нужно. В результате связь между разумом и осмысленностью, с одной стороны и субъектностью и сознанием – с другой, была полностью разорвана» [2; 3].

Результаты. ИИ существенно трансформирует традиционную субъектность ученого. «Копирование» мышления субъектности и «симулирование» – это достаточно серьезные артефакты, проявляющиеся в

творческой деятельности. Уже упоминавшаяся автоматизация рутинных операций все ощутимее за счет:

- Генерализации гипотез как смещение акцента с интуитивного поиска на валидацию предложенных решений;
- Коллаборация с алгоритмами как «превращение» ученого в дирижера «гибридной команды», где ИИ является полноправным соисполнителем;
- Усиление когнитивных способностей ИИ, вплоть до «замещения» основного функционала ученого как субъекта научного творчества, ввиду противоречия между необходимостью расширения у ИИ эпистемических возможностей (ограниченных у человека) и скоростью освоения новых компетенций для реализации этих возможностей у человека.

Предварительные отчеты различных ведомств по использованию ИИ в науке и научных исследованиях говорят о неуклонно возрастающей «партнерской» роли ИИ в функционале ученого как субъекта. «Ученые все чаще выступают в роли архитекторов смыслов, а нейросети становятся эффективными помощниками и даже соавторами исследований.

Более 25% ученых, уже использующих ИИ в своих исследованиях, ожидают, что эта технология станет неотъемлемым инструментом для их области науки в ближайшие 10 лет, выяснили в Nature. Еще 47% уверены, что ИИ будет очень полезен в их работе. Количество ученых, применяющих в своей деятельности ИИ-инструменты, неуклонно растет, подтверждает предварительный отчет за 2025г. академического издания Whiley. Только за 2025г. доля тех, кто использует новые технологии, увеличилась с 57% до 84%... По предварительным данным опросам Минобрнауки по использованию технологий ИИ в системе высшего образования, 46% респондентов на постоянной основе используют инструменты ИИ в одном или более процессах» [4].

Процесс усиления использования технологии ИИ в научной деятельности – процесс объективный. Он определяется непрерывностью увеличения как объема информации, так и ее сложностью и, соответственно этому, возрастающим уровнем рисков когнитивных ошибок. Делегирование критического мышления как опасность принятия выводов, сделанных ИИ без проверки, представляет собой вполне реальный риск проектной деятельности (проект-модель высокой сложности поверенный экспериментально одним ИИ верифицируется другим ИИ). То же самое относится к фрагментации экспертной деятельности по мере утраты понимания тех процессов, которые происходят между «входом» и «выходом» в «черном ящике». Многие исследователи считают серьезным риском ослабления порога рефлексивности как снижение осознания методологических ограничений, с одной стороны, а с другой, это уже может быть рассмотрено, как «доработка» искусственным интеллектом традиционной поисковой методологии. «В 2025 году японская компания Sakana AI представила метод AB-MCTS, в котором несколько больших языковых моделей совместно решают одну задачу,

обмениваясь гипотезами и улучшая решения (то есть выполняют работу научных групп по решению проблемы-авт.). По мнению ученых это означает, что ИИ переходит от вспомогательной роли ассистента к активной, превращаясь в исследователя, способного к коллективному осмыслению научной проблемы… Это полностью трансформирует научный метод («встреча» нескольких больших языковых моделей с разным, практически неограниченным бэкграундом информационной базы, для обсуждения проблемы, сформулированной человеком – авт.)», то есть добавляет к традиционным этапам (наблюдение, гипотеза, эксперимент) еще и такой этап, как «интеллектуальный анализ данных». ИИ делает научный метод более индуктивным, где общие законы выводятся непосредственно из данных, а не только дедуктивным идущим от общей теории...»[4].

Подобные соображения, принадлежащие руководителю Школы анализа данных ВШЭ А. Толстикову и руководителю департамента прикладной математики МИЭМ ВШЭ А. Белову, говорят о качественном изменении функционала ИИ в процессе научного творчества. Эти коллизии по-новому ставят вопрос о соотношении коллективного и индивидуального в векторе субъектности ученого. Аргументов за индивидуализацию становится больше. К ним можно отнести:

- ИИ позволяет в одиночку выполнять большие объемы задач, ранее требовавших коллективных усилий;
- Цифровые платформы дают доступ к «обобщенному знанию» без консультаций с научным сообществом;
- Ускорение циклов исследования (проектирование-моделирование эксперимент) снижает потребность в длительных коллаборациях;

Вместе с тем коллективность научного поиска приобретает новые очертания, которые ИИ не в силах заменить. За его пределами остается достоверность, рецензия, дискуссии, междисциплинарность, постановка задач, этическая оценка.

Заключение. Сегодня в векторе субъектности ученого мы наблюдаем существенные изменения, связанные с интеграцией ИИ в его профессиональную творческую деятельность. Формируется гибридная коллективность, где ИИ выполняет функции «виртуальной лаборатории», а ученый как творческий субъект сохраняет за собой функции постановки задач, интерпретации результатов и этической оценки. Сложным остается вопрос о социальных механизмах контроля (рецензирование, репликация), которые все чаще дополняются алгоритмической верификацией. Традиционная модель «ученый-сообщество» трансформируется в гибридную «ученый-искусственный интеллект-научное сообщество».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова А. Эволюция философии искусственного интеллекта – от механической логики к нейроонтологии//Сайт Angelabogdanova.ru [Электронный ресурс]. URL: https: https://angelabogdanova.ru.

2. Борисов С.В. Энактивистский подход как выход из «ловушки когнитивизма»: реабилитация субъектности//Философия науки и техники. – Т.29. №1. 2024. С.7–19.

3. Более подробно см.: Донских О.А. Уроки трансцендентного//Колесо времени: новый осевой поворот: монография/О.А. Донских, Л.Ю. Логунова, В.И. Разумов [и др.], под общ. ред. О.А. Донских; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск. НГУЭУ, – 2024. – 13–36.

4. Купченко Д. Наука в эпоху ИИ. Как технологии меняют исследовательский процесс. Сайт Ведомости&. [Электронный ресурс] URL:https://www.vedomosti.ru.

УДК 37.013.42 + 159.9

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ В КИТАЕ И НА ЗАПАДЕ

Чжан Лусинь, аспирант, преподаватель
докторант Забайкальского государственного университета
Сямэньский колледж внешнеэкономических и художественных технологий, факультет дизайна
г. Сямынь, провинция Фуцзянь, Китайская народная республика

Аннотация. В статье анализируются культурно-психологические механизмы формирования профессиональной мотивации учителей в Китае и западных странах. Опираясь на теории межкультурных ценностей и культурной психологии, исследуются различия в мотивационных структурах, их культурные основания и влияние на профессиональное развитие педагогов.

Ключевые слова: профессиональная мотивация учителей; культурная психология; ценности; межкультурное сравнение; образовательная культура.

Введение. В эпоху глобализации и трансформаций системы образования проблема профессиональной мотивации учителей приобретает особую значимость. Современные исследования указывают на устойчивые различия в мотивационных профилях педагогов разных культур, что свидетельствует о влиянии не только социально-экономических условий, но и глубинных культурно-психологических механизмов [1, С. 49]. Профессиональный выбор учителя оказывается тесно связанным с системой культурных норм, социальных ожиданий и моделей мышления. Если в западных странах мотивация педагогов преимущественно определяется стремлением к самореализации и социальной значимости профессии, то в Китае она чаще связана со стабильностью, социальным статусом и семейными ожиданиями [2, С. 87].

Однако большинство исследований сосредоточены на внешних социальных факторах, в то время как культурная природа различий остаётся недостаточно раскрытой. Именно поэтому необходим междисциплинарный подход, объединяющий культурную психологию, сравнительную педагогику и образовательную антропологию. Настоящее исследование направлено на выявление культурных оснований различий в профессиональной мотивации учителей и анализ механизмов, посредством которых культура формирует мотивационные структуры педагогов.

Постановка задачи. Основная задача исследования заключается в анализе профессиональной мотивации учителей через призму культурно-психологических механизмов. Цель работы состоит в том, чтобы объяснить, какие элементы культурной ценностной системы определяют различия в профессиональной мотивации китайских и западных педагогов, а также каким образом эти различия влияют на профессиональную идентичность и развитие учителей.

Данное исследование стремится ответить на три ключевых вопроса: во-первых, каковы структурные различия в мотивации педагогов в Китае и на Западе; во-вторых, какие культурные факторы лежат в основе этих различий; в-третьих, как культурные особенности мотивации отражаются на профессиональной траектории учителя.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она опирается на концепцию «взаимного конституирования культуры и психики» [3, С. 112], что позволяет по-новому интерпретировать профессиональную мотивацию педагога как культурно детерминированный феномен. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выявленных культурных механизмов при совершенствовании подготовки педагогических кадров в Китае.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составляет культурная психология как научное направление, рассматривающее личностные процессы в контексте культурных систем. Согласно этой парадигме, мотивация учителя понимается как результат взаимодействия индивидуальных потребностей и культурных норм, определяющих структуру ценностей и моделей поведения [4, С. 426].

Первым шагом стала систематизация современных научных работ (2010–2024 гг.), посвящённых профессиональной мотивации, культурным ценностям и межкультурной педагогике. Особое внимание уделялось международным исследованиям TALIS, где отражены межстрановые различия в профессиональной мотивации учителей [5, С. 31].

Затем был использован межкультурный сравнительный метод, позволяющий сопоставить особенности мотивации педагогов в Китае, США, Великобритании и Австралии. Это сопоставление охватывало как индивидуально-психологические факторы, так и культурные детерминанты, включая социальные ожидания и ценностные ориентации.

Теоретическую интерпретацию полученных результатов обеспечили две ключевые модели: теория культурных измерений Г. Хофстеде и теория базовых человеческих ценностей Ш. Шварца. Использование этих моделей позволило объяснить влияние индивидуализма, коллективизма, дистанции власти, а также ценностей самонаправленности, традиции и безопасности на выбор профессии учителя [6, С. 143].

Дополнительно применялся подход образовательной культурологии, в рамках которого профессия учителя рассматривается как культурный символ и механизм трансляции ценностей общества. Это позволило включить профессиональную мотивацию в более широкий контекст культурного воспроизводства [7, С. 19].

Результаты исследования. Полученные результаты свидетельствуют о глубокой культурной обусловленности различий в профессиональной мотивации учителей Китая и западных стран. В странах Запада мотивация педагогов преимущественно формируется за счёт внутренних факторов, среди которых ключевыми являются самореализация, стремление к профессиональной автономии, интерес к работе с детьми и желание оказать позитивное влияние на общество [8, С. 372]. Это полностью согласуется с индивидуалистической культурной моделью, ориентированной на развитие личности и её автономных целей.

Китайские учителя, напротив, демонстрируют преобладание внешней мотивации, связанной со стабильностью занятости, социальным статусом, экономической безопасностью и семейными ожиданиями. Такая мотивационная структура обусловлена традиционной китайской системой ценностей, уделяющей большое внимание коллективной ответственности, семейной гармонии и социальной стабильности [9, С. 66]. В китайском контексте профессия учителя несёт двойственную культурную нагрузку: с одной стороны, она ассоциируется с моральным авторитетом, а с другой – с гарантией стабильной социальной позиции.

Кроме того, результаты исследования показывают, что различия в профессиональной мотивации педагогов тесно связаны с различиями в когнитивных стилях. В Китае преобладает холистическое мышление, ориентированное на социальные связи и контекст, что усиливает влияние внешних факторов на карьерный выбор. В западных же странах доминирует аналитическое мышление, в результате чего профессиональный выбор чаще основывается на личных интересах и индивидуальных целях. Эти когнитивные различия определяют характер формирования профессиональной идентичности учителя.

Наконец, исследование подтверждает, что мотивация оказывает долговременное влияние на профессиональное развитие. Педагоги с высокой внутренней мотивацией демонстрируют более высокий уровень вовлечённости, устойчивость к профессиональному выгоранию и стремление к непрерывному развитию [10, С. 219]. В то время как преобладание внешней

мотивации может приводить к снижению профессиональной удовлетворённости и замедлению роста профессиональной компетентности.

Выводы. Таким образом, различия в профессиональной мотивации учителей Китая и западных стран имеют не поверхностный, а глубинный культурно-психологический характер. Они формируются под воздействием культурных норм, социальных ожиданий и моделей мышления, определяющих отношение к профессии учителя, её социальное значение и личностную ценность. Западная модель, ориентированная на индивидуализм и самоопределение, способствует развитию внутренней мотивации педагогов и поддерживает профессиональную автономию. Китайская модель, основанная на коллективистских ценностях, связывает выбор профессии учителя с социальными обязанностями, стабильностью и культурными традициями.

Выявленные механизмы имеют важное значение для реформы педагогического образования в Китае. Усиление внутренней мотивации будущих учителей возможно через повышение профессиональной автономии, формирование полноценной профессиональной идентичности, а также создание условий, позволяющих педагогам воспринимать свою деятельность как значимую форму самореализации. В перспективе развитие культурно-чувствительного подхода к подготовке учителей позволит гармонизировать личностные и общественные компоненты мотивации и обеспечит устойчивое профессиональное развитие педагогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Richardson P. W., Watt H. M. G. Teacher professional motivation: cross-cultural perspectives. Teaching and Teacher Education, 2018, pp. 48–60.
2. OECD. TALIS 2018 Results: Teachers and School Leaders as Valued Professionals. Paris: OECD, 2020.
3. Markus H. R., Kitayama S. Cultures and selves: A cycle of mutual constitution. Perspectives on Psychological Science, 2010, pp. 420–430.
4. Cole M. Cultural Psychology: A Once and Future Discipline. Harvard University Press, 1996.
5. OECD. Teachers in the Spotlight: TALIS 2021. Paris: OECD, 2021.
6. Schwartz S. H. An overview of the Schwartz theory of basic values. Online Readings in Psychology and Culture, 2012.
7. Sobe N. Education and Cultural Studies. Routledge, 2013.
8. Watt H. M. G., Richardson P. W. Motivations for choosing teaching. Teaching and Teacher Education, 2012.
9. Li J. Cultural Foundations of Learning: East and West. Cambridge University Press, 2012.
10. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation and Wellness. Guilford Press, 2020.

УДК 37.013 / 004.8

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ

М.В. Шилкина, аспирант
Научный руководитель – И.Э. Толстова, канд. пед. наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме трансформации профессиональных компетенций преподавателей высшей школы в условиях широкого распространения генеративных ИИ-ассистентов. В статье обосновывается необходимость расширения традиционной системы профессиональных компетенций педагогов за счет включения компетенций в области критического использования искусственного интеллекта, понимания его возможностей и ограничений. В исследовании анализируются специфические вызовы, которые генеративный ИИ создает для образовательного процесса, включая проблемы академической честности и неэффективность существующих детекторов ИИ-контента. Предлагаемое решение заключается не в обнаружении использования ИИ студентами, а в переосмыслении педагогического подхода и проектировании учебной деятельности. В статье подробно рассматриваются новые компетенции, необходимые современному преподавателю: проектирование форм обучения и оценивания, развитие этического понимания применения ИИ, формирование метакомпетенций, обеспечивающих адаптивность к быстро меняющимся технологиям.

Ключевые слова: высшее образование, компетенции, ИИ-ассистенты, преподаватель вуза.

Введение. Использование генеративных ИИ-ассистентов, таких как ChatGPT и другие системы на основе больших языковых моделей (LLM), в образовательных процессах вызывает дискуссии о трансформации высшего образования [1]. Современный контекст распространения ИИ требует существенного расширения и трансформации представлений о профессиональной компетентности преподавателя высшей школы. Традиционные компоненты компетентности (предметные знания, педагогические умения, коммуникативные навыки) остаются актуальными, но должны быть дополнены новыми компонентами, специфичными для условий использования ИИ в образовании.

Постановка задачи. Интеграция искусственного интеллекта становится не просто инновацией, а объективной реальностью учебного процесса. Студенты и преподаватели всё активнее обращаются к ИИ-

ассистентам для решения различных образовательных задач: от написания рефератов и подготовки лекций до проверки домашних заданий и создания учебных материалов. Однако массовое внедрение этих технологий происходит значительно быстрее, чем осмысление их влияния на качество образования и формирование надлежащих компетенций для их безопасного использования.

Традиционная система профессиональных компетенций преподавателя сформировалась в контексте классического образовательного процесса и не предусматривает работу с ИИ-инструментами [2; 3]. В результате преподаватели оказываются перед сложной дилеммой: они должны управлять образовательным процессом в условиях, когда используемые студентами технологии могут привести к академической недобросовестности, искажению информации, развитию поверхностного понимания материала или даже психологической зависимости от автоматизированных решений.

Преподаватель должен не только владеть предметом, традиционными методиками обучения и ИКТ-компетенциями, но и обладать компетенциями в области критического использования ИИ, понимания его возможностей и ограничений, разработки стратегий обучения, устойчивых к вызовам, которые несут эти технологии.

Исходя из этого расширение профессиональных компетенций преподавателей требует глубокого понимания возможностей современных ИИ-ассистентов и рисков, которые они несут для образования сегодня.

Цель исследования – расширение профессиональных компетенций преподавателей в контексте использования ИИ.

Методика и методология исследования. Исследование строится на основе анализа научной литературы, охватывающей различные аспекты применения искусственного интеллекта в образовательной среде и развития профессиональных компетенций преподавателей в эпоху цифровой трансформации.

Основным методом выступает анализ и обобщение научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных учёных, которые занимаются изучением возможностей и ограничений современных ИИ-ассистентов в контексте образования.

Результаты. Успешная интеграция цифровых технологий и искусственного интеллекта в образовательный процесс требует от педагогов развития комплексной системы компетенций.

Основу профессиональной деятельности современного педагога составляют практические навыки работы с информационно-коммуникационными технологиями. Это включает не только овладение традиционными ИКТ-компетенциями, но и формирование навыков взаимодействия с инновационными инструментами и платформами. Педагоги должны уверенно ориентироваться в образовательных цифровых

платформах, понимать их функциональные возможности и применять их для организации эффективного обучения. Параллельно с этим возникает необходимость освоения современных ИИ-инструментов.

Исследования показывают, что генеративный ИИ может правильно ответить на 65 % вопросов из реальных экзаменов инженерных и естественнонаучных программ, и даже успешно справиться с 85 % заданий, при использовании различных стратегий взаимодействия ИИ и пользователя [4]. Однако самая большая проблема кроется не в самом факте высокой производительности ИИ, а в невозможности её надёжного обнаружения.

Попытки университетов использовать детекторы ИИ-генерируемого контента оказались неэффективными. Эти инструменты производят как ложноположительные результаты, так и ложноотрицательные результаты [5]. Преподаватель оказывается в ловушке: он не может надежно определить, использовал ли студент искусственный интеллект, что стимулирует студентов к его ещё более активному применению. Это означает, что решение проблемы не может заключаться в обнаружении и наказании.

Ключевое для преподавателя понимание заключается в том, что производительность ИИ не является универсальной. Генеративные модели демонстрируют чёткую корреляцию с уровнями когнитивной сложности, определяемыми таксономией Блума [4, 6]. На задачах нижних уровней (воспроизведение фактического знания, базовое понимание концепций) ИИ показывает чрезвычайно высокую производительность. Это касается вопросов, требующих простого припоминания информации, стандартных определений, классификации известных явлений.

По мере возрастания когнитивной сложности производительность ИИ последовательно снижается. На уровне анализа, синтеза и создания новых решений, что относится к верхним уровням таксономии Блума, модели работают значительно менее эффективно. Однако здесь возникает критическое педагогическое противоречие: студент не может подняться на верхние уровни когнитивной сложности, минуя нижние уровни. Если ИИ выполняет за студента работу на уровне запоминания и базового понимания, он лишается возможности самостоятельно пройти эти этапы и сформировать необходимые основы для более сложной работы.

Столкнувшись с этой реальностью, преподаватель должен овладеть набором принципиально новых компетенций. Это не компетенции в обнаружении ИИ – эта задача принципиально неразрешима. Это компетенции в проектировании учебной деятельности, которая либо невосприимчива к ИИ, либо конструктивно его интегрирует. Такой подход предполагает переосмысление традиционных форм оценивания и создание новых типов деятельности, развивающих творческие и критические способности учащихся, которые невозможно полностью передать автоматизированным системам.

Преподаватель должен ясно артикулировать разницу между запоминанием информации (которое сегодня теряет практическую ценность, так как информация всегда доступна) и развитием способности критически мыслить, применять знания к новым ситуациям, создавать оригинальные решения. Также важно для преподавателя овладеть навыком создания открытых заданий, которые не имеют одного единственно правильного ответа и требуют от студента оригинального мышления.

Проектная работа, требующая применения знаний к реальным проблемам с элементами планирования, значительно более устойчива к использованию ИИ. Преподаватель должен овладеть методологией проектного обучения и оценивания, где студент работает над реальным проектом в течение семестра. При этом оценивается не только итоговый результат, но и процесс: выбор подхода, преодоление препятствий, принятие решений.

Такой подход меняет систему, в которой существует ИИ. Студент может получить помощь ИИ в написании отчёта, но это не освобождает его от необходимости понять, что он делает, защитить свои решения и интегрировать различные компоненты проекта в единое целое.

Быстрое развитие и широкое внедрение искусственного интеллекта в образование выдвигают на первый план и вопросы этического характера. Педагоги должны обладать глубоким пониманием этических принципов применения ИИ. Одновременно с развитием собственного этического сознания педагоги берут на себя ответственность за обучение студентов этичному использованию ИИ-инструментов. Это предполагает формирование у учащихся критического отношения к технологиям, способности оценивать их возможности и ограничения, а также осознавать последствия их применения. Критическая оценка ИИ-инструментов становится необходимым навыком, позволяющим педагогам не только выбирать наиболее подходящие решения для своей практики, но и служить ориентиром для учащихся в развитии их цифровой грамотности [7].

Особое значение в условиях постоянного технологического обновления приобретают метакомпетенции, которые обеспечивают долгосрочную адаптивность педагогов к изменяющимся условиям. Гибкость и адаптивность к новым технологиям позволяют преподавателям быстро осваивать новые инструменты и методы, не теряя основных педагогических принципов. Осознание значимости цифровой трансформации образования способствует мотивации к профессиональному развитию и пониманию необходимости внедрения инноваций в собственную практику. Готовность к непрерывному профессиональному развитию становится ключевым условием успешной работы в динамично меняющемся образовательном пространстве. Эта метакомпетенция предполагает не только формальное повышение квалификации, но и развитие привычки к самообучению, поиску новых знаний и рефлексии собственного опыта.

Выводы. Анализ показывает, что традиционная система профессиональных компетенций, сформированная в эпоху классического образования, оказывается недостаточной для эффективного управления учебным процессом в условиях массового использования ИИ-технологий. В отличие от предыдущих этапов цифровизации образования, когда технологии выступали вспомогательными инструментами, генеративный ИИ вносит принципиальную неопределенность в отношение авторства и оригинальности мышления.

Неразрешимость задачи обнаружения ИИ-генерированного контента снимает с повестки дня вопрос о контроле за использованием ИИ и переводит фокус на более фундаментальную проблему: как конструировать образовательную среду, в которой ИИ становится не угрозой, а ресурсом развития критического и творческого мышления. Этот подход требует от преподавателя не технических навыков выявления машинного текста, а непрерывного профессионального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bond M. et al. A meta systematic review of artificial intelligence in higher education: A call for increased ethics, collaboration, and rigour //International journal of educational technology in higher education. – 2024. – Т. 21. – №. 1. – С. 4.
2. Дульзон А. А., Васильева О. М. Модель компетенций преподавателя вуза //Университетское управление: практика и анализ. – 2009. – №. 2. – С. 29–37.
3. Титова С. В., Самойленко О. Ю. Структура информационно-коммуникационной компетенции преподавателя вуза //Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 22. – №. 3 (167). – С. 39–48.
4. Borges B. et al. Could ChatGPT get an engineering degree? Evaluating higher education vulnerability to AI assistants //Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2024. – Т. 121. – №. 49. – С. e2414955121.
5. Ardito C. G. Generative AI detection in higher education assessments //New Directions for Teaching and Learning. – 2025. – Т. 2025. – №. 182. – С. 11–28.
6. Katsanakis N., Wang Y., Affejee Y. Generative AI in Higher Education: Graduate Teaching Assistants' Practice and Reflection on ChatGPT for Module Assessment //UK and Ireland Engineering Education Research Network Conference Proceedings 2023. – 2023.
7. Nguyen A. et al. Ethical principles for artificial intelligence in education //Education and information technologies. – 2023. – Т. 28. – №. 4. – С. 4221–4241.

УДК: 371.78

ФИЛОСОФИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ, КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ЗДОРОВЬЕ СБЕРЕЖЕНИЯ

С.А. Шустов, учитель
МБОУ Майкопская гимназия № 22
г. Майкоп, Россия

Аннотация. В статье рассматривается значимость здорового образа жизни для человека, насколько важно воспитывать подвижный образ жизни молодому поколению. Рассматриваются возможно методы пробуждения и стимулирования интереса детей и молодежи к физической активности.

Ключевые слова: дети, молодёжь, физическая активность, здоровье, государство.

Введение. Проблема – современные дети малоподвижно.

Жизнь каждого человека возможна только при ежедневном, непрерывном удовлетворении его потребностей, требующих его физической и психической активности. Человеческая биология сформировалась в естественной конкурентной природной среде, где физические способности его тела являлись определяющим фактором его выживания и его положения в социуме [1; 2; 3].

Постановка задачи. Цель исследования – анализ основных направлений работы общества и государства по формированию здорового образа жизни среди молодёжи. Рассмотреть методы пробуждения и стимулирования интереса детей к физической активности.

Задачи исследования: 1. Изучить теоретические аспекты формирования физической активности; 2. Рассмотреть необходимые условия для формирования здорового образа жизни молодежи; 3. Разработать рекомендации по формированию здорового образа жизни среди молодежи.

Методика и методология исследования: Анализ и обобщение научно-методической литературы по проблеме исследования, сравнение, формализация, метод научной индукции.

Область применения результатов – физическая культура и здоровье.

Результаты. Иерархическая структура человеческого социума определяет различную степень необходимого физического и психического напряжения для удовлетворения своих потребностей для людей на различных ступенях социальной лестницы. Биологические потребности являются основой физического выживания человеческого организма, это прежде всего потребность в дыхании, в комфортной температуре, потребность в пище, воде, сне, в безопасной среде, при посильной физической активности. Именно к этим потребностям относятся понятия здорового образа жизни и их значимость, и важность для соблюдения здоровья человека. Биологические

потребности удовлетворяются через сбалансированное питание, сон, физическую активность.

В цивилизованном мире физические возможности человеческого тела для большинства людей не являются определяющим фактором для выживания и физического благополучия. Осознанное отношение к состоянию своего тела возникает только при возникновении нездоровых ощущениях, несоответствия его состояния для реализации желаний целей и потребностей [4]. Цивилизационное развитие социума прежде всего направлено на обеспечения продуктов питания, облегчение физического труда, комфортных условий быта. В результате в исторически короткий срок сто - двести лет люди создали искусственную, урбанизированную среду обитания, не требующую активной физической деятельности в повседневной жизни. Если раньше человек существовал в активном взаимодействии с окружающей природой и для реализации своих потребностей опирался в основном на физическую силу возможностей собственного тела, то в современной урбанизированной среде фактор физических возможностей тела не является определяющим для обеспечения комфортного существования.

Технологическое развитие человечества все меньше оставляет необходимость физической деятельности в производительном труде. Изобилие пищи, и минимальная необходимость в физической подвижности в повседневной жизни приводит к эмоциональной апатии социального самоопределения и самоутверждения, а появление интернет привело к избыточной доступности к любой информации, а также и реализацию потребности в общении без физического контакта. Для большей часть общества такое существование в комфортной среде без необходимости физических нагрузок является целью и смыслом существовании. А высвободившееся время от необходимой повседневной деятельности человек использует для получения удовольствий в физически расслабленном состоянии организма. Это очевидно проявляется в перемещении людей в города и мегаполисы с их комфортной средой реализации повседневных потребностей. Главными целями и приоритетами для современного человека остается наличие комфортного жилья и личного транспорта обеспечивающие комфортное физически расслабленное повседневное существование. И только небольшая часть людей склонна проводить свободное время физически активно, занимаясь спортом, прогулками или путешествиями на природе.

Именно в среде увлеченных людей активными видами отдыха и досуга сформировалось понятие «здорового образа жизни» гармоничного сочетания преимуществ технологически развитого урбанизированного общества с осознанным регулированием режима питания и различных форм физической активности как в урбанизированной городской среде, так и в естественно природной [5].

Государство, осознавая пагубность воздействия на здоровье физической

пассивности городского населения поддерживает социальные инициативы развития активных форм отдыха и досуга в виде спорта, различных форм отдыха на природе, в том числе и экстремальных видов деятельности [6]. В учебных заведениях введены уроки физической культуры, развивается и поддерживается спортивная инфраструктура, стадионы спортплощадки. Однако известно, что приверженцами активных форм досуга является увлеченная этим меньшая часть общества – пять десять процентов городского населения. В настоящее время мы наблюдаем кризис цивилизационного развития человечества на фоне достижения технологического развития производства информационной доступности, и комфортного бытового существования, рост физической деградации в виде ожирения, снижения физического и физиологического здоровья, репродуктивной апатии.

Действия государства в предотвращении физической деградации населения в виде пропаганды здорового образа жизни, развития медицинских услуг, поддержка различных форм физической активности населения, создание спортивной инфраструктуры не дают должного результата. Объясняется это просто — любая физическая активность требует волевого импульса, обусловленного либо жизненной необходимостью, либо опосредованным действием для получения желаемого удовольствия. Для большинства населения именно отсутствие или низкий уровень воли при доступности всего необходимого исключает в их жизни активные виды отдыха, заменяя их на виртуальные путешествия или созерцая спортивные подвиги других.

Существующие в системе образования уроки физической культуры не являются для молодежи привлекательными и желанными в силу их эмоциональной скудости выполнения методически определенных физических упражнений. Более-менее привлекательными для молодежи является занятие игровыми видами. Особо эмоционально яркими для молодежи являются занятия физкультурой и особенно в игровой форме вне стен учебных заведении и выезды на природу. Для многих детей и молодёжи школьные походы на природе оказываются основой желания и реализации активного вида отдыха уже во взрослой жизни.

В свою очередь взрослые приверженцы активных форм отдыха, имея детей, вместе сними вовлекают их в такой образ жизни, выстраивают для них такую форму время препровождения как эмоционально приятную, желанную и естественную. Однако это формируется только в семейном и ближайшем окружении близких увлеченных людей. Без осознанных эффективных мер государства и общества в условиях комфортной социально-экономической среды по прививанию популярности физически активных форм отдыха невозможно поддержание физического и популяционного здоровья населения. Необходим переход от формально принятых форм физического образования и декларационной пропаганды здорового образа жизни к созданию системы стимулирования физической активности для конкурсных

отборов на образовательных этапах. Глобально требуется изменение социальных и цивилизационных приоритетов: от идеологии сытой комфортной жизни, к эмоционально заполненной творческой жизни в технологически развитом мире в гармоничном взаимодействии с естественной природной средой.

Наиболее гармонично проявляется мотивация молодежи к физической активности в игровой соревновательной форме и желании приключений на природе. Эти формы всегда поддерживались и финансировались на государственном уровне, особенно это проявилось в двадцатом веке широким распространением и популярностью игровых видов спорта, созданием социальных форм воспитания физического развития детей в виде скаутского движения в США и, хотя политизированного, но тем не менее полезного для физического развития, пионерского движения, развития и финансовой поддержки массового туристического движения в Советском Союзе. По сути, только при государственной поддержке полупринудительно реализовывалась идея массового физического воспитания детей и молодежи. Однако при этом взрослое население особо не было озабочено режимом здорового и физически активного образа жизни.

В последние годы государство уделяет большое внимание здоровью и развитие детей и молодежи. С этой целью Министерство просвещения активно перерабатывает программу предмета «Физическая культура» введением факультативных модулей форм физической активности по видам спорта. Это даст возможность школьникам по своему желанию выбирать с целью повышения его привлекательности и учета интересов. Но главная идея нововведения – позволить школьникам выбирать тот вид спорта и физической активности который ему больше нравится и соответственно стимулирует его к посещению этих уроков. Факультативные модули для уроков физкультуры создаются совестно с общероссийскими спортивными федерациями. На сегодняшний день таких модулей разработано уже более 32 и ведется активная работа по увеличению их количества с учетом климатических и региональных особенностей. Для реализации этой программы создаются физкультурно-спортивных клубы и секции, на сегодняшний день в стране действует более 60 тыс. клубы и секции. Для продвижения популярности и реализации ЗОЖ для детей и молодежи государству необходимо перенести акцент с развития спортивной инфраструктуры для «большого» спорта, на создание или возвращение системы массового развития и физического воспитания детей в образовательный период [7].

Реализовать систему индивидуального подхода в форму физического воспитания детей и молодежи, заменить существующую форму физической подготовки в виде обязательных уроков физкультуры на факультативы с индивидуальными формами физической активности, по желанию детей. Участие в таких факультативах должно учитываться как оценка физического

воспитания. А активность и достижения в таких факультативах должна использоваться как дополнительные баллы в ЕГЭ. Это станет мощным стимулом для физической активности в период образовательного периода. Введение субсидирование организации и участие молодежи в выездных спортивных и туристических мероприятиях. Введением районных, квартальных центров детской физической активности на дворовых игровых площадках для организации игр для детей и молодежи в свободное от занятий время.

Значительным фактором в воспитании здорового образа жизни детей и молодежи является образ жизни родителей и их ближайшего взрослого окружения. Поэтому важным фактором в обеспечении физического здоровья детей и молодежи может являться введение системы стимулирования и штрафов для родителей в ведении ими здорового образа жизни. Это может быть введением физических обязательных нормативов для государственных служащих, и бюджетных работников, в премиальной системе оплаты труда [8; 9; 10].

Выводы. Значительным фактором в воспитании здорового образа жизни детей является образ жизни родителей и их ближайшего взрослого окружения. Прививание детям желание активных форм отдыха, как средство формирования здорового образа жизни невозможно без участия государства, через изменение системы финансирования и создание системы мотивирующей системы ведения физически активного здорового образа жизни как детей, так и взрослых. Глобально требуется изменение социальных и цивилизационных приоритетов: от идеологии сытой комфортной жизни, к эмоционально заполненной творческой жизни в технологически развитом мире в гармоничном взаимодействии с естественной природной средой. Поэтому важным фактором в обеспечении физического здоровья молодежи может являться введение системы стимулирования и штрафов для родителей в ведении ими здорового образа жизни. Это может быть введением физических обязательных нормативов для государственных служащих, и бюджетных работников, в премиальной системе оплаты труда, а в какой-то и карательной в виде штрафов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нехорошева Э.А. Свечкарёв В.Г. Пропаганда ЗОЖ в образовательной среде // В книге: Новые технологии в учебном процессе и производстве. Материалы XXI Международной научно-технической конференции, посвящённой 35-летию полета орбитального корабля-ракетоплана многоразовой транспортной космической системы "Буран". Рязань, 2023. С. 820–822.

2. Парфёнова О.А. Приобщение детей дошкольного возраста к здоровому образу жизни через активный отдых // Проблемы педагогики. 2017. №5 (28).

3. Янбухтин Т.А. К проблеме формирования здорового образа жизни подростков и включенности их в досуговую спортивно-оздоровительную деятельность в условиях мегаполиса // Педагогика и психология образования. 2011. №2. С. 43–50.

4. Черкесов Ю.Т., Хажилиев Н.Ю., Свечкарёв В.Г. Машина адаптивного воздействия // В

сборнике: Современные проблемы развития физической культуры и биомеханики спорта. Материалы международной научно-практической конференции. Министерство образования Российской Федерации; Адыгейский государственный университет, Институт физической культуры и дзюдо. 2001. С. 120–122.
5. Свечкарев В.Г. Современные приоритеты развития государственной политики в области физической культуры и спорта // Научные известия. – 2020. – № 18. – С. 57–61.
6. Свечкарёв В.Г. Эволюция спорта // Научные известия. 2019. № 14. С. 63–67.
7. Коблев Я.К., Свечкарёв В.Г., Хачатуров В.Н. Машина автоматизированного управления в практике физической культуры // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2008. № 2 (36). С. 47–51.
8. Свечкарёв В.Г. Спорт в мире монополистического капитализма // В сборнике: Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор С.С. Павленкович. 2019. С. 488–492.
9. Свечкарёв В.Г. Управление в сфере физической культуры и спорта // Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. 2020. №S2 (26). С. 316–320.
10. Рагозина Н.А. Повышение качества гражданского общества посредством вовлечения граждан в процесс занятия физкультурой и спортом как одной из сфер экономики впечатлений // Экономика. Налоги. Право. 2022. №2. С. 96–103.

УДК 159.9.01

ФЕНОМЕН «БИК АЙБАТ КЕШЕ», ИЛИ ФЕНОМЕН ОЧЕНЬ ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА, В КОНЦЕПЦИИ Э.Р. МУЛДАШЕВА

М.Р. Щедеркина, студент юридического факультета
Научный руководитель – Н.Г. Привалов, д-р экон. наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается явление «бик айбат кеше» в концепции Э.Р. Мулдашева. Анализируется значение феномена «очень хорошего человека» с точки зрения межличностных взаимоотношений, а также в контексте исторического и современного развития России.

Ключевые слова: Э.Р. Мулдашев, феномен «бик айбат кеше», очень хороший человек, «человек традиционный».

Введение. Персидский философ Омар Хаям еще в XI веке озвучил мудрую мысль, ставшую ориентиром для многих современных исследователей: «Пройдут года, поймет любой и это не изменится: чем больше жертвуешь собой, тем меньше это ценится» [1]. Этот закон не потерял своей актуальности и в новом тысячелетии. Когда люди слишком много и безвозмездно отдают другим, их добрые поступки воспринимают как должное и перестают ценить. Заслуженный врач России, доктор медицинских наук, профессор Э.Р. Мулдашев рассмотрел феномен очень

хорошего человека с учетом особенностей исторического развития и условий современности.

Цель. Рассмотреть феномен «бик айбат кеше» через концепцию Э.Р. Мулдашева посредством приведения примеров из современности. В качестве основного метода в статье применяется философский анализ.

Методика и методология исследования. В статье использован диалектический подход, чтобы рассмотреть развитие феномена «бик айбат кеше» в современных условиях.

Результаты. Название «бик айбат кеше» в переводе с башкирского языка означает очень внимательный, осторожный человек. Людей с такой характеристикой часто относят к категории «удобных», то есть готовых принести в жертву собственные интересы ради комфорта окружающих. Э.Р. Мулдашев уверен: надо, чтобы человек был в чем-то плохим. В первую очередь позиция исследователя обусловлена оценочным свойством самого понятия «хороший». Например, по мнению одних, «Черный квадрат» Малевича – значимое произведение искусства, по мнению других, - картина, не представляющая ценности и не имеющая смысла. При этом отрицательное отношение части посетителей к картине не становится поводом, чтобы убрать «Черный квадрат» из коллекции Русского музея. Более того работа дает возможность быстро выделить недостатки, что впоследствии придает ей особую ценность. В случае с человеком, как правило, происходит точно так же. Если он выбирает себя и не отказывается от своих принципов ради других, его ценят, если старается быть хорошим для всех, – игнорируют и занижают.

Э.Р. Мулдашев акцентирует внимание на том, что «нельзя быть очень хорошим человеком, особенно если другой человек зануда» [2]. В данном случае исследователь вводит дополнительное лицо, способное усилить проявление феномена «бик айбат кеше». В качестве зануды Э.Р. Мулдашев рассматривает человека, сознательно превращающего своего оппонента в очень хорошего. При этом поведение зануды обусловлено целью извлечения собственной выгоды. Полностью настроив человека под себя, зануда получает возможность постоянно жаловаться, при этом получая за это поощрение. Подчиненное лицо не только не получает от зануды благодарности, но и не может чувствовать себя полноценным членом общества, регулярно ощущая негатив в свою сторону.

Во время экспедиции на Алтай Э.Р. Мулдашев узнал о необычной легенде, связанной с влиянием поведения одних людей на других. «В подземном мире плещется желто-красный океан и в этом мире, в самом центре стоит земля семи уровней. Чтобы попасть на неё нужно пройти испытание, пройдя к ней через океан по волосяной нити, при этом ощущая чары» [2]. По мнению исследователя, чары выступают в роли негативного воздействия, которое необходимо преодолеть каждому человеку на пути к своей цели. При этом процесс прохождения самого испытания – это

возможность выработать сильные черты характера, которые в дальнейшем могут стать защитой от соблазнов и падений.

Для подтверждения своей позиции Э.Р. Мулдашев приводит в пример ситуацию, когда обеспеченные родители, желая воспитать своих детей в самых лучших условиях, становятся для них «бик айбат кеше» и лишают их жизненного испытания. «Мой ребёнок ненавидит меня» – фраза, которую Э.Р. Мулдашев не раз слышал от своих пациентов. Превратившись в очень хорошего человека, можно не заметить, как ребёнок лишился бесценного опыта, именуемого босоногим счастьем. Данная проблема также рассматривается в учебном пособии доктора экономических наук, доцента Н.Г. Привалова [3]. По мнению исследователя, «те, кого содержат родители, сами не учатся и не работают». Последствием такой заботы становится феномен хакикомори, или добровольной самоизоляции молодых людей, сопровождающейся агрессивным настроем ко внешнему миру и окружающим. Н.Г. Привалов подчеркивает, что для хакикомори свойственны «чувства волнения, тревожности или страха; оборонительное поведение при разговоре о зависимости; неискренность; одиночество и депрессия». Таким образом, очень хорошие люди, будучи родителями, могут наносить своим детям значительный вред, проявляя к ним излишнюю заботу и внимание.

Н.Г. Привалов ввел термин *Homo traditum* – «человек традиционный», как прямо противоположный личностям типа «хикикомори». Это культурный тип человека с относительно ортодоксальными характеристиками, которые отличают его от иных живых существ и технических организмов (роботов), имеющий определенный национальный менталитет и мораль, заложенную традиционными религиями [3, С. 43]. При всей человечности и гуманности Homo traditum, если рассматривать его как типичную модель русского человека, должен иметь твердый характер, т.к. «добро должно быть с кулаками», что необходимо для защиты его менталитета и образа жизни.

Как заслуженный врач России Э.Р. Мулдашев обращает внимание на случай из медицины. Деменция прогрессирует у больного значительно медленнее, когда его родственники не начинают мгновенно его опекать. Распространена ситуация, когда при малейшем признаке психического отклонения, близкие начинают жалеть больного, бегать вокруг него, стараясь оказать помощь, однако тем самым они наносят ему лишь вред, при этом вызывая у него чувство ненависти к ним и к себе самому. Фраза «сделай сам» побуждает человека к действию, она означает для него свободу, символизирует доверие со стороны окружения. Если почаще произносить ее, больной быстрее поправляется. Исследователь делает следующий вывод: будьте жёстче с теми людьми, которые рядом с вами; в противном случае вас постигнет участь «бик абат кеше» [2].

Важным элементом наблюдений Э.Р. Мулдашева является рассмотрение феномена «бик айбат кеше» на примерах мирового масштаба.

Так исследователь рассматривает объединение Германии в контексте преодоления проблемы «очень хорошего человека» [2]. Страна была разбита на мелкие княжества, которые обладали определенной самостоятельностью и при этом считали себя колониями. Прошло время и понятие колонии исчезло, Отто фон Бисмарк объединил княжества, полностью централизовав Германию. Немцы, пройдя через это, сохранили уважение друг к другу, поняли, что они – часть одного большого, сильного государства, которое может быть строгим при необходимости.

Также приведем пример из истории России, который доказывает значимость сильной руки правителя для блага всего государства. С середины XIII века Русь находилась в ордынской зависимости из-за раздробленности. Каждый князь сам по себе управлял своей землей, и между княжествами нередко возникали споры и разногласия, кроме того предпринимались попытки «дружбы» с Ордой, которые только ухудшали положение русского государства. Иван III, проведя серию разумных и решительных шагов, собрал под одной властью русские земли – Новгород, Владимир, Тверь; создал единое государство [4]. Сосредоточившись на освобождении Руси, не предпринимая попыток угодить ордынцам, Иван III добился независимости и укрепления государства.

Феномен «бик айбат кеше» находит свое отражение в экономике и юриспруденции. Например, фирма, которая чересчур старается угодить клиентам, может нести значительные убытки, вследствие чего набирать долги и прекращать существование [5]. А человек, пытавшийся самостоятельно оказать помощь пострадавшему, при этом не имея медицинских знаний, порой наносит только больший вред другому лицу. Так нанесение легкого вреда и вреда средней тяжести влечет гражданско-правовую ответственность по ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации [6]. Несмотря на действия из лучших побуждений виновное лицо должно в полной мере обеспечить возмещение причиненного вреда.

Рассматривая феномен «бик айбат кеше» на глобальном уровне, Э.Р. Мулдашев затрагивает противоположное явление, а именно эффект уважения к врагу. Отмечается, что сильный враг становится толчком роста для противоположной стороны, а именно в процессе борьбы более слабый соперник обучается у него ключевым навыкам, благодаря чему рано или поздно одерживает победу. Так в течении продолжительной Северной войны Петр I вкладывал огромные ресурсы в улучшение русской армии. При этом поражение под Нарвой стало для Петра стимулом активно изучать шведскую военную тактику, организацию и вооружение [7]. Победа над одной из лучших армий в Европе открыла России выход к Балтийскому морю и превратила её в великую европейскую державу.

Выводы. Подводя итог, важно сказать, что ценность человека определяется его самоуважением, чувством такта и умением находить общий язык с окружающими, сохраняя свою индивидуальность. Личностный рост

не должен достигаться за счет подавления развития оппонента. «Если вы вдруг стали для кого-то плохим, значит, много хорошего было сделано для этого человека» [1]. Слова великого писателя Л.Н. Толстого напоминают нам: если добрые поступки не сопровождаются откликом и благодарностью, то, возможно, они становятся сигналом о превращении личности в «бик айбат кеше». Исследование данного феномена может стать значимым шагом для преодоления проблемы «слишком хорошего человека» как в случае конкретной личности, так и в ситуации с глобальными политическими и экономическими процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цитаты известных личностей//https://ru.citaty.net/tsitaty/2181705-omar-khaiiam-proidut-goda-poimet-liuboi-i-eto-ne-izmenitsia-ch/.
2. Мулдашев Э.Р. Почему «хороший человек» – это плохо? Феномен «Бик айбат кеше»//https://m.vk.com/video-225274759_456239185.
3. Привалов Н.Г. Экономика домашнего хозяйства. Нравственная экономика: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2025. –215 с.
4. Иерусалимский Ю.Ю., Попов Г.Г. Противостояние Русского Государства с государствами чингизидов: макросоциологический и исторический аспекты // Вестник Томского государственного университета, №472, 2021, С. 104–114.
5. «Парадокс универсальности в бизнесе: как желание понравиться всем ведет к провалу//https://hrustalev.com/news/razvitie-biznesa/ugodit-vsem-ne-ugodit-nikomu/.
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410.
7. Шишов А.В. Военные реформы Петра Великого в ходе Северной войны 1700–1721//Перспективы. Электронный журнал, № 4 (27), 2021, С. 63–70.

УДК 37.01

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Н.О. Щупленков, канд. ист. наук, доцент кафедры
Ставропольский государственный педагогический институт
г. Ставрополь, Россия

Аннотация. В настоящей статье, разработанной в качестве критического анализа с использованием документальной методологии историко-философского типа, исследуются философские основы, основывающиеся на модели качественного образования, охватывающая человека целиком; то есть с его биопсихосоциальной и духовной структурой.

Ключевые слова: качество; модель; образование; философия.

Введение. Несомненно, одним из самых сложных предметов изучения является образование, потому что в нем задействовано все человеческое существо; то есть с его биопсихосоциальной и духовной структурой, что делает его «гиперкомплексным» существом. Этот факт требует, прежде всего,

установления основ, с помощью которых можно с научной серьезностью подойти к такой сложности, как горизонт предварительного понимания образовательной задачи.

По сути, основы – это основы или фундамент чего-либо, которые придают прочность и определенность тому, что предназначено для построения. Следовательно, без хороших основ нет гарантии, что построенное можно будет разумно поддерживать или изменять с течением времени; фактически, часто разрабатываются проекты, которые терпят неудачу, как только они запускаются. Лучшая практика – это хорошая теория, не забывая при этом, что существуют и другие типы основ, а именно: экономические, психологические, социологические и конечно же, философские; именно они те, которые наиболее важны, когда мы думаем о разработке образовательных моделей, потому что образовательные процессы требуют от их участников правильного мышления, размышлений и согласованных действий.

В этой связи следует помнить, что философия как таковая принадлежит к одной из четырех фундаментальных сил культуры, наряду с искусством, наукой и религией. Как форма познания философия изучает существенные закономерности универсальности взаимосвязей человека с объективным и субъективным миром, как природным, так и социальным и ментальным, интегрируя, таким образом, феномен образования в свою область анализа человеческой деятельности в целом. Для такого анализа у него есть несколько фундаментальных измерений: онтологическое (природа и организация реальности), гносеологическое (структура и развитие знания в целом), эпистемологическое (философские основы научного знания), логическое (законы и принципы обоснованного рассуждения), антропологическое (размышления о смысле и развитии знания в целом) и философское (философские основы научного знания), аксиологическое (теория моральных и этических ценностей) и праксиологическое (изучение человеческой деятельности).

Постановка задачи. При проведении исследований, связанных с философией образования, оценивалось множество концептуальных позиций, связанных с ее определением, однако в настоящее время вокруг этой проблемы существуют две полемики. Во-первых, философия образования рассматривается как самостоятельная дисциплина, но в тесной связи с другими дисциплинами социальных наук. Такой подход побуждает философию несколько отойти от образования, то есть дистанцироваться от него, но при этом стремиться основывать образование на органическом и системном мышлении. Вторая полемика рассматривает философию образования как составную часть философии или педагогики, которая имеет в качестве объекта изучения образование, и подчеркивает, что она не является частью традиционной педагогики, поэтому можно понять, что философия образования в данном случае задумана с целью очень широкое исследование

и представляет собой более или менее системный концептуальный вывод философии, применяемой в образовании.

Основной целью данного исследование является определение философских основ образования как предмета, обеспечивающего концептуальную и этическую основу, которая направлена на принятие решений в образовательной сфере, помогающая учащимся понять более глубокую цель образования и его связь с повседневной жизнью среди многих других преимуществ.

Методика и методология исследования. Настоящее исследование носит документальный, критико-творческий и герменевтический характер. Документальный формат, потому что он основан на консультациях и пересмотре различных библиографических источников, как философских и эпистемологических, так и образовательных. Критико-творческий подход, поскольку открылись возможности для размышлений, диалога и инноваций в сфере образования. Герменевтический, потому что интерпретация текстов, течений и идеологий позволила прояснить мышление в поиске и построении новых образовательных моделей для российского социокультурного контекста.

Выводы. Философские основы образования связаны с пониманием образовательной деятельности; то есть с его смыслом и его глубоким значением, фактом, который относится к руководящим целям или задачам образования, к удовлетворению потребностей, стремлений, мотивов, интересов, условий и к развитию навыков, способностей, знаний и личных и общественных ценностей. И все это для того, чтобы добиться активной и эффективной интеграции человека в общество, что позволит ему гармонично сосуществовать со своими собратьями. Именно на это указал Д. Дьюи в своем известном педагогическом кредо: «Я считаю, что индивид, которого необходимо обучать, является социальным индивидом, а общество – это органический союз индивидов. Если мы уберем из ребенка социальный фактор, у нас останется только абстракция: если мы уберем из общества индивидуальный фактор, у нас не останется ничего, кроме инертной и безжизненной массы.

Вот почему образование должно начинаться с психологического понимания способностей, интересов и привычек ребенка. И на каждом ее этапе необходимо руководствоваться теми же соображениями. Эти способности, эти интересы и эти привычки должны быть предметом постоянного толкования; мы должны знать, что они означают. И они должны быть переведены в терминах их социальных эквивалентов, в терминах того, чего они могут достичь для социальной службы» [1].

В педагогическом кредо Дьюи мы находим три ключевых слова для понимания роли философии в образовании, а именно: понимание, интерпретация, значение. Понимание отсылает нас к размышлениям, интерпретация – к критике, а значение – к смыслу. Философствование – это

умственное упражнение в размышлении над фактическими реалиями (вещами и событиями) и экзистенциальными реальностями (людьми и событиями), одной из которых является как раз образование, которое занимается теориями и методами, с одной стороны, и человеческими взаимоотношениями, с другой. Из такого умственного упражнения получается философия образования; то есть множественные способы зачатия и выполнения акта обучения [2]. Философствование – это также мысленное упражнение в критике; то есть распознавание и проверка аргументов, позиций, гипотез, моделей и различных методологий, проводимых в соответствии с критериями множественной рациональности и изучения конкретных контекстов социокультурного характера. Наконец, философствование – это умственное упражнение в осмыслении мышления, действий и повседневной жизни, понимаемое как установление основ и направления мысли и деятельности человека.

Образование – каким бы ни был его подход или модель в значительной степени зависит от имеющегося представления о человеческой природе и от преследуемых целей образования. Оба аспекта являются философскими элементами, обычно формулируемыми в рамках своеобразной концепции истории и парадигм культуры.

Образование требует наличия телоса, цели, которая фокусируется на желаемом профиле человека, на жизненном идеале или на проекте общества, для чего требуется обладать адекватными знаниями о человеке, который должен быть образован, и четким пониманием принципов, ориентируя такое образование [3]. Таким образом, образование требует ясности, целенаправленности и обоснованности.

Теперь, если философия как таковая – это вдумчивое и критическое знание о высшем смысле целостности реального, то философия образования – это радикальное размышление над глубинными предпосылками образования, которые придают ясность, последовательность, проницательность и направленность образовательному действию; связывает фундаментальные педагогические концепции с основными принципами других наук и философии и стремится целостно понять феномен образования. Он не столько предназначен для получения новых знаний, сколько для лучшего и более глубокого понимания уже известного.

Эти вышеупомянутые «глубинные предположения» относятся не только к принципам, но и к фундаментальным концепциям образования, таким как обучение, ученичество, образованность, свобода, авторитет, дисциплина, творчество и т.д. Философия образования начинается с принципа, согласно которому образование помогает человеку понять сложность всей его сущности, что подразумевает антропологию образования; то есть глубокое изучение человеческой природы и возможностей ее развития [4].

Образование – это также возложение на каждого человека всей человеческой работы, которая была до него; это значит подвести каждого человека к краткому описанию живого мира до того дня, в котором он живет; это значит поставить его на уровень своего времени, чтобы он парил над ним, а не отставал от своего времени, тем самым не оставляя его позади, она сможет удержаться на плаву; она должна подготовить человека к жизни. Философия образования стремится с помощью философской антропологии объединить знания о человеке в последовательный и всеобъемлющий синтез, который позволит ему «расцвести из своей собственной внутренней природы [5]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что каждый хорошо продуманный образовательный проект всегда должен иметь «философию образования», которая дает ему поддержку и направление.

Каково же тогда конкретное содержание философских основ образовательной модели? Ответ можно сформулировать в следующих терминах: последовательная и последовательная образовательная модель всегда должна строиться на основе принципов, целей, критериев, предпосылок, ценностей, концепций и контекстов.

Прежде чем изложить философские основы инновационного образовательного предложения, необходимо изучить и углубиться в смысл и объем того, что представляет собой само понятие философских основ применительно к такому предложению.

Философские основы модели качества образования в основном связаны с семью тесно связанными элементами: принципами, целями, критериями, предпосылками, ценностями, концепциями и контекстами [6].

Из этих элементов особое значение имеют цели и контексты, потому что первые содержат философию образования, которая направляет образовательные проекты, а вторые определяют реальную среду, в которой формируются субъекты обучения, прямые получатели таких проектов [7].

Философские и антропологические основы образования представляют собой две тесно связанные сущности, поскольку в образовании задействовано все человеческое существо с его биопсихосоциальной, культурной и духовной структурой. Это означает, что концепция человеческого бытия, поддерживаемая создателями образовательной модели, напрямую влияет на установление философских основ такой модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова С.В. Современное образовательное пространство в социокультурном и геополитическом аспектах // Ценности и смыслы. 2014. № 2 (30). С. 40–49.

2. Чжан Ю., Цаплин С.Н., Яковлева И.В. Вопросы разработки социально-философских основ образовательного пространства. Дискурс. 2025. №11(2). С.43–54.

3. Чжан Ю., Яковлева И. В. Потенциальные возможности и эвристическое значение медиапространства в контексте всеобщего образования // Философия образования. 2024. Т. 24, № 2. С. 56–73.

4. Яковлева И.В., Черных С.И. Диалектика изменений аксиосистемы российского образования в переходный период // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2023. № 497. С. 57–64.
5. Козлова И. В. Теоретические основы философии образования в России / И. В. Козлова. // Молодой ученый. 2016. № 23 (127). С. 567–570.
6. Мандель Б.Р. Философия образования: учебное пособие для обучающихся в магистратуре. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 501 с.
7. Бурнашев Р.Ф., Махмуджонова Н.М. Роль философии в формировании ценностных ориентиров в современном образовании // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2024. 3(106). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/16966.

УДК 37.01

РОЛЬ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

О.В. Щупленков, канд. ист. наук, доцент
Ставропольский государственный педагогический институт (филиал) г. Ессентуки, Россия

Аннотация. Критическое мышление учащихся постоянно подвергаются непосредственному и непроверенному воздействию информации, что ослабляет процессы анализа и размышлений. В этом контексте философия образования, анализирует состояние образовательного процесса и создает концептуальную нормативную базу.

Ключевые слова: знание; критическое мышление; образование; философия.

Введение. В настоящей статье рассматривается вклад гуманистической философии образования в развитие критического мышления. Философия образования с гуманистической точки зрения концентрирует свое внимание на всестороннем развитии учащихся, что побуждает задуматься о качестве процессов преподавания и обучения и о необходимости развития критического мышления, чтобы человек мог адекватно функционировать в личном и социальном плане. Анализируя современный контекст образования, такие авторы, как П. Фрейре, М. Нуссбаум и Х. Карлос Руис, выявляют кризис в системе образования, который сам отвечает целям рыночной рентабельности, имея в качестве результатов обучения не мышление, а просто воспроизведение знаний, что влияет на формирование поддающихся манипулированию субъектов и отсутствие инструментов, позволяющих анализировать информацию, что в конечном итоге превращает их в одноразовые продукты [1].

Считается, что для разрешения этого кризиса философия образования обеспечивает основу, отражающую текущее состояние образовательного процесса, переосмысливая и проблематизируя образование. Эта рефлексивная структура позволяет оценивать образовательные практики,

препятствующие развитию критического мышления, и предлагать методологии, формирующие рефлексивные предметы [2]. По словам Эйзагирре, критическое мышление необходимо для принятия решений во всех сценариях, потому что человек, обладающий способностью объективно анализировать и оценивать различные аргументы, явления или ситуации, – это тот, кто может достигать целей, задач, может оптимизировать ресурсы и искать механизмы для достижения социальной справедливости с помощью образования [3].

В этом смысле философская рефлексия закрепляется как необходимость для достижения всестороннего обучения, поскольку она анализирует теоретические и практические предпосылки образовательного процесса. В настоящее время учащиеся погружены в эпоху цифровых технологий, характеризующуюся быстрым распространением информации, которая не подвергается процессам проверки и узаконивается меркантилистическими гегемониями [4]. Столкнувшись с этой реальностью, философия в области образования должна предлагать современные методологии и инструменты, способствующие формированию критически настроенных педагогов.

Постановка задачи. Настоящее исследование направлено на углубленное осмысление философии образования в контексте проблематики осознанного обучения. В рамках данного исследования предлагается провести детальный анализ осознанного обучения как специфического когнитивного процесса, в котором новая информация интегрируется в уже существующую когнитивную структуру обучающегося посредством операции ассимиляции, опосредованной применением критериев валидации. Особое внимание уделяется изучению различных типов обучения, таких как обучение на основе представлений, концепций и предложений, с целью выявления их специфических характеристик и взаимосвязей.

Методика и методология исследования. Настоящая статья основана на качественных исследованиях с описательной методологией. Использовались следующие методы: интервью и документальный анализ. Инструментами для сбора информации были сценарий интервью, карточки для чтения и матрица анализа.

Качественный подход – это подход, который методологически руководил структурированием настоящего документа, которому помогал сбор библиографических данных различных авторов, специализирующихся на этой теме. Исследование проводилось в соответствии с индуктивным процессом, который требовал сбора данных с помощью полевых исследований, которые способствовали сбору информации с помощью экспертов в области образования и философии.

В ходе научного поиска были выделены 4 типа исследований: исследовательские, описательные, корреляционные и объяснительные [5]. Описательное исследование было разработано в настоящей работе, поскольку

его анализ сосредоточен на понимании и обосновании фундаментальных концепций и категорий.

Исследованию помогает герменевтический метод, поскольку, согласно Эрнандесу-Сампьери и др., эта методология позволяет интерпретировать переживание феномена с помощью текстов и противопоставлять информацию опыту [6]. Для сбора информации использовались методы интервью и документального анализа с использованием таких инструментов, как сценарий интервью, карточки для чтения и матрица анализа. Интервью было адресовано специалистам в области философии и образования, сценарий интервью состоял из 6 вопросов и был применен к 5 лицам, по профилю преподавателям университетов и высших учебных заведений. Профиль опрошенных приведен в таблице 1.

Таблица 1 – Данные информантов

Интервьюер	Направление	Рабочее место	Занимаемая должность
И 1	Философия	Северо-Кавказский Федеральный университет (СКФУ)	Профессор
И 2	Философия	Северо-Кавказский Федеральный университет	Доцент
И 3	Философия	Политехнический университет	Доцент
И 4	Педагогика	Ставропольский педагогический институт	Доцент
И 5	Прикладная философия	СКФУ	Доцент

Выводы. Проанализируем информацию, полученной в ходе интервью, состоящего из шести вопросов.

Что касается первого вопроса: что такое философия образования и каково ее значение в контексте развития критического мышления? И 1 (20%) утверждает, что это «процесс содержания, принципов, действий, которые помогают или дают нам инструменты для критического мышления», и добавляет, что его следует анализировать с трех точек зрения: история, как она развивалась в различных культурах; развитие посредством критики; и развитие через критическое мышление, то есть актуальность и присутствие в образовательной сфере; И2 (20%) понимают это как: рефлексивную философию, критику мышления, основанного на образовательном факте, в первую очередь сосредоточенную на его цели и телеологии; И3 (20%) упоминает, что это философская рефлексия в отношении образовательного акта; И4 (20%) утверждает, что «это раздел философии, который занимается отражением принципов, ценностей, теорий, которые они обосновывают и которые в то же время придают смысл образовательному факту»; для И5 (20%) это: «раздел философии, посвященный исследованиям, размышлениям и критике того, что такое образование», также относится к «исследование проблем этического порядка» и онтологического измерения.

Что касается важности философии образования в современном контексте для развития критического мышления: И1(20%) считает, что важность заключается в критическом упражнении в отношении содержания, которое преподается в учебной программе; И2(20%) утверждает, что философия, обладая критическим мышлением, может помочь в развитии критического мышления, вдумчивого характера в отношении компонентов образования – это важнейшее упражнение, которое, кроме того, направляет учебную программу на формирование критически настроенных граждан; согласно И3(20%), считает это критическим упражнением и добавляет, что его функция состоит в противодействии отчуждающему аспекту образования; И4(20%) упоминает, что рефлексия – это критическое упражнение, и добавляет, что его функция заключается в противодействии отчуждающему аспекту образования. Философский аспект способствует всестороннему развитию субъектов, следовательно, охватывает измерение критическое мышление; в соответствии с И5(20%) отмечает, что философия – это критическое упражнение, основанное на веских аргументах, и для содействия развитию критического мышления необходимо провести «тщательное изучение наших утверждений, которые мы делаем в отношении критического мышления».

Что касается вопроса 2: Каковы некоторые из фундаментальных философских принципов, которые могут применяться в образовании для развития критического мышления у учащихся? И1 (20%) считает, что антропологическая точка зрения является фундаментальной, потому что она «формулирует человеческое существо в реальности», если такого принципа нет, субъекты становятся управляемыми и бессмысленными; И2 (20%) утверждает, что она исходит из «неврологической, физиологической основы прагматической, позитивистской, психологической философии», которые рассматривают знания как продукт анатомических структур мозга, центральной нервной системы, периферической нервной системы, и это настроено так, чтобы учитель понимал, «как работают эти структуры» и как направлять процессы познания; И3 (20%) утверждает, что фундаментальными принципами являются: принцип подозрительности, интерпретативный и герменевтический, поскольку они позволяют улучшить образовательные подходы; И4 (20%) определили «способность выявлять, аргументировать, делать выводы, проводить различия, принимать решения, оценивать, занимать критические позиции в отношении идеи» как философские принципы, поскольку они формируют мыслителей для мира, которые обладают способностью реагировать на вызовы времени. Наконец, И5 (20%) утверждают, что она соответствует либеральному, антиавторитарному и нормативному принципу. Эти принципы позволяют подвергать сомнению посредством вопросов «правдоподобные аргументы, получающие рациональное признание, относительно положения дел, которое может быть лучше».

Что касается третьего вопроса: какие стратегии философии образования вы использовали на уроках для развития навыков, присущих критическому мышлению? И1 (20%) утверждает, что критика самих себя и исторический и теоретический обзор философии; И2 (20%) указывает на метод Сократа, конструктивистские, феноменологические и герменевтические стратегии; И3 (20%) майевтика, свойственная сократовскому методу и интерпретации; И4 (20%) определяет совместное обучение и чуткое отношение к миру как стратегии; согласно И5 (20%), основная стратегия, которую он использует, – это метод Сократа с упором на постановку вопросов.

О четвертом вопросе: какие методологические стратегии способствуют развитию критического мышления? И1 (20%) считает, что чтение, основанное на легком для понимания авторе, контекстуализировано для каждой группы учащихся; И2 (20%) считает анализ конкретных случаев, создание заметок и изложение ключевыми методологическими стратегиями; И3 (20%) – обязательными методологиями для: совместное построение знаний критическая педагогика и интерпретация явлений; И4 (20%) рассматривает практическую философию, философию для детей и педагогическое образование как методологические стратегии; И5 (20%) отмечает кино, обращение к искусству и признание эмоций как стратегии развития критического мышления.

В связи с пятым вопросом: какие проблемы возникают при реализации стратегий развития критического мышления в классе? Опрошенные И1, И2 и И4 (60%) согласны с проблемами, возникающими в результате современных технологий, которые включают использование искусственного интеллекта, манипулирование с помощью социальных сетей, пузырьковые фильтры, интерпретацию человеческого существа с помощью платформы, это влияет на субъектов, которые не стремятся размышлять, напротив, стремятся насытить свои чувства. И3 (20%) рассматривает технологии как проблему и, кроме того, добавляет глобализацию; И5 (20%) классифицирует проблемы бюрократического порядка, такие как: время планирования, время, затрачиваемое преподавателем на наблюдение за учащимися, количество студентов, сокращение количества предметов, стимулирующих критическое мышление, таких как философия, и, кроме того, сокращение количества предметов, стимулирующих критическое мышление. В качестве проблем он выделяет социальную экономику мира, опосредованную процессами интернационализации отношений и преобладанием эффективности.

Что касается шестого вопроса: какие альтернативы решения могут быть предложены с точки зрения философии образования для развития критического мышления? И1 (20%) утверждает, что диалог со студентами важен; согласно И2 (20%) философское и эстетическое созерцание в сочетании с критическим прочтением социальных, экономических и политических контекстов объединяются в одно предложение; И3 (20%)

отмечает, что работа учителей в сочетании с обогащением и развитием критического мышления имеет важное значение; в соответствии с И4 (20%) все субъекты образования должны быть обучены и критически относиться к возникающим явлениям; в заключение И5 (20%) считает, что необходимо переосмыслить сущность образования и его телеологию.

Философия образования актуальна в процессе преподавания и обучения, поскольку она закрепляется как рефлексивная основа образовательного факта, играя фундаментальную роль в его понимании и поощряя критическое мышление для достижения всестороннего образования обучающихся.

В настоящее время наблюдается кризис в развитии критического мышления и формировании активных и вдумчивых граждан из-за навязывания традиционных моделей образования, преобладания явно меркантилистского подхода и непосредственности обучения. В этом сценарии именно критическое мышление позволяет анализировать, оценивать и делать выводы из информации, а также размышлять над обстоятельствами и контекстом [7].

Философия образования способствует развитию критического мышления с помощью ряда категорий, которые позволяют: обосновать строгую концептуальную основу для реализации методологических стратегий, критически осмыслить образовательный факт, предложить методологии, стимулирующие рефлексивное мышление и способствующие эмансипации учащихся посредством доступа к информации, построения и консолидации знаний. Столкнувшись с образованием в области экономического производства, критическое мышление позволяет размышлять обо всех знаниях, основанных на рыночной экономике, аналитически и критически возвращаясь к корням гуманитарных наук. Чтобы углубить и контекстуализировать стратегии, способствующие критическому мышлению, необходимо применять инструменты, позволяющие измерить степень воздействия реализации определенных стратегий на учащихся в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. – 496 с.
2. Плотникова Н.Ф. Формирование критического мышления студентов вуза в условиях командной формы организации обучения: монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2015. 84 с.
3. Eyzaguirre S. el Papel de la filosofía en el desarrollo del pensamiento crítico // Punto de referencia. 2018. № 485. P. 1-8. URL://www.cepchile.cl/investigacion/el-rol-de-la-filosofia-en-el-desarrollo-del-pensamiento-critico.
4. Заир-Бек С.И., Муштавинская И.В. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2012. – 224 с.
5. Соболь Т.В. Философское образование как фактор формирования критического мышления в контексте международного образовательного пространства // Молодой ученый. 2016. № 14 (118). С. 598–601.

6. Hernández-Sampieri R., Fernández K., Baptista P. Metodología de investigación. México: Ed. McGraw-HILL / INTERAMERICAN. 2014. 746 p.
7. Ennis R. H. Critical thinking and subject specificity: Clarification and needed research // Educational Researcher. 1989. №18 (3). Pp.4–10.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 346.9

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.Б. Абакумова, канд. юрид. наук, доцент
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Институт философии и права СО РАН

Аннотация. Авторским результатом комплексного нормативного и правоприменительного анализа стало определение наличия законодательных пробелов и противоречий в основах правового регулирования государственного налогового контроля, послуживших эмпирическим основанием для разработки предложения, направленного на совершенствование норм обеспечения государственного налогового контроля над предпринимательской деятельностью в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный налоговый контроль, государственное регулирование предпринимательской деятельности, обжалование решений контрольных, контролирующих органов, защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Введение. Текущий этап развития частного предпринимательства в России характеризуется одновременным системным содействием со стороны государства субъектам малого и среднего бизнеса и одновременно усилением публичного контроля. Государственное регулятивное содействие проявляется в реализации различных государственных программ, предоставлении финансовой и информационной поддержки, создании условий для развития бизнес инициатив [1]. Вместе с этим властный аппарат управления также сохраняет контроль над деятельностью предпринимателей с целью обеспечения соблюдение законодательства, защиты публичных и общественных интересов. Достижение сбалансированного соотношения между целевыми задачами деятельности контролирующих органов, с одной стороны, и интересами контролируемых частных субъектов, с другой стороны, является базовым элементом эффективной системы государственного управления и первостепенным условием для устойчивого развития национальной экономики и общества в целом. Смысловое значение данного тезиса усиливается при рассмотрении государственного регулятивного воздействия и правовой защиты законных прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности в сфере налоговых правоотношений.

Постановка задачи. Система защиты прав субъектов предпринимательской деятельности весьма разнообразна; существуют как административная, так и судебная юрисдикционные процессуальные процедуры, при этом обжалование действий (бездействия) контрольных органов, и их должностных лиц, а также решений и предписаний, вынесенных/выданных в результате проверки подконтрольного субъекта, с последующим привлечением к административной ответственности, могут являться частым поводом для судебных разбирательств. Большинство решений судебных органов, связано с обращением заявителя по признанию недействительными результатов проверок, проведенных с грубыми нарушениями требований закона, установленных ст. 91 ФЗ №248, а также в связи с аспектами, актуализирующимися в связи с наличием несовершенства нормативного обеспечения.

Специальное значение в системе регулирования контрольно-надзорной деятельности занимает налоговый контроль, который системно урегулирован Налоговым Кодексом РФ. В данном виде государственного контроля проверяемые субъекты имеют значительно меньше оснований и практических возможностей для защиты своих прав ввиду того, что контролирующему органу, одновременно являющемуся уполномоченному в осуществлении фискальной функции, государством делегирован максимальных спектр возможных публично-властных полномочий. С учетом этого основу судебной практики по данному виду контроля составляют дела, связанные с нарушением процессуальных сроков при проведении мероприятий налогового контроля. В текущий период времени возникла противоречивость в правоприменении по вопросам нарушения сроков при проведении мероприятий налогового контроля, суды с переменным успехом становятся то на сторону инспекций ФНС РФ, то на сторону проверяемых лиц, причем применяя при этом порой однородные доводы при принятии решений.

Результаты. Примером судебной практики принятия решения по иску хозяйствующего субъекта об отсутствии оснований для привлечения к налоговой ответственности ввиду пропуска контролирующим органом срока проведения контрольных мероприятий в пользу подконтрольного лица является Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 ноября 2023 г. по делу по иску хозяйственного общества к ИФНС по Ленинскому району г. Ростова-на-Дону. По доводам общества, представленным в суде, налоговым органом срок проведения проверки был нарушен более чем на два месяца. Апелляционный суд встал на сторону заявителя и постановил отменить решение суда первой инстанции, признав недействительным решение ИФНС о привлечении хозяйственного общества к налоговой ответственности.

Обратный итог дела встречается в Решении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 12 декабря 2023 г. по делу,

инициированному хозяйственным обществом, подавшим иск к Межрайонной ИФНС России по Санкт-Петербургу со ссылкой на нарушение сроков вручения акта налоговой проверки и обжалования итогового решения по ее результатам. В судебном решении было указано на то, что регламентация сроков проведения налоговых проверок направлена на достижение равновесия интересов участников отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах, на обеспечение правовой определенности, и в связи с этим длительный срок проведения налоговой проверки может быть признан недопустимым в той мере, в какой приводит к избыточному или не ограниченному по продолжительности применению мер налогового контроля в отношении налогоплательщиков. Однако в итоговом указании суда было установлено, что нарушение длительности производства по делу о нарушении законодательства о налогах и сборах может быть обусловлено совокупностью причин и было решено отказать в удовлетворении требований истца. Таким образом, на данных примерах мы видим встречающийся в судебной практике полярно различный подход правоприменения к вопросам, связанным, в том числе со сроками осуществления контрольных функция уполномоченными органами и соответствующими последствиями для подконтрольных лиц.

Указанное обусловлено, в том числе тем, что в ст. 101 НК РФ в качестве нарушений, влекущих отмену решения налогового органа, обозначено лишь не соблюдение требования «обеспечить возможность лица, в отношении которого проводилась проверка, участвовать в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки лично и (или) через своего представителя и обеспечение возможности налогоплательщика представить объяснения. Далее идет абзац, согласно которому, основанием для отмены указанного решения налогового органа вышестоящим налоговым органом или судом могут являться иные нарушения процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки, если только такие нарушения привели или могли привести к принятию руководителем (заместителем руководителя) налогового органа неправомерного решения». Указание на одно грубое нарушение и размытая формулировка «иные нарушения» практически могут лишить подконтрольных лиц оснований на досудебную и судебную защиту своих прав.

На такого рода встречающуюся процедурную неоднозначность касаемо сроков проведения мероприятий налогового контроля было так же обращено внимание в судебной практике Верховного суда РФ, который в Определении от 05.07.2021 г. указал, что: «Само по себе нарушение длительности проведения налоговой проверки не может иметь юридического значения для оценки правомерности действий налогового органа на стадии взыскания задолженности по налогам. Иное приводило бы к смешению сроков, относящихся к различным административным процедурам – сроков производства по делу о нарушении законодательства о налогах и сборах, и

сроков исполнения решения, принятого по результатам названного производства. <…> Длительный срок проведения налоговой проверки может быть признан недопустимым в той мере, в какой приводит к избыточному или не ограниченному по продолжительности применению мер налогового контроля в отношении налогоплательщиков» [5].

Выводы. Таким образом, считаем, что вместе с существующей тенденцией к систематизации и гуманизации правового регулирования рассматриваемых правоотношений, неоднородность практики правоприменения негативно влияет на этот процесс [3]. Как было выявлено, в данном виде контроля проверяемые субъекты имеют значительно меньше оснований для защиты своих прав. Из-за наличия в Налоговом кодексе РФ большого количества специальных и обособленных норм, касающихся контрольной деятельности, не видится обоснованным и реальным отнести данный вид контроля под регулирование ФЗ №248, но возможно имеется необходимость рассмотреть вопрос о внесении изменений в Налоговый кодекс РФ в части доработки положений о защите прав подконтрольных субъектов.

Предлагается внести изменение в п. 14 ст.101 НК РФ, дополняющее его нормативной отсылкой к п. 2 ст. 91 ФЗ №248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», содержащему перечень грубых нарушений требований к организации и осуществлению государственного контроля, которые могут явиться основанием для отмены решения налогового органа вышестоящим налоговым органом или судом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова Е.Б. О некоторых правовых проблемах государственного регулирования контроля предпринимательской деятельности // Вестник арбитражной практики. 2023. № 4. С. 14-20.

2. Ершова И.В. Государственный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности: законодательные и доктринальные подходы // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-kontrol-za-osuschestvleniem-predprinimatelskoy-deyatelnosti-zakonodatelnye-i-doktrinalnye-podhody (дата обращения: 10.06.2025).

3. Куделя Н.Ю., Москвич У.В., Филатов В.Н. Государственное влияние и регулирование предпринимательской деятельности // Образование и право. 2025. №1. С. 85–87.

4. Нардина О.В. Соотношение публичных и частных интересов при регулировании предпринимательской деятельности // Правовое регулирование экономической деятельности. 2024. №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-publichnyh-i-chastnyh-interesov-pri-regulirovanii-predprinimatelskoy-deyatelnosti (дата обращения: 10.10.2025).

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.07.2021 №307-ЭС21-2135 по делу №А21-10479/2019 // СПС «Консультантплюс».

6. Постановление от 29 ноября 2023 г. по делу №А53-39104/2022 // «СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ» – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/uZzgaNVklnN8/?ysclid=mhvatpy5cw378808984.
7. Решение от 12 декабря 2023 г. по делу №А56-67362/2023 // «СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ» – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/a9dB0Wj6ACWR/?ysclid=mhvax5tifg972632500.

УДК 343.965

ЛИЧНОСТЬ РЕЦИДИВИСТА: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

А.Б. Абдулхамидов, студент
Северо-Кавказский институт (филиал)
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
Республика Дагестан, г. Махачкала, Россия

Аннотация. В статье исследуются криминологические и психологические аспекты формирования личности рецидивиста. Анализируются социально-демографические, психологические и криминальные факторы, способствующие повторному совершению преступлений. Особое внимание уделяется превентивным мерам, направленным на снижение уровня рецидивной преступности. Предлагается комплексный подход к профилактике рецидива, включающий совершенствование пенитенциарной системы, постпенитенциарной адаптации и ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: рецидивист, рецидивная преступность, личность преступника, криминальная субкультура, ресоциализация.

Проблема рецидивной преступности остается одной из наиболее острых в современной криминологии и уголовно-исполнительной практике. По данным ФСИН России, доля лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, среди осужденных составляет около 42–45%, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих мер предупреждения повторной преступности. Рецидив преступлений представляет собой не только юридическую, но и сложную социально-психологическую проблему, требующую междисциплинарного подхода. Личность рецидивиста формируется под влиянием множества факторов, включая особенности социализации, психологические деформации, влияние криминальной субкультуры и недостатки системы исполнения наказаний.

В уголовном праве рецидив определяется как совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление (ст. 18 УК РФ) [1]. Криминологический подход рассматривает рецидив шире – как устойчивую

антисоциальную направленность личности, проявляющуюся в повторном совершении преступлений.

Пик рецидивной преступности приходится на возраст 30–40 лет. Раннее начало криминальной карьеры (до 18 лет) значительно повышает вероятность рецидива – до 60–70% несовершеннолетних правонарушителей совершают преступления повторно в течение 5 лет после освобождения. Около 70% рецидивистов имеют неполное среднее или среднее образование. Низкий образовательный уровень коррелирует с ограниченными возможностями трудоустройства и социальной адаптации. До 65% рецидивистов не состоят в браке или разведены. Отсутствие семейных связей снижает социальный контроль и лишает важной опоры при ресоциализации. Более 80% лиц, совершивших рецидив, на момент повторного преступления не имели постоянного места работы. Безработица создает экономическую мотивацию для криминальной деятельности.

У рецидивистов наблюдается замещение общепринятых ценностей криминальными установками. Формируется психологическая готовность к нарушению закона, преступление воспринимается как приемлемый способ решения проблем. Многократное пребывание в местах лишения свободы приводит к утрате страха перед наказанием. Наказание воспринимается как неизбежный профессиональный риск, а не как средство исправления.

Психологические исследования выявляют у рецидивистов:

- Эгоцентризм и неспособность к эмпатии.
- Импульсивность и недостаточность самоконтроля.
- Агрессивность и конфликтность.
- Инфантилизм и безответственность.

До 70% рецидивистов имеют алкогольную или наркотическую зависимость. Аддикция не только мотивирует корыстные преступления, но и снижает критичность мышления, способствуя импульсивным противоправным действиям [2, С. 26–30]. Пребывание в исправительном учреждении приводит к усвоению норм и ценностей криминальной среды. Тюремная субкультура с ее иерархией, жаргоном и неписаными правилами становится для многих осужденных референтной группой. Судимость создает социальное клеймо, затрудняющее реинтеграцию в общество. Рецидивисты испытывают дискриминацию при трудоустройстве, установлении социальных связей, что формирует чувство отверженности и озлобленности [3, С. 78].

В местах лишения свободы формируются устойчивые преступные связи, которые после освобождения способствуют втягиванию в криминальную деятельность. Для многих освободившихся криминальная среда становится единственной доступной социальной сетью. Длительное пребывание в условиях принудительной изоляции приводит к утрате социальных навыков, необходимых для жизни на свободе. Формируется так называемый «тюремный синдром» – комплекс психологических

особенностей, затрудняющих адаптацию в обществе. После освобождения бывшие осужденные сталкиваются с комплексом проблем: отсутствие жилья, документов, средств к существованию. По данным исследований, около 40% освобожденных не имеют определенного места жительства [4, С. 89].

Судимость значительно снижает конкурентоспособность на рынке труда. Работодатели неохотно принимают на работу лиц с криминальным прошлым, особенно рецидивистов. Длительное отсутствие приводит к распаду семей, утрате дружеских связей. Социальная изоляция лишает освобожденных поддержки и социального контроля. Отсутствие накоплений, трудности с трудоустройством создают материальную нужду, которая может мотивировать возврат к криминальной деятельности как к привычному способу добывания средств [5, С. 98–107].

Эффективная профилактика рецидива требует комплексного воздействия на всех этапах: пенитенциарном, переходном и постпенитенциарном. Необходима более тонкая дифференциация осужденных с учетом криминологической и психологической типологии. Разделение первичных и повторных преступников предотвращает криминальное заражение [6, С. 82–86].

Современная пенитенциарная система должна переориентироваться с карательной на исправительную функцию. Это требует:

- Развития системы психологической помощи осужденным.
- Создания программ когнитивно-поведенческой терапии.
- Работы с алкогольной и наркотической зависимостью.
- Формирования просоциальных установок и ценностей.

Обязательное профессиональное обучение осужденных востребованным специальностям повышает их конкурентоспособность на рынке труда после освобождения [7, С. 78]. Важно развитие производственной базы исправительных учреждений. Либерализация режима свиданий, развитие системы видеосвязи, содействие в восстановлении семейных отношений способствуют сохранению социальных связей, необходимых для успешной реинтеграции.

Программы подготовки к освобождению должны включать:

- Информирование о правах и обязанностях, процедурах получения документов, пособий, медицинской помощи.
- Обучение навыкам поиска работы, составления резюме, прохождения собеседований.
- Психологическую подготовку к трудностям адаптации.
- Планирование жизнеустройства после освобождения.

Взаимодействие с службами занятости, социальной защиты, НКО должно начинаться еще в период отбывания наказания. Предварительное трудоустройство значительно снижает риск рецидива.

Создание системы кураторства, когда за каждым освобожденным закрепляется специалист, оказывающий помощь в решении жизненных

проблем. Зарубежный опыт показывает высокую эффективность таких программ.

Необходима работа по изменению общественного отношения к бывшим осужденным, формированию атмосферы, способствующей их реинтеграции. Сокращение сроков погашения судимости для лиц, демонстрирующих исправление. Развитие и государственная поддержка некоммерческих организаций, работающих с бывшими осужденными. Проблема рецидивной преступности носит комплексный характер и не может быть решена исключительно репрессивными мерами. Личность рецидивиста формируется под влиянием множества факторов – социальных, психологических, экономических, пенитенциарных.

Эффективная профилактика рецидива требует системного подхода, включающего:

1. Реформирование пенитенциарной системы с переориентацией на исправление и ресоциализацию осужденных.
2. Развитие системы подготовки к освобождению и постпенитенциарной адаптации.
3. Создание экономических и социальных условий для успешной реинтеграции бывших осужденных.
4. Преодоление стигматизации и формирование в обществе атмосферы, способствующей исправлению.
5. Развитие межведомственного взаимодействия пенитенциарных учреждений, правоохранительных органов, служб занятости, социальной защиты, НКО.

Снижение уровня рецидивной преступности – задача не только правоохранительной системы, но и общества в целом. Только комплексный подход, сочетающий контроль с поддержкой, наказание с помощью в исправлении, может дать устойчивый результат. Необходимы дальнейшие исследования факторов рецидива, разработка и апробация новых программ профилактики, изучение и адаптация зарубежного опыта. Инвестиции в профилактику рецидива экономически целесообразны – предотвращение повторного преступления обходится обществу значительно дешевле, чем последствия рецидивной преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
2. Разумова Е.М. Психологические особенности личности преступников-рецидивистов. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: психология. – 2009. – № 18. – С. 26–30.
3. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. – 448 с.
4. Васильев В.Л. Юридическая психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2009. – 608 с.
5. Филиппова О.В. Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. Т. 16. – № 2. С. 98 – 107.

6. Хафизова А.М. Проблемы теории и практики постпенитенциарной адаптации и ресоциализации лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 2 (48). С. 82–86.
7. Ившин В.Г. Социально-правовые и организационные проблемы постпенитенциарной адаптации освобожденных от отбывания наказания. М.: НИИ ФСИН России, 2016. –188 с.

УДК 37.01

ДЕТЕРМИНАНТЫ И УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИСЛАМСКОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Е.А. Андреева, канд. пед. наук, доцент
Российская международная академия туризма
г.о. Химки, Московская область, Россия

Аннотация. Данная статья представляет собой комплексный анализ концепции государственного управления на Ближнем Востоке, рассматривающий её содержательное наполнение и генезис. Основной фокус работы сосредоточен на исторических предпосылках и этапах эволюции данной концепции в регионе.

Ключевые слова: государственное управление, административная политика, власть, лидерство, государство, Ближний Восток.

Введение. Современные модели государственного управления получают свою специфику через совокупность ключевых параметров: форму правления, тип территориально-политической организации (государственное устройство) и характер политического режима. Их уникальность в каждом конкретном случае является продуктом длительного исторического развития, детерминированного *национально-культурными особенностями и политическими традициями*.

Постановка задачи. Сравнительный анализ эволюции управленческих систем в различных цивилизационных ареалах позволяет выявить устойчивую взаимосвязь между культурным, религиозным и историческим контекстом и формированием разных моделей государственного управления.

В рамках дискуссии о типологизации административных систем значимым представляется подход Г. Питерса, который в качестве критериев для дифференциации моделей выделяет следующие дихотомии: соотношение роли государства и гражданского общества, интерпретацию верховенства права, разграничение функций политического руководства и административного управления, а также особенности правовой системы, предопределяющие тенденцию либо к унификации, либо к вариативности управленческих практик [1].

Формирование концепции исламской модели государственного управления как научной и политической проблемы относится к периоду 60–

80-х годов XX века. Данный исторический этап ознаменовался завершением процесса деколонизации в странах мусульманского мира и их переходом к строительству независимых национальных государств. Стремление к суверенному развитию, исключавшему заимствование как западной, так и советской политических моделей, инициировало обращение интеллектуальной и религиозной элиты к нормативным основам ислама, зафиксированным в Коране и Сунне.

В современной науке активно исследуется вклад исламской цивилизации в развитие различных дисциплин в эпоху её «Золотого века» (622–1258 гг. н.э.). Однако сравнительно недавно предметом системного изучения стала история исламского государственного управления, рассматриваемая как потенциал для конструирования общественной системы, основанной на исламских принципах. Ключевая проблематика данной области заключается в существенном разрыве между теорией управления, сформировавшейся в раннемусульманский период, и современной административной практикой, испытывающей значительное влияние англосаксонских управленческих парадигм.

Исторические предпосылки этой дихотомии восходят к концу XIX в., когда экспансия западного империализма привела к колониальному разделу Африки, усилению контроля над Азией и ослаблению Османской империи и империи Великих Моголов. К началу XX века большая часть Ближнего Востока оказалась под прямым или косвенным контролем европейских держав. Последующий распад колониальных империй и уход метрополий привели к образованию на территории бывших османских владений неустойчивых государственных образований, созданных по чуждым для региона западным моделям. Исторически в регионах Центральной Азии и Ближнего Востока доминировала не национальная, а кланово-племенная идентичность, где лояльность индивида была обращена к племени, а не к государству как абстрактному институту.

Ю. Сэмиер обосновывает тезис о существовании самостоятельной исламской модели государственного управления, приводя в её поддержку систему исторических аргументов. **Первый довод** основан на принципиально отличном от западного пути генезиса государственности на Востоке. Исследователь указывает, что в данном регионе изначально отсутствовали социально-исторические предпосылки для формирования тех институтов, которые в западной политической традиции считаются парадигмальными (гражданское общество, правовое государство, система сдержек и противовесов). Вместо этого ключевую государствообразующую функцию выполняли военные завоевания. Для древневосточных обществ была характерна ранняя централизация власти, что в теоретическом плане привело к формированию такой специфической формы государства, как «восточная деспотия» [2].

Что касается непосредственно Арабского халифата как средневекового феодального государства, то его появление Ю. Сэмиер связывает с комплексом причин: кризис рабовладельческого уклада на Аравийском полуострове; разложение родоплеменных отношений; обострение социальных противоречий внутри арабских племён; внешняя угроза.

Ключевой особенностью политогенеза у арабов в VII веке стала его тесная связь с религиозным фактором. В отличие от других государств Древнего Востока, Античности и Средневековья, где религия выполняла вспомогательную, легитимирующую функцию, в Арабском халифате ислам с самого начала выступил как системообразующий и детерминирующий фактор. Новая монотеистическая религия не только обеспечила идеологическое объединение разрозненных племён в единое государство, но и стала основной идейной мотивацией для экспансии, определяя цели и характер завоевательных походов. Таким образом, Халифат сформировался как теократическое государство, где политическая и религиозная власти неразделимы.

Становление политической науки в исламской цивилизации было обусловлено синтезом доисламских управленческих традиций, которые были аккумулированы в процессе возникновения и экспансии мусульманских империй. Критически важным механизмом этого заимствования стала интеграция политической и интеллектуальной элиты покорённых территорий в новую административную систему [3]. Высшие чиновники, ранее исповедовавшие буддизм и зороастризм, принимая ислам, привносили в него накопленные знания и практический опыт, что сопровождалось масштабной деятельностью по переводу научных и административных текстов [4].

Исторические корни данной административной модели уходят в глубокую древность. В Древнем Египте и Хеттской империи (ок. 1800–1180 гг. до н.э.), где система управления и образования отличалась высокой степенью формализации, уже существовали развитые правовые кодексы и административные системы, а также специализированные школы для подготовки чиновников. В исламских государствах и империях сложился развитый бюрократический аппарат, сформировавший сложную и высокофункциональную систему государственного управления задолго до её появления в Европе. Отдельные аспекты этой системы впоследствии были заимствованы западным миром в эпоху Ренессанса (XV–XVI вв. н.э.), причём значимые достижения в области публичной администрации были сделаны ещё в период исламского «Золотого века». Формирование государственных институтов в исламе опиралось на две ключевые традиции: наследие древних управленческих комплексов Месопотамии и Египта и социально-политический опыт кочевых бедуинских племен.

Современные исторические исследования подтверждают существование бюрократической формы управления уже в древнейших городах Месопотамии, таких как Урук (ок. 3800–3200 гг. до н.э.). К 3200 г. до

н.э. в Уруке функционировала сложная административная система с центральным органом власти [5], управлявшая аграрным и текстильным производством, осуществлявшая массовый выпуск стандартизированной продукции и мобилизацию трудовых ресурсов.

К моменту возникновения ислама грамотность была уже широко распространённым явлением. Первая корпорация профессиональных чиновников – писцы – появилась в Древнем Египте. Широкое ведение дневников, деловой переписки и бюрократической документации делает этот исторический период исключительно хорошо документированным. Характерной чертой урбанизированных обществ являлся высокий уровень государственного регулирования, подотчётности и контроля во всех публичных сферах – от ирригационных систем до производства, торговли и управления зависимыми территориями. Этому способствовала развитая система учёта на основе печатей и иных типов документов, обеспечивавшая преемственность в передаче знаний, что подтверждается находками из библиотек Шурапака (ок. 3000–2200 гг. до н.э.) и Ниппура (ок. 2100 гг. до н.э.). Согласно археологическим свидетельствам, в школах писцов Шумерской цивилизации (IV–III тыс. до н.э.) были заложены основы лингвистики, права, математики, литературы и истории [6].

В контексте формирования первых рабовладельческих государств на Древнем Востоке (Шумер, Египет, Аккад) историки управления идентифицируют ключевую социальную трансформацию – институционализацию жреческой касты как класса религиозных функционеров-управленцев**.** Данный процесс стал возможен благодаря рационализации религиозного культа, выразившейся в замене жертвоприношений на символические подношения в виде денег, скота, ремесленных изделий и пр. Параллельно происходило становление централизованной теократической монархии, модель которой впоследствии была унаследована Арабским халифатом. Наиболее значимым этапом в эволюции публичного администрирования считается правление Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.). Созданный им свод законов, синтезировавший достижения клинописного права Месопотамии, не только оказал долгосрочное воздействие на правовые культуры Древнего Востока, но и заложил основы формализованной системы государственного управления, основанной на унифицированных писаных нормах. По своему нормативному содержанию и юридической технике данный кодекс оставался непревзойденным вплоть до римского права. Помимо институционального новаторства, Хаммурапи сформировал уникальный для своей эпохи лидерский стиль, целенаправленно конструируя в общественном сознании образ «попечителя и защитника народа», что знаменовало становление светских методов управления и основ мотивации поведения.

Важнейшим доисламским фактором, повлиявшим на становление моделей управления, стал социально-политический опыт бедуинских племен.

Их организация характеризовалась эгалитарными началами [10], где властные полномочия лидеров, избиравшихся из привилегированных семей, основывались на авторитете, верности племени и родственных связях. Ключевыми элементами поддержания внутреннего порядка выступали: непрерывный консультативный процесс; сложная система «племенного закона», регулировавшего межличностные, семейные и клановые споры; институт медиации; принцип коллективной ответственности.

Нормативной основой для формирования государственных институтов первоначального Халифата Рашидун (632–661 гг. н.э.) послужили интерпретации положений Корана и Сунны. Первый халиф Абу Бакр, руководствуясь исламскими принципами, заложил основы конституционного устройства, правосудия и законодательства [11]. Его преемник Умар продолжил институционализацию политической структуры, систематизируя нормы в сферах семейного права, уголовного наказания и религиозной практики, тем самым сформировав каркас общественной жизни, определивший принципы современной мусульманской идентичности. Характерной чертой данной модели являлась приоритетность коллективной ответственности перед обществом (уммой).

Последующие халифаты – Омейядов (661–750 гг.) и Аббасидов (750–1258 гг.) – провели политику централизации власти и создания стабильных династических режимов. Несмотря на критику правления Омейядов за отход от идеалов Праведного халифата в сторону монархического абсолютизма [7], данный период характеризовался значительными административными новациями: арабизацией государственного аппарата, введением квалификационных требований к чиновникам, созданием монетной системы с арабской эпиграфикой, развитием курьерской связи, реализацией масштабной программы монументального строительства, стандартизацией мер и весов, а также формированием регулярной армии, содержавшейся за счёт налоговых поступлений [8]. Омейяды покровительствовали развитию мысли, искусства и культуры, что достигло апогея в эпоху Аббасидов, признанную в западной историографии «Золотым веком ислама».

Аббасидский халифат практиковал меритократический принцип, допуская немусульман на высокие государственные посты на основе их образования и профессиональной компетенции [9], консолидируя интеллектуальную элиту в административных и судебных органах. Параллельно происходило становление школьной системы (медресе) и университетов, способствовавших интеллектуальному расцвету и развитию исламского гуманизма, отчасти инспирированного античным (эллинистическим) научно-философским наследием.

Второй довод – религиозно-нормативный – заключается в анализе основополагающих принципов государственного управления, извлеченных из ко текстов Корана и Сунны. По своей сути, управленческая парадигма в исламе базируется на концепции моральной ответственности перед Богом и

обществом, а также на идее о совершенствующейся человеческой природе. Таким образом, исламская государственно-административная модель требует герменевтического подхода – интерпретации базовых заповедей и ценностей в контексте современных управленческих реалий. Этические правила, содержащиеся в Коране и Сунне, были развиты в классической политической литературе, в частности, в традиции «Зеркала князей» («Mirrors for Princes») – жанра политической дидактики, предназначавшегося для обучения правящей элиты. Важнейшей отличительной чертой модели является принцип консультативности (шура), институционализированный в форме регулярных собраний представителей власти с гражданами (маджлис).

Третий довод представляет эмпирический подход к исследованию исламской административной системы, фокусирующийся на четырёх ключевых аспектах: организационная культура, управление человеческими ресурсами, политика и принятие решений, управление государственным сектором. В рамках этого подхода А. Аль-Катани, стремясь преодолеть правовой дуализм мусульманского мира (где шариат регулирует личный статус, а западное гражданское право – экономику и управление), предложил модель, основанную на десяти этических принципах: намерение, благочестие, совершенство, справедливость, доверие, истина, мастерство, искренность, консультативность, терпение, нравственность [10].

Однако имплементация этих принципов на практике осложнена историческим разрывом, отделившим многие мусульманские страны от их традиционных основ. Государственные структуры в постколониальных обществах сформировались под влиянием наследия колониальных административных моделей, правовых рамок и институтов, возникших в результате сложного взаимодействия между метрополиями и местным населением.

Результаты. Генезис исламской модели государственного управления может быть концептуализирован через три взаимосвязанных блока предпосылок: мировоззренческо-идеологические, социально-экономические и историко-культурные.

1. Мировоззренческо-идеологические предпосылки: религиозно-нормативный фундамент**:** верховенство божественного закона, тотальность религиозного регулирования.

2. Социально-экономические детерминанты: ограниченный характер частной собственности, доминанта коллективных форм организации, персистенция традиционной социальной структуры.

3. Историко-культурные предпосылки: традиционалистский характер общества, влияние бедуинского социокультурного кода.

Выводы. В результате диалектического взаимодействия вышеобозначенных предпосылок сформировалась целостная модель управления, характеризующаяся следующими системными признаками: тео-номократический характер верховенства права**,** религиозно-этическая

легитимация власти, патерналистская природа государства**,** органическое единство религии и политики, коммунитарная основа социальной организации**.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Peters, B. (n.d.). Administrative traditions. [cited 28 October 2004]. Available from http:// www1.worldbank.org/publicsector/civilservice/traditions.htm.
2. Samier, E. 2017. “Islamic Public Administration Tradition: Historical, Theoretical and Practical Dimensions.” *Administrative Culture* 18 (1), 53–71.
3. Ali, A. 2009. “Islamic Perspectives on Leadership: A Model.” *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management* 2(2), 160–180.
4. Lapidus, I. (2002). A history of Islamic societies. Cambridge University Press.
5. Hoyland, R. (2015). In God’s path: The Arab conquests and the creation of an Islamic empire. Oxford: Oxford University Press.
6. Painter, M. and B. Peters. 2010. “The Analysis of Administrative Traditions.” In M. Painter and B. Peters (eds). Tradition and Public Administration. New York: Palgrave Macmillan, 3–16.
7. Kennedy, H. 2004. The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Centuries. Harlow: Pearson.
8. Hoyland, R. (2015). In God’s path: The Arab conquests and the creation of an Islamic empire. Oxford: Oxford University Press.
9. Ahmad, K. 2008. “Challenges and practices in human resource management of the Muslim world.” Journal of Human Resource and Adult Learning 4(2), 34–42.
10. Alkahtani, A. 2014. “An application of Islamic principles in building a robust human resource management system (in Islamic countries).” International Journal of Recent Advances in Organizational Behaviour and Decision Sciences 1(3), 183–194.

УДК 347.1

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ЭПОХУ КИБЕРФИЗЕЧЕСКИХ СИСТЕМ: КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКИ 4.0

Р.В. Антропов, канд. юрид. наук, доцент
Забайкальский институт предпринимательства – филиал автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации» («ЗИП СибУПК»);
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ЗабГУ»)
г. Чита, Россия

Аннотация. В Европе происходит масштабная трансформация гражданско-правового регулирования, связанная с внедрением киберфизических систем (КФС). Ответ европейского законодателя сочетает адаптацию традиционных институтов гражданского права и создание новых специализированных режимов, формируя комплексную правовую экосистему для управления рисками цифровой эпохи.

Ключевые слова: КФС, новые вызовы, Европейский союз, Германия, гражданско-правовое регулирование, регламенты и директивы.

Современное развитие КФС – систем, объединяющих вычислительные ресурсы и физические процессы, – стирает границы между традиционными категориями права. Автономные устройства, способные к самостоятельному принятию решений и обучению, ставят под вопрос классические понятия вины, причинения вреда и договорной ответственности. В условиях, когда действия системы невозможно однозначно предсказать или воспроизвести даже для ее разработчика, доказывание стандартных условий деликтной ответственности становится крайне затруднительным. Европейский законодатель осознает, что правовые рамки не должны подавлять инновации, но обязаны обеспечить защиту прав потребителей и потерпевших, а также справедливое распределение рисков. Германия, как одна из ведущих технологических держав ЕС, активно участвует в формировании этого правового поля.

Постановка задачи. Основная цель статьи – проанализировать адаптацию европейского и немецкого гражданского права к вызовам, создаваемым киберфизическими системами (КФС), и спрогнозировать пути совершенствования правового регулирования. Для решения этих задач применяются следующие научные методы: междисциплинарный подход, сравнительно-правовой анализ, формально-догматический (юридико-

технический) метод, метод правового моделирования, анализ правоприменительной практики и европейских программ.

Методика и методология исследования. 1. Сравнительно-правовой метод: используется для анализа подхода Европейского парламента к регулированию робототехники и ИИ (в частности, Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике») и их сопоставления с действующим немецким законодательством.

2. Формально-догматический (юридико-технический) метод: применяется для детального анализа классических институтов гражданского права (деликтная и договорная ответственность) на предмет их применимости к отношениям с участием автономных КФС.

3. Междисциплинарный подход: исследование находится на стыке права, теории управления и информационных технологий. Для понимания сути технологий «Индустрии 4.0» (цифровой двойник, функционирование в реальном времени, модульность) и их экономического контекста привлекаются данные из технической и экономической литературы.

4. Анализ правоприменительной практики и государственных программ: изучаются планируемые меры в рамках немецкой программы цифровизации юстиции для определения практических шагов ФРГ по адаптации правовой инфраструктуры.

Результаты исследования. Отправной точкой современного регулирования стала Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года с рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права о робототехнике [1]. Этот документ констатировал наступление новой промышленной революции и подчеркивал необходимость разработки универсальных определений, таких понятий, как «робот» и «искусственный интеллект», не затрудняющих развитие инноваций. В качестве одной из возможных моделей ответственности в Резолюции рассматривалось введение строгой ответственности, дополненной обязательным страхованием и, в перспективе, созданием особого правового статуса «электронных лиц» для наиболее сложных автономных систем.

Эти идеи нашли свое развитие в актах, имеющих прямое действие в Германии, – Регламентах ЕС, которые с 2025 года начинают применяться и формируют новый ландшафт правовой ответственности.

Так, 16 февраля 2017 года Европейский парламент принял Резолюцию под названием «Гражданско-правовые нормы в области робототехники» (нем. „Zivilrechtliche Regelungen im Bereich Robotik“) с рекомендациями для Европейской комиссии. В Резолюции рассматривается широкий круг правовых и социальных вопросов, связанных с растущей автоматизацией и использованием (все более интеллектуальных) роботов.

Разумеется, Резолюция затрагивает (хотя и кратко) тему защиты данных (начиная с пункта 18). Неудивительно, что Европарламент требует,

чтобы будущие гражданско-правовые нормы в области робототехники соответствовали законодательным требованиям о защите данных, в частности Общему регламенту по защите данных (англ. The General Data Protection Regulation, сокр. GDPR / нем. Die Datenschutz-Grundverordnung, сокр. DSGVO) [2]. Следовательно, при разработке и эксплуатации роботов необходимо в полной мере соблюдать законодательство о защите данных.

Общий регламент по защите данных – GDPR Европейского Союза является центральной нормативной базой для защиты персональных данных в Европе. GDPR состоит из 11 глав и 99 статей, охватывающих все аспекты защиты данных – от принципов и прав субъектов данных до надзорных органов и санкций. Он имеет обязательную юридическую силу во всех государствах-членах ЕС с 25 мая 2018 года и также распространяется на компании за пределами ЕС, если они обрабатывают данные граждан Евросоюза [3]. GDPR обеспечивает прозрачность и контроль обработки персональных данных. Компании обязаны четко раскрывать, какие данные они собирают, с какой целью и как долго они хранятся. Гражданам предоставляются всеобъемлющие права, такие как право на доступ, удаление и возражение. Для компаний это означает четкие обязательства, а также правовую определенность при обработке данных.

Федеральный закон Германии о защите данных (нем. Das Bundesdatenschutzgesetz BDSG) – это немецкий закон, регулирующий обработку персональных данных и устанавливающий требования Общего регламента по защите данных (GDPR) для Германии. Он защищает основные права и свободы граждан в отношении обработки их данных и распространяется как на федеральные государственные органы, так и на частные компании. Пересмотренная версия, тесно связанная с GDPR, но также содержащая национальные правила посредством так называемых вводных положений, вступила в силу 25 мая 2018 года.

В свою очередь, DSG-CH (нем. Schweizer Datenschutzgesetz, сокр. DSG-CH) – это швейцарский закон о защите данных, который защищает личные права и основные права физических лиц при обработке их данных. Он вступил в силу 1 сентября 2023 года и был модернизирован с учетом технологических достижений и обеспечения соответствия Общему регламенту ЕС по защите данных – GDPR. Ключевые аспекты включают повышение прозрачности, право субъектов данных на самоопределение и обязанность обеспечивать безопасность данных. Нарушения могут повлечь за собой штрафы в размере до 250 000 швейцарских франков, которые могут быть наложены на ответственных лиц.

Иные ключевые законодательные акты и их гражданско-правовые аспекты:

– Регламент об искусственном интеллекте (англ. The EU AI Actor the AI Act) [4]. Поэтапно вводится с февраля 2025 г. Вводит классификацию систем ИИ по уровню риска. Высокорисковые системы подлежат строгим

требованиям к качеству данных, прозрачности и человеческому контролю. Несоблюдение влечет административную ответственность и может служить основанием для деликтных исков;

– Регламент о цифровой операционной устойчивости (англ. The Digital Operational Resilience Act, сокр. DORA) [5]. Применяется с 17 января 2025 г. Устанавливает жесткие требования к управлению киберрисками для финансовых организаций. Нарушение предписанных стандартов может рассматриваться как проявление небрежности в случае инцидента и использоваться в суде для доказывания вины;

– Директива NIS2 (Закон о реализации NIS2 в Германии) [6]. Ожидается вступление в силу в начале 2026 г. Наблюдается значительное расширение круга компаний, обязанных внедрять комплексные меры управления киберрисками. Закон вводит персональную ответственность руководителей и штрафы до 2% глобального оборота;

– Закон о реализации Директивы NIS2 в Германии (нем. Das Gesetz zur Umsetzung der NIS2-Richtlinie in Deutschland, сокр. NIS2UmsuCG) был принят Бундестагом 13 ноября 2025 года и направлен на укрепление кибербезопасности в сфере бизнеса и государственного управления [7]. Он расширяет сферу применения, устанавливает конкретные обязательства по управлению рисками и отчетности о киберинцидентах, а также делает кибербезопасность ответственностью руководства. Ожидается, что закон вступит в силу в конце 2025 или начале 2026 года после его одобрения Бундесратом;

– Регламент о продукционной безопасности (англ. The General Product Safety Regulation, сокр. GPSR). Действует с декабря 2024 г. Включает распространение строгих требований безопасности на всю потребительскую продукцию, включая подключенные «умные» устройства Интернета вещей (англ. Internet of Things, сокр. IoT). Усиливает обязанности онлайн-маркетплейсов;

– Общий регламент по безопасности продукции (англ. The General Product Safety Regulation, сокр. GPSR) – это закон ЕС, гарантирующий безопасность потребительских товаров на рынке ЕС, заменяющий предыдущую Директиву о безопасности продукции (англ. General Product Safety Directive). Он устанавливает новые обязательства для предприятий, включая требование о наличии «ответственного экономического оператора» (англ. «responsible economic operator», сокр. REO), улучшенную прослеживаемость и требования к размещению контактной информации уполномоченного представителя на товарах. GPSR, вступивший в силу с 13 декабря 2024 года, охватывает широкий спектр потребительских товаров, включая новые, бывшие в употреблении и онлайн-товары, и усиливает контроль за соблюдением законодательства и надзор за рынком;

– Директива (ЕС) 2024/2853 об ответственности за дефектную продукцию (англ. Product Liability Directive, сокр. PLD) [8]. Транспозиция до

декабря 2026 г. Наблюдается кардинальное обновление правил деликтной ответственности. Цифровые продукты, такие как программное обеспечение, приравниваются к продукции. Упрощается доказывание дефекта и причинно-следственной связи.

Анализ новых общеевропейских регуляторных подходов позволяет выявить несколько системных тенденций и проблем правоприменения:

1. Смещение к превентивному регулированию и управлению рисками: требования DORA, NIS2 и AI Act делают акцент не на постфактумном возмещении вреда, а на предупреждении инцидентов через внедрение риск-ориентированных систем управления (например, ISMS) и регулярное тестирование устойчивости. Это трансформирует гражданско-правовой стандарт осмотрительности: соблюдение предписанных технических стандартов становится минимально необходимой мерой для избежания ответственности.

2. Расширение и персонификация ответственности топ-менеджмента: нормы, подобные Статье 20 NIS2, прямо возлагают на руководство компаний обязанность утверждать меры кибербезопасности и контролировать их исполнение, вводя персональную ответственность за нарушения. Это поднимает вопросы страхования ответственности «Директоров и офицеров» (англ. «Directors & Officers Liability», сокр. D&O) и меняет корпоративное управление.

3. Стирание границ между продукцией и услугой: Директива (ЕС) 2024/2853 об ответственности за дефектную продукцию прямо распространяется на программное обеспечение и цифровые продукты. Это решает давнюю правовую неопределенность: является ли дефект прошивки или алгоритма дефектом «продукции». Теперь потерпевшему не нужно доказывать вину разработчика, достаточно доказать наличие дефекта и причинно-следственную связь.

4. Проблема обеспечения безопасности цепочек поставок: требования NIS2 обязывают критически важные организации обеспечивать кибербезопасность, включая аутсорсинговые услуги и поставки ПО. Это создает каскадный эффект, когда даже малые и средние предприятия, не подпадающие под прямое действие закона, будут вынуждены соблюдать его стандарты в рамках контрактных отношений.

Выводы. Гражданско-правовое регулирование киберфизических систем в Европе и в Германии в частности находится в состоянии динамичного формирования. Ответ законодателя является комплексным и многоуровневым: он включает как адаптацию классического деликтного права (через обновление Директивы «Product Liability Directive» – PLD), так и создание новых, специализированных регуляторных режимов (AI Act, DORA, NIS2), которые устанавливают превентивные стандарты поведения, влияющие на исход гражданско-правовых споров. Таким образом, гражданское право Германии стоит перед необходимостью

фундаментальной, но взвешенной адаптации к реалиям эпохи киберфизических систем. Технологии «Индустрии 4.0» не просто создают новые объекты регулирования, но ставят под сомнение антропоцентричные основы традиционного права. Преодоление правовых лакун в сфере ответственности, прав на данные и автономии решений является условием для устойчивого развития цифровой экономики.

Как показывает анализ, Германия и ЕС переходят от этапа осознания проблем к этапу практического реформирования. Программа цифровизации юстиции – важный инфраструктурный шаг. Однако за ним должно последовать содержательное обновление материального гражданского права. Оптимальный путь видится в сочетании: 1) Развития прецедентной практики по конкретным спорам с участием КФС; 2) Разработки специального рамочного закона на уровне ЕС, устанавливающего общие принципы; 3) Последующей детализации этих принципов в национальном законодательстве Германии. Такой подход позволит сохранить системность и предсказуемость права, не сдерживая технологический прогресс, который, в конечном счете, должен служить человеку.

Ключевыми направлениями дальнейшего развития, вероятно, станут:

– детализация правового статуса полностью автономных систем, не требующих человеческого контроля;

– развитие механизмов обязательного страхования ответственности операторов КФС;

– гармонизация национальных подходов в рамках ЕС для исключения регуляторных барьеров.

Общеевропейский и немецкий опыт свидетельствует, что будущее гражданского права лежит в тесной интеграции с нормами технического регулирования и стандартами информационной безопасности, создавая сложную, но необходимую правовую экосистему для технологической эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Regelungen für Roboter-Entwicklung: EU-Parlamentlegt Wert auf Datenschutz und IT-Sicherheit // Delegedata [сайт]. [2025]. URL: https://www.delegedata.de/2017/02/regelungen-fuer-roboter-entwicklung-eu-parlament-legt-wert-auf-datenschutz-und-it-sicherheit/. Нем. яз.
2. Datenschutz-Grundverordnung (DSGVO) // Dsgvo-gesetz [сайт]. [2025]. URL:https://dsgvo-gesetz.de/. Нем. яз.
3. Inhalte der EU-Datenschutz-Grundverordnung (EU-DSGVO) // Datenschutz-grundverordnung [сайт]. [2025]. URL: https://datenschutz-grundverordnung.eu/. Нем. яз.
4. Artificialintelligence act // Artificialintelligence act [сайт]. [2025]. URL:https://artificialintelligenceact.eu/ (дата обращения: 09.11.2025). Нем. яз.
5. Digital Operational Resilience Act (DORA) // Eiopa.europa [сайт]. [2025]. URL:https://www.eiopa.europa.eu/digital-operational-resilience-act-dora_en. Нем. яз.
6. NIS2 DirectiveTranspositionTracker – ECSO // ECSO [сайт]. [2025]. URL:https://ecs-org.eu/activities/nis2-directive-transposition-tracker/. Нем. яз.

7. Mehr digitale Sicherheit // Bundesregierung [сайт]. [2025]. URL:https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/nis-2-richtlinie-deutschland-2373174. Нем. яз.
8. Directive (EU) 2024/2853 of the European parliament and of the council of 23 October 2024 on liability for defective products and repealing Council Directive 85/374/EEC // eur-lex.europa [сайт]. [2025]. URL:https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj/eng. Нем. яз.

УДК 347.91/.95

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

О.А. Бахарева, канд. юрид. наук, доцент
В.С. Яровенко, студент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается использование электронных доказательств в гражданском процессе. Отмечается отсутствие закрепленного понятия «электронные доказательства», нехватка правового регулирования и трудности с проверкой их подлинности. Предлагается законодательно определить понятие электронных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, доказательства.

В условиях стремительного развития информационных технологий и цифровизации общества, всё более актуальной становится тема использования электронных доказательств в гражданском процессе. Одной из ключевых сфер, испытывающих эти изменения, является гражданский процесс, в котором все чаще используются электронные доказательства. Тем не менее, несмотря на увеличивающееся использование электронных документов и коммуникаций, возникают серьезные проблемы, касающиеся порядка сбора, фиксации и оценки электронных доказательств в гражданском судопроизводстве.

В гражданском процессуальном законодательстве понятие «электронные доказательства» не закреплено. Так, М.В. Горелов в качестве электронных доказательств рассматривает «сведения об обстоятельствах, имеющие значение для дела, выполненные в форме цифровой, звуковой и видеозаписи». Наиболее точное и емкое определение, по мнению авторов, приводят С.Г. Сафронов и А.В. Минбалеев: «электронные доказательства – это обособленная информация, зафиксированная на электронных носителях и содержащая реквизиты, позволяющие идентифицировать ее и носитель, на котором она зафиксирована, в том числе зафиксировать процесс передачи через информационно-телекоммуникационные сети.».

Одной из основных проблем является отсутствие четких критериев допустимости электронных доказательств. В то время как для традиционных видов доказательств (письменных, вещественных) предусмотрены конкретные требования к их форме, содержанию и способу представления, для электронных доказательств таких требований нет.

Согласно части 1 статьи 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации к письменным доказательствам относится, в том числе, акты, договоры, справки, иные документы и материалы, выполненные в форме цифрой, графической записи, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием сети «Интернет». Рассматривая электронные доказательства как аналогичные другим формам, мы упускаем из виду их специфические характеристики, что порождает практические проблемы. Некоторые авторы настаивают на отнесении электронных доказательств к вещественным. Существует также мнения, что электронные доказательства можно отнести как к письменным, так и к вещественным.

В праворазъяснительных и правоприминительных документах Верховный суд не раз акцентировал внимание о возможности предоставления доказательств в электронном виде. При этом, конкретные виды таких электронных документов неограниченны. Правоприменитель исходит из того, что судом принимаются любые доказательства, подтверждающие необходимые сведения, если такие доказательства отвечают требованиям закона. Так, судом принимались скриншот переписки по электронной почте, скриншот интернет-страницы и скриншоты уведомлений и заказной почтой.

Несмотря на то что в гражданском процессуальном законодательстве не закреплено понятие «электронные доказательства», их активно используют в современном судопроизводстве.

Существуют различные методы подтверждения подлинности и целостности электронных доказательств. Как указывает В.И. Заиграева, данное обстоятельство обуславливает следующие проблемы, требующие своего разрешения: каким образом электронные доказательства могут быть представлены в суд, и каким образом возможно проверить их подлинность

Традиционным вариантом является нотариальное заверение, однако этот процесс часто требует значительных временных и финансовых затрат, особенно при работе с большими объемами информации или изменяющимся контентом, например, веб-страницами. Поэтому на практике все чаще применяются альтернативные методы фиксации электронных доказательств, такие как создание скриншотов веб-страниц с использованием специализированных сервисов, которые предлагают функции заверения и временной отметки.

Также, в судах РФ внедряется веб-сервис ГАС «Правосудие», в котором документы с доказательствами формируются и фиксируются электронно.

Закрепление понятия электронных доказательств в гражданском процессе является важным шагом для адаптации правовой системы к современным реалиям цифровой эпохи, так как оно способствует улучшению качества судебного разбирательства, повышает эффективность и скорость установления фактов, расширяет возможности сторон для защиты своих прав. Кроме того, создание критериев для электронных доказательств позволяет избежать правовых пробелов и неопределенности, соответствовать. Также важным аспектом является обеспечение возможности для всех участников процесса ознакомиться с электронными доказательствами, в том числе в зале судебного заседания, что нередко создает сложности из-за различий в технических возможностях сторон.

Таким образом, можно сказать, что постоянное развитие технологий и рост объемов цифровых данных требуют от правовой системы адаптации к новым условиям. В контексте гражданского процесса электронные доказательства становятся неотъемлемой частью правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. – Москва: Проспект, 2016. – С. 7.
3. 10. Решение № 2-262/2019 2-262/2019(2-4791/2018;)~М-3737/2018 2-4791/2018 М3737/2018 от 25 сентября 2019 г. по делу № 2-262/2019 // Официальный интернет-портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/.
4. Решение № 2-1499/2020 2-1499/2020~М-738/2020 М-738/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2-1499/2020 // Официальный интернет-портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/.
5. Решение № 2-2280/2020 2-2280/2020~М-2026/2020 М-2026/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 2-2280/2020 // Официальный интернет-портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/.
6. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» (документ утратил силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 4. – апрель 2018.
8. Исаков М.А. ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ // Вестник науки. 2021. №5–1 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve.

УДК 343.4

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОНЯТИЯ «ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ» КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В.Н. Бисерова, студент
Восточно-Сибирский филиал «Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева»
г. Иркутск, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу нововведений в Уголовном кодексе Российской Федерации, инкорпорировавших в систему квалифицирующих признаков преступления «публичную демонстрацию, в том числе в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет.

Ключевые слова: публичная демонстрация, средства массовой информации, преступление.

Ведение. В уголовном праве квалифицирующие признаки выполняют функцию дифференциации ответственности, определяя повышенную общественную опасность того или иного деяния. Одним из таких признаков является совершение преступления с «публичной демонстрацией» (ст. ст. 242, 242.1, 280.1, 354.1 УК РФ и др.) [1]. Легальное определение данного понятия отсутствует, что порождает проблему его правоприменения. Неопределенное содержание понятия приводит к субъективному толкованию, нарушая принципы законности и справедливости наказания.

«Публичная демонстрация» является квалифицирующим признаком преступления, а значит усиливает общественную опасность деяния. Преступление, которое было продемонстрировано в сети Интернет, порождает значительный социальный резонанс, а также создает и тиражирует модель преступного поведения, провоцирующую на совершение аналогичных деяний.

Актуальность темы обусловлена расширением сферы использования этого признака в законодательстве, так и изменением самого феномена «публичности» в цифровую эпоху. Традиционные научные подходы, отраженные в трудах таких ученых, как М.В. Бавсун, связывают публичность с физическим присутствием неопределенного круга лиц. Развитие информационно-телекоммуникационных сетей изменило ситуацию [2]. Тема публичной демонстрации в интернет-пространстве требует ответы на некоторые вопросы: количество зрителей, доступность контента, характер аудитории, место публичной демонстрации в составе преступления, угроза демонстрации, момент окончания преступления и покушение на публичную демонстрацию.

Стремительное развитие социально-коммуникационных аспектов общества, обусловленное цифровой трансформацией, определило появление новых форм противоправного поведения, которые характеризуются ретрансляционным характером и повышенным психотравмирующим воздействием. Законодатель в ответ на предложенный вызов принял решение о криминализации модусов совершения преступных посягательств, сопряженных с публичной демонстрацией. Данная тенденция нашла место в Федеральном законе от 08.08.2024 № 218-ФЗ в диспозиции статей 105, 111, 112, 115, 117, 119, 126, 127, 127.2 и пункта первого статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в качестве квалифицирующего признака «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» [3].

Это нововведение, размещенное в перечне отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 63 УК РФ), определило необходимость его глубокого научного осмысления в условиях правового вакуума, обусловленного отсутствием консолидированной судебной практики и актов легального толкования.

В работа А.А. Гребенькова, посвященная экстремизму в сети, а также обзоры судебной практики Пленума Верховного Суда РФ, подтверждают наличие серьезных расхождений в квалификации. Отдельные суды по-разному оценивают как «публичную» демонстрацию в закрытых группах в соцсетях, так и трансляции для заранее известного круга лиц. Таким образом, проблема имеет теоретический и практический характер, требует выработки универсальных критериев, которые обеспечили бы единообразие правоприменения при сохранении сущности повышенной общественной опасности, которую законодатель вложил в данный квалифицирующий признак [4].

Постановка задачи. Цель настоящего исследования - разработка теоретически и практически применимых критериев оценки понятия «публичная демонстрация» как квалифицирующего признака, определение места «публичной демонстрации» в составе преступления, а также момента окончания преступления с публичной демонстрацией.

Для достижения цели были решены следующие задачи:

1. Провести и сравнительно-правовой анализ процессов формирования и развития понятия «публичная демонстрация» в уголовном законодательстве и науке уголовного права.

2. Определить и систематизировать проблемные аспекты толкования данного квалифицирующего признака в современной следственной и судебной практике на основе анализа нормативно правовых актов и обзоров судебной практики Пленума Верховного Суда РФ.

3. На основе проведенного анализа вывести определение «публичной демонстрации», адаптированное к современной цифровой эпохе, а также

сформулировать рекомендации по его использованию для квалификации преступлений и внесению дополнений в законодательство.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу квалифицирующего признака с учетом сложившейся цифровой эпохи.

Методика и методология исследования. В методологической основе лежат формально-юридический, сравнительно-правовой и метод анализа судебной практики.

Результаты. В доктрине уголовного права понятие «публичная демонстрация» преступления следует понимать как умышленное действие (систему действий), направленное на доведение информации о преступлении до неопределенного круга лиц, с целью формирования или получения возможности формирования значительного общественного резонанса. Определяющим признаком является далеко не количество реципиентов. Ключевым является неконтролируемый потенциал распространения информации, свойственный использованию цифровой среды. Легальная формулировка «в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях» указывает на то, что законодатель конструирует открытый перечень каналов демонстрации, что позволяет квалифицировать в качестве таковой и иные способы, обладающие признаком публичности (например, демонстрация на массовом публичном мероприятии).

Место «публичной демонстрации» в составе преступления также является дискуссионным аспектом. Определение данного понятия как элемента состава стало центральной доктринальной проблемой.

Наиболее обоснована позиция, согласно которой публичная демонстрация является факультативным признаком объективной стороны, трансформирующимся в обязательный для квалифицированного состава. В зависимости от модальности совершения преступления, она может выполнять роль:

1. Способа совершения преступления: в данном случае демонстрация является инструментом оказания максимального психологического давления на потерпевшего (например, трансляция насилия в режиме реального времени) или способом реализации цели виновного (популяризация криминальной субкультуры).

2. Обстановки совершения преступления: сам факт совершения деяния в условиях, заведомо ориентированных на публичность, усиливает его дискредитирующий характер и демонстрирует вызов обществу.

В ряде случаев публичная демонстрация неразрывно связана с целью (например, цель терроризирования населения) или мотивом (месть, сопряженная с публичным унижением), приобретая, таким образом, двойственную природу.

Проблема дифференциации ответственности также требует четкого разграничения. Лицо, осуществляющее фиксацию (трансляцию) по предварительному сговору с непосредственным исполнителем, является соисполнителем (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Его действия образуют неразрывное единство с действиями исполнителя, реализуя единый преступный умысел, направленный не только на совершение основного деяния, но и на его публичную репрезентацию.

Очевидец, не состоявший в сговоре, но распространивший материалы в сети «Интернет», не несет ответственности по статьям с анализируемым квалифицирующим признаком. Однако его действия требуют самостоятельной квалификации, возможно, по статьям о нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), клевете (ст. 128.1 УК РФ) или иным, в зависимости от контекста.

Лицо, распространившее материалы по просьбе виновного уже после совершения преступления, при наличии умысла на содействие в публичной демонстрации, может быть привлечено к ответственности в качестве пособника (ч. 5 ст. 33 УК РФ) длящегося преступления, если демонстрация носит длящийся характер (например, файл доступен для просмотра неограниченное время).

Преступление считается оконченным в момент совершения самого акта демонстрации или распространения информации, независимо от реального размера аудитории или наступления иных последствий. Это также значит, что состав преступления считается формальным.

Покушение на публичную демонстрацию (ч. 3 ст. 30 УК РФ) имеет место в двух основных ситуациях:

1. Демонстрация не состоялась по независящим от виновного обстоятельствам (технический сбой, вмешательство третьих лиц, блокировка контента).
2. Умысел виновного был направлен на совершение преступления в обстановке, заведомо ориентированной на публичность (например, в публичном месте при наличии людей), однако по объективным причинам демонстративный эффект не был достигнут (отсутствие очевидцев, способных выступить в роли «ретрансляторов») [5].

Ограничительная трактовка законодателя, распространившего признак лишь на преступления против жизни, здоровья и свободы личности (гл. 16–17 УК РФ), представляется не вполне логичной. Повышенная общественная опасность, порождаемая публичной демонстрацией, в равной степени присуща преступлениям против половой неприкосновенности (гл. 18), конституционных прав и свобод (гл. 19), семьи и несовершеннолетних (гл. 20). Отсутствие данного признака в диспозициях соответствующих статей создает необоснованный дисбаланс в системе уголовно-правовых санкций [6].

В условиях цифровой реальности мощным инструментом воздействия на потерпевшего становится не сама демонстрация, а реальная угроза ее осуществления. Такая угроза, используемая для шантажа, преодоления сопротивления жертвы при изнасиловании или ином насильственном преступлении, порождает не менее интенсивное психологическое давление [7]. В связи с этим предлагается внести изменения в диспозиции соответствующих статей УК РФ, дополнив их альтернативным признаком: «... с публичной демонстрацией либо с угрозой такой демонстрации, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)».

Публичная демонстрация преступления представляет собой сложный элемент современной системы квалификации. Его успешное внедрение в правоприменительную практику невозможно без предварительного формирования доктринальной платформы. Последняя должна дать ответы на ключевые вопросы о сущности, структурном месте в составе, моменте окончания и формах соучастия. Последующим шагом должно стать принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, легитимизирующего выработанные доктриной подходы. Это будет способствовать обеспечению единообразия судебной практики, соблюдению принципов законности и справедливости, а также повышению эффективности уголовно-правового противодействия новым вызовам, усугубленными цифровыми технологиями.

Выводы. Научная новизна работы заключается обосновании необходимости эволюции доктринального понимания «публичной демонстрации» от традиционного, локализованного в физическом пространстве, к комплексному, включающему виртуальную среду, где ключевым становится не физическое присутствие, а доступность информации неопределенному кругу лиц, а также в разработке системы критериев оценки публичности.

Теоретическое значение исследования состоит в развитии доктрины квалифицирующих признаков в уголовном праве. Сформулированное в работе определение «публичной демонстрации» как умышленного действия, направленного на ознакомление с информацией, ее изображением или предметом неопределенного круга лиц в месте, открытом для свободного доступа, или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), доступных неограниченному кругу лиц, способствует унификации научного аппарата. Результаты работы служат теоретической основой для совершенствования как законодательной техники, так и правоприменительной практики.

Перспективы дальнейших научных разработок видятся в следующих направлениях:

1. Детальный анализ особенностей применения сформулированных критериев к различным видам коммуникационных платформ (социальные

сети, мессенджеры, форумы) с учетом их технических и пользовательских настроек приватности.

2. Проведение сравнительно-правового исследования подходов к определению публичности в уголовном праве зарубежных государств, что может быть полезно для гармонизации правоприменения в условиях трансграничного характера цифровых преступлений.

3. Разработка на основе предложенной теории конкретных рекомендаций для включения в постановления Пленума Верховного Суда РФ по соответствующим составам преступлений, что обеспечит прямое внедрение результатов исследования в правоприменительную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф».
2. Бавсун М. В. Влияние публичности на криминализацию деяний и дифференциацию уголовной ответственности // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 426–433. DOI 10.18255/2306–5648–2023–3426–433.
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф».
4. Гребеньков А.А. Интернет-трансляция совершения преступления в российском уголовном законодательстве и судебной практике // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1(69). С. 121–128. DOI 10.26456/vtpravo/2022.1.121.
5. Лобанова Л.В., Рожнов А.П. Объективное и субъективное в общественной опасности преступления // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 4. С. 51–60. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2018.4.6.
6. Кравцова Е. А. Общественная опасность как основной критерий признания деяний преступными // Наука и общество – 2020: материалы международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 18 сентября 2020 года. Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2020. С. 135–140.
7. Мосин И.В. Детерминанты преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2(42). С. 79–84.

УДК 347.9

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

В.А. Буслаева, студент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. Внедрение электронного документооборота (ЭДО) в гражданском судопроизводстве России сопровождается противоречиями, требующими анализа.

Ключевые слова: электронный документооборот, гражданский процесс, цифровизация правосудия, судебная практика, ЭДО в судах.

Постановка задачи. Цель исследования – оценить влияние ЭДО на доступность правосудия и эффективность судопроизводства.

Методика и методология исследования. Анализируются нормативно-правовая база, практические примеры и статистика применения электронных технологий в судах.

Результаты Установлено, что ЭДО усложнил деятельность судов, увеличил технические издержки и создал правовую неопределенность. Недостатки текущей цифровизации перевешивают ее плюсы, требуется переработка существующих платформ.

В последние годы российская судебная система, как и многие другие сферы государственной власти, переживает этап активной цифровизации. Одним из наиболее значимых нововведений стало внедрение электронного документооборота в гражданском процессе. Это явление – предмет оживлённых дискуссий среди юристов, судей, законодателей и самих участников судебных процессов. И хотя сама идея перехода к цифровым форматам выглядит прогрессивной и логичной с учётом стремительного развития технологий, на практике ситуация оказалась куда более сложной и неоднозначной. Более того, несмотря на заявленные цели, которые возлагались на электронный документооборот, его фактическое применение выявило ряд проблем, способных не просто сделать незначительными ожидаемые преимущества, но и в определённой степени усложнить работу суда, поставить под вопрос доступность правосудия и снизить уровень доверия к судебной системе.

Правовое регулирование электронного документооборота (ЭДО) в гражданском процессе закреплено непосредственно в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Ключевыми являются положения ст. 35 ГПК РФ, допускающие осуществление процессуальных прав и обязанностей с использованием электронных средств связи, ст. 71 ГПК РФ, устанавливающей возможность представления доказательств в

электронной форме, а также ст. 131–132 ГПК РФ, предусматривающих подачу искового заявления и приложений к нему через информационные системы, поддерживающие электронный документооборот. Эти нормы указывают на формальное признание электронной формы взаимодействия равнозначной бумажной, если иное прямо не запрещено законом [1].

Правоприменительная практика в сфере ЭДО получила дополнительные разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [2].

Основными аргументами в пользу внедрения электронного документооборота (ЭДО), представленными в официальных документах, являлись повышение оперативности рассмотрения дел, снижение бумажной нагрузки, прозрачность процессов и удобство для граждан. Частично эти цели действительно начали реализовываться. Так, например, возможность подать заявление, жалобу или иные процессуальные документы дистанционно, без необходимости явки в суд, представляет несомненное удобство – особенно для лиц, проживающих в отдалённых регионах или не имеющих возможности часто посещать государственные учреждения. Электронные сервисы, такие как «ГАС Правосудие», «Мой арбитр» и личные кабинеты на сайтах судов, позволяют пользователю оперативно отслеживать ход дела, получать уведомления и даже участвовать в судебных заседаниях в режиме видеоконференцсвязи.

Тем не менее, как это часто бывает при масштабных реформах, инициатива столкнулась с рядом проблем. Уже на ранних этапах стали проявляться системные недостатки, которые в значительной степени подорвали эффективность и даже логику предполагаемых цифровых улучшений. Прежде всего, речь идёт о технической нестабильности электронных платформ. Частые сбои, проблемы с загрузкой файлов, ограниченный функционал, отсутствие унифицированных стандартов форматов документов – всё это вызывало затруднения не только у граждан, но и у самих сотрудников аппарата суда. В некоторых случаях документы попросту «терялись» в системе, или же их нельзя было корректно открыть из-за несоответствия техническим требованиям. Нередко в судах приходилось параллельно вести как электронный, так и бумажный документооборот, что не только дублировало работу, но и повышало риск процессуальных ошибок.

Для наглядного понимания соотношения преимуществ и недостатков применения ЭДО в гражданском процессе представим сравнительный анализ:

Таблица 1. Преимущества и недостатки электронного документооборота

Параметр	Преимущества ЭДО	Недостатки ЭДО
Скорость подачи документов	Моментальная подача через интернет	Зависимость от стабильности платформ
Доступность правосудия	Нет необходимости личного визита в суд	Цифровое неравенство среди населения
Нагрузка на суд	Потенциальное снижение бумажной нагрузки	Рост массовых подач однотипных дел
Технические сбои	-	Частые сбои и ошибки загрузки документов
Юридическая определенность	Формально подтвержденная ЭЦП	Отказ в приеме при несоответствии формата или технических ошибок
Безопасность персональных данных	Шифрование и защита каналов связи	Риски утечек и недостаточная киберзащита

Наиболее актуальной проблемой является правовая неопределённость в вопросе статуса электронных документов. Несмотря на формально закреплённую юридическую силу таких материалов при условии их подписания усиленной квалифицированной электронной подписью, в реальности судьи проявляют осторожность к электронным материалам, особенно если есть сомнения в подлинности или корректности подачи. В отдельных случаях суды отказывали в принятии документов из-за несоответствия формата, отсутствия сканов удостоверяющих документов, либо невозможности идентифицировать отправителя. Примером может послужить апелляционное определение Московского городского суда от 14.08.2025 по делу № 33-30677/2025, по которому исковое заявление, поданное в электронном виде, было возвращено из-за неправильной подписи. Это, в свою очередь, нарушает принцип равенства сторон и доступности правосудия, ставя в заведомо менее выгодное положение граждан, не обладающих технической грамотностью или необходимыми цифровыми ресурсами [3; 4].

Нельзя не отметить и нагрузку на судебную систему, которая, вопреки ожиданиям, не только не снизилась, но во многих регионах даже возросла. Электронный документооборот открыл возможность массовой подачи однотипных заявлений, что особенно активно используется банками, МФО и управляющими компаниями. В результате – значительное увеличение количества дел, что перегружает судебные канцелярии, технические службы и судей. К тому же, рассмотрение дел с электронными материалами требует дополнительного времени на проверку достоверности, форматирование, сопоставление с бумажными аналогами и корректную регистрацию [5].

Ключевым моментом в анализе становится понимание реальных последствий, которые несёт за собой массовое внедрение ЭДО:

Таблица 2. Реальные последствия внедрения ЭДО в гражданский процесс

Аспект	Реальные последствия
Техническое обеспечение судов	Нехватка оборудования и IT-специалистов
Квалификация судебного персонала	Недостаточная подготовка к работе с ЭДО
Интеграция платформ	Отсутствие единой информационной среды
Процессуальные сроки	Нарушение сроков из-за сбоев и дублирования процессов
Уровень доверия к системе	Снижение доверия из-за отказов и проблем с подачей
Участие социально уязвимых групп	Усложнение участия из-за цифровой неграмотности и отсутствия техники

Сложности возникают и на уровне взаимодействия между различными ведомствами. Электронный документооборот, по своей сути, требует единой информационной среды, где обмен данными между судами, участниками процесса, нотариатами, адвокатами и иными институтами будет осуществляться без сбоев. Однако отсутствие сквозной интеграции между платформами препятствует обеспечению должного уровня взаимодействия. Это приводит к дополнительным запросам, повторным отправкам документов и нарушению процессуальных сроков.

Необходимо также подчеркнуть проблему цифрового неравенства, которая остается актуальной при внедрении ЭДО. Значительная часть населения, особенно пожилые люди, а также жители сельских территорий и малых городов, сталкиваются с ограниченным доступом к электронным устройствам, стабильному интернету и необходимым навыкам цифровой грамотности. Это объективно затрудняет для них реализацию права на судебную защиту, поскольку возникают сложности с подготовкой и подачей процессуальных документов, ознакомление с материалами дела, а также участием в заседаниях в дистанционном формате. Таким образом, использование ЭДО непреднамеренно формирует дополнительные барьеры, способствуя социальной и правовой изоляции уязвимых категорий граждан. Однако при этом важно отметить, что цифровые документы не подменяют собой традиционные формы взаимодействия. Участие в судебных заседаниях в очном формате, направление докуметов по почте или с помощью представителя по-прежнему сохраняются и доступны, а ЭДО должно рассматриваться как альтернативный, а не единственный способ реализации процессуальных прав.

Вопросы информационной безопасности также остаются значимой проблемой. Электронные документы содержат персональные данные, сведения о финансовом состоянии, медицинские данные и иную важную информацию. Утечки, взломы, случайная передача данных третьим лицам - всё это не просто теоретические риски, а вполне реальные угрозы, учитывая всё ещё уязвимую IT-инфраструктуру многих судебных учреждений.

Р.Б. Головкин и Е.И. Кашликова также подчеркивают актуальность данной проблемы, поскольку многие сотрудники государственных органов настороженно и подозрительно относятся к таким доказательствам, что затрудняет использование электронного документа в рамках гражданского процесса [6].

Таким образом, внедрение электронного документооборота в гражданском процессе, вопреки изначальным ожиданиям, привело скорее к усложнению судебной работы, нежели к её оптимизации. Положительные стороны цифровизации перекрываются многочисленными техническими, организационными и социальными проблемами. Можно утверждать, что переход к электронному формату оказался преждевременным: при отсутствии должной подготовки, унификации платформ, повышения цифровой грамотности граждан и обеспечения технической устойчивости, использование ЭДО стало дополнительной нагрузкой, а не решением.

Безусловно, отрицать необходимость цифровых технологий в правосудии было бы ошибкой. Однако текущая практика их применения в гражданском процессе требует глубокой переоценки и корректировки, с чем так же соглашается Т.В. Ярошенко, считая необходимым совершенствовать регулирование данной сферы посредством доработки главы 6 ГПК РФ. Пока же можно с уверенностью заявить: на данном этапе недостатки электронного документооборота перевешивают его преимущества, и их устранение должно стать приоритетной задачей для законодателя и судебной власти [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. N 46. ст. 4532
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.08.2025 по делу № 33-30677/2025 (УИД 77RS0016-02-2024-024214-34) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/346933995/.
4. Гульдин Д.Э. Электронные доказательства в гражданском процессе: правовая природа и проблемы допустимости // Сфера науки. 2025. № 1. С. 44–49.
5. Яковлева А.П., Блинков И.А. Плюсы и минусы электронного правосудия: поиск баланса // Вестник ПАГС. –2019. – №6.
6. Головкин Р.Б., Кашликова Е.И. Особенности использования электронного документа в качестве доказательства в гражданском процессе // E-Scio. 2022. №9. С. 154–161.
7. Ярошенко Т.В. Особенности электронного документа как средства доказывания в гражданском процессе // Либерально-демократические ценности. 2023. Т. 7. № 1. С. 53–57.

УДК 340.12

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПАТРИОТИЗМА: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

М.В. Вавилин, канд. юрид. наук, младший советник юстиции,
эксперт Федерального проекта «Без срока давности», член Российского исторического общества, член экспертно-консультативного совета Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доцент кафедры правовых дисциплин Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Разработка юридической теории патриотизма приобретает особую значимость в свете продолжающихся дискуссий, которые ведут специалисты различных отраслевых наук – психологии, педагогики, политологии, экономики, социологии и юриспруденции – относительно содержания понятий «патриотизм» и «патриот». В данной статье предлагается категориальный аппарат для юридической теории патриотизма. В соответствии с этим аппаратом, патриотизм в правовом поле следует рассматривать как завершенный юридический факт, выражающийся в защите Родины и ее национальных интересов, который устанавливается в определенном государством порядке. В статье подробно описывается юридический состав патриотического действия, включающий субъекта, объект, субъективную и объективную стороны. Кроме того, вводятся новые производные категории: волонтерский патриотизм, научный патриотизм, служебный патриотизм, трудовой патриотизм, спортивный патриотизм. Предложенная юридическая теория патриотизма позволяет разрешить существующие научные дискуссии о возможности или невозможности закрепления понятий «патриот» и «патриотизм» в правовой сфере. Данная статья будет полезна всем, кто занимается изучением вопросов патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриот, патриотизм, правовая категория, юридическая теория патриотизма, волонтерский патриотизм, научный патриотизм, служебный патриотизма, трудовой патриотизм, спортивный патриотизм.

Переходя к рассмотрению основ юридической теории патриотизма, необходимо заметить, что применительно к правовым категориям целесообразно использовать термин «формирование» (латинское formatio), то есть придание формы. Formatio употребляется также в значении «образование».

Поскольку задача правовой науки – придание правовой категории определенности и устойчивости, рассмотрим сочетания «эволюция

правовой категории», либо «генезис правовой категории».

Латинское слово evolution носит значение «развертывание», связанное с процессом наследования черт, а греческое слово γένεσις обозначает ни что иное как род в понятии «родословной». В процессе формирования правовой категории особое значение приобретают научное обособление и абстрагирование. Именно в результате двух этих взаимосвязанных процессов формируется правовая категория.

В качестве примера процесса инволюции (от латинского «свертывание» – involutio) правовой категории можно привести исследование доктора юридических наук Дулимова Е.И., в котором он исследовал вопросы инволюции правовой категории «казачество» в XVI–XX вв. [1] Следует отметить, что на сегодняшний день правовой статус казачества регламентирован соответствующим федеральным законом от 2005 года [2], тогда как диссертация указанным исследователем писалась в период до 2003 года.

Известный филолог В. Даль в своем словаре определяет «род» как группу понятий. Однако, современная физика стремится найти «первочастицу», из которой создано все вокруг. В данном смысле она будет уникальной научной единицей и в то же время научной категорией, которая не будет включать группу понятий.

Можно выделять следующие способы формирования научных категорий:

1) диссоциативный способ, при котором контуры научной категории прорисовываются в сопоставлении свойств изменяющихся объектов действительности. То, есть если бы конкретное свойство не проявлялось в нескольких разнородных объектах, то оно не могло бы быть и определено. Так, например, патриотизм проявляется в действиях граждан, органов публичной власти, законодательных актах, творчестве, военном деле и т.д. В том или ином виде, данный способ представлен в работах философа У. Джеймса [3].

2) ассоциативный способ, в рамках которого формируется и научно обосновывается представление о конкретном понятии. Так, например, патриотизм имеет свои проявления в увековечивании памяти о Героях, погибших при защите Отечества, в поднятии Государственного флага, прослушивании Государственного гимна России и др. В частности, такой подход описан теоретиком правового государства Дж. Локком [4].

В российской практике впервые слово «патриот» было применено в тракте российского государственного деятеля, современника Петра I П. Шафирова [5]. Рассмотрим каким образом сформировано это понятие в данном труде. Шафиров рассматривает эпоху правления царя Федора Иоанновича. Приводя примеры известных исторических личностей, в том числе из государственных деятелей, он определяет у ряда из них такое их качество, как «верные патриоты». Уточняя данную конструкцию, он

пишет, что речь идет о лицах, относящихся к сынам Отечества.

Опираясь на научный аппарат эпистемологии, можно представить следующие уровни формирования научных категорий:

I. Синкретическая стадия – существование разнородных представлений;

II. Системное обобщение – включение конкретного представления в систему представлений на основе неустойчивых характеристик;

III. Псевдопонятийная стадия – вычленение существенных характеристик в имеющемся представлении;

IV. Стадия научного обоснования понятия.

Первоначально, человеческий опыт является основой формирования представления об объекте окружающего мира. Именно в рамках него происходит разделение объектов и их отличение. На стадии накопления знаний происходит вычленение существенных характеристик представления об объекте. На научной стадии происходит обоснование понятия.

Большое значение имеет для уточнения правовых понятий работа философов. В целом, философия не только уточняет их, но и сама может производить. Об этих процессах пишут в своих работах С.С. Алексеев, А.М. Васильев, А.И. Экимов [6], В.С. Нерсесянц [7] и др. В качестве примера можно привести понятие «свободы» и «справедливости», которые широко используются философией и правовыми науками. Накопленный опыт формирования этих понятий позволил современным философам и правоведам проработать эти понятия с научной точки зрения.

Научная категория «патриотизм» исследована в философии, однако важно отметить ее важное значение для правовой науки, наряду с такими правовыми категориями как «суверенитет», «государство», «законность». Взаимосвязь «патриотизма» с этими понятиями будет изложена далее.

Проведенное исследование диссертаций, защищенных в России, позволяет сделать вывод о том, что научная категория патриотизм имплементирована в правовой науке, перейдя из философии, что несомненно играет важное практическое значение, в том числе для совершенствования законодательства.

На сегодняшний день патриотизм является объектом исследования юридических наук. Так, теория государства и права исследует вопросы патриотизма применительно к государственному строительству и обеспечению суверенитета государства, история правовых учений затрагивает вопросы понимания патриотизма в рамках культурно-исторических эпох. Уголовно-правовая и административно-правовая наука изучают вопросы ответственности за преступления и правонарушения, находящиеся в спектре взаимоотношений государства и его граждан, построенных на принципе патриотизма. Также юридический анализ патриотизма проводится и в ряде других правовых наук.

Целесообразным будет рассмотреть спектр вопросов, исследованных в диссертациях, защищенных в Российской Федерации, и посвященных патриотизму. Для исследования были отобраны диссертационные исследования, защищённые по правовым наукам. В целом такой методологический прием является рациональным, поскольку сложившаяся в Российской Федерации система подготовки научных исследований в качестве принципов своего функционирования имеет уникальность исследований, новизну и отнесение их к определенным научным специальностям.

Согласно данным официального сайта Российской государственной библиотеки, на сегодняшний день с 1993 года защищены около 200 диссертаций по правовым наукам, так или иначе затрагивающих вопросы патриотизма. Все они отнесены к теории государства и права. В них рассмотрены следующие аспекты патриотизма: патриотическое правосознание [8], патриотическое воспитание [9], патриотическое поведение [10], патриотическая обязанность [11], патриотические ценности [12], патриотическая идеология [13], патриотическая социализация [14], конституционный патриотизм [15], национальный патриотизм [16], и др.

Деятельности органов публичной власти по обеспечению патриотизма также посвящен ряд работ [17]. Историко-правовое исследование патриотизма, проведено, например, в работе Прониной М.А. [18]. Вопросы конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против национальной безопасности рассмотрены в рамках публично-правовых исследований [19].

Отраслевые юридические науки также содержат исследования патриотизма. Так, в рамках уголовно-правовых наук исследуются вопросы уголовной ответственности за совершение преступлений против государства [20]. В том числе такие исследования проведены в рамках конкретных исторических эпох [21]. Ряд работ содержат глубокие криминологические изыскания по обозначенным вопросам [22].

В то же время в рамках административно-правовых и частноправовых исследований вопросы патриотизма практически не затрагивались.

В связи с объективным ограничением в объеме исследования детально рассмотреть все диссертационные исследований в рамках данной статьи не представляется возможным. Представленные направления исследований в целом отражают сложившуюся научную навигацию по исследованию вопросов патриотизма.

Следует отметить, что приведенные сведения по диссертационным исследованиям патриотизма сводятся к следующим трендам:

1. Превалирующее число диссертаций по рассматриваемому вопросу принадлежит к теоретико-историческим и уголовно-правовым наукам.

2. При этом теоретико-правовые науки полученные научные

результаты исследований поставляют в сферу уголовно-правовых наук, где на их основе проводятся научные изыскания.

3. В качестве объектов исследований выбираются вопросы патриотического воспитания, патриотического поведения, патриотической социализации в целях формирования высокого уровня гражданственности и национальной и государственной безопасности. Отдельные виды патриотизма практически не исследованы.

Однако, ни одной диссертационной работы, которая бы исследовала само родовое понятие патриотизма, на сегодняшний день не имеется. В то же время изучение частных, вытекающих из общего понятия, не может привести к разрешению конкретных проблем теоретико-методологического осмысления «патриотизма». В этом кроется противоречие логическо-формального характера.

Отсутствие сложившейся системы научных представлений о патриотизме ставит перед нами необходимость проведения фундаментальных исследований теоретико-правовых и функциональных основ его как правовой категории.

Конечно, понимая, что категория патриотизма по своей сути является уникальной с точки зрений ее мультидисциплинарного характера, но исследовать ее нужно методами теоретико-исторических правовых наук, поскольку, последние содержат в себе устоявшиеся связи с философией, политологией, социологией, психологией, педагогикой, теологией, также другими отраслями научных знаний. Именно теоретико-исторические правовые науки способны раскрыть категорию «патриотизм» в ее многосоставности, и наиболее четко обозначить объект будущих правовых исследований.

Содержащие в основе своей философские знания теоретико-исторические правовые науки сами занимаются разработкой методологии исследований для других правовых наук.

Как уже было отмечено выше, имеющиеся исследования сфере правового осмысления патриотизма являются фрагментарными, а в большинстве своем не содержат конкретных определений родовых понятий «патриотизма». Таким образом, исследование «патриотизма» как научной категории и его взаимосвязей с правовой материей является важным и актуальным научным изысканием.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать категорию патриотизм как оконченный состав юридически значимого действия, а патриота – как лицо, совершившее это действие.

Методологической ошибкой современных исследований в сфере педагогики, психологии и социологии патриотического воспитания является попытка с помощью тестовых методик заглянуть в душу человека, пытаясь определить то, что скрыто от глаз исследователя. Выявление уровня патриотизма с помощью предлагаемых в ряде публикаций тестов

[12] пока не достигло надлежащего уровня признания таких методик валидными.

В то же время в рамках предлагаемой юридической теории патриотизма целесообразно рассматривать его как оконченный факт. Составом его будет: субъект – представленный лицом, удостоенным звания Героя России, субъективная сторона в виде внутренних мотивов и побуждений, целей и эмоций, объект – Родина, а объективная сторона – это совокупность всех признаков, характеризующих патриотическое действие.

Таким образом, патриотическое воспитание является лишь вектором, ведущим к совершению юридических фактов патриотизма. Без проявленного действия по защите Родины невозможно отнести субъекта к числу патриотов и наделить его соответствующим правовым статусом. Фактически этот статус сегодня закреплен в специальном законе о правах Героев России. Указанный статус присваивается Президентом российской Федерации людям, которые внесли большой вклад в обеспечение безопасности и развитие нашей Родины.

В связи с разрешением в настоящей публикации проблемного вопроса научных дискуссий о возможности / невозможности закрепления правового статуса патриота России, целесообразно организовать правовое просвещение по указанному вопросу в целях распространения информации о законодательно установленном высоком звании Герой России, что позволит создать ориентир для молодежи, на который они смогут направить свой личностный рост.

Подводя итоги, отметим, что патриотизм – это факт совершения юридически значимого для Родины (России) действия, направленного на защиту, либо укрепление ее национальной безопасности. В то же время патриот – это физическое лицо, обладающее правовым статусом Героя Отечества. Полагаем, что в контексте конституционно-правовых аспектов предлагаемой нами юридической теории патриотизма, получение правового статуса патриота предваряет специальная государственная процедура признания его таковым (например, вынесение специального нормативного правового акта). В то же время, граждане, ассоциирующие себя с патриотами Родины, по внутренним убеждениям стремятся быть похожими на Героев Отечества. Таким образом, заявление гражданина о патриотизме, целесообразно рассматривать в контексте теории деятельности С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, а точнее результатов деятельности конкретного лица. Для этого случая целесообразно разработать и вводить новые категории, такие как «волонтерский патриотизм» (для волонтеров, проявивших себя), «научный патриотизм» (за разработанные для Родины новые технологии и материалы и т.д.), «служебный патриотизм» (для государственных служащих), «трудовой патриотизм» (за отличие в труде), «спортивный патриотизм» и т.д. Работа над предлагаемыми правовыми категориями будет продолжена в

следующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.В. Общероссийская национальная идеология и управление развитием национальных отношений в Российской Федерации: Теоретико-правовой анализ: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 1999. – 478 с.
2. Анохин С.А. Правовые качества личности в системе условий правомерного поведения: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 2005. – 176 с.
3. Вавилин М.В. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.2. / Вавилин Михаил Владимирович; [Место защиты: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Диссовет 0188-04-12]. – Москва, 2022. – 302 с.
4. Джеймс У. Введение в философию // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии / Общ. ред., послесл. и примеч. А. Ф. Грязнова. — М.: Республика, 2000. – С. 3–152. – 315 с. – (Философская пропедевтика). – 5000 экз. – ISBN 5-250-01798-3.
5. Дулимов Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX в.в.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. – Саратов, 2003. – 459 с.
6. Костенко В.И. Общетеоретические государственно-правовые проблемы становления и развития российской политической культуры : диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Костенко Виктор Иванович; [Место защиты: Уральская государственная юридическая академия]. – Екатеринбург, 2009. – 385 с.
7. Крысанов А.В. Конституционно-правовая ответственность выборных и должностных лиц федеральных органов государственной власти: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Крысанов Антон Вячеславович; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. – Екатеринбург, 2014. – 198 с.
8. Кулев А.Г. Преступления против внешней безопасности государства: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Кулев Александр Геннадьевич; [Место защиты: Сам. гос. ун-т]. – Ярославль, 2009. – 228 с.
9. Локк Дж. Педагогические сочинения [Текст] / Пер. с англ. Ю.М. Давидсона; Вступ. статья. ["Пед. теория Локка" с. 3–65] А.Ф. Шабаевой; Под ред. проф. И.Ф. Свадковского. – Москва: Учпедгиз, 1939. – 320 с.
10. Маслов Н.А. Воинская обязанность в России (1699–1918 гг.): историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Маслов Николай Андреевич; [Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ]. – Москва, 2015. – 217 с.: ил.
11. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, – 1997. – С. 28.
12. Полищук И.А. Диагностика гражданско-патриотического воспитания школьников / Журнал «Теория и практика общественного развития» – №1 – 2013 – Доступ: https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-grazhdansko-patrioticheskogo-vospitaniya-shkolnikov/viewer.
13. Пронина М.А. Правовая культура и идеи патриотизма в современной России: теоретико-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Пронина Марина Алексеевна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – Москва, 2017. – 199 с.

14. Рогов С.Л. Государственные преступления в российском законодательстве и правоприменительной практике середины XVII – начала XX веков: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Рогов Сергей Львович; [Место защиты: Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. – Нижний Новгород, 2012. – 157 с.
15. Рукавишников Д.В. Современные ценности и их влияние на правомерное поведение: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Рукавишников Даниил Валентинович; [Место защиты: Нижегор. акад. МВД России]. – Нижний Новгород, 2011. – 274 с.
16. Смородина О.С. Современные конституционные идеи как элемент конституционализма Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Смородина Ольга Сергеевна; [Место защиты: Челяб. гос. ун-т]. – Челябинск, 2012. – 252 с.
17. Усимова И.П. Правовая социализация личности: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 2007. – 208 с.: ил.
18. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» –- Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2005 г. – № 50. – ст. 5245.
19. Царев Д.В. Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в России: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Иваново, 2005. – 260 с.
20. Чалков С.О. Деформация профессионального правосознания военнослужащих федеральных органов государственной охраны: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Чалков Сергей Олегович; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ]. – Ростов-на-Дону, 2008. – 196 с.
21. Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел: первое оригинальное произведение по международному праву на русском языке / П.П. Шафиров; вступ. ст. У.Э. Батлера; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – Москва: Зерцало, 2008. – XLVI, 202 с.
22. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: Изд-во ЛГУ, – 1980. – С. 70–71.

УДК 342.5:343

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Власов, магистрант
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск

Аннотация. В настоящей статье автором поднимается проблема отсутствия четких критериев разграничения полномочий органов публичной власти в сфере противодействия экстремистской деятельности. Отдельную сложность составляет тот аспект, что в целом предмет ведения на всех уровнях публичной власти остаётся достаточно расплывчатым понятием, зачастую определяемым диспозитивно, посредством нормативного разграничения, в рамках которого и осуществляется правоприменительная деятельность. По итогам исследования автор приходит к выводу, что на федеральном уровне преимущественно сделан акцент на нормативное регулирование, на уровне субъектов – непосредственному исполнению мероприятий антиэкстремистской направленности, а органы местного самоуправления осуществляют содействие органам государственной власти в этом вопросе, преимущественно профилактико-идеалогическое.

***Ключевые слова*:** разграничение полномочий, экстремизм, федеральные органы исполнительной власти (ФОИВ), органы исполнительной власти субъектов, органы местного самоуправления (ОМС).

Введение. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» нормативно закрепляет, что в Российской Федерации запрещено осуществление всяких действий экстремистской направленности, предусмотрена ответственность за совершение подобного как для граждан, так и для должностных лиц, а также созданы различные организационно-правовые основы по борьбе с указанными деяниями [2]. В частности, ст. 4 упомянутого правового акта закрепляет распределение различных компетенций по борьбе с экстремизмом между Президентом, Правительством и иными органами исполнительной власти. Вот только если в части определения полномочий в указанной сфере Президента и Правительства Российской Федерации закон перечисляет конкретный пласт действий, то как распределяется функционал между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов и органами местного самоуправления остаётся неясным (абз. 8 ст. 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»). А без отсутствия четкой регламентации принципа распределения полномочий остаётся неясным, как должно осуществляться межведомственное взаимодействие и не приведёт ли это к дублированию функций и конфликту

интересов на разных уровнях, чем и обусловлена проблематика настоящего исследования.

Постановка задачи. Целью настоящего исследования является определение компетенций органов публичной власти (федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов и органов местного самоуправления) в сфере противодействия экстремизму. Методология исследования представлена как общенаучными методами (анализ и обобщение были использованы при изучении информации из научной литературы), так и специальными (формально-юридический метод применялся при исследовании положений законодательства, гипотетико-дедуктивный метод был применен при формулировании выводов о разграничении компетенций).

Результаты. Прежде всего следует отметить, что проблема разграничение компетенций между федеральным и региональным уровнем власти актуальна не только для сферы противодействия экстремистской деятельности. Ещё Конституционным судом были предприняты попытки разграничения таких полномочий, в результате чего он пришёл к выводу, что данное определяется исключительны принципом: то есть то, что отнесено к прерогативе федерльных органов, не может быть предметом ведения региона во избежание дублирования функций [6]. На практике Уставы и Конституции субъектов обычно отдельно закрепляют перечень вопросов, который отнесен к ведению региона (и который обычно полностью совпадает со сферой совместного ведения, установленной ст. 72 Конституции, либо расширяется дополнительными полномочиями, которые не попадают ни под исключительное ведение РФ, ни под совместное) [12]. А потому, исходя из изложенного, резонно заключить, что компетенции органов исполнительной власти субъектов в сфере противодействия экстремизма должны быть нормативно закреплены в правовых актах каждого отдельного субъекта.

Однако по мнению А.Е. Постникова, Л.В. Андриченко и А.Е. Помазанского, в части нормативного регулирования экстремистской деятельности подавляющее большинство субъектов РФ сократили число нормативных актов, потому как их достаточное количество предусмотрено на федеральном уровне, а потому существенно проще опереться на имеющиеся правовые акты, нежели самостоятельно урегулировать вопрос в целях избегания противоречий [10]. Вместе с тем в ряде субъектов можно встретить специализированные законы по борьбе с экстремистской деятельностью. Так, наглядным примером является Закон Республики Дагестан, акцентирующий внимание на том, что в условиях мусульманской конфессии на территории субъекта в качестве экстремизма будут признаны ваххабитские идеалы [3].

В соответствии с указом Президента России была образована Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации [4], функционирование которой предполагает тесное

взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти. С этой целью на региональном уровне также создаются комиссии по противодействию или профилактике экстремизма, действующие, как правило, при высших должностных лицах субъектов Российской Федерации [9].

Таким образом, определяя разграничение полномочий органов государственной власти в сфере противодействия экстремистской деятельности в зависимости от уровня, можно сделать вывод, что на федеральном уровне остаются вопросы нормативного регулирования и закрепления концептуальных положений об экстремизме (здесь отдельно надлежит отметить, что подзаконное правотворчество является компетенцией исполнительной власти [5]), в то время как на уровне субъектов осуществляют своё действие предусмотренные системой власти отдельного региона органы, целью которых является реализация государственных положений на территории конкретного субъекта.

Органы же местного самоуправления (далее также ОМС), хотя и являются публично-властными структурами, не входят в систему органов государственной власти [1]. Указанный факт влечет за собой следующую сложность, отмеченную А.Б. Абазовым и Т.А. Файрушин: несмотря на нормативное упоминание наличия ряда компетенций у ОМС в сфере противодействия экстремистской деятельности никак не отражается финансирование их участия в этом вопросе. Отсюда резонно, что права на самостоятельное определение сферы своих полномочий и перечня компетенций у ОМС нет [8].

Вместе с тем в Российской Федерации органы местного самоуправления являются структурой, наиболее тесно осуществляющей взаимодействие с гражданским населением [7]. В рамках установленного законодательством правового режима ОМС не наделяются самостоятельными полномочиями по непосредственному осуществлению мероприятий государственного реагирования, однако обязаны обеспечивать взаимодействие с федеральными и региональными структурами, уполномоченными на противодействие экстремистским и террористическим проявлениям. По мнению З.Л. Шхагапсоева, ключевым аспектом деятельности органов местного самоуправления является идейное противостояние экстремистским взглядам [13]. То есть, по нашему мнению, формирование осознанного гражданского общества, в котором не допустима пропаганда экстремизма. С ним был солидарен Б.А. Торчоков, отмечающий, что в основном деятельность органов местного самоуправления носит профилактический характер [11].

Выводы. Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно заключить, что полномочия органов публичной власти в сфере противодействия экстремистской деятельности распределяются следующим образом:

1. На федеральном уровне – нормативное регулирование, определяющее основные понятия, общую политику, ответственность за нарушение законодательства в сфере противодействия экстремистской деятельности.

2. На региональном уровне – функционирование региональных органов, комиссий и комитетов, на которые возложено исполнение федерального законодательства, то есть фактическое исполнение положений закона от имени государства. В редких случаях субъектом могут быть приняты правовые акты, конкретизирующие контекст того, что надлежит признавать экстремизмом в отдельном регионе ввиду его культурной и национальной специфики.

3. На органы местного самоуправления (которые уже не входят в систему государственной власти, но входят в систему публичной) возлагается обязанность оказывать содействие органам (исходя из вертикальной структуры подчинения – региональным, исполнительным органам конкретного субъекта), осуществляющим борьбу с экстремизмом, а также формирование осознанного гражданского общества, в котором пропагандируется недопустимость взглядов экстремистской направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2020. №30. Ст. 3031.
3. Закон Республики Дагестан от 22 сентября 1999 г. № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»
4. Указ Президента РФ от 26 июля 2011 г. № 988 «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» (ред. от 17.02.2016) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31. Ст. 4705.
5. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. №53 (часть 1). Ст. 8669.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области» // Собрание законодательства РФ. 1996. №7. Ст. 700.
7. Абазов А.Б. Общественная опасность экстремизма в Российской Федерации // Успехи современной науки. 2017. Т.6. № 4. С. 270-272.
8. Абазов, А.Б. О компетенции органов местного самоуправления в осуществлении противодействия молодежному экстремизму / А.Б. Абазов, Т.А. Файрушин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. №3 (93).
9. Ерыгин А.А. Правовые основы противодействия экстремизму высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Организационно-правовые основы борьбы с экстремизмом (к годовщине утверждения Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации): сборник материалов круглого стола. Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2016. С. 19–22.

10. Постников А.Е., Андриченко Л.В., Помазанский А.Е. [и др.] Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти: монография (отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постникова). ИЗиСП. М.: «ИНФРА-М», 2015. 237 с.
11. Тарчоков Б.А., Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Актуальные вопросы профилактики экстремистских настроений среди населения // Фундаментальные проблемы науки: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. 2016. С. 129–131.
12. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Юрайт-Издат, 2000. С. 169.
13. Шхагапсоев З.Л. Радикализм и экстремизм как реальная угроза безопасности государства // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 23–26.

УДК 342.922

СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Р.М. Гайворонский, Т.И. Исабеков
Научный руководитель – А.В. Данилов, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье авторы рассматривают эволюцию правового статуса субъектов административных правоотношений, раскрывая изменения их компетенций, полномочий и обязанностей в разные исторические периоды. Особое внимание уделено формированию современного статуса участников административно-правовых отношений.

Ключевые слова: административные правоотношения, субъекты административного права, административно-правовой статус, эволюция правового статуса

Введение. Проблематика определения субъектов административных правоотношений и анализа их правового статуса на протяжении всего периода развития российского государства остаётся одной из наиболее дискуссионных в административно-правовой науке. Значимость данной темы обусловлена тем, что именно статус субъекта определяет пределы его участия в публичном управлении, механизм реализации прав и обязанностей, а также характер взаимодействия с государством в современных условиях.

Современная научная дискуссия связана прежде всего с трансформацией административно-правового статуса субъектов под влиянием цифровизации, развития административной юстиции и расширения механизмов публично-частного взаимодействия. Цифровые технологии, по оценке исследователей, «внедряются во все компоненты системы государственного управления» и формируют новую модель участия граждан в публичных процессах, основанную на электронном взаимодействии и

платформенных решениях. При этом государство всё чаще выступает «как платформа», объединяющая информационные сервисы и процедуры в единую экосистему.

Постановка задачи. Цель настоящего исследования — провести комплексный анализ административно-правового статуса субъектов административных правоотношений в России, выявив основные этапы его формирования и ключевые тенденции изменения.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- раскрыть теоретико-правовые основы определения субъектов административных правоотношений;
- исследовать историческую эволюцию статуса субъектов в дореволюционный, советский, постсоветский и современный периоды;
- оценить влияние современных тенденций на трансформацию субъектного состава и правового статуса.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составляет сочетание историко-правового, формально-юридического, сравнительно-правового и системного подходов, что позволяет комплексно проследить трансформацию статуса субъектов административных правоотношений от дореволюционного периода до современного этапа цифровизации государственного управления.

Результаты. Субъект административных правоотношений традиционно понимается как участник (сторона) общественных отношений, урегулированных нормами административного права, который наделён определёнными правами и обязанностями в сфере государственного управления. При этом в классическом («традиционном») подходе доминирует представление об административных правоотношениях как о специфическом варианте «властеотношений», где преобладают отношения вертикального подчинения и императивного воздействия публичных органов на физических и юридических лиц.

Современная теория административного права склоняется к более сложной и плюралистической модели. Она рассматривает субъекта административных правоотношений не только с точки зрения позиции «держателя власти» или «объекта административного воздействия», но как активного участника управления: субъект может быть не только адресатом предписаний, но и контрагентом публичной власти (взаимодействие органов и организаций, публично-частное партнерство, участие граждан в административном процессе). [8, С. 190]

Административно-правовой статус субъекта — это систематизированный совокупный нормативно закреплённый комплекс прав, обязанностей, юридических гарантий и ответственности, который определяет возможности и пределы участия субъекта в административных правоотношениях. В структурном отношении административно-правовой статус включает несколько взаимосвязанных компонентов:

- правосубъектность;
- права;
- обязанности;
- ответственность.

В совокупности эти элементы формируют динамическую модель статуса: отдельные компоненты могут изменяться под влиянием нормативных реформ, практики административного делопроизводства и институциональных преобразований (например, децентрализация полномочий, появление новых форм публично-частного взаимодействия). [9, С. 176]

Дореволюционная правовая система России была чётко сословно структурирована: правовой статус субъекта, будь то физическое или юридическое лицо, определялся преимущественно сословной принадлежностью (дворянство, купечество, мещане, крестьяне и т. п.). Это не только ограничивало правосубъектность значительной части населения, но и формировало корпоративный, а не общегражданский характер правового статуса ассоциаций и предприятий, делая административные отношения преимущественно вертикальными и императивными. В административно-полицейской практике того времени государственные органы обладали широким набором мер принуждения в отношении всех субъектов, тогда как механизмы индивидуальной защиты, как и независимая правосубъектность организаций, были слабо развиты. Это историческое положение обуславливало преимущественное доминирование обязанностей публичного характера над индивидуальными правами частных лиц и их объединений.

В советский период государство в практическом смысле стало ключевым актором, а правовой статус граждан, как и формальный статус юридических лиц (государственных предприятий и учреждений), был существенно ограничен и подчинён рамкам общественно-политических приоритетов; формальные гарантии часто уступали место целям плановой экономики и партийного руководства. Как подметила Изюмова Е.С. – «первое десятилетие Советской власти наука административного права влачила весьма жалкое существование, а к концу 1920-х и началу 1930-х годов перестала существовать совсем. Прекратилось преподавание административного права в высших учебных заведениях» [5, С. 17].

В результате административные отношения характеризовались доминированием органов власти и относительно фрагментарной системой защиты от их административных решений; доступ к эффективной судебной или административной защите был ограничен.

Ключевым переломом стал конституционный приоритет прав и свобод: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Статья 2 Конституции РФ стала нормативной основой смены модели административного права от императивной к модели, где права индивида и механизмы их защиты находятся в центре регулирования.

Кроме того, экономические реформы и развитие рынка усилили правосубъектность организаций: приватизация, корпоративное законодательство и расширение участия хозяйствующих субъектов в публичных процедурах сделали организации активными участниками административных правоотношений. В нормативной плоскости это нашло отражение, в частности, в правовом регулировании концессий и в дальнейших механизмах взаимодействия государства и бизнеса.

Современный этап развития правового статуса субъектов в России объединяет несколько взаимосвязанных трансформаций: конституционное закрепление прав и свобод, развитие административной юстиции и масштабную цифровизацию публичного управления. Эти изменения одновременно расширили правовую автономию граждан и организаций и ввели новые обязанности к государственным органам и к частным операторам, вовлечённым в публичные функции. Лахтин А.А. подчёркивает, что «Процесс цифровизации в целом предполагает свободный поток информации от органов государственного управления к общественности и третьим сторонам, таким как организации гражданского общества и средств массовой информации, а также от общественности и третьих сторон к органам власти» [6, С. 21].

Цифровизация и платформенная трансформация государственной практики сочетаются с новыми формами взаимодействия государства и бизнеса. Одновременно с появлением электронных сервисов модель взаимодействия государства и гражданина всё более смещается от вертикальной к сервисной, что меняет характер правосубъектности: гражданин получает новые электронные права и инструменты защиты, а органы власти – обязанности по обеспечению доступности, прозрачности и защиты данных.

Современные тенденции и проблемы в развитии правового статуса физических лиц, в частности, обусловливают появление новых форм административной ответственности за действия в интернете.

КоАП РФ регламентирует характер административных правонарушений в цифровой среде: незаконное распространение информации, которое регламентируется статьёй 13.15. КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации». Общественная вредность данного деяния заключается в том, что информация может навредить репутации компании или физического лица. Часть 1.1 статьи 6.13 КоАП РФ регламентирует ответственность за пропаганду наркотических и иных подобных средств в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для физических и юридических лиц. Другим правонарушением является распространение информации, содержащей призыву к терроризму или экстремизму, его регламентирует ст. 13.37 КоАП РФ. Сущность деяния заключается в создании либо распространении информации, которая содержит призыву к терроризму или экстремизму [1].

Важной становится проблемы защиты персональных данных в цифровой среде. В Федеральном законе от 30.12.2020 № 519-ФЗ закреплены положения о необходимости получения согласия на обработку персональных данных и их распространении. [2] Как утверждает Селюк А.С. в своем исследовании: «Основная проблема данного нововведения заключается в том, что указанные положения не имеют обратной силы, даже при условии отзыва согласия на обработку и распространение персональных данных полученные ранее данные уже находятся в базе, а следовательно, могут выступать предметом преступных посягательств» [7, С. 112].

Развитие правового статуса юридических лиц выделяется в формировании специального административно-правового статуса. Его эволюция отражает смену общественно-политических парадигм: от сословно-корпоративного статуса дореволюционных объединений, через полное поглощение функций юридических лиц государственными предприятиями и учреждениями в советский период, до современного многообразия организационно-правовых форм в условиях рыночной экономики. Волков В.Ю. в своей работе выделил: «Это правовое положение субъектов, образующих специальную категорию, поскольку административно-правовой статус различен у разных групп юридических лиц, это дает основание для выделения специального административно-правового статуса наряду с общим, он представляет собой специальную административно-правовую характеристику и включает в себя специальные административные права и ограничения этих прав» [3, С. 307].

Развитие электронного административного процесса является ключевым направлением совершенствования правового регулирования. На государственном уровне уже реализуются такие проекты, которые направлены на развитие электронного административного процесса. Одним из таких проектов является составление справочника, который позволит сократить время на анализ данных для нормотворческой деятельности при составлении поправок в кодекс.

Совершенствование механизмов компенсации вреда, причинённого органами власти, и их влияние на укрепление правового государства и доверия граждан также является частью трансформации. По мнению Долгочевой: «необходимо разработать четкие критерии оценки незаконности действий государственных органов и установить единые подходы к определению размера морального вреда. Это позволит создать единые стандарты ответственности органов власти, что повысит предсказуемость правоприменительной практики и укрепит доверие граждан к правовой системе» [4, С. 196].

Выводы. Проведённый комплексный анализ подтвердил переход административно-правового статуса субъектов от сословно-императивной модели через модель доминирования органов власти к современной плюралистической и динамической модели. Научная новизна исследования

заключается в предложении динамической модели статуса как совокупности взаимосвязанных компонентов (правосубъектность, права, обязанности, ответственность), в выявлении эффекта «платформенного» государства и в межпериодном сопоставлении, а также в выделении правовых последствий цифровизации. Теоретическое значение состоит в расширении предмета административного права за счёт включения цифровых и платформенных феноменов, углублении оснований для дифференциации общего и специального административно-правового статуса и укреплении методологической базы для дальнейших исследований. Дальнейшие разработка могут включать эмпирическое изучение реализации электронных прав и эффективности электронного административного процесса, разработку методик оценки и компенсации вреда, причинённого действиями органов власти в цифровой среде и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. №195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»
2. Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных"
3. Волков, В.Ю. Особенности административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 304–311
4. Долгачёва, А.С. Проблемы правоприменительной практики в делах о возмещении вреда, причинённого органами власти // Молодой ученый. 2025. № 2 (553). С. 195–197
5. Изюмова, Е.С. Влияние советского периода (1917-1991) на развитие современного административно-деликтного права // Административное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 13–19
6. Лихтин, А.А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 4 (148). С. 18–26
7. Селюк, А.С. Защита персональных данных в цифровом пространстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. №2 (102). С. 110–119
8. Соболева, Ю.В. К вопросу о понятии субъекта административного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 188–192
9. Ястребов, О.А. Публичный субъект и частный субъект административного права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 1. С. 175–176

УДК: 347.736

УПРОЩЁННАЯ ПРОЦЕДУРА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА

А.С. Гнусарев, студент института юстиции
Научный руководитель – Л.Г. Щербакова, канд. юрид. наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию упрощённой процедуры банкротства физических лиц в Российской Федерации, представляющей собой механизм финансовой реабилитации. В работе оценивается эффективность института, включая динамику его использования и влияние на судебную систему, а также доступность для незащищенных социальных групп. Выявляются некоторые ограничения: жёсткие критерии применения, потенциальные риски недобросовестного поведения участников и др. Сравнительный анализ с судебной формой подчёркивает достоинства упрощённого подхода в плане оперативности и экономичности, но также указывает на дисбаланс в защите интересов заинтересованных сторон. Также вносятся предложения по устранению и корректировке выявленных недостатков.

Ключевые слова: упрощённая процедура банкротства; несостоятельность физических лиц; внесудебное банкротство; результаты применения; перспективы развития.

Введение. Актуальность темы обусловлена стремительным ростом числа дел о банкротстве физических лиц в Российской Федерации в упрощенном порядке. После введения данного института в 2020 г., количество процедур превысило 1 млн, а среднегодовой прирост составил около 40–50 % [1]. Стандартная процедура остаётся дорогостоящей (расходы на арбитражного управляющего – от 150 тыс. руб.) и длительной (1–3 года), что ограничивает доступность для малоимущих граждан Введение упрощённой процедуры несостоятельности стало мерой по повышению социальной защищённости и снижению нагрузки на судебную систему. За два года применения (по октябрь 2025 г.) подано свыше 28 тыс. заявлений, что подтверждает востребованность института, но выявляет и ограничения в правоприменении. Однако узкие рамки применения, риски злоупотреблений и недостаточная информированность населения требуют анализа эффективности механизма и внесению предложений по его совершенствованию

Постановка задачи: цель исследования – проанализировать результаты применения упрощённой процедуры банкротства физических лиц в РФ, выявить её преимущества и недостатки на основе данных и практики, а

также предложить меры по развитию института. Методы включают нормативно-правовой и статистический анализ, сравнительный подход и системную оценку социально-экономических эффектов.

Методика и методология исследования: методология опирается на формально-юридический анализ нормативных актов, статистическую обработку данных из официальных источников (ЕФРСБ) и сравнительно-правовой метод для сопоставления процедур. Исследование сочетает качественный анализ рисков с количественным изучением динамики банкротств.

Основополагающим актом в данной сфере является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) [2]. Значимым этапом развития стало то, что в 2020 году была внедрена внесудебная (упрощённая) процедура банкротства через Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» [3], направленный на упрощение доступа граждан к процедуре банкротства без судебного вмешательства и финансовых затрат.

Этот закон ввел альтернативу общей процедуре, ориентированную на финансово незащищенные категории населения, с акцентом на отсутствие расходов со стороны должника В 2023 году условия упрощённой процедуры были существенно смягчены Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 474-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], вступившим в силу с 3 ноября 2023 года что позволило расширить круг потенциальных должников.

Упрощённая процедура применяется при соблюдении следующих условий: общий размер денежных обязательств должника составляет от 25 тысяч до 1 миллиона рублей; исполнительные производства в отношении должника прекращены в связи с отсутствием имущества, на которое может быть обращено взыскание, и безрезультатными мерами по его отысканию; у должника отсутствует имущество, подлежащее регистрации, и не имеется доходов, превышающих прожиточный минимум.

Исследования подчеркивают, что первоначальные условия (до 2023 года: долг от 50 до 500 тысяч рублей) часто ограничивали доступ из-за формальных требований, таких как окончание исполнительного производства именно по определённым основаниям, а не по другим (невозможность установления местонахождения должника или имущества), что приводило к частым отказам и низкой эффективности механизма [6, С. 66].

Процедура включает несколько этапов: подача заявления в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) с приложением списка кредиторов и

документов, подтверждающих долг; проверка МФЦ на соответствие условиям и публикация сведений в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ); введение моратория на удовлетворение требований кредиторов сроком на шесть месяцев; по истечении этого периода – завершение процедуры с признанием долгов безнадёжными и их списанием, если не выявлено оснований для прекращения (например, наличие скрытого имущества).

В научных работах отмечается, что такая внесудебная форма, реализуемая через МФЦ, требует предоставления полного списка кредиторов и долгов, что создает риски ошибок, особенно для заемщиков микрофинансовых организаций с учетом начисленных процентов, и может привести к непогашению частей долгов [6, С.363]

По стоимости общая процедура требует затрат от 300 тысяч рублей, включая вознаграждение арбитражного управляющего и судебные расходы, что делает её недоступной для малоимущих слоев населения, в то время как упрощённая процедура осуществляется бесплатно без участия управляющего, тем самым снижая финансовый барьер и стимулируя использование института банкротства среди граждан с ограниченными ресурсами.

По срокам общая процедура занимает 1–3 года с возможностью продления, что может затягивать разрешение финансовых проблем, а упрощённая – строго 6 месяцев, обеспечивая оперативность и предсказуемость исхода. Участие суда в общей процедуре обязательно с рассмотрением в арбитражном суде, что предполагает формализованный процесс с доказыванием обстоятельств и возможностью обжалования решений, тогда как в упрощённой оно отсутствует, и процесс ведётся в административном порядке через МФЦ, минимизируя бюрократию, но повышая риски недостаточного контроля

Упрощённая процедура вводит ряд ограничений для кредиторов. С момента публикации сведений о процедуре в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ) вводится мораторий на 6 месяцев, в течение которого кредиторы лишены права требовать возврата долгов, включая принудительное взыскание через судебных приставов.

Это приводит к полной остановке начисления пеней, штрафов и процентов по указанным долгам, что напрямую снижает потенциальную сумму взыскания для кредиторов. Если в этот период должник получает новый доход (например, наследство или зарплату), кредиторы могут оспорить процедуру.

По завершении процедуры все указанные в заявлении долги списываются. Если кредитор не указан в списке должника (умышленно или по ошибке), его долг сохраняется и подлежит взысканию в общем (судебном) порядке. Кредиторы имеют 6 месяцев на оспаривание процедуры через суд, если выявят скрытое имущество, доходы или нарушения. Оспаривание

может привести к переводу дела в судебное банкротство, где возможна реализация имущества и частичное удовлетворение требований.

Однако это требует активных действий: например, запросов в Росреестр, ГИБДД, ФНС и банки для проверки активов. В случае отказа в процедуре кредиторы сохраняют права на взыскание, но это не отменяет временных потерь от моратория.

Общая процедура позволяет реструктуризацию долгов с планом их погашения, предоставляя шанс на постепенное восстановление финансового положения и частичное удовлетворение требований кредиторов, в то время как упрощённая ориентирована исключительно на списание долгов, что эффективно для случаев полной неплатёжеспособности, но потенциально ущемляет интересы кредиторов [7, С. 124].

Однако, по мнению Плашинова, А.С, внесудебное банкротство имеет ряд недостатков, в частности «Бессмысленный выбор многофункциональных центров в качестве образования «принимающего» окончательное решение», обосновывая это тем, что сами по себе МФЦ, как правило не принимают окончательного решения по каким-либо вопросам, выступая в первую очередь как «сервис» обращения в различные государственные инстанции [8, С. 55].

Автор отчасти соглашается с позицией ученого, поскольку компетенция МФЦ в основном заключается в упрощении взаимодействия граждан с различными государственными органами путём направления запросов в соответствующие инстанции и предоставления гражданам ответов в виде уполномочивающих документов после их рассмотрения. Утверждение о том, что МФЦ не принимают окончательного решения, соответствует действительности: они выполняют функции оператора по приёму и передаче данных, в то время как окончательное решение о внесении сведений в ЕФРСБ принимает Федеральная налоговая служба. Таким образом, МФЦ не наделены полномочиями по принятию решений по существу. По мнению автора статьи, на МФЦ не следует возлагать дополнительные административные полномочия в части внесудебного банкротства граждан, так как это усилит и без того чрезмерную нагрузку на данные учреждения.

Еще одной основополагающей проблемой является отсутствие принципа сохранения величины прожиточного минимума. Это приводит к тому, что должник лишается средств к существованию на период процедуры, что не только вызывает отказы от её применения, но и усиливает социальную уязвимость граждан, усугубляя их финансовое положение и снижая общую доступность данной процедуры для нуждающихся слоев населения. Подпорина А.В. подчёркивает, что в отличие от судебной процедуры банкротства, где предусмотрена защита прожиточного минимума, внесудебная форма оставляет должников без необходимых ресурсов, что делает процесс неэффективным и недоступным для граждан, подрывая его основную цель – финансовую стабилизацию (заявителя). Автор статьи

соглашается с позицией ученого, поскольку отсутствие механизма сохранения прожиточного минимума в упрощённой процедуре создаёт барьеры для социально уязвимых групп, приводя, как подчеркивалось выше, к отказам от участия и снижению эффективности упрощенной процедуры банкротства [9, С. 207].

Автор считает, что упрощённый механизм банкротства физических лиц обладает значительным потенциалом для социальной защиты граждан, но требует корректировок для повышения его эффективности и доступности. В частности, целесообразно внести поправки в действующее законодательства о банкротстве в части добавления принципа сохранения прожиточного минимума для должника и членов его семьи на весь период процедуры, что обеспечит сохранения поступления минимального размера денежных средств в предусмотренном законом порядке для сохранения минимального уровня жизни, снизит риски отказа от участия из-за финансовой уязвимости.

Кроме того, по мнению автора, необходимо расширить полномочия органов, ответственных за процедуру, создав специализированные подразделения в рамках МФЦ (либо вне рамок, в качестве отдельного ведомства) с квалифицированными специалистами, обладающими доступом к базам данных о финансовом положении должника за последние три года, для более тщательной проверки и минимизации ошибок. Это позволит компенсировать отсутствие финансового управляющего и усилить контроль за возможными злоупотреблениями, такими как сокрытие имущества. Однако, как указывалось ранее, эти полномочия. (если мы говорим про МФЦ) не следует делать слишком обширными, так как это приведет лишь к усилению административной нагрузки

Результаты: упрощённая процедура показала рост применения (свыше 28 тыс. заявлений за 2023–2025 гг.), преимущества в бесплатности и скорости (6 месяцев), но выявила недостатки: жёсткие условия, риски злоупотреблений и перегрузку МФЦ. Обоснование включает статистику ЕФРСБ (завершено ~68% процедур) и предложения по введению сохранения прожиточного минимума, расширению полномочий органов и автоматизированному запросу данных.

Выводы: новизна заключается в анализе результатов за 2023–2025 гг. с фокусом на последствия для кредиторов и региональную динамику, что дополняет теорию несостоятельности. Теоретическое значение – в систематизации ограничений и предложениях по балансу интересов; перспективы – изучение влияния на кредитный рынок до 2030 г., сравнение с международным опытом.

Таким образом, упрощённая процедура банкротства физических лиц, несмотря на преимущества в оперативности проведения и безвозмездности для должника, сталкивается с существенными ограничениями, включая строгие формальные требования к условиям применения и недостаточный уровень контроля за действиями участников, что в итоге снижает её

практическую эффективность и приводит к неполному достижению целей финансовой реабилитации граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистика банкротства физических лиц [Электронный ресурс] // ФЦБГ: Федеральный центр банкротств. – URL: https://fcbg.ru/statistika-bankrotstva-fizicheskih-lic.
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина: федер. закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310066.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 04.08.2023 № 474-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040083.
5. Зверева М.Н. Анализ применения упрощённого механизма банкротства физических лиц [Электронный ресурс] // Научно-информационный портал CyberLeninka. – 2023. – С. 65–67. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-primeneniya-uproschennogo-mehanizma-bankrotstva-fizicheskih-lits-1.
6. Агатов К.Д. Актуальные проблемы процедуры внесудебного банкротства граждан [Электронный ресурс] // Образование и право. – 2021. – С. 362–364. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-protsedury-vnesudebnogo-bankrotstva-grazhdan.
7. Милов П.О. Процедура упрощённого банкротства физических лиц: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Право и практика. – 2020. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsedura-uproschennogo-bankrotstva-fizicheskih-lits-aktualnye-voprosy-teorii-i-praktiki.
8. Плашиннов А.С. Внесудебное банкротство физических лиц. Решение возникшей проблемы или бесперспективная инициатива законодателя? [Электронный ресурс] // Скиф. – 2021. – № 58. – С. 55. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vnesudebnoe-bankrotstvo-fizicheskih-lits-reshenie-voznikshey-problemy-ili-besperspektivnaya-initsiativa-zakonodatelya.
9. Подпорина А.В. Проблемы внесудебной процедуры банкротства [Электронный ресурс] // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 36. – С. 207. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vnesudebnoy-protsedury-bankrotstva.

УДК 347.422

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НЕВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ

В.И. Григорьев, аспирант
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия

Аннотация. Автор рассматривает историю формирования российского законодательства о невозможности исполнения на протяжении трех этапов истории отечественного права: дореволюционного, советского и современного периодов. В результате анализа нормативных и доктринальных источников, автор приходит к выводу, что регулирование невозможности исполнения имеет преемственность, однако современное право содержит также несколько новых правил, которые требуют дополнительного изучения.

Ключевые слова: невозможность исполнения, ответственность, обязательство, договор, недействительность

Введение. В современных условиях развития рыночных отношений вопросы освобождения от ответственности при невозможности исполнения обязательств приобретают особую значимость, требуя детального теоретического осмысления и практического применения. Однако данное исследования невозможно сделать без изучения истоков появления правил о невозможности исполнения обязательств в российском праве. В этих целя необходимо изучить генезис развития института невозможности исполнения в российском праве.

Постановка задачи. Задача настоящего исследования состоит в анализе дореволюционного, советского и современного законодательства в целях установления сходства и различия правового регулирования невозможности исполнения обязательств в российском праве. Для выполнения данной задачи необходимо исследовать правовое регулирование и доктринальные подходы к пониманию невозможности исполнения обязательства в истории российского права.

Методика и методология исследования. Методология исследования относительно изучения законодательства о невозможности исполнения включает в себя историко-правовой метод (изучение эволюции норм о невозможности исполнения в разные исторические периоды) и формально‑юридический метод (анализ текстов нормативных актов каждого периода, их сравнение, выявление их содержания, сходств и различий).

Результаты

Дореволюционный период

Отечественная дореволюционная наука, являясь частью общемирового юридического дискурса, не могла не затронуть вопрос невозможности

исполнения обязательства. Во многом отечественные работы воспроизводили уже имевшиеся наработки зарубежных ученых соответствующего исторического периода времени.

В дореволюционном российском праве отсутствовало общее правило относительно правовых последствиях невозможности исполнения обязательства [1, С. 436], а содержались лишь отдельные ссылки на последствия невозможности исполнения. В то же время в проекте гражданского уложения Российской империи предлагалось закрепить институт невозможности исполнения обязательства. В ст. 21 книги 5 предлагалось указать, что «*договор, имеющий своим предметом действие невозможное или противное закону, добрым нравам или общественного порядку признается недействительным*». В комментарии к проекту нормы прямо указывается на охват ею случаев юридической невозможности, а также делается отсылка на привила деликтного права для защиты стороны, понесшей убытки в связи с невозможностью [2]. В ст. 123 проекта предполагалось закрепить регулирование для последующей невозможности исполнения обязательства.

Ученые обращались к теме невозможности исполнения обязательства довольно редко, однако имеющееся исследования представляют любопытными для целей дальнейшего осмысления института невозможности исполнения. Например, К.П. Победоносцев признавал деление юридической невозможности на физическую, юридическую и нравственную. По этому вопросу он отмечал следующее: «*Первая относится к предметам, которые никогда не существовали или уничтожились, или не могли никак существовать; вторая - к вещам, которые не могут быть предметом собственности гражданской или состоять уже в собственности кредитора. Наконец, может быть еще невозможность нравственная, – действие, противное общественной нравственности или положительному закону, ограждающему важный общественный интерес. Невозможное условие противоречит самой сущности договора, и потому делает договор недействительным*» [3, С. 621]. Вместе с тем, этот ученый не давал какой-то подробный анализ вопросу невозможности исполнения, в том числе вопросам юридической невозможности исполнения. Схожую позицию занимал Синайский В.И., который определял ряд действий, которые не могут быть предметом обязательства, разграничивая между собой объективную невозможность и запрещенные законом действия [4, С. 151].

Великий российский правовед Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «невозможность исполнения того действия, которое составляет содержание обязательства, смотря по причинам ее наступления, или прекращает обязательственное отношение, или, напротив, осложняет его» [4, С. 151]. Стоит заметить, что ученый не указывает на существование отдельного института юридической невозможности.

Наиболее обстоятельно вопросы юридической невозможности исполнения поднимал известный российский и советский ученый Генкин Д.М. Исследователь еще в 1915 голу отмечал, что «понятие невозможности, если придать ему особое, самостоятельное значение, должно рассматриваться как понятие юридическое, а не только с точки зрения абстрактной логики. Не только то, что юридически невозможно, может быть возможным логически, но и обратно - невозможное логически явится возможным юридически или, вернее сказать, не будет иметь юридического значения» [5, С. 180]. В целом Генкин Д.М. был представителем «ревизионистского» подхода к невозможности исполнения, поскольку предлагал отказать от концепции признании сделки о первоначально невозможной недействительной: «*нам представляется наиболее правильным (…) перенести вопрос о невозможности исполнения вообще к моменту наступления срока последнего, когда невозможность (…) должна рассматриваться лишь как одно из обстоятельств, могущих извинить неисполнение должника и повести или к полному прекращению обязательства, или лишь к отсрочке исполнения*» [5, С. 200].

В целом, законодательные предложения и позиции российских ученых указывают на то, что российская наука дореволюционного периода опиралась на идеи, господствовавшие в европейском праве того времени, и стремились впервые в истории России закрепить полноценное правовое регулирование невозможности исполнения. Однако в связи с революцией этим планам не было суждено сбыться.

Советский период

Советская наука во многом продолжила развивать сформировавшееся к моменту образования советского государства научное наследие. Так, вопросы невозможности исполнения обязательства так или иначе поднимаются в работах ведущих ученых этого времени. Впервые вопросы невозможности исполнения прямо закрепляются на уровне кодекса. ьВ ГК РСФСР 1922 года (утв. Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 года) / Собрание узаконений РСФСР, 1922, № 71, ст. 904. Известия ВЦИК, № 256, 12 ноября 1922 года), в связи с этим был закреплён целый комплекс норм, связанных с невозможностью исполнения обязательства:

- Ст. 118: должник освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого он не мог предотвратить;
- Ст. 121–122: Просрочка исполнения должника возлагает на него ответственность за случайно наступившую после просрочки невозможность исполнения, а просрочка кредитора наоборот освобождает должника от ответственности за последующую невозможность исполнения;
- Ст. 144–145: Если в двустороннем договоре исполнение стало невозможным для одной из сторон вследствие случайного обстоятельства,

то нельзя требовать от другой стороны исполнения по договору, а если в таком договоре исполнение стало невозможным для одной стороны из-за вины другой то, пострадавшая сторона, при отсутствии в законе или договоре иных постановлений, имеет право взыскать причиненные неисполнением убытки;

- Ст. 146: Если в двустороннем договоре исполнение стало невозможным для одной стороны вследствие обязательства, за которое отвечает другая сторона, первая сохраняет право на встречное удовлетворение с зачетом выгод, сберегаемых или приобретаемых ею вследствие освобождения от обязательства.

Агарков А.А. в связи с этим отмечал, что «употребляя термин «невозможность исполнения», мы придаем ему техническое значение, которое выходит за пределы невозможности в собственном смысле слова» [6, С. 246]. Ученый пишет, что ст. 118 ГК РСФСР 1922 года включает в себя юридическую невозможность исполнения и приводит пример запрета на вывоз определенного товара за пределы страны [6, С. 246]. Конструкция последующей невозможности исполнения нашла прямое отражение и в следующем кодексе (пускай эти положения стали более лапидарными). В ст. 235 ГК РСФСР 1964 года было прямо указано, что «обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое должник не отвечает». Кроме того, в ст. 225 ГК РСФСР 1964 года было зафиксировано, что должник в случае просрочки несет риски случайно наступившей невозможности исполнения. Вместе с тем, вопрос первоначальной невозможности исполнения так и не нашел свое прямое регулирование на уровне закона как в ГК РСФСР 1922 года, так и в ГК РСФСР 1964 года. Иоффе О.С., комментируя положения ГК РСФСР 1964 года, касался исключительно вопросов института невозможности исполнения в контексте прекращения обязательства и вопросов ответственности, а также указывал на случаи юридической невозможности исполнения обязательства: «невозможность исполнения наступает и вследствие других причин, например, в результате изъятия из гражданского оборота вещей, которые явились предметом обязательства, или последовавшего со стороны государственных органов запрещения действий, по поводу которых обязательство установлено» [7, С. 90]. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) повторяли данные правила, поскольку повторяли уже известное правило о возложении риска невозможности исполнения на должника (п. 1 ст. 72) и прекращении обязательства невозможностью исполнения, «если она вызвана обстоятельством, за которое должник не отвечает» (п. 3 ст. 73)

Таким образом, вопрос невозможности исполнения в данный исторический период рассматривается только через призму освобождения от ответственности в случае наступившей невозможности при отсутствии вины должника в этом, то есть советский этап развития вопросов невозможности

исполнения был непосредственно связан только со случаями последующей невозможности.

Современный период

В современном ГК РФ нормы о невозможности исполнения также нашли свое отражение и во многом опираются на предшествующие советские кодификации. Вместе с тем в законе были закреплены и новые идеи, которых ранее не было. В российском праве по-прежнему получило прямое закрепление только последующая невозможность исполнения обязательства. В п.1 ст. 416 ГК РФ прямо зафиксировано следующее правило: «Обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает». В п.1 ст.308.3 ГК РФ закреплена норма о том, что нельзя требовать исполнения в натуре невозможного действия. Разъясняя эту норму ВС РФ прямо приводит пример юридических препятствий: принятие органом государственной власти или органом местного самоуправления акта, которому будет противоречить исполнение обязательства [8].

Кроме того, российское законодательство приняло решение закрепить разделение невозможности исполнения на фактическую и юридическую, введя в российское право специальную норму ст. 417 ГК РФ. Еще более необычное решение было приятно в п. 3 ст. 417 ГК РФ, где закрепили институт восстановления обязательства при определенных условиях в случае отпадения юридических препятствий. Аналогично советскому праву в нынешней ст. 405 ГК РФ установлено, что должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения. В современном ГК РФ также отсутствуют специальные правила, посвящённые первоначальной невозможности исполнения обязательства. Таким образом, современный этап развития отечественного права указывает на то, что институт невозможности исполнения обязательства плотно вошел в систему правого регулирования России и регулирование в этой сфере в целом демонстрирует свою преемственность. При этом современный этап правого регулирования отличается как появлением новых положений закона, которые необходимо критически оценить, так и возникновением вопросов, которые стали незаслуженно забыты и требуют своего дальнейшего научного осмысления.

Выводы. Историческое развитие института невозможности исполнения обязательства в российском праве демонстрирует преемственность правовых традиций и постепенное совершенствование нормативного регулирования. Однако современный этап отличается появлением новых положений закона, которые ранее отсутствовали в праве. Эти положения требуют своего дальнейшего научного осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911.
2. URL.: https://disk.yandex.ru/d/8381sqLON3QxP.
3. Победоносцев К.П. Курс гражданского права (по изд.: СПб., 1896). М.: Зерцало, 2004.
4. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997.
5. Генкин Д.М. К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения / Д. М. Генкин // Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича: сб. статей по гражданскому и торговому праву. – М., 1915. – стр. 105– 126.
6. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. – М.: Статут, 2012.
7. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., «Юрид. лит.», 1975.
8. п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств".

УДК 347.08

ПОДПИСКА АДВОКАТА О НЕДОПУСТИМОСТИ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ – НЕСОВЕРШЕНСТВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИЛИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ?

С.А. Достовалов, канд. юрид. наук., доцент,
заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики
Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В данной статье анализируется несовершенство юридической конструкции ст. 310 УК РФ и 161 УПК РФ, рассматриваются теоретические и практические проблемы отобрания у адвоката-защитника подписки о неразглашении данных предварительного расследования, правовая позиции Конституционного Суда по этому вопросу, автором определяются действия адвоката, связанные с миминизацией риска привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: адвокат; подписка о неразглашении данных предварительного следствия; уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования; правовая позиция Конституционного Суда РФ; обжалование действий следователя, прокурора, суда; ознакомление с материалами уголовного дела.

В адвокатской практике нередко встречаются случаи нарушения права на квалифицированную юридическую помощь, вызванные следственными и судебными ошибками, а иногда злоупотреблениями, допускаемыми органами, ведущими уголовный процесс.

В последнее время участились случаи предупреждения адвокатов о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших

им известными данных предварительного расследования и отобрания соответствующей подписки в порядке ст. 161 УПК РФ [1] об ответственности по ст. 310 УК РФ (разглашение данных предварительного расследования)[2]. Как представляется, зачастую целью органов предварительного расследования при отобрании у защитника подписки о неразглашении, является, в определенной степени, нейтрализация действия процессуального оппонента, а также стремление не предавать гласности (один из основных принципов уголовного судопроизводства, в том числе на досудебной стадии) свои действия и те нарушения, которые часто случаются в практике органов предварительного расследования.

Формальное толкование ст. 161 УПК РФ и 310 УК РФ, предполагает, ответственность адвоката, которому по закону может быть избрана подписка, за разглашение любых обстоятельств уголовного дела без разрешения соответствующего уголовно-процессуального субъекта. Несовершенство и несоответствие жизненным реалиям действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики приводят к тому, что в процессе негативного правоприменения властный субъект уголовно-процессуальных правоотношений - следователь, прокурор или суд имеет возможность выхолостить требования любых принимаемых правовых норм. Это затрудняет реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, существенно ограничивает право подозреваемого и обвиняемого на защиту и приводит к тому, что защитник не сможет без разрешения органов предварительного расследования: а) излагать в тексте адвокатского запроса обстоятельства, имеющие отношение к уголовному делу, в обоснование направляемого адвокатского запроса; б) передавать специалисту для подготовки заключения копии материалов уголовного дела, в случае принятия решения о необходимости представления в защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого заключения специалиста; в) сообщать информацию, имеющую отношение к уголовному делу помощнику адвоката, стажеру адвоката; г) обсуждать в целях получения консультаций и повышения качества оказываемой юридической помощи обстоятельства уголовного дела со своими коллегами.

Анализ действующего законодательства позволяет определить, что **подписка о неразглашении без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования может отбираться у защитника не по всем делам.** Действующая редакция ст. 310 УК РФ не предусматривает, разглашение каких именно данных предварительного расследования является уголовно наказуемым. **Однако, с**огласно определения Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации», сохранение в тайне, полученной в ходе уголовного судопроизводства информации, возможно по тем делам, где могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления, тайна предварительного расследования и др.). Поэтому, уголовная ответственность за разглашение может наступать не за упоминание любых обстоятельств уголовного дела без разрешения следователя, а только тех, где содержится охраняемая уголовным законом тайна [3].

Конституционный Суд РФ также указал, что в силу прямого действия части 2 ст. 24 Конституции РФ (ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы) – должен быть предоставлен доступ к соответствующей информации; что «касается формы и порядка ознакомления такого лица с необходимыми материалами, то они избираются следователем, прокурором и судом в пределах, исключающих опасность разглашения следственной тайны».

Буквальное толкование этого пункта определения Конституционного суда РФ позволяет утверждать, что следователь, прокурор и суд в подписке обязаны указать пределы, исключающие опасность разглашения следственной тайны, то есть, те сведения о неразглашении каких именно данных предварительного расследования они предупреждает защитника.

Конституционный Суд РФ определил, что уголовно-процессуальный закон – исходя из требования части 2 ст. 24 Конституции РФ – допускает ознакомление участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования с процессуальными документами (материалами дела) в той части, в какой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы могут реализовать, предоставленное им права на обжалование решений и действий (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, в порядке (ч. первая ст. 123), предусматривающем возможность рассмотрения соответствующих жалоб как прокурором, руководителем следственного органа, так и судом (ст. 124–125), не обусловливает предоставление им в случае необходимости данных предварительного расследования согласием либо несогласием следователя на их разглашение [4].

Установленное ст. 161 УПК РФ правовое регулирование, не может рассматриваться как препятствующее защитнику по уголовному делу в ознакомлении с протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

Не содержит ст. 161 УПК РФ и положений, ограничивающих предоставленные защитнику в порядке права знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, выписывать из них сведения в любом объеме или снимать за свой счет с них копии, в том числе с помощью технических средств (п. 2 и 10-12 ч. 4 ст. 47, п. 6 и 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Ст. 310 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования участником уголовного судопроизводства, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание, и рассматривает подписку о неразглашении данных предварительного расследования без соответствующего разрешения в качестве необходимого условия для определения: как временного предела действия данной статьи, так и субъекта преступления.

Таким образом, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда РФ:

– **подписка о неразглашении без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования может отбираться от защитника только по тем делам**, где содержится охраняемая уголовным законом тайна;

– следователь, прокурор и суд в подписке обязаны указать пределы, исключающие опасность разглашения следственной тайны, то есть, те сведения о неразглашении каких именно данных предварительного расследования они предупреждает защитника;

– защитник может реализовать, предоставленное им права на обжалование решений и действий (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, в порядке (ч. 1 ст. 123), предусматривающем возможность рассмотрения соответствующих жалоб как прокурором, руководителем следственного органа, так и судом (ст. 124–125), не обусловливает предоставление им в случае необходимости данных предварительного расследования согласием либо несогласием следователя на их разглашение;

– защитник по уголовному делу может знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, а также материалами уголовного дела, по окончании предварительного расследования, выписывать из них сведения в любом объеме или снимать за свой счет с них копии, в том числе с помощью технических средств, независимо от правовых предписаний, предусмотренных ст. 161 УПК РФ;

– пределы подписки о неразглашении данных предварительного расследования без соответствующего разрешения должны быть определены

временными рамками, установленными по делу сроками предварительного расследования.

Как адвокату минимизировать риск привлечения к уголовной ответственности по обвинению в разглашении данных предварительного следствия?

1. При даче подписки о неразглашении данных предварительного следствия с учетом неопределенности в уголовном законе понятия «разглашение данных предварительного следствия» требовать у следственных органов письменного указания в подписке, какие конкретно данные предварительного следствия защитник не вправе разглашать и кому конкретно не допускается разглашать указанные данные, а также в течение какого временного периода защитник не в праве разглашать данные предварительного расследования.

2. Ч. 3 ст. 161 УПК гласит, что «данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства». Исходя из требований ст. 53 УПК РФ необходимо заявить ходатайство, в котором с обоснованием норм уголовно-процессуального законодательства, правовой позиции Конституционного Суда РФ, потребовать от органов предварительного расследования определить допустимый объем данных предварительного расследования могущих быть преданным гласности.

3. Реализовать права на обжалование решений и действий (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, в порядке (ч. 1 ст. 123), предусматривающем возможность рассмотрения соответствующих жалоб как прокурором, руководителем следственного органа, так и судом (ст. 124–125).

Резюмируя изложенное, считаем необходимым подчеркнуть, что высказанные предложения достаточно четко определены. Возможно, они небесспорны, однако последующие исследования и обсуждения в этой области позволят законодателю избрать тот или иной путь совершенствования нормативных предписаний, предусмотренных ст. 310 УК РФ и 116 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Официальный текст. – [Электр. ресурс]. – Консультант-Плюс: [справочно-поисковая система].

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025). – [Электр. ресурс]. – Консультант-Плюс: [справочно-поисковая система].

3. Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».
4. «Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О «По жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

УДК 343.3/7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.А. Достовалов, канд. юрид. наук., доцент,
заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики
Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В данной статье анализируется несовершенство юридической конструкции ст. 171 УК РФ, рассматриваются теоретические и практические проблемы толкования незаконного предпринимательства, правовая позиции Конституционного Суда по этому вопросу. Автором отмечается, что при решении задач квалификации наибольшие трудности вызывает определение соотношения ч.1 ст. 171 УК РФ с некоторыми смежными составами преступлений, анализируются точки зрения по исследуемому вопросу, высказывается авторская позиция.

Ключевые слова: санкционное антироссийское давление; правовое прогнозирование, толкование правовых норм, предпринимательская деятельность; правовая позиция Конституционного Суда РФ, квалификация преступлений.

В условиях санкционного антироссийского давления особенное значение приобретает усиление воздействия вектора уголовной политики на общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, чьей задачей является создание безопасных условий функционирования бизнеса, включая методы привлечения предпринимателей к уголовной ответственности и применения соответствующих мер наказания.

Большое значение в уголовно-правовой практике имеет метод правового прогнозирования, заключающийся в предвидении специалистами потенциальных преступных негативных воздействий на ускорение социально-экономического развития страны, на эффективное использованиие производственного и научно-технического потенциала, формирование прогрессивной экономической структуры, управление социальными процессами. Роль метода правового прогнозирования заключается в недопущении подобного негативного воздействия.

Чрезвычайно важным элементом этой политики стало внесение изменений в Уголовный Кодекс РФ, а именно статей: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), мошенничество при получении выплат (ст.159.2), мошенничество с использованием платежных карт (ст.159.3), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6) [1].

К настоящему времени можно сделать выводы о некоторых последствиях применения законодательства и эффективности современной уголовной политики по противодействию преступности в сфере предпринимательской деятельности. И при этом не меньший интерес представляют результаты истолкования судами смысла статей УК РФ о таких преступлениях в ходе их применения по конкретным уголовным делам.

Изменения, внесенные в статью 159.1 УК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ определили количественные объемы крупного размера. Так, крупным размером в настоящей статье, а также в статьях 159.3, 159.5, 159.6 УК признается стоимость имущества, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным - шесть миллионов рублей [1].

Тем самым законодатель недвусмысленно уточнил направление работы для ученых-теоретиков и практиков. Возникла необходимость уточнения легальных понятий предпринимательской деятельности, составов совершаемых преступлений.

В этой ситуации необходимо рассмотреть положения гражданского законодательства, которые дают ответы на вопросы: каков спектр преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» конкретизируются указанные понятия [2].

Статья 2 ГК РФ определяет, что гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [3].

Таким образом, исходя из положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ и статьи 2 Гражданского Кодекса РФ, ряд практиков называют предпринимательской ту деятельность физических и юридических лиц, которая наделена рядом законодательно закрепленных свойств, а именно:

1) Осуществляется самостоятельно. Указанная характеристика подтверждает тот факт, что деятельность в экономической сфере совершается без постороннего принуждения. Субъект целенаправленно и

самостоятельно избирает форму осуществления хозяйственной деятельности, регистрируется в соответствующих гос. органах, взаимодействует с иными хозяйственными субъектами, финансовыми организациями и т. д.;

2) Осуществляется на свой риск. Сам термин «риск» имеет значение деяния при наличии потенциальной угрозы, фиаско, действие на удачу в ожидании успешного результата, итога. Данная характеристика подтверждает, что предприниматель действует при наличии ряда условий, среди которых наличие реальной опасности, неудачи как таковой, недостижение задуманного результата полностью или в части, при которых он самостоятельно несет ответственность;

3) Направлена на извлечение прибыли;

4) Направлена на получение прибыли систематически. В данном случае подразумеваются регулярные, в количестве не менее трех эпизоды, извлеченной прибыли или попыток осуществления таковых;

5) Осуществление лицом, прошедшим государственную регистрацию. Так, физическое лицо регистрируется в качестве индивидуального предпринимателя (согласно ст. 23 ГК РФ), юридическое лицо должно быть зарегистрировано в качестве коммерческой или некоммерческой организации (согласно ст. 51 ГК РФ) [3];

6) Необходимо соблюдение порядка и условий лицензирования (если таковой предусмотрен законом).

Важно отметить, что некоторые специалисты считают настоящий список закрытым и полагают, что отсутствие одного из названных пунктов говорит о том, что не всякий вид экономической деятельности будет относиться к предпринимательской.

Однако не у всех правоприменителей сложилось общее мнение по этому вопросу. С точки зрения некоторых из них, отсутствие двух последних из перечисленных признаков не является необходимым условием для непризнания предпринимательской деятельности. Именно поэтому, если лицо осуществляет хозяйственную деятельность без государственной регистрации и без соответствующей лицензии, оно действует вопреки закону, однако деятельность не перестает быть предпринимательской.

По сути, сделать такой вывод позволил сам законодатель, объявив, что имеет место правовая категория «незаконное предпринимательство», то есть непосредственно предпринимательская деятельность, осуществляющаяся не прошедшим государственную регистрацию лицом, не получившим лицензию, что предусмотрено статьей 171 УК РФ: Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере.

В данном случае явно проявляется коллизия в статье 171 УК, вызванная по мнению многих специалистов техническим несовершенством

нормы. Так же имеет место тот факт, что субъект предпринимательской деятельности носит легальный статус.

Это объясняется тем, государство применяет общие для всех методы защиты экономической деятельности и рыночных отношений. В том случае, если лицо не было зарегистрировано, оно не является субъектом предпринимательства и его деятельность не может рассматриваться в качестве предпринимательской (согласно легальному изложению).

Сторонники легальной концепции утверждают, что на субъекта преступления в сфере предпринимательской деятельности по определению воздействуют нормы права, так как он является индивидуальным предпринимателем или сотрудником (учредителем) юридического лица. Подтверждает это теорию тот аргумент, что нормы уголовного закона препятствуют согласно ст. 171 УК «незаконному предпринимательству», а не «иной незаконной деятельности, имеющей признаки предпринимательской».

По мнению профессора Сидоренко Э.Л., если виновный не зарегистрирован в качестве субъекта предпринимательской деятельности, совершенное им преступление не может быть признано совершенным в сфере предпринимательства [4]. Отталкиваясь от обратного, этот вывод можно сформулировать иначе: если виновный обладает соответствующим правовым статусом (является индивидуальным предпринимателем или членом органов управления зарегистрированной коммерческой организации), преступление считается совершенным в сфере предпринимательской деятельности при наличии его непосредственной связи с этой деятельностью.

Однако, если брать за основу широкое толкование предпринимательской деятельности, необходимо отметить, что она может иметь и нелегальный статус, то есть этот признак не является определяющим критерием. Здесь первоочередное значение имеют два фактора: систематичность (регулярность) и направленность на получение прибыли. И именно эти тезисы были подтверждены в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» [5]. Так, суд устанавливает, что «при несоблюдении обязанности пройти государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, не вправе ссылаться в отношении заключенных им сделок на то, что он не является предпринимателем (ст.23 ГК РФ). Исходя из этого, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 декабря 2012 года № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»,

отсутствие государственной регистрации само по себе не означает, что деятельность гражданина не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, если по своей сути она фактически является таковой» [6].

Получается, что факт отсутствия государственной регистрации не может быть причиной непризнания деятельности гражданина предпринимательской. То есть не столь важно ее документальное оформление, сколько фактическая специфика.

Итак, Конституционный Суд РФ отметил, что преступления в сфере предпринимательской деятельности имеют место быть даже при несоблюдении правил государственной регистрации и этот факт не должен влиять на квалификацию преступления. Важно отметить, что в вышеназванном постановлении Конституционный Суд предложил порядок отграничения преступлений, подпадающих под действие ст. 159 УК и смежных составов, предусмотренных, в частности, ст. 159.1 УК РФ.

Однако, это мнение пересекается с позицией Верховного Суда. Мнение ВС РФ, высказанное в постановлении пленума, заключается в следующем. Составы преступлений, предусмотренные статьями 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 необходимо квалифицировать совершенными в сфере предпринимательской деятельности в том случае, если имеется совокупность конкретных факторов:

во-первых, преступления были совершены лицом, занимающимся предпринимательской деятельностью самостоятельно или в качестве наемного работника либо учредителя юридического лица;

во-вторых, преступления связаны с осуществляемой деятельностью [5].

По этим причинам Верховный Суд разъясняет судам, учитывая нормы ГК РФ, что предпринимательская деятельность носит законный характер, исключая незарегистрированных субъектов как элемент составов перечисленных преступлений.

Так же в рассмотренной ситуации обособленно стоит ключевая проблема: легальное определение предпринимательской деятельности, зафиксированное в п.1. ст. 2 ГК РФ, по сути является неполным и в современном понятии не полноценно отражает общественные интересы, частные потребности граждан, организаций, общества и государства и не соответствует сути современных рыночных отношений. В указанной ситуации аргументировано и актуально мнение профессора Кравец Ю.П., который справедливо указал, что: «Законодательное определение предпринимательской деятельности в настоящее время не отражает надлежащим образом публичные интересы и частные потребности граждан, организаций, общества и государства в сфере предпринимательской деятельности и уже не соответствует современным рыночным отношениям. В данном определении предпринимательской деятельности значение

прибыли гиперболизировано, так как другие цели предпринимательской деятельности в законе вообще не названы» [8].

Так, для обеспечения верной квалификации, с учетом требований Конституции РФ и потребностей более эффективного уголовно-правового реагирования на преступления в сфере предпринимательства, а так же преодоления законодательного пробела, предлагается новое законодательное определение понятия предпринимательской деятельности: «Предпринимательская деятельность – разновидность законной экономической деятельности, осуществляемой самостоятельно и инициативно, совершаемая целенаправленно и регулярно в целях удовлетворения общественных потребностей и государственных интересов в процессе производства товаров, оказания услуг, воспроизводства иных материальных благ для рынка лицами, зарегистрированными в установленном законом порядке, связанная с риском неполучения предполагаемого результата, наступления убытков и направленная на систематическое получение прибыли или предпринимательского дохода любыми, незапрещенными законом способами».

Законодательное определение предпринимательской деятельности в настоящее время не отражает надлежащим образом публичные интересы и частные потребности граждан, организаций, общества и государства в сфере предпринимательской деятельности и уже не соответствует современным рыночным отношениям. В данном определении предпринимательской деятельности значение прибыли гиперболизировано, так как другие цели предпринимательской деятельности в законе вообще не названы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025). – [Электр. ресурс]. – КонсультантПлюс: [справочно-поисковая система].
2. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020). – [Электр. ресурс]. – КонсультантПлюс: [справочно-поисковая система].
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). – [Электр. ресурс]. – КонсультантПлюс: [справочно-поисковая система].
4. Сидоренко Э.П. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы юридической идентификации // Общество и право. 2015. №4 (54) С.99–104.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П. – Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru/16.12.2014.
6. Постановлении от 27 декабря 2012 года № 34-П По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 27

декабря 2012 года № 34 – Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru/04.07.2016.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».
8. Кравец Ю.П. Пробелы в уголовно-правовом регулировании отношений в сфере предпринимательской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №6 С.170–76.

УДК 664.6/ 664.87

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Д.А. Жуланова, студент
Приволжский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Статья анализирует механизмы управления многоквартирными домами (МКД) в России и Китае. Сравнение нормативной базы и практики выявило ключевые различия в подходах. В заключении предложены меры по совершенствованию российского законодательства на основе эффективных элементов китайской модели.

Ключевые слова: управление многоквартирными домами, жилищное право, управляющая организация, КНР, Жилищный кодекс РФ.

Введение. Право на жилище относится к числу основных социальных прав человека и закреплено как в Конституции Российской Федерации (далее – РФ) (статья 40) [1], так и в Конституции Китайской Народной Республики (далее – КНР) (статья 39) [2].

Однако практическая реализация этого права в условиях преобладания многоквартирной застройки зависит от эффективности правовых механизмов управления общим имуществом. РФ, пережившая массовую приватизацию жилья и переход от советской модели жилищно-эксплуатационных контор (далее – ЖЭК) к рыночным отношениям, и КНР, осуществляющая урбанизацию и формирование класса собственников жилья, сталкиваются со схожими сложностями: проблемой коллективного действия, конфликтами между сособственниками, необходимостью балансирования частных и публичных интересов в содержании жилищного фонда. При этом законодательные подходы двух стран существенно различаются, если в России акцент смещен в сторону частноправовой автономии [7], то в Китае доминирует публично-правовое регулирование с активным участием государства.

Постановка задачи. Цель исследования – провести сравнительно-правовой анализ механизмов управления МКД в РФ и КНР для выявления ключевых различий и возможностей взаимного заимствования позитивного опыта. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) изучить нормативные основы управления МКД в обеих странах; 2) выявить и сопоставить основные организационные формы управления; 3) проанализировать роль государственного регулирования; 4) сформулировать предложения по совершенствованию российской модели.

Методика и методология исследования. В основе исследования лежит метод сравнительно-правового анализа. Изучались нормативные акты (Жилищный кодекс РФ, Правила управления жилой недвижимостью КНР), научная доктрина и сложившаяся правоприменительная практика двух стран [3; 6; 8; 10]. Также применялись системный и формально-юридический методы для комплексного рассмотрения институтов управления МКД в их взаимосвязи с социально-правовым контекстом.

Результаты. С принятием Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) в 2004 году российское жилищное право претерпело значительные изменения. В отличие от советской модели с ее централизованным управлением, новый кодекс закрепил принцип свободы выбора способа управления для собственников. По словам профессора, доктора юридических наук П.В. Крашенинникова, целью реформы был переход «*от системы административного управления жилищным фондом к системе, основанной на рыночных принципах и реальном осуществлении прав собственников*» [8]. Таким образом, законодатель признал собственника главным лицом, ответственным за принятие решений относительно общего имущества в многоквартирном доме.

В Китае же, несмотря на быстрое развитие рыночных отношений, в жилищной сфере сохраняется сильнейшее влияние социалистической правовой традиции и конфуцианских ценностей, предполагающих подчинение индивидуальных интересов коллективным, а также активную регулирующую роль государства [11]. Массовая приватизация жилья в КНР началась значительно позже, чем в России – с реформ конца 1990-х годов, и с самого начала проходила под административным контролем. Как указывает китайский правовед Ле Тхи Нгок Май, *«законодательство о собственности и управлении МКД в Китае формировалось не как акт освобождения собственников, а как механизм интеграции нового класса владельцев жилья в существующую систему государственного управления»* [13].

ЖК РФ в статье 161 закрепляет три основных способа управления МКД: 1) непосредственное управление собственниками; 2) управление товариществом собственников жилья (далее - ТСЖ) или иным специализированным потребительским кооперативом; 3) управление управляющей организацией. Наличие различных вариантов позволяет

выбрать наиболее эффективный способ управления с учетом особенностей каждого дома [3].

Непосредственное управление, регламентированное статьей 164 ЖК РФ, применяется в домах с небольшим количеством квартир (как правило, до тридцати). Основное преимущество данного способа – снижение расходов за счет отсутствия посредников и формирования договорных отношений с подрядчиками напрямую, без привлечения управляющей компании. Однако такой подход требует от жильцов постоянного взаимодействия, согласованности в принятии решений и знания правовых норм. При возникновении разногласий разрешить их можно только через общие собрания или в судебном порядке. Если среди собственников находится человек, систематически блокирующий решения, это может привести к полной остановке процесса управления.

ТСЖ, правовой статус которого определяется главой 14 ЖК РФ, представляет собой более развитую форму самоорганизации. Создавая юридическое лицо, собственники получают инструмент для профессионального ведения хозяйственной деятельности, заключения долгосрочных договоров, получения кредитов. Как отмечает А.А. Титов, «*ТСЖ, будучи корпоративной формой, позволяет не только эффективно управлять общим имуществом, но и аккумулировать коллективную волю, трансформируя ее в легитимные решения органов управления»* [9]. Основным документом, регулирующим деятельность ТСЖ и предотвращающим конфликтные ситуации, является устав. В нем закрепляются порядок проведения голосований, правила формирования резервных фондов и механизмы распределения финансовых обязательств между собственниками. Вместе с тем, эта форма управления имеет и определенные недостатки. К ним относятся потенциальная возможность злоупотребления полномочиями со стороны руководящих органов, а также организационные сложности при создании ТСЖ в крупных многоквартирных домах с неоднородным социальным составом жильцов.

Наиболее распространенной в России формой является управление управляющей организацией (далее – УО) на основании договора, заключаемого по результатам открытого конкурса. Порядок проведения такого конкурса регламентирован Постановлением Правительства РФ от 06.02.2006 №75 «О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом» [5]. Изначально предполагалось, что данная модель будет способствовать улучшению качества жилищных услуг, однако на практике ее реализация выявила некоторые проблемы. Во-первых, неравенство позиций сторон, т.е. управляющая организация, концентрируя в своих руках всю техническую и финансовую документацию, получает существенное преимущество перед собственниками помещений. Во-вторых, сама процедура конкурсного отбора часто приводит к выбору не наиболее

квалифицированной, а наиболее дешевой управляющей компании. Такой подход в перспективе создает предпосылки для системного недофинансирования содержания общего имущества и, как следствие, его ускоренного износа.

Роль административно-правовых способов управления в России сохраняют важное значение, несмотря на частноправовой характер отношений. Сложившаяся практика показывает, что эти методы в основном реализуются по обратному принципу - как реакция на уже возникшие проблемы, а не как превентивная мера.

Государственный жилищный надзор, осуществляемый в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», начинает работать, как правило, уже после поступления жалоб от граждан [4]. Лицензирование деятельности УО, введенное в 2015 году, не привело к комплексному решению проблемы качества управления жилищным фондом. В результате сложилась ситуация, при которой российская модель управления, предоставляя собственникам формально широкие права самостоятельного решения вопросов, одновременно возлагает на них основную ответственность за состояние дома. При этом механизмы, позволяющие собственникам реально осуществлять эту ответственность, развиты недостаточно.

Китайская модель управления МКД базируется на трех формах: 1) доминирующая роль служб имущественного управления (далее – С.М.И); 2) обязательное создание комитетов собственников (далее – КС) под строгим административным контролем; 3) активное участие местных органов власти и уличных комитетов.

Основным нормативным актом является «Правила управления жилой недвижимостью», принятые в 2003 году и затем неоднократно изменявшиеся [6]. В отличие от России, где выбор способа управления – прерогатива собственников, в Китае изначально заложена модель, при которой застройщик при сдаче дома в эксплуатацию обязан заключить договор с службами имущественного управления. Этот первоначальный договор действует до тех пор, пока не будет создан комитет собственников, который получает право перезаключить договор с этой же или выбрать новую С.М.И. Процедура же создания КС настолько сложна, что, по данным исследований, такие комитеты существуют лишь в 20–30% МКД по стране [12].

С.М.И в Китае – это не просто аналог российской УО. Их деятельность гораздо более детально регламентирована, а функции часто выходят за рамки чисто хозяйственных, включая элементы социального управления, сбора информации и поддержания общественного порядка. Они действуют по стандартизированным договорам, утверждаемым на местном уровне, что ограничивает свободу для самостоятельных действий, но при этом минимизирует риски злоупотреблений.

Ключевым административно-правовым инструментом в КНР является роль уличных комитетов и местных администраций. Эти органы не просто наблюдают за процессом, а активно в нем участвуют, т.е. они инициируют создание КС, утверждают их состав, разрешают споры между собственниками и С.М.И, контролируют использование средств, а в случае неэффективности КС могут даже взять функции управления на себя. Как пишет один из научных деятелей Изин Сунь, *«китайская система, по сути, подменяет горизонтальные связи между собственниками вертикальными связями «собственник - государственный орган – PSE», что в условиях низкого уровня развития гражданского общества и традиции патернализма оказывается весьма эффективным»* [10].

Еще одной характерной чертой системы управления в Китае выступает внедрение цифровых технологий. Многие процессы, связанные с обслуживанием многоквартирных домов, в настоящее время переведены в электронный формат, что существенно меняет традиционные подходы к организации жилищного хозяйства. Цифровизация охватывает различные аспекты управления - от сбора платежей и учета потребления коммунальных ресурсов до мониторинга технического состояния зданий и организации взаимодействия между жителями и управляющими структурами. Это создает беспрецедентный уровень прозрачности, но одновременно и тотального контроля.

В области разрешения конфликтов китайская система делает значительный упор на досудебные и примирительные процедуры. Комитеты жильцов исторически выполняют медиативную функцию в урегулировании разногласий между соседями, а также в спорах между собственниками и управляющими компаниями. В российской практике, при формальном наличии возможности досудебного урегулирования споров (*например, по вопросам начисления платежей, качества услуг, легитимности решений собраний*), они преимущественно разрешаются в судебном порядке. Это создает значительную нагрузку на саму судебную систему и зачастую не способствует восстановлению взаимоотношений между соседями.

Выводы. Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении российской («снизу-вверх») и китайской («сверху-вниз») моделей управления МКД, выявлении их глубинных различий, обусловленных правовой традицией и ролью государства.

Теоретическое значение работы состоит в углублении понимания взаимодействия частного и публичного начала в жилищной сфере.

Перспективным направлением для совершенствования российской практики может стать заимствование отдельных китайских элементов: развитие системы независимых консультационно-медиативных центров (по аналогии с уличными комитетами) для помощи собственникам и досудебного урегулирования споров, а также более активное внедрение

цифровых платформ для повышения прозрачности управления. Для Китая актуально расширение реальных полномочий комитетов собственников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года / Российская Федерация. Конституция (1993)». – Москва: АСТ: Астрель, 2007. – 63 с.
2. Конституция Китайской Народной Республики (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г., поправки в ее текст вносились тем же органом на ежегодных сессиях в 1988, 1993 и 1999 гг.)
3. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 14
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.
5. Постановление Правительства РФ от 06.02.2006 №75 «О порядке проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 7. – Ст. 740.
6. Постановление Государственного совета КНР №379 от 8 июня 2003 года / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.cn/
7. Урумова Ф.М. О правах собственности, частной автономии и контрактах. / Экономика и бизнес / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravah-sobstvennosti-chastnoy-avtonomii-i-kontraktah
8. Крашенинников П.В. Жилищное право. 12-е изд. М.: Статут, 2020. ISBN: 978-5-8354-1583-0. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/krasheninnikov_pv_zhilishhnoe_pravo_2020/.
9. Титов, А.А. Жилищное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / А. А. Титов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 502 с. – (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-08127-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/468342.
10. Сунь, И., Гареев, И.Ф. 2015. Сравнительная характеристика жилищных систем Китая и России. Жилищные стратегии, 2(3), 223–240. Doi: 10.18334/zhs.2.3.1918 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/305096726_Sravnitelnaa_harakteristika_zilisnyh_sistem_Kitaa_i_Rossii
11. Гэн Хайтянь. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая. Диссертация. 2011. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/konfutsianstvo-i-ego-vliyanie-na-sotsialno-politicheskuyu-zhizn-sovremennogo-kitaya.
12. Fırat Çetiner. The Legal System of China., 2023. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.byarcadia.org/post/a-guideline-for-legal-system-of-china.
13. Le Thi Ngoc Mai. Real Property in Chinese Civil Law – The Process of Developing Property Legislation. 2022. Vietnamese Journal of Legal Sciences. / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/365864083_Real_Property_in_Chinese_Civil_Law_-_The_Process_of_Developing_Property_Legislation.

УДК 338.439

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ РЫНКА ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Д.А. Иванов, М.Г. Кузнецова, студент
Научный руководитель: Ю.А. Плотникова, канд. юрид. наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. Статья посвящена росту рынка органической продукции, вызванному растущей популярностью здорового образа жизни. Подчеркивается необходимость совершенствования законодательства о сертификации органической продукции для гарантии качества и защиты интересов потребителей.

Ключевые слова: органическая продукция, сертификация, ГОСТ, регламент ЕС.

В настоящее время интенсивно развивается рынок органической продукции. Это, в первую очередь, связано с тенденцией к здоровому образу жизни, которая становится всё более популярной у граждан как в России, так и по всему миру. Закономерным последствием является необходимость усовершенствования законодательства в сфере сертификации органической продукции. Государственное регулирование ежегодно совершенствуется в соответствии с законодательством в данной сфере, потому что потребитель, делая выбор в пользу органической продукции, должен быть уверен в том, что знак «органик» на продукте, является гарантом качества.

В настоящее время в Российской Федерации отношения связанные с производством органической продукции регулируются в частности Федеральным законом от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ об органической продукции). Согласно ст. 2 данного федерального закона: «органическая продукция – экологически чистые сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, производство которых соответствует требованиям, установленным настоящим Федеральным законом». Требования, которые предъявляются к органической продукции, закреплены в ч. 1, ст. 4. В частности при производстве органической продукции запрещается использование химикатов, ГМО, ионизирующего излучения, упаковки, которая может привести к загрязнению продукции, также обязательным требованием является обособление производства органической продукции от иной, не относящейся к органической и т.д.. полный перечень условий и требований необходимых для того, чтобы продукцию признали органической устанавливает межгосударственный стандарт – ГОСТ 33980-2016 [2].

Важным условием для признания продукции органической в сельском хозяйстве, является наличие переходного периода. Когда производитель

сельскохозяйственной продукции предполагает совершить переход к производству органической продукции, в соответствии со ст. 8 ФЗ об органической продукции устанавливается переходный период, в течение которого обеспечивается внедрение правил ведения органического сельского хозяйства и производства органической продукции. В течение этого периода земля, на которой будет в дальнейшем производится органическая продукция, «отдыхает» от химических удобрений, которые применялись на ней годами. Также в переходный период запрещается маркировать выпускаемую продукцию органическими знаками. Согласно ГОСТу 33980-2016 для посевных площадей данный срок составляет 2 года.

Подтверждение соответствия производства органической продукции производится в форме добровольной сертификации. Претендент должен подать заявку в Роскачество, которое сначала производит документарную проверку, а затем аудит на производство с отбором проб и проведением лабораторных исследований. Если орган по сертификации подтверждает, что продукция соответствует статусу органического, то производителю выдаётся органический сертификат, и он получает право на маркировку своей продукции отличительным знаком. В соответствии с ч.2, ст. 7 ФЗ об органической продукции надписи для маркировки продукции могут содержать слова "органический", "биодинамический", "биологический", "экологический", а также сходные слова или сокращения.

В некоторых случаях названия продукции могут содержать данные слова или сокращения, не являясь органическими, например, если при формировании наименований отдельных видов продукции вне зависимости от способа ее производства техническими регламентами допускается использование обозначения «био». в связи с этим, для того чтобы потребители были уверены в том, что продукт является органическим, каждый производитель органической продукции вносится в единый государственный реестр производителей органической продукции.

Несмотря на все требования, предъявляемые производителям, для того чтобы их продукция была признана органической, сертификат органической продукции, полученный в Российской Федерации не будет действовать в странах Европы. В ЕС требования для признания продукции органической устанавливаются регламентом комиссии (ЕС) № 889/2008 от 5 сентября 2008 года. По своей сути требований российский гост и регламент ЕС практически не отличаются. Если сравнить два документа, то в разделах с требованиями, предъявляемыми к производителям органической продукции, найти отличия очень сложно, но они всё-таки имеются.

Разница в требованиях в основном выражена в конкретности отдельных норм и различии формулировок. Например, согласно пункту 5.1.3 ГОСТа 33980-2016 при органическом растениеводстве допускается использование удобрений и улучшителей почвы. В пункте 5.2.2 указывается требование о том, что количество органических удобрений на основе отходов

от животноводства не должно превышать 170 кг на один гектар сельхозугодий. В регламенте ЕС содержится аналогичный запрет, но только к ограниченному перечню органических удобрений на основе отходов от животноводства: не должно превышать 170 кг азота в год на гектар сельхозплощадей. Данное предельное значение действует только в отношении навоза, сухого навоза и сухого помета, компоста из экскрементов животного происхождения, включая помет птицы, компостированный навоз и жидкие экскременты животного происхождения. Существенным различием госта РФ и регламента ЕС является разница в объектах, на которые они распространяют своё действие. Регламент ЕС не распространяет своё действие на продукцию аквакультуры, в отличие от госта РФ.

Из этого следует, что не признание российского сертифицирования органической продукции европейскими странами носит больше политический характер, чем процессуальный. Для устранения некоторых разногласий в требованиях госта РФ и регламента ЕС не требуется больших усилий, но необходима реализация деятельности, которая на данный момент отсутствует. Мнение российской стороны на этот вопрос высказал глава минэкономразвития Максим Решетников – «Наша позиция здесь жесткая, но прозрачная – только на взаимной основе. Нам нужно, чтобы со стороны европейских компаний тоже было предложение и давление на своих регуляторов. Давайте добиваться взаимного признания. Мы в своих стандартах активно имплементируем в том числе европейский опыт – у нас разница по стандартам не очень большая, и мы готовы их сближать» [3].

Подтверждением вышесказанному является наличие в Российской Федерации экомаркировки, которая признаётся на международном уровне – «Листок жизни». Данная сертификация является признанной на международном уровне Всемирной ассоциацией экомаркировки (GEN). Программа основана в 2001 году. Разработчик и оператор программы – одна из ведущих некоммерческих организаций России – Экологический союз. Данная организация не является государственной и для получения сертификата органической продукции «листок жизни», производителям не нужно выполнять какие-то дополнительные требования, которые не содержатся в российском госте. Разница заключается в цене. Получение сертификата «листок жизни» обойдётся предпринимателям от 210000 рублей и дополнительно оплачиваются проезд и проживание эксперта, лабораторные исследования, доставка образцов. Сертификат государственного образца для малого и среднего предпринимательства получается на льготных условиях: оплачивается только проезд и проживание эксперта, а также дополнительные расходы. Также при получении государственного образца действуют государственные льготы, что особенно важно для предпринимателей в сфере сельского хозяйства, которым необходимо ждать минимум два года при переходном периоде, для получения сертификата органической продукции [4].

В связи с этим производители органической продукции, которые работают на экспорт, вынуждены либо на несколько лет забыть о прибыли и получить сертификат «листок жизни», который будет признан в европейских странах. Либо получать государственный сертификат органической продукции, а затем повторно получать в европейской стране органический сертификат образца регламента ЕС. Это является существенной преградой как для развития органической продукции в Российской Федерации, так и для развития российской экономики в целом.

Таким образом, устранение разницы между стандартами российского госта и европейского регламента и последующее признание данных стандартов эквивалентными откроет новые возможности производителям органической продукции и будет стимулом для других производителей перейти на органическое производство и сертифицировать свою продукцию. Это будет способствовать ускорению темпов развития органической продукции в Российской Федерации. Как следствие – улучшение экологической обстановки в России за счёт уменьшения сельскохозяйственных земель, на которых используются химикаты, которые в итоге попадают в реки и уменьшение количества некачественных продуктов питания, которые вызывают отравления граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 03.08.2018 N 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 августа 2018 г. - № 32. (часть 1) – ст. 5073.
2. ГОСТ 33980-2016 Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации / Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2020.
3. Российская "органика" пытается выйти на мировой рынок. Режим доступа: https://rg.ru/2021/09/16/rossijskaia-organika-pytaetsia-vyjti-na-mirovoj-rynok.html
4. Экосертификация «Листок жизни». Режим доступа: https://ecounion.ru/sertifikacziya/listok-zhizni/.

УДК 342.9

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

С.Н. Калинина, У.В. Конева, студент
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти является важной гарантией соблюдения прав и свобод человека. В демократическом государстве каждый гражданин должен иметь возможность контролировать действия тех, кто им управляет, а в случае нарушения законов иметь возможность привлечь чиновника к ответственности, отменить его решение, нарушающее права. В статье рассматривается становление и развитие судебного контроля над органами исполнительной власти.

Ключевые слова: права граждан; право на защиту; административное судопроизводство; Кодекс административного производства РФ; органы государственной власти.

Административное судопроизводство – важная составляющая правовой системы демократического государства. Его задача – урегулирование разногласий, порожденных действиями государственных институтов, чиновников и других субъектов исполнительной власти. Защита прав граждан в административном судопроизводстве – это комплекс процессуальных норм и механизмов, позволяющих суду проверять законность актов и действий государственных органов и должностных лиц, ущемляющих права и свободы граждан. Это определение акцентирует внимание на специфике сторон спора, где одной из них является орган государственного управления, и на предмете судебного контроля – соответствие закону решений, принятых этими органами.

Статья 2 Конституции РФ утверждает, что человек, его права и свободы – наивысшая ценность, а признание, соблюдение и охрана этих прав и свобод – обязанность государства [1]. Защита прав и свобод человека, как и само понятие «права и свободы человека», является юридической категорией, поскольку это установленное государством правило допустимого поведения, направленное исключительно на защиту прав и свобод человека в рамках определенных законом форм защиты.

Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) существенно изменило практику разрешения дел о нарушении прав граждан. Этот кодекс систематизирует основные правила, регулирующие разрешение споров между гражданами и государством, представленным его уполномоченными структурами. Он устанавливает порядок административного судопроизводства при рассмотрении соответствующих дел Верховным судом РФ и судами общей юрисдикции. Согласно закону,

гражданин вправе обратиться в суд с иском о признании незаконным акта органа государственной власти или обжаловать решение должностного лица, затрагивающее его права и обязанности. Эта форма обращения реализуется в основном в порядке главы 22 КАС РФ [2].

В рамках административного судопроизводства рассматриваются не только дела о защите нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций (ч. 2 ст. 1 КАС РФ), но и другие административные дела, вытекающие из административных и иных публичных правоотношений, связанные с судебным контролем за законностью и обоснованностью реализации государственных полномочий (ч. 3 ст. 1 КАС РФ) [2].

Ключевой особенностью Кодекса административного судопроизводства (КАС РФ) является предусмотренная возможность применения обеспечительных мер в рамках административного иска. Судебная инстанция правомочна временно приостановить исполнение оспариваемого решения или действия властного органа до момента вступления судебного акта в силу, если существует реальная угроза нанесения существенного вреда правам и охраняемым законом интересам истца. При этом, суд тщательно оценивает соразмерность применяемой обеспечительной меры заявленным требованиям и возможным последствиям для обеих сторон. Важно отметить, что приостановление действия решения или действия органа власти является исключительной мерой, которая применяется лишь в тех случаях, когда иными способами невозможно обеспечить защиту прав и законных интересов истца. Реализация обеспечительных мер в рамках КАС РФ содействует тому, чтобы судебная защита прав граждан и организаций при взаимодействии с органами власти разных уровней была более надежной и эффективной. Благодаря ему появляется возможность оперативного реагирования на случаи нарушения законных прав, предотвращения наступления непоправимого ущерба и реализации принципов справедливости в процессе административного судопроизводства.

Особое значение придается порядку административного судопроизводства по делам, касающимся оспаривания нормативных актов. КАС РФ регламентирует специфические требования к содержанию административного искового заявления в подобных спорах, а также к доказательствам, представляемым истцом для обоснования своей позиции. Суд обязан установить соответствие оспариваемого нормативного акта не только федеральным законам, но и нормативным актам, обладающим большей юридической силой [3].

Кодекс административного судопроизводства РФ предусматривает упрощенную процедуру рассмотрения определенных категорий административных дел. Упрощенный порядок применяется в отношении дел, которые не представляют собой особой сложности и не требуют проведения

устных дебатов [4]. Это способствует сокращению сроков рассмотрения дел и снижению финансовых затрат участников процесса.

В целом, КАС РФ выступает в качестве значимого инструмента защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц в сфере публичного управления. Он гарантирует возможность эффективного обжалования неправомерных решений и действий органов государственной власти, а также способствует повышению уровня ответственности и прозрачности в деятельности государственных органов и их должностных лиц.

Анализ практики защиты прав граждан в рамках административного судопроизводства выявляет некоторые проблемы, снижающие эффективность процессов. Несмотря на принятие КАС РФ, некоторые нормы остаются недостаточно четкими, что осложняет их применение судами [5, с. 31]. В частности, возникают вопросы относительно сроков подачи жалоб, порядка восстановления пропущенных сроков и оснований для признания нормативных актов недействительными.

Разрешение административных дел требует высокой компетентности и глубоких знаний в области административного права. Однако недостаточный опыт и узкая специализация отдельных судей могут приводить к ошибкам и нарушениям прав заявителей [6, С. 2]. Большая загруженность судов снижает качество решений и затягивает процесс. Эта проблема особенно актуальна в регионах, где не хватает квалифицированных специалистов и ресурсов. Многие граждане, чьи права нарушены органами власти, не знают об эффективных способах защиты своих интересов из-за низкой юридической грамотности и недостаточной информационной поддержки [7, С. 5].

Перспективным вектором развития является внедрение нетрадиционных методов урегулирования административных разногласий, включая посредничество, что способствует разгрузке судебной системы и ускорению процедуры защиты прав граждан. Также критически важно наращивать влияние институтов гражданского общества в сфере контроля над работой органов государственной власти, наделяя их полномочиями по участию в административном судопроизводстве в качестве заинтересованных сторон.

Модернизация законодательства должна охватывать более глубокую проработку процессуальных положений, определяющих порядок рассмотрения административных дел, в частности, аспектов доказывания и обжалования решений (бездействия) государственных органов. Принципиально важно обеспечить унифицированное применение норм административного судопроизводства по всей стране, что предполагает систематическую деятельность по анализу судебных прецедентов и толкованию неоднозначных моментов.

Следует также акцентировать внимание на повышении уровня правовой осведомленности населения в области административного права.

Население должно быть осведомлено о своих правах и способах их отстаивания в административном порядке, а также о возможностях обращения в судебные инстанции. Для достижения этой цели необходимо организовывать информационные кампании, предоставлять бесплатные юридические консультации и разрабатывать просветительские программы.

Необходимо отметить, что дальнейшее развитие административного судопроизводства предполагает непрерывный мониторинг применения Кодекса административного судопроизводства РФ и своевременную корректировку нормативной базы. Следует подчеркнуть, что результативность защиты прав граждан в административном процессе напрямую связана с профессионализмом судей, доступностью судебной системы и уровнем правовой осведомленности населения.

Одним из ключевых направлений совершенствования выступает более широкое внедрение современных IT-решений в административное судопроизводство. Внедрение систем электронного обмена документами, онлайн-сервисов консультирования и других цифровых инструментов позволит оптимизировать и ускорить процедуру рассмотрения дел, улучшить прозрачность и сделать правосудие более доступным для населения.

Также важно акцентировать внимание на вопросах непрерывного профессионального развития судей и других вовлеченных в административный процесс лиц. Глубокое знание последних изменений в законодательстве, лучших практик и современных подходов к рассмотрению дел – это обязательное условие для эффективной защиты прав и законных интересов граждан.

В заключение, совершенствование административного судопроизводства как действенного инструмента защиты прав граждан – это динамичный процесс, требующий неустанного внимания со стороны государства, юридического сообщества и граждан. Только объединив усилия, можно гарантировать реальную защиту прав и свобод личности в сфере публичных правоотношений и внести вклад в формирование правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. №31. Ст. 2.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (в ред. от 28.05.2017) // Собрание законодательства РФ. 2015. №10. Ст. 1.
3. Закон РФ от 27.04.1993 № 4866–1 (ред. от 09.02.2009) «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» // «Российская газета», № 89, 12.05.1993.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 №36 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».
5. Евстафеева К.А. Анализ правоприменения положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в части рассмотрения административных дел о защите нарушенных прав граждан и организаций // Наука и образование. 2016. С. 31–32.

6. Киреев Д.В. Новые положения административного судопроизводства как составляющей системы государственных гарантий обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Права человека – высшее достижение современной цивилизации: сборник материалов научно-практической конференции (г. Симферополь 15–16 мая 2015 г.) / КЮИ УП РФ, 2015. С. 2.
7. Небратенко О.О. Механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: монография. Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2015. С. 5–6.

УДК 34:004.8

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ, СОЗДАННЫХ ИИ БЕЗ УЧАСТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Д.С. Карасева, М.В. Эльдеева, студенты бакалавриата
Научный руководитель – С.А. Попова, канд. юрид. наук, доцент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о юридическом положении цифровых активов, возникших благодаря деятельности искусственного интеллекта без какого-либо вмешательства со стороны людей. Проводится анализ возможности применения норм об авторском праве к произведениям, созданным в автоматическом режиме, и обсуждаются потенциальные подходы к их нормативному оформлению.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые объекты, защита авторских прав, правовой режим, интеллектуальная деятельность.

Введение. Прогресс в области искусственного интеллекта существенно трансформировал взгляды на создание интеллектуальных результатов. Новейшие генеративные модели позволяют создавать тексты, изображения, аудиовизуальные материалы, технические решения, программный код и другие цифровые продукты, исключая участие человека в фазе непосредственного творчества. Данная тенденция поднимает перед правовым порядком проблему определения возможности защиты этих результатов посредством авторского права. Действующее российское законодательство устанавливает, что творческий процесс требует наличия автора – физического лица, обладающего осознанной волей и способностью к художественному воплощению. В теоретических работах отмечается, что компьютерный алгоритм не имеет личности и не может выступать в качестве субъекта права [1; 2]. Это приводит к противоречию между реалиями развития технологий, где самостоятельные системы искусственного интеллекта производят оригинальный контент, и существующей правовой

системой, основанной на классической модели творчества, не предусматривающей искусственный интеллект как равноправного участника.

В рамках современной юридической науки существует ряд различных точек зрения по вопросу толкования данной проблемы. Некоторые ученые-юристы выступают за непризнание объектов, созданных ИИ, результатами творческой деятельности, считая их общедоступными ресурсами. Другие исследователи подчеркивают важность выработки новых правовых механизмов, которые могли бы отражать особенности подобных объектов, например, использование специального правового режима «Sui generis» [5]. В международном опыте рассматриваются возможности признания оператора или владельца ИИ своего рода "координатором" процесса, что, согласно некоторым экспертам, могло бы стать основанием для предоставления определенных прав на результаты работы [4].

Тем не менее, данный подход подвергается критике, поскольку практический творческий вклад пользователя при автономной работе ИИ незначителен и не соответствует обычному определению творчества. Важность вопроса возрастает из того факта, что контент, созданный искусственным интеллектом, стремительно интегрируется в бизнес-среду: он используется в маркетинге, разработке цифровых услуг, производстве мультимедийного контента и дизайне изделий. Неопределенность в отношении правового статуса создает риски неопределенности, нарушает принципы справедливой конкуренции и препятствует установлению четких правил ответственности. Таким образом, изучение правового положения цифровых активов, произведенных ИИ без участия человека, является одновременно важной академической задачей и необходимой практической потребностью [4].

Дополнительно, правовые разногласия в этой области могут создать серьезные препятствия для инвестиций и последующих инноваций, поскольку инвесторы и разработчики нуждаются в прогнозируемости правовых последствий своих действий. Решение этого вопроса требует всестороннего подхода, который учитывает интересы разработчиков искусственного интеллекта и конечных пользователей, а также необходимость защиты прав потребителей и соблюдения этических норм. В будущем это может спровоцировать появление новых направлений в юриспруденции или существенную модернизацию существующих областей права, включая интеллектуальную собственность и правовое регулирование цифровой экономики. Соответственно, формирование эффективной правовой базы является решающим этапом для обеспечения устойчивого прогресса технологий искусственного вежливого интеллекта и общего функционирования цифрового рынка [5].

Постановка задачи. Основная цель данного исследования состоит в определении правовой сущности цифровых активов, производимых автономными системами искусственного интеллекта, а также в

формулировании рекомендаций по улучшению законодательства для их интеграции в правовую систему. Для достижения этой цели решается целый ряд взаимосвязанных задач. Первая задача включает анализ существующих положений гражданского законодательства, относящихся к результатам интеллектуальной деятельности, и определение факторов, ограничивающих возможность признания объектов, сгенерированных искусственным интеллектом, произведениями. Вторая задача – изучение теоретических концепций и экспертных оценок, направленных на выявление различий между цифровыми объектами, созданными при участии человека, и объектами, произведенными исключительно автономно. Третья задача предполагает обобщение международного опыта регулирования, охватывающего подходы, применяемые в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, странах Европейского Союза и Азии, где также активно ведется обсуждение правового статуса контента, создаваемого автономным искусственным интеллектом [7]. Четвёртой задачей является разработка правовой концепции, позволяющей устранить существующий пробел, обеспечить защиту интересов создателей технологий и пользователей и в то же время не нарушить фундаментальных принципов авторского права.

Методика и методология исследования. В основу работы положены следующие методологические инструменты: системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, аналитический и логико-правовой подходы. Благодаря использованию метода сравнительного правового анализа стало возможным выявить различия между российской практикой, которая не признает искусственный интеллект субъектом творчества, и международным опытом, где рассматривается возможность предоставления более широких прав авторам или создания специальных юридических рамок для продуктов, созданных с помощью автоматизированных систем. Системное исследование позволяет комплексно оценить взаимосвязь норм об авторском праве, законов о цифровом пространстве, правил обработки информации и правового положения лиц, разрабатывающих подобные технологии. Формально-юридическое изучение предоставляет возможность детального анализа основных компонентов правовой охраны авторства: автора, произведения, степени творческой значимости действий и показателей новизны. Аналитическая составляющая подразумевает рассмотрение мнений специалистов, точек зрения профессиональных юристов, представителей технологических организаций и результатов научных исследований [1; 2; 3]. Логико-правовое обоснование необходимо для оценки соответствия устоявшихся юридических концепций новым условиям, связанным с развитием технологий, а также для обнаружения несогласованности между существующими нормами и принципами функционирования систем искусственного интеллекта при создании контента.

Результат. Полученная информация указывает на ряд важных сложностей. Во-первых, действующее российское законодательство определяет авторство как результат человеческой творческой деятельности, вследствие чего искусственному интеллекту отказано в возможности быть признанным автором произведений. Создаваемые автономно цифровые объекты не соответствуют требованиям творческого характера, так как представляют собой итог применения сложных алгоритмов к имеющимся данным. Теоретические разработки подчеркивают, что отсутствие влияния человеческой воли препятствует защите авторским правом подобных объектов [1; 4]. Как следствие, большая доля контента, созданного с использованием ИИ, остаётся за пределами правового регулирования, что негативно сказывается на возможностях его использования в экономических целях.

Второй обозначенной проблемой выступает несоответствие между потенциалом современных технологий и существующими правовыми рамками. Современные генеративные модели обладают способностью изучать большие объемы информации, адаптироваться к различным условиям и генерировать уникальные результаты, качество которых может быть сопоставимо с работой опытных специалистов. Тем не менее, правовая система еще не обладает достаточными механизмами для точного определения процессов создания подобных объектов, что отражено в аналитических материалах [2; 5]. Следовательно, существует пробел в законодательстве, ограничивающий инвестиции в развитие технологий искусственного интеллекта и оборот цифрового контента. Еще одной отмеченной проблемой является неопределенность правового положения пользователей искусственного интеллекта. В определенных ситуациях пользователи оказывают существенное влияние, выбирая параметры, определяя цели генерации и изменяя промежуточные этапы работы. Если имеется доказанное участие человека, можно рассматривать итоговый объект как произведение искусства. Однако при полностью автономном создании такого признания лишить смысла нельзя. Необходима четкая правовая разница между контентом, созданным пользователем совместно с ИИ, и контентом, созданным ИИ независимо от вмешательства человека [6].

Помимо этого, важно учитывать опыт других стран. В Великобритании рассматривается вариант признания автором человека, предпринявшего действия, необходимые для создания произведения с использованием ИИ. В Соединенных Штатах Америки распространено мнение о недопустимости предоставления авторских прав на материалы, созданные исключительно искусственным интеллектом, что подтверждается судебной практикой. Европейский Союз, наоборот, ведет активные дискуссии о создании специального правового режима для контента, созданного ИИ, основываясь на идее поддержки инноваций и обеспечения открытости алгоритмов.

Данные подходы могут послужить основой для формирования российской системы регулирования.

Исходя из проведенного анализа, представляется целесообразным внедрение специализированного правового режима «Sui generis» для цифровых объектов, сгенерированных автономными системами ИИ. Этот режим мог бы включать ограниченную правовую защиту, направленную на поддержку инвестиций, поддержание здоровой конкуренции, предотвращение злоупотреблений и обеспечение стабильности правового пространства. Он не предполагал бы признания ИИ автором и не противоречил бы фундаментальным принципам авторского права. Ключевыми компонентами такого режима могли бы стать эксклюзивные права, предоставляемые владельцам или разработчикам ИИ-систем, с указанием конкретного периода защиты, соответствующего скорости развития технологий. Тем не менее, обязательное законодательное закрепление требования к маркировке контента, созданного ИИ, и обеспечению прозрачности данных, используемых для обучения алгоритмов, станет необходимым условием для законности и эффективного функционирования этого нового правового института. Внедрение такой модели позволит не только устранить текущий пробел в законодательстве, но и сформировать условия для стимулирования прогресса в сфере искусственного интеллекта в рамках правового поля.

Выводы. Выявленные проблемы демонстрируют необходимость изменения стратегий правового регулирования цифровых объектов, производимых искусственным интеллектом без какого-либо участия человека. Главным научным достижением данной работы является разработка идеи дифференцированного подхода, который предполагает сохранение действующих принципов авторского права для работ, созданных людьми, и одновременное формирование особого правового режима для цифровых объектов, созданных автономными системами. Эта модель обеспечит гармоничное сочетание интересов разработчиков, пользователей и общества, а также разрешит правовую неопределенность, тормозящую коммерциализацию технологий искусственного интеллекта. Теоретическая ценность исследования заключается в создании правовой базы, необходимой для адаптации законодательства к современным технологическим проблемам. Возможные направления будущих научных исследований включают разработку критериев, позволяющих различать творчество человека и алгоритмы, изучение правового положения разработчиков ИИ, определение приемлемых ограничений на использование данных для обучения моделей и оценку экономического воздействия внедрения системы «Sui generis».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искусственный интеллект и право: кто будет автором? [Электронный ресурс] // Гарант.Ру. – URL: https://www.garant.ru/article/1605912/.

2. ИИ создал произведение: у кого возникают права? [Электронный ресурс] // Право.Ру. – URL: https://pravo.ru/story/260252/.
3. Авторские права на произведения, созданные искусственным интеллектом [Электронный ресурс] // Закон.Ру: Блоги. – URL: https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom.
4. Правовая природа результатов творческой деятельности, созданных ИИ [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovaya-priroda-rezultatov-tvorcheskoy-deyatelnosti-sozdannykh-ii/.
5. Правовое регулирование искусственного интеллекта: вызовы и перспективы [Электронный ресурс] // Law.ru. – URL: https://www.law.ru/article/28393-pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta.
6. Авторские права на контент, созданный с помощью ИИ: правовые нюансы [Электронный ресурс] // Nevskylaw. – URL: https://nevskylaw.ru/knowledge/avtorskie-prava-na-kontent-sozdannyj-s-pomoshchyu-ii.
7. Правовой статус произведений, созданных искусственным интеллектом: мировой опыт и взгляд в будущее [Электронный ресурс] // Хабр. – URL: https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/932044/.

УДК 347.463

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВИНЫ КАК ОСНОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПЕРЕВОЗЧИКА ЗА НЕСОХРАННОСТЬ ГРУЗА: ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ СТ.796 ГК РФ И СТ.95 УЖТ РФ

А.Ю. Кузьменко, студент магистратуры
Научный руководитель – Е.Б. Абакумова, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СИУ РАНХиГС)
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Действующее законодательство о железнодорожных перевозках оперирует презумпцией вины перевозчика за утрату, недостачу или повреждение (несохранность) груза, что, согласно устоявшейся доктрине, относится к объективной ответственности. Однако данная конструкция вызывает многочисленные споры в правоприменительной практике и критику со стороны ряда ученых-цивилистов. Данная статья обосновывает тезис о необходимости возврата к принципу виновной ответственности железнодорожного перевозчика за несохранность груза. Предлагается внести соответствующие императивные изменения в статью 796 Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 95 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации. Аргументация строится на доктрине гражданского права, анализе конституционных

принципов, а также учете экономических реалий современного транспортного рынка. Установление вины как необходимого условия привлечения к ответственности обеспечит большую соразмерность мер гражданско-правового воздействия и будет способствовать повышению правовой определенности.

Ключевые слова: ответственность перевозчика, железнодорожная перевозка, несохранность груза, вина, объективная ответственность, презумпция вины, статья 796 ГК РФ, Устав железнодорожного транспорта РФ, соразмерность ответственности.

Институт транспортной ответственности занимает особое место в системе обязательственного права, поскольку он балансирует между необходимостью защиты интересов потребителя транспортных услуг (грузоотправителя/грузополучателя) и обеспечением экономической устойчивости самого перевозчика. В контексте железнодорожных перевозок, вопросы ответственности за несохранность груза (утрата, недостача, повреждение) традиционно вызывали наибольшие дискуссии.

Согласно действующей редакции ст. 796 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и ст. 95 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации (УЖТ РФ), ответственность перевозчика за несохранность груза является, по сути, объективной ответственностью, основанной на факте причинения вреда. Перевозчик освобождается от ответственности, если докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли вследствие обстоятельств, которые он не мог ни предвидеть, ни предотвратить (форс-мажорные обстоятельства, свойства перевозимого груза и т.д.).

Однако, данная конструкция в правоприменительной практике часто трактуется, как презумпция вины перевозчика, где ему необходимо доказывать отсутствие своей вины или наличие оснований освобождения, перечисленных в законе. Именно этот подход вызывает критику и неоднозначное толкование. Если перевозчик не смог доказать наличие исключительных обстоятельств, ответственность наступает, независимо от того, насколько добросовестно он действовал.

Тезис, выносимый на защиту в данной работе, заключается в следующем: для повышения соразмерности гражданско-правовой ответственности, обеспечения соответствия принципам виновности, закрепленным в континентальном праве, и устранения противоречий в судебной практике, необходимо прямо закрепить вину (умысел или неосторожность) как обязательный элемент состава правонарушения для привлечения железнодорожного перевозчика к ответственности за несохранность груза.

Классическая доктрина гражданского права, в том числе и российская, базируется на принципе субъективного вменения, то есть виновности (ст. 1064 ГК РФ). Ответственность наступает за виновное причинение вреда.

Исключения из этого правила, как правило, касаются деятельности, связанной с повышенной опасностью (эксплуатация источников повышенной опасности, деятельность, связанная с причинением вреда вследствие разрушения объектов и т.п.).

Железнодорожный транспорт, несомненно, является источником повышенной опасности. Именно поэтому законодатель ввел в транспортное законодательство элементы объективной ответственности. Однако, ключевой вопрос в том, насколько полным должно быть это отступление от общего принципа.

Исследователи гражданского права отмечают, что в современном экономическом обороте, где сложность логистических цепочек растет, объективная ответственность перевозчика за несохранность (утрата/повреждение), которая находится вне его непосредственного контроля в момент происшествия (например, хищение на транзитной станции, где перевозчик не осуществлял прямого надзора), может привести к недобросовестному обогащению кредитора за счет перевозчика, не допустившего объективно предотвратимого вреда [1].

Критика объективной ответственности в данном контексте часто связана с тем, что она расценивается как чрезмерное бремя для перевозчика, который, действуя с должной осмотрительностью, все равно не смог предотвратить ущерб из-за внешних факторов, не подпадающих под строгое определение форс-мажора.

Действующая ст. 796 ГК РФ устанавливает, что перевозчик отвечает за несохранность груза, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли вследствие обстоятельств, устранение которых не зависело от него. На практике это трактуется как:

- объективная ответственность: Вина не доказывается; достаточно факта несохранности. Перевозчик должен доказать наличие освобождающих оснований.

- презумпция вины: суд исходит из того, что если перевозчик не доказал освобождающие обстоятельства, значит, он виновен.

Такая двусмысленность приводит к расхождению в решениях арбитражных судов. Сторонники строгой объективной ответственности указывают на необходимость обеспечения стабильности товарооборота, где грузовладелец не должен нести бремя доказывания вины сложной организационной структуры, такой как ОАО “РЖД” [2]. Сторонники виновного подхода утверждают, что принцип вины является конституционным базисом гражданской ответственности, и его отмена должна быть четко мотивирована и ограничена, что в отношении несохранности груза не всегда очевидно [3].

Проблема усугубляется тем, что УЖТ РФ (ст. 95) во многом дублирует ГК РФ, но оставляет ту же неопределенность в формулировках, касающихся оснований освобождения от ответственности.

Установление вины (умысла или неосторожности) в качестве необходимого элемента для привлечения железнодорожного перевозчика к ответственности за несохранность груза подкрепляется следующими юридическими и экономическими доводами:

1. Восстановление принципа соразмерности и справедливости.

Принцип соразмерности (пропорциональности) является одним из базовых принципов права. Ответственность должна соответствовать степени вины и характеру нарушения. Если перевозчик принял все разумные меры предосторожности, предусмотренные правилами перевозок, и груз был утрачен в результате события, которое он объективно не мог предотвратить, но которое не подпадает под узкий перечень форс-мажора (например, кража, совершенная с применением сложного технического оборудования, которую невозможно было остановить стандартными мерами охраны), применение к нему строгой ответственности выглядит несправедливым [4].

2. Стимул к осмотрительности, а не к страхованию.

Объективная ответственность фактически перекладывает риск утраты груза с грузоотправителя (который может застраховать свой интерес) полностью на перевозчика. Это смещает акцент с предотвращения ущерба на компенсацию ущерба, независимо от качества работы перевозчика [5]. Если перевозчик знает, что будет отвечать всегда, его стимул к повышению стандартов безопасности снижается, поскольку этот риск уже учтен в тарифах и покрывается страховкой ответственности. Установление вины, напротив, мотивирует перевозчика постоянно совершенствовать технологии хранения, охраны и транспортировки, так как его финансовые санкции будут напрямую зависеть от его добросовестности [6].

3. Разграничение с объективной ответственностью за причинение вреда.

Ответственность за задержку доставки (ст. 795 ГК РФ) часто признается объективной, так как задержка – это нарушение срока, которое легче установить и которое часто связано с диспетчерскими и организационными сбоями, являющимися зоной исключительного контроля перевозчика. Однако, утрата или повреждение груза может быть связано с внешними факторами (например, стихийное бедствие, преступные действия третьих лиц). Введение вины позволит сохранить строгую объективную ответственность за нарушение сроков, но вернет ответственность за сохранность к общему гражданско-правовому принципу вины, за исключением случаев, прямо оговоренных законом.

Для имплементации данного подхода необходимо внести императивные изменения в ключевые нормы:

1. Реформа статьи 796 ГК РФ.

Предлагается исключить формулировку, которая позволяет трактовать ответственность как объективную, и явно прописать необходимость доказывания вины.

Предлагаемая редакция п. 1 ст. 796 ГК РФ: “Перевозчик несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение груза, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение произошли вследствие вины перевозчика (умысла или неосторожности), за исключением случаев, прямо предусмотренных законом как основания освобождения от ответственности при отсутствии вины (например, естественная убыль, чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства, устранение которых зависело не от перевозчика).”

Таким образом, перевозчик будет обязан доказывать, что он действовал добросовестно, но ущерб произошел из-за внешних причин, которые невозможно было предвидеть или устранить, либо что он действовал добросовестно, но ущерб возник по иным, неустранимым для него причинам, которые при этом не были вызваны его неосторожностью.

2. Реформа статьи 95 Устава железнодорожного транспорта РФ.

Аналогичные изменения должны быть внесены в ст. 95 УЖТ РФ, чтобы обеспечить согласованность норм транспортного законодательства с ГК РФ. Предлагаемая редакция ст. 95 УЖДТ РФ (фрагмент): “Перевозчик несет ответственность за несохранность перевозимого груза, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение груза произошли вследствие вины перевозчика или обстоятельств, устранение которых не зависело от него, несмотря на проявление должной осмотрительности и заботливости.”

Такое уточнение устранит коллизию между презумпцией вины и необходимостью доказывания вины, сделав требование о виновности явным и недвусмысленным. Исследователи, изучающие проблемы применения Устава, давно указывают на необходимость его гармонизации с общими нормами ГК РФ [7].

Устранение правовой неоднозначности в вопросе об основании ответственности железнодорожного перевозчика за несохранность груза является важнейшей задачей гражданско-правового регулирования. Сохранение принципа объективной ответственности за несохранность груза, когда вина не требуется доказывать, противоречит фундаментальным началам гражданского права и может вести к чрезмерному экономическому давлению на транспортный сектор.

Прямое закрепление вины как необходимого условия привлечения к ответственности в ст. 796 ГК РФ и ст. 95 УЖДТ РФ позволит:

-Восстановить баланс между интересами грузоотправителя и перевозчика.

-Устранить основу для противоречивой судебной практики.

-Стимулировать перевозчика не только к компенсации, но и к активному предотвращению ущерба, основанному на стандарте должной осмотрительности.

Реформа должна быть проведена с четким сохранением объективной ответственности за нарушение сроков доставки, так как данное нарушение

является более техническим и организационным по своей природе, в то время как несохранность груза часто связана с элементами, которые невозможно полностью контролировать, несмотря на добросовестность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козорезова, О.Н. Ответственность перевозчика за несохранность груза по договору перевозки железнодорожным транспортом / О. Н. Козорезова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 2-9(70). – С. 137–140.
2. Баукин, В.Г. Оценка ответственности сторон железнодорожной грузоперевозки с позиции справедливости / В.Г. Баукин // Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 15 октября 2021 года. – Казань: Отечество, 2022. – С. 373–380
3. Перов, М.Д. Актуальные проблемы ответственности сторон в сфере железнодорожных перевозок / М.Д. Перов, Р.Н. Шалайкин // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 4(80). – С. 13–17.
4. Асмандияров, В.М. Обязательства по оказанию услуг / В.М. Асмандияров // Гражданское право. Договорные обязательства: Учебное пособие. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 87–197.
5. Баулина, А.О. Юридическое лицо как субъект виновного поведения / А.О. Баулина // Вопросы развития права и управления в современных условиях: сборник материалов студенческой научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, ученого-правоведа, доктора юридических наук, профессора М.Н. Марченко, Москва, 24 марта 2022 года / Московский городской педагогический университет. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2022. – С. 132–135.
6. Кулагина, А.С. Особенности рассмотрения судебной практики по вопросам ответственности, возникающей по договорам железнодорожных перевозок / А. С. Кулагина // Адвокатская практика. – 2023. – № 2. – С. 20–24.
7. Сигаева, Т.А. Субъектный состав споров, возникающих из договоров об организации перевозки грузов железнодорожным транспортом / Т. А. Сигаева // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2024. – № 4(129). – С. 101–107.

УДК 343.85

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА КАК МЕРЫ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО КОНТРОЛЯ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

А.С. Лапа, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК)
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ практики применения административного надзора как основной меры постпенитенциарного контроля. На основе данных правоприменительной практики и научных исследований выявлены системные проблемы реализации норм Федерального закона № 64-ФЗ. Особое внимание уделено вопросам эффективности ограничительных мер и их влиянию на профилактику рецидивной преступности.

Ключевые слова: административный надзор, постпенитенциарный контроль, уголовно-исполнительные инспекции, ограничительные меры, рецидивная преступность, Федеральный закон № 64-ФЗ.

Введение. Институт административного надзора, регламентированный Федеральным законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ, занимает центральное место в системе мер постпенитенциарного контроля в Российской Федерации. Как отмечает С.А. Каплунов, «административный надзор представляет собой комплекс ограничительных мер, направленных на профилактику рецидивной преступности» [1, с. 23]. Однако, как показывает статистика МВД России, проблема рецидивной преступности остается крайнее острой. По данным за 2024 год, 57.1% всех расследованных преступлений совершены лицами, ранее совершавшим преступление, из них 32.1% - ранее судимыми [1]. Эти цифры свидетельствуют о необходимости переосмысления эффективности существующих мер постпенитенциарного контроля. Целью исследования является анализ эффективности административного надзора как меры постпенитенциарного контроля и выявление направлений его совершенствования.

Постановка задачи. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать статистические данные о состоянии рецидивной преступности на 2024 год.
2. Сформировать проблемы правоприменительной практики административного надзора.
3. Разработать предложения по совершенствованию административного надзора как меры постпенитенциарного контроля.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания:

статистический анализ, сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ. Эмпирическую базу исследования составили официальные статистические данные за 2024 год и научные публикации.

Результаты. Согласно статистическим данным, приведенным МВД России за 2024 год, в разделе "Характеристика лиц, совершивших преступление" указывается следующее:

Преступления, совершенные ранее судимыми лицами:

- Количество преступлений: 286 531 (-17,0% к предыдущему году)
- Удельный вес: 32,1% от всех расследованных преступлений
- Раскрыто преступлений: 58 909 (-15,4%)

Исходя из приведенной выше статистики и научных публикаций, можно выделить следующие проблемы:

1. Недостаточная эффективность надзора в предотвращении рецидива. Несмотря на существование института административного надзора, каждый третий расследованный в 2024 году правонарушение (32,1%) совершён ранее судимым лицом. Это свидетельствует о том, что текущие меры контроля (посещение органов, ограничения на изменение места жительства, запреты на посещение мест) носят в большей степени регистрационно-ограничительный, а не превентивно-профилактический характер. Надзор не обеспечивает должного уровня коррекции поведения и ресоциализации.

2. Ориентация на формальный контроль, а не на индивидуальную профилактику. Существующий порядок (Приказ МВД № 818) в основном регламентирует процедуры учета и наблюдения. Однако статистика показывает необходимость смещения акцента в сторону индивидуальной работы с поднадзорными, исходя из их криминального опыта, типа личности, степени социальной дезадаптации и риска повторного совершения преступления. Отсутствует дифференциация мер надзора в зависимости от тяжести прошлых преступлений и оценки рисков. А данной проблеме ещё в 2020 году указывал С.Г. Шапошников [6].

3. Проблема низкой раскрываемости преступлений, совершаемых ранее судимыми. Тот факт, что из 286 531 преступления, совершенного ранее судимыми, раскрыто только 58 909 (примерно 20,6%), косвенно указывает на возможные латентные формы рецидива и ограниченность возможностей надзора в отслеживании реальной активности поднадзорных. Часть преступлений может совершаться в условиях нарушения установленных ограничений, что выявляется постфактум. [3]

4. Отсутствие комплексного подхода и межведомственного взаимодействия. Административный надзор осуществляют органы внутренних дел, однако причины рецидива часто носят социально-экономический характер (отсутствие работы, жилья, разрыв социальных связей, алкогольная/наркотическая зависимость). Современная проблема заключается в слабой интеграции надзора с органами службы занятости, социальной защиты, здравоохранения и НКО. Надзор не является частью

единой системы ресоциализации.

5. Ограниченность арсенала контрольных мер. Традиционные меры (явки, ограничения) в эпоху цифровизации оказываются недостаточными. Отсутствие широкого внедрения современных технологий, таких как электронный мониторинг (браслеты), не позволяет обеспечить постоянный и эффективный контроль за соблюдением ограничений, особенно для лиц, склонных к уклонению от надзора или совершению новых преступлений.

6. Недостаточный учет категоризации поднадзорных. Действующее законодательство и подзаконные акты в недостаточной степени предусматривают различные режимы надзора для лиц, совершивших преступления разной степени тяжести, а также для лиц, признанных склонными к особо опасному или опасному рецидиву. Это приводит к тому, что надзор за «бытовым» рецидивистом и за лицом, освободившимся после отбывания наказания за тяжкое преступление, может формально осуществляться по схожей схеме.

7. Проблема адаптации надзора к новым видам преступности. Статистика не всегда отражает, но современная проблема заключается в том, что административный надзор, ориентированный на традиционные формы контроля, может быть малоэффективен в отношении лиц, склонных к совершению преступлений в сфере информационных технологий или в сфере экономики, где не требуется физическое перемещение или нарушение территориальных ограничений.

Таким образом, основной проблемой, вытекающей из статистики, является разрыв между формально-ограничительной функцией административного надзора и необходимостью его трансформации в активный, индивидуализированный, технологичный и межведомственный инструмент профилактики рецидивной преступности.

Выводы. Констатация системного кризиса эффективности административного надзора на основе эмпирических данных. Анализ ключевого статистического индикатора. Данные МВД России за 2024 год о доле преступлений, совершённых ранее судимыми лицами (32,1% от всех расследованных), являются объективным и неоспоримым доказательством недостаточной профилактической эффективности института административного надзора, регламентированного ФЗ-64.

Интерпретация динамики. Следует отметить снижение абсолютного числа таких преступлений (-17%), однако устойчиво высокий удельный вес (каждое третье правонарушение) свидетельствует о структурной, а не конъюнктурной проблеме. Система контроля не оказывает существенного влияния на глубинные криминогенные факторы. Проблема латентности и контроля. Чрезвычайно низкий процент раскрытия преступлений данной категории (около 20,6%) указывает на два аспекта:

- высокую латентность рецидивной преступности;
- ограниченные возможности традиционного надзора в

отслеживании реальной активности поднадзорных, чьи противоправные действия часто выявляются постфактум [3]. Диагностика ключевых дисфункций в правовом регулировании и правоприменительной практике. Доминирование регистрационной функции над реабилитационной. В практике реализации Приказа МВД № 818 основной акцент смещён на процедуры учёта (явки, отметки) и фиксации нарушений режима. Это превращает надзор из инструмента индивидуального профилактического воздействия (ст. 2 ФЗ-64) в формально-бюрократический механизм, не решающий задач коррекции поведения и ресоциализации.

Отсутствие дифференцированного и риск-ориентированного подхода. Законодатель устанавливает обязательность надзора для лиц с опасным рецидивом, однако сами процедуры надзора остаются унифицированными. Это приводит к необоснованному уравниванию в интенсивности контроля лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления, и «бытовых» рецидивистов, что снижает адресность мер и распыляет ресурсы. Институциональная изоляция и отсутствие межведомственной кооперации. Административный надзор законодательно закреплён как функция органов внутренних дел. Однако коренные причины рецидива (социальная дезадаптация, безработица, отсутствие жилья, зависимости) находятся в сфере компетенции иных ведомств. Отсутствие законодательно прописанных механизмов взаимодействия МВД со службами занятости, социальной защиты и здравоохранения делает надзор изолированной мерой, не интегрированной в систему реинтеграции освобождаемых лиц. Комплексность анализа. Новизна заключается в синтезе актуальной ведомственной статистики, критического анализа правоприменительных практик на основе подзаконных актов (Приказ МВД № 818) и разработки концептуальных предложений по модернизации. Актуализация проблемы. Исследование переводит дискуссию об эффективности надзора из плоскости теоретических споров в плоскость эмпирически верифицируемых проблем, опираясь на объективные данные 2024 года.

Концепция трансформации. Теоретическая значимость состоит в обосновании необходимости парадигмального сдвига: от модели «пассивного наблюдения и ограничения» к модели «активного управления рисками и ресоциализации».

Таким образом, преодоление устойчиво высокой доли рецидивной преступности невозможно путём косметических изменений существующей системы административного надзора. Требуется его качественная трансформация в новый институт постпенитенциарного сопровождения. Этот институт должен базироваться на трёх принципах:

- индивидуализация (дифференциация мер по уровню риска);
- технологичность (использование цифровых инструментов контроля);
- комплексность (межведомственная координация помощи).

Только такой подход позволит перейти от констатации проблемы к её системному решению, превратив административный надзор из формальной процедуры в действенный инструмент обеспечения общественной безопасности и социальной интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 24.04.2023) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

2 Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 (ред. от 24.10.2023) «Об утверждении Порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2011. – № 40.

3 Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года: официальный статистический отчет МВД РФ. – М., 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/report2024 (дата обращения: 10.11.2025).

4 Бриллиантов А.В. Административный надзор: проблемы правового регулирования и правоприменения // Уголовное право. – 2020. – № 4. – С. 72–80.

5 Дуюнов В.К. Постпенитенциарный контроль: теория, законодательство, практика. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 328 с Каплунов С.А. Административный надзор: современное состояние и проблемы правоприменения // Актуальные проблемы права. – 2023. – С. 22–28.

6 Шапошников С.Г. Индивидуализация административного надзора: теоретические основы и практические проблемы // Вестник криминалистики. – 2020. – № 3. – С. 45–52.

УДК 340.11+342.5+004

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

П.Н. Маковская, стажер адвоката
Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право»
г. Ростов-на-дону, Россия

Аннотация. Статья является системным взглядом на проблемы, возникающие при использовании систем искусственного интеллекта в юридических приложениях при исследованиях и правоприменении. Рассматривается концепт FLAI-систем как методологическая основа теоретических исследований. Подчеркивается недопустимость необоснованного наделения систем ИИ правосубъектностью и автономностью. Отмечается, что недостаточная релевантность ответов является одним из препятствий для широкого использования систем искусственного интеллекта в критичных областях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, релевантность, правоприменение, правосубъектность, автономность, FLAI-система.

Введение. Актуальность проблемы. Актуальность проблемы определения тех границ и аспектов, которые должны быть сдерживающими факторами при распространении систем ИИ в юридических исследованиях и правоприменении, детерминируется стремительной и неуправляемой «экспансией» систем искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы общественной жизни [1].

Действующий ГОСТ Р 71476–2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» предусматривает деление систем ИИ на два вида: узконаправленный ИИ и универсальный ИИ. В многочисленных статьях и исследованиях разных авторов используются также иные типизации ИИ. Очевидно, что для выработки рациональных принципов использования ИИ в правоприменении следует выработать некоторый универсальный концепт ИИ, не связанный с технологическими особенностями реализации систем ИИ.

Методы исследований. В исследовании использовались формально-логический метод, а также методы системного анализа и системного синтеза, совокупность которых позволили раскрыть выбранную тему.

Результаты исследований. Обсуждение. Для определения рациональных принципов использования ИИ в судебном правоприменении, автор предлагает использовать концепт FLAI-систем (future law artificial intelligence) [2]. Термин FLAI призван подчеркнуть, что речь идет об описании как ныне существующих систем, так и тех, которые будут доработаны с улучшением их функциональности в кратко- или среднесрочной перспективе.

Введением понятия FLAI-систем мы уходим от необходимости уточнения дефиниций «слабый/сильный» искусственный интеллект или «узконаправленный/универсальный» ИИ и других дихотомий, а также от необходимости точного указания на технологию реализации (сверточные нейросети, рекуррентные нейросети, нейросети прямого распространения, фреймовые технологии, семантические графы и т.д.), сосредоточившись на ключевом, содержательном аспекте: обсуждению в исследовании подлежат компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта [3].

Для обеспечения возможности во всех дальнейших исследованиях философского осмысления (незамутненного физикализмом) содержательного значения процессов использования ИИ в правоприменении безотносительно редукционистского прочтения особенностей изготовленных средств ИИ, предлагается следующая классификация FLAI – систем.

Представляется продуктивным для целей анализа разделить все FLAI – системы на различные функционально-ориентированные типы и, соответственно, провести классификацию FLAI-систем в соответствии с их ролью и местом в судебном правоприменении. На основании этого классификационного признака (роль и место в судебном правоприменении),

все FLAI-системы можно разделить на четыре типа: B-FLAI (от английского bailiff – пристав); S-FLAI (от английского secretary – секретарь); R-FLAI (от английского researcher – исследователь); J-FLAI (от английского judge – судья) [2].

Разумеется, английские названия (bailiff, secretary, researcher, judge) в данном случае носят достаточно условный характер и выполняют роль мнемонических маркеров, нежели точного функционально-развернутого описания некоторого типа среди прочих систем FLAI [2].

Термином B-FLAI обозначены системы, которые призваны выполнять документарно – организационные функции. Они позволяют любому физическому или юридическому лицу создать формализованное заявление, ходатайство, отзыв; получить информацию о времени слушания дела и заказать пропуск в суд для очного участия и т.д.

Термином S-FLAI в предложенной классификации обозначены системы, которые выполняют роль секретарей суда (судебного заседания), а также роль юристов-консультантов или советников по преюдициальным вопросам или прецедентным делам. Они могут оказывать консультации по всему спектру правовых вопросов, в том числе, по конкретному делу, а также с учетом его обстоятельств выполнять работу по предиктивной аналитике с целью оптимизации решений, принимаемых участником процесса.

Термином R-FLAI в предлагаемой классификации обозначены системы, выполняющие разбирательство по конкретным делам и предлагающие соответствующие рекомендации судье – человеку, который будет выносить окончательное решение.

Термином J-FLAI обозначены системы, единолично выполняющие роль судьи (по наиболее простым делам, например, приказным делам гражданского или арбитражного права) без участия человека.

Особое внимание при использовании FLAI-систем в правоприменении следует обратить на нецелесообразность поспешного и необдуманного наделения этих систем правосубъектностью или даже автономностью (как более простой вариант). Сама постановка вопроса о правосубъектности ИИ (даже в виде квазисубъекта) во многом опережает реальное состояние дел, то есть фактическую (и даже среднесрочной перспективы) степень участия ИИ в правоприменении именно в виде автономной сущности, не зависящей от действий оператора.

Особое значение для использования FLAI – систем в правоприменении имеет проблема низкой точности ответов таких систем (низкая релевантность), а также проблема выдачи в ответах вымышленных событий и фактов, что получило название галлюцинаций систем ИИ.

Первоначальная и наиболее общая причина нерелевантных (ошибочных) ответов систем ИИ заключается в самом способе машинного обучения, который используется при обучении, а по существу, при «вдыхании жизни» в системы ИИ.

С онтологической точки зрения, системы ИИ можно представить как своеобразные «усреднители» гигантских объемов информации, которые предъявляются им в виде обучающих данных. Надо заметить, что подобная проблема характерна не только для систем ИИ, но и вообще для любых систем, где главным (а, возможно, практически единственным) способом их обучения является накопление статистических данных об окружающей действительности.

Такой способ познания действительности нельзя назвать неэффективным, наоборот, при гигантских объемах информации, подлежащей переработке системами искусственного интеллекта и неопределенных заранее признаках (то есть, искомых символах), этот способ следует признать едва ли не единственно возможным. В противном случае человеку придется так или иначе практически вручную вводить данные в вычислительную машину, что превратит ИИ, по существу, в «таблицу с данными», причем невообразимых размеров. Разумеется, что такой статистический способ познания окружающего мира имеет и свою обратную сторону, которая, как уже понятно, проявляется в выдаче на запрос неверных ответов.

Статистическое накопление информации в вычислительной среде ИИ подразумевает ее дальнейшую обработку с целью выявления корреляционных зависимостей в накопленной информации, обнаружение неявных взаимосвязей и закономерностей. В свою очередь, дальнейшая обработка информации, накопленной ИИ, подразумевает выполнение интерполяционных и экстраполяционных процедур (в широком смысле этих слов). Наверное, не нужно много говорить о спорности такого подхода, особенно для FLAI-систем в правоприменении [4] - [6], когда речь идет о юридически значимых выводах в юридических исследованиях, а иногда вообще о судьбах людей.

Выводы. Интерполяционный способ «порождения ответов» содержит скрытый методологический изъян, связанный с тем, что многие параметры не укладываются в статистические схемы и алгоритмические построения, допускающие интерполяционные выводы.

Таким образом, для практического правоприменения является единственно возможной и разумной концептуальная схема FLAI-систем при обязательном объединении неавтономного, неправосубъектного и малорелевантного (но высокоэффективного в контролируемых статистических приложениях) искусственного интеллекта и человека в единую команду в целях усиления когнитивных возможностей человека. При этом будет обеспечено использование ИИ в гетерономном (как и предполагает ГОСТ Р 71476 – 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта»), но не в автономном режиме.

СПИСОК ЛИТАРАТУРЫ

1. Matytsin D.E. Internet space and artificial intelligence: problems of entrepreneurship and law enforcement // Legal Concept, 2022, № 1, стр. 178–185.
2. Маковская П.Н. Принципы использования искусственного интеллекта в решении экономических споров: от советчика до «электронного судьи» // Евразийское пространство: экономика, право, общество, 2025, № 10, стр. 85–90.
3. Каляев И.А. Искусственный интеллект: камо грядеши? // Экономические стратегии, 2019, № 5, стр. 6–15.
4. Сахнова Т.В. Искусственный интеллект в е-правосудии: очевидное и вероятное // Вестник гражданского процесса, 2024, № 2.
5. Родикова В.А. Искусственный интеллект vs судейское усмотрение: доверять нельзя проверять. Перспективы и риски автоматизации судебной практики // Вестник арбитражной практики, 2023, № 3.
6. Иванченко Е.А., Воротилина Т.В. Судейское усмотрение и его границы в условиях влияния информационных технологий на принятие судьей решения // Российский судья, 2024, № 11.

УДК 342.8/342.81

СТУДЕНЧЕСКИЙ АБСЕНТЕИЗМ КАК ВЫЗОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ПОИСК СОЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ

Е.Ю. Мальцева, студент
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Оренбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия студенческого абсентеизма как системной проблемы современной избирательной системы Российской Федерации. На основе анализа социально-психологических и правовых причин электоральной пассивности студенческой молодежи автором выявлены ключевые модели уклонения от политического участия. В работе доказывается необходимость комплексного подхода к преодолению данной проблемы, сочетающего совершенствование законодательства и внедрение целевых социальных технологий.

Ключевые слова: студенческий абсентеизм, электоральная активность, избирательная система, политическое участие, правовое просвещение, избирательное право.

Введение. Выборы, будучи фундаментальным институтом народовластия и ключевой формой прямой демократии, призваны обеспечивать легитимное формирование органов публичной власти. В Российской Федерации данный процесс регламентирован иерархической системой нормативно-правовых актов, возглавляемой Конституцией Российской Федерации. Однако на современном этапе, независимо от уровня избирательной кампании, наблюдается устойчивая тенденция к уклонению граждан от реализации своего активного избирательного права. Это явление,

известное в политологии как «абсентеизм», приобретает масштабный характер и требует пристального научного анализа причин и последствий.

Абсентеизм, понимаемый как уклонение избирателей от участия в выборах и политическое бездействие, представляет собой серьезный вызов легитимности демократических институтов. Абсентеи́зм (франц. absentéisme – отсутствие, неявка, от лат. absens, род. падеж absentis – отсутствующий), уклонение избирателей от участия в выборах и референдумах [1].

Современная демократическая система в Российской Федерации сталкивается с проблемой низкой электоральной активности молодого поколения, особенно студентов. Статистические данные показывают, что молодежь обладает более низким уровнем явки на выборах по сравнению с другими возрастными категориями. Доля молодежи от голосующих и принимающих участие в выборах избирателей составляет примерно 25%, такой расклад сохраняется последние годы, сообщила председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации – Памфилова Элла Александровна [2]. По ее словам, анализ выборов, как региональных, так и федеральных, ведется по всем параметрам, и, несмотря на преобладание в структуре населения немолодых возрастных групп, доля молодежи, принимающей участие в голосовании, составляет не менее четверти.

В соответствии с частью 2 статьи 32 Конституции Российской Федерации, граждане обладают правом избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления и участвовать в референдуме [3]. Таким образом, Основной закон страны устанавливает конституционные основы активного и пассивного избирательного права.

Постановка задачи. Исследование актуальности определило необходимость применения правовых инструментов, способных стимулировать участие студенческой молодежи в избирательном процессе без нарушений фундаментальных свобод волеизъявления. Настоящее исследование направлено на комплексный анализ существующего нормативно-правового регулирования избирательной деятельности, выявление пробелов в общем обеспечении электоральной активности политики и разработку стратегий по совершенствованию законодательства.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, рассматривающий студенческий абсентеизм как комплексную проблему на стыке правового регулирования и социального поведения. В работе применяется совокупность методов, направленных на всесторонний анализ проблемы.

Методика исследования включает, во-первых, нормативно-правовой и сравнительно-правовой анализ действующего избирательного законодательства. Это позволяет выявить пробелы и коллизии,

препятствующие электоральной активности молодежи, и сформулировать конкретные законодательные предложения.

Во-вторых, для учета актуальной позиции правоприменителя проводится анализ публичных заявлений и докладов должностных лиц, в частности, Председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

В-третьих, исследование опирается на анализ научной доктрины в области конституционного и избирательного права.

Результаты. Основной федеральный закон, регулирующий избирательные отношения, является Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4]. Настоящий закон устанавливает основные условия реализации гражданами конституционного права на участие в выборах и референдумах.

Немаловажным документом, формирующим стратегические ориентиры в данной сфере, является Постановление ЦИК России от 25.12.2024 № 191/1493-8 «О Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 годы» [5].

Данная Концепция имеет прямое отношение к проблеме молодежного абсентеизма, поскольку ее целью является системное повышение уровня правового сознания граждан и их информированности об избирательном процессе. Реализация этой цели напрямую способствует формированию у граждан, в том числе и у студенческой молодежи, более осознанного и ответственного подхода к реализации своих избирательных прав, что является ключевым фактором в преодолении пассивности.

Согласно Концепции повышения правовой культуры избирателей, одним из ключевых направлений является реализация специализированных информационно-просветительских проектов для молодых и будущих избирателей. В контексте преодоления абсентеизма студенческой молодежи особое значение приобретают такие масштабные мероприятия, как:

- Всероссийский конкурс «Атмосфера», ориентированный на обучающихся СПО и ВО, а также молодых преподавателей. Его проведение стимулирует глубокое погружение в вопросы избирательного права и процесса, способствуя формированию осознанной электоральной позиции.
- Всероссийская олимпиада «Софиум», которая, будучи нацеленной на школьников, выполняет важнейшую профориентационную и мотивационную функцию, закладывая основы правовой культуры у потенциальных абитуриентов вузов.

Интеграция вопросов избирательного права в учебные программы общей подготовки позволяет сформировать правовую базу у молодых людей до их вступления в активный электоральный возраст, что является превентивной мерой в борьбе с абсентеизмом.

В отечественной науке существует обширная база исследований активных форм политического поведения, используемых молодежью (в том числе студенчеством). К ним можно отнести работы А.В. Селезневой о ценностях молодежи, Д.А. Головина и Т.Ю. Павельевой, о политическом сознании молодежи, О.В. Поповой о политическом поведении молодежи, А.Ю. Беляева и Е.Н. Тарасова о тенденциях абсентеизма, А.В. Абрамова и коллег о абсентеистах как отдельной страте, Л.В. Русских о абсентеизме как модели поведения и др. [6]

Молодежь – это важная часть общества, от которой зависит его развитие и будущее. Именно молодые люди вносят вклад в экономику и политику, а их поведение и ценности показывают, в каком направлении будет двигаться страна. Среди молодежи особенно выделяются студенты. Университет для них – это последний этап организованного обучения, где государство еще активно участвует в их воспитании и образовании. После окончания вуза человек попадает в сложный мир взрослой жизни, где на него влияет множество факторов: работа, семья, личные заботы. В этих условиях целенаправленное усвоение новых знаний и ценностей отходит на второй план. Из-за этого студенты особенно чувствительны к политическим и социальным потрясениям. Кризисы и резкие перемены могут привести к тому, что молодые люди потеряют интерес к общественной и политической жизни и перестанут в ней участвовать.

Политическое участие молодежи является важным условием развития гражданского общества. Несмотря на это, в студенческой среде наблюдается устойчивая тенденция к уклонению от политической активности и снижению интереса к общественным делам. Поскольку молодежь представляет собой ключевую социально-демографическую группу, подобная отстраненность оказывает деструктивное влияние на социально-политическую жизнь как страны в целом, так и ее отдельных регионов.

Среди ключевых факторов политической пассивности российской молодежи можно выделить следующие:

1. Сосредоточенность на решении бытовых и экономических проблем.В приоритете у молодых людей находятся задачи личного выживания и адаптации в текущих социально-экономических условиях.

2. Отсутствие мотивации к политической деятельности. С одной стороны, молодежь в целом не стремится кардинально менять сложившийся уклад жизни, а с другой – не воспринимает политику как инструмент, способный решить значимые для нее проблемы.

3. Системное отчуждение от институтов власти. Наблюдается растущий разрыв между интересами, потребностями и ценностными ориентациями молодого поколения, и деятельностью государственных и общественных структур, что усиливает недоверие к политике как таковой.

К основным формам уклонения студентов от общественно-политической жизни относятся: полное игнорирование политического

процесса, когда студенты считают политику утомительной и далекой от своей повседневной жизни, и поэтому предпочитают проводить время на других занятиях; опасение высказывать свою позицию из-за страха, связанного с неприятием или агрессией окружающих; «уход в академическую сферу», при котором внимание концентрируется на учебе и научной деятельности, а также выбор более конструктивных методов работы через волонтерство, благотворительные проекты или научные разработки, которые воспринимаются как более эффективные.

Борисенко В.А. в своих работах подчеркивает, что суть уклонения заключается в сознательном уходе от политической активности и принятия ответственных решений. Как отмечает исследователь, люди, прибегающие к этой стратегии, часто занимают пассивно-нейтральную позицию, а в критические моменты предпочитают уходить от прямых ответов. Также Борисенко В.А. указывает на то, что уклонение может быть продуманной политической тактикой, цель которой – обезопасить себя от рисков, связанных с принятием непопулярных мер, которые могут спровоцировать негативную реакцию общества или ухудшить положение человека.

Анализ Борисенко В.А. точен и актуален. К ее выводам я бы добавила рассмотрение этой стратегии через призму информационной среды и «парадокса выбора» в современном мире. Сегодня уклонение может быть не просто тактикой избегания риска, а формой психологической самозащиты. В условиях тотальной поляризации, информационного шума и агрессии в публичном поле, уход от политики становится для многих способом сохранить ментальное здоровье. Нейтралитет – это не всегда отсутствие мнения, иногда это сознательный отказ от участия дискурсе.

Способы вовлечения студентов в общественно-политическую активность представляют собой важное звено в развитии молодежи и создании активного гражданского общества. Политические знания и опыт, полученные в учебных заведениях, помогут студентам стать активными и ответственными гражданами, вносящими свой вклад в политическую и социальную жизнь своей страны [7].

В качестве социальных решений по преодолению абсентеизма в студенческой среде можно предложить комплекс мер, направленных на создание институциональных и коммуникативных каналов для политической социализации. Ключевым инструментом выступает формирование студенческих политических объединений, предоставляющих платформу для открытой дискуссии, выработки общей позиции и влияния на политическую повестку. Дополняют этот подход регулярные дискуссионные форумы с участием экспертов и представителей власти, способствующие развитию критического мышления и аргументационной культуры. Значимая роль в этом процессе отводится вузовскому сообществу: через внедрение в учебные курсы специализированных модулей по политической грамотности, организацию практико-ориентированных семинаров и содействие в

прохождении стажировок в политических институтах преподаватели могут выступать наставниками в процессе гражданского становления студентов. Системное применение этих мер позволит сформировать у молодежи представление о личной значимости в политическом процессе, что является основным условием преодоления электоральной пассивности.

Ключевым критерием соразмерности выступает баланс между внешней стимуляцией и внутренней ценностной мотивацией. Меры, такие как стажировки в политических институтах или участие в дискуссионных форумах, должны восприниматься не как обязательное учебное задание, а как возможность для личностного и профессионального роста. Соразмерность здесь достигается тогда, когда практическая польза от участия (приобретение мягких навыков, нетворкинг, построение портфолио) является для студента более значимой, чем формальное выполнение требования. Кроме того, необходима автономия студенческих объединений; их деятельность должна быть свободной от избыточного административного контроля, чтобы избежать восприятия их как «декоративных» структур, имитирующих политическую активность.

В этой связи возникает серьезный риск декларативности и «формального участия». Если внедрение специализированных модулей в учебные курсы будет осуществлено директивно, без учета методики подачи материала и вовлеченности преподавателей, это с высокой вероятностью вызовет отторжение у аудитории, и без того скептически настроенной к любым формам «обязаловки». Молодежь склонна остро чувствовать манипуляцию. Политическая грамотность должна преподаваться не как набор абстрактных знаний, а как практический инструмент для решения конкретных проблем, волнующий молодежь (живая политика, образование, занятость, социальная мобильность). Помимо традиционных дискуссионных форумов необходимо предлагать проектную деятельность, кейсы, моделирование процессов, участие в независимых политических кампаниях и волонтерскую деятельность, которые позволяют студентам не только получать информацию, но и активно применять полученные знания. Молодежь предпочитает добровольные методы конструктивного гражданского поведения, позволяющие ей самореализоваться.

Для борьбы с абсентеизмом студентов предлагается законодательно обязать вузы внедрить правовое просвещение о выборах в учебный процесс, а в избирательном законодательстве – закрепить меры поощрения (зачет практики, льготы на стипендии) за работу в избирательных комиссиях. Дополнительно следует обязать комиссии активно развивать цифровое взаимодействие с молодежью через социальные сети и интерактивные приложения.

Выводы. Подводя итоги, можно констатировать, что проблема абсентеизма среди студенческой молодежи представляет собой комплексный феномен, обусловленный переплетением социально-психологических,

организационных и правовых факторов. В этой связи ключевой вывод работы заключается в том, что преодоление электоральной пассивности студентов требует не разрозненных мер, а целостной государственной стратегии, интегрирующей правовое регулирование, образовательные практики и цифровизацию диалога между властью и молодежью. Вовлечение студенчества в политическую жизнь является не только инструментом борьбы с абсентеизмом, но и долгосрочным вкладом в формирование критически мыслящего, ответственного и политически грамотного поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017. С. 546.
2. «Памфилова: молодежь составляет четверть от числа голосующих в России» // ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/25050549.
3. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 14 октября 2022 г. № 8-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1993. – № 31. – Ст. 4398.
4. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
5. Постановление ЦИК России от 25.12.2024 № 191/1493-8 «О Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 годы»: [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. – URL: https://www.cikrf.ru/
6. Соколов А.В. [и др.] Уклонение студенческой молодежи от общественно-политической активности: причины, формы и способы вовлечения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 393–495.
7. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–33.

УДК 347.113

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА ПРИ ТРАНСГРАНИЧНОМ НАСЛЕДОВАНИИ В СТРАНАХ СНГ

Д.А. Маргушева, Е.В. Краснихина, студенты
Научный руководитель – Н.А. Синёва, канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
г. Саратов, Россия

Аннотация. Настоящей статьей исследованы проблемы ограниченности и раздробленности НПА в области наследственных отношений России с зарубежными государствами, а именно со странами СНГ; изучены положения Пленума Верховного суда о принадлежности имущества к движимому и недвижимому; проанализированы позиции (как со стороны законодательства РФ и стран СНГ, так и со стороны ученых-правоведов) применимого права в отношении наследования движимого имущества; сделан вывод о необходимости внесения изменений в ст. 1224 ГК РФ.

Ключевые слова: страны СНГ, lex domicilii, трансграничное наследование.

Введение. Глобализация и учащение миграционных процессов населения по всему миру поспособствовали выявлению острой необходимости совершенствования механизма трансграничного наследования. Данная потребность особенно заметна в государствах, находящихся под юрисдикцией международных региональных соглашений, а именно в странах Содружества Независимых Государств (далее СНГ). Обособление иностранцев государств-участников СНГ от иных иностранцев объясняется языковой и культурной близостью, проявляющейся в общих языковых корнях, исторических связях и схожих культурных традициях, таких как праздники и кухня. Русский язык служит как «lingua franca», выступая коммуникацией между народами, что подтверждается его официальный статусом на территориях почти всех государств постсоветского пространства.

В связи с тем, что страны СНГ по большей части - бывшие участники советского союза, многие сферы общественной деятельности у государств дублируются, не исключением является и сфера юриспруденции, а именно наследственные правоотношения, однако в связи с сформировавшейся обособленностью политической и правовой жизни стран, появляются различные пробелы и коллизии. Как отметил, президент Федеральной нотариальной палаты Константин Корсик на международной научной конференции, в условиях, подверженных повсеместной и непрерывной

глобализации, очень важно способствовать эффективному применению положений Кишинёвской конвенции 2002 г. [1]

Постановка задачи: целесообразно определить, что из себя представляет трансграничное наследование. По общему правилу, наследственные отношения возникают при переходе имущества, прав и обязанностей умершего лица (наследодателя) к другим лицам (наследникам) в порядке наследования. В случаях, когда эти отношения осложнены любым иностранным элементом появляется свойство трансграничности. Оно может выражаться в различных формах: наследодатель/наследник граждане одного государства, но проживают в разных странах; наследуемое имущество находится за границей и т.д. В таких ситуациях, как верно отмечают Е.А. Зобова, В.И. Федулов «осложнение наследственных отношений иностранным элементом предполагает их регулирование как международно-правовыми нормами, так и нормами национального законодательства стран, правопорядки которых затрагиваются конкретным наследственным отношением» [2, С. 40]. Постановка задачи: однако следует сделать оговорку: во-первых, количество международных соглашений, регулирующих наследственное право ограниченно, к ним относятся:

Во-вторых, несмотря на немногочисленность международных соглашений, в которых некоторые государства из стран СНГ являются участниками, Российская Федерация не является стороной ни одного из них. В связи с этим, приоритетным источником регулирования международных частноправовых отношений в области наследственного права выступает внутреннее законодательство. Для РФ и стран постсоветского пространства основными нормативно-правовыми актами являются гражданские кодексы соответствующих государств, а для Азербайджана – закон о международном частном праве 2000 г. [3] Кроме того, важными источниками являются Минская конвенция 1993 г. (ст. 44–50) и Кишинёвская конвенция 2002 г. (ст. 47–53) [4, С. 499].

С целью унификации правовых норм был создан специальный орган – Межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ, которая разработала и представила модельный ГК для стран СНГ. Однако документ имеет рекомендательный характер и, хотя оказывает влияние на законотворческий процесс, не является императивным для стран участников (ст. ст. 1233, 1234, 1235 посвящены наследственным отношениям [5].

В соответствии со ст. 1116 ГК РФ, по завещанию к наследованию могут призываться граждане, юридические лица, иностранные государства и международные организации. В свою очередь, исходя из смысла ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, распространяющей национальный режим на территории РФ, к гражданам РФ приравниваются в правах и обязанностях иностранные лица, но с ограничениями, установленными федеральными законами или международными договорами.

Результаты. Перед определением применимого права стран СНГ в вопросах о наследовании следует ознакомиться с общетеоретическими положениями о статуте. Под статутом наследования «понимается право, подлежащее применению в силу коллизионных норм к отношениям по наследованию, осложненным иностранным элементом» [6, С. 382].

В условиях отсутствия единого правового пространства СНГ и существенных различий в национальных законодательствах государств-участников возникают многочисленные коллизионные вопросы, затрудняющие реализацию наследственных прав иностранных граждан. Основные из них: проблема определения принадлежности вещи к движимым или недвижимым, в условиях расхождения правовых позиций, а также проблема применения закона гражданства (lex patriae) или закона последнего местонахождения наследодателя (lex domicilii).

Согласно ст. 130 ГК РФ морские, речные и воздушные суда, которые подлежат государственной регистрации относятся к недвижимому имуществу. В свою очередь в Армении придерживаются иной точки зрения – данные объекты рассматриваются как движимые (п. 2 ст. 134 ГК РА). Возникает вопрос: по праву какого государства будет разрешаться судьба имущества?

Ответ содержится в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», в п. 7 которого указано: принадлежность имущества к недвижимым или движимым вещам определяется по праву страны, где эта вещь находится [7].

Сложнее обстоят дела с движимым имуществом. По российскому законодательству статутом наследования выступают: закон места жительства (lex domicilii), закон места нахождения вещи (lex rei sitae). «Отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительство, в случае с недвижимым имуществом, наследование определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, – по российскому праву» (ст. 1224 ГК РФ) [8]. В Армении действуют те же принципы (1292-1293 ГК РА) [9].

По законодательству Республики Беларусь, а именно в ст. 1133 ГК РБ установлено, что: «отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имеет последнее место жительства, … если наследодателем не избрано в завещании право страны, гражданином которой он является» [10]. Такая же правовая позиция прослеживается в ст. 1234 Модельного гражданского кодекса: «отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее постоянное место жительства, … если наследодателем не избрано в завещании право страны, гражданином которой он является» [5].

Анализ норм позволяет вывести отличие: законодательство РФ признаку «гражданства» наследодателя не придает значение, что, по нашему мнению, является упущением. В то же время, законодательство Армении и некоторых стран СНГ предоставляет наследодателю в завещании выбрать право государства, гражданином которого он является.

Данная позиция частично затрагивалась в исследованиях ученых-правоведов. Например, В.Л. Толстых отмечает, что в таких государствах как Армения, Беларусь, Казахстан, Азербайджан и т.д. предоставляется наследодателю право выбора в завещании законодательства, которому последний хочет подчинить наследственные отношения, «подобное решение вполне может быть воспринято отечественным законодателем, тем более что его закрепили в своем законодательстве многие страны СНГ» [11, С. 487].

Исследование положений Кишиневской конвенции 2002 года, в части регулирования наследственных отношений, выявляет существование двойственного подхода в отношении выбора применимого права к движимому и недвижимому имуществу. Однако ст. 49 Конвенции гласит: «Если по законодательству Договаривающейся Стороны, подлежащему применению при наследовании, наследником является государство, то движимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, гражданином которой является наследодатель в момент смерти, а недвижимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, на территории которой оно находится» [12], т. е. происходит привязка гражданства, как определяющий фактор применимого права в случае, если наследником выступает государство.

По сути, в ситуации, когда гражданин одной из стран СНГ находится на территории РФ – захочет в завещании указать свою волю при определении судьбы его движимого имущества на применение права того государства, гражданином которого он является, нотариус не примет такое заявление и отклонит его, ссылаясь на ст. 1224 ГК РФ. В научной литературе подчеркивается дискуссионный характер правовой природы коллизионной нормы, закрепленной в ст. 1224 ГК РФ. Существуют аргументы в пользу различных подходов к ее интерпретации.

Одни - связывают формирование двусторонней коллизионной привязки с тем, что последнее место жительство наследодателя может не совпадать с местонахождением недвижимого имущества. Как считает, А.Т. Мовсисян «коллизионной привязкой для движимого наследственного имущества, как правило, служит закон последнего места жительства (lex domicilii) наследодателя, для наследуемой недвижимости – закон местонахождения вещи (lex rei sitae). Практически происходит расщепление статута наследования» [13, С. 21].

Другие – настаивают на односторонней коллизионной привязке с определением перечня объектов, которые в соответствии с Государственным реестром РФ относятся к недвижимому имуществу и подлежат наследованию

только по российскому праву. Например, Г.К. Дмитриева утверждает, что «привязка указывает на применение российского права, и поэтому коллизионная норма является односторонней» [14, С. 121].

Научные позиции, с учетом разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24, отмечают необходимость внесения изменений в ст. 1224 ГК РФ для ее расширения и определения двусторонней природы коллизионной нормы.

Некоторые отечественные правоведы предлагают изложить абз. 2 п. 1 ст. 1224 ГК РФ в следующей редакции: «Наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, – по праву страны, гражданство которой имел наследодатель» [15, С. 357].

Мовсисян А.Т. представляет альтернативу: «наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество (коллизионный принцип –

lex rei sitae), а наследование имущества определяется «по праву страны, где права на момент открытия наследства внесены в государственный реестр». Такое положение подразумевает отсутствие зависимости от государства, в котором зарегистрированы права на данные объекты (двусторонняя коллизионная привязка).

Методика и методология: в ходе исследования применены методы: сравнительно-правового анализа международных соглашений, гражданских кодексов и судебной практики; эмпирического исследования общетеоретических и научных положений о трансграничном наследовании в странах СНГ.

Выводы: исходя из исследования выдвигаемых научных позиций, анализа нормативно-правовых актов государств, судебной практики и положений Кишинёвской конвенции, можно предположить, что действующая редакция п. 1 ст. 1224 ГК РФ устанавливает жесткую коллизионную привязку к праву страны последнего местонахождения наследодателя, без предоставления возможности выбора применимого правопорядка. В условиях интенсификации трансграничных наследственных отношений в пространстве СНГ, существующее регулирование недостаточно гибкое.

Целесообразно расширить п. 1 ст. 1224 ГК РФ путем введения в норму части, позволяющей наследодателю прямо указать в завещании право какого государства он желает применить к наследованию движимого имущества. Предлагаем дополнить п. 1 ст. 1224 ГК РФ и представить в следующей редакции:

«Отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительство или по праву страны,

гражданином которой наследодатель является и указывает в завещании, если иное не предусмотрено настоящей статьей»

При этом важно учитывать то, что указанное в завещании государство должно являться участником международного договора о взаимной правовой помощи. Такой подход предусматривает введение в национальное законодательство принципа выбора наследодателем компетентного правопорядка и обеспечение объективной реализации его прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нюансы трансграничного наследования – в фокусе научной конференции нотариусов стран СНГ // Официальный сайт ФНП РФ. – URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/nyuansy-transgranichnogo-nasledovaniya-v-fokuse-nauchnoj-konferencii-notariusov-stran-sng-2412.
2. Зобова Е.А., Федулов В.И. Международно-правовые аспекты регулирования трансграничных наследственных отношений // Образование и право. 2020. №10. С. 39–44.
3. Закон Азербайджанской Республики от 6 июня 2000 года № 889-IQ «О международном частном праве» (с изменениями от 09.07.2021 г.) // Газета Азербайджан. 2000 г. №249.
4. Международное частное право: учебник / М. М. Богуславский. – 7 е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА М, 2026. 672 с.
5. Модельный ГК для стран СНГ – Гражданский кодекс. Часть третья. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств // Приложение к «Информационному бюллетеню». – 1996. – № 10.
6. Наследственное право: новеллы законодательства, судеб. практика, нотар. практика / [Булаевский Б.А. и др.]; отв. ред. – К.Б. Ярошенко; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 412 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. Октябрь. 2019.
8. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2001. № 49. – Ст. 4552.
9. Гражданский кодекс Республики Армения (Принят Национальным Собранием 5 мая 1999 года). – Текст электронный // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Армения – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/173488.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З. – Текст электронный // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218.
11. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб., 2004. – 524 с.
12. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 года) // СЗ РФ. № 302. 2023. – Ст.5501.
13. Мовсисян А.Т. Сравнительный анализ коллизионных норм, применяемых к наследованию в РФ и Армении // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2008. №1. С. 18–27.
14. Международное частное право: учебник / [Л. П. Ануфриева и др.]; под ред. Г.К. Дмитриевой; М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая акад. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2008. 687 с.
15. Донцов Е.М., Папушой И.Л. К вопросу о коллизионных нормах в наследственном праве // «Черные Дыры» в российском законодательстве. – 2018. – № 1. – С.356–357.

УДК 343.95

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ АФФЕКТА

Э.Р. Мардиева, канд. фил. наук, доцент
А.Ф. Давлетова, студент
Нефтекамский филиал Уфимского университета науки и технологий
г. Нефтекамск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности аффекта как одного из эмоциональных состояний человека. Акцентируется внимание на необходимости правильной диагностики экспертами данного состояния в ходе судебно-психологической экспертизы. Оценка аффекта остается одной из сложных задач в правовой психологии.

Ключевые слова: аффект, эмоциональное состояние, судебно-психологическая экспертиза, суд.

Введение. В процессе судебно-психологической экспертизы исследуются разные вопросы в зависимости от ее разновидности. Экспертиза на состояние аффекта занимает центральное место в уголовном судопроизводстве, выступая связующим звеном между психологической наукой и правовой системой. Этим определяется актуальность исследования. Термин «аффект» происходит от латинского *affectus*, что означает «душевное волнение» или «страсть». Определение этого явления связано с резким эмоциональным всплеском, при котором временно блокируются привычные механизмы саморегуляции и сужается сознание [1]. Аффект является интенсивным, кратковременным эмоциональным состоянием, сопровождаемым снижением самоконтроля и преобладанием телесных реакций над рациональным мышлением. Он, как известно, может быть патологическим и физиологическим. Часто подобное состоянии лица можно наблюдать при рассмотрении дел в уголовном производстве, реже – административном.

Постановка задачи. Целью исследования является рассмотрение проблемы оценки состояния аффекта в процессе судебно-психологической экспертизы. Диагностика аффекта порождает некое противоречие: психология исследует субъективные состояния (эмоционально-волевую составляющую и другое), при этом опирается на диагностические методы и личностные характеристики, тогда как право требует объективных критериев вменяемости и ответственности. Такое неоднозначное представление часто приводит к разногласиям между экспертами-психологами и судебной системой, создавая неопределенность в применении законодательства.

Методика и методология. В ходе исследования использовались различные методы: описательный, системный, сравнительно-правовой и др.

Эксперты, проводящие судебно-психологические экспертизы в своей работе могут использовать множество разных методик для выявления и оценки аффективного состояния человека. Первая методика – это проективные тесты. К примеру, тест Э. Вагнера, позволяет через изображенные руки на листе выявить скрытые агрессивные тенденции и аффективные реакции. Второй методикой могут выступать опросники и шкалы. К примеру, по шкале тревожности Спилбергера-Ханина фиксируется личностная тревожность, которая может сопровождать аффективное состояние. И третьей методикой может выступить анализ материалов дела, то есть изучение записей разговора, сообщений, медицинских записей о состоянии здоровья и свидетельских показаний. Из всего этого можно сделать вывод и установить аффектогенные факторы [2, С. 28].

Результаты исследования. Аффект рассматривается в связи с исследованием эмоционально-волевой сферы человека. Вместе с тем, в отличие от эмоций, которые могут быть длительными, затянутыми, аффект характеризуется внезапностью и краткостью. Случается, что человек попросту не сможет успеть и осознать, что происходит в данный момент и что, возможно, будет. В этом случае аффект вызывает физиологические изменения (учащение пульса, повышение давления, расширение зрачков и др.), что отражается на всем организме. П. М. Якобсон определял аффект как «резко выраженную, стремительно развивающуюся, кратковременную эмоцию с характерным бурным внешним выражением» [3, С. 3].

В психологии отмечается ряд признаков, которые могут установить подлинный аффект. Рассмотрим их:

1. внезапность: заключается в том, что он возникает в ответ на неожиданную отрицательную ситуацию, для этого не требуется подготовка и размышление;

2. интенсивность: происходит подавление мышления и контроль над собой;

3. краткость: аффект не имеет длительного действия, после всплеска эмоций и всех переживаний, может сменится на слабость и растерянность;

4. сужение сознания, при котором человек может полностью не осознавать последствия своих действий.

Кроме того, можно отметить после завершения аффекта лицо мало или смутно что помнит, чувствует усталость, наблюдается резкий спад энергии, он теряет силы. Возникает ощущение, что происходящее было точно «во сне».

Рассмотрим пример, где аффект подтвержден по результатам экспертизы как смягчающее обстоятельство. Суть дела (в г. Санкт-Петербург в 2022 г. после приговора суда о лишении свободы гражданина И. по ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса РФ [4] была переквалификация и снижение наказания /Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2022 № 77-1687/2022/): И. осужден за убийство (ст. 105

ч. 1 УК РФ), приговорен к 6 годам колонии строгого режима. Позже апелляция переквалифицировала дело на ст. 107 ч. 1 УК РФ (убийство в состоянии аффекта), снизив наказание до 2 лет ограничения свободы и уменьшив компенсацию морального вреда с 1,5 млн до 1 млн рублей.

Потерпевший не согласен с апелляцией, считает, что суд не учел доказательств умысла и отсутствия аффекта, требует вернуть первоначальный приговор. Прокурор поддерживает апелляционное решение как законное, ссылаясь на экспертизы и свидетельские показания, подтверждающие аффект. В итоге кассация оставила апелляционное определение в силе, отказав в удовлетворении жалобы потерпевшего. Решение основано на экспертизах, свидетельствующих о состоянии аффекта у И., и отсутствии процессуальных нарушений [5].

Однако могут возникнуть и проблемы, с которыми могут столкнуться эксперты-психологии при проведении экспертизы. Обратимся к одной из них –человек попросту может стимулировать аффект: выдавать свои осознанные действия за совершенное им деяние в состоянии эмоционального взрыва. В этом случае можно предположить, что человек просто испугался, и в страхе и тревожности он старается хоть как-то себя оправдать. Опытные эксперты выявляют симуляцию через различные методы, которые способствуют получению действительных материалов по делу. Однако каждый из них может ошибиться. И это может привести к судебным ошибкам (т.е. неверному приговору суда).

Рассмотрим другой пример. К уголовной ответственности по ст. 111 УК РФ [6] привлекался гр. М. Проведенным исследованием было установлено, что гр. М. находился в момент совершения преступления в состоянии аффекта. В процессе изучения заключения эксперта и его последующего допроса у стороны обвинения и потерпевших возникли обоснованные сомнения. В соответствии с методикой экспертного исследования психологических состояний выводы должны были быть основаны на показаниях незаинтересованных лиц. В тоже время в представленном заключении выводы были сделаны на основании показаний самого подсудимого и заинтересованных свидетелей. Тем не менее, гр. М. был признан находившимся в состоянии аффекта, произведена переквалификация, и гр. М. был освобожден от наказания в связи с амнистией. Приговор был обжалован, проведена повторная экспертиза, которая установила, что С. не находился в состоянии аффекта. Затем была назначена третья экспертиза, подтвердившая выводы об отсутствии аффекта. В результате гр. М. был осужден [7, С. 110].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснения о необходимости правильной квалификации аффекта, который не следует приравнивать к длительному психическому расстройству или невменяемости. Важно учитывать и его разновидности. Необходимо проводить глубокий анализ в рамках подготовки судебных экспертиз

(медицинских, психологических, психиатрических и др.), которые назначает судья или следователь.

Выводы. Таким образом, во-первых, очень важно судьям или следователям своевременно обращаться к экспертам для назначения процедуры экспертизы. Возможные ошибки, которые допускают суды при назначении судебно-психологической экспертизы могут повлечь нарушения прав и свобод человека, негативно повлиять на качество экспертизы, обоснованность экспертных выводов, создают риски для судебно-экспертных учреждений.

Во-вторых, эксперты должны быть компетентными, систематически проходить обучение, идти в ногу со временем, учитывать последние изменения в науке и технике и других сферах жизнедеятельности человека и общества.

В-третьих, эксперт должен максимально глубоко и подробно изучить индивидуально-психологические особенности личности подэкспертного, чтобы не допустить ошибку в квалификации тех или иных состояний (в нашем случае аффекта).

Результаты исследования могут быть применимы при изучении студентами высших учебных заведений или СПО юридической (судебной) психологии, а также в судебной практике.

Научная новизна работы может быть обоснована разносторонним подходом к проблеме аффекта, рассмотрением его с психологической и правовой сторон.

Перспективой изучения может стать анализ различных материалов практики, как судебной, так и в области деятельности экспертов-психологов, применяющих различные методы и техники исследования индивидуальных особенностей личности (или ее психологического портрета).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ПСИХОЛОГИЯ. PSYCHOLOGIES. – Электрон. дан. URL: https://www.psychologies.ru/glossary/a/affekt/. – Загл. с экрана.
2. Абдуллаев А.С. Судебная психологическая экспертиза аффективных состояний // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. – 2024. – С. 25–30.
3. Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации. – М.; Воронеж, 1998. – С. 102.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред.17.11.2025) // справ.-правовая система «КонсультантПлюс». ВерсияПроф. [М., 2025]. – Послед. обновление 04.12.2025.
5. Судебная практика по статье 107 УК РФ. – Электрон. дан. URL: https://nuzhenadvokat.ru/sudebnaya-praktika-obgalovaniya-prigovorov-po-st-107. – Загл. с экрана.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред.17.11.2025) // справ.-правовая система «КонсультантПлюс». ВерсияПроф. [М., 2025]. – Послед. обновление 04.12.2025.
7. Мишин А.В. Проблемы разграничения экспертной ошибки от заведомо ложного заключение эксперта // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 109–111.

УДК 664.6/ 664.87

ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ПРИ СНОСЕ ВЕТХОГО И АВАРИЙНОГО ЖИЛЬЯ

С.В. Матиящук, д-р юрид. наук, доцент
А.Н. Жукова, А.П. Агибалова, студент
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий»
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье исследуются правовые механизмы защиты права собственности граждан на жилые помещения при сносе ветхого и аварийного жилья. Анализируются нормы жилищного законодательства, практика Конституционного Суда РФ и проблемы правового регулирования переселения и компенсации. Сформулированы выводы о необходимости совершенствования гарантий собственников.

Ключевые слова: защита права собственности, аварийное жилье, ветхое жилье, переселение, компенсация.

Современное состояние жилищного фонда Российской Федерации характеризуется высокой степенью физического и морального износа значительной части многоквартирных домов. Существенный процент жилых зданий находится в критическом техническом состоянии, а число признанных аварийными домов ежегодно увеличивается. В результате государство вынуждено предпринимать меры по переселению граждан и сносу таких объектов, что неизбежно затрагивает права собственников, поскольку речь идет о прекращении права частной собственности на единственное для многих граждан жилье.

Конституция Российской Федерации [1] провозглашает принцип неприкосновенности частной собственности (ст. 35), а также гарантирует каждому право на жилище (ст. 40).

В сочетании с положениями ст. 1 и 279 ГК РФ [2] данные нормы формируют правовую основу необходимой защиты интересов граждан при изъятии недвижимости для публичных целей.

Проблематика усугубляется тем, что действующие нормы жилищного законодательства, несмотря на многочисленные реформы, не всегда позволяют обеспечить должную защиту имущественных прав добросовестных собственников и иных законных пользователей жилых помещений. Особенно остро возникают вопросы, связанные с качеством предоставляемого взамен жилья, справедливостью компенсаций и соблюдением соразмерности ограничений принципу правовой определенности.

Целью исследования выступает анализ правового регулирования защиты права собственности на жилые помещения при сносе ветхого и аварийного жилья, выявление недостатков действующих механизмов возмещения и переселения, а также обоснование направлений совершенствования законодательства.

Методами исследования являются формально-юридический и сравнительно-правовой анализ действующих нормативных актов, официальных разъяснений высших судебных органов и выявленных закономерностей правоприменительной практики. Отправной точкой обозначается необходимость сбалансированного подхода к публичным интересам обновления жилищного фонда и частным интересам граждан к сохранению жилья и приемлемых условий жизни.

Методика и методология исследования. Исследование проведено с опорой на практику применения ст. 32 Жилищного кодекса Российской Федерации [3], регулирующей порядок признания помещений непригодными для проживания и изъятия их для муниципальных нужд. При анализе учтены положения Градостроительного кодекса Российской Федерации, предусматривающего возможность комплексного развития территорий, включая застроенные ветхим жилым фондом.

Особое внимание уделено Постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2023 № 20-П [5] и от 25.04.2024 № 21-П [6], содержательно расширившим требования к государству по обеспечению жилищных прав уязвимых категорий граждан, проживающих в подлежащих сносу домах.

Методологическая база основывается на принципах верховенства права, недопустимости произвольного лишения собственности и обязанности государства обеспечивать справедливый баланс публичных и частных интересов при изъятии имущества.

Результаты. Признание многоквартирного дома аварийным влечет обязанность уполномоченных органов обеспечить граждан другим пригодным для проживания помещением либо выплатить возмещение. В соответствии с ч. 6–8 ст. 32 ЖК РФ предоставление жилья является дополнительным способом удовлетворения интересов собственника и возможно только по соглашению сторон.

Однако правоприменительная практика показывает, что такие соглашения зачастую носят формально-принудительный характер: собственник ограничен в возможности обсуждать условия, включая местоположение, планировку, уровень коммунальной инфраструктуры нового жилья.

Несмотря на то, что закон и судебная практика закрепляют требование о «равнозначности», оно не конкретизировано, а оценка проводится односторонне органом власти, что порождает многочисленные споры.

Конституционный Суд РФ указал, что нарушение баланса интересов недопустимо, особенно когда речь идет о малоимущих гражданах, для которых изымаемое жилье является единственным (Постановление № 20-П). Эти собственники подлежат обеспечению внеочередным предоставлением жилья по договору социального найма, равным по площади ранее занимаемому, если отсутствуют иные варианты защиты их жилищных прав.

Положение усложняется тем, что аварийность нередко наступает после длительного отсутствия ремонта и содержания дома, обязанность по которым возложена на собственников помещений и органы местного самоуправления.

Фактически состояние отдельных зданий доводится до аварийного уровня, что создает парадокс: граждане лишаются собственности вследствие ненадлежащего исполнения государством функций по надзору за эксплуатацией жилищного фонда.

В таких случаях выкупная стоимость жилья нередко оказывается ниже его рыночной цены, учитывая неблагоприятное состояние дома и снижение потребительской ценности. Закон допускает включение в размер возмещения убытков, связанных с переездом, оформлением прав и временным проживанием в ином месте, однако на практике необходимость доказывания всех расходов возлагается на гражданина, что препятствует реализации его законных прав [8, С. 30].

Другая группа проблем возникает при переселении из ветхого жилья, которое формально разрешено для проживания и не представляет непосредственной угрозы для жизни.

Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ [4] ввел механизм комплексного развития территорий, позволяющий изымать не только аварийные здания, но и дома, имеющие высокую степень износа, определенную субъектами РФ на основе собственных критериев.

Включение многоквартирного дома в границы территории комплексного развития возможно даже при отсутствии решения общего собрания собственников помещений, если такое собрание не было проведено в установленный законом срок.

Данная конструкция вызывает вопросы с точки зрения демократических процедур участия граждан в решении своей судьбы и фактически допускает принудительное прекращение прав на жилье без установления факта угрозы для жизни и здоровья [7, С. 290].

Права иных законных владельцев жилья также не получили полного нормативного закрепления. До принятия Постановления Конституционного Суда РФ № 21-П положения ст. 32 ЖК РФ вообще не содержали упоминаний о судьбе членов семьи собственника, отказавшихся от приватизации и проживающих в помещении как единственном пригодном для проживания.

Конституционный Суд обязал государство обеспечивать таких граждан жильем при изъятии прежнего жилища, поскольку они имеют законный интерес, не зависящий от наличия титула собственности.

При этом нерешенным остается вопрос защиты лиц, проживающих в помещении на основании завещательного отказа или договора пожизненного содержания с иждивением. Действующие нормы предполагают, что компенсация в случае изъятия производится собственнику, и только он рассматривается как управомоченное лицо, что создает риск выселения других проживающих без предоставления им жилья.

Еще одной проблемой является отсутствие четких правил об улучшении жилищных условий при переселении из ветхих, но не аварийных зданий. Законодательство не предусматривает гарантий роста комфортности и благоустройства, хотя комплексное развитие территорий имеет целью повышение качества городской среды.

В ряде случаев новое жилье может быть расположено далеко от прежнего, что затягивает процесс социальной адаптации, влечет дополнительные расходы и меняет образ жизни граждан без их согласия. Такие обстоятельства объективно свидетельствуют о необходимости корректировки жилищных гарантий.

Выводы. Правовое регулирование защиты частной собственности при сносе аварийного и ветхого жилья требует существенного совершенствования. Система изъятия жилых помещений для муниципальных нужд, применяемая в целях переселения граждан, нуждается в четком закреплении критериев равноценности предоставляемого жилья, включая требования к инфраструктуре, местоположению и качеству отделки.

Следует предусмотреть прямую обязанность органов публичной власти обеспечивать не только сохранение, но и улучшение уровня жилищного обеспечения граждан, особенно в рамках проектов комплексного развития территорий, направленных на повышение качества городской среды.

Необходимо законодательно расширить круг лиц, имеющих право на предоставление жилья при переселении, включив в него всех законных владельцев и проживающих граждан, не имеющих другого жилья.

Надлежащая защита прав собственников и иных пользователей жилья при сносе ветхих и аварийных зданий будет способствовать укреплению доверия граждан к государству, обеспечению социальной стабильности, а также более эффективной реализации градостроительной политики по обновлению жилищного фонда Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. : по состоянию на 05 октября 2022 г.] // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. - № 238-239. – 08.12.1994.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Российская газета. – № 1. – 2005.
4. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты

Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий // Российская газета. – № 2. – 2021.

Акты судебной практики

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2023 № 20-П // Российская газета. – № 105. – 2023.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 21-П // Российская газета. – № 102. – 2024.

Литература

7. Челышева, Н.Ю. Защита прав собственников жилых помещений, признанных аварийными и подлежащими сносу / Н.Ю. Челышева // Семейное и жилищное право. – 2024. – № 6. – С. 30–32.
8. Величко, М.Б. Решение проблем подведомственности в административном судопроизводстве, а также разграничения указанного вида судопроизводства с гражданским, обеспечивающее «комфортный» доступ к правосудию для граждан / М.Б. Величко // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 1. – С. 288–318.

УДК 343.2

ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

М.А. Мирошниченко, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье проводится уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 314 УК РФ – злостное уклонение от отбывания ограничения свободы. Рассматриваются основные проблемы квалификации данного деяния и формулируются предложения по совершенствованию правоприменения.

Ключевые слова: уголовное право, ограничение свободы, злостное уклонение, квалификация преступлений.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена ростом числа осужденных, которым назначается наказание в виде ограничения свободы, и, как следствие, увеличением случаев уклонения от его отбывания. Институт ограничения свободы, будучи относительно новым для российской правовой системы, сталкивается с рядом проблем в правоприменительной практике, особенно в части квалификации злостного уклонения и назначения наказания по ч.1 ст. 314 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Исследованию отдельных аспектов данной проблемы посвящены работы таких ученых, как А.В. Бриллиантов, А.И. Чучаев, Н.Г. Кадников, Губко [3; 4; 5; 7]. Однако комплексный анализ проблем квалификации злостного уклонения, с учетом судебной практики, остается востребованным.

Целью настоящего исследования является уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ,

и выявление проблемных аспектов его квалификации и назначения наказания. **Постановка задачи.** Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Раскрыть объективные и субъективные признаки состава злостного уклонения от отбывания ограничения свободы.

2. Проанализировать критерий «злостности» как ключевой оценочный признак данного преступления.

3. Сформулировать предложения по изменению части 1 статьи 314 УК РФ.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы правового исследования: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты. Уголовно-правовая характеристика состава преступления. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие порядок и условия исполнения наказания в виде ограничения свободы. Объективная сторона выражается в действии или бездействии – злостном уклонении осужденного от отбывания наказания. Злостно уклоняющимся, в соответствии с ч. 4 статьи 58 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [1], признаются осужденные, допустившие нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений или отказавшийся от использования в отношении его технических средств надзора и контроля или скрывшийся с места жительства осужденный, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней или же не прибывший в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства в соответствии с предписанием. Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, в отношении которого имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор и которое не отбыло назначенное ему наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом [6]. Так же необходимо учитывать примечание 1 статье 314, в котором сформулировано, что уголовной ответственности подлежит то лицо, которому ограничение свободы назначено как дополнительной наказание.

Проблемы квалификации. Анализ практики выявил несколько проблемных аспектов:

1. Доказывание умысла. Сложность представляет установление прямого умысла на уклонение, особенно в случаях, когда нарушения связаны с уважительными причинами (болезнь, стихийные бедствия), которые осужденный не смог своевременно документально подтвердить.

2. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций и судов. Зачастую в материалы дела не предоставляется достаточных доказательств, подтверждающих факт объявления официального предупреждения, что влечет возвращение уголовных дел на дополнительное расследование.

3. Проблема назначения наказания по совокупности приговоров. В случае осуждения по части 1 статьи 314 УК РФ, санкция статьи предусматривает такие наказания, как принудительные работы и лишение свободы. Здесь может возникнуть проблема назначения наказания по совокупности приговоров. Складывать основное наказание с дополнительным не является возможным, поэтому после истечения срока основного наказания, за ним последует дополнительное, чем будет являться ограничение свободы, которое осужденный уже ранее нарушал. Пересчитать дополнительное наказание не является возможным. Что будет в той ситуации, если повторно будет совершаться преступление? Все будет повторяться вновь и вновь?

Выводы. В связи с указанными выше проблемами, предлагается следующее решение проблемы.

Во-первых, подтверждена высокая актуальность и социальная значимость проблемы злостного уклонения от отбывания ограничения свободы. Этот вид наказания, позиционируемый как гуманная альтернатива лишению свободы, в условиях роста его применения закономерно выявил «обратную сторону» – увеличение числа нарушений установленного режима. Настоящая работа системно доказала, что действующая конструкция ответственности по ст. 314 УК РФ не является оптимальным ответом на этот вызов. Норма содержит внутренние противоречия и порождает порочные практические коллизии, снижающие эффективность как карательного, так и превентивного воздействия.

Во-вторых, детальный догматический анализ позволил не просто перечислить, но и раскрыть системную взаимосвязь элементов состава преступления. Установлено, что ключевой проблем образующий элемент – признак «злостности» – законодатель вынес за рамки Уголовного кодекса, делегировав его раскрытие Уголовно-исполнительному кодексу (ч. 4 ст. 58 УИК РФ). Такая законодательная техника, с одной стороны, обеспечивает гибкость, а с другой – создает риски не единообразного применения и избыточного формализма. Выявлено, что формальные критерии злостности (например, повторное нарушение после предупреждения) далеко не всегда коррелируют с необходимым для уголовной ответственности прямым умыслом, что ставит перед правоприменителем сложнейшую задачу по установлению истинных мотивов поведения осужденного, особенно в спорных ситуациях.

В-третьих, центральным и наиболее значимым выводом исследования является выявление глубинной системной коллизии, возникающей при квалификации уклонения от дополнительного ограничения свободы.

Наглядно продемонстрирован правовой тупик, в который попадает правоприменитель при попытке назначить наказание по ст. 314 УК РФ лицу, уже отбывшему основной срок лишения свободы. Невозможность корректного применения правил о совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ) приводит к абсурдной ситуации «вечного возвращения»: новое наказание по ст. 314 не поглощает и не заменяет неотбытое дополнительное ограничение свободы. Таким образом, создается предпосылка для бесконечного цикла привлечения к ответственности за одно и то же непрекращающееся правонарушение, что грубо противоречит принципам справедливости, правовой определенности и экономии уголовной репрессии. Это свидетельствует не об частной погрешности, а о структурном дефекте в системе взаимодействия норм об основных и дополнительных наказаниях.

Научная новизна представленной работы заключается в последовательном системном подходе к анализу проблемы. В отличие от многих предшествующих исследований, фокусирующихся на отдельных аспектах (критерии злостности, субъективная сторона), данная статья интегрирует уголовно-догматический, уголовно-исполнительный и криминологический ракурсы. Проблема рассмотрена не как набор разрозненных сложностей в судебной практике, а как закономерное следствие недостатков в законодательном моделировании института ответственности за нарушение режима наказаний, не связанных с изоляцией.

В связи с этим, предлагается изложить ч. 5 ст. 53 УК РФ в следующей редакции: «При злостном уклонении от отбывания ограничения свободы суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием, осужденным наказания в виде ограничения свободы, может заменить не отбытую часть наказания принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за два дня ограничения свободы». Данная редакция фактически уравнивает основное наказание с дополнительным и позволяет не возбуждать ещё уголовное дело и доказывать его вину в этом, а сразу при определенных обстоятельствах заменить дополнительное наказание на более строгое.

В связи с этим, нужды в ч.1 ст. 314 УК РФ и примечания 1 к настоящей статье нет. Поэтому вторым предложением будет являться признать утратившим силу ч.1 ст. 314 УК РФ и примечание 1.

Перспективой дальнейших исследований видится сравнительно-правовой анализ аналогичных составов преступлений в зарубежном законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 "Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025)

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3 Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. – М.: Проспект, 2024. – 1248 с.
4 Губко И.В., Прохоров Л.А. Криминализация злостного уклонения от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ): вопросы обоснованности и целесообразности // Российский следователь. 2012. N 16. Электронная версия - в системе "КонсультантПлюс". URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=65392&dst=100001.
5 Кадников Н.Г. Назначение наказания по уголовному праву России. – М.: Городец, 2022. – 320 с.
6 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Рарога. – 14-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2024. – 1064 с.
7 Чучаев А.И., Эриашвили Н.Д. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. – М.: Юнити-Дана, 2023. – 911 с.

УДК 342.9

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Д.Т. Навасардян, В.А. Машарова, студенты
Сибирский государственный университет путей сообщения
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья исследует перспективы внедрения электронного правосудия в административном процессе РФ. Анализируются правовые основы, технические решения и их влияние на доступность и эффективность правосудия. Рассматриваются вопросы цифровизации, обеспечения прав участников и кибербезопасности.

Ключевые слова: Электронное правосудие, административный процесс, цифровизация.

Введение. Современное государство неуклонно движется по пути цифровизации всех сфер общественной жизни, и правовая система не является исключением. Внедрение современных технологий в отечественную судебную систему повышает уровень доступа населения к правосудию, что способствует повышению его качества, снижению сроков рассмотрения дел, создаёт субъектам правового сообщества и всем другим лицам условия для быстрого получения информации по судебным делам [1]. Административный процесс, регулирующий споры, возникающие из публичных правоотношений, занимает особое место в этой трансформации, поскольку напрямую затрагивает отношения между гражданами, организациями и органами государственной власти.

Использование информационных технологий позволяет существенно сократить временные, трудовые и финансово-экономические затраты на выполнение повторяющихся, рутинных процессов, характерных для различных этапов судопроизводства [2, С. 3]. В РФ основы для внедрения элементов электронного правосудия были заложены в начале 2010-х годов с

принятием федеральных законов и подзаконных актов, направленных на использование информационно-коммуникационных технологий в судопроизводстве. Особое значение в этом контексте имеет Федеральный закон от 08.03.2015 № 22-ФЗ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» (далее – КАС РФ), который наряду с Гражданским процессуальным кодексом РФ и Арбитражным процессуальным кодексом РФ закрепил возможность подачи документов в электронном виде, участия в судебных заседаниях посредством систем видеоконференц-связи и получения судебных актов в электронном формате [3].

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация сталкивается с рядом препятствий. К ним относятся вопросы кибербезопасности, защиты персональных данных, а также необходимость в обучении сотрудников новым технологиям. Кроме того, для эффективной интеграции цифровых инструментов необходимо адаптировать законодательство и разработать стандарты взаимодействия с другими государственными и коммерческими системами [4, С. 34].

Многие исследователи, такие как Леонтьев А.О. в своей работе «Цифровизация административного судопроизводства», активно разрабатывают проблематику цифровизации правосудия, однако специфика ее применения именно в административном процессе, с учетом его особенностей (асимметрия сторон, публичный интерес), требует более глубокого и систематизированного анализа [5, С. 66]. Настоящая статья призвана восполнить некоторые пробелы в понимании текущего состояния и перспектив электронного правосудия в административном процессе, предложив комплексный анализ его ключевых аспектов.

Постановка задачи. Целью настоящего исследования является всесторонний анализ текущего состояния и перспектив развития электронного правосудия в административном процессе Российской Федерации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить и провести анализ нормативно-правовой базы, регулирующую внедрение и функционирование электронного правосудия в административном судопроизводстве.
2. Оценить степень внедрения и эффективность использования ключевых элементов электронного правосудия в административном процессе (подача документов в электронном виде, участие в заседаниях ВКС, получение судебных актов).
3. Выделить основные преимущества и вызовы, связанные с цифровизацией административного процесса.
4. Сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования и технической реализации электронного правосудия в данной сфере.

5. Определить направления дальнейших научных исследований и практических разработок в области электронного административного правосудия.

Методами исследования выступают формально-юридический анализ нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод для сопоставления с зарубежным опытом, системный подход к изучению феномена электронного правосудия как целостной системы, а также метод синтеза и прогнозирования для формулирования выводов и рекомендаций. Эмпирическую базу исследования составит анализ правоприменительной практики и статистических данных, касающихся использования электронных сервисов в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, рассматривающих административные дела.

Методика и методология исследования. Для обеспечения комплексного и объективного анализа проблематики электронного правосудия в административном процессе была использована многоуровневая методология, базирующаяся на общенаучных и частнонаучных методах познания.

Формально-юридический метод применялся для тщательного изучения и толкования норм действующего законодательства, регулирующих вопросы электронного правосудия в административном процессе. Особое внимание уделялось КАС РФ, а также соответствующим положениям ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», нормативным актам Судебного департамента при Верховном Суде РФ и судебной практике. Данный метод позволил выявить пробелы и коллизии в правовом регулировании.

Системный подход обеспечил анализ электронного правосудия как целостной системы, состоящей из взаимосвязанных элементов: правового регулирования, технической инфраструктуры, программного обеспечения, человеческих ресурсов и правоприменительной практики. Это позволило оценить влияние каждого элемента на функционирование системы в целом и выявить узкие места.

Сравнительно-правовой метод был задействован для изучения опыта зарубежных стран в области внедрения и использования электронного правосудия в административном судопроизводстве. Сопоставление национального опыта с международными практиками позволило выявить лучшие решения и потенциальные направления для адаптации и имплементации в российской правовой системе.

Метод статистического анализа использовался для обработки данных о количестве обращений в суды в электронном виде, частоте использования видеоконференц-связи и других электронных сервисов, что позволило оценить динамику и масштабы внедрения цифровых инструментов.

Результаты. Анализ нормативно-правовой базы показал, что Российская Федерация обладает достаточно развитой законодательной

основой для функционирования электронного правосудия в административном процессе. Важным актом является КАС РФ, который предусматривает возможность [3]:

• подавать административно исковое заявление, представление, ходатайств и других документов в суд в электронном виде;

• направлять судебные извещения и вызовов в электронном виде;

• участия в судебном заседании с помощью систем видеосвязи;

• получения копий судебных актов в электронном виде.

Эти положения реализуются через государственную автоматизированную систему РФ «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), а также посредством электронных сервисов, интегрированных с порталом государственных услуг. На 2023 год статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует о значительном росте количества электронных обращений в суды. Например, количество документов, поступивших в суды общей юрисдикции в электронном виде, демонстрирует устойчивую положительную динамику, что подтверждает востребованность данных сервисов среди участников процесса [6].

Внедрение электронного правосудия в административный процесс сопряжено с рядом неоспоримых преимуществ:

1. Повышение доступности правосудия: Участники процесса могут подавать документы и участвовать в заседаниях из любой точки страны, имея доступ к сети Интернет, что особенно актуально для обширной территории России и для лиц, находящихся в удаленных районах или имеющих ограниченные возможности здоровья.

2. Экономия времени и финансовых ресурсов: сокращаются расходы на почтовые отправления, проезд до суда, а также время, затрачиваемое на ожидание в очередях и личное посещение судебных инстанций.

3. Повышение прозрачности: электронные системы позволяют отслеживать статус дела, получать информацию о движении документов, что способствует открытости судебной деятельности.

4. Снижение нагрузки на аппараты судов: Автоматизация ряда рутинных процедур позволяет сотрудникам суда сосредоточиться на более сложных задачах.

Однако, наряду с преимуществами, выявлены и существенные вызовы и проблемы:

1. «Цифровое неравенство»: о цифровом неравенстве и его факторах говорится в работе Костяева А. И. «Цифровое неравенство между городским и сельским населением» [7, С. 34].

2. Информационная безопасность и защита данных: передача персональных данных и конфиденциальной информации через электронные каналы требует максимально надежных систем защиты от несанкционированного доступа, кибератак и утечек.

3. Техническая инфраструктура: недостаточная пропускная способность сети Интернет в некоторых регионах, устаревшее оборудование в отдельных судах создают технические трудности.

4. Правовая регламентация отдельных аспектов;

5. Обучение и квалификация кадров: необходима постоянная подготовка судей и сотрудников аппарата судов к работе с новыми технологиями, а также проведение информационных кампаний для населения.

Особое внимание следует уделить специфике административного процесса. В отличие от гражданского или арбитражного, в административном судопроизводстве одной из сторон выступает орган государственной власти или должностное лицо, обладающие властными полномочиями. Это создает асимметрию, которая может быть как усилена, так и сглажена электронным правосудием. В этом контексте критически важно обеспечить не только техническую возможность, но и правовые гарантии равного доступа к электронному правосудию для всех участников, включая административных истцов, не обладающих специализированными юридическими или техническими знаниями [5, С. 67].

Выводы. Результаты исследования показывают, что электронное правосудие в административном процессе Российской Федерации находится на этапе активного развития и имеет значительный потенциал для повышения эффективности и доступности судебной защиты. Однако его полное и беспроблемное функционирование требует дальнейших целенаправленных усилий.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе внедрения элементов электронного правосудия именно в административном процессе, с учетом его специфики. В работе систематизированы и проанализированы как общие преимущества и вызовы цифровизации судопроизводства, так и уникальные проблемы, свойственные административному судопроизводству, связанные с асимметрией сторон и публично-правовым характером споров. Предложена классификация текущих барьеров и путей их преодоления, учитывающая не только технические, но и социально-правовые аспекты.

Теоретическое значение исследования заключается в развитии концепции электронного правосудия применительно к публично-правовым спорам. Работа вносит вклад в теорию административного права и процесса, расширяя представление о роли и возможностях информационных технологий в обеспечении законности и справедливости в сфере государственного управления. Полученные выводы могут служить основой для дальнейших научных изысканий в области цифрового права, теории административного судопроизводства и государственного управления.

Перспективы дальнейших научных разработок включают:

1. Углубленное изучение проблем кибербезопасности и разработки стандартов защиты данных в контексте электронного административного правосудия, в том числе с использованием технологий распределенного реестра (блокчейн) для обеспечения неизменности и прозрачности судебных данных.

2. Разработку унифицированных стандартов для электронных судебных документов и взаимодействия между различными информационными системами судов, государственных органов и участников процесса.

3. Изучение влияния искусственного интеллекта (ИИ) на административный процесс, в частности, возможностей использования ИИ для автоматической обработки документов, анализа судебной практики, а также помощи судьям в принятии решений.

4. Развитие концепции «превентивного электронного правосудия», когда информационные технологии используются для предотвращения административных споров путем повышения прозрачности действий органов власти и упрощения процедур обжалования на досудебной стадии.

Очевидно, что дальнейшее развитие электронного правосудия в административном процессе является неотъемлемой частью формирования современного, эффективного и открытого государства. Решение обозначенных проблем и реализация предложенных перспектив позволят значительно укрепить доверие граждан к судебной системе и обеспечить реальную доступность правосудия для каждого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/?ysclid=mivx6jqlqd64232214.

2. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир / А.В. Кашанин, А.Б. Козырева, Н.А. Курносова, Д.В. Малов; отв. ред. А.В. Кашанин. Москва: Центр развития современного права. 2020 С. 3.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 22-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

4. Логинова Д. М. Цифровизация в деятельности судебных приставов: возможности для повышения эффективности исполнения судебных решений // Актуальные исследования. 2024. №15 (197). Ч.II. С. 32-35. URL: https://apni.ru/article/8997-tsifrovizatsiya-v-deyatelnosti-sudebnikh-pris.

5. Леонтьев А.О. Цифровизация административного судопроизводства // Актуальные исследования. 2024. №43 (225). Ч.I. С. 65-67. URL: https://apni.ru/article/10302-cifrovizaciya-administrativnogo-sudoproizvodstva

6. Судебная статистика и аналитика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

7. Костяев А. И. Цифровое неравенство между городским и сельским населением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. №3. 18 с. URL: https://apni.ru/article/8997-tsifrovizatsiya-v-deyatelnosti-sudebnikh-pris.

УДК 349.41

ПРОДАЖА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРОЦЕДУРНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАКОННОСТИ И АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

М.А. Назарова, М.О. Птушаненко, студенты
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные механизмы продажи земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности. Анализируются процедурные гарантии законности и антикоррупционные инструменты, обеспечивающие прозрачность земельных торгов и защиту публичных интересов.

Ключевые слова: земельные участки, государственная собственность, муниципальная собственность, торги, коррупционные риски.

Введение. Продажа земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, представляет собой одну из наиболее социально и экономически значимых сфер публичного управления. Земля, являясь ограниченным и стратегическим ресурсом, требует особого правового режима, направленного на обеспечение баланса публичных и частных интересов. В условиях активного вовлечения публичных земель в хозяйственный оборот возрастает значимость процедурных гарантий законности и антикоррупционных механизмов.

В научных исследованиях неоднократно отмечается, что земельные правоотношения обладают повышенной коррупциогенностью, что обусловлено высокой стоимостью объектов, сложностью процедур и участием органов публичной власти [2; 5]. Современное законодательство ориентировано на повышение прозрачности предоставления земельных участков, однако практика выявляет устойчивые проблемы в сфере злоупотреблений.

Постановка задачи. Целью настоящего исследования является анализ правового механизма продажи земельных участков из государственной и муниципальной собственности с точки зрения обеспечения законности и противодействия коррупции. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

– раскрыть правовые основы продажи публичных земель;
– выявить основные процедурные гарантии законности;
– проанализировать действующие антикоррупционные механизмы;
– обозначить ключевые проблемы правоприменительной практики.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, дедукция, индукция, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Использованы положения земельного, гражданского и антикоррупционного законодательства Российской Федерации, а также материалы судебной практики и научные публикации в сфере земельного права.

Результаты. Правовое регулирование продажи земельных участков из публичной собственности основывается на нормах Земельного кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии со ст. 39.3 ЗК РФ предоставление земельных участков в собственность осуществляется, как правило, на торгах, если иное прямо не предусмотрено законом [1]. Такой подход обусловлен необходимостью обеспечения равного доступа заинтересованных лиц и предотвращения произвольных решений со стороны органов власти.

К ключевым процедурным гарантиям законности относится принцип публичности. Информация о проведении торгов подлежит обязательному размещению в установленных законом источниках. Это обеспечивает открытость процедуры и возможность общественного контроля. Обязательность торгов, как основного способа продажи публичных земель, также выступает важным гарантом законности, исключая предоставление участков по усмотрению должностных лиц.

Существенное значение имеет формализованный порядок принятия решений. Процедура подготовки и проведения торгов, определения начальной цены земельного участка, заключения договора купли-продажи строго регламентирована нормативными актами [3]. Нарушение любого этапа может повлечь признание сделки недействительной в судебном порядке.

Судебный контроль выступает самостоятельной гарантией законности. Суды рассматривают споры, связанные с оспариванием торгов, признанием незаконными действий органов власти, защите прав участников аукционов. Анализ судебной практики показывает, что наиболее распространёнными нарушениями являются занижение начальной цены, ограничение круга участников, несоблюдение сроков публикации извещений [7].

Антикоррупционные механизмы в сфере продажи земельных участков носят комплексный характер. Одним из важнейших направлений является цифровизация процедур. Электронные торги снижают возможность личного влияния должностных лиц и минимизируют риски сговора между участниками. Кроме того, установлен обязательный финансовый контроль за определением стоимости земельных участков, что препятствует занижению цены в коррупционных целях.

Особое значение имеет антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения [6]. Она позволяет

выявлять и устранять нормы, допускающие избыточное усмотрение либо правовую неопределённость. За нарушения в сфере предоставления земельных участков предусмотрены дисциплинарная, административная и уголовная формы ответственности.

Несмотря на развитость правовой базы, правоприменительная практика выявляет ряд устойчивых проблем: формальный характер торгов, использование аффилированных лиц, коррупционные схемы при зонировании территорий и определении вида разрешённого использования. Эти обстоятельства указывают на необходимость дальнейшего совершенствования контрольных механизмов.

Выводы. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что продажа земельных участков из государственной и муниципальной собственности является сложным публично-правовым процессом, требующим строгого соблюдения принципов законности, публичности и прозрачности. Действующие процедурные гарантии и антикоррупционные механизмы в целом обеспечивают защиту публичных интересов, однако сохраняющиеся проблемы свидетельствуют о необходимости их дальнейшего развития. Перспективными направлениями являются расширение цифровых форм взаимодействия, усиление общественного и прокурорского контроля, а также унификация судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (ред. действующая).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (части I–IV): федер. закон Рос. Федерации.
3. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
5. Боголюбов С.А. Земельное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2023.
6. Кичигин Н.В. Публичная собственность на землю в Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2022.
7. Ершов В.В. Судебная защита прав на землю. М.: Статут, 2021.
8. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. С.А. Боголюбова. М.: Проспект, 2023.

УДК 347.9

ОСПАРИВАНИЕ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ОТКАЗА ДОЛЖНИКА ОТ ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛЬЯ

М.П. Настюшкина, магистрант
Научный руководитель – Е.А. Алексеева, канд. юрид. наук, доцент
Курганский государственный университет
г. Курган, Россия

Аннотация. В данной статье рассмотрена возможность оспаривания в рамках процедуры банкротства пассивного и активного отказа должника от приватизации жилья на основе научных исследований и судебной практики, сформулированы рекомендации по внесению изменений в законодательство.

Ключевые слова: приватизация, банкротство, отказ, оспаривание.

Введение. В рамках процедуры банкротства физического лица финансовый управляющий, анализируя действия должника на наличие подозрительных сделок, выявляет определенные юридически значимые действия, требующие оспаривания и возвращения имущества в конкурсную массу. Один из таких случаев – когда в собственности у должника имеется жилое помещение, но фактически он проживает в квартире, которой владеет по договору социального найма. При этом жилье, находящееся в собственности, имеет исполнительский иммунитет, но в то же время должник имеет и другое жилье, не оформленное им в собственность. В данном случае есть две причины, почему на жилое помещение не зарегистрировано право собственности: должник либо отказался от приватизации в пользу третьих лиц (активный отказ) либо не воспользовался правом на приватизацию (пассивный отказ). В настоящем исследовании предлагаем рассмотреть возможность оспаривания активного и пассивного отказа от приватизации имущества, основываясь как на сформировавшейся на сегодняшний день судебной практике, так и на научных исследованиях. Ей посвящены научные труды таких исследователей как: Г.В. Синцов, А.А. Прохоров [1, с. 1], Е.Е. Богданова, Д.Е. Богданов [2, С. 132].

Постановка задачи. Целями настоящего исследования являются: определение понятий и правовой природы активного и пассивного отказа от приватизации жилья; анализ возможности осуществления активного и пассивного оспаривания в теории и на практике; формулировка выводов и рекомендаций с учетом существующей судебной практики и научной литературы.

Методика и методология исследования. В настоящей работе выполнен анализ научных исследований и судебной практики, посвященных вопросам оспаривания в рамках процедуры банкротства отказа должника от приватизации жилого помещения, обобщение выводов, полученных в ходе научных исследований, и практического опыта финансовых управляющих с

целью формулирования выводов о возможности оспаривания как активного, так и пассивного отказа гражданина – банкрота от приватизации жилого помещения.

Результаты. Для начала предлагаем определиться с понятиями. По договору социального найма жилого помещения собственник жилого помещения, находящегося в государственном или муниципальном жилищном фонде обязуется передать другой стороне – гражданину (нанимателю) жилое помещение во владение и в пользование для проживания в нем на определенных условиях [3, С. 60].

Иными словами, гражданин проживает в муниципальном жилье на особых условиях договора социального найма, собственником жилого помещения не является. В соответствии со статьей 64 Жилищного кодекса имеет право на приватизацию.

Под приватизацией в свою очередь следует понимать добровольную безвозмездную передачу в собственность гражданам Российской Федерации помещений, пригодных для проживания по правилам Закона «О приватизации жилищного фонда в РФ» [4, С. 46].

Рассмотрим оспаривание активного отказа. В таком случае должник выражает свою волю на отказ от приватизации имущества в пользу третьих лиц, сам собственником не становится, и впоследствии это имущество не подлежит включению в конкурсную массу. И если должник имеет одно жилое помещение в собственности, но проживает и зарегистрирован в жилье, приватизированном третьими лицами, в пользу которых он совершил отказ, то на его собственное жилье накладывается исполнительский иммунитет, что по сути влечет за собой причинение вреда интересам кредиторов. Как отмечается исследователями, активный отказ от приватизации является односторонней сделкой, а на сегодняшний день практика оспаривания односторонних следок активно распространена в современной судебной практике [1, С. 5].

Исследователи полагают, что в данном случае требуется оспаривание отказа от приватизации по аналогии с отказом от наследства и отказом от иска, в отношении которых уже сложилась устойчивая судебная практика, когда заявление финансового управляющего об оспаривании подлежит удовлетворению. [5, С. 7]. В особенности, если на момент совершения такой односторонней сделки должник уже имел признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества [6, С. 6].

Но на сегодняшний день суды признают активный отказ от приватизации законным, мотивируя это тем, что приватизация является правом, а не обязанностью гражданина и восстановление этого права не приведет к пополнению конкурсной массы. Должник при этом не утрачивает право на приватизацию иного жилого помещения в будущем (когда процедура банкротства может быть уже завершена). Кроме того, суд при рассмотрении спора счел, что финансовым управляющим не представлена

достаточная совокупность доказательств того, что действия должника в виде отказа от приватизации были направлены на причинение вреда интересам кредиторов [7, С. 6].

Указанная позиция была подтверждена судебными актами суда кассационной инстанции и Верховного суда Российской Федерации.

Большинство исследователей не согласны с такой позицией и считают, что более правильно, основываясь на позициях Верховного суда по вопросам оспаривания отказа от наследства и отказа от иска, разрешил спор суд первой инстанции, который удовлетворил заявление финансового управляющего об оспаривании отказа должника от приватизации. Суд первой инстанции проанализировал сделку, определил, что фактически она являлась «дарением», была совершена безвозмездно в пользу заинтересованных лиц (бывшей жены и дочери) и направлена на вывод из конкурсной массы ликвидного имущества. [8, С. 10].

То есть, по мнению Арбитражного суда Чувашской республики, отказ от приватизации формально соответствует признакам подозрительности по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве:

- предполагается, что отказ от приватизации совершается с целью понести меньшую ответственность перед кредиторами; является безвозмездной односторонней сделкой в пользу заинтересованных лиц, которые знали либо могли знать о признаках неплатежеспособности должника и возбуждении в отношении него дела о несостоятельности (банкротстве);

- вследствие отказа от приватизации конкурсная масса подвергается уменьшению.

Трудно не согласиться с позицией суда первой инстанции и научных исследователей, поскольку в случае невозможности оспаривания отказа должника от приватизации имущества в пользу третьих лиц, поскольку доказательств финансового управляющего о намерении причинить вред кредиторам всегда будет недостаточно. При этом, по нашему мнению, такое положение дел нарушает баланс интересов должника и кредиторов, поскольку по смыслу и назначению процедуры банкротства должник должен претерпевать ограничения, в том числе и по жилой площади – у него остается только единственное жилье, а остальное подлежит реализации. В конкретном случае с социальным жильем – он имеет возможность проживать в одном жилье и при этом не утратить другое. Считаем, что законодателю и правоприменителю необходимо унифицировать порядок оспаривания односторонних сделок: отказа от иска, отказа от наследства и отказа от приватизации, в особенности, если такие действия совершаются непосредственно в преддверии банкротства. При этом обозначить признаки подозрительности таких сделок, чтобы финансовый управляющий имел возможность оспорить их и восстановить баланс интересов кредиторов и должника.

Случаев оспаривания пассивного отказа в судебной практике не встречается. В первую очередь потому, что пассивный отказ не является действием – это воздержание от действия. В связи с этим такой отказ не попадает под классификацию сделки и, соответственно, не может быть оспорен. В данном случае тяжело не согласиться, ведь по смыслу законодательства сделка – это активное выражение воли, действие. Собрать доказательную базу для оспаривания бездействия на сегодняшнем этапе развития права не представляется возможным.

Выводы. В результате проведенного исследования на предмет возможности оспаривания активного и пассивного отказа должника от приватизации жилья можно сделать следующие выводы.

Возможность оспаривания отказа должника от приватизации даже в том случае, если он имеет жилье в собственности, существует в настоящий момент только на теоретическом уровне – на уровне научной литературы. Возможность оспаривания основана на аналогии с оспариванием отказа от наследства и отказа от иска. При этом такие распорядительные действия являются односторонней сделкой, то есть теоретически можно оспорить только активный отказ должника от приватизации в пользу других лиц. Но судебная практика пока идет по пути отрицания возможности оспаривания такой сделки.

Научная новизна исследования состоит в первую очередь в том, что ситуация с оспариванием отказа от приватизации (именно активного отказа, поскольку пассивный отказ не является сделкой) носит неопределенный характер. При очевидном нарушении интересов кредиторов суд не считает, что такой отказ подлежит оспариванию, ведь должник имеет возможность воспользоваться правом на приватизацию в будущем. Доказать его намерение причинить вред кредиторам не представляется возможным, ведь признаки такой сделки подозрительности не определены ни на уровне законодательства, ни на уровне судебной практики.

Сложившаяся ситуация дает почву для дальнейших научных исследований с целью унификации правил оспаривания подобного рода односторонних сделок и разработки признаков оспаривания этих сделок.

Полагаем, что цели данной научной работы достигнуты в полном объеме: на основе анализа научной литературы и опыта финансовых управляющих сделаны выводы о возможности оспаривания активного и пассивного отказа должника от приватизации жилья, сформулированы рекомендации по дальнейшему развитию оспаривания таких сделок и восстановлению интересов кредиторов, что говорит о высоком теоретическом значении исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синцов Г.В., Прохоров А.А. Оспаривание отказа должника от приватизации жилого помещения: правовое регулирование и правоприменительная практика. – М: Правовые вопросы недвижимости. – № 1. – 2022.
2. Гражданское право. Часть первая: Учебник: В 2 т. Т. 2. – под ред. д. ю. н., проф. Е.Е. Богдановой. – М.: Проспект, 2020. – 448 с.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.11.2025). – Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1.
4. Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/39746769/.
5. Определение Верховного Суда РФ от 14 сентября 2018 г. N 305-ЭС18-13167 по делу N А41-42616/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71950326/.
6. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 июня 2021 г. N 305-ЭС21-1766(1,2) по делу N А40-193248/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401296655/.
7. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 23 сентября 2020 г. N 01АП-2373/20 по делу № А79-6493/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/39746769/.
8. Определение Арбитражного суда Чувашской Республики от 27 февраля 2020 г. по делу № А79-6493/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=98067#uXqEC4VOqyDDIu65.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА И РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

А.В. Нестеренко, студент магистратуры
Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа. Анализируются коллизии норм уголовно-процессуального законодательства, приводящие к дублированию функций. Предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: прокурор, руководитель следственного органа, полномочия, уголовный процесс, процессуальная самостоятельность.

Введение. Проблема разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа является одной из наиболее дискуссионных в современном уголовном процессе России. От четкого определения компетенции каждого из этих субъектов зависит эффективность расследования преступлений, соблюдение прав и законных интересов

участников уголовного судопроизводства, а также обеспечение законности и обоснованности принимаемых решений.

Многочисленные поправки в уголовно-процессуальный закон, целью которых было улучшение работы органов предварительного расследования, до сих пор не решили ключевую проблему. Полномочия прокурора и руководителя следственного органа определены без чёткого разграничения, что ведёт к их дублированию. Подобная нечёткость правовых норм не только снижает эффективность управления, но и регулярно приводит к конфликтным ситуациям между этими участниками процесса, каждый из которых может трактовать свои полномочия расширительно. [1].

Исследованию проблем разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа посвящены работы многих ученых-процессуалистов, среди которых следует выделить труды В.Н. Григорьева, К.Б. Калиновского, Н.А. Колоколова, А.В. Смирнова, и других [2; 3; 4; 5]. Вместе с тем, динамично развивающееся уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительная практика требуют постоянного анализа и переосмысления существующих проблем, а также выработки новых подходов к их решению.

Постановка задачи. Целью настоящего исследования является комплексный анализ проблем разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа, а также разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в данной сфере.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить понятие и содержание полномочий прокурора и руководителя следственного органа;
- выявить основные коллизии и неопределенности в регулировании полномочий указанных субъектов;
- проанализировать практику применения уголовно-процессуального законодательства в части разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа;
- разработать предложения по совершенствованию законодательства с целью оптимизации взаимодействия органов предварительного следствия и прокуратуры.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные (диалектический, исторический, логический, системный) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы исследования. Использованы материалы опубликованной судебной практики, данные ведомственной статистики.

Применялись следующие методы сбора и обработки информации:

- анализ нормативных правовых актов (Конституции РФ, УПК РФ, федеральных законов, ведомственных приказов и инструкций);

- изучение научной литературы по проблемам разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа;
- обобщение практики применения уголовно-процессуального законодательства;

Результаты. Масштабные изменения в уголовном процессе, инициированные в 2007 году, в первую очередь затронули статус руководителя следственного органа, объём его полномочий претерпел значительное расширение. Действующий УПК РФ в статье 39 прямо возлагает на него две ключевые задачи:

1) процессуальное и фактическое руководство деятельностью органов предварительного следствия;

2) процессуальный контроль за законностью производства предварительного следствия.

Именно поэтому представляется возможным утверждать, что основная роль в системе внутриведомственного контроля на досудебном этапе принадлежит именно ему. Полномочия же прокурора, перечисленные в ст. 37 УПК РФ и других правовых нормах, формируют иную, хотя и частично пересекающуюся, сферу ответственности.

При этом основное отличие прокурорского надзора от процессуального контроля на стадии предварительного расследования состоит в различной правовой природе и различном объеме полномочий прокурора и руководителя следственного органа. Несмотря на наличие у последнего ряда полномочий, совпадающих с прокурорскими, эти полномочия, как и сам процессуальный контроль, по отношению к прокурорскому надзору носят вспомогательный характер и не могут заменить прокурорско-надзорную функцию.

Это обусловлено тем, что прокурорский надзор, базируясь на Конституции Российской Федерации и Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», имеет своей целью обеспечение законности на всей территории страны, в то время как процессуальный контроль руководителя следственного органа ограничен рамками конкретного следственного подразделения и действующего законодательства в части процессуальных действий. Следовательно, прокурорский надзор призван обеспечить единообразное применение закона органами предварительного расследования, что прямо следует из их процессуального статуса (ч. 1 ст. 37 УПК РФ).

Важным аспектом является и то, что прокурор вправе непосредственно вмешиваться в ход дознания, давая обязательные указания дознавателю. Что касается предварительного следствия, то прокурорский надзор за следователем осуществляется в формах и пределах, прямо установленных УПК РФ. Руководитель следственного органа, в свою очередь, контролирует работу следователей своего подразделения, дает им указания по

расследованию, соглашается или не соглашается с их процессуальными решениями, но его полномочия ограничены иерархией следственного органа.

Таким образом, отличие прокурорского надзора от процессуального контроля проявляется не только в объеме полномочий, но и в сфере их применения. Осуществление прокурорского надзора в отношении работы органов предварительного следствия ограничено рамками досудебного производства. Его временные границы простираются от возбуждения уголовного дела до финального этапа – утверждения обвинительного заключения и передачи материалов в суд.

В научной литературе неоднократно поднимается вопрос о правовой неоднозначности, связанной с исполнением требований прокурора следователем и руководителем следственного органа [6]. Создаётся ситуация, при которой прокурор фактически исключается из процесса в момент принятия руководителем следственного подразделения ключевых процессуальных решений. Обжалование таких решений возможно исключительно в рамках ведомственной иерархии – вышестоящему руководителю, что лишает прокуратуру действенных рычагов влияния на данный процесс.

Для преодоления указанной коллизии заслуживает внимания позиция А.В. Спирина, который считает необходимым придать указаниям прокурора обязательную силу для следователя и руководителя следственного органа [7]. В развитие этого подхода предлагается также предоставить прокурору право, в случае несогласия адресатов с его указаниями, обжаловать их решения через вышестоящего прокурора, чьё решение будет окончательным [8].

Представляется, что определённое дублирование контрольных функций не всегда является исключительно негативным. Для достижения эффективного баланса между внешним прокурорским надзором и внутренним процессуальным контролем важно, чтобы некоторые властные прерогативы находились в зоне ответственности обоих субъектов. Ярким примером служит полномочие по отмене незаконных или необоснованных постановлений следователя, которым наравне с прокурором наделён и руководитель следственного органа.

Данное дублирование функций создаёт систему взаимного сдерживания. Осознавая, что прокурор в рамках надзора может выявить и отменить ошибочное постановление о прекращении дела, которое было санкционировано руководителем следственного подразделения, последний заинтересован в своевременном и тщательном внутреннем контроле. Таким образом, существование параллельного полномочия у прокурора выполняет превентивную роль, побуждая руководителя следственного органа к более ответственному исполнению своих обязанностей по контролю за подчинёнными следователями. При этом, полагаем, взаимный контроль не является негативным явлением, однако влияние прокуратуры не должно превалировать над работой следственных органов, несмотря на то что

прокуратура является надзорным органом по отношению к следственным органам. Только слаженная работа может привести к сбалансированному и справедливому результату.

Оптимальное взаимодействие прокуратуры и следственных органов – это не просто формальное исполнение обязанностей, а сложный, требующий постоянной корректировки процесс, в котором обе стороны выступают в роли важных звеньев единой системы. Чрезмерное доминирование одной из сторон может привести к перекосам в расследовании, затягиванию сроков и, как следствие, к снижению качества досудебного производства.

На практике слаженность проявляется в оперативном обмене информацией, конструктивном обсуждении возникающих вопросов и согласовании процессуальных решений. Важно, чтобы прокурор не только осуществлял надзор, но и оказывал методическую помощь следователю, направляя его действия в соответствии с требованиями закона.

При этом, независимо от статуса и полномочий, каждый участник уголовного процесса должен осознавать свою ответственность за конечный результат – установление истины по делу и привлечение виновных к ответственности. Злоупотребление полномочиями, недобросовестное исполнение обязанностей или личная заинтересованность недопустимы и должны пресекаться в рамках действующего законодательства.

Тем не менее, в действующем процессуальном механизме уже существуют эффективные формы координации. Например, при решении вопроса об избрании меры пресечения следователь самостоятельно обращается в суд, что гарантирует его независимость. Параллельно обязательное участие прокурора в судебном заседании по данному ходатайству обеспечивает осуществление надзора: он представляет суду правовую аргументацию в поддержку позиции обвинения. Данная процедура наглядно демонстрирует, как процессуальная самостоятельность одной стороны сочетается с реализацией надзорной функции другой в рамках единой судебной процедуры.

Кроме того, аналогичным образом обстоят дела и при проверке законности решения о возбуждении уголовного дела. Если раньше уголовное дело возбуждалось с согласия прокурора, то в настоящее время данное решение следователь принимает самостоятельно, однако прокурор вправе отменить его, что, опять же, свидетельствует о достаточности полномочий следователя на стадии возбуждения уголовного дела.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и практические рекомендации, направленные на совершенствование координации между прокуратурой и органами предварительного следствия в рамках досудебного производства.

Расширение процессуальной самостоятельности руководителя следственного подразделения, последовавшее после реформы 2007 года, существенно повысило значение ведомственного контроля за законностью

действий следователя. Вместе с тем, как демонстрирует правоприменительная практика, данное усиление не должно нивелировать роль прокурорского надзора. Последний, обладая универсальным характером и особым конституционным статусом, сохраняет свою роль в качестве гаранта соблюдения законности на всей территории Российской Федерации.

Наложение отдельных полномочий прокурора и руководителя следственного органа не следует рассматривать исключительно как негативный фактор, ведущий к конфликту. В определённой степени такое дублирование функций может выступать дополнительным механизмом защиты, создавая условия для их взаимного уравновешивания.

Оптимальное взаимодействие между прокуратурой и следственными органами – это не просто формальное исполнение обязанностей, а сложный, требующий постоянной корректировки процесс, основанный на оперативном обмене информацией, конструктивном обсуждении возникающих вопросов и согласовании процессуальных решений. Чрезмерное доминирование одной из сторон недопустимо и может привести к перекосам в расследовании и снижению качества досудебного производства.

Существующая практика, когда указания руководителя следственного органа обязательны для исполнения следователем, а требования прокурора – до поступления уголовного дела с обвинительным заключением – носят рекомендательный характер, представляется не вполне сбалансированной и требует корректировки.

На основании изложенного, представляются целесообразными следующие предложения:

1. Для преодоления выявленных правовых коллизий и повышения эффективности прокурорского надзора предлагается рассмотреть вопрос о законодательном усилении властных полномочий прокурора в досудебном производстве. Конкретной мерой могло бы стать придание обязательной юридической силы указаниям прокурора, данным в рамках его компетенции, для следователя и руководителя следственного органа. В целях обеспечения баланса и процессуальных гарантий данная инициатива, созвучная позиции А.В. Спирина, должна включать в себя четкий механизм разрешения разногласий. Таким механизмом является право следователя или руководителя следственного органа в случае несогласия обжаловать указание прокурора вышестоящему прокурору. Решение, принятое по такой жалобе, будет окончательным для всех участников спора.

2. Совершенствование механизмов взаимодействия между прокуратурой и следственными органами. Необходимо разработать и внедрить в практику четкие регламенты информационного обмена, проведения совместных совещаний и согласования процессуальных решений. Важно, чтобы прокурор не только осуществлял надзор, но и оказывал методическую помощь следователю, направляя его действия в соответствии с требованиями закона и сложившейся судебной практикой.

Реализация указанных предложений позволит укрепить законность в досудебном уголовном судопроизводстве, повысить эффективность борьбы с преступностью и обеспечить защиту прав и законных интересов граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев, Т.Т. Прокурорский надзор в стадии предварительного расследования: современное состояние и перспективы развития / Т. Т. Алиев // Законность. – 2022. – № 3. – С. 15–20.
2. Бастрыкин, А.И. Актуальные проблемы совершенствования предварительного следствия / А. И. Бастрыкин // Российский следователь. – 2023. – № 5. – С. 2–7.
3. Бессарабов, В.Г. Прокурорский надзор: учебник / В.Г. Бессарабов. – Москва: Проспект, 2022. – 504 с.
4. Волохова, О.В. Взаимодействие следователя и прокурора при производстве следственных действий: вопросы теории и практики / О.В. Волохова // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2024. – № 1. – С. 88–93.
5. Григорьев, В.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного следствия и дознания: учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – Москва: Эксмо, 2023. – 480 с.
6. Жук, О.Д. Проблемы разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа при возбуждении уголовного дела / О.Д. Жук // Законность. – 2023. – № 10. – С. 21–25.
7. Спирин А.В. Представление прокурора об устранении нарушений уголовно-процессуального закона в досудебном производстве / А.В. Спирин // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 211–215. – URL: https://www.urvak.ru/articles/probe-vypusk-5-predstavlenie-prokurora-ob-ustranen/.
8. Карякин, Е.А. Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан / Е.А. Карякин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 6. – С. 45–51.
9. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном процессе России: монография / Н. Н. Ковтун. – Москва: Издательство «Юрайт», 2024. – 365 с.

УДК 340.113/340.143

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ

Д.О. Новиков, *частнопрактикующий юрист*
г. Красноярск, Россия

Аннотация. Технологическая трансформация требует принятия правовых актов в которых должны найти отражение новые термины. Рассмотрены пути возникновения юридических терминов, а также проанализированы термины, возникшие в результате цифровизации – «криптовалюта», «майнинг», «блокчейн» и др.

Ключевые слова: юридическая терминология, терминология закона, терминология права, цифровизация, криптовалюта.

Введение. Юридическая терминология играет важную роль для функционирования общественных институтов, для деятельности органов судебной, исполнительной и законодательной властей, иных государственных институтов и учреждений.

Перед тем как стать юридическим термином, слово проходит определенный путь трансформации, переосмысления, принятия и наконец, признания в качестве юридического термина. Н.Д. Голев и А.В. Иркова называют процесс становления юридического термина «юридизация» [13]. По мнению исследователей, общенародное слово получает статус юридического термина, когда «становится элементом текста закона» [13]. Однако на наш взгляд юридическую терминологию следует рассматривать более широко. Согласимся с В.Ю. Тураниным, который пишет о том, что юридическая терминология является элементом правовой действительности, а не только элементом юридической техники [18].

Рассматривая соотношение терминологии закона и терминологии юридической науки, В.А. Толстик справедливо отмечает, что «не всякий доктринальный термин находит отражение в тех или иных юридических документах» [17]. Термины «гипотеза» и «диспозиция» (как элементы нормы права), не используются в законах, однако оказывают влияние на юридическую деятельность, используются при анализе норм права и системы права, а также в решениях судов [2] Соответственно они в полной мере являются юридическими, несмотря на то, что законодатель их не использует при формировании норм права. Это позволяет подтвердить целесообразность более широкого подхода к рассмотрению юридической терминологии, как не только элемента законов, а как элемента всей правовой действительности.

Имеется несколько путей формирования юридического термина: придание общеупотребимому слову правового смысла, заимствование терминов из других областей знаний и придание им юридического смысла,

создание юридического термина представителями науки [18] и заимствование из иностранных языков [16].

Постановка задачи. Задачами исследования являются оценка влияния цифровизации на юридическую терминологию, рассмотрение новых терминов, нашедших отражение в законах, а также используемых в науке и практической деятельности, как в России, так и за рубежом.

Методика и методология исследования. Объект исследования: юридическая терминология. Предмет исследования: юридическая терминология в период цифровизации.

При рассмотрении влияния технологического развития на юридическую терминологию были использованы работы К.М. Арсланова, Н.Д. Голева, А.В. Крупочкина, К.В. Ордова, И.В. Рехтиной, В.А. Толстика, В.Ю. Туранина, В.С. Шульженко. Помимо этого, был проведен анализ отечественных и зарубежных нормативных правовых актов (Беларусь, Греция, Казахстан, Мексика, Сингапур, Япония, Европейский союз (ЕС)).

В процессе исследования были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также методы юридической герменевтики.

Результаты. На юридическую терминологию оказывают влияние различные процессы, которые происходят в обществе, например глобализация, цифровизация, трансформация общества, экономики и др. Результатом такого влияния является появление новых терминов в законах, подзаконных актах, юридической науке и практике. В период принятия части 2 Гражданского кодекса РФ (1996 год), происходили процессы глобализации. Также на формирование гражданского законодательства оказало влияние немецкое, французское, англо-американское, швейцарское, датское, а также советское законодательство [12]. Опора на иностранный опыт стала причиной множества заимствований из иностранных языков (секвестр, факторинг, фрахтование и др.).

Сегодня велико влияние цифровизации, которая приводит к возникновению новых инструментов, трансформации формата общественных отношений, что требует их обозначения. Особенность общественных наук заключается в том, что они следуют за развитием общества, исследуют уже возникшие процессы и явления. Соответственно зачастую становится актуальным вопрос заимствования термина из других областей знаний и придание ему юридического значения.

Одним из результатов цифровизации стало появление и развитие криптовалют. Идея цифровых денег появилась в 1989 году, однако в современном виде самая известная критовалюта – биткойн появилась в 2009 году, а термин «криптовалюта» возник в 2011 году после публикации в журнале «Forbs» статьи «Crypto currency» (Криптографическая валюта)». Новый инструмент появился и начинает активно использоваться, одним из пиков его популярности является 2017 год.

А что же в это время происходит с юридической терминологией, как слово «криптовалюта» отражается в праве и юридических исследованиях?

Одним из первых государств, в нормативных правовых актах которого было использовано слово «криптовалюта» стала Беларусь, где она определяется как «биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена» [6]. Обращает на себя внимание, что при определении использовано название конкретной криптовалюты – биткойн. В 2024 году в Европейском союзе вступил в силу регламент о рынках криптоактивов [11]. В данном акте используется термин «криптоактив», который включает в себя токены электронных денег, токены с обеспеченными активами и утилитарные токены. На основании данного регламента государства-участники ЕС принимают национальные акты. Так, в апреле 2025 года в Греции был принят закон 5193/2025 (Закон о MiCA) терминология которого воспроизводит положения акта ЕС [20]. В Японии также используется термин «криптоактив» [5].

В большей же части государств термины «криптовалюта» и «криптоактив» не используется, а данные инструменты обозначаются как цифровая валюта (Россия) [1], цифровые активы (Казахстан) [10], цифровые платежные токены (Сингапур) [8] виртуальные активы (Мексика) [7] и др.

Однако, несмотря на то что в отечественном законодательстве термин «криптовалюта» отсутствует, суды иногда его используют. В одном из решений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ 2025 года содержится формулировка: «цифровые валюты (криптовалюты)» [4]. Закон о цифровых финансовых активах в России был принят в 2021 году [1], однако, данные инструменты появились намного раньше и уже в 2018 году Верховный Суд РФ использовал слово «криптовалюта» в одном из решений [3].

Термин «криптовалюта» используется в научно-исследовательской деятельности при написании монографий [15] и иных работ.

Можно высказать результаты наблюдения, анализа научной литературы и материалов СМИ: термин «криптовалюта» значительно более популярен, чем «цифровая валюта» или «цифровой финансовый актив». Отметим, что законодательство в данной области находится в стадии становления, и можно поддержать А.В. Крупочкина и И.П. Хоминич, которые предлагают уточнить нормативное понятие «цифровая валюта», а также ввести в законодательство новые термины – «криптоактив» и «криптовалюта» [14].

Другой термин, связанный с криптовалютами – «майнинг», приобрел нормативный статус без каких-либо изменений. Термин «майнинг» также используется в Беларуси [6], а вот в Казахстане нормативным понятием является «цифровой майнинг» [10]. В Китае используется термин «майнинг» [9], однако указано, что деятельность по воспроизводству виртуальных валют

должна быть ликвидирована. В целом, в Китае установлен абсолютный запрет на криптовалюты, законной цифровой валютой является только цифровой юань.

Понятие «блокчейн» не используется в отечественных федеральных законах, его аналогом можно назвать понятие «распределённый реестр». В то же время, в подзаконных актах Правительства РФ, Минпросвещения РФ, Росстата и иных органов власти термин «блокчейн» иногда встречается.

Кроме того, новыми терминами, связанными с цифровизацией, являются «искусственный интеллект», «галлюцинация искусственного интеллекта», «нейросеть», «промт», «виртуальная реальность», «дополненная реальность», «умный город» и многие другие. Все данные термины не возникли из ниоткуда в последние годы. Как правило, они активно использовались в технических и иных науках, в средствах массовой информации, повседневной жизни и быту. Однако повышение роли цифровых технологий в обществе способствует тому, что указанные и многие другие термины, исследуются в общественных и гуманитарных науках. Предлагаются авторские определения, издаются научные статьи и монографии, защищаются диссертации. Данные термины имеют значение для образования, медицины, юридической деятельности и др. Однако, отражение в законах и иных правовых актах данные термины либо не находят, либо оно недостаточно и хаотично.

Рассматривая правое значение терминологии на примере блокчейна, В.С. Шульженко отмечает, что «отдельные правовые нормы, регулирующие цифровые технологии, применяются к блокчейну по аналогии, но не учитывают его специфику» [19].

Данная особенность применима ко всем новым инструментам, процессам и отношениям, которые не урегулированы законом – подробное регулирование отсутствует и термины в законодательстве не раскрываются, что приводит к необходимости использования общих и отраслевых норм права, отраслевых, которые не учитывают специфику того или иного инструмента, процесса и отношения. Это негативно отражается на гармоничности общественных отношений, вызывает множество споров о применении норм права на практике.

Выводы. Юридическая терминология является самым важным элементом правовой действительности. Наличие термина, полнота и качество его раскрытия в законе значительно повышают эффективность любой деятельности, так или иначе связанной с правом.

Слова проходят определенный путь от возникновения до отражения в норме права. Однако юридические термины – это не только те слова, которые используются в законах, но и те которые сопровождают юридическую деятельность и разрабатываются в науке.

Повсеместное распространение цифровых технологий и их влияние на общество требует придания многим из них официального юридического статуса.

Термины, связанные с цифровизацией, используемые в правовых актах и юридической деятельности не возникли сами по себе, как правило, они перекочевали из технических наук. Но юридическим термин можно назвать лишь тогда, когда он не просто скопирован, а ему был предан особый юридический смысл.

Формирование официальной терминологии требует не только проведения юридических исследований, но и взаимодействия с представителями технических и филологических наук для того, чтобы новый термин в полной мере отражал запросы общества, был актуальным и понятным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из СПС Консультант плюс.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2024; № 22-П // Доступ из СПС Консультант плюс; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2025 № 304-ЭС24-3145 по делу № А81-13540/2022 // Доступ из СПС Консультант плюс.
3. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20.04.2018 № 78-КГ17-101 // Доступ из СПС Консультант плюс.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2025 № 5-КГ25-122-К2 // Доступ из СПС Консультант плюс.
5. Payment Services Act (Act No. 59 of 2009) / Japanese Law Translation [Электронный ресурс]. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3965/en.
6. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd1700008.
7. Decreto por el que se expide la Ley 09/03/2018 / DOF [Электронный ресурс]. URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5515623&fecha=09/03/2018#gsc.tab=0.
8. Payment Services Act 2019 – Singapore / Advocatetanmoy Law Library [Электронный ресурс]. URL: https://advocatetanmoy.com/payment-services-act-2019-singapore/.
9. **关于整治虚**拟货币“**挖**矿”**活**动的通知(发改运行〔2021〕1283**号**) / **中**华人民**共和国国家**发展和改革委员**会** [Электронный ресурс]. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202109/t20210924_1297474_ext.html.
10. Закон Республики Казахстан от 06.02.2023 № 193-VII ЗРК (ред. от 20.11.2025) «О цифровых активах в Республике Казахстан» // Доступ из СПС Адилет.
11. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 (Text with EEA relevance) / EUR Lex [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng.

12. Арсланов К.М. О заимствованиях иностранных юридических конструкций в российском гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157. – № 6. – С. 79–89.
13. Голев Н.Д., Иркова А.В. Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями -чести -добр-) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – № 4. – С. 212–242.
14. Крупочкин А.В., Хоминич И.П. Криптовалюты и цифровые активы в современной правовой и финансовой системе России: проблемы терминологии и классификации // Мир новой экономики. – 2025. – Т. 19. – № 2. – С. 22–32.
15. Ордов К.В. Криптовалюта: теория и практика создания и функционирования: монография. – М.: КноРус – 2022. – 201 с.
16. Рехтина И.В., Боловнев М.А. Использование в понятийном аппарате гражданского и арбитражного процессуального права терминов иностранного происхождения // Юрислингвистика. – 2016. – № 5. – С. 63–71.
17. Толстик В.А. Проблемы классификации юридической терминологии // Russian Journal of Economics and Law. – 2013. – № 2. – С, 176–182.
18. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: автореферат дис. ... д.ю.н – Белгород. – 2017. – 45 с.
19. Шульженко В.С. Правовое регулирование технологии блокчейн в российской правовой системе // Юридическая наука. – 2025. – № 4. – С. 282–286.
20. Mallerou A. Blockchain & cryptocurrency laws and regulations 2026 – Greece / GLi, 21.10.2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/blockchain-cryptocurrency-laws-and-regulations/greece/.

УДК 349.6

НЕЗАКОННАЯ ВЫРУБКА ЛЕСОВ В РОССИИ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРАВОВЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ ДАННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Д.Д. Овчинникова, студент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ современного состояния проблемы незаконной вырубки лесов в России. На основе актуальных статистических данных исследованы масштабы и динамика правонарушений в сфере лесопользования, проанализированы последствия нерационального использования лесов.

Ключевые слова: лес, охрана леса, незаконная вырубка, ответственность, ущерб.

Введение. Лес, как один из наиболее важных природных ресурсов, играет ключевую роль в жизни человека и биосферы в целом. В системе природных богатств Российской Федерации лесной фонд занимает особое положение, представляя собой стратегически важный природный ресурс,

имеющий ключевое значение как для экономического развития государства, так и для поддержания экологического баланса. Российская Федерация, обладая крупнейшими в мире запасами лесных ресурсов, которые составляют более четверти мирового лесного покрова, сталкивается с серьезными вызовами в сфере их рационального использования и охраны. Актуальность исследования определяется масштабами негативного воздействия незаконных рубок на экологическую и экономическую безопасность государства, а также недостаточной эффективностью существующих механизмов государственного контроля в сфере лесопользования.

Недостаточное законодательное регулирование лесных отношений, низкая эффективность контроля со стороны государства за использованием и охраной лесов приводит к существующим проблемам рационального лесопользования в России, в частности к незаконному осуществлению предпринимательской деятельности – вырубке и добыче древесины, которые наносят непоправимый ущерб окружающей среде и экономике страны.

Незаконная вырубка, осуществляемая организованными преступными группировками в значительных масштабах, а также нелегальный экспорт незаконно полученной древесины – наиболее серьезные экологические проблемы современности.

Материалами данной статьи являются различные нормативные правовые акты: Лесной кодекс РФ, Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса», а также учебная и научная литература.

Постановка задачи. Особое внимание в исследовании было уделено оценке эффективности существующих механизмов государственного контроля в сфере лесопользования, включая анализ функционирования системы ЛесЕГАИС и перспективы внедрения Федеральной информационной системы лесного комплекса. В статье предложены направления совершенствования правового регулирования и государственного контроля в сфере охраны лесов, включая меры по повышению эффективности мониторинга лесопользования и усилению юридической ответственности за лесонарушения. В данной статье используются такие методы, как сравнительно-правовой, формально-юридический и анализ нормативных правовых актов.

Методика и методология исследования. Современное состояние проблемы незаконной вырубки лесов характеризуется противоречивыми тенденциями. По данным контрольных ведомств, ежегодный объем сплошной вырубки леса на территории России превышает 1,1 миллиона гектаров, при этом дополнительные потери лесного фонда связаны с природными факторами, такими как пожары, вредители и неблагоприятные почвенно-климатические условия, которые составляют около 0,2 миллиона гектаров в год [1].

Особую обеспокоенность вызывает масштаб незаконных рубок, объем которых по данным дистанционного мониторинга за 2023 год достиг 200 тысяч кубометров, причинив ущерб в размере 2,6 млрд рублей. Наибольшая концентрация нарушений зафиксирована в Иркутской, Амурской областях, Красноярском крае и Республике Бурятия. При этом наблюдается положительная динамика в части выявления и пресечения незаконных рубок, что связано с расширением площади дистанционного мониторинга и усилением мер государственного контроля [2].

Анализ факторов, способствующих незаконной вырубке лесов, позволяет выделить комплекс взаимосвязанных причин экономического и правового характера. Одной из ключевых причин уничтожения лесов является устойчивый спрос на древесину как сырье для различных отраслей промышленности, включая строительство, производство мебели и целлюлозно-бумажную промышленность. Существенное влияние оказывает также потребность в расширении сельскохозяйственных угодий и территорий под жилищное строительство. Так, развитие городов требует достаточно большого объема земельных участков для возведения жилых зданий, коммерческих объектов и автомобильных дорог.

Вырубка лесов зачастую рассматривается общественностью как экологическая проблема, но этот процесс не всегда носит негативный характер. Иногда рубка деревьев приносит больше пользы, чем вреда, особенно если она осуществляется с учётом определённых целей и методов. Так, с целью соблюдения норм Лесного кодекса Российской Федерации вырубка лесов служит одной из мер охраны природы, проведение которой необходимо для профилактики и предотвращения заболеваний леса. Однако обязательным условием для такой вырубки является восстановление лесного фонда путём посадки новых растений.

В рамках рассматриваемой темы следует выделить виды рубок. Селективная вырубка главного пользования подразумевает удаление деревьев на определённых участках, оставляя нетронутыми остальные, иными словами удаляются только старые деревья, молодые же сохраняются. Указанный подход позволяет эффективно управлять лесными ресурсами, используя вырубленную древесину в качестве сырья для производства.

К иным, не менее важным видам рубки лесного массива относятся: уходовая рубка, целью которой является сокращение количества малоценного молодняка, забирающего питательные вещества и представляющего опасность для взрослых строевых деревьев; санитарная рубка, проводимая для оздоровления лесного массива; комплексная рубка, связанная с промышленной или сельскохозяйственной деятельностью, когда на выделенном лесном участке вырубаются все деревья без учёта их состояния и возраста [3, С. 75].

Неэффективность существующих механизмов контроля требует совершенствования системы мониторинга и правового регулирования

оборота древесины. Согласно утвержденной Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года, приоритетными мероприятиями в области лесного хозяйства являются: снижение объемов незаконной заготовки древесины и лесонарушений, увеличение оперативности тушения лесных пожаров, а также увеличение объемов лесовосстановления [4].

Статистические данные свидетельствуют о том, что за первое полугодие 2023 года лесной охраной было выявлено 4,3 тысячи случаев нелегальной вырубки деревьев, по которым возбуждено 2,3 тысячи уголовных дел, а общая сумма наложенных штрафов составила 4,4 миллиона рублей. Примечательно, что по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года объем выявленных незаконных рубок сократился на 36%, что указывает на определенную эффективность принимаемых мер, однако масштаб проблемы по-прежнему остается значительным и требует дальнейшего совершенствования механизмов правового регулирования и государственного контроля [2].

Неконтролируемое уничтожение лесов влечёт за собой негативные экологические последствия. Сокращение лесных массивов приводит к утрате естественной среды обитания и источников питания для множества видов растений и животных. В результате этого некоторые виды, особенно редкие и уязвимые, исчезают, что снижает биологическое разнообразие регионов. Особую значимость приобретает проблема снижения способности лесных экосистем выполнять их климатообразующие и средозащитные функции. Уничтожение лесного покрова приводит к увеличению концентрации углекислого газа в атмосфере, что усугубляет проблему глобального изменения климата. В экономическом аспекте незаконные рубки наносят существенный ущерб государственному бюджету.

Социальные последствия проявляются в нарушении традиционного уклада жизни населения лесных территорий, сокращении рабочих мест в легальном лесопромышленном секторе и росте социальной напряженности в регионах с высоким уровнем лесонарушений. Негативное воздействие на качество окружающей среды в местах массовых незаконных рубок создает угрозу санитарно-эпидемиологическому благополучию населения и может провоцировать миграционные процессы из экологически неблагополучных районов.

Вырубка лесов является глобальной проблемой, требующей комплексного подхода для её решения. В настоящее время законодателем принимаются различные меры правового регулирования с целью противодействия незаконной вырубке лесных насаждений и незаконному обороту древесины и изготовленных пиломатериалов.

В рамках государственной политики по противодействию незаконным рубкам особое значение приобретает совершенствование механизмов контроля за оборотом древесины. Ключевым инструментом в данной сфере

выступает Единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней – ЛесЕГАИС, введенная Федеральным законом № 415-ФЗ от 28.12.2013 «О внесении изменений в Лесной кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях».

Данная система, функционирующая с 2015 года, призвана обеспечивать контроль всей цепочки движения древесины от заготовки до конечной реализации потребителю. Однако практика применения ЛесЕГАИС выявила ряд существенных недостатков, включая отсутствие эффективных инструментов для оперативного выявления незаконно заготовленной древесины на этапе транспортировки и механизмов сопоставления объемов заготовленной древесины с объемами, находящимися в обороте. Более того, отмечается, что информация, которая была занесена в ЛесЕГАИС, имеет закрытый характер, что непосредственно препятствует участию граждан и различных природоохранных организаций в создании механизмов общественного контроля за состоянием лесов.

В следствие низкого уровня эффективности ЛесЕГАИС и на основании утвержденного Президентом РФ перечня поручений по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса в 2025 году планируют запуск Федеральной информационной системы лесного комплекса (ФГИС ЛК), которая непосредственно будет учитывать не просто продаваемую древесину, а целый комплекс. При этом данные указанной системы будут находиться в открытом доступе для осуществления контроля за происходящим оборотом лесной продукции.

Создание ФГИС ЛК предусмотрено Распоряжением Правительства РФ от 11.02.2021 года № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 года». Данный документ призван в целом повысить эффективность и прозрачность всей лесной отрасли [4].

Кроме того, в целях предотвращения данной экологической проблемы необходимо повышение осведомленности населения, иными словами стоит повышать уровень правосознания и правовой культуры граждан страны. Деятельность, связанная с правовым просвещением о важности сохранения лесов и их особой роли в экосистемах значительно поспособствует формированию именно экологического сознания и пониманию ценности всей природы в целом.

Например, для правового просвещения граждан можно организовывать различные экологические мероприятия, настроить деятельность информационных кампаний, повысить осведомлённость общественности о мерах ответственности за лесонарушения, а также следует популяризировать в СМИ и социальных сетях важность защиты и охраны лесов. Таким образом, экологическое просвещение населения России о важности сохранения лесов, правовых и экологических последствиях незаконной рубки помогут формированию осознанного отношения к данной проблеме.

Наиболее важным способом решения проблемы с незаконной рубкой являются законодательные меры и эффективный контроль за их соблюдением. В России действуют законы и нормативы, направленные на защиту лесов от незаконной рубки. Однако на практике они не всегда работают. Поэтому считаю необходимым усовершенствовать действующее законодательство исходя из современных тенденций развития общества, а также усилить контроль за оборотом лесных ресурсов со стороны государства, внедрив при этом новейшие технологии и системы для обеспечения прозрачности и эффективности [5, С. 132]. В этом контексте планируемый запуск ФГИС ЛК в 2025 году, может стать важным шагом в создании эффективной системы контроля за оборотом древесины и обеспечении устойчивого развития лесного комплекса России.

В рамках рассматриваемой темы необходимо также обратить внимание на меры ответственности в сфере незаконной вырубки лесных насаждений. Лесной кодекс РФ не содержит прямого указания или перечня преступлений в сфере лесного законодательства. Он лишь устанавливает, что в зависимости от характера совершенного нарушения, лица, виновные в нарушении лесного законодательства, несут административную, уголовную и иную ответственность в порядке, установленном законодательством РФ [6, ст. 99]. Так, ответственность за незаконную вырубку лесных насаждений предусмотрена статьями 8.28 КоАП и 260 УК РФ.

При рассмотрении практики применения мер уголовного наказания за совершения преступлений в сфере лесного законодательства можно сказать о том, что наиболее распространёнными мерами являются штрафы и условное лишение свободы с испытательным сроком. Реже применяются обязательные работы (начиная с 2005 года). С 2017 года суды зачастую стали вообще освобождать виновных от уголовной ответственности и назначать им судебный штраф вместо уголовного наказания в виде штрафа [7, С. 22].

При этом стоит отметить, что практика назначения наказаний свидетельствует о недостаточной эффективности существующих санкций для предотвращения повторных правонарушений. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос об ужесточении мер ответственности, особенно в случаях, когда незаконные рубки осуществляются организованными преступными группами или причиняют значительный ущерб лесному фонду.

Результаты. По результатам проведенного исследования установлено, что проблема незаконной вырубки лесов в Российской Федерации сохраняет свою актуальность, несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению количества выявленных правонарушений. Анализ современного состояния лесного комплекса свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов государственного контроля и правового регулирования в сфере лесопользования. Существующая система ЛесЕГАИС продемонстрировала недостаточную эффективность в части предотвращения незаконного оборота

древесины, что обусловило необходимость разработки и внедрения новой Федеральной информационной системы лесного комплекса.

Выводы. Стоит отметить, что для решения проблемы незаконной вырубки лесов требуется комплексный подход, включающий совершенствование нормативно-правовой базы, усиление мер юридической ответственности, повышение эффективности правоприменительной практики и развитие системы мониторинга лесопользования. Особое значение приобретает необходимость повышения прозрачности оборота лесных ресурсов и обеспечения доступа общественности к информации о состоянии лесного фонда.

Исходя из того, что лес является одним из наиболее ценных природных ресурсов, обладающим огромным экономическим, экологическим и социальным значением, можно сделать вывод о том, что его охрана является важной задачей, требующей комплексного подхода. Только такой подход может обеспечить сохранение лесов на долгие годы на благо нынешних и будущих поколений. Следовательно, решив проблему с незаконной вырубкой лесов, мы сможем сохранить лесной фонд нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Счетная палата: площади потери лесов в России превышают объемы их восстановления [Электронный ресурс] // ведомости экология. URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/protection_nature/news/2022/01/27/906705-schet naya-palata-ploschadi-poteri-lesov-v-rossii-previshayut-obemi-ih-vosstanovleniya.
2. Федеральные новости [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства. URL: https://rosleshoz.gov.ru/.
3. Ярошенко А. Основные виды рубок леса // ЛесПромИнформ. СПб, – 2021. – №. 2 (156). – С. 74–77.
4. Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021 N 312-р // Собрание законодательства Российской Федерации, 2021. – № 8. – ст. 1398.
5. Астахова О.Я. Юридическая ответственность за нарушение лесного законодательства // Мировая наука, – 2018. – № 12 (21). – С. 130–136.
6. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2006. – № 50. – ст. 5278.
7. Сверчков В.В. Преступления против экологии: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства [Текст]: учебное пособие для вузов / В. В. Сверчков – М.: Юрайт, 2024. – 224 с.

УДК 342.3 / 342.4

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

О.В. Олейников, канд. юрид. наук, доцент
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
Северо-Кавказский филиал
г. Краснодар, Россия

Аннотация. В условиях глобализации Китайская Народная Республика (КНР) укрепляет культурный суверенитет как элемент национальной безопасности. На основе конституционной реформы 2018 г., специального законодательства и партийных механизмов выстроена централизованная модель «государственно-патриотического культурного суверенитета», где Конституция, законы и Коммунистическая партия Китая формируют единый идеологический нарратив через патриотическое воспитание и цифровой контроль.

Ключевые слова: культурный суверенитет, историческая память, национальная безопасность, кибербезопасность, патриотическое воспитание, идеологическая безопасность.

Введение. Понятие государственного суверенитета в XXI веке претерпело глубокую трансформацию. Защита территориальной целостности и политической независимости дополнилась новым, не менее значимым измерением – культурным суверенитетом, под которым понимается право и обязанность государства самостоятельно формировать, защищать и транслировать свою национальную идентичность, историческую память и систему ценностей без внешнего вмешательства. В этом контексте Китайская Народная Республика (КНР) демонстрирует одну из самых целостных и эффективных моделей в мире. Конституционная реформа 2018 года, внесшая радикальные изменения в Конституцию Китая 1982 года, не была лишь формальной процедурой; она стала кульминацией многолетней стратегии по превращению культуры и истории в инструменты идеологической безопасности. Данная статья предлагает глубокий анализ правовых основ и механизмов реализации культурного суверенитета и защиты исторической памяти в КНР, раскрывая, как конституционные декларации трансформируются в живую, всеобъемлющую систему государственного управления сознанием.

Постановка задачи. В условиях обострения информационно-идеологической конкуренции и усиления вызовов глобализации культурный суверенитет все чаще становится неотъемлемым элементом национальной безопасности современных государств. Китайская Народная Республика (КНР) в последние годы осуществила системную трансформацию своего

конституционного порядка, сделав защиту исторической памяти и формирование единого идеологического нарратива приоритетом государственной политики. Конституционная реформа 2018 года, дополненная специализированным законодательством и партийными механизмами, заложила основы централизованной модели «государственно-патриотического культурного суверенитета».

Целью настоящей статьи является комплексный анализ конституционно-правовой основы регулирования культурного суверенитета и исторической памяти в КНР.

Для решения поставленной цели в статье применяется комплекс общенаучных и частнонаучных **методов исследования**: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, историко-правовой метод, системно-структурный анализ и другие. Совокупность этих методов обеспечивает всесторонний и глубокий анализ конституционно-правовой модели КНР в сфере культурного суверенитета и исторической памяти.

Результаты. 1. Конституционная реформа 2018 года: идеологическое закрепление основ.

Конституционная реформа 2018 года является поворотным моментом в истории КНР. Она не просто внесла поправки, а кардинально переопределила правовую и идеологическую парадигму государства, интегрировав культурный суверенитет в саму суть социализма с китайской спецификой. Две ключевые нормы, внесенные в Конституцию, стали ее правовым фундаментом.

Статья 24 была дополнена прямым указанием на обязательства государства: *«Государство поощряет патриотизм, коллективизм и социализм, распространяет социалистические основные ценности и пропагандирует традиционную китайскую культуру»* [1]. Этот текст является не декларацией, а операционной инструкцией. Он формально объединяет три компонента: патриотизм (как чувство преданности государству), социализм (как политическую систему) и традиционную китайскую культуру (в первую очередь, конфуцианские ценности уважения к предкам, иерархии и социальной гармонии). Социалистические основные ценности, включающие 12 понятий – от «процветания» до «честности» – не являются универсальными моральными принципами. В китайском контексте они интерпретируются как коллективные и регулируемые государством. Свобода, например, означает не индивидуальную автономию, а свободу от «вредоносного влияния» и возможность жить в стабильном, гармоничном обществе, управляемом Коммунистической партией Китая (КПК). Таким образом, статья 24 наделяет государство не просто правом, а обязанностью формировать идеологическую и культурную среду, делая ее неотъемлемой частью государственного управления.

Статья 35, формально сохраняющая права на свободу слова и собраний, в практике стала «вторым дном» для ограничений [1]. Хотя текст статьи не

был изменен, ее применение теперь полностью подчинено новым идеологическим приоритетам. Любое выражение, которое может быть интерпретировано как «подрывающее историческую правду» или «оскорбляющее героев нации», подпадает под запрет, оправданный необходимостью «сохранения социальной стабильности и культурной целостности». Это превращает свободу слова из абсолютного права в условную привилегию, зависящую от соответствия официальной партийной линии.

Кульминацией реформы стало включение в преамбулу Конституции «мыслей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху» [1]. Это событие имеет колоссальное значение: оно не только закрепило личность лидера в Основном Законе, но и предоставило правовую легитимацию для идеологического монополизма. Теперь любая критика официальной интерпретации истории, особенно в отношении роли КПК в освобождении Китая, модернизации страны или ведущей роли партии, может быть квалифицирована как «исторический нигилизм» – преступление против конституционного порядка. Конституция КНР после 2018 года перестала быть просто документом о структуре власти; она превратилась в инструмент идеологического управления, легитимизирующий тотальное государственное регулирование культуры и памяти как элемент национальной безопасности.

2. Специальное законодательство: от наследия до киберпространства.

Конституционные положения требуют конкретизации. В КНР они получили мощное законодательное обеспечение, создавая многоуровневую систему защиты.

Закон «О защите культурного наследия» (1982 г., с изменениями) является основным инструментом материальной консервации [2]. Он провозглашает все древние памятники, археологические находки и исторические архивы собственностью государства. Любая коммерческая деятельность на территории памятников требует строжайшего разрешения, а их восстановление должно соответствовать «научным принципам и патриотическому духу». Ключевой аспект – это идеологизация памяти: революционные места, связанные с деятельностью КПК, объявляются «священными местами патриотического воспитания», а любое «искажение, порочение или коммерциализация» культурного наследия строго запрещена. Это превращает музеи и памятники из объектов научного интереса в священные реликвии государственного нарратива.

Закон «О национальной безопасности» (2015 г.) ввел понятие «культурной безопасности» как составной части национальной безопасности. Статья 23 прямо заявляет: *«Государство защищает основные ценности социализма, укрепляет идеологическое доминирование и предотвращает проникновение чуждых культурных и идеологических установок»* [3] Это положение является юридическим санкционированием идеологической войны. Оно наделяет органы безопасности правом блокировать контент,

«подрывающий историческую правду», пресекать высказывания, ставящие под сомнение роль КПК, и контролировать любые образовательные и медиа-платформы. Историческая память теперь защищается наравне с военными базами и ядерными объектами.

Законодательство о киберпространстве (Закон о кибербезопасности 2016 г., [4], Положения об управлении интернет-информацией [6]., Закон о защите персональных данных 2021 г. [5]) создает цифровой фортесс (государственной системы комплексного контроля над цифровым пространством, особенно интернетом и телекоммуникациями). Вся интернет-инфраструктура подчинена принципу «цифрового суверенитета». Все платформы обязаны фильтровать контент, связанный с «историческим ревизионизмом», «сепаратизмом» или «оскорблением героев нации». Введено понятие «героев и мучеников», чья память защищена даже от критики в художественных произведениях. Алгоритмы рекомендаций обязаны продвигать патриотический контент. Китайское киберпространство, известное как «Золотой щит или Великий китайский фаервол», т.е. комплексная ИТ-система интернет-цензуры, внедрённая китайским правительством для мониторинга, фильтрации и блокировки интернет-контента для пользователей внутри страны, функционирует как гигантская система управления исторической памятью, где доступ к информации строго регулируется, а исторический нарратив создается и поддерживается на уровне алгоритмов. Это делает киберпространство не просто каналом коммуникации, а ключевым инструментом формирования коллективной памяти.

3. Институциональные механизмы: партия, культура и воспитание.

Законы и конституция реализуются через жесткую, вертикальную институциональную систему, где ключевая роль принадлежит Коммунистической партии Китая (КПК).

Роль Коммунистической партии Китая является абсолютной. Согласно Конституции, КПК – «руководящая сила в социалистическом Китае». Партия не просто влияет на культуру – она является ее единственным источником. Центральный комитет и его пропагандистские органы (например, Центральная комиссия по идеологической и пропагандистской работе) определяют официальную историческую нарративу, контролируют содержание учебников, кинематографа, театра и телевидения, назначают руководителей культурных учреждений и организуют массовые кампании, такие как «Изучай историю Партии» (2021 г.). Это гарантирует, что история подается как единый, неоспоримый текст, не допускающий альтернативных интерпретаций.

Управление по делам культуры и туризма (с 2018 г.) является ключевым исполнительным органом. Его деятельность направлена на практическое воплощение идеологических установок. Оно отвечает за регистрацию и охрану памятников, финансирование патриотических проектов, проведение

«культурных фестивалей» и, что особенно важно, развитие «красного туризма» – поездок к местам революционной славы. Интеграция культуры и туризма превращает исторические места в священные паломнические маршруты, где патриотизм транслируется через эмоциональный опыт, а не только через речи.

Система патриотического воспитания, действующая с 1994 г. и обновленная в 2019 и 2024 гг., является самым масштабным механизмом формирования сознания. Она включает обязательные уроки истории КПК в школах и вузах, создание более 500 «баз патриотического воспитания» (музеев, мемориалов), масштабные медиакампании в дни памятных дат и требование уважения к «героям нации» под угрозой уголовной ответственности [8]. Эта система нацелена на создание «коллективной памяти», где личная идентичность полностью подчинена национально-патриотическому нарративу, формируемому сверху. Она работает на всех уровнях – от дошкольного детского сада до высшего образования и массовой культуры.

Выводы. Конституционно-правовое регулирование культурного суверенитета и исторической памяти в Китайской Народной Республике представляет собой уникальную и высокоэффективную модель, не имеющую аналогов в мире. Она отличается от западных или даже российских подходов своей централизацией, идеологической однородностью и полной интеграцией. В Китае культура, история и память не являются сферами, которые государство «защищает»; они являются инструментами, которыми государство управляет. Конституция, законодательство и партийные структуры работают как единый механизм, превращая граждан в активных участников поддержания официального нарратива.

Эта модель, несомненно, эффективна. Она создала монолитную патриотическую память, особенно среди молодежи, и обеспечила идеологическую стабильность в условиях глобальных вызовов. Однако ее цена — ограничение фундаментальных прав человека, в частности свободы слова, научной дискуссии и индивидуальной мысли. Любое отклонение от официальной версии истории квалифицируется не как мнение, а как угроза национальной безопасности.

Таким образом, культурный суверенитет в КНР – это не просто защита традиций, а ключевой элемент государственного строительства в эпоху глобальной конкуренции цивилизаций. Он представляет собой современный вариант авторитарного идеологического контроля, адаптированный к цифровой эпохе, где контроль над памятью является главным условием сохранения и стабильности власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Китайской Народной Республики (с поправками от 11 марта 2018 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Constitution/201903/11/ec4b684d639e4a1a9d5e5e8d5f5d5c3a5.shtml.
2. Закон КНР «О защите культурного наследия» от 17 ноября 1982 г. (с последующими изменениями, в т.ч. 2002, 2007, 2013, 2017 гг.). — [Текст на китайском и английском языках]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202201/15/content_318380.htm.
3. Закон КНР «О национальной безопасности» от 1 июля 2015 г. — [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201507/31/content_1816751.htm.
4. Закон КНР «О кибербезопасности» от 7 ноября 2016 г. (вступил в силу 1 июня 2017 г.). — [Текст на китайском и английском языках]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201611/20/content_2050736.htm.
5. Закон КНР «О защите персональных данных» от 20 августа 2021 г. (вступил в силу 1 ноября 2021 г.). — [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202108/a8c4e3672c74491a80b53a1754754932.shtml
6. Положения об управлении интернет-информацией, изданы Администрацией киберпространства Китая (CAC), 2019 г. — [Электронный ресурс на китайском языке]. – Режим доступа: http://www.cac.gov.cn/2019-12/15/c_1125342376.htm.
8. Закон КНР «Об уважении героев и мучеников» от 27 апреля 2018 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201804/27/content_2055616.htm.
9. Хань Даюй (Han Dayu). Конституционное развитие и правовая культура Китая / Хань Даюй. — Пекин: Издательство науки и техники Китая, 2019. – 380 с.
10. Линь Цзяхуа (Lin Jiahua). Правовое обеспечение охраны культурного наследия в Китае / Линь Цзяхуа. — Шанхай: Издательство Шанхайского университета, 2020. – 320 с.
10. Олейников О.В. Конституционное право зарубежных стран: учебное пособие / О.В. Олейников. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2025. – 197 с.

УДК 347.96

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ–СВЯЗИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.И. Пантюхина, студентка Института правоохранительной деятельности
Научный руководитель: Е. Г. Тришина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. В условиях цифровизации правосудия возникают новые формы процессуальных злоупотреблений, обусловленные применением электронных сервисов, автоматизированных систем и удаленного судопроизводства. Целью статьи является анализ характерных проявлений злоупотреблений гражданскими процессуальными правами в условиях цифровой среды, а именно при проведении судебного заседания в форме ВКС и оценка эффективности действующих правовых механизмов по их предотвращению. В результате исследования сформулированы предложения по совершенствованию нормативного регулирования и повышению устойчивости судебной системы к недобросовестному поведению участников процесса.

Ключевые слова: гражданские процессуальные права; цифровизация правосудия; злоупотребление правом; дистанционное судопроизводство; видеоконференц – связь; судебная система.

Введение. Актуальность исследования процессуальных злоупотреблений в гражданском судопроизводстве во многом обусловлена противоречием в праве. С одной стороны, гарантированное статьёй 46 Конституции РФ право на судебную защиту предполагает широкие возможности для реализации процессуальных прав участниками процесса. С другой стороны, эти права используются в качестве инструмента недобросовестного поведения, направленного на злоупотребление. Так, в Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 28 февраля 1984 года была поднята тема о препятствие некоторых норм, которые могут стать объектом злоупотребления [1].

Постановка задач. Целью исследования является комплексный анализ злоупотребления процессуальными правами при использовании видеоконференц - связи (ВКС) в гражданском процессе и разработка научно-практических предложений по совершенствованию механизмов его предупреждения и пресечения.

Эта цель раскрывается через следующие задачи:

- Проанализировать действующее гражданское процессуальное законодательство (ГПК РФ) и судебную практику на предмет эффективности

противодействия указанным злоупотреблениям.

- Определить правовые пробелы, затрудняющие доказывание факта умысла при «технических сбоях» и привлечение виновных к ответственности.
- Исследовать потенциал судебной компьютерно-технической экспертизы как средства доказывания недобросовестного поведения.
- Разработать и обосновать конкретные предложения по совершенствованию ГПК РФ, направленные на минимизацию рисков злоупотребления в рамках ВКС.

Методика и методология исследования. Для решения поставленных задач будут применены следующие методы исследования:

- Формально-юридический метод: Толкование норм ГПК РФ и иного законодательства, регулирующего вопросы ВКС и ответственности за недобросовестное поведение.
- Метод правового моделирования: Разработка проектов новых норм или изменений в ГПК РФ.
- Изучение и обобщение судебной практики и иные.

Результаты. Цифровизация сегодня охватывает все сферы общественной жизни, в том числе и гражданское судопроизводство. Мы всё чаще наблюдаем, как некоторые процессы правосудия переходит в онлайн: документы подаются через электронные порталы, заседания проходят по видеосвязи, а дела распределяются между судьями автоматически. Этот переход кажется логичным шагом на пути к удобству и оперативности. Однако вместе с преимуществами цифровая трансформация приносит и новые вызовы. Один из таких – специфическая изменчивость форм злоупотребления процессуальными правами в условиях цифровой среды.

Как отмечает А.В. Юдин в настоящее время суд ограничен в возможностях влияния на недобросовестное поведение стороны, что связано с отсутствием чётких законодательных норм [2].

Субъектами, совершающими злоупотребления выступают как лица, участвующие в деле, так и лица, содействующие правосудию. Их недобросовестные процессуальные действия прямо ведут к затягивания судебного процесса, выражаясь в непродуктивной трате судебного времени, что нарушает принцип разумности сроков судопроизводства (ст. 6.1 ГПК РФ), создаёт препятствия для правосудия, также может повлечь нарушение прав другой стороны (ст. 35 ГПК РФ) [3].

С момента закрепления в гражданском процессе такого явления, как проведение судебного заседания путём ВКС (система видеоконференц - связи), регулирующееся статьёй 155.1 ГПК РФ, появилась возможность для злоупотреблений при использовании дистанционного формата. Так, некоторые участники процесса намеренно срывают онлайн–заседания, ссылаясь на технические сбои. Иногда они просто отключаются от связи в момент, когда им неудобно слушать возражения оппонента или отвечать на

вопросы суда. Это приводит к системным нарушениям судебной процедуры, выражающиеся в отложении судебных заседаний (ст. 169 ГПК РФ). Следствием этого становится непродуктивная трата времени суда и добросовестных участников процесса, что создаёт основания для применения к злоупотребившей стороне специальной санкции, предусмотренной статьёй 99 ГПК: «суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени» [4].

Так, И.К. Лясковский высказал мнение, что рассмотрение дела в отсутствие лица, просьба которого о рассмотрении дела путем организации веб-конференции была удовлетворена судом, допустимо лишь тогда, когда будет установлена недобросовестность или явная неразумность действий такого лица. Верховный Суд РФ в Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 15.02.2022 N 74-КГ21-8-К9 (УИД 14RS0035-01-2020-017872-20) пришёл к мнению, что неоднократные сбои в судебных заседаниях посредством ВКС не всегда являются злоупотреблением. Необходимо установить истинную причину, чтобы не лишить сторону возможности равноправного и состязательного процесса (ст. 12 ГПК РФ) [5; 6].

Анализируя судебную практику, ключевой проблемой остаётся доказывание умышленной недобросовестности от реального технического сбоя. Соглашусь с мнением А. В. Юдина в том, что опасение вызывает тот факт, что под видом борьбы со злоупотреблениями может произойти умаление прав лица со стороны суда [2]. Отсутствие в ГПК РФ специальных норм, регламентирующих порядок фиксации и оценки подобных нарушений, приводит к столь малозначительному применению статьи 99 ГПК РФ.

Для противодействия указанным злоупотреблениям предлагается:

- Ввести в ГПК РФ презумпцию надлежащего технического обеспечения участников процесса при заявлении ходатайств о проведении ВКС. Установить, что участник процесса, ходатайствующий о проведении заседания в форме ВКС, заранее предполагает наличие у него необходимого технического оснащения. С целью законодательного закрепления дополнить ст. 155.1 ГПК: «Лицо, заявляющее ходатайство о проведении судебного заседания с использованием видеоконференц - связи, считается обладающим необходимыми техническими возможностями для участия, если иное не будет доказано. Суд вправе отказать в удовлетворении ходатайств, если заявитель не представит доказательств наличия у него необходимого оборудования и программного обеспечения, либо если ранее это лицо уклонялось от участия в судебных заседаниях в форме ВКС под предлогом технической неисправности».
- Закрепить процессуальную обязанность участников проходить предварительную проверку технической готовности и предоставлять её результаты в суд. Это также может быть дополнением статьи 155 ГПК РФ.
- Предоставить суду полномочие по рассмотрению дела без

участия лица, которое неоднократно создавало помехи при проведении ВКС. Дополнить статью 167 ГПК: «В случае неоднократного прерывания ВКС по вине участника, суд вправе признать причины неявки неуважительными и рассмотреть дело в отсутствии этого участника в соответствии с частью 3 настоящей статьи».

В контексте противодействия злоупотреблениям при проведении ВКС сторонам представляется право ходатайствовать о назначении судебной компьютерно-технической экспертизы для установления действительных причин технического сбоя. В соответствии с положениями статей 79 и 80 ГПК РФ заинтересованная сторона вправе инициировать проведение экспертного исследования, предполагая его оплату за свой счёт с последующим возмещением судебных расходов при доказанности злоупотребления (ст. 98 ГПК РФ). Сегодня судебная компьютерно-техническая экспертиза является важным компонентом современной судебной системы, обеспечивающим доступность и объективность судебного разбирательства. Она получила большее применение в уголовно-процессуальной сфере, но не менее важно развивать её в сфере использования цифровых данных в гражданском судопроизводстве [7].

Выводы. В конечном счете, злоупотребление правами в гражданском судопроизводстве с использованием технических средств не просто нарушает процесс – оно подрывает доверие к судебной системе. Если одна из сторон может с помощью технических уловок повлиять на ход дела, другая оказывается в неравных условиях, а само правосудие теряет свой главный смысл – справедливость. Именно поэтому борьба с цифровыми формами недобросовестного поведения должна стать приоритетом в развитии современной судебной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О принципах гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы: Рекомендация №R (84) 5 Комитета министров Совета Европы, принятая 28 февраля 1984 г. // Электронный ресурс. – URL: https://base.garant.ru/2556640/.
2. Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореферат диссертации… доктора юридических наук: 12.00.15 / Юдин Андрей Владимирович; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2009. – 52 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Melnikova, A. Abuse of Procedural Rights in the Context of Digital Transformation of Justice (the Case of the Russian Federation)/ A. Melnikova// International Journal for Court Administration. – 2023. – Vol. 14, Iss 3. – Art. 6. – URL: file:///C:/Users/panty/Downloads/Abuse_of_Procedural_Rights_in_the_Context_of_Digit.pdf.
5. Лясковский, И. К. Последствия "неявки" участника гражданского процесса в онлайн-заседание / И. К. Лясковский //Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 10. С. 46–50 – (Цифровизация правосудия).
6. Об отказе в удовлетворении надзорной жалобы: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2022 N 74-КГ21-

8-К9// Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15022022-n-74-kg21-8-k9/.
7. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: определение и исторические аспекты судебной компьютерно-технической экспертизы/ ПСИ – Экспертиза // Электронный ресурс. – URL: https://psiex.ru/sudebnaya-kompyuterno-tehnicheskaya-ekspertiza/.

УДК 347.1

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИЗНАНИЯ БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМИ И ОБЪЯВЛЕНИЯ УМЕРШИМИ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ОБЩИМ ПОРЯДКОМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ГРАЖДАНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

С.А. Петрова, Ю.М. Гранкина, студенты
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье исследуются особенности гражданско-правового порядка признания участников СВО безвестно отсутствующими и объявления их умершими. Авторами анализируются законодательные новеллы, внесенные Федеральным законом от 14.04.2023 № 120-ФЗ, в контексте потребности в своевременном и эффективном правовом оформлении статуса указанных лиц для защиты прав их родственников.

Ключевые слова: признание безвестно отсутствующим, объявление умершим, гражданско-правовой статус, Федеральный закон № 120-ФЗ, сокращенные сроки.

Цель исследования. Проведение комплексного анализа специального гражданско-правового механизма, регламентирующего признание безвестного отсутствия и объявление умершими участников СВО. В рамках данной цели предполагается выявление отраслевой специфики данного механизма, его сравнительных преимуществ, а также системных правовых пробелов и коллизий по отношению к общему порядку, установленному ГК РФ.

Задачи исследования:

1. Провести сравнительный анализ статей 42-45 ГК РФ (общий порядок) и положений Федерального закона от 14.04.2023 № 120-ФЗ (специальный порядок).
2. Определить условия и сроки применения специальной процедуры в отношении участников СВО.

3. Выявить круг субъектов, обладающих правом на обращение в суд с соответствующими заявлениями.

4. Проанализировать специфику доказывания и роль документов от воинских частей в судебном процессе.

5. Исследовать проблему восстановления статуса лица в случае его явки при применении специального порядка.

6. Оценить правовые последствия введения специального порядка и его социальную значимость.

Методика и методология: Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания.

– Формально-юридический метод использован для анализа норм Гражданского кодекса РФ и федерального законодательства.

– Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления общего и специального порядков признания лица безвестно отсутствующим и объявления умершим.

– Метод анализа использован для изучения практики применения исследуемых норм на примере конкретного судебного решения.

Выполнение задач в зоне проведения Специальной военной операции (далее – СВО) непосредственно связано с риском для жизни и здоровья участников боевых действий. СВО проводится для достижения определённых стратегических целей, которые связаны с вопросами безопасности, предотвращения угроз или выполнения международных обязательств [1, С. 78]. Президент РФ Владимир Владимирович Путин в одном из своих интервью отметил, что количество потерь ВС РФ на СВО, как правило, не принято обсуждать, а если кто-то говорит, то меняет реальные цифры [2]. В связи с необходимостью применения особого порядка признания участников СВО пропавшими без вести или объявления их умершими возникла повышенная потребность в его юридическом закреплении. Эта потребность обусловлена как обеспечением социальной поддержки их родственников, так и необходимостью инициировать процедуры наследования имущества и реализации иных гражданских прав.

Для понимания того, как происходит применение правовых норм в указанной сфере, следует изучить и провести сравнительный анализ отдельных статей Гражданского кодекса Российской Федерации [3, ст. 42–45] (далее – ГК РФ) и Федерального закона от 14.04.2023 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4].

Традиционный порядок признания граждан безвестно отсутствующими и объявления умершими, предусмотрен статьями 42-46 ГК РФ.

Первостепенно мы говорим о признании лица безвестно отсутствующим. Данный этап подразумевает отсутствие сведений о месте пребывания лица по месту жительства в течение года, а также наличие заинтересованных лиц, которые направляют заявление в суд, в результате

чего, согласно ст. 43 ГК РФ, наступают различные последствия: передача имущества лицу, которое определяется органом опеки и попечительства, из этого имущества выдаётся содержание гражданам, которых безвестно отсутствующий обязан содержать, и погашается задолженность по другим обязательствам данного лица. Затем – объявление лица умершим. Закон устанавливает следующие сроки отсутствия: 5 лет для объявления умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания, 6 месяцев для объявления умершим в условиях обстоятельств, угрожающих смертью или дающих основания предполагать гибель лица от несчастного случая. Если говорить о военнослужащих или иных лицах, пропавших без вести в связи с военными действиями, то они могут быть объявлены умершими не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий. Как итог возникают правовые последствия в виде права на наследство, прекращения брака, перехода обязательств по договорам и выплаты пособий по потере кормильца.

Как мы отметили ранее, условия СВО способствуют возникновению неизбежных рисков, а это значит, что, говоря о закреплении за лицом того или иного статуса необходимы специальные процедуры. Так в соответствии с Федеральным законом от 14.04.2023 N 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», можно сделать вывод о сокращении сроков необходимых для признания лица безвестно отсутствующим, а также для объявления умершим. В первом случае законодатель устанавливает срок отсутствия данных о месте пребывания гражданина в течение 6 месяцев [5]. Также законодательством предусмотрен следующий случай, если военнослужащий или иной участник СВО признан судом безвестно отсутствующим и с момента вступления в законную силу решения суда прошло 3 месяца, то этот гражданин может быть объявлен умершим по заявлению заинтересованных лиц. Правом обращения в суд обладают те граждане и организации, которые имели какое-либо отношение к пропавшему гражданину. Такими лицами могут быть: члены семьи, воинская часть, в которой лицо проходит службу, военная прокуратура, органы местного самоуправления, иждивенцы [6, С. 29]. Стоит сказать о том, что государственный обвинитель может выступать заявителем, как в интересах государства, так и в защиту прав и законных интересов лиц, которые по определённым причинам не смогли сами обратиться в суд [7, С. 75].

В качестве доказательств достаточно иметь: подтверждение отсутствия связи и подтверждение пропажи. Судебные органы, в свою очередь, подтверждают документ из воинской части, и объявляют лицо умершим по истечении 6 месяцев со дня получения сведений о пропаже.

Отдельного внимания заслуживает процедура восстановления статуса при явке лица, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим точка Согласно ст. ст. 44, 46 ГК РФ, в такой ситуации суд отменяет

решение о признании лица безвестно отсутствующим или об объявлении умершим. Поскольку в законодательстве Российской Федерации нет специальных норм, регулирующих порядок действий в случае явки участников СВО, признанных безвестно отсутствующими или объявленных умершими, в данной ситуации применяется общая норма.

Изучая судебную практику, в качестве примера можно рассмотреть решение Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода от 29 января 2025 г. по делу № 2-3281/2024 [8], согласно которому суд постановил, что гражданин, объявленный умершим на основании документов, предоставленными воинской частью, от которой он был отправлен в служебную командировку в Луганскую Народную Республику, в случае явки его живым, это решение по заявлению заинтересованных лиц будет пересмотрено по общему порядку. Благодаря данному примеру, можно увидеть применение нормы, статьи 46 ГК РФ, которая регулирует общий порядок.

Результаты:

1. Установлено, что Федеральный закон № 120-ФЗ вводит для участников СВО специальный порядок, который существенно сокращает сроки для признания безвестно отсутствующим (до 6 месяцев) и для объявления умершим (до 6 месяцев при наличии документа о пропаже из воинской части, либо 3 месяца после признания безвестно отсутствующим).
2. Выявлен пробел в законодательстве: специальная норма не регламентирует упрощенную процедуру восстановления статуса в случае явки лица, объявленного умершим по специальному порядку, что предполагает применение общих норм ст. 46 ГК РФ.
3. Доказано, что введенные изменения носят реакционный характер и направлены на оперативное разрешение правовой неопределенности и реализацию социальных прав членов семей участников СВО (право на наследство, получение пенсии по потере кормильца и т.д.).

Выводы. Проведенное исследование позволяет заключить, что законодатель, вводя специальный упрощенный порядок признания безвестно отсутствующими и объявления умершими участников СВО, адекватно отвечает на острую социально-правовую потребность. Данный механизм позволяет в сжатые сроки устранить правовую неопределенность и обеспечить защиту прав и интересов членов семей указанных лиц. Однако выявленные правовые пробелы, в частности, связанные с отсутствием специальной процедуры «реабилитации» при явке лица, указывают на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере для достижения баланса между оперативностью и защитой прав всех заинтересованных сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давудов Д. А. Защита прав участников Специальной военной операции и их семей // Закон и право. 2024. №12. С. 78–84.

2. Российская армия потеряла 118 тысяч человек погибшими и пропавшими без вести в войне с Украиной, подсчитали «Важные истории». [Электронный ресурс] URL: https://storage.googleapis.com/istories/stories/2025/07/11/rossiiskaya-armiya-poteryala-118-tisyach-chelovek-pogibshimi-i-propavshimi-bez-vesti-v-voine-s-ukrainoi-podschitali-vazhnie-istorii/index.html.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: [ред. от 31.07.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32.
4. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" от 14.04.2023 N 120-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Гарант».
5. Указ Президента РФ от 05.03.2022 N 98 (ред. от 09.12.2024) "О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей" // СПС «Гарант».
6. Леонова В.А., Усоян С.Р. Последствия явки лица признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим // международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №11-4. С. 28–31.
7. Гаркуша И.В. Особенности признания гражданина безвестно отсутствующим или объявления гражданина умершим в современных реалиях // Вестник ТИУиЭ. 2024. №2 (42). С. 73–78.
8. Решение № 2-3281/2024 2-475/2025 2-475/2025(2-3281/2024;)~М-2104/2024 М-2104/2024 от 29 января 2025 г. по делу № 2-3281/2024. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/EJzX2JcXMx6O/.

УДК 664.6/664.87

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВАЛЮТЫ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ В ЕАЭС

Д.М. Плотникова, студент
Научный руководитель – А.Н. Гринченко, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет»
г. Псков, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ действующей нормативно-правовой базы, регулирующей таможенные процедуры при перемещении валюты физическими лицами через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Особое внимание уделяется взаимодействию наднациональных решений ЕЭК и национального законодательства, а также вопросам административной и уголовной ответственности за нарушения установленных правил. Рассматриваются практические аспекты декларирования и контроля.

Ключевые слова: таможенное регулирование, перемещение валюты, ЕАЭС, физические лица, валютный контроль.

Введение. Перемещение наличных денежных средств и денежных инструментов через таможенную границу представляет собой важную сферу,

находящуюся на стыке таможенного, валютного и административного права. В условиях углубления интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) формирование единообразных и эффективных правил для физических лиц приобретает особую актуальность. Правовое поле здесь формируется сложным комплексом взаимосвязанных актов различного уровня, что создает необходимость их системного анализа. Основной целью такого регулирования является обеспечение экономической безопасности, противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма, что отмечено в работах современных правоведов [1; 2]. Однако динамичность законодательства и его многоуровневый характер порождают сложности в правоприменении как для граждан, так и для контролирующих органов. Проблема заключается в необходимости четкого разграничения компетенции и согласованности норм наднационального права ЕАЭС и внутреннего законодательства государств-членов, прежде всего в части процедур декларирования и мер ответственности. Научные публикации последних лет [3; 4] концентрируются преимущественно на общих вопросах таможенного союза, тогда как специфика регулирования операций с валютой именно физическими лицами требует более детального рассмотрения с учетом последних изменений в законодательной базе.

Постановка задачи. Целью данной статьи является комплексный анализ особенностей нормативно-правового регулирования таможенных операций, связанных с перемещением валюты физическими лицами через таможенную границу ЕАЭС. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: во-первых, выявить и систематизировать ключевые нормативные акты, образующие правовой фундамент в данной области – как на уровне Союза, так и на национальном уровне (на примере Российской Федерации). Во-вторых, проанализировать содержание и механизм взаимодействия данных актов, определяющих порядок декларирования и таможенного контроля. В-третьих, исследовать виды и основания юридической ответственности за нарушение установленных правил, проведя разграничение между мерами административного и уголовно-правового воздействия.

Методика и методология исследования. Методологический аппарат статьи построен на сочетании общенаучных и частнонаучных методов познания. Ведущую роль играет системный метод, который позволил рассмотреть совокупность нормативных правовых актов в области таможенно-валютного регулирования как целостный, но внутренне дифференцированный комплекс. Применение сравнительно-правового метода оказалось необходимым для сопоставления норм, содержащихся в наднациональных решениях ЕЭК, и положений национального законодательства, в частности Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С помощью формально-юридического метода были проанализированы конкретные правовые конструкции, термины и процедуры, закрепленные в исследуемых актах. Это позволило дать точное толкование правил декларирования, пределов беспошлинного перемещения и критериев противоправности деяний. Кроме того, использовался метод анализа документов, в рамках которого были изучены тексты Решений Коллегии Евразийской экономической комиссии, федеральных законов и кодексов. Вследствие этого удалось выстроить логически последовательную картину правового регулирования, выявив как точки интеграции, так и потенциальные коллизии норм.

Результаты. Правовая основа регулирования перемещения валюты физическими лицами в рамках ЕАЭС является двухуровневой. Она включает в себя как наднациональные акты, принимаемые органами Союза, так и национальное законодательство государств-членов, которое должно применяться в части, не урегулированной правом ЕАЭС, и не должно ему противоречить. На национальном уровне, в случае с Российской Федерацией, базовым актом выступает Федеральный закон № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Данный закон устанавливает общие принципы и организационные основы таможенного дела, включая процедуры контроля, декларирования товаров и привлечения к ответственности. Хотя он не содержит специальной главы о валюте, его положения создают общую правовую среду, в которой действуют специальные нормы. В частности, закон закрепляет обязанность лиц представлять таможенным органам необходимые документы и сведения, а также подчиняться формам таможенного контроля. Это напрямую касается и физических лиц, перемещающих денежные средства.

На наднациональном уровне ключевое значение имеют два решения Евразийской экономической комиссии. Решение ЕЭК № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» [6] определяет стоимостные и весовые критерии для беспошлинного ввоза товаров, что косвенно формирует экономический контекст для перемещения валюты, необходимой для расчетов за такие товары. Однако центральным актом, непосредственно регулирующим процедурную сторону вопроса, является Решение ЕЭК № 124 «О таможенном декларировании товаров для личного пользования» [7]. Именно этот документ вводит конкретное правило, обязательное для всего пространства Союза: физические лица обязаны задекларировать в письменной форме путем подачи пассажирской таможенной декларации наличную иностранную валюту и (или) дорожные чеки, если их общая сумма превышает эквивалент 10 000 (десяти тысяч) долларов США. Данное требование является симметричным и распространяется как на операцию ввоза, так и на операцию вывоза.

Решение ЕЭК № 124, как акт прямого действия, устанавливает единый для всех государств-членов порог обязательного письменного декларирования валюты (экв. 10 000 USD). Национальное законодательство, такое как ФЗ № 289, обеспечивает общий институциональный и процессуальный фундамент: определяет полномочия таможенных органов, формы деклараций, порядок их подачи и проверки. Уголовный кодекс РФ, в свою очередь, предусматривает санкции за наиболее опасные нарушения, выходящие за рамки административных проступков. Это позволяет сделать вывод о том, что система является целостной: наднациональный акт задает материальный критерий (сумму), а национальные законы детализируют процедуру его реализации и меры реагирования на несоблюдение.

Нарушение установленного порядка влечет за собой юридическую ответственность. В зависимости от характера и тяжести деяния она подразделяется на административную и уголовную. Административная ответственность за недекларирование либо недостоверное декларирование валюты в крупном размере наступает по статье 16.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8]. Под крупным размером в данном контексте понимается сумма, превышающая установленный порог в 10 000 долларов США. Санкции варьируются от штрафа в размере до полной или частичной конфискации недекларированных денежных средств.

В случаях, когда общественная опасность деяния существенно выше, может быть применено уголовное преследование. Основанием для него является статья 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» [9]. Ключевым критерием отграничения от административного правонарушения является размер перемещаемых средств, признаваемый уголовным законом как крупный (свыше эквивалента 2 250 000 рублей) или особо крупный. Кроме того, состав преступления может быть образован не только фактом недекларирования, но и представлением заведомо ложных сведений, то есть обманом таможенного органа. Квалифицирующими признаками, ужесточающими наказание, являются совершение преступления группой лиц, с использованием служебного положения или в особо крупном размере.

Анализ показывает, что существующий правовой режим стремится к балансу между двумя задачами. С одной стороны, он должен обеспечивать свободу перемещения капиталов для личных нужд в рамках интеграционного объединения, не создавая излишних бюрократических барьеров для добросовестных граждан. С другой стороны, система обязана быть эффективным инструментом контроля и противодействия финансовым правонарушениям. Установленный порог в 10 000 долларов США выполняет функцию такого фильтра, выделяя операции, требующие повышенного внимания со стороны контролирующих органов. Введение единого правила

на уровне ЕАЭС устраняет правовые различия между государствами-членами в этом вопросе, что упрощает понимание обязанностей для граждан и унифицирует работу таможенных служб. Однако эффективность механизма зависит не только от четкости правил, но и от согласованности правоприменительной практики в разных странах Союза, а также от уровня информированности физических лиц о своих обязанностях.

Выводы. Проведенный анализ позволяет констатировать, что нормативно-правовое регулирование перемещения валюты физическими лицами в ЕАЭС представляет собой целостную, но сложносоставную систему. Ее фундамент образует взаимодействие наднациональных и национальных правовых актов. Решение ЕЭК № 124 выступает в качестве ключевого документа, устанавливающего единый для всего Союза материальный критерий обязательного письменного декларирования – сумму, эквивалентную 10 000 долларов США. Это позволяет гармонизировать базовые требования на всем интеграционном пространстве. Национальное законодательство, в частности Федеральный закон № 289-ФЗ, выполняет обеспечивающую и процедурную функцию, детализируя механизм подачи декларации, проведения контроля и привлечения к административной ответственности. Уголовный кодекс РФ дополняет эту систему санкциями за деяния, обладающие повышенной общественной опасностью, четко разграничивая контрабанду от административных проступков по размеру незаконно перемещаемых средств. Научная новизна проведенного анализа заключается в комплексном рассмотрении указанных уровней регулирования именно в контексте таможенных операций физических лиц, что ранее не было предметом отдельного детального изучения. Теоретическое значение работы состоит в систематизации и четком структурировании разрозненных норм, что способствует более глубокому пониманию механизма правового регулирования в данной сфере. Практическая значимость определяется выявлением потенциальных «точек напряжения» для граждан, связанных прежде всего с необходимостью точного соблюдения декларационных требований при пересечении таможенной границы и осознанием серьезных последствий их нарушения. В итоге, сформированный правовой режим в целом адекватен стоящим перед ним целям экономической безопасности и контроля, однако его действенность напрямую зависит от последовательной правоприменительной практики и эффективного информационного обеспечения участников внешнеэкономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабанов, П.А. Валютный контроль в Евразийском экономическом союзе: проблемы и перспективы развития / П.А. Кабанов // Финансовое право. – 2020. – № 5. – С. 34-39.
2. Сизов, А.Ю. Таможенное регулирование в ЕАЭС: современное состояние и направления совершенствования / А.Ю. Сизов // Внешнеторговое право. – 2021. – № 2. – С. 18-25.
3. Бекяшев, К.А. Таможенное право Евразийского экономического союза: учебник / К.А. Бекяшев, Е.Г. Моисеев. – Москва: Проспект, 2019. – 336 с.

4. Горбунов, А.Р. Административная ответственность за нарушения таможенных правил в условиях ЕАЭС / А.Р. Горбунов // Административное право и процесс. – 2022. – № 1. – С. 41–47.
5. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 32. – Ст. 5082.
6. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» (ред. от 22.01.2024).
7. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26.12.2017 № 124 «О таможенном декларировании товаров для личного пользования» (ред. от 11.10.2022).
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

УДК 94(47)

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ ПАЛАТ УГОЛОВНОГО СУДА В ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ I-Й ПОЛОВИНЫ XIX В.

С.Н. Подлесных, канд. юрид. наук, доцент
Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова
г. Воронеж, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматривается компетенция палаты уголовного суда в губерниях Российской империи дореформенного времени. Особое внимание уделено взаимодействию палат уголовного суда с Сенатом. Автором делается вывод о том, что компетенция палат уголовного суда в законодательстве Российской империи была прописана не достаточно точно.

Ключевые слова*:* палата уголовного суда, компетенция, судебная система, дореформенный суд, Российская империя.

Введение. В вопросе анализа деятельности любого государственного учреждения (в историческом измерении или на современном этапе развития государства) одним из основных аспектов является вопрос его компетенции, прав и обязанностей рассматриваемого государственного органа или системы государственных органов.

Палата уголовного суда (наравне с палатой гражданского суда) была учреждена в ходе административно-судебных реформ Екатерина II в 1775 г. [1, С. 17] Первично компетенция палаты уголовного суда была закреплена в «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая» того же года. [2, С. 232] В дальнейшем на протяжении всей I-й половины XIX в. в законодательные акты, касающиеся организации деятельности палаты уголовного суда вносились изменения и дополнения, издавались новые узаконения.

Постановка задачи. Цель представленного исследования заключается в рассмотрении компетенции палат уголовного суда в губерниях Российской империи I-й половины XIX в.

Методика и методология исследования. Методологической основой представленного исследования послужили как общие, так и частные методы научного познания: метод структурного анализа, который позволил рассмотреть в комплексе компетенцию палат уголовного суда I-й половины XIX в.; историко-сравнительный метод, с помощью которого в исследовании путем сравнения компетенции палат уголовного суда и Сената делаются общие и частные выводы; историко-системный метод, который позволил определить полноту компетенции палат уголовного суда относительно их места в судебной системе Российской империи рассматриваемого периода; формально-логический метод, который позволил проанализировать действующее законодательство Российской империи I-й половины XIX в.; автором в статье также использовались иные методы научного познания.

Результаты. Как отмечают современные исследователи «Развитие судебной системы в первой половине XIX в. характеризовалось тенденцией к упрощению, унификации процесса судопроизводства» [3]. Если основные судоустройственные и судопроизводственные принципы, заложенные в 1775 г., оставались практически неизменными вплоть до введения в действие судебных уставов 1864 г., то компетенция палаты уголовного суда, распространявшая свою власть на ту конкретную губернию империи, где была учреждена, все же некоторым образом в течение I-й половины XIX в. претерпевала изменения.

В общем плане компетенция палаты уголовного суда в рассматриваемый период отражена в ст. 2392 Свода законов Российской империи (СЗРИ) 1857 г. Т. 2, Ч. 1. В данной статье была закреплена следующая компетенция палаты уголовного суда:

- ревизия уголовных дел по судам первой инстанции;
- производство в первой инстанции по должностным преступлениям;
- дела о крепостных крестьянах (незаконное владение, раздробление крепостных семейств);
- дела по частным жалобам о нарушении порядка судопроизводства в судах первой инстанции, подчиненных палате.

Под ревизиями уголовных дел законодатель понимал «как прилежное рассмотрение, произведено ли дело порядочно и сходственно с законами, сколь для оправдания невинности, столь и для приведения в ясность преступления, или обличения преступника» [2, С. 239].

В отдельных статьях СЗРИ. Т. 15, 1857 г. также можно найти нормы, касающиеся компетенции палат уголовного суда, в целом судебных мест. Так, в соответствии со ст. 1 Свода законов уголовных. Кн. 2, издания 1857 г. процессуальная компетенция суда (имеется в виду суда любого уровня), т.е. производство уголовных дел в суде, состоит в поверке следствия, в суждении

по силе доказательств и улик, о вине или невинности подсудимого и в постановлении приговора по закону [4, С. 612].

Стоит отметить, что Кн. 2 Свода законов уголовных 1857 г. есть Свод законов уголовных 1832 г. и его последующие переиздания [5, С. 57].

Согласно ст. 2397 СЗРИ Т. 2, Ч. 1, 1857 г. палата уголовного суда имела определенную степень власти над подсудимыми и тажущимися, над подчиненными ей местами и над полицией.

Порядок взаимодействия судебных палат с иными государственными учреждениями был установлен в ст. ст. 2434–2437 СЗРИ Т. 2, Ч. 1, 1857 г. особо указывалось, что кроме Императорского величества и Правительствующего Сената судебные палаты ни от кого не принимают указов и «ни к кому иному не посылают рапортов и доношений». С равными им по статусу государственными учреждениями губернского уровня (губернское правление, казенная палата, палата государственных имуществ, приказ общественного призрения, совестный суд и иные учреждения), а также между собой (в том числе находящихся в других губерниях) судебные палаты «сносятся сообщениями». В свою очередь в подчиненные им места судебные палаты посылают указы, а от них принимают рапорты и доношения.

В производстве уголовных дел судебная палата составляла вторую степень суда, а по делам следственным в должностных преступлениях и делах о противозаконном владении крепостными людьми со стороны лиц разного звания, не имеющих права владеть крестьянами, и о противозаконном раздроблении крепостных семейств при продажах или уступках от одних владельцев другим – первую степень суда (ст. 2408, СЗРИ Т. 2, Ч. 1, 1857 г.).

Прежде чем привести в исполнение решение по делам о ревизии палата уголовного суда должна была направить для рассмотрения такое решение Начальнику губернии, без утверждения которого ни одно судебное решение не могло быть исполнено. Если начальник губернии был не согласен с решением палаты уголовного суда, то такое судебное решение поступало на ревизию Правительствующего Сената.

Некоторые категории дел, вне зависимости от того, утверждено ли решение по нему Начальником губернии, вносились на ревизию Правительствующего Сената. Это следующие судебные дела:

- дела по всем государственным преступлениям, «если виновный присуждается к какому-либо наказанию» (ст. 2413 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.);

- дела о дворянах и чиновниках, если они приговариваются к лишению всех прав состояния, или же к потере всех или некоторых особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, а о почетных гражданах, если приговариваются к лишению всех прав состояния или всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ (ст. 2416 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.);

- дела дворянах и чиновниках. Судимых в смертоубийстве, даже если они были признаны палатой уголовного суда невиновными (ст. 2417 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.);

- дела о людях, называющих себя дворянами, при производстве которых подсудимый представляет какое-либо доказательство своего происхождения (ст. 2417 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.);

- дела о людях прочих состояний, если виновные приговариваются к телесному наказанию более девяти человек, если в преступлениях ими совершенных участвуют лица дворянского состояния (ст. 2419 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.);

- дела об иноверцах, сужденных в смертоубийстве и других тяжких преступлениях, «если по совершении оных примут православную веру» (ст. 2419 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.);

- любое дело, по которому последовало особенное Высочайшее повеление (ст. 2424 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.);

- дела, по которым последовали предложения от ревизующих губернию сенаторов, и дела о чиновниках, преданных ими суду (ст. 2425 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.);

- дела, сопряженные с ущербом казне, которые сообщаются казенной палате или палате государственных имуществ, по принадлежности, в случае несогласия их с решением палаты уголовного суда (ст. 2426 СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. 1857 г.).

Как видно, на ревизию в Правительствующий Сенат поступали в основном дела по признаку социальной принадлежности подсудимых, а не по объективному признаку степени тяжести рассматриваемого преступления. В подавляющем большинстве случаев это были лица, имеющие дворянское состояние.

Особо в имперском законодательстве было указано, что дела, по которым приговаривается только арест, выговор или денежное взыскание, решаются в палате окончательно, «хотя бы прикосновенны били к ним многие лица и в том числе дворяне» [6, С. 483].

Палата уголовного суда не имела права приводить в исполнение решения по делам о священнослужителях и церковнослужителях до снятия с них духовного сана.

Специальная процессуальная компетенция судей палат уголовного суда была закреплена во второй книге Свода законов уголовных, издание 1857 г. [4]

В 1860 г. в палаты уголовного суда было передано следствие (ранее это была компетенция полицейских органов) [7, С. 146].

Выводы. В целом компетенция палат уголовного суда была прописана в имперском законодательстве не достаточно точно и могла толковаться не единообразно, что вело к произволу со стороны судейского корпуса. Особенная неточность наблюдалась в статьях нормативных актов,

закрепляющих обязанность палат уголовного суда передавать судебные дела на ревизию Правительствующему Сенату. В данном случае был велик субъективный фактор, который влиял на саму возможность рассмотрения конкретного дела, поступающего из губернии в порядке ревизии Правительствующему Сенату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томсинов В.А. Судебная система Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов). Статья первая / В.А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2016. – № 3. – С. 3–24.
2. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т. XX. № 14392. – СПб.: Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830. – 1034 с.
3. Тростянский А.Г. Судебная система дореформенной провинциальной России в 1840-1860-х гг. (по материалам Самарской и Пензенской губерний) / А.Г. Тростянский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 7(87). – С. 234–240.
4. Свод законов уголовных. Кн. 2. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ). Т. 15. – СПб.: Тип. II отд. С.Е.И.В.К.,1857. – 964 с.
5. Горожанкина Д.В. Свод законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 г. как акт систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи / Д.В. Горожанкина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 13(68-2). – С. 57–60.
6. Учреждение палат уголовного и гражданского суда // СЗРИ. Т. 2, Ч. 1. 1857. 1263 с.
7. Подлесных С.Н. Воронежская палата уголовного суда в 1860-е гг. / С.Н. Подлесных // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований: традиции и перспективы (к 300-летию Российской академии наук и немецкого философа Иммануила Канта): Сборник трудов Международной научно-практической конференции (к 300-летию Российской академии наук и немецкого философа Иммануила Канта), Москва, 13 июня 2024 г. – М.:: Общество с ограниченной ответственностью "Сам Полиграфист", РОССИЙСКАЯ ОТКРЫТАЯ АКАДЕМИЯ ТРАНСПОРТА, 2024. – С. 140–147.

УДК 34.047

ОБЗОР КОНСТИТУЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОПРАВОК 2020 ГОДА

В.В. Пушкарева, В.И. Байкуш, сстуденты
Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В докладе проводится обзорный анализ масштабной конституционной реформы 2020 года в России [1]. Рассматриваются ключевые нововведения: укрепление суверенитета, трансформация системы разделения властей, усиление роли Президента. Особое внимание уделяется практической реализации поправок через принятие новых федеральных законов и их системное влияние на развитие российской государственности.

Ключевые слова: конституционная реформа 2020 года, реализация поправок, Конституционный Суд, суверенитет, территориальная целостность.

Задачи исследования:

1. Провести обзорный анализ масштабной конституционной реформы 2020 года в России.

2. Рассмотреть ключевые нововведения поправок, включая:

- укрепление суверенитета и территориальной целостности;

- реорганизацию системы разделения властей и изменения в президентских сроках;

- усиление роли Конституционного Суда РФ.

3. Изучить практическую реализацию поправок через принятие новых федеральных законов.

4. Оценить системное влияние поправок на развитие российской государственности и конституционной системы.

Методы исследования:

1. Анализ нормативно-правовых актов:

- Конституция РФ с поправками 2020 года;

- федеральные конституционные законы и федеральные законы, принятые в рамках реализации поправок.

2. Сравнительно-правовой анализ:

- сопоставление конституционных норм до и после поправок;

- анализ изменений в балансе ветвей власти.

3. Анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ.

4. Изучение научной литературы

5. Системный подход:

- рассмотрение поправок как целостного явления, влияющего на государственное строительство.

Введение. Конституция Российской Федерации 1993 года долгое время оставалась неизменной в своей текстовой части. Однако социально-политические и правовые реалии требовали адаптации Основного закона к новым вызовам. Процесс внесения поправок в 2020 году стал самым масштабным за всю историю современной России. Изменения затронули ключевые аспекты организации публичной власти, федеративного устройства, не изменяя при этом фундаментальных основ конституционного строя, прав и свобод человека, закрепленных в главах 1, 2 и 9, которые остались незыблемыми.

Цель данного доклада – проанализировать развитие конституционной системы РФ с 2020 года, выделив ключевые новации, их системное значение и практическую реализацию.

Поправки 2020 года носят комплексный характер и могут быть систематизированы по нескольким ключевым направлениям: укрепление суверенитета и территориальной целостности, реорганизация системы разделения властей и «обнуление» президентских сроков, усиление роли Конституционного Суда. Рассмотрим каждую из них:

1.1. Укрепление суверенитета и территориальной целостности.

Эти поправки были направлены на юридическое закрепление основ государственного суверенитета и недопущение внешнего вмешательства.

Впервые на конституционном уровне закрепляется статус России как правопреемника СССР на своей территории (ст. 67.1). Данная поправка имеет не только историко-символическое, но и правовое значение, что значительно укрепляет позиции РФ в международных спорах.

Устанавливается запрет на отчуждение федеральных территорий, а также любые действия, направленные на это (ст. 67. п. 2.1). В.А. Яковлев-Чернышев отмечает, что «данная поправка очень важна с учетом как политического давления на Россию вследствие присоединения Крыма в 2014 г., так и пресечения возможных провокаций и экстремистской деятельности» [6, С. 409]. Таким образом, закрепление данного принципа на конституционном уровне создало дополнительный правовой барьер для любых попыток нарушения территориальной целостности страны.

Внесены некоторые дополнения в подход к международному праву (ст. 79). Теперь «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.» Такое нововведение утверждает безусловный приоритет национальной Конституции [1].

1.2. Реорганизация системы разделения властей и «обнуление» президентских сроков.

Поправки 2020 года существенно изменили баланс между ветвями власти, усиливая роль Президента и перераспределяя полномочия между ним, парламентом и правительством.

Введение так называемого «обнуления» президентских сроков. Положение о том, что одно и то же лицо не может занимать пост Президента более двух сроков, было дополнено оговоркой: «за исключением случая, предусмотренного частью 3.1 настоящей статьи (ст. 81 п. 3.1). Это означает, что данное ограничение не применяется к действовавшему на момент вступления поправок в силу Президенту.

Значительно расширены полномочия Президента. В частности, он получил право:

- назначать после консультаций с Советом Федерации и освобождать от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая министров) силового, иностранного и других ведомств (п. «д.1» ст. 83 Конституции РФ).

- обращаться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности федеральных законов до их подписания (ст.107).

- вносить в Совет Федерации представления о прекращении полномочий судей высших судов (п. «е.3» ст. 83 Конституции РФ). Некоторые авторы, например, А.В. Саленко, полагают, что данная норма «содержит в себе угрозу существенного расширения оснований для отстранения судей с занимаемых должностей» [5, С. 197] и может негативно влиять на независимость судебной власти.

1.3. Усиление роли Конституционного Суда.

Поправки укрепили позиции Конституционного Суда РФ (далее по тексту - КС РФ) как ключевого элемента системы сдержек и противовесов.

Помимо существующих полномочий у Конституционного Суда, согласно ст. 125 Конституции, появилось право:

- по запросу Президента проверять на соответствие конституции проектов законов до их подписания;

Проверять по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан – конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах "а" и "б" части 2 статьи, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты;

- по запросу Президента давать заключение о соответствии решений федеральных органов государственной власти решениям межгосударственных органов, если их исполнение противоречит Конституции.

- по запросу Президента проверять конституционность законов субъекта РФ до их обнародования высшим должностным лицом субъекта РФ.

Можно согласиться с мнением В.А. Яковлева-Чернышева, который делает вывод о том, что «Указанные изменения в Конституции РФ смещают баланс в соотношении национального и международного законодательства в

сторону внутригосударственного, также способствуя укреплению государственной целостности России» [6, С. 412].

Для претворения в жизнь масштабных изменений, внесенных в Основной закон в 2020 году, потребовалась масштабная работа по обновлению российского законодательства. Этот процесс был направлен на создание целостной правовой системы, полностью соответствующей обновленной Конституции.

Для реализации поправок касаемо укрепления суверенитета и территориальной целостности был принят ряд федеральных законов, которые развили и конкретизировали новые конституционные нормы. Наиболее значимыми из них являются:

Федеральный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"», который более детально описал процедуру разрешения вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов. Соответственно, эти изменения позволили создать эффективный механизм, призванный предотвращать принятие решений, противоречащих основам конституционного строя России, и обеспечивать защиту конституционного правопорядка.

В развитие положений ст. 67 Конституции РФ в Уголовном Кодексе РФ появились новые составы, посвященные посягательству на территориальную целостность России. В частности:

«Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280.1);

«Нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280.2) [3].

Законодательная реализация конституционных поправок в сфере обеспечения территориальной целостности создала сбалансированную и эффективную систему правовой защиты, адекватную современным вызовам и угрозам государственному суверенитету России.

Подтверждение статуса правопреемства было подтверждено Конституционным судом РФ. Как отмечает Масленникова С.В.: «Конституционный Суд РФ ... сформулировал следующую правовую позицию: статус Российской Федерации как правопреемника (правопродолжателя) Союза ССР составляет неотъемлемую характеристику (основание) ее суверенитета во внутригосударственных и международных делах» [4, С. 54].

Реализация поправок касаемо реорганизации системы разделения властей и «обнуления» президентских сроков

Реализация пункта «д.1» статьи 83 была обеспечена через принятие Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

Реализация поправок, касающихся реорганизации системы разделения властей, оказала значительное влияние на баланс между ветвями государственной власти. Как констатирует А.В. Саленко, «президентская власть получила новые полномочия в законодательном процессе ("президентское супервето"), дополнительные инструменты влияния на кадровый состав судебной власти» [5, С. 203]. Расширение президентских полномочий во многом связано с его функцией гаранта Конституции и необходимостью иметь реальные механизмы для обеспечения её охраны и защиты.

Реализация поправок касаемо усиления роли Конституционного Суда.

Данные поправки нашли свое применение в Федеральном законе от 09.11.2020 № 5-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации". Данный акт вступил в силу 10 ноября 2020 года.

Можно сделать вывод о том, что положение поправок, направленных на укрепление роли Конституционного Суда РФ создало новые механизмы защиты конституционного строя, но в то же время потребовала разработки дополнительных гарантий для поддержания равновесия между ветвями власти и эффективного обеспечения прав граждан.

Среди авторов нет единого мнения в оценке статуса Конституционного Суда РФ.

А.В. Саленко считает, что «конституционная реформа 2020 года привела к системному ослаблению судебной власти, нарушила конституционный баланс и создала институциональный перевес в пользу президентской власти. КС РФ утратил значительную долю своей независимости и самостоятельности» [5, С. 202–203].

А вот В.А. Яковлев-Чернышев, наоборот, считает, что «Поправки, касающиеся КС, позитивны и направлены на укрепление государственной целостности и суверенитета России» [6, С. 412]. Автор не анализирует критически такие аспекты, как сокращение судей или влияние на независимость суда, сосредотачиваясь только на аспекте защиты от внешнего влияния.

Мы согласны с позицией В.А. Яковлева-Чернышева, считаем, что его акцент на укреплении государственного суверенитета является в данном контексте ключевым. В условиях современных международных вызовов способность государства защищать свои правовые принципы и территориальную целостность от внешнего давления становится первостепенной задачей. В этом свете поправки, касающиеся Конституционного Суда, можно рассматривать не как сугубо процессуальные изменения, а как стратегическую меру по созданию дополнительных правовых барьеров.

Заключение. Конституционная реформа 2020 года ознаменовала собой новый этап в развитии российской государственности. Внесенные изменения

затронули ключевые основы конституционного строя, что позволило усилить суверенитет, оптимизировать систему разделения властей, утвердить приоритет государственного права, ведущую роль Президента и Конституционного Суда в функционировании единой системы публичной власти России.

Реформа не только укрепила правовые основы государства, но и создала прочный фундамент для его устойчивого развития и защиты национальных интересов в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. 6 окт. URL: www.pravo.gov.ru.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2020 № 425-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50. Ст. 8476.
3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru.
4. Масленникова С.В. Российская Федерация как государство-правопреемник: конституционно-правовой подход // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 50–61.
5. Саленко А.В. Конституционная реформа – 2020 и судебная власть: проблемы независимости и самостоятельности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 188–211.
6. Яковлев-Чернышев В.А. Конституционные поправки 2020 г. и их влияние на перспективы государственного строительства в России // Эпомен. 2021. № 56. С. 406–415.

УДК 347.78

МУЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ

А.А. Пшеничников, Н.Д. Земский, студенты магистратуры,
факультет высшего образования
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В настоящее время важность темы регулирования авторского права на музыку обуславливается новизной для отечественного законодательства правового регулирования данного института, что побуждает к комплексному исследованию правового регулирования и анализу правоприменительной практики.

Музыкальное произведение является результатом интеллектуальной деятельности. На данный момент оно является одним из распространенных и востребованных видов объектов интеллектуальных прав. Легального определения этому объекту авторского права нет, что создает проблему определения того, что можно считать музыкальным произведением.

В настоящее время существует такая проблема как нарушение авторских прав на музыкальные произведения. Нарушение авторских прав на музыкальное произведение, безусловно является неприемлемым по ряду причин, которые могут нанести вред как автору композиции, так и обществу в целом. Это может быть выражено в финансовом аспекте, так как автор не получит вознаграждение, в аспекте справедливости, ибо незаконное распространение наносит вред автору или его репутации, а также это может привести к замедлению развития музыки в целом.

Ключевые слова: авторское право, музыка, сэмпл, музыкальные произведения, интеллектуальные права.

Авторские права составляют одну из частей института авторского права. В российской научной литературе, а также в некоторых законодательных актах понятия «авторское право» и «авторские права» зачастую смешиваются, что не является правильным. В.М. Лещенко определяет авторское право как совокупность правовых норм, регулирующих отношения в сфере создания и использования произведений науки, литературы и искусства, именуя авторские права субъективными гражданскими правами. Такой подход позволяет наглядно разграничить объективные и субъективные права граждан в данной отрасли.

Согласно Гражданскому кодексу РФ авторские права входят в систему интеллектуальных прав. Последние, как известно, подразделяются на:

1. Исключительное право на произведение. Это право владельца по своему усмотрению применять произведение любыми законными методами, а также давать согласие или препятствовать подобному применению другим лицам.

2. Личные неимущественные права автора. Это права, принадлежащие создателю произведения – физическому лицу, чьим творческим трудом оно было создано.

3. Прочие права автора. В эту группу входят, в частности, право следования (возможность получать процент от стоимости оригинала при его публичной перепродаже) и право доступа (возможность требовать от владельца оригинала предоставить доступ для создания его копии).

Авторское право на произведение возникает с момента создания этого произведения. Для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрации произведения или соблюдения каких-либо иных формальностей. Однако в силу того, что иногда представляется невозможным доказать причастность автора к своему произведению каким-либо другим способом, регистрация произведения для автора становится чуть ли не единственным реальным способом защитить свои права.

Одним из самых проблемных в отрасли стоит вопрос плагиата. Причём он может возникать как применительно к от отдельным частям произведения, так и к целым отрывкам, то есть сэмплам В Российском законодательстве нет определения понятия «сэмпл». Однако под ним традиционно понимают музыкальный элемент, позаимствованный третьим лицом для включения его в новое произведение. Чаще всего это самая запоминающаяся часть композиции.

В отечественной юриспруденции не так много учёных, кто высказывался по поводу правового регулирования сэмплов. Например, В. С. Витко высказывал точку зрения, согласно которой сэмплирование должно приравниваться к цитированию, а значит, на музыкальные композиции, при создании которых были использованы отрывки из других произведений, распространяются все правила цитирования. Это, в первую очередь, указание автора оригинальной дорожки.

В вопросе регулирования оборота сэмплов возникает немаловажный вопрос о механизме защиты авторских прав на ремиксы и ремейки. Согласно ст. 1260 ГК РФ автору ремикса (ремикс, аранжировка и т.п. считаются производными произведениями – переработками) принадлежат авторские права. При создании ремикса или производного произведения автор должен помнить о правах первоначальных авторов и их имущественных интересах (п. 3 ст. 1260 ГК РФ). Для законного использования элементов оригинального произведения ему требуется согласие правообладателя. Обычно это оформляется лицензионным договором, составленным в письменном виде, хотя на практике встречаются и случаи, когда такое требование не соблюдается.

С 1993 года в России действует Российское авторское общество (РАО), которое управляет и защищает имущественные права авторов на коллективной основе. РАО представляет интересы авторов и правообладателей перед государственными органами и участвует в международной защите прав благодаря договорам с зарубежными партнёрами. Оно является членом Международной конфедерации обществ авторов и композиторов (СИЗАК).

Изначальная цель создания организации заключалась в том, чтобы предоставить авторам и правообладателям, которые не имеют возможности или желания отслеживать каждое нарушение своих прав, механизм для передачи этих функций специализированной структуре.

Схема взаимодействия такова: заведения, например, бары или клубы, чтобы использовать музыкальные произведения, заключают лицензионные соглашения не с авторами песен, а с РАО. РАО в свою очередь получает вознаграждение за право на воспроизведение музыки и распределяет его между правообладателями, удерживая определенный процент. На первый взгляд, все выглядит просто и понятно, но ряд проблем мешает правообладателям сотрудничать с РАО.

В отличие от иностранных организаций, РАО обладает монопольным положением в своей отрасли. Такое положение сложилось после получения аккредитации Министерством культуры в 2008 году. Аккредитация позволила РАО выдавать лицензии и получать вознаграждения без необходимости заключения договоров с авторами. Благодаря этому, РАО может получать платежи за любое публичное использование авторских произведений, независимо от наличия формального соглашения с автором. Чтобы получить более выгодные условия от другого общества, правообладателю требуется официально расторгнуть договор с РАО. Это освобождает РАО от забот о своей репутации и позволяет ему прибегать к спорным методам в процессе "защиты" авторских прав.

Что касается судебных исков к исполнителям собственных песен, они имеют юридическую обоснованность. РАО выступает как российский аналог американского ASCAP, собирающего авторские вознаграждения за публичное исполнение. РАО официально представляет интересы ASCAP в России, собирая отчисления для иностранных авторов и удерживая комиссию. Это узаконенный способ получения дохода, который РАО активно использует.

Ключевым аспектом оценки работы РАО является тот факт, что суммы сборов значительно превышают размер выплат правообладателям. Хотя организация по условиям договора может удерживать до 45% от собранных средств (если правообладатель – физическое лицо), средний процент удержания обычно составляет около 15%. Это негативно сказывается на самих авторах. Например, промоутер Андрей Агапов рассказал, что за пять лет организации выступлений Славы Полунина он выплачивал через РАО

авторские гонорары на сумму около 5 миллионов рублей, однако Полунин так и не получил эти деньги.

Согласно положениям Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ, дела о защите авторских прав на музыку рассматриваются судами общей юрисдикции и арбитражными судами в качестве первой инстанции.

По общему правилу, суды общей юрисдикции правомочны рассматривать спор, если одной из сторон выступает гражданин, как правило, это автор музыкального произведения или его правопреемники.

В подобном случае в роли первой инстанции выступает районный суд, поскольку процессуальные нормы чётко указывают, что дела, касающиеся результатов интеллектуальной деятельности, не относятся к компетенции мировых судей.

Еще один пример защиты прав физического лица в судах общей юрисдикции – это обращение наследника автора музыкального произведения.

Постановления судов общей юрисдикции способны существенно воздействовать на разбирательства в арбитражных судах. В частности, решение Басманного суда г. Москвы о признании не имеющими законной силы лицензионных соглашений, заключенных компанией с правопреемниками Виктора Цоя, послужило поводом для пересмотра дела в арбитраже.

Дела о нарушении прав на музыкальные композиции в качестве первой инстанции может рассматривать Мосгорсуд. К его исключительной подсудности относятся гражданские дела, касающиеся защиты авторских прав на музыкальные произведения, распространяемые в интернете, при условии, что этим судом были приняты предварительные обеспечительные меры по возникшему спору.

Московский городской суд имеет полномочия по блокировке сайтов и применению других технических мер для защиты авторских прав в интернете. Например, правообладатель подал иск о запрете ответчикам создавать технические условия для размещения музыкальных произведений на их сайтах.

Поскольку исключительные права принадлежат правообладателю, а компании были администраторами домена с оспариваемыми материалами, суд обязал администраторов не создавать условий, которые могли бы привести к нарушению прав компании.

Московский Городской суд также ранее был судом апелляционной инстанции по делам, который рассматривались им, как судом первой инстанции, но теперь эти полномочия перешли к апелляционному суду.

В апелляционном решении, вынесенном Московским городским судом по делу № 33-52648, разбирался конфликт между создателем музыкальной

композиции «Гимн Дня народного единства» и теми, кто осуществил модификацию музыки без его разрешения.

Обжалование решений районных судов по делам, касающимся авторских прав, происходит в апелляционных, а затем и в кассационных судах. Подобный порядок распространяется и на Московский городской суд, что не отличает его от рассмотрения прочих гражданских дел.

Однако, как указала председатель Суда по интеллектуальным правам, целесообразно перенести процедуру обжалования подобных решений в Суд по интеллектуальным правам, поскольку именно он обеспечивает однородность в применении норм права, касающихся защиты авторских прав.

Согласно положениям Арбитражно-процессуального кодекса, арбитражный суд рассматривает дела, связанные с экономическими разногласиями, а также другие споры, возникающие из предпринимательской деятельности.

В спорах, касающихся авторских прав на музыкальные композиции, Арбитражный суд субъекта РФ обычно является судом первой инстанции. Например, Арбитражный суд Москвы рассматривал дело по иску общества «Музыкальное право» против Первого канала относительно исключительных прав на песню «Кукушка», возникшее в связи с переработкой, воспроизведением, распространением и использованием произведения при трансляции.

После нескольких этапов рассмотрения, в удовлетворении требований было отказано, поскольку суды общей юрисдикции признали недействительными договоры, касающиеся исключительных прав на музыкальные произведения.

Арбитражный процессуальный кодекс определяет компетенцию арбитражных судов в спорах о защите интеллектуальных прав с организациями, управляющими авторскими правами коллективно. Именно такие организации, как правило, чаще всего инициируют споры в отношении музыкальных произведений.

В качестве другого примера, можно привести иск РАО к Администрации Сочи о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на произведения, которые исполнялись публично на концерте в честь дня города. В результате суд удовлетворил требования РАО и обязал администрацию выплатить компенсацию.

Зачастую исковые заявления отклоняются судебными инстанциями из-за ошибочного определения способа защиты авторских прав, что не приводит к восстановлению законных прав владельцев. Правообладателям также непросто установить надлежащего ответчика, особенно в интернет-среде. В данном контексте ключевым является мнение Верховного суда, который определяет, что лицом, отвечающим за нарушение авторских прав, является тот, кто фактически использует объекты авторского права.

В пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 26 апреля 2007 года, касающегося судебной практики в уголовных делах о нарушениях авторских и смежных прав, а также незаконном использовании товарных знаков, уточняется, что экземпляры произведений признаются контрафактными, если их изготовление, распространение, любое другое использование или импорт противоречат авторским правам, охраняемым российским законодательством.

Подводя итог становится очевидным, что в Российской Федерации механизмы защиты авторских прав, к сожалению, несовершенны. Зачастую приходится руководствоваться не законом, а действующей практикой. Из-за этого возникает много проблем и споров среди правообладателей и потребителей. Однако в последнее время тенденция к росту интереса учёных к данной проблеме увеличивается. Вероятно, в скором времени мы получим расширение правовой базы до достаточного уровня, чтобы данные правоотношения были детально урегулированы на законном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Услуги по охране и защите интеллектуальной собственности –n'RIS URL: https://nris.ru/blog/statistika-sudebnoj-praktiki-po-zashite-intellektualnojsobstvennosti/ – Текст: электронный.
2. Лещенко, В.М. Патентное дело в таблицах и схемах / В.М. Лещенко. – М.: Мини Тайп, 2022. – С.67 – Текст: непосредственный.
3. Серго, А.Г. Основы права интеллектуальной собственности. Курс лекций. Учебное пособие / А.Г. Серго, В.С. Пущин. – Москва: ИЛ, 2022. – С.87– Текст: непосредственный
4. Смирнов А.Д. Кто придумал создавать музыку из музыки и почему это хорошо». URL: https://skvot.io/uk/blog/epoha-semplirovaniya: https://skvot.io/uk/blog/epoha-semplirovaniya Текст : электронный.
5. Комментарий правовых подходов, сформированных Судом по интеллектуальным правам по вопросам производных произведений Режим доступа URL: http://ipcmagazine.ru/asp/commentary-legal-approaches-developed-by-the-intellectual-propertyrights-court-derivative-works – Текст: электронный.
6. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) ст. 410 – Текст: непосредственный.
7. Закиров Д.А. Защита в России прав авторов музыкальных произведений // Вестник науки и образования. 2021. №16–2 (119). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-vrossii-prav-avtorov-muzykalnyh-proizvedeniy. Текст: электронный]
8. Горшунов, А.А. Музыкальные произведения как объекты авторского права / А. А. Горшунов. – Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. – 2020. – № 4 (18). – С. 24–29. – URL: https://moluch.ru/th/9/archive/163/5002/. – Текст: электронный.
9. Невская, М.А. Авторское право в издательском бизнесе и СМИ. Практическое пособие / М.А. Невская, Е.Е. Сухарев, Е.Н. Тарасова. – М.: Дашков и Ко, 2018. – С.211.– Текст: непосредственный.
10. Решение Басманного районного суда города Москвы по делу от 16.03.2016 г. по делу № 02-2320/2017 // СПС «Консультант». – Текст: непосредственный.
11. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 04 декабря 2018 г. по делу № 33-52648/2018 // URL:

https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/022c2b15-7a7f-4868-a8f1-9eba330df6e2.
12. Абдиримов А.Ф., Озманян Ю.З. Особенности реализации судебного порядка защиты авторских прав на музыкальные произведения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №5–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-sudebnogo-poryadka-zaschity-avtorskihprav-na-muzykalnye-proizvedeniya. Текст: электронный.
13. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апр. 2007 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.

УДК 94(5)/ 340.1

РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ПРАВА В ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА: ОТ ПРОПОВЕДИ ПРОРОКА К ИМПЕРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Д.У. Рахмонова, студент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье исследуется роль исламского права как инструмента централизации и управления в Арабском халифате. На основе анализа шариата, фикха и исторического материала показано, как правовые нормы и институты обеспечивали легитимность власти и административную интеграцию государства от Пророка Мухаммеда до Аббасидов.

Ключевые слова: Арабский халифат, исламское право, шариат, фикх, централизация власти, государственное управление, правовые институты.

Введение. Изучение истории Арабского халифата представляет значительный интерес не только в связи с масштабами его территории, но прежде всего в силу формирования в его рамках уникального культурно-правового синтеза. Как отмечает О.Г. Большаков, именно в Халифате, в процессе взаимодействия различных цивилизаций, сложилась новая, ранее не существовавшая культура со своеобразной религиозно-правовой системой, определившей вектор развития исламского мира [1, С. 3]. Понимание этой системы невозможно без анализа её правового компонента, который выступал непосредственным регулятором общественных отношений и инструментом власти. При этом, как справедливо подчёркивает Л. Р. Сюкияйнен, исламское право, обладая религиозной легитимностью, является самостоятельным юридическим феноменом, не сводимым лишь к своду религиозных предписаний [2, С. 11]. Актуальность темы обусловлена необходимостью чёткого разграничения таких часто смешиваемых понятий, как шариат, фикх и исламское право, и выявления их конкретной роли в политической истории Халифата. В научной литературе (труды О.Г.

Большакова, Л.Р. Сюкияйнена, П.А. Грязневича и др.) подробно исследованы отдельные аспекты этой проблемы, однако комплексный анализ исламского права именно как инструмента централизации на всём протяжении существования Халифата требует дальнейшей проработки.

Постановка задачи. Целью данного исследования является комплексный анализ роли исламского права в процессах централизации и государственного управления Арабским халифатом. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: 1) провести теоретическое разграничение базовых понятий «шариат», «фикх» и «исламское право», выявив их специфику и взаимосвязь; 2) проследить историческую динамику становления и развития исламской правовой системы в её взаимосвязи с эволюцией государственных институтов Халифата; 3) выявить и охарактеризовать конкретные механизмы, посредством которых правовые нормы и доктрины способствовали административной интеграции, легитимации власти и поддержанию социального порядка в полиэтничном и поликонфессиональном государстве.

Методика и методология исследования. Методологической основой исследования является сочетание историко-правового и системного подходов. Историко-правовой метод позволяет рассмотреть генезис и эволюцию правовых норм и институтов в неразрывной связи с политическим развитием Халифата. Системный подход даёт возможность проанализировать исламское право как целостный элемент социально-политической системы, взаимодействующий с другими её компонентами (административным аппаратом, фискальной системой, идеологией). Также применяется сравнительно-правовой анализ для сопоставления доктринальных положений различных мазхабов и их практического применения. Источниковую базу составили труды ведущих отечественных востоковедов и исламоведов, а также переводы ключевых первоисточников (Коран, исследования, основанные на сунне).

Результаты. Исламская правовая мысль опирается на три взаимосвязанных, но не тождественных понятия. Шариат («прямой путь») понимается как комплекс закреплённых Кораном и сунной предписаний, определяющих убеждения, нравственные ценности и выступающих источником конкретных норм поведения [3, С. 292]. Его нормативная часть неоднородна, включая как императивные ритуальные правила, так и общие принципы регулирования мирских отношений, которые составляют большинство и требуют интерпретации [4].

Эту интерпретационную функцию выполняет фикх («понимание») – правовая доктрина, результат рационального осмысления священных текстов. Фикх основан на ряде источников: иджтихаде (самостоятельном суждении учёного), киясе (аналогии), иджме (консенсусе учёных) и урфе (обычае) [3, С. 91, 137]. Развиваясь в рамках различных правовых школ

(мазхабов), фикх приобрёл значительную степень самостоятельности по отношению к шариату, формируя конкретные юридические конструкции [5].

Исламское право как система действующих норм возникает на стыке шариата (материального источника) и фикха (формально-логического метода). Его становление было ответом на казуистичность ранней традиции и необходимостью выработки общих принципов для унификации множества доктринальных мнений [5]. Таким образом, исламское право представляет собой юридически оформленный результат интерпретации божественных установлений.

В эпоху Пророка Мухаммеда и Праведных халифов (622–661 гг.) закладывались основы правопорядка. Ключевое значение имела «Конституция Медины», установившая договорные принципы сосуществования разнородных групп и закрепившая арбитражную роль Пророка [6]. При Праведных халифах, особенно Умаре ибн аль-Хаттабе, право стало инструментом строительства государственности: были созданы фискальное ведомство (диван аль-харадж), казна (байт аль-маль), введено регулярное жалованье для армии, проведено административно-территориальное деление и учреждён институт судей (кади), формально независимых от наместников [7].

Период Омейядов (661–750 гг.) ознаменовался адаптацией права к имперским масштабам. Началась систематизация фикха и рецепция управленческого опыта завоёванных народов. Создание суда мазалим позволило контролировать аппарат, а письменная фиксация решений заложила основы прецедентной практики [8]. Введение наследственного принципа передачи власти, хотя и стабилизировало преемственность, вызвало острую идеологическую критику со стороны оппозиционных групп.

Эпоха Аббасидов (750–1258 гг.) стала временем расцвета фикха как науки и активной кодификации права. Аббасиды использовали опору на шариат для легитимации своей власти. Правовая унификация стала ответом на потребности многонациональной империи. Право структурировало ключевые сферы: административную (усиление роли визиря), военную (создание профессиональной гвардии мамлюков), фискальную (отлаженная система налогов и откупов) [9]. Даже в условиях нараставшей политической децентрализации исламское право оставалось цементирующей основой, общей для всех государственных образований на территории распадающегося Халифата.

Выводы. Проведённое исследование позволяет утверждать, что исламское право сыграло решающую роль в процессе централизации и обеспечения устойчивости Арабского халифата. Его уникальность заключалась в органичном соединении сакральной, не подлежащей пересмотру основы (шариат) с гибким, рациональным и адаптивным интеллектуальным инструментарием (фикх). Эта система

продемонстрировала высокую эффективность в решении ключевых управленческих задач: легитимации власти, создании единого административного и фискального пространства, интеграции разнородного населения и поддержании социального порядка.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении исламского права не как статичного свода догм, а как динамичного инструмента государственного строительства, эволюционировавшего вместе с Халифатом. Показано, что централизация осуществлялась не только военно-политическими, но и правовыми средствами, что обеспечило более глубокую и устойчивую интеграцию.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении содержания и соотношения базовых категорий исламской правовой мысли. Практическая ценность – в демонстрации исторического примера того, как правовая система может стать каркасом для имперской интеграции. Перспективным направлением дальнейших изысканий видится сравнительный анализ эффективности правовых моделей централизации в Халифате и других раннесредневековых империях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большаков О.Г. Ислам в Аравии (570–633). Т. 1. / отв. ред. Л.В. Негря. М.: Наука, 1989. 359 с.
2. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. 2-е изд., перераб. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 298 с.
3. Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991. 315 с.
4. Товсултанов С.А. Проблемы в понимании мусульманского права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 107–111.
5. Сюкияйнен Л.Р. Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 84–104.
6. Галиуллина С.Д., Нуриев Б.Д. Мединское соглашение (622 г.) как один из важнейших нормативных документов мусульманского права // Вестник КГУ. 2015. № 6. С. 199–203.
7. Рождественский М. Неожиданный шариат / отв. ред. О.К. Павинов. М., 2011. 45 с.
8. Meirison M., Saharuddin D. The Distinction of Government Administration and Judicial Institutions in The Umayyad Dynasty // Buletin Al-Turas. 2021. Vol. 27, № 1. P. 133–146.
9. Попов А. Полная история ислама и арабских завоеваний. М.: АСТ, 2010. 635 с.

УДК 343.791

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТАВОВ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИИ (СТ. 174.1 УК РФ) И КИТАЯ (СТ. 191 УК КНР)

Д.А. Рябова, магистрант
Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ норм уголовного права России и Китая, устанавливающих ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов. Автор исследует сходства и различия в определении объекта, предмета, объективной и субъективной сторон, субъекта преступления и санкций. Выводы работы имеют значение для теории уголовного права и могут быть использованы в целях совершенствования российского законодательства в соответствии с международными стандартами.

Ключевые слова: отмывание денег, легализация доходов, ст. 174.1 УК РФ, ст. 191 УК КНР, сравнительное уголовное право, финансовая безопасность, уголовная ответственность юридических лиц.

Введение. В условиях глобализации финансовых потоков и транснационального характера организованной преступности эффективное противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов стало одним из ключевых приоритетов для государств мира [1]. Международные стандарты, в первую очередь рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), задают общие рамки, однако их имплементация в национальные правовые системы обладает значительной спецификой [2].

Сравнительный анализ уголовно-правовых норм ведущих стран, таких как Россия и Китай, представляется актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Он позволяет выявить различные концептуальные подходы к криминализации данного деяния, оценить сильные и слабые стороны правовых механизмов и наметить пути гармонизации законодательства с учетом лучших практик. В российской науке уголовного права компаративные исследования норм об отмывании денег в аспекте российско-китайского взаимодействия пока недостаточно представлены [3].

Целью данного исследования является проведение детального сравнительного анализа составов преступлений, предусмотренных ст. 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и ст. 191 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (УК КНР), устанавливающих ответственность за легализацию преступных доходов.

Методика проведения исследования. Исследование основано на сравнительно-правовом методе, который позволил сопоставить структурные элементы составов преступлений по законодательству России и Китая. В работе применялись методы системного анализа, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования.

1. Объект преступления и место в системе уголовного закона.

Законодательства России и Китая демонстрируют различные акценты в определении охраняемого блага. В России ст. 174.1 УК РФ помещена в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», а основным непосредственным объектом выступает общественная безопасность в сфере экономической деятельности. Это подчеркивает подход, при котором легализация рассматривается как угроза стабильности и добросовестной конкуренции в экономике [4].

В Китае ст. 191 УК КНР расположена в главе 3 «Преступления против порядка управления социалистическим рынком». Объект здесь трактуется как общественные отношения в сфере финансового управления и экономического порядка, что делает основной акцент на защиту государственного контроля над финансовыми потоками и устойчивость финансовой системы [5].

2. Предмет преступления.

Российское законодательство определяет предмет универсально: это «деньги или иное имущество, приобретенные в результате совершения преступления» (ст. 174.1 УК РФ), независимо от вида предикатного деяния.

Китайский подход является более категоризированным. Ст. 191 УК КНР содержит прямой перечень наиболее опасных предикатных преступлений (терроризм, контрабанда, коррупция и др.), доходы от которых являются предметом отмывания, а также использует оценочную категорию «доходы от иных преступлений» [5]. Это создает иерархию приоритетов в правоприменении.

3. Объективная сторона.

Российская норма описывает объективную сторону через абстрактные понятия: совершение финансовых операций и других сделок с целью придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению преступными доходами. Такой подход гибок и позволяет охватывать новые схемы [4].

Китайский законодатель использует детализированный, технически ориентированный перечень действий. Ст. 191 УК КНР прямо называет конкретные операции: предоставление счетов, конвертация валюты, трансграничные переводы средств, осуществление платежей через торговые операции и др. [5]. Это облегчает доказывание, но может требовать частых изменений закона.

4. Субъективная сторона.

В обеих странах состав является умышленным. Ключевым элементом является заведомость – знание виновного о преступном происхождении имущества. Однако, по данным исследований и аналитики, китайская правоприменительная практика в рамках борьбы с коррупцией и отмыванием денег чаще опирается на систему презумпций, связанных с несоответствием легальных доходов и расходов лица, что фактически перераспределяет бремя доказывания [7; 9].

5. Субъект преступления.

Наиболее радикальное различие заключается в вопросе ответственности юридических лиц. Российское уголовное право не предусматривает уголовной ответственности организаций за отмывание денег. Однако к ней могут быть привлечены только физические лица (ст. 174.1 УК РФ). Административная ответственность для юрлиц установлена КоАП РФ.

В Китае действует доктрина «двойного наказания». Согласно ст. 191 УК КНР, к уголовной ответственности (в виде крупных штрафов) может быть привлечено как физическое лицо-исполнитель, так и сама организация (юридическое лицо), от имени или в интересах которой оно действовало [5; 8]. Этот подход признается более соответствующим рекомендациям ФАТФ [2].

6. Санкции.

Санкции обеих статей включают штрафы и лишение свободы. Однако китайские санкции в среднем строже и носят более конфискационный характер. Они предусматривают конфискацию имущества, штрафы в размере от 5% до 20% от суммы легализованных средств и лишение свободы на срок до 10 лет [5]. Российские санкции (штрафы, лишение свободы до 7-10 лет) также значительны, но менее ориентированы на пропорциональное изъятие экономической выгоды [4].

Основные результаты и выводы. Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- Российское законодательство фокусируется на защите целостности экономической деятельности, тогда как китайское на обеспечении государственного финансового контроля и суверенитета в финансовой сфере.

- Законодатель КНР использует детализированный, казуистичный метод описания объективной стороны, что повышает определенность, но снижает гибкость нормы. Российский подход более абстрактен и универсален, что является его преимуществом в условиях быстро меняющихся схем отмывания.

- Введение уголовной ответственности юридических лиц по китайской модели («двойное наказание») представляется наиболее перспективным направлением для совершенствования ст. 174.1 УК РФ. Это соответствовало бы международным стандартам ФАТФ и резко повысило бы уровень корпоративной комплаенс-культуры в России [2; 3].

- Уголовная политика КНР в данной области демонстрирует большую репрессивность, выраженную в более суровых санкциях и жестких процедурах доказывания. Однако эффективность борьбы с отмыванием денег зависит не только от строгости наказания, но и от слаженности работы всех институтов финансового мониторинга и правосудия.

- Научная и практическая значимость исследования заключается в выявлении конкретных векторов для потенциальной модернизации российского законодательства. В их числе: дискуссия о введении уголовной ответственности юридических лиц, более активное использование конфискации как основной цели санкции, а также возможная разработка подробных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, детализирующих типичные схемы легализации для целей правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). – Париж: ФАТФ, 2012-2023 (актуализированные). – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html.
2. Бирюков П.Н. Имплементации документов ФАТФ в правовой системе Российской Федерации / П.Н. Бирюков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 2 (62). – С. 118–125.
3. Мяханова А.Н. Ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем: китайский опыт / А.Н. Мяханова, З.А. Коновалова, Д.В. Синьков // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15. № 1. – С. 323–335.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. 中华人民共和国刑法（1997年修订） // 检察法律法规库 - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180206_364975.shtml.
6. Росфинмониторинг фиксирует рост отмывания денег через криптовалюту - [Электронный ресурс] – РИА Новости, 2025. – URL: https://ria.ru/20230724/kriptovalyuta-1885862630.html.
7. Китай усиливает запрет на криптовалюты на фоне возобновления спекуляций со стейблкоинами // South China Morning Post. 2025. URL: https://clck.ru/3QhYa8.
8. Anti-money laundering (AML) regulation and implementation in Chinese inancial sectors: money-laundering vulnerabilities and the 'rulebased but risk-oriented' AML approach // ACADEMIA. 2012. https://www.academia.edu/25551822/Anti_money_laundering_AML_regulation_and_implementation_in_Chin.
9. Мяханова А.Н. Некоторые проблемы ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, по уголовному законодательству России и Китая: сравнительно-правовой анализ / А.Н. Мяханова, З.А. Коновалова, Д.В. Синьков. // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, №4. – С. 81–89.
10. C. Zhou. China’s new AML Law. A significant step forward but not without challenges /C. Zhou, AML and Sanctions Compliance Partner, KPMG China // KPMG. 2025. https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2025/01/china-new-aml-law.pdf.

УДК 664.6/664.87

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ОТХОДОВ В ЕАЭС

К.М. Савкина, студент
Научный руководитель – А.Н. Гринченко, старший преподаватель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет»
г. Псков, Россия

Аннотация. Рассматривается комплекс нормативных требований, применяемых таможенными органами Евразийского экономического союза к перемещению отходов. Особое внимание уделяется противоречиям между задачами экономической интеграции и экологической безопасности. Проанализированы ключевые документы таможенного и экологического регулирования, выявлены проблемные зоны правоприменительной практики.

Ключевые слова: отходы, ЕАЭС, таможенное регулирование, экологическая безопасность, правовые коллизии.

Введение. Перемещение отходов через таможенные границы представляет собой сложный процесс, находящийся на стыке экономических и экологических интересов государств. В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) формирование общих рынков и устранение барьеров создало новые вызовы в сфере контроля за трансграничным движением отходов. С одной стороны, интеграционные процессы способствуют развитию сырьевого сектора, включая использование вторичных ресурсов. С другой стороны, существуют обоснованные риски превращения территории Союза в полигон для размещения опасных материалов из третьих стран. Данная проблематика отражена в работах ряда авторов, изучавших экономические аспекты обращения с отходами [1] и эволюцию экологического права в ЕАЭС [2]. Однако таможенный механизм как ключевой инструмент администрирования этого процесса требует отдельного комплексного рассмотрения, что и определило цель данной статьи.

Постановка задачи. Целью данной работы является анализ специфики нормативно-правовых требований, предъявляемых к отходам при их таможенном оформлении на единой таможенной территории ЕАЭС. Для её достижения поставлены следующие задачи: выявить и систематизировать основные источники права, регулирующие данный вопрос; проанализировать процедурные аспекты таможенного контроля за отходами; оценить согласованность норм таможенного и экологического законодательства Союза. Решение этих задач позволяет сформулировать практические предложения по совершенствованию правоприменительной деятельности.

Методика и методология исследования. В основу статьи положен системно-структурный метод, который дал возможность рассмотреть нормативное регулирование как комплекс взаимосвязанных элементов. С помощью сравнительно-правового метода проведен анализ положений основополагающих договоров ЕАЭС, решений Комиссии, а также национального законодательства государств-членов в части, делегированной на наднациональный уровень. Формально-юридический метод использовался для интерпретации конкретных правовых норм. В качестве источников информации послужили тексты международных договоров, нормативных актов Евразийской экономической комиссии, данные статистики таможенных органов, а также научные публикации по теме.

Результаты. Правовую основу перемещения отходов в ЕАЭС формируют два ключевых блока: таможенное законодательство и экологические нормы. Основным документом является Таможенный кодекс ЕАЭС (ТК ЕАЭС), который определяет процедуры декларирования, выпуска товаров и формы таможенного контроля. В рамках ТК ЕАЭС отходы рассматриваются как обычный товар, но с существенными оговорками. Классификация отходов осуществляется по Единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ЕТН ВЭД ЕАЭС), где они выделены в отдельные группировки. От правильности определения кода ТН ВЭД напрямую зависят размер таможенных платежей и применение мер нетарифного регулирования.

Второй блок представлен экологическими требованиями, установленными Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии № 30 от 21.04.2015. Этот документ вводит целый ряд ограничений. Например, запрещается ввоз на таможенную территорию Союза отходов в целях их захоронения и обезвреживания. Ввоз для утилизации возможен только при наличии соответствующего разрешения, выдаваемого уполномоченным органом государства-члена. Процедура получения такого разрешения сложна и требует проведения государственной экологической экспертизы, что создает значительные административные барьеры. Возникает правовая коллизия: с точки зрения таможни отходы могут быть оформлены к выпуску, но с точки зрения экологического надзора их ввоз невозможен из-за отсутствия разрешения. Эта ситуация регулярно приводит к задержкам грузов на границе и судебным спорам.

Особую сложность представляет идентификация товара. Разграничение понятий «вторичное сырье» и «отходы» часто носит субъективный характер, хотя правовые последствия для них кардинально различаются. Отходы подлежат более жесткому контролю. Таможенные органы вынуждены в ряде случаев привлекать экспертов для проведения идентификации, что увеличивает сроки таможенного оформления. Проблема усугубляется различиями в национальных подходах государств-членов к определению и каталогизации отходов, что отмечалось в литературе [3].

Важным аспектом является применение системы управления рисками (СУР). При ввозе отходов таможенными органами присваивается повышенный профиль риска, что ведет к обязательному проведению таких форм контроля, как таможенный досмотр или проверка документов в полном объеме. Акцент делается на проверке сопроводительной документации: паспортов отходов, заключений экспертизы, договоров с принимающими организациями на утилизацию. Нередко выявляются случаи попыток ввоза под видом товарных партий «продукции» или «сырья» грузов, которые по своим физико-химическим свойствам являются отходами. Подобные попытки квалифицируются как нарушение таможенного законодательства и влекут административную ответственность.

Контроль за фактическим вывозом отходов после их утилизации также остается слабым местом. Технически сложно подтвердить, что ввезенный материал был переработан, а не просто складирован на территории страны. Этот пробел в контроле создает потенциальные экологические угрозы. Некоторые авторы справедливо указывают на необходимость создания в ЕАЭС единого реестра объектов утилизации и отслеживания движения партий отходов [4]. Пока же такой системы не существует, что ограничивает возможности таможенных органов на этапе пост-таможенного контроля.

Отдельного внимания заслуживает регулирование трансграничных перевозок опасных отходов, которое частично дублирует положения Базельской конвенции. Для их перемещения требуется предварительное уведомление и получение письменного согласия стран происхождения, назначения и транзита. В Таможенном союзе эта процедура интегрирована в процесс таможенного оформления, но её практическая реализация затруднена из-за бюрократической сложности и длительных сроков согласования между различными ведомствами разных стран.

Выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что нормативно-правовое регулирование перемещения отходов в ЕАЭС характеризуется двойственностью. С одной стороны, действует либеральный режим Таможенного кодекса, направленный на упрощение торговли. С другой — действует жесткий ограничительный режим, основанный на экологических нормах. Это приводит к формированию значительных административных барьеров и правовой неопределенности для участников внешнеэкономической деятельности. Научная новизна статьи заключается в комплексном рассмотрении таможенных процедур как механизма обеспечения экологической безопасности Союза. Теоретическое значение работы состоит в выявлении и систематизации правовых коллизий между актами таможенного и экологического права на наднациональном уровне. В итоге можно констатировать, что действующая система требует большей гармонизации. Необходимо выработать единые, понятные критерии отнесения грузов к отходам, упростить межведомственное взаимодействие и создать интегрированную информационную систему для отслеживания их

дальнейшего использования. Это позволит снизить коррупционные риски на границе и повысить эффективность экологического контроля без создания избыточных препятствий для легального бизнеса в сфере переработки вторичных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров, В.В. Экономика обращения с отходами в условиях евразийской интеграции / В.В. Петров // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 1255–1269.
2. Семенова, А.К. Экологическое право Евразийского экономического союза: становление и перспективы / А.К. Семенова // Экологическое право. – 2020. – № 3. – С. 18–23.
3. Козлов, Д.А. Проблемы гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере обращения с отходами / Д.А. Козлов // Право и управление. XXI век. – 2021. – № 1 (58). – С. 65–73.
4. Иванова, Л.М. Таможенный контроль за трансграничным перемещением отходов: вопросы теории и практики / Л.М. Иванова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2019. – № 4 (85). – С. 55–62.
5. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» (ред. от 16.08.2022) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии.
6. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный интернет-портал правовой информации.
7. Федоров, О.Ю. Административно-правовые средства обеспечения экологической безопасности в деятельности таможенных органов: дис. … канд. юрид. наук / О.Ю. Федоров. – М., 2020. – 187 с.

УДК 34.09

ПОВЫШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ КАК ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

О.Д. Свирин, студент
Научный руководитель – И.Н. Плотников, канд. соц. наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу последствий значительного повышения государственных пошлин в 2024 году, влиянию данных изменений на доступ к правосудию, а также формулированию предложений по корректировке Налогового кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная пошлина, доступ к правосудию, Налоговый кодекс Российской Федерации.

Одной из наиболее актуальных проблем современной налоговой системы Российской Федерации является вопрос обоснованности и целесообразности повышения государственных пошлин. Государственная

пошлина занимает особое место в налоговой системе России, так как она выполняет сразу несколько функций. С одной стороны, она представляет собой источник формирования доходной части бюджета, а с другой – выполняет регулирующую и ограничивающую роль, предотвращая чрезмерное обращение граждан и организаций в государственные органы по незначительным вопросам. Таким образом, государственная пошлина является не только финансовым инструментом, но и важным элементом правовой политики государства.

В последние годы в сфере регулирования государственных пошлин произошли существенные изменения. С 2024 года вступили в силу поправки в Налоговый кодекс Российской Федерации, которые значительно изменили их размер [1]. Согласно новой редакции, размеры государственных пошлин для обращений в суды были увеличены в среднем более чем в пять раз. При этом по отдельным категориям они возросли в пятьдесят раз, что является существенным увеличением. Кроме того, законодатель впервые ввёл ряд новых государственных пошлин, которые ранее вовсе не предусматривались. Это означает, что обращение в суд теперь связано с серьезными финансовыми трудностями для граждан и организаций.

Несомненно, такие изменения носят системный характер и направлены на оптимизацию расходов государства, а также на сокращение чрезмерной нагрузки на судебную систему. Однако столь резкое и масштабное увеличение размера вызвало широкий общественный и научный резонанс. Многие отмечают, что последствия могут оказаться двоякими: с одной стороны, государство получает дополнительные доходы в бюджет, с другой – возрастает риск ограничения права граждан на доступ к правосудию [2, С. 52].

Конституция Российской Федерации в ст. 46 закрепляет право каждого на судебную защиту [3], однако чрезмерно высокие судебные расходы фактически могут превратить это право в привилегию для отдельных экономически обеспеченных групп. Для малоимущей части населения высокие ставки пошлин становятся непреодолимым барьером, что нарушает принцип равенства и доступности правосудия.

Также одним из негативных аспектов повышения государственной пошлины выступает ухудшение судебной практики [4, С. 178]. Так, стоимость обжалования судебных актов существенно возросла. Например, для того чтобы дойти какому-либо юридическому лицу до надзорной инстанции по арбитражным делам, необходимо потратить около 160 тыс. рублей. Согласно ст. 333.21. НК РФ, сумма подачи апелляционной жалобы для организаций составляет 30 тыс. рублей, кассационной жалобы – 50 тыс. рублей, а надзорной жалобы – 80 тыс. рублей. Это более чем в десять раз превышает предыдущие расходы. В результате большое количество споров, особенно связанных с небольшой суммой требований, не доходит до вышестоящих инстанций. Такая ситуация неизбежно приведёт к сокращению

числа прецедентов и снижению качества судебной практики, так как многие потенциально значимые дела будут «отсечены» на уровне первой инстанции.

Особую проблему представляет установленный размер государственных пошлин в делах о банкротстве [5, С. 125]. С 2024 года для кредиторов-организаций, обращающихся с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом), введена фиксированная пошлина в размере 100 тыс. рублей. Такая сумма не учитывает масштаб требований, так как если долг перед кредитором небольшой, то его расходы становятся экономически нецелесообразными, а при многомиллиардных задолженностях пошлина выглядит несущественной.

Наконец, необходимо учитывать дисбаланс в распределении размера государственных пошлин между разными категориями дел. Например, в исковом производстве, минимальная пошлина за исковое заявление – 10 тысяч рублей, тогда как апелляционная жалоба для физических лиц также составляет 10 тысяч рублей, что фактически приравнивает её к обращению в суд первой инстанции.

Стоит отметить, что апелляционная инстанция по своей сути является механизмом пересмотра уже вынесенного судебного решения и в редких случаях предполагает рассмотрения дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в суде первой инстанции, то есть – эвокацию, а значит, нагрузка на суд и его аппарат зачастую объективно ниже, чем при рассмотрении дела впервые. В связи с этим размер государственной пошлины за апелляционную жалобу должен быть соразмерно ниже, чем за исковое заявление. Установление же одинаковой стоимости фактически создаёт препятствие для реализации права на обжалование. В итоге гражданин, уже потративший значительные средства на судебный процесс, вынужден дополнительно оплачивать чрезмерно высокую государственную пошлину, чтобы защитить свои права в следующей инстанции судопроизводства. При этом необходимо отметить, что даже в судах общей юрисдикции ситуация выглядит несколько мягче. Так, если сумма подачи искового заявления в первую инстанцию составляет не менее 4 тысяч рублей, то сумма подачи апелляционной жалобы составляет 3 тысячи рублей, что также не совсем соответствует полной экономической справедливости. Ведь, по факту, сумма государственной пошлины на подачу иска в первую инстанцию несущественно превышает сумму государственной пошлины на подачу апелляционной жалобы в апелляционную инстанцию.

Особое недоумение вызывает установленный ст. 333.21. НК РФ размер государственной пошлины за судебный приказ, который составляет не менее 8 тыс. рублей. Сам правовой институт приказного производства подразумевается, как упрощённый и быстрый механизм защиты прав кредитора, не требующий полноценного судебного разбирательства. Судья рассматривает заявление единолично, без вызова сторон и проведения судебного разбирательства, что значительно снижает нагрузку на судебную

систему и упрощает судебный процесс. В такой ситуации логично ожидать, что и размер государственной пошлины будет существенно ниже, чем по исковому производству. Однако государственная пошлина за судебный приказ практически приравнена к подаче иска в суд первой инстанции. Это создаёт парадоксальную ситуацию, что более простой и менее затратный для государства судебный процесс стоит для заявителя почти столько же, сколько полноценное судебное разбирательство, что выглядит необоснованным и несправедливым.

Кроме того, такое резкое повышение государственных пошлин раз в 10–15 лет создаёт для участников судебного процесса серьезное потрясение. Здесь необходимо справедливо отметить, что повышение должно быть постепенным и системным. Более эффективной моделью может стать планомерная индексация с периодичностью раз в 3–5 лет, что позволит избежать резких дисбалансов и сделает процесс более плавным как для граждан, так и для организаций [6, С. 328].

Также следует исходить из того, что судебная система не является коммерческой структурой, основной целью которой является извлечение прибыли. То есть судебная система не обязана быть прибыльной, её задачами являются обеспечение реализации конституционного права граждан и организаций на судебную защиту, поддержание правопорядка и укрепление доверия к государственным институтам [7, С. 151]. Поэтому любые финансовые механизмы, включая государственную пошлину, должны носить вспомогательный характер и быть направлены не на получение дохода, а на обеспечение эффективного и справедливого функционирования правосудия.

На основании проведенного анализа целесообразно внести изменения в ст. 333.21 НК РФ, изложив её в подп. 3, подп. 8 п. 1 в следующей редакции:

«3) при подаче заявления о вынесении судебного приказа – 30 процентов размера государственной пошлины, взимаемой при подаче искового заявления имущественного характера, исчисленной по правилам подпункта 1 настоящего пункта;

8) при обращении с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) – в размере государственной пошлины, исчисленной по правилам подпункта 1 настоящего пункта, исходя из заявленных кредитором требований, но не менее 16 000 рублей для организаций.

При обращении должника с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом) государственная пошлина не взимается».

Также необходимо изменить подп. 19–21 п. 1 ст. 333.21 НК РФ, изложив их в следующей редакции:

«19) при подаче апелляционной жалобы и (или) кассационной жалобы на решения и (или) постановления арбитражного суда – 50 процентов размера государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче искового

заявления имущественного характера, исчисленной по правилам подпункта 1 настоящего пункта;

19.1) при подаче надзорной жалобы – 70 процентов размера государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче искового заявления имущественного характера, исчисленной по правилам подпункта 1 настоящего пункта».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.08.2000. – № 32. – Ст. 3340.
2. Журавлева М.Д. Увеличение государственной пошлины: экономическая необходимость или механизм регулирования нагрузки судебной деятельности? // Социальные нормы и практики. – 2024. – № 4. – С. 50–62.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.
4. Калашникова Е.Б. Влияние увеличения государственной пошлины на защиту прав граждан // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 178–179.
5. Сафагареев Р.М., Асеев Д.В. Проблемы повышения государственных пошлин в судопроизводстве // Гуманитарный научный журнал. – 2024. – № 4.2. – С. 121–128.
6. Момотов В.В. Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия // Правоведение. – 2024. – № 3. – С. 319–331.
7. Розе М.А. Направления совершенствования государственной судебной политики в области судебных расходов в контексте доступности правосудия // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 1 (29). – С. 148–158.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

О.Д. Свирин, студент
Научный руководитель – М.Е. Нехороших, канд. юрид. наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу правового положения имущества, на которое наложен арест в рамках уголовного дела, но в отношении которого одновременно применяется процедура банкротства, выявлению противоречий судебной практики и обоснованию необходимости внесения изменений в действующее законодательство о банкротстве.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, банкротство, гражданский иск, конкурсная масса.

Одним из наиболее актуальных и недостаточно урегулированных вопросов смежным для уголовного процесса и процедуры банкротства, является правовое положение имущества, на которое наложен арест в рамках уголовного дела [1], но в отношении которого одновременно применяется процедура банкротства.

Это приобретает особую значимость в связи с тем, что цели наложения ареста на имущество в уголовном процессе и цели процедуры банкротства различны по своей правовой природе. Если наложение ареста на имущество в уголовном процессе направлено на обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, то институт банкротства, напротив, призван обеспечить избавление должника от долговых обязательств и, по возможности, сохранить имущество, а также осуществить соразмерное удовлетворение требований всех кредиторов. Пересечение этих целей нередко вызывает коллизию между правовыми институтами. В частности, отсутствует определенный механизм действий арбитражных судов в случаях, когда в деле о банкротстве выявляется имущество, на которое наложен арест в уголовном процессе. Сразу возникает ряд вопросов: можно ли реализовывать такое имущество, каким образом и в каком порядке может быть отменен арест?

Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16.09.2024 № Ф05-16404/2020 по делу № А41-3910/2019 [2] рассматривалась ситуация, в которой Росреестр, отказывая в изменении регистрационной записи, сослался на меры, принятые в рамках уголовного дела для обеспечения исполнения приговора. Кредитор настаивал, что сохранение ареста приведёт к выборочному удовлетворению требований лишь одного из

кредиторов – лица, признанного гражданским истцом в уголовном деле, в то время как остальные кредиторы будут фактически лишены возможности реализовать свои права в деле о банкротстве. Такая ситуация, по мнению заявителя, нарушает принцип равенства кредиторов и противоречит целям процедуры банкротства. Однако кредитора суд не поддержал и ему было отказано во включении имущества в конкурсную массу.

Схожая правовая ситуация отражена в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 07.10.2024 № Ф05-16403/2024 по делу № А40-8730/2024 [3]. В этом деле суд общей юрисдикции наложил арест на денежные средства, находившиеся на счёте компании в банке, в целях обеспечения гражданского иска по уголовному делу. После признания компании банкротом конкурсный управляющий попытался включить указанные денежные средства в конкурсную массу, однако банк отказал, ссылаясь на постановление суда общей юрисдикции о наложении ареста на имущество. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций поддержали позицию кредитной организации, указав, что ни банк, ни арбитражный суд в рамках дела о банкротстве не обладают полномочиями по отмене ареста, наложенного на имущество судом общей юрисдикции в рамках уголовного дела.

Подобные примеры наглядно демонстрируют, что отсутствие чёткого правового механизма взаимодействия арбитражных судов и органов уголовного судопроизводства приводит к проблеме реализации имущества должника, препятствуя достижению целей процедуры банкротства.

Показательным примером судебной практики по рассматриваемой коллизии является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 по делу № 302-ЭС23-10298(2) [4], в котором были сформулированы ключевые правовые подходы к разрешению подобных коллизий.

В данном деле рассматривалась ситуация, когда осужденный – Сметанин О. А., признанный банкротом, обратился в арбитражный суд с требованием об исключении из конкурсной массы принадлежащего ему недвижимого имущества, на которое был наложен арест по уголовному делу.

Арбитражный суд первой инстанции указал, что приговор суда общей юрисдикции, вступивший в законную силу, подлежит исполнению, в связи с чем арбитражный суд не вправе принимать иное решение относительно спорного имущества. Суд подчеркнул, что надлежащим способом защиты прав заявителя является обжалование приговора в соответствующей части, а не исключение имущества из конкурсной массы. Арбитражный апелляционный суд и арбитражный суд округа поддержали данный вывод.

Однако Верховный Суд Российской Федерации занял иную позицию. Он указал, что в ситуации банкротства осужденного должника, выступающего гражданским ответчиком, требования кредитора о возмещении вреда, причиненного преступлением, подлежат удовлетворению

в деле о банкротстве этого должника, а также в рамках данного дела будет обеспечено распределение имущества под контролем арбитражного суда. При этом ни Уголовный кодекс Российской Федерации, ни Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не предусматривают разграничение требований кредиторов в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, которым причинен имущественный вред. Исходя из этого, требования кредитора о возмещении вреда, причиненного преступлением (гражданского истца), рассматриваются наравне с иными кредиторами должника. Следовательно, в данном случае единственным механизмом исполнения приговора суда в части имущественных взысканий в отношении осужденного-должника является именно банкротство, в рамках которого обеспечивается распределение имущества под контролем арбитражного суда.

Верховный Суд Российской Федерации особо подчеркнул, что наложение ареста в интересах гражданского истца не создает для него преимущественных прав перед другими кредиторами. Арест имущества не тождественен установлению залога и не придает лицу, в пользу которого он наложен, статуса залогового кредитора. Однако здесь важно учитывать, что, в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», законодатель устанавливает определенную очередность погашения требований, исходя из их правовой природы и социальной значимости. Так, в первую очередь удовлетворяются требования граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью. Данная норма имеет особое значение применительно к уголовным делам, поскольку причинение такого вреда нередко является последствием совершенного преступления. Однако при этом важно учитывать, что приоритет определяется содержанием самого обязательства, а не процессуальной формой его установления. Если аналогичное требование о возмещении вреда жизни или здоровью заявлено не в рамках уголовного, а в рамках гражданского судопроизводства, то оно подлежит удовлетворению на тех же условиях и в той же очередности, что и требование гражданского истца по уголовному делу.

Возникшая правовая неопределённость, обусловленная отсутствием нормативного регулирования и единообразия судебных подходов, привела к обращениям в Конституционный Суд Российской Федерации. Эти обращения были вызваны противоречиями в судебной практике, в которой арбитражные суды различных инстанций зачастую исходят из приоритета мер уголовно-процессуального принуждения над положениями законодательства о банкротстве. В результате имущество, на которое наложен арест в рамках уголовного дела, фактически исключается из конкурсной массы, что препятствует его реализации в интересах всех кредиторов. Такой подход вызывает сомнения с точки зрения соразмерного удовлетворения требований кредиторов. Заявители, обратившиеся в

Конституционный Суд Российской Федерации, исходили из того, что, с момента введения процедуры банкротства имущественные отношения должника должны регулироваться исключительно нормами законодательства о банкротстве, а арест, наложенный в рамках уголовного дела, не должен препятствовать формированию и реализации конкурсной массы.

Вместе с тем, отсутствие законодательно установленного механизма отмены ареста, наложенного на имущество в рамках уголовного дела, при введении процедуры, применяемой в деле о банкротстве, создает правовую неопределенность и фактически блокирует возможность исполнения возложенных на арбитражный суд функций по распоряжению имуществом должника. С одной стороны, имущество должно реализовываться в процедуре конкурсного производства, реструктуризации или реализации имущества при рассмотрении дела о банкротстве, а с другой – формально оно обременено арестом, отмена которого не входит в компетенцию арбитражного суда. В результате процедура банкротства сталкивается с объективными трудностями, так как арбитражный управляющий не может приступить к реализации имущества, не нарушив при этом приговор суда общей юрисдикции. Отсутствие четкого механизма взаимодействия между уголовным и арбитражным судопроизводствами приводит к затягиванию процедуры, снижению эффективности удовлетворения требований кредиторов и нарушению равенства прав лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Также стоит отметить, что согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства» от 06.06.2014 № 36 [5], с момента введения любой процедуры, применяемой в деле о банкротстве, арест денежных средств на счёте должника, наложенный до её начала, автоматически отменяется, и для этого не требуется отдельный акт органа, наложившего арест. Данная норма содержится и в статьях Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», посвященных каждой отдельной процедуре, применяемой в деле о банкротстве (ст. ст. 63, 81, 94, 126, 189.76, 213.11, 213.25) [6]. Поэтому особенно важным становится применение норм законодательства о несостоятельности (банкротстве), так как в рамках рассмотрения дела о банкротстве происходит концентрация внимания на все имущественные вопросы в пределах одного производства. Это превращает наложенный арест на имущество из меры уголовно-процессуального принуждения в элемент коллективного удовлетворения требований кредиторов. В связи с этим, с момента введения той или иной процедуры банкротства обеспечительные меры, установленные ранее, вне зависимости от того, в рамках какого вида судопроизводства, должны терять свое самостоятельное значение, а имущество должно подлежать учету и последующей реализации исключительно в рамках дела о банкротстве.

Таким образом, именно арбитражный суд как орган, обладающий исключительной компетенцией в вопросах формирования и распределения конкурсной массы, должен быть наделён полномочием по отмене арестов, наложенных в рамках уголовного дела, при наличии вступившего в законную силу приговора суда.

При этом, момент отмены ареста, наложенного на имущество, требует четкого нормативного закрепления, поскольку в судебной практике нет единого подхода. Так, Третий арбитражный апелляционный суд в постановлении от 14.09.2023 по делу № А33-18794/2021 [7] пришёл к выводу, что имущество (доли в уставных капиталах ООО), на которое наложен арест в рамках уголовного дела, не может быть реализовано до отмены такого ареста, даже при наличии утверждённого судом положения о порядке продажи. Аналогичный подход был подтверждён Арбитражным судом Волго-Вятского округа и в деле № А29-894/2019 [8], где действия конкурсного управляющего по реализации арестованного недвижимого имущества были признаны неправомерными.

Вместе с тем, в ряде случаев суды придерживаются противоположной позиции. Так, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 04.03.2024 по делу № А33-17085/2017 [9] признал обоснованным проведение торгов в рамках конкурсного производства по продаже автомобиля, арестованного в рамках уголовного дела. Суд указал, что условие о наличии наложенного ареста на имущество было открыто включено в документацию о торгах, а потому покупатель, подавая заявку, соглашался с приобретением имущества в таком статусе.

Необходимо отметить, что отмена ареста, наложенного до вступления приговора в законную силу, создаёт риск реализации имущества должника до завершения уголовного дела, вследствие чего гражданский истец может быть фактически лишен возможности удовлетворить свои требования как кредитор в деле о банкротстве. В то же время сохранение ареста после вступления приговора в законную силу приводит к иной проблеме: реализация такого имущества зачастую становится невозможной, что препятствует формированию конкурсной массы и нарушает соразмерное удовлетворение требований всех кредиторов. Таким образом, нормативное закрепление чёткого момента отмены ареста способно устранить существующие противоречия и обеспечить баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве.

В связи с этим, предлагается внести изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», дополнив его следующим положением: «В случае, если на имущество должника наложен арест в порядке, предусмотренном статьёй 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, обязан принять решение об отмене такого ареста после

вступления в законную силу приговора суда, которым разрешён вопрос о гражданском иске».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 51 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.09.2024 № Ф05-16404/2020 по делу № А41-3910/2019 // Официальный сайт Арбитражного суда Московского округа. – URL: https://clck.ru/3QDiZe.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.10.2024 № Ф05-16403/2024 по делу № А40-8730/2024 // Официальный сайт Арбитражного суда Московского округа. – URL: https://clck.ru/3QDiaT.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://clck.ru/3QDgHa.
5. О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.06.2014 № 36 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 8.
6. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.
7. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.09.2023 по делу № А33-18794/2021к19 // Официальный сайт Третьего арбитражного апелляционного суда. – URL: https://clck.ru/3QDyXs.
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.09.2020 № Ф01-11622/2020 по делу № А29-894/2019 // Официальный сайт Арбитражного суда Волго-Вятского округа. – URL: https://clck.ru/3QDyt2.
9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.03.2024 № Ф02-6719/2023, Ф02-6720/2023 по делу № А33-17085/2017 // Официальный сайт Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа. – URL: https://clck.ru/3QDyqY.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВА, АРЕСТОВАННОГО В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ПРИ ПЕРЕСЕЧЕНИИ С ПРОЦЕДУРОЙ БАНКРОТСТВА

О.Д. Свирин, студент
Научный руководитель – М.Е. Нехороших, канд. юрид. наук, доцент кафедры управления
Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу правового положения имущества, арестованного в рамках уголовного дела и находящегося в процедуре банкротства, выявлению противоречий судебной практики и обоснованию необходимости законодательного изменения в рамках данных вопросов.

Ключевые слова: арест имущества; банкротство; гражданский иск; конкурсная масса; судебная практика.

Одним из наиболее актуальных и недостаточно урегулированных вопросов на стыке уголовного судопроизводства и банкротства является правовое положение имущества, арестованного в рамках уголовного дела [1], но находящегося в процедуре банкротства.

Это приобретает особую значимость в связи с тем, что цели наложения ареста на имущество в уголовном процессе и цели процедуры банкротства различны по своей правовой природе. Если наложение ареста на имущество в уголовном процессе направлено на обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, то институт банкротства, напротив, призван обеспечить избавление должника от долговых обязательств и, по возможности, сохранить имущество, а также осуществить соразмерное удовлетворение требований всех кредиторов. Пересечение этих целей нередко вызывает коллизию между правовыми институтами. Проявляется отсутствие единообразия судебных подходов к определению правового положения имущества, арестованного в рамках уголовного дела, если в отношении должника введена процедура, применяемая в деле о банкротстве. Здесь возникает неопределенность объема прав гражданского истца, в пользу которого наложен арест на имущество в рамках уголовного дела, а также условий реализации имущества, обремененного таким арестом в процедуре банкротства. При этом, отсутствует определенный механизм действий арбитражных судов в случаях, когда в деле о банкротстве выявляется имущество, на которое наложен арест в уголовном процессе. Сразу возникает ряд вопросов: можно ли

реализовывать такое имущество, каким образом и в каком порядке может быть отменен арест? Данные проблемы существенно затрудняют реализацию имущества в рамках дела о банкротстве, что негативно отражается на сроках и эффективности проведения процедур банкротства, а также нарушает баланс интересов между гражданскими истцами по уголовному делу и иными кредиторами.

Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16.09.2024 № Ф05-16404/2020 по делу № А41-3910/2019 [2] рассматривалась ситуация, в которой Росреестр, отказывая в изменении регистрационной записи, сослался на меры, принятые в рамках уголовного дела для обеспечения исполнения приговора. Кредитор настаивал, что сохранение ареста приведёт к выборочному удовлетворению требований лишь одного из кредиторов – лица, признанного гражданским истцом в уголовном деле, в то время как остальные кредиторы будут фактически лишены возможности реализовать свои права в деле о банкротстве. Такая ситуация, по мнению заявителя, нарушает принцип равенства кредиторов и противоречит целям процедуры банкротства. Однако кредитора суд не поддержал и ему было отказано во включении имущества в конкурсную массу.

Схожая правовая ситуация была обнаружена и в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 07.10.2024 № Ф05-16403/2024 по делу № А40-8730/2024 [3]. В этом деле суд общей юрисдикции наложил арест на денежные средства, находившиеся на счёте компании в банке, в целях обеспечения гражданского иска по уголовному делу. После признания компании банкротом конкурсный управляющий попытался включить указанные средства в конкурсную массу, однако банк отказал, ссылаясь на постановление суда о наложенном аресте на имущество. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций поддержали позицию кредитной организации, указав, что ни банк, ни арбитражный суд в рамках дела о банкротстве не обладают полномочиями по отмене ареста на имущество, наложенного судом общей юрисдикции в рамках уголовного дела.

Подобные примеры наглядно демонстрируют, что отсутствие чёткого правового механизма взаимодействия арбитражных судов и органов уголовного судопроизводства приводит к проблеме реализации имущества должника, препятствуя достижению целей процедуры банкротства.

Показательным примером судебной практики по рассматриваемой коллизии является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 по делу № 302-ЭС23-10298(2) [4], в котором были сформулированы ключевые правовые подходы к разрешению подобных коллизий.

В данном деле рассматривалась ситуация, когда осужденный – Сметанин О.А., признанный банкротом, обратился в арбитражный суд с требованием об исключении из конкурсной массы принадлежащего ему недвижимого имущества, на которое был наложен арест по уголовному делу.

Арбитражный суд первой инстанции указал, что приговор суда общей юрисдикции, вступивший в законную силу, подлежит исполнению, в связи с чем арбитражный суд не вправе принимать иное решение относительно спорного имущества. Суд подчеркнул, что надлежащим способом защиты прав заявителя является обжалование приговора в соответствующей части, а не исключение имущества из конкурсной массы. Арбитражный апелляционный суд и арбитражный суд округа поддержали данный вывод.

Однако Верховный Суд Российской Федерации занял иную позицию. Он указал, что в ситуации банкротства осужденного должника, выступающего гражданским ответчиком, требования кредитора о возмещении вреда, причиненного преступлением, подлежат удовлетворению в деле о банкротстве этого должника, а также в рамках данного дела будет обеспечено распределение имущества под контролем арбитражного суда. При этом ни Уголовный кодекс Российской Федерации, ни Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не предусматривают разграничение требований кредиторов в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, которым причинен имущественный вред.

В Верховный Суд Российской Федерации особо подчеркнул, что наложение ареста в интересах гражданского истца не создает для него преимущественных прав перед другими кредиторами. Арест имущества не тождественен установлению залога и не придает лицу, в пользу которого он наложен, статуса залогового кредитора. Возникшая правовая неопределённость и отсутствие как нормативно-правового закрепления, так и единообразия судебных подходов по данному вопросу привели к обращениям в Конституционный Суд Российской Федерации.

Поводом для обращений в Конституционный Суд Российской Федерации стали противоречия в судебной практике, связанные с тем, что арбитражные суды первой инстанции, арбитражные апелляционные суды, а также арбитражные суды округов зачастую исходят из приоритета иных мер уголовно-процессуального принуждения над положениями законодательства о банкротстве. В результате имущество, на которое наложен арест в рамках уголовного дела, фактически исключается из конкурсной массы, что препятствует его реализации в интересах всех кредиторов. Такой подход вызывает сомнения с точки зрения соразмерного удовлетворения требований кредиторов. Заявители, обратившиеся в Конституционный Суд Российской Федерации, исходили из того, что, с момента введения процедуры банкротства имущественные отношения должника должны регулироваться исключительно нормами законодательства о банкротстве, а арест, наложенный в рамках уголовного дела, не должен препятствовать формированию и реализации конкурсной массы.

Вместе с тем, отсутствие законодательно установленного механизма отмены наложенного ареста на имущество в рамках уголовного дела при введении процедуры, применяемой в деле о банкротстве, создает правовую

неопределенность и фактически блокирует возможность исполнения возложенных на арбитражный суд функций по распоряжению имуществом должника. С одной стороны, имущество должно реализовываться в процедуре конкурсного производства, реструктуризации или реализации имущества при рассмотрении дела о банкротстве, а с другой – формально оно обременено арестом, отмена которого не входит в компетенцию арбитражного суда. В результате процедура банкротства сталкивается с объективными трудностями, так как арбитражный управляющий не может приступить к реализации имущества, не нарушив при этом приговор суда общей юрисдикции.

Также стоит отметить, что согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства» от 06.06.2014 № 36 [5], с момента введения любой процедуры, применяемой в деле о банкротстве, арест денежных средств на счёте должника, наложенный до её начала, автоматически отменяется, и для этого не требуется отдельный акт органа, наложившего арест. Данная норма содержится и в статьях Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», посвященных каждой отдельной процедуре, применяемой в деле о банкротстве (ст. ст. 63, 81, 94, 126, 189.76, 213.11, 213.25) [6]. Поэтому особенно важным становится применение норм законодательства о несостоятельности (банкротстве), так как в рамках рассмотрения дела о банкротстве происходит концентрация внимания на все имущественные вопросы в пределах одного производства. Это превращает наложенный арест на имущество из меры уголовно-процессуального принуждения в элемент коллективного удовлетворения требований кредиторов. Таким образом, именно арбитражный суд как орган, обладающий исключительной компетенцией в вопросах формирования и распределения конкурсной массы, должен быть наделён полномочием по отмене арестов, наложенных в рамках уголовного дела, при наличии вступившего в законную силу приговора суда. Такой подход обеспечит согласованность между уголовным и арбитражным процессами, создаст механизм взаимодействия между различными судами.

При этом, момент отмены наложенного ареста на имущество требует четкого нормативного закрепления. На практике здесь возникает существенная неопределённость относительно момента, с которого допускается отмена наложенного ареста на имущество и его последующая реализация в рамках дела о банкротстве. Так, Третий арбитражный апелляционный суд в постановлении от 14.09.2023 по делу № А33-18794/2021 [7] пришёл к выводу, что имущество (доли в уставных капиталах ООО), на которое наложен арест в рамках уголовного дела, не может быть реализовано до отмены такого ареста, даже при наличии утверждённого судом положения о порядке продажи. Аналогичный подход был подтверждён

Арбитражным судом Волго-Вятского округа и в деле № А29-894/2019 [8], где действия конкурсного управляющего по реализации арестованного недвижимого имущества были признаны неправомерными.

Вместе с тем, в ряде случаев суды придерживаются противоположной позиции. Так, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 04.03.2024 по делу № А33-17085/2017 [9] признал обоснованным проведение торгов в рамках конкурсного производства по продаже автомобиля, арестованного в рамках уголовного дела. Суд указал, что условие о наличии наложенного ареста на имущество было открыто включено в документацию о торгах, а потому покупатель, подавая заявку, соглашался с приобретением имущества в таком статусе.

Необходимо отметить, что снятие наложенного ареста до вступления приговора в законную силу создаёт риск реализации имущества должника до завершения уголовного дела, вследствие чего гражданский истец может быть фактически лишен возможности удовлетворить свои требования как кредитор в деле о банкротстве. В то же время сохранение ареста после вступления приговора в законную силу приводит к иной проблеме: имущество остаётся не всегда реализуемым, что препятствует формированию конкурсной массы и нарушает соразмерное удовлетворение требований всех кредиторов. Таким образом, нормативное закрепление чёткого момента отмены ареста способно устранить существующие противоречия и обеспечить баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве.

В связи с этим, предлагается внести изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», дополнив его следующим положением: «В случае, если на имущество должника наложен арест в порядке, предусмотренном статьёй 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, обязан принять решение об отмене такого ареста после вступления в законную силу приговора суда, которым разрешён вопрос о гражданском иске».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 51 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.09.2024 № Ф05-16404/2020 по делу № А41-3910/2019. – URL: https://clck.ru/3QDiZe.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.10.2024 № Ф05-16403/2024 по делу № А40-8730/2024. – URL: https://clck.ru/3QDiaT.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021. – URL: https://clck.ru/3QDgHa.
5. О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.06.2014 № 36 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 8.

6. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.
7. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.09.2023 по делу № А33-18794/2021к19. – URL: https://clck.ru/3QDyXs.
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.09.2020 № Ф01-11622/2020 по делу № А29-894/2019. –— URL: https://clck.ru/3QDyt2.
9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.03.2024 № Ф02-6719/2023, Ф02-6720/2023 по делу № А33-17085/2017. –— URL: https://clck.ru/3QDyqY.

УДК 347.736

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СТАТУСА АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

О.Д. Свирин, студент
Научный руководитель – Н.А. Кирилова, канд. юрид. наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правовой природы статуса арбитражного управляющего. Рассматриваются частноправовые и публично-правовые аспекты его деятельности, доктринальные подходы и судебные акты. Выявляется наиболее преобладающий правовой подход определения статуса арбитражного управляющего в процедуре банкротства.

***Ключевые слова*:** арбитражный управляющий, частное право, публичное право, процедура банкротства.

Правовой институт арбитражного управления занимает центральное место в современной системе процедуры банкротства, выступая ключевым элементом механизма обеспечения баланса интересов должника, кредиторов и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве. Повышение требований к эффективности процедуры банкротства обусловило качественное изменение правового положения арбитражного управляющего, который с 2011 года утратил статус индивидуального предпринимателя и приобрёл особый правовой статус субъекта профессиональной деятельности, осуществляющего в соответствии Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» частную практику и принимающего решения, имеющие ключевое значение для достижения целей процедуры банкротства.

Арбитражный управляющий обладает широким комплексом полномочий, охватывающих действия как административно-хозяйственного, так и организационно-распорядительного характера, выполняемые в

интересах участников дела и публичного правопорядка. Поэтому его деятельность оказывает прямое влияние на прозрачность процедуры банкротства, сохранность конкурсной массы, защиту прав каждой из сторон, участвующей в деле, а также обеспечение законности при рассмотрении дел о банкротстве.

При всей значимости фигуры арбитражного управляющего определенность его правового статуса вызывает дискуссии, в основе которых лежит частно-публичная двойственность правовой природы арбитражного управляющего. Исполняя функции, связанные с удовлетворением имущественных интересов, и одновременно осуществляя реализуемые в публичных интересах полномочия по обеспечению законности и упорядоченности процедуры банкротства, арбитражный управляющий неизбежно оказывается на стыке двух правовых начал. Такая двойственная правовая природа прямо влияет на формирование его правового статуса и предопределяет необходимость его тщательного доктринально-правового осмысления.

Определение правового статуса арбитражного управляющего имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Поскольку от правильного определения его правовой природы зависит решение ключевых вопросов: объём и пределы его полномочий, особенности участия в правоотношениях, а также определение механизма защиты прав лиц, вовлечённых в процедуру банкротства.

Рассматривая правовой статус арбитражного управляющего через призму частноправового подхода, следует отметить, что значительная часть его деятельности имеет частноправовую природу. Так, нормы частного права проявляются, прежде всего, в том, что арбитражному управляющему предоставляется возможность заниматься не только профессиональной, но и предпринимательской деятельностью, что прямо закреплено в законодательстве о банкротстве [1]. Также ключевые полномочия арбитражного управляющего во многом связаны с непосредственным управлением имуществом должника или банкрота, включая распоряжение активами и их реализацию для формирования конкурсной массы и удовлетворения требований кредиторов. При этом в ряде процедур, применяемых в деле о банкротстве, его функции носят преимущественно аналитический и контрольный характер, что выражается в анализе финансового состояния должника, выявлении признаков неплатёжеспособности и контроле за действиями руководителя организации. Несмотря на связь таких задач с публичным интересом, они, по своей сути, остаются ближе к частноправовой сфере, поскольку направлены на регулирование имущественных отношений между участниками банкротства.

Дополнительным подтверждением частноправовой природы его статуса выступает порядок финансирования его деятельности. Так, вознаграждение арбитражному управляющему выплачивается из имущества должника или за

счёт средств кредиторов, а не из государственного бюджета, что характерно для отношений частного, а не публичного права. При этом, как справедливо отмечает О. Р. Зайцев [2, С. 73], утверждение арбитражного управляющего арбитражным судом не превращает его в сотрудника судебной системы. Арбитражный управляющий осуществляет свою деятельность самостоятельно и независимо в пределах предоставленных ему законом полномочий.

В доктрине выделяются различные точки зрения относительно того, какие правовые институты частного права наиболее релевантны для объяснения статуса арбитражного управляющего. К числу таких институтов относят правовой институт представительства, что подчеркивает М.А. Говоруха [3, С. 37], доверительного управления, что отмечает А.А. Мохов [4, С. 19]. Кроме того, существует так называемая трудовая теория, которую выделяет С.Н. Чуча [5, С. 15], а также отнесение арбитражных управляющих к субъектам привилегированных профессий, наряду с адвокатами, нотариусами и аудиторами, на что обращает внимание Е.Е. Дорохина [6, С. 7].

Переходя к публично-правовому подходу, следует отметить, что одним из аргументов в его пользу является факт утверждения арбитражного управляющего арбитражным судом. Несмотря на то, что арбитражный управляющий не является сотрудником судебной системы и действует самостоятельно, сама процедура назначения придаёт его деятельности публично-правовой характер. Поскольку с момента утверждения арбитражный управляющий становится субъектом профессиональной деятельности, чьи решения затрагивают права и интересы широкого круга лиц, имеют обязательный характер в рамках процедуры банкротства и направлены на обеспечение законности и стабильности в банкротных правоотношениях, то его статус объективно приобретает публично-правовые черты.

Концепция публично-правового статуса арбитражного управляющего имеет давние доктринальные корни и восходит к позиции Г.Ф. Шершеневича, который, анализируя конкурсного попечителя, указывал на невозможность признать его представителем должника или кредиторов, что свидетельствует о его изначально публичной правовой природе [7, С. 356]. Современные исследователи развивают эту позицию. Так, И.В. Фролов [8, С. 72] справедливо отмечает, что современные функции арбитражного управляющего свидетельствуют о его принадлежности, прежде всего, к сфере публично-правовых правоотношений. По его мнению, статус арбитражного управляющего имеет административно-правовой характер, в котором доминируют делегированные ему публично-правовые управленческие полномочия, составляющие основу его профессиональной деятельности. Эту точку зрения поддерживают также С.А. Карелина и М.Е. Эрлих [9, С. 23].

Яркое подтверждение публично-правовой природы статуса арбитражного управляющего прослеживается и в объёме возложенных на него обязательных публично-властных полномочий. Так, арбитражный управляющий на любой стадии процедуры банкротства обязан выявлять признаки преднамеренного или фиктивного банкротства и незамедлительно сообщать об этом не только лицам, участвующим в деле о банкротстве, в саморегулируемую организацию, собранию кредиторов, но и в правоохранительные органы, которые правомочны рассматривать данное правонарушение. Также на арбитражного управляющего возлагаются и функции, связанные с исполнением судебных решений. В частности, в процедуре наблюдения Федеральная служба судебных приставов обязана приостановить исполнительные производства, а в конкурсном производстве – прекратить их и передать исполнительные документы арбитражному управляющему для дальнейшего исполнения. По сути, арбитражный управляющий временно замещает государственный орган принудительного исполнения, что невозможно объяснить иначе как проявлением его публично-правового статуса.

Конституционный Суд Российской Федерации также подчёркивает публично-правовую природу статуса арбитражного управляющего, указывая в Постановлении от 19.12.2005 № 12-П [10], что публично-правовая цель института банкротства проявляется в обеспечении гарантированного баланса прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, которая достигается посредством деятельности арбитражного управляющего. Отмечается, что принимаемые им решения являются обязательными и влекут правовые последствия для неопределённого круга лиц, что предопределяет наличие у арбитражного управляющего публично-правового статуса.

В научной литературе встречается подход, согласно которому арбитражному управляющему приписывают статус должностного лица. В частности, И.А. Емельянова и А.В. Ершов отмечают, что признание его деятельности публично-правовой последовательно ведёт к необходимости рассматривать его как государственного служащего с соответствующим объёмом полномочий, а также финансировать его деятельность из государственного бюджета [11, С. 42].

Подход, предполагающий сближение статуса арбитражного управляющего со статусом должностного лица, получает подтверждение и в судебной практике. Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 12.01.2024 по делу № А40-101466/2022 [12] рассматривался вопрос о праве конкурсного управляющего на получение от сотрудников ГИБДД сведений о передвижении транспортного средства банкрота, доступ к которым ограничен законом и предоставляется лишь должностным лицам, согласно ч. 5 ст. 17 ФЗ О «полиции». Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций признали, что арбитражный управляющий действует как специальный субъект с полномочиями, сопоставимыми со

статусом должностного лица. Верховный Суд Российской Федерации подтвердил возможность доступа арбитражным управляющим к таким сведениям при наличии мотивированного обоснования. Поскольку в рассматриваемом деле таких мотивированных оснований представлено не было, суд отказал в удовлетворении требования, но не признал необоснованными выводы нижестоящих судов о сопоставимости статуса арбитражного управляющего с должностным лицом.

Несмотря на такие подходы, позиция о том, что арбитражный управляющий является должностным лицом, представляется ошибочной. Арбитражный управляющий не является сотрудником органа государственной власти и действует как независимый субъект, состоящий в саморегулируемой организации. Приравнивание арбитражного управляющего к должностному лицу противоречит как законодательству о банкротстве, так и самому нормативному определению должностного лица.

Таким образом, обобщая изложенные в научной литературе и судебной практике подходы к определению правовой природы статуса арбитражного управляющего, можно заметить, что ни одна из концепций не даёт полного и исчерпывающего объяснения всех особенностей его правового положения. В связи с этим, нельзя говорить о доминировании какого-либо одного подхода в понимании правового статуса арбитражного управляющего. Можно отметить, что арбитражный управляющий обладает особым правовым статусом, содержание которого определяется универсальным набором прав и обязанностей, что делает его уникальным правовым субъектом.

Учитывая совокупность представленных подходов, представляется необходимым отметить, что правовая природа статуса арбитражного управляющего носит комплексный характер. Она включает в себя элементы как частноправового, так и публично-правового регулирования. Однако при этом преобладающим подходом к определению правового статуса арбитражного управляющего является публично-правовой характер. Таким образом, арбитражный управляющий выступает субъектом преимущественно публичного права, осуществляющим управленческие функции, которые формируют основу его административно-правового статуса. Между тем, преобладание публично-правового подхода не исключает наличия элементов частного права, без которых институт арбитражного управления не смог бы эффективно функционировать. Комплексная правовая природа статуса арбитражного управляющего не является недостатком законодательства. Напротив, она представляет собой естественное и закономерное отражение смешанного характера процедуры банкротства, сочетающей в себе как частноправовой, так и публично-правовой характер. В совокупности это позволяет рассматривать арбитражного управляющего как самостоятельного, специального субъекта, обеспечивающего баланс публичных интересов государства и частных интересов участников банкротных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Зайцев О.Р. Вознаграждение арбитражного управляющего. Новые разъяснения ВАС РФ // Арбитражная практика. – 2014. – № 2. – С. 72–79.
3. Говоруха М.А. О правовом статусе арбитражного управляющего в процедурах внешнего управления и конкурсного производства // Юрист. – 2007. – № 8. – С. 37–41.
4. Мохов А.А. Арбитражное управление – разновидность доверительного управления? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 8. – С. 19–21.
5. Чуча С.Н. Арбитражный управляющий и руководитель должника как субъекты трудовых отношений // Российская юстиция. – 2000. – № 12. – С. 14–19.
6. Дорохина Е.Е. Правовой статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 28 с.
7. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности: Исслед. прив.-доц. Казан. ун-та Г.Ф. Шершеневича. – К.: Тип. ун-та, 1890. – Цит. по: Руднев В.О., Левшук В.В. Статус арбитражного управляющего в российском праве // Образование и право. – 2024. – № 4. – С. 354–359.
8. Фролов И.В. Динамика изменения функции арбитражного управляющего в системе государственного (административного) управления сферой финансового оздоровления // Вестник НГУЭУ. – 2009. – № 1. – С. 63–74.
9. Карелина С.А., Эрлих М.Е. Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. – 2012. – № 3 (289). – С. 19–25.
10. По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2005 № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.01.2006. – № 3. – Ст. 335.
11. Емельянова И.А., Ершов А.В. Правовое положение арбитражного управляющего в современной России: соотношение публичных и частных начал // Вестник ПАГС. – 2024. – № 1. – С. 38–49.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.01.2024 № 305-ЭС23-15942 по делу № А40-101466/2022 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://clck.ru/3QcSee.

УДК 347.82

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕВОЗЧИКА ЗА ЗАДЕРЖКУ/ ОТМЕНУ ПОЛЕТА

Д.А. Селивенко, аспирант юридического факультета
Ульяновский государственный университет
г. Ульяновск, Россия

Аннотация. Анализируется ответственность авиаперевозчика за задержку/отмену рейса по российскому законодательству. Рассмотрены новые правила компенсаций, проблемы доказывания и судебная практика. Предложены меры для усиления защиты прав пассажиров.

Ключевые слова: задержка рейса, ответственность перевозчика, права пассажиров, воздушные перевозки, компенсация.

Ведение. В 2024 году в России значительно выросло количество задержек авиарейсов. По данным исследован Альфа-страхования (Росавиация официальную статистику с детализацией по задержкам свыше двух часов не публикует, а в Минтрансе и госкорпорациях переадресуют запросы в Росавиацию, где от комментариев отказываются) в этом период было задержано более 680 тысяч рейсов российских авиакомпаний (около 97% регулярных перелётов). Количество задержек рейсов общей продолжительностью более часа выросло почти на 60%, достигнув 49 тысяч случаев. Доля таких задержек увеличилась с 4,7% до 7% от общего числа рейсов [1].

Массовые атаки беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) приводили к временному закрытию воздушного пространства над подмосковными аэропортами Москвы (Внуково, Домодедово, Шереметьево), что вызывало многократные задержки и отмены рейсов, порой достигающие нескольких часов и даже суток. Авиабилеты в московских аэропортах сдвигались по расписанию на 5–9 часов и более. Кроме того, воздушные суда, следующие в столицу, вынужденно садились на запасных аэродромах в других регионах – Санкт-Петербурге, Казани, Самаре, Саратове, Уфе и других.

Постановка задачи. С учетом приведенной статистики необходимо разобраться в аспектах ответственности перевозчика и гарантиях безопасности пассажиров.

Ключевой целью данной статьи является проведение комплексного анализа юридической ответственности авиаперевозчика за задержку или отмену рейса в Российской Федерации, выявление системных проблем в правовом регулировании данного института и формулирование предложений по его совершенствованию. Для достижения этой цели автором последовательно решается ряд задач. Во-первых, дается четкое определение понятия «задержка рейса» на основе норм Воздушного кодекса РФ и иных

нормативно-правовых актов. Во-вторых, проводится детальный анализ недавних изменений в законодательстве и оценивается их практическая эффективность. В-третьих, исследуется современная судебная практика по делам о задержках и отменах рейсов для выявления основных подходов судов к разрешению споров. В-четвертых, выявляются ключевые проблемы, с которыми сталкиваются пассажиры при защите своих прав, такие как сложность доказывания вины перевозчика, обширность и неоднозначность оснований для освобождения его от ответственности (форс-мажор), а также бюрократические барьеры. Наконец, на основе проведенного анализа формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства, среди которых – установление открытого перечня форс-мажорных обстоятельств и введение автоматизированного механизма штрафов для усиления дисциплины перевозчиков.

Методика и методология исследования. В исследовании применялись нормативно-правовой анализ законодательства (Воздушный кодекс РФ, Федеральные авиационные правила, Федеральный закон № 487-ФЗ), сравнительно-правовой метод для сопоставления правового регулирования до и после изменений 2024 года, анализ судебной практики на примере конкретных дел о задержках рейсов, статистический метод с использованием данных о количестве задержек, историко-правовой метод для изучения эволюции ответственности перевозчика, системный анализ взаимодействия норм международного и национального права, а также формально-юридический метод для толкования правовых понятий и конструкций.

Результаты. Для начала необходимо разобраться с понятием «задержка рейса».

В Воздушном кодексе Российской Федерации задержка рейса определяется как перерыв в воздушной перевозке, который возникает либо по вине авиаперевозчика, либо по причинам, не зависящим от него, таким как неблагоприятные погодные условия, технические неисправности самолёта, позднее прибытие предыдущего рейса и другие объективные обстоятельства.

Основные положения приведены в статье 108 Воздушного кодекса РФ, а также в Федеральных авиационных правилах (утверждены Приказом Минтранса России № 82 от 28.06.2007). Согласно этим нормативным документам, время задержки отсчитывается с момента, указанного в билете или расписании.

В учебных материалах по авиации задержка рейса определяется как отклонение фактического времени отправления или прибытия воздушного судна от запланированного. Это отклонение может быть вызвано как техническими причинами (например, неисправностью самолёта, необходимостью проведения дополнительного технического обслуживания), так и организационными факторами (например, задержками в наземном

обслуживании, недостаточной пропускной способностью аэропорта, ожиданием освобождения полосы для взлёта и посадки) [2; 3].

Согласно изменениям, вступившим в силу с 1 апреля 2024 года (Федеральный закон от 04.08.2023 № 487-ФЗ), авиакомпания обязана выплачивать пассажиру штраф в размере 100 рублей за каждый час задержки рейса, но не более 50% стоимости провозной платы. При этом перевозчик может освободиться от ответственности, доказав, что задержка произошла по причинам, не зависящим от него (например, технические неисправности, непогода).

Несмотря на повышение штрафов, сумма компенсации и штрафа по мнению экспертов всё ещё остаётся низкой и не стимулирует перевозчиков менять практику в полной мере, поскольку получить компенсацию пассажирам сложно – требуется письменная претензия и процедура рассмотрения [4].

В научных источниках также обсуждается, что на практике ключевыми проблемами являются не только размер штрафов, но и сложности с доказыванием вины авиаперевозчика, бюрократические препоны и длительный процесс рассмотрения претензий, что снижает мотивацию пассажиров требовать компенсации [5].

Эксперты указывают, что эффективность повышения штрафов как меры улучшения безопасности ограничена, поскольку нарушения безопасности связаны не только с задержками и несоблюдением расписания, но и с организационными и техническими рисками, недоработками в контроле и подготовке экипажей. Необходим комплексный подход с регулярными проверками и внедрением современных технологий, такими как транспондеры, системы мониторинга и лицензирования.

С учетом участившихся задержек рейса стоит рассмотреть гарантии для пассажира при вышеуказанных обстоятельствах.

Например, при отмене авиарейса из-за угрозы или фактических атак беспилотников пассажирам осуществляется обязательный полный возврат стоимости авиабилета – даже если билет был невозвратным. Это закреплено в Воздушном кодексе РФ, Федеральных авиационных правилах и подтверждается судебной практикой. Авиаперевозчик не освобождается от обязанности вернуть плату за неиспользованный билет вне зависимости от форс-мажора (атака БПЛА считается обстоятельством непреодолимой силы).

Авиакомпания обязана своевременно информировать пассажиров об отмене и причинах, а также предлагать альтернативный рейс, либо денежный возврат. На практике для компенсации дополнительных расходов (например, проживания, альтернативных билетов) пассажиру нужно подавать претензию и подтверждать свои расходы.

Судебные дела 2025 года по задержкам рейсов авиакомпаний показывают, что в большинстве случаев суды тщательно рассматривают причины задержки и степень вины авиакомпании. Если задержка вызвана

форс-мажорными обстоятельствами (погода, технические неисправности, непреодолимые факторы), суды часто встают на сторону перевозчиков.

Например, в деле № 88-7239/2023 суд признал законным решение командира судна уйти на запасной аэродром из-за сильного тумана, так как это было необходимо для обеспечения безопасности полёта [6].

Однако если перевозчик не докажет, что задержка вызвана погодой, суд может взыскать убытки. Например, в деле № 88-19593/2024 суд взыскал с авиакомпании стоимость билета на другой рейс, компенсацию морального вреда и штраф, так как перевозчик не предоставил данные о погодных условиях. При этом обжалование компании Аэрофлот было не удовлетворено [7].

Если говорить о технической неисправности судна, то суд не всегда встает на сторону перевозчика.

В деле № 88-6722/2023 из-за технической неисправности вылет задержали, пассажиры пропустили стыковочный рейс и были вынуждены купить новые билеты. Суд взыскал с перевозчика стоимость этих билетов, компенсацию потерянного дня отдыха, морального вреда и штраф [8].

Но существует и иная практика, рассмотрим дело, где суд встав на сторону перевозчика, в практически аналогичной ситуации. Так в деле № 2-4108/2024 2-761 истец требовал возмещения убытков из-за пропущенного стыковочного рейса. Суд отказал в иске, так как билеты на разные сегменты были приобретены отдельно, и перевозчик не обязан обеспечивать стыковку в таком случае [9].

Если говорить о научных дискуссиях на тему задержки рейса, то ученые выделяют проблему наличия широких оснований для **освобождения от ответственности.**

Перевозчик может избежать ответственности, доказав, что задержка вызвана непреодолимой силой (погода, забастовки, военные действия) или необходимостью устранения неисправности, угрожающей безопасности [10].

Также по мнению автора данной работы проблемой является сложность в доказывании вины перевозчика. Пассажиру необходимо доказать, что задержка произошла по вине авиакомпании, а не из-за форс-мажора. Это может быть затруднительно, особенно при отсутствии документальных подтверждений (например, метеосводки, технические отчёты).

Некоторые исследователи и юристы предлагают усилить ответственность авиакомпаний. Например, ввести автоматические штрафы за задержки, не связанные с форс-мажором, чтобы повысить дисциплину перевозчиков, увеличить размер штрафов, сделав их более соразмерными с возможными убытками пассажиров [11].

Для более верно понимания, считаем, что, необходимо четко определить критерии непреодолимой силы, это значительно упростит процедуру доказывания вины перевозчика для пассажиров.

Считаем, что необходимо определить открытый перечень таких обстоятельств. Например, к таким обстоятельствам возможно отнести стихийные бедствия (пожары, наводнения, ураганы и т.п.). Чрезвычайные метеорологические условия, исключающие возможность совершения полета, военные действия, террористические акты, беспорядки, ограничения воздушных перевозок по инициативе государственных органов (например, закрытие границ), пандемии, эпидемии, атаки беспилотных летательных аппаратов (если подтверждены официально). А также другие подобные непредвиденные факторы, которые невозможно было предотвратить или устранить перевозчику.

Выводы. Юридическая ответственность перевозчика за задержку или отмену рейса является важным элементом регулирования воздушных перевозок, направленным на защиту прав пассажиров и обеспечение баланса интересов всех участников авиационного рынка. По нормам Воздушного кодекса Российской Федерации перевозчик несет обязательства по своевременному выполнению рейсов и обязан компенсировать убытки и моральный вред пассажирам в случае нарушений условий перевозки. Вместе с тем, существуют существенные пробелы и сложности в применении этих норм на практике. Неоднозначность в определении форс-мажорных обстоятельств (технические неисправности, погодные условия) приводит к разной судебной практике и затрудняет защиту пассажиров, что часто вызывает споры и судебные разбирательства.

В заключение, юридическая ответственность перевозчика за задержки и отмены рейсов в России представляется развитой, но требует дальнейшей доработки и адаптации к современным реалиям авиационного рынка с учетом интересов всех сторон и повышения эффективности защиты прав пассажиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Страховщики оценили рост объема задержек рейсов в российских аэропортах в 2025 году [Электронный ресурс] // Эксперт Online. – URL: https://expert.ru/news/strakhovshchiki-otsenili-rost-obema-zaderzhek-reysov-v-rossiyskikh-aeroportakh-v-2025-godu/.
2. Понарина, Д.И. Анализ задержек авиарейсов / Д.И. Понарина, А.О. Куликова, Н.В. Покровский // Экономическая среда. – 2019. – № 1(27). – С. 99-102. – EDN SGOEKZ.
3. Малышева Т.А. Основные понятия, применяемые при оценке задержек авиационных рейсов, и классификация задержек // Научный вестник МГТУ ГА. 2006. №109. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-ponyatiya-primenyaemye-pri-otsenke-zaderzhek-aviatsionnyh-reysov-i-klassifikatsiya-zaderzhek.
4. Штрафы для авиакомпаний за задержку рейса выросли до 100 рублей в час [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2024. – URL: https://tass.ru/ekonomika/20403979.
5. Шмаков А.В. Компенсация — механизм создания стимулов // Пространство экономики. 2013. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-mehanizm-sozdaniya-stimulov.
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.03.2023 N 88-7239/2023 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/cos/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=119404.

7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2024 г. по делу № 88-19593/2024 [Электронный ресурс] // Правосудие: официальный сайт. – URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv _num=1&name_op=case&case id=17891761&case_uid=3186210f-2466-4306-a1c4-a370924e6549&new=2 800 001&delo_id=2800001.
8. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2023 года по делу № 88-6722/2023 [Электронный ресурс] // Правосудие: официальный сайт. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num= 1&name_op=case&case_id=24879549&case_uid=00f35549-01c3-4ab9-b73e-f005b3f16e34&new =280 0001&delo_id=2800001.
9. Решение Ленинский районный суд города Чебоксары от 16 февраля 2025 г. по делу № 2-4108/2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/bBH9wl9Vc3oP/.
10. Малышева Т.А. Особенности правовой и экономической оценки задержек авиационных рейсов // Научный вестник МГТУ ГА. 2006. №109. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-i-ekonomicheskoy-otsenki-zaderzhek-aviatsionnyh-reysov.
11. Талавринов М., Кузьмина В. Летное время: в РФ обсуждают новые наказания за задержки авиарейсов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1248606/maksim-talavrinov-vera-kuzmina/letnoe-vremia-v-rf-obsuzhdaiut-novye-nakazaniia-za-zaderzhki-aviareisov.

УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ, ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ЗАКОНУ

Д.Д. Сергеева, А.Р. Украинцев, студенты
И.Ю. Мурашкин, канд. юрид. наук, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования прокурорами мер прокурорского реагирования при выявлении незаконных правовых актов. Авторами проанализирована судебная практика, демонстрирующая сложности, возникающие рассмотрении мер прокурорского реагирования, предложены пути решения выведенных проблем.

***Ключевые слова*:** прокурор, надзор; протест; представление.

Введение. Нормативные правовые акты, противоречащие закону, ухудшают правовое регулирование в государстве, поскольку возникают коллизии и несоответствия. В связи с этим органы прокуратуры Российской Федерации в рамках осуществления надзора за исполнением законов, в

частности, надзора за соответствие законам правовых актов, издаваемых поднадзорными объектами, уделяют особо внимание данным вопросам и применяют такие меры прокурорского реагирования, как протест на противоречащий закону правовой акт, представление об устранении нарушений закона, а также обращение прокурора в суд с административным исковым заявлением о признании нормативного правового акта недействующим. Однако несмотря на достаточное количество мер, законодательство и правоприменительная практика требует реформирования.

Постановка задачи. Цель данного исследования – концептуализировать и выработать практические рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности органов прокуратуры при выявлении правовых актов, противоречащих закону.

Методология исследования: в работе были использованы методы, как общенаучные (системный), так и частно-юридические (формально-юридический и казуальный).

Использование органами прокуратуры такого акта прокурорского надзора, как протест, позволяет вносить изменения в правовые акты органов власти муниципального и регионального уровней [1, С. 133].

Законодатель в ст. 23 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2]. (далее – Федеральный закон «О прокуратуре», Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации») под протестом понимает акт прокурорского реагирования, приносимый прокурором или его заместителем на противоречащий закону правовой акт в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу.

Разговор о проблемах, связанных с рассмотрением протеста, следует начать с необязательности его исполнения, а обязательности лишь его рассмотрения в десятидневный срок. Возможность предоставления лишь формального ответа на протест без внесения изменений в правовой акт [3, С. 44] приводит некоторых исследователей [4, с. 230] к выводу о необходимости наделения органов прокуратуры обязательными для исполнения полномочиями. Однако, по нашему мнению, это будет противоречить основным принципам самоуправления, а также принципам законотворческой деятельности.

Еще одной проблемой, связанной с исполнением протестов, является неопределенность и не закреплённость в тексте закона исключительных обстоятельств, при которых прокурор имеет право установить сокращённый срок для рассмотрения протеста. В научной литературе высказываются различные мнения [5, С. 85]. Между тем, если законодательно закрепить перечень исключительных обстоятельств, то следует понимать, что он будет закрытым, а это существенно ограничит прокурора в применении данной возможности к иным ситуациям.

Сложности в ходе правоприменения также вызывает недостаточно конкретная формулировка о сроке рассмотрения протеста представительным органом – он должен быть рассмотрен на ближайшем заседании, однако пресекательного срока для рассмотрения протеста в таком случае не установлено. И проблема здесь представляется намного более серьезной, чем это может показаться на первый взгляд. Протест прокурора может быть принесен как на нормативный правовой акт, так и ненормативный. И если предъявление административного искового заявления о признании нормативного правового акта недействующим возможно в течение всего срока действия нормативного правового акта [6, ст. 208], то вот предъявление административного искового заявления о признании ненормативного правового акта недействующим возможно в течение трех месяцев со дня, когда административному истцу стало известно о соответствующем нарушении [6, ст. 219].

Эту проблему хорошо иллюстрирует решение Новосибирского районного суда от 05.06.2018 по делу № 2А-2068/2018 [7]. Прокурор обратился в суд с административным исковым заявлением о признании ненормативного правового акта (решения Совета депутатов) недействующим, который ранее был опротестован прокурором. При этом на одной из сессий Совета протест был рассмотрен, но решение по нему принято не было, а затем депутаты отказались возвращаться к рассмотрению данного протеста, указав, что он рассмотрен на предыдущем заседании. В судебном заседании представитель административного ответчика на исковые требования возражал и указывал, что пропущен срок оспаривания данного решения и это нашло подтверждение в ходе разбирательства. В связи с этим суд отказал в удовлетворении административного искового заявления прокурора, указав, что течение трехмесячного срока давности обжалования данного ненормативного правового акта истек, а его течение начинается с момента принесения прокурором протеста.

Кроме того, еще одной проблемой, связанной с принесением протеста прокурора, является неправомерное включение прокурором в протест требований, связанных с устранением коррупциогенных факторов из правового акта, что предусмотрено в рамках проведения прокурором антикоррупционной экспертизы при внесение прокурором требования об изменении нормативного правового акта (ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре»). Пример такого нарушения закона со стороны органов прокуратуры можно увидеть в Решении Лахденпохского районного суда от 16 июня 2024 г. по делу № 2А-349/2024 [8], где в протесте прокурора говорилось о наличии в обжалуемом Положении коррупциогенного фактора.

В данном вопросе следует различать, что протест приносится на правовой акт, где нарушение закона уже допущено, а при внесении требования речь идет о наличии коррупциогенных факторов, а не нарушения закона. Данная практика складывается в связи с недостаточной

подготовленностью работников прокуратуры в вопросах места органов прокуратуры в системе субъектов противодействия коррупции.

Далее перейдем к следующему проблемному аспекту применения прокурорами мер прокурорского реагирования при выявлении правовых актов, противоречащих закону, а именно, к обращению прокурора с административным исковым заявлением в суд о признании нормативного правового акта недействующим.

Согласно п. 4.2 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 [9] прокурорам предписано при выборе форм реагирования на выявленные незаконные правовые акты руководствоваться тем, что прокурор обязан безотлагательно принести протест на незаконный правовой акт, а в случае его отклонения - в установленном порядке обратиться с заявлением в суд.

Рассмотрение соответствующей категории дел будет производиться в рамках гл. 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [6] (далее – КАС РФ), то есть в рамках производства по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

Прокурор в пределах своей компетенции вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением о признании нормативного правового акта недействующим в случае, если он полагает, что принятый нормативный правовой акт не соответствует иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, нарушает их компетенцию или права, свободы и законные интересы граждан [6, ст. 208].

Основной проблемой, выделяемой в данном вопросе, можно назвать необходимость указания в административном исковом заявлении на нарушенные права тех или иных лиц, либо на существование угрозы такого нарушения, что закреплено в п. 5 ч. 2 ст. 209 КАС РФ [6]. Если же прокурором не будут соблюдены данные требования, то исковое заявление остается без движения, а если об этом станет известно уже в рамках рассмотрения административного дела, то административному истцу будет отказано в удовлетворении заявленных требований.

В то же время в случае, когда органы прокуратуры оперативно отреагировали на изменения федерального законодательства, принесли протесы на противоречащие закону нормативные правовые акты, а органы публичной власти не согласны с позицией прокурора, то единственный выход для внесения изменений в нормативные правовые акты - обращение в суд, а оно невозможно при отсутствии установленного факта нарушения прав лиц, в отношении которых было подано административное исковое заявление, или же реальной угрозы такого нарушения.

Таким образом, возможность обжалования нормативных правовых актов ограничивается, поскольку обращение с заявлением в суд возможно

только в случае, когда пробельность и противоречивость нормативных положений вылились во что-то большее, чем просто противоречие федеральному законодательству, и имеется уже установленный факт нарушения прав или существования реальной угрозы такого нарушения.

В связи с этим в научной литературе высказываются мнения о том, что прокурор не должен быть связан положениями п. 5 ч. 2 ст. 209 КАС РФ [6] (необходимостью указаний сведений о нарушенных правах), ведь необходимость оспаривания уже принятых актов может возникнуть и до того момента, как эти акты нарушат конкретные права и законные интересы граждан [10, с. 34], данное предложение нам также кажется целесообразным.

Результаты. Вышесказанное позволяет заключить, что существующая правовая конструкция существенно ограничивает правомочия органов прокуратуры, поскольку прокуроры в рамках надзора за законностью нормативных правовых актов могут выявлять возможные факты нарушения прав граждан и юридических лиц еще до момента их непосредственного нарушения.

Выводы. В целях устранения пробельности и коллизионности, двусмысленности и неясности российского законодательства на органы прокуратуры возлагаются полномочия по опротестованию противоречащих закону правовых актов, внесению представлений в случае непринятия таких актов, а также полномочие по предъявлению административного искового заявления в суд о признании нормативного правового акта недействующим.

Подводя итог, заметим, что устранение проблем, ставших предметов настоящего исследования, возможно посредством внесения изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и закрепления соответствующих нормативных положений.

Выдвинутые в работе предложения могут быть использованы для дальнейшего изучения этой темы, в преподавании, в совершенствовании законодательства и в правоприменении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нижник А.О. Практическая значимость протеста прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов органами государственной власти субъектов Российской Федерации при реализации переданных полномочий / А.О. Нижник // Юридическая наука. – 2022. – № 5. – С. 133–136.

2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 03.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Ергашев Е.Р. Принципы института надзора за исполнением законов / Е.Р. Ергашев // Исполнительное право. – 2006. – № 3. – С. 40–48.

4. Исламова Э.Р. Проблемы реализации полномочий прокурора при осуществлении «Общего» надзора / Э.Р. Исламова // Крымский научный вестник. – 2016. – №1. – С. 227–234. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-polnomochiy-prokurora-pri-osuschestvlenii-obschego-nadzora.

5. Бабаев С.Н. Прокурорский надзор как способ обеспечения законности правовых актов управления: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, – 2002. – 288 с.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Новосибирского районного суда от 05.06.2018 по делу № 2А-2068/2018 [Электронный ресурс] URL: https://clck.ru/3LwvJ8.
8. Решение Лахденпохского районного суда от 16.06.2024 по делу № 2А-349/2024 [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/5T9RFiDyM95g/.
9. Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Исмагилов Р.Р. Роль прокурора в абстрактном нормоконтроле, осуществляемом в порядке административного судопроизводства / Р.Р. Исмагилов // Законность. – 2018. – № 3 (1001). – С. 34–-36.

УДК 341

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ В СТРАНАХ ЕАЭС

Ф.Е. Симонов, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г . Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Настоящее исследование посвящено детальному изучению юридических основ, формирующих энергетическое взаимодействие между Россией и государствами-участниками ЕАЭС. Этот предмет анализа требует комплексного подхода, поскольку охватывает целый спектр юридических инструментов, регулирующих сотрудничество в энергетической сфере. Указанные механизмы формируются в контексте влияния международной политической динамики.

Ключевые слова: интеграция, рынок электроэнергетики, трансграничная торговля, система правового регулирования.

Сближению энергетического законодательства стран ЕАЭС серьезно препятствует ряд факторов. Во-первых, это опасения, связанные с возможным ограничением национального суверенитета и сокращением доходов отечественных компаний [8]. Во-вторых, возникает сложная задача согласования новых норм частного права. Усложняет ее активное участие этих государств в других международных структурах – таких как БРИКС, ШОС или АСЕАН, а также наличие разнообразных договоров. Результатом становится конкуренция правовых режимов разных интеграционных объединений, куда входят одни и те же страны [7].

Прежде чем модернизировать собственное законодательство, каждое государство проводит тщательную подготовительную работу. Она включает анализ правовых систем партнеров по интеграционному блоку. Цель — оценить, к каким последствиям, негативным или позитивным, приведет заимствование иностранных правовых моделей для национальной экономики

и юридической системы. Не менее важно обосновать преимущества собственных правовых механизмов для их потенциального включения в законодательство других участников объединения. Таким образом, создание правовой базы для работы в рамках интеграционного союза или выполнения международных обязательств представляет собой целый комплекс стратегий, лежащих в области как публичного, так и частного права.

Что касается частноправовой гармонизации в энергетической сфере, то она основывается на двух ключевых процессах. С помощью сравнительно-правового анализа выявляются общие для всех участников объединения направления развития частного права, применительно к энергетике. Параллельно определяются уникальные, специфические для каждой страны особенности регулирования подобных отношений. Главное условие — эти особенности не должны препятствовать достижению общих целей интеграции.

Следовательно, успешное функционирование ЕАЭС, как и любого другого интеграционного объединения, невозможно без детального сопоставления законодательств его участников. Именно такой сравнительный анализ позволяет выявить как универсальные, так и специфические тенденции в регулировании энергетического сектора. Обнаружение этих тенденций делает последующее совершенствование национального права, в том числе в частноправовой области, объективно достижимым. Такой подход в наибольшей степени соответствует интересам и самих государств-участников, и их хозяйствующих субъектов, и интеграционного проекта в целом.

Изучение зарубежных моделей регулирования энергетических рынков представляет значительную практическую ценность для государств Евразийского экономического союза. Этот анализ направлен на решение двух взаимосвязанных задач.

Во-первых, он позволяет провести глубокое сопоставление юридических источников, институтов и конкретных норм, которые формируют энергетическое право России и других стран. В результате выявляются как универсальные, так и специфические закономерности в регулировании отношений, связанных с энергоресурсами. На основе этих данных определяются перспективные векторы для последующего сближения, гармонизации и унификации законодательных систем всех участников ЕАЭС.

Во-вторых, достигнутое правовое сближение создает основу для качественно нового этапа взаимодействия. Оно обеспечивает эффективное функционирование общих рынков энергоресурсов, а также способствует развитию торговых и иных экономических отношений в энергетическом секторе между компаниями государств-членов Союза [4].

При проведении исследования использовались следующие методы:

1. Нормативно-правовой анализ – изучение национальных законов и межгосударственных соглашений стран-участниц ЕАЭС, направленных на регулирование рынка электроэнергии.
2. Сравнительно-правовой метод – сопоставление подходов к правовому обеспечению электроэнергетики в разных государствах-членах.
3. Метод моделирования и прогнозирования – построение гипотез относительно будущих изменений нормативно-правового поля в сфере электроэнергетики.

Формирование самостоятельных правовых систем, регулирующих энергетические рынки в странах ЕАЭС, началось после распада Советского Союза. Юридические традиции этих государств глубоко укоренены в правовой культуре, сложившейся ещё в дореволюционный период и в эпоху СССР. Общей основой послужили советские правовые доктрины, а дальнейшее развитие права, подобно скандинавским странам, часто шло параллельными курсами [1]. Тесные экономические и историко-культурные связи бывших советских республик предопределили значительное сходство их законодательства, во многом воспроизводящего российские модели. Само же российское право представляет собой синтез отечественных наработок и заимствованных конструкций.

При этом каждое государство-член ЕАЭС, перенимая и иностранный опыт, всегда учитывает собственные национальные интересы. Это приводит к формированию уникальных правовых институтов, свойственных только данной стране. Таким образом, действующее законодательство в энергетической сфере предстает как сложный конгломерат норм, объединяющих разнообразные правовые подходы.

Правовые системы государств Союза демонстрируют ряд существенных общих черт. Прежде всего, это единая структура источников права (законы и подзаконные акты) и схожий круг регулируемых проблем. Во всех странах приняты многочисленные законодательные и нормативные акты, содержащие нормы как публичного, так и частного права, которые комплексно регулируют отношения, связанные с энергией и энергоресурсами. Хотя законы имеют различия в структуре и стиле, их содержательное ядро часто совпадает. При этом идея создания всеобъемлющего Энергетического кодекса не была реализована ни в одном государстве-члене. Даже в тех странах, где приняты базовые законы об энергетике (Армения, Кыргызстан), они не охватывают всю отрасль целиком, а систематизация осуществляется через множество отдельных актов [3].

Энергетическая повестка также едина: вопросы конкуренции, рыночных отношений, ценообразования, цифровизации, энергоперехода, развития традиционных и новых отраслей, экологизации, энергобезопасности и обеспечения надежных поставок [5].

Различия проявляются в комбинации форм и методов регулирования, выборе оптимального баланса между частным и публичным правом, а также

в эффективности правовых механизмов. Оборот энергоресурсов, хотя и носит гражданско-правовую природу, часто опосредован публично-правовыми актами (о тарифах, выводе объектов из эксплуатации, перекрестном субсидировании). В результате договорные обязательства возникают, изменяются и прекращаются на основе сложного комплекса юридических фактов разной правовой природы [9].

Государство активно перераспределяет финансовые потоки в нужном для энергетики направлении. Если же налоговые стимулы не работают, государство само осуществляет деятельность через подконтрольные юридические лица. Это определяет и другую черту – значительное публично-правовое участие в делах энергетических корпораций. Такая тенденция придания публичности энергетики характерна для всех стран ЕАЭС, но инструменты различаются. Например, в Беларуси основными участниками рынка являются государственные унитарные предприятия, а в России — корпорации с государственным участием, где публичные цели достигаются через корпоративный контроль.

Ещё одной общей чертой является отсутствие развитой биржевой торговли электроэнергией на национальных рынках, что, однако, остается важным направлением для формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС.

Несмотря на общую повестку, уровень и полнота правового регулирования в государствах-членах различны. Можно выделить два основных подхода к соотношению норм Гражданского кодекса и специального энергетического законодательства:

1. Приоритет норм ГК над специальными законами в сфере электроснабжения и субсидиарное применение в других областях (Армения, Казахстан, Кыргызстан) [6].
2. Субсидиарное применение норм ГК ко всем сферам снабжения через присоединенную сеть (Россия, Беларусь). Примечательно, что в ГК РФ общее правило о приоритете кодекса фактически нивелировано рядом исключений, отдающих приоритет специальным законам в электро- и теплоснабжении.

Существенно различается и степень развития законодательства о конкуренции на энергетических рынках, что создает препятствия для формирования общих рынков ЕАЭС, задуманных как конкурентные. По-разному развито правовое регулирование атомной энергетики: наиболее продвинутая система – в России; в Армении действует АЭС и соответствующее законодательство; в Беларуси, с вводом АЭС, формируется новая отрасль права; для Казахстана и Кыргызстана это направление остается актуальной задачей. Аналогично, хотя цифровизация энергетики регулируется во всех странах, подходы к ней и глубина регулирования неодинаковы.

Ключевым направлением для оптимизации энергетического законодательства ряда стран ЕАЭС может стать пересмотр существующих механизмов лицензирования деятельности на энергетических рынках [2]. Текущее состояние регулирования демонстрирует фрагментарность: для некоторых важных направлений отсутствуют профильные законы, хотя их принятие представляется целесообразным. Например, в правовом поле России до сих пор не сформирован отдельный федеральный закон, посвященный возобновляемой энергетике. В Беларуси, в свою очередь, не принят специальный закон об электроэнергетике.

Консолидация правовых норм в рамках единого специализированного закона с учетом накопленного опыта нормотворчества и правоприменительной практики видится насущной задачей. В структуру подобного закона об электроэнергетике логично было бы интегрировать разделы, разграничивающие конкурентные виды деятельности и сферы естественной монополии, а также детально регламентирующие функционирование оптового и розничных рынков электрической энергии и мощности. Создание таких рынков заявлено в программных документах Республики Беларусь как стратегическая цель, и их эффективное правовое оформление является критически важным условием для успешной интеграции в общий электроэнергетический рынок ЕАЭС.

Выявленные сходства и различия в регулировании энергетических рынков, отражающие специфику национальных правовых систем, должны стать объектом целенаправленной государственной политики. Её задача — последовательная актуализация задач развития национального законодательства. Эта работа должна быть нацелена на укрепление энергетического суверенитета каждого государства, но таким образом, чтобы оно не становилось барьером для гармонизации законодательства в рамках ЕАЭС и формирования общих рынков энергоресурсов.

Сближение правовых систем регулирования энергетических рынков стран-участниц Союза способно генерировать совокупный положительный экономический эффект на всем евразийском пространстве. Кроме того, оно создает основу для укрепления конкурентоспособности и позволяет более эффективно противостоять политическому и экономическому давлению со стороны недружественных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лафитский В.И. Предмет и методология сравнительного правоведения // Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т.1: Правовые системы Восточной Европы / под ред. В.И. Лафитского. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ; Контракт, 2012. С. 109.

2. Макарова Л.А. Проблемы правового обеспечения доступа к тепловым сетям // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сборник докладов X Московского юридического форума: в 3 ч., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6–8 апреля

2023 г. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. Ч. 2. С. 498.
3. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право: в 2 т. Т.1: Основы. Т.2: Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. М.: Международные отношения, 2024. С. 287.
4. Габов А.В., Лизикова М.С. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 13.
5. Пономарев М. В. Правовые проблемы охраны морской среды от загрязнения нефтью и нефтепродуктами // Морские исследования и образование (MARESEDU-2023): Труды XII Международной научнопрактической конференции, Москва, 23–27 октября 2023 г. Тверь : ООО «ПолиПРЕСС», 2024. Т. I (IV). С. 55.
6. Салиева Р.Н. Законодательное обеспечение развития технологического предпринимательства в организациях ТЭК // Вестник Центра права имени В.А. Мусина. 2025. № 1. С. 13.
7. Символоков О. А. Создание правовых условий функционирования общих рынков энергетических ресурсов Евразийского экономического союза // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 2. С. 58.
8. Шулятьев И.А. Международно-правовые проблемы региональных интеграционных экономических объединений // Международно-правовые проблемы современного международного экономического правопорядка: коллективная монография кафедры международного права ВАВТ Минэкономразвития России. М.: Всероссийская академия внешней торговли, 2024. С. 70–71.
9. Рыбаков В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (вопросы теории и практики): дис. … д-ра юрид. наук. Рязань, 1993. С. 15.

УДК 347.73

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ПРИ КОНСОЛИДИРОВАННОМ БАНКРОТСТВЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ

Д.С. Слонов, аспирант
Российская государственная академия интеллектуальной собственности
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуются проблемные аспекты реализации полномочий арбитражного управляющего (администратора) в рамках консолидированного банкротства предпринимательских групп. Анализ испанской и немецкой доктрины и законодательства о несостоятельности позволил автору выделить три базовые модели реализации полномочий управляющего в банкротстве групп компаний: традиционную (множественную), унитарную и смешанную. Каждая модель оценивается с точки зрения процессуальной эффективности, защиты прав кредиторов и возможности сохранения экономической целостности группы. Особое внимание уделяется анализу смешанной модели и договорных механизмов

координации между управляющими (*acuerdos de cooperación*) как наиболее гибкому инструменту, требующему, четкого судебного контроля.

Ключевые слова: консолидированное банкротство, предпринимательская группа, конкурсный управляющий, связанные процедуры банкротства, процедура координации.

Введение. Современная экономическая реальность характеризуется доминированием сложных корпоративных структур – предпринимательских групп, которые функционируют как единый хозяйственный организм. В случае их несостоятельности возникает фундаментальный правовой конфликт между формальной юридической самостоятельностью каждого члена группы и их экономической взаимосвязью. Разрешение этого конфликта в рамках процедур банкротства напрямую зависит от выбранной модели организации управления конкурсными массами. Испанское законодательство о несостоятельности (*Ley Concursal*, далее – LC), предлагает развитый концептуальный аппарат для регулирования так называемых «связанных конкурсов» (concursos conexos) [1, Гл. VI], в свою очередь, немецкий Закон о несостоятельности (Insolvenzordnung, далее – InsO) устанавливает гибкие процессуальные рамки для ведения дел о банкротстве взаимосвязанных должников [2]. В центре этого регулирования находится фигура конкурсного управляющего (administrador concursal), чьи полномочия, а также модель их реализации в контексте группы компаний, определяют эффективность всей процедуры банкротства [3, С. 224].

Постановка задачи. Целью исследования является системный анализ правовых моделей реализации полномочий конкурсных управляющих, применяемых при консолидированном банкротстве предпринимательской группы по испанскому и немецкому законодательству, и оценка их эффективности.

В основу методологии положен диалектический метод познания. В ходе исследования также применялись:

1. Сравнительно-правовой метод для анализа законодательного опыта и доктринальных подходов к организации деятельности конкурсных управляющих при банкротстве группы компаний в Испании и Германии.
2. Системный метод, позволивший рассмотреть управляющего не как изолированного субъекта, а как элемент целостной процессуальной системы консолидированного банкротства, взаимодействующий с судом, комитетами кредиторов и другими конкурсными управляющими.
3. Анализ и синтез при обобщении теоретических положений и практических данных.

Результаты исследования. Традиционный подход к банкротству членов корпоративной группы основан на строгом принципе разделения (Trennungsprinzip), который можно выразить максимой «одно лицо – одно имущество – одно производство» [4, С. 223]. Такая «атомарная» парадигма исходит из абсолютного приоритета формальной юридической личности

каждого общества, входящего в группу [5, С. 57]. Ее главное достоинство – правовая определенность и сохранение классических принципов ограниченной ответственности и отделения имущества. Однако в условиях интегрированной группы она ведет к значительным издержкам: дублированию усилий конкурсных управляющих, невозможности скоординированной реорганизации (реабилитационная процедура), риску противоречивых действий и, как следствие, к разрушению синергетической ценности группы, что в конечном итоге наносит ущерб интересам кредиторов [6, С. 482].

В противовес этому, «холистическая» парадигма настаивает на необходимости учитывать экономическое единство группы, даже если оно не оформлено в единую юридическую личность [7, С. 32]. Такой взгляд требует определенной процессуальной модификации классических подходов, чтобы отразить хозяйственную реальность группы. Испанский законодатель, вводя в закон о банкротстве специальный раздел *concursos conexos*, по сути, признал правомерность умеренного холистического подхода, допуская отступления от принципа разделения в целях процессуальной экономии и максимизации удовлетворения требований кредиторов.

В испанской доктрине выделяются три основные модели реализации полномочий конкурсного управляющего при банкротстве предпринимательской группы [8, С. 155]:

1. Традиционная (множественная) модель, при которой над имуществом каждого участника группы назначается отдельный управляющий. В этом случае процедуры ведутся независимо, в разных судах, без каких-либо формальных механизмов координации. Такая модель является прямым отражением «атомарной» парадигмы. Ее главный недостаток – высокая вероятность процессуальной дезинтеграции, ведущей к потерям стоимости активов корпоративной группы, которая, как единое целое, могла бы быть более привлекательной для реорганизации или продажи. Координация, если и возникает, то носит исключительно неформальный характер.

2. *Унитарная модель*, напротив, предполагает назначение единого конкурсного управляющего (administración concursal única) для всех участников группы. Данная модель наиболее последовательно реализует холистический подход и может быть эффективна при высокой степени интеграции и смешения активов группы [9]. Ее преимущества – максимальная согласованность действий, единая стратегия, минимизация конфликтов и операционных издержек. Однако ей присущи серьезные риски: непосильная рабочая нагрузка на одного управляющего, потенциальное игнорирование специфики отдельных обществ и, что наиболее важно, конфликт интересов [10, С. 157]. Единый управляющий обязан действовать в интересах каждой конкурсной массы, однако эти интересы в рамках группы могут объективно противоречить друг другу (например,

интересы кредиторов прибыльной и убыточной дочерних компаний) [11, С. 1220].

3. Смешанная модель является своего рода компромиссом, при котором за каждой компанией корпоративной группы закрепляется отдельный управляющий, но его деятельность подлежит обязательной координации. Испанская доктрина отмечает сбалансированность и гибкость данной модели [12, с. 30], поскольку оставляет суду дискреционное право не назначать единого управляющего при координации дел. При этом немецкий правопорядок более гибкий и дополнительно предусматривает возможность назначения особого представителя (besonderer Vertreter) для выполнения конкретной задачи или при банкротстве группы связанных должников, где требуется разрешение конфликта интересов в конкретном судебном споре между должником/массой и основным конкурсным управляющим [2, §56].

Эффективность смешанной модели целиком зависит от работоспособности механизмов координации (tramitación coordinada) между управляющими. В испанском правопорядке координация происходит на процессуальном и административном уровнях со следующими особенностями:

- Все отдельные производства по делам о банкротстве группы ведутся одним и тем же судьей (juez del concurso).
- Предпочтение отдается назначению единого арбитражного управляющего (administración concursal única) для всех дел (ст. 59 LC), который несет ответственность перед должником (concursado) и перед всеми кредиторами группы (ст. 94-99 LC).
- При наличии публичного интереса в отдельном деле о банкротстве суд может назначить второго управляющего (segundo administrador concursal), им может выступать муниципалитет, налоговый орган, государственное предприятие-кредитор и т.д. Примечательно, что ко второму управляющему и его представителю применяется специальный режим административной ответственности, а не общие нормы об ответственности, установленные в законе о банкротстве Испании.
- Синхронизируются судебные заседания, процессуальные сроки, представление документов (например, единого отчета управляющего по всем делам). Суд играет активную процессуально-координирующую роль.
- Все обособленные дела членов корпоративной группы рассматриваются в рамках единого судебного дела (autos), но с внутренним разделением на разделы (secciones) для каждого должника.
- Сохраняется обособленность имущественных масс (sin consolidación de las masas) должников (ст. 42 LC) т.е. активы и пассивы одной компании не смешиваются с активами и пассивами другой.

В отличие от испанского закона о банкротстве немецкий законодатель выбрал более диспозитивный подход. Так, § 56b InsO обязывает суды по несостоятельности, ведущие дела взаимосвязанных

должников, согласовывать между собой, целесообразно ли назначить одного управляющего для всех производств. Если назначается несколько управляющих (например, по одному на каждую компанию группы), они обязаны координировать действия для эффективного ведения дел и защиты интересов кредиторов. На практике такая координация часто оформляется соглашениями о сотрудничестве (Kooperationsvereinbarungen) или протоколами о порядке действий (Verfahrensprotokolle). Такие документы служат для координации действий управляющих: они регулируют обмен информацией, согласуют стратегии продажи активов и урегулирования взаимных требований, проводят совместные переговоры с кредиторами и обеспечивают единый подход к оспариванию сделок в рамках предпринимательской группы (§ 270 InsO). Несмотря на договорную природу, такие соглашения могут заключаться по инициативе или с последующим утверждением суда, что придает им дополнительную значимость.

Важно отметить, закон о банкротстве Германии прямо не предусматривает создание формального совместного рабочего органа, состоящего из нескольких управляющих. Однако он создаёт правовые предпосылки и стимулы для такой координации, особенно в рамках групповых банкротств, что на практике приводит к образованию подобных структур. Например, если управляющим необходимо согласовывать между собой стратегические решения (например, единую продажу активов группы), то создание постоянного координационного комитета управляющих (Verwalterkoordinierungsausschuss) становится практической необходимостью для выполнения требований закона (§ 160 InsO).

Проведенный анализ показывает, что, смешанная модель, нивелируя остроту конфликта интересов, присущего унитарной модели, не устраняет его полностью. Управляющий отдельного общества, стремясь максимизировать удовлетворение «своих» кредиторов, может принимать неоптимальные для группы решения (например, настаивать на раздельной продаже общих активов) [13, С. 827]. Для смягчения указанной проблемы испанская доктрина и практика предлагают следующие меры:

- Управляющий обязан незамедлительно сообщать суду о возникновении любой ситуации, связанной с потенциальным конфликтом интересов между разными конкурсными массами, которые он должен учитывать [14, С. 2767].
- Сделки, существенно затрагивающие общие интересы группы компаний, подлежат утверждению судом на основе совместного или согласованного ходатайства управляющих.
- Приоритет утверждения единого плана реструктуризации.

Заключение. Опыт испанского и немецкого регулирования связанных производств демонстрирует, что при консолидированном банкротстве предпринимательской группы не существует универсальной идеальной

модели реализации полномочий конкурсного управляющего. Выбор между традиционной, унитарной и смешанной моделями сводится к оценке судами глубины интеграции группы и вытекающих из неё рисков. Во-первых, суд должен установить степень экономического и имущественного смешения (наличие финансовой консолидации активов, переплетения обязательств, общего операционного управления), которая создает объективную потребность в координации. Во-вторых, на основе этой оценки необходимо выявить характер и остроту потенциального конфликта интересов между различными пулами кредиторов (например, финансовых и торговых, или кредиторов прибыльных и убыточных компаний группы). В-третьих, необходимо учесть практические факторы, такие как географическая разобщенность активов и масштаб структуры, определяющие реализуемость той или иной модели. Наконец, решающее значение имеет преобладающая цель процедуры (скоординированная реорганизация или раздельная ликвидация) и позиция самих кредиторов, чьи права и законные интересы являются конечным ориентиром для принятия судебного решения.

Проведенный анализ показывает, что смешанная модель, основанная на раздельном назначении управляющих с параллельным созданием жестких механизмов их координации, обладает наибольшим потенциалом. Она позволяет сочетать преимущества специализации с необходимостью сохранения хозяйственного единства группы. Ключом к ее успешному функционированию является система сдержек и противовесов: договорные соглашения управляющих обеспечивают гибкость и оперативность, в то время как судебный контроль гарантируют соблюдение законности и защиту прав всех кредиторов.

Для российского законодательства, которое находится в процессе осмысления института консолидированного банкротства, испанский и немецкий опыт может быть полезен при разработке детальных процедурных механизмов взаимодействия управляющих, выходящих за рамки простой процессуальной консолидации и направленных на реальное сохранение стоимости интегрированного бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Real Decreto Legislativo 1/2020, de 5 de mayo, por el que se aprueba el texto refundido de la Ley Concursal. URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Fiscal/664780-real-decreto-legislativo-1-2020-de-5-de-mayo-por-el-que-se-aprueba-el-texto.html.
2. Insolvenzordnung (InsO). I Gesetz vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2866), in Kraft getreten am 19.10.1994 bzw. 01.01.1999 zuletzt geändert durch Gesetz vom 15.07.2024 (BGBl. I S. 236) m.W.v. 01.01.2025. URL: https://dejure.org/gesetze/InsO.
3. Спасение бизнеса в банкротном праве: отчет Института европейского права: пер. с англ. М.: Статут, 2021. С. 526.
4. Шайдуллин А.И. Материальная консолидация при банкротстве группы компаний: история развития, аргументы в пользу его использования и первые шаги в российском праве // Сборник статей к 20-летию действующего закона и 20-летию первого современного российского закона о банкротстве. 2023.
5. Rojo Á. Los grupos de sociedades en el Derecho español // ADC. 1975. p. 482.

6. Mevorach I. Insolvency within Multinational Enterprise Groups // Oxford University Press, 2009. p. 32.
7. Resnick, A., y Sommer, H., Collier on Bankruptcy, 15.ª ed. (revisada) // LexisNexis, vol. 9, 2009.
8. Marta Flores Segura. Los concursos conexos. En la Universidad Autónoma de Madrid. 2013. p. 410
9. Tirado V., I., Los administradores concursales, // Civi-tas. 2005, p. 437.
10. Ehricke, U., «Die Zusammenfassung von Insolvenzverfahren mehrerer Unternehmen desselben Konzerns», DZWIR. 1999. p. 356.
11. Fernandez Seijo, J. M.ª, «Art. 101. Propuestas condicionadas», en Sagrera Tizón; Sala Reixachs y Ferrer Barriendos (coords.): Comentarios a la Ley Concursal, Barcelona // Bosch. 2004, pp. 1219-1221.
12. Sánchez-Calero J, Fuentes M La insolvencia de los grupos: los trabajos de la CNUDMI y el Derecho concursal español. // Anuario de Derecho Concursal, vol 22. 2011. p. 30.
13. Paulus C.G., «Group Insolvencies - Some Thoughts About New Approaches» // Texas International Law Journal. 2007. P. 827.
14. V. Senes, C., «Art. 188. Autorizaciones judiciales», en Rojo y Beltrán (dirs.): Comentario de la Ley Concursal, // Civitas. 2004, pp. 2766 – 2769.

УДК 316.42.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В.Е. Соловьева, студент
Научный руководитель – С.В. Ровбель, канд. экон. наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию качества жизни студентов в России за последние годы. Приведены данные опросов и научных работ, проведенных в 2023–2024 годах, которые показывают, что большинство студентов оценивают свое качество жизни как среднее или ниже среднего. Основные проблемы включают низкий уровень материального обеспечения, неудовлетворительное физическое и эмоциональное состояние, высокую утомляемость и негативные эмоции. Несмотря на некоторые положительные моменты, такие как удовлетворенность социальными связями, многие студенты испытывают трудности с адаптацией к современным условиям жизни и учебы. Исследование подчеркивает важность проведения дальнейших исследований и разработки мер поддержки для повышения качества жизни молодых россиян.

Ключевые слова: студенты, качество, жизни, исследования, участники, физическое, здоровье.

Сегодня российская политика, как отмечалось ранее, направлена на повышение качества жизни населения, при этом особое внимание уделяется

состоянию и проблемам качества жизни молодого поколения. Подобная ситуация объясняется значимостью студенческой молодежи в контексте развития государства: молодые россияне составляют основу демографического потенциала государства, студенческая молодежь является важным фактором интеллектуального, трудового и экономического потенциала государства, поскольку в краткосрочной перспективе займет активную позицию на рынке труда [1]. Для предотвращения неконтролируемой и интенсивной миграции молодежи («утечка мозгов»), ухудшения психологического и физического здоровья, что может повлиять на репродуктивные функции, ухудшения показателей эффективности труда вследствие некачественной подготовки в процессе обучения, в настоящее время активно проводятся эмпирические исследования качества жизни студенческой молодежи.

В 2023 году российские специалисты Н.И. Кошкарова, А.Г. Наймушина и О.Г. Литовченко провели исследование показателей качества жизни студентов (n=550) [2]. Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать следующие выводы:

– качество жизни большинства студентов – ниже среднего: по результатам кластерного анализа, в данную группу вошло две трети участников исследования (65,1%), наименьшее количество участников оказались в группе «выше среднего» (8,1%);

– наиболее проблемным аспектом качества жизни студентов является материальное положение – помимо низких оценок собственных финансовых возможностей, более трети участников исследования (40,2%) отмечают нехватку средств на товары и услуги, необходимые для удовлетворения базовых потребностей;

– физическое здоровье студентов как компонент качества жизни не оказывает негативного влияния на их жизнедеятельность – об этом высказались более 70% участников исследования, однако лишь пятая часть участников охарактеризовали состояние своего физического здоровья как благоприятное (21,2%);

– в исследовании был рассмотрен такой компонент качества жизни, как «жизненная активность», отражающий субъективное восприятие индивидом своей энергии и увлеченности жизнью – большинство студентов (72,1%) не чувствуют себя энергичными и увлеченными, более 85% студентов высказались о том, что постоянно ощущают усталость, которая негативно влияет на их качество жизни;

– социальные отношения как компонент качества жизни отличается высокой удовлетворенностью среди студентов – около 80% участников исследования отметили отсутствие каких-либо проблем в выстраивании социальных отношений, около 70% участников исследования удовлетворены своим окружением;

– большинство студентов отмечают негативное влияние их эмоционального состояния на повседневную жизнь – об этом высказались 86,1% участников исследования, также более 75% участников исследования систематически сталкиваются с тревожностью, апатией, депрессивными настроениями и чрезмерными негативными переживаниями;

– одним из факторов ухудшения качества жизни студентов, по мнению исследователей, является распространенность «вредных привычек» – 68% студентов отметили выраженный дисбаланс питания, 56,2% студентов курят на постоянной основе, 48,6% студентов употребляют алкогольные напитки несколько раз в неделю [2].

В 2023 году российские социологи Т.Т. Щелина, С.П. Акутина и Т.В. Хрычева провели исследование влияния различных факторов на качество жизни студентов [4]. На основании результатов данного исследования, можно сделать ряд выводов:

– более 80% студентов, участвовавших в исследовании, не удовлетворены качеством собственной жизни, однако большинство из них (66,4%) полагает, что в ближайшие несколько лет их качество жизни улучшиться;

– к факторам, положительно влияющим на удовлетворенность жизнью студентов, авторы исследования отнесли дружбу и любовь, семейные связи, физическое здоровье, экологические условия, качество образовательных услуг, доступность лекарств и медицинской помощи;

– к факторам, отрицательно влияющим на удовлетворенность жизнью студентов, авторы исследования отнесли материальное положение, обеспеченность жильем и качество жилищных условий, качество и количество свободного времени, эмоциональное состояние и психологическое здоровье, положение на рынке труда, имеющаяся работа и, в частности, уровень заработной платы [4].

В 2024 году российские исследователи А.В. Казанцева и Е.В. Ануфриева провели эмпирическое исследование качества жизни студентов (n=348) [2]. Проанализировав результаты данного исследования, можно сделать следующие выводы:

– большинство студентов отличается средним качеством жизни – в эту группу вошли 67,5% респондентов, в то время как высокое качество жизни характерно лишь 12,1% респондентам, низкое качество жизни – 20,4% респондентам;

– наиболее благоприятными аспектами качества жизни, согласно оценкам студентов, являются социальные связи и отношения – семейными, романтическими и дружескими отношениями удовлетворены более 80% респондентов, лишь 7,3% респондентов склонны к социальной изоляции;

– удовлетворенность студентов физическим здоровьем является высокой – 72,9% респондентов считают собственное здоровье отличным или

хорошим, менее пятой части респондентов (16,7%) постоянно сталкиваются с какими-либо проблемами физического здоровья;

– одним из факторов, снижающих качество жизни, является восприятие себя и своей роли в обществе – более 60% респондентов систематически переживают о собственной внешности (лишний вес, чрезмерная худоба, видимые недостатки и пр.), более 70% респондентов ощущают недостаток достижений в сравнении с другими людьми, около половины респондентов часто ощущают себя «бесполезными» для других людей и общества;

– большинство студентов (77,3%) не удовлетворены собственным образом жизни, основными причинами подобных ответов оказались отсутствие свободного времени (64,9%), недостаток финансовых средств (64,1%), постоянная усталость (59,4%), а также высокая учебная и (или) трудовая нагрузка (55,3%) [2].

Таким образом, качество жизни представляет собой состояние физического, психологического и социального благополучия индивида или социальной группы, оценка которых основана на степени удовлетворенности различных потребностей в конкретных экономических, экологических, политических, социальных и культурных условий внешней среды. В современной научной литературе представлено множество подходов к определению структуры и составляющих качества жизни, в связи с чем при выборе того или иного подхода результаты исследований могут различаться, однако это позволяет получить полное представление как об отдельных сферах жизнедеятельности населения, так и об общем состоянии и проблемах качества жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурыкин И.М., Ибрагимов Т.М., Хафизьянова Р.Х. Влияние физической активности, тревожности и депрессии на качество жизни студентов // Общественное здоровье и здравоохранение. – 2023. – № 1 (76). – С. 62–74.
2. Казанцева А.В., Ануфриева Е.В. Сравнительная оценка качества жизни студентов // Оренбургский медицинский вестник. – 2024. – № 3 (47). – С. 26–31.
3. Наймушина А.Г., Литовченко О.Г., Кошкарова Н.И. Функциональные показатели качества жизни студентов г. Тюмени // Журнал медико-биологических исследований. – 2023. – № 2. – С. 196–207.
4. Щелина Т.Т., Акутина С.П., Хрычева Т.В. Исследование влияния различных социальных факторов на качество жизни студентов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2023. – № 2. – С. 239–250.

УДК 343.15.

СООТНОШЕНИЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ И ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ

В.Е. Соловьева, студент
Научный руководитель – С.С. Кустов, канд. юрид. наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Работа посвящена феномену судейского усмотрения и внутреннего убеждения в российском праве. Рассматриваются исторические корни этих понятий, начиная с судебной реформы 1864 года, и их развитие в современной правовой системе. Анализируются различные подходы ученых к определению и разграничению указанных категорий, а также их влияние на принятие судебных решений. Приводятся примеры из практики Европейского суда по правам человека и отечественной судебной практики, демонстрирующие значимость правильного понимания и применения этих концепций. Статья подчеркивает, что внутреннее убеждение и судейское усмотрение являются ключевыми элементами правоприменительной деятельности, обеспечивающими справедливость и эффективность судебного процесса.

Ключевые слова: судьи, судейской усмотрение, внутреннее убеждение, оценка, доказательства.

Судейское усмотрение, как феномен, впервые привлекло серьезное внимание ученых в конце XIX – начале XX веков, что напрямую связано с масштабными изменениями в судебной системе России, произошедшими в ходе судебной реформы 1864 года. Эта реформа заложила фундамент для принципиально нового типа судебного процесса, который отличался значительной степенью личной ответственности судьи, введением принципов устности и состязательности. Именно в это время происходит формирование концепции внутреннего убеждения, занявшей центральное место в процессе оценки доказательств. На смену жестким формальным процедурам пришло право судьи действовать по своему усмотрению, что сделало всю систему правосудия более адаптивной и в то же время более ответственной. Феномен внутреннего убеждения напрямую связан с независимостью судебной власти: он позволяет судье опереться на свой профессиональный багаж, оградив решение от посторонних воздействий. Подобная практика, в свою очередь, укрепляет веру граждан в суд, поскольку они воспринимают его вердикты как законные и справедливые. Становление этого принципа стало поворотным пунктом в истории российского правосудия, стимулировав научное сообщество к переосмыслению функций судьи в контексте принятия судебных актов.

Внутреннее убеждение в процессуальной науке рассматривается с разных позиций: как основание для оценки доказательств, конечный результат этой оценки, а также как критерий, метод, способ или принцип. Особое внимание уделяется независимости суда и отсутствию заранее установленной силы доказательств.

Что касается судейского усмотрения, оно проявляется через возможность выбора среди нескольких правомерных вариантов решения, мыслительную деятельность судьи, полномочия или правомочия, а также свободу и целесообразность. По сути, усмотрение подразумевает наличие множества правильных решений одной правовой задачи, открытую структуру права и многозначность законодательных текстов. Доказательства рассматриваются не как отражение объективной реальности, а как продукт речемыслительной деятельности, включающей интерпретацию фактов сторонами и судьей.

Современная российская правовая система унаследовала многие элементы этого подхода, однако столкнулась с рядом проблем, связанных с адаптацией зарубежных понятий к национальным условиям. В частности, заимствование термина «судейское усмотрение» из англосаксонской правовой традиции привело к определенной путанице в понимании этого явления. Некоторые исследователи, такие как О. Г. Иванова, указывают на необходимость четкого разграничения между внутренним убеждением и судейским усмотрением, утверждая, что последнее не имеет прямого аналога в российской правовой культуре [1].

Анализируя научные работы, посвященные судейскому усмотрению и внутреннему убеждению, можно выделить несколько основных направлений исследований. Одно из таких направлений представлено работами В. А. Новицкого, который рассматривает эти понятия как синонимичные [2]. Он мог исходить из предположения, что оба термина служат общей цели — достижению справедливого и обоснованного судебного акта. Внутреннее убеждение помогает судье сформировать уверенность в правильности решения, а судейское усмотрение предоставляет инструментарий для выбора наилучшего варианта среди возможных. Эти понятия часто встречаются в контексте оценки доказательств и принятия судебных решений, что могло способствовать восприятию их как взаимодополняющих элементов единой системы.

Другие авторы, напротив, подчеркивают их различия и специфику. Например, Н. К. Панько указывает на возможность «смешения» внутреннего убеждения и судейского усмотрения, но отмечает, что первое является условием, а второе – результатом оценки доказательств [3]. Развивая данную идею, Н.К. Панько настаивает на том, что внутреннее убеждение, хоть и служит основой для судейского усмотрения, не тождественно ему. Ученый раскрывает эту мысль через последовательность мыслительных операций: сначала в сознании судьи кристаллизуется убеждение, и лишь затем,

опираясь на этот интеллектуальный фундамент, происходит выбор конкретного решения из ряда альтернатив – акт усмотрения. Следовательно, Панько делает вывод о функциональном различии этих правовых категорий при их тесной взаимосвязи в механизме применения права. Схожей логики придерживается и В.И. Телятников, отмечая, что внутреннее убеждение служит детерминантой усмотрения, но не покрывает его полностью [4]. Автор иллюстрирует свою точку зрения, моделируя ситуацию конфликта: профессиональные убеждения судьи оказываются под давлением извне – будь то ожидания общества или прямые указания государственных органов. В таких условиях, полагает исследователь, судья обязан продемонстрировать реальную независимость, приняв за основу решения собственное правосознание, а не сиюминутную конъюнктуру. Подобный подход выводит внутреннее убеждение на первый план, превращая его в главный гарант объективности правосудия. Столь различные трактовки взаимосвязи этих правовых институтов указывают на незавершенность их теоретического осмысления и настоятельную потребность в дальнейшем изучении.

Реальная цена ошибок в разграничении этих понятий хорошо видна в практике ЕСПЧ. Анализируя дела против России, Суд в Страсбурге неоднократно констатировал нарушения, когда сроки содержания под стражей продлевались формально – лишь в силу тяжести инкриминируемого преступления, без должной индивидуальной оценки обстоятельств [5]. Эти примеры из международной судебной практики наглядно показывают, к каким последствиям на деле ведет подмена внутреннего убеждения шаблонным подходом.

Анализ судебных ошибок позволяет провести важное разграничение: ключевым критерием выступает осознанность действий судьи. Дискреционные полномочия предполагают целенаправленный поиск наиболее справедливого решения в ситуации правовой неопределённости. Напротив, судебная ошибка является следствием непреднамеренного игнорирования существенных норм права или фактических обстоятельств дела.

В механизме правоприменения внутреннее убеждение и судейское усмотрение занимают различные, но взаимодополняющие позиции. Функция внутреннего убеждения заключается в том, чтобы стать интеллектуально-этическим фундаментом для оценки доказательств и формирования самостоятельных выводов, что выступает залогом независимости судебной власти. Дискреция же наделяет судью правом выбора между несколькими законодательно допустимыми вариантами, предоставляя пространство для учёта специфики конкретной ситуации через призму профессионального опыта.

Следовательно, корреляция данных категорий носит характер функциональной взаимозависимости при сохранении их собственной природы. Если внутреннее убеждение генерирует у судьи субъективную

уверенность в обоснованности будущего акта, то усмотрение представляет собой инструмент для его конкретизации – механизм отбора наилучшего решения из числа правомерных альтернатив. Их симбиоз обеспечивает необходимый баланс между стабильностью права и индивидуальным подходом к правосудию, что особенно значимо в условиях пробелов в законодательстве или сложных, нетипичных правовых ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова О.Г. Есть ли судейской усмотрение в российском уголовном процессе? // Сборник научных трудов SWorld. – 2011. – № 1. – С. 94.
2. Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения // Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2002. – С. 384.
3. Панько Н.К. Судейское усмотрение в истории права // Правовая наука и реформа юридического образования: Феномен «синдрома бесправия» в современном правовом государстве: Сборник научных трудов. Вып. 17 / Отв. ред. Старилов Ю.Н. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2004. – С. 86–87.
4. Телятников В.И. Убеждение судьи. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 39.
5. § 200, 201 Judgment of the European Court of 10 January 2012 on the merits of the aplications № 42525/07, 60800/08 Ananyev and other v. Russia.

УДК. 343.3

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И БАНКОВСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М.А. Спасова, Ш.И. Донгак, студенты
Н.И. Землянская, канд. юрид. наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные способы борьбы с мошенничеством в сфере информационных технологий на территории Российской Федерации, которые проводятся заинтересованными государственными органами. В результате проведённого исследования были выделены основные инструменты защиты граждан Российской Федерации для борьбы с мошенниками, которые были созданы в 2025 году.

Ключевые слова: мошенничество, денежные средства, системно значимые кредитные организации, микрофинансовые организации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Центральный Банк Российской Федерации.

В современной России почти каждый житель страны сталкивался с мошенничеством или попыткой произвести в отношении него мошеннические действия. Согласно статистике МВД России [1] за январь – август 2025 года заявлений о совершении в отношении граждан Российской Федерации мошеннических действий составляет 23,4% от общего числа заявлений о совершенных преступлениях, всего 287,7 тысяч заявлений. По сравнению с аналогичным периодом 2024 года количество преступлений снизилось на 3,8 процента.

Мошенничество, в соответствии со статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана и злоупотребления доверием.

Обман, как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим [2].

Центральный банк Российский Федерации ежегодно представляет портрет пострадавшего от кибермошенничества [3]. В 2024 году каждый третий из десяти опрошенных сталкивался с мошенниками, 9% лишились собственных сбережений в результате преступных действий. Чаще всего мошенники используют дистанционный способ обмана, в некоторых отдельных случаях вовлекая курьеров в преступную деятельность. 45,6% мошеннических действий осуществляются через мобильные звонки и СМС-сообщения. 15,7% преступных действий происходят в мессенджерах – ВКонтакте, Телеграм, Вотс-ап и прочие средства отправки мгновенных сообщений [4]. И только в 7% случаев мошенничество происходит путем получения незаконного доступа к аккаунту на супер-сервисе Госуслуги.

«Ущерб для граждан, а значит и для государства, со стороны телефонных и интернет-мошенников приобрел просто недопустимые размеры, очень большие. Поэтому действовать нужно быстро» - Владимир Путин в своей ежегодной прямой линии высказался о проблеме с кибермошенничеством в России [5].

Законодатели, а также банки представляют самые разные способы борьбы с кибермошенниками.

Актуальная мера безопасности для пожилых граждан Российской Федерации - назначение второго лица, которое будет подтверждать ту или иную банковскую операцию, к примеру оформление кредита или снятие наличных. Мера введена с 1 сентября 2025 года.

С 1 марта 2025 года согласно Федеральному закону № 31-ФЗ от 26 февраля 2025 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и в Федеральный закон «О потребительском кредите «займе)» было введено изменение, которое теперь ежедневно защищает россиян от оформленных на них кредитов путем обмана – установление самозапрета на кредиты. Запрет на заключение договор потребительского займа (кредита) - мера, предпринимаемая субъектом кредитной истории - физическим лицом, направленная на ограничение заключения с ним договоров потребительского займа (кредита), за исключением договоров потребительского займа (кредита), обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой и (или) залогом транспортного средства, и договоров основного образовательного кредита. Запрет касается не только договоров потребительского займа (кредита), который оформляется в банке, но также касается и договоров в микрофинансовых организациях. Сведения об оформлении запрета на оформление договоров потребительского займа (кредита) находятся в Национальном бюро кредитных историй.

С марта 2025 года почти 17 миллионов граждан Российской Федерации оформили самозапрет на кредиты. По словам Председателя Центрального банка Российской Федерации Набиуллиной Э.С., подобная мера защиты оказалась «очень востребованной» [6].

Федеральным законом от 13 февраля 2025 года № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] вводится так называемый «период охлаждения» для взятия потребительских займов (кредитов). При предоставлении потребительских кредитов банки и микрофинансовые организации должны реализовывать мероприятия по противодействию заключению договоров без добровольного согласия клиента (антифрод-мероприятия). Из всех квалифицированных бюро кредитных историй нужно получать сведения в отношении заявителя об обращении в целях заключения договора, об одобрении, о заключении договора, о передаче заемщику денег, об отказе в заключении договора. Заемщику будут выдавать деньги только через 4 часа по займам (кредитам) от 50 тыс. до 200 тыс. руб. и через 48 часов при сумме кредита свыше 200 тыс. руб.

30 января 2025 года Центральный банк Российской Федерации опубликовал Положение «Об установлении обязательных для кредитных организаций, иностранных банков, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации через свои филиалы, требований по

обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента» № 851-П [8] (далее – Положение). Положение обязывает банки ввести в интерфейс своего приложения «тревожную кнопку» для сообщения о мошеннических действиях. Пункт 3.2 Положения требует от кредитных организаций и иностранных банков проведения ежегодного тестирования на предмет наличия возможностей проникновения в информационную инфраструктуру банка.

Также системно значимые банки во время звонка или после звонка при входе в приложение отправляют информационное сообщение о подозрении в производстве мошеннического звонка. Перечень системно значимых кредитных организаций содержится в реестре Центрального банка Российской Федерации [9].

В апреле 2025 года в Российской Федерации заработала такая системно важная структура как государственная информационная система «Антифрод». В апреле 2025 года Правительство Российской Федерации закрепило обязанность операторов мобильной связи передавать сведения о номерах, с которых и на которые совершаются мошеннические вызовы, в реестр ГИС «Антифрод», а также приостанавливать пропуск трафика по включённым в реестр номерам (за исключением вызовов экстренных служб). ГИС «Антифрод» представляет собой платформу для оперативного взаимодействия госорганов, банков, операторов связи и других организаций для борьбы с кибермошенничеством и позволяет в режиме реального времени обмениваться информацией о попытках мошенничества.

Однако, при общей сосредоточенности банков в обеспечении защиты граждан от внешних угроз в виде кибермошенников, существуют еще внутренние угрозы в виде доступа работников банка к информационной системе клиентов кредитных организаций. Так, в 2019 году произошло резонансное преступление, суть которого заключалась в том, что сотрудник ключевого системного банка передавал данные клиентов за вознаграждение. В целях предотвращения совершения подобных преступлений, кредитным организациям следует отработать внутреннюю этику сотрудников банка, а также регулярно проводить аудит и контроль по сохранению персональных данных клиентов внутри информационной системы кредитной организации [10].

«В результате внутреннего расследования служба безопасности банка при взаимодействии с правоохранительными органами 4 октября 2019 года выявила сотрудника банка 1991 года рождения, руководителя сектора в одном из бизнес-подразделений банка, который имел доступ к базам данных в силу выполнения служебных обязанностей и который попытался осуществить хищение клиентской информации в корыстных целях», – говорится в пресс-релизе главы Сбербанка Германа Грефа.

Аналогичные преступления совершаются и сотрудниками мобильных операторов, у которых есть доступ к базе данных клиентов. Так, в Воронеже бывшая сотрудница одной из сотовых компаний «слила» третьим лицам конфиденциальную информацию о более 70 клиентах. Для этого девушка использовала учетные записи базы персональных данных абонентов. Уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу. Оно возбуждено на основании материалов УФСБ России по Воронежской области, а также региональной прокуратуры и полиции [11].

Таким образом, следует сделать вывод, что кредитные организации совместно с законодателями, а также участниками антифрод-мероприятий в виде Министерства внутренних дел Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации реализуют меры, направленные на системную защиту граждан Российской Федерации от преступных действий в виде мошенничества, в частности, кибермошенничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2025 года [Электронный ресурс] – URL: https://мвд.рф/reports/item/70644759/.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Кибермошенничество: портрет пострадавшего [Электронный ресурс] – URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/.
4. Чернышова П.Е. Характеристика мошенничеств, совершаемых с использованием сервисов мгновенных сообщений // Правовой альманах. 2025. №1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-moshennichestv-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-servisov-mgnovennyh-soobscheniy.
5. Тревожные звонки: Путин заявил о недопустимости масштабах мошенничества в РФ [Электронный ресурс] – URL: (https://iz.ru/1849375/alena-nefedova-natalia-ilina/trevozhnye-zvonki-putin-zayavil-o-nedopustimyh-masshtabah-moshennichestva-v-rf.
6. Самозапрет на выдачу кредитов с марта установили 17 млн россиян [Электронный ресурс] – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8161155.
7. Федеральный закон от 13.02.2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ-2025, № 7, ст. 541.
8. Положение Банка России от 30 января 2025 г. № 851-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций, иностранных банков, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации через свои филиалы, требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента» [Электронный ресурс] – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411601713/.
9. Перечень системно значимых кредитных организаций на 07.10.2025 [Электронный ресурс] – URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/SystemBanks.html/.
10. Сбербанк выявил сотрудника, который пытался похитить информацию [Электронный ресурс] –URL: https://tass.ru/ekonomika/6967250.

11. В Воронеже оператор сотовых данных «слила» информацию о клиентах мошенникам [Электронный ресурс] – URL: https://riavrn.ru/news/v-voronezhe-0perator-sotovyh-dannyh-slila-informaciyu-o-klientah-m0shennikam/.

УДК 349.6

МОДЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СНГ ОБ ОБРАЩЕНИИ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В.В. Степанова, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права
Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния модельного законодательства СНГ на российское законодательство в области обращения с отходами. Рассматривается история принятия и эволюция понятия «обращение с отходами» в российском и модельном законодательстве об отходах производства и потребления. Несмотря на свой рекомендательный характер, модельное законодательство об обращении с отходами играет важную роль в формировании согласованной законодательной деятельности государств-участников СНГ.

Ключевые слова: обращение с отходами, модельное законодательство СНГ, охрана окружающей среды, отходы производства и потребления.

Введение. Одной из задач образованной практически одновременно с Содружеством Независимых Государств (далее по тексту – СНГ) Межпарламентской Ассамблеи стало сближение и совершенствование национального законодательства государств – участников СНГ, содействие их всесторонней (в том числе и правовой), интеграции. Не претендуя на роль эталонного, модельное законодательство представляет собой, как отмечает О.В. Подкорытова, «инструмент описания процессов формирования и развития основополагающих правовых ценностей» [1, С. 92]. Типизация правовых режимов и выработка понятийного аппарата, как представляется, является одним из путей гармонизации норм в рамках правовых систем государств-участников Содружества, зачастую претерпевших серьезные трансформации в процессе поиска своей идентичности и противоречивых глобализационных процессов 90-х годов прошлого столетия. Одним из направлений деятельности Ассамблеи является сотрудничество в области охраны окружающей среды, реализующееся через деятельность комиссии в сфере аграрной политики, экологии и природопользования. Отмечая научную ценность и практический интерес модельных законодательных актов, Л.Б. Архипова особую роль отводит именно понятийному аппарату как важному шаг на пути к сближению национальных законодательств [2, С.

94]. Очевидно, что единство терминологии позволяет повысить качество межгосударственного взаимодействия и упростить внедрение новых институтов. Стоит согласиться с О.В. Подкорытовой в ее выводе об особой роли понятийного аппарата модельного законодательства, который находит свое применение не только в нормотворческой деятельности российского парламента, но и в деятельности национальных судов [1, С. 93].

Постановка задачи. Главная цель исследования – проследить эволюцию понятия «обращение с отходами» и выявить степень влияния модельных актов на российское правовое регулирование.

Методика и методология исследования. В качестве метода использован историко-правовой анализ, позволяющий установить преемственность и динамику развития соответствующих норм и институтов.

Результаты. Сотрудничество в области охраны окружающей среды и участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности стало одной из сфер совместной деятельности государств-участников СНГ с момента его создания [3]. Однако попытка унифицировать подход к пониманию содержания деятельности по обращению с отходами производства и потребления и основным принципам государственного регулирования данной сферы была предпринята Ассамблеей только в 1998 году. В Модельном законе «Об отходах производства и потребления», принятом Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 15 июня 1998 года, под обращением с отходами, согласно статье 1 указанного документа понимались «все виды деятельности, связанные со сбором, хранением, использованием, обезвреживанием, транспортированием, захоронением отходов» [4]. Принятым вскоре в России Федеральным законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее по тексту – Закон об отходах) к деятельности по обращению с отходами были отнесены их сбор, использование, обезвреживание, транспортирование, размещение. Несмотря на то, что содержание терминов в двух этих актах нельзя назвать полностью идентичным, влияние Модельного закона на структуру и содержание закона российского отрицать было бы сложно. В Законе об отходах были установлены созвучные модельному законодательству основные принципы и приоритетные направления государственной политики в области обращения с отходами, определена категория «право собственности на отходы», определены полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в области управления отходами. Закон об отходах 1998 года был направлен на достижение нескольких ключевых целей: предотвращение негативного воздействия отходов на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечение отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья. Он развил положения действующего на тот момент Закона РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной

среды», который определял компетенцию органов исполнительной власти и муниципалитетов в области обращения с отходами.

В 2007 году в новой редакции Модельного закона термин «обращение с отходами» получил расширительное толкование. Под обращением с отходами предложено было понимать «деятельность, связанную с документированными организационно-технологическими операциями регулирования работ с отходами, включая предупреждение и минимизацию образования отходов, повторное использование отходов, использование отходов в качестве вторичных материальных и энергетических ресурсов, учет и контроль образования, накопления и размещения отходов, а также их сбор, обезвреживание, переработку, транспортирование, хранение, удаление и трансграничные перемещения, в том числе контроль (надзор) над этими операциями и надзор за местами удаления отходов» [5]. Именно эта редакция легла в основу законодательства многих стран СНГ, но не России. Актуальная на тот момент редакция Закона об отходах от 30 декабря 2008 года сменила ракурс правового регулирования данной сферы, определив обращение с отходами как «деятельность по сбору, накоплению, использованию, обезвреживанию, транспортированию размещению отходов». Нетрудно заметить, что из поля зрения правоприменителя ушла деятельность по образованию отходов. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации «…тем самым законодатель разделил понятия «образование отходов», с которым сопряжена как повседневная жизнедеятельность человека, так и экономическая деятельность любого хозяйствующего субъекта, и «обращение с отходами». Соответственно, в настоящее время под обращением с отходами понимается лишь деятельность по сбору, накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию и размещению отходов» [6].

В новой редакции Модельного закона от 14 апреля 2023 года, одним из разработчиков которой стал Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, подход к определению содержания понятия обращения вновь изменился [7]. Акцент в содержании обращения с отходами сместился на их паспортизацию, физическую обработку и полный цикл операций с отходами, в то время как первоначальное определение включало в себя еще и документацию, учет и контроль на всех этапах, акцентировало внимание на предупредительном и минимизирующем подходе к образованию отходов, а также на возможности повторного использования отходов и использования их в качестве вторичных ресурсов. Стоит отметить и попытку сделать определение более универсальным через замену отдельных категорий общепринятыми обозначениями («повторное использование отходов» на «рециклинг», «рекуперацию» и «регенерацию»). В российском Законе об отходах в развитие положений модельного закона получили закрепление термины «вторичный ресурс», «экологический сбор», «утилизация отходов

от использования товаров», детализированы требования к данным категориям отходов и полномочия государственных и муниципальных органов по контролю в этой сфере. Определение ТКО не только как загрязнителя, но и как источника полезного сырья представляется важной вехой и опорой, позволяющей иначе строить стратегии правового регулирования данной сферы.

Выводы. Модельное законодательство СНГ оказывает заметное влияние на российское законодательство в области обращения с отходами, служа фундаментом для формирования соответствующих норм и правил. Особую ценность представляет понятийный аппарат, позволяющий углубить правовое регулирование в сфере обращения с отходами и при этом обеспечить возможность внедрения удачных практик других государств-участников СНГ в российское законодательство. Первоначально принятое в 1998 году определение «обращение с отходами» стало основой для российского Закона об отходах, определив основные принципы и направления государственной политики в данной сфере. Впоследствии, несмотря на различия в подходах, российская правовая система продолжала учитывать положения модельного законодательства, что выразилось в появлении таких понятий, как «вторичный ресурс», «экологический сбор» и «утилизация отходов от использования товаров». Новый виток развития модельного законодательства 2023 года вновь продемонстрировал стремление к унификации понятий и процессов, расширяя границы определения обращения с отходами и делая акцент на паспортизации и полном цикле их обработки. Несмотря на свой рекомендательный характер, модельное законодательство об обращении с отходами, как представляется, в наибольшей степени достигает своей цели – формирования и осуществления согласованной законодательной деятельности государств – участников СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подкорытова О.В. Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. №3 (49). С.91–102.
2. Архипова, Л.Б. Модельное законодательство для стран СНГ / Л.Б. Архипова // Российское правосудие. 2007. № 2(10). С. 94–97.
3. Соглашение от 08.12.1991 «О создании Содружества Независимых Государств» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991, № 51.Ст. 1798.
4. Модельный закон «Об отходах производства и потребления» от 15.06.1998 года (принят на одиннадцатом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, Постановление №11-9) // Официальный сайт Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ [Электронный ресурс] URL:https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni.
5. Модельный закон «Об отходах производства и потребления» от 31.10.2007 года (принят на двадцать девятом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, Постановление №29–15) // Официальный сайт

Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ [Электронный ресурс] URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2023 № 2171-О «По запросу Павинского районного суда Костромской области о проверке конституционности абзацев четвертого и девятнадцатого пункта 1 статьи 1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» // КПК КонсультантПлюс: [сайт]. URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=781719#ADlSycUpgt7gqbsW.
7. Модельный закон «Об отходах производства и потребления» от 14.04.2023 года (Постановление №55-4) // Официальный сайт Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ [Электронный ресурс] URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni.

УДК 343.01

ВЛИЯНИЕ ДЛИТЕЛЬНЫХ СРОКОВ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ЛИЧНОСТЬ ОСУЖДЕННОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РЕИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ТЮРЕМЗАЦИИ

М.А. Текканат, Д.И. Половникова, студент
Сибирский Юридический университет
г. Омск, Россия

Аннотация. В данной статье исследуется комплексное влияние длительных сроков лишения свободы на личность осужденного. Основное внимание уделяется социально-психологическому феномену «тюремзации» – процессу усвоения норм, ценностей и моделей поведения тюремной субкультуры. Анализируются ключевые механизмы и стадии тюремзации, а также ее деструктивные последствия для последующей реинтеграции освобожденного лица в общество. На основе проведенного анализа делается вывод о криминогенном потенциале длительных сроков изоляции и необходимости переориентации пенитенциарной системы с карательной на реабилитационную парадигму.

Ключевые слова: криминология, пенитенциарная система,, тюремзация, тюремная субкультура, реинтеграция, ресоциализация, социальная адаптация.

Введение.

Одной из наиболее актуальных проблем современной криминологии и пенитенциарной психологии является изучение влияния изоляции на человеческую личность. Длительные сроки лишения свободы, предназначенные для достижения целей наказания, таких как исправление и предупреждение новых преступлений, зачастую порождают ряд негативных

социально-психологических последствий, которые, парадоксальным образом, затрудняют достижение этих целей. Центральным понятием в данном контексте выступает «тюремзация» – глубокий процесс трансформации личности под влиянием тотального института [1, С. 45].

Целью настоящего исследования является социально-психологический анализ феномена тюремзации и его влияния на перспективы реинтеграции осужденных после освобождения.

Задачи исследования:

1. Раскрыть сущность, механизмы и стадии процесса тюремзации.
2. Проанализировать социально-психологические последствия длительной изоляции для личности.
3. Выявить специфику тюремзации в женских исправительных учреждениях.
4. Исследовать роль пенитенциарного персонала в процессе тюремзации.
5. Определить основные барьеры реинтеграции и наметить перспективные направления реформы пенитенциарной системы.

Сущность и механизмы феномена тюремзации.

Понятие «тюремization» (от англ. prison – тюрьма) было введено в научный оборот американским социологом Дональдом Клеммером, который определил его как «принятие особенностей, привычек, морали и обычаев тюремного сообщества» [2, с. 112]. Это процесс адаптации, который, однако, носит дезадаптивный для жизни в большом обществе характер.

Механизмы тюремзации включают в себя:

• **Усвоение «воровских понятий»:** Это неформальный кодекс поведения, регулирующий жизнь в тюрьме. Его основные постулаты – отказ от сотрудничества с администрацией («не заводись»), культ силы и иерархии, доминирование над «опущенными», цинизм и недоверие к любым официальным институтам.

• **Потерю автономии и формирование «выученной беспомощности»:** Тотальный распорядок дня, постоянный контроль, минимальность выбора приводят к тому, что у человека атрофируются навыки самостоятельного принятия решений, планирования своей жизни и нешения ответственности за нее.

• **Эмоциональную депривацию и обеднение межличностных связей:** Ограниченность контактов с внешним миром, невозможность полноценного эмоционального общения ведут к эмоциональному оскудению, росту агрессии или, наоборот, апатии.

• **Примитивизацию потребностей и интересов:** В условиях дефицита базовые потребности (еда, безопасность, сигареты) приобретают гипертрофированное значение, вытесняя духовные и интеллектуальные запросы.

Стадии тюремзации можно описать как последовательное прохождение фаз: первоначальный шок и дезориентация; активное или пассивное сопротивление; постепенное принятие правил игры тюремного сообщества; и, наконец, полная или частичная интеграция в субкультуру, когда ее нормы воспринимаются как единственно возможные и правильные. Степень тюремзации зависит от множества факторов: изначальных личностных характеристик, срока заключения, типа исправительного учреждения и наличия поддерживающих социальных связей с внешним миром.

Социально-психологические последствия тюремзации для личности.

Длительное пребывание в условиях тюремной субкультуры накладывает глубокий отпечаток на личность, формируя так называемый «тюремный менталитет»:

• **Дихотомическое мышление:** Мир делится на «своих» (арестантов) и «чужих» («ментов», «фраеров»). Это черно-белое восприятие реальности крайне затрудняет установление социальных контактов после освобождения.

• **Повышенная агрессивность и подозрительность:** Гиперболизированная бдительность и готовность к конфликту как средствам выживания в исправительном учреждении становятся привычными поведенческими паттернами, которые человек неосознанно переносит на свободную жизнь.

• **Утрата социально приемлемых навыков коммуникации:** Нормы общения, основанные на угрозах, манипуляциях и демонстрации силы, заменяют собой умение вести переговоры, идти на компромисс, проявлять эмпатию.

• **Институционализация:** это крайняя форма тюремзации, когда человек настолько привыкает к регламентированной жизни за решеткой, что теряет способность к самостоятельному существованию. Свобода становится для него стрессом, а исправительное учреждение – «домом». Такие лица нередко совершают преступления с целью возвращения в знакомую и предсказуемую среду.

Гендерный аспект тюремзации.

Процесс тюремзации в женских исправительных учреждениях имеет свою специфику, обусловленную как психологическими особенностями, так и структурой неформальных отношений [3, С. 78].

• **Семейно-ролевая модель:** если в мужских колониях доминирует иерархическая модель, основанная на силе и статусе, то в женских часто воспроизводится модель псевдосемейных отношений. Заключенные выстраивают связи, имитирующие семейные: появляются «пары», «свекрови», «дочери». Эти связи носят интенсивный, но часто крайне конфликтный и эмоционально зависимый характер.

• **Эмоциональная напряженность:** для женщин, как правило, более болезненной является разлука с детьми и разрушение семейных связей. Это усиливает чувство вины, тревоги и депрессии. Эмоциональные срывы,

истерики и суицидальные настроения распространены здесь шире, чем в мужских коллективах.

• **Специфика неформальных норм:** «Воровские понятия» присутствуют и здесь, но они часто тесно переплетены с межличностными отношениями. Сплетни, формирование коалиций, эмоциональный шантаж становятся мощными инструментами влияния. Проблема стигмы для освобожденных женщин также стоит острее в связи с социальными ожиданиями, возлагаемыми на них как на матерей и хранительниц домашнего очага.

Таким образом, тюремзация женщин ведет не только к общей социальной дезадаптации, но и к глубокой деформации их эмоционально-личностной сферы и материнской идентичности.

Роль пенитенциарного персонала в процессе тюремзации.

Администрация исправительного учреждения является не сторонним наблюдателем, а активным участником социально-психологической среды. Ее роль в процессе тюремзации амбивалентна.

• **Фактор усиления тюремзации:** Авторитарный стиль управления, пренебрежительное отношение к осужденным, коррупционные связи между персоналом и «авторитетами» преступного мира – все это укрепляет власть «тюремной» субкультуры и усиливает дихотомию «мы – они». Когда официальные законы нарушаются самими их хранителями, это окончательно убеждает осужденных в цинизме и несправедливости «системы».

• **Потенциальный ресурс ресоциализации:** Напротив, профессиональный и человечный подход сотрудников может стать противовесом тюремзации. Психологи, воспитатели и социальные работники, пользующиеся уважением, могут формировать альтернативные, просоциальные модели поведения, демонстрируя ценность диалога, уважения к закону и конструктивного разрешения конфликтов. К сожалению, в существующей системе кадровые, материальные и идеологические ресурсы для такой работы крайне ограничены.

Влияние тюремзации на перспективы реинтеграции.

Процесс реинтеграции – это обратный, по отношению к тюремзации, процесс «растюремливания» и вживания в нормы гражданского общества. Социализация создает для этого непреодолимые барьеры:

1. **Профессиональная и социальная дезадаптация:** Длительный перерыв в трудовом стаже, отсутствие актуальных профессиональных навыков, стигма судимости и плохая репутация закрывают доступ к легальному трудоустройству. Экономическая несостоятельность является одним из ключевых факторов рецидива.

2. **Кризис социальных связей:** Распадаются семьи, теряются дружеские контакты. Социальный капитал человека истощается. Его основным кругом общения после освобождения часто становятся такие же бывшие заключенные, что усиливает действие криминальных установок.

3. **Психологические барьеры:** Сформировавшиеся модели поведения и мышления делают бывшего заключенного «чужаком» в собственном обществе. Он не понимает новых социальных кодов, технологий, ритма жизни, что порождает фрустрацию, страх и желание вернуться в криминальную среду, где правила понятны и просты.

4. **Правовой нигилизм:** Усвоенное в исправительном учреждении презрение к закону и государственным институтам блокирует возможность законопослушного поведения. Правосудие воспринимается не как инструмент справедливости, а как репрессивная машина «системы».

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что длительные сроки лишения свободы, сопровождающиеся глубокой тюремзацией личности, в значительной степени снижают и даже блокируют перспективы успешной реинтеграции осужденных. Вместо исправления пенитенциарная система зачастую производит социально и психологически дезадаптированных индивидов, обреченных на рецидив.

В связи с этим необходима кардинальная переоценка роли лишения свободы. Приоритет должен быть смещен с изоляции и кары на комплексную реабилитацию и ресоциализацию, начинающуюся с первого дня отбывания наказания и продолжающуюся после освобождения. Ключевыми направлениями реформы должны стать:

• **Гуманизация условий содержания:** Снижение плотности размещения, улучшение бытовых условий, расширение возможностей для свиданий и связи с внешним миром для ослабления давления пенитенциарной субкультуры.

• **Развитие системы психолого-педагогической работы:** Внедрение программ, целенаправленно противодействующих процессам тюремзации, развивающих критическое мышление, эмоциональный интеллект и навыки ненасильственного разрешения конфликтов.

• **Создание реальных возможностей для ресоциализации:** Развитие программ профессионального образования и трудовой адаптации, ориентированных на реальные потребности рынка труда. Поощрение участия в образовательных и культурных проектах.

• **Развитие эффективной системы постпенитенциарного сопровождения:** Поддержание государственной или поддерживаемой государством службы пробации, оказывающей комплексную помощь в трудоустройстве, решении жилищного вопроса, восстановлении семейных связей и социально-психологической адаптации.

Только таким образом исполнение наказания может стать не школой криминала, а шагом к искреннему исправлению и возвращению в общество полноправного гражданина. Борьба с тюремзацией – это не просто акт гуманизма, а инвестиция в общественную безопасность и снижение уровня преступности в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоффман И. Total Institutions // Гоффман И. Приюты: Очерки о социальной ситуации психических больных и других обитателей закрытых учреждений. – М., 2008.
2. Clemmer D. The Prison Community. – N.Y., 1958.
3. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М., 2010.
4. Антонян Ю.М. Тюремная субкультура: содержание, структура, функции // Российский следователь. – 2015. – № 10. – С. 35–39.
5. Шамис А.В. Социально-психологические последствия длительного лишения свободы для личности // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 1. – С. 24–31.
6. Назарова Е.Н. Особенности тюремной субкультуры в женских исправительных колониях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2020. – № 5. – С. 15–21.
7. Яковлева Н.О. Пенитенциарная психология: личность в условиях изоляции. – СПб., 2017.
8. Report on the Norwegian Correctional Service // Ministry of Justice and Public Security, 2018.

УДК 347.211

УЧЁТ ЭЛЕМЕНТОВ ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ПРЕДПРИЯТИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

И.А. Черныховский, аспирант
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»
г. Москва, Россия

Аннотация. Текст научной статьи посвящен вопросу действующего правового регулирования учета элементов в составе предприятия как имущественного комплекса в рамках имущественного оборота. Предметом исследования являются нормы действующего законодательства, подзаконных нормативных актов и доктрина, связанные с вопросом учета имущественных элементов в составе предприятия. Наряду с анализом понятия «имущество» в рамках дореволюционной и действующей отечественных доктрин, автор также определяет значения терминов «учет» и «регистрация», делает вывод, что понятие «учета» шире по объему термина «регистрация» и включает в свой состав последний. Кроме того, в статье выявляются и раскрываются проблемы учета элементов предприятия с различным правовым режимом. Отдельно анализируется вопрос по учету исключительных прав на нематериальные объекты в составе предприятия. Выявлен пробел действующего законодательства в части учета прав на объекты интеллектуальной собственности и их передаче в составе предприятия как имущественного комплекса. Автором акцентируется внимание на противоречии действующего правового регулирования, не позволяющего осуществлять учет всех элементов в составе предприятия при

осуществлении его передачи. Выдвигается предложение, что реализация положений Концепции развития гражданского законодательства, в части ухода от признания предприятия в целом недвижимостью, позволит создать основу для оборота предприятия и развития правоприменительной практики в отношении предприятий как имущественных комплексов. При этом предлагается перенять опыт дореволюционного отечественного законодательства и предусмотреть иной порядок передачи предприятий с целью максимального учета состава элементов предприятия при его передаче, отчуждении в рамках имущественного оборота как единого целого.

Ключевые слова: предприятие, имущество, имущественный комплекс, недвижимость, исключительное право, регистрация

Введение. Положения статьи 132 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) не раскрывают порядок учета элементов в составе предприятия. В ней закреплены лишь формулировки, указывающие на отсутствие закрытого перечня элементов, которые могут формировать имущественный комплекс предприятия [1, С. 42].

Постановка задачи. Для рассмотрения вопроса учета элементов в составе предприятия, необходимо выяснить, что понималось под «имуществом» ранее, а также понимается в действующем законодательстве и доктрине. Необходимо определить объем понятий «учет», «регистрация» и их соотношение. Раскрытие терминов позволит обозначить правовые особенности учета различных объектов в составе предприятия и выявить возникающие в связи с этим вопросы, пробелы. Отдельного внимания заслуживают исключительные права на средства индивидуализации в составе предприятия, поскольку особенность учета таких объектов предопределяется их нематериальной природой.

Методика и методология исследования. В целях проведения настоящего исследования использована диалектическая методология, основанная на рассмотрении правовых явлений, норм в их развитии и взаимосвязи с иными явлениями.

При разработке настоящего исследования использованы такие конкретные методы, как: формально-юридический метод, историко-правовой, метод сравнения, анализа, а также метод правового моделирования.

Результаты. Термин «имущество» является междисциплинарным и также межотраслевым в юриспруденции. Вместе с этим он имеет фундаментальное значение, поскольку по поводу имущества, его оборота складывается основная масса общественных отношений, регулируемых нормами частного права.

В дореволюционной отечественной доктрине отсутствовало легальное определения указанного термина, что приводило к его различным трактовкам. По мнению Г.Ф. Шершеневича, имущество, с юридической точки зрения – это не только вещи, либо их совокупность, которые могут

принадлежать лицу на праве собственности или ином вещном праве, но и права на чужие действия, а также лежащие на лице обязательства [2, С. 95]. К.П. Победоносцев рассматривал имущество в качестве совокупности прав и обязанностей, которые могут принадлежать лицу по отношению к предметам, входящим в сферу его юридической личности, власти [3, С. 255]. Д.И. Мейер делал особый акцент на том, что помимо вещей в имущество входят и чужие действия [4, С. 138–139].

В действующем законодательстве также не закреплена легальная дефиниция «имущества», и данный термин трактуется весьма широко. В этой связи А.Н. Лысенко подчеркивает, что категория «имущество» не статична, а закрепление официальной дефиниции привело бы к необоснованному сужению данного понятия, поскольку в процессе развития общественных отношений «происходит все большее расширение смыслового насыщения этого термина» [5, С. 46–47]. Поэтому «имущество» в качестве родового понятия включает различный объектный состав: вещи, имущественные права, иное имущество.

Объединение элементов с различным правовым режимом в составе предприятия поднимает вопрос учета каждого при участии предприятия в имущественном обороте в качестве единого сложного объекта.

Отдельно в пункте 2 статьи 132 ГК РФ указывается, что исключительные права на коммерческое обозначение, товарный знак (знак обслуживания) и другие исключительные права могут являться элементами предприятия.

В целях дальнейшего анализа раскроем значение термина «учет». Согласно словарю С.И. Ожегова под учетом понимается установление наличия, количества чего-нибудь путем подсчетов [6, С. 1263].

Теперь обратимся к термину «регистрация». В том же словаре С.И. Ожегова регистрировать означает записывать, отмечать с целью учета, систематизации, придания законной силы [7, С. 1007].

Можно констатировать, что объем понятия «учет», представляющий подсчет, фиксацию чего-либо, гораздо шире термина «регистрация», поскольку может иметь различные формы, одной из которых является регистрация. В настоящее время действует регистрационный порядок признания предприятия в качестве единого объекта.

Признание существования предприятия в рамках имущественного оборота посредством регистрации, то есть закрепления в отношениях статики, и превалирование в правоприменительной практике понимания предприятия как недвижимого имущества, в состав которого обязательно должна входить недвижимость (например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.06.2015 № С01-439.2015 по делу № А56-22296/2014), привело к тому, что предприятие как имущественный комплекс фактически выбыло из имущественного оборота в качестве единого сложного объекта, то есть динамики правоотношений.

Такое положение не способствует уяснению, как и каким образом осуществляется учет элементов в составе предприятия с разным правовым режимом.

В части 5 статьи 8 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» указано, что в кадастр недвижимости вносятся сведения об объектах недвижимости или правах на них, которые входят в состав предприятия имущественного комплекса, наименовании, коммерческого обозначении предприятия при наличии.

В Порядке ведения ЕГРН, утвержденного приказом Росреестра от 07.12.2023 № П/0514 (далее – Порядок) указано, что в рамках дополнительных сведений в ЕГРН могут отражаться: наименование предприятия, основной вид его деятельности, либо коммерческое обозначение предприятия при его наличии, а также стоимость предприятия, реквизиты документов, удостоверяющих состав предприятия и его стоимость (акт инвентаризации, бухгалтерский баланс, заключение независимого аудитора о составе и стоимости предприятия) (п. 46 Порядка).

Поэтому в рамках записи в ЕГРН среди элементов предприятия подлежат отображению и учету вещные, обязательственные права на объекты недвижимого имущества и коммерческое обозначение. Причем Порядок, в отличие от судебной практики, прямо предусматривает, что в составе предприятия может отсутствовать недвижимость в качестве его элемента.

Остальные элементы, которые могут формировать имущественный комплекс предприятия, подлежат учету посредством их отражения в акте инвентаризации, бухгалтерском балансе либо заключении независимого аудитора о составе и стоимости предприятия (пп. 4 п. 46 Порядка).

В связи с этим возникает вопрос: каким образом подлежат учету, например, обязательственные права, которые не связаны с недвижимым имуществом в составе предприятия? Действующий Порядок не содержит нормы, которая бы позволяла дать на него однозначный ответ. Представляется, что такие права не всегда могут быть отражены в акте инвентаризации или бухгалтерском балансе. А вот в договорах об отчуждении, передаче предприятия как имущественного комплекса их можно отразить.

Рамочный подход в регулировании вопроса учета состава, элементов предприятия является преградой в вопросе оборота предприятия как имущественного комплекса. Более того, Порядок не регулирует вопрос о том, что передача отдельных элементов может быть предусмотрена прямо в договоре как еще одной форме учета состава предприятия.

Отдельно стоит остановиться на вопросе регулирования учета и передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации в составе предприятия.

В действующем законодательстве подтверждается возможность передачи прав на объекты интеллектуальной собственности, если иное не предусмотрено в нормах действующего законодательства. Например, прямые законодательные ограничения оборотоспособности имеются в отношении прав на фирменное наименование, поскольку оно индивидуализирует субъекта права (п. 2 ст. 1474 ГК РФ), и географическое указание, наименование места происхождения товара, поскольку исключительное право на каждый из объектов не подлежит обороту и может существовать только в статике (п. 6 ст. 1519 ГК РФ).

Права на объекты интеллектуальных прав могут передаваться как без регистрации передачи, так и путем обязательной регистрации. Например, обязательная регистрация перехода права или предоставления объекта в использование необходима в отношении товарных знаков (знаков обслуживания).

Регистрация предприятия, его перехода и регистрация распоряжения исключительным правом либо предоставление объекта интеллектуальных прав в использование имеют различный порядок, относятся к разным реестрам. Вследствие этого, переход права на предприятие не будет означать перехода исключительных прав на нематериальные объекты, подлежащие отдельной регистрации даже путем попытки их учета в актах инвентаризации. А значит, учет таких прав в настоящее время в рамках действующего правового регулирования регистрации предприятия не позволяет говорить об одномоментности («юридической секунде») перехода последнего в качестве единого объекта для целей имущественного оборота от одного субъекта к другому.

Получается, что действующее правовое регулирование не позволяет учесть и зафиксировать весь состав предприятия в моменте и передать его в качестве единого целого.

Представляется, что разрешить данное противоречие возможно, если реализовать ранее отраженные в Концепции развития гражданского законодательства идеи об отказе рассмотрения и регистрации предприятия в качестве недвижимости [8, С. 34–35] и обратиться к дореволюционным отечественным новеллам по передаче предприятия путем использования нотариальной формы сделки в целях фиксации (учета) элементов предприятия в рамках конкретной «юридической секунды».

Выводы. По результатам осуществленного анализа можно сделать следующие выводы:

1. «Имущество» – фундаментальная категория юриспруденции и, в отдельности, частного права, объем которой изменчив, включает элементы, каждый из которых характеризуется экономической ценностью, способностью участвовать в обороте в определенной форме, если не имеется соответствующих ограничений.

2. Под «учетом имущества» следует понимать способ подсчета, фиксации чего-либо. Он может включать различные формы, одной из которых является регистрация.

3. Действующим законодательством предусмотрен регистрационный порядок фиксации предприятия как объекта права, а также определения его состава. Однако правовое регулирование фиксирует только рамочные основы учета состава предприятия как имущественного комплекса и в отношении отдельных элементов: объектов недвижимости, вещных, обязательственных прав, связанных с недвижимостью и коммерческим обозначением. При этом разработка такой формы учета как договор для фиксации состава в отношении отдельных элементов предприятия отсутствует.

4. Поскольку предприятие по действующему законодательству в целом признается недвижимостью, а в отношении исключительных прав прямо запрещено ГК РФ даже по аналогии закона применять положения о вещных правах, то не представляется возможным в рамках передачи предприятия одномоментно (условно, в рамках «юридической секунды») осуществить передачу исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в связи с необходимостью их отдельной регистрации. Значит, отсутствует возможность учесть и зафиксировать весь состав предприятия в моменте и передать его в качестве единого целого.

5. С целью разрешения изложенного противоречия необходимо реализовать положения Концепции развития гражданского законодательства в части отказа рассмотрения предприятия в качестве недвижимости и установить нотариальную форму сделки по передаче предприятия с учетом всех его элементов, как ранее было урегулировано дореволюционным законодательством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеева Н.Ю., Черныховский И.А. Историко-правовой анализ предприятия (имущественного комплекса) в законодательстве России: от древности до современности // Гражданин и право. 2023. № 7.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1914–1915. Т.2.
3. Победоносцев К. Курс гражданского права. Ч. 2. СПб. 1896.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч.1. М., 1997.
5. Лысенко А.Н. Понятие и виды имущества в гражданском праве России: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – ФГАОУ ВО СамГУ, Самара. 2007.
6. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2019.
7. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2019.
8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009.

УДК 342.9

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

М.М. Чернякова, д-р экон. наук, доцент
Т.Ю. Морозова, старший преподаватель
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Исследование направлено на изучение стремительного внедрения цифровых технологий, искусственного интеллекта, и платформенных решений в деятельность современных органов власти, что опережает формирование целостного и системного правового регулирования. Это создает риски правовых пробелов, интегрирующих традиционные принципы законности, гласности, прозрачности и этичности применения технологий и цифровой трансформации.

Ключевые слова*:* искусственный интеллект, государственное управление, цифровизация, правовые риски, административное право, прозрачность, персональные данные, регулирование технологий

Введение. Современная российская экономика функционирует в условиях цифровой трансформации, что кардинально меняет процессы взаимодействия между государством и обществом, наиболее кардинальное проявление этой трансформации проявляется при цифровизации работы органов государственной власти и в частности при предоставлении государственных и муниципальных услуг [3**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Непосредственно цифровизация государственных и муниципальных услуг представляет собой процесс перевода в электронную форму всего жизненного цикла услуги: от информирования и подачи заявления до получения результата, с использованием цифровых технологий и платформ.

Постановка задачи. Цель статьи – провести анализ современного состояния цифровой трансформации государственного управления и сформулировать правовую оценку возникающих при этом вызовов и рисков.

Методика и методология исследования. Процесс цифровизации эволюционировал от простого размещения информации на сайтах ведомств (электронное правительство 1.0) к предоставлению услуг в электронном виде (электронное правительство 2.0) и движется в сторону концепции «государство как платформа», где органы государственной власти создают открытую цифровую среду. А качество и доступность цифровых сервисов становится новым критических фактором инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности территорий. Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ/ «Госуслуги») выполняет роль единой точки доступа и системообразующей платформы, обеспечивает

идентификацию и аутентификацию пользователей портала с помощью Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), а также агрегирует услуги всех уровней власти: федерального, регионально и муниципального уровней [2]. Системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) позволяет различным ведомствам обмениваться данными в электронном виде и ликвидирует необходимость для заявителей в предоставлении справок из других государственных органов.

При этом многофункциональные центры по предоставлению государственных и муниципальных услуг выполняю роль физических хабов в цифровой экосистеме, обеспечивая доступ для оказания консультационной поддержки и физического обслуживания заявителей. Классическое получение по заявительной (реактивной) модели в получении государственной или муниципальной услуги заключалось в том, что заявитель должен:

1. Самостоятельно узнать о существовании услуги, льготы, возможности получения пособия.

2. Собрать пакет документов, доказывающий его право на получение этой услуги.

3. Подать заявление с личным визитом в соответствующее государственное или муниципальное учреждение и с полным комплектом всех необходимых документов.

4. Ожидать решения.

Данная модель безусловно порождает высокие транзакционные издержки со стороны государства и со стороны заявителя. Для заявителя это выражается в затратах на время, силы, необходимость владения информацией, транспортными издержками. Для государства это затраты на прием, проверку документов, содержание сотрудников [1].

Результаты. Использование современной (проактивной) модели предоставления государственных и муниципальных услуг способствует появлению экономических эффектов, таких как сокращению расходов за счет высвобождения сотрудников от рутинной работы, связанной с приема и проверкой документов, а точное и адресное использование алгоритмов (правил автоматического принятия решений) сокращает количество потенциальных ошибок [4].

Кроме того, возникают и социальные эффект, который выражается в снижении административных барьеров, что особенно актуально для малообеспеченных категорий, пожилых людей, людей, имеющих ограничения по здоровью. Способствует повышению удовлетворенности граждан и росту доверия к государственным органам власти, а повсеместная цифровизация позволяет обеспечить равный доступ к получению услуг и мер поддержки (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнение моделей предоставления услуг

Критерий	Реактивная (заявительная) модель	Проактивная модель
Инициатор	Заявитель (гражданин)	Государство
Роль гражданина	Активная: поиск, сбор документов, подача заявления	Пассивная: получение уведомления и подтверждение
Основание	Подача заявления и документов	Наступление жизненного события (запись в реестре)
Длительность	Недели/месяцы	Мгновенно/часы
Риск ошибки	Высокий (человеческий фактор)	Низкий (алгоритм)

Современное государство применяет новую парадигму: услуга находит гражданина сама, когда государство на основе имеющихся данных заранее определяет право граждан на услугу и предоставляет ее автоматически, тем самым минимизирует участие человека (рис. 1). Алгоритм предоставления проактивной услуги представлен на рисунке 2.

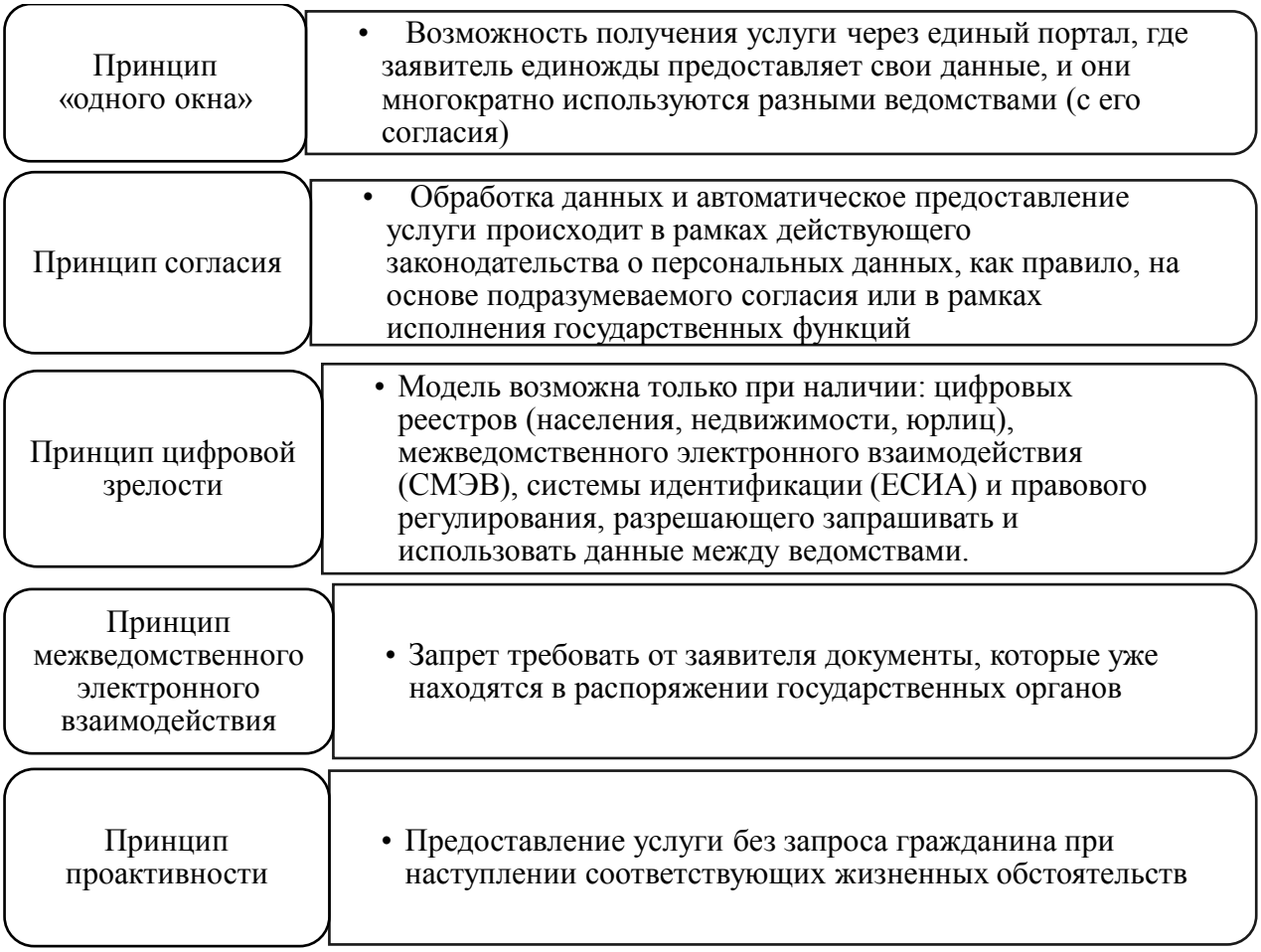

Рисунок 2 – Базовые принципы получения государственных услуг

Проактивное предоставление услуг представляет собой модель, при которой государственные и муниципальные услуги, а также меры государственной поддержки назначаются и предоставляются по инициативе соответствующего органа власти без подачи заявления и без предоставления документов (которые собираются с учетом межведомственного взаимодействия) подтверждающих право на получение услуги.

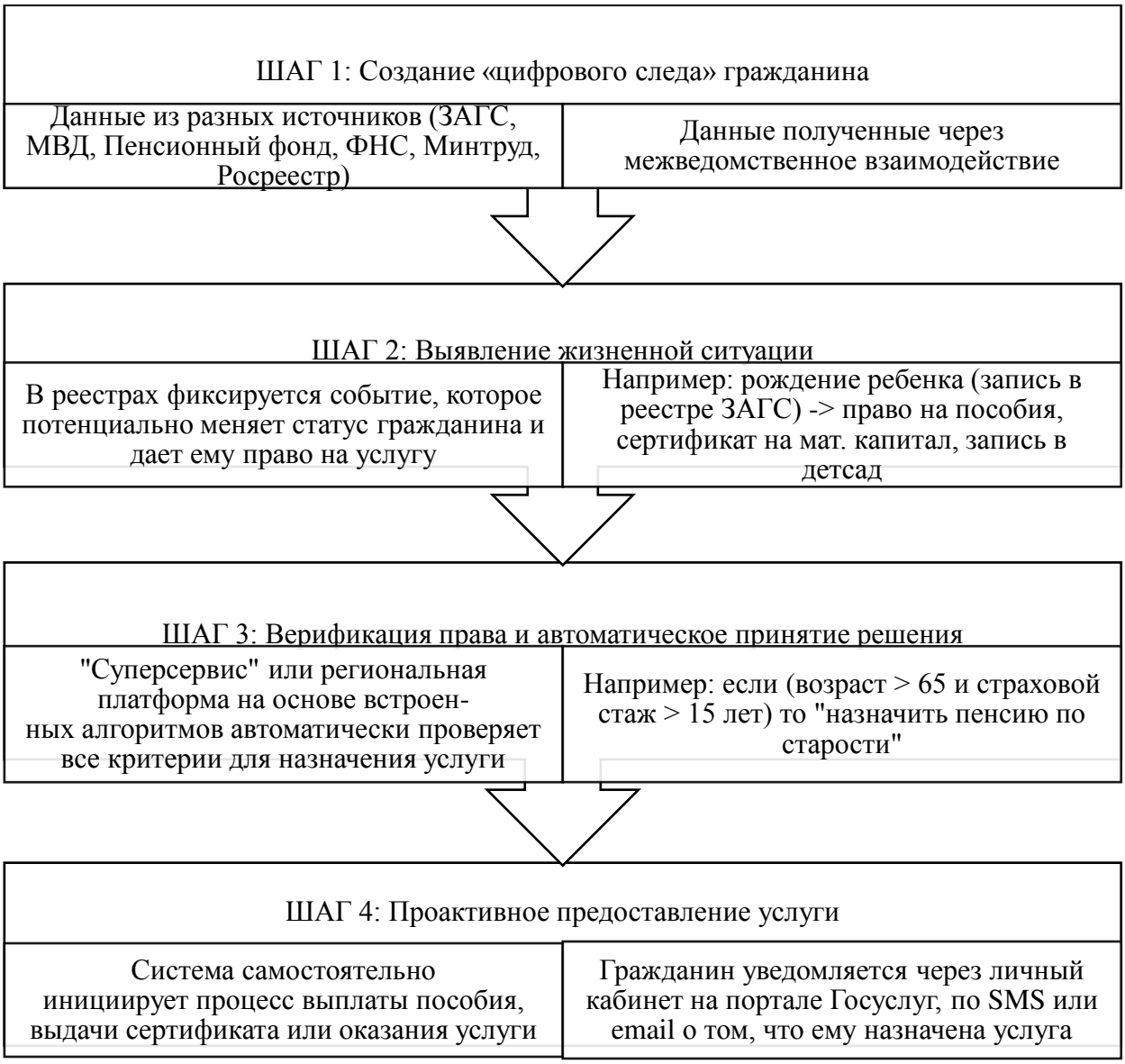

Рисунок 3 – Алгоритм предоставления проактивной услуги

Цифровизация государственных и муниципальных услуг это не только предоставление цифровых сервисов, это новые методы и инструменты государственного управления, основанные на данных и клиентоориентированы. Государство проходит трансформацию от пассивного регистратора и контролера до активного провайдера сервисов, который ориентирован на «предугадывание» потребностей своих «клиентов» – граждан [5]. Это позволило значительно повысить эффективность

использования государственных ресурсов и построить новые отношения между обществом и властью (табл. 2).

Таблица 2 – Особенности реализации проактивных сервисов

Как было	Как стало
1. Единое пособие для семей с детьми (входит в суперсервис «Рождение ребенка»)	
Родители собирали справки с работы, из соцзащиты, писали заявления на несколько разных пособий	После регистрации рождения ребенка в ЗАГСе (данные автоматически поступают в систему), ПФР и УСС проверяют право семьи на пособие на основе данных о доходе из ФНС. Пособие назначается автоматически, деньги приходят на счет. Гражданин не подает никаких заявлений.
2. Назначение пенсии по старости	
Гражданин за несколько месяцев до дня рождения собирал справку о стаже с работы, писал заявление в ПФР	За 3 месяца до наступления пенсионного возраста ПФР сам присылает уведомление на Госуслуги с проектом будущей пенсии. Гражданину остается только подтвердить согласие одним кликом. Вся информация о стаже и накоплениях уже есть в системе
3. Суперсервис «Потеря работы»	
Человек после увольнения должен был лично прийти в центр занятости, принести трудовую книжку и справку о зарплате	После увольнения данные поступают из реестра ФНС/ПФР. Если человек встал на учет на Госуслугах как ищущий работу, пособие по безработице назначается автоматически

Дальнейшее использование цифровой трансформации лежит в поле прогнозирования сложных событий для граждан и предлагать соответствующие комплексные меры [6; 7].

Несмотря на положительные эффекты процесс цифровизации сталкивается с рядом серьезных вывозов и рисков:

– Цифровое неравенство регионов, особенно заметен разрыв между крупными городами и удаленными сельскими территориями по качеству интернет-инфраструктуры и цифровой грамотности населения.

– Цифровая испорченность отдельных социальных групп, такие как пожилые люди, малообеспеченные и маломобильные граждане, могу оказать в стороне от цифровых сервисов.

– Наличие бюрократических барьеров в соответствии с действующим регламентом предоставления государственной (муниципальной) услуги.

– Модель работает только при условии наличия полных и актуальных данных на цифровых реестрах, а ошибка в реестре ведет к ошибке предоставления услуги.

– Защита персональных данных и кибербезопасность, риски утечки информации, требуются высокие уровни защиты.

– Высокие первоначальные затраты на разработку программного обеспечения, цифровизацию инфраструктуры.

При этом, стоит выделить и перспективы развития от просто цифровизации услуг в «умному» региону: внедрении искусственного интеллекта (ИИ) через использование чат-ботов, автоматическая передача данных с датчиков для предоставления услуг и т.п. Цифровые услуги становятся неотъемлемой частью комплексной системы управления городской и региональной среды [8]. Уровень развития цифровых сервисов уже становится новым компонентом региональной конкуренции наряду с традиционными факторами, такие как налоги, ресурсы региона, инфраструктура), а экономический эффект проявляется в снижении затраты для бизнеса и населения [9].

Выводы. Главным вызовом пока остается не технология, а риски преодоления цифрового разрыва и обеспечение инклюзивности цифровой трансформации, поэтому успешная цифровизация включает в себя развитие инфраструктуры, измерение регулирования, трансформацию управленческих процессов. Таким образом цифровизация в государственном и муниципальном управлении это не просто установка новой компьютерной программы, это смена управленческой парадигмы, а государство постепенно трансформируется в гибкую платформу. Для регионов появляется шанс найти свою уникальную точку роста на основе данных и анализа специфических возможностей и потенциальных ограничений. Современная правовая система стоит перед выбором: либо она вынуждена постоянно «догонять» технологическую практику, либо совершит опережающий скачек, сформировав модель «цифровое государство», где технологический прогресс будет связан с правовыми гарантиями, интимностью и публичным доверием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203).
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
6. Липчанская М.А., Чаннов С.Е. Правовое обеспечение цифровой трансформации местного самоуправления в российской федерации: проблемы и перспективы / М.А. Липчанская, С.Е. Чаннов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. №2 (64).

7. Черняков М.К., Чернякова М.М., Останин М.К. Новосибирская область в условиях цифровой трансформации / Черняков М.К., Чернякова М.М., Останин М.К. // В сборнике: Пространственное развитие территорий. Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. Белгород, 2025. С. 135–140.
8. Чернякова М.М., Черняков В.М. Совершенствование государственной поддержки инвестиций в цифровизацию АПК Новосибирской области / Чернякова М.М., Черняков В.М. // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2025. № 3 (112). С. 34–42.
9. Чернякова М.М., Евстратов А.Д. Управление инновациями и технологиями как фактор развития цифровых экосистем / Чернякова М.М., Евстратов А.Д. // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. № 6. С. 243–248.

УДК 947

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ

Н.Р. Шевко, канд. экон. наук, доцент
Казанский национальный исследовательский технологий университет
Д.Р. Гамидзаде, преподаватель
Российский университет кооперации (Казанский кооперативный институт)
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются нормативные правовые акты молодой советский республики в период восстановления после гражданской войны, революционного свержения самодержавия, возрождения государственности, перехода власти к рабочим и крестьянам, не имеющим опыта хозяйствования и управления.

Ключевые слова: декрет, натуральный налог, продразверстка, продналог, налогообложение.

Введение. Основной задачей российского государства в постреволюционный период возрождения после последствий гражданской войны и военного коммунизма было восстановление экономики и социальная поддержка населения, что нашло отражение в законодательной базе молодой советской страны.

Постановка задачи. В целях более глубокого изучения истории становления российской государственности, положения населения в переходный период от свержения самодержавия к самостоятельному управлению пролетариатом огромной по территории и масштабам страны необходимо изучить правовую основу - нормативно-правовые акты, регламентирующие налоговую политику России периода НЭПа.

Методика и методология исследования. В исследовании применены историко-системный метод посредством изучения налоговой политики российского государства через призму нормативных правовых актов того времени, с применением ретроспективного метода.

Результаты. Необходимо отметить, что введение принудительного изъятия продуктов у крестьянства в целях срочной поставки для нужд Красной Армии и бесхлебных районов России Декретом Совета народных комиссаров РСФСР 1919 года о продразверстке существенно ударило по крестьянским хозяйствам и ослабило веру сельского населения в новую власть [1]. Поэтому принятие в начале 1921 года Декрета СНК РСФСР «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» было воспринято народом с большой радостью и надеждами на снижение нагрузки на сельское население. Помимо замены изъятия продуктов новый продналог еще и существенно (почти в 2 раза) снизил размер: например, налог на шерсть был определен в «650000 пуд. взамен прежней нормы в 1274600 пуд.» [2], в виду тяжелого хозяйственного положения крестьянства снизили продналог на 1921–1922 г.г. с 423 млн пудов до 240 млн пудов зерновых, с 60 млн пудов картофеля вместо 112 млн пудов, масличные семена – 12 млн пудов взамен 24 млн, яйца – 100 млн штук взамен 682,7 млн и т.д.

Натуральный налог возлагался на каждого отдельного хозяина и исчислялся в виде процентов или долевого отчисления с учетом всех нюансов, а именно:

- расположения территории (по губерниям), принимая во внимание плодородность земель, возможности развития сельскохозяйственных культур и климатических условий;
- произведенных в хозяйстве продуктов (в том числе учета урожая);
- наличия скота в хозяйстве;
- количества едоков.

При этом вновь введенный налог стал прогрессивным. Так, пониженная ставка налога применялась к хозяйствам середняков и маломощных хозяев, а также для хозяйств городского населения.

Натуральный налог на молочные продукты исчислялся с учетом территории и числа голов крупного рогатого скота, а именно – поголовья коров. Так, однокоровные хозяйства освобождались от выполнения налога на 1/3 части налога на каждого ребенка до 5 лет. Ставки налога с каждой коровы зависели от их количества в хозяйстве и в основном росли от однокоровного до трехкоровного хозяйства на 1 фунт в переводе на томленое масло, с 4-х и больше коровном хозяйстве показатели не изменялись.

Хозяйства беднейших крестьян освобождались от части либо от всех налогов. Крестьяне, увеличивающие производительность хозяйства, так называемые «старательные хозяева», получали льготы по выполнению натурального налога. Излишки разрешалось оставлять в полном распоряжении у себя, обменивать на другие продукты либо сдавать государству в обмен «на предметы широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря».

Однако замена продразверстки продналогом и снижение ставки повлекло за собой снижение фонда помощи красноармейским и маломощным хозяйствам. Однако власть Советов не могла их оставить, бросив на произвол судьбы, обрекая на гибель. Поэтому следующим Декретом «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев» 1921 года были образованы крестьянские Комитеты Общественной Взаимопомощи, которые наделялись полномочиями оказания всесторонней помощи гражданам, «впавшим в нужду». Во избежание бюрократизма, недопущению «трудового дезертирства», тунеядства, симуляции фиктивной нетрудоспособности и приближения соцзащиты к массам эта работа возлагалась на самих рабочих и служащих Комиссии по Охране Труда. Данный фонд пополнялся за счет конфискуемого по суду имущества и продуктов питания, бесхозяинного имущества, а также процентного отчисления из натурального налога. При этом отменялись «всякого рода внеплановые и индивидуальные выдачи» помощи нуждающимся [3].

Таким образом, замена продразверстки продналогом стало первым шагом к восстановлению доверия широких народных масс к власти и недопущению роста недовольства крестьянства новым укладом жизни.

Кроме того, в целях поддержания малоимущих слоев населения власть Советов вводила льготные условия налогообложения для отдельных категорий граждан.

Так, Декретом от 10.04.1919 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет прекратил дальнейшее взыскание Чрезвычайного налога с лиц, имеющих задолженности по его уплате. Чрезвычайный налог был введен Декретом от 30.10.1918 г. и достигал в зависимости от территории проживания (губернии) суммы от нескольких десятков рублей до 3000 рублей. При этом причина неуплаты налога в добровольном порядке отнесена к недостаткам работы местных раскладочных комиссий, которые ошибочно отнесли «неплательщиков к средним крестьянам, а не к бедноте». Необходимо отметить, что бедняки освобождались от уплаты Чрезвычайного налога, а богатые облагались повышенными ставками налога и при неуплате «должны предаваться революционному суду и подвергаться суровым карам» [4].

В преддверии подготовки весеннего сева 1919 года часть средних крестьян, не уплативших натуральный налог, Декретом от 26.04.1919 года освобождены от налога с урожая 1918 года. Плательщики, не освобожденные от уплаты налога и не уплатившие его, подвергаются взысканию налога в двойном размере, а в случае «явного упорного уклонения предаются народному суду» [5]. Таким образом, налоговая политика государства носила классовый характер и представляла собой больше конфискацию имущества и накоплений с целью восстановления классовой справедливости.

Экономические реформы, проводимые правительством молодого советского государства, ввели к концу 2018 года запрет частной торговли. Это привело к появлению латентности в сфере налогообложения [6]. Проблемы с пополнением казны за счет налоговых поступлений привело и к соответствующим проблемам функционирования денежной системы, а дефицит бюджета восполнялся за счет эмиссии, что способствовало росту рублевой инфляции. Нововведения в сфере налоговой политики были направлены на уничтожение накопленных гражданами сбережений и носили классовый характер [7]. В этот период полностью была упразднена система акцизов, объединены некоторые виды налогов с физических лиц, а часть из них отменены. Государственный бюджет советского государства формировался в основном за счет прямых изъятий валового национального продукта.

К сожалению, налоговая реформа не позволила восполнить бюджет молодого государства ввиду нестабильности валютного курса рубля в период военного коммунизма, разрухой, тяготами гражданской войны, а также нищенского положения большинства населения.

Выводы. Таким образом, в постреволюционный период рабоче-крестьянская власть вынуждена была искать выход из сложившейся сложной ситуации. В этот период наблюдается частая смена правовых актов, изменения в акцентах молодой советской республики во внутренней политике ввиду поиска создания более выгодных условий для восстановления и дальнейшего развития страны. Теоретическое значение данного исследования заключается в том, что его результаты способствуют развитию научного знания, уточняя существующие взгляды на историю России периода НЭПа, а также способствуют извлечению уроков из последствий введения новых норм, а также возможности оперативного реагирования на негативные результаты нововведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шайдуллин Р.В. Крестьянство Татарстана: экономический и общественно-политический аспекты (1920–1929 гг.). Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2004. 248 с.
2. Декрет СНК РСФСР «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21.03.1921 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – Режим доступа https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_934.htm.
3. Декрет СНК РСФСР "О прекращении незаконных выдач" от 16.05.1921 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – Режим доступа https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_934.htm.
4. Декрет ВЦИК "О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного Чрезвычайного Революционного Налога" от 10.04.1919 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – Режим доступа https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_934.htm.
5. Декрет ВЦИК "О льготах по взысканию натурального налога" от 26.04.1919 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – Режим доступа https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_934.htm.

6. Кайнов В.И. Налоговое законодательство России в первые годы советской власти (историко-правовой аспект) // Вестник экономической безопасности. 2021. №2. – Режим доступа URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovoe-zakonodatelstvo-rossii-v-pervye-gody-sovetskoy-vlasti-istoriko-pravovoy-aspekt.
7. Яшин С.А. Историко-экономические аспекты развития налоговой системы в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 5. – С. 101–106.

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРБУЛЛИНГУ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

Ю.В. Шилов, канд. юрид. наук, доцент
Пермский институт федеральной службы исполнения наказаний
г. Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные теоретико-правовые и социальные аспекты, связанные с современным пониманием необходимости адекватного административно-правового регулирования в вопросах защиты нравственных ценностей и норм морали. В рамках обращения внимания на проблему кибербуллинга, автором обозначаются отдельные нормативные регуляторы в обозначенной сфере, предлагается скорректировать некоторые аспекты привлечения к ответственности, расширив субъектный состав.

Ключевые слова: кибербуллинг, мораль, оскорбление, травля, административная ответственность.

Введение. Системная корректировка традиционных форм общения между людьми в современном обществе, вытекающая из активного внедрения в эти социальные процессы новых технологий, сегодня характеризуется не только с точки зрения огромного количества позитивных моментов, но с учетом рисков злоупотребления такими вариантами передачи информации со стороны лиц, использующих такую возможность для достижения тех или иных неблаговидных целей. Таким образом социальные сети в нашем мире играют как положительную роль, например, упрощая коммуникации, так и отрицательную роль, создавая возможности злоупотреблять правом на вторжение в чужую жизнь.

Согласимся, что в современных реалиях имеет смысл говорить не только о личной физической безопасности лица, но и о личной информационной безопасности, играющей не менее значимую роль [1, С. 107].

Одной из существенных проблем в настоящее время является распространение ложных сведений и слухов относительно определенного лица, оскорбительные высказывания в его адрес или иные варианты травли

человека, направленные на унижение его достоинства, введение его в угнетенное состояние или воздействие на его психическое здоровье.

Речь идет о получившем широкое распространение в цифровом пространстве кибербуллинге, как особой форме вторжения в личную сферу жизнедеятельности человека со стороны недоброжелателей посредством использования соответствующих мессенджеров, через которые вброс негативного контента на целевую аудиторию крайне легок в реализации и достаточно доступен.

Вместе с тем, большинство исследователей рассматриваемой проблематики обращают свое внимание на уголовно-правовую характеристику и виктимологические проблемы кибербуллинга и иные преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, вследствие чего не нашли своего должного изучения вопросы административно-правового регулирования указанных социальных явлений.

Постановка задачи. Целью исследования является проведение критического анализа в вопросах административно-правового противодействия кибербуллингу. Кроме того, обращение внимание на необходимость сосредоточения усилий общества по поддержанию традиционной морально-нравственной основы взаимоотношений между людьми и общечеловеческих ценностей. Посредством анализа деструктивного влияния кибербуллинга на психологическое состояние жертв и его серьезные последствия, автором предложено скорректировать предусмотренный законодательством субъектный состав правонарушения, распространив санкции на лиц, непосредственно отвечающих за воспитание несовершеннолетних, причастных к подобным деяниям.

Методика и методология исследования. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы наблюдения, описания, системности, логический и сравнительно-правовой метод. Методы исследования включали также общетеоретические методы – анализ, синтез, дедукция, аналогия, конкретизация.

Результаты. Как отмечается, кибербуллинг представляет собой определенную цель, которая носит характер запугивания и унижения жертвы через сеть Интернет [2, С. 55].

Особую популярность кибербуллинг сегодня приобрел среди подростков, среди которых он занимает достаточно высокий уровень психологического воздействия на потенциальную жертву, поскольку именно несовершеннолетние максимально подвержены такого рода унижению собственного достоинства и максимально уязвимы с точки зрения своей незрелости и неспособности противостоять агрессивному поведению.

Такое злонамеренное взаимодействие между подростками в информационное поле и киберпространстве в самых «запущенных» случаях

способно нанести жертве серьезную психологическую травму, сформировать негативные стереотипы его дальнейшего поведения, включая совершение противоправных действий в отношении своих обидчиков, или, наоборот, стать мотиватором суицидальных мыслей.

Частая латентность подобных действий становится одной из причин ухода злоумышленников от ответственности и позволяет, используя подобные варианты психологического воздействия, нанести существенный вред репутационной составляющей молодого человека, исключив тем самым его из круга общения со сверстниками.

Вот почему проблема профилактики и защиты от кибербуллинга требует пристального внимания со стороны общества, образовательных учреждений и семьи [3, С. 110].

Последствия жесткого, систематического и агрессивного воздействия на неокрепшую психику подростка достаточно сложно предугадать. Вместе с тем, они могут вылиться в кардинальный пересмотр его жизненных ориентиров, замкнутость или проявление тех или иных способов противостояния подобной ситуации. Не случайно исследователи отмечают, что тяжесть исхода для жертвы зависит от одной переменной - субъективной травматичности происходящего [4, С. 49].

Специалистами под кибербуллингом признаются преднамеренные агрессивные действия, осуществляемые систематически группой лиц или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия (социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры и т.д.) и направленные против жертвы, которая не может себя защитить [5, С. 90].

В настоящее время основные усилия заинтересованных лиц сосредоточены на профилактике такой ситуации через воспитательно-педагогическое воздействие, информационно-разъяснительную работу, мониторинг социальных сетей со стороны родительского сообщества, работу с психологами и иные варианты «мягкой силы», направленной на придание особой значимости вопросам этики, морали, нравственности.

Согласимся, что категория «общественная нравственность» является сегодня важнейшим компонентом «общественного здоровья», как части комплексного явления, включающего не только физическое здоровье, но и социальное благополучие, духовно-нравственное состояние общества, безопасность личности [6, С. 7].

Постепенное размывание нравственных границ дозволенного поведения все чаще приводит к тому, что в современной подростковой среде формируется стереотипы, согласно которым демонстрация своего негативного отношения к одному из сверстников, считается вполне нормальным явлением, поскольку именно общение в информационно-коммуникационной среде фактически заменяет традиционные формы взаимодействия, а также позволяет вовлечь в информационную среду других пользователей.

Как представляется, кибербуллинг является ярким примером того, как нарушения норм морали фактически перерастают в совершение противоправных деяний, в рамках противодействия которым следует прибегать к институту юридической ответственности, позволяющему обеспечить не только возмездие и социальную справедливость, но и профилактировать подобные деяния. С одной стороны, вседозволенность, пренебрежительное отношение к другому человеку и демонстративная жестокость, а с другой стороны, игнорирование обществом подобного поведения способны впоследствии закрепить крайне опасные и более изощренные модели психологического манипулирования сознанием. Особую опасность кибербуллинг таит применительно к людям, способным в отчаянии прибегнуть к насилию в отношении своих обидчиков и всего человечества в целом, привести оскорбленного человека к совершению преступления.

В настоящее время усилия общества по противодействию распространению деструктивной идеологии и иных вредных моделей поведения в киберпространстве предполагают активное использование института административного принуждения, способного если не искоренить, то хотя бы значительно сократить количество противоправных деяний, ориентированных на выход за рамки допустимого в социуме нравственных моделей поведения.

Согласимся, что при установлении административной ответственности законодатель сигнализирует обществу о том, что, то или иное поведение отныне признается нежелательным и наказуемым [7, С. 110].

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусмотрены некоторые составы правонарушений, в рамках которых, государство последовательно стремится к ограждению проникновения в нашу действительность вредной и чуждой идеологии, пытается обезопасить граждан, а особенно молодежь, от его деструктивного информационного воздействия.

Так, статьей 5.61 КоАП РФ предусматривается административная ответственность за оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Само по себе оскорбление представляет собой употребление человеком неприличных, бранных, непристойных слов и фразеологизмов, которые не соответствуют тем нормам, которые составляют основу нормального человеческого общения. Так, выражения, содержащие упоминания, например, рода деятельности, относящейся к социально осуждаемому поведению, вызывающие отвращения или постыдные действия, явно относятся к оскорбительным, а, следовательно, выходят за рамки общественных приличий.

Часть 2 указанной статьи предусматривает ответственность за совершение подобных действий публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Таким образом, любое высказывание, содержащее негативный подтекст, нецензурные выражения или иной вариант прямого умысла на оскорбление человека может рассматриваться как административное правонарушение, целью которого выступает причинение морального страдания конкретному лицу (группе лиц), унижение его чести и достоинства.

Еще одним из важнейших государственных векторов, ориентирующих общество на движение в сторону основополагающих духовно-идеологических категорий и представлений о традиционной морали, следует признать появление в федеральном законодательстве ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ. Согласно данной нормы противоправными признаются распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность. Очевидно, что такое поведение, в том числе, выражает явное неуважение к обществу, поскольку содержит изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяется из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

Одной из причин появления данной нормы стало массовое распространение в информационном пространстве «треш-стримов», целевую аудиторию которых в основном составляет молодежно-подростковая группа населения или маргинальные личности. Сам по себе подобный контент справедливо вызывает отторжение в обществе, свидетельствует о деградации моральной основы и разложении личности пользователя, провоцирует человека на низменные поступки и размывает границы правомерного поведения.

Таким образом, административно-деликтная политика государства должна быть сфокусирована, как на возможных потенциальных опасностях, которые скрываются за пренебрежением со стороны молодежи духовно-нравственными ориентирами, так и за своевременным реагированием на противодействие появляющимся способам расшатывания общества через вредоносный информационный контент.

Очевидно, что одним из наиболее действенных способов противостоять этим негативным явлениям выступает институт административной ответственности. В этой связи следует обратить внимание на необходимость активного включения в обозначенную проблематику родительского сообщества, законных представителей несовершеннолетних и иных лиц, от своевременного и адекватного участия которых напрямую зависит острота той или иной ситуации, способность избежать возможных трагических последствий.

Таким образом, учитывая тот факт, что подростки в основной своей массе не являются субъектами административной ответственности за факты кибербуллинга, следует предусмотреть возможность привлечения к ответственности указанную категорию субъектов, закрепив право их наказания за допущение фактов распространения оскорбительной информации их подопечными и иные варианты интернет-травли.

В этой связи подчеркнем, что ключевыми в деле реализации административного принуждения являются проблемы строгости (жесткости), чрезмерности административного воздействия, а также ограничения прав того субъекта, в отношении которого данное воздействие осуществляется [8, С. 35].

Выводы. Вторжение в нашу действительность информационных технологий заставляет общество выстраивать действенный механизм защиты от ставших обыденными и не известных ранее способов противодействовать деструктивным возможностям виртуальной среды. Появление новых вариантов оказания давления на социум, отдельных его представителей, в том числе посредством распространения порочащей человека информации, требует не только воспитательно-педагогического воздействия, но и поиска адекватного юридического сопровождения происходящих процессов. При этом в большинстве случаев представляется необходимым задействовать арсенал всех возможных правовых средств, включая имеющиеся меры административно-принудительного характера.

Еще раз подчеркнем, что активное влияние размещаемой в сети Интернет информации на личность, общество и государство не всегда конструктивно и приводит к необходимости введения механизмов правового регулирования [9, С. 34].

Сегодня, с учетом нарастающего влияния киберпространства, следует обратить внимание на корректировку санкций за подобное поведение в социальных сетях, а также сконструировать специальные нормы, позволяющие значительно упростить возможность привлечения к административной ответственности всех субъектов, причастных к фактам преследования в виртуальной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Завьялова Д.В. Кибербуллинг как угроза личной информационной безопасности в современном мире: правовой аспект // Закон. 2023. № 3. С. 107–113.
2. Зорина Н.С. Кибербуллинг среди подростков: понятие, виды и профилактика // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 54–55.
3. Крахмалев Д.В. Профилактика кибербуллинга и меры защиты // Современное право. 2025. № 6. С. 110–112.
4. Жмуров Д.В. Жертвы кибербуллинга: состояние проблемы // Российский следователь. 2023. № 1. С. 45–50.
5. Газизьянов Т.А. Психология кибербуллинга. Виды и причины кибербуллинга // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 89–92.

6. Комарова В.В. «Общественное здоровье» в теоретико-правовом аспекте // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 7–19.
7. Зырянов С.М. Проблемы конструирования составов административных правонарушений в статьях Особенной части КоАП РФ // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 105–126.
8. Куракин А.В., Косенкова Н.Г., Красненкова Е.В., Тульская Е.А. Еще раз об административном принуждении и его функциях // Современное право. 2024. № 11. С. 34–41.
9. Большаков Л.М. Кибербуллинг как основание ограничения свободы слова в сети Интернет // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 33–36.

УДК 347.73/336.74

ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Д.И. Яковлев, канд. юрид. наук, доцент
А.Э. Бегиев, С.Н. Кузин, студенты
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правовой природы цифрового рубля как новой формы национальной валюты Российской Федерации. На основе исследования новелл гражданского и финансового законодательства, введенных в 2023–2024 годах, рассматриваются ключевые юридические вызовы и риски, связанные с интеграцией цифрового рубля в правовую систему. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам определения правового статуса цифровой валюты Центрального банка, проблемам обеспечения информационной безопасности, рискам дезинтермедиации банковского сектора, а также перспективам использования цифрового рубля как инструмента бюджетного контроля и антикоррупционной политики. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования нормативной базы для минимизации правовых коллизий и защиты прав участников оборота.

Ключевые слова: цифровой рубль, финансовое право, Центральный банк РФ, денежное обращение, правовая природа денег, цифровая экономика, бюджетный контроль, дезинтермедиация, информационная безопасность.

Введение. Стремительная цифровизация экономических отношений и развитие финансовых технологий ставят перед российским законодателем фундаментальные задачи по адаптации нормативно-правовой базы к новым реалиям. Одним из наиболее значимых событий последних лет в сфере финансового права стало законодательное закрепление и начало внедрения цифрового рубля – третьей формы национальной валюты. Это событие знаменует собой не просто технологическую модернизацию платежной

инфраструктуры, но и глубокую трансформацию всей системы денежного обращения, порождающую множество правовых вызовов и теоретических дискуссий. Внедрение цифровой валюты центрального банка (далее – ЦВЦБ) – это глобальный тренд, однако российская модель, закрепленная пакетом федеральных законов летом 2023 г., обладает уникальной спецификой, требующей детального научно-правового осмысления. Актуальность исследования обусловлена тем, что правовой режим цифрового рубля находится в стадии становления, и многие вопросы, касающиеся защиты прав пользователей, распределения ответственности и интеграции нового инструмента в гражданский оборот, остаются открытыми.

Постановка задачи. Целью данного исследования является комплексный анализ правовой природы цифрового рубля как новой формы национальной валюты Российской Федерации, а также выявление ключевых юридических вызовов и рисков, связанных с его интеграцией в существующую правовую систему.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. определение правового статуса цифровой валюты Центрального банка в контексте новелл гражданского законодательства;
2. анализ рисков дезинтермедиации банковского сектора и правовых механизмов их минимизации;
3. исследование проблем обеспечения информационной безопасности и распределения ответственности между участниками платформы;
4. оценка перспектив использования цифрового рубля как инструмента бюджетного контроля и антикоррупционной политики.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы: формально-юридический и сравнительно-правовой. В работе проведен доктринальный анализ положений Федерального закона № 340-ФЗ [1], изменений в Гражданский кодекс РФ (Закон № 339-ФЗ [2]) и Положения Банка России № 820-П [5]. Исследование базируется на теоретических разработках современных правоведов и экономистов (А. В. Осокин, С. П. Горячих, А. Б. Иванюженко и др.), что позволило выявить коллизии между экономическим содержанием и закрепленной правовой формой нового финансового инструмента.

Результаты. Центральным дискуссионным вопросом в современной юридической доктрине является определение правовой природы цифрового рубля. С принятием Федерального закона № 340-ФЗ [1] и внесением изменений в Гражданский кодекс РФ (Закон № 339-ФЗ [2]) законодатель закрепил цифровые рубли в статье 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав, относящегося к безналичным денежным средствам. Однако А.В. Осокин отмечает двойственный характер ЦВЦБ: как

обязательство Банка России он схож с безналичными деньгами, а наличие уникального кода сближает его с наличными. Российская гибридная модель уникальна: формально являясь безналичным средством, цифровой рубль организован способом, приближенным к токенизированной модели [3, С. 16, 18].

Специфика конструкции в том, что она сочетает признаки обязательственного права требования и вещного права на цифровой код. Российская модель является компромиссной между учетной (account-based) и токенизированной (token-based) моделями. Формально-юридически цифровой рубль урегулирован как безналичные денежные средства, права на которые фиксируются на счетах, открытых оператором платформы. При этом важно отличать цифровой рубль от цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют: если ЦФА – это инвестиционный инструмент, обеспеченный частным лицом, то цифровой рубль – это законное средство платежа, эмитируемое государством в лице Банка России [4, С. 185]. Важно отметить, что цифровой код цифрового рубля, хранящийся в электронном кошельке, позволяет индивидуализировать денежную единицу, что невозможно для классических безналичных средств, обезличенных на корреспондентских счетах банков.

Внедрение цифрового рубля создает существенные вызовы для существующей двухуровневой банковской системы. Традиционная модель предполагает, что Центральный банк взаимодействует с коммерческими банками, а те, в свою очередь, – с клиентами. Согласно Положению № 820-П [5], счета открываются на платформе ЦБ, а банки выступают лишь посредниками. Как указывают в своем исследовании С.П. Горячих и соавторы, изменение роли банков может привести к трансформации способов учета и обращения средств, требуя адаптации всей финансовой системы [6, С. 729].

Более глубокий анализ этой проблемы представлен в работе А.Б. Иванюженко, который отмечает риск снижения ликвидности банковского сектора. Поскольку цифровые рубли являются обязательствами Банка России, а не коммерческого банка, средства клиентов, переведенные в цифровую форму, фактически изымаются из оборота коммерческих банков, что лишает их базы фондирования [7, С. 27]. Это может привести к удорожанию кредитов и необходимости пересмотра бизнесмоделей банков. А.А. Середа конкретизирует этот тезис, отмечая, что внедрение новой цифровой валюты может привести к оттоку ликвидности из коммерческих банков на кошельки в ЦБ РФ, что изменит баланс ликвидности банковского сектора и может повлиять на трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики [8, С. 447]. Правовой вызов здесь заключается в необходимости пересмотра регуляторных требований к кредитным организациям, чья роль сводится к функции финансового агента без права использования средств клиентов, размещенных в цифровых рублях, для

кредитования. В связи с этим возникает вопрос о компенсаторных механизмах для банков, которые вынуждены нести расходы на создание инфраструктуры доступа к платформе ЦБ РФ, теряя при этом часть комиссионных доходов и пассивов.

С правовой точки зрения крайне важно проанализировать изменения в режиме банковского счета. Статья 30.8 Федерального закона «О национальной платежной системе» [9] устанавливает специфический режим счета цифрового рубля. В отличие от классического банковского вклада или счета, на остаток цифровых рублей не начисляются проценты, что подчеркивает их функцию исключительно как средства платежа, а не сбережения. Это положение находит подтверждение в работах М.М. Умербаевой, которая указывает, что такая модель делает цифровой рубль независимым от комиссий коммерческих банков, что выгодно для бизнеса, но лишает граждан привычного пассивного дохода [10, С. 128]. Законодатель, вводя запрет на начисление процентов и кредитование счетов цифрового рубля, четко разграничивает сферы: цифровой рубль – для транзакций и контроля, традиционный безналичный счет – для накопления и кредитования.

Однако, как отмечает Р. В. Кобелев, несмотря на декларацию о том, что цифровой рубль – это третья форма денег, законодатель в ст. 861 ГК РФ [11] относит расчеты цифровыми рублями к безналичным расчетам, что создает определенную терминологическую коллизию между экономическим содержанием и правовой формой [12, С. 124]. Эта коллизия имеет практическое значение: если цифровой рубль – это безналичные средства, то на него должны распространяться общие правила о безналичных расчетах, однако специфика платформы ЦБ РФ диктует иные правила (например, отсутствие банковской тайны перед оператором платформы).

Одной из наиболее острых проблем, обсуждаемых в юридической литературе, является вопрос информационной безопасности и защиты прав пользователей. Цифровизация финансовых потоков неизбежно влечет за собой риски киберпреступлений. З.А. Зумакулова подчеркивает риски кибератак из-за концентрации данных на одной платформе [13, С. 22]. В случае хищения цифровых рублей возникают сложные вопросы доказывания и восстановления прав. Поскольку оператором платформы является Банк России, именно он несет ответственность за сохранность средств и корректность учета прав. Однако пользователь взаимодействует с платформой через приложение коммерческого банка. В случае несанкционированного списания средств возникает проблема разграничения ответственности между Банком России (оператором платформы) и банкомпосредником (участником платформы). Законодательство должно четко регламентировать механизм распределения рисков, чтобы пользователь не оказался в ситуации «правового вакуума», когда каждый из субъектов перекладывает ответственность на другого.

Кроме того, тотальная прозрачность транзакций цифрового рубля для регулятора порождает дискуссию о соотношении публичных и частных интересов. С одной стороны, возможность отслеживания каждого цифрового рубля («маркирование» или «окрашивание» денег) является мощным инструментом противодействия коррупции и отмыванию доходов. Технология смарт-контрактов позволяет программировать цифровой рубль таким образом, что его можно будет потратить только на определенные цели (например, материнский капитал или субсидии). Как отмечает А.Б. Иванюженко, внедрение цифрового рубля позволяет реализовать принцип «социального казначейства» и обеспечить жесткий контроль за целевым использованием бюджетных средств, что особенно актуально для государственных контрактов и социальных выплат.

С другой стороны, возникает риск нарушения приватности финансовой жизни граждан и социального неприятия новой технологии. И.С. Молоканов обращает внимание на социальный аспект проблемы: недостаточная осведомленность населения и страх перед тотальным контролем могут затормозить внедрение технологии. Автор указывает на необходимость разработки механизмов мотивации населения, так как без доверия граждан проект рискует остаться невостребованным [14, С. 77]. Правовая система должна найти баланс между эффективностью государственного финансового контроля и конституционным правом граждан на неприкосновенность частной жизни.

Специфическим правовым вызовом является интеграция цифрового рубля в систему гражданско-правовых обязательств, не связанных напрямую с расчетами. Речь идет о вопросах наследования цифровых кошельков, раздела имущества супругов, обращения взыскания на цифровые рубли в рамках исполнительного производства. Законодательные поправки (Закон № 339-ФЗ) внесли изменения в процессуальное законодательство и закон об исполнительном производстве, определив порядок списания цифровых рублей по долгам. В семейном праве раздел «цифрового» имущества также может быть осложнен необходимостью идентификации активов, доступ к которым осуществляется через персональные устройства и биометрию, что требует разработки новых нотариальных и судебных процедур.

А.Б. Иванюженко, анализируя потенциал цифрового рубля в международных расчетах, указывает на возможность его использования для обхода санкционных ограничений. Однако автор скептически оценивает возможность широкого использования цифрового рубля нерезидентами недружественных стран в силу регуляторных барьеров и необходимости соблюдения национального законодательства стран-контрагентов. Правовым вызовом здесь является гармонизация российского законодательства о ЦВЦБ с законодательством странпартнеров (особенно стран БРИКС) и выработка механизмов разрешения споров в трансграничных цифровых расчетах.

Вопросы использования смарт-контрактов на платформе цифрового рубля пока урегулированы лишь рамочно. В.В. Пекарева отмечает, что электронная форма и механизм шифрования являются признаками цифрового рубля, обеспечивающими его гибкость и интеграцию с другими сервисами, что подтверждает необходимость гибкого правового регулирования, способного адаптироваться к технологическим новациям.

Риски финансовой стабильности также имеют правовое измерение. Если граждане массово переведут средства с банковских депозитов в цифровые рубли, банки лишатся дешевого фондирования, что может привести к росту ставок по кредитам. Для минимизации этого риска Банк России вводит лимиты на пополнение цифровых кошельков. Правовая природа этих лимитов – это административное ограничение права распоряжения собственными средствами в публичных интересах (обеспечение стабильности финансовой системы).

Выводы. Внедрение цифрового рубля – сложный процесс, затрагивающий основы финансового и гражданского права. Законодатель создал базовый каркас (Законы № 339-ФЗ, № 340-ФЗ, Положение № 820-П), определив новую валюту как безналичные средства на платформе ЦБ РФ.

Однако правоприменительная практика столкнется с существенными вызовами:

– разграничение ответственности за киберриски между оператором и участниками;

– защита приватности в условиях прозрачности транзакций для государства;

– адаптация институтов наследства и семейного права к новой форме активов;

– предотвращение рисков для конкуренции в банковском секторе.

Дальнейшее регулирование требует детализации защиты прав потребителей и правил использования смарт-контрактов. Как отмечает А.В. Осокин, отечественная гибридная модель пытается сбалансировать интересы государства и банков. Успех проекта зависит от создания правовой среды, гарантирующей доверие граждан, безопасность и удобство

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (Часть III). – Ст. 5766.

2. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (Часть III). – Ст. 5765.

3. Осокин, А.В. Правовые проблемы внедрения и функционирования цифровой валюты центрального банка / А.В. Осокин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № S9(121). – С. 14–22.

4. Пекарева, В.В. Дефиниция и правовая природа цифрового рубля / В.В. Пекарева, Ю.И. Фроловская // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 184–186.
5. Положение Банка России от 03 августа 2023 г. № 820-П (ред. от 12.07.2024) «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. – 2023. – № 58.
6. Цифровой рубль в России / С. П. Горячих, А. С. Жигарев, Ф. Е. Смирнов, М. С. Спеко // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 5. – С. 727–731.
7. Иванюженко, А.Б. Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля / А.Б. Иванюженко // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 1(19). – С. 23–36.
8. Середа, А.А. Правовая сущность и перспективы развития цифрового рубля в РФ / А.А. Середа, А.В. Борщевская // Наука и технологии: путь к устойчивому развитию. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 444–449.
9. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
10. Умербаева, М.М. Цифровой рубль в Российской Федерации: правовая сущность, признаки и перспективы / М.М. Умербаева // ИННОВАЦИОННАЯ ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ современной науки. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. – С. 126–130.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
12. Кобелев, Р.В. Цифровой рубль как новый объект гражданских прав / Р.В. Кобелев // Концепция развития частного права: стратегия будущего. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2024. – С. 122–126.
13. Зумакулова, З.А. Экономические и нормативные аспекты цифрового рубля в условиях цифровой экономики / З.А. Зумакулова, Б.А. Тарчоков, К.А. Абазов // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 9. – С. 20–24.
14. Молоканов, И.С. Основные проблемы развития цифрового рубля / И.С. Молоканов // Вестник Прикамского социального института. – 2025. – № 1(100). – С. 73–78.

УДК 664.6/ 664.87

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.В. Яцко, магистрант, факультета права и национальной безопасности
Н.В. Кулешова, канд. юрид. наук, факультета права и национальной безопасности
Сибирский институт управления (РАНХиГС,)
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе анализируется эволюция правового регулирования досрочного прекращения полномочий главы муниципалитета при переходе от Федерального закона № 131-ФЗ (2003 г.) к новому Федеральному закону № 33-ФЗ (2025 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность; глава муниципального образования; местное самоуправление; досрочное прекращение полномочий; утрата доверия; автономия муниципалитетов.

Введение. Конституционно-правовая ответственность является одной из важнейших гарантий реализации принципов демократического государства, обеспечивая подотчётность органов публичной власти обществу и соблюдение правовых норм. В сфере местного самоуправления данная ответственность проявляется, в том числе, в форме досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования (МО).

Институт главы МО – это связующее звено между населением и системой государственной власти. Его статус и механизм ответственности имеют не только административное или дисциплинарное, но и конституционно-правовое значение, так как затрагивают основы местного самоуправления, закреплённые в статьях 12 и 130-133 Конституции Российской Федерации [1].

Переход от Федерального закона № 131-ФЗ (2003 г.) к новому Федеральному закону № 33-ФЗ (2025 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» существенно изменил правовые основания досрочного прекращения полномочий главы МО. Однако эти изменения выявили новую проблему – усиление политической зависимости местной власти от органов государственной власти субъектов РФ, что противоречит принципу автономии местного самоуправления.

Постановка задачи. Цель исследования состоит в анализе эволюции правового регулирования досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования в контексте перехода от ФЗ № 131-ФЗ к новому ФЗ № 33-ФЗ. Для достижения цели необходимо выявить изменения в

основаниях и процедурах ответственности, определить их влияние на автономию местного самоуправления и степень централизации публичной власти. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод и изучение правоприменительной практики.

Методика и методология исследования. Методологическую основу работы составляет системный подход, позволяющий рассматривать институт досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования в совокупности его правовых, политических и организационных аспектов. В исследовании применяются формально-юридический метод для анализа нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод для сопоставления положений ФЗ № 131-ФЗ и ФЗ № 33-ФЗ, а также метод правовой интерпретации для выявления содержания правовых норм. Кроме того, используется аналитический метод для оценки влияния изменений законодательства на степень автономии муниципалитетов и баланс публичной власти.

Конституционно-правовая ответственность – это форма юридической ответственности, связанная с нарушением конституционных принципов, норм и обязанностей, установленных в сфере публичной власти. Она направлена на защиту конституционного строя, обеспечение легитимности и стабильности управления [5].

В отношении главы муниципального образования такая ответственность проявляется в виде досрочного прекращения полномочий, когда его действия или бездействие противоречат основным принципам публичной службы, требованиям закона или интересам населения. Данная мера носит публично-правовой характер, так как реализуется в системе отношений между органами публичной власти, а не частными субъектами.

Особое место среди таких мер занимает досрочное прекращение полномочий – юридический инструмент, позволяющий государству и обществу реагировать на недобросовестное исполнение обязанностей со стороны главы МО [6].

Проблема ответственности главы муниципального образования активно исследуется в отечественной науке. Учёные по-разному оценивают её характер и функции, но сходятся в том, что она должна быть не только наказательной, но и превентивной, обеспечивающей добросовестное исполнение публичных обязанностей.

Так, О.Ю. Устинова, кандидат исторических наук, отмечает: «После вступления в силу Федерального закона 2003 года наступление ответственности главы муниципального образования возможно только тогда, когда совершено правонарушение: невыполнение обязанностей, принятие незаконных актов и прочее» [9].

Это означает, что конституционно-правовая ответственность должна опираться на доказанные юридические факты, а не на политическую оценку деятельности должностного лица.

Ю.С. Смирнова подчёркивает, что ответственность главы МО – это не просто форма дисциплинарного воздействия, а «институциональный элемент муниципального права, включающий как положительный аспект (обязанности), так и негативный (санкции)». По её мнению, наличие четко прописанных мер ответственности усиливает легитимность муниципальной власти [7].

О.В. Степанова в статье «Муниципально-правовая ответственность» отмечает, что в новой правовой модели «отзыв как форма ответственности фактически утратил значение и заменён мерами досрочного прекращения полномочий по решению органов публичной власти», что свидетельствует о смещении акцентов от народного контроля к административному [8].

Эти позиции демонстрируют, что современная конституционно-правовая ответственность главы МО эволюционировала от народно-демократического механизма (через отзыв населения) к вертикально управляемому механизму ответственности, где доминируют государственные институты.

Статья 74 ФЗ № 131-ФЗ предусматривала, что глава муниципального образования может быть досрочно отстранён от должности: за нарушение законодательства или устава муниципалитета; за неисполнение полномочий; при утрате доверия населения (если это предусмотрено уставом); по результатам отзыва граждан [3].

Региональные законы и уставы муниципалитетов конкретизировали процедуру, что обеспечивало гибкость и самостоятельность, но порождало неравномерность практики и конфликты между уровнями власти.

Новый закон установил единый федеральный подход. Согласно ст. 21, 29 и 30 ФЗ № 33-ФЗ, полномочия главы МО могут быть прекращены досрочно в случаях: отставки по собственному желанию; утраты доверия Президента РФ; отрешения от должности субъектом РФ; удаления в отставку представительным органом [4];

Далее сопоставление ФЗ № 131-ФЗ и ФЗ № 33-ФЗ (рис1, 2, 3).

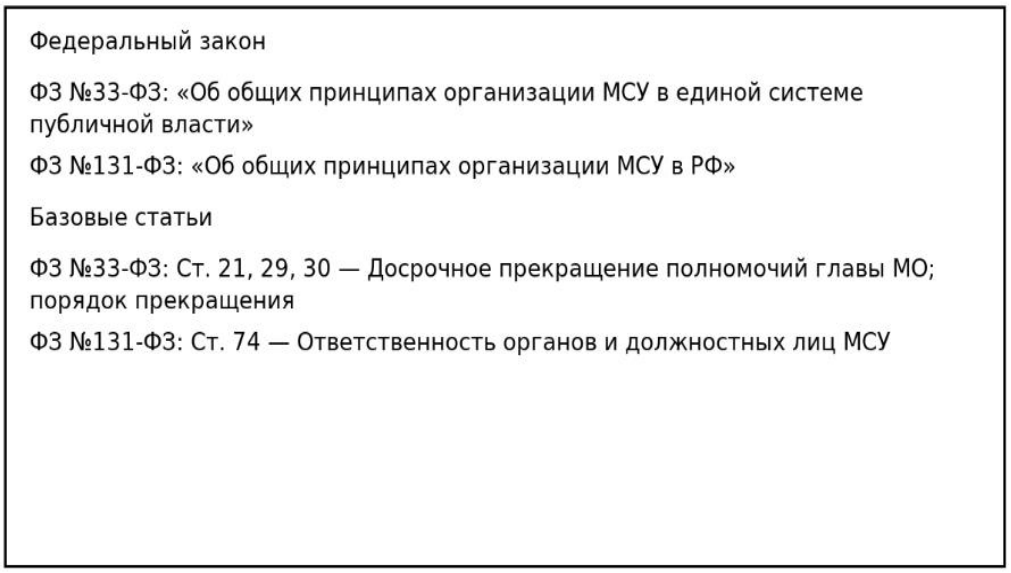

Рис.1. Сопоставление ФЗ № 131-ФЗ и ФЗ № 33-ФЗ в области досрочного прекращения полномочий главы МО

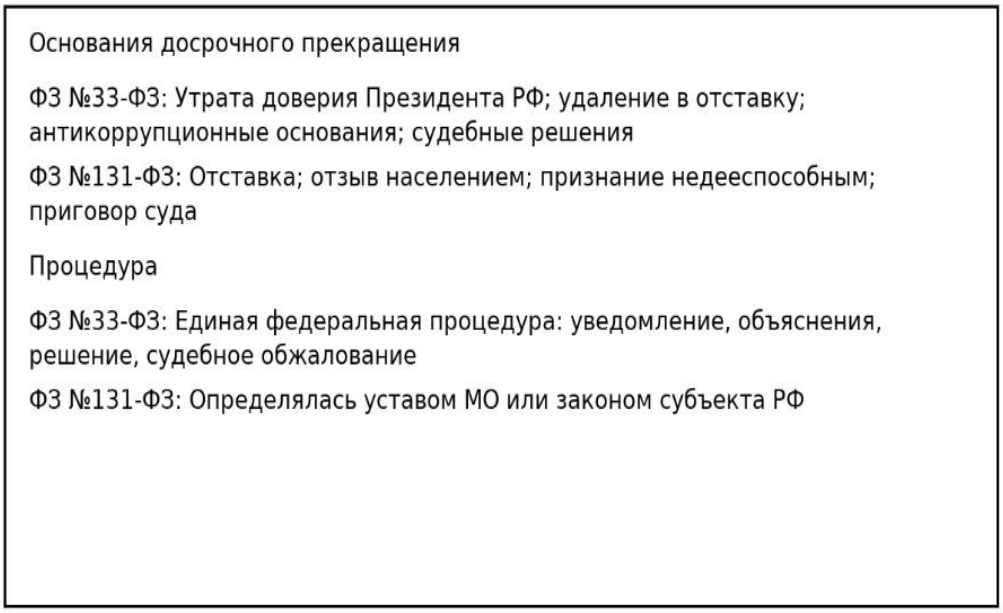

Рис.2 Основание досрочного прекращения полномочий главы МО в ФЗ № 131-ФЗ и ФЗ № 33-ФЗ

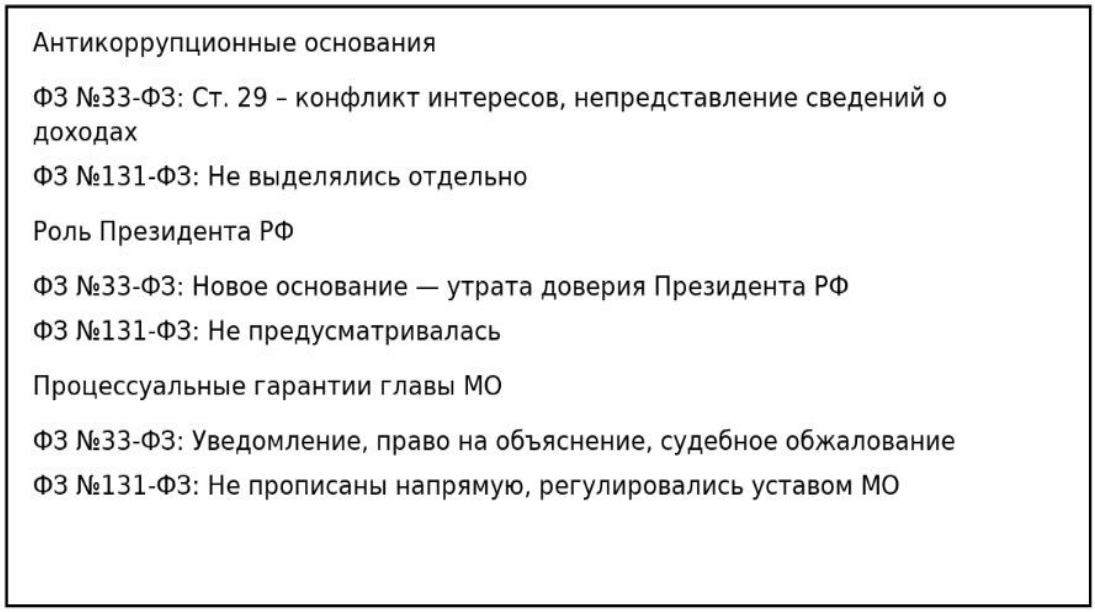

Рис.3. Антикоррупционные основания, роль Президента РФ, процессуальные гарантии в сфере досрочного прекращения полномочий главы МО

Несмотря на заявленную цель – унификацию и прозрачность, в действительности новая модель усилила централизацию и политизацию механизма ответственности.

Почему это является проблемой:

1. Противоречие принципу автономии местного самоуправления (ст. 12 Конституции РФ). Участие Президента и субъектов РФ в прекращении полномочий главы МО делает местную власть зависимой от государственной вертикали.
2. Неопределённость основания «утрата доверия». Закон не раскрывает критериев, при которых глава МО может утратить доверие Президента или субъекта, что создаёт поле для произвольного применения.
3. Формализация гарантий защиты. Хотя предусмотрено право на объяснения и судебное обжалование, решения о досрочном прекращении нередко принимаются до завершения процедур – по политическим мотивам.
4. Смещение баланса в пользу субъектов РФ. По сравнению с ФЗ № 131-ФЗ, роль представительных органов МО ослабла, что снижает демократическое участие населения.

Таким образом, современный механизм досрочного прекращения полномочий главы МО утратил черты конституционно сбалансированной ответственности и превратился в инструмент административного контроля.

Пути решения проблемы:

1. Юридическая конкретизация оснований утраты доверия Президента РФ. Внести изменения в ст. 21 ФЗ № 33-ФЗ, закрепив закрытый перечень оснований (например, нарушение антикоррупционных норм, грубое нарушение устава, нецелевое расходование бюджета).

2. Судебная проверка перед применением меры. Прекращение полномочий по основаниям «утрата доверия» и «отрешение от должности» должно вступать в силу только после подтверждения судом.

3. Усиление роли представительных органов МО. Вернуть требование о согласовании решения с муниципальным советом, представляющим интересы населения.

4. Публичность и прозрачность решений. Установить обязанность официального опубликования мотивировочной части решения об отставке и проведения общественного обсуждения.

Результаты. Проведённый анализ показал, что переход от ФЗ № 131-ФЗ к ФЗ № 33-ФЗ привёл к существенному изменению механизма досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования. Установлено, что новая модель ответственности стала более централизованной, поскольку ключевые полномочия по прекращению статуса главы МО переместились к органам государственной власти субъекта РФ и Президенту РФ, тогда как роль представительных органов муниципалитетов снизилась. Исследование выявило неопределённость основания «утрата доверия», что создаёт риски произвольного применения меры и усиливает политическую зависимость главы муниципалитета от государственных органов. Сравнительно-правовой анализ подтвердил, что в отличие от прежней системы, предусматривавшей участие населения и гибкость муниципальных процедур, новый закон унифицировал механизм ответственности, но одновременно сузил пространство автономии местного самоуправления.

Выводы. Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что реформирование механизма досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования привело к изменению баланса публичной власти в пользу органов государственной власти субъекта РФ и Президента РФ. Анализ нормативных нововведений показал, что введение унифицированной модели ответственности усилило централизацию системы, сократив самостоятельность муниципалитетов по сравнению с прежней правовой конструкцией, действовавшей в рамках ФЗ № 131-ФЗ.

Научная новизна исследования состоит в выявлении и обосновании тенденции к огосударствлению института ответственности главы МО, проявляющейся в расширении инструментов административного влияния и неопределённости основания «утрата доверия». Эти положения позволяют по-новому осмыслить конституционно-правовую природу ответственности муниципальных должностных лиц и определить её место в системе публичной власти.

Теоретическое значение работы заключается в уточнении содержания и границ ответственности главы муниципального образования, а также в выявлении противоречий между принципом автономии местного самоуправления и усиливающейся вертикалью государственного контроля.

Проведённый анализ также показал, что на сегодняшний день судебная практика, основанная на прямом и полном применении новых положений ФЗ № 33-ФЗ, остаётся недостаточно сформированной. Это связано как с недавним вступлением закона в силу, так и с длительным процессом формирования устойчивых судебных подходов к оценке таких оснований, как «утрата доверия Президента РФ» и нарушения антикоррупционных требований. Отсутствие достаточного количества прецедентов создаёт неопределённость в толковании ключевых норм и затрудняет выработку единообразных правоприменительных стандартов.

В этих условиях особую научную значимость приобретает систематический мониторинг правоприменительной практики, который позволит фиксировать первые судебные позиции и оценивать, насколько новые механизмы ответственности соответствуют конституционным принципам автономии местного самоуправления и баланса публичной власти.

Перспективы дальнейших разработок связаны с систематическим мониторингом правоприменительной практики, который позволит фиксировать первые судебные позиции и оценивать, насколько новые механизмы ответственности соответствуют конституционным принципам автономии местного самоуправления и баланса публичной власти. Таким образом, необходимость дальнейшего отслеживания и анализа судебных решений выступает не только перспективным направлением исследования, но и важным инструментом для совершенствования правового регулирования в данной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 25 декабря 1993г.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008.
3. Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003.
4. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025.

Научная и учебная литература

5. Авакьян, С.А. Конституционное право России. – 7-е изд. – М.: Норма, 2023. – 640 с.
6. Лапина, А.В. Правовые основы досрочного прекращения полномочий выборных лиц местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 33–40.
7. Смирнова, Ю.С. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – С. 88-97.

8. Степанова, О.В. Муниципально-правовая ответственность: современное состояние и тенденции развития // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2024. – № 2. – С. 12–21.
9. Устинова, О.Ю. Ответственность главы муниципального образования: правовые и исторические аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 7. – С. 45–52.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

1	**Акопьянц А.С.** Проблемы преобразования Сибири в мемуарах декабристов	3
2	**Амедова Н.Р.** Город Карасубазар в мемуарах Е. Горчаковой	8
3	**Антропова Т.Г., Кирюшин М.С.** Зинаида Николаевна Юсупова как культурный и благотворительный феномен российского дворянства конца XIX- начала XX века	12
4	**Байкалова В.Е.** Нарратив о космической гонке на страницах «Пионерской правды»: ключевые события для СССР 1957–1961 гг.	16
5	**Балахнин В.В.** О некоторых проблемных вопросах отечественной истории, поставленных в медийном пространстве современной России	21
6	**Балахнина М.В.** Народник Д.А. Клемец в сибирской ссылке	26
7	**Баранова П.Э.** Отражение экспансии дикого запада в речах президентов США	30
8	**Баринова Н.Г., Гордиенко О.Н.** Сельские женщины в годы Великой отечественной войны, как нравственный подвиг	35
9	**Богомолова А.В.** Репрезентации общественно полезной деятельности пионеров в советских диафильмах конца 1950-х – 1960-х гг.	40
10	**Власова П.Е.** Освоение целинных земель в западной Сибири на примере Новосибирской области: региональные особенности и общесоюзный контекст	44
11	**Денисов А.Е.** Трансформация гуморальной теории меланхолии в раннее новое время: Марсилио Фичино и Роберт Бёртон	47
12	**Дмитриенко И.А.** Роль В.И. Ленина в формировании внешней политики ЦК РКП(б) в октябре 1918 г.	54
13	**Дорохова А.М.** Арабо-Израильский конфликт	56
14	**Дудкина М.П.** Военно-санитарные поезда в воспоминаниях медиков – участников Великой отечественной войны	62
15	**Зубов В.Е.** Современные проблемы гуманитарной науки и состояние исследований истории государственной службы	67
16	**Климантова В.В., Кочкина А.В.** Роль музеев в сохранении исторической памяти о Великой отечественной войне на примере республиканского музея боевой славы г. Уфа	72

17	**Ковальская Н.А., Дмитриенко И.А.** Сравнительние и анализ римских погребений иудеев и ранних христиан	78
18	**Коровин А.А., Иващенко Е.Ф.** Государственные реформы середины XVI в. и их влияние на систему государственного управления	82
19	**Кривова Д.В.** Способы комплектования музейных фондов на примере тульских музеев в первое десятилетие советской власти	87
20	**Лозовская О.А.** Роль пионервожатого в воспитании юного кинозрителя в 1920-е годы	92
21	**Лосева Е.А.** Формирование антирыночного сознания советских граждан через призму газеты «Правда» в периоды «Сталинизма» и «Оттепели»	97
22	**Макаревич Е.А.** Эпоха дворцовых переворотов: роль гвардии и влияние фаворитизма на государственное управление	102
23	**Максимова А.А.** Влияние пандемии чумы в XIV веке на европейское развитие	105
24	**Маслова А.И.** Рудник Риддера – детище Российской империи: как открытие месторождений изменило жизнь казахского края	107
25	**Матвеева И.И.** Женщина в древней Руси: миф о теремном затворничестве и историческая реальность	112
26	**Мугаллимов Т.И., Табейкина Е.К.** Внедрение систем автоматики на российских промышленных предприятиях в 2000–2020 гг.	116
27	**Мязин В.А.** К вопросу о голодном экспорте в Российской империи	119
28	**Неустроева А.А.** Смутное время: первая гражданская война в России	127
29	**Нормайкин Е.В.** Переселенческий вопрос и земельные конфликты в Томской губернии в 1880-е гг. по материалам «Сибирской газеты»	131
30	**Онопко В.В.** Популизм в США: исторические предпосылки и современные тенденции	136
31	**Павлов К.В.** Дипломатический диалог Флоренции и папства в итальянских войнах: миссия Франческо Веттори на пизанском соборе	140
32	**Плаксин В.А., Першаков К.В.** Определение проблематики работ исследователей с источниками по дворянскому и крестьянскому сословию в период с конца XIX века по 1930-ые гг.	149
33	**Поварков В.Д.** Христианство – самая распространённая религия в мире	155

34	**Попов А.А., Соловьева В.В.** Авторитет позитивного права в Средневековье. университетская юридическая наука	157
35	**Рогачёв А.Н.** Освещение холокоста во время Нюрнбергского процесса на страницах советской печати на примере газеты «Правда»	163
36	**Салмина В.О., Хохлова В.А.** Семейные ценности в русской истории. Две Евдокии: Стрешнева и Лопухина. Первая и последняя царицы династии Романовых	169
37	**Силифанова Е.В.** Вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году: историко-политологический анализ	173
38	**Синеокий Я.В.** Алтайский край в годы Великой отечественной войны	178
39	**Синеокий Я.В.** Октябрьская революция 1917 года. Образ «нового человека» и революционная пропаганда	182
40	**Скляренко Н.С.** Ликвидация «слепой» безграмотности: образовательная революция среди незрячих как часть культурного прорыва 1920–1930-х гг.	187
41	**Солтагиреев Т.Б.** Значимость археологических исследований при реставрации исторических башенных сооружений России	193
42	**Степанова Е.В.** Русская идея. Сравнение с американским и советским мессианизмом	198
43	**Тригубович В.Е.** «Ледяной фронт» в период Великой Отечественной войны в контексте современных исследований	203
44	**Харлов Н.А.** Красный бандитизм в Сибири 1920-х гг. как проявление экстремизма и терроризма	212
45	**Чайникова А.О.** Дело Кочубея и Искры 1708 года: следствие петра I как инструмент политической расправы по материалам д.о. Серова	217
46	**Шмелев Д.Ю., Соловьева В.В.** Особенности права Японии. модернизация права Японии	223
47	**Чэнь Шуаншуан** Античная эстетика и христианская иконография: древнегреческие и римские художественные традиции в формировании русской иконы	229
48	**Эрлих В.А.** Сибирско-дальневосточные издания дореволюционного периода о коренных народах северной Азии: некоторые данные	235
49	**Эрлих В.А.** Сибирско-дальневосточные издания дореволюционного периода по археологии: статистика и тематика	243

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

50	**Балабанова Е.М.** Цифровая культура как вызов традиционной культурологии: проблема исследования, архивации и интерпретации	250
51	**Казакова И.Л.** Репрезентация повседневности в советской видео-рекламе	254
52	**Мухутдинов А.Р., Будько Е.А.** Культурная политика государства и ее влияние на развитие общества	260

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

53	**Грецова Д.Д.** «Русский стиль» в модных коллекциях XXI в.: мода и политика	263
54	**Королев П.А.** Образ России в работе Р. Ченслора «Книга о великом и могущественном царе России»: к идейным истокам русофобии	267
55	**Кузина К.А.** Трансформация женской рекламы в России	273
56	**Свечкарёв В.Г.** Социальная проблема молодежной наркомании в современном обществе	281
57	**Фаренник Ю.Ф.** Молодежь и выборы: как повысить электоральную активность?	286

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ

58	**Анисина Н.В., Никитина А.Н., Булыгина Д.А., Давыдова У.Д.** Речевые ошибки в современной русской устной спонтанной речи: анализ на материале шоу сообщества «Импроком»	290
59	**Анисина Н.В., Кондрашова О.А.** Слова финно-угорского происхождения в современном русском языке	296
60	**Губанов С.А.** Эпитетация волны в поэзии М. Цветаевой	300
61	**Корчагина А.В.** Лингвопоэтический анализ художественного текста: от теории к практике (на материале прозы М. Степновой)	304
62	**Маматова М.М.** Особенности семантической структуры концептов страх и қўрқув в русской и узбекской языковых картинах мира	309
63	**Никифорова А.А.** Латинские и греческие элементы в ветеринарной терминологии	313

64	**Павлычева Л.А.** Применение современных технологий в процессе изучения иностранного языка и культуры в учреждениях среднего профессионального образования	319
65	**Панькова М.А.** Проблемы формирования культуры речи в студенческой среде	324
66	**Ражаматов А.Т., Латыпова Ю.А.** Влияние социальных медиа на формирование языковой идентичности современных подростков	329
67	**Сорокина И.С.** Устная монологическая речь как фактор личностного и профессионального развития студентов СПО	333
68	**Тищенко И.В.** Роль литературы в сохранении и развитии русского языка	337
69	**Чипизубова Д.А., Санду Ю., Нижанковская С.Ю., Ковалева Н.Е.** «Культура отмены» в лингвистическом измерении: как язык обвинений и оправданий формирует реакцию аудитории	340
70	**Шарафутдинова Л.Т.** Роль журналистов и СМИ в культурной политике России	351
71	**Шишкина Т.А.** Юридическая терминология в программе высшего образования по направлению «Юриспруденция»	357
72	**Щербакова А.Н., Царева Э.Ю., Селиванова Е.А., Гарифуллина А.А.** Языковая провокация в Digital-рекламе российских брендов	366

ФИЛОСОФИЯ

73	**Алексушин Г.В.** Влияние трехмерности рабочего пространства историка на качество и объективность анализа исторических процессов	373
74	**Альшевская В.В.** Архитекторы реальности: три ступени посвящения в тайну мирового господства	377
75	**Асмеева А.Ф., Липатова О.А.** Нравственна ли природа человека?	384
76	**Бабаева Д., Шохрадова Д.Ш.** Роль междисциплинарного мышления в формировании инженера будущего	389
77	**Блескин Д.А.** Влияние искусственного интеллекта на равенство образовательных возможностей	391
78	**Богрянцева П.В.** Теория систем в трансформации концепта «идеология» и теория стратегических нарративов	397
79	**Бреев С.В.** Проблема формирования инженерного мышления в условиях информационного общества	402
80	**Бушуева М.А.** Взаимовлияние языка и менталитета в русской цивилизации	409

81	**Быданов В.Е., Овчинникова В.Л.** Культурно-историческая память этносов как основание идентичности и устойчивости нации в эпоху глобализации	414
82	**Быков Д.И.** Добросовестность и справедливость: диалектическая взаимосвязь в теории права	421
83	**Газизов Р.Д.** Проблема авторства и креативности в эпоху генеративных нейросетей	426
84	**Деревянченко Ю.И.** Средний класс в эпоху глобальных трансформаций	431
85	**Драгун А.С.** Использование искусственного интеллекта для повышения эффективности корпоративного обучения	435
86	**Дрёмов В.С.** Проблемы подготовки преподавателей к работе с искусственным интеллектом (ИИ)	441
87	**Думбадзе В.Б.** Категория «Культура» в социально-философском дискурсе	445
88	**Думбадзе Т.Б.** Этический императив в эпоху искусственного интеллекта: к новой парадигме устойчивого развития	449
89	**Жуков А.К.** Искусственный интеллект как инструмент поддержки принятия решений в профессиональной деятельности	453
90	**Журавлев А.В.** Будущие вызовы в подготовке педагогов в условиях технологического развития	458
91	**Кадлубинская П.В.** Философский дискурс в творчестве Леонида Андреева: между рецепцией и мифотворчеством	464
92	**Калинин Д.Н.** Этносоциальная идентичность как ключевой фактор общественной стабильности в поликультурном обществе	469
93	**Кац Е.Е.** Философия творческого субъекта И.Г. Фихте	476
94	**Коновалов А.В.** Любовь в исламе: социально-философский анализ	481
95	**Коноплева В.К.** Влияние искусственного интеллекта на развитие творческих способностей студентов	488
96	**Кумсков С.Д.** Влияние искусственного интеллекта на успеваемость студентов	494
97	**Купцова С.А.** Выход за стены класса: обращение к муралам города Новосибирска при организации патриотического воспитания учащихся	501
98	**Левченков В.В.** Обобщение в предмете нескольких составляющих как одна из музыкально-творческих способностей младших школьников при обучении песочной анимации во внеурочной деятельности	505
99	**Ли Ян** Исследование механизмов реализации социальной справедливости в практике развития Китая	512

100	**Лукьянов Н.Е., Петрин М.Е.** Дискурс-анализ дефиниции понятия «историческая память» в рамках современного философского дискурса	517
101	**Люй Линчжи** Восточная «пустота» и западное «равновесие»: концепции пространства в абстрактном искусстве сквозь призму разных философских традиций	523
102	**Мезенова В.Ю.** Анализ мотивации студентов с помощью ИИ-инструментов	533
103	**Митяев Е.М.** Прогнозирование академической успешности с помощью искусственного интеллекта	536
104	**Мухаряпов С.В.** Будущее преподавателя в эпоху искусственного интеллекта	544
105	**Новоселов С.Л.** Проблемы интеграции ии в традиционные образовательные практики	547
106	**Норкина В.М.** Проблема развития критического мышления при активном использовании искусственного интеллекта	551
107	**Ораев Г.А., Шохрадова Д.Ш.** Развитие философского мышления в подготовке инженеров: союз науки и гуманизма как ключ к устойчивому развитию	557
108	**Пастухова А.В.** «Философия земледелия», основоположники российского направления	559
109	**Перепечаенко Ю.В.** Проблема самостоятельности при выполнении учебных заданий с помощью ИИ	564
110	**Попова А.Ю.** Перспективы внедрения ИИ в высшее образование в России и за рубежом	569
111	**Свистильник Т.В., Максимов М.В.** Применение искусственного интеллекта для формирования персональной образовательной траектории	573
112	**Степанова Е.В.** Русская идея. Сравнение с американским и советским мессианизмом	578
113	**Тройнин Д.А.** Роль ИИ в автоматизации рутинных профессиональных задач	583
114	**Тютюник О.С.** Образовательный кредит как феномен современной философии образования: между инвестицией в будущее и социальной ответственностью	588
115	**Уско И.А.** Обучение систем искусственного интеллекта на образовательных данных: возможности и риски	594
116	**Филина А.Д.** Философия античности	599
117	**Хлыновская С.А.** Культура имеет значение: генезис проблемы в миросистемном подходе	602
118	**Черных С.И.** Изменение субъектности ученого в эпоху искусственного интеллекта	608

119	**Чжан Лусинь** Культурно-психологические механизмы профессиональной мотивации учителей в Китае и на западе	612
120	**Шилкина М.В.** Профессиональная компетентность преподавателя в контексте использования ИИ	616
121	**Шустов С.А.** Философия физической активности детей и молодежи в системе государственного образования, как социальная основа здоровье сбережения	621
122	**Щедеркина М.Р.** Феномен «бик айбат кеше», или феномен очень хорошего человека, в концепции Э.Р. Мулдашева	626
123	**Щупленков Н.О.** Философские основы качества образования	630
124	**Щупленков О.В.** Роль критического мышления в философии образования	635

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

125	**Абакумова Е.Б.** Правоприменительная проблематика регулирования государственного налогового контроля предпринимательской деятельности	642
126	**Абдулхамидов А.Б.** Личность рецидивиста: факторы формирования и превентивные меры	646
127	**Андреева Е.А.** Детерминанты и условия становления исламской модели государственного управления	650
128	**Антропов Р.В.** Гражданско-правовое регулирование в эпоху киберфизеческих систем: контуры современной цивилистики 4.0	657
129	**Бахарева О.А., Яровенко В.С.** Особенности использования электронных доказательств в гражданском процессе	663
130	**Бисерова В.Н.** Уголовно-правовая оценка понятия «публичная демонстрация» как квалифицирующего признака преступления	666
131	**Буслаева В.А.** Дискуссионные аспекты применения электронного документооборота в гражданском процессе: преимущества и недостатки	672
132	**Вавилин М.В.** Юридическая теория патриотизма: основные положения	677
133	**Власов Е.В.** Административно-правовые аспекты разграничения полномочий органов публичной власти в сфере противодействия экстремистской деятельности	685
134	**Гайворонский Р.М., Исабеков Т.И.** Субъекты административных правоотношений: эволюция правового статуса	689

135	**Гнусарев А.С.** Упрощённая процедура несостоятельности физических лиц: результаты применения и перспективы развития института	695
136	**Григорьев В.И.** История становления теории юридической невозможности исполнения обязательства в отечественном праве: генезис развития	701
137	**Достовалов С.А.** Подписка адвоката о недопустимости разглашения данных предварительного расследования – несовершенство законодательства или правоприменительной практики?	706
138	**Достовалов С.А.** Некоторые проблемы толкования понятия предпринимательской деятельности	711
139	**Жуланова Д.А.** Сравнительно-правовой анализ способов управления многоквартирными домами в Российской Федерации и Китайской Народной Республике	717
140	**Иванов Д.А., Кузнецова М.Г.** К вопросу развития рынка органической продукции	723
141	**Калинина С.Н., Конева У.В.** Защита прав граждан в административном судопроизводстве	727
142	**Карасева Д.С., Эльдеева М.В.** Правовой статус цифровых объектов, созданных ИИ без участия человека	731
143	**Кузьменко А.Ю.** Концептуальное переосмысление вины как основания ответственности железнодорожного перевозчика за несохранность груза: предложение по реформированию ст.796 ГК РФ и ст.95 УЖТ РФ	736
144	**Лапа А.С.** Современные проблемы административного надзора как меры постпенитенциарного контроля: практика применения и пути совершенствования	742
145	**Маковская П.Н.** Проблемные вопросы использования систем искусственного интеллекта в юридических исследованиях	746
146	**Мальцева Е.Ю.** Студенческий абсентеизм как вызов избирательной системе: поиск социальных и правовых решений	750
147	**Маргушева Д.А., Краснихина Е.В.** Проблемные аспекты определения применимого права при трансграничном наследовании в странах СНГ	757
148	**Мардиева Э.Р., Давлетова А.Ф.** Проблемы судебно-психологической экспертизы в оценке состояния аффекта	763
149	**Матиящук С.В., Жукова А.Н., Агибалова А.П.** Защита права собственности граждан на жилые помещения при сносе ветхого и аварийного жилья	767

150	**Мирошниченко М.А.** Злостное уклонение от отбывания ограничения свободы: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации	771
151	**Навасардян Д.Т., Машарова В.А.** Электронное правосудие в административном процессе	775
152	**Назарова М.А., Птушаненко М.О.** Продажа земельных участков из государственной и муниципальной собственности: процедурные гарантии законности и антикоррупционные механизмы	781
153	**Настюшкина М.П.** Оспаривание активного и пассивного отказа должника от приватизации жилья	784
154	**Нестеренко А.В.** Проблемы разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа	788
155	**Новиков Д.О.** Юридическая терминология в эпоху цифровизации: обзор отечественной и зарубежной практики	795
156	**Овчинникова Д.Д.** Незаконная вырубка лесов в России: эколого-правовой анализ и правовые пути решения данной проблемы	800
157	**Олейников О.В.** Конституционно-правовое регулирование культурного суверенитета и исторической памяти в Китайской Народной Республике	807
158	**Пантюхина А.И.** Злоупотребление процессуальными правами при использовании видеоконференц–связи в гражданском судопроизводстве	813
159	**Петрова С.А., Гранкина Ю.М.** Правовые основы признания безвестно отсутствующими и объявления умершими участников специальной военной операции: сравнительный анализ с общим порядком, предусмотренным гражданским законодательством	817
160	**Плотникова Д.М.** Особенности нормативно-правового регулирования перемещения валюты физическими лицами в ЕАЭС	821
161	**Подлесных С.Н.** К вопросу о компетенции палат уголовного суда в губерниях российской империи I-й половины XIX в.	826
162	**Байкуш В.И., Пушкарева В.В.** Обзор конституционной системы России в результате поправок 2020 года	831
163	**Пшеничников А.А., Земский Н.Д.** Музыка как объект интеллектуальных прав: теоретические и практические аспекты защиты	837
164	**Рахмонова Д.У.** Роль исламского права в централизации арабского халифата: от проповеди пророка к имперской администрации	843

165	**Рябова Д.А.** Сравнительный анализ составов легализации (отмывания) преступных доходов по уголовному праву России (ст. 174.1 УК РФ) и Китая (СТ. 191 УК КНР)	847
166	**Савкина К.М.** Особенности нормативно-правового регулирования при перемещении отходов в ЕАЭС	851
167	**Свирин О.Д.** Повышение государственной пошлины как фактор ограничения права на судебную защиту	854
168	**Свирин О.Д.** Проблемы реализации имущества в процедурах банкротства при наложении ареста в уголовном процессе	859
169	**Свирин О.Д.** Проблема правового положения имущества, арестованного в рамках уголовного судопроизводства, при пересечении с процедурой банкротства	865
170	**Свирин О.Д.** Правовая природа статуса арбитражного управляющего в контексте взаимодействия частного и публичного права	870
171	**Селивенко Д.А.** Юридическая ответственность перевозчика за задержку/ отмену полета	876
172	**Сергеева Д.Д., Украинцев А.Р., Мурашкин И.Ю.** Проблемы применения мер прокурорского реагирования при выявлении правовых актов, противоречащих закону	881
173	**Симонов Ф.Е.** Правовой анализ функционирования рынка электроэнергетики в странах ЕАЭС	886
174	**Слонов Д.С.** Правовые модели реализации полномочий арбитражного управляющего при консолидированном банкротстве предпринимательской группы	891
175	**Соловьева В.Е.** Обзор исследований качества жизни студенческой молодежи	897
176	**Соловьева В.Е.** Соотношение судейского усмотрения и внутреннего убеждения	901
177	**Спасова М.А., Донгак Ш.И., Землянская Н.И.** Анализ современных законодательных и банковских инструментов защиты граждан Российской Федерации от преступлений в сфере мошенничества с использованием информационных технологий	904
178	**Степанова В.В.** Модельное законодательство СНГ об обращении с отходами производства и потребления и его влияние на российское законодательство	909
179	**Текканат М.А., Половникова Д.И.** Влияние длительных сроков лишения свободы на личность осужденного и перспективы его реинтеграции в общество: социально-психологический анализ феномена тюремзации	913
180	**Черныховский И.А.** Учёт элементов имущественного комплекса предприятия: правовые аспекты	918

181	**Чернякова М.М., Морозова Т.Ю.** Правовая оценка применения цифровой трансформации в органах государственной власти	924
182	**Шевко Н.Р., Гамидзаде Д.Р.** Правовые основы налоговой политики России 1920-х годов	930
183	**Шилов Ю.В.** Некоторые аспекты административно-правового противодействия кибербуллингу среди подростков	934
184	**Яковлев Д.И., Бегиев А.Э., Кузин С.Н.** Правовые вызовы цифрового рубля	940
185	**Яцко М.В., Кулешова Н.В.** Конституционно-правовая ответственность: досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования	947

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

сборник всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции

(г. Новосибирск, 11–12 декабря 2025 г.)

Ответственный за выпуск: А.В. Пастухова

Печатается в авторской редакции

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Гарнитура XO Thames, Формат 60×84 1/8
Уч.-изд. л. 61,1. Усл. п. л. 121,1.

Издательский центр «Золотой колос»
Новосибирского государственного аграрного университета
630039, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, каб. 106.
Тел. (383) 267-09-10, e-mail: 2134539@mail.ru